ΜΥΡΙΟΒΙΒΛΙΟΝ
Византия и ее окружение

Серия:
Исследования

Византийский Херсон

(вторая половина VI — первая половина X вв.)

Том II

Часть I

Университет Дмитрия Пожарского

MYPIOBIBΛION
Византия и ее окружение

Серия:
Исследования

Том II

Университет Дмитрия Пожарского

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Н. КАРАЗИНА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ УКРАИНЫ

Университет Дмитрия Пожарского

С. Б. СОРОЧАН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА X вв.)

Очерки истории и культуры

Часть I

Университет Дмитрия Пожарского
МОСКВА
2013

Редакционный совет:
Академик НАН Украины П.П. Толочко (председатель), член корреспондент НАН Украины С.Д. Крыжицкий, профессор Дж. Картер, д.и.н., профессор О.Р. Бородин, д.и.н. Г.Ю. Ивакин, д.и.н. В.М. Зубарь, д.и.н., профессор С.Б. Сорочан, д.и.н., профессор А.И. Романчук, д.и.н. А.С. Русяева, д.и.н., профессор А.В. Сазанов, к.и.н. Л.В. Марченко (зам. председателя), к.и.н. Г.М. Николаенко, к.и.н. Л.В. Седикова (секретарь)

Редакционная коллегия:
Г.Ю. Ивакин (отв. редактор), А.П. Моця, О.Р. Бородин, В.М. Зубарь, Л.В. Марченко, Л.В. Седикова, А.В. Домановский (отв. секретарь)

Рекомендовано к печати Учеными советами Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Института археологии НАН Украины и Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Сорочан С. Б.

С 65 Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Часть I / Харьков—Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. — 600 с. : ил. — (Византия и ее окружение).

ISBN 978-5-91244-077-9
ISBN 978-5-91244-080-9

Данная книга посвящена истории и культуре Херсонеса Таврического в античную и средневековую эпоху, издание было задумано Институтом археологии НАН Украины и Национальным заповедником «Херсонес Таврический». В ней рассматриваются разные стороны политической, административной, социальной, экономической жизни, материальной и духовной культуры херсонитов в период раннего средневековья (вторая половина VI — первая половина X вв.), когда город входил в состав Византийской империи и вместе с тем находился в непростых отношениях с другими сопредельными народами, в частности, с готами, аланами, тюрками, росами, могучей, загадочной Хазарией.

Прочитав это исследование, можно обнаружить, что некоторые прежние положения начинают смотреться по-новому. В частности, предлагается видеть в Таврике византийско-хазарский кондоминиум, а в Херсоне лояльный ромейский центр, весьма далекий от самоуправления. Значительное внимание в монографии уделено поискам проявления византийских церковных обрядов в жизни города и уточнению его топографии, урбанонимов, агоронимов. При этом предлагается новая, иногда неожиданная интерпретация ряда памятников.

Будучи фундаментальным обобщающим научным трудом, книга сохранила полемичность, занимательность, доступность и яркость изложения, которые сочетаются с последними достижениями науки. Поэтому она может быть адресована не только специалистам, историкам, археологам, но и всей культурной общественности, интересующейся средневековой историей Украины и России. В немалой степени этому помогает наличие в книге приложения, в котором помещены комментированные переводы наиболее ценных, интересных для истории раннесредневекового византийского Херсона письменных источников, выходивших в редких, а потому труднодоступных для широких кругов читателей академических изданиях.

© С.Б. Сорочан, Н.А. Алексеенко, К.Э. Гриневич, А.В. Иванов
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
© Дизайн макета серии и верстка: М.В. Григоренко
© Художественное оформление серии: Е.А. Горева

ISBN 978-5-91244-077-9
ISBN 978-5-91244-080-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 3

ГЛАВА 1. Свидетельства прошлого. Виды и общее состояние 69

ГЛАВА 2. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках..... 142

ГЛАВА 3. Деловой город. Экономическое развитие Херсона во второй половине VI–VII вв. 201

ГЛАВА 4. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум?..... 279

ГЛАВА 5. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики 346

ГЛАВА 6. Другой Херсон. Экономическое развитие в VIII в. 394

ГЛАВА 7. Рождение фемы 427

ГЛАВА 8. Государственный статус Херсона и «призраки самоуправления» 507

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача создания новой, обобщающей, фундаментальной, концептуальной академической работы по истории раннесредневекового Херсонеса, или Херсона, как его с VI в. называли византийцы, которым принадлежал город, относится к числу назревших и весьма актуальных. Достаточно заметить, что издание крупного последнего аналогичного проекта — монографии А.Л. Якобсона — произошло в 1959 г. Поэтому проблема уже давно стоит на научной повестке, но до сих пор даже известные специалисты, много лет занимающиеся историей Херсонеса, такую работу не предпринимали. Ее пробным опытом можно считать эту книгу, аккумулировавшую накопленные знания, разворачивающую панораму жизни херсонитов в самых разных ее проявлениях, от хозяйственных до культурных, причем в тесной увязке с тем, что происходило не только в Крыму, но и на просторах Евразии, в Византийской империи и в сопредельных с ней странах, прежде всего в Тюркском каганате, Хазарии, загадочной Леведии, Печенегии и на Руси. Такая всеохватность и вместе с тем глубина являются следствием методики автора, верного и цивилизационному подходу, и приемам исторической антропологии, «социальной психологии» в решении намечаемых научных проблем, перечень которых будит исследовательское воображение.

Монография изобилует целым рядом новых, достаточно аргументированных положений, уточнений, позволяющих пересмотреть некоторые старые, противоречивые взгляды, заблуждения, теории, и вместе с тем выдвигает новые предположения, которым, в свою очередь, еще предстоит проверка временем. Среди них следует отметить установление с помощью опоры на археологические источники трудноуловимого terminus ante quem для составления Слова о семи священномучениках епископах Херсонских; отказ от признания утери Византией позиции в Таврике в постюстиниановское время, в VII в.; объяснение массового общественного и жилого строительства, обнаруживаемого повсеместно на всей территории Херсона во второй половине VI — начале VII в., комплексом причин, среди которых важнейшей могла стать необходимость ликвидировать последствия катаклизма, вероятно, серии сейсмических толчков, нанесших серьезный ущерб городу в конце 550-х гг.; указание на отсутствие зависимости Херсона от поставок сельскохозяйственной продукции из-за моря уже к началу VIII в. и возобновление, рост этой зависимости со второй половины — конца IX в. вследствие изменения этнополитической

ситуации в Причерноморье; предложение видеть в Таврике не «Крымскую Хазарию», а совместное византийско-хазарское кондоминатное владение, которое просуществовало с конца VII в. до конца 30-х гг. IX в.; отказ от признания в кладке «в елку», издавна известной на территории Крыма, показателя культурной и тем более этнической принадлежности ее строителей исключительно к населению салтовского круга, тюркам или хазарам; последовательный пересмотр представлений об упадническом, кризисном облике Херсона в «темные века» во всех проявлениях городской жизни; установление связи организации византийской фемы на территории Крыма около 840 г. с предшествующими изменениями, которые происходили как в Таврике, так и в евразийском регионе и конкретно в самой Романии с последней трети VIII в.; уточнение даты (лето 787 г.) и характера восстания Иоанна Исповедника как превентивного проромейского выступления, рассчитанного на приостановление возможной оккупации Крымской Готфии Хазарским каганатом и на признание Константинополем легитимности здешнего епископства; воссоздание истории и периодизации административного устройства Херсона от дуката к архонтии и затем к феме и освобождение этой истории от навязываемого почти двухвековой историографией «призрака» самоуправляемого, вольного города, всячески отстаивавшего независимость от имперских поползновений Византии; пересмотр представления о прекращении функционирования херсонского загородного некрополя во второй половине VII — первой половине IX в. и попытка взглянуть на гробничное дело глазами самих херсонитов той поры; оценка состояния города и его окрестностей во второй половине IX в., которая заставляет усомниться в свидетельствах письменных источников, рисующих положение горожан как неких «обитателей тюрьмы»; установление грани между раннесредневековым и средневековым периодами истории Херсона, ее привязка к 40-м гг. X в. и высокая оценка степени влияния Византии в Таврике в это время.

Немало внимания в работе, сильной своей аналитической частью, глубоким синтезом, уделено слабо изученной исторической топографии раннесредневекового городища, позволяющей воскресить места существования некоторых известных по письменным источникам общественных сооружений херсонитов, установить ряд урбанонимов и агоронимов. Топографический и систематический метод, принятый в христианской археологии, предполагает сочетание, сопоставление письменных и архитектурно-археологических источников, чему неизменно следует автор, одинаково профессионально владеющий теми и другими. Следует подчеркнуть, что это не очередная «опись» или перечень руин, своеобразный «мартиролог» разнотипных христианских храмов, а обобщенное исследование пространственно-архитектурной динамики и литургической жизни города в наименее изученный и наиболее спорный период его существования. Использование обширного комплекса источников позволяет прийти к принципиально важному выводу о сравнительно высоком уровне провинциального византийского строительства в VII–IX вв., которые принято трактовать как «период упадка». Прочие разнообразные материалы, выразительно рисующие разные стороны жизни провинциально-византийского

города и всего края, тоже указывают на то, что краски эпохи были отнюдь не только темными.

Книга является одним из итоговых томов по истории Херсонеса и продолжает не имевшую прецедента серию научных работ об этом памятнике мирового уровня, издание которых было задумано Институтом археологии НАН Украины и Национальным заповедником «Херсонес Таврический»[1]. Разумеется, ни одна монография не способна вместить все о предмете своего исследования. Тем более если «предмет» этот не исследован до конца и хранит в каменных руинах, покоящихся на площади около 30 гектаров, еще множество тайн и открытий. Читателю предлагается скорее серия исследовательских очерков, спаянных одной идеей и целью – проследить основные стороны проявления жизнедеятельности херсонитов в окружавшем их непростом, переменчивом, грозном и по-своему счастливом мире, который далекие потомки нарекут эпохой «темных веков». При этом еще раз надо подчеркнуть, что главное внимание в книге уделяется пересмотру ряда устоявшихся, но устаревших, сомнительных положений, взамен которых предлагаются новые, во многом оригинальные версии, позволяющие, как кажется, увидеть не только более ясный, многогранный облик византийского Херсона, но и новые стороны общей исторической концепции раннесредневековой Таврики, которую не стоит торопиться объявлять уже созданной и которую еще предстоит создавать.

Особо следует отметить прилагаемую к работе «Антологию письменных источников», представляющую комментированную выборку из труднодоступных широкому читателю переводов более 25 важнейших и разнообразных памятников (исторические сочинения, хроники, жития святых, материалы церковных синодов, трактаты, послания высокопоставленных византийцев, евреев и хазар). С их помощью пытливый читатель сможет самостоятельно проверить те или иные утверждения исследователей, а главное, получит шанс полнее и глубже постичь историю Херсона и Крыма VI–X вв., услышать со страниц древних рукописей заветный «шорох времени».

Член-корреспондент НАН Украины,
профессор А. П. Моця

[1] См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры/ А.О. Владимиров, Д.В. Журавлев, В.М. Зубарь и др. – Харьков: Майдан, 2004. – 731 С.

Нет Истины. Есть только истины.
Альбер Камю

ВВЕДЕНИЕ

ВЕХИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПУТИ

Первые же строки о раннесредневековом византийском Херсоне воскрешают в памяти нечто мрачное и таинственное, нечто «зимнее», что вообще долгое время, и не только на обыденном, но и на вполне профессиональном уровне, связывали с понятием Высокого Средневековья. Уже Гилберт Кийт Честертон писал о «долгих чарах сурового и бесплодного времени, которое мы зовем Темными веками»[2]. Так называли и ныне называют большой период истории, приходящийся на VII–IX столетия. Он действительно слабо изучен и во многом неясен. Используя образ, предложенный Н. Бердяевым, это была «ночная эпоха истории». Но чем пристальнее и дольше вглядываешься в ее мрак, тем яснее проступают сквозь него обломки былой жизни и тем более поражает их величие, кипение страстей, накал борьбы, стремление выстоять, приспособиться к рождению полного тревог, нового сурового мира, которое пронизывает всю раннесредневековую Романию. Частица Великой империи — Херсон, херсониты тоже жили в самой гуще отнюдь не бесплодных событий тех лет. Это было ИХ ВРЕМЯ, и для них оно было переменчивым, трудным, порою, может быть, тяжелым, но никак не темным. Таким оно станет только в представлении далеких потомков, нас с вами. Как знать, правы ли мы?

Сомнения в справедливости такого подхода вполне оправданны и посещают все большее число специалистов, указывающих на «темные века» как на эпоху невероятной интеллектуальной силы, увлекательного диалога между варварскими цивилизациями, римским наследием и служившими им приправой восточнохристианскими идеями; эпоху, когда постепенно вырисовывался образ нового человека[3]. К примеру, невозможно не согласиться со следующим заявлением: «И формационный, и много других принципов периодизации грешат явной телеологичностью, стремлением представить современность венцом исторического развития, к которому

[2] *Честертон Г.К.* Вечный Человек/Пер. с англ. – М., 1991.
[3] *Эко У.* Средние века уже начались//Иностранная литература. – 1994. – №4. – С. 260–261.

будто бы шел весь общественный процесс. Ныне же все больше утверждается взгляд на историю как на самодостаточную в каждой своей точке. Иными словами, общество приобретает в каждую эпоху приблизительно столько, сколько и теряет — все дело в этом "приблизительно". История общества — это история его самопревращения, причем каждый момент можно рассматривать как конец очередного превращения и начало следующего. Поэтому по большому счету не существует "потерянных поколений», "пропавшего времени» и т. п. Минорно акцентированные истории средневековья являются историографическими мифологемами, в целом далекими от действительности»[4]. Впрочем, с учетом такой методически верной поправки тем более нелегко определиться с хронологическими рубежами, в рамках которых следует вести исследование.

Споры вызывает уже сам момент точки отсчета истории раннесредневекового Херсона. В источниках такой поворот прорисовывается не сразу и бывает трудно ощутить, как ломается время. Даже для далеких потомков это знание приходит постепенно, и уж тем более им не обладают современники. Обычно античный период существования города исследователи завершали IV или V веком, подразумевая тем самым, что далее следовали иные времена, с иными историческими параметрами. Однако, как известно, в Восточной Римской империи традиции античного общества угасли, да и то не полностью, только к VII в. Давняя часть этого греко-римского мира, Херсон едва ли опережал социально-экономические, общественные, духовные, ментальные, во многом континуитетные процессы, шедшие в метрополии. В начале правления Юстиниана I (527–565) это был все еще античный в своей основе город, в котором даже христианство еще не утвердилось как единственно возможная, неоспоримая религия, а литургика только начала восприниматься в своей канонической, имперской форме. Изучение культурных слоев и стратиграфии городища свидетельствует, что Империи пришлось пойти на значительные траты и усилия, чтобы во второй половине — конце VI в. материализовать эту победу новой идеологии в виде строительства крупных базиликальных христианских храмов, других культовых сооружений, которые к началу VII в. выкристаллизовались в модель топографии провинциального христианского византийского города, бесповоротно изменили облик Херсона в сторону классических средневековых черт. Можно сказать, что только тогда херсониты окончательно вступили в эпоху официозного храмового благочестия, а их город стал центром малого паломничества. Тогда же изменилась политическая обстановка в Крыму, вылившаяся в 50–60-е гг. VI в. в создание византийского дуката, грандиозное по меркам эпохи оборонительное строительство на подступах к «столице» края и победную для Империи конфронтацию с воинственными пришельцами — алтайскими тюрками и их праболгарскими союзниками. Создание определенной системы крепостей-убежищ тоже оказалось новым, прежде неизвестным для античной эпохи явлением. Все это удалось выяснить сравнительно недавно, но именно эти новые данные заставляют искать

[4] *Федака С. Д.* Політична історія України – Русі доби трансформації імперії Рюриковичів (XII століття). – Ужгород, 2000. – С. 6–7.

ускользающую, условную грань, окончательно разделившую античный и раннесредневековый Херсон в середине — третьей четверти VI в., в конце правления Юстиниана I, и при трех его ближайших преемниках (Юстине II, Тиверии Константине и Маврикии Тиверии).

Противоположный хронологический «полюс» эпохи найти еще более трудно, ибо он почти не улавливается в материальной и духовной культуре собственно херсонитов. Можно говорить лишь об определенных изменениях в этнической ситуации на полуострове в целом, прежде всего о завершении процесса складывания некой единой крымской народности, исчезновении носителей салтово-маяцкой культуры, появлении новых переселенцев с Кавказа и утверждении в крымских степях, по крайней мере под Перекопом, кочевников — печенегов, или пачинакитов, как называли их византийцы. Все это совпадает с утверждением позиций Романии в Таврике, ее новым подъемом, и приходится на первую половину — середину X в.[5]

В свою очередь, время с середины VI до середины X в. может быть поделено на три этапа, которые отличаются друг от друга не столько существенными изменениями в социально-экономической и культурной жизни населения, сколько сменой политической обстановки. Начало первого этапа совпадает с последними десятилетиями правления Юстиниана I, при котором Херсон окончательно принял облик провинциального христианского города, центра епархии и дуката с налаженным, регулярным выпуском мелкой имперской монеты и трансформацией городского совета в чиновную структуру. Завершается он с появлением хазар в Таврике в конце VII в. и складыванием тогда же нового статуса города. Второй этап истории Херсона был связан с существованием особых византийско-хазарских отношений на крымской земле, которые почти окончательно исчерпали себя к концу первой трети IX в. Создание византийской фемы в Юго-Западной Таврике взамен прежнего, «контактного статуса» этих территорий знаменовало отсчет третьего этапа, завершившегося после всех треволнений долгожданным укреплением позиций Византии на территории Крымского полуострова к 40-м гг. X в. Таковы, на мой взгляд, хронологические рубежи, внутри которых мы можем говорить о собственно раннесредневековом Херсоне, причудливых, подчас таинственных поворотах его судьбы, удивительно цепко вплетавшихся в историю величайших держав и народов мира. Именно судьбоносность этого города заставляет многократно отвлекаться от него самого и обращать взор на широкую панораму его окружения, выходившую далеко за «домашние» пределы Юго-Западного Крыма.

Накопленные за два столетия, начиная с 1827 г., херсонесские материалы, их многочисленные старые и еще более многочисленные новые интерпретации, поправки, особенно полученные за последние десятилетия настойчивым трудом исследователей, позволяют стряхнуть долгие чары ложных представлений. Замечу, что по иронии все той же истории воз-

[5] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* В поисках грани: Terminus ante quem раннесредневекового Херсона// Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2002. – №566. – Історія. – Вип. 34. – С. 45–55.

двигались эти чары отнюдь не объективными историческими данными, а скорее их субъективным толкованием целой плеядой историков, добросовестно и беззаветно трудившихся над поисками истины. Весьма мало удалось увидеть сразу, с наскока, перебирая и систематизируя пласты не столько археологических, сколько письменных источников, которые поначалу выглядели даже более обильными, чем первые. Мысль наша «блуждает как бы в потемках, тщетно истязуя себя догадками», — с печалью констатировал известный русский филолог и славист Виктор Иванович Григорович, оставивший глубокие «намеки» относительно раннесредневекового Херсона, полные предчувствий будущих открытий и озарений[6].

Первый и наиболее яркий пример тому — сверхобъемный двухтомный труд митрополита всех римско-католических церквей в России, архиепископа Могилевского Станислава Богуша-Сестренцевича (1200 страниц ин-октаво), изданный за границей в 1800 г. на французском языке, а в 1806 г. переведенный с этого издания на русский язык с посвящением императору Александру I, вернувшему автора из длившейся несколько лет опалы[7]. Монументальное сочинение было написано по желанию князя Григория Александровича Потемкина, который в 1774–1791 гг. был генерал-губернатором Новороссийского края и, готовясь к посещению Крыма императрицей Екатериной II, предпринимал меры к ознакомлению общественности с новоприобретенными землями. Сам С. Богуш-Сестренцевич дважды, в 1784 и 1787 гг., посетил их[8]. Но основным источником сведений для него стало фундаментальное знание письменных памятников, всего массива сочинений античных и средневековых авторов. Один из основателей ООИД, его секретарь (1839–1874) и вице-председатель (1875–1883) Н.Н. Мурзакевич нисколько не преувеличивал, когда отметил, что книга по «ее новизне, эрудиции, обратила на себя внимание всего образованного мира»[9].

В этом плоде 15-летних усилий оказалось слито поразительное очарование глубокого знания первоисточников и вместе с тем хаотичное

[6] *Григорович В.* Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях. – С. 1001; ср.: *Григорович В.* Заметки о Солуни и Корсуни. – Одесса, 1872.

[7] *С. Богуш-Сестренцевич* (1731–1827, по другим данным 1743–1825), сын шляхтича Виленской губернии, происходил из литовских дворян кальвинистского исповедания. Получил образование во Франкфуртском университете, знал языки, состоял на военной службе, потом был приглашен воспитателем детей князя Радзивилла, в доме которого перешел в католичество. Служил настоятелем в Гомеле и Бобруйске, каноником в Вильне, а потом был возведен в сан епископа- суффрагана. После присоединения Белоруссии к России императрица Екатерина II, лично познакомившись с ним, в 1773 г. назначила его епископом Белорусским. В 1782 г. Богуш-Сестренцевич оказался возведен в сан архиепископа, а император Павел I присвоил ему титул митрополита всех римско-католических церквей в России. Вражда со стороны папской курии и интриги иезуитов привели к тому, что в 1800 г., как раз когда появилась его «История Тавриды», Богуш-Сестренцевич был выслан из Санкт-Петербурга, но уже в начале царствования Александра I был возвращен на свой пост и назначен председателем римско-католической духовной коллегии (*Мурзакевич Н.* Архиепископ католический Станислав Сестренцевич-Богуш // ЗООИД. – 1875. – Т. 9. – С. 339–342; Христианство/Под ред. С. С. Аверинцева и др. – М., 1993. – Т. 1. – С. 291).

[8] *Даниленко В.Н., Даниленко А.В.* О начальном периоде в истории изучения Крыма // Пантикапей–Боспор–Керчь – 26 веков древней столице: Материалы междунар. конф. – Керчь, 2000. – С. 160–162; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) – СПб., 2002. – С. 40.

[9] *Мурзакевич Н.* Архиепископ католический... – С. 339. О Н.Н. Мурзакевиче см.: *Маркевич А.И.* Состав императорского Одесского общества истории и древностей в 1839–1901 гг. // ЗООИД. – 1902. – Т. 24. – С. 104.

нагромождение «всякой всячины», ничем не отличающееся от компиляции классического средневекового хрониста, чьей путеводной, едва ли не единственной, нитью была смутно понимаемая хронологическая последовательность описываемых событий, к тому же почти исключительно из области политической истории. Сумбурная структура с множеством повторов особенно портит впечатление, но при всем том созданный высокообразованным прелатом цельный очерк истории Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. стал существенным вкладом в дело изучения раннесредневекового Херсона и, как теперь становится ясно, поневоле предопределил некоторые последующие оценки жизни этого византийского города[10].

Его историю Богуш-Сестренцевич начинает с «покровительства» Юстиниана I, который, в соответствии с данными трактата Прокопия «О постройках», укрепил город. Все последующие исследователи в течение более полутора столетий будут столь же буквально, не критически обращаться к этому лишь отчасти справедливому утверждению и пытаться увязать с ним пик строительной активности херсонитов. Верные догадки чередовались с ошибками и дальше. Так, осаду тюрками города он отнес, в соответствии с данными Менандра Протиктора, к 582 г., причем заметил: «...обстоятельства их предприятия подают повод думать, что усилия их (тюрков. — *С. С.*) были направлены более на Херсонес Фракийский», — принципиально важное наблюдение, к сожалению оставшееся незамеченным и потому не внесшее коррективы в представление о словах византийского историка как о факте, якобы действительно имевшем место[11].

Говоря о тяготах римского папы Мартина I, оказавшегося в Херсоне в VII в., Богуш-Сестренцевич полагал, что, если исходить из содержания писем ссыльного, «он окончил свою жизнь в каком-либо другом бедственном месте Херсонеса Фракийского или Понтийского, как тогда называли Таврию, а не в Херсонесе»[12]. Причем это интуитивное и неожиданное на первый взгляд предположение, могущее объяснить многие противоречивые показания Мартина, поселенного в изгнании, вероятно вне города, историк строил, как ни парадоксально, лишь на отчасти правильной посылке о том, что херсониты не могли столь бедствовать, ибо «отпускали множество хлеба» и «не отправляли никакой соли». Таким образом, здесь сработал устойчивый «эффект гипноза» известий античных авторов о понтийском хлебе, отправляемом в Грецию и Рим, и отсутствие сведений о соляных озерах и соледобыче в окрестностях города, что удалось уточнить гораздо позже[13].

Блок подробно разбираемых сведений о взаимоотношениях Юстиниана II Ринотмета, хазар и херсонитов был построен единственно на пересказе

[10] История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. – СПб., 1806. – Т. 1. – Кн. 6. – С. 317–335; Т. 2. – Кн. 11–12. – С. 94–129 (пер. с франц. издания: Histoire du Royaume de la Chersonese Tauruque. Histoire de la Tauride. – Brunswick, 1800. – Vol. 1 – 2).

[11] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 318.

[12] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 319.

[13] См.: *Кадеєв В.І.* Соляний промисел в пізньоантичному Херсонесі (I – IV ст. н.е.) // Археологія. – 1961. – Т. 13. – С. 89; Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. – Харьков, 1994. – С. 66–72.

не очень внимательно воспринятых Никифора и Феофана, отчего продолжительность ссылки экс-императора ромеев в Херсоне была определена в четыре года, которые ссыльный, оказывается, провел в монастыре (sic!). Верно указав, что Юстиниан бежал, спасая свою жизнь, «в Дорию, находящуюся во владении Готфов», а не хазар, Богуш-Сестренцевич отметил, что уже оттуда беглец отправился к «Бузыресу царю Хазарскому». Объективности ради следует заметить, что здесь впервые прозвучало восстановленное по редкому византийскому источнику, константинопольской «Краткой исторической хронике» второй половины VIII — первой четверти IX в., имя державного визави экс-василевса — Ивузира Глиавана, или Глиавана Хазара, более нигде не известное, но и оно прошло без внимания перед взором последующих историков, обратившихся к нему едва ли не через 150 лет[14]. В кн. 11, посвященной хазарам и их политике в Таврике с 679 г. по 894 г., автор еще раз идентифицирует хагана, оказавшего помощь Юстиниану, с «Бузиром», «прозванным Глиабаром или Главарем по славянски», и тут же рождает миф, которому окажется суждено стать со временем неким постулатом, благодаря своей давности уже как бы и не нуждающимся в доказательстве. Суть утверждения состояла в том, что готы «держались» в Херсоне, Боспоре и других городах Таврики, принадлежавших Империи, но «не взирая на сие платили дань казарам», которым вплоть до последних лет IX в. принадлежала верховная власть на полуострове[15]. Мало того, хаган принял Юстиниана в неком мифическом «Хеландии, своем местопребывании близ Боспора», а Фанагорию дал в приданое за свою сестру, выданную за экс-императора. Вдобавок Богуш-Сестренцевич ошибся в сроках последующих событий, когда посчитал, что послы василевса Тиверия Апсимара прибыли к хагану с требованием выдачи Юстиниана, «едва сей союз (хагана и экс-императора. — *С. С.*) был заключен»: на самом деле беглец до этого уже несколько лет скрывался в Фанагории[16]. Видимо, отсюда проистекает и неверная датировка возвращения василевса на трон с помощью болгар, что произошло не в 701 г., а на четыре года позже.

Необъяснимое заблуждение относительно господства хазар в Таврике проглядывает и в ничем не подтверждаемом рассказе о том, что хаган после посылки византийского карательного флота против Херсона якобы укорял Юстиниана II за то, что тот начал войну «в его областях»[17]. Зато архонта — тудуна, бывшего в Херсоне накануне событий 711 г. «от лица хагана», Богуш-Сестренцевич превратил в «протевона Дуноса» (в другом месте — Дюноса), херсонского протополита Зоила — в «вельможу знатного происхождения», а остальных 40 протевонов и «мужей известных», отправленных в Константинополь после первой карательной экспедиции, — в «градоначальников», хотя таковыми, да и то с натяжкой, были два десят-

[14] *Каждан А.П.* в сотрудничестве с *Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 396–401; ср.: *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. – Princeton, 1954. – P. 173, n. 12; *Moravcsik G.* Byzantiniturcica. – Berlin, 1958. – Bd. 2. – S. IX, 136.
[15] История царства Херсонеса... – Т. 2. – С. 101, 110–111.
[16] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 321.
[17] История царства Херсонеса... – Т. 2. – С. 103.

ка простатевонтов неких местных кастра, полисм и областей-архонтий[18]. Командующего этой экспедицией он губит в октябрьском шторме во время возвращения флота и тут же фантазирует по поводу каких-то наскоро построенных херсонитами укреплений, которые они якобы возвели против очередного карательного десанта византийцев. Царского дорифора и спафария Илью (Илию), назначенного Юстинианом II архонтом Херсона, Богуш-Сестренцевич производит в бывшего начальника императорских телохранителей и явно путает с опальным Варданом, поскольку считает, что Илья отбывал ссылку в Кефалинии, тогда как на самом деле это касалось будущего узурпатора[19]. Отправку к хагану 300 ромейских воинов, предводителями которых неожиданно оказываются не ромейские власти и турмарх Христофор, а «Дюнос» (тудун. — *С. С.*) и «вельможа» Зоил — «изменники отечества» (?), он трактует как «выдачу» и объясняет стремлением херсонитов доказать свою преданность хазарам[20].

Если следовать логике автора, тогда надо признать невозможное: власти города заранее знали, что тудун — к слову, отнюдь не изменник, а скорее пострадавший на службе хагану — умрет в дороге и все ромейские воины будут принесены ему в жертву сопровождавшими хазарами.

Союз Льва III Исавра через династический брак его сына Константина с дочерью хагана Богуш-Сестренцевич оценил не как блестящий ход византийской дипломатии, вынужденной искать союзника для борьбы с арабской угрозой далеко за пределами Империи, а как доказательство упадка, слабости византийского государства[21]. Впрочем, это не помешало ему тут же признать, что политика в отношении хазар доставила Романии спокойствие более чем на век. Как ни странно, с этой же политикой он связывает то, что называет «Херсонесской республикой», которая, по его мнению, «обязана была слабыми остатками своего существования хазарам»[22]. Так произошло рождение еще одного устойчивого историографического мифа о «самоуправляемом», «вольнолюбивом», «республиканском» средневековом Херсоне, ревниво и упорно оберегавшем свои полисные традиции вековечной давности.

Именно одновременным союзом с Империей и хазарами Богуш-Сестренцевич объясняет, почему херсониты и их «республика» не отказали василевсу Феофилу и хазарам в помощи в строительстве крепости Саркел на Дону «против россиян и печенегов»[23]. Причину образования византийской фемы в Крыму он видел не в объективном изменении былого равновесия сил, соперничавших на полуострове, а в субъктивном

[18] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 324. Этот пресловутый «протевон Дунос», сочиненный Сестренцевичем, будет долго потом фигурировать в пересказах других исследователей, обращавшихся к событиям правления Юстиниана II (ср.: Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 249).

[19] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 325.

[20] История царства Херсонеса... – Т. 2. – С. 103–104.

[21] История царства Херсонеса... – Т. 2. – С. 105.

[22] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 328.

[23] В другом месте Богуш-Сестренцевич объясняет упрочение союза Империи и хазар при Феофиле печенежской опасностью и считает эту опасность главной, не учитывая, что печенеги в качестве грозной силы показали себя гораздо позже (История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 329; Т. 2. – С. 106, 120).

факторе — интригах посланца василевса, Петроны Каматира, ненавидевшего якобы существовавшее «республиканское правление» и обиженного по поводу неких «неудовольствий», которые претерпел во время пребывания в городе[24]. Историка не смутило, что подобное утверждение никак не увязывается с фактом огромной реальной помощи, которую «республиканские» власти Херсона незамедлительно предоставили интригану — спафарокандидату в деле осуществления царского повеления. Любопытно, что, датируя строительство Саркела 834 г., Богуш-Сестренцевич отнес создание херсонской фемы к 840 г., тем самым предвосхитив результаты некоторых современных разработок этого вопроса, хотя их авторы даже не упомянули забытого «первооткрывателя»[25]. Другое дело, что без каких-либо объяснений он простер территорию этой фемы до совершенно фантастических размеров, включив в нее «все города греческие в Таврии и Зихии, подвластные императору до р. Кубани», хотя, по его же противоречивому заявлению, они платили дань хазарам[26]. Выдуманная дань тоже надолго поселится на страницах херсоноведческих штудий.

Примечательно, что, как и многие после него, Богуш-Сестренцевич изобразил все эти события как уничтожение «остатков образа республиканского правления в Херсоне, постановя волю императора вместо свободного избрания граждан»[27].

Миссию Константина Философа к хазарам автор не критически связывал с вымышленной, ничем не подкрепляемой просьбой хагана прислать ему священников для обращения своих подданных в христианскую веру и относил это событие к 858 г., хотя житийный источник — Слово на перенесение мощей преславного Климента — ясно указывает на 30 января 861 г. (3 февраля — по григорианскому календарю для IX в.) как время пребывания Константина в Херсоне — транзитном пункте на пути в Хазарию[28]. В связи с участием посланца императора и патриарха в обретении и перенесении мощей св. Климента в Херсон родилась версия о связях мрамороломен, в которые был отправлен на работу ссыльный римский епископ, с Инкерманом, по поводу чего в книге было написано с обычной безапелляционностью: «место сие есть мыс близ Инкермана, на конце Севастопольской гавани»[29].

Уже А.Л. Бертье-Делагард, писавший в 1891 г. в Одессе свои «Раскопки Херсонеса», заметил в комментарии: «Приурочение легенды о св. Клименте к Инкерману кем-либо ранее Сестренцевича мне неизвестно,

[24] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 3 30.
[25] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 330; см.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 312–323; *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 23–30; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 689–700.
[26] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 331.
[27] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 331.
[28] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 332; ср.: Слово на перенесение мощей преславного Климента // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 127; Legenda Italica. Vita cum Translatione S. Clementis // Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. – СПб., 1871. – P. 221, § 3.
[29] История царства Херсонеса... – Т. 1. – С. 295.

хотя я тщательно разыскивал первого автора этого предположения»[30]. Тем не менее мысль высокоученого прелата была подхвачена и к середине XIX в., времени восстановления Инкерманской киновии, стала настолько априорной, что монастырь получил имя не св. Георгия, какое заслуживал, а св. Климента[31].

Не меньше внимания, чем хазарам, Богуш-Сестренцевич уделил печенегам, появление которых в Крыму отнес почти на полстолетия раньше срока, ко второй половине IX в., причем отметил их поселение «на границах Херсонесской республики», несмотря на то что выше сам же констатировал исчезновение этой пресловутой «республики» в связи с организацией фемы в 840 г.[32] Здесь же впервые появляется растиражированная впоследствии на все лады мысль о том, что печенеги сделались «делопроизводителями», «разносчиками», «комиссионерами» херсонитов, то есть стали посредниками в торговых операциях последних с Хазарией, Россией, Зихией и другими «мало отдаленными областями», а также делается неуклюжая попытка интерпретировать приводимый Константином Багрянородным перечень товаров, который будут с теми или иными вариациями повторять все последующие исследователи средневекового Херсона[33]. При этом в него попали не только шелковые ткани, пояса, воск, действительно фигурирующие в источнике, но и «багрянец», тонкие, вышитые узором сукна, ожерелья, горностаевые опушки, перец и даже «леопардовые кожи». История с херсонским стратигом Иоанном Вогой и организацией им призвания печенегов на Дунай для участия в военных действиях на стороне ромеев тоже оказалась искажена настолько, что Вога из патрикия превратился в патриарха[34].

Богуш-Сестренцевич верно заметил, что «варвары, покорявшие Таврию попеременно, редко владели нагорной частью оной, лежащую к юго-западу; узкие проходы, неприступные горы принуждали их останавливаться на равнинах, находящихся при выходе»[35]. Тем не менее собственное справедливое наблюдение не помешало ему считать печенегов единственными хозяевами всей территории Крыма и, следовательно, городских пунктов полуострова, к контролю над которыми они в действительности были индифферентны. Он писал: «...гордый Херсон, наполненный своими богатствами, не токмо не считал их варварами, как многих других народов, но уважал и боялся их, потому что они господствовали в Таврии»[36]. Усиление здесь византийского присутствия к середине X в. им было не замечено, впрочем, как и некоторыми современными исследователями[37].

---

[30] *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 62, прим. 1.

[31] Краткое описание Инкерманской Киновии и Древнего Ее Храма в новооткрытой Таврической епархии. – М., 1861. – С. 22; Крестный путь св. Климента: Рим–ХерсонеС. – Севастополь, 2001. – С. 16; Сомов Л. Камни... преткновения? // Слава Севастополя. – 2002. – 1 декабря (№225). – Л. 3.

[32] История царства Херсонеса... – Т.1. – С. 333; Т.2. – С. 120–121.

[33] История царства Херсонеса... – Т.1. – С. 333; Т.2. – С. 121, 129.

[34] История царства Херсонеса... – Т.2. – С. 124.

[35] Там же. – С. 122.

[36] Там же. – С. 128–129.

[37] Ср.: *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 678–679.

Таким образом, католический прелат заложил истоки того прочтения раннесредневековой истории Херсона, которые надолго определили трактовку многих ее сторон. Сам того не подозревая, он расставил точки так, что его заключения оказались не просто направляющими, программными, но сыграли своеобразную роль шор для идущих вслед. Перенесенные в последующие работы, они продолжали жить самостоятельно, уже без оглядки на своего «отца-основателя».

К числу подобных обобщающих исследований относится очерк известного нумизмата барона Бернгарда Васильевича Кёне (1817–1886), который тоже лег в основу «тезисов», развиваемых другими исследователями, и оказал концептуальное влияние[38]. Как и в случае с фундаментальным трудом Богуша-Сестренцевича, даже некоторые ошибки, допущенные Б.В. Кёне, превратились в своего рода окончательные данные, которые стали кочевать из работы в работу. Как и в предыдущем случае, очерк касался главным образом политической истории, изложенной в хронологической последовательности («От основания города до Римского владычества», «Римско-Боспорский период», «Византийский период»), однако нехватка сведений письменных источников и отсутствие глубокого анализа археологических материалов, собранных к тому же в ходе случайных, не систематических раскопок, предопределили отрывочность изложения, в котором порой зияли хронологические цезуры в сто и более лет.

Рождение византийского Херсона автор связывал с формально-юридическим моментом — разделом Римской империи в 395 г., согласно которому Таврика вместе с восточными провинциями досталась императору Аркадию. Насколько известно, никто больше не обратил внимание на это предложение — время и обстоятельства вхождения города в состав Империи до сих пор остаются предметом научного поиска[39].

В работе Б.В. Кёне, как правило, повторяются наблюдения, уже попадавшие в поле зрения Богуша-Сестренцевича, причем с теми же выводами. Это и содействие, оказанное Юстинианом I Херсону в строительстве укреплений, и взятие тюрками Боспора в 575 г., и осада ими Херсона «в то же время», да еще с прибавлением, что город спасся не иначе как «при помощи стен, построенных Юстинианом». Правдоподобность самой осады не ставилась под сомнение.

Существенным новым вкладом исследователя явился анализ обнаруженной в 1803 г. строительной надписи 590 г. с упоминанием Евпатерия, стратилата и дуки Херсона, однако «буквалистский», неосмысленный под-

[38] *Кёне Б.* Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. – СПб., 1848; *Кёне Б.* Дополнения к исследованиям об Истории и древностях города Херсониса Таврического // Записки СПб. Археолого-Нумизматического общества. – СПб., 1850. – Т. 2. – С. 263–276; *Кёне Б.* Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. – 1855. – Ч. 88. – Ноябрь. – С. 110–132; Декабрь. – С. 170–221 (отд. отт. – С. 1–73).

[39] Ср.: *Белов Г.Д.* Херсонес-Корсунь. – Л., 1969. – С. 34; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. – Харьков, 1981. – С. 36; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. – К., 1998. – С. 165–166; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: Политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 118–123; *Храпунов М. І.* Адміністрація Херсона напріканці IV–VI ст. // Археологія. – 2000. – №1. – С. 57–67; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.–VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 520–530.

ход к интерпретации текста важного эпиграфического памятника вылился в представление о Евпатерии как об императорском «рабе», возвысившемся на государственной службе.

Б.В. Кёне лишь упомянул об изгнании римского папы Мартина I в Херсон, фактически устранясь от комментариев ценных писем ссыльного, причем ошибочно датировал их, как и саму херсонесскую ссылку папы, 653 г., а не 655 г., что, впрочем, трудно ставить ему в вину, ибо последнее удалось установить гораздо позже, почти через 70 лет[40].

История с Юстинианом II, его ссылкой в Херсон, бегством, перепетиями возврата трона кратко и, может быть, поэтому в целом верно, без излишней путаницы была пересказана лишь по источникам — Феофану Исповеднику и Никифору. Здесь Б.В. Кёне одним из первых предпринял попытку локализовать «страну Дори» в Крыму и установить этимологию ее названия. По его мнению, это была «небольшая земля», отданная готам Юстинианом I, которая находилась между Севастополем и Симферополем и получила свое название «...или от леса, покрывавшего ее, или от древнего Евпатериона, ее столицы»[41]. Если с первым объяснением еще можно согласиться, то второе представляется совершенно фальшивым, как и отождествление территории Дори с климатами — «северной ветвью гор Тавриды»[42]. Плодотворная мысль увидеть и в том и в другом соответствующие местные административно-территориальные единицы еще очень долгое время не посетит исследователей[43].

О хазарах Б.В. Кёне пишет, что, несмотря на возрастающее их могущество, Херсон «сохранял, кажется, свою независимость». Но «мало-помалу» хазары покорили всех крымских готов, «несмотря на храбрую защиту их при епископе Иоанне», которую он отнес почти на полстолетия раньше срока — к 740 г.[44] Следовательно, предвзятое мнение, а по сути дела, заблуждение об установлении господства Хазарии на территории Крымского полуострова и тут взяло верх над трезвыми первыми сомнениями, посетившими исследователя, вообще склонного, как отмечали рецензенты, к не совсем удачному и полезному пристрастию бездоказательно «рубить гордиевы узлы» и «тоном, непринятым скромными учеными», часто и неуместно осуждать кого-либо[45].

В том же духе были построены дальнейшие рассуждения о строительстве Саркела как укрепления против печенегов, что не помешало, не при-

[40] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 45; ср.: *Peitz W. M.* Martin I und Maximus Confessor. Beitrage zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645–668 // Historisches Jahrbuch. – München, 1917. – Bd. 38. – Hft. 3. – S. 436–440.

[41] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 45.

[42] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт). – С. 54.

[43] Ср.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 312–323; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 689–700.

[44] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 49.

[45] См.: Мурзакевич Н. [Рец.] // ЗООИД. – 1848–1850. – Т. 2. – С. 705–709 (*Кёне Б.* Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. – СПб., 1848. – 281 С., VIII табл., 2 плана); *Мурзакевич Н.* [Рец.] // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 974–977 (Описание Музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике Греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора киммерийского. Сочинение Б. Кёне. – СПб., 1857. – Ч. 1. – VIII, 452 С., VII табл.; Ч. 2. – 420, XXI С., 21 табл.).

няв во внимание указаний Сестренцевича, отнести это событие из истории византийско-хазарских отношений к началу IX в. и при этом трактовать его как ловкий демарш василевса Феофила, воспользовавшегося просьбой хагана, чтобы «...присоединить к своей империи Херсон, отделившийся от нее около 120 лет»[46], то есть, надо понимать, в конце VII или начале VIII в., когда в Крыму появились хазары. Царского посланца Петрону Каматира Б.В. Кёне называет то шурином Феофила, то отцом, хотя ни то ни другое не имеет под собой оснований. Причем после всего делает неожиданное заявление, противоречащее его предыдущему заключению: «...город не зависел от хазар и всегда считался принадлежностью Византии». В итоге выходило нечто невообразимое — даже «отделившийся» Херсон продолжал оставаться византийским!

Появление в местном денежном обращении многочисленных медных монет с аббревиатурой МВ Кёне, после некоторых сомнений, одним из первых предложил считать относящимся к недолгому совместному правлению Михаила III и Василия Македонянина в 866/867 г., и это мнение неколебимо держалось среди специалистов до тех пор, пока В.А. Анохин, обратив внимание на обилие таких монет, слишком большое для одного года выпуска, не счел возможным интерпретировать буквы как указание на одного «Михаила василевса» и, таким образом, логично приблизить границы выпуска ко времени создания фемы[47].

Период правления Василия I (867–886), то есть конец IX столетия, Б.В. Кёне справедливо считал удачным и спокойным, в том числе для Херсона, хотя не пытался отказаться от идеи хазарского господства в Крыму, мало того, даже видел хазар «на верху своего могущества». Убийство херсонского стратига Симеона он связывал с войной Льва VI Мудрого с болгарами и без объяснений относил к 891 г., хотя враждебные действия болгарского царя Симеона (893–927) последовали только с 894 г., а поражение ромеев при Булгарофигоне случилось еще на два года позже[48]. Несмотря на это, ошибочная дата 891 г. надолго, вплоть до настоящего времени, утвердилась в историографии вместе с неубедительной мыслью о том, что херсониты убили своего стратига «для приобретения свободы»[49]. Не насторожила глухая оговорка самого Б.В. Кёне, что обстоятельство этого возмущения, судя по умолчанию источника, «было неважно».

---

[46] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 50.

[47] *Кёне Б.В.* Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. – С. 148; *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 51; ср.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). – К., 1977. – С. 113–115.

[48] См.: *Цанкова-Петкова Г.* Първата война между България и Византия при цар Симеон възстановяването на българската търговия с Цариград // Известия на Института за история. – 1968. – Т. 20. – С. 188; *Златарски В.Н.* История на Българската държава през средните векове: В 3 т. – София, 1972. – Т. 1. – С. 30; *Ангелов Д.* История на Византия 867–1204. – София, 1974. – Ч. 2. – С. 62; *Kazdan A.A.* Boulgarophygon // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 317.

[49] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 51; ср.: *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. – М., 1991. – С. 117; Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 82.

Торговля Херсона в первой половине X в. была описана на основе данных Константина Багрянородного, однако и здесь не обошлось без курьезов неправильно понятой терминологии источника, в результате чего влатии были представлены только как «пурпурные ткани», прандии стали «поясами», харерии — «запястьями», а семента — пояса превратились в украшения, не говоря уже о легендарных «барсовых кожах» и других «товарах, происходивших из Азии»[50]. Если бы не верный вывод относительно посреднической торговой роли Херсона как «очень богатого» пограничного города, наблюдения Б.В. Кёне могли бы окончательно разочаровать в своей полноте и грамотности. Впрочем, сам автор, гораздо более нумизмат, чем историк, скромно расценивал свой труд лишь как ни к чему не обязывающие выписки из источников, к которым он мог присоединить некоторые собственные вольные замечания.

Эти старые работы, которым ныне исполняется по сотне и более лет, несут удивительное сочетание наивности и мудрости, слепого следования букве источника и вместе с тем буйства воображения, что во многом и породило те утверждения, которые превратились в забронзовевшие от собственной значимости штампы и подхватывались в дальнейшем без должной проверки последующими поколениями историков и археологов. Примером могут стать представления об истовой последовательности херсонитов в отстаивании православного учения «против влияния иудаизма» хазар в эпоху иконоборства или, скажем, об автономии раннесредневекового Херсона, против воли горожан разрушенной императором Феофилом, который упразднил выборных «посадников и старшин» и прислал стратига — «наряд» новгородского толка[51]. Таким же выглядит высокопарное утверждение об избрании Херсона исходной точкой для высокой миссии св. апостолов славянских, Кирилла и Мефодия, причем именно той, где родилась инициатива к распространению славянского богослужения[52].

Далеко не блестящими, хотя и любопытными, оказались результаты усилий другого известного историка, И. Мансветова, целью обобщающего труда которого было представить «в общедоступном изложении политическую и внутреннюю жизнь Херсонеса Таврического преимущественно на основании найденных здесь памятников его древнего быта»[53]. Он несет явный отпечаток повышенного внимания автора к археологическим источникам, число которых прибавилось за предыдущие 50 лет раскопок. Во многом это объяснимо тем, что в основу очерка были положены результаты появившихся к тому времени обстоятельных книг высокообразованного швейцарца Фред. Дюбуа де Монпере, чье путешествие прошло по археологическим памятникам Крыма, а также Петра Ивановича Кеппена

[50] *Кёне Б.* Херсонес (отд. отт.). – С. 54–55.

[51] Последующие представления о стойкости муниципального местного самоуправления, полисных традициях подчас шли еще дальше, так что сторонников таких взглядов не останавливало даже учреждение византийской фемной администрации в Таврике.

[52] См.: *Григорович В.* Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях. – С. 999, 1000; Григорович В. Заметки о Солуни и Корсуни. – Одесса, 1872.

[53] *Мансветов И.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. – М., 1872.

и Захария Андреевича Аркаса, оставивших уникальные историко-археологические и топографические описания местных древностей (риС. 1)[54]. Кроме того, в конце работы находился каталог добытых во время раскопок вещей, демонстрировавшихся в Севастопольском отделе Политехнической выставки, и именно они помогали открыть такие тайны, о которых, по выражению И. Мансветова, «молчит история и забыла народная память»[55]. При всем том оценка византийского периода истории Херсона оказалась крайне негативной: с того времени, как город отошел к «владетелям Восточной Римской империи, доставшейся Аркадию», начался его упадок[56]. Следовательно, как и барон Кёне, И. Мансветов относил включение Херсона в состав Империи к концу IV в. и, более того, бездоказательно полагал, что после этого он обеднел и лишился

Рис. 1. П.И. Кеппен

[54] *Duboisde Montpereus F.* Voyage autor du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. – Paris, 1841. – T. 6; *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Издан по распоряжению г. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова. – СПб., 1837; *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // ЗООИД. – 1848–1850. – Т. 2. – С. 245–271. Нельзя не отметить, что пионером исторических выводов среди этих авторов был именно экономист, этнограф и историк П.И. Кеппен, создавший к тому же «наиболее полный для своего времени историко-археологический свод материалов о крымском средневековье», который не утратил своего значения и в наши дни (*Заморяхин А.В.* Проблема истории крымских готов в отечественной историографии конца XVIII – середины XIX в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 42). В эти «археологические и топографические сведения о южном Крыме» то и дело вплетались относящиеся к раннесредневековому Херсону. Так, по мнению П.И. Кеппена, власть византийских императоров над Готфией существовала уже с V в., когда «готфы стали просить себе епископов из Константинополя», а «южный берег был населен христианами греческого исповедания» (*Кеппен П.* Указ. соч. – С. 60, 63). В укреплениях, здесь обнаруженных, ему виделась «систематическим порядком устроенная оборона», звенья которой стояли во «взаимном соотношении» (Там же. – С. 45). Он относил эти крепости примерно ко времени Юстиниана I, но необоснованно ссылался на трактат «О постройках», который вместе с тем датировал достаточно точно – 562 г. (Там же. – С. 53, 72). Бегство Юстиниана II во фруру Дорос исследователь без объяснения увязывал почему-то с 702 г. и полагал, ссылаясь на «Бревиарий» Никифора, что именно в это сторожевое укрепление экс-император «...пригласил к себе начальника хазаров», надо полагать, самого хагана (Там же. – С. 58–59, 86, 87). Возвращение трона тоже было произвольно сдвинуто на два года раньше, чем оно произошло в действительности (Там же. – С. 59, прим. 80). Подробно пересказывая историю мести Юстиниана II херсонитам, боспорянам и их соседям, П.И. Кеппен довольно близко следовал тексту источника, но воспринимал его буквально, без каких-либо признаков исторической критики, соответствующих комментариев (Там же. – С. 87–90). Наконец, создание фемы с центром в Херсоне было изображено лишь как «лишение права избирать себе начальников», то есть борьба центра с местным самоуправлением, и неопределенно отнесено ко времени «после 833 года» (Там же. – С. 90). Впрочем, и после П.И. Кеппена этот вопрос будет пребывать примерно в том же положении еще около 150 лет. Поэтому следует признать, что археологические изыскания и обобщение их результатов во второй трети XIX в. дали гораздо больше, чем историко-аналитическая часть таких трудов.

[55] *Мансветов И.* Историческое описание... – С. 43.

[56] *Мансветов И.* Указ. соч. – С. 19.

Рис. 2. Д.В. Айналов

своего значения. Для Византии его важность виделась лишь в роли форпоста борьбы с Русью. Глобальный же вопрос о хазарах в Крыму автор вообще обошел молчанием.

Вместе с тем заслуживает внимания одно из первых суммарных описаний им херсонесских средневековых храмов и других христианских памятников, предвосхитившее знаменитый и очень долгое время остававшийся уникальным свод данных по херсонесским церковным памятникам — труд ординарного профессора Петербургского университета, известного искусствоведа Димитрия Власьевича Айналова (1862-1939) (риС. 2)[57]. К таким же новшествам относилась попытка реконструкции обряда греко-римских и христианских погребений на основе анализа полученных археологических материалов. Погружение в них позволило прийти к верному и впоследствии надолго забытому выводу о том, что «общественная жизнь Херсонеса усвоила себе христианские начала спустя долгое время после того как проникли сюда идеи христианства вместе с первыми проповедниками»[58]. Для И. Мансветова город стал по-настоящему христианским только к концу VI в., что перекликается с результатами современных исследователей, незаслуженно забывших своего предшественника[59].

В остальном очерк повторял уже известные положения Богуша-Сестренцевича и Кёне, иногда едва ли не дословные. Именно так выглядит порядком поднадоевшее указание со ссылками на Константина Багрянородного о торговле херсонитов с печенегами и «другими северными племенами пурпуровыми тканями, шелковыми поясами, запястьями, дорогой материей и украшениями, барсовыми кожами и другими предметами», прискорбная неточность которого стала едва ли не одиозной[60].

Такой же категоричностью грешит небольшой очерк о христианских древностях Крыма и Херсонеса, составленный известными специалистами, но продолжавший тиражировать накопленные ошибки (риС. 3)[61]. Его

[57] Ср.: *Айналов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1; *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. – С. 278; *Романчук А.И.* Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 429–430.

[58] *Мансветов И.* Историческое описание... – С. 3 0.

[59] Подр. см.: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству: Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). – К., 2000. – С. 44–103, 136–137; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 556–628.

[60] *Мансветов И.* Историческое описание... – С. 13.

[61] Русские древности в памятниках искусства изданные графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 1–34.

авторы не сомневались в том, что тюрки «грозили Херсону» в 581 г. и лишь «не успели его взять»[62]. Юстиниан Ринотмет бежал в Дорос, где, ни много ни мало, «...имел пребывание хазарский хаган на границах готской земли»[63]. Мельком и не так определенно высказанная в свое время аналогичная мысль П.И. Кеппена приобрела здесь законченный вид утверждения. Спафарий Илья (Илия) и Вардан оба были назначены императором «в управители Херсонеса», хотя на самом деле первый был послан в город архонтом, а второй — под его присмотром, ссыльным[64]. После свержения Юстиниана II Херсон стал «вольным городом» под покровительством хазар и с этой «вековой независимостью» покончил лишь василевс Феофил, отняв власть у не подчиненных ему протевонов и передав ее своему стратигу[65]. Наконец, не критически воспринимая свидетельство Жития Стефана Нового и не обратив внимания на другие источники, И.И. Толстой и Н.П. Кондаков полагали, что в эпоху иконоборства, около 756 г., «Херсон стал убежищем защитников иконопочитания»[66]. Этот сомнительный аргумент будет в дальнейшем всячески муссироваться и породит устойчивое представление исследователей о Таврике как об оплоте борьбы с иконоборством. Очертания направлений исследований даже опытных византинистов были еще достаточно зыбкими и не всегда выводили на правильные решения.

Рис. 3. Н.П. Кондаков

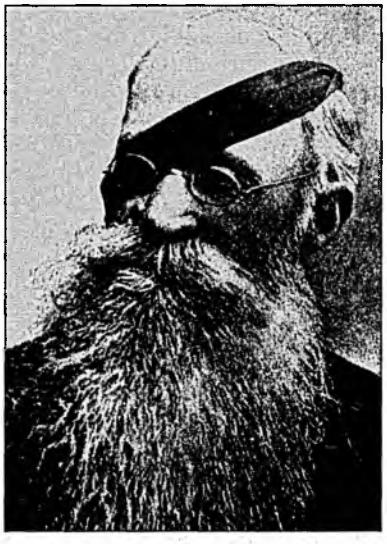

Рис. 4. А.Л. Бертье-Делагард

В очередной раз выручил археологический подход. Результаты успешных, широкомасштабных раскопок города явились основой для обобщающего труда вице-президента ООИД генерал-майора Александра Львовича Бертье-Делагарда (1842-1920) (риС. 4), который подвел полустолетний итог такого рода исследованиям и подробно описал открытые к 1891 г. восемь

[62] Русские древности... – С. 7.
[63] Там же. – С. 7.
[64] Там же. – С. 8.
[65] Там же. – С. 8.
[66] Там же. – С. 9.

раннесредневековых базилик, две церкви крестового типа и крещальню[67]. Особого внимания заслуживает его заключение, что базиликальные церкви Херсона, по крайней мере наиболее крупные из них, в массе своей появились «в конце VI или в VII веке», — вывод, который не получил признания у последующих исследователей, но который, в целом, совпадает с новейшими изысканиями на этот счет[68]. Собственно работа А.Л. Бертье-Делагарда выходила за рамки сугубо археологической, поскольку содержала элементы нового и весьма плодотворного методического подхода — исторического анализа, построенного на вещественном материале. Ее автор подчеркивал редкость, значение и важность исследований именно византийского Херсона, где «нам открывается весь быт, вся культура византийского города, тем более интересные, что они относятся именно к самому обыденному мелкому городу, а не к крупному исключительному центру», к тому же богатому на памятники церковной жизни и обрядности православия VII–XIII вв.[69] Однако этот типичный провинциальный ромейский город парадоксально рисовался взору как изначально бедный, убогий «медвежий угол». В подобной оценке сквозила предвзятость, некоторая заданность. Херсонские храмы, церкви — «малых размеров, с весьма слабым художественным значением, и к тому же вытащенное из других древних построек»; «ничего похожего на какое-либо общественное здание, кроме церквей, не нашли»[70]. Частные дома — «маленькие лачужки», построенные «просто на глине, или вернее сказать, на местной грязи». По мнению исследователя, они лишь одноэтажные, чего не было на самом деле, как и полного отсутствия общественных зданий. Автор не учел, что на «местной грязи» строили постройки по всей территории Империи, это был обычный для ромейских ремесленников-икодомов прием.

Даже обилие цистерн для воды А.Л. Бертье-Делагард ставил в вину Херсону, видя в этом показатель бедности города водой. «Домашнее хозяйство и того хуже»: ничего, кроме рыбозасолочных цистерн — «ям для свалки соленой рыбы — хамсы», погребов, вырубленных в скалистой почве. В примечании исследователь не преминул отметить, что эта маленькая рыбка «служит пищей беднейшему населению и ловится иногда в ужасающих количествах», не пожелав объяснить, чем объяснялась ее заготовка в столь «ужасающих количествах». Следов торгово-ремесленной деятельности, денежного хозяйства, как и промыслов, он тоже не заметил, очевидно, по причине недостаточно глубокого знания массового материала, невнимания к его фиксации. «Ранее знакомства с херсонесскими раскопками, — со свойственной ему эмоциональностью, раскрепощенностью стиля писал А.Л. Бертье-Делагард, — я никогда не думал, что где-либо и

[67] *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 1–64, табл. I–VI.
[68] *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 51; ср.: *Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 79–84; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 60–76, 222–231; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. – К., 2003.
[69] *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 16.
[70] Там же. – С. 12.

когда-либо могло существовать население, доведенное до такой материальной и умственной нищеты»[71]. Это был больше чем субъективный вывод, по сути дела предваряющий работу, — это был приговор. История города, не колеблясь заключал исследователь, «не дает нам ни малейшего основания видеть в средневековом Херсонесе что-либо иное, чем полуварварский город, о котором упоминается большей частью только потому, что он был местом ссылки, а вокруг него, по всему Крыму, стояло уже совершенное варварство, так сказать, беспросветное»[72]. А.Л. Бертье-Делагард, по собственному признанию, не мог найти слов «для выражения той жалкой нищеты, того глубокого архитектурного невежества и безграмотности», которые якобы вставали из раскопок Херсонеса[73].

Поверхностный «взгляд снаружи», взгляд, замешанный на критериях жизни отнюдь не средневековой, мешал бросить на херсонитов, а значит, и на ромейское общество более глубокий и вместе с тем более мудрый «взгляд изнутри», который не низводил до уровня париев поколения людей только потому, что они жили до нас и не так, как мы. Тем не менее Н.П. Кондаков справедливо охарактеризовал «Раскопки Херсонеса» как «капитальный трактат», а В.В. Латышев назвал его «выдающимся явлением в области русской археологической литературы за последние годы», в чем не было преувеличения[74]. К чести Бертье-Делагарда как ученого, он не стал в дальнейшем настаивать на сделанных негативных эмоциональных оценках, видимо осознав их гипертрофированность, необъективность и неубедительность, которая становилась очевидной с каждым годом новых раскопок и научных исследований.

К 1891 г. появилось несколько тысяч изданий и журнальных статей, посвященных Крыму, но это не помешало заведующему херсонесскими раскопками К.К. Косцюшко-Валюжиничу, год от года набиравшему опыт археолога-практика и задумавшему составление соответствующего библиографического указателя, уже тогда констатировать: «...можно безошибочно сказать, что ни об одном уголке нашей обширной империи не написано столько несообразностей, как именно об этом благодатном крае, исследованном, казалось бы, со всех сторон»[75]. Как отличительную черту всего того, что было посвящено исследованию византийского Херсона, тоже следует назвать несостоятельность аргументации многих выдвигаемых положений или вообще отсутствие таковой.

Следующая попытка «написать обо всем и о многом сверх того» — охватить единым взором историю Херсонеса и выделить в ней его раннесредневековый период — была предпринята спустя более 30 лет после выхода в свет труда И. Мансветова. Отправляя изданную тиражом всего 400 экземпляров

[71] Там же. – С. 13.
[72] Там же. – С. 3.
[73] Там же. – С. 11.
[74] *Латышев В.В.* [Рец.] // Записки Императорского Русского Археологического общества. – Т. 8. – Вып. 1–2. – 5 С. (*Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса. – СПб., 1893); *Латышев В.В.* Отзыв о сочинении А.Л. Бертье-Делагарда: Древности южной России. Раскопки Херсонеса. СПб., 1893 (МАР. Вып. 12) // *Латышев В.В.* ПОНТІКА. – СПб., 1909. – С. 371–375.
[75] *Косцюшко-Валюжинич К.* Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. – 1891. – №13. – С. 55.

Рис. 5. А.А. Бобринский

книгу в дар К.К. Косцюшко-Валюжиничу, к тому времени развернувшему широкомасштабные систематические раскопки Херсонеса, председатель Императорской археологической комиссии, камергер императорского двора граф Алексей Алексеевич Бобринский (1852-1917) (рис. 5) просил отнестись к его разысканиям с большим снисхождением[76]. «Я отлично сознаю, — писал он в письме, — все погрешности этого труда, но надо было когда-нибудь решиться выпустить его». Автор лукавил, ибо очевидная поспешность издания, выросшего из реферата, читанного им в 1902 г. в Московском археологическом институте, объяснялась скорее всего стремлением опредить выход в свет намеченной в том же году в связи с юбилеем основателя Московского археологического общества графа А.С. Уварова (1824-1884) серии книг «Памятники христианского Херсонеса», чем была озабочена графиня П.С. Уварова (1840-1924), председатель общества и давний «конкурент» А.А. Бобринского по планам изучения Херсонеса[77].

Невозможно не заметить то сильное влияние, какое оказал на сочинение исторический экскурс Б.В. Кёне и конспективный, но «программный» очерк талантливых византинистов И.И. Толстого и Н.П. Кондакова. Ощущается оно и в главе 5, которую автор патетически озаглавил «От V-го до конца X-го века по Р.Хр. Византийское владычество», тем самым сразу определяя свое представление о хронологических гранях периода этого владычества, но не давая им обоснования. Между тем для последующих исследователей эти рамки надолго станут каноническими. Символично, что предыдущую главу А.А. Бобринский завершил разделом под названием «Время упадка Херсонеса», который он отнес к концу IV-VI в. и связал с нападениями варваров — готов, гуннов. Поэтому, как и Мансветов, он видел начало истории византийского Херсона в довольно мрачных, кризисных тонах, нимало не смущаясь тем, что такие выводы строились не на фактах, а на субъективных, полуинтуитивных представлениях об эпохе Великого переселения народов как о плохой поре.

Нехватка собственно херсонесских материалов и странное для главы Археологической комиссии пренебрежение к углубленному изучению стратиграфии, данных раскопок города, к тому времени уже многочисленных, заставили строить изложение по периодам правлений византийских императоров, начиная с Аркадия и до Иоанна Цимисхия, вкрапляя в рассказ

[76] *Бобринский А.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905.

[77] См.: *Романчук А.И.* Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 427, 428; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 24–26.

фрагменты из истории Херсона. Подчас А.А. Бобринский действовал как заурядный средневековый хронист, не знакомый с современной методикой исторической критики, и одним махом приводил все версии или даты по тому или иному вопросу, не удосуживаясь их разбором и аргументацией. Так, завоевание тюркским властителем Турксанфом Боспора он отнес к 575 г., тут же в скобках перечислив и другие возможные даты этого события: 579, 581, 582 гг., и не выразил ни малейших колебаний относительно самой вероятности осады тюрками Херсона[78].

Представления автора о взаимоотношениях хазар с населением Таврики и херсонитами оказались еще более противоречивыми и путаными, чем в работах предшественников. С одной стороны, А.А. Бобринский появление хазар на просторах Крыма датировал началом VII в., когда они якобы «...покорили авар, затем степную часть Таврического полуострова и начали нападать на Херсонес». С другой стороны, он же относил вытеснение хазарами «гуннов» из ближайшего соседства с Херсонесом к 669 г., а чуть позже писал, что «...в 702 г. хазары окончательно покорили готов и утвердились в восточной части Крыма»[79]. Само собой разумеется, обоснований этих надуманных абсолютных дат предложено не было. По словам А.А. Бобринского, весьма прозрачно повторяющих известное заявление барона Кёне, «хазары при первом нападении на Крым не тронули Херсонеса, однако вскоре подчинили себе этот город»[80]. Тем не менее присылку хазарского тудуна он объяснял тем, что хаган «еще не осмелился тогда ввести в город войска»[81]. Так всплывает теория об установлении хазарского протектората над Херсоном, на которой продолжают настаивать некоторые современные исследователи, не считающие ее устаревшей[82]. Более того, хазарский хаган в очередной раз селится «...в укреплении Дори, на границе поселения готов»[83]. Совершенно очевидно, что чтение П.И. Кеппена и иже с ним и тут не прошло для историка бесследно.

Более того, А.А. Бобринский почему-то полагал, что свергнутый и угодивший в ссылку в 695 г. Юстиниан II стал пытаться вернуть престол только в 703 г. Изгнание в Кефалонию армянина Вардана, которому напророчили трон, он опять-таки без каких-либо оснований датирует 701 г., а архиепископа Равенны Феликса за участие в мятеже «отправляет» в 709 г. в ссылку в Херсон, хотя на самом деле арест последнего стратигом Сицилии патрикием Феодором произошел на год позже, как и само равеннское восстание[84]. Вновь фигурируют некие «42 сенатора», отвезенные в качестве пленных в Константинополь, и в их числе Зоил и мифический «протевон Динос», видимо, порожденный филологическим казусом, допущенным в свое время при переводе Богушем-Сестренцевичем[85]. Забегая

[78] *Бобринский А.* Херсонес Таврический. – С. 92–9.
[79] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 95, 96, 97.
[80] Там же. – С. 97.
[81] Там же. – С. 99.
[82] Там же. – С. 102.
[83] Там же. – С. 97.
[84] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 97–99; ср.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 162–163.
[85] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 99, 101.

по меньшей мере на столетие вперед и утрируя ситуацию VIII в., автор утверждал, что «город, лишенный плодоносных полей и хлебного рынка, теперь существовал только иностранной торговлей»[86].

Позабыв свои прежние утверждения о протекторате хагана над городом, А.А. Бобринский неожиданно заявляет о том, что хазары «...возвратили Херсонесу его вольности» и он «сохранил свои греческие общественные учреждения и свое независимое гражданское управление», «уберег свою независимость до половины X-го века». В таком же духе выдержан заключительный вывод о том, что «этот последний центр греческой культуры на Черном море счастливо устоял и вскоре, благодаря могущественному покровительству дружественных ему хазар, совершенно освободился от власти Византии и делается вольным городом»[87]. Таким образом, волюнтаристская в своей основе концепция «полисного самоуправления» продолжала крепнуть, несмотря на ее очевидную абсурдность, по крайней мере применительно ко времени создания византийской фемы.

В правление Константина V Копронима (741–775) Херсон изображался А.А. Бобринским оплотом иконопочитания, хотя единственным аргументом при этом по-прежнему являлся известный фрагмент текста написанного в начале IX в. Жития Стефана Нового, чье традиционное толкование отнюдь не бесспорно[88]. Непонятно, откуда взялось надуманное утверждение о «деятельном покровительстве», якобы оказанном «вольному» Херсону императрицей Ириной, крещеной хазаринкой, женой Константина V, в 745 г.

Столь же фантастическими домыслами обросла история антихазарского выступления Иоанна Готского, которую автор связал с неким разгромом готов хазарами около 785 г. (sic!), после чего победители «отчасти приобретают верховное господство над Готией, угрожая Херсонесу». А.А. Бобринский в очередной раз запомятовал, что, по его же собственному утверждению, это был независимый, «вольный город» вплоть до «половины X-го века», причем Иоанн Исповедник превратился у него в легитимного Херсонского епископа, который «старался освободить город от гнета хазар»[89]. И уж совсем школьной ошибкой выглядит заявление о том, что в «иконопочитательском» Херсоне после 787 г., когда в Византии было на некоторое время восстановлено иконопочитание, стали находить убежище «многие преследуемые и недовольные епископы, монахи, пресвитеры и, конечно, другие мирские люди»[90].

Верный своему нехитрому методическому приему, А.А. Бобринский сообщает все предлагаемые историками даты обращения хагана к василевсу Феофилу с просьбой о помощи в строительстве Саркела на Дону (831, 835, 837, 838, 840 гг.), причем походя, явно случайно называет эту кре-

[86] Там же. – С. 103.
[87] *Бобринский А.* Херсонес Таврический. – С. 103.
[88] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 104; ср.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 180–190; *Auzepy M.-F.* La Vie d'Etienne le Jeune et le premier iconoclasme. – Paris, 1994. – P. 32; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 102–106.
[89] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 104–105.
[90] Там же. – С. 105.

пость «столицей» хагана, вероятно, не догадываясь, насколько близко он подошел к истине, если видеть в «Белом приюте» или «Белом доме» летнюю резиденцию, ставку хагана, посещаемую во время регулярных ежегодных подкочевок[91]. Организатора ее строительства, Петрону Каматира, он, как и его предшественники, считал братом жены василевса, а целью экспедиции знатного спафарокандидата — «укрепление опять власти империи в Херсонесе». Как это уже не раз делалось, в ход были пущены некие выдуманные «недоразумения», якобы происшедшие между повздорившими херсонитами и Петроной, отчего последний дал совет василевсу «положить конец его (Херсона. — *С. С.*) самостоятельности»[92]. При этом роль хазарского фактора и изменения в византийско-хазарских отношениях на землях Крыма были совершенно исключены из внимания. Таким образом, то, что первые исследователи замечали робко и вскользь, ни на чем не настаивая, обрастало новыми мифическими подробностями, домыслами, вытесняя историю и вместе с тем становясь ее суррогатом.

В новосозданную фему А.А. Бобринский, едва ли не дословно копируя Богуша-Сестренцевича, включал не только города Таврики, в том числе Боспор, но и «...прочие греческие поселения побережья Черного моря, находившиеся в Крыму и Зихии до р. Кубани», неоправданно расширяя ее границы, однако в принципе верно отождествил так называемые климата с южной частью Таврики, между Херсоном и Боспором[93]. В очередной раз забыв о «вольном городе» «до половины X-го века», он признал, что с момента образования стратигии «Херсонес потерял свободу»[94].

Дальнейшая скупая на сведения история города представляется им весьма мрачной: «Управление Херсонесом византийцами было довольно плохое. В городе было несколько восстаний и Херсонес по временам отпадал от империи. Впрочем, центральное византийское правительство не особенно заботилось о судьбе этой торговой колонии»[95]. В правление Михаила III (842–867) это был якобы «глухой, запущенный город, своего рода крепость и место ссылки»[96]. И только. Так, без каких-либо веских оснований, крепла «черная легенда» о византийском Херсоне, к тому времени выстраиваемая историками уже столетие.

Особого внимания в книге были удостоены события, связанные с пребыванием в городе Константина и Мефодия. Время их прибытия А.А. Бобринский точно не датирует, по обыкновению сообщая все версии в виде россыпи дат (856, 858, 860, 861, 862 гг.) и особенно подчеркивая исключительно миссионерский, а не посольский характер поездки солунских братьев к хазарам. Точно такая же мешанина царит с надуманным представлением о языках, которым за несколько недель пребывания в городе обучился Константин Философ — здесь и два семитских, и два германских, и один тюркский, и даже сарматский и славянский языки.

[91] См.: *Флеров В.С.* Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюд к теме фортификации)// Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 153–156.
[92] *Бобринский А.* Херсонес Таврический. – С. 108.
[93] Там же. – С. 108, 120.
[94] Там же. – С. 109.
[95] Там же. – С. 109.
[96] Там же. – С. 110.

Не сделав ни малейшей попытки разобраться во всем этом, автор, вслед за В.И. Ламанским и некоторыми другими исследователями, поспешил признать свершенное «подвигом, непосильным никакому гениальному человеку без допущения тут чуда»[97]. Днем отыскания мощей св. Климента и переноса их в Херсон А.А. Бобринский называл 9 марта или 30 декабря 862 г., оставив без внимания приводимое им же сообщение «Слова на перенесение мощей преславного Климента», где указано, что это произошло 30 января 861 г. (по византийскому стилю)[98]. Посещение Константином области Фул, без обиняков названной «хазарской», он отнес ко времени до отправки братьев из Херсона в Хазарию, к Азовскому морю, хотя, согласно последовательности изложения Паннонского жития, оно произошло уже на их обратном пути, после возвращения в Херсон из Хазарии, да и принадлежность ее крещеного местного населения хазарам лишена убедительной аргументации[99]. Мощи же св. Климента были действительно взяты братьями, но не в Хазарию, а в Константинополь, а потом в Моравию, и в конечном итоге доставлены в Рим около 868/869 г.[100] Отправку Константина и Мефодия из Херсона обратно, в столицу Империи, А.А. Бобринский неверно датировал 867 г., «задержав» их таким образом в городе на лишние 5-6 лет и «лишив» моравской миссии.

Вообще, ориентировка в хронологии событий была слабым местом автора, претендующего на обобщающее, итоговое исследование. Так, очевидно, что будущий смирнский митрополит Митрофан находился в ссылке вблизи Херсона уже до 861 г., то есть до прибытия Константина Философа в эти края, а не около 870 г., как указал А.А. Бобринский[101]. Примерно к этому времени относится другой документ — письмо Анастасия библиотекаря к епископу Гаудериху Велитерийскому, в котором Анастасий, со слов самого Константина и Митрофана, а также исходя из сведений, собранных во время пребывания в Константинополе зимой 870 г., передал некоторые подробности о пребывании Философа в Херсоне. Датировка постройки Уваровской базилики — главного епископального кафоликона города — была неверно отнесена к правлению Романа I (920-944) на основании заклада монет, найденного в скальной яме перед главной алтарной апсидой[102]. В данном случае сказался, очевидно, авторитет мнения признанного знатока Херсонеса А.Л. Бертье-Делагарда, который опирался на те же монеты в своем обзорном историко-археологическом сочинении[103]. Новые датирующие материалы, полученные

[97] Там же. – С. 110–112.

[98] Ту же дату, правда без указания года, сообщал составитель Италийской легенды.

[99] Ср.: Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б.Н. Флори. – М., 1981. – С. 78–86, гл. VIII–XII.

[100] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 113–114; ср.: Vita cum Translationes S. Clementis // *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – Р. 145, §7; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М., 1998. – С. 406.

[101] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 116.

[102] Там же. – С. 119.

[103] *Бертье-Делагард А.А.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса. – С. 53–54. Под их влияние попали и иные опытные исследователи (см.: *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 27; *Домбровский О.И.* О хронологии «Базилики Уварова»//Историческое наследие Крыма. – 2004. – №3–4. – С. 29).

К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1901 г., в частности монеты конца VI в. из снивелированных ямы или колодца под стеной нартекса базилики, не были учтены, видимо, ввиду поверхностного, невдумчивого знакомства председателя Археологической комиссии с отчетами заведующего раскопками[104].

Рис. 6. Ю.А. Кулаковский

Время правления Константина VII Багрянородного для Херсона было описано на основе данных трактата «Об управлении империей», известного также как сочинение «О народах», однако и здесь автору не удалось избежать домыслов. К их числу относится утверждение об отсутствии постоянного византийского гарнизона в городе, который для своей защиты якобы нанимал «...войско из соседних печенегов, аланов и хазар»[105]. В перечне предметов херсонесской торговли главными почему-то были названы скот и медь, а далее А.А. Бобринский постарался свести воедино все, что насочиняли в этой связи его предшественники: ювелирные изделия, разные украшения, пурпурные одежды, дорогие материи, редкие восточные ткани и сукна, шелковые и льняные пояса, нашивки, запястья, меха и меховые изделия, закуски, перец, предметы церковной утвари и неизменные одиозные «кожи барсовые и пурпурные», тогда как экспорт с южного побережья Черного моря он свел к пафлагонскому вину и хлебу, обедняя его состав вопреки данным источника[106]. Зато автор одним из первых предложил считать местом изготовления большей части поливной посуды собственно Херсон, поставив этот товар в один ряд с местными соленой рыбой, солью и кожами, что находит подтверждение в некоторых современных изысканиях[107].

Очевидно, сознавая шаткость многих выдвинутых им положений и невысокий уровень анализа источников, а значит, и созданного на их основе, А.А. Бобринский не без скептического юмора отмечал в своей книге: «Дело будущих историков подвергнуть весь этот "набор баснословия" тщательной переработке». Впрочем, следующая попытка такого рода оказалась столь же нестройной, с эпизодичным изложением материала, в котором то и дело всплывали все те же «исторические

[104] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 80. Необходимые уточнения последуют в 1907 г. и гораздо позже (см.: *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып. 21. – С. 78; *Завадская А.Л.* Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 7. – С. 305).

[105] *Бобринский А.* Указ. соч. – С. 120.

[106] Там же. – С. 121–122.

[107] *Бобринский А.А.* Указ. соч. – С. 122; ср.: *Даниленко В.Н.* Белоглиняная поливная керамика Херсонеса // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 135–145.

мифологемы»[108]. Крупный специалист по истории Рима и ранней Византии, Юлий Андреевич Кулаковский (1855–1919) (риС. 6), профессор киевского императорского Университета св. Владимира и преподаватель высших женских курсов, имевший опыт раскопок некрополя Боспора, задался целью «представить в связной форме свод важнейших данных по истории Крыма в последовательности событий», причем решил изложить их в виде небольшого по объему очерка, краткость которого была сознательной и преднамеренной[109]. Это было именно не исследование, а, как заявлял сам автор, «результат исследования», обобщение, к тому же рассчитанное на восприятие не только специалистов, но и широкой публики. «Археологический интерес, — справедливо отмечал Ю.А. Кулаковский, — нуждается в рамках исторического знания для того, чтобы быть жизненным и плодотворным»[110]. С этой точки зрения свою задачу он выполнил блестяще и действительно дал достаточно сжатое и вместе с тем связное изложение истории Крыма, а значит, и Херсонеса, в том числе в особенно близкую научным интересам автора раннесредневековую эпоху. Этому были посвящены 9–12 главы дважды, в 1906 и 1914 гг., издававшейся книги, где речь шла о событиях второй половины VI в., нашествии тюрок, а затем хазар, вплоть до событий Корсунского похода князя Владимира в конце X в.[111] Наиболее крупная из крымоведческих публикаций ученого, монография стала итогом всех его размышлений в этой области. В дальнейшем, как признался Ю.А. Кулаковский в письме к А.Л. Бертье-Делагарду от 3 мая 1913 г., он «...лишь издали следил, как другие обогащали музеи предметами из раскопок и углублялись в изучении» Тавриды[112].

Заранее заданная автором установка на создание краткого повествования не могла не обернуться некоторой декларативностью целого ряда заявлений, выдвинутых без достаточных обоснований. Так, оказалось «точно засвидетельствовано», что в конце VII в. в Фанагории и Боспоре «сидели наместники хазарского хагана, носившие титул «тудун»[113]. Обычно предельно внимательный к тексту источников, сам переводивший их, Ю.А. Кулаковский на сей раз поддался соблазну вольной интерпретации и не обратил внимание на важные уточнения в отношении «архонтов», а вовсе не тудунов, из которых лишь один был назван «единоплеменником» хагана[114]. Власть хазар автор распространял и на восточную, и на западную часть полуострова вместе с землями горной Таврики, занятой готами. Ссылку римского папы Мартина I в Херсон он, видимо следуя принятой хронологии вех жизни папы, разработанной Э. Михаэлем, относил к 654 г., полагая, что Мартин пробыл здесь довольно долго, до следующего года,

[108] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. – К., 1906 (2-е изд., пересмотренное. – К., 1914; новое переиздание: К.: Стилос, 2002).
[109] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1906. – С. I.; см.: *Деревицкий А.* Ю.А. Кулаковский (Некролог) // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 331.
[110] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. – С. II.
[111] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. – С. 61–83.
[112] См.: *Непомнящий А.А.* Подвижник изучения боспорских древностей: Ю.А. Кулаковский// БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 375.
[113] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. – С. 63.
[114] Ср.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 222.

хотя по уточненным данным В. Пайтца, которых Ю.А. Кулаковский не мог знать, это событие имело место в мае – сентябре 655 г.[115] Все перипетии конфликта Юстиниана II Безносого были увязаны только с 711 г., когда херсониты обратились за помощью к хагану, причем посланный в город тудун якобы вошел туда с хазарским войском, что не соответствует источникам.

Особенно противоречивым выглядел статус раннесредневекового Херсона. Из весьма путаного изложения выходило, что «город имел в ту пору самоуправление», но хаган принимал живое участие в его делах, посылал туда своих наместников, и при всем том... Херсон «оставался в зависимости от империи»[116]. Объяснить такое переплетение разнородных властей в одном центре Ю.А. Кулаковский не смог, ограничившись лишь банальной констатацией того, что между Хазарией и Византией существовали добрые отношения, «скрепленные родственной связью». Впрочем, дальше он забывает о собственном наблюдении, когда пишет как о само собой разумеющемся факте о подчинении хазарами «области Готов» и даже о том, что «хаган поставил свой гарнизон в крепости Дорос, назначив туда своего тудуна» во второй половине VIII в.[117] Военно-политическое и одновременно религиозное, в поддержку иконопочитания, выступление епископа Иоанна Готского Ю.А. Кулаковский, следуя Житию, осторожно датирует временем «около 787 г.», но, вопреки тексту источника, изображает как всеобщее дружное восстание готов против захвативших власть хазар[118]. Выходило, что хазары дважды утверждали свою власть в горном Крыму: один раз в конце VII в., а другой раз – во второй половине VIII в. и при этом... всегда оставались полновластными хозяевами Таврики[119].

Столь же влиятельными и живучими окажутся некоторые другие, далеко не бесспорные и вместе с тем безапелляционные установки талантливого автора книги. Ссылаясь на неточно понятый текст частной, неофициальной нотиции де Боора конца VIII – IX в., он ошибочно назовет Дорос, «столицу» Готфии, «митрополичьей кафедрой», а центры, указанные в составе гипотетической епархии Готфии, превратит в подчиненные «митрополии» «семь епископств», тем самым надолго определив искаженное представление о церковной истории раннесредневековой Таврики[120]. Как ни странно, широчайшие пределы «Готской митрополии», простершейся по хазарским владениям за пределами территории Крымского полуострова, его нимало не смутили. Он лишь счел нужным пояснить, что «этот факт был возможен, пока хазарский хаган еще не принял иудейство и не стала слабеть и умаляться его держава»[121].

[115] Michael E. Wann ist Papst Martin I bei seiner Exilierung nach Konstantinopel gekommen? // Zeitschrift für katholische Theologie. – 1892. – Bd. 16. – S. 375–380; ср.: *Peitz W.M.* Martin I und Maximus Confessor. – S. 436–440.
[116] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – С. 64–67.
[117] Там же. – С. 67.
[118] Там же. – С. 68.
[119] Ср.: *Кулаковский Ю.* Указ. соч. – С. 63, 67.
[120] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – С. 69; ср.: *Кулаковский Ю.А.* К истории Готской епархии в VIII в. // ЖМНП. – 1898. – Ч. 315. – Февраль. – С. 176.
[121] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – С. 69.

Хазар в Крыму Ю.А. Кулаковский видел навязчиво, повсюду, без колебаний ставя знак равенства между фактом присутствия на полуострове тюркютов и их господством над Таврикой. По его мнению, текст Жития Стефана Сурожского позволяет говорить о том, что «в пастве епископа Стефана были хазары», если считать таковым правившего в Сугдее «Георгия тархана», и на то же указывает греческая эпитафия с упоминанием раба Божьего Тамгана, скончавшегося в 819 г.[122] При этом автор не задавался вопросом, почему эти христиане обязательно должны были быть тюрками, представителями верховной хазарской власти в далеких приморских, портовых городах и какую роль в их окружении должны были играть местные иерархи византийской церкви.

Вслед за своими предшественниками, Ю.А. Кулаковский относил Таврику к «обетованным краям» иконопочитательской эмиграции из Византии, опираясь все на те же неоднозначные, поздние свидетельства из Жития Стефана Нового и па письма Феодора Студита в Херсон и к архимандриту Готфии[123]. К этому времени автором уже была заложена надолго определившая мнение специалистов мысль о том, что все так называемые пещерные монастыри Юго-Западного Крыма возникли в «эпоху монашеской эмиграции», хотя единственным основанием для такого ответственного вывода явилось некоторое внешнее сходство вырубленных в скалах сооружений с известными к тому времени сооружениями такого типа в Южной Италии и на Сицилии. Ныне выяснено, что последние, как и пещерные церкви и монастыри Каппадокии, относятся преимущественно к постиконоборческому времени, а архитектурно-археологический анализ похожих крымских памятников вызывает сомнения исследователей относительно их массовой принадлежности ко времени ранее X в.[124] Не исключено, что наиболее ранние из них появились уже в позднеюстинианов ский период и никоим образом не связаны с иконоборством[125].

Причины строительства Саркела Ю.А. Кулаковский искал исключительно во внешних факторах — в необходимости охраны границ кочевий хазар от неких других тюркских племен, что и побудило хагана обратиться к императору Феофилу с просьбой о сооружении крепости, однако не конкретизировал, кем могли быть эти враги, и не задался вопросом, была ли в состоянии новая крепость решить столь сложную военную проблему. Без каких-либо аргументов он отнес строительство к 839 г., после чего в Таврике была создана византийская фема. Однако даже это событие, по его мнению, не привело к упразднению «самоуправления с выборными вла-

[122] Там же. – С. 70.
[123] Там же. – С. 70–71.
[124] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 214; *Гайдуков Н.Е.* Пещерные храмы Каппадокии и Юго-Западной Таврики: К вопросу о наличии родственных связей//Символ в философии и религии. VI Крым. междунар. конф. по религиовед.: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 14–15.
[125] *Гайдуков Н.Е.* К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиовед.: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 17–18; *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.И.* Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – К.; Сулак, 2004. – С. 30–31.

стями из туземцев», хотя над ними «стал непосредственный орган власти императора»[126]. Таким образом, с завидным упорством, достойным лучшего применения, вновь делалась попытка соединить несоединимое, особенно удивительное на фоне полного отсутствия каких-либо доказательств реальности такого причудливого, если не сказать больше, политического симбиоза. Убийство стратига Симеона «привычным к самостоятельности населением Херсона» он относит к 892 г., на четыре года раньше того срока, о котором сообщает Продолжатель Феофана. Вероятно, и здесь сказалась излишняя доверчивость к мнению предшествующих исследователей, «из рук в руки» передававших ошибку, дожившую до настоящего времени[127].

Пересказывая данные италийской легенды об обретении мощей Климента херсонитами, Ю.А. Кулаковский пишет, что мощи были перенесены не в «большую базилику» (ad majorem basilicam), как значится в источнике, а в некую церковь Св. Софии, внося тем самым неточности и в без того запутанную историю с интерпретацией этого главного епископального храма города[128].

Оценка положения Херсона в конце IX — первой половине X в. строилась автором, как и всеми его предшественниками, исключительно на данных Константина Багрянородного. Впрочем в целом были получены верные выводы о том, что главным занятием населения в это время было морское дело, а предметами вывоза стали продукты степного хозяйства, стекавшиеся в город, и соль, тогда как с юга, из-за моря, херсониты получали зерно, вино, сукна, перец, предметы ремесла. По его мнению, насколько известно, никем не повторенному, именно такая посредническая роль Херсона оплачивалась Империей и позволяла горожанам получать из казны ежегодные десять литр золота и еще два «по уговору», то есть пакту. Советы же василевса Константина относительно мер воздействия на херсонитов Ю.А. Кулаковский, в соответствии с предыдущими пассажами, объяснял неким особым «буйным духом» последних и не пытался разглядеть в указаниях трактата естественной, разумной попытки византийских правителей пользоваться к своей выгоде сложившейся к тому времени экономической и внешнеполитической спецификой положения города, делавшей его бессильным перед торговой блокадой[129]. Тут он следовал давней, уже прочно укоренившейся историографической традиции, отрешиться от влияния которой становилось тем труднее, чем больше исследователей a priori разделяли такие взгляды.

В череде этих обобщающих исследований особо следует отметить книгу историка-любителя севастопольца Е.Э. Иванова, врача по профессии и талантливого популяризатора, на глазах которого около 15 лет проходили широкомасштабные раскопки города членом Имп. археологической комиссии К.К. Косцюшко-Валюжиничем[130]. В исторической и археологи-

[126] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – С. 74.
[127] *Сазанов А.В., Ченцова В.Г.* [Рец.] // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 446 (Причерноморье в средние века / Под. ред. С. П. Карпова. – М., 1991. – 256 С.).
[128] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. – С. 76; ср.: Vita cum Translatione S. Clementis. – P. 144, §5.
[129] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. – С. 81.
[130] *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905; *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк // ИТУАК. – 1912. – Т. 46.

ческой частях своего объемистого очерка, где была представлена наиболее полная на тот момент, связная, насыщенная фактами и критическими комментариями история Херсонеса и его раскопок, автор выделил византийский период города и сделал попытку создать такое систематическое описание, которое «стояло бы на уровне современных знаний и удовлетворяло спросу широкого круга». Сделанное явилось небесполезным для последующих специалистов-исследователей, при всем их скептическом и пренебрежительном отношении к «любителю и энтузиасту», справедливо пеняемому за противоречивость и эклектизм[131].

Первое крупное самостоятельное исследование истории раннесредневекового Херсона с критическим, глубоким разбором нарративных, эпиграфических и археологических источников принадлежало византинисту, профессору Казанского университета Сергею Петровичу Шестакову (1864–1940) (риС. 7)[132]. В предисловии автор писал, что это была попытка «сгруппировать сообщения о судьбах этого города в византийские века литературных источников вместе с результатами оценки этих сообщений в ученой литературе». В итоге получился еще один «взгляд издалека», хотя надо отметить высокий профессионализм сделанного, особенно научной критики, чего явно недоставало многим прежним трудам. Портили впечатление лишь авторитарный тон изложения, безапелляционность предлагаемых наблюдений, которые переводили оценку источников в плоскость раз и навсегда решенных проблем, — тенденция тем более опасная, что исходила от историка, мастерски владевшего приемами своего ремесла. С. П. Шестаков не только не развенчал накопившиеся к тому времени «фетиши» из области истории раннесредневекового Херсона, но, напротив, сам того не подозревая, дополнил их новыми. Между тем последующие события: Первая мировая война, революция, разруха и другие обстоятельства «окаянных дней», неблагоприятные для дела изучения Херсонеса, сложатся так, что предпринятое исследование окажется своего рода итоговым, своеобразной «скрижалью завета», как бы завершающей почти столетние изыскания. Волей-неволей этот итог окажет влияние на любые новые шаги, а иногда и предопределит их направленность даже в тех случаях, когда исследователям будет казаться, что они идут исключительно по самостоятельному пути.

Среди таких ориентиров окажется непроверенное, непродуманное предложение С. П. Шестакова именовать limites укрепления, воздвигнутые в Юго-Западном Крыму, и относить их сооружение только к эпохе Юстиниана I, а точнее, к одному 533 г.[133] Еще более безосновательным выглядело его утверждение о распространении на Таврику власти хазар уже в VII в. и об упадке в связи с этим Херсона[134]. Доказательство виделось в мрачных, проникнутых предчувствием скорой кончины, страдальческих письмах-жалобах Мартина I из херсонской ссылки, причем их свидетель-

[131] В 1927 г. Е.Э. Иванов был еще жив и присутствовал на всесоюзной II Археологической конференции в Херсонесе, но с заявленными докладами не выступил и тезисы их не представил.
[132] *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3.
[133] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 10.
[134] Там же. – С. 12 и след.

ства, касавшиеся четырех вполне конкретных месяцев 655 г., за неимением других внятных данных распространялись, ни много ни мало, сразу на два столетия — VII и VIII вв.: «Дороговизна предметов первой необходимости, редкость посещения гавани Херсона судами, как о них говорит папа Мартин, являются признаками упадка прежнего значения города в эту пору сравнительно с предшествующей эпохой, вероятно, под влиянием войн императоров Ираклия и Константа II. Силы империи были отвлечены от таких окраин, как Боспор и Херсон, а между тем хазары прочно укрепляют свою власть в Крыму»[135]. Очевидно, что автор не задавался вопросом, почему шедшие далеко от Херсона войны византийцев с персами, аварами, славянами, а потом и с арабами должны были столь пагубно отразиться на северочерноморском городе и откуда уже в середине VII в. здесь взялись хазары. Однако вывод, преподнесенный весьма уверенно, надолго определил дальнейшие изыскания исследователей в поисках пресловутого «упадка города» и «хазарского владычества».

Рис. 7. С.П. Шестаков

То, что Мартину осталась неизвестной близость к Херсону достаточно плодородной области готов, С. П. Шестаков пытался объяснить затрудненностью сношений горожан с ближайшими местностями, но кто были эти враги, мешавшие снабжению города, и почему окрестные «городища племен», прежде дружественные, вдруг якобы стали «разбойничьими притонами», он ответить не смог, видимо, полагая, что достаточно сделанного выше голословного указания на захват хазарами полуострова.

История пребывания Юстиниана II в ссылке в Херсоне и все связанные с ней дальнейшие события тоже оказались рассмотрены с позиции признания полного хазарского доминирования над городом как исторической аксиомы. Тудуна, недолгое время представлявшего интересы хагана в городе, С. П. Шестаков без каких-либо колебаний считал подлинным «правителем Херсона»[136]. Перипетии отправки этого «правителя» вместе с «первым горожанином» Зоилом в Константинополь, а потом обратно в Херсон и оттуда к хагану ему остались непонятны, а потому опущены как неинтересные. Он лишь предположил, что «в промежутке между первыми двумя-тремя годами VIII века и 710 г. произошла полная перемена в отношениях Херсона к двум господствующим в Крыму державам», из чего вытекает представление об одновременном, кондоминатном владении византийскими и хазарскими властями крымскими территориями. К со-

[135] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 31; ср.: *Шестаков С. П.* Папа Мартин I в Херсонесе // Труды XII Археологического съезда в Екатеринославле, 1905 г. – М., 1908. – С. 136–144.
[136] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 33.

жалению, С. П. Шестаков не воспользовался этой случайно высказанной им самим плодотворной научной идеей и свернул на привычную, давно проторенную дорогу «хазарского господства».

По его мнению, именование правителя Боспора архонтом, а не «эк просопу» хагана, как в Фанагории, указывает на «довольно независимое положение Боспора под хазарской рукой». Не заботясь об основаниях, он определяет к нему в компанию Херсон, который к 705 г., то есть ко времени возврата на трон Юстиниана II, «успел, по примеру Боспора, стать под покровительство хазар»[137]. С другой стороны, тщательное избегание экс-императором на пути к Дунаю остановок на «хазарском» крымском побережье, кроме тайного захода в Балаклавскую бухту, С. П. Шестаков изворотливо пытался объяснить ссылкой на некое мифическое «соглашение», состоявшееся между Херсоном и Боспором. В приказе василевса избить всех в этих городах и других приморских центрах он видел проявление «чисто восточного деспотизма», не обратив внимание на то, что этот «деспотизм» в корне противоречит навязываемому постулату о полном «хазарском господстве» в Таврике.

По его мнению, «занятие Дороса гарнизоном [хазар] было уже результатом готовившегося восстания против хазар», властвовавших в Юго-Западном Крыму во второй половине VIII в., но тут же, в очередной раз противореча себе, историк заявлял, что только после этого Готфия оказалась под хазарской властью, хотя ее владыки (киры и архонты) сохранили в некоторой степени свои права[138]. Парадоксальность вывода невозможно не заметить, и тем не менее он долгое время будет удовлетворять исследователей, придерживающихся его. Противоречивость таких заключений затушевывалась надуманными ссылками на некий специфичный, необъяснимый характер хазарского владычества в Крыму, который якобы ограничивался данью со здешних городов, в остальном предоставленных собственной судьбе. Таким образом, постепенно закладывалось представление о некой неосязаемой, не оказывавшей никакого влияния, едва ли не призрачной и вместе с тем реальной чужеземной «власти-невидимке», а наличие византийских и провизантийски настроенных властей на полуострове не принималось в расчет. Между тем автор не мог не заметить, что даже в источнике, опирающемся на рассказы очевидцев о положении Херсона на рубеже 50–60-х гг. IX в., город назван «соседним со страной хазар», но не находящимся в этой стране[139]. Молчали об этом и предыдущие византийские хронисты, и составители Житий.

Речь, приписываемую в начале IX в. агиографом Стефану Новому, С. П. Шестаков вполне традиционно считал доказательством иконопочитательской эмиграции в Готфию в середине VIII в., а выражение «низменная» или «впалая» относил не к придунайской Готии (Gotthias Koile), а к крымским «прибрежным местностям», невзирая на то что они лежали не в низменности или котловине, а «у подошвы гор»[140]. Видимо, указанная

[137] Там же. – С. 34.
[138] Там же. – С. 35–38.
[139] Там же. – С. 50.
[140] *Шестаков С. П.* Указ. соч. – С. 39; ср.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Иконоборческая Таврика. – С.

выше соответствующая гипотеза Ю.А. Кулаковского была воспринята как очевидная истина, не нуждающаяся более ни в каких подтверждениях. Не настораживала даже ее явная противоречивость данным Жития Иоанна Готского, события которого отчасти совпадали по времени с событиями из Жития Стефана Нового, но ничего подобного не несли.

Вместе с тем С. П. Шестаков признавал – и это надо особо подчеркнуть, – что «эпоха иконоборчества характеризуется вообще подъемом боевого могущества и развитием дипломатических и торговых сношений Византии с соседними государствами», то есть не считал ее упаднической, окрашенной только в темные краски[141]. В целом, прав он и тогда, когда пишет, что именно «политические и в особенности торговые интересы заставили Феофила (829–842) поддерживать дружественные отношения с хазарами»[142]. Византийцы не были заинтересованы в конфронтации с хаганатом, хотя понимали, что ситуация в Таврике необратимо меняется, и поэтому делали все, чтобы не упустить эти земли из своих рук. Впрочем, строительство Саркела датировалось им, как и большинством историков, 833 г., и это был шаг назад даже по сравнению с интуитивной точкой зрения Ю.А. Кулаковского, более близкой к истине, а Петрона Каматир объявлялся «братом императрицы Феодоры». Появление печенегов на территории Крымского полуострова и отлив венгров из Подонья он, следуя новейшей работе Й. Маркварта, относил к началу седьмого десятилетия IX в., «омолаживая» первое событие и «удревняя» другое, поскольку они не были абсолютно синхронны[143].

Установление стратигии на крымской земле автор, несмотря на признание наличия здесь прямых представителей имперских византийских властей, трактовал как «реакцию против той независимости, которая могла явиться последствием роли Херсона в государственном перевороте Филиппика»[144]. Другими словами, выходило, что активное участие херсонитов во внутриполитических делах Империи в 710–711 гг. отдалило их с тех пор от Византии и «обрекло» на самостоятельность, с которой попытался покончить только император Феофил, тем не менее имевший основания, судя по данным Продолжателя Феофана, Генесия и Константина Багрянородного, приказывать местным архонтам, «отцам города».

Следуя актуальной для отечественной науки тенденции усиленного внимания к контактам древних русов с греками, С. П. Шестаков постарался как можно тщательнее проследить их через Херсон. Иногда такая привязка оказывалась надуманной, искусственной, как, например, известное

180–190; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 625. Эту точку зрения продолжают отстаивать до сих пор, видя в низменной Готии Инкерманскую долину около верховьев Севастопольской бухты (*Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 45, 569.

[141] *Шестаков С. П.* Указ. соч. – С. 42.

[142] Там же. – С. 42–43.

[143] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 43; ср.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Etnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. Und 10. Jh. – Leipzig, 1903. – S. 33 f.

[144] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 44.

свидетельство «Книги путей» Ибн Хордадбеха о сборе с русских товров десятины римским императором в первой половине – середине IX в.[145] Поскольку источник называет Румское море, где торговали мехами и мечами русы, речь могла идти не только о Черном, но и об Эгейском или Средиземном море, и уж тем более не только о Херсоне.

Проявив неожиданное для столь опытного исследователя невнимание к свидетельствам агиографии, историк отнес обретение мощей св. Климента Римского и перенос их в Херсон ко времени уже после поездки Константина Философа к хазарам, а именно «...к последним годам шестого и первым седьмого десятилетия IX века», то есть к тому времени, когда на самом деле солунские братья, проведя несколько лет в Моравии, направлялись с мощами из Венеции в Рим, где Константина ждала смерть в 869 г.[146] Казус этот остался незамеченным, а ссылки на письмо Анастасия библиотекаря к епископу Гаудериху и показания Смирнского митрополита Митрофана замаскировали его для неискушенного читателя.

Вместе с тем С. П. Шестаков один из немногих, кто гораздо более объективно, чем другие историки, оценил положение Херсона в третьей четверти IX в. и не стал преувеличивать плачевность судьбы его обитателей и изолированность города. Он виделся ему и в это время центром дипломатических и торговых сношений, а преодоление водного пути из Херсона в Хазарию представлялось «обычным рейсом... торговых судов»[147].

Принятие иудейского вероисповедания хазарами С. П. Шестаков, со ссылками на некоторые ненадежные западные источники, относил ко времени вскоре после возвращения Константина Философа из миссионерско-дипломатической поездки ко двору хагана, то есть к 861 г., предвосхищая тем самым недавний, но не рассеивающий прежние сомнения на этот счет вывод К. Цукермана[148]. Оценка положения Херсона к X в. оказалась построена с пространным привлечением писем Николая Мистика (№9, 68 и 106), где шла речь об архиепископе Херсона и, очевидно, о стратиге, который на весьма шатких основаниях увязывался с известным из других византийских источников патрикием Иоанном Вогой[149]. С этой же целью

[145] Там же. – С. 46.

[146] Ср.: *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Вип. 5. – С. 238–240. Это тем более странно, что С. П. Шестакова нельзя обвинить в невнимании к данным житийных памятников и неумении их интерпретировать. К примеру, он был первым, кто связал Южный загородный крестовидный храм, раскопанный в 1902 г., с известным из агиографии храмом Богоматери Влахернской, где, по преданию, хранились мощи папы Мартина I (*Шестаков С. П.* Очерки... – С. 134–135). Позднее эту прогрессивную идею в развернутом виде блестяще обосновал Д.В. Айналов в очерке, который должен был стать, но не стал, главой задуманного пространного труда об «объяснении» херсонских церквей (*Айналов Д.В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе//Древности: Труды Московского археологического общества. – М., 1916. – Т. 25. – С. 69–77).

[147] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 52.

[148] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 54; ср.: *Zuckerman N.* On the Date of the Khazar's Conversion to Judaisme and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. – 1995. – Vol. 53. – P. 237–270; *Chekin L.C.* Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Nineth Century Reference to Judaism Among the Khazars // Russia Mediaevalis. – 1998. – T. 9. – F. 1. – P. 13–34; *Shepard J.* The Khazars' Formal Adoption of Judaism and Byzantium's Northern Policy // Oxford Slavonic Papers. – 1998. – Vol. 31. – P. 11–34.

[149] *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 57–62.

оказались рассмотрены сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» и византийско-русский договор 944/945 гг. Особо подчеркивалась важность меновой торговли херсонитов с печенегами, во время которой последние выполняли отмеченную уже Богушем-Сестренцевичем роль «комиссионеров», то есть мирных контрагентов — посредников[150].

Рис. 8. А.А. Васильев (слева)

Со ссылкой на 53 главу трактата Константина Багрянородного С. П. Шестаков писал, что этот «когда-то автономный греческий город» «не переставал в той или иной форме, по тем или другим поводам, политического или церковного характера, проявлять свои сепаративные стремления»[151]. В этом он соглашался с известным французским византинистом А. Рамбо и цитировал его слова о том, что в картине концовки главы трактата видятся «мятежные вассалы, которым прекращается имперское содержание, стратиг только по названию, который при виде бунта в состоянии только заявить протест и удалиться, безоружный представитель права, скорее юрист, чем правительственное лицо». И далее: «Император отзывает своего стратига, подобно тому, как наши современные правители отзывают своих посланников. Все эти меры имеют характер скорее дипломатического разрыва, чем кары, налагаемой на подданных»[152]. Воистину незабываемая и очень навязчивая, категоричная, субъективная оценка, которой суждено то и дело всплывать в работах других исследователей, причем самых маститых, таких как Жильбер Дагрон, недавно вновь, хотя и без ссылки на С. П. Шестакова, назвавший херсонского стратига «послом императора в стране-сателлите»[153].

Представления о хазарском господстве в раннесредневековом Крыму, «трехслойном» устройстве власти в Херсоне (хазарский тудун, ромейские архонты и городские протевоны), сепаратистских стремлениях херсонитов, слабости, никчемности византийского присутствия оказались окончательно закреплены в работах председателя РАИМК, президента Института им. Н.П. Кондакова в Праге, известного византиниста Александра Александровича Васильева (1867–1953) (риС. 8), со страниц которых не сходили херсонесские материалы[154]. Блестяще владея анализом письмен-

[150] Там же. – С. 70.
[151] Там же. – С. 77.
[152] *Rambaud A.* L'Empire grec au Xe siecle. – Paris, 1890. – P. 491.
[153] *Талис Д. А.* Политические отношения Корсуня с Русью // Архив НЗХТ. – Д. №612. – Л. 4–6; *Dagron G.* Crimee ambigue (IVe–Xe siecles) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 291, 298.
[154] *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. – 1921. – Вып. 1. – С. 265–344; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. – 1927. – Вып. 5. – С. 179–282; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936.

Рис. 9. А.Л. Якобсон

ных источников, он воссоздал ту картину «Готской Таврики», которая надолго стала едва ли не эталонной и влияние которой ощущается до сих пор. Не удивительно, что наблюдения С. П. Шестакова и А.А. Васильева нашли наиболее полное отражение в первой и единственной советской монографии, специально посвященной истории раннесредневекового Херсона, концептуальные идеи которой ее автор, сотрудник ГАИМК, плодовитый писатель и археолог Анатолий Леопольдович Якобсон (1906–1984) (рис. 9), развивал в последующих своих работах на протяжении нескольких десятков лет[155]. В результате в советской историографии оказалось сформировано устойчивое представление об этом «наиболее передовом центре Крыма» как о городе с трудной судьбой, который то находился под «ярмом» Византии, то терял с ней связь, причем эта связь всегда была сродни «иноземной зависимости», обременительной, тяжкой для горожан и для прочего населения Таврики.

Хронологические рамки периода воспринимались весьма размыто и неопределенно, в духе А.А. Бобринского, как и государственный статус Херсона. Так, «в крепкой узде зависимости» от Империи город, по мнению А.Л. Якобсона, оказался в конце V в., но приведен был в «полное подчинение» при Юстиниане I, то есть во второй четверти VI в. Конец же его раннесредневековой истории, по традиции, заимствованной у Ю.А. Кулаковского, С. П. Шестакова и А.А. Васильева, увязывался со взятием Корсуня князем Владимиром в 988 г., утверждением Киевской Руси на Черном море и неким «длительным и глубоким кризисом, который захватил Херсон на пороге XI столетия», после чего город яко-

[155] *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 148–163; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры//МИА. – 1959. – №63 (в рецензии на книгу справедливо отмечался высокий уровень архитектурной части исследования, значительно превышавший по объему результаты изучения политических, административных и социально-экономических проблем: *Тиханова М.А.* [Рец.] // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 294–307); *Якобсон А.Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья//Античный город. – М., 1963. – С. 182–190; *Якобсон А.Л.* О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса // ВВ. – 1964. – Т. 24. – С. 226–229; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики //МИА. – 1970. – №168; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 7–77; *Якобсон А.Л.* Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики //Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. – М., 1978. – С. 89–97; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – С. 5–108; *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. – Л., 1987; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса /ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 162–172; *Jakobson A.L.* Krim // Reallexikon zur Byzantinische Kunst. – 1995. – Bd. 5. – S. 375–439.

бы оказался «экономически обречен и не имел сил для возрождения»[156]. В течение этого длительного периода развитие Херсона изображалось следующим образом: в конце V в. и в течение VI в. город наладил связи с окружающим населением и пережил экономическое оживление, подъем, чему способствовала борьба Византии с варварами. Она принесла «умиротворение» и возрождение жизни в Херсоне[157]. Однако слабость его аграрной базы указывает, что хлебную торговлю он не мог вести. Рыбозасолочные цистерны засыпались, виноделие ликвидировалось, хлеб был привозной, из-за моря, и при этом наблюдалась... «определенная натурализация хозяйства» (sic!)[158]. На связь ликвидации некоторых рыбозасолочных комплексов с развернувшимся в городе бурным строительством А.Л. Якобсон не обратил внимания. Во всем этом ему виделось «ярмо Византии», хотя на деле оно выразилось в заботе о приведении в порядок оборонительных сооружений города, возведении новых христианских храмов, молелен, мартириев, баптистериев и сооружении укреплений в юго-западном нагорном районе Таврики — в области Дори. Последнее, по традиции не проверяя, он трактовал как создание limes tauricus, начатое при Юстиниане I, хотя аналогии с другими позднеримскими и ранневизантийскими лимесами не могли не настораживать своей несхожестью принципов построения, отсутствием системности.

Исследователь одним из первых обратил внимание на сохранение античного правила планировки раннесредневекового Херсона при увеличившихся в размерах, укрупнившихся кварталах с мельчавшими по площади усадьбами, что, по его мнению, которое трудно оспорить, было результатом увеличившейся заселенности кварталов и большей, чем прежде, густоты застройки. Однако он порой противоречил себе, когда, с одной стороны, указывал, что стены домов X–XI вв. стоят на фундаментах стен зданий V–VII вв., то есть фактически заявлял о континуитете в заселении участков, а значит, непрерывности городской жизни, но не видел в этом объяснения отсутствия культурного слоя VIII — первой половины IX в., субъективно оценивая свои же вполне объективные наблюдения как показатель «глубокой депрессии», «крайнего упадка», «обнищания», «запустения» и «обезлюдивания» Херсона в «темные века»[159]. Замечание на первый взгляд справедливое и знаменательное, но на деле равносильное абсурдному сетованию на то, что город жил в это время нормальной жизнью и не подвергался из десятилетия в десятилетие регулярным разрушениям, столь милым сердцу археологов с их заботами о поисках обильных в таких случаях массовых материалов[160].

[156] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 21, 65–66. Позже конец средневековой Таврики исследователь начнет связывать с рубежом IX–X вв., когда страна, разгромленная печенегами, якобы вновь запустела, что, впрочем, не помешало выводу о «возрождении Херсона» и его «превращении в относительно крупный торговый и ремесленный центр Таврики» (ср.: Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... – С. 11; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 56).

[157] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 10.

[158] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 9–10.

[159] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсон. – С. 35, 282–294; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 27, 60–61; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 10; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 29, 30; Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса. – С. 162–172.

[160] Наблюдения о преемственности в строительстве, о том, что кладки стен средневекового времени находятся нередко на остатках античных стен, делались и другими археологами во время

Увлеченно и глубоко занимаясь изучением средневековой архитектуры, искусства, А.Л. Якобсон внес существенный вклад в анализ соответствующих херсонесских материалов, причем обобщение таких сведений долгое время оставалось единственным. Им была, по сути дела, впервые поставлена чрезвычайно сложная задача обобщить и подытожить многолетние исследования городища. Результаты его исследований крепостной ограды и христианских базилик, их декора органично вошли в картину общего представления о Херсоне V–X вв., хотя предложенные датировки и интерпретации ряда строительных остатков были не всегда точными и имели тенденцию в сторону удревления. К примеру, интенсивное христианское строительство А.Л. Якобсон объяснял, как и Г.Д. Белов, совместно с которым вел раскопки на северном берегу города, лишь настойчивым насаждением христианства византийскими властями при Юстиниане I[161]. Строительство многочисленных херсонских базилик он считал единовременным, но для этой «единовременности» допускал весьма широкие рамки — с конца V до начала VII в. — и ошибочно полагал, что к VIII в., если не раньше, эта архитектурная форма традиционного общественного здания в Херсоне уже навсегда отмерла[162]. На самом деле этот тип культового здания был гораздо долговечнее, дожил до конца раннего Средневековья и еще практиковался в конце XI–XII в.[163]

Видимо, некритически восприняв отнюдь не окончательное мнение В.В. Латышева, иссследователь упорно отождествлял главный храм города — «базилику Уварова» — с житийным храмом Св. Петра, причем относил его возведение к V в., как и А.А. Бобринский, невзирая на иные, вполне определенные данные, полученные в 1901 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Четырехапсидный мартирий на западной оконечности города поначалу вообще выпал из его внимания, а потом по необъяснимому заблуждению, безосновательно стал именоваться «крещальней», каковой он никогда не был[164]. Гипотезу К.Э. Гриневича о его связи с массовым крещением херсонитов и житийным чудом епископа Капитона автор, ви-

раскопок в разных районах города (VI, VII, VIII, X, XX кварталы) (см.: *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках VI поперечной улицы в 1977 г.//Архив НЗХТ. – Д. №2130. – Л. 3; *Рыжов С. Г.* Отчет за 1895 год о раскопках VIII квартала в северном районе Херсонеса//Архив НЗХТ. – Д. №2613. – Л. 2; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках X квартала «б» в Северном районе Херсонеса//Архив НЗХТ. – Д. №3270. – Л. 15; *Калашник Ю.П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 г.//Архив НЗХТ. – Д. №3314. – А. 4). Отсюда следовал вполне определенный, к сожалению, долгое время не замеченный и не введенный в научный оборот вывод, который разрушал сложившийся «упадочный» стереотип представлений: «При сооружении средневековых домов строители старались использовать кладки предшествующих построек. Там же, где они не сохранились или же были сильно разрушены, возводилась средневековая стена, но она являлась продолжением стены античного времени» (*Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках VI поперечной улицы... – Л. 3).

[161] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 130–131.

[162] *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес // МИА. – 1950. – №17. – С. 229; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 131, 182, 212; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 132; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития раннесредневековой архитектуры. – С. 7; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса. – С. 163–164.

[163] *Сазанов А.В.* Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса //Причерноморье в средние века. – М., 1999. – Вып. 4. – С. 276–290.

[164] Ср.: *Якобсон Л.А.* Средневековый Крым. – С. 24; *Якобсон А.А.* Крым в средние века. – С. 25.

димо, не воспринял либо она осталась ему неизвестной. Следует заметить, что, рассматривая культовые памятники с позиции истории архитектуры и искусства, А.Л. Якобсон не ставил их в связь с объяснением литургического устройства, обрядов и места в литургической жизни и топографии города[165]. Впрочем, времена воинствующего атеизма, на которые пришлась основная пора научного творчества талантливого, много знающего автора, не располагали к этому.

Концептуально звучали слова о глубоком и закономерном упадке Херсона в VII–VIII вв., причину чего историк видел в нашествии хазар «в середине VII в.», разорении сельского хозяйства Таврики и отрыве города от экономически «передовых районов Византии» (той самой, что, по его же словам, была «ярмом» для херсонитов)[166]. Он также полагал, что кастра между Херсоном и Боспором в VIII–IX вв. прекратили существование[167]. Причем его не насторожили собственные, вполне убедительные выводы о том, что сельские общинные поселения юго-западного нагорья Крыма продолжали в VIII–IX вв. жить и успешно развиваться «в условиях определенной стабилизации, наступившей тогда в северопричерноморских степях в условиях затишья и ослабления кочевников (хазар)»[168]. «Мы вправе называть это время, — убедительно заключал исследователь, — эпохой возрождения и подъема сельских поселений»[169]. Таким образом, воздействие одного и того же исторического фактора на один и тот же объект оценивалось одновременно и как отрицательное, и как положительное. Столь же странно звучал почерпнутый у Ю.А. Кулаковского и С. П. Шестакова тезис о том, что в эпоху иконоборства правителям Византии

[165] Ныне особенно ясно становится необходимостью применение ко всему этому понятий и методов христианской археологии, но пока такие попытки редко выходят за пределы IV–VI вв. и еще реже приближаются к уровню обобщений (ср.: *Pöltz A.* Die frhchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos/Krim//Mitteilungen zur christlichen Archäologie. – Wien, 1998. – T. 4. – S. 45–78; *Беляев С. А.* Христианская топография Херсонеса: Постановка вопроса, история изучения и современное положение//Церковные древности: VII Междунар. рождественские образовательные чтения. – М., 1999. – С. 3–49; *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: ДиС. ... канд. богословия/Московская Духовная Академия. – Сергиев Посад, 2001 (рукопись); *Бернацки А.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья//Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 69–82; *Юрочкин В.Ю.* Древнейшие изображения Креста Господня//Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. – К., 2002. – С. 21–50; *Завадская И.А.* Баптистерии Херсонеса: (К истории крещального обряда в ранневизантийский период)//МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 251–269; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. – К., 2003; *Сорочан С.Б.* О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса//Вісник Харьківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – №594. – Історія. – Вип. 35. – С. 58–72; *Сорочан С.Б.* К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской//Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 211–232; Сорочан С.Б. О мартирии в составе архитектурного комплекса Уваровской базилики//Символ в философии и религии: VI Крым. междунар. конф. по религиовед.: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 41–42; *Гайдуков Н.Е.* Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 51–63).

[166] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 27; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 10; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 29, 30.

[167] *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 10.

[168] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 27; *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 146, 181; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 29.

[169] *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 146.

«было не до Таврики» и поэтому сюда устремились ромейские монахи — иконодулы, чтобы устраивать многочисленные пещерные монастыри и оставаться «вне воздействия центральной византийской власти»[170].

А.Л. Якобсон едва ли не единственный, кто дотошно проанализировал материалы раннесредневекового загородного некрополя по результатам раскопок 1889–1912 гг., но, верный взлелеянной теории упадка, запустения города в VIII–IX вв., «создал» искусственную лакуну между погребальными сооружениями V–VII вв. и IX–X вв., хотя сам же отмечал непреложный факт последовательного и очень долгого использования позднеримских погребальных сооружений и наличие множества безынвентарных, особенно грунтовых, могил в верхней насыпи кладбища, неглубоко от дневной поверхности, над склепами, как и наличие пришедших на смену семейным коллективных общественных усыпальниц с многими сотнями погребенных[171].

С упадком «захолустного» Херсона, сыгравшего тем не менее «видную роль в государственной жизни Византии», связан и другой тезис об ослаблении здесь византийского господства и укреплении позиций местного самоуправления[172]. Карательная экспедиция Юстиниана II в начале VIII в. рассматривалась как мера, направленная на искоренение этого самовластия. В вынужденном обращении херсонитов к хазарам за помощью тоже виделось «несомненное проявление резкой оппозиции местного населения к византийской власти», хотя одним из инициаторов обращения к хагану был как раз представитель этой самой византийской власти — спафарий и архонт Илья, незадолго перед тем назначенный императором в Херсон[173]. И уж совсем необъяснимо звучал на фоне предыдущих утверждений о хазарском господстве в отпавшем от Империи Крыму вывод о том, что именно события 710–711 гг. способствовали сближению Византии и каганата. По мнению исследователя, хазары прочно занимали крепости Юго-Западной Таврики и даже Мангуп не был в «пределах византийской власти»[174].

В общих и, как кажется, противоречивых, сомнительных контурах исторической картины эпохи «темных веков» ему виделись, с одной стороны, «обнищавший и обессиленный Херсон, с другой — многочисленные общинные земледельческие поселки, оторванные от города и жившие преимущественно натуральным хозяйством, но вместе с тем своим ростом вызвавшие и развитие ремесленного производства, особенно гончарного; наконец, монастыри, возникшие в ту эпоху и в той или иной степени вовлекавшие деревню в сферу феодальной эксплуатации»[175].

Целью выступления Иоанна Готского А.Л. Якобсон полагал «изгнание хазар из страны», которую он считал издавна захваченной хазарами. Мя-

[170] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 177–180; Якобсон А.Л. Крым в средние века. – С. 29.
[171] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 248–281.
[172] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 29; Якобсон А.Л. Крым в средние века. – С. 31 (протопопит Зоил, являвшийся архонтом Херсона, без колебаний объявлен «главой местного самоуправления»).
[173] Ср.: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 32.
[174] Там же. – С. 30, 31, 37.
[175] Там же. – С. 35.

теж исследователь, вопреки логике изложения источника, приурочивал ко времени «сразу же после Никейского собора 787 г.», к тому же, следуя приемам марксистской методологии, причину его видел «не столько в борьбе "готов" с хазарами, сколько в восстании против местной власти, иначе говоря, во внутренней социальной борьбе», порожденной «процессом феодализации», «феодальным порабощением»[176]. Раз этому феодализму положено было быть с точки зрения марксистско-ленинской формационной периодизации истории, значит, он был, а раз так, надо было искать и находить его канонические типологические признаки. В дальнейшем исследователь окончательно сместит акценты в сторону выступления населения Готфии против местных властей и засилья неких гипотетических, на археологическом материале не прослеживаемых «разразраставшихся монастырей», причем, вопреки своим ранним заявлениям, «заставит» это местное население, мечтавшее об изгнании захватчиков, «искать поддержки у хазар»[177]. Позиция Херсона и византийских властей в этих событиях оставалась необъясненной, если не считать невнятных и опять-таки противоречивых указаний относительно освобождения херсонитов от хазарской зависимости и обретения ими «фактической самостоятельности», которой у них до этого, несмотря на наличие «независимого местного самоуправления», выходит, не было[178].

Город изображался «центром идейного сопротивления антимонастырскому курсу византийской политики», в котором скапливались силы оппозиции[179]. Тем самым автор отказывал в уме византийскому правительству, поскольку оно занималось тем, что ссылало в подозрительный, более того, опасный, взрывчатый, независимый город своих политических врагов, в том числе вполне реальных кандидатов в узурпаторы, претендентов на царский трон. Столь же буквально, как проявление антицерковных настроений, он понимал известные слова монаха Епифания о непостоянстве «херсаков», не замечая в них оттенка презрительного отзыва ортодоксального иконодула по отношению к верноподданно подчинившимся «неверию».

А.Л. Якобсон видел отличие в культуре западной и восточной Таврики VIII–IX вв., хотя на деле оно проявляется слабо, пожалуй, лишь в более частом использовании техники каменной кладки «в елку» (opus spicatum) и сырцового кирпича как строительного материала. Эту разницу исследователь верно объяснял отличиями в естественных условиях регионов и давней местной строительной традицией[180]. Он же обратил внимание на общность типа жилого дома, что еще больше сближает в культурном отношении Юго-Западный Крым и его восточные районы[181].

Создание фемы в Таврике А.Л. Якобсон, вслед за А.А. Васильевым и большинством остальных, датировал 833–834 гг. и связывал причину ее появления, наряду со строительством Саркела «в 833 или 837 г.»,

[176] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 41–43; *Якобсон Л.А.* Средневековый Крым. – С. 31–32.
[177] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 33, 35.
[178] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 47.
[179] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 33.
[180] Там же. – С. 43.
[181] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 117–120, 184–186.

с необходимостью противодействовать «русской агрессии», что, по его мнению, вновь вернуло город, в котором ромеи якобы не были заинтересованы экономически, «на авансцену византийской политики»[182]. К этому же времени он относил «постепенное подавление и уничтожение» городского самоуправления, что вкупе с усилением феодализации и ростом налогов повлекло за собой обострение классовой борьбы, проявившейся в восстании и убийстве стратига Симеона[183]. Таким образом, выстраивалась новая надуманная цепочка «фактов», из которых только два крайних — создание фемы и убийство стратига — были заимствованы из источников, да и то последнее событие, как обычно, без объяснений и проверки, вероятно, вслед за Ю.А. Кулаковским, было увязано с 892 г.

Субъективным было и заключение о состоянии глубокого упадка, застоя, в котором в это время оставался Херсон как центр ремесла и торговли[184]. Видимо, на этот вывод повлияло представление о пагубности влияния общего кризиса византийского города в «темные века». «Еще в 60-х гг. IX в. Херсон казался запустевшим, его население немногочисленным», отмечал автор и тут же писал об экономическом возрождении западных районов Крымского полуострова в конце IX в. и экономическом подъеме Херсона, который он видел в факте выпуска собственной разменной бронзовой монеты в те же 860-е гг. и в скорой активизации застройки города[185]. В действительности начало выпуска монеты могло совпасть с организацией помощи херсонитов в строительстве Саркела, а выводы об очередном «архитектурном буме» увязываются скорее с более поздней ситуацией XI столетия[186]. До этого можно говорить о развертывании оборонительного строительства и оборудовании комплекса фемного претория, но эти данные были А.Л. Якобсону недоступны.

Подчеркивая важность торговых связей херсонитов с появившимися в Крыму в самом конце IX в. печенегами, исследователь полагал, что город якобы только тогда вошел в круг византийской экономики, опуская факт и источники его существования в предыдущие столетия[187]. При всем том в Херсоне он справедливо видел культурный центр, который «сравнительно мало отставал в своем развитии от окружающих стран», и, самое главное, обосновал этот многозначительный вывод на основе глубокого, тщательного, подчас детального анализа материальных памятников, обнаруженных в ходе многолетних раскопок, чего столь синтетично и в таком объеме не делал никто из предшественников. Пожалуй, именно в этом, а не в новизне выводов, мало изменившихся по сравнению с временами барона Кёне и профессора С. П. Шестакова, состоит бессмертная

[182] *Якобсон А.А.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 47–54; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 55–56; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 37, 58.
[183] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 61.
[184] *Якобсон А.А.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 52; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 58.
[185] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 56–57.
[186] См.: *Романчук А.И.* «Слои разрушения X в.» в Херсоне: (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира)//ВВ. – 1989. – Т. 50. – С. 182–188; *Завадская И.А.* О разрушении Херсонеса в X–XI вв.//Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. конф. памяти М.И. Артамонова: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 121–122.
[187] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 58.

заслуга А.Л. Якобсона, вписавшего золотые страницы в дело изучения византийского Херсона.

Рис. 10. Д.Л. Талис

Гораздо более скромную по объему, но целенаправленную попытку дать общую оценку состояния Херсона в эпоху раннего Средневековья предпринял другой талантливый историк-археолог, незадолго перед тем защитивший кандидатскую диссертацию, научный сотрудник археологического отдела Государственного исторического музея, Давид Львович Талис (1927–1986) (риС. 10), который предложил первый опыт периодизации истории города в IV–X вв.[188] При этом он один из первых справедливо заметил, что время с IV до середины VI в. не было отмечено никакими глобальными, принципиальными изменениями по сравнению с первыми веками н.э., и поэтому историю Херсонеса этого времени следует считать неотъемлемой частью предшествующего, античного, а не средневекового, этапа развития. Однако хронологической границей нового периода Д.Л. Талис посчитал резкий спад экономики Херсона, который он тенденциозно увязал с общим глубоким упадком, якобы постигшим все византийские города к эпохе «темных веков». Проявления этого спада он искал в неком перерыве ремесленной традиции, немотивированном «отказе» от использования рыбозасолочных цистерн с середины VI в., упадке внутренней торговли, сокращении экономических связей, резком спаде денежного обращения, а также подчеркивал якобы полное отсутствие археологических памятников VII–VIII вв.[189] Новые материалы раскопок и появившиеся со временем результаты исследований внесли на этот счет существенные коррективы, которые Д.Л. Талис не мог принять во внимание в конце 50-х гг. XX в. Впрочем, от точки зрения ученого не отказались доныне и некоторые современные исследователи, продолжающие писать о том, что с середины VI в. «Херсон вступил в длительный период спада», когда одновременно с торговлей сократилось и рыболовство, судостроение, масштабы городского ремесла, ухудшилось экономическое положение ремесленников: «город на долгое время утратил свое бывшее значение ремесленного, торгового и культурного центра», хотя оставался важным стратегическим и военно-административным пунктом Византийской империи[190].

[188] *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 54–73. О Д.Л. Талисе см.: Издания Государственного Исторического музея 1873–1998: Библиографический указатель / Науч. ред. В.Л. Егоров. – М., 1999. – С. 198.
[189] *Талис Д.Л.* Вопросы... – С. 63.
[190] Ср.: Крим: дорога тисячоліть / Упорядн. В.А. Сидоренко. – Симферополь, 2001. – С. 158.

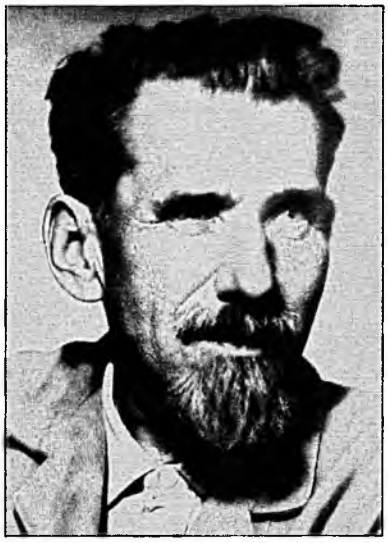

Рис. 11. Е.Г. Суров

Рис. 12. Г.Д. Белов

Настораживает другое — стремление подгонять данные источников под заранее заданную концепцию негативного состояния Херсона во второй половине VI — первой половине IX в. Письма папы Мартина I и даже схолии к житиям братьев Феодора и Евпрепия, данные сочинений Никифора и Феофана, жития Иоанна Психаита без каких-либо комментариев огульно оказались отнесены к показателям тяжелого экономического положения города и его запустения, хотя то же самое свидетельство агиографа Иоанна Психаита чуть ниже Д.Л. Талис поместил уже среди свидетельств подъема экономики Херсона с 20-х гг. IX в.[191] Оценивая город этого периода только как военно-административный и церковный центр, он отказывал ему в наличии производства, тем более товарного. Причина этого искалась в ухудшении факторов внутреннего развития, в частности в сокращении земледелия, виноградарства и в расширении пастбищного животноводства, и при этом не учитывалось, что эти обстоятельства должны были как раз содействовать заинтересованности города во внешних поставках предметов первой необходимости, а это, в свою очередь, противоречило выдвинутому автором предположению о резком ухудшении экономической конъюнктуры в бассейне Черного моря[192]. Столь же противоречивыми, субъективными выглядели указания на некое «оживление» экономики города в первой половине IX в. и констатация проникновения салтовского населения именно в Херсон в середине IX в. (с безосновательными ссылками на Житие Константина Философа и письмо Анастасия-библиотекаря). Следующее столетие представлялось апогеем развития Херсона в эпоху Средневековья несмотря на то, что следы производства, обнаруженные в ходе раскопок, с не меньшим основанием могли бы иметь отношение и к более раннему времени[193]. Д.Л. Талис, как и А.Л. Якобсон,

[191] *Талис Д.Л.* Вопросы... – С. 63, 67.
[192] Там же. – С. 66–67.
[193] Там же. – С. 68–73.

не мог не обратить внимание на демографическое и экономическое оживление в Юго-Западной Таврике в VIII–IX вв., но к выводу о положительном влиянии этого подъема на хозяйственную жизнь херсонитов тоже не пришел.

Рис. 13. А.И. Романчук

Робкий, непоследовательный отход от некоторых прежних устоявшихся представлений в отношении раннесредневекового Херсона оказался намечен в учебном пособии доцента исторического факультета Свердловского университета, организатора Уральской археологической экспедиции в Херсонес Евгения Георгиевича Сурова (1912–1975) (риС. 11), где, несмотря на следование традициям дореволюционной историографии, впервые прозвучали мысли об отсутствии глубокого упадка города после VI в., о сохранении сравнительно масштабного рыбозасолочного производства, а также были приведены материалы о новой металлообрабатывающей мастерской, обнаруженной во время раскопок в северо-западной части городища[194]. Не случайно исследованию именно этого слабоизученного района автор уделил особенно много внимания, отмечая следы жизнедеятельности херсонитов в период VII–IX вв.[195]

Однако намечавшиеся сдвиги в представлениях о раннесредневековой истории Херсона были еще столь ничтожны, что не нашли отражения в небольшой, обобщающей результаты предыдущих исследований брошюре сотрудника ГоС. Эрмитажа Григория Дмитриевича Белова (1898–1979) (риС. 12), много лет руководившего археологическими работами в Херсонесе[196]. Оценив время с конца V до середины VII в. как период подъема города, характеризующийся не только интенсивным городским строительством, но и оживлением торговли и всего хозяйства в целом, он сразу перешел к проблеме образования византийской фемы, не забыв по инерции, накопленной предшественниками, некритически упомянуть о сильных «демократических традициях» херсонитов, убийстве стратига «в 892 г.» и наставлениях Константина Багрянородного сыну[197].

Попытки пересмотра устоявшихся взглядов получат новый импульс в дальнейших работах археологической экспедиции Уральского университета, со временем возглавленных Аллой Ильиничной Романчук — преемницей Е.Г. Сурова и ученицей крупного отечественного византиниста М.Я. Сюзюмова (риС. 13). Однако еще долгое время представления о раннесредневе-

[194] *Суров Е.Г.* Херсонес Таврический: (Лекции по специальному курсу и материалы к семинару для заочного отделения) / Отв. ред. М.Я. Сюзюмов. – Свердловск, 1961.
[195] *Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 117–145.
[196] *Белов Г.Д.* Херсонес–Корсунь. – Л., 1969.
[197] Там же. – С. 34–37.

Рис. 14. О.И. Домбровский

ковом Херсоне как бы застынут на уровне изысканий 50-х гг. Показательно, что в вышедшем в 1986 г. третьем томе «Археологии Украинской ССР» этот период не был выделен в самостоятельный в разделе «Средневековый Херсон», написанном известным крымским археологом и искусствоведом, ученым секретарем Крымского отделения Института археологии АН Украины Олегом Ивановичем Домбровским (1914–1994) (риС. 14), который почти полвека посвятил археологическому изучению города[198]. При всем том приводимые соображения носили концептуальный характер. В частности, безапелляционно заявлялось, что «со второй половины VI в. Херсонес, как и Византия, переживает полосу упадка»[199]. Не замечая противоречия, О.И. Домбровский писал, что город утрачивает значение главного торгового, ремесленного и культурного центра Таврики, но остается для Византии важным стратегическим, военно-административным центром и перевалочным пунктом морской торговли. Поселение тюрок — болгар вокруг Херсона он относил к периоду между 665 и 730 гг., определил статус поселенцев как федератов Империи и справедливо отмечал оживление сельского хозяйства и экономики Таврики, упрочение связей Херсона с ближайшими сельскохозяйственными районами Готфии и степного Крыма. О.И. Домбровский один из немногих констатировал наличие здесь условий «длительного византийско-хазарского двоевластия», но считал, что это отразилось лишь на возрастании политического значения Херсона, экономика которого, невзирая на ее существование прежде всего за счет перманентной посреднической торговли, стала крепнуть почему-то только со второй половины IX в.[200] При этом роль местных ремесел и промыслов в раннесредневековую эпоху необоснованно принижалась.

Интенсивное церковное строительство в Херсоне исследователь связывал с X в., однако из дальнейшего изложения следовало, что это было время перестройки, тогда как храмы были возведены «еще в VII–VIII вв.» и позже, — взгляд, безоговорочно отвергнутый другими специалистами, не прививший, но последовательно отстаиваемый автором[201]. Впрочем, за исключением четырехапсидного мартирия и Западной базилики, эти культовые сооружения так и остались в очерке неназванными. Как можно

[198] *Домбровский О.И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР: В 3 т. – К., 1986. – Т. 3. – С. 535–543.
[199] *Домбровский О.И.* Указ. соч. – С. 536.
[200] Там же. – С. 536–537.
[201] *Домбровский О.И.* Средневековый ХерсонеС. – С. 537; ср.: *Домбровский О.И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 289–318; *Домбровский О.И.* О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. – 2004. – №3–4. – С. 11–31.

понять, водохранилище («огромная цистерна одного из городских водопроводов») и примыкавший к нему монументальный комплекс ранневизантийских помещений автор необоснованно относил тоже к X в. Он предлагал передатировать южный загородный крестовидный храм и «храм с ковчегом» на территории бывшего античного театра временем не ранее X в., хотя приводимые аргументы не исключают возможности их перестройки, а не новостройки в это время, на что резко указывал А.Л. Якобсон[202]. И уж совсем странным, противоречащим хорошо известным словам Константина Багрянородного о жизненной зависимости херсонитов от поставок зерна, вина и других продуктов из-за моря выглядит заявление о том, что в IX–X вв., наряду с соляным и рыболовными промыслами, в Херсоне интенсивно развивалась «перевалочная торговля хлебом»[203].

Недоумение вызывает и упоминание о феме Климата в XII в., когда ее уже давно не существовало, как и самого фемного строя. В целом, небольшой очерк О.И. Домбровского оставил гораздо больше вопросов, чем ответов, что в какой-то степени было симптоматично и отражало кризис старых представлений о раннесредневековом городе с его пресловутым «византийским ярмом» и беспросветным, тотальным трехсотлетним «упадком».

Между тем уже в 1972 г. А.И. Романчук была защищена кандидатская диссертация, в которой делалась попытка проанализировать положение города в «темные века» и одновременно поколебать, казалось, незыблемый пьедестал, на котором покоились выводы А.Л. Якобсона и разделяющих его концепцию, что во многом удалось[204]. Зерна серьезных сомнений были посеяны и ждали всхода. Облик угрюмого, неприютного, нищего, обессиленного, захолустного, отрезанного от цивилизованного мира Херсона стал постепенно уступать место иным, более оптимистичным и прагматичным контурам. К сожалению, работа по созданию обобщающего исследования, посвященного раннесредневековому Херсону, так и осталась незавершенной, так как, кроме специальных статей, автор опубликовала по этой теме два учебных, а не научных издания[205]. В дальнейшем А.И. Романчук будет периодически обращаться к этой своей ранней тематике[206], но

[202] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 200; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 20.

[203] *Домбровский О.И.* Средневековый ХерсонеС. – С. 537.

[204] *Романчук А.И.* Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII – первой половины IX вв.): ДиС. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1972; *Романчук А.И.* Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII – первой половины IX вв.): Автореф. диС. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1972.

[205] См.: *Романчук А.И.* К вопросу о положении Херсонеса в «темные века»//АДСВ. – Свердловск, 1972. – Вып. 8. – С. 42–55; *Романчук А.И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе//АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 45–53; *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса//АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 246–250; *Романчук А.И.* Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса//АДСВ. – Свердловск, 1975. – Вып. 11. – С. 3–13; *Романчук А.И.* Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 156–159; *Романчук А.И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1977. – Вып. 14. – С. 18–26; *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX вв.: Учеб. пособие. – Свердловск, 1976; *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 1995. – С. 13–53.

[206] *Романчук А.И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв.//Byzantino-bulgarica. – Sofia, 1981. – Т. 7. – С. 319–331; *Романчук А.И.* Изделия из кости и рога в средневековом Херсоне//АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1981. – С. 84–105; *Романчук А.И., Белова О.Р.*

в монографические исследования выльются проблемы исторической топографии позднего Херсона и оценки состояния города преимущественно в VII–IX и XII–XIV вв.[207] Последние, слитые в одной книге воедино, представляют особый интерес, ибо являются своего рода итогом многолетних наблюдений автора как над письменными источниками, так и в еще большей степени над материалом, полученным в ходе археологических раскопок, прежде всего Уральской экспедиции. Материлы раннесредневекового города оказались при этом рассеяны по соответствующим очеркам, в которых рассматривались история раскопок, оборонительные сооружения, христианские храмы и другие культовые постройки, состояние соляного и рыбозасолочного промыслов, гончарного производства, жилой застройки, особенно портового района, где наиболее интенсивно и долго, с 1963 г., вела работы Уральская экспедиция. При этом А.И. Романчук весьма актуально призвала к давно назревшему обобщению находок, которые получены в Херсонесе различными экспедициями[208].

Пожалуй, важнейшим результатом многолетних исследований явилось убедительное заключение о сохранении полифункциональности города, что уже само по себе указывало на картину внешнего благополучия Херсона и находило подтверждение в высоком уровне его городской культуры. А.И. Романчук обратила внимание на то, что на всех участках оборонительных стен, где были проведены археологические раскопки, открыты следы регулярной, периодической строительной деятельности, восстановлений, ремонтов, в том числе и в период VII–IX вв., на которые привыкли смотреть как на время упадка[209]. Еще более подробно было проанализировано состояние христианских храмов Херсона, уточнено время их функционирования и отмечено, что наиболее масштабные нивелировочные работы были как раз вызваны общественным культовым строительством и застройкой некоторых городских кварталов, особенно интенсивной в конце VI — начале VII в., после чего многие сооружения простояли веками. Правда, ряд храмов (№9, 19, 21, 27, 29, 34, по счету Имп. археологической комиссии, и пятиапсидный храм) А.И. Романчук неопределенно отнесла к «средневизантийскому перио-

К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса//АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. – Свердловск, 1987. – С. 52–67; *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Херсона//From Late Antiquity to Early Byzantium/Ed. by V. Vavzinek. – Praha, 1988. – С. 123–135; *Романчук А.И.* Западный загородный храм Херсонеса//ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 165–171; *Романчук А.И., Седихова Л.В.* «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников//Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 30–46; *Романчук А.И.* Ранневизантийский Херсон: (Отражение в источниках основных функций города)//Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 204–213; *Романчук А.И.* К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса//Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 107–118; *Романчук А.И.* Два сюжета из истории Херсона, или проблемы традиционных датировок археологических источников//Византийские очерки. – М., 1996. – С. 234–244; *Романчук А.И., Щеглов А.Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии//ВВ. – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2. – С. 178–183; *Романчук А.И.* К истории Херсона VII в.//АДСВ. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 31. – С. 92–97; *Романчук А.И.* Раскопки второго портового квартала//Россия–Крым–Балканы: диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. – Екатеринбург, 2004. – С. 206–208.

[207] *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000.

[208] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 6.

[209] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 53.

ду», не уточняя времени их строительства и, очевидно, полагаясь на добротно составленный ею «Список храмов Херсона», в котором не было упущено ни одного памятника такого рода и который отчасти пополнил и, самое главное, систематизировал данные на этот счет, собранные в свое время А.Л. Бертье-Делагардом, Д.В. Айналовым, А.Л. Якобсоном, С. А. Беляевым и Ю.Г. Лосицким[210]. Кроме того, исследовательница — одна из немногих, кто обратил внимание на такое приоритетное направление в церковной археологии, как изучение исторической топографии христианского Херсона[211].

Принципиально важным является предложенная А.И. Романчук трактовка отсутствия слоев разрушений как показателя нормальной жизнедеятельности города, а не его «упадка» или «смерти», а также обращение внимания на то, что такие промежутки между открытыми слоями («археологические лакуны») заполняются сведениями письменных источников и бытованием некоторых общественных сооружений. Отсюда следует справедливое заключение о необходимости пересмотра методики исследования и интерпретации археологических данных[212]. К несомненным заслугам автора относится анализ 102 (в таблице — 101) известных к настоящему времени херсонесских рыбозасолочных цистерн, на основании чего был получен вывод о сохранении местного рыбозасолочного производства в «темные века» и его прекращении лишь после X в., объяснение чему видится в наступивших климатических и экологических изменени-

[210] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 75, 222–243; ср.: *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса. – С. 1–64; *Айналов Д.В.* Развалины храмов//Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 152–221; *Якобсон А.Л.* Средневековый ХерсонеС. XII–XIV вв.//МИА. – 1950. – №17. – С. 229–252; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса//ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 162–172; *Беляев С. А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения)//ВВ. – 1989. – Т. 50. – С. 171–181; *Лосицкий Ю.Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса// Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – К., 1988. – С. 27–36; *Лосицький Ю.Г.* До питання типологичної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму// Археологія. – 1990. – №2. – С. 33–47; *Лосицький Ю.Г.* Про візантійські базиліки Херсонеса // Археологія. – 1991. – №2. – С. 83–98.

[211] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 72–73; *Романчук А.И.* Западный загородный храм Херсонеса// ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 165–171; *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. – С. 45–47; ср.: *Беляев С. А.* Христианская топография Херсонеса: Постановка вопроса, история изучения и современное положение. – С. 3–49; Jastrzebowska E. Ephesos und Chesonesos in spätantike und früchbyzantinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie//Riv AC. – 1999. – T. 75. – Fasc. 1–2. – S. 475–520; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 546–548, 566–569, 577–579, 593–599, 643–650, 660–669, 684–687; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 60–61, 271–272; *Беляев С. А.* О храме апостола Петра в Херсонесе//VIII Междунар. Рождественские образовательные чтения: Церковные древности//Сб. докл. секции. – М., 2001. – С. 5–28; *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: ДиС. ... канд. богословия/Московская Духовная Академия. – Сергиев Посад, 2001 (рукопись); *Сорочан С.Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра?//Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 3–6; *Сорочан С.Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне)//Восток–Запад: межконфессиональный диалог: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 37–38; *Сорочан С.* О церкви св. Василия и архитектурном комплексе большой агоры раннесредневекового Херсона//Софійські читання: Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань (м. Київ, 27–28 листопада 2002 р.). – К., 2003. – С. 196–200; *Сорочан С.Б.* О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне//АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 146–173.

[212] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 82–85, 141–142.

ях[213]. Особого внимания заслуживает также вывод исследовательницы о том, что стремление разместить в VIII–IX вв. в Крыму гончарные печи, изготовлявшие стандартную продукцию, поближе к непосредственным производителям сельскохозяйственной продукции и к морю указывает на необходимость удовлетворять возросшие потребности торговли[214]. Новым и удачным представляется предложение трактовать появление с IX в. знаков-меток или монограмм на черепицах из Херсона и других мест Таврики как способ, предназначенный для обозначения очередности обжига партии черепицы, а не персональный знак мастера или мастерской, как обычно полагают[215].

А.И. Романчук последовательно рассмотрела те кварталы городища (I, III, VI, VIII, IX, XV–XIX, XXV, XXIX, портовые кварталы 1 и 2), в которых были выявлены остатки застройки VI–X вв., с указанием на археологические комплексы и другие прямые и косвенные данные, которые говорят о жизнедеятельности в этих кварталах на протяжении всего раннего Средневековья, без перерывов и какой-либо деградации[216]. При этом она обратила внимание на то, что без учета археологического контекста статистический анализ находок позднеримских и византийских монет некорректен, к тому же подсчеты по годам выпуска не учитывают время обращения монет[217]. Вместе с тем, не ясно, о каких «кардинальных изменениях» в экономике города можно говорить на основании эпизодической работы монетного двора Херсона в «темные века»[218]. На самом деле это была общая тенденция, свойственная всей Византийской империи и связанная с усилением императорской самодержавной власти, контроля столичного государственного аппарата, более жесткой, чем прежде, централизацией монетного дела.

Возражения встречают и некоторые другие взгляды А.И. Романчук. Так, без колебаний она пишет, как и нередко критикуемый ею А.Л. Якобсон, о существовании в Херсоне самоуправления, причем даже образование фемы, по ее мнению, «не означало полного преодоления самостоятельности городской верхушки, полного контроля над херсонитами, стремления этого пограничного центра проводить политику, идущую вразрез с центральным правительством»[219]. Именно желание покончить с этой независимостью городской общины видится ей главной причиной происшедших в Крыму административно-территориальных изменений, хотя объяснений, почему именно в 30-е гг. IX в. возросла роль Херсона как форпоста в борьбе с некими «часто сменяющими друг друга варварами», она не привела[220]. Причину, по какой Константин Багрянородный советовал применять по отношению к херсонитам меры не столько во-

[213] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 88–101. Следует заметить, что список цистерн обрывается на находках 1992 г. и может быть дополнен результатами раскопок как предыдущего, так и последующего времени.
[214] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 113.
[215] Там же. – С. 129–130.
[216] Там же. – С. 135–146, 167-183.
[217] Там же. – С. 178.
[218] Там же. – С. 178.
[219] Там же. – С. 58, 206.
[220] Ср.: *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX вв. – Свердловск, 1976. – С. 9.

енного, сколько экономического воздействия, исследовательница тоже не объяснила. Как о само собой разумеющемся постулате она, с указанием на отнюдь не бесспорные посылы И.В. Соколовой и Г.Г. Литаврина, пишет о том «постоянном стремлении к автономии, которое было свойственно херсонской знати, охранявшей многовековые традиции полисной организации»[221]. Между тем это все те же внеисточниковые знания. Глубокое изучение системы византийского управления и ее сопоставление с государственным устройством этого византийского города, отличавшегося континуитетом своей администрации, позволяют усомниться в таком выводе[222].

А.И. Романчук упорно не желает признавать наличие огнеопасных, «горячих» производств (горнов, печей) в пределах жилой зоны раннесредневекового Херсона и умалчивает об имеющихся возражениях, высказанных уже в отзыве И.А. Антоновой и М.Я. Быкова на ее кандидатскую диссертацию. Она полагает, что все гончарные эргастирии находились только с внешней стороны оборонительных стен и такие «черты античного градостроительства» сохранялись до X–XI вв.[223] Но ромейские правила, регулирующие расположение производственных комплексов в пределах городской застройки, видимо, не были столь категоричными и, главное, соблюдались на практике весьма непоследовательно, что демонстрируют результаты исследований не только Херсона, но и других византийских городов[224]. Трудно также согласиться с заключением, что центральная, верхняя городская площадь — большая агора — была лишь «идеологической доминантой»: полифункциональность таких общественных мест в византийских городах опять-таки находит многочисленные подтверждения[225].

Поскольку амфоры VIII–IX вв. встречаются в основном в пределах Крымского полуострова, А.И. Романчук, в соответствии со своими давними выводами, указывает на якобы имевшие место изменения направления торговых путей в это время и на их сокращение, не учитывая, что и прежде амфоры местного изготовления не попадали далеко за пределы Херсонеса, в заморье, хотя город поддерживал устойчивые экономические контакты с малоазийскими и восточносредиземноморскими центрами. И уж совсем странным выглядит объяснение изменений торговых связей города в раннее Средневековье ссылками на «внутреннюю политику византийских императоров», репрессии во время правления Фоки

[221] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 201.

[222] См.: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. – С. 118–132; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 209–274, 306–325; *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст.// Археологія. – 2000. – №1. – С. 57–67; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 520–538; *Храпунов Н.И.* Администрация evagies oikoi в Херсоне//МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 357–361; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв.//ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 568–582; *Сорочан С.Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления»//ВВ. – 2003. – Т. 62 (87). – С. 21–46; Храпунов Н.И. Тенденция развития органов власти византийского Херсона//Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 223–230.

[223] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 103–105, 202.

[224] См.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 129–136.

[225] *Сорочан С.Б.* Византия... – С. 57–96.

(602–610) против сирийских городов, что происходило далеко за пределами Таврики, да и не мешало херсонитам иметь с этими городами торговые связи по меньшей мере до середины VII в.[226] Изменение ситуации исследовательница, как в свое время А.Л. Якобсон, относит только к X–XI вв., когда Херсон «восстанавливает связи с центральными районами империи»[227]. Впрочем, вопреки этому утверждению, от которого веет «комплексом» предшествующей историографии, окончательный вывод был сформулирован более осторожно и содержал признание в том, что в период «темных веков» город все же «отчасти сохранил связи со своими традиционными партнерами»[228]. К сожалению, с новыми соображениями на этот счет, появившимися в некоторых работах, А.И. Романчук то ли оказалась незнакома, то ли пренебрегла ими, сознательно оставила без критики[229].

Непоследовательность можно заметить и во взглядах автора относительно идейно-религиозной ориентации Херсона. По ее мнению, Житие Стефана Нового указывает на то, что в «начальный период иконоборчества», то есть, надо понимать, уже во второй четверти VIII в., до синода 754 г., в городе и его окрестностях нашли приют гонимые иконопочитатели, и ситуация изменилась лишь в начале IX в., когда «Таврика из района, где иконопочитатели находили убежище, превращается в место их ссылки»[230]. О случаях таких изгнаний в более раннее время исследовательница умалчивает, очевидно не желая «портить» ими предлагаемую концептуальную схему.

Прочие расхождения во взглядах не столь принципиальны, но на них стоит указать, ибо они сложились либо под влиянием весьма старых заблуждений, уже нам встречавшихся, либо могут стать со временем основой для формирования в историографии новых «авторитетных утверждений». К примеру, устройство Западных ворот Херсона у башни VIII без каких-либо доказательств отнесено к периоду «между VII – первой половиной IX в.», несмотря на то что оборонительная стена на этом участке датируется гораздо более ранним временем, как и главная продольная улица, выводившая к этим воротам[231]. Они-то и являлись известными из агиографических источников «Красными (Красивыми)», или «Святыми» (ta Iera), воротами, которые А.И. Романчук путает с Южными, так называемыми Мертвыми воротами, действительно находившимися с первых веков н.э. между XII и XIII башнями, откуда дорога вела по периболу мимо устроенных здесь погребений (захоронения №1009–1552) к обшир-

[226] Ср.: *Романчук А.И.* Очерки... – С. 182–183.
[227] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 183; ср.: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 56, 59–60.
[228] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 204.
[229] *Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1996. – С. 114–122; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты. – С. 124–126; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 208–267.
[230] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 78.
[231] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 51; ср.: Археологическая хроника//Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. – 1896. – №4. – С. 108–109; *Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. – 1911. – №45. – С. 61–62.

ному загородному некрополю у Карантинной бухты и Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии[232].

Уваровскую базилику (№23) она называет, вслед за В.В. Латышевым, житийным «храмом апостола Петра», не учитывая иные версии[233]. Сооружение храма, открытого в 1958 г. на месте проксения античного театра, А.И. Романчук датирует X–XI вв., не объясняя, почему она отказывается от известной ей более ранней датировки этого памятника, тем более что к этой датировке, в свое время предложенной проводившими раскопки О.И. Домбровским и Е.А. Паршиной, исследовательница прибегает, когда речь заходит о засыпе рыбозасолочных цистерн, открытых на этом участке[234]. Крестовидный храм №27 по центру большой агоры она, вслед за Ю.Г. Лосицким, датирует «по аналогиям» не ранее X–XI вв., хотя тут же обращает внимание и на более ранние памятники такого рода и приводит реконструкцию храма в виде типичного ранневизантийского сооружения[235].

Убийство херсонитами стратига Симеона А.И. Романчук относит к 892 г., механически повторяя извечную, прочно укоренившуюся ошибку предыдущих исследователей[236]. Письмо №68 Николая Мистика она, как и С. П. Шестаков и некоторые другие, обращает к стратигу Херсона Иоанну Вогасу (Воге), хотя имя адресата в источнике не было указано и им вполне мог быть иной человек, преемник патрикия Воги[237]. Наконец, в Житии Стефана Сурожского нет ни слова о захвате церковных сосудов в Херсоне «русским князем Бравлином», а речь идет об ограблении Сугдеи и прочих земель, видимо окрестных ей, «от Корсуня до Корчева», то есть района, известного византийцам как климата[238].

И все же, несмотря на наличие таких натяжек или отдельных неточностей, нельзя не заметить главного, чего добилась автор за долгие годы работы, — кардинально нового взгляда на историю средневекового Херсона, особенно разительного на фоне давления авторитета предшествующих обобщающих исследований, из плена которого удалось вырваться немногим.

К сожалению, этого не скажешь о последних крупных работах по истории ранневизантийской Таврики. А.В. Сазанов уделил при этом немало внимания Херсону, убедительно проследив факты, указывающие на континуитет, сохранение преемственности в жизни города вплоть до конца VII в., но, как только речь зашла о последующей эпохе «темных веков»,

---

[232] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 52, 73; ср.: *Антонова И.А.* Юго-Восточный участок оборонительных стен Херсонеса: Проблемы датировки//Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 110–111, 123; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. – С. 654–655, 675–677.

[233] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 66, 72–73; см.: *Сорочан С.Б.* Византия... – С. 60; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. – С. 383; 577–579.

[234] Ср.: *Романчук А.И.* Очерки... – С. 74, 94.

[235] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 74, прим. 72; с. 228–229, рис. 25, 2; ср.: *Хрушкова Л.Г.* Крестовидные церкви Херсонеса Таврического//Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 234.

[236] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 59, 206.

[237] *Романчук А.И.* Указ. соч. – С. 79–80; ср.: *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв.//Византия: Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 35.

[238] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 207.

поспешил с трафаретной, бездоказательной констатацией «дезурбанизации и кризиса византийского города в целом»[239].

Менее подвержено таким крайним, «нигилистическим» оценкам исследование А.И. Айбабина, но и оно не оказалось свободно от старых шор[240]. Автор рассматривает положение Херсона поэтапно, до появления хазар в Таврике и после, на фоне общеисторической панорамы всего региона. Он признает нормальное, далекое от упаднического положение города и отмечает некоторые трудности его истории, которые видит в долгом владычестве хазар на Крымском полуострове. Однако не обнаруживает (или не представляет себе) единого принципа владения этой территорией, который вполне мог лежать в основе здешних отношений противоборствующе-союзничающих сил — ромеев и хазар. Он декларирует часто упоминаемое хазарское господство или, как вариант, протекторат, в чем и видит ключ к созданию собственной концепции раннесредневековой истории Таврики. Но место Херсона в этой концепции, вобравшей огромное количество бесценных данных источников, оказывается обособленным, каким-то уединенным, самим по себе, поскольку плохо вписывается в предлагаемую концептуальную историю, как выясняется, не столько «ранневизантийского», сколько, по сути дела, «хазарского» Крыма. Безусловно, одна из лучших работ, она «зависает» по причине обращения к некоторым старым клише, которые порой виртуозно уточняются в деталях, принципиально не столь важных. Кроме того, исследованию не хватает внутренней стройности, плановости изложения, что проявляется в делении материала на две огромные главы, по сути дела, самостоятельные книги, разведенные по принципу хронологии, где трудно обнаружить логическую, смысловую увязку отдельных, разноплановых, ничем не выделенных разделов друг с другом.

Еще более усложненной, хаотичной структурой с трудно улавливаемой связью между отдельными частями, обширными поясняющими вставками или параграфами, обозначенными лишь буквами в порядке алфавита, отличается монография профессора Уральского университета австрийца Ханса-Файта Байера, значительный раздел которой тоже посвящен раннесредневековой истории Таврики[241]. Занимаясь готами и связанными с ними некими «крымскими хазарами», автор то и дело обращался к пассажам, напрямую связанным с историей Херсона, поэтому его книгу нельзя обойти вниманием в развертываемой череде обобщающих работ.

Научный редактор монографии А.И. Романчук сравнила ее с известной работой А.А. Васильева и подчеркнула многоплановость и полемичность

---

[239] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. диС. ... д-ра ист. наук/МГУ. – М., 1999. – С. 40.

[240] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук/ Институт истории материальной культуры РАН. – СПб., 1998; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. Основные наблюдения и выводы были повторены исследователем в соответствующих разделах обобщающей коллективной монографии о средневековых древностях, вышедшей в многотомном академическом издании по археологии (см.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века/ Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 27–30, 40–52, 55–86).

[241] Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 42–150 (гл. 7–9), 335–361.

исследования, построенного с характерной для немецкой исторической школы тщательностью анализа источников[242]. С последним, но не с пространными комментариями к этим источникам, можно согласиться. Их сводка подана без какого-либо намека на периодизацию, так что раннесредневековый этап вычленяется весьма приблизительно, без какого-либо обоснования. Собственно, о нем и не идет речь как о самостоятельном историческом периоде. Если его началом условно можно считать конец VI в., то противоположный рубеж, судя по плану работы, угадывается где-то около событий Корсунского похода князя Владимира и восстания Георгия Цулы в 1016 г.

Примечательно уже то, что Х.-Ф. Байер начинает повествование о раннесредневековой Таврике словами о том, что «хазары захватили Боспор и в 581 г. появились перед Херсоном»[243]. Поскольку «хазар» в это время не существовало, надо полагать, речь идет о тюркютах и утигурах — гуннах, булгарах, их союзниках, которых А.А. Васильев, впрочем, тоже относил к хазарам[244]. Далее следует известный набор фактов относительно расправы экс-императора Юстиниана Ринотмета с архонтом Боспора Валгицем, который интерпретируется как хазарский «Булшици», и взятый на веру историографический пассаж о «крепости», якобы выстроенной хазарами в VIII в. «на развалинах христианских культовых зданий» в Боспоре[245]. На деле ни то ни другое не столь однозначно[246]. Еще более голословным предстает указание на то, что Юстиниан II бежал из Херсона в Дарас (Дорос) именно в 703/704 г.[247], ибо по логике рассказа Феофана и Никифора это могло произойти гораздо раньше, вскоре после свержения василевса Леонтия и прихода к власти Тиверия Апсимара в 698 г.

Х.-Ф. Байер признает, что из факта бегства экс-императора в один из центров Готфии не следует вывод о включении последней в состав Хазарии, но далее делает противоречащее этому заявление о том, что Херсон «...получил еще до 710 г. хазарское управление», поскольку там был архонт Тудун «от лица хагана» и этот архонт беспрепятственно пустил в город карательные войска Юстиниана II, поскольку ни хаган, ни тудун... «не знали в точности, был ли император их другом или врагом»[248]. Этакая святая простота, едва ли не детская наивность перед лицом вооруженного флота с мощным экспедиционным корпусом! Местные же византийские власти в лице протополита, прочих протевонов и простатевонов в расчет не принимаются. Более того, не только тудуна, но и Зоила исследователь причисляет к «хазарским начальникам». В случившемся в Фанагории он

[242] См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. XIII.
[243] *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 42
[244] Подобная несуразность появилась уже у П.И. Кеппена, который назвал тюрок хазарами применительно к событиям 540–576 гг., говоря о борьбе с ними персов (*Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма... – С. 53).
[245] *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 44 (со ссылкой на работы Т.И. Макаровой и К. Цукермана).
[246] *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 469–508; *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминимум?//ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 522–523.
[247] *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 43.
[248] Там же. – С. 45.

видит лишь предательство «очень жадного» до денег хагана, а не мастерски разыгранную двухуровневую политическую комбинацию, которая при любом раскладе принесла бы выгоды изворотливому хагану[249].

Соглашаясь в целом с тем, что «...везде, где господствовало византийское государство, господствовало и иконоборчество», автор тем не менее настаивает на «...заметном количестве иконопочитателей» в Таврике, преимущественно ссылаясь на некритически воспринятый текст Жития Иоанна Готского, написанный с явной иконопочитательской тенденциозностью и всяческими преувеличениями заслуг героя в деле отстаивания икон[250]. На этом фоне привлекает внимание заслуживающая дальнейшей разработки гипотеза относительно наличия в Готфии к 787 г. двух епископов — законного, иконоборца Никиты, и нелегитимного «епископа готов» Иоанна Исповедника[251]. Х.-Ф. Байер, один из немногих, дает верный по смыслу перевод раздела Жития, принципиально важного для понимания причин выступления Иоанна, а именно о том, что последний пошел на сговор с местными властями и народом для того, «...чтобы хазары не овладели их страной», но далее следует совершенно необоснованное заключение, что «...со времени близкого Никейскому собору 787 г. уже невозможно точно отделить Готию от Хазарии»[252]. Молчание византийских источников на эту тему он считает лишь удивительным, не более того.

Отсутствие самостоятельных упоминаний Готфии и Дороса, или Доранта, в епархиальных списках и других документах VII и VIII вв. (нотициях №1 и №2 по Дарруже) заставило Х.-Ф Байера признать, что они не существовали в виде отдельных епископий, хотя после 754 г. он таковую признает опять-таки на основании некритически воспринятого сообщения Жития Иоанна Исповедника о подписи не фигурирующего в нотициях этого времени «епископа Готфии» под постановлением иконоборческого синода 754 г.[253] Между тем гораздо логичнее предположить в нем епископа Херсона, который уже в VII в. официально выступал одновременно и как предстоятель Доранта, то есть Крымской Готфии[254]. Сведения неопределенно датируемой, неофициальной нотиции де Боора (№3 по Дарруже) исследователь признает за доказательство существования митрополии Готфии, которая «аннексировала... Хазарию духовно», тогда как с конца VIII в. хазары силой захватили саму Готфию[255]. Нельзя не заметить, что Х.-Ф. Байер понимает несуразность такого вывода. Он пишет: «Изумляет не только то, что епископия Готии стала митрополией, и что Готии, расположенной на юго-западе Крыма, подчиняется Тмутаракань на востоке Керченского полуострова, но прежде всего причисление к Готии областей, о христианизации которых пока неизвестно»[256].

[249] Там же. – С. 46, 47.
[250] Там же. – С. 47–53, 336–340.
[251] Там же. – С. 52, 340–343.
[252] Там же. – С. 53, 54.
[253] Там же. – С. 55.
[254] *Mansi J.D.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... – Graz, 1960. – Col.992; *Ohme H.* Das Concillium Quinisextum und seine Bischogsliste (Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692)/ Arbeiten zum Kirchengeschichte. – Berlin; New York, 1990. – S. 151.
[255] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 55–56.
[256] *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 57.

Тем не менее это не отвратило его от поспешного заявления, что «...все местности, названные принадлежащими к митрополии Готии, находились под властью Хазарского каганата», хотя тут же следует признание этих сведений нотиции де Боора не более чем «миссионерской программой для этих областей», то есть согласие с мнением, в свое время впервые высказанным В. Мошиным[257].

Легендарные загадочные Фулы (Фуллы) Х.-Ф. Байер увязывает с поселением у С. Планерское в Юго-Восточном Крыму и, вслед за А.А. Васильевым, делает вывод, что «...приморский город стал столицей епископии хотзиров спустя некоторое время после 787 г.». Недвусмысленно указываемую нотицией де Боора близость Хотзирона к Фулам и Черной Воде он на основании «долгого размышления» огульно отвергает и, вопреки источнику, смотрит на них, наоборот, как на «...самые отдаленные пункты Крымской Хазарии»[258]. Последняя для него не историографический мираж, а историческая данность, не подлежащая сомнению. Объяснение причины, по какой составитель нотиции говорил о «хотзирах» — «Хотзироне», а не о «хазарах», если топоним «Хазария» ему известен, исследователь относит к числу «небольших проблем» — «для того, чтобы отличить их друг от друга» (sic!)[259]. Невзирая на сопротивление материала, он полагает, что «...в любом случае следует предположить, что хазарская власть через страну, которая описана в нотиции как область хотзиров, распространялась до Фулл, где достигала моря»[260].

Под термином «климаты» или, правильнее, «климата», встречающимся в источниках IX–X вв. применительно к территории Крымского полуострова, Х.-Ф. Байер понимает «пограничные территории», но не соглашается видеть в них лишь Готфию и горы Юго-Западной Таврики, как это делает К. Цукерман, справедливо возражая против того, что этот вывод якобы «признается всеми»[261]. Однако далее в свойственной ему манере, весьма напоминающей подзабытый любимый прием А.А. Бобринского, он предлагает читателям полный простор выбора: ...«климаты» были либо под контролем или Византии, или Хазарии, либо самостоятельными «до тех пор, пока... около 787 г. Готия подпала под власть хазар». После этого между готами и «крымскими хазарами» сохранялись многовековые, исключительно дружественные отношения, хотя далее следовал вывод о том, что хазары во время этого готско-хазарского доминирования принудили готов к сотрудничеству[262]. Того больше, сама «Хазария могла быть

[257] Там же. – С. 57.

[258] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 65; ср.: *Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай//АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 459.

[259] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 65–66.

[260] Там же. – С. 66.

[261] *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона //БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып.1. – С. 318–319; ср.: *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 71.

[262] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 106–107, 149. Видимо, забыв об этом, исследователь писал, возражая своим оппонентам, что готы «были федератами Византийской империи со времени около 787 г.» и все же оставались независимыми (*Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 453).

подчинена Готии» (sic!)[263]. И это невзирая на то, что «Готия и ее климаты» из письма Феодора Студита от 808 г., на которое ссылается исследователь, — всего лишь области, расположенные между Херсоном и Боспором по южному берегу Крыма и его горным районам.

Особый и обширный раздел монографии посвящен посещению Таврики Константином Философом, житийному так называемому спору вероисповеданий, обращению хазар в иудаизм, поклонению святому дубу у народа Фул[264]. По мнению автора, посланник верховных властей Византии имел дело в Херсоне с изучением еврейского и сирийского языков, но не русского, а тем более с письменностью, которую ему самому еще предстояло изобрести[265]. Но «посвящение себя молитве», как это делал Константин, находясь в городе, Х.-Ф. Байер почему-то относит к числу «наивных агиографических мотивов» и тем самым путает молитву с ученостью, образованностью[266]. Миссионерская деятельность так или иначе всегда носила просветительские черты, и поэтому опять-таки непонятно, в чем тут смелость и новаторство утверждения автора[267].

Вслед за К. Цукерманом он отказывается от признания иудаизации Хазарии до 861 г., одним махом устраняет все личные имена хазарских хаганов и соглашается с тем, что иудейская Хазария существовала только после 861 г. вплоть до гибели хазарского государства[268]. Единственная оговорка сводится к тому, что «уровень иудаизации Хазарии при прибытии Константина предполагает давнюю предысторию»[269]. Указание же на языческие обычаи хазар в Житии он понимает только как то, что «...всеобщего охвата иудаизацией в Хазарии» еще не произошло[270], а визит Константина к «народу Фульскому», в котором «наиболее вероятно» видит хазар, живших около Судака, традиционно, без должного внимания к тексту источника толкует как пример крещения все тех же язычников в Таврике[271]. Впрочем, в этом он не одинок.

В связи с историей Херсона заслуживают внимания и разделы, связанные с анализом материалов о постройке крепости Саркел византийцами, учреждении фемы Климата, значении этого топонима, стратигах фемы, хазарском и венгерском военном присутствии в Таврике в 860-861 гг., Иоанне Воге, договорах русов с Империей в X в., администрации византийской Готфии[272]. Так, закладку Саркела он, вслед за К. Цукерманом, относит к 840 г., а причину ищет в приграничном положении крепости на левом берегу Дона, воскрешая при этом старый тезис о необходимости отражения русов, якобы стремившихся добиться доминирования в донских

[263] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 71.
[264] Там же. – С. 75–96 (гл. 8).
[265] Там же. – С. 76.
[266] Там же. – С. 78.
[267] Там же. – С. 78.
[268] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 84; ср.: *Zuckerman C.* On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. – P. 237–270.
[269] *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 84.
[270] Там же. – С. 85.
[271] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 63–64, 90, 94–95; ср.: *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 460.
[272] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 98–146.

степях. Впрочем, этим «будущим губителям Хазарии» он не отдает предпочтение, называя, наряду с ними, венгров и печенегов, от которых хазары тоже искали защиты[273]. Иных интересов, кроме воённо-политических, в случившемся ему не видится. Вообще, чтение Х.-Ф. Байера навевает ложную мысль, что современников описываемых им событий совсем не волновали проблемы добывания «хлеба насущного», экономики. Непонятно, почему предложенный К. Цукерманом буквальный перевод слов kamatera karabia — «утомительные корабли» представляется «слишком марксистским» и в чем предпочтительность термина «грузовые суда»: в любом случае речь шла о гребных транспортных судах, с каких бы позиций, марксистских или нет, их ни рассматривать[274].

Назначение спафарокандидата Петроны Каматира стратигом Херсона автор на редкость определенно и вместе с тем недостаточно доказательно относит к лету 841 г., хотя в подстрочнике тут же поясняет, что «...точность даты "летом" можно подвергать сомнению и terminus ante quem является январь 842 г. — смерть Феофила»[275]. Но не это существенно. Как можно понять из ссылок на соответствующий пассаж из Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана, образование фемы Х.-Ф. Байер понимал как «овладение крепостью Херсоном и местностями в нем», а причину случившегося видел в недоверии византийских властей к местным «первенствующим и начальникам»[276]. Старая, привычная, давно обкатанная в историографии версия, отказывающаяся замечать уже существовавшую до присылки стратига власть василевса над городом, явилась на выручку и на этот раз.

В племенах и народах, угрожавших Таврике после создания фемы Климата в 850–860-х гг., исследователь считает возможным подозревать печенегов и русов, но, что странно, даже не упоминает хазар и венгров[277]. Между тем печенеги появились здесь не ранее конца IX в., а о русской угрозе Крымскому полуострову в этом столетии вообще нет определенных, надежных данных. В превращении фемы Климата в фему Херсон он видит лишь «простое переименование» и не ищет его причин, которые могли бы привести к соответствующим выводам[278]. Зато когда Х.-Ф. Байер берется за анализ некоторых печатей стратигов, рождается парадоксальное заключение: поскольку один из херсонских Зоилов, стратиг середины IX в., был тезкой «хазарского протополита Зоила 710 г.», значит, «местная знать в Крыму была в середине IX в. тоже хазарской» и осуществление совета Петроны полностью не лишило эту знать влияния, «...потому что стратигами Херсона могли становиться, как ранее протополитами этого города, и ее члены»[279]. Воистину, перл

[273] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 101, 102, 110. Вместе с тем, теорию К. Цукермана о том, что Саркел был построен против венгров, исследователь считает «слишком дерзкой и произвольной», «очевидно ошибочным тезисом», но ничего оригинального взамен не предлагает (*Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 457).
[274] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 100.
[275] Там же. – С. 102, прим.261.
[276] Там же. – С. 102.
[277] Там же. С. 103.
[278] Там же. – С. 103.
[279] Там же. – С. 104–105.

софизма, которому позавидовал бы раблезианский Панург! При этом следует учесть, что вывод о «хазарской знати Херсона» строится единственно на отказе признать в имени Зоил греческое имя, редкое, известное и у греков, и у ромеев, на что в свое время обратил внимание И.С. Чичуров[280]. «Хазарским стратигом», «представителем крымской хазарской знати» объявляется и византийский патрикий Иоанн Вога, упоминаемый в византийских источниках в связи с событиями 917 г. и сношениями с печенегами, с которыми он, вероятно, имел родственные связи[281]. Поэтому с куда бóльшим основанием можно предположить, что патрикий общался со своими печенежскими союзниками не на хазарском языке, а на языке «патчинакитов».

Х.-Ф. Байер выражает сомнения в верности понимания известного свидетельства Георгия Амартола о пребывании венгров на Дунае в 836–837 гг., но в то же время его не устраивает версия К. Цукермана, что Саркел строили для защиты от венгров, поскольку они находились далеко от него,... поблизости от Дуная (sic!)[282]. Местом же столкновения венгров с хазарами автор считает восточный берег Волги, причем хазары еще владели «обширными территориями на западной стороне Дона, между прочим, и Крымом»[283]. Эти походя, между прочим брошенные фразы поданы как не подлежащие сомнению, а вопрос о феме Климата рассматривается совершенно обособленно, вне вышеприведенного заключения, входящего с ним в очередное противоречие.

Исследователь признает в хазарском военачальнике, осадившем в 860 или 861 г. христианский город в Таврике, «полководца на службе у хазарского кагана» и не относит его к «крымским хазарам»[284]. Присутствие этого военачальника и венгерского войска в районе Херсона он пытается объяснить «...распространением расположенной там Леведии, или бегством оттуда после вторжения в эту страну печенегов»[285], хотя оснований в подобной локализации венгерской Леведии нет никаких, а появление печенегов на территории Крымского полуострова не могло случиться в это время: до него еще предстояло пройти не менее 30 лет. Х.-Ф. Байер сам помещает Леведию между Южным Бугом и Днепром, максимум до Перекопского перешейка, без захода на полуостров[286]. Относя иудаизацию каганата ко времени 861–869 гг., исследователь полагает, что «...итильская власть после превращения каганата в царство уже не достигала Крыма», однако это «политическое обстоятельство» не привело к «...исчезновению оттуда хазар»[287]. Мало того, они даже бежали в Боспор, ибо жаждали добровольно принять крещение, на что, по его мнению, указывают слова письма патриарха Фотия к архиепископу Боспора[288].

[280] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения; «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 130–131, коммент. 345.
[281] *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 139.
[282] Там же. – С. 111, 112.
[283] Там же. – С. 113.
[284] Там же. – С. 116.
[285] Там же. – С. 117.
[286] Там же. – С. 137.
[287] Там же. – С. 118.
[288] Там же. – С. 130.

В итоге автор монографии создает причудливый образ «христианской Хазарии-Готии», в которой роль и статус Херсона оказываются маловразумительными, а попросту, непонятными. Даже административную историю Юго-Западной Таврики, которая могла бы стать одним из основных стержней исследования, он восстанавливает в следующих чертах: «до 787 г. и немного позднее, уже под властью хазар», Готфией правил куг, которого Х.-Ф. Байер называет «готский государь»; затем Готфией правил «хазарский тудун», как это предположил уже А.А. Васильев. В то же время исследователь признает, что «...общим признаком управления» Готфией, когда она находилась в сфере влияния византийцев, являлось подчинение ее правителя «...не только императору, но и стратигу», надо полагать, фемы Климата и Херсона, хотя перед этим заявлял, что только во второй половине X в. Готфия «...опять вошла в состав Византии»[289]. Таким образом, нетрудно заметить, что существование византийского Херсона в VI-X вв. подано автором исключительно в свете готско-хазарского доминирования, некой этнической, извечной, «континуитетной» чистоты обитавших рядом с ним готов и хазар, а большинство выводов, к которым он пришел, противопоставляются, входят в противоречие друг другу. Справедливо называя идеологию «злым духом в науке», сам исследователь не отрешился от практики навешивания идеологических ярлыков на тех, чьи выводы не устраивали его, и, в частности, незаслуженно низко оценил вклад А.Л. Якобсона, «сталиниста по принуждению или убеждению»[290]. Разумеется, это не рождает лучшего понимания и без того запутанной истории раннесредневековой Таврики. В целом можно согласиться с тем, что «...монографию Х.-Ф. Байера следует признать претенциозной и неудачной попыткой превзойти труд А.А. Васильева»[291], а политическую историю крупнейшего византийского центра, располагавшегося на территории Юго-Западного Крыма, трактованной в ней неверно. О социально-экономической и культурной его истории речь вообще не шла.

В этом плане выгодно отличается от вышеназванных исследований предельно краткий очерк-справка о Херсоне VII-XIV вв., написанный французскими историками Анной Бортоли и Мишелем Казанским[292]. Он занимает пять страниц текста, из которых три приходятся на историю раннесредневекового города и его округи. Небольшой объем и генерализирующий метод изложения предопределили тезисность многих положений, представленных практически без анализа и развернутых доказательств, с минимумом необходимых ссылок на основную специальную литературу, но это не мешает им нести большой информативный объем, в котором лишь изредка встречаются неточности, противоречия. Так, авторы считают Херсон прежде всего военным и административным византийским центром и тем не менее признают, что «город играл доминирующую роль в

[289] Там же. – С. 146.
[290] См.: Байер Х.-Ф. Идеология... – С. 453–460.
[291] *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера//МАИЭТ. – Симферополь, 2002. – Вып. 9. – С. 616.
[292] *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region//The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century/Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). – Washington, D.C., 2002. – Vol. 2. – P. 652–657.

политической и экономической жизни Крымского полуострова в целом»[293]. Они же констатируют, что порт и связанная с ним торговая деятельность сохранялись на протяжении всего Средневековья, что в городе в конце VI – VIII в. развивались рыболовство, засолка рыбы, сохранялось ремесленное производство[294].

Подчеркивая континуитет в планировке, в системе оборонительного строительства, расположении загородного некрополя, французские исследователи постулируют очень важный вывод об изменении «социальной и экономической топографии» средневекового Херсона, но сводят эти «изменения» лишь к указанию на существование кафедрального центра на северо-восточном берегу и необоснованному постулату о концентрации городской знати в этом же районе города, что, к слову, противоречит византийской практике, не знавшей социального районирования, деления городской территории на аристократическую часть и посад[295].

Период значительного подъема, особенно строительного, авторы очерка относят к концу VI – началу VII в., отмечая многочисленные свидетельства заморской торговли, амфор, поздней краснолаковой керамики, стеклянных изделий из Средиземноморья, сохранение херсонитами выпуска разменных монет, наличие собственного ремесла, рыбозасолочных цистерн. Они признают поддерживание в VI-VII вв. сельскохозяйственного производства в соседстве с городом, на Гераклейском полуострове, где обнаружены следы сельского быта, однако ссылка при этом на работу А.Л. Якобсона не совсем корректна, ибо этот исследователь о подобных памятниках, расположенных ближе Инкермана, не писал[296].

Оценивая свидетельство папы Мартина I о тяжелом экономическом положении в Херсоне в 655 г., А. Бортоли и М. Казанский отметили, что они входят в противоречие с обнаруженным в ходе раскопок города массовым археологическим материалом середины – второй половины VII в., особенно импортной керамикой средиземноморского круга, следами собственного ремесленного производства горожан. По их мнению, контакты с окрестными народами не только не привели к варваризации Херсона, который сохранил ромейский характер, но, напротив, вызвали «эллинизацию» населения округи, преимущественно готов и алан, на что указывают материалы некрополей Инкермана, Черной речки и Сахарной головки[297]. Тем не менее исследователи сами не избежали противоречия, когда заявили о «кризисе» в период нахождения в городе папы Мартина, причем попытались объяснить этот кризис, якобы имевший место, «тюрко-хазарским завоеванием», не учтя, что к этому времени агрессия алтайских тюрок уже давно сошла на нет, а хазарское вторжение еще не наступило[298].

Важно отметить их видение Крыма процветающим в VIII-IX вв., причины чего авторы верно усмотрели в выгодности политической ситуации,

[293] Ibid. – P. 652.
[294] Ibid. – P. 652–653.
[295] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 112–113, 339.
[296] *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region. – P. 652–653, note 7; ср.: *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики /МИА. – 1970. – №168. – С. 21.
[297] Ibid. – P. 653.
[298] Ibid. – P. 653.

сведя ее к союзу с Хазарским каганатом, притоку тюрко-булгар на полуостров и широкой миграции из Византии, что, в свою очередь, содействовало ромеизации культуры местного населения[299]. Тем самым они интуитивно подошли к признанию особого статуса здешних земель в составе Хазарии и Византии. Показательно также, что авторы, в отличие от многих своих предшественников, не отказывают Херсону в его экономическом развитии в «темные века» и отмечают существование в это время рыбозасолочного промысла, бронзолитейного, гончарного производства. Увеличение монетного выпуска в самом городе во второй половине IX в. они связывают с развитием торговли, в том числе с Таврикой, но не учитывают, что мелкие бронзовые номиналы служили для нужд внутреннего рынка, а во внешней торговле были задействованы весьма слабо. Торговые связи с Хазарским каганатом, по их мнению, прослеживаются по находкам тюрко-булгарской, аланской и закавказской керамики, что весьма сомнительно, поскольку процент такой керамики весьма невелик и ее товарное значение невысоко. Сходство в гончарных, стеклянных, металлических изделиях, обнаруженных в Херсоне, с аналогичными памятниками Средиземноморья заставляет авторов прийти к выводу о тесных связях города с Империей даже в VIII–IX вв.[300]

На фоне этого сжатого, но весьма удачного по своим «программным наблюдениям» очерка шагом назад выглядит раздел, посвященный истории раннесредневекового Херсона, включенный в новейшую, богато иллюстрированную обобщающую англоязычную монографию, написанную большим коллективом авторов под научной редакцией проф. Дж. Картера (Техасский университет, Остин). Глава, составленная Л.В. Седиковой, Полом Артуром, Т.Ю. Яшаевой и Дж. Картером, не добавляет ничего нового, но вновь возвращает к прежним, в том числе устаревшим, представлениям о городе V–IX вв., не обосновывая произвольно взятые хронологические рамки, и насаждает досадные ошибки[301]. В их числе датировка ссылки папы Мартина в Херсон 653 г. и утверждение о двухгодичном (sic!) пребывании ссыльного в городе, что, разумеется, не соответствует данным источников[302].

На основе раздела «Памятники древнего города» трудно составить представление об общей и христианской топографии городища в разные эпохи, тем более о ее развитии, а мощнейший западный фланг обороны с его городскими воротами и соседние храмы (за исключением Западной базилики) вообще остались без внимания[303]. Безусловно, выигрышная по полиграфическим показателям, красочная книга остается по содержанию развернутым буклетом, лишенным подлинной научной глубины.

В полученном историографическом наброске предстает абрис как достигнутого, так и перспектив будущих исследований, впрочем, далеко не полный. Показательно, что некоторые принципиально важные моменты,

[299] Ibid. – P. 653–654.
[300] Ibid. – P. 654.
[301] Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum, and Environs/Ed. Glenn R. Mack, J. C. Carter. – Austin, Texas USA, 2003. – P. 29–34.
[302] Ibid. – P. 32.
[303] Ibid. – P. 59–119.

например особенности государственного устройства, характер администрации города, создание византийской фемы на крымской земле, вообще оказались обойдены вниманием в рассмотренных обобщающих работах, что едва ли можно посчитать случайным. Даже периодизацию этого периода нельзя признать уже установленной. Нетрудно заметить, что необходимость жесткого критического подхода порождает путаница и противоречивость взглядов большинства исследователей, читающих, перечитывающих, слушающих, но, к сожалению, редко слышащих друг друга. В кабинетной работе и раскопках проходили десятилетия, столетия, но каждый «пел свою песню», мастерски или фальшивя, вставляя в нее издавна знакомые мотивы.

Поэтому относительно изучения истории византийского Херсона, как и истории раннесредневековой Таврики, рано говорить об окончательных итогах. Они выглядят неподведенными. По сути дела, остаются почти не исследованными повседневная жизнь херсонитов, их этические и моральные нормы, ментальные представления, демография, социальный и этнический состав, церковные обряды, литургическая жизнь, культура, язык, палеография, искусство. Историографическое обоснование, сознательно построенное на анализе лишь главных, этапных, концептуальных работ, показывает, что пока еще нет труда капитального, отчасти намеченного, а быть может, лишь предвосхищенного некоторыми страницами сего скромного труда, цель которого — рассмотреть в общерегиональном контексте, выстроить в связной последовательности поэтапную и вместе с тем, насколько возможно, всестороннюю цивилизационную историю развития Херсона как части раннесредневекового евразийского мира, органически, воедино увязав при этом данные сопоставляемых письменных и вещественных источников.

Да не случайные, но обдуманные поиски
не утомляют ревнителей, и да не встречает их
поганое равнодушие, приправленное иронией.
И камни могут еще заговорить, хотя бы люди
в немом отупении, потребляя блага земли,
ими незнаемой, слепыми остались для прошедшего,
чтобы также слепо наслаждаться ее современным.

В. Григорович (1815–1876)[1]

Глава 1

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРОШЛОГО. ВИДЫ И ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ

Массив материалов по истории Херсона, накопленный за последние два столетия, впечатляет, причем на долю раннесредневекового периода относится та часть памятников, которую ныне уже не назовешь скудной. Другое дело, что все сказанное об этом византийском городе в письменных источниках, за редким исключением, obiter dictum.

Если располагать их по степени достоверности, на первое место следует поместить памятники права, основанные на историческом прецеденте. Однако единственным случаем, когда в них отразился ранневизантийский Херсон можно считать новеллу императора Юстина II и его новоиспеченного соправителя, кесаря Тиверия, изданную в ознаменование Пасхи 575 г. Во втором разделе указа сообщалось об освобождении жителей «Херсонниса» (так в оригинале — Chersonnesos), наряду с боспорянами

[1]Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. – 1864. – Ч. 13. – С. 1004.

и лазами, от отправляемой по индиктам имперской морской повинности, которая называлась ta ploima и состояла в поставке судов, предметов оснастки и морского снаряжения[2]. Очевидно, эта льгота, как и прочие, распространялась на ближайшие четыре года, наряду с уменьшением на четверть годового налога, отменой пошлин на ввоз вина и масла в Константинополь. Впрочем, к последнему благодеянию упомянутые «херсониты» едва ли имели отношение, ибо масло в столицу уж точно не возили. Скорее, наоборот. Тем не менее фиксируемое в законе юридическое действие преподнесено однозначно и не нуждается в критике, чего не скажешь о неоднозначной трактовке исторической ситуации, ставшей причиной столь важных экономических мер[3].

Следующее присутствие Херсона в историко-правовом поле Византийской империи письменные источники обнаруживают лишь спустя 250 лет. К таковому относится Тактикон, впервые изданный по рукописи Иерусалимской библиотеки Ф.И. Успенским и ныне надежно датируемый 842–843 гг., началом правления малолетнего Михаила III и его матери, вдовствующей августы Феодоры[4]. Другой трактат, известный как Клиторологий царского цереомониймейстера — атриклина, протоспафария Филофея, появился в сентябре 899 г. и, как подчеркивал его составитель в предисловии, отражал сведения из древних «клиторологиев»[5]. В обоих административных трактатах фигурируют чиновные должностные лица византийского Херсона, что позволяет достаточно ясно определить их место в фемной иерархии санов и постов и даже проследить изменения, происшедшие в течение полустолетия. Замыкают ряд этих раннесредневековых трактатов «Тактикон Бенешевича» и «Тактикон Икономидеса» (Эскуриальский тактикон), составленные соответственно между 934–944 и 971–975 гг. (или 979 г.), ценные для нас уточнениями относительно эволюции византийского фемного строя на территории Крымского полуострова[6].

---

[2] Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 3: Novellae / Rec. R. Shoell. Opus Shoellii morte interseptum absolvit G. Kroll. – №163, Cap. 2, P. 751.

[3] Ср. примеры таких трактовок новеллы 575 г.: *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1906. – С. 59; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИРАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 183; *Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1956. – №63. – С. 31, прим. 1; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V – VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 123; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 134.

[4] *Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах // ИРАИМК. – 1898. – Т. 3. – С. 98–137; Le tacticon du cod. Hierosol. gr. 39, dit taktikon Uspenskij // Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. Introduction, texte, traduction et commentaire. – Paris, 1972. – P. 41–63; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang – und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S. 23–26.

[5] Трактат-пособие Филофея был целиком включен Константином Багрянородным в 52–57 главы второй книги сочинения «О церемониях императорского двора» (с.: Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo ex rec. I.I. Reiskii. – Bonnae, 1829. – P. 702–791; Philotheou kletorologion // Bury J. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. – London, 1911. – P. 131–179; Le traite du Philothee // Oikonomides N. Les listes... – P. 65–235; ср.: *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. – Berlin; Amsterdam, 1967. – Vol. 2. – P. 220–226; *Winkelmann F.* Op. cit. – S. 20–23).

[6] *Benescevic Vl.* Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. – 1926–1927. – Bd. 5. – S. 97–167; Le taktikon du cod. Hierosol. gr. 24, dit taktikon Benescevic // Oikonomides N. Les listes... – P. 237–253; Le taktikon du cod. Scorialensis gr. R–II–11 // Oikonomides N.

Определенное представление о церковной «географии» раннесредневековой Таврики и о месте в ней Херсона дают акты (каноны) Вселенских и Поместных соборов в тех случаях, когда им сопутствовали подписи херсонских предстоятелей. Они засвидетельствованы для Трулльского (Пято-шестого) собора 692 г. и VII Никейского собора 787 г.[7] Их дополняют сведения о боспорских (VI Вселенский собор 680–681 гг., Константинопольский поместный собор 879-880 гг.) и сугдейских иерархах (собор 787 г.)[8].

Еще богаче сведения епархиальных ведомостей Константинопольского патриархата (Notitiae episcopatuum), отразившие церковно-административное деление и связанные с ним населенные пункты Империи, в том числе на Крымском полуострове[9]. Впрочем, даже официальные нотиции не полны как документы[10]. Самым ранним из них, дошедшим по трем рукописям XII-XIII и XVII вв., является так называемый Ecthesis — детальный список епархий, создание которого приписывается св. Епифанию, епископу Кипрскому (ум. 402/403 г.). Его окончательное составление, как правило, датируют временем близким к VI Вселенскому собору (680-681 гг.), хотя содержание отражает постюстинианновское время и период правления василевса Ираклия (610-641)[11]. Как и в следующей нотиции (Notitia №2 по Дарруже), датируемой концом VIII в. или временем патриархата Никифора (806-815), Херсон фигурирует здесь как кафедра (соответственно 62-я и 66-я по счету), которая наравне с Боспором (63 и 67) и Никопсеей (64 и 68) входит в автокефальную епархию Зихия, охватывавшую земли северо-восточного побережья Черного моря (eparchia Zekchios o Chersonos, eparchia tes autes o Bosporou, eparchia tes autes o Nikopseos)[12]. Это были прибрежные территории, лежавшие к северу и за-

Les listes... – P. 255–277; ср.: Darrouzes J. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'eglise byzantine. – Paris, 1970. – P. 29–30, 32.

[7] *Mansi J.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima Collectio. – Graz, 1960. – T. 12. – P. 992; *Ohme H.* Das Consilium Quinisextum und seine Bischefslisten. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. – Berlin; New York, 1990. – S. 151; Деяния Вселенских соборов. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 65, 369, 385, 598–604.

[8] Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т. 4. – С. 230; Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. – Leipzig, 1983. – Vol. 1. – P. 132.

[9] Подр. см.: *Kazdan A.* Notitiae Episcopatuum // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1496; *Науменко В.Е.* Церковная география Таврики в VII–IX вв. по данным Notitiae Episcopatuum // Крымский архив. – 1999. – №5. – С. 9–20; *Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatuum) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 35. – С. 123–145.

[10] Данные нотиций VII–XIV вв. относительно епархий на Крымском полуострове сведены в таблицы. См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 2. Православные и униатские епархии, их пределы // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 35–66, 128, спис. А; *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 203, табл. 1.

[11] *Parthey G.* Hieroclis Synecdemos et Notitiae graeca episcopatuum. – Berolini, 1866. – P. 150–161; *Gelzer H.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen – und Verwaltugsgeschichte // Abhandlungen der philos.-philol. Clase der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaft. – München, 1901. – Bd. 21. – S. 529–641 (особенно S. 534–549); Гръцки извори за българската история. – София, 1960. – Т. 3. – С. 184–196; *Darrouzes J.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. – Paris, 1981. – P. 3, 5, 7–9, 205–206.

[12] Ср.: *Darrouzes J.* Notitiae episcopatuum... – P. 18–19, 216–229 (not. 2).

паду от Авасгии и Алании с центром, вероятно, в районе Туапсе, а зихи являлись предками современных адыгов[13].

Следующая нотиция представляет собой список епархий, видимо, скомпилированный из разновременных записей и известный как рукопись Parisinus 1555 A. Она дошла в единственной копии XIV в., была открыта и под греческим названием Taxis prokathedrias ton osiotaton patriarchon, metropoliton kai autokephalon впервые издана в 1891 г. известным византинистом Карлом де Боором, который отнес ее оригинал к эпохе Исаврийской династии[14]. Последующие попытки исследователей уточнить датировку загадочной нотиции, доставившей столько хлопот историкам, до недавнего времени не выходили за пределы VIII в., за исключением Ф. И. Успенского, подозревавшего в списке подделку XI в., и Г. Вернадского, датировавшего его окончательную редакцию началом 60-х гг. IX в.[15] Лишь последний издатель памятника, Жан Дарруже, опубликовавший полный свод списков епархий Константинопольского патриархата, пришел к выводу, что нотиция де Боора, которой он присвоил №3, могла быть составлена с учетом материалов Псевдо-Епифаниевого списка и других источников конца VII в., отразила ситуацию с епископскими престолами в Европе до иконоборческого собора 757 г., но к этому были добавлены почти столетние сведения конца VIII – конца IX в., почерпнутые из актов Никейского Вселенского собора 787 г. и Константинопольского поместного собора 869–870 гг.[16] К тому же она носит компилятивный и, вероятно, неофициальный характер, хотя в отдельных деталях и отражает реальную ситуацию. Согласно ей, на 82-м месте значится епархия Зихия с Херсоном, 83-я епархия Боспора и 84-я епархия Сугдеи (Сугдаи)

---

[13] *Науменко В. Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве... – С. 131.

[14] *De Boor C.* Nachträge zu den Notitiae episcopatuum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – Gotha, 1891. – Bd. 12. – S. 303–322; *De Boor C.* Nachträge zu den Notitiae episcopatuum. II // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – Gotha, 1891. – Bd. 12. – S. 519–534; *De Boor C.* Nachträge zu den Notitiae episcopatuum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – Gotha, 1893. – Bd. 14. – Heft 3. – S. 573–599.

[15] См.: *Успенский Ф.* Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX и X веке // Киевская старина. – 1885. – Т. 25 (Май – Июнь). – С. 261; *Кулаковский Ю.* К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. – 1898. – Ч. 315. – Февраль. – С. 176–187 (вторая половина VIII в.); *Мошин В.А.* Eparchia Gotthias в Хазарии VIII в. // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. – Белград, 1929. – Т. 2. – С. 149–156 (737–763 гг.); Гръцки извори за българската история. – София, 1960. – Т. 3. – С. 184–196 (733–787 гг.); *Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia. I. The Eparchy of Gothia // Byzantion. – 1940–1941. – T. 15. – P. 67–76; *Артамонов М. И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 260–261 (80-е гг. VIII в.); *Wasilewski T.* Byzancjum i Słowianie w IX wieku. – Warszawa, 1972. – S. 28 (751–787 гг.); *Гадло А. В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии (АДСВ. – Вып. 17). – Свердловск, 1980. – С. 130–145 (50–80-е гг. VIII в.).

[16] *Darrouzes J.* Notitiae episcopatuum... – P. 20–33, 45, 229–233, 241–242, 245 (not. 3). В. Е. Науменко, следуя сербскому исследователю В. Мошину, видит в нотиции де Боора нереализованный проект по церковной организации Хазарского каганата и относит его составление к началу 60-х гг. IX в., однако такая узкая датировка, основанная на «достаточно точной топонимической номенклатуре Хазарии», якобы почерпнутой из донесения Константина Философа, едва ли приемлема для сложносоставного памятника, который зафиксировал изменения, происшедшие в списках епархий за двести лет после Псевдо-Епифаниевой нотиции (ср.: *Науменко В. Е.* Церковная география... – С. 12–18; *Науменко В. Е.* Notitia K. де Бора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 132–134; *Науменко В. Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 551–554).

(eparchia Zekchias o Chersonas, eparchia tes autes o Bosporou, eparchia tes autes o Sougdaon), то есть Сугдея заняла место Никопсеи, которая, в свою очередь, отошла к кавказской епархии Авасгии (Abasgia).

Особого внимания заслуживает упоминание в списке митрополий, архиепископий и в схолии к нему, помещенной в самом конце, без связи с предыдущим текстом, соответственно 35-й и 37-й епископии — Готфии с центром в Доросе и перечень тех географических пунктов и ориентиров, которые входили в нее, поскольку ошибочная, субъективная интерпретация этих записей несколькими поколениями исследователей породила представление о существовании Готской митрополии задолго до ее создания, а также некоего населенного хазарами епископства Chotziron в Таврике или в Хазарии VIII-IX вв.[17]

В настоящее время преобладает точка зрения на эту епархию, задуманную выходящей за пределы территории Крымского полуострова, как на византийский миссионерский проект, вызревший к последней трети IX в., но так и не воплотившийся в полной мере в реальную церковную структуру[18].

Вероятно, такой же неофициальный характер носил список, составленный, по мнению исследователей, во времена патриаршества Никифора (806–815) или в последующие ближайшие два года[19]. Примечательно, что в нем фигурируют только два епископства, а точнее архиепископства, на территории Крыма — Херсон и Боспор. Вообще, в силу дальнейшего развития тенденций к централизации, с IX в. нотиции принимают сокращенную форму и, в частности, уже не указывают провинциальные епархии, в том случае если они подчинялись митрополии. Поэтому вполне можно согласиться с замечанием Ж. Дарруже, что «эти списки являются лишь отдаленным отражением реального движения»[20].

Сложный состав отличает следующий по времени официальный список епархий (Notitiae Basilii), создание которого связывают с именем армянина Василия Ялимбаны и датируют периодом между 848 и 856 гг.[21] Впрочем, в последнее время заметна тенденция передвинуть эту дату ближе к 869–870 гг.[22] В источнике, совпадающем с завершением нотиции де

[17] *Darrouzes J.* Notitiae episcopatuum... – P. 231, 241–242, notitia 3, 611–618 (список); P. 245, notitia 3, 777–779 (схолия).

[18] См.: *Иванов С. А.* Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – №3. – С. 67; *Науменко В.Е.* Церковно-политические контакты Визатийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // Хазары: Второй Междунар. коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 74–76; *Науменко В. Е.* Notitia K. де Боора как источник... – С. 129–138; *Науменко В. Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики... – С. 133–138.

[19] *Parthey G.* Hieroclis Synecdemos... – №IX; Гръцки извори за българската история. – София, 1961. – Т. 4. – С. 145–155; *Darrouzes J.* Notitiae episcopatuum... – P. 56–77.

[20] *Darrouzes J.* Remarques sur les creations d'eveches byzantins // REB. – 1989. – T. 47. – P. 209.

[21] *Parthey G.* Hieroclis Synecdemos... – P. 55–94; Gelzer H. Georgii Cyprii descriptio orbis romani. – Leipzig, 1890. – S. 1–27; *Grumel V.* La notitia de Basile de Ialimbana. Essai sur la data de sa composition // REB. – 1961. – Vol. 19. – P. 198–207; *Beck H.-G.* Kirche und theologischen Literatur im byzantinischen Reich. – München, 1959. – S. 151; Гръцки извори... – С. 155–156; *Кулаковский Ю. А.* К истории готской епархии... – С. 173–174.

[22] См.: *Darrouzes J.* Op. cit. – P. 34–45, 250 (not. IV); *Науменко В. Е.* Церковная география Таврики... – С. 12, 18; *Науменко В. Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики... – С. 142.

Боора, по-прежнему фигурируют лишь два учтенных Константинополем церковных центра Таврики – Херсон и Боспор (они передвигаются соответственно с №63 и 64 на №67 и 68), вместе с Никопсисом (с №65 на 69), как и прежде входившие в состав епархии Зихии, что едва ли случайно и лучше соотносится с реальным положением Византии и ее Церкви на полуострове в период обострения здесь внешнеполитического положения, набегов русов, венгров и хазар[23].

Особый интерес представляет список епархий, отразивший изменения, накапливавшиеся с конца VIII – начала IX в. в церковно-административном устройстве прежде всего европейской части Византии, к которой относилась и архиепископия Херсона. Нотиция была составлена по приказу василевса Льва VI Мудрого в самом начале первого патриаршества Николая I Мистика (901-907), но отразила ситуацию предыдущих десятилетий, во всяком случае, ту, что окончательно сложилась к концу IX в.[24] Здесь фигурируют в качестве церковных кафедральных центров Херсон (№72), Боспор (№90), Готфия (№97), Сугдея (№98) и Фулы (№99), представляющие сложившуюся систему крымской епископальной «пентархии», подчиненной Константинопольской патриархии. Только теперь они перестают иметь отношение к Зихийской епархии. Еще один официальный список, известный как Nova tactica, появился, очевидно, к концу правления Романа I Лакапина, накануне самостоятельного правления Константина VII Багрянородного, около 940 г.[25] Он копирует предыдущее устройство и ничего не меняет по существу. Однако архиепископство Херсона передвигается в нем на более видное место, по-прежнему уверенно лидируя среди прочих церковно-административных единиц полуострова.

Последний раз на государственно-правовом уровне Херсон фигурирует в конце раннесредневековой эпохи в соответствующих клаузулах мирных договоров ромеев с русами, а именно в договоре, подписанном василевсами Романом, Константином Багрянородным и Стефаном и «князем Рустии» Игорем в конце января 944 г., а также в договоре, заключенном между василевсом Иоанном I Цимисхием, кесарями Василием и Константином и князем Святославом в июле 971 г. под Доростолом (Дерестром), причем в обоих случаях в соответствующих клаузулах подчеркивалось

[23] *Darrouzès J.* Op. cit. – P. 46–48 (not. V); подр. см.: *Сорочан С. Б.* «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 73–130.

[24] *Gelzer H.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum... – P. 550–559; Grumel V. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. 1: Les actes des patriarches. Fasc. 2: Les regestes de 715 a 1042. – Constantinopoli, 1936. – №598; *Darrouzès J.* Notitiae episcopatuum... – P. 53–78, 269–288 (notitiae 7); ср.: *Кулаковский Ю. А.* К истории Готской епархии... – С. 174 (автор путает эту нотицию с Nova tactica); *Науменко В. Е.* Церковная география... – С. 19; *Науменко В. Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики... – С. 143–144. Видимо, следует учитывать замечание Петра Коледарова по поводу того, что особенности состава этого списка могут указывать на положение, сложившееся после поражения византийцев при Булгарофигоне в 896 г., то есть он относился к началу правления Льва VI, когда Империя утратила часть своих земель и городов во Фракии и Юго-Восточной Македонии (*Коледаров П.* Политическа география на средновековна българска държава. Ч. 1: От 681 до 1018 г. – София, 1979. – С. 25, 44, бел. 176; С. 46–47, бел. 10). Сугдея и Фулы впервые указываются как самостоятельные архиепископства.

[25] Гръцки извори... – С. 158–165; *Darrouzès J.* Op. cit. – P. 116–117.

безусловное признание власти византийской («греческой») и власти херсонской («корсунской») над городами «Корсунской страны»[26].

Значительно большей субъективностью отличаются нарративные источники, авторы или составители которых, в свою очередь, пользовались чужими пересказами и не всегда ясно представляли себе действительную ситуацию в незнакомой им Таврике и около Херсона, о котором писали понаслышке. Тем больший интерес представляют их оценки раннесредневековой истории этого города, его места в регионе, поскольку они зачастую построены с учетом молвы, опиравшейся на отнюдь не легендарные представления современников. Какими бы искаженными они ни были, важно учесть, что образ Херсона, воссоздаваемый в этих источниках, обнаруживает если не совпадение в деталях, то по крайней мере общий дух. Так, готский историк Иордан, завершивший свой труд около 551 г., отмечал притягательность этого ромейского христианского города как торгового транзитного центра, чему не мешала, но, видимо, отчасти даже помогала близость еще не крещенных кочевых гуннских, булгарских племен, разместившихся после развала державы Атиллы в Таврике и на севере от нее[27].

Тот же мир инородцев, но уже крещенных в своей массе, почти в то же время обрисовал в «Войне с персами» (I.12.7) и в «Войне с готами» (VIII. 5. 23, 27, 28) Прокопий Кесарийский, в общих чертах воссоздав ситуацию вокруг византийского Херсона и в занятой ромейскими союзниками — крымскими готами «стране Дори» в конце V — первой половине VI в.[28] Именно благодаря прославлению строительной деятельности Юстиниана I в трактате-энкомии, написанном, как теперь удалось установить, не в 554 г., а не ранее 559/560 гг., у многих современных исследователей сложилось представление о том, что строительство не только оборонительных стен и большинства христианских храмов Херсона, но и горных крепостей на подступах к городу в Юго-Западном Крыму произошло уже в первой половине правления этого прославленного императора[29].

---

[26] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет». Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. – Пг., 1916. – С. 51–61, 86–87 (особенно С. 57, 86); ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. – Вып. 1. Повесть временных лет. – Л., 1926. – Стб. 50–51; ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. – Л., 1989. – С. 24–25; *Шестаков С.* П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 76; Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 3: Политическая мысль в России X – первой половины XIX в. – М., 1997. – С. 23–26; ср.: Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения/Статьи и коммент. Д. С. Лихачева. – М.; Л., 1950. – С. 117–118, 318–319; *Хачатуров Р. А.* Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988; *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. – Thessaloniki, 1994; *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // ВВ. – 1995. – Т. 56 (81). – С. 68–91; 1997. – Т. 57 (82). – С. 58–87. Тексты договоров представляют собой документы, включенные Нестором в свою летопись в первое десятилетие XII в. Судя по всему, они существовали в двух экземплярах – хартиях, один из которых был подписан в Константинополе византийской стороной (на нем стоял крест), а другой – русской («послы ваши и гостье ваши»).

[27] Iordanis Romana et Getica / Rec. Th. Mommsen // MGH. Auctorum antiquissimorum. – Hannoverae; Lipsiae, 1882. – T. 5. – Pt.1. – P.63; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960. – С. 72, §37.

[28] Iordanis Romana et Getica / Rec. Th. Vommsen // MGH. Auctores antiquissimorum. – Hannoverae, Lipsiae, 1882. – N.5. – Pt.1. – P.63; *Иордан.* О присхождении и деяниях гетов (Getica)/ Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. – М., 1960. – С. 72, гл. 37.

[29] Procopii Caesariensis opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive De aedificiis; *Прокопий Кесарийский.* О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 203–298; ср.: *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. – London; Berkley; Los

Между тем протиктор Менандр, писавший при Тиверии Маврикии (582-602), у которого пользовался уважением, недвусмысленно указал на роль Херсона как центра, через который шла связь с Тюркским каганатом – связь, испытавшая на протяжении 24 лет, с 558 до 582 г., амплитуду колебаний от дипломатических переговоров до вооруженной конфронтации, но в дальнейшем завершившаяся миром, который заложил основы последующих длительных отношений тюрко-хазар с ромеями[30].

Одно из первых свидетельств о свержении василевса Юстиниана II и ссылке его в Херсон, борьбе экс-императора за возврат трона донесла шестая, последняя, книга «Истории лангобардов» Павла Диакона (725/730-799) – крупнейшего писателя и историка раннесредневекового Запада, отличавшегося вниманием к византийским делам[31]. Свое главное произведение он создал между 788 и 799 гг. Примерно в то же самое время, но с гораздо более ясными и точными деталями об этих событиях сообщил в первой части своей «Краткой истории» будущий Константинопольский патриарх Никифор, который заимствовал их из некоего анонимного большого сочинения или компендиума[32]. Судя по некоторым, иногда почти дословным совпадениям, этим же источником или источниками (утраченным трудом Траяна Патрикия, «Великим хронографом», созданным не ранее середины VIII в., одной или двумя константинопольскими городскими хрониками), очевидно, пользовался и Феофан Исповедник, монах Сигрианского монастыря, получивший некие «материалы» (aphormai), «досье» от своего умершего друга, историка Георгия Синкелла, и писавший в период после 810 г. и до ссылки на

Angeles, 1985. – P. 112, 225; *Whitby L.M.* Justinian's Bridge over the Sangarius and the Date of Procopius' De Aedificiis // Journal of Hellenic Studies. – 1985. – Vol. 105. – P. 145–147; Scott R. Justinian's Coinage and Eastern Reforms and the Date of the Secret History // BMGS. – 1987. – Vol. 11. – P. 215–221; *Торбатов С.Б.* «Скифские аномалии» Прокопия Кесарийского и вопрос о времени составления его трактата «О постройках» // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – С. 52–55.

[30] Ex historia Menandri protectoris exerpta // Dexippi, Eunapii, Petri, Prisci, Malchi, Menandri historiarum quae supersunt. – Bonnae, 1829. – P. 279–444; Historici graeci minoris / Ed. L. Dindorfius. – Vol. 2: Menander Protector et Agathias. – Lipsiae, 1870. – P. 1–131 (p. 89–90, 125); *Menandros* // Excerpta de legationibus / Ed. C. de Boor. – Berolini, 1903. – P. 170–221, 442–477; *Менандр Византиец.* Продолжение истории Агафиевой (отрывок 1–77) // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с греч. С. Дестуниса. – СПб., 1860. – С. 313–470 (С. 417, фр. 45; С. 462, фр. 66).

[31] Pauli Diaconi Historia langobardorum // MGH. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum saeculi VI–IX / Ed. L. Bethmenn, G. Waitz. – Berolini, 1978. – P. 12–187 (особенно VI. 31–32).

[32] «Краткая история» сохранилась в двух рукописях: неполной, Лондонской (cod. Londinensis. Add. 19390, f. 24r – 55r), доведенной до 713 г., и Ватиканской (cod. Vaticanus graecus 977, f. 185r – 209r), которая оканчивается 769 г. Рукописи разнятся только незначительными деталями и стилистическими особенностями, возможно, являясь авторскими версиями. См.: Patriarche Nicephore Istoria syntomos // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Accedit Ignatii Diaconi vita Nicephori. – Lipsiae, 1880. – P. 1–77 (о событиях 695–712 гг. – p. 38–47); Nicephors, Patriarch of Constantinople. Short History / Text, transl. and commen. by C. Mango. – Washington, D.C., 1990 (Dumbarton Oaks Text. 10); Никифора, патриарха Константинопольского, Краткая история со времени после царствования Маврикия/ Пер. Е.Э. Липшиц // ВВ. – 1950. – Т. 3 (28). – С. 85–105, 349–387; *Патриарх Никифор* (ок. 758–829). «Бревиарий» // *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. – М., 1980. – С. 145–184. О проблемах датировки и источников «Краткой истории»: *Каждан А.П.* в сотрудничестве с *Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 277–279.

о. Самофракию в 817 г.[33] Взаимно дополняя друг друга, эти два исторических сочинения, сохранившие ценные эпизоды политической истории Херсона, позволяют не только детально восстановить картину событий 695–711 гг., но и дать оценку византийско-хазарским отношениям в Таврике, сотрудничеству обоих сил в политико-экономической сфере и полному несовпадению в плоскости религиозных контактов, доходившему до ритуальных убийств заложников-ромеев хазарами. Надо лишь учесть, что оба автора писали намного позже конца VII — начала VIII в. и, хотя сохранили относительную точность в передаче деталей, не сумели донести глубинную суть происходивших тогда событий, их характер, истинную расстановку противоборствующих политических сил. Этим же грешат повторившие их позднейшие византийские историки[34]. Поэтому они нуждаются в особенно тщательной источниковедческой критике, впрочем, как и другое историческое сочинение, известное как Продолжатель Феофана (Oi meta Theophanen), первые пять книг которого были составлены при дворе Константина VII Багрянородного (945-959), в кружке ученых секретарей василевса[35].

Для истории раннесредневекового Херсона в нем особый интерес представляет 28 глава второго раздела, посвященного «исторической биографии» императора Феофила (829-842), при котором состоялось кардинальное преобразование административно-политического статуса Таврики, связанное с созданием новой византийской стратигии на здешних землях[36].

[33] Древнейшими из 18 сохранившихся рукописей «Хронографии» Феофана являются две рукописи X в. (cod. Parisinus gr. 1710 и cod. Vaticanus gr. 155), которые помещены в основу издания Карла де Боора. См.: Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Vol. 1: Textum graecum continens. – Lipsiae, 1883. – P. 369–380; Vol. 2: Theophanis vitas. Anastasii bibliothecarii historiam tripertitam, dissertationem de codicibus operis Theophanei, indices continens. – Lipsiae, 1885 (во втором томе помещен латинский перевод Феофана, сделанный папским библиотекарем Анастасием в 873–875 гг.); The Chronicle of Theophanes. /An English Translation of Anni Mundi 6095–6305 (A.D. 602–813), with Introduction and Notes by H. Turtledove. – Philadelphia, 1982; Theopanes Chronographia. A Chronicle of Eighth Century Byzantium / Transl. by A. R. Santoro (Sources of Isaurian History. 1). Greek, Roman and Byzantine Studies Conference. – Gorham; Maine, 1982; Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта/ Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, с предисл. О. М. Бодянского. – М., 1884; *Феофан Исповедник* (ок. 760–818). «Хронография» // *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. – М., 1980. – С. 17–144; см.: *Преображенский П. Г.* Летописное повествование св. Феофана Исповедника: Исследование из области византийской историографии. – Вена, 1912; *Успенский К. Н.* Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его Хронография // ВВ. – 1950. – Т. 3 (28). – С. 393–438; ВВ. 1951. – Т. 4 (29). – С. 211–262; *Чичуров И. С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской исторической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1981 год. – М., 1983. – С. 5–146; *Любарский Я. Н.* Феофан Исповедник и источники его «Хронографии»: (К вопросу о методах их освоения) // ВВ. – 1984. – Т. 45. – С. 72–86; *Каждан А. П.* в сотрудничестве с *Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – С. 280–283; *Kazdan A.* Theophanes the Confessor // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2063 (там же литература по персоналии).

[34] Georgius Cedrenus Synopsis historiarum. – Bonnae, 1838. – Vol. 1. – P. 776–784; Ioannis Zonara Epitome historiarum. – Lipsiae, 1852. – Vol. 3. – P. 323–329; Constantin Manassis Breviarium // Constantin Manassis, Ioel, Grigorius Akropolita. – Bonnae, 1838. – P. 167, 169–176.

[35] См.: *Kazdan A.* Theophanes Continuatus // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2061–2062.

[36] Theophanes continuatus Chronographia Christi amantis ac Porphyrogenneti domini Constantini, sapientissimi domini Leonis imperatoris filii, iussu conscripta // Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus / Rec. I. Bekker. – Bonnae, 1838. – P. 122–124; *Про-*

Предшествующий статус города, датировка события, его связь с дальней экспедицией византийцев на Дон и строительством для хагана хазар кирпичной, а значит, «царской» крепости Саркел остались, однако, не до конца проясненными и требующими тщательного анализа.

К этому же кругу источников примыкает трактат Константина Багрянородного «О фемах» (около 933–934 гг.), особенно отмеченный архаически-классификаторскими чертами, насыщенный как новой, так и устаревшей информацией по «административной географии» Империи и в своей последней, оставшейся незаконченной части сообщающий о положении Херсона едва ли не с I в. до н.э.[37] На основании более древних памятников здесь рассматривается происхождение этого византийского административно-территориального округа, который впервые четко и ясно назван фемой, 12-й по счету в Европе, а сам Херсон — главным городом, столицей здешних областей — климата. Надо учесть во многом исторический фон сочинения, далекий от объективных деловых документов, насыщенный урбанистическими данными, почерпнутыми гораздо больше из сочинений позднеантичных авторов I–VI вв., нежели из реалий 930-х гг., когда в тиши императорских библиотек фактически находившийся не у дел молодой, снедаемый неудовлетворенным честолюбием василевс ромеев трудился над сочинением вместе со своими секретарями, а его соправитель и тесть, Роман Лакапин, видимо, снисходительно поглядывал на литературные, а потому безобидные увлечения зятя, скорее ученого, нежели царя.

Труд этот составляет часть «императорских» или «политических» компиляций, по выражению П. Лемерля, куда вошло еще одно сочинение Константина Багрянородного, известное под названием De administrando imperio (Об управлении империей), присвоенным ему современными историками[38]. Оно было подготовлено в середине X в. (между 848 и 952 гг.) специалистами по вопросам, которые являлись предметом обсуждения,

должатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарского. – М., 1992. – С. 56–57, 202–265; Ljubarski J.N. Theophanes Continuatus und Genesios // BS. – 1987. – T. 48. – F. 1. – S. 12–27.

[37] *Constantini Porphyrogennetos.* De provinciis regni byzantini. Liber secundus, Europa / Ed. Th. Tafel. – Tubingen, 1847. – P. 9–10; *Constantino Porfirogenito.* De thematibus I–II / Introd., testo critico, comm. a cura di Adolfo Pertusi (Studi e Testi. 160). – Citta' del Vaticano, Roma, 1952. – P. 98–99; *Константин Багрянородный.* О фемах // Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) с предисловием Г. Аскина. – М., 1899. – С. 19–63; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // ИГАИМК. – 1934. – Вып. 91. – С. 45–46; *Ostrogorsky G.* Sur la date de la composition du Livre des themes et sur l'epoque de la constitution des premiers themes d'Asie Mineure // Byzantion. – 1954. – T. 23. – Fasc. 1. – P. 31–66; *Любарский Я.Н.* Михаил Пселл: Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. – М., 1978. – С. 128; Kazdan A. De Thematibus // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 614–615.

[38] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Vol. 1: Greek text / Ed. by Gy. Moravcsik; English transl. by R.J.H. Jenkins. – Budapest, 1949; Vol. 2. Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis e.a. – London, 1962; *Constantin Porfirogentul.* Carte de invatatura pentru fiul sau Romanos / Trad. de V. Grecu. – Bucuresti, 1971; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, пер., коммент.; Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М., 1989; ср.: *Bury J.* The Treatise «De administrando imperio» // BZ. – 1906. – Bd. 15. – P. 517–577; *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin: Notes et remarques sur enseignoment et culture a Byzance des origines au Xe siecle. – Paris, 1971. – P. 274–280; *Kazdan A.* De Administrando Imperio // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 593.

и имело вид наставления или завета сыну василевса, юному Роману II, для его образования в важнейшей сфере — сфере «делания мира», дипломатии[39]. В нем перечислены все народы Империи и некоторые жившие на ее и сопредельных территориях варвары, а также изложены основные правила политики по отношению к ним. Для истории Херсона IX — первой половины X в. особый интерес представляет глава 42, содержащая исторический и географический экскурс территорий от Фессалоники, через Северное Причерноморье к восточному побережью Кавказа. Она написана в форме путевых заметок, итинерария, и, вероятно, основана на топографическом докладе посла императора, в который были вставлены очень близкие к Продолжателю Феофана материалы об обстоятельствах создания новой фемы в Таврике в правление Феофила (829-841)[40]. Заключительный раздел трактата, повествующий о внутренних делах, завершается главой 53 об особенностях фемы Херсон, для описания предыстории которой были использованы выборки из сочинений херсонесских хронистов, а точнее, патриографов позднеантичного времени, отразившие не совсем понятные, а потому путаные для современников Константина Багрянородного полулегендарные события I в. до н. э. и конца III — начала IV в. н. э.[41] Очевидно, с точки зрения главного редактора, они нужны были для подчеркивания исторической традиции, изображающей город, несмотря на его древние полисные обычаи, власть, как форпост, верный Римской империи. Со свойственным ему интересом к прошлому, к свидетельствам древних рукописей, Константин Багрянородный уделил немного внимания истории современного ему Херсона, остановившись лишь на особенностях положения города в период примерно с 30-х гг. IX в. до середины X в. При этом меры против его возможного непослушания, которыми, как второстепенным, завершается и глава, и трактат, логично вытекали из особого геополитического и экономического положения Херсона после изменения отношений с хазарами в Таврике и создания здесь византийского военно-административного округа. Они были сравнительно новыми, еще не устоявшимися, и только поэтому требовали особой оговоренности.

На фоне византийских штудий несколько особо стоят примыкающие по времени создания к трудам Константина Багрянородного два произведения крупнейшего историка, географа и писателя раннего арабского Средневековья ал-Масуди (ок. 896-956), которые донесли краткое, мимоходное упоминание о городе, с определенной долей вероятности интер-

[39] *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. – СПб. 1998. – С. 96.

[40] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Vol. 1.: Greek text / Ed. by Gy. Moravcsik; English transl. by R. J. H. Jenkins. – Budapest, 1949. – P. 182–184.

[41] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. – P. 258–287; *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. – М., 1967. – С. 204–208. Жильбер Дагрон следующим образом конкретизирует это наблюдение о 53 главе трактата: «Она представляет... жанр городских Patria, которые оперируют извращенной устной традицией, плохо прочтенными надписями, ложными толкованиями монументов и топонимов, пытаясь связать воедино клочки разорванного прошлого. В отличие от агиографов они не стремятся привязать историю города к истории церкви, православия и Империи, но, наоборот, выделяют город и его культуру как самостоятельную ценность независимо от религиозной или государственной системы» (*Dagron G.* Crimee ambigue (IVe – Xe siecles) // МАИЭТ. – 2000 – Вып. 7. – P. 290–291, 295–297).

Рис. 15. Хр.М. Лопарев

претируемом как Херсон. Одно из них известно под названием «Мурудж аз-захаб» («Золотые копи и россыпи самоцветов») и было составлено около 943–944 гг., а другое — «Китабат танбихваль ашраф» («Книга указания и наблюдения») — появилось на несколько лет позже[42]. И в том и в другом сочинении содержится почти идентичная не только по смыслу, но и по звучанию строка, в которой говорится, что рядом с морем Маиотас (Майотус), называемым также Хазарским морем, находится «румский (византийский) город по имени Харсана (в рукописи — Масия), который удерживает приходящие этим морем» суда русов[43]. Подразумевать под ним иной центр, к примеру южночерноморский Иерон около входа в Босфорский пролив, возможно, но остается вероятность и предложения А.Я. Гаркави усматривать здесь указание на крымский Херсон, тоже стявший на берегу моря Маиотас[44]. Правда, остается непонятным, что подразумевал под «удержанием» ал-Масуди: стремление выгодно торговать или грозить военными санкциями? Последнее маловероятно, ибо Херсон был скорее наблюдательным, таможенным пунктом Империи, ее стратегическим форпостом на севере, но в целом арабский источник не входит в противоречие с тем, что известно о русско-византийских отношениях из текстов летописей, договоров и из агиографии. Очевидно, он донес не совсем правильно понятую мусульманским автором информацию византийского происхождения.

Специфическим видом нарративных источников следует считать ромейские жития, которые были одним из ведущих жанров раннесредневековой эпохи. Хрисанф Мефодиевич Лопарев (1863-1918) (рис.15), крупнейший отечественный агиолог-византинист, считал их тесносвязанными с церковно-политическими течениями своего времени и подчеркивал, что они появляются в период обострения церковных противоречий, то есть

---

[42] *Гаркави А.Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда. – Казань, 1877. – Т. 2. – С. 243–244; ср.: *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. – М., 1998.

[43] *Гаркави А.Я.* Дополнение к сочинению «Сказание мусульманских писателей о славянах и русских». – СПб., 1871. – С. 18, 31–32; Протоколы заседаний съезда // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. – СПб., 1881. – Вып. 2. – С. 27.

[44] *Гаркави А.Я.* Дополнение... – С. 19–20; *Гаркави А.Я.* Крымский полуостров... – С. 243–244; *Могаричев Ю.М.* Забытый источник по истории средневекового Херсона // ANAXAPCIC.: Памяти Ю.Г. Виноградова (Х. сб. – Вып. 11). – Севастополь, 2001. – С. 129–131; ср.: *Нефедова Н.К.* Куда ездили древние русы – в Андалузию или Анатолию? // Советское востоковедение. – 1958. – №4. – С. 114; *Бейлис В.М.* Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. – М., 1961. – С. 24–25.

Рис. 16. И.Я. Франко

«война дает своих героев»[45]. С другой стороны, утверждение определенных течений христианства требовало активизации проповеднической, воспитательной, обучающей и просветительской деятельности официальной Церкви, чтобы наставить паству и утвердить среди народа соответствующие приоритетные, государственные символы веры, догматы. Чаще всего жития входили в состав синаксарных книг и использовались после богослужебных собраний монахов для благочестивого чтения, пения псалмов и молитв, когда читались жития святых соответствующего дня церковного календаря[46]. Наряду с «условной конкретностью», подачей обобщенных образов, привычных агиографу и его современникам, составители сообщали отдельные реальные, подчас скрупулезные подробности, приводили уникальные топонимические и топографические сведения, описания бытового порядка и в то же время не были чужды некоему косвенному, глубинному историзму или следованию определенной, актуальной на тот момент державной идее[47]. Доказательство этого видится в том, что византийская историческая литература не гнушалась заимствованием сведений из материалов житий, которые порой отличались высокой точностью, детальностью описаний происшедшего. «Легенда это не история, — отмечал известный украинский писатель, доктор словесности Иван Яковлевич Франко (1856-1916) (рис. 16) во вступительном слове к своему фундаментальному агиологическому исследованию. — Но тем не менее не парадокс, когда один из новейших ученых говорит, что не одна легенда содержит в себе больше правды, чем не одна история [какой мы ее представляем. — *С. С.*]. Все дело в том, чтобы уметь добыть правду, как металл из руды. Так же как в металлургии, так и в историографии это дело требует значительных технических средств, разработанной критической методы и большой осторожности, чтобы можно было достичь результатов более-менее ценных для нашего понимания прошлого»[48]. К осторожности

[45] *Лопарев Хр.* Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ. – 1911. – Т. 17. – Вып. 1–2. – С. 42.

[46] *Барсов Н. И.* Синаксис // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 572.

[47] См.: *Kazdan A., Talbot A.-M.* Hagiography // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 897–899; *Бибиков М. В.* Историческая литература Византии. – С. 121–127; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 37–39.

[48] *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 1902. – Т. 46. – Кн. 2. – Ч. 1–3. – С. 1 (переизд. см.: *Франко І.* Святий Климент у Корсуні // *Франко І. Я.* Повне зібрання творів в 50 т. – К., 1981. – Т. 34. – С. 7–347).

в отношении к этому виду нарративных источников призывали и другие исследователи Херсонеса[49].

Прежде всего надо корректировать время создания жития и время жизни фигурирующего в нем подвижника, святого или мученика, учитывая, что реалии, находившие отражение в сочинении, должны в описании больше соответствовать времени составлявшего житие, нежели времени жизни самого героя жития. Другой особенностью агиографии является, скорее, трафаретность описываемых случаев, подгонка их к определенной, заранее заданной схеме, в которой их набор должен был присутствовать во что бы то ни стало, даже если для этого приходилось грешить правдой. Наконец, надо учитывать более преувеличение, чем преуменьшение важности событий, крайностей бытия, особенно когда речь шла о бедствиях, о чьем-то плачевном положении. Такое намеренное, подчас гипертрофированное сгущение красок, очевидно, делало жития еще более привлекательными для простолюдинов, поэтому поправка на законы жанра и социальную психологию обязательно должна быть принята во внимание при источниковедческой критике этой разновидности письменных памятников.

Нет сомнений, что именно на таких «каноничных реалиях» построен рассказ о празднике Св. Климента в Херсоне и о крестных ходах за город, к месту смерти мученика и его гробнице (arca). Он был включен в §52 благочестивого латиноязычного сочинения «De situ Terrae Sanctae» – нарративного итинерария для паломников, написанного диаконом (или архидиаконом) Феодосием скорее всего в первой трети VI в., хотя сам раздел мог быть более поздней интерполяцией в списки рукописей VIII–IX вв.[50] Во всяком случае, он уже присутствует в Codex Guelferbytanus (в Вольффенбюттель, Weissenburg 99) VIII столетия, самом раннем из известных списков.

Херсон имел и собственных агиографов, на что убедительно указывают жития семи мучеников (св. епископов) Херсонских, облеченные в форму поучительного слова к «честным братьям» (timioi adelphoi), составитель которого, местный клирик, отразил не только туманные легендарные предания IV столетия, связанные с началом христианизации города, присылкой миссионеров, епископов сначала якобы из Иерусалима, а затем из Константинополя, но и привел некоторые яркие топографические детали, вошедшие в греческую и старославянскую редакции сказания (расположение двух основных городских ворот по отношению к соответствующим, западной и юго-восточной, частям загородного не-

[49] См.: *Піоро І. С.* Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. – 1997. – №2. – С. 123–128.

[50] *Феодосий.* О местоположении Святой Земли / Изд. и пер. И. Помяловского // Православный Палестинский сборник. – СПб., 1891. – Вып. 28. – С. I–IV, 1, 149; ср.: *Уханова Е. В.* Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. – 2000. – Т. 59 (84). – С. 118; *Jastrzebowska E.* Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeologica // Studi su Clemente Romano. – Roma, 2003. – P. 127. Учитывая возможность поздней вставки, следует с осторожностью подойти к предложению называть Херсон VI в. в качестве транзитного пункта при следовании из Северного Причерноморья в Иерусалим (ср.: *Сиротенко В. Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского гоС. ун-та. – 1964. – №117. – С. 101).

крополя, точные, зримые ориентиры восточной части города, их названия — урбанонимы и агоронимы), которые, по единодушному признанию исследователей, могли быть известны только херсониту и почерпнуты из современного ему облика городища[51].

Они совпадают с результатами археологических раскопок, что подтверждает историчность фактов, которые пытались полностью отвергнуть некоторые историки, в частности И. Я. Франко, отнесший жития к середине V в., к событиям сразу после Халкидонского синода 451 г., когда Херсонесская церковь якобы боролась за автокефалию с Константинопольским патриархатом, отчего появилась легенда о предшествующих иерусалимских миссиях, оказавшихся бесплодными, не приведших к организации Херсонесской кафедры, а епископ Капитон был сделан главным героем — столичным посланцем, и даже день его памяти отделили от 6 марта — дня памяти первых епископов Херсона и перенесли на 22 декабря[52].

Схожую датировку, построенную на противоречивых, надуманных заключениях и искусственно согласуемых с гипотезой фактах, ныне предлагают В. Ю. Юрочкин и А. В. Джанов, действующие по принципу воскрешения некоторых забытых старых положений, которые подаются как новые выводы. Отсюда происходит увязка херсонесских раннехристианских расписных склепов V в. с местами погребений «иерусалимских» мис-

[51] Херсонские святители. Страдания священномучеников Херсонских, епископов Василевса, Капитона и других. Список на греч. яз., хранящийся в Синодальной библиотеке в Москве/Пер. на руС. протоиерей С. Серафимов // ЗООИД. – 1868. – Т. 7. – С. 120–131; *Латышев В. В.* Жития св. епископов Херсонских: Исследование и тексты // Записки имп. АН. – Серия VIII по ист.-филол. отд. – 1906. – Т. 8. – №3. – С. 1–81; Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними/Пер. с греч. В. В. Латышева // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 108–112; Жития святых Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона в Супрасльской рукописи // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 158–161; Жития святых Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона в Новом русском переводе // *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 161–166; Страдания святых священномучеников Ефрема, Василия, Евгения, Елпидия, Агафодора, Еферия и Капитона в Херсоне в различное время епископствовавших: Из Минеи-Четьи // Макарий (Булгаков). История русской церкви. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 325–329; Житие святых епископов Херсонских в грузинской минее. I. Вступ. ст. В. В. Латышева. II. Пер. грузин. текста протоиерея К. Кекелидзе // ИАК. – 1913. – Вып. 49. – С. 75–88; *Halkin F.* La passion des sept eveques de Cherson (Crimee) // AB. – 1984. – T. 102. – P. 253–261. Во вступительном слове в Житии древнейшей редакции сохранились доказательства херсонского происхождения источника: «и сии херсоньский град», «Христос Бог наш остави нам стыихъ мученикъ и архиепископъ житие». Этот первоначальный греческий вариант житий, позднее переведенный на грузинский и старославянский языки, представлял собой поучение духовного лица, скорее всего, обращенное к монашествующим, поскольку автор называет своих слушателей «честные братья» (*Латышев В. В.* Жития св. епископов Херсонских: Исследование и тексты. – С. 12–13). Наиболее ранний список рукописи относится к X в. (*Латышев В. В.* Заметки к агиологическим текстам // Известия Отдела русского языка и словесности АН. – СПб., 1908. – Т. 13. – Кн. 3. – С. 6–17).

[52] *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1903. – Т. 56. – Кн. 6. – Ч. 8. – С. 145–165 (особенно С. 164); ср. критические возражения: *Шестаков С. П.* Очерки... – С. 19–24; *Спиридонов Д. С.* Д-р И. Франко. Святий Климент у Корсуни. 1902–1905 Львов: (Критико-библиографическая заметка) // ИТУАК. – 1914. – №51. – С. 269; *Васильев Л. А.* Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. – 1921. – Т. 1. – С. 6; подр. см.: *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 168–208; *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 53–54, 90–92 (там же литература вопроса).

сионеров, появляется мифическая «целая группа ближневосточных христиан: священников, зодчих и художников», которая стремится в первой половине V в. увековечить в культовых постройках «память о иерусалимском начале церкви Херсонеса», иерусалимский епископ Ювеналий склоняет к поддержке независимых от Константинополя и едва ли ему полезных в споре с антиохийским епископом малоавторитетных херсонесских иерархов, а первые легендарные мученики-епископы без обиняков называются выходцами из «стран Геллеспонтских», хотя, если уж следовать букве жития, они попали в эти самые ta tou Ellespontou mere в качестве посланников со стороны[53].

Между тем уточнить дату написания самой ранней редакции этих житий позволяет время постройки напротив Западных (Красивых, или Святых — «Иера», как значится в старославянском варианте источника) ворот города, рядом с оконечностью главной продольной улицы известного купольного тетраконхиального культового сооружения (по счету Имп. археологической комиссии — №47).

Дело в том, что без одного не было бы другого. Если исходить из заключения об увязке строительства этого купольного здания, явного мартирия, с канонизацией первых епископов города и с преданием о чуде, совершенном в печи для обжига извести одним из них — Капитоном — в IV в.[54], тогда понятно, что строители руководствовались данными о полуреальных-полулегендарных событиях, собранными безвестным агиографом, не понаслышке знавшим город, расположение и название его ворот, храмов, площадей, памятных мест, кладбищ. Выделение купола — символа Небес, редкого в строительной практике херсонских ремесленников — икодомов, стало прочно закрепляться в византийской архитектуре после создания Св. Софии в 537 г., и вполне логично, что это обстоятельство тоже должно было подчеркнуть особую роль тетраконха с дверями во всех апсидах, то есть с подходами со всех сторон, как того требовала ранневизантийская практика богослужебных процессий (стациональной литургии)[55].

Упоминание в греческом тексте житий географического обозначения — «областей Туркии» (tois meresi tes Tourkias), производного от этнонима «турки» (tourkoi), позволило В. В. Латышеву вполне справедливо заметить, что агиографический источник не мог быть составлен раньше конца VI — VII в., а точнее — периода, предшествующего или совпавшего с появлением войск Турксанфа в Таврике, на Боспоре в 575/576 г.[56] В послед-

[53] *Юрочкин В. Ю., Джанов А. В.* Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 53–56; ср. возражения: *Завадская И. А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 417.

[54] *Гриневич К. Э.* Четырехапсидное здание в Херсонесе: Статьи для Херсонесского сборника, вып. V. 1957 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1035. – А. 129–134; *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. – №1. – С. 155–169; *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. – К., 2003. – С. 198–202.

[55] Ср.: *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд: Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой. – СПб., 2000. – С. 39, 44–45.

[56] *Латышев В. В.* Жития св. епископов Херсонских. – С. 15–16, 44; *Латышев В. В.* Заметки к агиологическим текстам. – С. 16–17; ср.: Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 386; *Диатроптов П. Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – С. 11; *Айбабин А. И.* Этническая

нее время появились возражения по поводу возможности считать этноним «турки» «хронологическим репером» ввиду того, что в раннее Средневековье он применялся достаточно расплывчато, приблизительно по отношению ко всем восточным варварам, в том числе хазарам, венграм. Однако сами же авторы замечания вынуждены исходить из того, что жития семи мучеников Херсонских сложились рано, в V–VI вв., и, значит, упоминаемые в них «области Туркии» с куда большим основанием могли касаться Тюркского каганата, вошедшего в плотное соприкосновение с Таврикой к началу 70-х гг. VI в., нежели хазар, венгров, мадьяр, угров из редакций источников IX–X вв. и более позднего времени[57].

Данные раскопок четырехапсидного мартирия, полученные в 1977–1979 гг. О. И. Домбровским и В. А. Кутайсовым, подтверждают, что он был сооружен над остатками легендарной известеобжигательной печи не ранее VI в. и не позже середины VII в.[58] Более того, сопоставление циклов бытования керамики из нивелировочного слоя — субструкции под полом здания (слои 4–6) позволило А. В. Сазанову прийти к убедительному выводу о том, что это произошло между 550–570/580 гг., причем в комплексе материалов отсутствуют характерные формы керамики, появившейся в 80-х гг. VI — начале VII в.[59] Значит, теофаническая постройка, посвященная чуду, совершенному Капитоном, имеет в качестве terminus post quem non третью четверть VI в. — самую нижнюю вероятную исходную дату написания житий, а в качестве terminus a quo — конец VI в., когда мемории, несомненно, уже существовал.

Но эта дата одновременно является рубежной и для житий, которые столь же несомненно уже были созданы к этому времени, вероятно, в связи с необходимостью канонизации первых херсонесских епископов.

история ранневизантийского Крыма. – С. 134. Ко времени «не ранее VI в.» относит херсонесские жития и Жильбер Дагрон (*Dagron G.* Crimee ambigue. – С. 290, 295).

[57] См.: *Завадская И. А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 84; *Юрочкин В. Ю., Джанов А. В.* Указ. соч. – С. 50–51, 59.

[58] *Завадская И. А.* Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 339–340; *Завадская И. А.* Хронология памятников... – С. 83; *Завадская И. А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 271–272; ср.: *Кутайсов В., Юрочкин В.* Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Византия и Крым: Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 55 (о датировке печи); Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. – Познань, 2004. – С. 51.

[59] *Сазанов А. В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 67; *Сазанов А. В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 20, 35, табл. 11; *Сазанов А. В.* К вопросу о времени сооружения четырехапсидного храма Херсонеса // Х. сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 202–210. Это заключение подтверждается исследованием фрагментов краснолаковых блюд со штампами в виде пальметт, птицы, креста с подвесками, извлеченных из субстукции под северной апсидой храма, и стеклянных находок из того же комплекса (*Голофаст Л. А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 139, №6, рис. 1,7; С. 155, №63, рис. 4, 7; С. 166, №126, рис. 7, 13; *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 109, комплекс 7). Анализ находок из слоев 4–6, проделанный В. Ю. Юрочкиным и А. В. Джановым, тоже позволяет заключить, что, вопреки мнению авторов, пытающихся сдвинуть датировку в сторону V столетия, бóльшая часть обнаруженного, в том числе позднеримские монеты IV в., монета Феодосия II и монета Анастасия I, бытовала на протяжении VI в. (см.: *Юрочкин В. Ю., Джанов А. В.* Церковная история Херсонеса V в. – С. 59–62).

Именно в предшествующие 30 лет, скорее всего в начале — середине 570-х гг., анонимный автор-херсонит составил жития, ставшие хорошо известными остальным горожанам, которые, исходя из их текста и местных памятных ориентиров (следов упоминаемых в житии известеобжигательных печей), немедля отыскали соответствующую необходимую для привязки строительства «вторичную реликвию» (объект, соотносимый с мощами).

Другими словами, сам факт записи местных церковных преданий, так сказать, их «издание», мог подтолкнуть благочестивых херсонитов и их имперские власти, духовные и светские, к поиску ориентиров, соответствовавших содержанию текста, и к строительству безалтарного, подчеркнуто теофанического мартирия прежде всего на том месте, с которого, по их представлениям, «все начиналось».

Не исключено, что к этому времени такого же рода постройки были предприняты на месте легендарного погребения первого епископа города св. муч. Василия (Василея) близ западной античной оборонительной стены, где возник поминальный гробничный мартирий (по счету Имп. археологической комиссии — №12, он же «часовня Г»), ставший позже главной святыней здешнего монастырского комплекса — «дома св. Леонтия», а за городской чертой, против Мертвых ворот, среди «святых могил» (in tumulos sanctorum), связанных с памятью о епископах-мучениках города Евгении, Агафодоре и Елпидии, возник комплекс сооружений Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии[60].

Возведение обновленного храма апостола Петра в виде большой Восточной базилики №36 на месте, издавна именуемом херсонитами Парфенон, скорее всего, состоялось в связи с указанием житий, составитель которых запечатлел все действия присланного в свое время из Константинополя епископа Капитона[61].

Оправдание для этих близких по времени строек херсониты тоже могли искать в только что оформившемся в письменном виде, получившем официальное признание агиографическом предании. Сравнительно недавно укрепившаяся в сознании людей религия нуждалась в разработке первых литургических программ возможных маршрутов шествий и церемоний, связанных с календарем дней памяти святых, почитанием местных мучеников и церковных реликвий, прославляющих величие, всесилие Бога, короче — в создании собственной обрядной, привязанной к знакомой топографии «героической истории», которая бы потеснила еще живые воспоминания об античных богах и местах их культа[62]. Интриги Иерусалимского престола в V в. и некие гипотетические «оппозиционные» настроения в Херсонесской церкви тут ни при чем[63]. Столь же

[60] Подр. см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес... – С. 13–28, 172–181.

[61] *Сорочан С.Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 3–6; *Сорочан С.Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток – Запад: межконфессиональный диалог: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 37–38; *Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес... – С. 116–120.

[62] *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 20.

[63] Ср.: *Юрочкин В.Ю., Джанов А.В.* Указ. соч. – С. 55–58.

невероятно отодвигать составление житий к периоду иконоборчества или считать, что они отражали одну — иерусалимскую — версию принятия христианства херсонитами, поскольку в рассказе о Капитоне фигурируют уже константинопольские корни этого события[64]. Сталкиваясь с конкретным материалом, подобные хитроумные, пространные построения демонстрируют классический пример «умерщвления прекрасной гипотезы мерзким фактом».

Открытие реликвий приблизительно в третьей четверти VI в. могло быть, кроме всего прочего, рассчитано на поднятие духа горожан после перенесенных природных катаклизмов — одного или, может быть, нескольких землетрясений, а также в условиях обострившейся опасности со стороны «неверных» — алтайских тюрков и их союзников, гуннов, булгар, смертельная угроза от которых нависла над Таврикой как раз в 570-е гг. Это был обычный повод для того, чтобы молиться о спасении, ждать чуда и вместе с тем прославлять милость Божью[65]. Окончательное избавление от внешней опасности к 590 г. совпало с порой самого активного гражданского, государственного и церковного строительства не только в Херсоне, но и в Крыму, когда, наряду с прочими святынями и архитектурными культовыми доминантами, мог быть возведен видный мемориальный тетраконх — единственное на тот момент обширное купольное здание города. Такое объяснение вполне увязывается с действительными, а не вымышленными историческими реалиями и объективным, непредвзятым анализом текста житийного источника и археологических материалов, полученных, прежде всего, при раскопках храма №47, которые не допускают возможности отнесения сооружения видного теофанического мартирия, а значит, и составления житий св. епископов Херсонских ко времени последней четверти V в. или даже первой половины VI в.[66]

К памятникам агиографического типа относятся три сочинения, содержащие сведения о стойких ортодоксальных борцах против монофелитства, оказавшихся в правление василевса Константа II (641-668) в ссылке в Херсоне и его окрестностях. Речь идет о римском папе Мартине I, обстоятельствах его жизни и смерти в Таврике, последовавшей 16 сентября 655 г., месте погребения. Сведения об этом содержатся в написанных по-гречески, но сохранившихся в латинском переводе «Воспоминаниях о том, что жестоко и без почтения к Богу делали противники истины со святым и апостолическим новым исповедником мучеником Мартином Римским папой», которые составил не позже первой половины сентября 655 г. кто-то из сторонников еще живого папы[67]. По мнению В. Пайтца, им мог быть

[64] См.: *Могаричев Ю. М.* К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // Х. сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 288–291; *Могаричев Ю. М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2003. – Вып. 13. – С. 271–273.

[65] Ср.: *Тафт Р. Ф.* Указ. соч. – С. 35–36.

[66] Ср.: *Юрочкин В. Ю., Джанов А. В.* Церковная история... – С. 58, 62.

[67] Пространная редакция: Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae... // Mansi J. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio... – Florentia, 1764. – T. 10. –

константинопольский монах Феодор, лично знавший Мартина и состоявший с ним в переписке[68]. Не исключено, что он принадлежал к клиру Великой церкви (Св. Софии) и имел информаторов в Херсоне[69]. Позже, незадолго до 667 г., этот же автор мог побывать в городе, где виделся с еще одним сосланным сюда в 646 г. антимонофелитом — Феодором, рассказавшим ему о последних днях Мартина, о месте его погребения и показавшим некоторые вещи папы, которые он сохранил как реликвии. После смерти Феодора, последовавшей около 667 г., этот рассказ стал основой для краткого мартирия о самом Феодоре и его брате, Евпрепии, умершем на девятый год херсонской ссылки, 26 октября 655 г., на следующий месяц после Мартина, и похороненном рядом с последним, в «святом доме Богородицы Марии Влахернской»[70].

Мартирий был составлен, вероятно, незадолго перед Вселенским собором 680 г., реабилитировавшим борцов против монофелитства. Его греческий текст сохранился в виде компилятивной «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина, бывшего папы Рима, а также преподобного Максима и его ученика», написанной по-гречески в конце VII в.[71], тогда как другой вариант, послуживший основой для позднейшего латинского перевода, оказался включен в состав так называемых Scholion sive Hypomnesticum («Примечания или Напоминания») и, в свою очередь, вошел в Collectanea («Обобщение») Анастасия-библиотекаря (ум. 879 г.)[72]. Кроме описания места погребения папы Мартина, Влахернского монастыря Богородицы Девы Марии, и могильного памятника, в документе особого внимания заслуживают сведения об окрестных с Херсоном «castris

Col. 853–861; краткая редакция: PL. – 1851. – T. 87. – Col. 111–120; см.: *Бородин О.Р.* Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» римского папы Мартина I // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 48.

[68] *Peitz W.M.* Martin I und Maximus Confessor: Beitrage zur Geschichte des Monotheletenstreites in den Jahren 645–668 // Historisches Jahrbuch. – München, 1917. – Bd. 38. – Heft 2–3. – S. 456–457.

[69] *Jaffe Ph.* Regesta pontificum romanorum. – Berlin, 1851. – P. 163.

[70] Из текста следует, что пострадавшие за веру братья Евпрепий и Феодор были сыновьями Плутина, очевидно, царского пекаря (basilikou mankipos или imperatorii pistoris в латинском варианте) при Ираклии (610–641). Во время монофелитских гонений они были схвачены около Авидоса и около 646 г. оказались в ссылке в Херсоне, где их разлучали (choristhentes, separatis) и отправляли в соседние «крепости племен». Евпрепий умер в один год с папой Мартином, а Феодор прожил лет на 12 дольше, то есть провел в Херсоне и его окрестных кастра в общей сложности около двух десятков лет.

[71] Istoria syntomos ta kata ton makarion martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton syn auto // *Епифанович С. Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – S. 10м16, sec. I–V (по cod. Vaticanus gr. 1671, X в., л. 143–152 об.).

[72] Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853. – T. 129. – Col. 681 D – 686 D; PG. – 1861. – T. 90. – Col. 193 C – 202 C; *Devreesse R.* Le texte grec de l'Hypomnesticum de Theodore Spoude: le supplice, l'exil et la mort des victimes illustres du Monothelisme // AB. – 1935. – T. 53. – P. 49–80 (текст: p. 66–80; коммент.: p. 49–66). С. Л. Епифанович без объяснений приписал текст «Ипомнестикума» активному борцу за православие Феодосию Гангрскому, пострадавшему за веру вскоре после папы Мартина, однако текст схолии именует ее автора Феодором, на что обратили внимание позднейшие исследователи (см.: *Епифанович С.Л.* Материалы... – S. 11, comm. 1; *Devreesse R.* Op. cit. – P. 49–66; *Бородин О.Р.* Церковно-политическая борьба... – С. 49). Есть основание полагать, что документ был написан в конце 668 или в начале 669 г. Феодором Спудом. Не исключено также, что первоначальные редакции «Воспоминаний» (Commemoratio) и «Напоминаний» (Hypomnesticum) были написаны одним человеком (*Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 35–37). В этом случае им мог быть все тот же Феодор Спуд.

gentium ibidem adjacentium» (kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon), находившихся в середине VII в. под ромейской властью[73].

Упоминание об известной на Западе гробнице (memoria) папы Мартина и о ее «усиленном посещении» на Востоке паломниками содержится также в латинском Житии св. Елигия (ум. в 659/660 г.), епископа Нойона, составленном в третьей четверти VII в. неким Авденом[74].

В последующей обильной агиографии VIII в. не нашло отражение ничего, связанного с Херсоном, зато период второго этапа иконоборства и последующее за ним время оказались особенно богаты на такого рода памятники. Причем составители их отразили события предыдущего столетия или по крайней мере рубежа VIII–IX вв., в которых фигурировала Таврика и некоторые ее центры. Монахом-иконодулом из столичного Каллистратова монастыря, священником Епифанием, жившим, по его приблизительному указанию, в конце VIII — первой половине IX в., был написан свод преданий «О житии, деяниях и кончине святого и всехвального первозванного апостола Андрея», в том числе о третьем путешествии апостола к странам и городам Восточного и Северного Понта[75]. Следуя тем же путем, Епифаний тоже «обошел все города и поселения вокруг Понта», посетил Боспор и землю «херсаков», оставив об этом краткие этнографические, исторические и топографические заметки. Принято датировать их составление временем после 815 г. и до 820 г., когда Львом V Армянином было вновь реанимировано иконоборство, однако не скрываемое местными властями иконопочитание в Боспоре при одновременной склонности херсонитов к поддержке официального правительственного религиозного курса (с точки зрения Епифания — разброду и шатаниям в вопросах веры), позволяют думать, что такое противоречивое положение

[73] См. подробную оценку источника С. П. Шестаковым, впрочем, не лишенную неточностей. К примеру, отец братьев назван Плутимом (в обоих вариантах источника ясно читается Ploutin – Plutin), а его должность царского манкипа интерпретирована как «главный интендант». Не имеет оснований и надуманное указание на то, что Феодор и Евпрепий были отправляемы в castris gentium «...в качестве послов» (*Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – Приложение III, С. 120–121).

[74] Vita Sti Eligii // PL. – 1851. – T. 87. – Col. 506.

[75] Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita / Ed. A. Dressel. – Paris; Leipzig, 1843; Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou kai ton praxeon kai telous tou agiou kai paneuphemou kai protokletou ton apostolon Andreou // PG. – 1864. – T. 120. – Col. 216–260; Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 213–295. Наряду с Епифаниевой версией есть другие, близкие к ней, апокрифические греческие, старославянские и грузинская редакции Деяний (Praxeis) и Жития апостола Андрея (Praxeis kai periodoi tou agiou kai paneuphemou Apostolou Andreou, egkomio sympeplegmenai // AB. – 1894. – T. 13. – Fasc. 3–4. – P. 311–336, 337–352 (по рукописи XI–XII вв.); Житие святого Андрея Первозванного // Жития святых российской церкви, также иверских и словянских. – СПб., 1856. – Ноябрь. – С. 425; Грузинское «Житие св. Апостола Андрея Первозванного» // Христианское чтение. – 1869. – №8. – С. 151–180 (пер. с рукописи Давидгарджийского монастыря; время составления неизвестно); см.: *Петровский С. В.* Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью: Время образования этих сказаний. Отдел I. Глава I и II // ЗООИД. – 1897. – Т. 20. – С. 29–148; *Петровский С. В.* Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Отдел II. Историческая ценность апокрифических сказаний. Главы III и IV. Отдел III. Краткие известия и позднейшие распространенные сказания об Апостольской миссии в пределах северо-восточного Черноморья; отношения тех и других к аналогичным апокрифическим сказаниям. Глава V и VI. Заключение и дополнение // ЗООИД. – 1897. – Т. 21. – С. 148–150.

могло создаться в правление Никифора I Геника (802-811), Михаила I Рангави (811-813) или Михаила II Травла (820-829), занявших в религиозном вопросе двойственную позицию и не желавших раздувать иконоборские споры[76].

Видимо, в первой трети IX в. неизвестным автором, скорее всего, в одной из севeромалоазийских фем, возможно, в пафлагонской Амастриде, поскольку он пишет о Крымском полуострове как о «той стороне моря», было составлено Житие преп. Иоанна Готского (ок. 720-791/792 гг.), отразившее реалии истории Юго-Западной Таврики второй половины VIII в., в которых оказались задействованы и Херсон, и христианская паства Готфии, и ее местные власти, и хазарский хаган[77]. Это сложное переплетение взаимоотношений, политических и религиозных симпатий и антипатий, донесенное легендой, тенденциозно переработанной иноземным агиографом-иконодулом, с трудом поддается источниковедческой критике, интерпретации, в том числе датировке изложенных событий, хотя положение не безнадежно, о чем свидетельствуют последние работы на эту тему[78].

---

[76] Это мнение совпадает с точкой зрения И. Шевченко, полагавшего, что Житие апостола Андрея «возникло в начале 800-х гг.» (*Шевченко І.* Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1991. – Т. 222: Праці історіко-філософської секції. – С. 22). Иную датировку см.: *Dvornik F.* The Idea of Apostolity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew. – Cambridge (Mass.), 1958. – P. 225; *Чичуров И.С.* Литература VIII–X вв. // Культура Византии. Вторая пол. VII–XII вв. – М., 1989. – С. 142 (первая половина IX в.); *Хазанов А.* (Мадисон, США). Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского ун-та в Москве. – 1994. – №1 (5). – С. 6 («в конце VIII в.»); *Виноградов А.Ю.* К становлению легенды об Андрее Первозванном – апостоле Понта // Византия и Крым: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 25 (815–820 гг.); *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastique et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 324–325 (815–843 гг.); *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 345 («после 820 г.», время правления Михаила II); *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – 2002. – Вып. 12. – С. 562, прим. 23 («между 815 и 843 гг.»); *Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса. – С. 403 («в 20–30-х гг. IX в.»).

[77] Самая ранняя рукопись Жития относится к X в. (Cod. Vaticani graeci 1667, 257 v – 261 r). Издания: Vita Ioannis Gotthiae // Acta Sanctorum. Junii V. – Antverpiae, 1709 (Bruxelles, 1969) – P. 190–194; Vita Ioannis Gotthiae // Acta Sanctorum. Junii VII / Collect., digest., ill. a Johanne Baptista Sollerio, I. Pinio, G. Cupero, P. Boschio. – Parisiis et Romae, 1868. – P. 167–171; Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codici sirmondiano / Ed. Hipp. Delehaye // Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. – Bruxelles, 1902. – Col.772–774; *Halkin F.* Le synaxaire grec de Christ Charch a Oxford // AB. – 1948. – Vol. 66. – P. 80–83; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 351–427; Житие преп. отца нашего Иоанна, епископа Готфии / Пер. с греч. А. Никитского // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 25–34; *Шапошников А.К.* Житие преп. отца нашего Иоанна, епископа Готфии: (Тексты, переводы, толкования и комментарии). – Коктебель, 1995. – 60 с. ; Житіє єпископа Іоана Готського // Хроніка 2000. – Вип. 33: Крим – крізь тисячоліття. – К., 2000. – С. 259–265; см.: *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 201; *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 89–96; *Dvornik F.* Les legendes de Constantin et Methode vues de Byzance. – Prague, 1936. – P. 167; *Sevcenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. – Birmingham, 1977. – P. 115; *Karayannopulos I., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). – Weisbaden, 1982. – Hbd. 2. Hpt. 4: Hauptquellen. Allgemein Quellenlage (nach Jahrhunderten geordnet). – S. 325, N 176; *Каждан А.П.* в сотрудничестве с *Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы. – С. 260.

[78] *Huxley G.* On the Vita of John of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Stydies. – 1978. – Vol. 19. – N 2. – P. 161–169; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 119–121; *Герцен А.Г, Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 95–115; *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830... – P. 324–331; *Сорочан С.Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII– IX вв. // БИАС.

Во второй половине IX в., очевидно, около 868 г., Михаилом, монахом столичного Студийского монастыря, было написано Житие св. Феодора Студита (759-826), игумена Студия, знаменитого аскета, ярого ортодокса и в то же время сторонника идеи независимости Константинопольской церкви от василевса. За отстаивание этих взглядов он несколько раз подвергался репрессиям, тюремному заключению, ссылкам, но до конца своей жизни не прекратил сопротивления правительству[79]. Памятник сохранился в двух версиях, несколько отличающихся друг от друга, причем поздняя из них — так называемое Большое житие (Vita A) — появилась ближе к концу IX или началу X в., а может быть, и принадлежала бывшему важному сановнику, студийскому монаху середины X в., писателю Михаилу Дафнапату[80]. Тем не менее в каждой редакции присутствует рассказ агиографа о борьбе Феодора в середине 90-х гг. VIII в. против второго, незаконного брака Константина VI, любопытный указанием на наличие местных властей Готфии и их поведение по этому поводу. Терминологические разногласия в наименовании этих властей не скрывают главное — их не хазарский облик, отсутствие прямой подчиненности хагану хазар и показное, едва ли не раболепно демонстрируемое почтение к василевсу ромеев. Очевидно, речь шла о таком же «игемоне народа (ethnous egemonian) климата Таврики», о каком во второй трети IX в. упоминал известный агиограф Игнатий Диакон в Житии патриарха Никифора (ум. 829 г.), когда описывал поставление ему на вид главой Церкви в 806 г. греховного стремления развестись с женой ради етеры — «подруги» и обуздывание нечестивца, не единственного среди прочих подобных, «пером и чернилами»[81].

– Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 328–336; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 47–54; *Могаричев Ю. М.* Крымская агиография. – С. 266–271; *Сорочан С. Б.* «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византийско-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – К.; Харьков, М., 2003. – Т. 2. – С. 77–98; *Сорочан С. Б.* О характере и датировке восстания Иоанна Готского // Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра.: Материалы Всеукраинской науч.-практ. конф. 24–26 апреля 2002 г. – Ялта, 2004. – С. 39–45.

[79] *Kazdan A.* Theodore of Stoudites // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2044–2045.

[80] Vita A (Большое Житие): Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum // PG. – 1869. – T. 99. – Col. 113–232 (особенно col. 137); *Доброклонский А. П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки Новороссийского университета. – Одесса, 1914. – Т. 113. – Прилож. – С. 399–411; *Латышев В.* Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи №467 // ВВ. – 1915 (1914). – Т. 21. – Вып. 3–4. – С. 258–304 (особенно С. 267–268, sec. 18; С. 269, sec. 20); Житие преп. отца нашего Феодора Студита // Избранные жития святых (III–IX вв.). – М., 1992. – С. 350–372; Vita B (Малое Житие): Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori Studii // PG. – 1862. – T. 99. – Col. 233–328 (особенно col. 252); Житие Феодора Студита // Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греч. яз. – СПб., 1867. – Ч. 1. – С. 3–97; см.: *Гроссу Н.* Преподобный Феодор Студит. Его время, жизнь и творения. – К., 1907 – С. XVI–XVII; *Sevcenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period. – P. 116; *Буланин Д. М.* Житие Феодора Студита // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л., 1987. – Вып. 1. – С. 177–179; *Каждан А. П.* История византийской литературы. – С. 305–306.

[81] Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 137–217 (особенно p. 160); Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии // Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 3–71 (особенно С. 21, гл. 28).

Ко второй половине и концу IX в. относятся также жития Иоанна Психаита (ум. ок. 822–823 гг.) и Иосифа Сикелиота (Гимнографа) (813/816–883 или 886 гг.). Первое из них было составлено неизвестным монахом Психаитского монастыря, расположенного вне стен Константинополя. Уже издатель Жития, Р. Ван ден Вен, отметил отсутствие свидетельств о том, что автор знал своего героя лично и, скорее всего, писал позже 842 г., когда уже стали забываться деяния святого. По его мнению, рукопись Monacensis graecus 366 с текстом Жития «восходит к X в., если даже не к IX в.», то есть самый ранний список относится к концу IX – X в.[82] Отсюда проистекают противоречия между разными версиями предания, которые пытался совместить неизвестный составитель.

Он поведал, как вскоре после убийства Льва V игумен монастыря Богоматери ton Psicha, стойкий иконопочитатель Иоанн, попал в Херсон, «лежащий около Боспора» (epi Chersona ten polin chorei ten parakeimenen te Bosporo)[83]. На недобровольность этой поездки указывают слова агиографа о предшествующем заточении святого в тюрьму, хотя тут же говорится об освобождении Иоанна от наказания, получении им свободы (adeia), улаживании дел и отъезде святого в Херсон ради «отдохновения» (eis anapsyxin). Очевидно, речь шла об указе Михаила II от января 821 г. об амнистии монахов, подвергшихся гонениям при Льве Армянине (под действие этого указа попал и Феодор Студит). После пребывания в Таврике Иоанн, сопровождаемый своим учеником Парфением, с большим трудом смог покинуть эти края, стесненные некими «массами», «толпами» (tou plethous), в разной интерпретации источника, поклонников или врагов, и получил возможность вернуться в Романию[84]. Судя по контексту рассказа, это должно было произойти около лета – осени 821 г., незадолго до того, как начавшееся осенью предыдущего года восстание Фомы Славянина, анатолийского турмарха федератов, окончательно отрезало морские пути к столице Империи. Через год-другой после этого, 25 мая, Иоанн умер, найдя убежище в монастыре, но память о его пребывании в Херсоне, общении с тамошними жителями и приходившими «со стороны», «извне» (thyrathin) паломниками из числа «народов около Боспора» (ton parakeimenon ethon te Bosporo), хвалами которых тяготился скромный подвижник, была сохранена анонимным автором.

Еще позже, примерно в середине правления василевса Феофила (829–842) или в конце 850-х гг. вместе с некоторыми другими опальными «игнатианами» в город в качестве изгнанника на «несколько лет» (tinas chronous) попал другой известный адепт иконопочитания – Иосиф Гим-

[82] La Vie grecques de S. Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. Van den Ven // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. – Louvain, 1902. – T. 3. – P. 98; ср.: *Лопарев Хр. М.* Византийские Жития святых VIII–IX веков // ВВ. – (1911) 1913. – Т. 18. – Вып. 1–4. – С. 7–14; *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч. 1: Современные жития. – Пг., 1914. – С. 231 сл.; *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – М., 1917. – С. 242; *Sevcenko I.* Hagiography... – P. 117; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 347–348.

[83] La Vie grecques de S. Jean le Psichaite... – P. 97–125 (особенно p. 118–120, § 8–9).

[84] Ср.: *Лопарев Хр. М.* Византийские Жития святых... – С. 13; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 352.

нограф (Песнописец), ученик прославленного Григоря Декаполита, о чем упоминают агиографы, Иоанн Диакон и младший современник, ученик Иосифа, игумен Феофан, писавший в конце IX в., а может быть, и в начале X в.[85] В синаксарном варианте уточняется, что ссыльный был здесь не одинок: «...многие верные были изгнаны в Херсон и нечестивую Армению»[86]. Это упоминание «верных» вместе со словами о «негодном царе» у Иоанна Диакона указывает скорее на время активизации иконоборства во второй половине 30-х гг. IX в., но другие обстоятельства не увязываются с таким заключением, осторожно высказываемым некоторыми византинистами[87]. В частности, именно пребывание в Херсоне и знакомство с местными, видимо, поздними житийными преданиями о мученичестве римского папы Климента, по легенде свершившемся в этих краях, подвигло Иосифа на сочинение богослужебного канона св. Клименту. Частое прославление в нем телесных воплощений Христа говорит о том, что канон появился после восстановления иконопочитания в 843 г., но до 861 г., когда в Херсоне при участии Константина Философа состоялось открытие мощей Климента Римского[88]. Следовательно, мы имеем косвенный довод в пользу пребывания Иосифа Сикелиота в Херсоне не ранее конца 850-х гг., куда, несмотря на свой незлобивый, мирный нрав, он попал, если верить его младшему современнику Феофану, по повелению василевса, в результате преследования со стороны дяди Михаила III, кесаря Варды, очевидно, как приверженец «игнатиан».

Скупые, лаконичные упоминания этих источников о раннесредневековом Херсоне не идут в сравнение с такими жемчужинами агиографии, как Паннонская легенда или жития Константина — Кирилла и Мефодия, которые принадлежат к числу наиболее ранних произведений, созданных на старославянском языке в Моравии в конце IX в.[89] По мнению немецкого

[85] Vita Sti Josephi Hymnographi auctore Joanne diacono Constantinopolitani // PG. – 1864. – T. 105. – Col. 939–974; Vita Sti Josephi Hymnographi auctore Theophane // Papadopoulos-Kerameus A. Monumenta graeca et latina ad historiam Photii pertinentia. – Petropoli, 1899. – T. 2. – P. 1–14; Пападопуло-Керамевс А. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха. – СПб., 1901. – Вып. 2. – С. 1–14, №I; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano par Hipp. Delehaye // Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. – Bruxelles, 1902. – Col. 583; *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. – Пг., 1914. – С. 224–227; *Campbell S. D., Kazdan A. A., Sevcenko N. P.* Joseph the Hymnographer // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 1074; *Каждан А. П.* История византийской литературы... – С. 349–350. Иосиф Гимнограф остался известен прежде всего как игумен монастыря, основанного им в последней четверти IX в. близ столичного храма Иоанна Златоуста, где была создана школа церковного песнопения, а также метохия сицилийских монахов и паломников.

[86] Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae... – Col. 583.

[87] *Каждан А. П.* История византийской литературы... – С. 350.

[88] Menaton tou Noembriou. – Athenai, 1896. – S. 193–199; подр. см.: *Архиепископ Филарет (Гумилевский).* Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. – СПб., 1902. – С. 262; *Tomadakes E. J.* Ioseph o Gemnographos: bios kai ergon. – Athenai, 1971.

[89] Жития Кирилла и Мефодия (факсимиле рукописей). – М., 1986; *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 3. – С. 223–225 (пер. на укр. яз. гл. 8 Жития Константина); *Ястребов Н. В.* Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских. – СПб., 1911; Пространные или так называемые Паннонские жития свв. Кирилла и Мефодия // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. 4-е. изд. – М., 1912. – Вып. 2. – С. 135–182; Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа (по рукописи XV века бывш. Московской Духовной Академии) // Труды Славянской комиссии. Т. 1.:

переводчика текста, Норберта Рандова, первое из них появилось между 869 и 874 гг. в Паннонии, в период между смертью Константина Философа и изгнанием Мефодия и его учеников из Паннонии, причем сам Мефодий мог участвовать в сочинении текста или руководил его написанием[90]. Впрочем, Игорь Шевченко, высказывая свой взгляд на культурные координаты и источники обоих памятников, полагал, что они основаны отчасти на византийских текстах и были поначалу написаны по-гречески, хотя сохранились благодаря записи «варварским славянским языком»[91]. Это мнение подтверждают и строки письма Анастасия-библиотекаря к епископу Гаудериху Велитерскому, гду упоминается о переводе Жития с греческого на латынь.

Особого внимания заслуживает биография Константина, составленная по инициативе, а возможно, и при содействии Мефодия, архиепископа Паннонии, умершего в 885 г., через 14 лет после своего прославленного брата — величайшего из византийских миссионеров, первоклассного лингвиста и филолога. Обе биографии воссоздают самые разные аспекты византийской жизни IX в., начиная от имперской внешней политики, организации византийских религиозных миссий и кончая модой на соколиную охоту, среди которых для нас необыкновенно важны зарисовки Херсона 860–861 гг. и посещения Константином сопредельных мест, некоего «христианского города» и «народа фульского». При всей их краткости, они содержат бесценные детали, которые не в состоянии воскресить лопата археолога, неутомимо, слой за слоем, уже в течение полутора веков вскрывающая территорию городища, по которому ступали ноги «солунских братьев».

Свидетельства этих ценных памятников существенно дополняет и конкретизирует «Житие вместе с Перенесением (Перемещением) мощей святого Климента» (дословно — Vita cum Translatione S. Clementis)[92]. Впро-

---

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л., 1930. – С. 1–36; Житие Константина Философа (по рукописи 1469 г.) // Труды Славянской комиссии. Т. 1.: *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л., 1930. – С. 39–66; Панонски легенди: Житие на Константина; Житие на Методија. – Скопје, 1969; Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б.Н. Флори. – М., 1981. – С. 70–92, 105–142; Житие Мефодия // Сказания о начале славянской письменности – С. 93–104, 143–173; Жития Кирилла и Мефодия. – М.; София, 1986. – С. 94–129; Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей славянских // Москва. – М., 1991. – №5. – С. 143–160; см.: *Dvornik Fr.* Les legendes de Constantin et de Methode vuei de Byzance. – Prague, 1933. – P. 195–197, 359; *Dvornik F.* Byzantine Missions Among the Slavs. SS. Constantine-Cyril and Methodius. – Rahway, 1970. – P. 66 fol.; *Esser A.* Wo fand der Hl. Konstantin-Kyrill die Gebeine des Hl. Clemens von Rom? // Cyrillo-Methodiana. – Köln, 1964. – S. 131 folg.; *Сумтал А.Х.Е., Маргаритов М.* За Кирил и Методий. – София, 1989.

[90] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 75; ср.: *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 525.

[91] *Шевченко І.* Релігійні місії очима Візантії. – С. 15, прим. 12.

[92] Житие и перенесение (мощей) св. Климента в рус. пер., из рукописи Румянцевского музея // Кирилло-Мефодиевский сборник. – М., 1865. – С. 327–342; Vita cum Translatione S. Clementis // Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий. – СПб., 1871. – С. 221–223 (текст); 314–316 (перевод); Франко І. Сьвятий Климент у Корсунї // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 212–215 (в пер. на укр. яз. пропущены гл. 6–8, 10–12); Vita cum Translatione S. Clementis // *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности – М., 1911. – Вып. 2. – С. 142–147 (Сер. «Памятники христианского Херсонеса»); *Лавров П.* Житие и перенесение мощей св. Климента (Итальянская легенда. Vita cum Translatione

чем, этому латиноязычному сочинению действительно агиографического характера больше соответствует условное название Legenda Italica, поскольку ничего от собственно Жития Климента в нем нет[93]. По сути, это рассказ о всех обстоятельствах открытия мощей близ Херсона и одном из главных виновников их обретения — Константине Философе, поэтому правильнее было бы говорить о памятнике как о «Житии Константина в связи с перенесением мощей св. Климента». Свое содержание (по крайней мере гл. 2-5) италийская легенда черпает из письма Анастасия-библиотекаря епископу Гаудериху Велитерскому в начале 70-х гг. IX в. и той brevis historia о находке мощей Климета, что была написана по-гречески Константином и переведена Анастасием же в сокращенном виде (longe ab illus facundiae claritate distante)[94]. Это было вызвано тем, что Гаудерих поручил священнослужителю Иоанну написать новое, полное Житие св. Климента, для которого Анастасий должен был сделать перевод греческого источника. В Италии к тому времени уже существовали латинские жизнеописания святого, и даже разные (diversa volumina, rerum gestarum monumentum), было почитание реликвий, связанных с именем мученика[95]. Поэтому труд Иоанна не представляется случайным.

По мнению И. Я. Франко, третья часть созданного священнослужителем и дошла как Vita cum Translatione S. Clementis[96]. Она могла появиться в Риме уже в X в.[97] Пересказ этого текста донесла хроника Льва Остийского (Leo Ostiensis) (ум. ок. 1115 г.), бенедиктинца монастыря Монте-Кассино, славившегося своей уникальной библиотекой, а также поздние переписчики Льва (Jacques de Voragine, автор «Золотой легенды» — La Legende Doree, XIII в., и Petrus de Natalibus, писатель XV в., автор Catalogus Sanctorum, кн. X, гл. 93)[98]. Причем создатель Монте-Кассинской хроники сообщил, что инициатором обретения мощей Климента был некий херсонский священник Филипп (Philippus sacerdos Chersonam) во времена императора Михаила — деталь уникальная по своей значимости, нигде более не встречаемая.

Италийскую легенду во многом повторяет и существенно дополняет (особенно в рассказе об обстоятельствах обретения и перенесения мощей) средневековая версия старославянского перевода греческого сочинения, которая очень точна в деталях и которая единственная сообщает и число,

S. Clementis) // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова. 4-е изд-е. – М., 1912. – Вып. 2. – С. 215–221; см.: *Лавровский П.* Итальянская легенда: Критический обзор исследований и мнений о ней // ЖМНП. – 1886. – Ч. 246. – Июль. – С. 17–59; *Meyvaert P., Devos P.* Trois enigmes cyrillo-methodiennes de la «Legende Italique» resolues grace a un document inedit // AB. – 1955. – T. 73. – P. 455–461.

[93] Это название впервые ввел в научный оборот Иосиф Добровский в XIX в.

[94] *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 208; *Спиридонов Д. С.* Д-р И. Франко. Святий Климент у Корсуни. – С. 272.

[95] См.: *Петров А.* Письмо Анастасия Библиотекаря, новый источник по Кирилло-Мефодиевскому вопросу // ЖМНП. – 1893. – Январь. – С. 186–193.

[96] *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 211.

[97] *Франко І.* Сьвятий Климент... – С. 245; *Спиридонов Д. С.* Указ. соч. – С. 272.

[98] См.: *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 192–194 (текст и перевод источников).

и год события (30 января 6369 г. от сотворения мира, то есть 3 февраля 861 г. по григорианскому календарю)[99]. На то, что Слово имело греческий оригинал, указывают обилие сложных партиципиальных конструкций, которые делают старославянский текст весьма темным, а иногда почти невразумительным. Это же подтверждается использованием термина «кафоликиа церковь» в значении собора, кафоликона и «литаниа етера вселюдьска» — простой транскрипции греческого litaneia — «просьба, моление». Рукопись одновременно несет некоторые приметы древнейшей поры церковного языка: правильное употребление «етеръ» вместо «нъкыи», «всякого тела» вместо «всякаго возраста», слова «коупь» вместо «коупля» и т. п.[100] Видимо, это был наиболее близкий к прототипу источник. И. Я. Франко считал его «ближайшим примером» первоначальной пространной херсонской легенды об обретении мощей, в которой инициатор открытия сам рассказал в форме речи к херсонитам об этом событии, свершившемся на неком островке в присутствии Херсонского архиепископа Георгия[101]. Действительно, изложение ведется от лица очевидца, участника или одного из инициаторов, организаторов дела. На него, по-видимому, намекают слова: «етеръ кто, сосъдый мужеви подвига (то есть Георгию) пъніе кондаческо пъти повелъхомъ». Он же как «некто» упомянут сидящим рядом с архиепископом на «седалище подвижном», внемлющим словам архиерея, и как человек, возвестивший об обнаружении во время благочестивых раскопок на острове главы св. Климента[102]. На первый взгляд это близкое к архиепископу лицо, облеченное распорядительными полномочиями, скорее всего Константин Философ. Однако этому противоречат выражения в конце источника, в заключительной главе: «Мы бо есмъ симъ вина, и имже ся есмъ лишим его... блаженъ бо *град наш*» (выделено мной. — *С. С.*).

Скорее всего, автор был жителем Херсона, хорошо знал некоторых из херсонитов, занимал достаточно видное место в городской иерархии, являлся особой, близкой к архиепископу Георгию, его доверенным лицом, прекрасно разбирался в литургии, был знатоком церковного пения (упоминания об этом то и дело присутствуют в тексте) и пробовал говорить свое Слово в Херсоне вскоре после обретения мощей[103]. Не случайно ни один другой источник, сообщающий об открытии мощей, не содержит

[99] Слово на перенесение мощей Климента // Кирилло-Мефодиевский сборник. – М., 1865. – С. 319–327 (по списку XVI в.); Слово на перенесение мощей преславного Климента // *Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 127–131; *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 246–256 (текст старославянского издания по рукописи первой половины XVI в. Московской Духовной академии, №91 по старому реестру); Слово на перенесение мощей Климента Римского / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. – М., 1990. – С. 311–316 (пер. сокр. по списку XVI в.); Сказание об обретении мощей св. Климента: Повествование об обретении мощей св. Климента и слов на перенесение их Константином в славянском переводе // Москва. – 1991. – №5. – С. 149–153.

[100] См.: *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні. – С. 255.

[101] *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 188–189.

[102] Слово на перенесение мощей преславного Климента. – С. 128, гл. 4; С. 129, гл. 8; Слово на перенесение мощей Климента Римского. – С. 312, 313.

[103] Ср.: *Франко І.* Сьвятий Климент... – С. 188–189; *Спиридонов Д. С.* Указ. соч. – С. 271.

имен простых херсонитов — участников благочестивой экспедиции (Дигица, священник Соломон). Не исключено, что автором мог быть тот самый херсонский священник Филипп, которого как инициатора обретения мощей упомянул в своей Монте-Кассинской хронике Лев из Остии и его позднейшие переписчики[104]. Такая гипотеза особенно вероятна по причине того, что Константин Философ был заезжим столичным эмиссаром и не годился на роль непосредственного организатора морской поездки, а архиепископ Георгий, слабый и недужный (Житие Константина Философа сообщает о его скорой смерти), не стал бы взваливать на себя хлопотные детали предприятия, поручив обязанности распорядителя кому-то из толковых, авторитетных местных клириков средней степени священства, участвовавшего в управлении Херсонской церковью.

В целом, агиографические источники позволяют составить почти непрерывную картину жизнедеятельности города на протяжении VI–IX вв. Ее портит только ярко выраженный и оттого тенденциозный уклон в церковную историю, на фоне которого блекнут иные, не религиозные функции раннесредневекового Херсона.

Такой же одиозный налет преобладает и в памятниках эпистолографии, поскольку авторство подавляющего большинства их принадлежало духовным лицам. Два небольших письма сосланного в 655 г. в Таврику старого, больного римского папы Мартина I, осужденного синклитом за отказ признать официально принятое в Империи монофелитство, носят весьма субъективный характер и отражают действительные и мнимые печали этого личного врага василевса Константа II по поводу тяжелых условий изгнания, немощей плоти, бесчеловечности окружающих и душевного одиночества[105]. Переносить их в полном объеме на Херсон и его обитателей можно лишь с известными оговорками и критическими комментариями, требующими окончательно и бесповоротно отказаться от буквалистского подхода к этому источнику, сознательно написанному автором в жанре жалобы, на грани энкомия и треноса по самому себе.

Его своеобразным эпистолярным продолжением следует считать редкое для «темных веков» письмо папы Григория II (715–731) императору Льву III Исавру с упоминанием о посещении памятника (mnema) блаженного папы Мартина многочисленными паломниками, прибывавшими со стороны Боспора, в данном случае, надо понимать, Босфора, и с Севера (о Borras)[106].

Гораздо более обильные письма Феодора Студита были известны автору его Жития, Михаилу Монаху, в пяти книгах[107]. Из этого собрания, составленного, вероятно, учениками преподобного, особый интерес пред-

[104] *Франко І.* Сьвятий Климент... – С. 193–194.

[105] S. Martini papae epistolae XVI, XVII // PL. – 1851. – T. 87. – Col. 201–204; *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. – М., 1991. – С. 173–190.

[106] *Mansi J.D.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... – Paris, 1905. – T. 12. – Col. 971 (repr.: Graz, 1960); PL. – T. 89. – Col. 520.

[107] См.: *Michailus Monachus.* Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori Studii // PG. – 1862. – T. 99. – Col. 264 D; *Мелиоранский Б.* Перечень византийских грамот и писем. – СПб., 1899. – С. 3.

ставляют его послания к изгнанным сторонникам в Херсон и к архимандриту — старшему игумену Готфии, которые датируются временем после возвращения самого Феодора из ссылки в 821 г., хотя второе письмо, особенно наглядно рисующее положение монашества в Таврике, его схизму, разброд и шатания, вероятно, было написано не ранее окончания восстания Фомы Славянина в конце 823 г., когда вновь стало возможным сообщение Константинополя с Готфией[108]. Херсон неизменно выступает в этих свидетельствах как место ссылки врагов правительства, город, несущий печать иконоборства, покорный власти Империи, который следует, как и окрестные земли, официальному религиозному и политическому курсу, насаждаемому из столицы.

Сведения о положении в Херсоне и его окрестностях спустя 30-40 лет сохранило пространное письмо Анастасия-библиотекаря, который был приближенным папы Адриана II (867-872), главой папского архива и канцелярии[109]. Этот эрудит, политик, дипломат, писатель, знаток греческого языка, кстати, первым, в 873-875 гг., переведший «Хронографию» Феофана на латинский язык, тогда как патриарх Фотий даже не внес ее в свой «Миробиблон», в первой половине 70-х гг. IX в. в ответ на запрос Гаудериха (Гавдериха, Гондериха), епископа италийского города Велитери (Веллетри), участника VIII Вселенского собора, перевести для него с греческого сочинения о св. Клименте, написал послание, в котором сообщил известные ему ценные сведения об обстоятельствах обретения в Херсоне зимой 860-861 гг. мощей римского папы Климента[110]. Гаудерих собирал материалы для биографии Климента, особо почитаемого в Веллетри как первого епископа города, и данное послание послужило тем более ценным источником, что основой для него явился, скорее всего, краткий рассказ — отчет, «историйка» («storiola», «brevem historiarum», «historica narratione»), то есть нечто вроде исторической справки самого Константина[111]. Встреча с ним Анастасия могла произойти в Риме в 868/869 г.,

[108] Theodori Studitae epistulae // PG. – 1862. – T. 99. – Col. 1344–1345, 1520–1523; Творения св. отца нашего и исповедника преп. Феодора Студита в руС. пер. – СПб., 1908. – Т. 2: Письма к разным лицам. – С. 454–455 (письмо XCII), 55–555 (письмо CLXIV); *Доброклонский А. П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. – С. 649.

[109] *Lapotre A.* De Anastasio Bibliotecario. – Paris, 1885; Perels E. Papst Nikolaus I und Anastasius Bibliothecarius. – Berlin, 1920; *Голенищев-Кутузов И.Н.* Средневековая латинская литература Италии. – М., 1972. – С. 160–163.

[110] Письмо было спрятано в один из кодексов Лиссабонской библиотеки, который был написан в монастыре Алькобаза в XIV в. Его впервые скопировал немецкий ученый доктор Гайне (ум. 1848 г.). Рукопись Гайне была опубликована в 1892 г. мюнхенским профессором Фридрихом, который датировал составление письма 875–879 гг. См.: *Ягич И.В.* Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // Записки имп. АН. – СПб., 1893. – Т. 72. – Кн. 1. – Приложение №6. – С. 1–44 (текст, пер., статья); *Петров А.* Письмо Анастасия Библиотекаря (Новый источник по Кирилло-Мефодиевскому вопросу). – С. 183–193; Франко І. Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 204–207 (дословный перевод письма). А. И. Айбабин ошибочно относит письмо к 860-м годам, когда его автор еще не располагал необходимыми материалами (Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 66).

[111] Анастасий писал Гаудериху, что ему осталось перевести на латинский язык то, что «Константин Солунянин... недавно перед тем сам написал» (см.: *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні. – С. 205).

незадолго до смерти Константина[112]. Кроме того, Анастасий находился в Константинополе с папскими легатами, Донатом, епископом Остийским, Стефаном, епископом Непийским, и диаконом Марином, участовавшими в VIII Вселенском соборе, заседания которого проходили в храме Св. Софии с 5 октября 869 г. по 28 февраля 870 г. Он прибыл в столицу Византии как посланник императора Людовика II Италийского вместе с Суппоном, родственником императрицы Ингельберги и еще одним придворным Людовика для переговоров о заключении брака между Константином, сыном василевса Василия Македонянина, и дочерью Людовика[113]. Попутно этот знаток греческого языка занялся здесь переводом на латынь литургийного комментария патриарха Германа Константинопольского и частей «Мистагогии» Максима Исповедника, которые выслал франкскому королю Карлу Лысому (ум. 877 г.)[114]. Анастасий не только составил отчет о деятельности собора, перевел его акты для папы Адриана, но собрал недостающие сведения о подробностях открытия мощей св. Климента в Херсоне. При этом одним из его информаторов стал Митрофан, митрополит Смирн, сосланный «вместе с другими» в самом начале первого патриаршества Фотия (858-867) в Таврику и проживавший как раз во время обретения мощей недалеко от Херсона.

Кроме краткого рассказа Константина, переведенного на латынь «неуклюжим языком» (agresti sermone), Анастасий, дабы угодить Гаудериху, отправил ему текст похвалы Клименту (sermonem declomatorium), автором которого тоже был Константин. Из письма следует, что перу последнего принадлежал еще гимн в честь св. Климента, очевидно, как и похвала, сочиненный в Херсоне по случаю открытия мощей (hymnologicon Dei omnipotentis in inventione reliquiarum), но перевести его Анастасий не решился, опасаясь не справиться с трудностями поэтического греческого текста[115].

Полученное епископом Гаудерихом послание послужило источником для Жития св. Климента, которое составил по поручению епископа упоминавшийся выше искусный священнослужитель (levita) Иоанн. К сожалению, от этого сочинения уцелел только отрывок (первая часть) с посвящением труда папе Иоанну VIII (872-882)[116].

О деятельности высших светских и духовных властей Херсона, их политических и церковных контактах с населением печенежских и хазарских земель в начале X в. упомянул в трех своих письмах Константинопольский патриарх Николай Мистик: одно из них, пространное и витиеватое, в духе классической византийской риторики, было написано, скорее всего, в конце августа – начале сентября 917 г. и адресовано болгарскому царю Симеону, грозившему очередной войной с ромеями, а два других,

[112] См.: Сказания о начале славянской письменности. – С. 118, коммент. 14; С. 139–140, коммент. 12–13.

[113] См.: *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. 2-е изд. – СПб., 2001. – С. 98–146.

[114] *Шульц Г.Й.* Візантійська літургія: Свідчення віри та значення символів. – Львів, 2002. – С. 142.

[115] См.: *Ягич И.В.* Вновь найденное свидетельство... – С. 4–5; *Франко І.* Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1904. – Т. 60. – Кн. 5. – С. 210–211.

[116] *Ягич И.В.* Указ. соч. – С. 16.

гораздо более кратких, предметных, но темных по содержанию, — новоназначенным архиепископу Херсона и, вероятно, стратигу, не исключено, протоспафарию Иоанну Протевону, известному по печатям этого времени, — появились в промежуток после марта 919 г. до конца навигационного сезона этого года и отразили неусыпную заботу патриарха по поводу отправления богослужения среди соседнего «обманутого народа» — инородца, в том числе той паствы, что жила на сопредельной с Херсоном территории Хазарии и просила прислать им епископа и организовать хиротонию пресвитеров (священников)[117]. Последнее следует особенно подчеркнуть как непреложное доказательство отсутствия до этого времени высшей церковной организации на подконтрольной хазарам территории. Исповедание христианства и наличие епископства не обязательно взаимосвязанные явления.

На фоне подобных эпистолярных упражнений духовных лиц особняком стоит редкий памятник светской переписки, включающий послания, которыми в пределах 951(952)-961(962) гг. обменивались высокий сановник Кордовского халифа Абд ал-Рахмана III (911-961), государственный, финансовый деятель, раввин Абу-Юсуф Хасдаи бен Исаак ибн Шапрут (по правилам еврейской фонетики — Шапперут) (ок. 915-907) и хазарский царь Иосиф, сын Аарона, правивший, видимо, во второй трети X в.[118] Письма были инспирированы взаимным интересом переписывающихся сторон и включали

[117] Nicholas I, Patriarch of Constantinople: Letters / Ed. and transl. by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink. – Washington, D.C., 1973. – P. 52–69, N 9 (царю Симеону); p. 314–315, N 68 (анониму, вероятно, стратигу Херсона); p. 388–391, N 106 (архиепископу Херсона); p. 553, 555; *Григорович В.* Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях. – С. 1005–1009 (греч. текст, полный пер. писем №68, 106); *Успенский Ф.* Византийские владения на северном берегу Черного Моря в IX и X века. – С. 283 (перевод части письма №106); *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса... – С. 58–61 (перевод отрывков из всех трех писем); *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1995. – С. 89 (перевод фрагмента письма №9); *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморский мир. Древняя Русь. – М., 1991. – С. 35, 36 (перевод фрагментов из писем №68, 106); *Иванов С.А.* Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев – С. 63–64 (выборочный перевод из писем №68, 106); *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 138, 356, 358, 359, 360 (перевод фрагментов из всех трех писем).

[118] *Коссович К.* Извлечение из письма Рабби Хасдай бэн Ицхак к царю Хазарскому./ Пер. с еврейского // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. – СПб., 1845. – Т. 1. – С. 185–189; Письмо Хасдаи Ибн-Шапрута к хазарскому царю Иосифу (около 960 г. н.э.) // Сказания еврейских писателей о Хазарах и Хазарском царстве собрал, пер. и объяснил А.Я. Гаркави. – СПб., 1874. – С. 78–83 (введение), 84–119 (текст и пер.), 120–153 (коммент.); *Гаркави А.* Сообщения о хазарах. А. Хазарская переписка (По рукописям Имп. Публ. б-ки) // Еврейская библиотека / Историко-литературный сборник / Изд. А.Е. Ландау. – СПб., 1879. – Т. 7. – С. 144–153 (Письмо раввина Хасдаи, сына Иосифа (да почиет он в чести), к царю Козарскому); С. 153–162 (Письмо царя Иосифа, сына Аарона, царя тогорманского (Защити его Создатель!) к главе раввинской Академии Хасдаи, сыну Исаака, сына Эздры); *Брунсус Ю.Д.* Письмо хазарского еврея от X века. – Берлин, 1924; *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С. V–XXVI, 51–71 (пер. письма Хасдая ибн Шапрута); С. 72–89 (пер. краткой редакции письма царя Иосифа); С. 89–112 (пер. пространной редакции письма царя Иосифа). Самая древняя рукопись пространной версии письма Иосифа относится, вероятно, к XIII в. (хранится в Санкт-Петербурге), а копия письма Хасдая датируется XVI в., как и рукопись краткой версии письма Иосифа (хранится в Оксфорде) (*Коковцов П.К.* Указ. соч. – С. XI–XXIII; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 102). О Хасдае ибн Шапруте, выдающемся дипломате, финансовом деятеле, придворном халифа, и о его роли в превращении Андалузии в центр еврейства см.: Luzzatto Ph. Notice sur Abou-Iousouf Hasdaï Ibn-Schaprout. – Paris, 1852; *Гретц Г.* История евреев с древнейших времен до настоящего. 2-е изд. – Одесса, 1905. – Т. 6. – С. 269–289.

сведения, относящиеся к истории военных, международных отношений раннего Средневековья, географии, религии страны Сефарад (арабской Андалузии) и Хазарии, в которых свое место занимали находившиеся под влиянием каганата земли и поселения на территории Крымского полуострова. Впрочем, именно упоминания о последних, как и дата обращения хазар в иудаизм в VII в. (за 340 лет до времени написания письма царя Иосифа), вызывают наибольшие сомнения, заставляющие подозревать добавления позднейшего переписчика или переделывателя[119].

Судя по письму Ибн Шапрута, деятельная попытка доставить послание в Хазарию была предпринята после прибытия ряда посольств от Константина Багрянородного в Кордову в 334–340 гг. хиджры (945/946 гг. – 951/952 гг.), а ответное послание царя Иосифа могло быть получено и того позже, когда покровитель Хасдаи, Абд ал-Рахман, упоминаемый в предыдущем письме как живой, уже умер[120]. Считать эти документы целиком фальшивыми, как до сих пор полагают некоторые исследователи, нет оснований[121]. О них упоминали «Книга о праздничных временах» (Sefer ha-ittim) барселонца Иехуды бен Барзилая (рубеж XI–XII вв.) и «Книга предания» (Sefer ha-qabbala) – хроника Авраама ибн Дауда (ум. 1180 г.)[122].

Написанный на иврите документ, привезенный в 1896 г. в Кембридж собирателем еврейских манускриптов, доктором Соломоном Шехтером, из генизы (хранилище ветхих рукописей) при синагоге Эзра в Фустате (Старый Каир) – столице средневекового Египта, впервые опубликованный в 1912 г. и известный среди специалистов как Кембриджский Аноним, Кембриджский документ или «текст Шехтера», похоже, тоже относился к этой дипломатической переписке влиятельного «князя евреев Андалузии», Хасдаи ибн Шапрута, которая со временем, в XI–XII вв., была сведена писцами в отдельную книгу на еврейском языке[123].

Между XIII и XVI вв. она сохранялась в виде отрывочных бумажных фрагментов в генизах Старого Каира, поскольку правила иудаизма не

---

[119] *Коковцов П. К.* Указ. соч. – С. XVII–XXIII.

[120] См.: Сказания еврейских писателей о Хазарах... – С. 131–132; *Гретц Г.* Указ. соч. – С. 272, 279; *Коковцов П. К.* Указ. соч. – С. VII, прим. 2; С. 63, прим. 1; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. – С. 107.

[121] Ср.: *Бушаков В.* Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний Світ. – 1999. – №1–2. Подробнее о сомнениях в подлинности хазарской переписки и обширной историографии этого вопроса см.: *Коковцов П. К.* Указ. соч. – С. V, прим. 2; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы... – С. 101–104.

[122] *Коковцов П. К.* Указ. соч. – С. VIII–IX, XXV, XXXVII, 129–131, 134; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. – С. 101–102.

[123] *Коковцов П. К.* Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русских отношениях в X веке. – СПб., 1913 (отд. отт. из ЖМНП, С. 150–172); Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века. Кембриджский документ // *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. – С. XXVI–XXXVI, 113–123 (перевод); *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы... – С. 138–142 (пер. Нормана Голба). Видимо, к этому кодексу рукописей относились также письмо Хасдаи к византийской императрице Елене, дочери Романа I Лакапина и супруге Константина Багрянородного с 919 до 959 г., другое его письмо к неизвестному «великому царю (монарху)», отчет италийского еврея о преследованиях евреев в византийских городах Южной Италии, вероятно, в правление Романа Лакапина (919–944), а также Провансальское письмо еврейских посланцев Хасдаи во время службы последнего при Абд ал-Рахмане (см.: *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы... – С. 105–117, 118).

Рис. 17. В.В. Латышев

разрешали уничтожать ничего из того, на чем было запечатлено имя Бога[124].

Упомянутый документ сообщал о выдающихся делах хазарских военачальников, об обстоятельствах обращения хазар в иудаизм и мог представлять набросок материалов, записанных в Константинополе со слов некоего образованного иудея, подданного хазарского царя, для Исаака бен Натана, доверенного человека Хасдаи ибн Шапрута, проведшего вместе с послами Абд ал-Рахмана в столице Византии зиму 949/950 г. в качестве гостей византийского императора[125]. Во всяком случае анонимный автор называл Хазарию «нашей страной» и указывал на прибытие «твоих (то есть Хасдаи. — *С. С.*) посланцев» в Константинополь по морю, идущему «направо... от [ва]шей страны [Андалузии]»[126].

В целом надо подчеркнуть, что авторы и составители нарративных источников, имеющих отношение к истории раннесредневекового Херсона, не скомпрометировали себя явными ошибками, позволяют взаимно дополнить и проверить друг друга, то есть, согласно известному правилу источниковедческой критики, заставляют с доверием относиться к сведениям источников и отдавать предпочтение их данным, а не самомнению критиков, как это иногда случается.

Круг письменных источников расширяют эпиграфические памятники, особенно ранневизантийского времени. Количество таких находок значительно меньше по сравнению с античной эпохой, что, впрочем, отражает тенденцию, характерную для всей Византийской империи. Наиболее ценные из них — те, что упоминают административные должности, — сравнительно многочисленны для конца III — конца V в. по сравнению с последующим временем — второй половиной VI в., после которой надписи такого содержания надолго исчезают, что, несомненно, отражает некие симптомы в развитии и города, и Империи, требующие разгадки.

Находки за пределами Крыма эпиграфических памятников, связанных с византийским Херсоном, крайне редки. К их числу относится надгробие

[124] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. – С. 102–103.

[125] *Гретц Г.* Указ. соч. – С. 274; *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents... – P. 90–95; *Zuckerman C.* On the Date of the Khazars Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. – 1995. – Vol. 53. – P. 239–241; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы... – С. 107; *Zuckerman C.* Le voyage d'Olga et la premiere ambassade espagnole a Constantinople en 946 // Travaux et Memoires. – 2000. – T. 13. – P. 458–460; *Цукерман К.* О происхождении двоевластия у хазар... – С. 526 (датирует составление «документа Шехтера» временем около 949/950 г., а письма Хасдаи и царя Иосифа – началом или серединой 50-х гг. X в., хотя единственным надежным terminus ad quem для послания Хасдаи в Хазарию является время смерти халифа Абд-ар-Рахмана осенью 961 г.). Ср.: *Коковцов П. К.* Указ. соч. – С. VII, прим. 2.

[126] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. – С. 117, 142 («текст Шехтера», л. 2 об., 14–18).

из Синопы в Пафлагонии, которое косвенно отражает основное направление морских связей города. Предельно краткая, в христианском духе «гордыни унижения» надпись на простом каменном памятнике сообщает об упокоении Анастасия, епископа Херсонеса (Anastasiou tou kai episkopou Chersonesiou), причем архаическая форма названия города указывает на время не позже второй половины VI в., а не на VII–VIII вв., как иногда считается[127].

Поначалу невыразительные, херсонские надписи раннесредневекового времени, преимущественно надгробные, не удостаивали внимания и публиковали их крайне редко[128]. Сдвиг в положительную сторону обозначился после того, как особое обилие надписей византийского периода дали раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера в 1888–1914 гг. В массе своей они были выполнены на греческом и изданы преимущественно одним исследователем — Василием Васильевичем Латышевым (1855–1921) (рис. 17), крупнейшим отечественным эпиграфистом и знатоком древней истории, снабдившим тексты превосходными, глубокими комментариями, верность которых почти во всех случаях выдержала проверку временем[129]. Только в 1895–1898 гг. были найдены такие интересные

[127] Corpus Inscriptionum Graecorum / Ed. A. Boechio, I. Franzius, E. Curtius. – Berolini. 1856. – Vol. 4. – Fasc. 1. – Pars 39. – P. 462, N 9261; Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э.: Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 542.

[128] *Юргевич В.* Эллинские и латинские надписи, найденные в Херсонисе // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 8–10, №IV–VI; *Юргевич В.* Примечания о двух новых Херсонских надписях // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 313–314.

[129] Древности южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889–1891 годах с объяснением В. В. Латышева // МАР. – СПб., 1892. – №9. – С. 1–45 (Херсонесские надписи); Древности южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892–1894 годах с объяснением В. В. Латышева // МАР. – СПб., 1895. – №17. – С. 23–25, № 28–31; С. 80, к №32; *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896 – С. 7–35 (единственный до настоящего времени свод из 128 византийских надписей Северного Причерноморья, юбилейное издание к 50-летию Русского археологического общества; 22 надписи (№7–28) относятся к ромейскому Херсону, среди них надгробные, строительные, посвятительные, в том числе такие, которые указывают на деятельность лиц церковной и имперской администрации: епископа Феодора, пресвитеров Стефана, Стефана и Христофора, некоего царского комита, а также патрикия и стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата); *Латышев В. В.* Заметки к христианским надписям из Крыма // ЗООИД. – 1897. – Т. 20. – С. 149–162 (особенно С. 149–151); 1898. – Т. 21. – С. 225–254; 1901. – Т. 23. – С. 74–78; *Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1899. – Т. 6. – Вып. 1 – 2. – С. 337–369; *Латышев В. В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г. // ИАК. – 1902. – Вып. 2; *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России: (Находки 1905 г.) // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 95–137 (херсонесские надписи «христианской эпохи» – С. 121–125, №37–39, в том числе с упоминанием дуки и некоего ламмпротата Феагена времени правления Юстина II); *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 28–48 (херсонесские надписи – С. 35–39, № 18–21, в основном обломки неопределенного содержания и одно позднее надгробие 1203 г. с упоминанием Николая, Никона, Никандра и их детей); *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России: Находки 1907 года // ИАК. – 1908. – Вып. 27. – С. 28–35, №22–31 (херсонесские надписи «христианской эпохи», в основном надгробные, VI–VII вв. и начала X в.); *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России (Ольвийские и Херсонесские надписи, найденные в 1908 г.) // ИАК. – 1909. – Вып. 33. – С. 43–47 (№ 7 – надгробная плита с «христианской надписью»); *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 9–21; *Латышев В. В.* Новые христианские надписи из Крыма // ИТУАК. – 1918. – №54. – С. 33–46. Несколько незначительных фрагментов надписей ранневизантийского времени были обработаны Р. Х. Лепером, тоже опытным эпиграфистом, проявлявшим интерес к этой отрасли знания уже со времен своего ученого секретарства в Русском археологическом институте в Константинополе в 1901–1908 гг. (*Лепер Р. Х.* Херсонесские надписи // ИАК. – 1912. – Вып. 45. – С. 67–68, № 16–17).

памятники, как обломок мраморной иконы или плиты канкелы, возможно, от интерьера раннего храма апостола Петра, с превосходным изображением Иисуса, оказывающего помощь Петру, тонущему в Тивериадском озере; штампы для оттиска евлогиев св. Фоки птохиона Херсона — eu(l) ogia tou agiou Phoka tou ptoch(e)iou Chers(o)nos, и некоего св. великомученика, имя которого не сохранилось (не позднее VII в.); того же времени форма из сланца для отливки крестов и медальонов с изображением мужской фигуры, держащей в воздетых руках крест, и надписью по периметру: «Господи, помоги всякому носящему (этот предмет)»; фрагменты ранневизантийских надписей на карнизах, в том числе, возможно, о постройках по обету; стелообразное надгробие VI–VII вв. с именем рабы Божьей Евфросины и резным фигурным крестом; каменный крест с надписью «мнимейон (памятник, усыпальница) св. муч. Анастасии», вероятно «узоразрешительницы», храм которой мог быть воздвигнут в Херсоне, как и в Константинополе, после переноса туда мощей мученицы при Льве I (457–474); большой обломок мраморного карниза со строительной надписью 1059 г., в которой упоминался византийский преторий и его железные двери[130]. В дальнейшем число раннесредневековых эпиграфических памятников пополнялось главным образом находками каменных надгробий с загородного некрополя около Карантинной бухты или невыразительными обломками с фрагментарными остатками надписей неопределенного содержания, но информативность и тех и других невелика.

К числу наиболее важных относятся обнаруженная в 1905 г. у южной оборонительной стены, довольно небрежно вырезанная крупными буквами надпись на обломке мраморной плиты весьма значительных размеров, скорее всего, о постройке какого-либо сооружения, осуществленной в Херсоне под руководством дуки и некоего лампротата («светлейшего») Феагена (?), очевидно, в правление владык Юстина II (565–578) и его супруги Софии[131], а также найденная столетием раньше на Тамани надпись на массивной мраморной плите с изображением по сторонам двух Ник в венках и с пальмовыми венками в руках, которая служила украшением некоего пышного кесариона — to lampronen... k (ai) sarion, «императорского здания», «возобновленного» (ananeosen) в 590 г. в византийском Боспо-

[130] Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 88–89, рис. 225, 226 (надпись стратига Льва Алиата 1059 г.); *Латышев В.В.* Древности южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в южной Росии в 1895–1898 годах // МАР. – СПб., 1898. – Вып. 23. – С. 26–51, №40–50; *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1899. – Т. 6. – С. 349–352; *Латышев В.В.* К церковной археологии Херсониса // *Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. – СПб., 1909. – С. 303–310.

[131] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 121–123, №37; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 213–214, №4, рис. 8. Судя по количеству несохранившихся букв в углу надписи, обведенной плоской рамкой, светлейший Феаген, от имени которого сохранились лишь три буквы: ЕАГ, по мнению Ю.Г. Виноградова, мог быть облечен должностью имперского офицера – комита (*Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 119, 123). Однако не исключено, что он мог быть и архонтом города (archon), поскольку титул lamprotatos (clarissimus) со второй половины V в. носили представители высшей имперской муниципальной администрации (ср.: Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // ВВ. – 1964. – Т. 24. – С. 48).

ре стараниями «раба по природе» (gnesios doulos) Евпатерия, стратилата и дуки Херсона, в ознаменование неких одержанных перед этим побед[132]. Эти важнейшие данные являются едва ли не единственными, позволяющими судить об отношении города к Византии, о составе его имперской администрации и изменении в ней во второй половине VI в.

Особый интерес представляет группа ранневизантийских эпиграфических памятников из раскопок XIX — начала XX в., проанализированная С. А. Беляевым, которая свидетельствует о том, что в сооружении христианских храмов Херсона свою роль, и, похоже, немалую, сыграли частные пожертвования членов паройкии[133].

Данные о локализации херсонесского нищеприимного дома Св. Фоки и монастырской богадельни для больных и калек позволяют получить глиняный штамп с именем св. Фоки и склеп у западной оборонительной стены, вход в который закрывала массивная известняковая закладная плита с уникальной для такого херсонесского памятника надгробной надписью VI-VII вв., упоминавшей имя усопшего раба Божьего Гота[134]. Прочие эпиграфические находки, за редким исключением (как, например, эпитафия Иоанна, «пресвитера Херсакеи»), имеют скорее характер граффити, нанесенных до обжига на керамические изделия (формочку для просфор, памятную глиняную просфору, штампы, крышку сосуда, водопроводную трубу, чашу, мисочки, тарелочки, горшочки), и смысл их далеко не всегда поддается верной расшифровке, порождая порой казусы[135]. В качестве примера можно привести трактовку надписи на чаше с инвокативным обращением некоего Константина-монаха как указание на императора Константина Великого, что долгое время позволяло исследователям ссылаться на этот памятник как одно из самых ранних проявлений христианства в Херсонесе[136]. Гораздо интереснее связь некоторых из надписей, найденных К. К. Косцюшко-Валюжиничем, Н. В. Пятышевой и Л. В. Седиковой в ходе раскопок объектов около куртины 13, с практикой деятельности городской больницы-ятрины и со сбором пожертвований для прокажен-

[132] *Латышев В. В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1894. – Т. 1. – Вып. 3–4. – С. 662–672; *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – С. 105–109, №99; *Латышев В. В.* К надписи Евпатерия. 1. Вопрос о времени надписи; 2. О выражении gnesios doulos в надписи Евпатерия // *Латышев В. В.* ПОNTIKA. – СПб., 1909. – С. 201–217.

[133] См.: *Беляев С. А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV–VI вв. // Палестинский сборник. – 1987. – Вып. 29 (92). – С. 76–84.

[134] *Колесникова А. Г.* Храм в портовом районе (раскопки 1963–1965 гг.) // ВВ. – 1978. – Т. 39. – С. 172; *Антонова І. А., Рижов С. Г.* Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 263 (плита с надписью хранится в НЗХТ, в фонде №8, инв. №45/36504).

[135] *Соломоник Э. И.* Греческие надписи из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 39–45; *Соломоник Э. И.* Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи // НЭ. – 1974. – Т. 11. – С. 33–47; *Соломоник Э. И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 214–215; *Романчук А. И., Соломоник Э. И.* Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 95–100, №1–7; *Залесская В. Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 204–207; *Седикова Л. В., Сидоренко В. А.* Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 106–110.

[136] *Романчук А. И., Соломоник Э. И.* Несколько надписей... – С. 98–99, №6, риС. 2, 6; ср.: *Гинькут Н. В., Алексеенко Н. А.* Чаша с инвокативным обращением из раскопок Херсонеса // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 67–71.

ных. К граффити относятся и имена, процарапанные на пифосах из винного склада VII–VIII вв., обнаруженного во время случайных раскопок на месте Северного дока Севастополя[137]. Не исключено, что они обозначали владельцев и могут иметь отношение к организации складского дела, что уже само по себе большая редкость.

К числу наиболее «беспристрастных» источников относятся сфрагистические материалы, которые при условии их правильной трактовки, интерпретации и датировки позволяют получить уникальные сведения, прежде всего о составе администрации раннесредневекового Херсона и контактах города с разнообразными представителями византийских властей. К настоящему времени опубликовано свыше 200 свинцовых печатей — моливдовулов, имеющих отношение к Херсону и хранящихся как в фондах заповедника, так и в коллекциях Эрмитажа, Государственного исторического музея, частных собраниях, а также в европейских и американских коллекциях. Только в каталог И. В. Соколовой включены 74 моливдовула, имеющих самое прямое отношение к администрации византийского Херсона[138]. Еще около 150 херсонесских печатей преимущественно VII–XI вв. остаются неопубликованными, причем среди них есть моливдовулы без названия города, но тем не менее имеющие прямое отношение к его истории. Сфрагистический фонд Херсонесского музея начал быстро расти с конца XIX в., но особенно плодотворно стал разрабатываться в последней трети XX в., главным образом усилиями И. В. Соколовой и Н. А. Алексеенко[139].

---

[137] *Шангин М. А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 83–84, №12.

[138] *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсонеса. – Л., 1983.

[139] *Толстой И. И.* О византийских печатях херсонской фемы // Записки Русского археологического общества: Новая серия. – СПб., 1887. – Т. 2. – С. 28–43; *Юргевич В.* Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества // ЗООИД. – 1889. – Т. 14. – С. 41–46; *Вишнякова А. Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. – 1939. – №1 (6). – С. 121–133; *Пятышева Н. В.* Печать готского епископа в коллекциях ГоС. Исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963. – С. 32–36; *Соколова И. В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 207–214; *Соколова И. В.* Печати Херсонской фемы (опыт датировки) // Actes du XIVe Congres International des etudes byzantines (6–12 Sept. 1971, Bucarest). – Bucarest, 1976. – Vol. 3. – С. 228–233; *Соколова И. В.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. – Београд, 1978. – Кн. 18. – С. 81–97; *Смычков К. Д.* Несколько неизданных печатей Херсона // ВВ. – 1989. – Т. 50. – С. 189–190; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1: Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Ed. J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington, 1991. – P. 186, N 82. 10; *Соколова И. В.* О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. 23. – С. 94–102; *Соколова И. В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсона // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 201–213; *Соколова И. В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 191–204; *Sokolova I. V.* Les sceaux byzantins de Cherson // SBS. – Washington, D. C., 1993. – Vol. 3. – P. 99–111; *Алексеенко Н. А.* Моливдовул императора Маврикия из Херсонеса // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 5–6; *Алексеенко Н. А.* Моливдовул императора Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1996. – С. 158–160; *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – Washington, 1995. – Vol. 4. – S. 139–151; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 91–97; *Алексеенко Н. А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 155–170; *Алексеенко Н. А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 122–133; *Alexeenko N.* The proteuontes of Cherson in the 10th century // VI Международен симпозиум по византийска

Рекордными же по количеству находок печатей стала первая половина 1990-х гг., когда у морской кромки обрыва восточного берега Херсонеса были обнаружены компактные следы общегородского и одновременно таможенного архива моливдовулов, функционировавшего со времени правления Юстиниана I и до конца XI — начала XII в.[140] О том, что это был больше чем архив таможни, свидетельствует вхождение в него документов с печатями не только коммеркиариев — контролеров за торговлей шелком, сборщиков пошлин и логофетов. В целом эти данные позволяют составить достаточно полное представление о херсоно-византийской знати и о составе, особенностях чиновных властей сначала местной архонтии, а затем фемы, пополнить за счет моливдовулов церковных иерархов Херсона и Боспора список имен крымских епископов и архиепископов IV–X вв. К примеру, все архонты Херсона в VIII — первой половине IX в. имели византийские саны спафариев, ипатов, страторов и на печатях упоминаются уже не как коллективный орган — совет архонтов, а как единоличные имперские чиновники[141]. Исчезновение их моливдовулов около середины IX в. отчетливо свидетельствует об изменении статуса города, в котором разместилась резиденция стратига и который стал городом-преторием. С этого времени здесь резко увеличилось количество печатей таможенных служащих — коммеркиариев, число которых для периода с середины IX

сфрагистика. Резюмета. – Велики Преслав, 1998. – P. 15–16; *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. – 1997. – Вып. 6. – С. 701–743; *Алексеенко Н.А.* К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – С. 221–227; *Смычков К.Д.* Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 124–129; *Алексеенко Н.А.* Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. – Krakow, 1999/2000. – T. 28/29; *Алексеенко Н.А.* Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докл. – Харьков, 1999. – С. 63; *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999. – С. 145–160; *Алексеенко Н.А.* Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 65–82; *Алексеенко Н.А.* Херсонская родовая знать X–XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 256–266; *Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 247–255; *Алексеенко Н.А.* Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики: (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–XI вв.) // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – С. 98–104; *Алексеенко Н.А.* Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона: Сб. науч. трудов. – Севастополь; Краков, 2001. – С. 131–138; *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 154–162; *Алексеенко Н.А.* Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 174–205; *Степанова Е.В.* Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 96–98; *Алексеенко Н.А.* Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности 2004. – Харьков, 2004. – С. 260–264; *Алексеенко Н.А.* Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. // Сфрагистика и история культуры: Сб. науч. трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. – СПб., 2004. – С. 92–101; *Алексеенко Н.А.* Таможня и коммеркиарии Херсона. Приложение.

[140] *Alexeenko N.A.* Unique Find of the Group of Bzyantine Lead Seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. – Copenhagen, 1996. – P. 8414; *Alekseenko N.* Les sceaux des archives de Cherson, temoigne des relations de Cherson et de l'Empire // XXe Congres International des Etudes Byzantines. College de France. Sorbonne, 19–25 aout 2001. Pre-actes. II. Tables rondes. – Paris, 2001. – P. 57; *Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 20, 22.

[141] *Алексеенко Н.А.* Архонты Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 455–500, прилож. 1.

до конца X в. превышает шесть десятков, причем, судя по числу имен, каждый из этих имперских чиновников ведомства логофета геникона, в отличие от стратигов, сменявшихся в среднем через каждые 4–6 лет, занимал свой пост достаточно долго, по 10–15 лет, а кое-кто успевал еще побыть и стратигом, и «отцом города», и ek prosopou.

К сожалению, столь же богатый находками общегородской архив моливдовулов второй половины — конца VI — XI в. из Судеи, находившийся, вероятно, на берегу бухты Лимена-Кале, обработан не более чем на 20% (чуть более сотни печатей из почти 500, обнаруженных с 1987 г. у подножия Судакской крепости В. В. Кузьминым)[142]. Между тем здесь хранились документы представителей администрации византийских центров Таврики, южного побережья Черного моря и столицы Империи, церковные грамоты, послания, скрепленные печатями епископов, в том числе Херсона, удостоверения торговцев, обладавших печатями и, согласно соглашениям, ведших дела одновременно в Романии и чужих землях, документы, сопровождавшие те или иные партии товаров, связанные с налогообложением и другими финансовыми операциями. Предположение о том, что эти материалы отложились в процессе деятельности сугдейского порта в бухте поС. Уютное «в связи с торговыми и иными операциями, производившимися непосредственно на стоянках кораблей»[143], не увязывается с самим характером находок, локализуемых преимущественно в западной части бухты. Едва ли моливдовулы, весьма редко встречаемые на берегу, столь обильно бросали бы в воду наряду с пломбами от товаров и свинцовыми филактериями в виде якорьков или крестиков. Начавшись с середины — второй половины VI в., деятельность византийского архива пресеклась здесь в XI в., хотя порт продолжал функционировать. Но каково бы ни было происхождение печатей, следует особо подчеркнуть, что среди них выделяются своей массовостью имеющие отношение к Херсону, а именно не менее 11 печатей его архонтов IX в. и четыре печати стратигов (две, вероятно, середины IX в. и две — первой половины X в.)[144]. Собственно

[142] Фарбей А.М. Очерк истории исследования Судака // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 12; *Sandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. – Washington, 1993. – P. 85–98; *Sandrovskaja V.* Die neuen Funde au byzantinischen Bleisigeln auf der Krim // SBS. – Washington, 1995. – P. 153–161; *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1. – №1. – С. 83–87; *Sandrovskaja V.* Das Siegel eines XA KOПРАТНС aus Sudak // SBS. – Washington, 1999. – Vol. 6. – P. 43–46; *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. – 1999. – Vol. 6. – P. 47–58; *Степанова Е.В.* Связи Херсонеса и Сугдеи... – С. 19–28; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 97–108 (в последнем издании привлечены данные 131 печати, в том числе 15 печатей VII–VIII вв., 32 печати VIII–IX вв., 15 печатей второй половины IX – X в.).

[143] *Булгакова В.И.* Подводные сфрагистические находки в Судаке: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – С. 35–39.

[144] *Степанова Е.В.* К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым: Проблемы городской культуры: Тезисы докл. VIII Науч. Съюзюмовских чтений (1995 г., г. Севастополь). – Екатеринбург, 1995. – С. 13–15; *Sandrovskaja V.* Die neuen Funde... – P. 96–98; *Stepanova E.* New Seals from Sudak. – P. 52–54, N 11–16; *Stepanova E.* New Finds in Sudak // XXe Congress International des etudes byzantines (College de France – Sorbonne, 19–25 aout 2001). Pre-Actes. T. 2. – Paris, 2001. – P. 67; *Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи... – С. 19–28; *Булгакова В.И.* Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 384–388; *Степанова Е.В.* Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре

сугдейской византийской администрации, если не считать несколько личных моливдовулов второй половины VI — VII в., этими находками пока не зафиксировано, но обилие в чужом городе печатей херсонских высших имперских чиновников нуждается в объяснении.

Византийский Херсон раннесредневекового периода существования весьма богат на нумизматические находки, особенно на ходовые мелкие типы, медные номиналы небольшого веса и значения, используемые в практических торговых операциях[145]. Следует подчеркнуть, что они

Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 231–233.

[145] Сообщения о византийских средневековых монетах из Херсона, хотя и весьма лаконичные, были в свое время даны представителями Одесского общества истории и древностей, а затем К.К. Косцюшко-Валюжиничем в отчетах о раскопках за соответствующие годы. Уже первые систематические исследования городища, проведенные под контролем ООИД, дали большое число нумизматических находок. Причем это была «римская и византийская медная подержанная монета (noumion)» главным образом от императора Маврикия (582–602) до василевсов Василия II и Константина (976–1025). А.В. Орешников отметил, что с III по VI в. в Херсонесе обращалась позднеримская монета, к которой относится немного менее половины найденных на городище монет этого времени (*Орешников А.В.* Обозрение монет, найденных в Херсонесе при раскопках в 1888 и 1889 годах // МАР. – СПб., 1892. – №7. – С. 46). Кроме того, он подчеркнул, что «главная масса монет приходится на IV–XI вв.», тогда как античных монет («времени самостоятельности Херсонеса») найдено было лишь 1/20 части всего количества (от более 800 экземпляров из раскопок 1888–1889 гг.) (см.: *Орешников А.В.* Указ. соч. – С. 33–46). Следовательно, ни раскопщики, ни нумизматы не зафиксировали и не могли зафиксировать «цезуру» монетного обращения эпохи «темных веков» (см.: Отчет имп. ООИД с 14 ноября 1877 г. по 14 ноября 1878 г. – Одесса, 1879. – С. 9). И не мудрено. К примеру, только в 1889 г. при разведках в западной части города и на северном берегу около монастырской купальни было найдено 1285 монет, среди которых оказалось 536 «византийских» и 373 «римских и византийских», тогда как «языческого периода», то есть римского и древнейшего классического, по словам председателя Таврической ученой архивной комиссии А.Х. Стевена, было лишь 58 монет (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. – СПб., 1892. – С. 14; *Стевен А.* Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1889. – № 8. – С. 100). Это обилие находок монет позднеантично-раннесредневекового периода отмечал А.Л. Бертье-Делагард, который подчеркивал, что огромное большинство их «обычные херсоно-византийские, которые попадаются повсюду» (*Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 17). Косцюшко-Валюжинич фиксировал их сотнями, суммарно отмечая как «христианские», «позднеримские и византийские», очевидно, по причине того, что они, как и должно было быть, попадались вместе. См. также: Описание музея князя Василия Викторовича Кочубея (составленное по его русскому каталогу) и исследования об истории и нумизматике Греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора – Киммерийского / Сочинение Б. Кёне. – СПб., 1857. – Т. 1. – С. 201–249 (херсонские монеты от Юстиниана I до Василия II; издание осуществлено в двух частях на русском и французском языках, но в количестве 200 экз., разосланных «по назначению»; см.: *Мурзакевич Н.*[Рец.] // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 974–977), *Мурзакевич Н.* Херсонская монета императора Ираклия I // ЗООИД. – 1879. – Т. 11. – С. 374–316 (первая несовершенная сводка сведений о херсоно-византийских монетах раннесредневекового времени начиная с Юстиниана I); *Бурачков П.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. – Одесса, 1884. – С. 122–127 (херсоно-византийские монеты VI–XIII вв.); *Бертье-Делагард А.Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. – 1906. – Т. 26 (Ч. I). – С. 215–275; *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. – М., 1905. – Т. 3. – Вып. 2 (отд. отт.). – С. 1–17, табл. VIII–X; *Орешников А.В.* Херсоно-византийские монеты (Дополнение): Памяти К.К. Косцюшко-Валюжинича // НС. – М., 1911. – Т. 1 (отд. отт.). – С. 1–6, табл. 13 (единственная существенная ошибка – отнесение поздних монет с «ро» к выпускам Романа I Лакапина, что нашло отражение в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича и других исследователей); *Зограф А.Н.* Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 379–392; *Кудь-Белова А.Н.* Хронологическое описание монет, найденных в Херсонесе при раскопках 1926 г. // Х. сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 289–293 (следует особо отметить атрибуцию и изучение этим нумизматом средневековых монет); *Кудь-Белова А.Н.* Описание монет, найденных при раскопках северо-восточной части Херсонеса в 1906–1912 гг. // Х. сб. – 1930. – Вып. 3. – С. 141–215; *Белова-*

явно преобладают над выпусками античного периода, хотя в целом новых выпусков в VIII в. было немного, что прослеживается в Ромейской империи повсеместно[146]. Наиболее часто встречаются монеты двух хронологических групп, приходящиеся на вторую четверть VI — начало VII в. и вторую половину IX — первую четверть XI в. (императоров Юстиниана I, Фоки и Тиверия Маврикия, а также Михаила III, Василия I, Льва VI, Романа I, Константина VII и Василия II). Вероятнее всего, данное обстоятельство объяснимо их присутствием в слоях разрушений, засыпах колодцев и цистерн, образовавшихся в конце VI — начале VII в. и в конце X — первой половине XI в., то есть в то время, когда именно эти монеты были особенно в ходу[147]. Впрочем, почти нет пропусков монетных выпусков и других василевсов, даже тех, что правили весьма недолго. Уже одно это обстоятельство убедительно указывает на наличие адерации, товарно-денежных отношений, на развитость денежного рынка, постепенное накопление денежной массы, сравнительную устойчивость монетной инфраструктуры, что укладывается в классическую византийскую схему, безусловно или с оговорками признаваемую всеми византинистами.

Исследования средневековых нумизматических материалов, проведенные особенно активно, систематически и глубоко В.А. Анохиным, А.М. Гилевич и И.А. Соколовой, показали, что город целиком находил-

Кудь Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г. // Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. – Симферополь, 1936. – С. 41–50; *Белова-Кудь Л.Н.* Описание монет из раскопок Херсонеса 1935–1936 гг. // *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. – Симферополь, 1938. – С. 139–155, 317–345; *Белова-Кудь Л.Н.* Монеты из раскопок Херсонеса в 1931 и 1932 гг. // МИА. – 1941. – №4. – С. 268–274; *Белова-Кудь Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. – 1941. – Т. 7. – С. 326–329; *Белова Л.Н.* Описание монет из раскопок некрополя Херсонеса в 1937 г. // Х. сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 45–49; *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок кварталов XV–XVIII // МИА. – 1953. – № 34. – С. 255–278; *Крушкол Ю.С.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1946 г. // Труды Гос. Исторического музея. – М., 1957. – Вып. 26. – С. 61–69; *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок в Херсонесе Н.В. Пятышевой в 1948 г. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 84–88; *Белова Л.Н.* Определение монет, найденных при раскопках Херсонеса в 1955 г. // Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 70–72; *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок XIX–XXII и XXV кварталов Херсонеса // Труды Гос. Эрмитажа. – Л., 1981. – № 21. Нумизматика. – С. 5–43; *Golenko K.* Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge für Numismatik. – Hamburg, 1964–1965. – Heft 18/19. – S. 5–12; *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Государственного исторического музея в Херсонесе (1958–1969) // СА. – 1972. – № 4. – С. 211–222; *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantin Times. A Survey // The Numismatic Circular. – 1978. – September–November. – P. 414–415, 471–72, 521–523; *Костромичева Т.И.* Неизданные золотые монеты из Херсонеса // АДСВ: Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 126–130; *Грандмезон Н.Н.* Свинцовые монеты Херсонеса // Нумизматика и эпиграфика. – 1978. – Т. 12. – С. 41–46; *Грандмезон Н.Н.* Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 209–212; *Алексеенко Н.А., Ковалевская Л.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса // Проблемы античной культуры. Тезисы докл. Крымской науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 231–232; *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные монеты из коллекции Д.П. Вашкова // ВВ. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 180–186; *Серов В.В.* О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 39–40 (подборка автора показывает, что в книгах поступлений зафиксирована лишь малая часть находок, которую можно рассматривать как своеобразную выборку из огромного количества безвозвратно утраченного).

[146] См.: *Treadgold W.* The Struggle of Survival (641–780) // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. – Oxford, 2002. – P. 147.

[147] *Романчук А.И.* Этнические изменения в Юго-Западном Крыму в IV–VII вв. и судьбы причерноморских городов: концептуально-интерпретационный подход // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: VII Донская археологическая конференция: Тезисы докл. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 136.

ся в русле государственной византийской монетной политики VI–X вв. и пережил те же процессы, что испытала она[148]. Новые наблюдения подкрепляют этот важный вывод и заставляют отказаться от порочной методики подсчета количества монет того или иного императора без учета археологического контекста находок, многократности и весьма продолжительной длительности их обращения, исчисляемой порой двумя-тремя столетиями[149]. В ту пору, когда в историографии разрасталось представление о кризисе монетного дела, резком сокращении денежного обращения в «темные века» и, как следствие, натурализации хозяйства византийского общества, А. М. Гилевич одна из первых вновь обратила внимание на весьма важное обстоятельство, замеченное уже первыми исследователями Херсонеса: «существенной хронологической разницы между монетными

[148] *Анохин В.А.* Обзор монетного дела средневекового Херсона // НС. – К., 1968. – Вып. 3. – С. 99–113; *Анохин В.А.* Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе // НС. – К., 1974. – Вып. 5. – С. 13–16; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.) – К., 1977; *Anokhin V.A.* The Coinage of Chersonesus IV Century B. C. – XII Century A. D. – Oxford, 1980; *Соколова И.В.* Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // ВВ. – 1959. – Т. 15. – С. 50–63; *Sokolowa I.* Les monnaies siciliennes du IXe siecle des fouilles de Chersonese // Congresse internationale di numismatica. – Roma, 1965. – Vol. 2. – P. 565–570; *Соколова И.В.* Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму // ВВ. – 1968. – Т. 29. – С. 254–264; *Соколова И.В.* К датировке некоторых монет Херсона // НС. – К., 1968. – Вып. 3. – С. 86–95; *Соколова И.В.* Клад херсонских монет середины IX в. // Труды ГоС. Эрмитажа. – Л., 1971. – Т. 12. – С. 16–25; *Соколова И.В.* Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // Сообщения Гос. Эрмитажа. – Л., 1971. – Вып. 32. – С. 66–68; *Соколова И.В.* К датировке типов херсонских монет Маврикия (582–602) и Василия I (867–886) // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. – Л., 1977. – С. 169–177; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983 (особенно С. 108–111); *Грандмезон Н.Н.*[Рец.] // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 227–230 (*Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983); *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году // Х. сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 191–205; *Гилевич А.М.* Золотые византийские монеты из Херсонеса // СА. – 1959. – №1. – С. 267–268; *Гилевич А.М.* Нумизматическое собрание музея (краткий экскурс) // СХМ. – Симферополь, 1960. – Вып. 1. – С. 57–62; *Гилевич А.М.* Описание монет из раскопок в западной части Херсонеса в 1958–1960 гг. // Суров Е.Г. Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961. – С. 128–140; *Гилевич А.М.* Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. – 1964. – Т. 24. – С. 150–158; *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок портового района Херсонеса в 1963–1964 гг. // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 62–81; *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965–1966 гг. // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 9. – С. 28–39; Гилевич А.М. Клад херсоно-византийских монет из округи Херсонеса // НС. – К., 1974. – Вып. 5. – С. 91–94; *Гилевич А.М.* Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 214–225; *Гилевич А.М.* Монетные клады средневекового Херсона // XVIII Междунар. конгресс византинистов: Резюме сообщений. – М., 1991. – Т. 1. – С. 360–361.

[149] Ср.: *Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 32–34; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – С. 97, 104–107; *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 38, табл. 2–3; *Соколова И.В.* Монеты и печати... – С. 109; *Амброз А.К.* Боспор: Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 39–40; *Алексеенко Н.А., Ковалевская Л.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса // Проблемы античной культуры: Тезисы докл. Крымской науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 231–232; *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 3–14; *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 17; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 120; *Романчук А.И.* Состояние городской экономики и находки монет // Византийское государство в IV–XV вв.: Центр и периферия: Тезисы докл. XV ВсероС. науч. сессии византинистов. Барнаул, 29 мая – 2 июля 1998 г. – Барнаул, 1998. – С. 67–69; *Романчук А.И.* К вопросу об использовании нумизматических данных при изучении византийского города периода «темных веков» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. – СПб., 2003. – С. 136–137.

находками в разных слоях нет»[150]. Так, полный сбор и анализ монетных находок на месте южного нефа базилики 1935 г. выявил большое количество позднеримских и ранневизантийских монет в различных слоях между VI и X вв., что дало возможность поставить вопрос о длительности обращения позднеримских и ранневизантийских монет в VII–IX вв., в чем не видится некий феномен, поскольку в Западной и Центральной Европе римские монеты удерживались в обращении до X в. Дальнейшие наблюдения подтвердили, что в городском хозяйстве к концу VII в. накопилась большая монетная масса, которая вплоть до середины IX в. пополнялась за счет как городской, так и в еще большей степени римской и ранневизантийской мелкой монеты, не выходившей из свободного обращения[151].

Надо также учесть такой политический аспект, как стремление победивших иконодулов уничтожать после 843 г. память о нечестивых императорах-иконоборцах, что не могло не отразиться не только на письменных источниках, но и на таком живом пропагандистском материале, как монеты, которые должны были быть большей частью изъяты из обращения во второй половине IX – X в. После победы иконопочитателей в современных им кладах монеты иконоборческого периода практически не встречаются, что не может быть случайностью[152]. По сведениям Георгия Кедрина, василевс Никифор II Фока распорядился перелить все монеты предшествующих императоров начиная с Маврикия[153]. Разумеется, наличие старых монет в обращении и их пополнение небольшими новыми выпусками говорит о том, что денежное обращение в таких условиях не могло быть интенсивным, но тем не менее оно действовало и его уровень соответствовал существующим потребностям рынка, который получал достаточный объем разменной монеты стандартного номинала[154].

Исходя из сказанного, почти все византийские монеты следует считать не столько датирующими, сколько запаздывающими, анахроническими, поскольку время их обращения значительно превышало период жизни человека, равный в Средневековье приблизительно 35 годам. Даже среднее время запаздывания монет могло превышать сто лет. Таким образом,

[150] *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году. // Х. сб. – 1959. – Т. 5. – С. 192–193; ср.: Каждан А.П. Византийский город в VII–XI вв. // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 164–188; *Каждан А.П.* История византийской литературы... – С. 29.

[151] *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. – С. 193; *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ Е 4–4. – М., 1962. – С. 34, №217; *Соколова И.В.* Находки византийских монет VI–XII вв. в Крыму. – С. 260; *Алексеенко Н.А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция.: Тезисы докл. – М., 1995. – С. 25–26; *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 341, 346.

[152] См.: *Соколова И.В.* Клады византийских монет как источник по истории Византии в VIII–XI вв. // ВВ. – 1959. – Т. 15. – С. 50–63.

[153] *Georgius Cedrenus Ioannis* Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. – Bonnae, 1839. – T. 2. – P. 369.

[154] Примерно такая же ситуация сложилась после выхода Равеннского экзархата в VIII в. из «номисма-зоны», когда в обращении находились одновременно византийские, равеннские и новые лангобардские монеты (*Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 269–270). Херсон же, оставаясь в «номисма-зоне», искал выход из положения в использовании любых позднеримских и ромейских монет, пригодных для пополнения денежной массы и обеспечения нормального товарообмена.

с учетом принятой методической поправки можно заключить, что позднеримские и херсоно-византийские монеты переходили из века в век, время от времени пополняясь новыми выпусками, число монетных типов не сокращалось, и денежная масса как в отдельно взятом городе, так и во всей Империи в целом сохранялась в стадии хотя бы небольшого роста, вполне достаточного для удовлетворения потребностей раннесредневекового общества. Эти наблюдения позволяют покончить с устойчивым, необъяснимым заблуждением относительно полного упадка византийского денежного обращения в эпоху «темных веков».

В тесной связи с нумизматикой находятся памятники метрологии из Херсона, представленные преимущественно гирями, разновесами-эксагиями из бронзы, меди, одноцветной стеклянной пасты, которые относились к византийской весовой системе. Многие из них несут символические изображения, характерные для раннего Средневековья, надписи и знаки, окаймлены венком или рамкой, волнистой или с точечным орнаментом, и, следовательно, «соединяют в себе признаки монументального и письменного источника»[155]. Кроме того, следует учесть, что в условиях развитого монетного обращения они служили масштабом цен. С их помощью постоянно проверялась полновесность монет, которые взвешивались и затем подсчитывались, причем на отдельные монеты с этой целью наносились граффити в виде знаков, черт, букв, имевших цифровое значение[156]. Размеры таких гирь небольшие, поскольку в основе их веса лежала небольшая единица — литра, или фунт (либр), величина которого в раннее Средневековье колебалась от 327 до 300 г с тенденцией к понижению в VII–IX вв.[157] В целом, херсонесская схема деления литра — фунта до XI в. полностью соответствовала византийской: 72 номисмы = 6 унций = 1 литра (либр), тогда как 1 nomismata = 3,5–4,5 г (допустимое законом колебание веса), а oungkia = 27,3 г.

Если не считать описания около десятка византийских гирь и разновесов из Херсона, проведенного А.А. Васильевым, существует единственный сводный каталог гирь из Северного Причерноморья, составленный Л. И. Чуистовой, в котором были учтены византийские экземпляры общим числом 161[158]. Среди них помещены и многочисленные находки из византийского Херсона. Однако автор основным принципом классификации положила весовой норматив гирь, отчего гири близкого веса, но разновременные оказались неудачно объединены в одни группы. Кроме того, в группах гири не разделялись по центрам бытования и почти не

[155] *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. – 1951. – №16. – С. 39; *Kazdan A., Talbot A.-M.* Wages // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2189–2190.

[156] *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 438–439.

[157] *Kurtz K.* Metrologicka facta u historicke reconstrukci. K diskusi o tzv. tezke rimske libre // Listy filologicke. – 1987. – N 110. – S. 216–221; *Hellenkemper H.* Ein byzantinisches Baumass // Deutsches Archäol. Institut. Abteilung Istanbul. Istanbuler Mitteilungen. – 1989. – Bd. 39. – S. 181–190; *Herschend F.* A Case-Stady in Metrology: The Szikans Hoard // Tor. – 1990–1991. – Vol. 23. – P. 85–104.

[158] *Васильев А.А.* Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // ИРАИМК. – Пг., 1922. – Т. 2. – С. 237–240; *Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962. – Т. 2. – С. 7–235 (особенно С. 94–126, 136–137).

датировались. Еще одну попытку обработать средневековые херсонесские метрологические источники предпринял М.И. Золотарев. Он положил в основу их классификации такие критерии, как материал гирь, форма изделия, надписи и весовые нормы, что позволило выделить несколько четко очерченных групп разновесов, и можно лишь сожалеть, что работа осталась в рукописном варианте, неопубликованной[159].

Анализ находок показывает, что для обозначения весовых нормативов, функционировавших в Херсоне, применялся буквенный греческий алфавит, реже знаки, символы, причем и те и другие обозначались прорезью, иногда с тонкой обводкой, инкрустацией серебром. Кроме нормативов на гирях нередко присутствует христианская монограмма, изображения креста, венка, колонн, арки храма, что, вероятно, указывало на их эталонный, официальный характер и одновременно имело символический, морально-нравственный смысл, напоминая о заповеди «не укради» — существенном внутреннем факторе, сдерживающем истинно верующего ромея-лавочника или менялу от совершения того, что окружающие и он сам осознавали как один из семи смертных грехов[160]. Следовательно, такого рода данные помогают лучше понять ментальные представления херсонитов, которые даже в экономической сфере базировались уже на связи с канонами литургической жизни.

Форма херсонесских гирь с византийским фунтом в основе была разной. Вероятно, наиболее ранними являются фигурные гири-противовесы (270-320 гг.) от статиров или кампанов — одночашковых неравноплечных весов — безменов, с помощью которых отмеривали мясные и рыбные продукты, масло, овощи, бобы, мед, сыр и те товары, которые продавали на вес (свечи, выделанный воск, мыло, гвозди, смолу, гипс, а возможно, нитки, веревки и даже бусы, по крайней мере одноцветные)[161]. Такие гири были распространены в Херсонесе в позднеримское — ранневизантийское время, хотя ничто не мешало использовать их и позже[162]. Одновременно с ними бытовали бронзовые боченкообразные гирьки со знаками на верхней плоскости, которые обозначали норматив в единицы унций. Более мелкие номиналы гирь в ранневизантийское время (V-VII вв.) представляли собой маленькие бронзовые квадратные гири с обозначением веса на лицевой стороне. Такие гирьки служили нормативом в единицы номисм, а иногда и в унцию.

Позже, в постюстиниановскую эпоху и в «темные века», в Херсоне привилась форма гирек в виде бронзового диска, иногда восьмиугольно-

[159] *Золотарев М. И.* Метрология средневекового Херсона. – Симферополь, 1973 (рукопись) // Архив НЗХТ. – Д. №1694. – 78 л.

[160] *Гурулева В. В.* Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур. IX Науч. Съюзомовские чтения. – Екатеринбург, 1997. – С. 11–12; *Гурулева В. В.* Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // Нумизматика и эпиграфика. – 1999. – Т. 16. – С. 84–85.

[161] Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 158.

[162] *Федоровский А. С.* Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. – Севастополь, 1927. Кампан, обнаруженный на византийском корабле, потонувшем у Ясси-Ада около 630-х гг., имел гирю-противовес с изображением Афродиты, и, значит, такая символика не смущала христиан – навтов, захвативших с собой в плавание кадило.

го, с обозначением номинала на лицевой стороне. Этот сам по себе очень важный факт дает основания считать, что город в это время не свернул торговых, разменных операций, для осуществления которых здесь продолжали пользоваться мерами веса, распространенными во всех византийских провинциях. К слову, наличие единой весовой системы для всей Империи предельно упрощало обмен: римский мир с его региональными весовыми системами не обладал подобным преимуществом.

Следует учесть, что среди раннесредневековых византийских городов Херсон заслуживает особого внимания в силу беспримерно длительного систематического и планомерного исследования целых районов города, оставшихся не застроенными в новое время и поэтому позволяющих получить массовые и вместе с тем уникальные материалы о состоянии типичного пограничного византийского провинциального центра[163]. История этих археологических раскопок не раз служила объектом изучения, выливалась в обобщающие очерки, и нет нужды ее еще раз подробно повторять[164]. Гораздо важнее отметить то, что исследования дали для изучения именно раннесредневекового Херсона, поскольку, имея дело со сложным, многослойным памятником, вычленять такие материалы было нелегко.

Уже первые раскопки на территории городища выявили характерную специфику его планировки, заключавшуюся в последовательном многовековом континуитете сетки разновременных улиц и кварталов. Постройки средневекового города стояли на местах более ранних, однако эти последние были либо почти полностью уничтожены в ходе периодически предпринимавшихся перестроек, либо стояли столетиями, подвергаясь лишь частичным переделкам и ремонтам. Разобраться в этой мешанине слоев и обрывков каменных кладок было очень сложно. К тому же даже то, что несомненно относилось к византийской эпохе, исследователи долгое время не были в состоянии разделять на более дробные периоды, в лучшем случае выделяя ранне- и поздневизантийский материал или материал I–IX вв.[165]

Если не считать первых раскопок, проводившихся главным образом некоторыми русскими флотскими офицерами, действовавшими либо по поручению командования, либо как любители, в силу собственного увлечения[166], первый заметный шаг на пути изучения города оказался связан

[163] *Романчук А. И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город. Тезисы докл. VII Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 10–13.

[164] *Гриневич К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок. 1827–1927. – Севастополь, 1927; *Антонова И. А.* Херсонесский музей за годы советской власти // X сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 3–12; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 7–15; *Романчук А. И.* Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986. – С. 10–29; *Романчук А. И., Шандровская В. С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 1995. – С. 13–25; *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 11–32; *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 15–58.

[165] *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Новости археологии. – Севастополь, 1901. – С. 9; *Гриневич К. Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического (по данным раскопок Р. Х. Лепера) // X. сб. – 1930. – Вып. 3. – С. 9.

[166] Как наиболее яркие примеры можно привести раскопки плантера Черноморского флота, поручика Карла (Николая) Крузе, который в 1827 г., выполняя поручение адмирала А. С. Грейга,

с Одесским обществом любителей истории и древностей. Утвержденное 14 ноября 1839 г. императором Николаем I, оно сразу же обратило внимание на Херсонес, и уже в 1840 г. по просьбе руководства Общества военным топографом З.А. Аркасом был составлен план городища.

Кроме того, по поручению Общества и лично адмирала Н. И. Лазарева служащий севастопольского статистического комитета капитан 1-го ранга в отставке З. А. Аркас написал работу «Описание Ираклийского полуострова», в которую вошли все известные на тот момент археологические сведения о Херсонесе и его округе, наиболее зримые именно для поздней поры истории города[167].

В то же время продолжались эпизодические раскопки, в ходе которых бессистемно и без должной фиксации вскрывались руины средневековых построек, многие из которых имели вид плоских холмов, отчего были приняты за курганы, как это случилось со славившимся своей удачливостью керченским археологом и чиновником Кабинета Его Величества Д. В. Карейшей[168].

Осенью 1853 г., выполняя высочайшее распоряжение императора Николая I, к работам в Херсонесе приступил командированный в Крым «для ученых исследований» камер-юнкер граф Алексей Сергеевич Уваров (1824-1884) (рис. 18), позднее, с 1866 г., возглавивший Московское общество любителей истории и древностей. Ему удалось получить некоторые материалы по истории раннесредневекового Херсона, целиком открыв ранее обнаруженную самую большую базилику города (носящую в литературе его имя) и ряд склепов ранневизантийского времени, о чем последовал первый документированный отчет, хотя и краткий для такого масштаба работ[169]. Но уже в 1852 г. на территории городища было поселено несколько иноков и открыто богослужение, для чего туда был по-

открыл три раннесредневековых храма, в частности крестовидную церковь по центру агоры (остальные два – базилики за монастырской конюшней и выше шлюпочного сарая), а также изыскания лейтенанта, князя Виктора Ивановича Барятинского (1823–1904), который около 1840 г. копал на месте Восточной базилики, четырехапсидного мартирия и, сам того не ведая, открыл на острове в Казачьей бухте остатки гробничного храма Св. Климента с примыкающими к нему постройками. В 1852 г. лейтенант Шемякин, уже несколько лет активно рывшийся в развалинах городища, обнаружил следы главного кафедрального храма-кафоликона Херсона на северо-восточном берегу, который раскопал на следующий год под руководством графа А. С. Уварова. Разумеется, осмысление важности находок и их интерпретация не стали делом этих увлеченных, образованных людей, хотя в 1860 г. князь Барятинский был избран действительным членом ООИД (см.: *Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 18–21; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) – СПб., 2002. – С. 509–514, 518–519, 521, 525–529).

[167] *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 35–179; *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. – Николаев, 1879; см.: *Тункина И.В.* Русская наука... – С. 517, 520.

[168] См.: *Карейша Д.В.* Археологические исследования вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове // ЖМНП. – СПб, 1848. – Т. 21. – С. 425–450; *Тункина И.В.* Указ. соч. – С. 517, 522–523; *Шаманаев А.В.* Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 417–418.

[169] *Уваров А.* Несколько слов об археологическом разыскании близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. – М., 1854. – Кн. 4. – С. 525–537; *Уваров А. С.* Всеподданейший доклад Его Величеству за 1853 год // Сборник мелких трудов А. С. Уварова. Т. 3: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. – М., 1910. – С. 58–126; *Ящуржинский Х.* Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. – 1898. – № 28. – С. 106–114; *Тункина И.В.* Указ. соч. – С. 523–529.

слан энергичный, деятельный иеромонах Василий (Юдин). За год он организовал строительство каменной ограды, внутри которой при воротах устроил три кельи, а посредине – небольшую церковь во имя св. равноапостольного князя Владимира. Она была освящена 28 марта 1853 г. Этим было положено основание Владимирского мужского монастыря, что крайне осложнило дальнейшее дело научного исследования уникального памятника[170].

С этого момента раскопками «руководил» настоятель монастыря, который вел их на деньги Священного синода, а отчасти на средства Министерства народного просвещения с перспективной целью создания музея христианских древностей. В начале 1860-х гг. начались работы по сооружению Владимирского собора в центре городища, которые вынудили к интенсивному и, к сожалению, крайне спешному, а потому не тщательному изучению разнообразных средневековых памятников (храмов, гробниц, портиков, потестарных зданий, цистерн), обнаруженных на месте строительства собора[171]. Немногое из того, что было добыто к этому времени, попало на Политехническую выставку и было описано И. Мансветовым[172]. Показательно, в Херсонесе предполагалось экспонировать только христианские древности, но это мотивировалось тем, что хранение находок античного времени не могло иметь место в христианской обители[173].

Рис. 18. А.С. Уваров

Рис. 19. Н.Н. Мурзакевич

В 1876 г. Одесским обществом истории и древностей «для приведения в известность местности византийского города Херсона» был учрежден комитет из четырех его членов по надзору за раскопками. В него по решению президента Общества князя С. М. Воронцова вошли вице-президент ООИД Н. Н. Мурзакевич (рис. 19), действительный член

[170] Подр. см.: Херсонисский монастырь в Крыму. – Варшава, 1907.
[171] *Антонова И. А., Филиппенко В. Ф.* Монастыри Крыма: история и легенды // Боги Тавриды: История религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С. 148.
[172] См.: *Мансветов И.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. – М., 1872.
[173] См.: *Шаманаев А. В.* Деятельность Одесского общества... – С. 423.

ООИД П.О. Бурачков, отец Афанасий и инженер-полковник К.Е. Геммельман. Последний в качестве техника вместе с бывшим настоятелем Херсонесского монастыря, игуменом Анфимом должны были начать работы на месте. При этом главная задача программы для раскопок, сообщенной Обществом обер-прокурору правительствующего Синода графу Д.А. Толстому, сводилась к тому, чтобы «систематически раскрыть следы византийского Херсоня, его храмов, а из извлеченных архитектурных предметов, разнообразных ваяний, монет и вещей создать Христианский Музей»[174]. Предполагалось выстроить само здание музея в виде базилики, провести реставрационные работы на храме Св. Климента Римского в Казачьей бухте и укрепить размываемую береговую линию контрфорсами[175]. Хозяйственное управление при Синоде выделяло на раскопки ежегодно по 1000 рублей. С 1881 г. на те же цели по 1000 рублей стало выделять Министерство просвещения[176]. Это была немалая сумма, учитывая, что дневной заработок землекопа составлял от рубля до полутора, а надсмотрщика — 3 рубля. Но в связи с тем, что центральная часть Херсонесского городища все больше застраивалась монастырскими постройками, были уничтожены или засыпаны без должного исследования многие памятники Херсонеса, а там, где раскопки все-таки проводились, они велись без соответствующих знаний, опыта, присмотра за рабочими, небрежно, «плантажным способом» и должных результатов дать не могли. Уже в письме от 16 апреля 1878 г. к вице-председателю ООИД Н.Н. Мурзакевичу К.Е. Геммельман признался, что не особенно часто бывает в Херсонесе и, самое главное, «определить за тем значение открытых зданий, монет и пр., описать это и вообще разобрать научно-археологически — не мое дело, а сделается теми членами Общества, которые знают более меня»[177]. Разумеется, подобный отрыв полевых работ от изучения добытого в их ходе материала оказался крайне пагубным и в значительной степени обесценил результаты раскопок. Их быстрота и масштабность объясняются именно отсутствием сопряженных с этим научных изысканий или хотя бы толковых описаний, чертежей. С декабря 1876 по декабрь 1884 г. были исследованы восточная часть главной продольной улицы города, крупная восточная базилика и кварталы рядом с ней, участок в районе «холма Уварова», то есть недокопанного епископального комплекса, открыт его баптистерий, храм-мартирий с подземной четырехконхиальной криптой, участок около Карантинной бухты, остатки городского водопровода и некоторые другие объекты[178]. Отчеты Общества об этих «правильных раскопках» пе-

[174] Отчет имп. Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 года по 14 ноября 1876 года. – Одесса, 1877. – С. 10; *Юргевич В.* Исторический очерк пятидесятилетия Имп. Одесского общества истории и древностей 1839–1889. – Одесса, 1889. – С. 62–63; *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок. – С. 19.

[175] См.: *Шаманаев А.В.* Деятельность Одесского общества... – С. 421.

[176] Юргевич В. Исторический очерк... – С. 64–65.

[177] См.: *Стржелецкий С.Ф.* Изучение стратиграфии Херсонесского городища // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического музея и Уральского государственного университета в 1963 году // Архив НЗХТ. – Д. №1138. – Л. 217.

[178] *Юргевич В.Н.* Краткий очерк деятельности императорского ООИД // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 57–58; *Юргевич В.* Исторический очерк... – С. 62–65.

чатались за соответствующие годы, но были предельно краткими и схематичными, а потому малоинформативными, путаными[179].

В 1884-1885 гг. раскопки во II квартале велись под надзором настоятеля монастыря и штабс-капитана артиллерии Д. С. Григорьева. Главное внимание раскопщиков, по понятным причинам, было уделено базиликам и предметам христианского культа, в том числе раннесредневековым остаткам, однако даже они не удостоились приемлемого документирования. Тем более остались неописанными раскопки отдельных помещений. Результаты работ свелись преимущественно к чертежным наброскам, крокам, которые трудно назвать планами. «Маловажные находки полустертых монет и вещиц, — по мнению раскопщиков, — не представляют ничего особенно замечательного», поэтому на них не обращали внимания[180]. В лучшем случае их фиксировали суммарно, согласно «разработанным кубическим саженям земли», а мозаика оценивалась на пуды, которые весили составлявшие ее кубики, смальта[181]. Все найденное, а точнее, удостоенное быть замеченным, хранилось «в особых шкафах под замком и под надзором монастырского казначея», но чем конкретно пополнялись эти «особые запертые шкафы», теперь можно только гадать. Массовый же, преимущественно средневековый материал, обнаруженный при разрытии северо-восточных жилых кварталов I-V, по сути дела, пропал, не дойдя даже до описи. Все это не позволяет высоко оценить результаты десятилетней деятельности даже с учетом «уровня развития научных знаний своего времени» и тем более панегирически говорить о создании в этот период «источниковой и методической базы» для систематического изучения Херсонеса, переходе от поиска артефактов к постановке и решению научных проблем[182]. На самом деле время обобщения найденного наступило не скоро. Для этого понадобились еще десятки лет напряженного труда и перестройка самой системы исследований, подхода к материалу.

Истоки этого перелома крылись в следующем. Московское общество любителей истории и древностей, возглавленное с 1885 г. графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой (1840-1924), попыталось добиться разрешения продолжить раскопки, представило на имя императора предложения о мерах по сохранению остатков древнего города, но инициатива оказалась перехвачена более авторитетной Императорской археологической комиссией, которая взяла дело под свой контроль. При этом руководство раскопками в 1887 г. собирались поручить инженер-генерал-майору А. Л. Бертье-Делагарду, действительному члену ООИД, который выразил

[179] Поскольку ООИД было утверждено 14 ноября 1839 г., все ежегодные отчеты Общества представлялись к этому числу и публиковались в виде небольших брошюр, издаваемых в Одессе. См.: Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1876 г. по 14-е ноября 1877 года. – Одесса, 1877. – С. 9–10; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1877 г. по 14-е ноября 1878 года. – Одесса, 1879. – С. 6–10; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1879 г. по 14-е ноября 1880 года. – Одесса, 1881. – С. 8; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1881 г. по 14-го ноября 1882 года. – Одесса, 1882. – С. 7–8; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1882 г. по 14-е ноября 1883 г. – Одесса, 1884. – С. 8–10; Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1884 г. по 14-е ноября 1885 г. – Одесса, 1886. – С. 9–14.

[180] Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1879 г. по 14-е ноября 1880 года. – С. 8.

[181] См.: Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1884 г. по 14-е ноября 1885 г. – С. 10–12.

[182] Ср.: *Гриневич К. Э.* Сто лет... – С. 19–23; *Шаманаев А. В.* Деятельность Одесского общества... – С. 421–422.

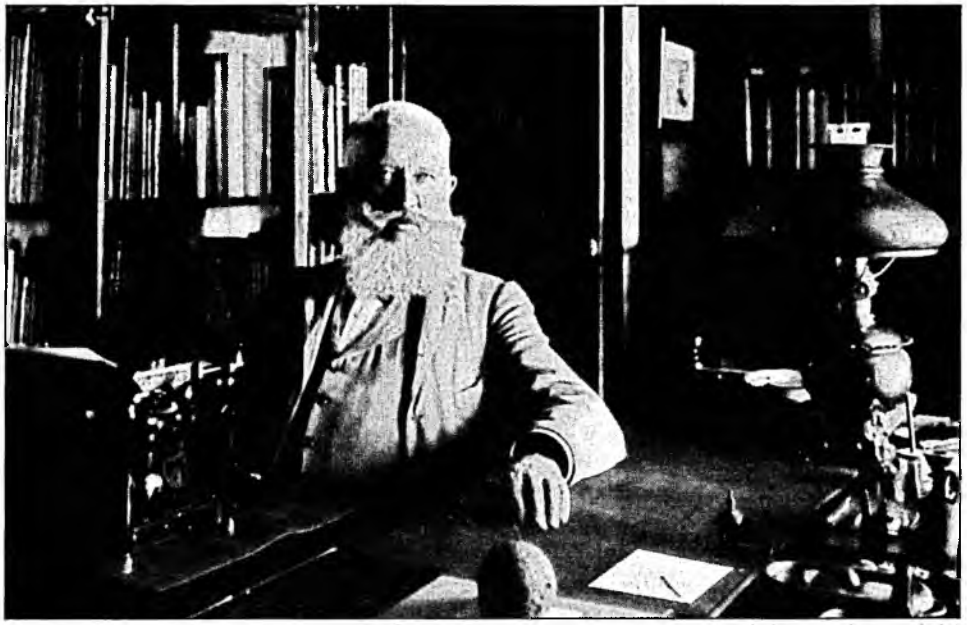

Рис. 20. К.К. Косцюшко-Валюжинич

«почти согласие»[183], а ближайшее наблюдение за раскопками с обязанностью заносить находки в «материальную книгу» и представлять отчет безвозмездно принял на себя другой действительный член ООИД, севастопольский житель Карл (Николай) Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907) (рис. 20). На нем же лежал найм рабочих и заготовка инструментов. С 1888 г. энергичный, до фанатизма влюбленный в свое дело новый заведующий раскопками, не профессиональный археолог, инженер по образованию, в течение 20 лет осуществил огромный объем работ, вскрыв до основания многие сотни метров городских оборонительных стен, проследив их на всем протяжении, открыл или доисследовал десять из всех известных к настоящему времени раннесредневековых базилик и храмов Херсона, около 2500 могил, склепов, среди которых было немало ранневизантийских, два крупнейших общественных здания (дворцовый комплекс, так называемое «здание Г», на пересечении главных улиц и монументальное архитектурное сооружение, предположительно названное термами, рядом с городским водохранилищем), около 200 помещений домов, усадеб, подвалы, цистерны, водосточные каналы в самых разных местах городища, прежде всего там, где монастырем или Военно-инженерным ведомством планировалось новое строительство[184].

[183] Отчет имп. ООИД с 14-го ноября 1886 г. по 14-е ноября 1887 г. – Одесса, 1888. – С. 15–16.

[184] Наряду с К.К. Косцюшко-Валюжиничем в те же годы периодические раскопки и разведки в Херсонесе проводил еще один такой же археолог-любитель, военный инженер А.Л. Бертье-Делагард, непосредственный свидетель раскопок города с 1876 г. Наездами здесь бывал видный симферопольский земский деятель, тогдашний председатель Таврической ученой архивной комиссии А.Х. Стевен. Особо надо отметить раскопки и исследование участка между V и VIII фланговыми башнями западной оборонительной стены, не сохранившегося до настоящего вре-

мени, а также дороги и водопровода, шедших к западным воротам города, которые провел в 1894 г., во время строительства в этом районе батареи №12, военный инженер штабс-капитан Михаил Иванович Гарабурда (ум. 1895 г.). По воспоминаниям современников, это был скромный, вдумчивый человек, которого всегда можно было видеть у места раскопок записывающим что-либо (*Гарабурда М. И.* Оборонительные стены Херсонеса: Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса / С предисловием и примечаниями М. И. Скубетова. С двумя таблицами чертежей // ИТУАК. – Симферополь, 1909. – №43. – С. 88–98; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. – Симферополь, 1911. – №45. – С. 61–62). См.: Отчет о раскопках в Херсонесе: 1888–1890 годы // Архив НЗХТ. – Д. №1. – Л. 1–50 (главная площадь, «базилика в базилике», у западных оборонительных стен, на северном берегу, за южной оборонительной стеной, в Стрелецкой и Казачьей бухте); *Косцюшко К.* Археологическая заметка // Крым. – 1889. – №133; Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1889 год. – СПб., 1892. – С. 13–15; *Стевен А.* Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1889. – №8. – С. 99–103 (около монастырской купальни и в «базилике в базилике», открытой в 1889 г.); Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. – СПб., 1892. – С. 30–40 (акрополь, вдоль главной продольной улицы, впереди и внутри «базилики в базилике», «базилика на холме», около западной городской стены, на северном берегу, на южном участке некрополя около оборонительных стен, на островке в Казачьей бухте); *Косцюшко-Валюжинич К.* Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. – Симферополь, 1891. – №13. – С. 55–61 («монастырек» на островке в Казачьей бухте); *Косцюшко-Валюжинич К. К.* О результатах, достигнутых археологическими разведками в Херсонесе и его окрестностях // Крымский вестник. – 1891. – №91–92 (отд. отт.). – 42 С. ; Отчет за 1891 г. Раскопки в Херсонесе в пределах городских стен // Архив НЗХТ. – Д. №2. – Л. 1–25 («базилика Крузе», Западная базилика, южный некрополь); Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1891 год. – СПб., 1893. – С. 2–20; Гробницы, урны и катакомбы, открытые в Херсонесе // ОАК за 1891 год. – СПб., 1893. – С. 137–150 (68 могил на косогоре за южной оборонительной стеной); *Бертье-Делагард А. Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 1–64 (общие итоги раскопок к 1891 г.); Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1892 год. – СПб., 1894. – С. 13–27; Перечень древностей, найденных в 1892 году в могильнике у южной городской стены Херсонеса // ОАК за 1892 год. – СПб., 1894. – С. 101–123; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1892–1893 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №3. – Л. 1–53 («часовня» у Западной базилики, южный некрополь); Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 год. – СПб., 1895. – С. 51–75 (С. 59–75 – некрополь у южной части городской стены); Отчет о раскопках за 1894–1895 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №4. – Л. 1–47 (юго-западный, юго-восточный и северо-западный углы городища, между Владимирским собором и Карантинной бухтой; вдоль оборонительной стены между башней Зинона и монастырской оградой); Отчет г. заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 год. – СПб., 1896. – С. 51–76 (С. 60–76 – раскопки некрополя); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 87–116; Отчет за 1896 год // Архив НЗХТ. – Д. №5. – Л. 1–30 (юго-восточный угол главной площади – агоры, базилика №28, к северу от Склада древностей, некрополь у Карантинной бухты); Раскопки в Херсонесе в 1896 г. // Археологические известия и заметки, издаваемые Имп. Московским археологическим обществом под ред. А. В. Орешникова и С. К. Богоявленского. – М., 1897. – Т. 5. – С. 10, 167–195, 229 (загородный некрополь, «храм с ковчегом» №19, агора и около Склада девностей); Производство археологических раскопок и разведок в Таврической губернии // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 71–78; Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 165–198; Отчет за 1897 год // Архив НЗХТ. – Д. №6. – Л. 1–27 (внутри монастырской ограды, «храм с ковчегом», вдоль береговой линии, между Складом древностей и караульным домом, некрополь у Карантинной бухты); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1897 год // ОАК за 1897 год. – СПб., 1900. – С. 91–132; Отчет за 1898 г. // Архив НЗХТ. – Д. №7. – Л. 1–27 (в юго-западной части городища, около башен Зинона, XV и XVI, с наружной стороны западной оборонительной стены, на месте бывшего порохового погреба у южной оборонительной стены, рядом с городским водохранилищем и «термами»); Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. – СПб., 1901. – С. 3–12; Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. – СПб., 1901. – С. 99–123; Отчет за 1899 год // Архив НЗХТ. – Д. №8. – Л. 1–45 (с внешней и внутренней стороны южного участка оборонительной стены, около древнегреческих ворот, в перибóле куртин 16–17, у «казармы», с внутренней стороны угла куртин 17 и 18, и на прилегающей полосе портового района городища, в квартале 1); Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 год. – СПб., 1902. – С. 3–16; *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. –

К.К. Косцюшко-Валюжинич впервые применил послойный метод ведения раскопок на большой территории, а в тех местах, где это было по разным причинам невозможно, — траншеи[185]. Трудно согласиться с категоричным заключением К.Э. Гриневича, воспринятым многими исследователями, что эти раскопки не велись систематическим образом и их можно рассматривать лишь как «разведки городища»[186]. Их систематич-

1901. – Вып. 1. – С. 1–55; Отчет за 1900 год // Архив НЗХТ. – Д. №9. – Л. 1–30 (южная оборонительная стена); Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК. –1902. – Вып. 2. – С. 1–39; Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. – Д. №10. –Л. 1–34 (северо-западный угол городища, западная оборонительная стена, Западная базилика, Уваровская базилика и баптистерий, некрополь у Карантинной бухты); *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 51–119; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1901 год. – СПб., 1903. – С. 22–50; Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. – Д. №11. – Л. 1–31 (большая агора, южный загородный крестовидный храм и некрополь возле него); Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 1–62; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1902 год. – СПб., 1904. – С. 28–38; *Косцюшко-Валюжинич К.* Первое дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 111–113; *Косцюшко-Валюжинич К.* Второе дополнение к отчету за 1902 год. Окончательное расследование алтарной части крестного храма в 1906 г. // ИАК. – 1906. – Вып. 20. – С. 96–100; *Косцюшко-Валюжинич К.* Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. – 1909. – Вып. 33. – С. 68–70; Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 1–53 (загородный некрополь, к северу от «храма с ковчегом», некрополь в периболе вдоль юго-восточного участка оборонительной стены, у куртин XV–XVI); Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1903 год. – СПб., 1906; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 37–110; Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 1–25 (в центре большой агоры, в южной части монастырской усадьбы и у Склада древностей – продолжение раскопок 1902–1903 гг.); *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. – 1906. – Вып. 20. – С. 17–95; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1904 год. – СПб., 1907. – С. 49–69; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 1–45 (некрополь у Карантинной бухты и выше – продолжение раскопок 1896, 1897, 1901, 1902 гг.; некрополь с южной стороны загородного крестовидного храма; у монастырского скотного двора; между казематом крепостной артиллерии и Складом древностей, на берегу Карантинной бухты – продолжение раскопок 1892, 1894, 1896, 1903, 1904 гг.; около куртины 18 и башен XVI и XIX, около «здания Г» и 14 куртины, на пересечении главных улиц); Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. – СПб., 1908. – С. 38–57; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 67–165; *Бертье-Делагард А.Л.* По поводу раскопок в Херсонесе // ЗООИД. – 1906. – Т. 26. – Ч. 5. – С. 3–8 (доклад-реферат о южном загородном крестовидном храме, открытом в 1902 г. и доследованном по просьбе А.Л. Бертье-Делагарда в 1906 г.); Отчет за 1906 год // Архив НЗХТ. – Д. №15. – Л. 1–71 (на территории «цитадели», башни XIX, XX, XXI, в портовом районе, южная оборонительная стена, «казарма», западная часть городища, загородный крестовидный храм и некрополь с южной стороны от него); *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // ИАК. – 1909. – Вып. 33. – С. 50–67; Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 год. – СПб., 1909. – С. 58–83; Отчет за 1907 год // Архив НЗХТ. – Д. №16. – Л. 1–120 (некрополь у Карантинной бухты, у южного загородного крестовидного храма и у офицерских флигелей около шоссе); *Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 1–91; *Бертье-Делагард А.А.* О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып. 21. – С. 1–207. См. также первое фундаментальное, после скромных опытов Л.П. Лебединцева и Н.П. Кондакова, обобщение результатов раскопок христианских культовых построек и их топографии: *Айналов Д.В.* Развалины Херсонеса // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1 (исследовательская часть – «описание мраморов» и датировки отсутствуют: планировавшаяся об этом монография в соавторстве с харьковским профессором Е.К. Рединым осталась неизданной); ср.: *Лебединцев А.П.* Остатки церквей на развалинах древнего Корсуня или Херсонеса, их открытие и значение // Киевская старина: Ежемесячный исторический журнал. – К., 1889. – Т. 25. – С. 56–73; *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 14–23.

[185] *Романчук А.І.* К.К. Косцюшко-Валюжинич (1847–1907) // Археологія. – 1991. – №2. – С. 120.

[186] *Гриневич К.Э.* Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–10 гг. // Х сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 259; *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок. – С. 26.

ность и даже плановость во многом превосходила усилия раскопщиков от ООИД, не намного уступает современным работам, которые тоже не ведутся на одном месте, подчас с перерывами, с возвратом к недокопанному, новыми прирезками в разных местах. Другое дело, что поначалу отчеты К. К. Косцюшко-Валюжинича, постепенно набиравшего опыт, мало отличались от отчетов ООИД, с некоторыми из членов которого у него были сложные отношения. Они содержали довольно общие сведения об остатках архитектурных конструкций, при описи находок почти никогда не указывалось точное место их обнаружения. Поэтому наиболее информативными оказывались планы раскопанных строений, храмов, усадеб, цистерн, кладовых, в массе своей именно средневековых. Фонды стали изобиловать материалом, тысячами артефактов византийской поры города, которые до сих пор не все введены в научный оборот.

Заведующий раскопками пришел к ряду выводов, которые стали неотъемлемой частью дальнейших исследований. Так, он первым установил, что все херсонесские базилики похожи друг на друга и имели одинаковое устройство[187]. Ему принадлежит и первая археологическая периодизация средневекового Херсонеса: к византийскому времени К. К. Косцюшко-Валюжинич относил два слоя, один соответствовал «старому» (ранневизантийскому), синхронному христианским базиликам, а другой — «верхнему» (поздневизантийскому) городу IX–XIV вв.[188] Различал он «римско-византийский», «поздневизантийский» периоды и, как мог, пытался увязать эту стратиграфию с определенными строительными остатками. Все это вполне соответствовало уровню профессиональной археологии того времени, переживавшей стадию своего становления[189].

Особенностью тогдашних исследований можно назвать то, что при определении времени постройки того или иного сооружения в качестве датирующего материала использовали только нумизматические данные. Иногда монеты датировали неверно, что особенно наглядно видно на примере путаницы, связанной с многочисленными, часто встречавшимися медными монетами Романа I (920-944) и херсоно-византийскими монетами с «ро» второй половины XI — XIII в.[190] Понятно, насколько серьезные ошибки возникали в таких случаях, причем их не заметили и в дальнейшем, доверяясь указаниям К. К. Косцюшко-Валюжинича, следовавшего, в свою очередь, за определением А. В. Орешникова. Керамический массовый материал при разработке хронологии вообще не учитывался. С этим связаны и затруднения современных исследователей в установлении точной датировки открытых тогда раннесредневековых храмов, следов общественных, жилых, хозяйственных комплексов. Таким образом, недостаток

[187] *Косцюшко-Валюжинич К. К.* О результатах, достигнутых археологическими разведками в Херсонесе и его окрестностях // Крымский вестник. – 1891. – №91–92. – С. 14 (отд. отт.); *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 61.

[188] Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год. – С. 90–91; *Романчук А. І.* К. К. Косцюшко-Валюжинич. – С. 115.

[189] Ср.: *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. – СПб., 2003. – С. 23–40.

[190] *Орешников А.* Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. – М., 1905. – Т. 3. – Вып. 2 (отд. отт.). – С. 1–17, табл. VIII–X; ср.: *Соколова И. В.* Датировка некоторых монет Херсона // НС. – К., 1968. – Вып. 3. – С. 89.

этих работ заключался не столько в их бессистемности и разбросанности, сколько в недостаточно полной фиксации найденного, отсутствии разработанной дробной стратиграфии, привязки каждой обнаруженной вещи к точному месту ее находки. В результате важный предмет мог «утонуть» во второстепенном, мало что дающем специалисту перечне сотен обнаруженных бусин, а фрагменты керамики, обломки металлических изделий вообще не удостаивались внимания. Впрочем, все это было вполне обычно для тогдашнего уровня археологии «эпохи» Г. Шлимана и К. Хумана, и хорошо уже хотя бы то, что на фоне прочих материалов раннесредневековые находки не подвергались какой-либо научной дискриминации.

С осени 1908 до лета 1914 г. последовательные работы, связанные с исследованием жилых кварталов и некрополя Херсонеса, вел Роман (Роберт) Христианович Лепер (1864-1918) (рис. 21), специалист в области классических древностей, эпиграфист, бывший секретарь Русского археологического института в Константинополе. Его внимание привлекли участки около Уваровской базилики, Восточной базилики, прилегающие кварталы II-VI, где он вел исследования по слоям и охватывал сразу все постройки, прежде всего средневековые, расположенные на территории целого квартала[191]. Новый заведующий раскопками ввел полевые описи, в которых осуществлял фиксацию материалов в соответствии с «полами», на которых или под которыми они были найдены. Случалось, стратиграфия раскопок насчитывала до пяти таких «полов». Безусловно, это был значительный шаг вперед, новизну которого не следует недооценивать[192]. Кроме того, Р.Х. Лепер вскрыл несколько сотен могил и склепов, в том числе ранневизантийского времени, на кладбище около Карантинной бухты, на склоне Девичьей горы и за западной оборонительной стеной[193]. Однако работы велись траншеями, часто в отсутствии заведующего раскопками, появлявшегося из Севастополя изредка, наездами; размеры, конструкции погребальных сооружений, их ориентировка не фиксировались, а находки лишь кратко упоминались. Впрочем, последующие скромные раскопки, пришедшиеся на смутное время мировой и гражданской войн, не оставили и этого[194].

Можно констатировать, что результаты исследований раннесредневекового Херсона, полученные в XIX — начале XX в., должным образом не были введены в научный оборот, да и не могли быть введены, главным

[191] *Гриневич К.Э.* Северо-восточные кварталы... – С. 5–139.

[192] Ср.: *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение... – С. 22 («Раскопки Р.Х. Лепера... ничего нового в методику, в понимание стратиграфии не внесли»).

[193] До прибытия Р.Х. Лепера в течение нескольких месяцев в 1908 г. раскопки некрополя против 20 куртины, на месте монастырского скотного двора около бухты вел сотрудник ИАК Н.И. Репников, вскрывший 316 могил и склепов, причем он оставил наиболее подробные записи результатов этих работ, которые не идут в сравнение с последующими записями Р.Х. Лепера (*Репников Н.И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Х сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 147–186). См.: *Лепер Р.Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 187–256 (раскопки 1908–1910 гг.); *Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе. – С. 56–66 (раскопки некрополя в 1910 г.); Производство археологических раскопок: Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913–1915 годы. – Пг., 1918. – С. 51–72 (особенно С. 64–65, 67, 68, раскопки некрополя в 1913–1914 гг.).

[194] См.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель... – С. 40–43.

образом по причине их неудовлетворительной фиксации. Масштабы проделанного не могут не вызывать уважения, но им недоставало научной глубины, восполнить которую ныне крайне трудно.

Что касается единого общего плана археологических работ, то дело так и не продвинулось дальше попыток его наметить в 1892 г., когда член Московского археологического общества, кандидат Д. В. Айналов, ученик известного византиниста, проф. Н. П. Кондакова, поначалу главного формального руководителя раскопок, предложил вести их с запада и востока, вдоль морского берега, на соединение в центре городища, на агоре, чтобы «привлечь к делу известие о пути, по которому шел св. Кирилл через Херсонес с мощами св. Климента», и в 1927 г., когда новый директор Херсонесского музея К. Э. Гриневич (рис. 22) поставил задачу осуществить «подряд вскрытие древней почвы Херсонеса, отправляясь от юго-восточного участка и идя последовательно на север»[195]. Обстоятельства упрямо вносили свои коррективы, заставляя исследователей сосредоточивать усилия, подчас многолетние, на изучении отдельных, больших или меньших по площади, но всегда локальных участков города. По наличию раннесредневековых остатков, а также степени их изученности выделяется шесть таких мест, или, лучше сказать, регионов (рис. 23).

Рис. 21. Р.Х. Лепер

Рис. 22. К.Э. Гриневич

К числу наиболее важных, где удалось выделить наиболее трудноуловимые слои и комплексы VII–VIII вв., относится портовый район, где в кварталах 1 и 2 с 1963 г. стала работать Объединенная экспедиция, в состав которой вошли научные силы Херсонесского музея, а также Уральского и Харьковского университетов[196]. Полученные здесь материалы стали основой для ана-

[195] *Гриневич К. Э.* О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. 10–13 сентября 1927 года. – Севастополь, 1927. – С. 28–29; *Романчук А. И., Шандровская В. С.* Введение... – С. 17, 19, 21; *Романчук А. И.* Очерки... – С. 17–19; *Романчук А. И.* Создание серии «Памятники христианского Херсонеса» // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 430–431.

[196] Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963–1964 гг. // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 7–61; *Колесникова А. Г.* Храм в портовом районе Херсонеса (рас-

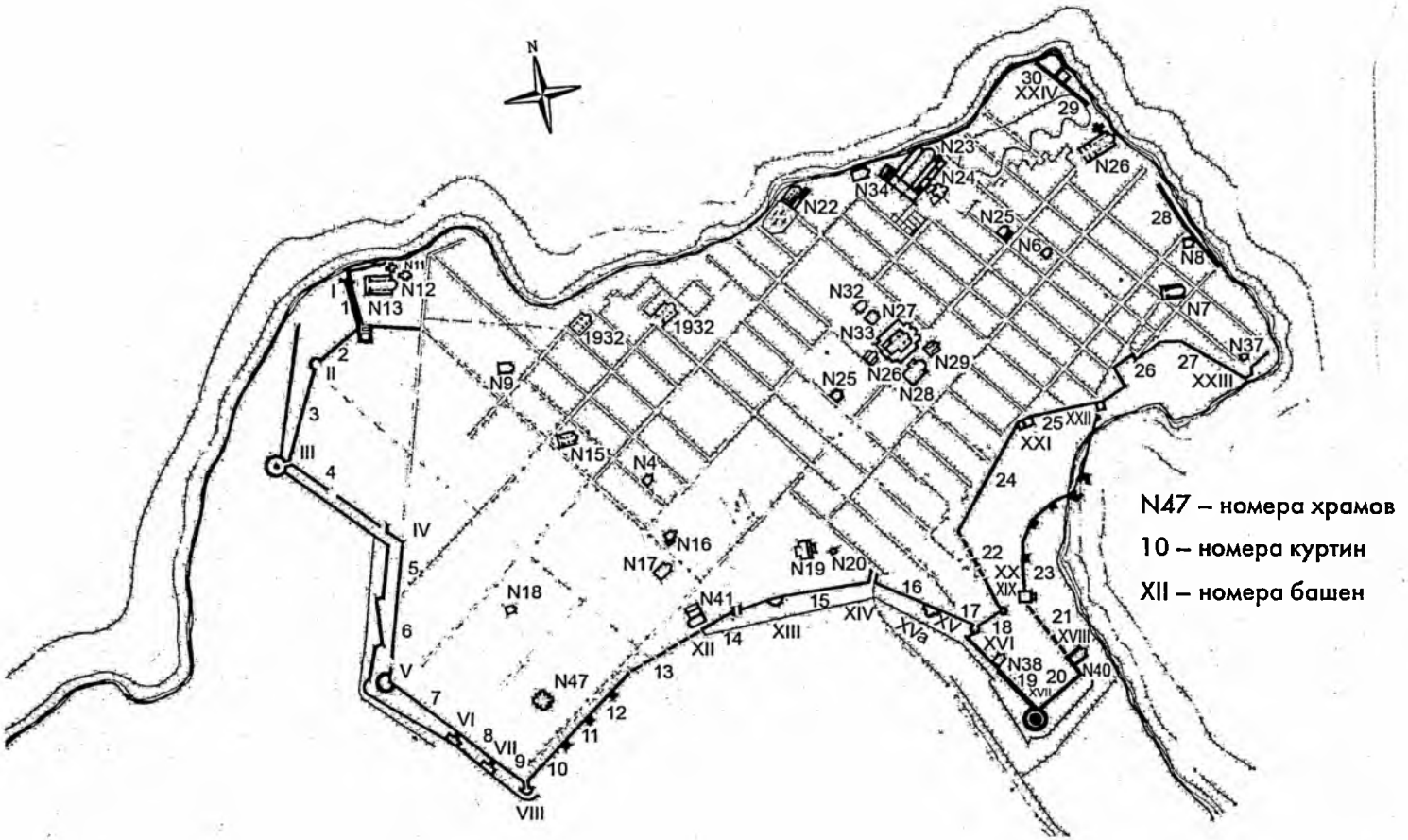

Рис. 23. План-схема византийского Херсона с обозначением номеров оборонительных башен, куртин и христианских храмов

лиза и классификации ранневизантийской керамики, посуды, амфор[197]. Во время дноуглубительных работ в декабре 1979 г. на западном берегу Карантинной бухты были обнаружены следы существования мощного гончарного комплекса VIII–IX вв. по производству амфор с зональным рифлением[198]. Особенно тщательному исследованию подвергся также здешний, юго-восточный участок оборонительных сооружений, среди которых первостепенное значение имеет комплекс сооружений «цитадели», отразивший ранневизантийский и фемный этап строительства[199].

копки 1963–1965 гг.) // ВВ. – 1978. – Т. 39. – С. 160–173; *Кучма В. В., Романчук А. И.* Раскопки на юго-восточном участке портового района // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 9. – С. 11 (помещение «дельта»); *Кадеев В. И.* Раскопки в «центре участка» // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 9. – С. 13–27; *Романчук А. И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 246–250; *Романчук А. И.* Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Сб. 11. – С. 3–13; *Романчук А. И.* Некоторые итоги научных работ Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 71–85; *Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б.* Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1982 году // Архив НЗХТ. – Д. №2326. – А. 1–62; *Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б.* Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса в 1983 году // Архив НЗХТ. – Д. №2426. – А. 1–35; *Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б.* Отчет о раскопках на участке «Центр квартала» в портовом районе Херсонеса в 1984 году // Архив НЗХТ. – Д. №2602. – А. 1–54; *Сорочан С. Б., Шмалько А. В., Цецхладзе Г. Р.* Отчет о раскопках в Херсонесе и на участке «Центр квартала» в портовом районе в 1987 году // Архив НЗХТ. – Д. №2751. – А. 3–4, 15–25; *Романчук А. И.* Раскопки в Херсонесе // АО 1985 г. – М., 1987. – С. 400; *Романчук А. И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium / Ed. by V. Vavzinek. – Praha, 1988. – С. 123–135; *Romancuk A. I.* Cherson im Mittelalter: städtische Funktionen und ihre Wiederspiegelung in der Quellen // BS. – 1992. – T. 53. – Fasc. 2. – S. 202–212; *Романчук А. И.* Итоги раскопок в портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 232–235; *Романчук А. И.* Особенности планировки и стратиграфии второго портового квартала Херсонесского городища // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы науч. конф. – Харьков, 1997. – С. 61; *Романчук А. И.* Раскопки второго портового квартала // Россия–Крым–Балканы: диалог культур: Науч. докл. – Екатеринбург, 2004. – С. 206–208.

[197] *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута А. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 81–101; *Романчук А. И.* Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 156–159; *Романчук А. И., Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. – Свердловск, 1991; *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова А. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995.

[198] *Золотарев М. И.* Результаты наблюдений за дноуглубительными работами в Карантинной бухте // *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1979 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2053. – Л. 10–11; *Золотарев М. И.* Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 145–148.

[199] *Гриневич К. Э.* Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г.: (В свете проблемы исследования древнего городища) // Крым. – М.; Л., 1927. – №1 (3). – С. 112 сл. (юго-западная оконечность комплекса византийского претория, принятая исследователем за «нечто вроде монастыря»); *Гриневич К. Э.* Отчет о херсонесских раскопках 1926 года в связи с раскопками 1907–10 гг. // Х сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 257–293 (слои VI–VII и X–XI вв. в «цитадели»); *Стржелецкий С. Ф.* XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. – Симферополь, 1969. – Вып. 1. – С. 7–29; *Антонова И. А.* Раскопки у башни XIV (Первый слой) // Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1964 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1160. – Л. 146–177; *Антонова И. А.* Раскопки северного фланга обороны средневекового порта // Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1964 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1160. – Л. 218–293; *Антонова И. А.* Раскопки портовой линии обороны средневекового Херсонеса // Отчет Объединенной экспедиции Херсонесского гос. музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1965 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1189. – Л. 196–314; *Антонова И. А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 102–118; *Антонова И. А.* XIV оборонительная башня: (К вопросу о хроноло-

Восточная часть города, как уже сказано, стала «правильно», то есть сравнительно планомерно, исследоваться представителями Одесского общества истории и древностей от Восточной базилики и севернее, вдоль Главной продольной улицы. Еще более масштабные работы предпринял здесь Р.Х. Лепер, который в 1910-1912 гг. вскрывал здешние кварталы большими площадями, причем выделяя слой позднеантичного — раннесредневекового времени, и, если бы не отрывочность, малоинформативность оставленной им документации, об этой части городища можно было бы говорить как о наиболее изученной[200].

Именно желание разобраться в стратиграфии и периодизации строительства, докопать недобранные Р.Х. Лепером участки на месте I, III, VI, VII кварталов, выделить строительные остатки раннесредневекового этапа жизни Херсонеса и подготовить этот район города к консервации и реставрации подтолкнуло исследователей, прежде всего сотрудников Историко-археологического музея, с 1974 г. продолжить здесь раскопки, из которых самыми интересными стали расчистка так называемого пещерного храма и средневековой бани в квартале III, реставрация Восточной базилики и работы в прилегающих к ней кварталах, позволившие получить дополнительные материалы для изучения особенно мощных слоев середины VI — середины VII в., а также некоторых промысловых (рыбоза-

гии оборонительного строительства) // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. – К., 1974. – С. 69–81; *Антонова И.А.* Отчет об инженерно-геологических изысканиях на территории Херсонесского заповедника // Архив НЗХТ. – Д. № 1344; *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса в 1989 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2978. – Л. 1–64 (окончание раскопок комплекса византийского претория, западная часть которого копалась в 1926–1928 гг., а северная часть – в 1968 г.); *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в «цитадели», юго-восточный район Херсонеса в 1990 г. // Архив НЗХТ. – Л. № 2981. – Л. 1–68 (раскопки на месте базилики 1906 г. у 21 куртины и раннесредневековой бани в центре «цитадели»); *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. // Архив Института археологии НАНУ. – 1991. – Д. № 1991/95. – Л. 1–34; *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1992 г. // Архив Института археологии НАНУ. – 1992. – Д. № 1992/117. – Л. 1–14; *Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 25–33; *Антонова И.А.* Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // X сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 10–22; *Антонова И.А.* Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму: 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 19–24; *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в Цитадели за 1995 год // Архив НЗХТ. – Д. № 3453. – Л. 1–14 (раскопки на месте «дома командира», помещений XVII и XVIII, соседних с ними раннесредневековых терм); *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в Цитадели в 1996 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3359/1–2. – Л. 1–52 (особенно л. 23–25 – раскопки раннесредневековых терм); *Антонова И.А., Сорочан С. Б.* Отчет о раскопках в юго-восточном районе «цитадели». 1997 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3351/II – Л. 1–18; д. № 3352/I–II. – А. 1–16; *Антонова И.А., Сорочан С.Б., Сухинина С.Н.* Отчет о раскопках в Цитадели Херсонеса в 1998 г. // Архив НЗХТ. – Д. 3389/I. – Л. 1–26 (продолжение раскопок «дома командира»); *Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В., Сухинина С.Н.* Отчет о консервационно-археологических работах на территории «цитадели» Херсонеса в 2002 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 3587. – Л. 5–10 (продолжение раскопок южной оконечности раннесредневековых терм); *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Крупа Т.Н.* О работах в цитадели Херсонеса Таврического в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. – К., 2003. – С. 266; *Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В.* Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. – К., 2004. – С. 299–302.

[200] Через 20 лет К.Э. Гриневич опубликовал дневники Р.Х. Лепера и систематизировал материалы, относящиеся к раскопанным жилым усадьбам поздневизантийского периода, но о раннесредневековой застройке по этим данным судить трудно (см.: *Гриневич К.Э.* Северо-восточные кварталы... – С. 5–139).

солочные цистерны №60-62) и керамических комплексов (засыпь колодца в квартале I)[201]. С 1990 г. работы были перенесены к юго-востоку от главной продольной улицы, в кварталы С и XCVI, так что в итоге в этом районе было изучено около 10 тыс. кв. м площади городища. Особо следует отметить доследование «базилики Крузе» (№7) в XCIX квартале, проведенное в 1998-1999 гг. силами Херсонесского заповедника и Института археологии Академии наук Австрии, которое несколько уточнило результаты предыдущих, плохо документированных раскопок XIX в.[202]

На новом уровне (с детальной отчетной документацией, подробной стратиграфией, вниманием к массовому материалу, с археологическим обоснованием датировок) с 1930 г. систематически раскапывались кварталы и улицы Северного прибрежного района[203]. Наряду со специалистами-

[201] *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном участке Херсонеса в 1974 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1711. – Л. 1–31 (квартал I); Отчет о реставрации «Восточной базилики» в 1974 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1732. – А. 1–5; *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1975 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1763. – Л. 1–52 (квартал I); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1836. – Л. 1–49 (квартал I); *Рыжов С.Г.* Отчет о раскопках VI поперечной улицы в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2130. – А. 1–4 (кварталы VI и VII); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1933. – Л. 1–6 (квартал I); *Золотарев М. И.* Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе // АДСВ. – Свердловск, 1977. – Вып. 14. – С. 27–32; *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1978 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2051. – Л. 1–29 (квартал III); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1980 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2215. – А. 2–25 (квартал III); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // Архив НЗХТ. – Д. № 2290. – Л. 2–130 (средневековая баня и центр III квартала с рыбозасолочным комплексом); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1983 году // Архив НЗХТ. – Д. № 2391. – Л. 1–33 (квартал III); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1984 году // Архив НЗХТ. – Д. № 2480/1. – А. 1–28 (квартал VI); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе III квартала за 1986 год // Архив НЗХТ. – Д. № 2683. – А. 1–34; *Кругликова И. Т.* Отчет о раскопках совместной Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР и Гос. Херсонесского заповедника в 1986 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2709. – А. 1–46 (квартал VII); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2761. – Л. 1–29 (квартал III); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1988 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2845. – А. 1–57 (квартал III); *Золотарев М. И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1989 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2916. – Л. 1–35 (кварталы III, VI и С); *Беляев С. А.* Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // Византия и Русь. – М., 1989. – С. 26–54; *Золотарев М. И., Ушаков С.В.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1990 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2972. – Л. 1–48 (квартал С); *Золотарев М. И., Ушаков С.В.* Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // X сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 30–45; *Золотарев М. И., Ушаков С. В., Коробков Д. Ю.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1991 году // Архив НЗХТ. – Д. № 3079. – А. 1–55; *Сазанов А. В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 60–72; *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В.* Исследования в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. тр. – Симферополь, 1997. – С. 125–128.

[202] *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пилингер Р., Пюльц А.* Раскопки т. н. «базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // X сб. – 2003. – С. 229–246.

[203] *Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1930 г. // X сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 5–17; *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. – 1941. – №4. – С. 202–267; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса в 1932 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 324. – А. 1–28; *Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1934 году. – Симферополь, 1936; *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. – Симферополь, 1938; *Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. – 1953. – № 34. – С. 24–31; *Белов Г. Д.* Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // МИА. – 1953. – №34. – С. 32–105; *Белов Г. Д., Якобсон А. А.* Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // МИА. – 1953. – №34. – С. 109–159; *Белов Г. Д.*

античниками (С. Ф. Стржелецкий и Г. Д. Белов, копавший здесь до 1978 г. включительно) для исследования кварталов XV-XVIII, XIX, XXII и XXV в 40-50-е гг. был привлечен медиевист А. Л. Якобсон, который обобщил большую часть полученных здесь новых находок в своей фундаментальной монографии, посвященной главным образом истории материальной культуры раннесредневекового Херсона[204]. Исследователи сумели выделить слои V-VI и IX-X вв., зафиксировав немало «промежуточных» раннесредневековых материалов, однако оставили их хронологически нерасчлененными и не заполнили образовавшуюся лакуну, полагая, что сокращение числа таких материалов, засыпь ряда рыбозасолочных цистерн во второй половине — конце VI в. свидетельствуют об упадке города. Между тем, как сакраментально заметил сам А. Л. Якобсон, «...то, что не было выяснено в процессе самих раскопок, редко удается выяснить в дальнейшем»[205].

Только теперь становится ясно, что обнаруженные слои соответствовали нивелировочным засыпям преимущественно второй половины VI — начала VII в. и XI в. Методический просчет, допущенный в оценке стратиграфии, повлек к неверному выводу о результатах раскопок приморских раннесредневековых жилых кварталов и, мало того, a priori постепенно был распространен на прочие районы городища[206]. Исследователей не смутил даже факт обнаружения в 1932 и 1935 гг. двух, последних из известных ныне, больших раннесредневековых базилик, возведение которых можно было датировать периодом конца VI — середины VII в., а кардинальную переделку — концом X — XI в. Материалы комплексов, образовавшихся

Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 623 / 1. – Л. 1–43 (подвал с пифосами на месте винодельни IV в., засыпанный в середине – второй половине VI в.); *Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. – 1953. – №34. – С. 160–236; *Стржелецкий С.Ф.* Рукописный отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 г. // Архив НЗХТ. – Д. №609. – А. 1–56; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №622. – Л. 1–68; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1952 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1295. – Л. 1–22; *Белов Г.Д.* Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) // МИА. – 1953. – №34. – С. 11–31; *Белов Г.Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949–1953 гг. // СА. – 1955. – Т. 24. – С. 257–281; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1953–1954 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №691. – Л. 1–59; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // X сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 13–72 (особенно С. 23–26 – известковые ямы с материалом конца VI в. на улице XI, к западу от базилики 1935 г.); *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1957 г. // Архив НЗХТ. – Д. №742. – Л. 1–40; *Жеребцов Е.А.* Отчет о реставрационных работах на базилике 1935 г. в 1956–1957 гг. // Архив НЗХТ. – Д. № 734. – Л. 1–25; *Жеребцов Е.Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. – 1963. – Т. 23. – С. 157–171 (результаты доследований на месте базилики 1935 г.); *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. // Архив НЗХТ. – Д. №750. – Л. 1–45; *Белов Г.Д.* Раскопки Херсонеса в 1961 г. // СХМ. – 1963. – Вып. 3. – С. 55–60; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1963 г. // Архив НЗХТ. – Д. №836/1. – Л. 1–55; *Белов Г.Д.* Раскопки в Херсонесе в 1965 г. – Архив НЗХТ. – Д. №858. – А. 1–18; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1263. – Л. 1–12; *Белов Г.Д.* Раскопки в северном районе Херсонеса в 1968 г. // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. – К., 1974. – С. 82–92; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1685. – Л. 1–19; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. №1760. – Л. 1–23 (нивелировочные слои VI–VII и X–XI вв. в квартале XXVIII); *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1842. – Л. 1–26 (цистерны, засыпанные в конце VI – VII в. в кварталах XXVIII и XXIX); *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках на Северном берегу (кварталы XXIX, XXV и XX). 1978 г. // Архив НЗХТ. – Д. 2021. – Л. 1–43.

[204] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 282–331.

[205] *Якобсон А.Л.* Указ. соч. – С. 284.

[206] Ср.: *Белов Г.Д.* Херсонес–Корсунь. – Л., 1969.

в ходе возведения этих крупных храмов, со временем были обработаны Л. А. Голофаст, высказавшей убедительное предположение о возможности существования здесь к этому времени ранневизантийского квартала стеклоделов[207]. В XXVIII квартале оказались слои VII и IX–X вв. со следами работы железоделательной, кузнечной мастерской, кусками шлака[208]. Констатируя наличие «незначительных остатков первой половины средневековья» в квартале XXIX, Г. Д. Белов отметил также, что почти ничего не сохранилось от стен эллинистического и римского времени, убедительно объясняя это не отсутствием жизнедеятельности, а интенсивным строительством, которое уничтожило следы предшествующего[209].

С начала 1980-х гг. силами экспедиции Херсонесского музея во главе с С. Г. Рыжовым начались планомерные, широкомасштабные, регулярные исследования кварталов VIII, X «а», X «б», X «в» и XII с целью очертить средневековую планировку и экспозиционно соединить этот район с предшествующими раскопками на северном берегу[210]. В ходе их тоже были обнаружены раннесредневековые материалы, оставшиеся здесь после позднейших перестроек. Как и в прочих местах городища, они сводились главным образом к фрагментам керамики, следам производственной деятельности и очень редко к строительным остаткам, крайне невыразительным. Поэтому особого внимания заслуживает доследование обнаруженной в 1861 г. Северной базилики, уточнение периодизации ее истории и раскопки в том же квартале IX раннесредневековой общественной бани[211].

---

[207] См.: *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г. // Архив НЗХТ. – Д. №858 I. – А. 1–29 (стеклоделательная мастерская и остатки стеклянного боя в подвале); *Белов Г. Д.* Раскопки в Херсонесе в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1263. – А. 1–36 (стеклоделательная мастерская на месте апсиды базилики 1932 г., стекловаренная печь – л. 12–13); *Голофаст Л. А.* Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995 (1996). – С. 95–103; *Голофаст Л. А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. – 1997. – Вып. 6. – С. 312–326; *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса: Дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. – М., 1998 (рукопись); *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 97–260.

[208] *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1968–1969 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №1283. – А. 1–36.

[209] См.: *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1909. – Л. 1–64. Эллинистические остатки сохранились в квартале XX, где, кроме того, в южной части прослеживается культурный слой, лежащий ниже дневной поверхности XIII в. (см.: *Калашник Ю. П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1989 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3312. – А. 1–36; *Калашник Ю. П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1991 г. // Архив НЗХТ. – Д. 3314. – А. 1–29).

[210] *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках VIII квартала в северном районе Херсонеса в 1984 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2477. – Л. 1–56; *Рыжов С. Г.* Отчет за 1985 год о раскопках VIII квартала в северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. №2613. – А. 1–47; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках усадьбы №1 в квартале X «А» Северного района Херсонеса в 1989 году // Архив НЗХТ. – Д. №2883. – Л. 1–68; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках X квартала «А» в Северном районе Херсонеса в 1990 году // Архив НЗХТ. – Д. №2967. – Л. 1–29 (исследование слоев, предшествующих строительству X–XIII вв. на месте средневековой усадьбы №2); *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса усадьбы №3 в квартале X «А» // Архив НЗХТ. – Д. №3056. – Л. 1–23 (особенно л. 8, 10 – находки обломков льячек в раннесредневековом слое); *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках X квартала «Б» в Северном районе Херсонеса в 1995 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3270. – Л. 1–102 (подвал VII–X вв., переоборудованный из цистерны); *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 182–260.

[211] *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках «Северной базилики» в 1981 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2226. – А. 1–20 (квартал IX); *Рыжов С. Г.* Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО 1981 г. –

Еще одним продвинутым в отношении археологических исследований участком можно считать район античного театра Херсонеса, где мощность культурного слоя в отдельных местах достигала рекордной глубины в 6-8 м. С 1954 г. до 1994 г., с двумя перерывами, он изучался экспедицией Крымского отдела Института археологии АН УССР во главе с О.И. Домбровским[212]. Под развалинами погибших в XIV в. жилых усадеб оказались следы улиц и кварталов раннесредневекового города, построенных отчасти из материалов разобранного античного театра, остатки рыбозасолочных комплексов[213].

Эти же раскопки заставили обратить внимание на здешнюю церковную доминанту — крестовидный «храм с ковчегом» (№19), найденный К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1897 г., и одноапсидный однонефный храм рядом с ним, который был обнаружен в 1958 г. на месте проскения и скены античного театра. Датировка их вызвала расхождения и остается открытой до сих пор[214]. В 1997 г. работы на участке были возобновлены научным сотрудником Института археологии НАНУ Е.А. Паршиной с задачей завершить изучение средневековых слоев, перекрывавших руины театра[215]. При этом удалось зафиксировать отчетливый раннесредневековый слой, датируемый не позднее IX в.[216]

По соседству с этим участком, в сотне метров к западу, к южной оборонительной стене примыкает занимающий около 1600 м^2 архитектурный комплекс с огромным водохранилищем, способным вместить свыше 1800 м^3 воды. Резервуар представляет собой самостоятельный тип

М., 1983. – С. 314–315; *Рыжов С.Г.* Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса // АО 1982 г. – М., 1984. – С. 326; Дневник раскопок бани IX–X вв. к югу от Северной базилики. Май 1982 – август 1983 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2611. – А. 1–69.

[212] *Домбровский О.И.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1954 г. на участке «храма с ковчегом» // Архив НЗХТ. – Д. №702. – Л. 1–49; *Домбровский О.И.* Отчет о раскопках в 1955 году в Херсонесе на участке храма с ковчегом и античного театра // Архив НЗХТ. – Д. №712. – Л. 1–94; *Домбровский О.И.* Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе за 1957 год // Архив НЗХТ. – Д. №3241. – Л. 1–13 (особенно л. 8–10 – остатки раннесредневековых построек); Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1411 / 1. – Л. 18–87, 103–112 (раскопки в восточном и южном секторах участка и внутри малого храма 1958 г.); Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1505 / 1. – Л. 1–91 (раскопки О.А. Махневой контрольного целика 1958 г. и внутри малого храма 1958 г.); Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972–1973 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №1647. – Л. 1–82 (раскопки около 15 куртины); Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 годах // Архив НЗХТ. – Д. №1682/1 (целик между храмом 1958 г. и храмом №19); *Домбровский О.И., Махнева О.А., Паршина Е.А., Сидоренко В.А.* Отчет о работе Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции в 1975 году // Архив НЗХТ. – Д. №1886/1. – Л. 1–33; Отчет о раскопках на территории Херсонесского античного театра в 1990 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3246. – Л. 1–52 (контрольный целик около храма 1958 г., шурф около юго-западного угла храма №19).

[213] *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. – 1960. – Вып. 1. – С. 36–42.

[214] См.: *Сорочан С.Б.* О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – №594. – Історія. – Вип. 35. – С. 58–72; Ранневизантийские сакральные постройки... – С. 86–88, 178.

[215] *Паршина Е.А., Зеленко С.М.* Отчет о раскопках на участке античного театра Херсонеса и подводных разведок шельфа в районе Херсонесского заповедника в 1997 году // Архив НЗХТ. – Д. №3364. – Л. 1–7.

[216] Там же. – Л. 7.

Рис. 24. Н.В. Пятышева

утилитарной постройки, необходимой для сбора запасов воды, издалека поступавшей в город по гончарным трубам, однако с запада к нему примыкала анфилада общественных помещений неясного назначения, предположительно интерпретируемых как термы, а с востока — обширное, не занятое ничем пространство, ограниченное стеной с пилястрами. Раскопки комплекса были начаты в 1885 г., когда он был случайно обнаружен во время работ Военного ведомства[217], а затем продолжены в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем, который вскрыл его юго-западную часть[218]. В 1958–1977 гг. работы здесь и на прилегающей куртине, башне XII проводились экспедицией Государственного исторического музея во главе со специалистом в области античной археологии, кандидатом исторических наук, научным сотрудником Натальей Валентиновной Пятышевой (1907–1984) (рис. 24), которая отнесла сооружение к 30-м гг. IX в. и необоснованно посчитала его дворцом первого стратига фемы Херсон[219]. К сожалению, обнаруженные материалы были поданы в отчетах без должной фиксации, что затрудняет представление о стратиграфии и привязку находок к тому или иному месту. Часть фотографий вещей оказалась не увязана с отчетными записями. Все это в значитель-

[217] *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 37.

[218] Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. – С. 113–119.

[219] Архив НЗХТ. – Д. №744, 789, 835, 1219, 1245, 1246, 1264, 1285, 1289, 1290, 1416, 1417, 1685, 1687, 1718; *Пятышева Н. В.* Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. – М., 1969. – С. 141–159. О Н. В. Пятышевой см.: Издания Государственного Исторического музея 1873–1998: Библиографический указатель / Науч. ред. В. Л. Егоров. – М., 1999. – С. 190.

ной мере обесценило многолетний труд исследователя и не приблизило к разгадке раскапываемого комплекса.

Последующие исследования, предпринятые с 1987 г. экспедицией Херсонесского заповедника во главе с Л. В. Седиковой, позволили установить, что монументальное общественное здание, примыкавшее с юго-западной стороны к водохранилищу, уже функционировало в ранневизантийское время, а само водохранилище было засыпано в первой половине IX в.[220] Изучение содержимого засыпи цистерны, особенно материалов VIII — начала IX в., позволило внести ряд ценных наблюдений о состоянии керамического производства города, доле импортной гончарной продукции в его экономике, но не решить загадку назначения соседней постройки, по традиции называемой «термами»[221].

Крайний, западный регион городища, охватывающий свыше 16 тыс. кв. м, считается наименее исследованным. Однако с этим можно согласиться лишь отчасти, если иметь в виду прежде всего остатки жилых кварталов и усадеб. Здесь их затрагивали раскопками крайне редко. Так, следы раннесредневекового здания с хозяйственными помещениями, сложенного из бутового камня на глине и разрушенного при постройке небольшой квартальной церкви, были обнаружены в 1930 г., причем Г. Д. Белов счел необходимым подчеркнуть, что «культурный слой этой эпохи оказался весьма толстым и насыщенным кухонными отбросами, обломками керамики и другими предметами»[222]. В остальном представление об этом регионе как раз наиболее полно для раннесредневекового периода, когда тут существовал ряд открытых к настоящему времени крупных христианских культовых построек и комплексов (тетраконхиальный мартирий, «базилика на холме», комплекс Западной базилики,

[220] *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках на участке «водохранилища» в Херсонесе в 1987 году // Архив НЗХТ. – Д. №2758. – А. 1–15; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1989 году // Архив НЗХТ. – Д. №2900. – Л. 1–11; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // Архив НЗХТ. – Д. №2965. – А. 1–37; *Седикова А. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году // Архив НЗХТ. – Д. №3107. – А. 1–30; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив НЗХТ. – Д. №3159. – А. 1–30; *Седикова Л. В.* Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 238–240; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1994 году // Архив НЗХТ. – Д. №3216. – Л. 1–63; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1995 году // Архив НЗХТ. – Д. №3265/1. – Л. 1–17; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1996 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3301. – Л. 1–49; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1998 году // Архив НЗХТ. – Д. №3392. – Л. 1–50; *Седикова Л. В.* Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3434. – Л. 1–35.

[221] См.: *Романчук А. И., Седикова Л. В.* «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 38–42; *Седикова Л. В.* Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 134–136; *Седикова Л. В.* Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. – 1995. – №2. – С. 170–177; *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995; *Седикова Л.* Византийский керамический импорт в Херсонесе в IX в. // Междунар. конф. «Византия и Крым», Севастополь, 6–11 июня 1997 г.: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 72–73; *Седикова Л. В.* К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 646–650; *Седикова Л. В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. – М., 1997.

[222] *Белов Г. Д.* Раскопки в Херсонесе в 1930 году // Х сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 7–8, 17, рис. 1.

«базилика 1889 г.» — №15 в квартале L, Западный загородный крестовидный храм)[223].

Данные об исследовании крепостной ограды юго-западного участка региона попытался, пусть и с пробелами, обобщить военный инженер, штабс-капитан М. И. Гарабурда, а затем А. Л. Бертье-Делагард[224]. Приморскую оконечность этой античной стены проследили в 20-е гг. XX в. сначала директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев (рис. 25), а затем сменивший его на этом посту К. Э. Гриневич, который, в отличие от своего предшественника, опубликовал об этом краткий отчет[225]. Существенный сдвиг в представлениях о развитии западного фланга обороны был достигнут благодаря работам Г. Д. Белова в 1948 г. и Ураль-

[223] Разведки, раскопки, зачистки, доисследования этих храмов проводились здесь в последней четверти XIX – начале XX в. московским художником и археологом-любителем Д. М. Струковым, К. К. Косцюшко-Валюжиничем, Р. Х. Лепером, а позже, в 1958–1963, 1972–1985 гг., экспедициями Уральского университета, Крымского отдела Института археологии АН Украины, Института археологии АН России. См.: Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 год. – СПб., 1909. –. С. 66–78; *Лепер Р. Х.* Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 92–107; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1908 год. – СПб., 1912. – С. 93–108; *Гриневич К. Э.* Четырехапсидное здание в Херсонесе. – Л. 129–134; *Суров Е. Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 119–147; *Бармина Н. И.* Мозаика Западной базилики // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Сб. 3. – С. 168–172; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках «Базилики 1889 г.» в 1972–1974 гг. // Архив НЗХТ. – №1640. – Л. 1–27; *Рыжов С. Г.* Отчет о доследовании «Базилики 1889 г.» и альбом иллюстраций 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1762/1. – Л. 1–20; *Домбровский О. И., Кутайсов В. А.* Отчет о работах Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции Института археологии АН УССР в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. №1980. – Л. 1–34; *Кутайсов В. А.* Отчет о раскопках на участке четырехапсидного храма в Херсонесе в 1978 году // Архив НЗХТ. – Д. № 1982/1. – Л. 1–18; Отчет о раскопках в Херсонесе в 1979 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2061/1. – А. 1–24; *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. – 1982. – № 1. – С. 155–167; *Беляев С. А.* Отчет Херсонесской экспедиции о раскопках «Базилики на холме» в 1973 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1688. – Л. 1–14; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1974 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1725. – Л. 1–60; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР за 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1882. – Л. 1–16; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1904. – А. 1–37; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1910/1. – Л. 1–24; Д. № 1910/2. – Л. 1–29; *Беляев С. А.* Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973–1977 гг.) // ВВ. – 1979. – Т. 40. – С. 114–126; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции в 1980 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2171. – Л. 1–6; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР в 1981 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2338. – Л. 1–18; *Беляев С. А.* Отчет о работах Херсонесской экспедиции в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2340. – Л. 1–29; *Беляев С. А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции Института археологии АН СССР в 1983 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 2438. – А. 1–36 (следы гидротехнического сооружения к юго-востоку от Западной базилики и площадь между базиликами №13 и №14); *Беляев С. А.* Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса: (К вопросу об интерпретации херсонесских базилик) // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 142–152; *Беляев С. А.* Новые данные о западной части Херсонеса // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1989. – М., 1990. – С. 458–463 (общий итог исследований 1972–1984 гг. на площади около 5 тыс. кв. м в районе «базилики на холме» и Западной базилики); *Беляев С. А.* «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. – М., 1994. – №1. – С. 7–47; *Романчук А. И., Белова О. Р.* Раскопки Западного загородного храма // Отчет о раскопках экспедиции Уральского университета в Херсонесе в 1985 году/ Архив НЗХТ. – Д. №2635. – Л. 5–34; *Романчук А. И.* Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 165–171; *Лосицкий Ю. Г.* Западный храм Херсонеса: архитектурная реконструкция // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 172–174.

[224] *Гарабурда М. И.* Оборонительные стены Херсонеса. – С. 88–98; *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе. – С. 114–115, 117, 128–135, 149–150, 155–156, 159–160.

[225] *Гриневич К. Э.* Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.: (Предварительный отчет) // Крым. – М.; Л., 1929. – №1 (9). – С. 14–32 (особенно С. 30–32).

ской экспедиции во главе с доцентом Е. Г. Суровым в 1960-1963 гг., а особенно директора Херсонесского музея А. И. Антоновой (рис. 26), позволивших представить периодизацию крепостного строительства на этом участке, исследовать ров перед раннесредневековой куртиной 1, его засыпь, погребальные сооружения, а также выдвинуть предположение о существовании раннесредневековой богадельни — богоприимного дома при Западной базилике[226]. Одной из целей предпринятых здесь раскопок было изучение состояния Херсона именно в VI-IX вв., причем в ходе их были открыты некоторые производственные, хозяйственные комплексы этого времени (рыбозасолочный — около куртины 1, металлообрабатывающий — в восточной части архитектурного комплекса Западной базилики, в помещении рядом с остатками античной оборонительной стены, гончарный — на берегу Песочной бухты)[227].

Рис. 25. А.А. Моисеев

На новом научном уровне, как правило, с тщательной фиксацией всего обнаруженного, описанием, чертежами и разрезами погребальных памятников, были представлены ведшиеся в 1937 г. исследования загородного кладбища Херсона на юго-восточном склоне Херсонесской балки, у подошвы Девичьей горы, а также на участке около загородного Влахернско-

[226] *Белов Г.Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее: (Раскопки 1948 г.) // МИА. – 1953. – №34. – С. 237–254; *Суров Е.Г.* Отчет о раскопках УрГУ и Херсонесского музея в Северо-западном углу Херсонесского городища. 1960 // Архив НЗХТ. – Д. №2046. – А. 1–51; *Суров Е.Г.* Отчет о раскопках в Северо-западной части Херсонесского городища в 1963 году // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1138. – Л. 151–182 (заключение С.Ф. Стржелецкого – л. 203–216); *Антонова И.А.* Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. – 1963. – Вып. 3. – С. 60–67; *Антонова И.А.* Отчет о раскопках у XIV башни и рва у 1-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1969. – Л. 26–51; *Антонова И.А.* Иллюстрации к отчету о раскопках у XIV башни и рва у I-й куртины оборонительных стен Херсонеса в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1970. – Л. 1–80; *Антонова І.А., Рижов С.Г.* Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 261–264; *Антонова И.А.* Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988: Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 5–9; *Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // АДСВ: Византия и сопредельный мир. – Свердловск, 1990. – С. 8–24.

[227] *Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961. – С. 65–102; *Суров С.Г.* Раскопки в северо-западном районе городища // СХМ. – 1961. – Вып. 2. –С. 67–70; *Суров Е.Г.* Отчет о раскопках в северо-западной части городища в 1963 г.: Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического государственного музея и Уральского государственного университета в 1963 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 1138. – Л. 1–248; *Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического. – С. 136–137; *Борисова В.В.* Средневековая гончарная печь // СХМ. – 1960. – Вып. 1. – С. 42–46; *Седикова А.В.* Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – С. 434–435, рис. 1–2.

го монастыря Богоматери Девы Марии, у башни Зинона и особенно масштабные с 1981 г. работы по раскопкам свыше сотни могил, склепов, в том числе ранневизантийских, за западной оборонительной стеной, на природных террасах восточного склона Песочной бухты[228]. Впрочем, в последнем случае создается впечатление, что временами археологам приходится иметь дело со следами работ Р. Х. Лепера в 1913–1914 гг., чем и объясняются довольно частые встречи нарушенных и полностью выбранных могил, отсутствие надгробных сооружений, перекрытий и даже каменных стенок разоренных могильных ям[229]. Материалы эти еще ждут своего исследователя, способного воскресить гробничное дело и ритуалы византийского провинциального города выше хронологических рамок VI–VII вв.[230]

Рис. 26. И.А. Антонова

Долгое время на последнем месте оставалось археологическое изучение ближних и тем более дальних окрестностей раннесредневекового Херсона. Как исключение можно рассматривать раскопки в 1928 г. силами Ге-

[228] *Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Х. сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 19–43; *Зубарь В.М., Рыжов С.Г.* Отчет о раскопках херсонесского некрополя в 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1778 – 1779. – Л. 1–41; *Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В., Костромичева Т.И.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1981 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2248–2249. – А. 1–53; *Зубарь В.М., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Херсонесского некрополя в 1982 году // Архив НЗХТ. – Д. №2258–2259. – Л. 1–64; *Зубарь В.М., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1983 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2348–2349. – Л. 1 – 51; *Зубарь В.М., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя в 1984 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2436–2434. – Л. 1–39; *Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя в 1985 году // Архив НЗХТ. – Д. №2513–2514. – Л. 1–41; *Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А.* Западный некрополь Херсонеса Таврического (Материалы раскопок 1983–1985 гг.). – К., 1989. – Т. 1: Погребальные сооружения и обряд. – 47 С. ; Т. 2: Каталог погребений. – 48 С. ; Т. 3: Отдельные категории материальной культуры. – 43 С. ; *Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя в 1986 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2669–2670. – Л. 1–38; *Зубарь В.М., Бунятян Е.П., Шевченко А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2741–2742/I. – Л. 1–35; *Зубарь В.М., Дорофеев В.В., Ушаков С.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя в 1988 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2843/I. – Л. 1–50; *Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1995 году // Архив НЗХТ. – Д. №3267/I. – Л. 1–70; *Магда А.В., Дмитриев В.А.* Итоги охранных раскопок Западногонекрополя Херсонеса Таврического в 1995 г. // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 159–161; *Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1996 году // Архив НЗХТ. – Д. №3310. – Л. 1–67; *Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1997 году // Архив НЗХТ. – Д. №3343. – Л. 1–46; *Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1998 году // Архив НЗХТ. – Д. №3408. – Л. 1–24.

[229] Ср.: *Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1998 году. – Л. 10.

[230] Ср.: Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum and Environs / Ed. G.R. Mack, J.C. Carter. – Austin, Texas USA, 2003. – P. 94–97; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 51.

раклейской экспедиции Херсонесского музея большого архитектурного комплекса площадью около 350 м² в балке Бермана, в 2 км от Георгиевского монастыря, где оказались небольшая церковь и несколько помещений с материалами VIII-X вв. внутри древней античной ограды из массивных каменных блоков[231]. Также случайно продолжали смотреться в 1951 и 1953 гг. разведки и раскопки могильника ранневизантийского времени у высоты Сахарная головка, хотя они дали очень выразительные находки, свидетельствующие о связях местного ромеизированного населения с Херсоном[232]. Разведки поселений в Байдарской, Инкерманской долинах, в окрестностях Эски-Кермена и Мангупа предпринял в 1953 г. заведующий античным отделом Херсонесского музея С. Ф. Стржелецкий, который вынужден был констатировать, что эти объекты оказались «абсолютно полностью за рамками археологического изучения древнего и средневекового Крыма»[233]. Единственным почти целиком исследованным раннесредневековым кладбищем стал обширный могильник преимущественно VI-IX вв., раскопанный на месте каменного карьера экспедицией под руководством Е. В. Веймарна в 1959-1960 гг. с восточной стороны С. Скалистое, в 2-3 км от большого укрепленного поселения Бакла, причем публикация его материалов появилась с задержкой в три десятилетия[234].

Ситуация стала несколько исправляться лишь с 1970-х гг., когда стараниями начальника Севастопольской археологической экспедиции Херсонесского музея О. Я. Савелей были предприняты разведки и исследования разнообразных памятников ранневизантийского времени и VIII-X вв. на территории Севастополя, Гераклейского полуострова, Килен-балки, Инкермана, Балаклавского района, у С. Оборонное, Морозовка (Алсу), на высоте Безымянной (поселение Гасфорт), в западной части долины р. Бельбек, в Ласпинской котловине (поселения Шабурла, Хаспио, Приморское, последнее — с постройками в технике opus mixtum)[235]. Сюда же

[231] *Гриневич К. Э.* Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. // Крым. – М.; Л., 1928. – №2 (8). – Вып. 2. – С. 34–71.

[232] *Борисова В. В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» // X сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 190.

[233] *Стржелецкий С.Ф.* Отчет о разведке древних деревень округи Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. №690/IV. – Л. 1–29.

[234] *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. – К., 1993 (исследовано 794 погребальных сооружения, около половины из существовавших; в основном это вырубные склепы и немного грунтовых могил, изредка отмеченных снаружи каменными крестами и стелообразными надгробиями).

[235] *Савеля О. Я.* Предварительные результаты обследования зон застройки на водоразделе Карантинной и Стрелецкой балок Гераклейского полуострова. 1971 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2336. – Л. 1–4 (усадьба с подъемным материалом римского – раннесредневекового времени в ответвлении Стрелецкой балки); *Зедгенидзе А. А., Николаенко Г. М.* Отчет об охранных полевых работах в 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1773. – Л. 7–10, 41 (раннесредневековая усадьба на западном берегу Карантинной бухты, на месте античного земельного надела №33); *Савеля О. Я.* Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1980 и 1981 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №2252. – Л. 6–36 (поселение Гасфорт VII–IX вв. на высоте Безымянной, исследовавшееся с 1979 г.; поселение, непрерывно существовавшее с ранневизантийского времени до XII–XIV вв. на юго-восточной окраине С. Оборонного, Балаклавского района г. Севастополя; поселение VIII–X вв. в 2,5 км от С. Морозовка, бывшее Алсу, Балаклавского района г. Севастополя; Чоргунское городище с долговременной общественной постройкой); *Савеля О. Я.* Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической

следует добавить раскопки 1977 г. на противоположном от Херсона берегу Севастопольской бухты, где в IX в. действовала крупная гончарная мастерская, а также разведки и раскопки Крымской экспедиции Уральского университета около поселка Заря Свободы, на левом берегу р. Бельбек, и в окрестностях Баклы[236]. С 1990 г. существенно продвинулось вперед изучение материала могильников VI–IX вв. в Южном, Юго-Западном и горном Крыму, что позволило внести существенные коррективы в имеющиеся представления о материальной и духовной культуре местного населения, его этническом составе, то есть лучше обрисовать круг тех, кто обитал в «Херсонитии», или «Херсакее», как называли эти земли современники[237]. В последние десятилетия исследованиями средневековых памятников, селений хуторского типа, усадеб в пределах Гераклейского полуострова активно занимается старший научный сотрудник Херсонес-

экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2324. – Л. 4–24; *Падалка Ю. В.* Отчет об археологических разведках в урочище Алсу-2 Балаклавского района г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2323. – Л. 1–16 (большое поселение VIII–IX вв. в урочище Алсу-2, в 17 км к югу от Севастополя, и следы дороги, которая вела из урочища на Чоргунский Исар и далее на поселение Гасфорт); *Савеля О. Я., Падалка Ю. В.* Отчет о раскопках на поселении «Гасфорт» в 1985 году // Архив НЗХТ. – Д. №2608. – Л. 1–11 (усадьба VIII–IX вв.); *Савеля О. Я.* Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1986 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2697. – Л. 1, 25–28, 32 (раннесредневековое поселение у С. Оборонного); *Суханова И. Ю.* Отчет о раскопках поселения Ак-Керман (п. Инкерман, Балаклавский район г. Севастополя) // Архив НЗХТ. – Д. №2975. – А. 1–29 (поселение Ак-Керман, существовавшее с V до XII–XIII вв. на правом берегу р. Черной, близ устья, на западном склоне Загайтанской скалы); *Савеля О. Я.* Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3068. – Л. 73–74, 76–77 (поселение Шабурла VIII–X вв. на северо-восточном краю Ласпинской котловины; поселение Приморское в юго-западной и центральной части Ласпинской котловины с сооружением в технике opus mixtum и моливдовулом нотария Димитрия VIII – начала IX в.; поселение площадью около 25 га в урочище Хаспио, между мысами Айя и Сарыч); *Савеля О. Я.* Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3187. – Л. 29–34 (поселение Хаспио); *Савеля Д. Ю.* Могильники позднеантичной – ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 60–61.

[236] *Рыжова А. А.* Гончарная печь VIII–IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 149–155; *Седикова Л. В.* Керамические печи IX в. ... – С. 435, 439, рис. 3; *Романчук А. И., Омелькова А. А.* Отчет об охранных разведках на левом берегу реки Бельбек, на выточном склоне балки Горный Ключ, в 3,5 км от пос. Заря Свободы // Архив НЗХТ. – Д. №1843. – Л. 1–26; *Рудаков В. Е.* Отчет о разведках экспедиции Уральского гос. университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. №1914. – Л. 1–50.

[237] Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 3–86; *Айбабина Е. А.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып.4 – С. 121–134; *Амброз А. К.* Юго-Западный Крым: Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – С. 31–88; *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 85–93; *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 274–311; *Хайрединова Э. А.* Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 334–348; *Хайрединова Э. А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 53–118; *Радочин В. Ю.* Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 119–134; *Хайрединова Э. А.* Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 125–160; *Радочин В. Ю.* Антропологические материалы из погребений V–IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 161–171.

ского заповедника Т. Ю. Яшаева[238]. И все же на фоне усиленных работ, ведущихся на территории античной хоры города, особенно масштабных совместных экспедиций Херсонесского заповедника и Техасского университета (руководители Г. М. Николаенко и профессор Джозеф К. Картер), изучение средневековых сельских памятников явно отстает[239]. Постепенно накапливающиеся разрозненные сведения в отношении существовавших здесь постантичных сельских усадеб, поселений, городищ, кладбищ, дорог нуждаются в глубоком, аналитическом, талантливом обобщении, и пока единственным трудом, собравшим такого рода данные VI–IX вв., является написанная в 1962–1966 гг. монументальная монография А. Л. Якобсона, автор которой тем не менее не сумел в раннесредневековых археологических материалах Юго-Западного Крыма обнаружить «...осязаемых и реальных связей с ближайшим экономическим и культурным центром Таврики — Херсонесом»[240]. Это неожиданный вывод для исследователя, который сам вел раскопки некоторых окрестных поселений, сельских базилик, жилищ, некрополей VI–IX вв. в Байдарской долине (близ сел Бобровки, Родникового, Передового), в Варнутской долине (у С. Гончарного), в долине р. Бельбек (у С. Поляна и на плато Мапук-Кая), в долине р. Качи (на плато Кыз-Кермен) и не мог не заметить отчетливых следов ромеизации во всех сферах жизни местного населения, исходивших, разумеется, прежде всего от византийского Херсона, а не от некой антиправительственной «монашеской эмиграции»[241]. К сожалению, «первый опыт в разработке этой исторически важной темы» до настоящего времени является последним[242].

Большая часть археологических изысканий остается вне связи с каким-либо общим, магистральным планом, который помог бы сосредоточить средства и усилия исследователей, рассеянных по разным научным центрам. Случайность их очевидна. В лучшем случае они охватывают тот или иной участок, регион города, но за его пределами ограничиваются отдельными раннесредневековыми поселениями, жилищами, погребальными сооружениями, раскопки которых обычно порождает необходимость проведения охранно-новостроечных работ. Их уровень, объемы вскры-

[238] *Яшаева Т. Ю., Оленина Е. Ф.* Отчет экспедиции Херсонесского заповедника об охранных комплексных исследованиях на хоре Херсонеса в 1980 году // Архив НЗХТ. – Д. №2152. – А. 33–43; *Яшаева Т. Ю.* Отчет о раскопках средневекового храма на м. Безымянный в 1997 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3348. – Л. 1–52 (однонефный храм X в. на Феоленте); *Яшаева Т. Ю., Созник В. В.* Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского Гос. историко-археологического заповедника. Ч. 3. 1983 // Архив НЗХТ. – Д. №2319. – 97 л.; *Яшаева Т. Ю.* Средневековые поселения ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 79; *Яшаева Т. Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 349–358 (поселение VI–X вв. на правом берегу Камышовой бухты, на месте античного надела №32).

[239] Ср.: Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs. – P. 132–133.

[240] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поседения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 147; ср.: *Якобсон А. А.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 131–138.

[241] Ср.: *Якобсон А. Л.* Отчет о раскопках средневекового сельского поселения близ села Гончарное. 1964 г. // Архив НЗХТ. – Д. №841. – Л. 1–22; *Якобсон А. А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 59–145.

[242] *Якобсон А. А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 8.

тых площадей, обработанных материалов и медленные темпы меняются весьма незначительно. То же самое можно сказать о введении найденного различными экспедициями в научный оборот, о прискорбных попытках затруднить исследователям-коллегам доступ к свежим отчетным материалам и о методике анализа культурных слоев и стратиграфии раннесредневекового Херсона. Пожалуй, единственным существенным достижением в этой области стала предложенная А. И. Романчук поправка к объяснению малочисленности находок, в том числе периода «темных веков», которая кроется в анализе причин формирования или, напротив, отсутствия слоя[243]. Нормальная жизнедеятельность, с оставшимися от нее единичными находками, и массовые разрушения, которые несут массовый материал, — явления несовместимые.

Поэтому только коллективные, организованные усилия и комплексный подход к разнообразным источникам, одним из аспектов которого является выявление характера и причин их образования, способны перекрыть «археологические лакуны» и добиться новых успехов в исследовании города, его топографии, материальной и духовной культуры. При этом как никогда актуальным остается призыв-завет Д. В. Айналова, в свое время высказанный в его Докладной записке председателю Московского археологического общества графине П. С. Уваровой: «Нечего ждать, чтобы иностранные ученые еще раз показали нам, как надо ценить и исследовать подобные исторические руины»[244].

Нетрудно заметить, что приведенный мной предельно сжатый обзор свидетельств прошлого несет не столько фактологический и аналитический, сколько систематический и оценочный подход ко всему, что осталось от истории Херсона середины VI — середины X в. или может иметь к ней отношение. Именно оценка источникового наследия важна для того, чтобы знать, чем придется оперировать в исследовании и какие направления его должны стать наиболее актуальными, перспективными. Приведение в порядок этих знаний, их сопоставление, очистка от накопившихся домыслов, спорных частностей, от вольно или невольно искаженных данных и устоявшихся шаблонов — залог будущих открытий на вечно обновляющейся ниве «херсонессианы». Поэтому, несколько изменив смысл известных слов В. Набокова, можно сказать, что «для ума внимательного нет границ там, где поставил точку я». Любой источник практически неисчерпаем до тех пор, пока мы в состоянии видеть его под новым углом зрения и задавать ему новые и новые вопросы.

[243] *Романчук А. И., Шандровская В. С.* Введение в византийскую археологию... – С. 25–42; *Романчук А. И., Щеглов А. Н.* Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. – 1998. – Т. 55 (80). – С. 178–183; *Романчук А.И.* Очерки. – С. 82–85.

[244] *Айналов Д.В.* Докладная записка об исследовании Херсонеса, приложение к письму гр. Уваровой, пр. МАО №0528 // Архив НЗХТ. – Д. №41. – А. 23 об.

Глава 2

ОКО И ЩИТ ИМПЕРИИ. ХЕРСОН К КОНЦУ ПРАВЛЕНИЯ ЮСТИНИАНА I И ПРИ ЕГО БЛИЖАЙШИХ ПРЕЕМНИКАХ

С середины 50-х гг. VI в. евразийский мир оказался потрясен масштабными тюркскими завоеваниями. Закованная в железные латные доспехи, бронированная конница тюрок уже через три года покорила просторы от Каспия до Черного моря, объединив здесь всех степняков в рамках ордынской государственности — Великого Тюркского каганата (552-651), престол в котором наследовали выходцы из знаменитого рода Ашина — «Волка». Тогда же, в самом начале второй половины VI в., в районах, непосредственно примыкавших к Северному Причерноморью, появились новые племена аваров, двигавшиеся под натиском воинственных тюрок из приволжских степей. В 560-561 гг. они перешли Дунай, получили на поселение земли Малой Скифии, а затем, развязав войну с ромеями, в 567-568 гг. заняли под свой каганат просторы Паннонии[1]. Вслед за ними в 70-х гг. показались их преследователи — тюркюты (древние тюрки), вторгшиеся в Таврику, где до этого на степных просторах около Херсона (juxtum Chersonam) и Боспора кочевали племена гуннов, протоболгар[2]. Долгое время было принято считать, что вследствие этих бурных событий уже к середине VI в. строительство здесь пограничных оборонитель-

[1] *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – С. 22–26; *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 11; *Комар А.В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 171.

[2] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. – М., 1950. – С. 388 (IV. 5. 27–28); *Иордан.* О происхождении и деяниях Гетов // Getica / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. – М., 1960. – С. 72, §37, коммент. 119; Монемвасийская хроника // Свод древнейших письменных известий о славянах. – М., 1995. – Т. 2. – С. 328.

ных систем, как и в прочих регионах Византии, стало сворачиваться и под нажимом военных отрядов тюрок в 70-80-х гг. VI в. византийское доминирование на территории Крыма прекратилось более чем на два столетия, во второй половине VII в. уступив место безраздельному хазарскому господству[3]. В качестве одного из ярких примеров подобной трансформации фигурировало указание на исчезновение византийских слоев на городищах бывшего Боспорского царства после второй четверти VI в. и, как следствие, окончание античного периода его существования[4]. Роль Херсона при этом затушевывалась и его положение к концу правления Юстинина I и в постюстинианновское время исследователи долгое время либо сводили к традиционной, по сути дела, пустой фразе о конце античного этапа истории и «рождении феодализма», либо обходили своеобразным «заговором молчания», сетуя на нерепрезентативность источников.

Сомнения в справедливости подобных взглядов нарастают в последнее время, подтверждая мнение о том, что история как наука знает мало истин, установленных раз и навсегда. Едва ли городская и сельская жизнь в Восточном Крыму когда-либо обрывалась столь повсеместно, как думалось большинству исследователей[5], а там, где это случалось, не всегда можно видеть руку варваров: алан, утигуров, гуннов, тюрок или хазар, степень непосредственной угрозы которых в Таврике, как ныне становится ясно, была в определенной мере преувеличенной[6]. Видимо, современ-

[3] См.: *Кулаковский Ю.А.* Из истории готской епархии в Крыму в VIII веке. – С. 179; *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. – К., 1906. – С. 63; *Бобринский А.А.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 95–97; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р.Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 11–12; *Якобсон А.А.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т.21. – С. 152, 158; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – С. 27; *Герцен А.Г.* Крепостное строительство в Юго-Западной Таврике (в связи с проблемой взаимоотношения горных и степных районов) // Тезисы докладов Душетской конференции. – Тбилиси, 1984. – С. 87; *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – С. 20; *Пиоро И.С.* Крымская Готия. – К., 1990; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / Институт археологии НАН Украины. – К., 1994.

[4] *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – 1940. – Т. 6. – С. 190–204; *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 88; *Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки по истории столицы Боспора. – М., 1964. – С. 225–226; *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – С. 10.

[5] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.; Л., 1949. – С. 480–483; *Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich. – Berlin; Amsterdam, 1971. – S. 513; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. – С. 214; *Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре (по археологическим источникам) // Studien zur Geschichte und Philosophie das Altertums. – Amsterdam, 1968. – S. 253–256; *Кобылина М.М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 30–35; *Шелов Д.Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 85–86; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой таврики. – Л., 1979. – С. 5; *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история. – М., 1985. – С. 251–255; *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб., 1994. – С. 140, 160; *Засецкая И.П.* Степи Северного Причерноморья и Боспор в гуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.): Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1996. – С. 31.

[6] Ср.: *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 17–20, табл. 7–11, С. 28–30, 32–35, 36, 38–40; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 79;

ников гораздо больше пугала сама возможность приближения опасности, нежели ее реальные плоды. Крымский полуостров не пустел.

Скажем, многолетние раскопки Пантикапея (Боспора) не обнаружили следов гуннского разрушения, а строительство велось на территории бывшего акрополя даже во второй половине VI—первой половине VII в. Район центрального плато горы Митридат был обитаем, плотно застроен в позднеантичное время, несмотря на соседство кладбища с большим количеством ямных и плитовых могил, и, значит, даже в указанное время далеко не все жители боспорской столицы спустились к подножию горы, в Нижний город[7]. Материалы, собранные сотрудниками Керченского историко-археологического музея во время строительных работ в Керчи в 50-70-е гг. XX в. вместе с материалами охранно-археологических раскопок последних десятилетий в центре Керчи позволяют заключить, что Боспор раннесредневекового времени занимал значительно большую территорию, чем представлялось прежде. Городские кварталы простирались вдоль подножия горы Митридат, приморский участок города располагался у порта, а на центральном, западном плато, северных и южных склонах горы Митридат размещался обширный плитовый некрополь второй половины VI—начала X в., а кое-где продолжала функционировать террасная система и отдельные постройки V-VI в.[8]

Культурные слои Гермонассы—Таматархи IV-VIII вв. тоже не несут следов частых пожаров и вражеских разрушений, а очертания средневекового города повторили в основном античный город[9]. Еще более показательны результаты исследования Китея — боспорского центра юго-востока Керченского полуострова, которые позволили установить, что причиной прекращения в нем жизни к концу VI в. стали не военно-политические неурядицы, а скорее действие гораздо более неумолимого природного, геоэкологического фактора — катастрофическое нарушение структуры пресных водоносных слоев, сделавшее существование города невозможным примерно с середины столетия. Находки амфор первой половины VI в., поздних типов привозной краснолаковой «штампованной» керамики, солида Юстиниана I, а также тарапана ранневизантийского времени, то есть остатки производственного сооружения, свидетельствуют, что обитатели

Ивченко А. К вопросу о проникновении гуннов в Крым (по материалам монетных кладов) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 116–118; *Тортика А.А.* К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 62–72; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // X сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 118–132; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 129–156, 209–231.

[7] *Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Bosporian City of Nymphaion. New Materials and Recent Studies in Problems of Ancient History of Greek Cities in the North Pontic Area. International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Nymphaion Archaeological Expedition and the 70th Anniversary of Nonna L. Gratch. – St. Petersburg, 1999. – P.28–32.

[8] *Пономарев Л.Ю.* К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 202–205.

[9] *Финогенова С. И.* К вопросу о границах и планировке античной Гермонассы // Таманская старина. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 48–49.

Китея дольше всего продержались в западной и восточной частях городища, но со временем вынуждены были уйти и оттуда[10].

Киммерик (Киверик) оказался на новом месте, несколько отодвинувшись от моря. Еще одна крепость находилась на горе Опук. В отдалении от моря продолжала существовать и крепость Илурат, некрополь которой функционировал в VII-VIII вв., действовали территориально-хозяйственные комплексы в районе Тиритаки, Крымского Приазовья, мыса Казантип, хотя чересполосно существовали места, фактически оставленные жителями (в Нимфее, Акре)[11]. Разрушения на поселениях сменялись строительством, причем традиции хозяйства и быта сохранялись неизменными[12]. Крымское Приазовье было особенно густо заселено и, в целом, вполне процветало[13]. Говорить о запустении земель Таманского полуострова «во время византийского владычества» можно с большой натяжкой[14].

Не несут следов существенных этнических изменений и материалы некрополей[15]. Даже степень негативности тюркского нашествия в Таврику во второй половине 570 — начале 580-х гг. и его разрушительность для поселений — основных демографических элементов античной системы землепользования и землеустройства — остается под вопросом. А.М. Масленников считает, что «...кое-где жизнь еще теплилась несколько десятилетий спустя», но сам же признает, что состоянием сельской хоры Восточного Крыма в эпоху раннего Средневековья никто серьезно не интересовался[16].

---

[10] *Молев Е.А.* Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА НАНУ. – Д. №24077. – Л.9; *Молев Е.А., Молева И.В.* Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 265; *Молев Е.А.* Основные этапы истории Китея // Таманская старина. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 44.

[11] См.: *Хршановский В.А.* Некрополи Илурата и Китея: Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 (предварительные итоги) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб., 1998. – С. 104; *Болгов Н.Н.* Боспор V в.: континуитет материальной культуры «темного столетия» (Европейская часть) // ПИФК – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 44–49; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 30, 31.

[12] *Мокроусов С. В., Сазанов А.В.* Поселение Золотое–Восточное в бухте: Опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1996. – Т.3. – С. 88–107; *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. – М., 1998. – С. 172–178, 262–267; *Сазанов А.В. Мокроусов С.В.* Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // Проблемы истории, философии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1999. – Т.7. – С. 167–223.

[13] *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес–городок на Меотиде // Очерки истории и археологии Боспора. – М., 1992. – С. 120–173; *Масленников А.А., Безрученко И.М.* Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА АН СССР. – 1991. – Вып. 204. – С. 37–45; *Масленников А.А., Мокроусов С.В., Сазанов А.В.* Исследования ВКАЭ на Азовском побережье Керченского полуострова в 1998 г. // Проблемы истории, философии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1999. – Т. 7. – С. 394–396; *Мокроусов С.В.* Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей–Боспор–Керчь: 26 веков древней столицы. – Керчь, 2000. – С. 99–101; *Мокроусов С.В.* О хронологии сельских поселений Крымского Приазовья в ранневизантийский период // Антиковедение на рубеже тысячелетий. – М., 2000. – С. 73–74.

[14] Ср.: Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 151–160.

[15] *Масленников А.А.* Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // Древности Боспора. – 2000. – Т.3. – С. 136–200.

[16] *Масленников А.А.* Сельские поселения Европейского Боспора: (Некоторые проблемы и итоги

Следовательно, истинное положение непосредственных соседей Херсона по крымским владениям Империи могло быть не столь плачевным, как порой об этом пишут исследователи[17].

Еще больше сомнений порождает представление о том, что власть ромеев рухнула по всей Таврике столь обвально и полностью. Оснований для подобного вывода нет. Херсон и прочие порты Крымского полуострова уже в силу своего выгодного геополитического положения должны были занимать важное место в византийской глобальной стратегии, направленной на умаление персидского контроля над восточной торговлей и расширение северного направления торговых путей. Потеря контроля над этими прибрежными городами, транзитными, посредническими центрами, означала бы не только утрату части выходов к морю, но гораздо большее — потерю всего приморского региона вместе с его сухопутными областями и территориальными водами[18]. Безопасность балканских провинций Романии, прикрывавших сердце и мозг государства — Константинополь, во многом тоже зависела от готовности ее подданных в крымских владениях собирать разведывательную информацию, пристально следить за передвижением самых разных племен и народов через Северное Причерноморье, вовремя предупредить о готовящемся нападении, способствовать в организации помощи (хотя бы дипломатической) и от позиции союзников Византии в соседних с Таврикой районах[19]. Ситуацию осложняли усобицы булгарских племен, передвижения аваров, завоевавших в 567–568 гг. Паннонию и на долгие десятилетия ставших злейшими врагами Империи. В этой обстановке главную роль неминуемо начинали играть торговые и военно-политические контакты с тюрками, врагами авров, шел обмен посольствами в 558, 562, 563, 568 гг. и конце VI в.[20] При этом, если Боспор «во втором году правления Тиверия кесаря» (между декабрем 575 и декабрем 576 г.) оказался ненадолго захвачен многочисленными войсками полководца непобедимого властителя Туркcанфа (Тянь-хан-хана), Вохана— наместника приазовских земель и его подневольного союзника, «гунна», а правильнее тюрко-болгарина Анагея, «владетеля племени утигуров» (os

исследования) // Боспорские исследования. – Симферополь, 2001. – Вып. 1. – С. 98.

[17] Ср.: *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 1998. – С. 101–105.

[18] Ср.: *Ahrweiler H.* Byzance et la mer: La marine du guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VIIe–XVe siecles. – Paris, 1966. – P. 45–48; *Ahrweiler H.* Fonctionnaire et bureaux maritimes a Byzance // REB. – 1961. – Vol. 19. – P. 239–252; *Ahrweiler H.* Les ports byzantins (7e–9e siecles) // La navigazione mediterranea nell'alto medioevo. – Spoleto: Presso la sede del Centro ital. di studi sull'alto medioevo, 1978. – T. 1 – P. 259–297; *Литаврин Г.Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 12–13.

[19] *Удальцова З.В.* Дипломатия Византии // Культура Византии: вторая половина VII–XII вв. – М., 1989. – С. 243; *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteeth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). – Washington, D.C., 2002. – Vol. 2. – P. 652.

[20] Известно не менее шести византийских посланников (Зимарх, Анагаст, Евтихий, Иродиан, Павел Киликиец, Валентин (см.: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой / Пер. Сп. Дестунива, прим. Г. Дестуниса // Византийские историки ... – СПб., 1860. – С. 370–384, 398–400, 416–418, 462; *Феофан Византиец.* Выписки из истории Феофана / Пер. Сп. Дестуниса, прим. Г. Дестуниса // Византийские историки ... – СПб., 1860. – С. 492–493; Theophylacti Simocattae historiarum libri octo / Rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1834. – P. 282; Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Vol.1: Textum graecum continens. – Lipsiae, 1883. – P. 239).

ekratei tou phulou ton Outigouron)[21], то Херсон с окрестностями оказался способен стойко выдержать натиск кочевников, вероятно, сравнительно близко приблизившихся к его стенам. С их высоты горожане могли видеть их черные боевые стяги, украшенные золотой волчьей головой.

Это событие, совпавшее с пиком активной экспансии алтайских тюрок и их союзников-данников в Крыму, историки обычно относят к 580 г., поскольку из текста источника следует, что оно совпало с развертыванием подготовки осады аварским хаганом Бояном важного византийского города-крепости Сирмия, когда с помощью пленных ромейских мастеров велось строительство моста через Саву: император Тиверий II «...знал, что хаган строит мост с той целью, чтобы препятствовать ввозу в Сирмий припасов», но, будучи связан войной с персами в Армении и Месопотамии и не имея даже малочисленных войск для противостояния аварам, пытался запугать противника, говоря, «что это время не самое благоприятное для... аваров, потому что турки уже поставили стан у Херсона, и что если авары перейдут Истр, то это немедленно будет замечено [их врагами] турками»[22]. Действительно, подготовка к осаде города началась в 579 г., а в начале 582 г. она завершилась эвакуацией защитников и обитателей Сирмия, несмотря на очень серьезные переговоры и поиски компромисса с аварами[23]. Однако из сочинения Иоанна Эфесского (ок. 507–585) можно понять, что автократор Тиверий II и «все государство были немало огорчены тем, что случилось в 3-й год его царствования после смерти Юстина и всячески пытались разрушить мост», отстроенный, следовательно, не ранее октября 580 г. и не позже октября 581 г.[24] Насколько были близки тюрки к Херсону в это время и действительно ли «поставили стан» в его окрестностях, так что их можно было видеть на противоположном, северном берегу Севастопольской бухты, можно только гадать, ибо, по словам Менандра, Тиверий II откровенно блефовал, притворяясь не понимающим замысел хагана и надеясь устрашить его не столько реальной, сколько призрачной угрозой, что не укрылось от «варварского посланника» уже во время переговоров. Во всяком случае, рядом с Херсоном не обнаружены

[21] Menandri Fragmenta // Historica graeci minoris / Ed. L. Dindorf. – Lipsiae, 1871. – T. 2. – Fr. 45, p. 90; Менандра Византийца продолжение истории... – С. 422, 423; *Кулаковский Ю.А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI века // ВВ. – 1896. – Т.3. – С. 12; *Гумилев А.Н.* Древние тюрки. – М., 1967. – С. 106; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IX–X вв. – Л., 1979. – С. 96; *Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1986. – С. 18–19. Накануне в ставку Турксанфа, властителя западных территорий Тюркского каганата, прибыло византийское посольство во главе с Валентином, где оно было встречено с неприязнью, враждебно. Посланники отправились к другим тюркским вождям, и, когда они находились среди них, Турксанф сдержал свою угрозу отнять Боспор у ромеев. См.: Антология (Менандр Протиктор. История).

[22] Менандра Византийца продолжение ... – С. 462, фр. 66.

[23] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 226; *Дайм Ф.* История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 276.

[24] Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. – СПб., 2000. – С. 534 (VI.24). Ср.: *Васильевский В.Г.* Турки в Херсонесе в VI веке // ЖМНП. – 1878. – Ч. 195. – Январь. – С. 117; *Кулаковский Ю.А.* К истории готской епархии в Крыму в VIII в. – С. 179; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 386; *Васильев А.А.* Готы в Крыму: Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до начала XI в.) // ИГАИМК. – 1927. – Т.5. – С. 184; *Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 34; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 137.

какие-либо разрушения, произведенные тюрками, хотя окраины области Дори могли пострадать[25].

Как известно, Юстин II (565-578) отказался от решения проблем с варварами с помощью золота, что в дальнейшем, вероятно, и спровоцировало тюрок на отказ от политики переговоров, выраженной посольствами 568-575 гг., и на захват Боспора[26]. С бурными событиями тюркской оккупации в Восточном Крыму могут быть связаны находки в склепе, раскопанном Ю.А. Кулаковским в 1892 г. на Госпитальной улице Керчи, остатков одного или двух железных панцирей из наборных пластин с вырезными краями, близких к защитным доспехам аварского круга, двух полусферических пластинчатых шлемов, один из которых был с кольчугой, закрывавшей шею, обломков двух мечей, двух железных кинжалов, двух десятков трехлопастных наконечников стрел, железного наконечника копья, ременной золотой гарнитуры, возможно, поясной, и фрагментов расшитой золотными нитями одежды или покрова[27]. К этой же поре относится слой пожара на Баклинском городище, на дальних подступах к Херсону[28], а также находки в самом городе моливдовула императора Тиверия Константина рубежа 70-80-х гг. VI в. и печати начала правления Тиверия Маврикия (582—583 гг.)[29]. Во всяком случае, внешняя опасность на какой-то момент была весьма велика и вполне реально могла грозить большими бедами.

Очевидно, Херсон спасли не столько его мощные, двухрядные крепостные стены и начавшая активно создаваться к этому времени, во второй половине 70-х—начале 80-х гг. VI в., система обороны из нескольких укреплений-убежищ на подступах к городу, в юго-западной части Внутренней (Второй) гряды Крымских гор, сколько внезапная смерть тюркского хагана Арсилы в 581 г.[30], последовавшая как раз тогда, когда враги, вероятно, обложили город или, скорее, были близки к этому, если поверить полуправдивым намекам Тиверия II аварским посланникам. К тому же приазовская группировка праболгар, из которой вышли создатели Великой Болгарии Куврат и его дядя Орган, вырвалась из-под власти алтайских тюрок и заключила стратегический союз с Империей, что сразу облегчило ее положение на северных границах[31]. С этого же года положение каганата осложнилось в свя-

[25] Ср.: *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. – Керчь, 2006. – С. 5–6.

[26] *Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 81.

[27] *Arendt W.* Ein altturkischer Waffenfund aus Kertsch // Yeitschrift für historische Waffen- und Kostumkunde. – 1932. – Bd. 4 (13). – Heft 3. – S. 53–54; *Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В.* Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи: (Предварительная информация) // Боспорские исследования. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 204–221; ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 141.

[28] *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 98.

[29] *Алексеенко Н.А.* Моливдовул императора Маврикия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма: Тез. докл. – Симферополь, 1995. – С. 159; *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999. – 147, №6; С. 152.

[30] *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. – Budapest, 1958. – Bd. 58. – S. 72.

[31] Подр. обоснование этого см.: *Шабашов А.В., Шабашова М.Н.* Этнонимия и антропонимия праболгар как источник реконструкции их ранней истории // Сугдейский сборник. – К.; Судак,

зи с приходом к власти в Китае воинственной династии Суй, при которой развязалась кровавая тюркюто-китайская война. Тем не менее тюркская угроза, по крайней мере воспоминания о ней, сохранялась на территории Крыма по меньшей мере до конца 80-х гг., что, разумеется, должно было стимулировать крепостное строительство. Только разгоревшаяся с 581 г. внутридинастическая борьба, вылившаяся в гражданскую 15-летнюю войну, неудачи в войне с персами, полоса поражений на востоке, восстания в Хотане, Иране и памирских горцев-эфталитов, усиление Китая, образование в каганате прокитайской группировки, восстания некоторых племен (каби, сеяньто и др.), конец немногих влажных годов и наступление с 596 г. периода суши, вновь потребовавшего длительных перекочевок и сосредоточившего все силы лишь на добывании пропитания для скота, и, наконец, последовавший распад гигантской тюркской степной «империи», переставшей существовать в виде единого каганата к 602 г., постепенно заставили тюрок забыть о Таврике, сбросили здесь напряжение, создали возможность урегулирования многих вопросов и установления мирных отношений с Византией[32]. К 631-632 гг. Великий каганат тюркютов окончательно распался на Восточный и Западный, причем в последнем на троне остались выходцы из рода Ашина, которым в дальнейшем доведется сыграть значительную роль в истории Хазарии. В 588 г., если не раньше, тюрки вернули Империи Боспор[33], а в 589-591 гг. уже принимали участие в войне с персами на стороне ромеев. Византия вместе с тайским Китаем на сей раз стала союзницей Западного каганата. Вскоре был заложен краеугольный камень будущей византийской дипломатии в отношении хазар — мирный договор с тюрками 598 г., на двести лет определивший ее основное направление[34].

Однако за этот короткий с точки зрения истории период в четверть столетия местное население Таврики, греки, а особенно ираноязычные аланы, германцы (готы), балты — «здешние люди, не терпевшие быть заключенными в стены»[35], усвоили урок, преподанный бронированной тюркской конницей. Наученные горьким опытом, они поневоле должны были окончательно расстаться с желанием «жить на равнине» и озаботиться продолжением создания надежных оборонительных сооружений-укрытий для местного населения, его имущества, скота, которые защитили бы подступы со стороны причерноморской и крымской степи, откуда через семикилометровую горловину Перекопа грозили вторжения пришельцев, способных заполонить все окрестности (рис. 27). Организовать такого рода целенаправленные усилия здешнего этнического конгломерата из отчасти христианизированных алан, готов, потомков прежнего античного населения, ныне называвших себя ромеями, могли только византийские власти, опиравшиеся на богатый опыт

2004. – С. 379–382.

[32] *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. – С. 39; Комар А.В. Кутригуры и утигуры... – С. 199.

[33] *Шабашов А.В., Шабашова М.Н.* Этнонимия и антропонимия праболгар... – С. 381 (исследователи относят это событие уже к 581 г.); ср.: *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. – С. 5.

[34] См.: *Феофилакт Симокатта.* История/ Пер. С. П. Кондратьева. – М., 1996. – С. 188–192 (VII. 7–9); *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 140.

[35] Перевод текста Прокопия цит. по.: *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 112.

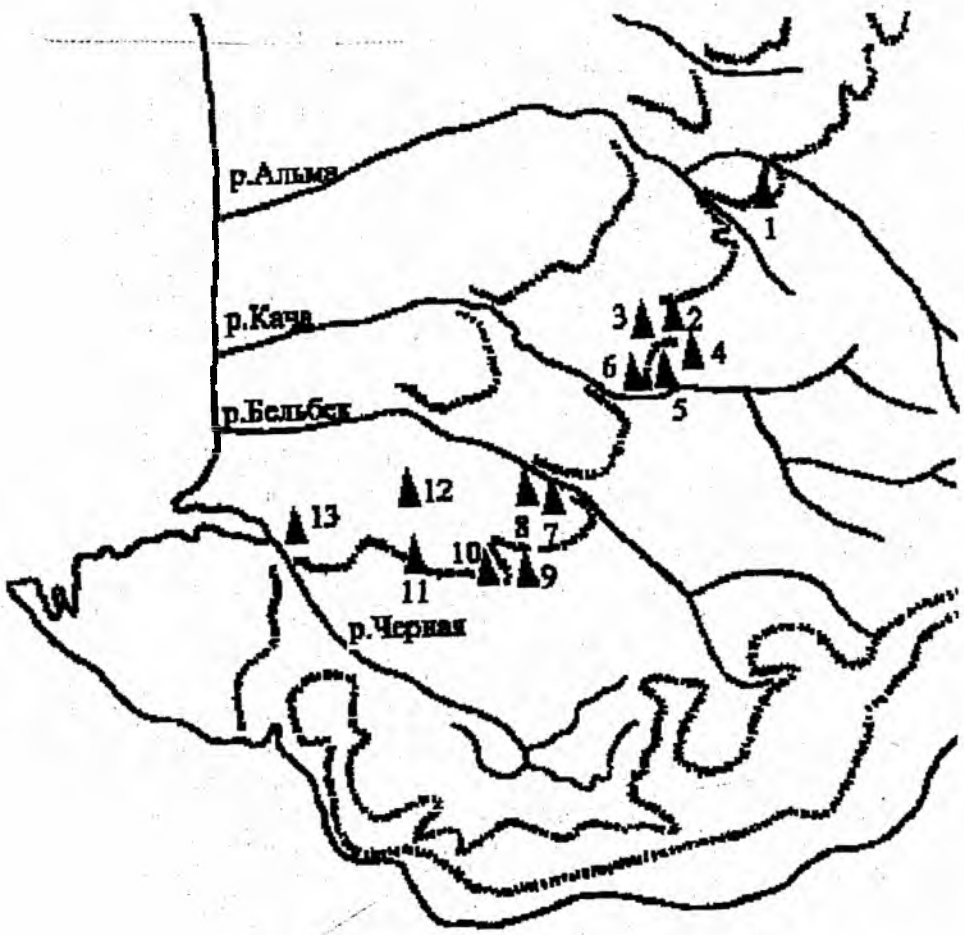

Рис. 27. План-схема расположения убежищ и кастра в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – VII в. 1 – Бакла; 2 – Чуфут-Кале; 3 – Предполагаемый монастырь; 4 – Тепе-Кермен; 5 – Кыз-Кермен; 6 – Качи-Кальон; 7 – Сюйренская крепость; 8 – Чилтер-Коба; 9 – Мангуп; 10 – Шулдан; 11 – Чилтер-Мармара; 12 – Эски-Кермен; 13 – Инкерман (по Ю.М. Могаричеву)

сотрудничества с военными союзниками-федератами и средства все еще обширного и достаточно могучего Ромейского государства.

Видимо, ко второй половине VI в. херсонесские баллистарии были уже заменены подразделениями регулярной ромейской армии, а Херсон превратился в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дукса, или дуки (dux, doukas), и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской эпархии, в которую входили земли Юго-Западного, Южного и Юго-Восточного Крыма[36]. Уже само наличие дуки Херсона свидетельствует в пользу того, что здесь долж-

[36] *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприканці IV–VI ст. // Археологія. – 2000. – №1. – С. 62.

на была существовать соответствующая византийская провинция. Недаром именно так — эпархией, то есть провинцией, назван Херсонес в позднеримском географическом трактате, в который были внесены интерполяции не ранее середины — конца VI в.[37] Составитель житий св. епископов Херсонских, очевидно, в это же время тоже писал о вхождении Херсона в состав «провинции Тавроскифии» (tes Tauroskython eparchias)[38]. Вероятно, подобным образом либо провинцией Херсон называлась соответстующая пограничная эпархия, расположившаяся на крымских землях[39].

Рис. 28. Юстиниан I. Золотой коммеморативный медальон 534 г. из Кабинета медалей, Париж (по В. Тредголду)

Рождение дуката, а значит, изменение статуса города, связанные с преобразованиями в военной организации Херсона и системе администрирования Империи, могли отразиться в местной монетной чеканке. В правление Юстиниана I (527–565) (рис. 28) здесь появляются в качестве наиболее ходовой монеты пентанумии с бюстом августа и его именем на аверсе и монограммой на реверсе, раскрываемой как «POLIS CHERSONOS» или «CHERSONOS», которые приходят на смену массовым пентанумиям нескольких вариантов с изображением на аверсе фигуры Юстиниана в воинском одеянии с длинным крестом или знаменем-лабарумом и сферой (щитом) и легендой VICTOR на реверсе[40]. Стилистическое сходство изображений головы Юстиниана I на монетах с монограммой Херсона с таким же изображением на деканумиях столичной чеканки 22-го года правления императора (548/549 г.) позволяют определить появление таких херсонских монет не

[37] *Шангин М.А.* Новый географический текст // ВДИ. – 1938. – №4. – С. 253, 255; ср.: *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – С. 560, прим. 47.

[38] *Лавров П.* Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 154, sec. 2; *Сорочан С.Б.* О датировке Житий свв. епископов Херсонских // VI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизаций и катастроф. – Керчь, 2005. – С. 270–274. Для транслитерации греческого языка латиницей здесь и далее использована следующая система: α=a, β=b, γ=g (γγ=ng, γκ=nk, γξ=nx, γχ=nch), δ=d, ε=e, ζ=z, η=e, φ=th, ι=i, κ=k, λ=l, μ=m (μβ=b, μπ=b), ν=n, ξ=x, ο=o, π=p, ρ=r, σ, η=s, τ=t, υ=u или y, ς=ph, χ=ch, ψ=ps, ω=o. Ср.: *Kazdan A., Sevcenko I.* Transliteration of Texts // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2108.

[39] Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 532; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Боспора в VI веке // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы. – Керчь, 2004. – С. 381.

[40] *Соколова И.В.* Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // Сообщения ГоС. Эрмитажа. – 1971. – Т. 32. – С. 66–68; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 98–99, табл. XXII, 310–314; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 18–21, табл. I, 10–14, II, 2–9; *Solomon M.* Mennictwo bizantynskie. – Krakow, 1987. – S. 118–119, rys. 64–65; *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 362–363.

анее середины VI в., что, по мнению В.А. Сидоренко, совпадает со временем учреждения в Херсоне должности дукса[41]. В правление Юстина II (565–578) здесь устанавливается единый монетный тип городской чеканки крупных и мелких разменных номиналов (фоллисов, полуфоллисов), для которого было характерно помещать на аверсе вокруг фигур императора и августы Софии и вместо их имен — название города Херсона, написанное по-гречески[42]. Подобное подчеркивание названия города в легенде было явлением редким. В правление Юстина II оно встречается в североафриканском монетном деле, видимо, как следствие особого военно-политического значения некоторых имперских центров (FELIX CARTHAGO)[43]. В Херсоне это могло быть связано с особым положением «столицы» важного пограничного дуката, созданного после середины VI в.

Точнее определить рубежные хронологические рамки этого события позволяет обнаруженная на Тамани, явно имевшая отношение к азиатскому или европейскому Боспору строительная надпись, которая начинается с упоминания «вечного августа и автократора Юстиниана» и указывает на непосредственных распорядителей работ: византийского трибуна Ангула, очевидно, выходца из Малой Азии, воинственного исаврийца, и некое должностное лицо местной муниципальной администрации — «отца города» или архонта, — тоже носившее византийский титул и, значит, утвержденное императором[44]. Надпись датируется 11 индиктом и, поскольку для ромейских официальных документов счет по 15-летним циклам стал обязателен с 537 г., в 547/548 или 562/563 гг., на которые попадает этот индикт в царствование Юстиниана I, Боспор еще не находился в ведении дуки. Всем распоряжался командир расквартированного здесь ромейского гарнизона, который одновременно был градоначальником, курировал общественное строительство, сбор налогов и выполнение прочих имперских повинностей. Не исключено, что нечто весьма сходное наблюдалось в первой половине правления Юстиниана I и в Херсоне, где делами уже давно заправляли имперские офицеры (трибун, комит), которым подчинялись должностные лица местной администрации: архонт-протополит, «отец города» и прочие протевоны[45]. В этой связи следует заметить, что слово *комит* (komes) могло уже с правления Диоклетиана выступать в нарративных источниках в значении «наместник»[46].

Должность дуки — коменданта города и одновременно верховного военного наместника здешних владений Империи, подчиненного военному

[41] См.: *Сидоренко В.А.* Указ. соч. – С. 363.
[42] *Solomon M.* Op. cit. – S. 119, rys. 66.
[43] *Solomon M.* Op. cit. – S. 119.
[44] *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике. I. Надпись времен императора Юстиниана, найденная на Таманском полуострове // ВВ. – 1894. – Т. 1. – С. 567–662; *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в южной России // МАР. – СПб., 1895. – №17. – С. 56–61, №64; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – №98; *Латышев В.В.* Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 6, 7; *Feissel D.* Nouvelles donnees sur l'institution du pater tes poleos // *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. – Paris, 1987. – App. I, p. 219–220; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Боспора... – С. 379–381.
[45] См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 520–530.
[46] Ср.: *Войтенко А.А.* Социальный контекст монашеского движения в «Житии преп. Антония Египетского» свт. Афанасия Александрийского // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 27.

магистру, впервые упоминается в херсонесской строительной надписи времени правления Юстина II и Софии (565-578)[47]. Скорее всего, фортификационные работы были организованы этим должностным лицом к концу правления Юстина II, когда власти оказались крайне встревожены стремительно нараставшей опасностью со стороны тюркютов и праболгар-утигуров, захвативших в 575/576 г. Боспор. Как будут развиваться дальнейшие события, ромеи не знали, но у них были все основания готовиться к худшему. Спасти от бронированной конницы мог только надежный, грамотно устроенный на удобном рубеже, усиленном самой природой, «каменный щит» из военных укреплений-кастра и фрурионов, с которыми степняки не привыкли иметь дело и которые должны были сыграть роль убежищ для окрестного населения. Обломок надписи, в которой шла речь о возведении новой куртины или оборонительной башни, был найден у южной крепостной стены Херсона, и, очевидно, главные работы велись на этом важном участке обороны, защищавшем «цитадель» города и портовый район (см. рис. 23). Именно тут раскопками К.Э. Гриневича в 1927 г. прослежены следы мощной нивелировочной засыпи, которая датируется второй-третьей четвертью VI в.[48] Источником камня для этого строительства могла быть открытая каменоломня в виде отвесно срубленной на разную глубину материковой скалы на протяжении 40 м, которая находилась неподалеку от башни Зинона (XVII), на месте загородного некрополя, в котором она повредила четыре позднеримских склепа[49]. Следовательно, общее направление прежней политики, проводимой императорами в последней четверти IV – V в. и способствовавшей интеграции города в состав Империи, усилению обороны важного заморского региона, сохранилось здесь после смерти Юстиниана I, более того, вступило в новую, активную, мощную фазу[50]. В промежуток между 550-ми гг. и 575 г. Таврика

[47] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 122–23, №37; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 67–68; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 213–214, №4; *Цукерман К.* Епископы... – С. 560, прим. 45.

[48] См.: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 107–108, комплекс 4.

[49] К.К. Косцюшко-Валюжинич называл в качестве ориентира вырубки северо-западную сторону нижнего монастырского скотного двора. Он отметил, что в насыпи, образовавшейся позднее на месте этой каменоломни, были устроены девять грунтовых могил с одиночными трупоположениями без инвентаря, как это было принято в византийскую эпоху. Один из склепов, несмотря на поврежденный ход, тоже продолжал использоваться, на что указывает находка в нем среди разбросанных костей нательного бронзового крестика, «по-видимому, очень позднего» (Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 36–37; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 112). Следовательно, бытующее у некоторых исследователей представление об отсутствии каменоломен в Херсонесе ошибочно (см.: *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002. – С. 98, 116).

[50] Ср.: IosPE, I2, №449; *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 5–12, №2; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 28–30, №3 (строительная надпись 370–375 гг. с упоминанием префекта претория Востока Домиция модеста, «отца города»с титулом vir perfectissim, а также неизвестного командира отряда баллистариев); IosPE, I2, №450; *Латышев В.В.* Надпись о постройке Херсонесской стены // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 56–59 (надпись 38–395 гг. с упоминанием работ отряда «механиков» под руководством трибуна Флавия Вита и некоего Евферия): *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 7–15, №7 (надпись 488 г. о даровании императором Зеноном денег на ремонт крепостных стен и о строительстве башни

приобрела статус дуката, «столицей» которого стал Херсон. С учетом вышеупомянутых данных нумизматики, эпиграфики и оценки общей политической обстановки в Евро-Азии, это произошло, вероятно, вскоре после 563 г., но до захвата тюркютами Боспора, и было в значительной степени обусловлено ростом опасности со стороны Великого тюркского каганата, стремлением византийских властей лучше организовать силы для отпора, провести военно-административную реорганизацию, объединить провинциальные центры в один округ, активизировать оборонительное строительство на наиболее угрожаемых направлениях и в наиболее важных городах полуострова.

В этом плане особенно показательна надпись 590 г., обнаруженная П.И. Сумароковым в 1803 г. в Тамани, сообщающая о «великих и удивительных подвигах», очевидно, связанных с происшедшим незадолго перед тем освобождением Боспора от тюрок, о возобновлении здесь «великолепного царского здания» (to lampron en bosporoo kaisarion — в оригинале kesarion) и о выполнении этого поручения «благочестивого (eusebes) и богохранимого нашего государя (despotes)» Маврикия (в тексте Magrikis вместо Maurikios) «через собственного своего раба (genesios doulos) Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона (endoxotatos stratelatos kai doukos Chersonos)»[51]. Очевидно, выражением «собственный (истинный, природный, настоящий) раб» Евпатерий стремился подчеркнуть свою особую преданность и покорность императору, какую стало принято выражать византийским чиновникам перед лицом государя (despotes, dominus)[52]. Показной, триумфальный характер надписи подчеркивали изображения двух Ник, которые в VI в. окончательно трансформировались в христианских ангелов и одновременно в персонажи, прославляющие победы государя[53].

Надо заметить, что речь шла именно о строительстве «кесариона», то есть «кесарского» — имперского здания, возможно, дворца, а не о восстановлении обязательно некоего храма, культовой постройки, как иногда полагают. Кесарионами действительно называли прежде римские храмы императорского культа[54], но применительно к христианской эпохе такое было немыслимо. По мнению А.И. Айбабина, подобным образом мог

комитом Диогеном).

[51] *Латышев В.В.* Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1894. – Т. 1. – Вып. 3–4. – С. 662–672; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 105–109, №99. Б.В. Кёне необоснованно приписывал Евпатерию освобождение Боспора и других мест, занятых в Крыму тюрками (Кёне Б. Херсонес // ЖМНП. – 1855. – Ч. 88. – №11–12 (отд. отт.). – С. 44). Как было сказано, последние покинули Боспор в результате успехов не византийского оружия, а дипломатов, добившихся заключения мира в 589/590 г., а также под влиянием собственных внутренних неурядиц. Некоторая кратковременная стабильность в тюркском государстве наступила не ранее 598–600 гг., о чем сообщило посольство хагана, прибывшее в Константинополь (Феофилакт Симокатта. История. – С. 188 (VII. 7. 7–9). Поэтому, надо полагать, подчеркивание «подвигов» носило в 590 г. скорее идеологический характер, в духе обычной ромейской политической пропаганды.

[52] *Латышев В.В.* К надписи Евпатерия // Латышев В.В. ПОНТИКА. – СПб., 1909. – С. 212–217.

[53] Ср.: *Залесская В.Н.* Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 29. – С. 245.

[54] См.: *Ruggendorfer P.* Zum Kaisareion von Alexandria // FREMDE ZEITEN. Festschrift für Jürgen Borchhardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996 dargebracht von Kollegen, Schülern und Freunden. – Wien, 1996. – Bd. 2. – S. 213–223.

быть назван базиликальный комплекс VI в. с мраморными полами и архитектурными деталями, возможно, с крещальной купелью-резервуаром примерно 1 х 1 м, реконструированный боспорцами в районе церкви Иоанна Предтечи, в портовой части города[55]. Однако исследование сочетания циклов обнаруженной в слое керамики позволяет заключить, что эта общественная постройка возникла в конце второй четверти VI в. и просуществовала до конца VI—начала VII в., то есть как раз до того времени, когда стараниями дуки Евпатерия был возобновлен «кесарион»[56]. Надо также учесть, что такого рода сооружения, если даже они не имели баптистерия, были связаны с литургической практикой, отвечали интересам Церкви, и это обстоятельство — обстоятельство особой святости, а не пышности (to lampron) постройки — не могло не оказаться отмеченным в строительной надписи на ней, чего нет. В любом случае подразумевалось восстановление конкретного «царского здания», не исключено — боспорской резиденции дуки, а не в переносном значении — византийского правления. Последнее формально не прекращалось здесь со времен если не императора Юстина I (518-527), то начала правления Юстиниана I (527-565), за исключением непродолжительных моментов, когда город оказывался в руках гуннов или тюркютов[57]. Но ромеи не предавали значения таким случайным, непродолжительным превратностям судьбы, смотря на здешние крымские земли как на законное и потому неотчуждаемое наследие, которое они пока еще не собирались делить с «варварами». Недаром Иоанн Малала подчеркивал, что после событий, связанных с убийством гуннского вождя Грода в Боспоре, и ввода в город проконсула Иоанна с готским войском (meta boetheias Gotthiaes), кораблей с экзархом и солдат стратига Вадуария «мир был восстановлен в Боспоре, населенном ромеями» (kai gegonen en eirene e Bosporos, ypo Romaion oikoumene)[58].

---

[55] *Айбабин А.И.* Боспор в конце VI – VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 5.

[56] *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VI – начале VIII вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 475–483.

[57] Жители Боспора были подчинены не позже 30-х гг. VI в. имперским «военачальникам», среди которых был, судя по данным нарративных и эпиграфических источников, трибун, возглавлявший имперский экспедиционный отряд войск, в который, по данным Иоанна Малалы, входили «италийцы, называемые испанцами». См.: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами // *Прокопий Кесарийский.* Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 36 (I. 12. 6–8), 93 (II. 3. 40); *Прокопий Кесарийский.* О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 249 (III. 7. 12); Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 431–432; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, Бревиарий «Никифора»: Текст, пер., коммент. – М., 1980. – С. 51; ср.: *Васильевский В.Г.* Турки в Херсонесе в VI веке. – С. 114 сл.; *Кулаковский Ю.А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI века // ВВ. – 1896. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 5; *Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 34–35; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 88; *Домбровський О.Ш.* Середньовічний Херсонес // Археологія Української РСР. – К., 1975. – Т. 3. – С. 443; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 68; *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 45; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 94–97; *Храпунов Н.И.* О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

[58] Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 433. 1–2 (XVIII).

Дуки, как и комиты rei militaris — командующие частями регулярной армии, размещенными в отдельной провинции, были прежде всего начальниками войск пограничных округов или командирами укрепленных городов-крепостей, верховными представителями военной власти на территории того или иного пограничного округа, но иногда имели в своем распоряжении и регулярные контингенты полевых армий, то есть относились к высшему командованию военных сил эпархий, тогда как, если говорить о стратилатстве только как о звании, чине, сане бюрократического аппарата (lamprois axiomasi), оно соответствовало в VI-VII вв. сану апоэпарха — отставного эпарха, который прилагался к служащим ведомства префекта претория или префекта города в ранге сенаторского cursus dignitatum[59]. По своему уровню титул стратилата был близок к не очень высоким «степеням» ипата, отставного ипата, апоипата, вестиария или силенциария и следовал после них[60]. Жалованье за это звание не предусматривалось.

Главными должностными занятиями дуков были военное дело и военная служба. Скажем, из писем епископа Синезия от 411 г. следует, что в Киренаике всеми гражданскими делами, фискальными вопросами ведал презид провинции Геннадий, тогда как дука Анисий занимался вопросами обороны, налаживанием дисциплины в войске, в котором ранее «недисциплинированность солдат соответствовала жадности командиров», а ныне, в 411 г., лучшая часть молодежи Киренаики встала под императорские знамена[61]. Дуки обычно избирались из числа дворцовой знати. Как можно понять, их должность, как и должность презида эпархии, покупалась при дворе за деньги, которые потом компенсировали за счет притеснения жителей провинции[62].

Согласно «Стратегикону» Маврикия, в конце VI—начале VII в. дука мог командовать огромным отрядом (moira) числом от 2 до 3 тыС. человек, а если он был еще и стратилат, полководец (magister militum), тогда это означало, что он являлся одним из трех мерархов, а именно тем, который возглавлял среднюю меру (meros), и считался ипостратигом — вторым лицом после стратига[63]. Вместе с тем хронист VI в. Иоанн Малала совершенно определенно называл стратилатство саном. Он приводит случай, когда им был почтен комит и доместик[64]. Но тот же Иоанн Малала упоминает дукса

[59] *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philothees. – London, 1911. – P. 23–24; ср. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – С. 670; *Ostrogorsky G.* Die byzantinische Staatenhierarchie // Seminarium Kondakovianum. – Praha, 1936. – T. 8. – S. 41–61; *Durliat J.* Magister militum – Stratelates dans l'Empire Byzantin (VIe–VIIe siecles) // BZ. – 1979. – Bd. 72. – P. 306–320; *Kazdan A.* Doux // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 659.

[60] *Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 119; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. Und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S. 39.

[61] Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpreteter D.Petavio // PG.–1863 – T. 66.– Col. 1364, 1460, 1576.

[62] Synesii episcopi Cyrenes opera... – Col. 1392–1393, 1400.

[63] Das Strategikon des Mauricius / Ed. G.T. Dennis, E. Gamillscheg. – Wien, 1981. – I. 3–4; Durliat J. Magister militum – Stratelates–P. 307 sq.

[64] Ioannis Malalae Chronographia. – P.339. 9; *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в словянском переводе: Книга одиннадцатая и четырнадцатая // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН. – СПб., (1913) 1914. – Т. 90.– №2. – С. 8 (XIII. 1. 1).

Палестины (o doux Palaistines) и стратилата Армении (stratelates Armenias), причем и тот и другой в его описании несли военные функции, имели в подчинении военных людей[65]. Как обычно, в администрации Средневековья грань была зыбкой, а функции смешивались. К слову, стратилату подчинялся и комит федератов — военачальник союзных войск[66]. Это надо особо отметить, учитывая вполне вероятные тесные взаимоотношения херсонских дук, в том числе стратилата Евпатерия, с крымскими «энспондами» (enspondoi) — союзниками Империи, как несколько архаично именовал местных федератов Прокопий Кесарийский. Как раз для осуществления этих целей существовали толмачи — ерминевты (ermeneutai)[67]. Два моливдовулы такого переводчика, Стефана, известны среди сфрагистических материалов Херсона именно второй половины VI—первой половины VII в.[68]

В представлении агиографов стратилат предстает как правитель ромейского города, вершитель гражданского правосудия (церковный суд олицетворял епископ), как судья, выносивший приговоры и отдававший приказы о приведении наказаний в исполнение[69]. Из Жития Симеона Столпника (389-459), написанного его учеником Антонином в последней трети V в., следует, что подобные должностные лица занимались наведением порядка в окрестностях города, организовывали общественные торжества, обеспечивали перенос мощей[70]. И через двести лет в их компетенции бывали сугубо гражданские, финансовые, налоговые дела, как можно понять по печати 679/681 гг., которая принадлежала Косьме, стратилату и главному коммеркиарию таможенных складов и округов Еленопонта (stratilatou kai genikou kommerkiariou apothekes Elenopontou)[71].

Скорее всего, мы имеем дело с многозначным понятием. Стратилат в значении «полководец» мог обозначать командующего армией, с подчиненными ему военными командирами, а также командующего областью, мерой или фемой, но по своему положению соответствовал также должности tribunus civitatis, отчего в VI в. на него возлагались функции гражданского управления тем городом, куда он назначался военным комендантом[72]. Дука тоже отвечал за военную защиту вверенной ему области,

[65] Ioannis Malalae Chronographia. – P. 381. 5; 382. 15–16; 429. 17.

[66] *Durliat J.* Magister militum – Stratelates dans l'Empire Byzantin (VIe–VIIe siecles). – P. 312.

[67] *Шандровская В.С.* Византийские печати переводчиков // Albo dies notanda lapillo; коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой / Под ред. В.Я. Якубского. СПб.: Алетейя, 2005. – С. 109–115; *Miller D.A.* Imperial Constantinople. New York: J. Willey and sons, 1969. 226 p.

[68] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 206, №14, 15; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым // АДСВ. – Вып. 26. – Барнаул, 1996. – С. 193–194, рис. 4. В VII в. ton basilikon ermeneuton причислялись к канцелярии ведомства логофета дрома, которое ведало почтой и внешними сношениями (*Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 312).

[69] *Пайкова А.В.* Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // ПС. – 1990. – Вып. 30 (93). – С. 56, 95, 100.

[70] (Антонина) Житие иже во святых отца нашего Симеона Столпника // ППС. – 1907. – Вып. 57. – Т.19. – Вып. 3. – Sec. 23, 28, с. 83–85.

[71] *Лихачев Н.П.* Датированные византийские печати // ИРАИМК. – 1924. – Т. 3. – С. 193, тип VI, 1; *Шандровская В.С.* Сфрагистика // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже: Каталог выставки. – СПб., 1994. – С. 181, кат. 268. Как уже указывалось выше, звание стратилата соответствовало сану апоэпарха, который нередко имели главные коммеркиарии.

[72] *Grosse R.* Rumische Militergeschichte von Gallienus bis zum beginn der byzantinischen Themenverfassung.

руководил войском и гражданской администрацией, назначал и смещал чиновников, командовал комендантами городов и крепостей (трибунами или комитами), хартулариями — военными администраторами, управлявшими отдельными частями дуката, осуществлял полицейские функции, контролировал действия судебных инстанций, сам проводил публичные судебные заседания в присутствии заседателей в главном городе своего округа, где он принимал апелляции нижестоящих судов, ведал финансами и поступлениями налогов, следил за церковным управлением, организовывал епископские выборы[73]. Таким образом, он был военным командиром и одновременно имел весьма широкие и хлопотные административно-территориальные полномочия, соединял военную власть с гражданской, короче говоря, являлся своеобразным военно-гражданским «губернатором» области. Все это вполне увязывается с политикой Юстиниана I и его ближайших преемников по сосредоточению гражданской и военной власти в провинциях в руках одного должностного лица[74]. Нетрудно заметить, что дука Херсона, действовавший в правление Юстина II (565-578) вместе с неким светлейшим Феагеном (doukos Ch[ersonos... tou lamp[rotatou... Th]eag[enous), может быть, архонтом или «отцом города», тоже был распорядителем общественных, скорее всего фортификационных, строительных работ[75]. Весьма примечательно, что в ранневизантийской агиографии слова stratelates и doux были тождественны, абсолютными синонимами и использовались для обозначения верховного представителя имперской власти в провинции, наместника[76].

Таким образом, сочетание должности стратилата и дуки (stratelatou kai doukos), а также деятельность столь высокого чиновника одновременно в Херсоне и в Боспоре позволяют полагать, что Евпатерий, упомянутый в надписи из Тамани, являлся представителем верховной власти Империи в Юго-Западной, Южной и Восточной Таврике, командовал как верховный военный чиновник вооруженными силами Херсона и в то же время осуществлял высшую административную и судебную власть, нес гражданскую службу, главные функции гражданского управления в разных центрах полуострова[77]. Но, поскольку стратилатство стоит в надписи перед должностью дуки, это указывает, что последняя занимала более высокое место в административной иерархии[78].

– Berlin, 1920. – S. 148.

[73] *Гийу А.* Византийская цивилизация. – С. 117, 152; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат: Византицы в Италии. – М., 2001. – С. 74, 75.

[74] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey.- Oxford,1964. –Vol. 1.– P. 282–283; Vol. 2. – P. 567.

[75] *Аатышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 121–123, №37; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма. – С. 213–214; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 132.

[76] См.: *Войтенко А.А.* Социальный контекст монашеского движения... – С. 28–29, прим. 29, 31.

[77] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона... – С. 123–124.

[78] Примечательно, что отечественные историки поначалу интерпретировали Евпатерия как «полководца и начальника Херсона» и лишь позже стали разделять термины «стратилат» и «дукс» как ранг и должность, что надолго утвердилось в историографии (ср.: *Кёне Б.* Херсонес // ЖМНП. – 1855. – Ч. 88. – №11–12 (отд. отт.). – С. 44; *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времен императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т. 16. – С. 85; *Бобринский А.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 94; *Шестаков С. П.*

По убедительному предположению А.И. Айбабина, дука Херсона мог руководить строительством укреплений, размещением в новых крепостях гарнизонов из местных алано-готов, а также назначать (точнее, утверждать) управляющих — «простатевонтов» в крымские кастра и полисмы-города, крепости и протогородки, число которых только в Юго-Западной Таврике, если верить позднейшим данным Никифора, было не меньше двух десятков[79]. В специальных исследованиях по поводу содержания терминов «кастрон» и «полисма» историки пришли к выводу, что первый мог обозначать и укрепленные поселения с ярко выраженными городскими функциями, и крепости-полисы, тогда как второй использовали, чтобы показать статус, близкий к городу, небольшой городок[80]. Видимо, добавление южного берега Крыма позднее увеличивало число таких центров вдвое. Не случайно Вильельм (Вильгельм) Рубрук в 1253 г. писал в донесении о сорока крепостях, что существуют «между Керсоной и Солдайей» (Херсоном и Сугдеей)[81], а городище на плато Чуфут-Кале сохранило с того же времени воспоминание об этом в своем татарском названии — Кырк-Ор («Сорок крепостей»). Все это отвечало постепенному совмещению в понятии византийцев терминов «город» и «укрепление»[82]. Поэтому собственно термин polisma всегда был связан в византийских источниках с городским контекстом и означал небольшой городок, хотя мог использоваться и как синоним для полиса или кастрона, византийской крепости. К примеру, именно так называли Месемврию и Филиппополь[83]. В этом плане весьма показательным является моливдовул диаметром 25 мм из Парфенита — типичного полисматона, — с погрудным изображением Богоматери Никопеи с младенцем перед грудью (диска нет) и крестообразной монограммой на обороте, которая может быть раскрыта как «[печать] Константина дуки» (рис. 29)[84]. Впрочем, для имени

Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 12).

[79] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 156, 164; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 68; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 226.

[80] *Lefort J.* Villages de Macedoine. 1. La Chalcidique occidentale. – Paris, 1983. – P. 100; *Gregory T.* Kastro and Diateichisma as Responses to Early Byzantine Frontier Collapse // Byzantion. – 1992. – T. 62. – P. 252–253; *Dunn A.* The Transition from polis to kastron in the Balkans (III–VII cc.): General and Regional Perspectives // Byzantine and Modern Greek Studies. – 1994. – №18. – P. 60–80; *Haldon J.* The Idea of the Town in the Byzantine Empire // The Idea and Ideal of the Town Between Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Brogiolo, Ward-Perkins. – Leiden; Boston; Köln, 1999. – P. 12–18; *Гоголев Д.А.* Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2002. – С. 21–22; *Миланова А.* Типология на укрепените селища в България под византийска власт (според лексиката на византийските автори) // Civitas Divino-Humana В чест на професор Г. Бакалов. – София, 2004. – С. 240–245, 246–247.

[81] *Иоанн де Плано Карпини.* История Монголов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. – С. 68.

[82] Подр. см.: *Kazdan A.* Polis and kastron in Theopanes and in Some Other Historical Texts // Eupsychia: Melanges offerts a Helene Ahrweiler. – Paris, 1998. – T. 2 (Byzantina Sorbonensia, 16). – P. 345–360.

[83] *Kazhdan A.* Byzantine Town and Trade as Seen by Niketas Choniates // BS. – 1995. – T.56. – F.1. – P.212; *Миланова А.* Типология... – С. 246–247.

[84] См.: *Панченко Б.А.* Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 163, рис. 5. Подобная интерпретация моливдовула предложена Е.В. Степановой, но полной аналогии ей подобрать не удалось.

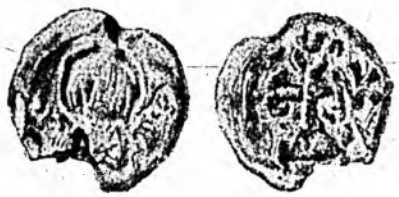

Рис. 29. Моливдовул второй половины VI – VII в. из Парфенита. Диаметр – 25 мм (по Б.А. Панченко)

KWNCTANTINOV здесь отсутствуют буквы W и T, если только эта лигатура не скрыта в левом плече крестовидной монограммы в виде горизонтальной T и вертикальной W. Зато лигатура слова «дука» – D и A – просматривается вполне отчетливо. Лик Богоматери на данном типе округлый, изображение рельефное, но не выпуклое; мафорий трактован дугообразными полукруглыми линиями, со штриховой манерой в передаче складок.

Известен еще один, но хуже сохранившийся экземпляр подобной печати, которая недавно была приобретена в Севастополе и находится в коллекции К.Д. Смычкова[85]. Ее диаметр 23 мм, толщина 5 мм, вес 10,3 г. Оттиск смещен вправо, по линии канала металл выпал с лицевой стороны, к тому же печать погнута. Тем не менее на лицевой стороне просматривается поясное изображение Богоматери с младенцем перед грудью и четырехконечные крестики по сторонам. Отличительной особенностью является постановка согнутых в локтях, широко расставленных рук Богоматери, держащей Христа. Ее лик удлиненный, изображение в высоком рельефе, торс более выпуклый, особенно предплечья и согнутые руки, но мафорий не выделен, в трактовке одежд отсутствуют штрихи. Христос уже с нимбом (крещатым). На обратной стороне моливдовула в лиственном ободке монограмма имени и должности. Слева лигатура NE, вверху – OV, под ней – T, справа – K, внизу – DA, что дает возможность прочитать зашифрованное как KWNCTANTINOV DOVKA (Konstantinou douka). Хотя лигатура внизу монограммы вышла гораздо хуже, чем на печати из Парфенита, общее очевидное совпадение остальных деталей позволяет достаточно уверенно предположить, что перед нами аналогичный экземпляр моливдовула дуки.

Печати не слишком разнятся по времени: тип первой, очевидно, близок к концу правления Юстина II, тогда как вторая известна среди типов моливдовулов первой половины VII в. Во всяком случае, удлиненный овал лица, отсутствие деталировок в одежде, младенец Христос с нимбом – элементы изображения Богоматери, встречающиеся уже на буллах императора Фоки (602-610). Показательна и эпиграфика монограммы, которая исполнена литерами с прямыми линиями. Их кончики не имеют утолщений. Только литера T и лигатура слова «дука» несут следы прямых черточек, хотя и они без утолщений. Такие особенности характерны для печатей первой половины – середины VII в. К третьей четверти этого столетия все литеры на моливдовулах отличаются характерными клиновидными утолщениями на концах. Следовательно, обе крымские печати, особенно печать из собрания К.Д. Смычкова, близки ко времени первой половины VII в. Видимо, в это время дука распоряжался на землях визан-

[85] Приношу искреннюю благодарность К.Д. Смычкову за любезное разрешение опубликовать эту печать.

тийской Таврики, сочетая военную и гражданскую власть, и, значит, здесь еще действовал режим ромейского дуката.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 гг., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, самих императоров, о чем свидетельствуют находки двух моливдовулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (около 616-625 гг.)[86]. Не исключено, что они скрепляли документы, адресованные главному должностному лицу в Таврике, которым на тот момент мог быть только дука. Невозможно согласиться с тем, что ко второй половине VII в. он из центра византийской эпархии, более того, дуката превратился лишь во «внешний торговый пункт в системе византийской клиентуры», то есть практически отошел от Империи, стал самостоятельным[87]. Указанные выше моливдовулы из полисматона Парфениты и из полиса-кастрона Херсона еще один весомый аргумент в пользу сохранения ромейского присутствия и ромейской власти на полуострове. Сфера влияния дуката продолжала включать города, округа-архонтии, кастра, полисмы и прочие поселения Таврики от Херсона до Боспора, соседями которых стали бежавшие от хазар булгары-оногуры, как и аланы с готами, получившие статус федератов Империи и сохранявшие с ней дружественные отношения[88]. Ссыльные монахи-антимонофелиты Феодор и Евпрепий находились в этих кастра в середине VII в. именно потому, что они оставались под византийским контролем, а не «во власти готов или непосредственно хазар» (последних здесь в это время еще не было и не могло быть).

Дукат был формально ликвидирован и заменен архонтатом не «в течение VII в.»[89], а не ранее последней четверти этого столетия, поскольку соседство Крымского полуострова с могущественной Хазарией, установившееся к этому времени, вызвало необходимость оформления на здешних землях нового статуса — византийско-хазарского «кондоминиума», предусматривавшего взаимное мирное сотрудничество. Это обстоятельство не могло не заставить византийцев отказаться от политического режима дуката, с его обязательным военным присутствием в пограничном анклаве, и перейти к более гибкому режиму архонтата с его иллюзией псевдоавтономии, в котором городу было суждено оставаться вплоть до конца 30-х — начала 40-х гг. IX в., когда он был возведен в ранг государственной военно-административной единицы — фемы в связи с развалом все того же «кондоминиума»[90]. Расправа, учиненная Юстинианом II над двумя десятками окрестных простатевонтов (ton

[86] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52.– С. 204, №3; *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон ... – С. 145–146, №8–9.

[87] Ср.: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 168.

[88] *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 32; *Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 148.

[89] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 569.

[90] Ср.: *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 376, map 11; p. 443.

Рис. 30. Тиверий Маврикий. Миниатюра XV в. из Моденской рукописной хроники Иоанна Зонары (Mutinensis graecus 122) (по В. Тредголду)

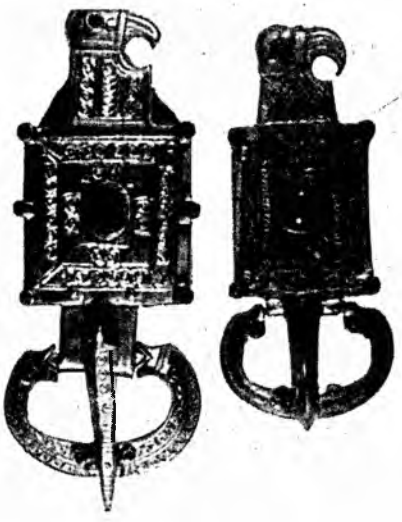

Рис. 31. Серебряные пряжки VI–VII вв. из могильника под Мангупом (по А.Г. Герцену, О.А. Махневой-Чернец)

eteron prostateuontas polismaton) в 710 г., свидетельствует в пользу того, что, несмотря на установление с конца VII в. особых византийско-хазарских отношений в Крыму, обширная внегородская зона оставалась в подчинении властей Херсона — центра военно-административного округа, на тот момент уже архонтата, в свою очередь включавшего ряд более мелких округов, и даже в момент сурового испытания это единение не было поколеблено: карательные акции не заставили широкие слои населения местных, региональных «архонтий», «полисм» видеть в византийцах завоевателей и врагов[91].

Следует учесть, что Херсонес всегда стремился иметь у своих границ зависимое или полузависимое местное население и, если верить херсонским патриографам, задолго до строительства укрепленных кастра в ранневизантийской Юго-Западной Таврике, в конце III—начале IV в. располагал некими «соседними крепостями» (ton plesiochoron kastellion), из которых в случае нужды черпал войска[92]. Впрочем, это не исключало возможности разделения власти дуки с архонтами Херсона и прочих местных, наиболее крупных и важных городов и поселений полуострова. Так, во время восстания самарян в Палестине дукс этой провинции совместно с архонтом Палестины просил помощи у императора Юстиниана I[93].

Дуки осуществляли верховные полномочия власти как над городом, так и над прилегающими территориями, границы которых обычно совпадали с границами церковного диоцеза, включавшего иногда несколько епархий[94]. К приме-

[91] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – С. 156, 164.

[92] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 246, 247, гл. 53. 29.

[93] Ioannis Malalae Chronographia. – P. 447.

[94] Ср.: *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568–751). – Paris, 1888. – P. 6–23, 81–93 sq.; Mengozzi G. La citta italiana nell'alto

ру, ближайшие к Таврике дукаты с пограничными силами находились в Скифии и Нижней Мезии, на западном берегу Понта[95]. Это объясняет, почему во второй половине VI—VII в., по крайней мере в правление Маврикия Тиверия (582-602) (рис. 30), власть византийской высшей администрации распространялась вплоть до Боспора, что к тому же имело, судя по рассказу Константина Багрянородного о войне херсонесцев с боспорским царем Савроматом, какие-то давние исторические обоснования[96]. Об этом контроле может свидетельствовать и текст ранневизантийского трактата из собрания ГИМ, в котором упоминается «Таврический Херсонес с Кафой и Симболон» как одна из европейских римских провинций — эпархий[97]. В данном случае под Кафой следует понимать западные пределы Боспора — сельскую территорию, простиравшуюся от предгорий Крымских гор, вероятно, до Акмонийского перешейка[98]. М.А. Шангин датировал трактат концом IV в., но упоминание в нем Рагузы позволяет сдвинуть составление источника на два столетия позже[99]. Тогда становится понятным появление в это время эпархии, охватывавшей побережье Крымского полуострова от Херсона до пределов Боспора и ее трансформация в византийский дукат. Он продержался, вероятно, вплоть до появления хазар в Таврике, то есть более ста лет, чем и объясняется отсутствие сфрагистических и других свидетельств о херсонских имперских архонтах в VII в.

В условиях византийского присутствия в этом крайнем восточнокрымском городе со второй половины VI—начала VII в. развернулось производство пальчатых фибул керченского типа и типа «Аквилея», а также орлиноголовых пряжек с щитками, отлитыми с изображением головы орла или сокола, которые попадали не только в Херсон и центры Юго-Западной Таврики (Эски-Кермен, Мангуп), но и Поднепровье (рис. 31)[100]. Видимо, их распространение объяснимо не только торговыми контактами, но и миграцией населения с территории Керченского полуострова, что совпадает по времени с появлением массы новых могильников на южнобережье, а также в предгорном и горном Крыму[101]. Угроза со стороны тюркютов и тут сы-

medio evo. II periodo longobardo-franco. – Roma, 1914. – P. 145–215.

[95] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – P. 245, map 7.

[96] После последней, третьей, херсоно-боспорской войны в 340-е гг. протевон «страны херсонитов» Фарнак передвинул пограничные знаки (orothesias) от мест, называемых Кафа (Kapha), до Киверника (Kyberniko) – Киммерика, очевидно, до пересечения Керченского полуострова Узунларским валом (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 254–259, гл. 53. 169–227). Раскопки подтверждают, что на этом рубеже в первой половине IV в. было проведено обновление оборонительной системы как следствие передвижения границы (*Ланцов С.Б., Голенко В.К.* О западной границе Боспора в IV в. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 1999. – С. 177–181).

[97] *Шангин М.А.* Новый географический трактат // ВДИ. – 1938. – №4. – С. 252–255.

[98] *Катюшин Е.А.* Феодосия. Каффа. Кефе: Исторический очерк. – Феодосия, 1998. – С. 50–51.

[99] *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. – 1994. – Вып. 4. – С. 560, прим. 47.

[100] *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма ... – С. 70–71; *Aibabin A.I.* Goti in Crimea (secoli V–VII) // I Goti. – Milano, 1994. – P. 130–131, fig. II, 42, 43; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 150, рис. 63, 2–3, 64, табл. XXIX, 19; *Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. –Керчь, 2002. – С. 5–8.

[101] См.: *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора. – С. 366.

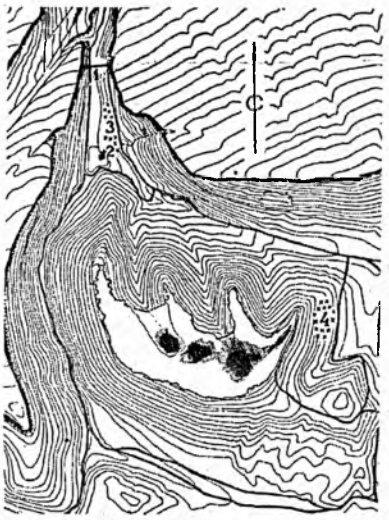

Рис. 32. Округа Мангупа. 1 – оборонительная стена и поселение в балке Каралез; 2 – раннесредневековая базилика; 3 – могильник VI–X вв. в балке Алмалык-Дере (по В.А. Сидоренко)

грала свою роль, но это не значит, что она привела к необратимым изменениям. Новая концепция истории позднеантичного-ранневизантийского Боспора, предложенная А.В. Сазановым, позволяет говорить о том, что в постюстиниановское время его развитие шло по византийской модели и Боспор остался частью ромейского мира. По мнению автора концепции, история ромейского Боспора завершилась только в конце VII—первой половине VIII в., с приходом хазар[102], что, однако, не исключает и в последующем сохранения значительного византийского влияния в этом греческом в своей основе городе[103].

Уже к середине VI в. в горном Крыму была создана оборонительная система из «больших (высоких) стен» или «длинных стен» (teichismasi makrois), как называл эти укрепления Прокопий Кесарийский, завершивший к 560 г. свой труд «О постройках» императора Юстиниана I[104]. Видимо, они закрыли стратегически наиболее важные клисуры, проходы (tas eisodous) – крупные балки, ущелья, по которым со стороны степи или с побережья можно было попасть в Юго-Западный Крым и, самое главное, на плато Мангупа – центр «страны Дори», территория которой установилась после оформления между местным населением и Византией союзнических отношений[105]. Особенно наглядно следы таких двухпанцирных стен, сложенных не позже середины VI в. из крупных известняковых блоков с забутовкой на известковом растворе с примесью песка и гальки, прослеживаются у подножия Мангупа, в балке Каралез (Сторожевая), и к северу от Эски-Кермен, поперек ущелья Текме-таш (рис. 32)[106]. Судя

[102] *Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. – 1991. – №2. – С. 25; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 39–40; ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 185–187.

[103] См.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 41–46, прим. 120; *Науменко В.Е.* Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность – средневековье): Материалы I Боспорских чтений. – Керчь, 2000. – С. 96–105; *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 501.

[104] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae,1964. – Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 13–17.

[105] *Фирсов А.В.* О положении страны Дори в Таврике // ВВ. – 1979 – Т. 40 – С. 106–113; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона... – С. 121; *Герцен А.Г.* Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 261–263; ср.: *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 69–70.

[106] *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. – С. 114 –115; *Мыц В.Л.* Укрепления... – С. 69.

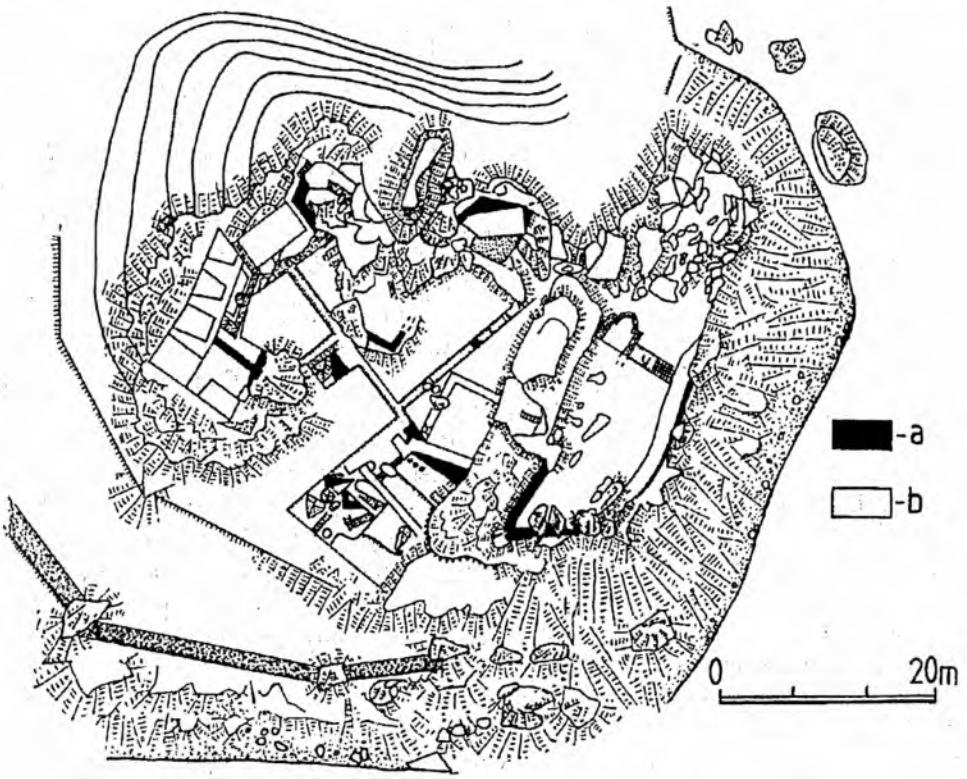

Рис. 33. План раскопок на территории Гурзуфской крепости (а – строительные остатки VI–VIII вв.; б – оборонительные стены XIV–XV вв. (по О.И. Домбровскому)

по описаниям Эвлия Челеби, некая древняя стена, создание которой он приписывал татарам, перегораживала ущелье Салачик недалеко от Бахчисарая[107]. Кроме того, такие teichismasi makrois, очевидно, стоившие дешевле оборудования крепостей, целесообразно было бы сооружать поперек наиболее населенных, плодородных речных долин, но следы их здесь особенно трудно отыскать: активная человеческая деятельность давно обрекла готовый строительный материал на переработку.

На южном берегу, в Гурзуфе, на скале Дженевез-Кая, и в Алуште на вершине высокого холма в 200 м от моря, продолжительное время сохранялись воздвигнутые тогда же, хорошо укрепленные византийские пункты, сторожевые посты, базы для дислокации военных сил — «фруры Алустон и в Горзувитах», следившие, разумеется, не за степью, а за крымским побережьем, морем и, вероятно, реанимировавшие старую римскую систему контроля за каботажным плаванием, особенно между Херсоном и Боспором (рис. 33-34)[108]. Это были именно не города-полисы, а

[107] *Эвлия Челеби.* Книга путешествий. – Симферополь, 1996. – С. 9–96.

[108] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J.Haury, G.Wirth. – Lipsiae:Teubner,1964.–Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 11; ср. *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым: Могильники

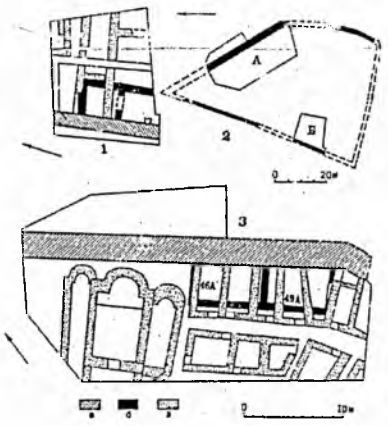

Рис. 34. План-схема раскопок Алустона (по В.Л. Мыцу)

укрепления военного характера, цитадели, иногда убежища для окрестного населения, хотя, как отмечали византийские историки, находившиеся в известной зависимости от города[109]. Уже в силу своего расположения эти сторожевые посты не годились на роль охранников «символических ворот с Эвксинского Понта вглубь полуострова»[110]. Их легко можно было миновать стороной. Но устроенные на особенно опасном из-за подводных рифов морском участке побережья близ скал Адалар, они сделали морское сообщение более надежным и безопасным[111]. Следует подчеркнуть, что и то и другое, наряду с ремонтом оборонительных стен Херсона и особенно Боспора, было проделано до конца 50-х гг. VI в. и, вероятно, осуществлялось параллельно одно другому. Взаимосвязь или какие-либо этапы здесь трудно уловить: общестратегический план, если таковой существовал, зависел от финансирования, весьма нерегулярного.

Конец правления Юстиниана и его ближайших преемников, надо полагать, преимущественно Юстина II (565—578) и Тиверия II (578—582), вплотную столкнувшихся с тюркской военной угрозой, прошел в Крыму, очевидно, под знаком совершенствования этой системы обороны. Прежняя линейная система защиты, устроенная по отдельным ущельям, балкам, долинам, показала свою слабую пригодность в новых условиях, когда пришлось иметь дело с крупными конными отрядами противника, способного заполонить все окрестности и отважиться не просто на набег, а на долговременную оккупацию территории. Поэтому рядом с «большими стенами» на возвышенных плато Второй гряды, предназначенными служить убежищами, начинают строиться опорные крепости, где, наряду с наземными фортификационными сооружениями, прямо в скале, на вершине обрывов высотой в несколько десятков метров, вырубают наблюдательные пункты, сторожевые площадки, склады, ямы-зернохранилища, подсобные помещения. Эти надежно укрепленные самой природой и людьми ключевые форпосты лишали врага стратегического преимущества, даже если он прорывался на одном из участков обороны, причем

IV–VII вв. // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 64; *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым. – С. 96. Термином «фрурия» ромеи обозначали поселения, выполнявшие функции, присущие крепостям (*Гоголев Д.А.* Города и крепости Византии... – С. 22).

[109] *Kazhdan A.* Byzantine Town and Trade as Seen by Niketas Choniates // BS. – 1995. – T. 56. – F. 1. – P. 213; *Миланова А.* Типология на укрепените селища в България под византийска власт (според лексиката на византийските автори) // CIVITAS DIVINO-HUMANA В чест на професор Георги Бакалов. – София, 2004. – С. 247–248.

[110] Ср.: *Вус О.* Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукови зошити історичного факультету. – 2003. – Вип. 5–6. – С. 39–40.

[111] *Зеленко С. М.* Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис. ... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004 (рукопись). – С. 125.

не только со стороны побережья, как это было прежде. Кроме того, они обеспечивали более надежную защиту окрестного мирного населения и византийских федератов из «хоры Дори», которые отныне получили возможность укрываться за их стенами в случае внезапных появлений конных вражеских отрядов и дожидаться их ухода.

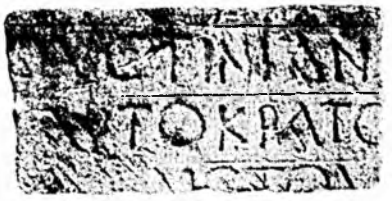

Рис. 35. Обломок строительной надписи с Мангупа с именем автократора Юстиниана (по В.В. Латышеву)

Таким образом, анализ общеимперской военно-политической ситуации позволяет думать, что рывок в оборонительном строительстве в Юго-Западном Крыму должен был прийтись не на конец правления Юстиниана, 50-е — первую половину 60-х гг., когда оно, видимо, только началось на плато Мангуп (рис. 35)[112], а на конец самостоятельного правления Юстина II и начало кесарства Тиверия (с 574 г.). Действительно, до этого времени, в 527–541 гг. и в преддверии ирано-византийской войны за Колхиду (середина VI в.), основные усилия византийцев в Причерноморье были сосредоточены на оборонительном строительстве абазгских, апсилийских, мисимианских, лазских укреплений для защиты перевальных путей, прикрывавших владения Империи от набегов через горы, с севера, и с востока, от персов, и позволявших контролировать связи побережья с Северным Кавказом[113]. В конце правления Юстиниана I византийское правительство искусно использовало аваров для поддержания мира в Причерноморье и, значит, до середины 60-х гг. VI в. надобности в массовом строительстве сложных оборонительных сооружений здесь возникнуть не могло[114].

---

[112] На это указывает известная, остающаяся до сих пор уникальной для всех прочих кастра Юго-Западной Таврики находка Р.Х. Лепера в 1913 г. фрагмента надписи с упоминанием «автократора Юстиниана», которая оказалась на части известняковой плиты (0,47 х 0,23 х 0,07 м) среди камней, вторично использованных в качестве стройматериала при устройстве одной из могил с левой стороны центрального нефа большой мангупской базилики (Производство археологических раскопок: Таврическая губерния. Раскопки в Мангупе // ОАК за 1913–1915 годы. – Пг., 1918. – С. 74–75; *Латышев В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 18–19, рис. 1; *Тиханова М.А.* Базилика // МИА. – 1953. – №34. – С. 386; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 197). Предложенная А.Ю. Виноградовым ее интерпретация и датировка позволяют считать, что с учетом строительной политики Византии в Северном Причерноморье и отсутствия упоминания о строительстве на Мангупе у Прокопия в трактате «О постройках», написанном к 560/561 г., сооружение неких военных объектов могло вестись здесь не ранее 562–563 гг. Это вполне соответствует указанному в надписи XI индикту, заставляющему вспомнить и боспорскую надпись о строительных работах трибуна Ангула (*Виноградов А.Ю.* К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ANAXAPSIS. Памяти Ю.Г. Виноградова (X сб. – Вып. 11). – Севастополь, 2001. – С. 70–71). А.Г. Герцен относит создание крепостного ансамбля Мангупа вместе с его базиликой к «последнему десятилетию правления Юстиниана I» (*Герцен А.Г.* Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангупа по археологическим данным // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. – Керчь, 2006. – С. 68, 69).

[113] В VI–VIII вв. большинство этих крепостей, представлявших звенья общеколхидской системы обороны ущельных проходов (клисур), утратили свое значение, а вдоль Клухорского перевального пути возник ряд крепостей иного характера (см.: Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. – 2002. – Вып. 12. – С. 338).

[114] См.: *Дайм Ф.* История и археология авар. – С. 275.

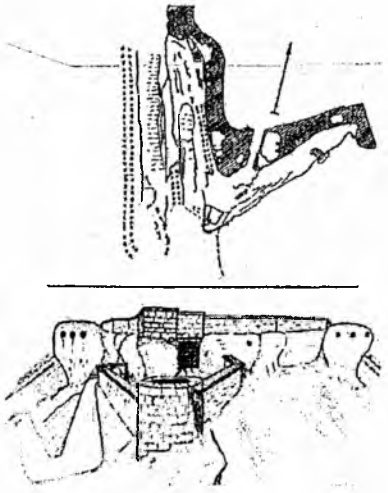

Рис. 36. Южный оборонительный узел и главные ворота кастрона на Эски-Кермене. Ситуационный план (по Е.В. Веймарну) и реконструкция С. В. Семенюка

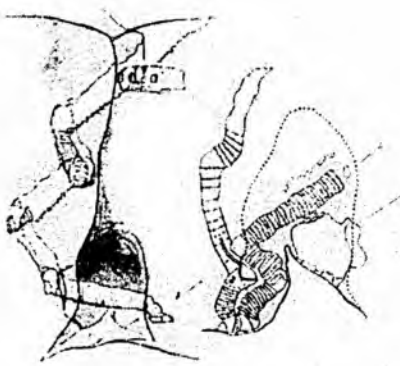

Рис. 37. Осадный колодец кастрона на Эски-Кермене. План и разрез (по Е.В. Веймарну)

Тюрки как новая могущественная сила появились на исторической арене только к началу – середине VI в., когда началась их консолидация и движение на Запад. В зоне интересов Византии они оказались к 562 г., разгромив савир и хазар, а в 563–567 гг. – государство гуннов-эфталитов, захватили Согд, причем основное внимание завоевателей, как известно, было обращено на закрепление побед в Средней Азии. Овладев выходом в степное Предкавказье, тюрки в 60–80-е гг. направили основной удар на низовья Кубани и Терека, на короткое время покорили алан, установили контроль над Приазовьем. В 568 г. они уже вступили в военный союз с Византией против Дербента, стремясь подчинить Каспийский проход – эту воронку, втягивавшую все народы с востока, но через три года восстановили мир с основным на тот момент противником ромеев – шахом сасанидского Ирана. Обострение византийско-тюркских отношений особенно отчетливо обнаруживается в 70-е гг. VI в. В 580 г. тюркские конные армии громили Колхиду, а с запада Причерноморью могло грозить вторжение авар, окрыленных успехами у Сирмия. Вот в этот сравнительно короткий промежуток времени, связанный с глобальным изменением ситуации в причерноморской степи, накануне последующих неурядиц, постигших каганат к концу VI в., и должна была появиться у византийских властей Таврики насущная, острая необходимость реанимировать предшествующую кампанию оборонительного строительства и, вместе с тем, напрягая все силы, вывести ее на иной, более высокий, чем прежде, уровень. Ситуация была такова, что не могла не встретить понимание и поддержку местного населения, заинтересованного в своей безопасности перед лицом неотвратимо надвигавшейся серьезной угрозы, которой ничто не предвещало скорый конец.

Есть веские основания полагать, что панцирная квадровая кладка с забутовкой между блоками некоторых участков стен, башня и протехисма южного узла обороны, а также осадный колодец крепости на Эски-Кермене, расположенной в 12 км от Херсона и в пяти от Мангупа, были сооружены

не ранее последней трети или даже последней четверти VI в., причем это было сделано с учетом опыта византийской фортификации и, видимо, ромейскими специалистами[115]. Особенно показательна в этом плане сложная система предвратных укреплений около южных, основных ворот крепости, которые прикрывала выстроенная углом протехисма с башней и высеченные по сторонам боевые казематы (№1 и №4) (рис. 36). Подъемная решетка-катаракта предшествовала полотнищам ворот, коридорообразный проход за которыми в случае осады закладывали камнями[116]. Почти вся северная часть плато оставалась незастроенной и, видимо, служила для убежища жителям окрестных поселений.

Не менее типичным для ранневизантийской фортификации сооружением являлся вырубленный в скале осадный колодец, вдоль ствола которого следовали на большую глубину, вплоть до водоносного слоя, шесть маршей вырубленной в скале лестницы (ср. описание системы водоснабжения ромейской горной крепости Барас) (рис. 37)[117]. Туннель был пробит проходчиками точно к естественной пещере с источником, вода из которого поступала в водосборную галерею длиной около 20 м, где накапливалось до 70–75 куб. м. В мирное время вода поступала на городище из источника в балке Бильдеран по водопроводу из гончарных труб, длиной каждая 0,4–0,42 м, муфтообразные стыки которых были обильно промазаны крепким известковым раствором, что находит полные аналогии в водопроводных системах раннесредневекового Херсона[118].

В центральной части плато высилась большая трехнефная базилика (рис. 38), от которой к крепостным воротам на южном мысу вела главная улица шириной 2 м, сильно заглубленная в скалу (рис. 39). Еще одна вырубленная в скале дорога шла к главным воротам извне по южному склону плато, рядом с которым размещались крупные зерновые склады в виде

[115] *Шмит Ф.И.* Эски-Керменская базилика // Готский сборник. ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 213–254; *Айбабин А.И.* О времени возникновения городища на горе Эски-Кермен: (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма 20–24 сентября 1983 г.) // Архив НЗХТ. – Д. №2385. –А. 25; *Наследова Р.А.* XI Всесоюзная сессия по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 12; *Айбабин А.И.* Хронология могильников раннесредневекового Крыма IV–VII вв.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – К., 1987. – С. 13; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. – С. 68; *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 44–45; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 114, 143; *Айбабин А.И.* Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 177–178; *Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А.* «Пещерные города» Крыма. – Симферополь, 2004. – С. 120–142; Айбабин А.И. Византийская политика в Крыму в конце VI в. – С. 6. Раннесредневековое название крепости неизвестно. А. Колли полагал, что Эски-Кермен значился как Boeon в атласе, созданном в 1570 г. известным антверпенским географом и путешественником Авраамом Ортелием (1527–1598). В словаре названий местностей, прилагаемом к атласу, было сказано, что это oppidum mediterraneum Tauricae Chersonesi, то есть укрепление в средней части Таврики, – весьма расплывчатый ориентир (Колли А.П. Из средневековой географии // ИТУАК. – 1910. – №44. – С. 26). По мнению А.Г. Герцена, Эски-Кермен фигурирует в письме хазарского царя Иосифа под названием Кут (*Герцен А.Г.* К вопросу о территории Хесонесской фемы // Проблемы исследований античного и средневекового Херсонеса: Тезисы докл. конф. – Севастополь, 1988. – С. 22).

[116] *Репников Н.И.* Эски-Кермен... – С. 123.

[117] *Прокопий Кесарийский.* О постройках // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 231–232, II. IV. 22–24.

[118] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 132; *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена: (Опыт реконструкции) // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 34–45.

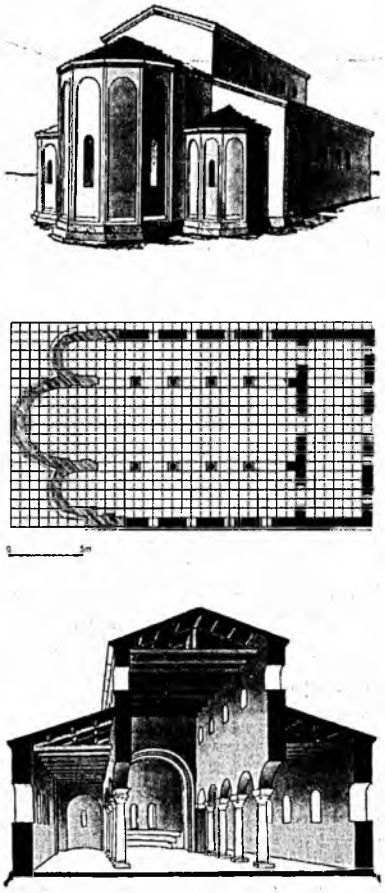

Рис. 38. Эски-Керменская базилика. Перспектива, план, разрез (по Ю.Г. Лосицкому)

вырубленных в скале ям вместимостью по 500 и более литров каждая (рис. 40).

Эски-Керменский могильник возник в последней четверти VI в., очевидно ко времени строительства укрепления с развитым гидротехническим комплексом, поскольку здесь прослеживаются гробницы, поврежденные во время вырубки склепов и могил первой половины VII в.[119] В слое, накопишемся у оборонительной стены и на склоне плато, прослеживается керамический материал второй половины VI–VII в.[120]

Видимо, густота населения в этом районе Таврики была такой, что одного укрепленного убежища показалось мало. Прежде всего надо было обеспечить фортификацией политический центр «хоры Дори». Поэтому рядом, на расстоянии всего лишь 5 км от Эски-Кермен, и, очевидно, несколько раньше последней трети VI в. было начато одно из самых внушительных фортификационных предприятий — на труднодоступном плато Мангуп, на высоте свыше 580 м над уровнем моря, была воздвигнута «цитадель», занявшая около 4,5 га оконечности восточного мыса Тешкли-Бурун. От нее сохранились ряды вырубок в скале — постелей на северной оконечности мыса, а также полувырубные пещерные сооружения, вероятно, дозорно-оборонительного характера[121]. Здесь, у важного участка дороги, огибавшего скалу и ведшего к главным городским воротам, уже в раннее Средневековье могло существовать сторожевое помещение[122]. На восточном краю плато, перед первоначальным укреплением, разросся обширный могильник. От «цитадели» затем, после VIII в., была продолжена главная линия оборонительных сооружений обширной крепости, изначально предназначенной для союзников Византии и наиболее уверенно отождествляемой с раннесредневековым Доросом (Дарасом). Этимология этого топонима остается неясной, но не исключено, что в нем проскальзывает указание рассматривать это место как «дар, подарок» (dora), в свое время пожалованный имперскими властями

[119] Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 44.
[120] *Айбабин А.И.* Византийская крепость на горе Эски-Кермен... – С. 177.
[121] *Веймарн Е.В., Лобода И.П., Пиоро И.С., Чореф М.Я.* Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 125, 139, рис. 1; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997. – С. 56–59.
[122] *Могаричев Ю.М.* Указ. соч. – С. 75.

предкам федератов VI–VII вв., расселенным в окрестностях этого плато для защиты подступов к Херсонесу[123].

Рис. 39. Главная улица городища на Эски-Кермене

Рис. 40. Зернохранилище и оборонительный каземат на южной окраине плато Эски-Кермен (по А.Г. Герцену, О.А. Махневой-Чернец)

Дорос не имел себе равных в раннесредневековой Таврике: в его стены, особенно мощные в ущельях-клисурах между мысами, в конечном итоге было уложено около 15 тыС. куб. м камня; защищенная территория охватила около 90 га, а искусственно созданные оборонительные рубежи с тенальными углами, преградившие балки и местами проходившие по вертикальным обрывам 70-метровой высоты, протянулись почти на 1500 м (при общей протяженности обвода около 7 км, что примерно в два раза превосходило длину стен средневекового Херсона) (рис. 41)[124]. Для такой крепости, строившейся как убежище для местного населения, не показалось бы большим числом и 2000 защитников — состав немалого византийского отряда-фемы, собрать который было бы, конечно, нелегко[125]. Тем не менее фортификационный комплекс на подступах к Херсону, заложенный в ранневизантийский период, был построен столь грамотно, искусно, что все остальное время оставался практически неприступным[126].

Имеющиеся аналогии и археологические материалы, правда, незначительные, позволяют предположить, что первоначальные оборонительные сооружения на высоком, до 50 м, плато Чуфут-Кале (20 км к северо-востоку

[123] *Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г.* Об исторической топографии «Готской земли» в Крыму // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 37; ср. прочие версии: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 124–125.

[124] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые стены Мангупа // КСИИМК. – 1949. – Т. 29. – С. 55–64; *Герцен А.Г.* О крепостном строительстве на Мангупе: (Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма) // Архив НЗХТ. – Д. №2385. – Л. 26; *Герцен А.Г.* Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – С. 12–13, 16; *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 131–133: *Герцен А.Г.* О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа (в связи со взглядами А.Л. Якобсона и современными данными) // Фортификация в древности и средневековье. – СПб., 1995. – С. 73–74; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 119, 143, 145; *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 128; *Герцен А.Г.* Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангуп... – С. 68.

[125] *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым. – С. 98; *Герцен А.Г.* Дорос–Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 17.

[126] Он доказал свою боеспособность во время турецкой полугодовой осады Мангупа в 1475 г., ставшей для опытного, поднаторевшего в многочисленных боевых кампаниях противника с мощным осадным артиллерийским парком одной из самых тяжких и продолжительных военных кампаний XV в. (подр. см.: *Герцен А.Г.* По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 366–387).

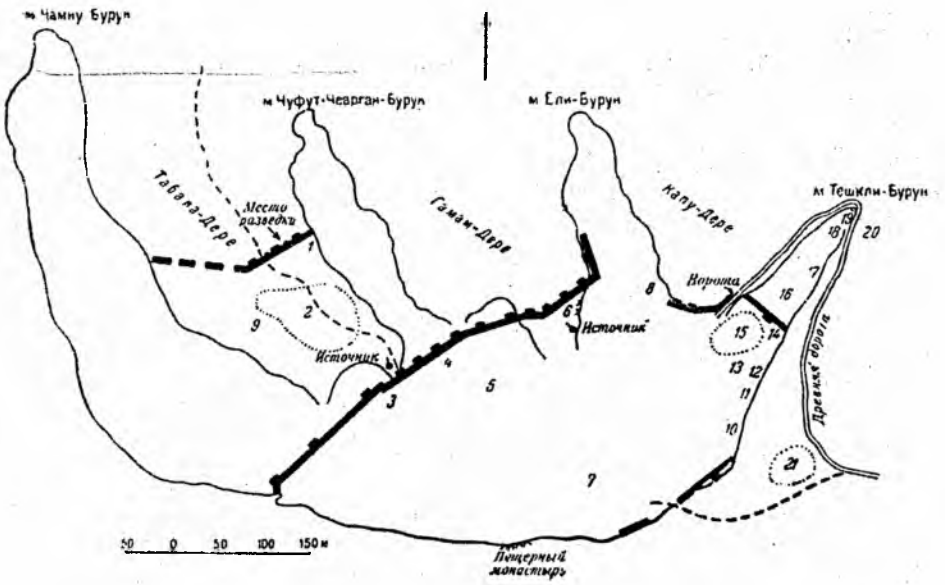

Рис. 41. План-схема Мангупа: 1 – пещерная церковь; 2 – караимское кладбище; 3 – остатки караимской синагоги; 4 – базилика; 5 – дворец; 6 – пещеры; 7, 8, 10 – остатки церквей; 11 – пещерный комплекс №4; 12 – склепы №1–2 и пещерный комплекс №5; 13 – остатки мечети; 14 – остатки церкви со склепом; 15 – могильник (по Е.В. Веймарну)

от Мангупа и Эски-Кермена), в районе мыса Бурунчак и Старого города на площади в 7 га, а также укрепления соседнего небольшого «пещерного» городища Тепе-Кермен площадью 1,4 га (в 6 км к юго-востоку от Бахчисарая), построенные рядом с границей византийских владений в Таврике, тоже носят следы ромейского влияния и могут быть отнесены к последней трети—концу VI–VII в.[127] Во всяком случае, некрополь на склоне Чуфут-Кале возник не ранее конца VI в., скорее всего, почти одновременно с первыми оборонительными стенами крепости, вероятно, перегородившими расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато[128]. Исследования с применением лихенометрического метода (датировка по диаметру растущих лишайников рода Phiscia и Lecidea), проведенные О.В. Исаенко и А.А. Клюкиным на Средней стене в районе ворот Орта-Капу в центре застроенной части плато, тоже позволяют утверждать, что фортификационные работы велись здесь не ранее 480-х и не позже 630-х гг.[129]

В 150 м от Малых ворот Чуфут-Кале, у подножия крепости, в 1998 г. спелеологами под руководством А. Козлова было обнаружено уникальное

[127] *Могаричев Ю.М.* Ранние пещерные сооружения Чуфут-Кале // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 52–60; *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма: (Вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 72–73; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей: Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 22–23; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви... – С. 86; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 145; *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. – С. 6.

[128] Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 45.

[129] *Исаенко О.В.* Применение лихенометрического метода для датировки Средней стены средневековой крепости Чуфут-Кале // *www.cessu.crimea.ua.*

гидросооружение, которое прикрывала фрура в виде отдельной башни (8,4 х 7,4 м) со стенами толщиной 1,5 м, сложенными в типичной для ранневизантийской фортификации технике двухпанцирной кладки из крупных квадров с забутовкой на крепком известковом растворе. Для защиты самой башни служила мощная крепостная стена шириной до 4 м, следы которой прослеживаются ниже по склону на расстоянии до 70 м. С юга к башне подводил вырубленный в скале постепенно, до глубины 2,5 м понижающийся пандус длиной до 12 м и шириной до 2 м, который завершался в гроте. Отсюда начинался постепенно, с уклоном в 30–35 градусов, понижавшийся туннель почти квадратный в сечении (2 х 2 м), с широкими плоскими ступенями числом до 220 (рис. 42). Он тянулся почти 130 м и уводил на глубину 30 м, где четыре ступени вели к вырубленной цистерне-водонакопителю (6 х 2 х 2,5 м). Отсюда же, из галереи, следовала вертикальная шахта диаметром от 1,8 до 2,2 м, которая расширялась еще на 5 м за счет идущего восемью витками пандуса. На глубине 18 м последний заканчивался двумя резервуарами-водонакопителями обшим объемом 70 куб. м. Обращение к трудам позднеримских фортификаторов показывает, что фрура и гидротехнический комплекс под ней были сооружены теми, кто был хорошо знаком с лучшими достижениями военно-теоретической мысли своего времени[130]. К сожалению, остатки боевой башни и укреплений рядом с ней, входивших в нижний ярус обороны кастрона на месте Чуфут-Кале, специально не исследовались археологами и об их привязке ко времени наиболее грандиозного крепостного строительства на подходах к Херсону пока можно говорить лишь предположительно, опираясь на сходные примеры[131].

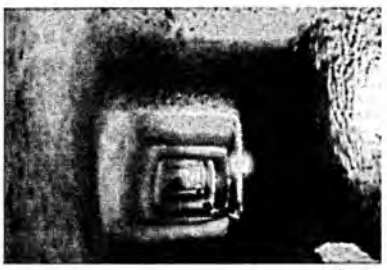

Рис. 42. Потайной тунель гидротехнического сооружения под византийским укреплением у Чуфут-Кале (по О.В. Вусу)

Примечательно, что тщательно вырубленный, с правильной отделкой стен «пещерный» базиликальный храм с баптистерием — древнейшая часть монастыря на Тепе-Кермене, судя по выразительным особенностям литургического устройства (непривычная ориентация север — юг, отсутствие

[130] *Вус О.В.* Гідротехнічні оборонні комплекси VI ст. у візантійській фортеці Кирк-Ор (Чуфут-Кале) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 44–48, рис. 1–2.

[131] Даже описания сложного гидросооружения исследователями разнятся в деталях. Так, авторы, производившие его расчистку и, значит, хорошо осведомленные в деталях, указывают, что через 83 м потайная подземная галерея с лестницей резко поворачивает на юг и через 13 м примыкает к шахте колодца, общая глубина которого достигает 45,5 м. Внизу расположен «зал объемом около 130 куб. м и высотой до 2 м с ваннами для воды, отстойниками и подводящими канавками от субмеридиональной тектонической трещины». Общий объем подземной системы достигает 900 куб. м (*Полканов Ю.А., Шутов Ю.И.* Водоснабжение древней крепости Джуфт Кале // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 162). Следует попутно заметить, что наличие в некоторых местах сталактитов на своде подземного туннеля не может служить для доказательства запредельной древности сооружения, поскольку при соответствующих условиях для появления таких природных образований достаточно бывает и половины столетия.

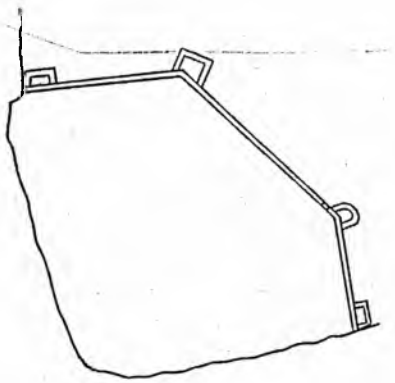

Рис. 43. Схема устройства оборонительной линии Инкерманской крепости в VI–VII вв. (по В.Ф. Филиппенко)

професиса, темплон в виде П-образной скальной выгородки, предалтарные плиты-экраны с ранними «византийскими» крестами, неглубокая крестовидная купель), мог быть сооружен уже в VI–VII вв.[132] Во всяком случае это произошло до того, как очень близко к потолку церкви прошла каменная лестница, сооруженная для связи с мемориальным комплексом (пом. №35), нижняя граница которого датируется археологическим материалом VIII–IX вв.[133] К этому времени городище Тепе-Кермен стало своеобразным церковным центром округи, имело главный храм-базилику (5,5 х 2,2 м) рядом с цитаделью, его монастырь был включен в оборонительную систему Империи в горном Крыму, обзавелся мартириями и мемориями, пещерными усыпальницами-кимитириями, святым источником — агиасмой, принимал паломников в пещерном помещении верхнего архондарика с экседрой в южной стене (пом. №36-37)[134]. Исследователи храма с баптистерием обратили внимание, что его алтарное окно точно выходит на окно пещерного храма Баклы, самого северного городища горного Крыма, расположенного на краю степи, в нескольких километрах от Тепе-Кермена. Не исключено, что это было сделано специально для удобства обмена световыми сигналами, какими связывались между собой большинство «пещерных» городов, и, следовательно, здесь постоянно находились дозорные — клирики[135].

К концу VI в. (после 555 г.) была построена небольшая крепость площадью 1,5 га на юго-западной части Монастырской скалы, отроге Мекензиевых гор в Инкермане[136]. С трех сторон скала ограничена высокими, до 70 м, обрывами в Монастырскую балку, долину р. Черной и балку Гайта-

[132] *Гайдуков Н.Е.* К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты: Междунар. Крым. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 17–18; *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е.* Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 21–22, рис. 6; *Гайдуков Н.Е.* Литургические датировки некоторых пещерных храмов Таврики // «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических»: Сб. науч. тр. – К., 2004. – С. 168–169, 171.

[133] *Петровский В.А.* Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 93; *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е.* Указ. соч. – С. 31.

[134] *Петровский В.А.* Указ. соч. – С. 81–98; *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е.* Указ. соч. – С. 14–31.

[135] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е.* Указ. соч. – С. 22, 28, 31.

[136] А.Л. Якобсон и Е.В. Веймарн относили строительство крепости к правлению Юстиниана I (*Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 26, 124; то же см.: *Вус О.* Приморські фортеці... – С. 35), однако результаты последних исследований заставляют склониться к мнению о ее более позднем возникновении, близком к хронологическому ряду укреплений на Мангупе, Эски-Кермене, Тепе-Кермене и Чуфут-Кале (Мыц В.Л. Укрепления Тарики... – С. 136; *Филиппенко В.Ф.* Новое в истории и археологии крепости Каламиты – Инкермана // X сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 143–146; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 145–146).

ни (Первомайскую). Поэтому для защиты крепости, способной укрыть до 3-4 тыс. человек и разместить на стенах и башнях 500-600 воинов, требовалось сооружение оборонительной линии только с напольной стороны, с севера и востока[137]. Устье р. Черной около впадения ее в Севастопольскую бухту являлось идеальным местом для строительства кастрона, который находился бы на перекрестке дорог, идущих из степей и предгорий Крымского полуострова в Херсон, а также оказывался на пути неприятеля с наиболее угрожаемого направления — с северо-востока[138]. Поблизости находились и другие укрепления меньшего размера. Одно из них, впоследствии разобранное до основания, было на мысу северного обрыва Каменоломной балки, а другое, площадью около 0,5 га, со стенами, башней, — на Загайтанской скале[139]. Можно согласиться с В.Ф. Филиппенко, отдавшем много лет исследованию Инкерманской крепости, что уж коли византийские власти заботились об укреплении дальних подступов к Херсону, то вряд ли оставили бы без внимания ближние подступы, наиболее стратегически важные[140].

Среди сделанных здесь находок присутствует керамика V-IX вв., обломки амфор с частым гребенчатым рифлением, бороздчатых амфор, венчик пифоса V-VIII вв. с прочерченной по глине монограммой из двух греческих букв «Р» и «П», причем обращает на себя внимание непрерывность этого материала[141].

В.Л. Мыц полагал, что первоначально византийское укрепление на Монастырской скале состояло из одной башни (№3) и двух напольных куртин, сходящихся к ней под углом, и что до VIII в. это укрепление дважды перестраивалось[142]. Раскопки, проведенные В.Ф. Филиппенко в 1984-1988 гг., позволили уточнить, что первая крепость состояла из четырех башен (№1, 3, 5, 6), соединенных тремя куртинами шириной 2,3-2,4 м и общей длиной 234 м, которые прикрывал вырубленный в скале ров шириной до 9 м и глубиной до 3,7 м (рис. 43)[143]. Кроме того, судя по подрубам скалы, вдоль западного и южного обрывов шла невысокая стена толщиной около метра. После ее разрушения здесь была устроена какая-то ограда, от которой сохранились отверстия для столбов[144].

---

[137] *Филиппенко В.Ф.* Каламита–Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 20.

[138] *Филиппенко В.Ф.* Указ. соч. – С. 8–9.

[139] См.: Филиппенко В.Ф. Указ. соч. – С. 53.

[140] Там же. – С. 11–12.

[141] *Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф.* Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции о раскопках крепости Каламита (Инкерман) в 1985 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2605. – Л. 18–20, рис. 25 «а», 27, 28, 29 «а»–«г», 30; *Филиппенко В.Ф.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1986 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2689. – Л. 17, рис. 42 «а», л. 22; *Филиппенко В.Ф., Сенаторов С.Н.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1988 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2862. – Л. 23, рис. 23.

[142] *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики... – С. 136.

[143] *Филиппенко В.Ф.* Каламита–Инкерман... – С. 15–20; *Филиппенко В.Ф.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции... в 1986 г. – Л. 8–10 (расстояние от башни №3 до западного обрыва скалы 82 м и до башни №5 – 94 м, а от башни №5 до южного обрыва – 58 м).

[144] *Филиппенко В.Ф.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции ... в 1986 г. – Л. 18–19; *Филиппенко В.Ф.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции о раскопках крепости Каламиты (Инкермана) в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2754. – Л. 6–8.

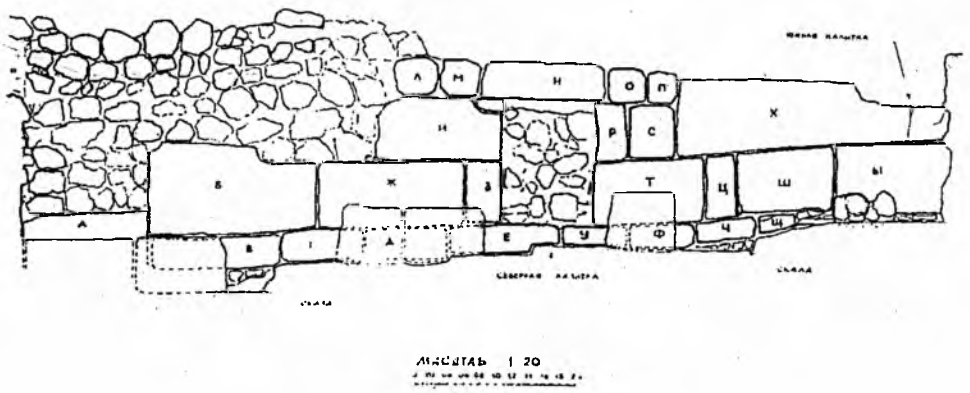

Рис. 44. Фасировка кладки оборонительной стены с вылазной калиткой рядом с башней №3 Инкерманской крепости VI–VII вв. Раскопки В.Ф. Филиппенко в 1985 г.

От первого строительного периода также осталась заложенная позже боевая калитка около башни №3 и полукруглая в плане подрубка материковой скалы диаметром 15,7 м около башни №5[145]. Очевидно, тогда же в 8 м от западного обрыва Монастырской скалы был вырублен почти такой, как на Эски-Кермене, осадный колодец уникальной глубины — не менее 60 м до уровня воды в р. Черной[146]. Кроме того, крепость и находящаяся рядом с ней слобода получали воду по устроенному византийскими инженерами водопроводу из хорошо обожженных гончарных труб, стыки которых были тщательно промазаны раствором высококачественной извести. Свое начало водопровод брал у источника, расположенного в верховьях северного отрога балки Гайтани (Первомайской), примерно в 1,5 км, откуда вода поступала в кастрон в вырубленную в скале малую фильтрационную цистерну объемом около 4 куб. м и большую водосборную цистерну объемом более 80 куб. м. Их поместили на самом высоком месте крепости и оштукатурили тщательно затертой в стены известью[147].

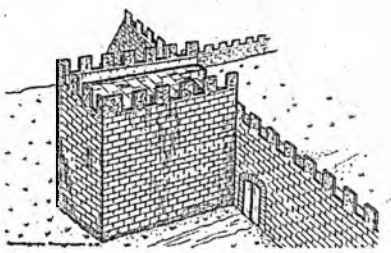

Рис. 45. Башня VI–VII вв. у южного обрыва скалы Инкерманской крепости (реконструкция В.Ф. Филиппенко)

Кладка Инкерманской крепости первого строительного периода состояла из хорошо обработанных и подогнанных друг к другу очень крупных блоков известняка, образцово уложенных в соответствии с византийской строительной техникой на подрубленные в скале «постели» (рис. 44). Способ обработки и укладки таких больших блоков был хорошо известен местному населению, судя по таврским мегалитическим кладкам, кладкам

[145] *Филиппенко В.Ф., Сенаторов С.Н.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции... в 1988 г. – Л. 3–4.
[146] *Филиппенко В.Ф.* Каламита–Инкерман... – С. 47–48.
[147] Там же. – С. 48–49.

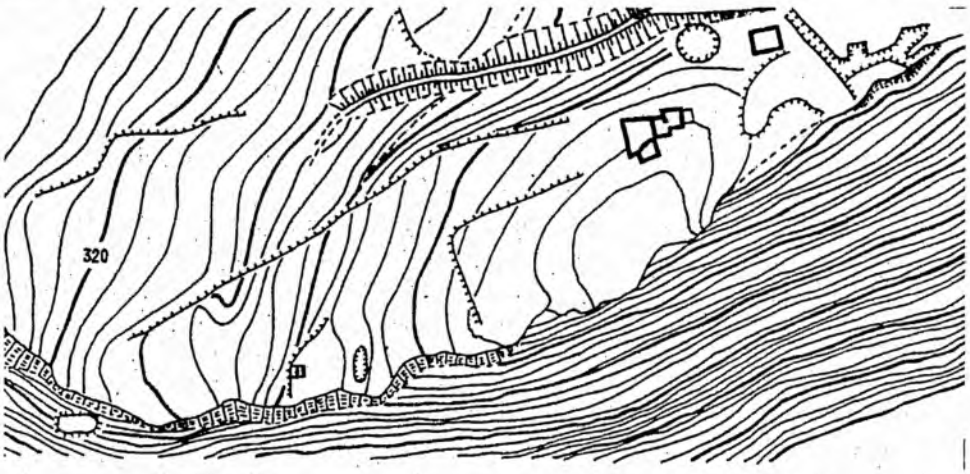

Рис. 46. Карта-схема расположения византийского укрепления Бакла (по О.И. Домбровскому)

«каменных ящиков» и башням в сельских усадьбах на хоре Херсонеса. Забутовка между панцирями была выполнена из рваного камня, а в качестве связующего раствора применена все та же известь с примесью песка (рис. 45)[148]. Совершенно аналогичную двухлицевую блоковую кладку с забутовкой из разных камней на известковом растворе, сочетающую византийский характер планировочных решений с местными строительными приемами, можно видеть в раннесредневековых оборонительных стенах Херсона, Мангупа, Эски-Кермена и Чуфут-Кале. В таком виде крепость просуществовала, по мнению В.Ф. Филиппенко, до начала XV в., когда произошла новая перестройка. Такова же кладка первой стены «цитадели» на высоком плато Бакла – самой северной укрепленной точки византийской обороны в Юго-Западном Крыму, которая едва ли могла быть сооружена ранее конца VI столетия[149]. Она была устроена на возвышенности вдоль крутого обрыва на пространстве 60 х 200 м, тогда как рядом разместился посад с жилыми постройками (рис. 46)[150].

Особенно ярко византийское строительство видно на примере сравнительно хорошо сохранившейся Сюйренской (Сюреньской) крепости, расположенной на скалистом мысе Куле-Бурун над левым берегом р. Бельбек (севернее Мангупа, в 1 км к югу от с. Малое Садовое) (рис. 47)[151]. Отсюда было удобно контролировать один из важнейших горных проходов

[148] *Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф.* Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции о раскопках крепости Каламита в 1984 году // Архив НЗХТ. – Д. №2475. – Л. 4–10, 19; *Савеля О.Я., Филиппенко В.Ф.* Отчет Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции... в 1985 г. – Л. 4–8, 11–13; *Филиппенко В.Ф.* Отчет Инкерманской археологической экспедиции ... в 1986 г. – Л.4–5, 8–10, 18–19; *Филиппенко В.Ф.* Каламита–Инкерман... – С. 13–14.

[149] *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 114–119, 145; *Айбабин А.И.* Византийская политика в Крыму в конце VI в. – С. 6.

[150] Крым в VI–VII веках. – С. 45.

[151] *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 291–294; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики... – С. 135 (там же библиография). Непонятно, почему Ю.М. Могаричев помещает Сюйрен рядом с м. Ай-Тодор: между тем и другим пролегала Яйла (ср.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви... – С. 78).

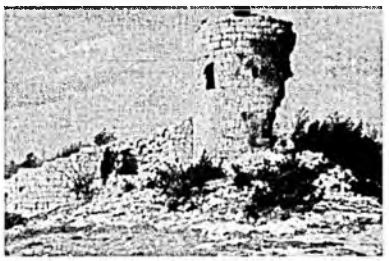

Рис. 47. Сюйренское укрепление. Общий вид

второй гряды Крымских гор, откуда открывался путь к Доросу и Херсону[152]. Как заметил уже П.И. Кеппен, это было составное звено в ряду крепостей и других мест, которые начиная от Балаклавы почти прямой линией шли по направлению к северо-востоку (Чоргун, Мангуп, Чуфут, Бакла, Керменчик и др.)[153]. Кладка стен ее двух куртин общей длиной 110 м, отгораживавших 300-метровую вытянутую оконечность мыса площадью около 1,7 га, как и круглой двухэтажной башни высотой около 12 м и внешним диаметром 8 м, с парапетом и мерлонами, расположенной на стыке куртин рядом с боевой калиткой и сводчатыми воротами, очень близка кладке стен ранневизантийских крепостей Подунавья (два панциря квадров с соблюдением горизонтальности рядов в системе чередования точков и ложков с забутовкой между ними на известковом растворе с песком, уложенные местами на вырубленные в скале «постели») (рис. 48)[154]. На это же указывает круглая форма башни с бойницами на этажах (более поздние византийские башни делались чаще всего прямоугольными или квадратными). А.И. Айбабин, ссылаясь на отсутствие находок керамики на мысе Куле-Бурун ранее второй половины VIII в. и на сходство с херсонскими и другими византийскими кладками оборонительных куртин и башен, возводившихся с IX в., относил создание здешних крепостных сооружений ко времени образования фемы Климата в Юго-Западном Крыму[155]. Однако следует обратить внимание, что уже Н.И. Репников предлагал датировать их «послеюстинианов ской порой», VI–VII вв., а А.Л. Якобсон подчеркивал схожесть здешнего типа кладки из хорошо отесанных квадров с кладкой ранневизантийских стен Мангупа, когда «совпадают даже размеры блоков и высота рядов»[156]. Последний обратил внимание также на сходство кладки Сюйрена с кладкой южной пристройки к баптистерию, входившему в комплекс Уваровской базилики, который, судя по последним уточненным данным, не мог быть построен раньше последней трети VI в.[157] Тонкость же культурного слоя на плато, где стоит

[152] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 11, 28.
[153] *Кеппен П.* Указ. соч. – С. 295.
[154] *Репников Н.И., Веймарн Е.В.* Сюреньское укрепление // Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг. ИГАИМК. – 1935. – Вып. 117. – С. 115–125, рис. 80–81; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 120, рис. 40–43; *Талис Д.Л.* Сюйренская крепость // ВВ. – 1972. – Т. 33. – С. 217–229; *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 109–110; ср.: *Овчаров Д.* Византийски и български крепости V–X век. – София, 1982.
[155] *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 218.
[156] *Репников Н.И.* Остатки укреплений Эски-Кермена // Готский сборник. ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 205; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 120; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 11; ср.: *Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А., Михайловский Е.В., Мыц В.Л., Петрова Э.Б.* Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 313.
[157] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 118; ср.: *Завадская И. А.* Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 304–305.

крепость, ни о чем не говорит, поскольку поначалу оборонительное сооружение использовалось как убежище, от случая к случаю, и, очевидно, непродолжительное время, а в условиях, сложившихся в Таврике в VIII в., вообще могло оказаться невостребованным до тех пор, пока к концу IX в. на некоторое время вновь понадобилось византийским фемным властям[158]. Примечательно также, что у подножия плато уже с VII в. существовало поселение, возникновение которого, как и в случае с поселениями у Эски-Кермена и Чуфут-Кале, могло быть связано со строительством крепости[159].

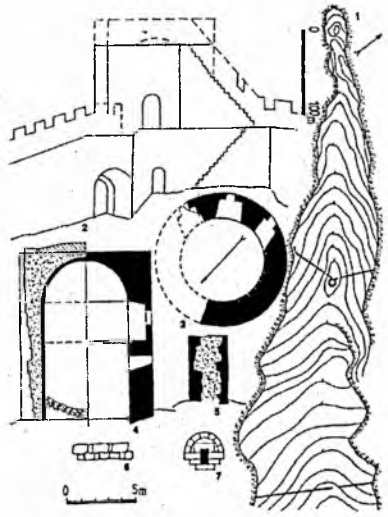

Рис. 48. Оборонительные сооружения на плато Сюйрен: 1 – план укрепления; 2 – реконструкция участка обороны; 3–7 – детали башни и разрез боевой стены (по А.Л. Бертье-Делагарду, Е.В. Веймарну, Н.И. Репникову, А.И. Айбабину)

Не все ясно в отношении Алустона. Считается, что эта небольшая по площади (0,25 га), но хорошо укрепленная четырьмя башнями и мощными стенами толщиной 2,0-2,8 м сторожевая приморская крепость была покинута ромейским гарнизоном в связи «с появлением и укреплением на полуострове в VII в. власти хазар»[160]. Но, во-первых, если это и произошло, не могло случиться ранее конца VII в., до тех пор, пока крымские земли входили в состав византийского дуката или архонтии, а во-вторых, здешние слои VI-VII вв. не несут следов пожара или разрушений[161]. По мнению В.Л. Мыца, «...гарнизон крепости заблаговременно оставил Алустон, разрушив, вероятно, только некоторые внутрикрепостные строения и забрав с собой все ценное и необходимое

[158] Судя по результатам последних раскопок, крепость только в XIII–XIV вв. стала небольшим городком с плотной застройкой и с загоном для скота (Мыц. В.Л. Укрепления Таврики... – С. 135).

[159] *Омелькова Л.А.* Исследование раннесредневековых комплексов в Бельбекской долине // АО 1984 г. – М., 1986. – С. 284–285.

[160] *Мыц В.Л.* Алустон в VI–VII вв. // Византия и Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 175.

[161] Результаты раскопок 1984–1990 гг. на месте Алустона позволяют выделить строительные периоды VI–VII вв., VIII–IX вв. и X в., а в VIII–IX вв. укрепление на вершине холма служило цитаделью городища, которое образовалось вокруг крепости (*Мыц В.Л.* Алустон... – С. 172, 175; *Мыц В.Л.* Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. – 1998. – Т. 57. – С. 187–203). В IX–X вв. здесь строится небольшой храм, сменивший предыдущий, следы которого прослеживаются в слое VI–VII вв. Остатки жилья IX–X вв. открыты и на поселении близ Горзувит, в котором после образования фемы тоже возродилось византийское сторожевое укрепление (см.: *Якобсон А.Л.* Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – 1954. – №53. – С. 109–120; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 77; *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского южнобережья // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 9–13; Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 78). Следовательно, жизнь фактически не прекращалась здесь в течение всего раннесредневекового периода.

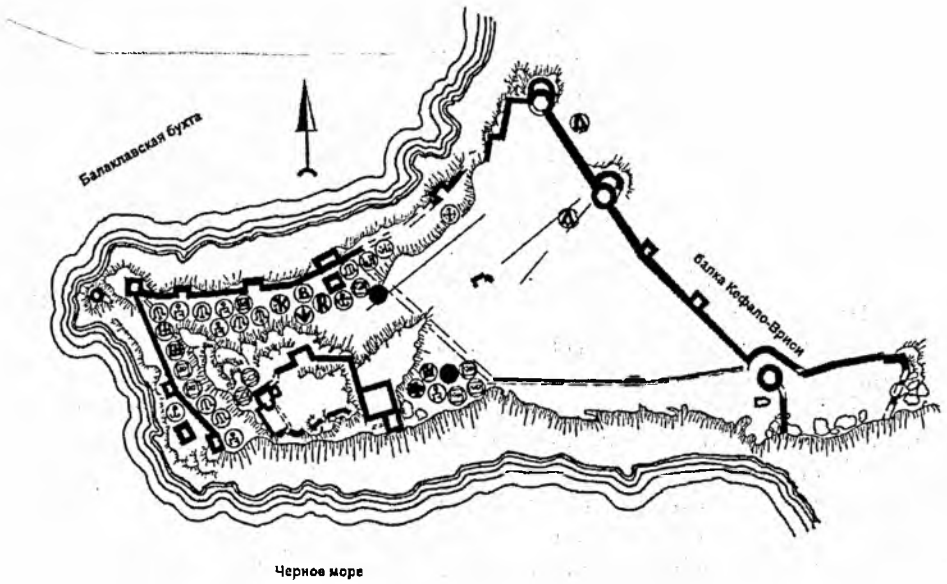

Рис. 49. Топография находок позднеантичных и раннесредневековых монет на г. Кастрон в Балаклаве (по Н.А. Алексеенко)

имущество». Однако подобные действия были не в практике византийцев, старавшихся сделать непригодными укрепления, которым грозил переход в руки врага. В таких случаях следовало разрушать не «отдельные внутрикрепостные строения», а сами оборонительные стены и башни фруры, вопреки логике происходящего оставшиеся нетронутыми. И в Алустоне, и в Горзувитах встречаются находки второй половины VI—второй половины VII в.[162] Малому же количеству керамики, ее фрагментов можно найти и другое объяснение: обычная, нормальная жизнедеятельность не способствовала такого рода скоплениям, они удалялись вместе с прочим бытовым мусором. Подобную маловыразительную картину демонстрируют и раннесредневековые слои Херсона, образовывавшиеся после значительных строительных нивелировок второй половины VI—начала VII в.[163]

Наличие еще одного приморского укрепления позволяет подозревать находки византийских монет V–X вв., фрагментированной массовой керамики, в том числе амфор с характерным гребенчатым орнаментом, которые были обнаружены во время разведок и раскопок экспедиции Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета в 1996–2001 гг. на южной оконечности горы Кастель в Балаклаве, где в свое время генуэзцами были возведены так называемый Консульский замок и одноапсидная церковь Св. Николая (рис. 49)[164]. Обломки раннесредневе-

[162] Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 42.

[163] *Романчук А.И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докл. VII Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 11.

[164] Пользуюсь случаем выразить благодарность Н.А. Алексеенко и С. В. Дьячкову за любезное разрешение познакомиться с этими неопубликованными материалами экспедиции. Среди найденных здесь монет только один херсонесский тетрахалк I в. до н.э., дупондий II в. н.э.

ковых амфор с зональным рифлением, амфор-корчаг, черепицы встречаются среди подъемного материала в ближайших окрестностях[165]. Скалистая, громоздящаяся обрывами гора над входом в Балаклавскую бухту, или, как ее назвали греки и римляне, гавань, порт Символов (Symbolon limen, Sumbolou limena, Symbolum portus), не подходит для поселения, которое могло существовать у подножия, в балке, недалеко от источников пресной воды (Кади-Су, Охун) и на морском берегу, но зато полностью удовлетворяет требованиям для устройства фруриона, аналогичного южнобережным. Как и размещенный на холме в этом районе во второй половине II—первой трети III в. римский кастеллюм, византийское укрепление предназначалось, вероятно, не только для слежения за морем, но и за противником, который мог двигаться к Херсону с востока вдоль юго-восточной кромки плато Сапун-горы, по наиболее удобной дороге, выводившей на Гераклейский полуостров (рис. 50)[166]. Очевидно, этим удобством связи объясняется, почему экс-император Юстиниан Ринотмет во время бегства из Фанагории к низовьям Дуная в 704 г. именно отсюда, из Символона (Symbolou), «послал тайно в Херсон» (aposteilas kryptos en Chersoni) одного из плывших с ним этайров за остальными немногими своими сторонниками[167]. Следы связей обоих мест прослеживаются по обломкам колонн из розоватого мрамора из Мраморной балки и темного, почти черного песчаника из окрестностей Балаклавы, который служил сырьем для изготовления напольной мозаики херсонесских церквей[168].

Итак, строительными работами фортификационного характера, особенно напряженными на протяжении нескольких десятилетий, было охва-

и тетрассарий I–II вв. Зато в своеобразной «случайной выборке» присутствует монета Льва I (457–474), константинопольский полуфоллис Маврикия Тиверия (582–602), античная, с надчеканкой «христограмма», VII в., сиракузский фоллис Феофила (829–842), две литые херсонские монеты Василия I (867–886) и такие же две – Романа I (919–945). Последней по времени является литая херсонская монета с монограммой «ро» XIII в., что говорит о продолжительном, непрерывном ромейском присутствии в данной местности (ср.: *Алексеенко Н.А.* Находки монет на территории генуэзской крепости Чембало // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 370–371; *Алексеенко Н.А.* Догенуэзская нумизматика на территории крепости Чембало // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. – Керчь, 2006. – С. 7–10). Со слов В.Л. Мыца, среди обнаруженного в ходе раскопок Чембало в 2002 г. были медные монеты Ираклия и Василия I. Особенно любопытны находки фоллиса Феофила и литой херсонской монеты Романа I в барбакане у воротного проема около башни №2 крепости Чембало, что может свидетельствовать в пользу возможности использования византийцами имевшегося здесь удобного прохода на балаклавский мыс (*Алексеенко Н.А.* Догенуэзская нумизматика... – С. 9).

[165] *Савеля О.Я., Филиппенко А.А.* Раскопки в Кадыковке // Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3123. – Л.12–13.

[166] Ср.: *Савеля О.Я.* Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // X сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 89–95; *Зубар В.М.* Про так званий Тавріський лімес // Київська старовина. – 1997. – №1 / 2 (315). – С. 168–171, рис. 5; *Зубарь В.М.* Новая римская вексилляция в Таврике // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Междунар. конф. – СПб., 1998. – С. 98–100; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 104–118; *Sarnowski T., Savelja O. Ja.* Balaklava. Römische Militärstation und Heiligtum des Iupiter Dolichenus. – Warschau, 2000. – S. 13–34.

[167] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, пер., коммент. – М., 1980. – С. 39, 155.

[168] Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. – СПб., 1895. – С. 54; *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 31; Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. – Д. №11. – Л. 5.

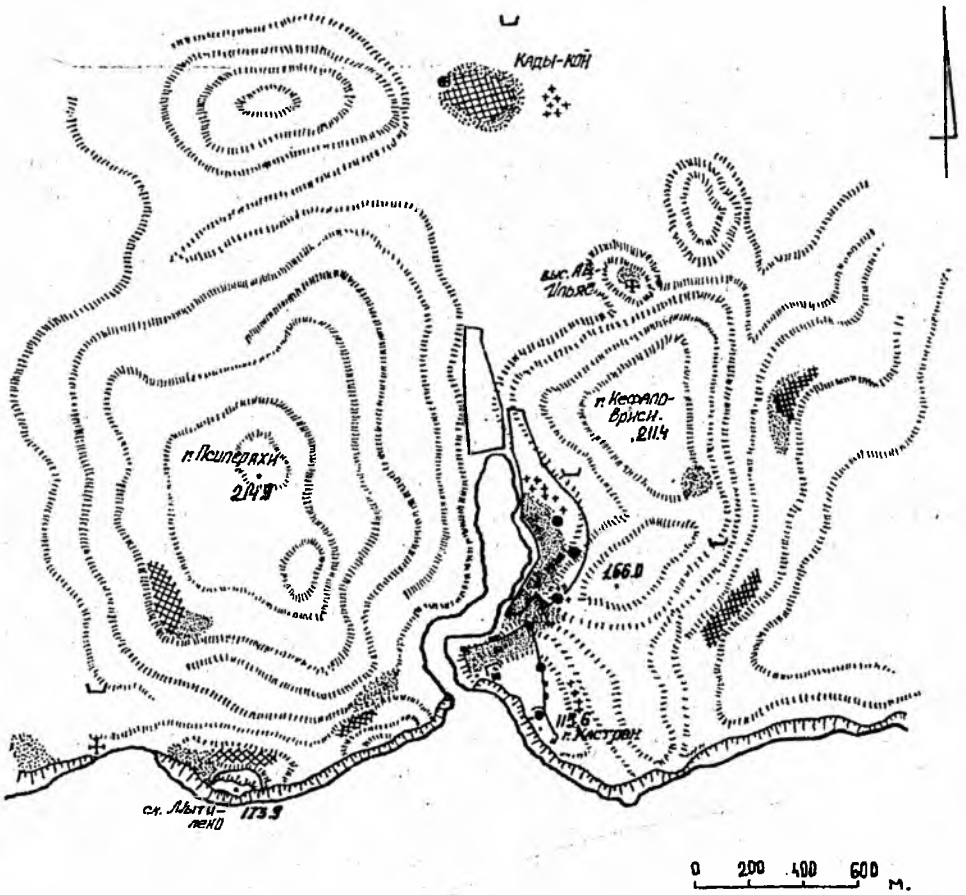

Рис. 50. Карта бухты Символон и г. Кастрон с обозначением местонахождений позднеантичных и средневековых поселений и некрополей (по А.В. Иванову)

чено не менее семи отдельных больших (Эски-Кермен, Мангуп, Чуфут-Кале) и малых (Инкерман, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла) укрепленных пунктов Юго-Западной Таврики. Воздвигнутые раньше приморские фруры Алустон и в Горзувитах вместе с «большими стенами» продолжали свое существование. По мнению некоторых специалистов, в этой части Крымского полуострова была создана единая регулярная оборонительная система лимесного типа, своеобразный Limes Tauricus, совпадавший с естественной границей «между средиземноморской и евразийской частями полуострова»[169]. Впрочем, с таким выводом трудно согласиться безогово-

[169] *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 8, 9; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. II // ИРАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 182; *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – С. 136–137; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 72–73; *Тиханова М.А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953. – №34. – С. 324; *Якобсон А.А.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 26–27; *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым: Междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 33–34; ср.: *Талис Д.А.* Некоторые проблемы истории средневековой Таврики

рочно. Нетрудно заметить, что все перечисленные пункты представляли собой расположенные с юга на север отдельные кастра, крепости-укрытия или укрепленные сторожевые, дозорные посты — фруры, не составлявшие единого оборонительного комплекса, синтезной системы фортификации. В их расположении не были предусмотрены ни несколько линий обороны, ни «шахматный принцип», свойственный, к примеру, Балканскому лимесу, который к тому же обладал гораздо большей плотностью[170]. Они были привязаны главным образом к линии естественного, непреодолимого для степняков препятствия — южным и юго-восточным обрывам отдельных массивов Второй гряды гор, так что основная масса доступных с севера плоскогорий оставалась за пределами этого рубежа[171]. Скорее перед нами отдельные опорные пункты, убежища от кочевников на труднодоступных плато, расположенные когда близко, когда весьма далеко один от другого и выполнявшие, видимо, роль узлов обороны, которые не создавали неприятелю препятствия для неожиданного вторжения в пределы обитания готов, аланов — союзников, федератов Империи, но давали возможность населению укрыться вместе со скотом и прочим имуществом. Если враг все же прорывался, обходя крепости, они, оставаясь у него в тылу, грозили ударом и заставляли противника распылять силы[172]. Укрепления были предназначены для организации защиты дальних рубежей Византийской империи, причем это были границы конкретного изолированного анклава, охранять который в свое время пытались уже римские войска[173]. Стратегия возведения подобных передовых фрур, одиночных башен — «бургов» на пути к крупным городам, преимущественно на господствующих высотах, была хорошо известна и широко использовалась византийцами, перенявшими эту традицию у римлян[174]. К примеру, ее можно обнаружить на подступах к Фессалонике в конце VI–VII в., где роль «крепостиц» (to phrourion) играли некоторые укрепленные пригородные монастыри и храмы, прикрывавшие с наиболее угрожаемых направлений самый большой ромейский город Балкан[175].

Помимо строительства укреплений, проведению в жизнь политики византийской администрации способствовало начало создания в позд-

и литература последних лет // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 254–255; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. – М., 1998. – С. 41; *Вус О.В.* Фортифікаційна практика Візантійської імперії в гірскому Криму. «Довгі стіни» Юстиниана // Народознавчі зошити: Інститут народознавства НАНУ. – 2002. – Зошит 3–4 (45–46). – С. 253–262; *Вус О.В.* Гідротехнічні оборонні комплекси... – С. 41–42.

[170] Во второй половине VI в. в Малой Скифии насчитывалось 30 кастра и укреплений, в Нижней Мезии – 66, в Гемимонте – 54, во Фракии – 36. См.: *Овчаров Д.* Византийски и български крепости V–X в. – София, 1982. – С. 163; *Иванов С. А.* Оборона балканских провинций Византии в первой половине VI в. и проникновение варваров на Балканы // ВВ. – 1984. – Т. 45. – С. 49–50; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 34–35.

[171] *Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г.* Об исторической топографии «готской земли» в Крыму – С. 35–36.

[172] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона... – С. 121; *Сазанов А.В.* Города и поселения... – С. 35.

[173] Ср.: *Зубарь В.М.* Еще раз о Таврическом лимесе // РА. – 2000. – №2. – С. 52–60.

[174] Византийский военный трактат «De castrametatione» / Пер. В.В. Кучмы // ВВ. – 2002. – Т. 61. (86). – Гл.19, С. 301, комм. 78; гл.20, С. 302.

[175] *Bakalopoulos A.A.* Istoria tes Thessaloikes. – Thessalonike, 1983. – S. 35–36.

неюстинианowский период христианских трехапсидных базилик переходной формы — «эллинистического» типа, но с деревянным стропильным перекрытием, характерных именно для VI в., и одноапсидных, прямоугольных в плане, небольших храмов, подобных херсонским и боспорским, остатки мраморных капителей, алтарных преград, прочие архитектурные детали которых открыты в Инкермане, у южного обрыва Монастырской скалы, на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале, в верховьях балки Каралез, в долине р. Бельбек, у подножия горы Пампук-Кая, около фруры в Горзувитах и некоторых других местах[176]. Мангупская базилика, возведенная в центральной части плато, даже обнаруживает следы амвона в виде прямоугольника (Л.А. Моисеев непоследовательно именовал его то солеей, то амвоном), причем под ним находились могилы, в частности ящикообразная, вырубная, где на заплечиках, поперек могилы, лежали семь железных полос, поверх которых покоились двое погребенных, явно привилегированных, возможно клириков, прах которых могли поместить в столь святом месте только с разрешения епископа[177]. Новейшие архитектурные исследования позволяют датировать возникновение этих монументальных памятников преимущественно второй половиной VI—VII в., а не более поздним временем, как иногда полагают[178].

[176] *Бодаинский У.А., Засыпкин Б.Н.* Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–29 гг.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1929. – Т.30 (60). – С. 175–177; *Веймарн Є.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – Т. 13. – С. 81; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 121–132; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. – С. 45; *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 60–61; *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. – 1918. – №55. – С. 37–40; *Тиханова М.А.* Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. МИА. – 1953. – №34. – С. 337–338, рис. 3; С. 385, рис. 42, 6; *Веймарн Е.В., Даниленко В.Н., Герцен А.Г.* Работы Мангупского отряда // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 255; *Герцен А.Г.* К проблеме типологии городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 86; *Бармина Н.И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27.). – Симферополь, 1995 – С. 79; *Бармина Н.И.* Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 12; *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. – С. 114–115; *Якобсон А.Л.* Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. – 1954. – Вып. 53. – С. 111–112; *Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). – К., 2002. – С. 99–113; *Хрушкова Г.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 177–179.

[177] При них были найдены два золотых колечка и остатки ткани с золотыми нитями (Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Мангупе // ОАК за 1913–1915 годы. – С. 74, 76, рис. 110).

[178] *Кирилко В.Б.* Византийская архитектура Мангупа // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1. – №1. – С. 89–97; ср.: *Бармина Н.И.* Мангупская базилика... – С. 77–90; *Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // ААИК – К., 1998. – С. 36 –59; Лосицкий Ю.Г., *Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика. – С. 99–113. В частности, следует обратить внимание, что Эски-Керменская базилика лишена жертвенника (професиса) и диаконника, характерных для литургии Двух Входов, утвердившейся к концу VI – началу VII в. (см.: *Хрушкова А.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. – М., 2002. – С. 402–403). Значит, она могла быть построена незадолго перед ее введением или вскоре после, но до полного утверждения в VII в. Сделанное наблюдение применимо и к большинству ранневизантийских храмов Херсона, что демонстрирует примерно одинаковый и общий для них период наиболее массового строительства.

Наиболее приемлемое объяснение для столь бурной, дорогостоящей созидательной деятельности видится не только в продолжении усиления обороны обширной области расселения федератов Византии в приморской и предгорной части Юго-Западной и Южной Таврики, на главных подступах к «столице области» — Херсону, но и в стремлении распространить здесь ромейское влияние, а значит, быстрее интегрировать здешние племена и народы в состав византийского сообщества Империи[179]. Федераты не были независимой, самостоятельной политической силой, только в своих интересах строившей для себя, своего господства опорные пункты — крепости. Романия, находившаяся тогда в зените своего влияния на территории Крымского полуострова, не допустила бы подобных сепаратистских тенденций и уж тем более не стала бы им потворствовать, направляя в помощь строителям крепостей своих специалистов[180]. Общность черт конструкций, строительных приемов, планировочных решений, систем кладки, техники обработки всех этих сложных сооружений свидетельствует о реализации достижений позднеримского военно-инженерного искусства, раннего ромейского строительства и не несет следов преемственности с позднескифской фортификацией[181]. Несомненно, они строились местным населением под контролем византийской администрации, с привлечением византийских техников, военных инженеров, возможно, строительных артелей ремесленников — икодомов (oikodomoi) из Херсона, и их ромейский характер неоднократно отмечался специалистами[182]. О том же говорит использование единого с херсонскими христианскими храмами строительного модуля. Строительство это шло не один год, то замирая, то вновь активизируясь: слишком велик был масштаб работ. Если эта фортификационная деятельность и явилась «заключительным аккордом в создании кордонных оборонительных линий на границах Византии», едва ли она могла быть вся осуществлена только за последние годы правления Юстиниана I, фактически за пять лет, поскольку Прокопий не включил ее в перечень строительных акций этого императора, предпринятых до 560 г., ограничившись сведениями о реконструкции оборонительных стен Боспора, Херсона и о возведении фрур на Южном берегу Таврики[183]. Лишь некоторые teichismasi makrois в «стране Дори» могли явиться предвестни-

[179] Ср.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблема истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 190–191.
[180] Ср.: *Филиппенко В.Ф.* Каламита – Инкерман... – С. 12.
[181] *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики. – С. 33.
[182] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 17, 25–26; *Якобсон А.А.* Крым в средние века. – С. 11, 28; *Якобсон А.Л.* О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА АН СССР. – 1974. – №140. – С. 111; *Талис Д.А.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 105; *Герцен А.Г.* О крепостном строительстве на Мангупе. – Л. 26; *Герцен А.Г.* Система оборонительных сооружений Мангупа. – С. 6–17; *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. – С. 112; *Герцен А.Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики. – С. 85–86; *Кирилко В.П.* Византийская архитектура Мангупа. – С. 90, 92.
[183] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4: Peri ktismaton libri VI sive De aedificiis; *Прокопий Кесарийский.* О постройках / Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 203–298. Ср.: *Герцен А.Г.* Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 7–8, 20.

ком будущего грандиозного строительства в горном Крыму, затмившего Юстинианово. Возможно, отзвуком его относительной быстроты, поразившей современников, явилась одна из древних крымских легенд, донесшая из глубин веков рассказ о передовой мангупской стене — клисуре в балке Табан-Дере, которая якобы волшебством была создана за одну ночь для военачальника города[184]. Другое дело, что эффективность этой оборонительной системы в целом оказалась невелика, как и в других районах Империи. Недаром ее никто не пытался развивать и поддерживать. К тому же историческая ситуация сложилась в дальнейшем в Таврике так, что долгое время, особенно в течение VIII в., постоянной надобности в военно-опорных пунктах, крепостях-убежищах не ощущалось, свидетельством чему их слабая заселенность в это время. Только к X в. на некоторых из них (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Бакла) начнется плотная застройка усадьбами, и они приобретут черты «малых городов».

Происходившие в это время в Крыму процессы хорошо увязываются с теми, что шли в иных регионах Империи. Этнически Херсон оставался преимущественно греческим центром, и вывод о гуннско-тюркской прослойке в нем несостоятелен[185]. Погребальные сооружения с варварскими чертами составляли около 9% общего числа позднеантичных могил, к тому же речь может идти лишь об отдельных чертах, свидетельствующих о негреческом этническом происхождении погребенных[186]. Даже редкие обладатели деформированных черепов, так называемые макрокефалы с высоким вариантом циркулярной или лобно-затылочной деформации, возможно, из числа привилегированных сармат или алан, похороненные не позже VI–VII вв. в некрополе у куртины 1 западной оборонительной стены и около Карантинной бухты, обнаружены в типичных позднеримских склепах с нишами-лежанками или в вырубных гробницах, которые продолжали использовать для захоронения христиан, и сами могли быть христианами, судя по находке в инвентаре большой серебряной пряжки с крестом на прямоугольном щитке, бронзовой пряжки со щитком в форме креста, светильника-свечника в виде трубки на плошке и известнякового надгробия в виде креста (рис. 51)[187]. Три костяка «макрокефалов» оказа-

[184] См.: *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – С. 91.

[185] Ср.: *Пятышева Н.В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I–IV вв. н.э. // Античное общество. – М., 1967. – С. 184; *Піоро І.С.* Гунська навала і Крим // Вісник Київського університету. – 1976. – №18. – Історія. – С. 96.

[186] По наблюдениям А.Л. Якобсона, в склепах, вырубных и грунтовых могилах, открытых за период раскопок с 1889 по 1911 г., обнаружено только 33 погребения макрокефалов преимущественно ранневизантийского времени, причем одна из гробниц у южной оборонительной стены была обложена древнегреческими черепицами и, следовательно, могла относиться к гораздо более ранней эпохе. См.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 256, прим. 2; *Зубарь В.М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. – К., 1987. – С. 97.

[187] *Белов Г.Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее: (Раскопки 1948 г.) // МИА. – 1953. – №34. – С. 245–254, рис. 24; *Зубарь В.М., Рыжов С.Г.* Отчет о раскопках херсонесского некрополя в 1975 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1778. – Л.15, 17, табл. XXXII, 2, 5, склеп №3; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – А. 33; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 96, вырубная мог. №1960 (наряду со свечником при костяках, лежавших не в анатомическом порядке, находились еще три «лампочки без украшений, обычного типа», глиняный одноручный кувшинчик и две такие же чашечки, лезвие небольшого железного ножа, несколько монет II–III вв., бронзовый браслет со

лись в склепе рядом с поминальной церковью — усыпальницей св. Василия к востоку от главного храма на территории комплекса Западной базилики — монастыря Св. Леонтия Киликийского[188]. Обломки лепных «грубых глиняных горшков», как сказано в отчете К.К. Косцюшко-Валюжинича, и большая кольцеобразная бронзовая серьга с привеской в виде 14-гранника, характерная для вкусов варваров V–VI вв., подчеркивают негреческий этнический облик покойных. Поэтому упоминание раба Божьего с необычным для херсонитов именем Гот в греческой надписи VI–VII вв. на закладной плите склепа №4, обнаруженного в 1968 г. во время раскопок рва по соседству с монастырем, с внешней стороны 1-й куртины, тоже могло быть не случайным совпадением с предыдущими предметами[189].

Рис. 51. Череп с циркульной деформацией из некрополя со «святыми могилами» около загородного Влахернского монастыря Херсона (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

Но находки характерных для остготского костюма металлических аксессуаров крайне редки. Пока только в западном некрополе в погребении первой половины VI в. из склепа №14 (1914 г.) обнаружен полный гарнитур с большой пряжкой и парой фибул, а в склепе №4, использовавшемся в VII в., обломок серебряной орлиноголовой пряжки с двумя вишневыми альмандинами[190]. В любом случае варварские погребальные комплексы те-

змеиными головками, проволочный детский браслет, три бронзовые пряжечки от обуви, бронзовая подвеска в виде кольца, пастовые, янтарные, стеклянные пронизи, пара бронзовых серег с 14-гранными пронизями, то есть набор вещей, вполне типичный для обычного позднеантичного или ранневизантийского погребения вполне греческого культурного облика); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 176, 191, 196, склепы №620, 797, рис. 552; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 256–257. Такие пряжки стали изготовлять в Херсоне с середины VII в. (см.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 130, рис. 51, 1–2). О свечнике см: *Sorochan S.* Light for Life and Death in Early Byzantine Empire // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. British Archaeological Reports International Series 1019. – Oxford, 2002. – P. 114, fig. 1, 1–3. А.В. Иванов тоже отмечает несколько случаев находок деформированных черепов в раннехристианских погребениях– на некрополе Херсонеса (*Иванов А.В.* О практике искусственной деформации черепов у различных групп населения позднесредневековой Таврики // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 73; *Иванов А.В.* О практике искусственной деформации головы на территории Крымского полуострова // Вестник антропологии. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 80).

[188] Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1891 год. – СПб., 1893. – С. 14; *Якобсон А.А.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 256, рис. 133; *Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 61–62, тип 4; о культовом комплексе см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель... – С. 643–650, 660–665; *Сорочан С.Б.* О храме Созонта, «доме св. Леонтия» и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 146–173.

[189] *Антонова І.А., Рижов С.Г.* Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 261–264; *Яйленко В.П.* О «Корпусе византийских надписей в СССР» // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 168, прим. 16.

[190] *Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров... – С. 78–79, рис. 19; *Зубарь В.М., Рыжов С. Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С. 161, 163, рис. 9,9.

ряются в массе могил, греческая, а точнее, ромейская принадлежность которых не вызывает никаких сомнений[191]. Поэтому мнение о наличии в раннесредневековом Херсоне заметного элемента в той или иной степени огреченного сармато-аланского населения и тем более общины готов не находит подтверждения[192]. Столь же натянутым, а по сути, утрированным является утверждение, что херсонесские склепы с нишами-локулами «использовали представители разных этнических групп»: на деле эти «представители» весьма редко были теми, кого ромеи относили к «инородцам», «иноплеменникам»[193]. Даже наличие у некоторых похороненных особых антропологических признаков, икусственной деформации черепа еще не основание для того, чтобы отказывать им в наименовании ромей, поскольку в этот термин не вкладывалось сугубо этническое содержание.

Данные антропонимики, почерпнутые из херсонесских эпиграфических памятников VI–VII вв., главным образом надгробных надписей, столь же непреложно свидетельствуют о безусловном и абсолютном доминировании имен, относившихся к общей греческой номенклатуре. Их носители не только говорили на греческом, то есть владели фонетически, но умели писать по-гречески, пусть с рефлексами разговорной речи, неуверенностью в определении долготы гласных, необычными огласовками, анаколуфами, грамматическими и синтаксическими ошибками, отступлениями от правил орфографии (особенно это касается замены ипсилона на иту и омеги омикроном, что, впрочем, стало обычным для ранневизантийской палеографии). Греческий язык, причем уже без доризмов, а димотика с весьма незначительным числом латинизмов, оставался в городе официальным и разговорным языком[194].

Зато в округе Херсона ситуация была несколько иной. Так, лепная керамика из могильников Юго-Западной Таврики позволяет говорить о преимущественно сармато-аланском населении региона в IV в.[195] На Гераклейском полуострове, на восточном склоне Килен-балки открыты позднеантичные вырубные Т-образные склепы, которые принято связывать с аланами. Они имеют в качестве погребального инвентаря позднюю краснолаковую посуду, стеклянные украшения, остатки полотняных одежд, головных уборов, кожаной обуви, дощатые гробы, сбитые железными гвоздями, но локул нет, что свойственно традициям варварского населения[196]. Те же черты прослеживаются в усыпальницах в Хомутовой, Карантинной, Доковой, Юхариной балках. Вообще, преобладающим, массовым

[191] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. – К., 1982. – С. 118.
[192] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 258; *Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров... – С. 85.
[193] Ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 49.
[194] *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. – К., 1973. – С. 270; ср.: *Haldon J.* Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 65.
[195] *Ушаков С.В.* О лепной керамике из могильников юго-западного Крыма второй половины III–первой половины IV вв. как источнике по этнической истории региона // Х сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 153.
[196] *Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.* Могильники позднеантичной-ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Киле-балке в 1991–1992 гг.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 60–61.

типом погребального сооружения в округе ранневизантийского Херсона были подбойные могилы с коллективными или одиночными захоронениями, в числе которых встречались костяки с искусственно деформированными черепами[197]. Погребения «макрокефалов», мужчин, женщин, детей, известны в Инкермане, в могильниках Сахарная головка, Карши-Баир, Узень-Баш, Манто-Фонтан, Алмалык в округе Мангупа и у с. Скалистое, в некрополе позднеантичного времени у с. Вишневое, возле ромейской фруры Алустон, у подножия горы Демерджи (у с. Лучистое), в каждой пятой могиле ранних комплексов некрополя рядом с фрурой в Горзувитах, причем чаще в подбойных и грунтовых могилах, реже в склепах[198]. В раннесредневековом могильнике у Чуфут-Кале их могло быть половина от всех похороненных, как мужчин, так и женщин, что соответствует представлению о концентрации в этом районе главным образом этноса сармато-аланского круга, для которого была особенно характерна «мода» на искусственно деформированные головы[199]. Не исключено, что в этой «моде» проглядывает элемент этноопределения или обычай отмечать таким выразительным образом некоторую привилегированную группу на-

[197] См.: *Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка»: (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // Х сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 169–190, особ. С. 189 (в могильнике из 18 вскрытых погребальных сооружений подбойными оказались 11, грунтовыми ямами – 3, склепами – 4; среди уцелевших семи черепов два были деформированными, то есть каждый третий-четвертый).

[198] Подр. см.: *Харузин А.Н.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша // ИОЛЭА: Труды антропологического отдела. – 1890. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 24–25; *Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19. – С. 32; *Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. – 1907. – Т. 27. – С. 128–129; *Репников Н.И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. – 1909. – Вып. 30. – С. 119; *Дьяков В.Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. – 1942. – Т. 28. – Вып. 1. – С. 65; *Бобин В.В.* Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму // Труды КГМИ им. И.В. Сталина. Труды кафедры нормальной анатомии и гистологии. – Симферополь, 1957. – С. 65, 70; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсон. – С. 257; *Кропоткин В.В.* Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. – 1959. – №1. – С. 192–193 (24 из 334 погребенных); *Соколова К.Ф.* Антропологічні матеріали могильників Инкерманської долині // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – С. 127–128 (в каждой пятой могиле некрополя у высоты «Сахарная головка»); *Зиневич Г.П.* Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. – К., 1973. – С. 33–34 (в среднем каждое девятое погребение Скалистинского могильника: 5 из 36 погребений IVмV вв., 17 из 75 – VI–VII вв., 8 из 157 – VIII–IX вв. и 12 недатированных); *Потехина И.Д., Назарова Т.А.* Новые материалы к изучению антропологического состава населения средневекового Крыма // Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. – К., 1990. – С. 33, 38; *Айбабина Е.А.* Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 120; *Филиппенко А.А.* Охранные исследования у источника Манто-фонтан // Стародавні слав'яни та їх сусіди у східній Європі. – К., 1993. – С. 64–65 (2 из 5 погребений IV–V вв.); *Ушаков С. В., Филиппенко А.А.* Новые данные об аланах-христианах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // III Междунар. Крым. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2001. – С. 36–37 (5 мужских, 2 женских и одно предположительно детское погребение); *Герцен А.Г.* Новые раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // III Междунар. Крымская конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2001. – С. 12 (4 мужских погребения на некрополе Алмалык); *Радочин В.Ю.* Антропологические материалы из погребений V–IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. – С. 165 (6,2 % от общего числа исследованных черепов); *Иванов А.В.* О практике искусственной деформации черепов... – С. 73, 74; *Иванов А.В.* О практике искусственной деформации головы... – С. 78–79.

[199] *Кропоткин В.В.* Могильник Суук-Су... – С. 193; *Соколова К.Ф.* Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 63; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей: Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 26–27; ср.: *Зиневич Г.П.* Антропологические материалы... – С. 133, 135.

селения внутри этноса[200]. Недаром Захария Митиленский (Ритор) в VI в. называл Херсон «областью, населенной варварскими и нецивилизованными людьми»[201]. Следовательно, с точки зрения образованного провинциального ромея, к тому же ярого сторонника монофиситства, не привившегося в этом законопослушном Константинополю городе, последний потерял тот блеск греческой культуры и обычаев, который, по словам Плиния Старшего, прежде отличал его среди остальных пунктов западного побережья Таврики (Plin. NH. 85). Этому категоричному определению не помешало даже то очевидное обстоятельство, что часть обладателей деформированных черепов покоилась в могильниках, несших в это время явные признаки христианизации населения (Сахарная головка, Каршибаир, Узень-баш, округа Мангупа, Чуфут-Кале, Скалистое), что, видимо, в значительной степени предопределило постепенное вытеснение этого варварского обычая искусственной деформации головы после VII в.[202]

В V в. здесь жили готы, и спустя столетие Прокопий Кесарийский пишет о них как об оседлых крестьянах и «энспондах» — союзниках Империи. В V-VII вв. на Эски-Кермене наблюдается характерный готский тип склепов с дромосами, известный по могильникам Суук-Су и Узень-Баш в обширной, площадью 5000 га, плодородной Байдарской долине, очевидно, являвшейся ядровой территорией «хоры Дори», «готской земли»[203]. По мнению В.В. Кропоткина, могильник конца VI—VII в. около Чуфут-Кале мог принадлежать уже смешанному алано-готскому населению[204]. Впрочем, если верить Прокопию, крымские готы еще существовали как особый этнос. Материалы некрополей показывают, что в это время здесь распространился специфический готский обычай ношения широких поясов с большой пряжкой и двух фибул[205]. Признаки готского этноса выделяются и в антропологических материалах, например, Эски-Керменского могильника, которые демонстрируют примесь североевропейской долихокранной расы[206]. Процесс ассимиляции сравнительно малочисленных готов и балтов сармато-аланами, вероятно, завершился лишь к концу VII в.[207], причем свою лепту в этот процесс внесло ромейское воздействие, которое, несмотря на отсутствие реальной этнокультурной эллинской основы, заставило эти народы быстрее «терять свое лицо». К примеру, нательные кресты и надгробные плиты с изображением крестов известны в Инкермане уже в VI-VII вв., а к VIII в., как уже было сказано, постепенно перестает практиковаться в массовом порядке обычай искусственной деформации

[200] Ср.: *Радочин В.Ю.* Антропологические материалы... – С. 165, 169.
[201] The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene / Transl. by F.J. Hamilton, E.W. Brooks. – London, 1899. – P. 79 (IV. 11); *Евагрий Схоластик.* Церковная история. – СПб., 1999. – С. 236.
[202] См.: *Иванов А.В.* О практике искусственной деформации головы... – С. 80.
[203] *Репников Н.И.* Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 179; *Айбабин А.И.* Об этнической атрибуции... – С. 118–120; ср.: *Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г.* Об исторической топографии «готской земли»... – С. 37–39, рис. 2.
[204] *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 212.
[205] *Айбабин А.И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. // СА. – 1977. – №1. – С. 194; *Масякин В.В.* Готы // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 69–70.
[206] *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. – М.; Л., 1948. – С. 215–218.
[207] *Айбабин А.И.* Этническая принадлежность... – С. 194.

головы, вероятно, в силу влияния христианизации[208]. В окрестностях Херсона ромейские союзники были большей частью крещеными. Обращает на себя внимание сокращение в инвентаре многих погребений глиняной и стеклянной посуды, используемой для заупокойной пищи, предметов обихода (ножей, кинжалов, кресал с кремнями, удил, рыболовных крючков), а также наличие, пусть редких, бронзовых нательных крестов, сделанных по ромейским образцам, перстней с христианскими символами или монограммами на щитках, официально разрешенных амулетов — медальонов в виде коробочек или пластин с изображением креста, св. Мина, св. Георгия, св. Даниила со львами, Богоявления (Христа, Иоанна Крестителя и ангела), наконец, крестов, прочерченных на закладных плитах склепов, известняковых надгробий в виде креста или с его изображением (могильники у высоты Сахарная головка, Узень-Баш, Скалистого, Суук-Су, Эски-Кермен, Лучистого) (рис. 52)[209]. Языческие традиции погребального обряда оставались живучи, видимо, к ним проявлялась толерантность даже со стороны крещеных, либо последние по-своему переосмысливали их, но постепенно, медленно они все же сдавали позиции под влиянием христианства. К тому же надо учесть, что наличие погребального инвентаря не столь надежный индикатор язычества, как представляется: его содержали ранневизантийские захоронения во многих странах с давними традициями христианства, причем порой даже в церквах или около них[210].

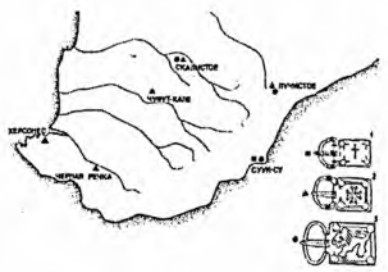

Рис. 52. Ареал распространения больших серебряных пряжек с прямоугольным щитком и христианской символикой, вторая половина VI – VII в. (по Э.А. Хайрединовой)

[208] *Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» (по раскопкам и разведкам 1951 и 1953 гг.) // X сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 190; *Зиневич Г.П.* Антропологические материалы средневековых могильников... – С. 33 (в Скалистинском могильнике в VII–IX вв. число таких погребений сокращается до одного из 20, тогда как в VI–VII вв. их было здесь в пять раз больше); *Радочин В.Ю.* Антропологические материалы... – С. 165 (исследователь подчеркивает, что из погребений IX в. в могильнике у с. Лучистое не получено ни одного деформированного черепа, однако связывает это «с недостаточным количеством вскрытых погребальных сооружений этого времени»).

[209] *Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19. – С. 72, рис. 51; табл. IV, рис. 30 (в могиле с пряжками второй пол. VII в.); *Борисова В.В.* Указ. соч. – С. 190; *Айбабин А.И.* Об этнической атрибуции... – С. 118–120, рис. II, 4, 8, 12; Крым в VII–IX веках: Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 61, табл. 40; *Айбабин А.И.* Медальоны с изображением святых из раннесредневековых могильников области Дори // Символ в философии и религии: VI Крымская междунар. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 3 (видимо, по оплошности св. Георгий назван автором св. Соломоном); *Яшаева Т.Ю.* Бронзовый медальон с изображением Богоявления // Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни: VIII Междунар. Крым. конф. по религиовед. – Севастополь, 2006. – С. 66–67; *Хайрединова Э.А.* Влияние византийской моды на костюм варваров юго-западного Крыма в VI–VII вв. // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. – Керчь, 2006. – С. 322.

[210] *Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 169–170.

Византия охотно принимала целые группы населения, такие как аланы, готы, гунны, тюрки, переходившие на ее сторону, и с помощью иноплеменников восстанавливала свою экономику, военный и демографический потенциал. Гибкость и терпимость по отношению к подобным инородцам обусловливалась уже тем, что единственным признаком их христианства служила помощь Византии в военных конфликтах и неучастие христианизированных народов в военных действиях против Империи[211]. Но официальная государственная доктрина не знала этнических предрассудков, ромейские власти не проводили насильственной эллинизации и почти не прибегали к принудительной христианизации. Впереди меча, как правило, следовали крест и ремесленные товары, причем надо учесть, что даже в своих миссионерских деяниях византийцы редко полагались на силу, принуждение и не знали предприятий, подобных раннесредневековым франкским или германским крестовым походам против саксов, славян, прусов[212]. Главным было принять подданство императора и не нарушать римские законы[213]. Дискриминации подвергались лишь иноверцы и еретики, всегда остававшиеся за бортом официального общества.

Судя по всему, крымские христиане, эта постепенно складывавшаяся горнокрымская народность, как ромейские союзники (enspondoi), то есть симмахи, и народ, подвластный императору (katekooi), в VI–VII вв. обязывались военной службой императору и могли выставлять ополчение не менее чем в 3 тыс. человек[214]. Это указывает на условие получения ими земли, верховной собственницей которой формально считалась Империя. Примечательно, здесь проглядывает общая тенденция, поскольку в 70-х гг.

[211] См.: *Иванов С. А.* Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина? – М., 2003.

[212] *Шевченко І.* Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т.Шевченка. – Львів, 1991. – Т. 222: Праці історіко-філософської секції. – С. 15.

[213] Византийские законы утверждали, что все проживающие на ромейской земле, то есть обязанные налогами государству, являются ромейскими гражданами (Basilicorum libri LX / Ed. C. G. E. Heimbach, G. E. Heimbach. – Lipsiae, 1846. –T. 4. – XLVI, 1). Поначалу права римского гражданства жаловались индивидуально, по с VI в. (Corpus juris civilis. – Berolini: Apud Weidmannos, 1904. – Vol. 3: Novellae / Rec. R.Schoell. Opus Schoellii morte interseptum absolvit G.Kroll. – №78) было введено коллективное гражданство целых народностей, а точнее, тех из них, которые были обращены в христианство, признавали суверенитет императора ромеев и обязывались жить в соответствии с нормами ромейского права, то есть становились подданными – ипиками (upekooi). Та или иная этническая группа, получавшая ромейское гражданство, включалась в административную структуру Империи, а ее вождю, правителю жаловался какой-либо имперский сан или должность (патрикий, архонт и т.п.). Таким образом, понятие «ромейский народ» полностью утратило свой первоначальный этнический смысл, став космополитичным понятием, впрочем, как и «эллинский народ». Отныне термин «эллин» надолго стал синонимом понятия «язычник». Народы же, сохранявшие собственную политическую и юридическую организацию, даже если они размещались на территории Империи, обычно были связаны с ней союзными договорами, но были не подданными императора, а так называемыми катиками (katekooi) – «подвластными», то есть даже терминологически отличались от граждан-ромеев (*Медведев И.П.* Некоторые правовые аспекты византийской государственности // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. – Л., 1990. – С. 11; ср.: *Иванов С. А.* Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987. – С. 29–30; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 119–120).

[214] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth.-Lipsiae: Teubner,1964. –Vol. 4:Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 13–14; *Прокопий Кесарийский.* О постройках // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 248–249; *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского ... – С. 111; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 119–120.

VI в. половина армии на восточной границе государства состояла именно из федератов[215]. При этом можно говорить о сохранении союзниками некоторой политической самостоятельности[216]. В ходе долгого и медленного процесса вызревания, создания фем в качестве военно-территориальных единиц симмахи устраивались на поселения в византийских провинциях, как, например, готы Тиверия Константина и Тиверия Маврикия — в малоазийских Ликаонии и Писидии[217]. По закону с июля 530 г. они причислялись к milites наравне со схолариями и стратиотами — солдатами, которыми командовали магистры войск[218].

Судя по погребениям на некрополях Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале и Баклы, здешние воины жили в окрестностях крепостей вместе с семьями[219]. Раскопки Мангупа также показали, что в верховьях ущелий здесь могли существовать крупные жилые комплексы, которым принадлежали многочисленные хозяйственные ямы, а среди массового археологического материала преобладали импортные амфоры V–VII вв.[220] Инвентарь погребений того же времени в Юго-Западной Таврике свидетельствует также в пользу того, что местные союзники Империи — энспонды принадлежали к свободным состоятельным земледельцам-воинам, слабо дифференцированным в имущественном и социальном отношении[221]. Судя по остаткам пряжек, бляшек и фибул, они даже стремились одеваться в соответствии с модой византийской знати, элиты, пользуясь при этом более дешевыми копиями[222]. В целом это напоминает стратиотский состав крестьян-общинников Византии, «господ георгов» несколько более позднего времени. Назвать их бедными не приходит в голову. Серебряные, позолоченные пряжки, браслеты, бляшки с инкрустированными щитками, фибулы, ремни от поясных гарнитуров, прочие предметы быта, в том числе импортные краснолаковые блюда, миски со штампами на дне, приобретаемые путем купли или обмена, довольно часто встречаются в могилах VI — первой половины VII в., что говорит в пользу зажиточности местного населения, причем даже в сравнении с погребенными в это время на загородном кладбище Херсона, где такого рода вещи попадаются гораздо реже (рис. 53–57)[223].

Впрочем, варвары далеко не везде переходили к общинному землепользованию на территориях, где они расселялись. К примеру, в Эмилии-Романье, в Восточной Италии, германцы были включены в традиционную позднеримскую систему хозяйственных отношений и социальных связей[224]. Учитывая мощное античное влияние со стороны Херсона, подобное могло

[215] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – P. 251.
[216] Ср.: *Кулаковский Ю.* История Византии. – К., 1912. – Т. 1. – С. 209–210.
[217] *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius-Constantinus. – Stuttgart, 1919. – S. 140.
[218] Corpus juris civilis. Berolini: Apud Weidmannos, 1895. Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – IV. 65. 35.
[219] *Айбабин А.И.* Этнический состав ... – С. 148.
[220] *Герцен А.Г.* Ранневизантийский период в истории Дороса-Мангуп... – С. 69.
[221] *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. – С. 58–59; *Ушаков С.В., Филиппенко А.А.* Некоторые типы краснолаковой посуды из раскопок могильника Карши-Баир // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 27–34.
[222] *Хайрединова Э.А.* Влияние византийской моды на костюм варваров... – С. 321–322.
[223] Ср.: *Борисова В.В.* Могильник... – С. 171–189.
[224] *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. – М., 1959. – С. 44–45; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 322–323.

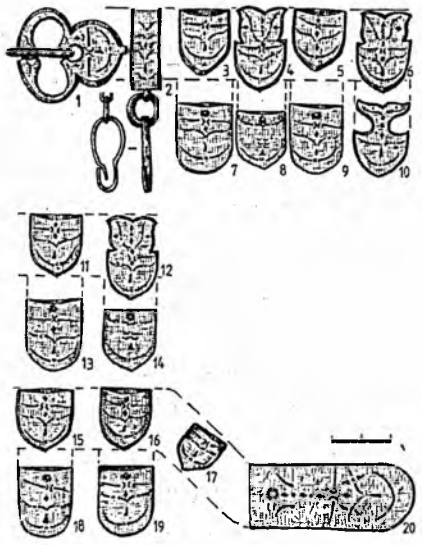

Рис. 53. Серебряный поясной набор VII в. из склепа №273 некрополя Эски-Кермена (по А.И. Айбабину)

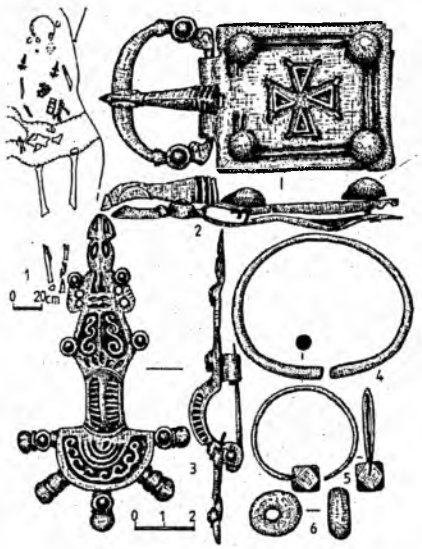

Рис. 54. Бронзовые украшения и детали костюма из захоронения склепа №77 некрополя у С. Лучистое (по А.И. Айбабину)

произойти и в Юго-Западной Таврике. Но не произошло. Во всяком случае, антропонимика не отразила таких связей. Причина могла крыться, видимо, в том, что система античного местного землевладения в IV–VI вв. пришла в упадок. Тем не менее херсонитам пришлось вступить в отношения со свободными мелкими земельными собственниками — аланами, готами, даже если последние не жили крестьянскими общинами. К счастью для византийцев, это население иранского и германского происхождения в Юго-Западной Таврике не было оформленной и политически организованной многочисленной общиной. Недаром германская топонимика оказалась представлена здесь весьма слабо и, за исключением названия «страны Дори», «земли Готфов» и, возможно, Фул (от готского fuls — «гнилой, тухлый»[225]), в византийских источниках не отразилась. Средневековые по содержанию тенденции формирования воинского устройства тоже развивались исподволь и в течение нескольких столетий.

Нет сомнений, что в военно-организационном отношении все эти контингенты «катиков», «союзников», постепенно терявших свою этническую, племенную, религиозную специфику, были замкнуты на командование дуки, находившееся в Херсоне. Финансовые, налоговые, податные вопросы здесь решали тоже представители византийской администрации. Находка на Мангупе в сезон исследований 2000 г. моливдовула императорского логофета, патрикия Дорофея, скорее всего главы налогового ведомства государства во второй четверти VII в., ответственного за поземельный налог и прочие доходы, недвусмысленно указывает на распространение здесь имперской податной системы, в сети которой попали феде-

[225] *Гухман М.М.* Готский язык. – М., 1958. – С. 261.

раты[226]. О контроле со стороны официального Константинополя говорит и отправленный сюда моливдовул одного из василевсов VII в.[227] При этом для общения с алано-готским контингентом существовали особые штатные переводчики — ерминевты, две печати которых тоже зафиксированы среди херсонских сфрагистических материалов[228]. В VIII в. такие чиновники вошли в структуру важнейшей логофессии дрома, своего рода министерство иностранных дел и внешней разведки. Все эти экономические, политические и идеологические средства объективно действовали в сторону скорейшей интеграции местного варварского населения в этнически пестрый, с полутонами подвластности, но по сути единый состав Романии и вели к образованию в Таврике архонтий.

В представлении ромеев Херсон действительно находился на краю Византии, на крайних пределах Империи, был отдаленным местом[229]. Однако надо учесть, что это понималось именно как отдаленный край, рубеж, но не заброшенная, захолустная окраина, как иногда полагают современные исследователи. Куда дальше от Константинополя находились юг Малой Азии или Сицилия. Максимум 10-15 суток неспешного морского плавания от столицы Романии либо двое-трое суток от южного берега Понта, напрямик были отнюдь не огромным расстоянием[230]. Город постоянно ощущал то активизировавшуюся каждый новый навигационный сезон, то замиравшую на несколько месяцев зимой, но никогда не прекращавшуюся связь, которая делала его частицей Империи, причем не малой частицей. К VI в. Херсон занимал площадь около

[226] В правление Константа II (641–668), видимо, этот же Дорофей был назначен стратигом Сицилии и в 654 г. выступал в Константинополе свидетелем на суде над римским папой Мартином I, который в итоге оказался в ссылке в «Херсоне и климата», то есть в тех самых краях, где обнаружена печать от послания Дорофея (см.: *Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92). О должности логофета см.: *Haldon J.* Byzantium. – P. 79.

[227] *Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу. – С. 18.

[228] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 206, №14, 15; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1996. – С. 193–194, рис. 4.

[229] Прокопий Кесарийский. Тайная история/ Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. – 1938. – №4. – С. 249; *Прокопий Кесарийский.* О постройках/ Пер. С.П. Кондратьева // *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. – М., 1996. – Кн. 3. 10; ср.: Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греческого языка при Санкт-Петербургской духовной академии. Ч. 2: Письма к разным лицам. – СПб., 1869. – С. 244, №92.

[230] Прибегнув к краткому пути через Черное море, пути, соединявшему мыс Карамбис, в 130 км западнее Синопа, с мысом Крию Метопон (Бараний Лоб) на Южном берегу Крыма, можно было даже при скорости два узла (3,7 км/ч) при благоприятных условиях, искусно используя основные попутные течения, зацикленные в два гигантских, противовращающихся кольца, сравнительно быстро, за двое-трое суток, преодолеть водную преграду протяженностью около 267 км (144 морские мили), о чем давно знали мореходы (см.: *Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып. 116. – С. 13–17; *Золотарев М.И.* Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. – Тбилиси, 1979. – С. 94–100; *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. – Харьков, 1989. – С. 4, 95; *Веникеев Е.В., Артеменко А.Т.* Пенители Понта. – Симферополь, 1992. – С. 28). К примеру, корабль, на котором в 791 г. везли из Амастриды тело усопшего епископа Иоанна Исповедника, пустился в море 27 июня, а «29-го, ко всенощной достиг святых апостолов в монастыре», то есть примерно через 60 часов, к вечеру 29 июня, гроб уже вносили в храм Св. Апостолов в Парфените (Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Вып. 2. – С. 398).

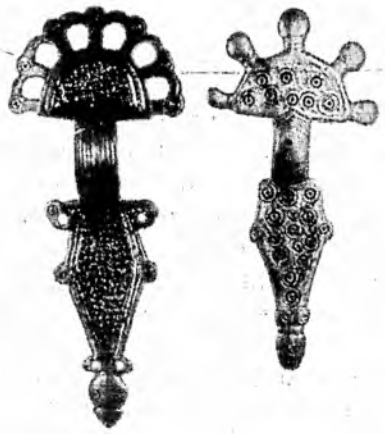

Рис. 55. Серебряные фибулы VI–VII вв. из могильника под Мангупом (по А.Г. Герцену, О.А. Махневой-Чернец)

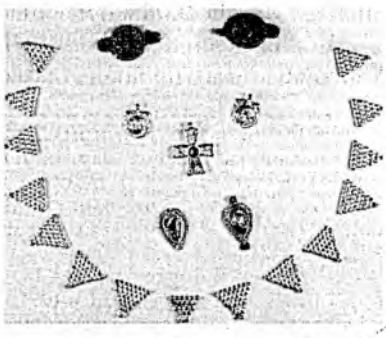

Рис. 56. Клад раннесредневековых золотых украшений, найденный на мысе Тешкли-Бурун, Мангуп (по А.Г. Герцену, О.А. Махневой-Чернец)

29 га, когда на западном участке обороны к нему было сделано солидное приращение из оборонительных стен, добавившее еще 1,2 га[231]. Сухопутная сплошная линия защиты города имела едва ли не рекордную протяженность в Таврике — свыше 2,5 км — и, очевидно, была прикрыта оборонительными стенами как с юга и запада, со стороны суши, так и с севера и востока, с моря[232]. Собственно, «Херсонития» простиралась еще дальше, вплоть до «хоры Дори», то есть плато и долин Второй (Внутренней) и Третьей гряды Крымских гор, бассейнов рек Черная, Бельбек, Кача и Альма, отчасти южного и юго-восточного побережья полуострова. Едва ли в середине VI в. ее население превышало 60 тыс. человек[233]. Это соответствует примерно 6 тыс. семей. Если верить данным Прокопия, получается, что каждая третья из них могла выставить воина-федерата для службы императору (exiknouniai de es trischilious)[234].

Таманская строительная надпись о работах в Боспоре стратилата и дуки Херсона Евпатерия датируется 590 г. и совпадает с находкой на территории херсонесской цитадели печати Тиверия Маврикия, которая относится к заключительному этапу его правления (590-602)[235]. Здесь, в юго-восточном, особенно хорошо укрепленном углу городища находился военный гарнизон и, скорее всего, ставка дукса. От этого времени на территории «цитадели» дошли строительные остатки так называемого дома командира — по меньшей мере двухэтажного здания недалеко от 19 кур-

[231] В IX в. к территории города было добавлено с западной стороны еще около 2 га, впрочем оставшихся незаселенными (см.: *Антонова И.А.* XIV башня оборонительных стен Херсонеса // Херсонес Таврический: Ремесло и культура. – К., 1974. – С. 70; *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: Проблема датировки // X сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 105).

[232] *Антонова І.А., Рижов С. Г.* Оборонний рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 261. К сожалению, процесс разрушения этих приморских стен продолжается и море неумолимо уносит немногие сохранившиеся остатки. Северный берег уже давно лишился их, а на восточном обрывистом мысу осталось не более трех метров 28 куртины, которые грозят вскоре тоже исчезнуть.

[233] *Фирсов Л.В.* О положении страны Дори... – С. 109.

[234] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1964. – Vol. 4:Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 14.

[235] *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов. – С. 147, №7.

Рис. 57. Реконструкция женских костюмов второй половины VI – VII в. из склепов некрополя у С. Лучистое (по Э.А. Хайрединовой)

тины оборонительных стен и располагавшаяся напротив, перестроенная в VI в. баня-валания с системой гипокауста, облицованными цемянкой ванными, горячим, теплым и холодным помещениями, способными принять одновременно 10-15 человек[236]. Еще более примечательны обнаруженные в 2005 г. в ходе раскопок экспедиции Харьковского университета строительные остатки дважды перестраивавшегося здания ранневизантийского претория, представлявшего в плане расположенный почти по центру «цитадели» прямоугольник (18,0 х 6,60 м, 118,8 м^2) с тремя расположенными в ряд обширными помещениями площадью соответственно 31, 22 и 23 м^2. При этом стены нижнего, самого раннего здания, просуществовавшего до первой трети IX в., были выложены в технике opus mixtum с толщиной плинф 0,033-0,035 м при толщине раствора 0,04 м. Следовательно, последний немного превосходил толщину плинфы, что может служить указанием на Юстинианову пору строительства или на время близкое к этой поре[237]. Вообще, подобная техника кладки была особенно характерна для общественных зданий Херсона второй половины VI—начала VII в. Скорее всего, здание служило для размещения местных правящих и судебных властей, как это следует из конституции Льва I префекту претория Константину, вероятно, от 471 г., которая была включена в Кодекс

[236] См.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003. – С. 66, 69–71.

[237] Подр. см.: *Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Сазанов А.В, Иванов А.В.* Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории «цитадели» Херсонеса в 2005 г. // АО 2005 г. – К., 2006 (в печати).

Юстиниана в виде действующего государственного закона. Из постановления следовало, что если община, то есть полис, располагала священным дворцом или преторием (sacra palatia vel praetoria), тогда управление, судьи обязаны были занимать для обитания не покинутые дома частных лиц, а «...всеми способами заселяют (inhabitare) священнейшие дворцы или претории, так как эта необходимость побуждается (потребностью) предусматривать их восстановление». При этом преторий предназначался для «...долженствующих быть полученными (от налогоплательщиков) и сохраненными продуктов (speciebus) вместо хранилищ, или для дела иной необходимости»[238]. Под этой необходимостью применительно к Херсону могло подразумеваться размещение правителей и судей (iudex, iudicans), а также имперских офицеров, к каковым относились комит, а позже дукс.

Наряду с кадровыми, регулярными полевыми войсками, вооруженные силы города могли дополнять ополченцы, по сути дела, городская милиция, немногим отличавшаяся от арифма прежних баллистариев. Аналогии такой практики достаточно хорошо известны, в том числе и в самом Херсоне IV-V вв.[239], и в целом ряде других ранневизантийских центров. Имперские профессиональные войска в конце VI—начале VII в. были сосредоточены главным образом на границах, и их не хватало для оказания помощи в организации обороны византийских провинциальных городов, даже самых крупных, горожане которых поэтому были вынуждены сами вооружаться и защищать стены своих городов (o gar demos... oplisthentes epi ta teiche aneesan), как это наглядно видно на примере Фессалоники с ее «городским войском (ton stratou tes poleos)»[240]. Как можно понять со слов автора Чудес св. Димитрия, вспоминавшего о событиях семидневной осады Фессалоники славянами и аварами в 586 г. или 597 г., часть горожан, очевидно небольшая, была записана в «воинские отряды» (en stratiotikois tetagmenon lochois), но жила в городе, как и некоторые остальные, от случая к случаю выступая оттуда в походы (ton allos pos ethisthenton makran pou tes poleos oplitikos)[241]. Некоторые города во Фракии в самом конце VI в. еще сохраняли дарованное ранее императорское право иметь свой собственный гарнизон во главе со «знатными стратиотами города» (tes poleos episemoi stratiotai), а значит, определять его численность и состав[242]. Таким образом, херсониты тоже могли представлять иррегулярное или полурегулярное воинское формирование, наподобие exercitus Рима VII в., где, по данным Книги понтификов, рассказывающей о событиях 640-х гг., воинское содержание — ругу получала вся вооруженная часть населения, пригодная для того, чтобы выступать в составе ополчения, —

[238] Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии. Ч. 1: Период 364–491 гг. / Пер., коммент., прим. В.В. Серова. – Барнаул, 2004. – С. 418.
[239] См.: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона... – С. 119–120.
[240] Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 98, §107; с. 100, §110; с. 104, §119, 120.
[241] *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des miracles de Saint Demetrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. – Paris, 1979. – Vol. 1: Le Texte. – P. 136. 19–20; Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 106. 97–99, §124.
[242] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1:Textum graecum continens. – P. 274.

люди «от мальчика до старика»[243]. Город, подобный Херсону, с населением не менее 6-7 тыс. человек[244], был способен выставить приблизительно тысячу ополченцев (1:6 обычное соотношение воинов от числа городского гражданского населения в Средневековье). Вероятно, в свое время император Константин Великий в награду за военную помощь Империи не случайно выделил херсонеситам именно такое количество ежегодных воинских пайков — chilias annonas[245]. Константин Багрянородный счел при этом важным уточнить, что «...вплоть доныне (до времени составления источника, которым пользовался император. — *С. С.*) их сыновья зачисляются в [этот] отряд (en to arithmo) сообразно с состоянием стратии родителей (ton goneon tes strateias)»[246]. Вместе с 3 тыС. крымских энспондов Империи из числа местных «готоалан» эти вооруженные силы представляются вполне достаточными по меркам эпохи. Известно, что позже численность состава византийской воинской фемы составляла в среднем 2-4 тыс. человек[247]. В действительности она могла быть еще меньше. Скажем, во время военной экспедиции на Крит в 949 г. войско Фракисийской фемы насчитывало 950 человек (600 армян-стратиотов и 150 офицеров и профессиональных солдат), а фемы Харпезикий и того меньше — 704 человека, из которых 428 были армяне-стратиоты, причем командный состав составлял 251 человека, не считая 25 человек, входивших в штаб стратига[248]. Даже такая большая военно-административная область, как Пелопоннес, если исходить из подсчета, проделанного Н. Икономидесом, располагала примерно 1500-2000 стратиотов[249]. К тому же надо учесть, что херсонесские военные силы ни в ранневизантийское время, ни тем более позже не предназначались для осуществления крупномасштабных наступательных операций. Около 716 г. будущий Лев III Исавр, ведший рейдовую войну с арабами силами небольшого отряда, отступив в Писидию, организовал оборону осажденного города силами всего лишь 800 человек[250].

---

[243] De Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. Par l'abbe L. Duchesne. – Paris, 1886. – T. 1. – P. 328; *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII веках: (Равеннский экзархат и Пентаполь). – Барнаул, 1991. – С. 186–187; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 77–87.

[244] Подробнее об этом см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 347–348.

[245] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 254–255, гл. 53. 147–156.

[246] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 254–255, гл. 53. 156–158. Словом «арифм» византийцы обычно называли воинские отряды, состоявшие из иноземцев, что в данном случае едва ли подходит. Однако запись детей стратиотов в каталоги на место своих отцов действительно рассматривалась как привилегия, по крайней мере еще в конце VI – VII в. (см.: *Феофан Исповедник* // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 260 (VI), комм. 123).

[247] Ср.: *Кучма В.В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. (структура и численность армейских подразделений) // АДСВ. – 1975. – Вып. 12. – С. 82; *Oikonomides N.* The Social Structure of the Byzantine Countryside in the First Half of the Xth Century // Symmeikta. – Athena, 1996. – T. 10. – P. 105–125.

[248] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io.Iac.Reiskii. – Bonnae, 1829 – Vol. 1. – P. 666–667; *Treadgold W.* The Army in the Works of Constantine Porphyrogenitus // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. – 1992. – T. 29. – P. 128 f. (77–162).

[249] *Oikonomides N.* The Social Structure of the Byzantine Countryside ... – P. 108–119.

[250] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. –Vol. 1:Textum graecum continens. – P.387–388.

Пределы размерам воинских контингентов, собираемых для военных действий, клала прежде всего проблема снабжения этих войск на марше, поскольку это снабжение зависело в значительной степени от реквизиций, которые удавалось сделать по пути[251]. Поэтому византийская тактика, унаследованная от Маврикия с его «Стратегиконом», учитывала, что военные действия лучше вести небольшими, но дисциплинированными отрядами — фемами[252]. Кроме того, концентрация большого количества вооруженных людей в одном месте даже ради смотра или устройства военного лагеря сулила опасность по политическим соображениям и поэтому допускалась на очень короткий срок, после которого шло разделение собранных войск на более мелкие, легче управляемые и проще снабжаемые отряды[253]. Памятуя тактические наставления, дошедшие от VI-VII вв., Лев VI Мудрый тоже советовал избегать скоплений войск в городах, мягко относиться к воинам-ополченцам и побыстрее переводить собранную армию на вражескую территорию, чтобы она снабжалась не за счет собственного, а за счет чужого продовольствия[254].

Едва ли Херсона и его периферии могло не коснуться все вышесказанное. Их историческая судьба не являла исключений из общих правил, коим следовало развитие вначале греко-римской, а затем византийской цивилизации. Вероятно, к концу правления Юстиниана, около середины VI в., во всяком случае не позже времени правления Юстина II, Херсон получил статус византийского дуката, и в постюстиниановское время, как и прочие многочисленные центры Империи, окончательно потерял если не внешние, то внутренние, глубинные античные черты, бесповоротно став типичным пограничным провинциальным городом, проводником миссионерства в Таврике, «столицей» этого полуденного края с пока еще весьма гетероэтничным населением, которое неравномерно, медленно, но неуклонно консолидировалось в военно-политическом и культурном отношении, эволюционируя в сторону «византийского содружества наций». С точки зрения сложного комплекса материально-технических, военно-организационных, правовых, религиозных факторов, норм и явлений это было типичное пограничье, по сути, отделявшее «цивилизованный мир от нецивилизованных варваров»[255]. Как показали последующие столетия, основы разностороннего ромейского влияния, заложенные здесь во второй половине VI — начале VII в., невзирая на демографические сдвиги и перипетии византино-хазарских отношений, оказались столь мощными, что их уже нельзя было поколебать.

[251] Ibid. – P. 312, 500.
[252] Leonis imperatoris Tactica sive de re militari liber (Ta en polemois taktika) // PG. – 1863. – T. 107. – Col. 713 (constitutio IV, sec. 62), 816 (XIII, sec. 32).
[253] Leonis imperatoris Tactica ... – Col. 768 (const. IX, sec. 4).
[254] Ibid. – Col. 772–776 (const. IX, sec. 15, 23).
[255] Ср.: *Масленников А.А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. – М., 2003. – С. 257.

Глава 3

ДЕЛОВОЙ ГОРОД. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ХЕРСОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI – VII В.

Облик запустевшего города, якобы вступившего с середины VI столетия в длительный период спада, в VII столетие оказавшегося в тяжелом критическом состоянии, оторванного от Византии и в дальнейшем потерявшего прежнее значение центра обмена с варварской периферией по причине хазарского завоевания Таврики[1], – такой облик Херсона все более решительно пересматривается в специальных работах исследователей последней трети XX в. Разумеется, перманентные локальные военные действия почти повсеместно действительно стали непременным атрибутом новой эпохи. Но, как и большинство раннесредневековых военных конфликтов, они далеко не всегда имели глобальные, катастрофические следствия, и подчас современники могли совершенно не ощущать влияния подобной войны, даже если она шла где-либо в «соседних пределах». К примеру, захват части Боспора гуннами в начале V в. не оказал заметного отрицательного влияния на экономику царства, население которого продолжало традиционно заниматься земледелием, виноградарством, рыболовством, ремеслами, торговлей, в том числе с иными регионами Восточной Римской империи[2]. Война с болгарами во Фракии в конце IX – начале X в. тоже

[1] Подобные представления, превратившиеся едва ли не в догму, сложились главным образом под влиянием выводов А.Л. Якобсона, которые этот исследователь усиленно насаждал с конца 50-х гг. XX в., чем дальше, тем меньше заботясь об их аргументации (см.: *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – С. 22–28; Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 29–30; ср.: *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 63; Крим: дорога тисячоліть / Упорядн. В.А. Сидоренко. – Сімферополь, 2001. – С. 158).

[2] См.: *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. – С. 130–136; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 79; *Сорочан С.Б.* Экономические связи Херсонеса Таврического с Боспором в I в. до н.э. – V в. н.э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период

никак не отразилась на торговле, которая велась в соседней Македонии и Фессалонике, в том числе с теми же болгарскими торговцами: для них, как и для жителей Фессалоники, по словам Иоанна Камениата, «война исчезла отовсюду»[3].

Похоже, внешние вторжения, военные рейды, в том числе кочевников, не вызывали такого опустошения и прекращения жизни всех городских центров, какое обычно воображали современники, из столетия в столетие писавшие о таких опустошениях. Если некритично, без учета психологического фактора следовать их мнению, Византию в любое время неизменно ждал скорый плачевный конец, который на деле почему-то все запаздывал. Между тем только в конце VIII — первой половине IX в. ромеи тратили на содержание армии и прочие военные нужды не менее 2/3 своего бюджета, и едва ли эта ситуация была существенно иной во время персидских и начала арабских войн или в X в. и позже[4]. Видимо, надо учитывать, что состояние средневековой экономики не всегда столь функционально подчинено неблагоприятным условиям военного времени[5]. История Романии опять-таки дает тому убедительные примеры[6].

Упадок хозяйства, вызванный неблагоприятной внешнеполитической ситуацией, войнами и разорением, конечно, отражался на функционировании экономической и торговой структуры страны, но не мог быть определяющим в изменении этой структуры, которая зависела от внутренних факторов развития. Да и было ли когда-нибудь спокойное, мирное время за сотни лет существования Империи? Войны, столкновения на собственной и чужой земле, вражеские и ответные рейды следовали друг за другом бесконечной чередой, то усиливаясь, то затихая, но, по сути, никогда не прекращаясь (рис. 58). Поэтому абсолютизировать негативное влияние стабильно действовавшего военного фактора на развитие городов раннесредневековой Византии столь же неуместно, как пытаться объяснить рождение западноевропейского феодализма одной лишь нескончаемой вооруженной «борьбой всех против всех».

Не стоит в этом ряду особняком и появление хазар в Таврике, которое, следует подчеркнуть, произошло не ранее 680-х гг.[7], не говоря уже о том, что пришельцы обжились и почувствовали себя более уверенно в новых краях и того позже. Во всяком случае, даже в начале VIII в. сюда не боялись ехать переселенцы из Малой Азии, примером чему может служить

античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 225

[3] Ioannis Cameniatae De excidio Thessalonicae // Theophanes Continuatus. – Bonnae, 1838. – P. 499.

[4] Niavis P. E. The Reign of the Byzantine Emperor Nicephoros I. – Athens, 1987. – P. 49, 111; Treadgold W. T. The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries. – New York, 1982. – P. 115, tabl. VII; p. 119, tabl. X; *Treadgold W.* T. The Army in the Works of Konstantine Porphyrogenitas // Rivista di Studi byzantini e neoellenici. N.S. – 1992. – Vol. 29. – P. 84–93.

[5] *Сметанин В.А.* Византийское общество XIII–XV вв. по данным эпистолографии. – Свердловск, 1987. – С. 70–72.

[6] Подр. об этом см.: *Сорочан С.Б.* О роли военного фактора в судьбе византийского города в «темные века» // Античность и средневековье Европы: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1996. – С. 186–198.

[7] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 111; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 185.

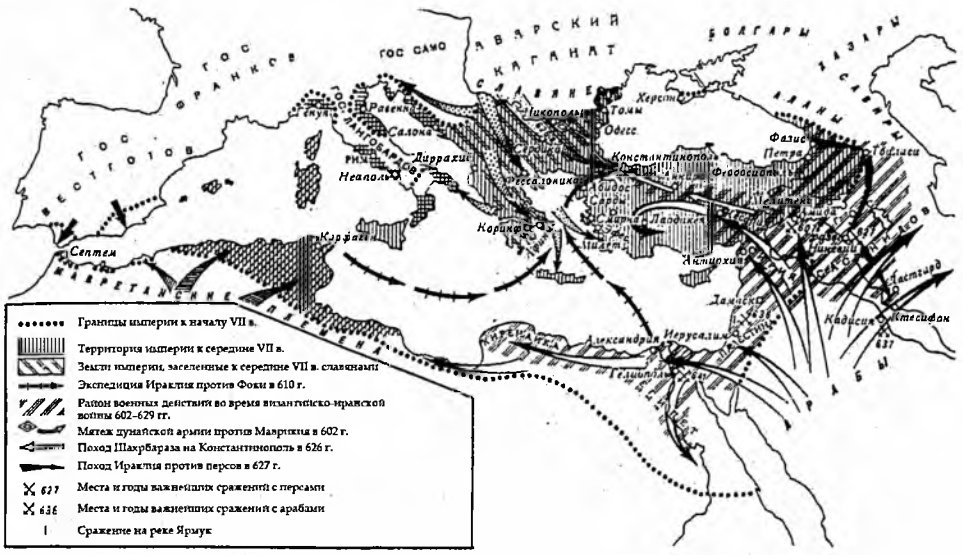

Рис. 58. Византия в первой половине VII в.

бывший пафлагонский кандофор (kandophoros), дед Иоанна Готского, знаменитого мятежника, противника хазарского влияния[8].

И все же в каком состоянии находилась экономика города в постюстиниановскую эпоху? Насколько полнокровной она была и по каким направлениям развивалась? Ответить на этот вопрос возможно, только заставив заговорить «немых свидетелей» — археологические материалы, стратиграфические колонки, открытые и закрытые комплексы, накопленные за годы раскопок, которые дополняют скупые свидетельства византийских нарративных и правовых источников.

Соляной и рыбозасолочный промыслы. Комплексное исследование источников обращает внимание прежде всего на наличие явной преемственности в экономике позднеантичного Херсонеса и раннесредневекового Херсона. Прекращение функционирования большинства хозяйств античного типа на Гераклейском полуострове последовало во второй половине — конце V в. и, судя по остаткам юртообразных жилищ, очевидно, могло быть отчасти связано с появлением здесь какого-то кочевого населения, скорее всего одной из ветвей гуннов (Altziagiri Иордана?), пришедших в Крым после распада державы Атиллы в 453 г., однако это обстоятельство должно было привести не только к натурализации хозяйства, но и к более интенсивному развитию иных отраслей хозяйства, прежде всего промыслов[9]. Это был проверенный, давно, с первых веков н.э. усвоенный херсонитами путь, способный повысить занятость населения,

[8] *Никитский А.* Житие преп. отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 25, гл. 1; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г.Васильевского.– СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 132.

[9] Подр. см.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 35–37, 44–45, 120–122.

обеспечить ему нормальный прожиточный уровень и стабилизировать экономику города.

Одним из ведущих, видимо, пока к X в. не изменился уровень моря и не началось похолодание его вод, оставался рыболовный и рыбозасолочный промыслы, вылов свежей рыбы, ее переработка и, в частности, изготовление столь популярных в рационе ромеев рыбных соусов (гарума, гарона). Разумеется, определенная часть характерных глиняных пирамидальных грузил для удилищ и сетей должна быть отнесена к эпохе Средневековья. Прежде всего это относится к грузилам, которые были лишены штампованных изображений, какие было принято делать в античный период. О том же говорят аналогичные находки с «вдавленным изображением двойного креста»[10].

Ныне можно считать непреложно доказанным, что некоторые из рыбозасолочных цистерн были построены в разных районах города в IV-VI вв. и позднее, продолжали функционировать в последней четверти — конце VII в.[11] Многие из них (19% — около двух десятков из известных 101) оказались засыпаны в конце VI — начале VII в.[12], но в большинстве случаев это было вызвано необходимостью произвести обновление внутри отдельных кварталов города вследствие бурно ведшегося строительства и, следовательно, упадок рыбного промысла здесь ни при чем. Неоднократные упоминания об острове Св. Эферия (Евферия) во всех редакциях житий св. епископов Херсонских, составленных к концу VI в. кем-то из местных клириков, говорят о том, что район Черного моря, примыкающий к устью Днепра и особенно богатый рыбой, был хорошо известен херсонитам уже в это время, если не раньше, и они были в состоянии разрабатывать не только ближние, но и дальние морские ресурсы[13]. Особенно активно рыбаки продолжали ловить анчоус в районе Херсонесской, Стрелецкой, Балаклавской бухт во время декабрьской и апрельской путины и вели добычу более крупных пород рыб в отдаленных местах[14].

Наиболее развитый с первых веков н.э. соляной промысел, обеспечиваемый десятком местных соляных озер в северо-западной части Гераклей-

[10] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 153.

[11] *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV веках н.э. – Харьков, 1970. – С. 12; *Романчук А.И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. – 1973. – Вып. 9. – С. 45–52; *Романчук А.И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. – 1977. – Вып. 14. – С. 18–26; *Романчук А.И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 73; *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // Архив НЗХТ. – Д.№2290. – Л. 7–8 (рыбозасолочный комплекс с 5 большими пифосами); *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1983 году // Архив НЗХТ. Д. №2391. – А. 3–5; *Голофаст А.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 111–119.

[12] Цистерны №6, 30–33, 52, 55, 56, 68, 69,72, 73, 76, 92, 97, 98, 99, 100, 101 – см.: *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 94–95, 97–101.

[13] См.: *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 30.

[14] Ср.: *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. – Харьков, 2000. – С. 69–70, 74–75. Примечательно, что во время весенней миграции анчоус сосредоточивался именно в северо-западной часть Черного моря, а район Херсонеса проходил редкими косяками.

ского полуострова, в районе Сакской пересыпи и Евпатории, существовал и в более позднее время[15]. Наличие рыбозасолки, несомненно, стимулировало его, и он имел все возможности по-прежнему давать не менее 20 тыс. ц соли[16]. Эта отрасль, следовательно, не имела никаких оснований для депрессии. Соль была не очень дорогим продуктом (обычно не дороже 2-3 фоллов за кг)[17], зато крайне необходимым всем и поэтому весьма выгодным, прибыльным для ее реализаторов. Соледобытчики же — херсониты имели все основания, чтобы быть в числе ведущих из них, причем не только в границах Таврики, но и в заморье. Значение соли в экономике Херсона было стабильным в течение всего Средневековья. Этот важный товар производился далеко не везде, и города, располагавшие салинами, находились в Империи на особом счету[18]. В самые тяжелые, неблагоприятные времена, а к таким, видимо, можно отнести лето 655 г., когда в Крыму оказался папа Мартин I, экспорт этого товара в сторону Босфора не прекращался, выручая херсонитов, особенно в сезон солезаготовки, в августе — сентябре, когда на заработанные от продажи промысловой продукции средства городу надо было закупать зерно нового урожая[19]. При условии реализации половины от общего объема соледобычи можно было бы выручить около 7000 номисм и на них приобрести даже по очень высокой цене в 3 номисмы примерно 2300 модиев зерна (около 23 т, если исходить из величины большого, аннонного модия). Поскольку этого количества хлеба было бы крайне мало для пропитания населения города до следующего урожая, значит, у херсонитов должны были быть и другие источники существования.

Из зафиксированной к настоящему времени на территории города 101 рыбозасолочной цистерны не менее 36 относятся к периоду между VI и IX вв.[20] Около двух десятков цистерн (№6, 30–33, 52, 55, 56, 68-70, 72, 73, 76, 77, 92, 97-101) было засыпано к концу VI — началу VII в., во время наиболее интенсивной застройки Херсона, но и после этого более десятка оставшихся продолжали использовать (№36-40, 63-65, 74, 75, 81, 84)[21]. Известно, что вес 1 м^3 рыбы равен 7,5-8 ц, а засолка продукции рыболовного промысла производилась два раза в год, что зависело от сроков осенней и весенней путин[22]. При среднем объеме херсонесской рыбозасо-

[15] *Кадєєв В.І.* Соляний промисел в пізньоантичному Херсонесі (I–IV ст. н.е.) // *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. – Харьков, 2000. – С. 55–59; *Кутайсов В.А.* Соляной промысел в Юго-Западном Крыму // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 152–154.

[16] *Кадєєв В.І.* Соляний промисел ... – С. 60–61.

[17] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 401.

[18] *Браунинг Р.* Византийская Фессалоника: уникальный город? // ГЕННАДІОС: К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. – М., 1999. – С. 24.

[19] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (ст., пер., коммент.) // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – Письмо XVII, С. 179, коммент. 7.

[20] *Романчук А.И.* Море как фактор развития экономики и культуры византийского Херсона // Византия и Крым: Междунар. конф. 6–11 июня 1997 г., Севастополь: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 71; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 89–101.

[21] См.: *Романчук А.И.* Очерки... – С. 89–101.

[22] *Кадєєв В.І.* Риболовний промисел у Херсонесі в перших віках н.е. // *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. – Харьков, 2000. – С. 84. Оборачиваемость промысла могла быть еще больше, поскольку, по мнению Ю.Л. Марти, рыбозасолочная цистерна использовалась в

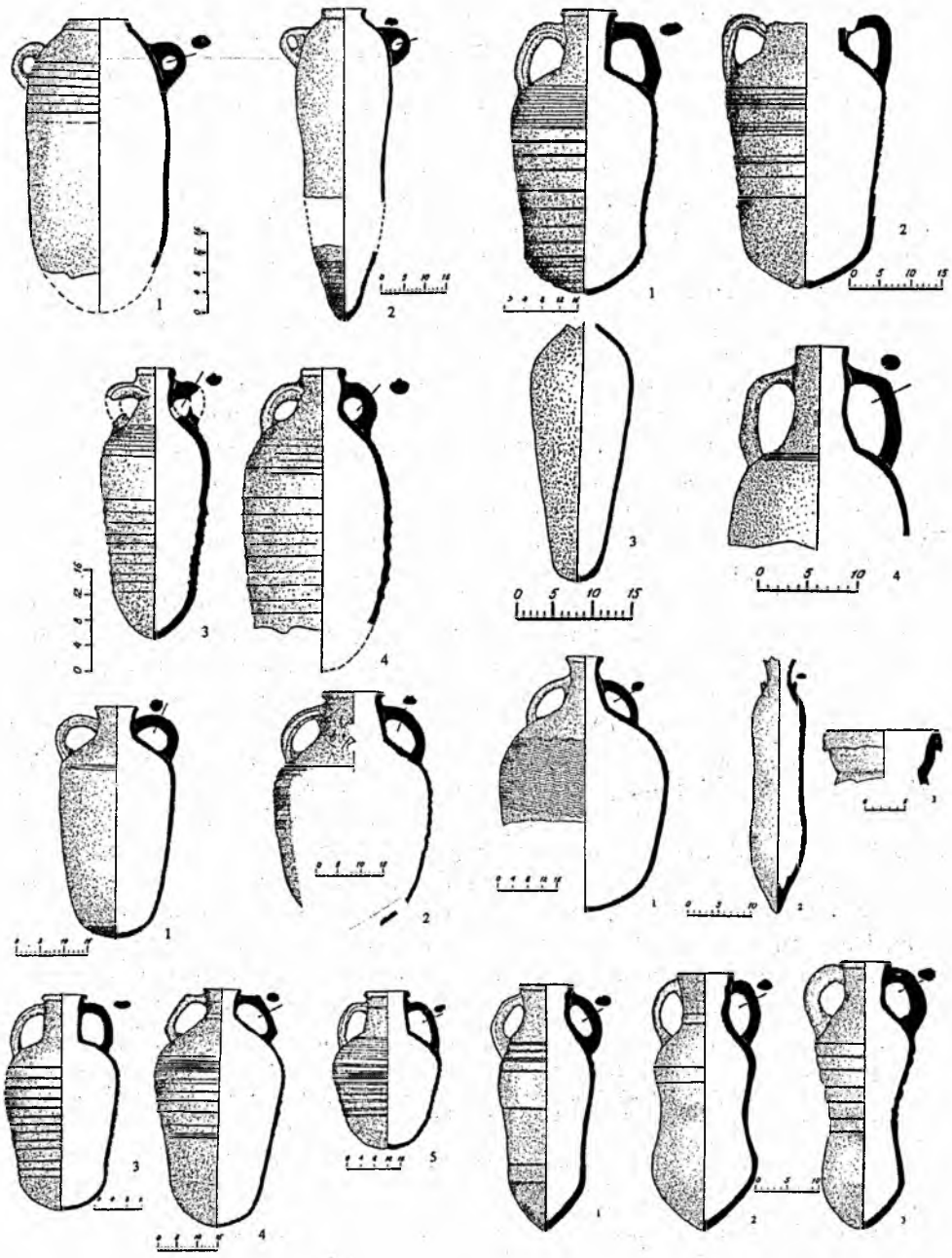

РиС. 59. Основные классы ранневизантийских амфор из Херсона (по А.И. Романчук)

лочной цистерны до 25-30 м^3, в одновременно действовавших цистернах можно было получить примерно от 11250 до 14400 цн соленой рыбы.

течение года до восьми раз: *Марти Ю.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. – 1941. – №4. – С. 94.

Выходит, при населении города в 6-7 тыС. человек на одного жителя, включая детей, младенцев, приходилось в среднем около 157-230 кг этой продукции, вполне достаточной не только для собственного употребления, но и для продажи некоторого количества за пределы Херсона[23]. Даже для того чтобы заполнить одну «среднетиповую» цистерну 2-2,5 т соленой рыбы, требовалось не менее одной лодки с двумя-тремя рыбаками, которые должны были бы трудиться всю путину изо дня в день не покладая рук[24]. Всего же, пока к началу VII в. не спал пик активности промысла анчоуса вследствие необходимости засыпки некоторых рыбозасолочных комплексов, требовалось не меньше 30 рыболовецких судов и около ста рыбаков (1/20 часть взрослого мужского населения), что лишь примерно в два-три раза уступало тому количеству рыбаков, которые были задействованы в Херсонесе в римский период, когда была освоена засолка анчоуса, а соленая рыба и гарум производились в особенно больших количествах, в том числе с целью поставок римским войскам[25].

Керамическое производство. Раскопки показали, что в разных районах городища прослеживаются мощные нивелировочные засыпи — судя по стратиграфии, свидетельства частичных перепланировок и общественного строительства главным образом второй половины VI — начала VII в. Отмечены они и в северо-восточном районе, причем специалисты, проводившие здесь разыскания, посчитали чрезвычайно важным отметить, что «археологическая насыщенность слоя достаточно бедна. В основном это небольшие фрагменты керамических сосудов — амфор и краснолаковой посуды — как правило, импортных»[26]. По мнению М.И. Золотарева и С. В. Ушакова, проводивших здесь раскопки, «все это говорит о неразвитости местного ремесленного производства, что, в свою очередь, может свидетельствовать об относительной слабости экономики Херсонеса этого времени. Вероятно, экономического потенциала города хватало лишь на осуществление крупномасштабной программы строительства базилик. Не исключено, что эта программа носила общегосударственный характер»[27]. Наблюдение действительно важное, предупреждающее о возможном перегибе в «реабилитации» представлений об отсутствии упадка и чрезмерной натурализации хозяйства Херсона конца VI — VII в. И все же город пользовался не только импортной

[23] Полученные цифры не намного отличаются от подсчетов А.И. Романчук, полагавшей, что в в VI в. в городе одновременно действовало 10–11 цистерн, вмещавших приблизительно 9900 цн рыбы, а в VII в. их число достигало не менее 16 (см.: *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 16–18). По другой методике подсчета, исходящей из срока службы одной цистерны примерно в 50 лет, выходит, что каждый 50-летний цикл в VI–IX вв. в городе могло действовать по четыре цистерны, продукция которых составляла в среднем 1600–1920 цн (Романчук А.И. Очерки истории и археологии... – С. 95).

[24] При благоприятных условиях улов на одну лодку за все время путины достигал примерно 250 ц – см.: *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья: Статьи разных лет. – Харьков, 2000. – С. 90. А.И. Романчук в четыре раза завысила результаты своих подсчетов числа лодок, необходимых для заполнения цистерны №33, раскопанной Е.Г. Суровым, поскольку не обратила внимание, что 8 ц составлял размер улова на одну лодку за сутки, а не за всю путину. В действительности для ее заполнения требовался улов не 30 лодок, а около 7–8 (ср.: *Романчук А.И.* Очерки... – С. 92).

[25] Ср. *Кадеев В.И.* История и археология... – С. 90–92.

[26] *Золотарев М.И., Ушаков С. В.* Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Х сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 36.

[27] *Золотарев М.И., Ушаков С. В.* Указ. соч. – С. 36.

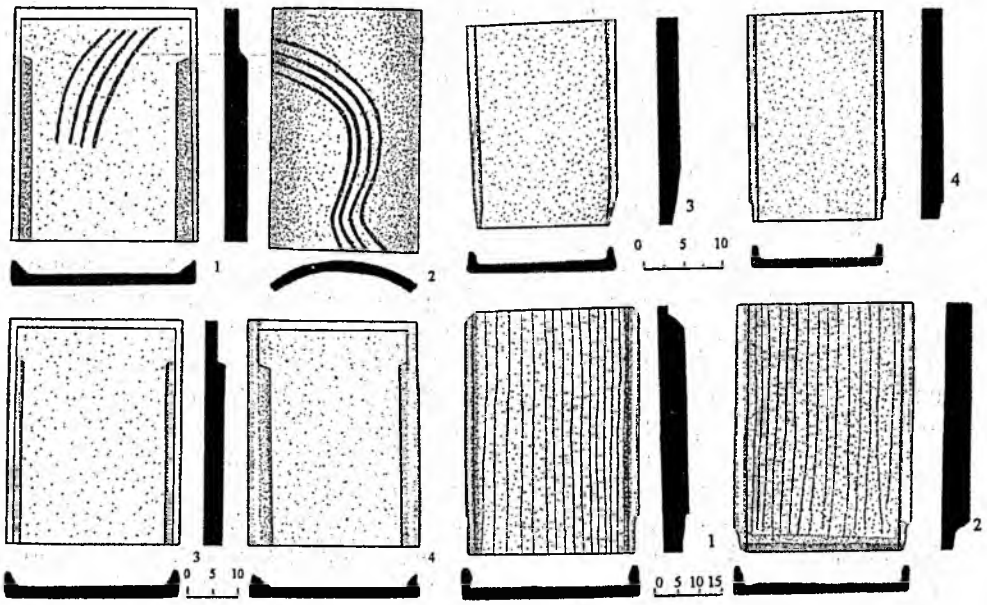

Рис. 60. Варианты херсонских керамид VI–VII вв. (по А.И. Романчук)

керамической продукцией. В это время в него поступало не менее семи типов привозных амфор, но и не менее пяти производилось на месте (рис. 59)[28]. То же самое можно сказать в отношении местной ранневизантийской черепицы с гладкой поверхностью или с продольными, полукруглыми, зигзагообразными полосками, до IX в. сохранявшей близость формы с римской (49–60 х 35–40 см), и квадратной плинфы, в том числе с индиктными клеймами (рис. 60)[29]. Такие плоские кирпичи со стороной чуть больше византийского фута находили в это время широкое применение в строительном деле, в частности при возведении некоторых общественных, культовых сооружений в технике opus mixtum, со слоями раствора, равными или в два с лишним раза превосходящими толщину кирпича. Среди калиптеров местного производства, служивших для перекрытия стыков между керамидами, тоже преобладали крупные изделия длиной 57–58 см, шириной 38–39 см, высотой полукруга до 5–6 см, на которых сверху пальцем проведены полосы, зигзагообразные и полукруглые линии (рис. 61)[30]. Археологические комплексы конца VI — третьей четверти VII в., зафиксированные на городище, демонстрируют при сокращении общего количества керамики преемственность основных типов, которые бытовали в начале этого периода (рис. 62)[31]. Гончарные же печи ранневизантийско-

[28] *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – С. 27–28.
[29] *Романчук А.И.* Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. – 1976. – Т.37. – С. 157–158, рис. 2; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 120–121, рис. 40, 1, 3–4; 41.
[30] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 121, рис. 40, 2; 42, 1–2.
[31] Ср.: *Sazanov A.* Les amphores de l'antiquite tardive et du Moyen Age: Continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du VIe Congres de l' AIECM. Aix-

го времени обнаружены около куртины 4 и в «цитадели», около 19 куртины, на месте помещений бывшего римского контуберния, частью переделанного для иных, очевидно, хозяйственных нужд[32].

Еще более показательны результаты изучения клейменых плинф конца VI — начала VII в., которыми было выложено дно двух рыбозасолочных цистерн (№84 и №86), располагавшихся на Северном берегу к востоку от IX поперечной улицы[33]. Они позволяют заключить, что большинство из них было изготовлено в одно время и только некоторые — в предыдущем году, причем над ними работало не менее трех гончаров, один из которых делал кирпичи для обоих цистерн. Следовательно, рыбозасолочный промысел стимулировал другие городские ремесла и, в частности, местное керамическое производство, продукцию которого отличали стандартизация и, значит, товарный характер[34]. Как видно, его неразвитость тоже не следует преувеличивать, равно как и упадочность херсонесской экономики конца позднеантичной поры. Едва ли будет верно сказать, что она «находилась на подъеме»[35], но и назвать ее слабой столь же неточно[36].

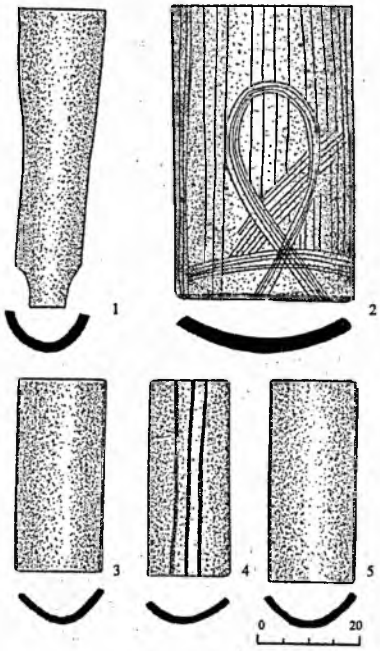

Рис. 61. Калиптеры VI–VII вв. (верхний ряд) и IX–X вв. (нижний ряд) (по А.И. Романчук)

Рис. 62. Кухонные горшки, кастрюли, блюда, миски, крышки и флакон из засыпи цистерны конца VI в. в портовом районе Херсона (по А.Л. Якобсону)

en-Provence 13–18 novembre 1995. – Aix-en-Provence, 1997. – P. 100.

[32] *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 23; *Гриневич К.Э.* Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг.: (Предварительный отчет) // Крым. – М.; Л., 1929. – №1 (9). – С. 30.

[33] *Кадєєв В. І., Рижов С.Г.* Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі // Археологія. – 1973. – Вип. 12. – С. 76–80; *Романчук А.И.* Раннесредневековая строительная керамика... – С. 157–158.

[34] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1969. – №69. – С. 301–304; *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 249; *Романчук А.И.* Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – 1975. – Вып. 11. – С. 12; *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Proceedings of the Byzantinological Symposium in the 16th International Rirene Conference. – Praha, 1985. – С. 129, 132–133.

[35] Ср.: *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 94.

[36] Это наблюдение совпадает с точкой зрения А.И. Романчук, тоже находящей возражения по поводу предположения М.И. Золотарева и С. В. Ушакова (*Романчук А.И.* К истории Херсона VII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 31. – С. 92–97).

Рис. 63. Матрицы, литейные формы и бракованные пряжки VII–VIII вв. из Херсона: 1–4 – матрицы VII в. для производства деталей поясных наборов; 5 – пряжки типа «Сиракузы»; 6 – литейная форма для отливки пряжек; 7 – бракованная пряжка; 8, 9 – бракованные пряжки типа «Коринф» варианта второй половины VIII в. (по А.И. Айбабину)

Косвенно на зажиточность горожан указывают ранневизантийские эпиграфические памятники с упоминаниями ктиторов, на пожертвования которых сооружались и украшались храмы, возводившиеся местными ремесленниками-икодомами, следовательно, отнюдь не только за счет государственных средств[37]. Сам размах не только общественного, но, как теперь становится ясно, и жилого строительства во второй половине VI — первой половине VII в. по всем районам города тоже говорит о том, что экономика Херсона была в состоянии выдержать напряжение этого «архитектурного бума».

Кузнечное, литейное и ювелирное дело. Металлообработка, металлургическое оборудование позднеантичного города ничем не отличались от существовавших в раннесредневековый период[38]. Результаты спектрального и металлографического анализа состава раннесредневековых медных монет, бронзовых пряжек типа «Сиракузы» тоже не отличаются от позднеантичных херсонесских сплавов[39]. Как показывают результаты раскопок в портовом районе, в ранневизантийское время здесь не прекращалась хозяйственная жизнь, действовали производственные комплексы, в том числе литейные и металлургические[40]. Следы деятельности бронзолитейного эргастирия, тигли, шлаки, форму для отливки обнаруживают раскопки 1910–1912 гг. в двух помещениях (XI и 26) в III квартале северо-восточного района Хер-

[37] См.: *Беляев С. А.* Из истории социальной жизни Херсонеса втрой половины IV–VI вв. // Палестинский сборник. – 1987. – Вып. 29 (92). – С. 76 –84.

[38] Ср.: *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики ... – С. 30–31, 47–53; *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсонесе // СА. – 1982. – №3. – С. 196.

[39] *Кадеев В.И.* Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса // СХМ. – 1963. – Вып.3. – С. 36–37; *Кадеев В. И., Солнцев А. А., Фомин А. Д.* О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе // СА. – 1963. – №1. – С. 43–48; *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов... – С. 190, риС. 1,5; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 168, рис. 73,5. Херсониты, несомненно, продолжали пользоваться привозным сырьем, ибо не имели других источников цветных металлов. Анализы позволяют полагать, что местный свинец получали из гелснита, который добывали в месторождениях Троады и района Синопы, а медь добывали из халькозина (медного блеска) – одной из наиболее богатых разновидностей медных руд, очевидно, месторождений между Синопой и Амастридой (Амастрой), откуда она в слитках через северомалоазийские портовые центры попадала в город – см.: Кадеев В.И. Очерки истории экономики ... – С. 39–43.

[40] *Дьячков С. В.* Раскопки XIV продольной улицы Херсонеса Таврического // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы медунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 17–18.

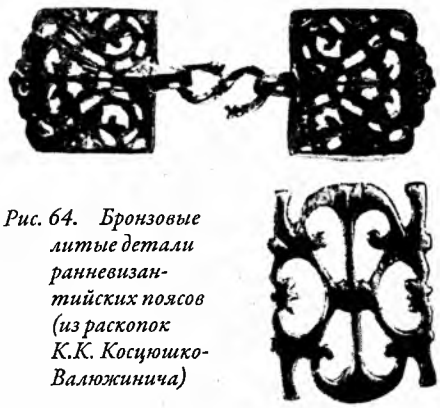

Рис. 64. Бронзовые литые детали ранневизантийских поясов (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича)

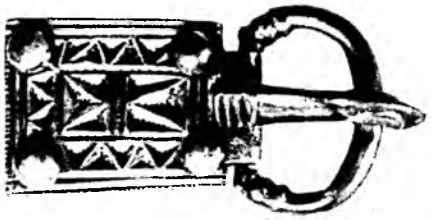

Рис. 65. Позолоченная серебряная литая пряжка конца VI в. (склеп 14, западный некрополь, 1914 г.)

Рис. 66. Позолоченная серебряная литая пряжка с гравированным орнаментом в виде крестовидной розетки в круге и концом языка в виде головы змеи (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича)

сона (рис. 63)[41]. Судя по находкам шлака, бронзовых слитков, бракованных пряжек на дне моря под обрывом мыса, поблизости, в районе Восточной площади и кварталов С и СI, могла функционировать еще одна раннесредневековая мастерская[42]. В VI–VII вв. в городе были ремесленники, изготовлявшие по византийским образцам в технике литья или штамповки медные, бронзовые и из низкопробного серебра, иногда позолоченные, крупные ременные пряжки с крестами греческого типа, рельефными параллельными линиями на щитке, типа «Сиракузы», и несколько более поздние, с прямоугольной рамкой, с овальным кольцом и трапециевидным щитком, а также браслеты, литые фигурные дверные ручки, детали поясных наборов и сами пояса, о чем свидетельствуют находки соответствующих литейных форм, бракованных пряжек, матриц для изготовления литых так называемых геральдических блях и изящных поясных наконечников с рельефным орнаментом или с изображением двух птиц по сторонам вазы (рис. 64–69)[43]. Не исключено, что такие матрицы могли попасть в Херсон

[41] *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. – 1982. – №3. – С. 196; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 52.

[42] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 168.

[43] *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 16; *Айбабин А.И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. – 1977. – №1. – С. 225–239; *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов ... – С. 190–198, рис. 1, 1–5, 8; 2–4; 5, 1; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 270–271, рис. 136, 1; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 29–31, 42, 71, рис. 24, 1–7; 28, 1–3; 37, 5–9, 11–12; 51, 22, 39; 52, 33; *Aibabin A.* La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules a Chersonese, au Bosphore Cimmerien et dans la Gothie de Crimee aux VIe – VIIIe siecles // Outils et ateliers d'orfevres des temps anciens. Antiquites natioanales. Saint-Germain-en-

Рис. 67. Бронзовая литая ручка в виде львиной головы (диаметр – 7,8 см) (из раскопок 1907 г. около 18 куртины)

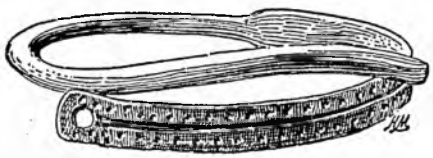

Рис. 68. Бронзовый браслет VI–VII вв. из склепа 2815, 1908 г. (по Н.И. Репникову)

Рис. 69. Бронзовые поясные пряжки херсонского производства второй половины VI–VII в. (по А.И. Айбабину)

с заезжими ювелирами. Большая часть этой продукции херсонских ремесленников была рассчитана на сбыт в сельской периферии, федератам области Дори и находит многочисленные аналогии в погребениях Юго-Западной Таврики второй половины VI — VIII в. Следовательно, город в глазах окрестного сельского населения выглядел центром кузнечного, литейного и ювелирного дела.

Его мастера изготовляли церковную утварь, предметы христианского культа. К их числу относится серебряное кадило VI–VII вв. с погрудным изображением Христа и апостолов Петра и Павла, которое несет в своем стиле исполнения влияние принципов малоазийской торевтики, но не имеет пробирных клейм, свойственных продукции константинопольских эргастириев аргирокопов (рис. 70)[44]. Его обнаружили при раскопках городища поблизости от «храма с ковчегом», но, очевидно, оно было сделано искусным местным сребродельцем, выполнившим заказ для отстроенного в конце VI — начале VII в. в восточной части города большого кафедрального храма

Laye, 1993. – Memoire 2. – P. 167–168, fig. 8; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 130, рис. 53, 1–3; С. 168, рис. 73; *Хайрединова Э.А.* Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // Х сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 334–348; ср:. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новые данные о положении Херсонеса Таврического в IV – первой половине VII вв. // Древности Северного Причерноморья и Крыма. – 1996. – Т. 6. – С. 126; *Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой порловине VI вв. // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 56–57, 85, рис. 1, 9–10.

[44] Кадило было выполнено в виде кубка 9 см высоты, диаметром 6 см сверху и диаметром 4,5 см подставки снизу. Оно имело три ушка для подвешивания на цепи, а внутри уцелели остатки лада-на в виде бурой массы (Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д.№13. – Л. 10; Искусство Византии в собраниях СССР. – М., 1977. – Т. 1. – С. 111, №152 (издатели посчитали предмет лампадой); *Залесская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV–XII вв.: Опыт атрибуции. – СПб., 1997. – С. 18, рис. 21).

св. апостолов Петра и Павла. К кругу такой же продукции относится медный крест с расширяющимся перекрестием и несколько удлиненным нижним концом, в середине которого представлена Богоматерь с младенцем, а вверху и внизу — Вознесение и Преображение с соответствующими надписями на греческом[45]. Предметы культа — бронзовые литые кадила VI–VII вв. и подвески к ним изредка встречаются во время раскопок загородного некрополя (рис. 71)[46]. Примечательна находка в 1966 г. в одном из портовых кварталов двухсторонней формы, выполненной из бронзы, для отливки небольших нательных крестиков (15,5x17,5; 28x28 мм), которые обнаруживают аналогии на изображениях, оттиснутых на двухпластинчатых бронзовых пряжках VII в. с прямоугольным щитком[47]. Явно на массовый сбыт были рассчитаны крестики «византийского» типа с расширяющимися концами, какие-то прямоугольные пластиночки с насечками, подвески в виде раковины и круглые амулеты-медальоны с погрудным изображением фигуры безбородого длинноволосого мужчины с крестами в обеих воздетых руках и с круговой надписью по краю: «Господи, помоги носящему. Аминь» (kyrie, [b]oethei ton phoro[u] n[ta a]men) (рис. 72)[48]. Они были выре-

Рис. 70. Серебряное кадило VI–VII вв. с изображением Христа и апостолов Петра и Павла (по В.Н. Залесской)

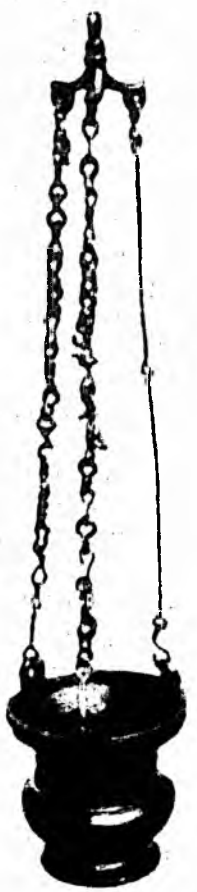

Рис. 71. Бронзовое литое кадило (libanotos) VI–VII вв. (склеп 8, западный некрополь, 1914 г.)

[45] Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 23.

[46] *Скубетов М.И.* Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. – Симферополь, 1910. – №44. – С. 42–44; Византийский Херсон: Каталог выставки. – М., 1991. – С. 33.

[47] *Яшаева Т.Ю.* Форма для отливки наперсных крестов из раскопок Херсонеса // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты: V Междунар. Крым. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 50–51.

[48] Отчет за 1898 год // Архив НЗХТ. – Д. №7. – Л. 7–8; Древности южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895–1898 годах с объяснениями акад. В.В. Латышева // МАР. – СПб., 1899. – С. 27–30, №41; С. 41.

Рис. 72. Литейные формы из сланца. Из раскопок 1903 г. (а) и 1898 г. (б, в)

заны в плитке литейной формы из серого сланца (длина – 7,5 см, наибольшая ширина – 6 см, толщина – 1,3 см), которую обнаружили во время раскопок в 1898 г. около башни Зинона и куртины 20. По характеру тщательно и красиво вырезанной надписи и правильности орфографии В.В. Латышев отнес форму к «ранним византийским временам», не позднее VII в.[49] По его мнению, отливавшийся в ней бронзовый или медный круглый образок-подвеска являлся филактерием, индивидуальным оберегом, который должен был охранять носящего, однако с не меньшим основанием в нем можно видеть евлогий, исполнявший, кроме прочих, функции амулета. Все это вполне объяснимо, учитывая, что христианский Херсон должен был создать соответствующую структуру производства, рассчитанную на удовлетворение запросов не только горожан, но и паломников, прибывавших поклониться к местным святыням[50]. Кроме того, следует учесть, что пределы допустимого в использовании защитных свойств подобных крестиков, амулетов-евлогиев, легко переходились, сближаясь с популярными в народе формами бытовой магии, что не мешало помещать их в арсенал филактериев как разрешенное защитное средство[51].

Видимо, таких орудий ремесла было гораздо больше, чем можно думать на основании их находок. Ведь их ценили и берегли больше всего, и уж конечно, не думали выбрасывать. В этой связи стоит вспомнить риторически утрированные, несколько преувеличенные, но в целом верные слова Иоанна Хризостома, передающие трепетное отношение ромеев-ремесленников к своим инструментам и специальному оборудованию: «Многие часто решались скорее войти в долги, чтобы прокормить дом и детей, нежели продать даже малейшее орудие ремесла, так как, потеряв их, они уже не будут в состоянии найти где-нибудь облегчение своей нищеты и голода»[52].

Косторезное ремесло. В городе трудились искусные косторезы, унаследовавшие богатый опыт прежних херсонесских мастеров[53]. В VII в. из их рук выходили такие изящные изделия, как орнаментированный крест 12x12 см с надписью, означавшей, что он был посвящен св. Леонтию, чей храм существовал в городе, или пиксида-реликварий с крышкой в виде

[49] А.Л. Якобсон отнес матрицу ко времени «не позднее X в.», таким образом необоснованно расширив диапазон ее функционирования (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 328, рис. 180, 1–2).

[50] *Яшаева Т.Ю.* Средневековый Херсонес как центр малого паломничества // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 157.

[51] *Барабанов Н.Д.* Византийские филактерии: Специфика арсенала // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 220–222.

[52] *Иоанн Златоуст.* Полное собрание творений: В 12 т. – М., 1991. – Т. 1. – С. 811.

[53] См. *Кадеев В.І.* Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі (I–IV ст. н.е.) // *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья. – Харьков, 2000. – С. 122–129.

креста тоже с надписью «св. Леонтий»[54]. Но основную массу поделок составляли гораздо более утилитарные предметы из кости, происходящие из слоев VI–VII вв. в кварталах I и III, такие как гребень очень хорошей сохранности, малая костяная проколочка с ушком, круглая игральная шашка, на внешней стороне которой очень искусно вырезаны изображения четырех птичек со сложенными крыльями и длинным клювом, причем врезные линии заполнены красной краской (рис. 73)[55]. Особенно много костяных предметов оказалось в засыпи второй половины — конца VI в., в подвале для пифосов с соленой рыбой на северном берегу, в квартале XV–XVIII, на месте бывшего дома винодела IV в. Здесь были обнаружены круглая проколка, украшенная нарезками, ручка из бараньей кости с гравированным орнаментом, прямоугольная пластина с двумя дырочками, по-видимому, створка диптиха; круглая палочка с гравированным орнаментом, с отверстием на конце для прикрепления к ней колокольчика или побрякушки[56]. Совершенно очевидно, что техника обработки и инструментарий местных мастеров практически не менялись от столетия к столетию, указывая на глубокую преемственность и живость традиций этого ремесла[57].

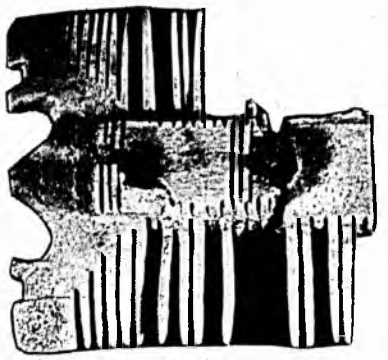

Рис. 73. Костяной гребень из раскопок земляного пола с материалом VI–VII вв. в квартале I в 1977 г. (по М.И. Золотареву)

Стеклоделие. В это время в Херсоне не угасли и традиции собственного производства изделий из стекла. Как и в других провинциальных византийских центрах, оно опростилось, его ассортимент сократился и ограничивался в основном разнотипными рюмкообразными сосудами для питья и для литургических целей, лампадами-светильниками и колбовидными сосудами — бальзамариями или бутылками столь же однородного и не очень высокого качества, но зато их остатки зафиксированы в целом ряде комплексов, а применительно к району XXV и XXVIII кварталов на северном берегу городища можно говорить как о месте, где размещался своеобразный квартал стекольщиков (o yaleas), имевших здесь свои эргастирии[58]. На это указывают находки стекловарных печей, которые, судя

[54] *Залесская В.Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья: (Новые поступления византийского отделения Эрмитажа) // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 204–206, №1, рис. 1–2; *Степанова Е.В.* О конференции памяти А.В. Банк // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 258.

[55] *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1977 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1933. – Л. 5, рис. 23; *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1987 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2761. – Л. 13.

[56] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. // Архив НЗХТ. – Д. №623 / 1. – Л. 29.

[57] Ср.: *Романчук А. И.* Изделия из рога и кости в средневековом Херсонесе // Античный и средневековый город (АДСВ. – Вып. 18). – Свердловск, 1981. – С. 84–105; *Шаманаев А.В.* Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 28. – С. 49–66.

[58] *Голофаст А.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсоне // МАИЭТ. – 1997. – Вып. 6. – С. 312–326; *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии РАН. – М., 1998. – С. 9–20.

по большому количеству отходов (бесформенным глыбам недоваренного стекла — фитты, шлаку, массе стеклянного боя), действовали в течение продолжительного времени[59]. Прекращение их функционирования к концу VI — началу VII в. было связано с развернувшимся здесь строительством, в частности с возведением очередного кафоликона — большой базилики 1932 г., но это не значит, что в городе после этого перевелись стеклоделы. Спрос на стеклянную посуду и особенно на оконное стекло оставался большим, учитывая интенсивное жилое и культовое строительство, развернувшееся в это время[60]. Во всяком случае, необходимость остекления храмов и обеспечения их культовыми сосудами так или иначе подталкивала к созданию стеклоделательных эргастириев. Мало того, можно подозревать, что изменения, затронувшие осветительное дело, а точнее, производство приборов освещения, отразились и в их сфере и обеспечили интенсивную работу.

Весьма примечательно, что с VI-VII вв. письменные и археологические свидетельства о привычных, изготовленных в форме глиняных, масляных светильниках римского типа становятся все реже. Все известные нам каталоги и публикации светильников не случайно ограничиваются названными выше хронологическими рамками. Очень редкими и, как правило, невыразительными становятся прежде столь многочисленные светильники в закрытых комплексах, относящихся к этому времени[61]. Не позже середины, а скорее, начала VII в. можно говорить о незначительном импорте в Херсон формованных светильников из Фракии или Константинополя и Малой Азии с фигурными ручками в виде человеческой головы, треугольного «листа», с четырехконечным прислоненным к ручке крестом, а также глиняных ламп так называемого «африканского типа, со штампованными изображениями в медальонах, составленных из пальметок и геометрических фигур (рис. 74)[62]. Судя по находке в раннесредневековых слоях формы для оттиска подобных «фракийских» светильников, в местных гончарных эргастириях пытались делать подражания импортным лампам, хотя и менее качественные, чем привозные образцы[63]. Грушевидные глиняные светильники с широким каналом от щитка к удлиненному рожку, по сути дела, остаются последним оформившимся типом, завершившим к середине VII в. финальный этап длительной эволюции осветительных приборов этого вида.

---

[59] См.: *Белов Г.Д.* Раскопки в Херсонесе в 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1263. – А. 12; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1842. – Л. 3.

[60] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 166.

[61] *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С.246–250; *Романчук А.И.* Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – 1975 – Вып. 11. – С. 3–14; *Голофаст Л.А.* Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1994 (1995). – Вып. 4. – с. 217, рис. 3, 4.

[62] *Залесская В.* Импортные глиняные светильники IV–VII вв. в Северном Причерноморье // Византия и Крым: Тезисы междунар. конф., г. Севастополь, 6–11 июня 1997. – Симферополь, 1997. – С. 39; *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State historical museum – Moscow. – Roma, 1998. – P.171–174, №108–110; Сорочан С.Б. [Рец.] // ВДИ. – 1999. – №3. – С. 215–220 (*L. Chrzanovski, D. Zhuravlev.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow. – Roma: «L'ERMA» di BRETSCHNEIDER, 1998. – 296 p., ill.).

[63] *Сорочан С.Б., Шевченко А.В.* Западнопонтийские светильники II–VI вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. – 1983. – №238. – С. 99.

Рис. 74. Керамические светильники так называемого фракийского типа из Херсона. VI – начало VII в.

Зато тогда же значительно возрастает количество стеклянных лампад и рюмкообразных сосудов, которые, судя по крошечным кольцевидным ручкам на бортике, служили не только для питья или в качестве потиров для индивидуального причащения[64]. Бронзовые люстры-лампадофоры или поликандила V–VII вв. с подвесными ажурными дисками с отверстиями по краю или с многочисленными рожками, оканчивающимися горизонтальными кольцами, явно предназначались для установки лампад, а не светильников римского типа, не годившихся для этого в силу своих конструктивных особенностей[65]. Например, в Херсонесе самая ранняя «люстра»-держатель для лампад и сами лампады датируются исследователями рубежом IV–V вв.[66] Исчезает прежде столь важная в культовом и похоронном обряде роль глиняных ламп[67]. Точнее, их и здесь заменяют иными осветительными приборами. Так, по словам Павла Силенциария (563 г.), великолепие интерьера Св. Софии составляли стеклянные лампы, в том числе резные[68], а Феофилакт Симокатта, описывая запомнившиеся константинопольцам похороны императора Тиверия II в 582 г., вспоминал, как всю ночь, до самого рассвета, длилось печальное пение псалмов «при зажженных лампадах», что создавало тяжелое впечатление[69].

Уже с IV в. в широкое обращение во всех греко-римских провинциях входят стеклянные кубки с коническим или цилиндрическим туловом, иногда украшенные каплями синего стекла, которые бытовали до VI в.[70] Об их использовании в качестве осветительных приборов свидетельствуют

[64] Isings C. Roman Glass from Dated Finds. – Groningen; Djakarta, 1957 – P. 139. По мнению Н.П. Сорокиной, рюмкообразные сосуды отличала полифункциональность: они могли использоваться и для питья, и служить лампами, и быть пригодными для других целей (*Сорокина Н.П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Тамаанского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. – М., 1963. – С. 134–151. Ср.: *Щапова Ю.Л.* Стеклянные потиры: археологический аспект истории священных сосудов // ВВ. – 2005. – Т. 64 (89). – С. 198–210 (исследовательница предположила, что вся масса подобных сосудов с III до XI в. служила в качестве потиров, с чем невозможно согласиться).

[65] *Лазарев В.Н., Банк А.В.* Искусство Византии в собраниях Советского Союза: Краткий путеводитель. – Л., 1975. – С. 15; *Bailey D.* Byzantine Lamps // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – P. 18, 106–107, №116.

[66] *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Ежегодник музея религии и атеизма. – Л., 1978. – С. 132.

[67] Ср.: *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства ... – С. 153; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. – К., 84. – С. 147–156.

[68] *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло: Очерки истории. – М., 1998. – С. 231.

[69] Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1887. – I. 2. 4.

[70] *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. – 1971. – №4. – С. 85–101.

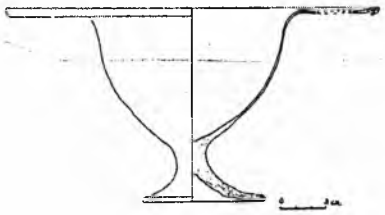

Рис. 75. Стеклянный лампадофор из слоя с материалом третьей четверти VI в.

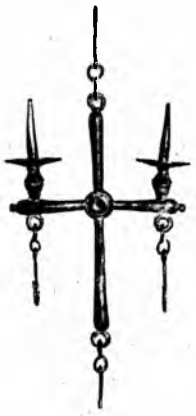

Рис. 76. Бронзовый крестовидный подвесной держатель для лампад и свечей второй половины VI – первой половины VII в. Сирия. Дл. 0,45 см, ш. 19, 5 см

находки такого рода лампад со следами масла на стенах и изображения подобных подвешенных сосудов на надгробии из Рима или на мозаике синагоги из Hammat Tiberias, где они показаны укрепленными на концах семисвечника-меноры[71]. С самого начала такие изделия не уступали в популярности глиняным светильникам. В них наливали воду, а поверх нее — слой масла, в который опускали фитиль. Примечательно, что в Херсонесе ввоз стеклянных лампад начал прослеживаться во второй половине – конце IV в. и поначалу шел параллельно импорту светильников[72].

С конца V в. и до VIII в. среди осветительных приборов стал доминировать тип лампады с полусферическим или цилиндрическим широким туловом с выпуклым краем и узкой ножкой, которая вставлялась в лампадофор[73]. Остатки такого лампадофора из синего (кобальтового) стекла были найдены в Херсонесе в слое третьей четверти V — VI в. на месте античного театра, между храмом 1958 г. и «храмом с ковчегом» (рис. 75). В целом виде он имел диаметр 24,5 см и высоту 12,5 см. На его горизонтально отогнутом бортике шириной около 7 см было шесть отверстий диаметром 2,5 см для установки лампад, а между ними на одинаковом расстоянии друг от друга были размещены три овальных отверстия для подвешивания[74].

Л.А. Голофаст, собравшая всевозможные материалы о находках ранневизантийских стеклянных лампад в Херсонесе, выделяет среди них несколько типов и подтипов как местного производства, так и привозных,

[71] *Harden D.B.* Roman Glass from Karanis found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–1929. – Ann Arbor University of Michigan Press, 1936. – P. 156.

[72] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных государств Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. – Харьков, 1989. – С. 72. Одна из наиболее ранних находок, зафиксированная как «ножка стеклянной рюмки», сделана в 1910 г. в вырубной подбойной могиле с материалами не позже IV в. (*Лепер Р.Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 217–218, мог. №48 (V).

[73] *Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. – Vol. 2: The Pottery. – Princeton, 1992. – P. 400, fig. 150, 37, 38; *Foy D.* Le verre de la fin du IVe au VIIIe siecle en France Mediterranienne (premier essai de typo – chronologie) // Le verre de l'antiquite tardive et du haut moyen age – Val d'Oise, 1995. – P. 213, fig. 160, 133; *Sternini M.* Il vetro in Italia tra Ve – IXe siecoli // Le verre de l'antiquite tardive et du haut moyen age. – Val d'Oise, 1995. –P. 260.

[74] Отчет о раскопках на участке античного театра в 1973–1974 годах // Архив НЗХТ. – Д. №1682 / 1. – Л. 9, табл. VIII; *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 141, рис. 8.

аналогии которым обнаруживаются в других районах византийского мира в Причерноморье и Средиземноморье V-VII вв.[75] Среди них — конические лампады с выпуклым сферическим дном; лампады с выпуклым коническим дном, украшенные стеклянной каплей либо налепным «бутоном», как правило, из ярко-синего стекла; лампады с тремя петлевидными круглыми или овальными в сечении небольшими ручками, за которые они подвешивались к бронзовому кронштейну или крестовидному держателю с крючками на концах ветвей (риС. 76)[76]. Скорее всего, именно такие осветительные приспособления имел в виду сирийский хронист Йешу Стилит, когда писал, что Анастасий, новый игемон-градоначальник Эдессы, прибывший в конце 496/497 г., в числе прочих мер по благоустройству этого византийского города приказал ремесленникам накануне каждого воскресенья подвешивать над лавками кресты с пятью зажженными «светилами» (phanoi)[77]. В этом случае три из них могли быть стеклянными масляными светильниками-лампадами, а два — восковыми свечами, укрепленными на штырях по концам горизонтальной ветви креста.

Опять-таки с конца IV в. в обиходе появилась часть так называемых рюмок (сосудов на ножке-подставке). Они были в некоторой степени универсальны, одинаково удобны и для питья, и для весьма распространенного традиционного индивидуального причастия, поэтому их можно было использовать и в быту, и в культовых целях, в качестве потира. Лишь с конца VIII в. в Византии стала распространяться новая публичная форма причастия, когда священник лжицей вливал причащающемуся в рот Св. Кровь (вино) из общего потира[78]. Но отдельные экземпляры «рюмок», несомненно, служили также в качестве лампад, на что указывают небольшие петлевидные ручки для подвешивания и находки обломков таких сосудов во время раскопок общественных зданий, базилик, где они не могли бы быть использованы в качестве столовой посуды[79]. Уже К.К. Косцюшко-Валюжинич отметил, что рюмковидные сосудики встречались во множестве при раскопках херсонесских христианских храмов и со свойственной ему прозорливостью предположил, что они «служили лампочками, которые зажигались богомольцами в храмах и заменяли наши свечи»[80]. Во второй половине VI — VII в. «рюмки» являлись преобладающей формой стеклянных сосудов и доминирующим типом практически во всех византийских центрах[81]. В Херсоне они представляют самую значительную

[75] *Голофаст А.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса: Дис. ...канд. ист. наук (рукопись) / Институт археологии РАН. – М., 1998. – С. 136–142.

[76] Byzantium. – P. 108–109, №117–118; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 94–106.

[77] Joshua the Stylite. The Chronicle Composed in Syria A.D. 507 / Ed. by W. Wright. – Cambridge, 1882. – Ch. 29.

[78] Подр. см.: *Taft R.L.* Byzantine Communion Spoons: A Review of the Evidence // DOP. – 1996. – №50. – P. 209–238; *Щапова Ю.Л.* Стеклянные потиры... – С. 209–210.

[79] *Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. – P. 139–140; *Hayes J.W.* Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. – Toronto, 1975. – P. 86; *Foy D.* Le verre de la fin du IVe au VIIIe siecle en France Mediterranienne ... – P. 205.

[80] Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 57.

[81] *Philippe J.* Le monde byzantin dans l'histoire de la verriere (Ve – XVe siecle). – Bologna, 1970. – P. 72; Голофаст Л.А. Комплексы стеклянных изделий конца VI – начала VII в. из Херсонеса // Проблемы

Рис. 77. Стеклянная «рюмка» из эски-керменского склепа 65, VII в. (по А.И. Айбабину)

группу находок (25-83% от общего количества содержащихся в комплексах фрагментов стеклянных изделий)[82]. В VII в. изготовление подобных сосудов вышло за пределы города, они распространились в Юго-Западной Таврике, что говорит не только об экономическом развитии края, но и о первых заметных успехах в его христианизации (рис. 77)[83]. Таким образом, «рюмки», как в свое время светильники, становятся культурным маркером ромейской цивилизации.

Есть основания полагать, что только с IX в. Церковь стала преследовать обычай использования ритуальной утвари из стекла (запреты Реймсского собора 803 г. и папы Льва IV (847-856))[84], и это должно было отразиться на сокращении ее количества, в том числе потиров и светильников из стекла как предметов, имеющих духовно-символическое значение. Тем не менее подобные изделия продолжали играть роль осветительных приборов и позже, как можно понять со слов Константинопольского патриарха Фотия (858-867, 877-886), упоминавшего в одном из своих писем о вечернем времени, «...когда уже лампады зажигают»[85]. Под названием yalion (yelion) их серийно выпускали в IX-X вв. и продавали на вывоз стеклоделательные эргастирии Фасианы в Армении, о чем рассказывалось в Чудесах св. Евгения Трапезундского[86]. На бытование лампад нескольких типов в Херсоне вплоть до XIII в. указывают их фрагменты, а также находки медных подставок и держателей для лампад, в частности бронзовых дисковидных поликандил диаметром 0,15-0,23-0,27-0,31 м, с четырьмя, пятью или восемью отверстиями шириной 2 или 4 см для установки ножек лампад и с тремя-четырьмя ушками для подвешивания такого осветительного оборудования на цепях с крючками (рис. 78)[87].

археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 98 и след.; *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе. – С. 314.

[82] *Голофаст Л.В.* Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 153–161.

[83] *Айбабин А.И.* Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. – 1976. – Т. 41. – С. 27–30, рис. 2.

[84] *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. Очерки истории. – С. 53; *Щапова Ю.А.* Стеклянные потиры... – С. 208, 210.

[85] *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. – М.,1974. – С. 12.

[86] *Rosenquist J. O.* Lamps for St. Eugenios: A Note on Byzantine Glass // Eranos. – 1994. – Т. 92. – P. 52–59.

[87] *Лепер Р.Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 212, рич. 5, мог. №9 / 1910 г.; *Скубетов М.И.* Древнехристианские бронзовые лампадные подвески, найденные при раскопках в Херсонесе // ИТУАК. – 1906. №44. – С. 42–44, рис. 1–9; Производство археологических раскопок: Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913–1915 годы. – Пг., 1918. – С. 56, рис. 84; Византийский Херсон: Каталог выставки. – М., 1991. – С. 210, №225; *Голофаст Л.А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ.

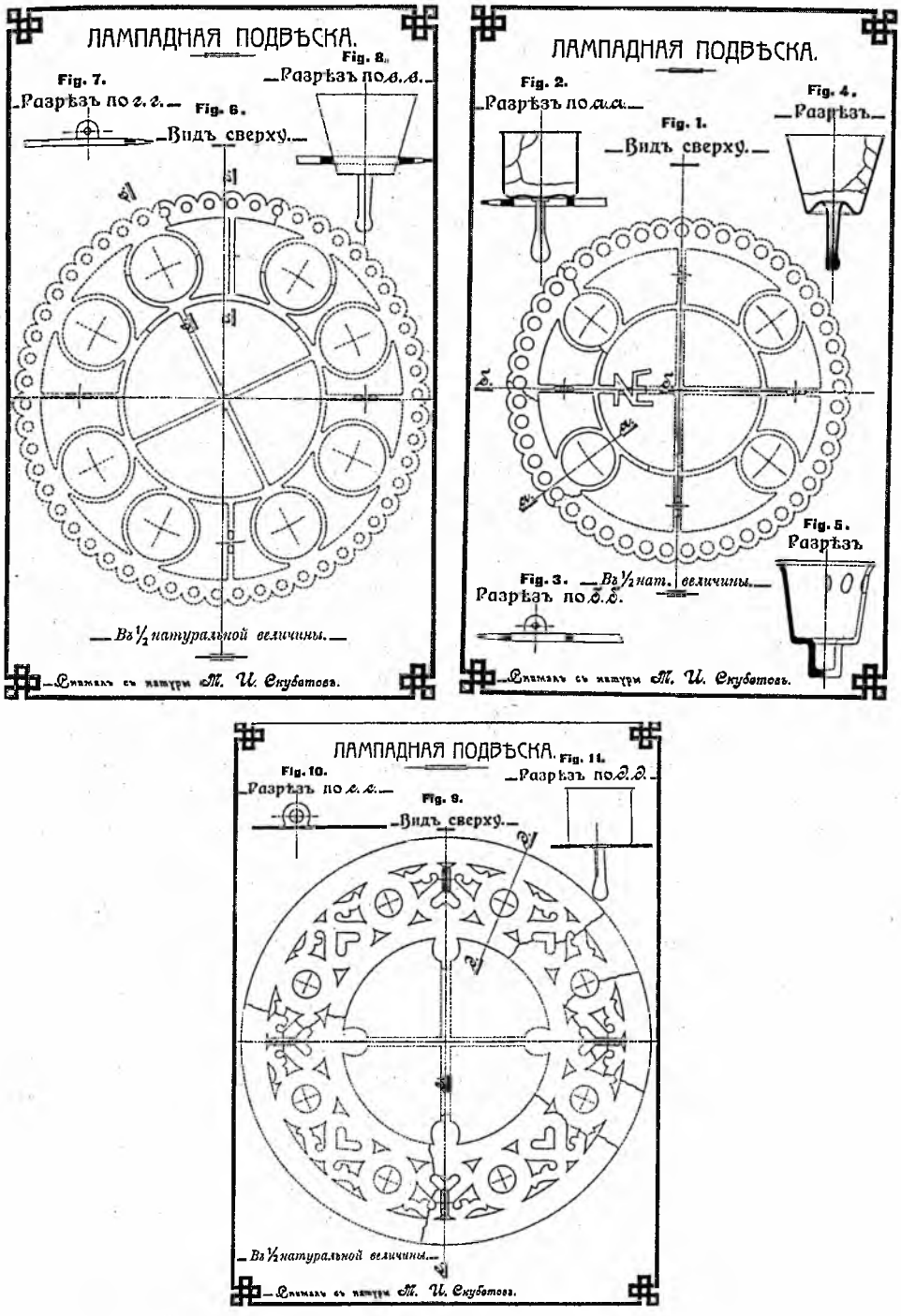

Рис. 78. Подвесные бронзовые дисковидные лампадофоры на 4–8 стеклянных лампад (по М.И. Скубетову)

Свечи и свечное производство. Составленный к концу IX в. законодательный свод империи — Василики и «Книга церемоний византийского двора» упоминают канделябры (kandelabron, kandelabra, kandelaptes), но нельзя поручиться, что, как и античные подставки, они служили лишь для ламп[88]. Некоторые из найденных при раскопках Херсонеса бронзовых подвесных подсвечников «византийского времени» руководивший работами К.К. Косцюшко-Валюжинич считал возможным рассматривать как держатели светильников со сквозным отверстием в центре тулова, на что, по его мнению, указывали заостренные штыри на канделябрах[89]. Однако светильники такой конструкции выпускали не позднее самого начала эллинистической эпохи[90]. Их не использовали уже римляне, и тем более они не известны в средневековых городах и селах. Штырь же прекрасно служил для того, чтобы держать насаженную на его конец толстую восковую свечу.

Значительное падение производства, по сути дела вырождение светильников в архаические, невыразительные, с длинным рожком, широким горлом, или вообще изготовленные с помощью гончарного круга открытые плошки (в последнем случае иногда многоярусные) прослеживается с VII в. в течение последующих столетий, в том числе и после IX-X вв.[91], что заставляет искать объяснение происходившим изменениям в этой сфере товарного ассортимента в постоянном и все более глобальном преобладании новых способов освещения, уверенно теснивших старые. В противном случае пришлось бы признать, что с VII в. и простые, и знатные ромеи, в том числе херсониты, избегая чего-либо иного, из столетия в столетие довольствовались в своих домах и храмах преимущественно светом очагов и факелов. Разумеется, последние были существенным подспорьем в решении проблемы освещения. Спрос на них был всегда стабилен. Как можно понять из рассказов об авве Пимене Великом, даже монахи в некоторых киновиях в V в. специально мастерили факелы на продажу, а полученные деньги вкладывали в закупку нитей и прочего необходимого сырья, дабы работа не останавливалась[92]. Книга эпарха — сборник предписаний для константинопольских торгово-ремесленных ассоциаций, отразивший ситуацию, сложившуюся задолго до конца IX — начала X в., отмечал как само собой разумеющееся, что

– 2003. – Вып. 10. – С. 189, рис. 23, 9, 15, 19; С. 190, 215, рис. 21, 1–3; С. 219–220, рис. 23, 6, 9, 14, 17.

[88] Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. – Lipsiae, 1840. – T. 2 – XV. 4. 6; 1846, – T.4 – XLIV. 13.3; 15.19.1; Constantini Porphyrogeniti imperatoris, De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 724, 4.

[89] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК, – 1905 – Вып. 16. – С. 80, рис. 37 а–б.

[90] *Cf. Bovon A.* Lampes d'Argos // Etudes peloponnesiennes. – Paris, 1966. – T. 5. – P. 15–17, №1; *Genito M. C. G.* Lucerne fittili delle collezioni del Museo civico archeologico di Bologna. – Bologna, 1977. – P. 31–32, №6–8, 21–22.

[91] *Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 314–315, рис. 169; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // Х сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 35, рис. 19; *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточной части Херсонеса в III квартале за 1982 год // Архив НЗХТ. – Д. №2290. – Л. 7; *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical museum – Moscow. – Roma, 1998. – P. 177; Bailey D. Byzantine lamps. – P. 18.

[92] Достопамятные предания о Пимене Великом // Христианское чтение. – 1821. – Ч. 3. – С. 318–319, гл. 9.

часть дохода, приносимого эргастирием, отчислялась на приобретение факелов (tou dadon)[93]. И все же должно было быть нечто кардинально новое и достаточно массовое, способное год от года все более плотно заполнять пустоту, нараставшую по мере исчезновения с рынка формованных светильников римского типа. Очевидно, помимо редких глиняных масляных светильников открытого типа и стеклянных лампад (ladikina), по какой бы то ни было причине численно уменьшившихся к VIII в., такую роль могли сыграть только свечи, постепенно занявшие среди осветительных приборов позицию безусловного лидера. Даже в поликандилах с отверстиями, рассчитанными на установку ладикин, появляются приспособления для установки свечей, то есть возникает осветительное оборудование переходного, смешанного типа[94].

Собственно, Византия не изобрела что-то принципиально новое в освещении. Она уже давно была знакома с тем, что вызвало отнюдь не стремительный переворот в этой жизненно важной сфере. С IV в. источники все чаще пестрят упоминаниями о свечах (cereus, cerula, keros, keriolos, kerinos)[95], причем это были свечи из воска, который обозначался одним с ними термином[96]. Впрочем, Георгий Амартол прибегал в таких случаях к использованию еще одного, гораздо более редкого слова-синонима (phatlion)[97].

Уже во времена Иоанна Хрисостома, когда гегемония керамического светильника еще казалась незыблемой, свечи достаточно широко использовали в быту, приобретая их и для освещения жилья, и для совершения похоронных обрядов[98]. Подсвечники представлены в росписи погребальных склепов, открытых в Западном Причерноморье: Осеново, Силистрии, Пловдиве и Пече, которые датируются IV столетием, а также в группе склепов конца IV — V в. из некрополя Сердики[99]. Встречаются они в

[93] Византийская книга Эпарха: Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. – М., 1962. – XVIII, 1.

[94] *Bouras L.* Byzantine Lighting Devices // JÖB. – Wien, 1982. – Bd. 32. – Heft 3. – P. 480.

[95] *S. Athanasius Alexandrinus.* – T. 1 // PG. – 1884 – T. 25. – Col. 229 C; Nili Ancyranae Opera omnia // PG. – 1864. – T. 79. – II, 205, col. 309 A; Socratis Scholastici Historia ecclesiastica // PG. –1864– T. 67. – Col. 689 B; Sozomeni Historia ecclesiastica // PG. – 1864 – T. 67. – Col. 1537 A; Ioanni Monachi opuscula // PG.–Tunhout, 1976. – T. 86 A. – Col. 309 A; Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 467; Leontios Cyprorum episcopi Vita Sti Symeoni Sali // PG. – 1864. – T. 93. – Col. 1669–1748; Chronicon Paschale ad exemptur vaticanum rec. L. Dindorfius. – Bonnae, 1832. – Vol. 1. – P. 530,7; 605,3; *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исслед. и словарь. – Пг., 1920. – Т. 1: Текст. – P. 527,5; Vita S. Euthymii / Ed. P. Karlin-Hayter // Byzantion. – 1955–1957. – T. – 25–27. – Fasc. 1. – Sec. 9, p. 62,9; Византийская книга Эпарха. – XI, 4, 6; Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 65,12; 125, 25.

[96] Ср.: *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола ... – P. 329, 18; Византийская книга Эпарха. – XI, 3; *Kazdan A., Taft R. F.* Candles // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 371–372.

[97] *Истрин В.М.* Хроника ... – P. 538, 14.

[98] Ioannis Chrysostomi Opera omnia quae extunt... Opera et studio B. De Montfaucon / Accurant et denuo rec. J.–P. Migne // PG. –1862. – T. 48. – Col. 560.

[99] *Велков В.И.* Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV–VI вв.). Проучвания и материали. – София, 1959. – С. 146–147; *Димитров Д.П.* Стил и дата на стенописите от късноантичната гробница при Силистра // Археология. – 1961. – Кн. 1. – С. 10–21; *Милчев А., Георгиев П.* Раннохристианска гробница съ стенописи край С. Осеново, Врачанско // Известия на народний музей. – Варна. – 1981. – Кн. 17 (32). – С. 9–12; *Овчаров Д.* Архитектура и декорация на старохристиянските гробници в нашите земи // Археология. – София, 1977. – Год. 19. – Кн. 4. – С. 25–27; *Овчаров Д., Ваклинова М.* Ранновизантийски паметници от България IV–VII век. – Со-

христианских росписях, мозаиках, рельефах V в. из Италии и Северной Африки[100]. В Херсонесе изображения одиночных больших горящих свечей или человеческих фигур, вероятно, слуг или церковных служек, держащих их в вытянутых руках, появляются на фресках трех из 10 открытых склепов с раннехристианской росписью, которая тоже датируется не ранее конца IV — V в. н.э., а может быть, и позже, учитывая, что антропоморфные мотивы в византийской живописи получили распространение со второй половины VI в.[101] Автор Жития Пахомия вспоминал, как «бесчисленные свечи» все время сопровождали архиепископа Афанасия во время его путешествия по Фиваиде[102]. По словам Сократа Схоластика (ок. 380–439), в его время в Константинополе, Греции, Фессалии, Каппадокии, Иерусалиме, на Кипре без них не обходилось совершение молитв или изъяснение Св. Писания, их зажигали по субботам, перед вечерней, не говоря уже о ночных песнопениях, устраиваемых христианами иногда прямо под открытым небом, на городских улицах[103].

Особенно много восковых свечей требовалось в церковные праздники, во время торжественных событий, похорон, ярмарок-панигиров, собиравших массу людей. К примеру, когда тело почившего в 459 г. Симеона Стилита антиохийский епископ Мартирий и стратилат Ардавурий готовили к захоронению, рассказывал ученик знаменитого аскета Антонин, «...горы не было видно от толпы, свечей, фимиама и горящих лампад», а затем навстречу траурной процессии вышел весь город «...со свечами и песнопениями» (meta keron kai ymnon)[104]. Точно так же перевозка мощей еще одного высокочтимого столпника — Симеона Стилита Нового (521-592) в

фия, 1978. – С. 28–29.

[100] Диатроптов П.Д. Еще раз о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 35.

[101] Склеп 1904 (1853) г. у южного загородного храма Богоматери Влахернской: на правой стене изображена мужская фигура в подпоясанной желтой тунике и штанах, видимо, с двумя свечами в вытянутых руках (Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1914. – С. 455); склеп 1905 г. к югу от храма Богоматери Влахернской: изображение двух горящих высоких свечей, слабо суживающихся кверху, бледно-желтого фона, оттененные коричневой краской, зафиксировано на стенах по обеим сторонам лежанки – локулы (Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 40–41, 44–45; *Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. – 1911. – №45. – С. 54; *Ростовцев М.И.* Указ. соч. – С. 458–263, табл. CVIII, 1, 6); склеп 1909 г. в северо-западной оконечности города, за западной оборонительной стеной: на задней стене склепа – фигура юноши, одетого в тунику и белый стихарь или далматику, который держит обеими вытянутыми руками большую зажженную свечу (*Ростовцев М.И.* Указ.соч. – С. 467–469, табл. CV, 2). О датировке росписи склепов см.: *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 3–12; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. – К., 2000. – С. 58–98; *Диатроптов П.Д.* Еще раз о датировке... – С. 34–37; *Зубарь В.М.* Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа №1, исследованного в 1998–1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 80–82; *Завадская И.А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов как хронологический индикатор // Символ в философии и религии: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 22.

[102] *Троицкий И.* Обозрение источников начальной истории египетского монашества. – Сергиев-Посад, 1907. – С. 113–114.

[103] *Сократ Схоластик.* Церковная история: Статья, коммент. И.В. Кривушина – М., 1996. – V, 22; с. 230; VI,8; с. 250.

[104] *Антонин.* Житие преп. Симеона Столпника // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А.И. Пападопуло-Керамевсом с руС. пер. В.В. Латышева. – ППС. – СПб., 1907. – Вып. 57. – Т. 19. – Вып. 3. – Sec. 23, 28; с. 83–85.

Антиохии сопровождалась тем, что «...весь город в белых одеждах со свечами и лампадами (но не керамическими светильниками! — *С. С.*) вышел встречать останки святого»[105].

Свечи обязательно покупали для каждодневных молитв, богослужений, регулярно отправлявшихся литургий в том числе сами духовные лица, как, например, это делал диакон церкви Св. Софии из рассказа о Чудесах вмч. Артемия[106]. Оттуда же известно, что они были разные: обычные, стоившие дешевле, и более дорогие, со специальным покрытием[107]. Это сравнительно раннее описание на удивление традиционно перекликается с поздневизантийским свидетельством о простых свечах и тех, которые были украшены христианскими символами, узорами, нанесенными «золотом»[108]. Показательно, что сами ромеи различали keria tes proseuxhes — «молитвенные свечи» — свечи, использовавшиеся во время молитвы, и keria tes lites — «литийные свечи» — свечи, которые применяли во время разного рода процессий[109]. Очевидно, и с теми и с другими имел дело лихнапт (lychnaptes), обязанный заботиться об освещении церкви[110]. Вместе с тем массовость этого товара проявлялась в том, что, как можно понять из Книги эпарха, он продавался на вес, с помощью неравноплечного кампана — безмена с контргрузом-противовесом, каким отмеривали отнюдь не штучные покупки[111].

И Иоанн Малала, и более поздние византийские авторы сообщают, что при императоре Феодосии II в 440-х гг. просвещенный константинопольский патрикий и эпарх Кир Софист (Философ), который «пекся о всем деле», «изобрел» (epenoese) какой-то особый, доселе не известный ромеям способ освещения для эргастириев[112]. Его восхваляли наравне с другими славными делами этого знаменитого градоначальника, то есть сравнивали с «обновлением» (ananeosanta) всего Константинополя, пострадавшего после сильного землетрясения, с постройкой новой городской оборонительной стены — жизненно важным государственным мероприятием, и, значит, это действительно было серьезное нововведение, заменившее прежние привычные светильники. Не исключено, что это могли быть лампады с восковыми свечами, которые стали все более прочно входить в обиход как раз с IV–V вв., постепенно вытесняя светильники римского типа. Подобные «восковые

[105] Жизнь и деяния блаженного Симеона Столпника (VI в.) // Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. – М., 1972. – С. 35.
[106] Diegesis ton thaymaton toy agiou...Artemiou // Varia graeca Sacra: Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков с предисл. и указат. изд. А. Пападопуло-Керамевсом. – Записки СПб. ун-та. Ист.-филол. ф-т – 1909. – Ч. 95. – P. 25, mir. 21.
[107] Diegesis ... – P. 26–28.
[108] Codinus Curopalata // PG. – 1864. – T. 157. – Col. 64.
[109] *Беляев Д.Ф.* Byzantina. – СПб., 1897. – Кн. 2. – С. 241, 242; СПб., 1906. – Кн.3. – С. 121, 122, 158.
[110] *Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 199.
[111] Византийская книга эпарха. – XI, 9; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка: Структура механизмов обмена. – Харьков, 1998. – С. 109.
[112] Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 361, 5–362, 3; *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга одиннадцатая и четырнадцатая // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН. – СПб., (1913) 1914. – Т. 90. №2. – XIV. 4. 15–25, С. 12; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I.Bekkero suppletus et emandatus.- Bonnae,1838. – T.1. – P. 598, 22.

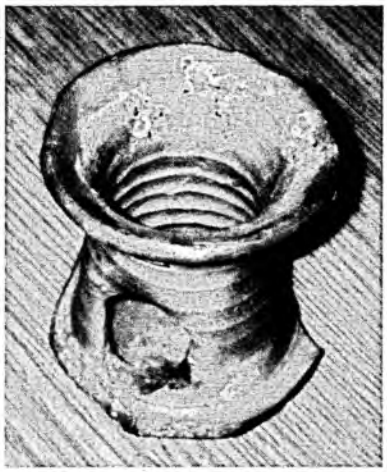

Рис. 79. Фрагмент ранневизантийского керамического светильника-свечника

лампады», прощаясь с храмом Св. Софии после отречения от патриаршего трона и перед отъездом в изгнание, по словам агиографа, зажег Никифор (806–815) в катехумении храма, где обычно возносил всенощные молитвы[113].

Позднеантичный Херсонес — ранневизантийский Херсон тоже попал в русло происходивших общих сдвигов и процессов, о чем свидетельствуют находки фрагментов осветительных приборов, которые археологи трактуют как одну из разновидностей все тех же светильников. Именно так и только так они представлены во всех имеющихся публикациях и отчетах о раскопках (рис. 79)[114]. Оказавшись в одних комплексах с прочими светильниками, они как бы слились с ними в один фон, затерявшись в общей массе.

Между тем особенности конструкции подобных предметов не оставляют сомнений, что перед нами особый тип едва ли не самых ранних глиняных светильников-свечников, которые бытовали в Херсонесе-Херсоне одновременно с поздними типами традиционных светильников, а возможно, и изготовлялись в одних с ними гончарных эргастириях. В отличие от формованных в двухстворчатой матрице ламп римского типа, они делались на гончарном круге в виде аккуратной тонкостенной керамической круглой плошки-подставки высотой 4,5–6 см и диаметром 9–15 см, на дне которой прикреплен прямостоящий пустотелый стержень высотой 6–7 см и диаметром 4,5–5 см со слегка отогнутым наружу, расширенным венчиком, соединенный налепной дуговидной плоской ручкой с краем плошки (рис. 80). Свеча такого же или меньшего диаметра вставлялась в горловину трубки, а оплавленный во время горения воск скапливался в плошке-подставке. Остаток огарка в центральной трубке-держаке можно было легко извлечь путем подогрева плошки на огне, в результате чего он вытекал через отверстие, предусмотрительно прорезанное у самого основания трубки. После этого растопленный воск сливали через сток на краю плошки. Несомненно, ценным сырьем дорожили и, собрав, опять пускали в переработку.

Светильники-свечники точно такой же конструкции и очень схожих размеров, очевидно, считавшихся наиболее оптимальными, известны в позднеантичной Мезии, Капидаве и Томах, а также на древнерусских городищах

[113] Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константинограда и Нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви Святой Софии // Творения св. отца нашего Никифора, архиепископа Константинополя. – Минск, 2001. – С. 55, гл. 69.

[114] Ср.: *Рыжов С. Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья первых веков нашей эры. – К., 1986. – С. 136, рис. 7; *Кадєєв В.І., Сорочан С.Б.* Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. – 1989. – №4. – С. 96, рис. 4.

XI–XIII вв.[115] Херсонесские образцы довольно часто фигурируют в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича, который впервые обратил на них внимание в 1896 г. при раскопках юго-восточного угла большой агоры, рядом с базиликой №28, назвав «глиняными сосудиками неизвестного назначения»[116]. Но уже через два года он писал об аналогичных находках, сделанных у башни Зенона и 20 куртины, как о «лампах византийской эпохи... в виде подсвечников»[117]. Чем дальше, тем больше становилось подобных находок, которые обнаруживались во время раскопок по всему городу: на месте античного театра, возле Южных ворот и большого общественного «здания Г», в портовом квартале 2, около 18 куртины «цитадели» и в других местах, а также на территории некрополя у Карантинной бухты[118].

Обнаружение их в вырубной могиле вместе с обычными светильниками римского типа, монетами боспорского царя Савромата II (186–196) и херсонесской элевтерии около 230 г. н.э.[119], в склепе, погребальный инвентарь которого содержал херсонесские монеты 211–217 гг. н.э. и индикации с римских монет императора Гордиана III (238–244)[120], а также

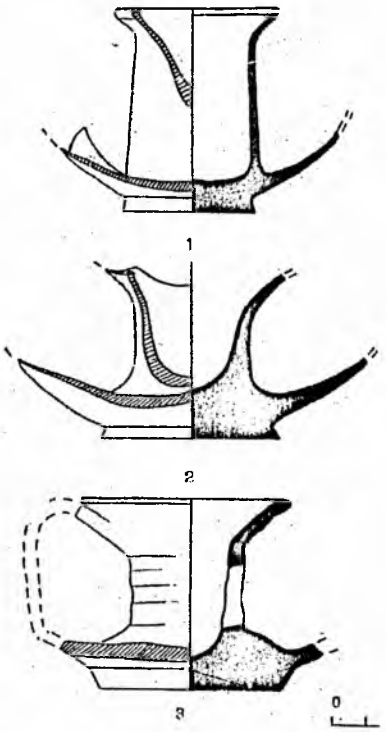

Рис. 80. Светильники-свечники из засыпи бассейна под четырехапсидным мартирием (по В.А. Кутайсову)

[115] Кадеєв В.І., Сорочан С.Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів. – С. 96; *Петасюк Н.П.* Свічники з Софійського собору в Києві // Археологічні дослідження стародавнього Киева. – К., 1976. – С. 175–178, рис. 1.

[116] Отчет за 1896 год // Архив НЗХТ. – Д. №5. – Л. 9; Отчет о раскопках в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 г. – СПб., 1898. – С. 6.

[117] Отчет за 1898 г. // Архив НЗХТ. – Д. №7. – Л. 8.

[118] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 35; Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 36; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 71; Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 16; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. – 1906. – Вып. 20. – С. 43–44; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 33, 39; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 96 (мог. №1960), 115, 152 (в последнем случае – «половина лампы в виде низкого подсвечника простейшей формы, с ручкой сбоку и с круглым отверстием у начала трубки»); *Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 55 (склеп №2286).

[119] Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л.33, №1960; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. – С. 96. Наличие в погребении деформированных черепов так называемых макрокефалов указывает скорее всего на время не ранее второй половины III в. и не позже V–VI вв., когда в городе появилось незначительное количество этнических элементов сарматского и аланского облика (см.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 256–258; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 49).

[120] *Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в

на городище и в его округе, слоях позднеримского времени[121], в засыпи цистерн с комплексом материалов, не выходящих за пределы IV в.[122] и, что особенно важно, в достаточно надежно датированных керамических комплексах из храма Юпитера Долихена в Балаклаве и римского военного поста на высоте Казацкой (около середины II – III в.)[123] позволяет полагать, что как особый вид осветительных приборов они уже существовали в III в., получив дальнейшее распространение в последующие несколько столетий. На это указывают находки в слоях ранневизантийского времени вдоль юго-восточной стороны храма 1958 г. и в засыпи «бассейна» под тетраконхиальным храмом №47, построенным к третьей четверти VI в.[124]

А.Л. Рубинштейн, предложивший первую классификацию светильников Херсонеса на основе материалов из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича и Р.Х. Лепера, выделил изделия в виде трубки на «блюдечке» в особый тип (XIV класс) и подчеркнул их «совершенно новую форму, основанную на несколько ином принципе». Однако этот принцип вылился у него в описание невероятного, бессмысленного устройства, которое являлось порождением все того же масляного светильника: «фитиль лежал в блюдечке (в котором было налито масло или жир) и был обмотан несколько раз вокруг основания трубки; свободный его конец всовывался в отверстие, входил таким образом внутрь трубки и приподнимался кверху» (sic!)[125]. Разумеется, не следует полностью исключать возможность масляной заправки таких ламп. Однако во время раскопок 1904 г. в восточном углу портового района, между Складом древностей и казематом крепостной артиллерии, рядом со зданием с кладкой opus mixtum, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил 11 донышек таких ламп, причем на дне одной из них по счастливой случайности сохранилась «обуглившаяся масса», которая являлась не просто «низкокачественным осветительным материалом», как невнятно отметил автор отчета, а следами того самого пчелиного вос-

1907 году // ИАК. – 1911. – Вып. 42. – С. 55, №2286.

[121] *Белов Г.Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. – 1941. – №4. – С. 222; *Белов Г.Д.* Античный дом в Херсонесе (по раскопкам 1947–1948 гг.) // ВДИ. – 1950. – №2. – С. 114; *Белов Г.Д.* Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г. // ВДИ. – 1959. – №2. – С. 231; *Кленина Е.Ю.* Керамические сосуды II–IIIвв. н.э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). – Познань, 2004. – С. 70, тип 2.

[122] *Белов Г.Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII [Херсонеса]: (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. – 1953. – №34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма. – С. 184–197, рис. 38 д; *Рыжов С. Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья первых веков нашей эры. – К., 1986. – С. 130–138, рис. 7; *Рыжова Л.А.* Стеклянные канфары из собрания Херсонесского заповедника // Х сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 157, рис. 4: 7.

[123] *Нессель В.А.* Светильники из раскопок храма Юпитера Долихена и военного поста на высоте Казацкой // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 514, рис. 3: 1 (автор приводит указание на существование таких светильников в римских провинциях уже во второй половине I – первой половине II в., хотя в самом Херсонесе и его округе они чаще встречаются в слоях III–IV вв.).

[124] *Сидоренко В.А.* Раскопки в южном секторе между храмом 1958 г. и оборонительной стеной // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1973–1974 годах // Архив НЗХТ. – Д. №1682 / 1. – Л. 8; *Кутайсов В.А.* Отчет о раскопках на участке четырехапсидного храма в Херсонесе в 1978 году // Архив НЗХТ. – Д. №1982 / 1. – А. 13 –14, рис. 60.

[125] *Рубинштейн А.Л.* Светильники Херсонеса // Архив НЗХТ. – Д. №300. – Л. 66.

ка, из которого делали византийские свечи[126]. Следовательно, это были лампы комбинированного действия, которые можно было использовать и как масляные светильники, и как свечники, причем со временем они окончательно превратились в последние.

В Херсоне изготовляли керамические светильники-свечники и иных форм. Три из них, в виде полусферической плошки на высокой рюмкообразной ножке, были найдены с наружной стороны апсиды «храма с ковчегом»[127].

Существенное сокращение количества масляных светильников в VI–VII вв., деградацию их типов трудно объяснить иначе как увеличением значения свечей в освещении и, значит, ростом спроса на них. Даже в менталитете место зажженного светильника как символа души, символа света, отвращающего зло, заняла зажженная свеча[128], а в погребальном обряде стали прибегать к поликандилам-многосвечникам[129], что указывает на корреляцию представлений социума под влиянием изменявшихся бытовых реалий повседневности. Сам термин lampas, lampadas, применявшийся прежде лишь к светильнику, заправлявшемуся маслом, переносится теперь на восковую свечу[130].

Толчком же к окончательному перелому рыночной ситуации в пользу последней могло стать увеличение выпуска свечей, стимулируемое стремлением ромеев компенсировать потерю источников внешних поставок оливкового масла в ходе развертывавшейся эскалации военных действий воинов ислама[131]. Растительное масло и прежде находилось в числе товаров, подлежавших своеобразному «продуктовому протекционизму», с помощью которого правительство преследовало фискальные цели, а также стремилось предотвратить волнения, связанные с нехваткой продуктов первой необходимости[132]. Разумеется, захват арабами Египта, эвакуация ромеев, на последних кораблях покидавших Александрию в 642 г., а затем потеря к концу VII в. североафриканских владений Империи — давних основных экспортеров оливкового масла — не могли не активизировать уже шедший к тому времени процесс свертывания массового производства глиняных светильников, окончательно склонив чашу весов рынка в пользу восковых свечей. Для их производства тоже нужно было

[126] Отчет за 1904 год. – А. 16; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году. – С. 43–44.

[127] Отчет за 1897 год // Архив НЗХТ. – Д. №6. – А. 16.

[128] Ср.: История епископа Себеоса: Пер. с 4-го испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. – Ереван, 1939. – С. 115, гл. 45; *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Ежегодник музея религии и атеизма. – Л., 1978. – С. 148–154.

[129] Историческое сказание о подвижничестве св. великомученика Илии Нового из Илиополитов, пострадавшего в Дамаске // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А.И. Пападопуло-Керамевсом с рус. пер. В.В. Латышева. – ППС. – СПб., 1907. – Вып. 57. – Т. 19. – Вып. 3. – Sec. 24, c. 57, 66.

[130] Socratis Scholastici Historia ecclesiastica. – Col. 689 B; Georgii monachi chronicon / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1904. – T. 1. – P. 225; Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. – Paris, 1688. – T. 1. – P. 785.

[131] *Lopez R.S.* The Role of Trade in the Economic Readjustement of Byzantium in the Seventh Century// DOP. – 1959. – №13. – P. 72.

[132] Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol.2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – IV.41.1; *Сорочан С.Б.* Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм» // Древности 1995. – Харьков, 1995. – С. 123–124.

масло, но в гораздо меньших количествах, чем для светильников и лампад, когда на каждую заправку требовалось около 30–50 граммов горючего, которого хватало лишь на три-четыре часа работы осветительного прибора такого типа. Причем последовательный, предусматривавшийся Василиками запрет на вывоз масла говорит о том, что положение с ним столетиями не менялось к лучшему и делало создавшуюся ситуацию необратимой.

Закономерную эволюцию пережила и профессия свечника, во II–III вв. весьма редкая. Обширный Корпус латинских надписей содержит лишь одно упоминание керария[133]. Впрочем, свечи могли входить в ассортимент торговцев товарами из воска, известных в греко-римском Египте III–IV вв. под названием кироматиков (keromatikos)[134]. Очевидно, позднейшие кируларии, они же кирополы, полностью унаследовали их функции.

Судя по количеству упоминаний в источниках, специальность свечника достигла достаточно широкого распространения именно к самому концу позднеантичного периода. Письма и латинские папирусы VI–VII вв. фиксируют наличие кереариев (cereарius) в городах византийской Италии, в Пентаполе и Равеннском экзархате[135]. Чудеса вмч Артемия, записанные во второй трети VII в., содержат уникальные подробности относительно этого ремесла. Из рассказа агиографа совершенно очевидно следует, что кируларий (kyroularios), обосновавшийся в одном из константинопольских портиков, и производил, и продавал свечи разного вида, качества, стоимости, а также занимался переливанием разбитых, поломанных свечей (но не огарков), которые ему возвращали[136]. Когда диакон Стефан, купивший «...за большие деньги» в лавке кирулария дорогие свечи, поскользнулся по дороге к гробнице — мартирию св. Артемия и сломал их, он «...вернул разбитые куски в эргастирий».

Специальность свечника, вероятно, давала неплохой доход. Недаром среди кируларіев в начале IX в. встречались весьма состоятельные, чье богатство вызывало зависть даже у византийской знати. Василевс Никифор I Геник, бывший первый финансист Империи — начальник ее налогового ведомства, вечно озабоченный поисками денег, не случайно нашел объект своего вымогательства в торговых рядах свечников около столичной агоры Константина, а сумма в 100 фунтов (7200 номисм, около 32 кг золота), которую он запросил с кирулария за высокую честь присутствовать на императорской трапезе, показывает, что у таких людей было что взять[137]. Для сравнения: столько же приносил государственный 10% сбор — «коммеркион панегириона» с ежегодной большой ярмарки в

[133] Corpus inscriptionum latinarum / Ed. T. Mommsen. – Berolini, 1873. – Vol. 3. – №2112.
[134] *Фихман И.Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV – середине VII вв. – М., 1965. – С. 31; *Фихман И.Ф.* Оксиринх – город папирусов. – М., 1976. – С. 128.
[135] *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII веках: (Равеннский экзархат и Пентаполь). – Барнаул, 1991. – С. 115.
[136] Diegesis ton thaymaton toy agiou... Artemiou // Varia graeca Sacra: Сборник греческих неизданных богословских текстов IV–XV веков с предисл. и указат. изд. А. Пападопуло-Керамевсом. – Записки СПб. ун-та. Ист.-филол. ф-т – 1909. – Ч. 95. – P. 26–28, mir. 21; ср. Византийская книга Эпарха. – XI, 6.
[137] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1: Textum graecum continens. – P. 487–488.

Эфесе[138]. Согласно византийским Тактиконам — «табелям о рангах» IX в., такую сумму жалованья не получали за год иные крупные ромейские военачальники, стратиги самых важных военно-административных областей империи[139].

Косвенно на прибыльность профессии свечника указывает также то обстоятельство, что кроме телесных наказаний или конфискаций товара, имущества Книга эпарха предусматривала для кируларіев в качестве наказания за нарушение установленных правил работы ещё и денежные штрафы в 10–12 номисм (40–50 граммов золота), как это делалось только в отношении метаксопратов—торговцев шелковой нитью, продавцов мыла, бакалейщиков-салдамариев, тоже, очевидно, не бедных[140]. О состоятельности византийских свечников говорит и то, что среди них было немало домовладельцев, за плату сдававших помещения под жилье и работу в аренду нанимателям[141].

В отличие от средневековых западноевропейских мастеров, отливавших сальные свечи[142], ромейские кируларии должны были торговать только невыделанным и выделанным воском (keron e anergaston e eirgasmenon), и ничем иным, то есть воском и готовыми восковыми свечами, в свою очередь приобретая для целей производства пчелиный воск и чистое оливковое масло в нужном количестве[143]. Кстати, нигде не сказано, что они занимались изготовлением «светильного масла» и продавали его, как иногда полагают исследователи[144]. Лампады, светильники заправлялись обычным растительным маслом, которое можно было закупить у его изготовителей и у торговцев бакалейным товаром[145] и которое не требовало какой-либо специальной, особой обработки. Дабы те, кто обращался к «повсюду торгующим» — пантаполам или салдамариям за покупкой масла, не приобретали у них еще и необработанный воск, нарушая тем самым монопольное право кируларіев, Книга эпарха запрещала бакалейщикам вести перепродажу воска[146]. Но и свечники, по крайней мере столичные, должны были довольствоваться только своим собственным делом (techne) и, значит, не вести розничную торговлю растительным маслом, покушаясь на приоритетные права салдамариев[147]. Впрочем, само наличие ограничивающего предписания, стремление его зафиксировать, указывает на то, что в жизни такое разделение соблюдалось нечетко и корректировалось, исходя прежде всего из желаний и удобств покупателей. Законы, как всегда диктовал рынок, не обращая

[138] Theophanis Chronographia. – P. 469.
[139] Ср.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 405–406.
[140] Византийская книга Эпарха. – XI, 5, 7; ср. VI, 13; XII, 1, 3, 5; XIII, 3.
[141] Византийская книга Эпарха. – XI, 7; ср.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка.– С. 121–133.
[142] Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. – 1958. – Т. 11. – С. 177–178, ст. LXIV.
[143] Византийская книга Эпарха. – XI, 1, 3–5.
[144] Ср.: Византийская книга Эпарха. – С. 208; *Kazdan A.* Candlemaker // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 370–371.
[145] Византийская книга Эпарха. – XIII, 1.
[146] Там же. – XI, 8.
[147] Византийская книга Эпарха. – XI, 2.

Рис. 81. Бронзовые подсвечники из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича

внимания на желания властей, так или иначе вынужденных приспосабливаться к его запросам.

Ничем не подкрепляемое, прижившееся среди исследователей представление о том, что свечи были «не по карману», слишком дороги для повседневного употребления, не вяжется с тем распространением, которое в византийском городе получила профессия изготовителя и продавца свечей и воска-кирополa (keropoleios) или кирулария (keroularios)[148], а также с многочисленностью их мастерских-лавок, специализированных мест торговли: рыночных рядов, торгово-ремесленных кварталов (ta keroylaria, ta keropoleia, ta keroyllareia, ta keropolon)[149]. Производимого ими хватало бы куда больше, чтобы удовлетворить потребности молящихся и отправляющих прочие церковные обряды. Продукцией одних лишь тех свечных эргастириев, что тесно сгрудились у Св.Софии Константинопольской, можно было бы обеспечить не только главный храм империи, но и большую часть домов горожан. А ведь это было не единственное в столице место торговли свечами!

Наконец, упомянутые бронзовые подвесные подсвечники и крестообразные подсвечники с ручками-держаками из ранневизантийского Херсона тоже противоречат тому, что даже в церквах и монастырях свечи возжигали якобы только с литургическими целями, перед иконами, а не для освещения как такового[150]. При раскопках городища и некрополя подсвечники, поставцы, канделябры из бронзы и железа или их детали (основания на ножках, верхние заостренные части, массивные кружки) встре-

[148] Theophanis Chronographia. – P. 487; *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола ... – P. 565, 11; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I.Bekkero suppletus et emandatus. – Bonnae, 1839. – T. 2. – P. 39.

[149] *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола ... – P. 540, 12; Theophanes continuatus // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus – Bonnae, 1838. – P. 377.10, 420.15, 437, 715.12, 744.19, 870.21; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 15–16, 58–60.

[150] Ср.: Византийская книга Эпарха. – С. 208; *Голофаст А.А., Рыжов С. Г.* Раскопки кварата Х... – С. 198.

чаются весьма часто (рис. 81–82)[151]. В отчете за 1903 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич сообщал о «толстых заостренных бронзовых стержнях с плоским круглым основанием, которые во множестве попадаются при раскопках византийского городища», а в примечании задавался закономерным вопросом: «Желательно было бы точно определить, когда впервые появились церковные свечи?»[152]. Некоторые из подвесных подсвечников имели бронзовую ручку-держак длиной 0,9 м с насаженной сверху крестовидной перекладиной 26,5 х 26,5 см с восемью подставками с остроконечными штырями для насаживания толстых восковых свечей (рис. 83)[153]. Такие приспособления явно были рассчитаны и для переносного освещения, необходимого не только во время архиерейского служения[154]. К тому же находки подсвечников, их частей сделаны не только в храмах, но и в городских усадьбах[155].

Рис. 82. Деталь бронзового литого подсвечника с изображением кочевника. Дл. 15,8 см, ш. 5,0 см

[151] *Юргевич В.* Исторический очерк пятидесятилетия имп. ООИД 1839–1889. – Одесса, 1889. – С. 63 (раскопки 1876–1884 гг. в северо-восточном районе); Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. – СПб., 1893. – С. 34 (подсвечник из вырубной могилы на южном участке некрополя); Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. – СПб., 1893. – С. 4 (находка на агоре железного церковного ставня 1,05 м высоты, состоящего из двойного круга 20,3 см в диаметре, четырехгранного прута толщиной 2,5 см и трех ножек); *Стевен А.Х.* Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. – 1889. – №8. – С. 101 (железные подсвечники из раскопок «базилики в базилике»); Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 167, рис. 535 (бронзовый фигурный подсвечник высотой 21,5 см с заостренным стержнем на трех ножках, найденный в районе Склада древностей); Отчет за 1900 год // Архив НЗХТ. – Д. №9. – Л. 27; Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 год. – СПб., 1902. – С. 24, рис. 59 (в периболе около 19 куртины – бронзовый подсвечник «обычного типа, для накалывания свечей», на трех ножках, 9 см высоты); Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. – Д. №10. – Л. 13–14 (часть большого бронзового точеного подсвечника из раскопок внутри Западной базилики); Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 59 («верхняя заостренная часть подсвечника» из раскопок на акрополе); Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. – Д. №11. – Л. 21 (верхняя заостренная часть бронзового подсвечника из раскопок некрополя); Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 44 (обломки бронзовых подсвечников на трех ножках, два бронзовых заостренных стержня от них, обнаружены при раскопках около южных ворот и «здания Г»); *Косцюшко-Валюжинич К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 70 (часть большого точеного бронзового подсвечника найдена при раскопках раннесредневековой Западной базилики); Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 18 (небольшой бронзовый подсвечник на трех ножках-лапах, найденный в восточном углу портового района); Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 7; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 140 (кружок бронзовый массивный диаметром 6 см, от подсвечника, из раскопок в юго-западном углу городища, около «здания Г» и на поперечной главной улице); Таврическая губерния а) Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. – СПб., 1908. – С. 42 (подсвечники из раскопок около Южных ворот и «здания Г»).

[152] Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 9.

[153] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 80, рис. 37 а–б.

[154] Ср: Отчет за 1903 год. – Л. 44.

[155] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. – С. 81; *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках 1975 года в Северном районе Херсонеса // Архив НЗХТ. –

Они эфемерно, в виде изображений, или вполне материально присутствуют в некоторых херсонесских склепах V–VII вв., как, например, крупная бронзовая фигурка воина-кочевника («всадника», «идола») в кольчуге и островерхом шлеме-навершии, переходившем в четырехгранную иглу, несомненно, деталь подсвечника, найденная в нише, высеченной под лежанкой ранневизантийской усыпальницы[156].

Все сказанное позволяет предполагать наличие соответствующих производств и в Херсоне. Его илополов и кируларіев не могли миновать общие для всего ромейского мира экономические процессы, движение которых бесстрастно отразил массовый археологический материал. Многочисленные находки в позднеантичных — раннесредневековых слоях обломков рюмкообразных сосудов, венчиков, донышек, ушек масляных или «восковых» лампад при почти полном отсутствии после VII в. глиняных светильников — феномен, хорошо знакомый любому археологу-полевику, ведшему раскопки в Херсонесе, — находят удовлетворительное объяснение, опять-таки находящееся вне плоскости гипотез об упадке и «смерти города».

Деревообработка и судостроение. Есть основания полагать, что херсониты не утратили навыки строительного дела, деревообработки, связанной с потребностями повседневного быта, строительного дела и судостроения. Они наверняка были в состоянии производить не только мелкие поделки, такие как деревянные гребни, точеные чашки, изредка попадающиеся в немногочисленном простом инвентаре ранневизантийских вырубных усыпальниц (рис. 84)[157]. К примеру, изготовление гробов из твердых пород дерева, особенно из бука и дуба, было достаточно трудоемким и требовало особых навыков[158]. Местным мастерам, плотникам и столярам, совмещавшим зачастую обе эти специализации, а также навпигам, калафатам-конопатчикам были по плечу и более серьезные заказы. Иначе невозможно объяснить ни бурный «архитектурный бум», пережитый городом к концу VI — началу VII в.[159], ни отправление херсонитами корабельной повинно-

---

Д. №1760. – Л. 12, рис. 23; л. 18; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1987 году // Архив НЗХТ. – Д. №2771. – Л. 32, рис. 81; *Рыжов С. Г.* Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 году // Архив НЗХТ. – Д. №2849/1 – Л. 21–22, рис. 79.

[156] *Мансветов И.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. – М., 1872. – С. 66–67, №7; *Федоровский А.С.* Средневековая бронзовая статуэтка, найденная в Херсонесе // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. – Севастополь, 1927. – С. 40–41 (выступивший в обсуждении доклада Н.Д. Протасов отнес вещь к продукции херсонесского мастера VIII–X вв.); ср.: Византийский Херсон: Каталог выставки. – М., 1991. – С. 97, №98 (составители каталога ошибочно относят находку к раскопкам центральной части городища в 1913 г. и безосновательно считают ее деталью ключа (?) IX–X вв.).

[157] *Репников Н.И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // X сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 175, рис. 33 (склеп №2787 с материалом VII в.); С. 181–182 (бесформенный склеп №2815 без лежанок и с грудой костяков).

[158] Об остатках раннесредневековых пиленых и долбленых гробов, железных гвоздей от них см.: Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1902 году // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 19–20; *Репников Н.И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // X сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 153, 168; *Лепер Р.Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // X сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 195, 215, рис. 7; *Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 255, 261; *Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 127.

[159] См.: *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 37; *Завадська І.А.* Християнство

сти (ploima) в пользу Империи, от которой их, наряду с боспорянами и лазами, видимо, ненадолго освободила новелла Юстина II и его соправителя, недавнего комита экскувитов — начальника царских телохранителей, кесаря Тиверия, изданная в ознаменование Пасхи 575 г.[160]

А.Л. Якобсон по ошибке отнес эту новеллу к уже состоявшемуся на тот момент провозглашению Тиверия соимператором тяжело больного, с расстроенным рассудком Юстина II (событие произошло 7 декабря 574 г.[161]), и эта ошибка привилась, то и дело встречаясь в специальной литературе по истории Таврики. К тому же А.Л. Якобсон объяснял отмену поставки судов и морского снаряжения «тюркским нашествием на Таврику как раз в это время, вследствие чего выполнение установленной повинности могло быть крайне затруднено, а временами фактически и вовсе прекращаться»[162]. Д.Л. Талис столь же необоснованно связывал освобождение от несения натуральной морской повинности с тем, что такая важная отрасль местного ремесла, как кораблестроение, «сошла на нет»[163]. Однако стоит обратить внимание, что благодеяние было увязано с общей мягкой политикой нового соимператора, в частности с раздачей денег войскам и жителям столицы, отменой пошлин на ввоз в Константинополь вина и масла, а также с общеимперским уменьшением на четверть годового налога-канона в течение ближайшего четырехлетия[164] и распространялось на все окраинные северные и восточные Причерноморские владения Византии, которые едва ли могли так дружно лишиться столь

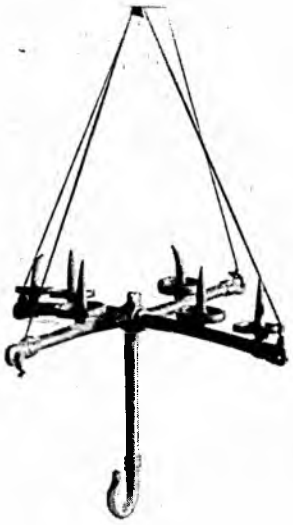

Рис. 83. Бронзовый подсвечник с ручкой-держаком. Из раскопок 1903 г. в районе античного театра и южных ворот Херсона

Рис. 84. Деревянный гребень из ранневизантийского склепа 2787, 1908 г. (по Н.И. Репникову)

в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут сходознавства ім. А. Кримського. – К., 2000. – С. 8–9, 14–15; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 65–71.

[160] Corpus juris civilis. – Berolini, 1904. – Vol. 3: Novellae / Rec. R. Schoell. Opus Schoellii morte interseptum absolvit G.Kroll. – №163, cap. 2; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. II // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 183; *Vasiliev A. A.* The Goth in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – P. 74.

[161] *Дашков С. Б.* Императоры Византии. – М., 1997. – С. 81.

[162] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 31, прим.1.

[163] *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 63.

[164] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 225.

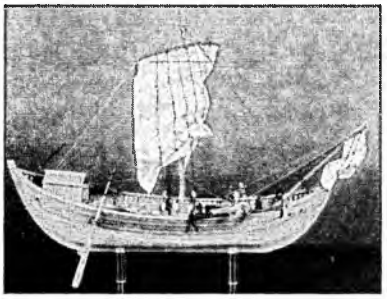

Рис. 85. Реконструкция типичного торгового судна, погибшего у Ясси-Ада, VII в. (The Greeks and the Sea.– Athens, 2002)

развитого прежде судостроения. К тому же ангарии, исполнение государственной извозной повинности, оставались обычным явлением в это время. Тюрки действительно замышляли захват Боспора, хотя еще и не взяли его (это произойдет через год), а в Херсонес и на подступах к Херсону силами горожан, местного населения, «энспондов» Империи как раз в это время развернулось интенсивное строительство, в городе — общественное и жилое, а в округе — целого ряда кастра. Поэтому вполне возможно, что подлинный «автор» новеллы, Тиверий, пытался компенсировать это дополнительное бремя иными льготами, тем более что лес, древесина, канаты, железо — все, что входило в корабельную повинность, было крайне необходимо и для строительных фортификационных работ. Не следует ли в будущем ожидать открытия следов таких работ на территории Боспора и крепостей Лазики?

Несмотря на тенденцию к сокращению размеров морских судов до 6рис. 12 рег. т (1рис. 2 тыс. модиев) (рис. 85), их строительство не могло обойтись без наличия верфей (ta neoria)[165]. Оснастка даже таких небольших кораблей требовала удовлетворения потребностей в полотняной ткани для парусов и в волокнах конопли для витья канатов. И то и другое, равно как и железные части, поставляло, конечно, не домашнее ремесло, а специальные мастерские, которые должны были быть в городе.

Разумеется, как и повсюду в Византии, херсониты имели дело с мелким ремесленным производством, на что косвенно указывает малочисленность следов специализированных помещений эргастириев, а также расположение рыбозасолочных цистерн раннесредневекового времени в хозяйствах горожан[166]. Такое положение было вполне нормальным и для античной, и для средневековой эпохи, от которой невозможно было бы ожидать большего[167].

Характер ремесла и торговли. Весовое и монетное дело. Все точки соединения производства и потребления находились тоже на уровне простейших обменов, но было бы странно, если бы это воспринималось как упрек в «недоразвитости» экономики: для сферы обращения раннего Средневековья такой уровень должен был быть больше чем нормой. Мелкое производство всегда отличала не очень значительная товарность, а сама товарность была основана главным образом на производстве сельскохозяйственного продукта, но надо учесть, что это conditio sine qua non

[165] *Сорочан С.Б.* К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 74–82.
[166] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 126.
[167] Ср.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 71–163, 440.

и для античности, и для Средневековья. Ромейская, в том числе херсонесская торговля, как и любая торговля докапиталистических обществ, выполняла главным образом потребительские функции и, само собой разумеется, не была рассчитана на завоевание рынков и расширение производства. С этой точки зрения она опять-таки была вполне «нормальной». Не следует забывать, что основа экономики всех таких обществ была натуральной и поэтому колебания удельного веса товарного производства не вели к кардинальным хозяйственным изменениям, а само товарное производство и связанные с ним товарно-денежные отношения в подобных условиях не могли стать господствующими[168].

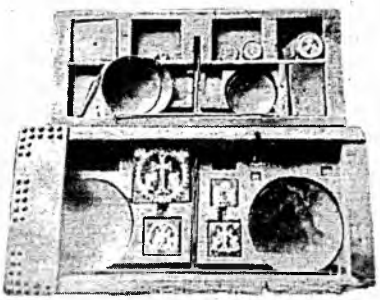

Рис. 86. Деревянная шкатулка с зигиями и плоскими разновесами. Лондон, Университетский колледж (по W.M. Flinders Petrie, 1974)

На развитость внутреннего рынка Херсона указывает в это время наличие в обращении в самом городе и менее в его ближней и дальней округе мелкой медной монеты в основном достоинством в пять нуммий (пентануммий), необходимой для повседневных расчетов, регулярной мелкой купли-продажи[169]. Это же подтверждают находки ранневизантийских разновесов — дисковидных эксагиев из стеклянной пасты и плоских бронзовых или медных гирек, какие обычно употребляли каталлакты, трапезиты при совершении разменных денежных операций, при взвешивании монет с помощью небольших равноплечных весов-зигий (рис. 86)[170]. Прибегание к подобной практике указывает на широкое распространение злоупотреблений, стремление получить незаконный кердос — доход. Поэтому менялы, сборщики налогов и рыночные торговцы обращались к эксагиям при малейшем подозрении на то, что у монеты подрезаны края, то есть она имеет неполный вес, но можно было проверить и сами разновесы, поскольку в ромейских городах, а значит, и в Херсоне были храмы, в которых хранились эталоны всех категорий весовых знаков[171]. Предписание 386 г., вошедшее в Кодекс Феодосия, а затем повторенное в Кодексе Юстиниана, приказывало, чтобы «каменные и медные модии», то есть эталонные меры веса, «размещались по станциям и отдельным общинам вместе с секстариями (мера в 1/16 модия) и гирями, чтобы любой налогоплательщик (tributarius) (при помощи) установленных перед глазами модиев (для) всяких вещей знал, что он должен дать приемщикам налогов

[168] Подр. см.: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв. ... – С. 124–125.
[169] *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 343.
[170] Ср.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 159.
[171] *Гурулева В.В.* Перспективы изучения византийских стеклянных экзагиев как источников для датировки памятников из стекла // Византия в контексте мировой истории. – СПб., 2004. – С. 24–25.

(susceptoribus)»[172]. Согласно новелле 128 от 545 г., выпуск монетных разновесов находился в ведении comes sacrorum largitionum, но контроль за подобными стеклянными гирьками осуществляли эпарх Константинополя и провинциальные эпархи, на что указывают их изображения, иногда встречающиеся на таких эксагиях[173]. К слову, именно византийцам принадлежит практичная идея изготовления круглых разновесов из серовато-го, зеленоватого, голубовато-зеленого, оливкового, коричневато-зеленого стекла — материала, с трудом поддающегося повреждению, а значит, и подделке[174]. Известно свыше 20 их иконографических типов, но ни один из них не содержит обозначения весовых знаков, что объясняется однообразием веса дисковидных гирек, соответствующего либо одной номисме, либо ее половине или трети — семиссу или тремиссу, наиболее ходовым фракциям золота в денежном обращении[175]. Поэтому уже по одной величине эксагия и по его тяжести легко было определить, к чему он относится.

Примером может служить херсонский разновес из стеклянной пасты светло-оливкового цвета, диаметром 21 мм. Он очерчен узким низким валиком по краю внешней стороны, на которой четыре маленькие точки соединены тонкими рельефными полосками, образующими крест. Между сторонами креста еще четыре маленькие точки. Вес гирьки (4,51 г) почти точно совпадает с эталонным весом византийского солида (4, 548 г), допускавшим отклонение в 0,5 г. Эксагий был обнаружен в ходе раскопок Г.Д. Белова на северном берегу Херсонеса в 1931 г., в помещении VII, в слое, который датируется VI-VII вв.[176] Аналогичный эксагий, но диаметром 22 мм и с монограммой внутри ободка, происходит из раскопок XI поперечной улицы в 1955 г., где он был найден в засыпи ямы для раствора извести, заброшенной, судя по материалам, не ранее конца VI в.[177] Вообще, большинство стеклянных разновесов принадлежат VI в. и первой половине VII в., после чего арабские вторжения подорвали административную систему, которая контролировала их производство и распространение[178].

В византийской монетной системе частями солида являлись такие монетные номиналы, как тремисс — 1/3 солида и семисс — 1/2 солида. Очевидно, для их взвешивания служили бронзовые квадратные гирьки размерами от 9,4 до 11 мм и высотой 2,5-3 мм, которые весили 1,33 г (тремисс) или 1,92–2,05 г (семисс). Первые имели на лицевой стороне четыре точки по углам квадрата, а вторые — греческую букву N (50), нанесенную двойной линией или точками. Следовательно, монетные части солида имели хож-

[172] C.Th. 12.6.21; C.J. 10.72.9; Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии. Ч. 1: Период 364–491 гг. / Пер., коммент., прим. В.В. Серова. – Барнаул, 2004. – С. 118–119..

[173] *Entwistle C.* Byzantine weights // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – P. 15; *Гурулева В.В.* Перспективы изучения... – С. 27–28.

[174] *Климанова Л.Г.* Н.П. Лихачев: византиноведение в рукописном наследии ученого // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. – СПб., 1995. – С. 208; *Entwistle C.* Byzantine weights. – P. 15, 87–90, №82–91.

[175] *Успенский Ф.И.* [О бронзовых весовых знаках византийского происхождения, находящихся в коллекции] // НЭ. – 1999. – Т. 16. – С. 101; Entwistle C. Op. cit. – P. 15.

[176] Опись коллекций за 1931 г. с №35466–35531 // Архив НЗХТ. – Д. №656 / 2. – Л. 16; *Белов Г.Д.* Дневник раскопок Херсонеса в 1931 г. // Архив НЗХТ. – Д. №317. – Л. 17.

[177] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // Х сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 23–24.

[178] *Entwistle C.* Byzantine weights. – P. 15; *Гурулева В.В.* Перспективы изучения... – С. 25.

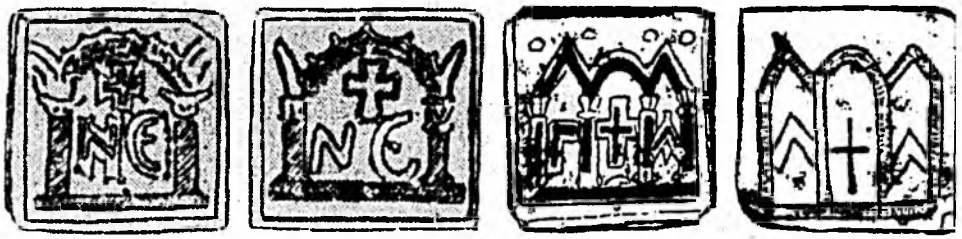

Рис. 87. Бронзовые эталонные гири из раскопок 1904 г. (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу, В.В. Гурулевой)

дение в ранневизантийском Херсоне, хотя самих золотых монет, составляющих части солида, здесь пока не найдено[179]. Вместе с тем об их заметной роли в местном денежном обращении, испытывавшем нехватку в разменной монете, свидетельствуют упоминания ссыльного папы Мартина I, который пытался приобрести хлеба «хоть на тремисс»[180].

Бронзовые гирьки той же квадратной формы, иногда большего веса, вплоть до унции (6 солидов), или в виде плоских кружков, чаще всего с греческой буквенной нумерацией в виде B (2 нуммия) и ΙB (12 нуммиев), относятся к неоднократным находкам, происходящим из дореволюционных раскопок Херсонеса, и отчасти были изданы А.А. Васильевым[181]. При этом особый интерес представляет набор весовых знаков, обнаруженный в 1904 г., в состав которого входили четыре бронзовые гирьки с изображением трехнефного храма, надписью theu charis («милость Божья») и указанием весового норматива в 1, 2, 3 и 6 унций (ГА, ГВ, ГГ, ГS), а также пять бронзовых эксагиев с изображением арки на двух колоннах с акротериями (портала храма?) и обозначением буквой N («номисма») с серебряной инкрустацией весового стандарта для 2 (B), 3 (Г), 4 (D) и 5 (Є) номисм (последних два экземпляра) (рис. 87)[182].

Издатель набора не сообщил об обстоятельствах и точном месте находки, но из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича следует, что она была сделана в куче золы и углей в большом помещении 6, расположенном между казематом крепостной артиллерии и первым музеем — Складом

[179] См.: *Золотарев М.И.* Метрология средневекового Херсона. – Симферополь, 1973 (рукопись) // Архив НЗХТ. – Д. №1694. – С. 40–41. В НЗХТ (инв. №12984) хранится тремисс Льва III с Константином (717–741), а еще два таких же номинала – Филиппика Вардана (711–713) и Льва III с Константином – происходят из Скалистинского могильника. Вероятно, на внутреннем рынке византийских центров Таврики постоянно, а не только в VIII в., ощущалась нехватка разменной монеты, в том числе низких номиналов золотых монет (*Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 440, прим. 4).

[180] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма... – С. 179, письмо XVII.

[181] Отчет за 1899 год // Архив НЗХТ. – Д. №8. – Л. 34; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 42, прим. 4; С. 44; *Васильев А.А.* Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии // ИРАИМК. – Пб., 1922. – Т. 2. – С. 237–240.

[182] *Васильев А.А.* Указ. соч. – С. 237–240; *Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962. – Т. 2. – С. 101–112, №77, 94, 98, 100, 106, 122, 149, 159, рис. 21, 22, 24, 25; *Гурулева В.В.* Византийские весовые знаки с изображением храма из Херсонеса // Византия: кумуляция и трансляция культур: Тезисы докл. IX Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1997. – С. 11.

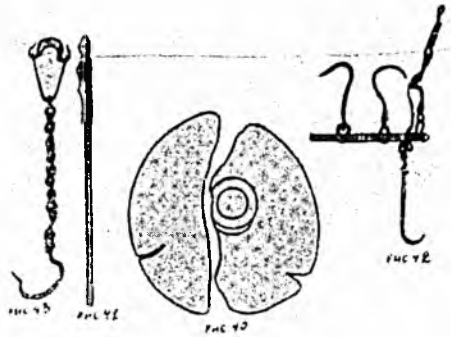

Рис. 88. Части бронзовых кампанов и зигиев, обнаруженные в портовом районе в 1906 г. (по А.И. Чуистовой)

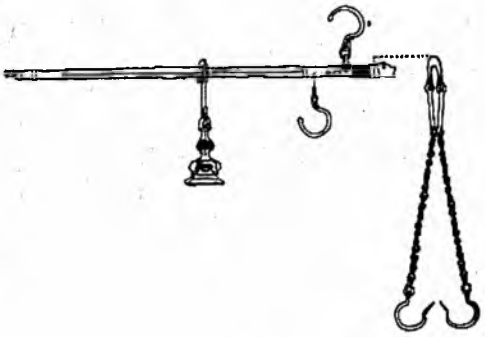

Рис. 89. Кампан VII в. Афины, Музей Бенаки (Greece and the Sea / Ed. A. Delivorias. – Athens, 1987. –P.159)

древностей, то есть в восточной оконечности портового района Херсона, рядом с берегом Карантинной бухты[183]. Это помещение соседствовало с помещениями 7 и 8, в которых были найдены два пифоса, а с западной и северной стороны примыкали две усыпальницы-кимитирия с многоярусными захоронениями[184]. В одной из них, усыпальнице «д», трапециевидной формы (2,26 х 0,80 — 0,97 х 1,64 м), из бутового камня и оштукатуренной, среди костяков оказались остатки плотной шелковой ткани, возможно, от церковных облачений, стихарей, и 9 бронзовых пуговиц в виде бубенчиков. В другой усыпальнице, обнаруженной годом раньше, череп одного из похороненных нес следы ударов мечом или саблей[185]. На наличие рядом общественного здания указывали остатки стен с кладкой opus mixtum, что, вкупе с обнаруженными здесь же многочисленными церковными древностями, элементами архитектурного декора интерьера, фресок, оконных стекол, позволило заведующему раскопок высказать предположение о некогда существовавшей на полосе откоса артиллерийского каземата небольшой церкви или часовни[186]. Однако находка здесь же ранневизантийского керамического рельефного штампа для оттиска евлогиев с упоминанием птохиона св. Фоки делает возможным видеть в этом архитектурном комплексе одноименный нищеприимный дом[187]. Судя по тому, что обнаруженный в помещении №6 набор принадлежал к разряду эталонных разновесов, которые, согласно новелле Юстиниана I от 545 г., должны были «...храниться в самых святых церквах каждо-

[183] Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. – Д. №13. – Л. 12–13 (А.Л. Бертье-Делагард принял находки за «клише для облаток»); *Чуистова А.И.* Античные и средневековые весовые системы... – С. 101, прим. 1, №77.

[184] Отчет за 1904 год. – Л. 30–31.

[185] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 2, рис. 1, 2.

[186] Отчет за 1904 год. – Л. 18.

[187] См.: Производство археологических раскопок и разведок в Таврической губернии // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 71, рис. 315; Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. – СПб., 1898. – С. 165–166, рис. 531; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. – К., 2003. – С. 81–83.

го города»[188], птохион св. Фоки столетиями мог выполнять роль такого хранилища. После VI в. это надолго стало правилом[189]. Вообще, его постояльцы, преимущественно приезжие, моряки, торговцы, должны были более других испытывать нужду в услугах менял — трапезитов, каталлактов, наконец, просто весовщиков-зигостатов[190]. Примечательно, что кроме бронзовых разновесов с изображением храма вместе с обломками бальзамариев, частей точеных костяных коробочек, костяными пластинками К.К. Косцюшко-Валюжиничем было отмечено три стеклянных эксагия диаметром 20-25 мм и крупные фрагменты бронзовых неравноплечных весов-кампанов с характерными крючками, прикрепленными к стержням безменов (рис. 88)[191]. Совершенно аналогичные кампаны (большой и два малых) входили в состав имущества византийского корабля, около 626–630 гг. погибшего у о. Ясси-Ада (между юго-западным побережьем Турции и о. Кос) (рис. 89)[192]. Им сопутствовал набор бронзовых гирь-балластов, инкрустированных серебром. Большой кампан позволял взвешивать до 126 кг груза и имел подвесной противовес в форме бюста богини Афины, что нимало не смущало пользовавшихся им крещеных навтов, захвативших с собой в рейс кадило с изображением креста на шаре.

Обнаружение подобных гирь, как и весов, относится к ранневизантийскому времени, преимущественно к VI–VII вв., хотя вообще точная датировка большей части весовых знаков весьма затруднительна, учитывая однотипность таких памятников и их длительное нахождение в обращении, которое могло исчисляться столетиями[193]. Один из них, размерами 16,3 х 16,3 мм и высотой 5 мм, весом 8,07 г, с буквами NB (2 номисмы) в круге на лицевой стороне, был найден в 1964 г. при раскопках в портовой ча-

[188] *Гурулева В.В.* Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // НЭ. – 1999. – Т. 16. – С. 84.

[189] *Entwistle C.* Byzantine weights. – P. 15; Ousterhout R. Secular Architecture // Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. – New York, 1997. – P. 196.

[190] Ср.: *Kazdan A.* Zygostates // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2232.

[191] «...Часть небольшого бронзового безмена, впервые встречаемого устройства: взвешиваемый предмет прикреплялся к цепочке, которая при помощи петли свободно вращалась вокруг стержня, удерживаемая на конце его заостренной головкой. Уцелела лишь верхняя часть цепочки. Отсюда на стержне четырехгранной формы, на ушках, наглухо заклепанных, обращенных в разные стороны и в разном друг от друга расстоянии, прикреплены 3 крючка и далее идет уже более тонкий стержень с делениями, от которого сохранилась незначительная часть; тоже, но больших размеров, причем для прикрепления 3-х крючков в стержне проделаны выемки и сохранились бронзовые болтики, удерживающие крючки. От более тонкой, также 4-гранной, части стержня с делениями разной величины на 3-х сторонах, уцелели два куска 0,21 м общей длины. Деления сильно пострадали от окиси, но доступны для расследования специалистов; ясно читается буква N (50); цепь бронзовая массивная, 0,17 м длины, от большого безмена с крючком для взвешиваемого груза с одной и с приспособлением для вращения вокруг стержня с другой стороны. См. описание двух предыдущих частей» (Отчет за 1904 год. – Л. 17).

[192] См.: *Bass G.F., van Doorninck F.H.* A 7th Century Byzantine Shipwreck // Nautical Archaeology. – Texas, 1982. – P. 121–140; ср.: Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections / Ed. by D. Buckton. – London, 1994. – P. 100, №109.

[193] *Иващенко М.М.* Находка византийского экзагия в Грузии // КСИИМК. – М.; Л., 1948. – Вып. 19. – С. 43–44; *Золотарев М.И.* Метрология... – С. 42; ср.: *Гурулева В.В.* Указ. соч. – С. 87. Свинцовая сферическая гиря с железной петлей для подвешивания к крюку подобного кампана присутствует среди материалов жилой усадьбы 2 (пом. 20) северного квартала X, сгоревшего в XIII в. (*Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Раскопки квартала X... – С. 214, рис. 18, 8).

Рис. 90. Бронзовая гиря весом 305,7 г из раскопок 1905 г. (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

сти Херсона, на 16-й улице, в смешанном слое[194]. Вообще, обращает на себя внимание, что наиболее часто подобные гири и обломки кампанов, безменов-балансиров с греческой буквенной нумерацией на стержнях встречались именно в этом районе города[195]. Едва ли это случайно.

Иногда знаки на разновесах стирались от долгого обращения и тогда их подновляли, как это видно на обнаруженной в «регионе так называемой малой агоры», около общественного «здания Г», бронзовой дисковидной гири диаметром 6,2 см, 1,4 см толщины, весом 305,7 г, то есть позднего либра-фунт, украшенной веночком и крестиком с сильно расширенными концами (рис. 90)[196]. На ней повторно был углублен тупым инструментом знак, похожий на стрелку, и буква «А»[197]. Находки аналогичного типа, иконографии, изготовленные на токарном станке, известны в египетских, британских, французских коллекциях, встречались при раскопках Анемуриума, в Ясси-Ада в Турции, Бет-Шеане в Израиле, Мафраке в Иордании, Сан-Винченцо аль Вольтурно в Италии и других местах, где датируются VII–VIII — началом IX в.[198] Примечательно, что выпуск разновесов регламентировался и контролировался государством, но тем не менее реальный вес гирь почти всегда оказывался немного ниже теоретического, указанного на них, очевидно, к выгоде менял и торговцев, привыкших иметь дело не только с денежной медью, но и с золотом.

Местный монетный двор не прекратил своего функционирования к концу VI в., когда, по мнению А.Л. Якобсона, якобы начался упадок города[199]. Интенсивное денежное обращение и необходимость финансирования крупнейших строительных проектов, развернувшихся как раз к это-

[194] НЗХТ, инв. №36675 / 3.

[195] Кроме указанных выше находок в 1904 г. эксагиев и обломков кампанов в виде четырехгранных стержней, к которым на цепочках крепились по три крючка, а на стержнях были нанесены буквенные деления, в 1906 г. в этом же районе были обнаружены бронзовая цепь 0,20 м длины с крючком для удерживания груза, разновесы в виде квадратных бронзовых пластинок: 0,007 х 0,007 х 0,002; 0,008 х 0,008 х 0,002; 0,009 х 0,009 х 0,003; 0,01 х 0,01 х 0,004 м, бронзовый четырехгранный стержень 0,32 м длины, оканчивающийся наконечником с двумя перехватами. На толстом конце стержня были просверлены четыре дырки, причем от последней до конца стержня с двух противоположных сторон вырезаны деления, разграниченные буквами /\ и X (Отчет за 1906 год // Архив НЗХТ. – Д. №15. – Л. 40 об.). См.: *Чуистова Л.И.* Указ. соч. – С. 136–137, №5–8, табл. 72, 41–43).

[196] Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. – Д. №14. – Л. 3; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 135, рис. 27.

[197] Похожая бронзовая гиря точно такого же веса, но диаметром 3,5 см (sic!), известна в собрании Гос. Эрмитажа (инв. №8 б). Веночка на ней нет, а крестик имеет «латинскую» форму. Знаки в центре, в виде стрелки и буквы А, тоже возобновлены каким-то тупым орудием (*Чуистова Л.И.* Указ. соч. – С. 112, №161, табл. 50, 110).

[198] Byzantium. – P. 99–100, №108.

[199] Ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 33.

му времени, не могли обойтись без услуг аргиропратов, трапезитов, каталлактов и симмодариев-ростовщиков[200]. Нумизматические материалы позволяют заключить, что после Юстиниана I по меньшей мере до конца правления Константа II (641–668) продолжался выпуск местной монеты, которую можно подразделить на три группы[201]. Денежная реформа Ираклия 629/630 г., связанная с унификацией денежного рынка Империи и свертыванием деятельности оффицин в восточных провинциях (в Фессалонике, Никомидии, Кизике, Антиохии), была проведена непоследовательно (рис. 91)[202]. Для Херсона прецедент был создан тогда, когда на местных выпусках монет, в том числе самого Ираклия, стали надчеканивать контрамарки с R — монограммой его имени или с хризмой[203]. Херсонесские монетарии избирательно подвергали этой операции отдельные монеты, начиная от городских выпусков II в. н.э. до пентануммиев Юстиниана I и полуфоллисов Юстина II, и таким образом стремились достаточно просто и быстро унифицировать всю пеструю монетную массу, свести монеты различных достоинств к единому номиналу — пентануммию, ставшему, судя по его исключительному большинству, основным при проведении торговых сделок[204].

Рис. 91. Ираклий I (610–641) и его старший сын Константин (612–641). Солид, золото

Таким образом, любая монета сохраняла покупательную способность независимо от времени выпуска, что позволяло сохранять денежную массу и обеспечивать достаточное насыщение рынка. И все же сокращение, а временами даже полное прекращение собственной чеканки со второй половины VII в. было явлением повсеместным и так или иначе затронуло все владения Империи, кроме некоторых единичных италийских и сицилийских центров[205]. Гегемоном византийского денежного дела отныне и надолго стали столичные константинопольские оффицины, в свою очередь снизившие активность. Однако видеть в этом один из главных показателей кризиса Херсона неправомерно. Подобное уже наблюдалось и в истории Римской империи, и в истории города раньше, причем в отно-

[200] Ср.: *Сорочан С.Б.* Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV–IX вв.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2000. – Історія. – Вип. 32. – С. 39–48.

[201] См.: *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8 Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 302–303.

[202] См.: *Morrisson C., Barrandon J.N., Poirier J.* Nouvelles recherches sur l'histoire monetaire byzantine: evolution comparee de la monnaie d'or a Constantinople et dans les provinces d'Afrique et de Sicile // JÖB. – 1983. – Bd. 33. – P. 278.

[203] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 105–107; *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные монеты из коллекции Д.П. Вашкова // ВВ. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 184.

[204] *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет... – С. 345.

[205] *Hendy M.F.* On the Administrative Basis of the Byzantine Coinage c. 400 – c. 900 and the Reforms of Heraclius // Hendy M.F. The Economy, Fiscal Administration and Coinage of Byzantium. – London, 1989. – VIII, p. 142; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 110–111.

сительно благополучные времена. Так, число монет значительно уменьшилось с эпохи домината, когда произошла стабилизация Империи. На период правления Диоклетиана до Феодосия I приходится 5,20% совокупных находок монет, а от Анастасия до Юстинина I – всего 0,96%[206]. Трудно подозревать упадок Херсонеса в IV-V вв., но именно тогда, после прекращения херсонесской чеканки в правление Галлиена, с 70-х гг. III в. город не выпускал собственную монету и обеспечивал сравнительно интенсивное денежное обращение за счет боспорских и общеимперских римских монет. По аналогии с ситуацией эпохи «темных веков» это должно было бы указывать на «резкое сокращение денежного обращения и торговли», тогда как анализ источников, напротив, свидетельствует о стабилизации и даже определенном подъеме последней с некоторыми регионами Империи[207].

Следовательно, обилие монетных находок не обязательно является показателем процветания экономики. Кроме того, надо учитывать то, что многие прежние исследователи не принимали во внимание: и во время работы, и в течение всех перерывов в деятельности оффицины раннесредневекового Херсона в городе из столетия в столетие свободно обращалась по принудительному курсу любая привозная и местная монета, даже старая римская, а затем ранневизантийская, что увеличивало объем монетной массы, необходимой для нормального функционирования рынка и для поддержания денежного обращения на прежнем или даже более высоком уровне[208]. В этом опять-таки видится общеимперский феномен[209].

Нехватка мелких номиналов компенсировалась даже тем, что крупные херсоно-византийские монеты конца VI в. достоинством в 4 и 8 пентанумий аккуратно разрубали пополам или на четыре части[210]. Поздняя эмиссия монет Тиверия Маврикия (582-602), чеканенных во втором выпуске херсонесского двора, имела меньший вес, чем монеты первого выпуска, ранней эмиссии: вес медных фоллисов постепенно снижался с 16,2 до 9 г[211].

---

[206] *Романчук А.И.* Этнические изменения в Юго-Западном Крыму в IV–VII вв. и судьбы причерноморских городов: концептуально-интерпретационный подход // «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы»: VII Донская археологическая конференция. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 136–137.

[207] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья... – С. 60–76, 80, 86–87, 93, 98–100; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 31–37, 43–45, 53–60, 111–117.

[208] См.: *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году // X сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 192–193; *Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 32–34; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 97, 104–107; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 109; *Алексеенко Н.А., Ковалевская Л.А.* Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса // Проблемы античной культуры: Тезисы докл. Крымской науч. конф. – Симферополь, 1988. – Ч. 3. – С. 231–232; *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1988. – С. 3–14; *Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 17; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). – К., 1993. – С. 120; *Алексеенко Н.А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докл. – М., 1995. – С. 25–26.

[209] Ср.: *Пономарев А.А.* Чего нет, того не сосчитать? Или сколько в Византии чеканили монет // Математическое моделирование исторических процессов / Отв. ред. Л.И. Бородкин. – М., 1996. – С. 224–235.

[210] *Грандмезон Н.Н.* Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. – 1986. – Т. 46. – С. 212.

[211] *Соколова И.В.* Монеты и печати ... – С. 24.

Фоллисы Ираклия (610-641) имели уже только такой вес[212]. Однако почему в этом явлении надо видеть лишь деградацию, отражение кризисных явлений в византийской экономике? С куда большим основанием причину снижения веса самой ходовой монеты можно увязать со стремлением властей уравнять вес местной и прочей византийской меди, связать традиционную монетную систему Херсона с общеимперской и, значит, с заинтересованностью Константинополя во включении города в единый денежный рынок Империи. Правдоподобность такого объяснения тем более вероятна, что херсонский монетный двор оказался вовлечен в общеимперскую денежную реформу василевса Ираклия[213]. Вся масса находившихся в обращении в первой половине VII в. чрезвычайно разнородных, разновременных медных монет, в том числе даже II–III вв., была унифицирована: крупные, контрмаркированные монограммой имени Ираклия – R, были приравнены к фоллисам, а прочие с помощью надчеканки в виде хризмы отождествлены с самым мелким из возникших после реформы Анастасия номиналов – пентануммием[214]. Их узкоместное хождение преимущественно в границах «номисмазоны» города и кастра, поселений Юго-Западной Таврики вполне объяснимо и экономически оправдано: бронзовые мелкие номиналы всегда удовлетворяли потребности обращения главным образом внутренних, локальных рынков[215]. Разумеется, эта масса разнородных монет постоянно нуждалась в пересчете на периодически обновлявшуюся, новую шкалу денежных единиц, но это была забота херсонских менял, которые никогда не оставались без работы.

Морская торговля и импорт. Часть привозных товаров составляли ткани и готовая одежда, пояса, в том числе шелковые, с вышитыми изображениями и орнаментом, которые изредка встречаются в склепах «римско-византийского времени», по определению К.К. Косцюшко-Валюжинича[216]. В одной из найденных в портовом районе ранневизантийской усыпальнице, сложенной из каменных плит на извести, оказались восемь остовов. На голове одного из них, еще молодого человека, похороненного, в отличие от остальных, в гробу, сохранились приставшие к черепу куски шелковой круглой шапочки, отороченной лентой из золотных и серебряных нитей с шахматным узором в виде мелких параллелограммов, а поблизости лежали «кусок шерстяного шнурка» и части широкого шелкового пояса с изображениями человеческой фигуры анфас, льва, петуха и орнаментом[217]. Очень похожие кусочки плотной

[212] *Grierson Ph.* Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. – Washington, 1968. – Vol. 2. – P. 38, 381; *Соколова И.В.* Указ. соч. – С. 27.

[213] *Алексеенко Н.А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов. – М., 1995. – С. 25–26.

[214] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 104–109.

[215] Местные херсонесские монеты и прежде, в первые века н.э., сравнительно редко покидали пределы города, концентрируясь преимущественно в его ближайшей округе и Хараксе, – см. *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья... – С. 77–80, 87, 93, 99. В «дальнем зарубежье», малоазийских и западнопонтийских провинциях они почти не встречались.

[216] Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. – СПб, 1893. – С. 4–5, №2.

[217] Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 4–5; Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1903 год. – СПб., 1906. – С. 22; *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. – 1905. – Вып. 16. – С. 38, рис. 1, 2; *Иванов Е.Э.* Херсонес Таврический.

Рис. 92. Шелковая ткань с изображением всадника (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

шелковой ткани, в том числе с хорошо сохранившимся изображением всадника лицом к зрителю и лошадью, идущей вправо, были найдены в гробнице на южной стороне большой агоры, рядом с базиликой №28 (рис. 92)[218]. Как церковные облачения-стихари с бубенчиковидными бронзовыми пуговицами К.К. Косцюшко-Валюжинич интерпретировал обнаруженные в сложенной из бутового камня, оштукатуренной гробнице-кимитирии в восточном углу портового района, рядом со зданием с кладкой opus mixtum, обрывки плотной шелковой ткани с нашитыми гладью украшениями орнаментального характера, преимущественно розетками двоякого вида, образуемыми из широких жгутов[219]. Некоторые историки относят такие «драгоценные товары Востока — пряности, ароматы, жемчуг, роскошные ткани, ювелирные изделия» — к импорту в Таврику исключительно VI в.[220], но, во-первых, шелковые, даже расшитые ткани из так называемой метаксы, какие обычно именовали polymites («тканью в много нитей»), или с уточнением, exapolon («в шесть нитей»), oktapolon («восемь нитей»), dekapolon («десять нитей»), dodekapolon («двенадцать нитей»), нельзя считать чем-то сверхдорогим, недоступным рядовым потребителям, а во-вторых, их производство и привоз не исчезли после VI в.[221] На находившуюся под государственным контролем торговлю шелком (тканями и сырцом-метаксой) косвенно указывают находки на городище моливдовулов Стефана, патрикия и коммеркиария апофики (659-668 гг.), некоего главного коммеркиария апофики Константинополя (688-689 гг.), Исидора-коммеркиария (VII в.), которые синхронны таким же сугдейским печатям коммеркиариев апофик столицы и южного берега Понта[222]. Вероятно, такими подвесными свинцовыми буллами

Историко-археологический очерк // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – №46. – С. 315.

[218] Раскопки в Таврической губернии 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. – СПб., 1893. – С. 4, №2.

[219] Отчет за 1904 год. – Л. 30 (трапециевидная усыпальница «д» при помещении к западу от каземата крепостной артиллерии).

[220] Ср.: История Византии: В 3 т. – М., 1967. – Т. 1. – С. 335.

[221] Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. – М., 1962. – С. 57, 81 (VIII. 2), 60, 83 (X. 1, 2); *Granger-Taylor H.* Byzantine textiles // Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – P. 16.

[222] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 123, №1; *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 206, №10; С. 208, №26; ср.: *Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Барнаул, 1995. – С. 119–123.

опечатывались тюки с товарами, прохождение которых находилось под особенно пристальным вниманием государства.

То же самое можно сказать о привозе благовоний, масел. Тара для последних, в отличие от подавляющей массы напрочь истлевших тканей, легче фиксируется археологически. Так, в портовой части города и в «цитадели» встречаются находки красноглиняных амфорисков этого времени, вероятно преимущественно первой половины VII столетия, с фигурными или монограммными клеймами в квадратных, круглых или треугольных рамках (рис. 93)[223]. Сосудики с желобчатым туловом и массивной, плоско срезанной ножкой являлись, скорее всего, продукцией эргастириев запада Малой Азии, а веретенообразные, с гладким туловом и срезанным дном, покрытые красновато-коричневой обмазкой, выпускались в палестинских мастерских[224]. Повелось считать, что они служили для перевозки парфюмерии, хотя нельзя исключить их использование в качестве сосудов для святой воды и масла, которые находили широкое применение в литургических, апотропеических и лекарственных целях[225]. Во всяком случае елей и смирна (миро) были в составе экспорта Палестины, откуда их вывозили в стеклянных шести- и восьмигранных сосудах, орнаментированных рельефными изображениями. Такие флаконы, изготовленные в районе Галилеи, датируют VI – первой четвертью VII в., а в Херсоне они известны в комплексах второй-третьей четверти VI в.[226] Подобная продукция попадала в город, очевидно, транзитом, через Константинополь или малоазийские портовые центры Пафлагонии, Понта[227].

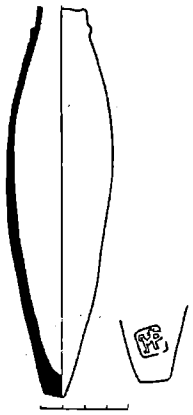

Рис. 93. Амфориск первой половины VII в. с монограммным клеймом (по А.И. Романчук, Э.И. Соломоник)

К изделиям византийско-средиземноморского круга, в том числе, вероятно, балканского происхождения, относятся некоторые варианты бронзовых пряжек (с прорезной обоймой, напоминающей личину; прямоугольной формы с врезными прямыми линиями вдоль боков и др.), которые датируются в рамках от середины VI до середины VII в.[228]

---

[223] *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 247; *Кадеев В.И., Мещеряков В.Ф., Сорочан С.Б.* Альбом иллюстраций к отчету о раскопках на участке «Центр квартала» в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2327. – Табл. XIV, 2; *Романчук А.И.* Раскопки в Херсонесе // АО 1985 г. – М., 1987. – С. 400; *Романчук А.И., Соломоник Э.И.* Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 99; Византийский Херсон: Каталог выставки / Отв. ред И.С. Чичуров. – М., 1991. – №57–62; *Болгов Н.Н.* Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. – Нижний Новгород, 2002. – С. 117.

[224] *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 104.

[225] *Hayes J.W.* A Seventh – Century Pottery Group // DOP. – 1968. – №22. – P. 212.

[226] *Сорокина Н.П.* Три стеклянных сосуда IV в. с рельефными изображениями из Северного Причерноморья // Матеріали з археології Північного Причерномор'я. – Одеса, 1960. – С. 228–229, рис. 1; *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 146–147.

[227] *Голофаст Л.А.* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ: Византия и сопредельный мир. – Свердловск, 1990. – С. 52–54.

[228] См.: *Гавритухин И.О.* Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П – 1967 в Херсонесе //

Рис. 94. Текст надгробной эпитафии Анастасия, епископа Херсониса. Синопа (Пафлагония)

Устойчивые контакты с южночерноморскими городами, в частности с Синопой — ключевым портом-эмпорием на кратком пути из Таврики через Черное море и обратно, можно заметить в том, что епископ Херсониса Анастасий оказался погребен в этом заморском городе, о чем свидетельствует его надгробие, вопреки мнению С. П. Шестакова, датирующееся, очевидно, не VIII в., а не позднее конца VI в., когда вышла из употребления прежняя, античная форма названия города (Chersonesiou) (рис. 94)[229]. Не случайно Иордан указывал на важное торгово-экономическое значение Херсона к середине VI в., поскольку город, несмотря на близость кочевников (а может быть, и благодаря ей), притягивал жадных, ненасытных торговцев, везших сюда самое разное добро Азии (quo Asiae bona avidus mercator important)[230].

Изменения в политическом положении позднеантичного Херсона не привели в упадок его экономику. Можно говорить об изменении интенсивности херсонесской внешней торговли с Причерноморьем и Средиземноморьем, но не о кардинальной переориентации ее основных направлений по сравнению с IV–V вв.[231] Указанные выше слова Иордана говорят о том, что в представлении современников Херсон оставался городом, жившим в значительной мере за счет внешней торговли. В ранневизантийский период он продолжал сохранять функции торгово-ремесленного эмпория —

МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 219–221, №7–8; С. 223.

[229] Учитывая давние морские связи города и прохождение краткого пути от Таврики к пафлаонскому мысу Карамбис рядом с Синопой, сюда, скорее всего, мог попасть епископ Херсонеса Таврического, а не Фракийского и тем более Критского. См.: Corpus Inscriptorum Graecarum / Ed. A. Boechio, I. Franzius, E. Curtius. – Berolini, 1856. – Vol. 4. – Fasc. 1. – P. 462, №9261; *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в древних надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. – 1939. – №3. – С. 289–290, №69 (синопское надгробие венчает изображение в круге равноконечного креста, между концами которого в виде монограммы написана сакральная формула I(esou) Ch(risto)s n(i)k(a) (просфорный крест), после чего ниже следует текст эпитафии: Enthade keitai to soma Anastasiou tou kai episkopou Chersonesious; издатели оставляли дату памятника открытой); ср.: *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса VI–X вв. по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 37; *Храпунов Н.И.* О средневековом названии города Херсона (по данным церковных источников) // Восток–Запад: межконфессиональный диалог: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 44. Отказаться от мысли везти тело внезапно умершего епископа назад, через море, в Херсон, могло вынудить, вероятно, только окончательное прекращение очередного навигационного сезона в середине ноября.

[230] Iordan Getica / Ed. Th. Mommsen // MGH. – Berolini, 1882. – T. 5. – P. 1. – P. 63 (§37); *Иордан.* О происхождении и деяниях Гетов. Getica / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. – М., 1960. – С. 72, §37.

[231] Ср. *Романчук А. И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantinobulgarica. – 1981. – Т. 7. – С. 319 сл.; *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи ... – С. 60–76; *Сорочан С.Б.* Економічні зв'язки Херсонеса Таврійського з заходом в I ст. до н.е. – V ст. н.е. // Археологія. – 1985. – №50. – С. 14; *Сорочан С.Б.* Экономические связи Херсонеса Таврического с Балканами (I в. до н.э. – VI в. н.э.) // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. X Всесоюзная научная конференция историков-славистов 30 января – 1 февраля 1985 г. :Тезисы докл. и сообщ. – Харьков, 1985. – С. 156–157; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. – К., 1986. – С. 101–129; *Кадеєв В.І., Сорочан С.Б.* Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. – 1989. – №4. – С. 91–102; *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 60–72.

посредника, пользовавшегося постоянной поддержкой Восточной Римской империи, поддерживал стабильные, регулярные связи с ее столицей и через нее мог осуществлять широкие опосредованные контакты с теми многочисленными центрами Западной Малой Азии (Фокеи), Фракии, Греции, Сирии, Палестины, Северной Африки, островов Эгейского моря, продукция которых (съестные припасы, вино, оливковое и кунжутное масло, амфоры, естественно, не пустые, разнообразная краснолаковая столовая посуда, в том числе со штампами, светильники, стеклянные сосуды, шелковые, льняные ткани, одежда и ее аксессуары, обувь, пояса, украшения, бижутерия, благовония, парфюмерия, елей, масла, лекарственные вещества) транзитом попадала в город[232].

Не случайно именно с середины VI в. на восточной оконечности городища, недалеко от порта, начал, вероятно, действовать херсонский архив, где собиралась документация таможенного, финансового, фискального характера[233]. Имеющиеся письменные ранневизантийские источники, при всей их скудности, позволяют заключить, что торговые, грузовые суда наиболее часто курсировали именно между Константинополем, Босфором и Херсоном, когда чаще, когда реже, но всегда неизменно заходя в его гавань во время навигационного сезона, начинавшегося со дня весеннего равноденствия и продолжавшегося до конца ноября[234]. Прихода именно этих «суденышек» (naviculis) с нетерпением ожидал в изгнании папа Мартин I, получавший с их помощью корреспонденцию из столицы и передачи «средств» (expensae), которые собирали для ссыльного его приверженцы[235].

Тесные связи со столицей нашли отражение даже в облике, быте города. Замечено, что подавляющее большинство привозных готовых карнизов, колонн, капителей, деталей амвонов, алтарных преград (kankelloi tou bematos) из проконесского мрамора находит аналогии в Константинополе. Столь же характерно для столичной архитектурной школы было использование смешанной кирпично-каменной кладки (opus mixum), широко применявшейся в общественном строительстве в V в. и позднее нашедшей приверженцев в Херсонесе[236]. Признак столичного влияния можно видеть и в синтронах — скамьях для духовенства, со временем появившихся в алтарной апсиде целого ряда больших и малых херсонских храмов-кафоликонов (в базиликах №13, 23, крестовидных храмах №19, 27, Богоматери Влахернской). В местной культовой архитектуре ранневизантийского времени прослеживаются равеннский, малоазийский, эгейский и константинопольский следы. Последний, будучи замечен

[232] *Сорочан С.Б.* Херсонес в системе константинопольской торговли IV – первой пол. VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 104–107; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 89.

[233] *Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 20.

[234] *Сиротенко В. Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // УЗ Перм. гос. ун-та. – 1964. – №117. – С. 99–105.

[235] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма... – Письмо XVI, С. 178, коммент. 12; письмо XVII, С. 179, коммент. 5.

[236] *Mango C.* Byzantinische Architektur. – Mailand, 1974; *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 273.

А.Л. Якобсоном, Ф.В. Дайхманном и Ю.Г. Лосицким, не получил достаточного обоснования[237]. Тем не менее он дал ключ к поискам, предпринятым И.А. Завадской, которая внимательно рассмотрела пропорции ранних херсонесских христианских храмов, характер оформления их предалтарного пространства, формы апсид, зачастую с гранями, колонны, технику кладки и в итоге пришла к убедительному заключению, разделяемому другими исследователями, что главным ориентиром для херсонесских строителей, при всем их своеобразии, была все же столичная архитектурная школа с примесями ближневосточного, греческого и малоазийского влияния[238]. В этом доминировании константинопольских архитектурных канонов, стандартных черт плана и декора угадывается отражение основных направлений не только политических, культурных, но и постоянных экономических связей города, которые вели через крупнейшие портовые центры севера Малой Азии к столице империи.

Исследователи насчитывают в Херсоне VII в. не менее 23 классов амфор (42,6%), в том числе продукции эгейских островов, Кипра, сиропалестинские, типа «Газа», египетских, североафриканских, карфагенских форм и другие, привезенные из византийских провинций Малой Азии, с южного берега Понта и из Восточного Средиземноморья[239]. Большинство их бытовало до второй четверти столетия, но встречаются и такие, которые не исчезли из состава экспортных товаров до третьей четверти — конца VII в. (с воронкообразным горлом, с сильно вытянутым, «морковкообразным» копусом, типа «Газа»)[240]. Им сопутствуют находки поздней краснолаковой столовой керамики, неглубоких мисок, чаш с утолщенным бортиком, на дне которых встречаются оттиснутые изображения птиц, крестов и иные штампы; блюда на высоком поддоне с горизонтально отогнутым краем и хорошо заглаженной светло-желтой поверхностью, так называемый поздне-

[237] Deichmann F.W. Einführung in die Christliche Archäologie. – Darmstadt, 1983. – S. 270; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 163, 166; *Аосицький Ю.Г.* Про візантійські базиліки Херсонеса // Археологія. – 1991. – №2. – С. 95.

[238] *Завадская И.А.* Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам): Дис. ... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т. – Симферополь, 2000. – С. 132–155; *Завадська І.А.* Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2000. – С. 10–12; *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 261–279; ср.: *Бернацки А.Б.* Bema в раннехристианских базиликах Херсонеса Таврического и Новы (Болгария) // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 8–9; *Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // Вв. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 191–192.

[239] *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. – С. 6–45; *Сазанов А.В.* Амфоры Газы ранневизантийского времени в Северном Причерноморье // Проблемы истории Крыма. – Симферополь, 1991. – С. 106–108; *Сазанов А.В.* Світлоглиняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (IV–VII ст. н.е.) // Археологія. – 1992. – №1. – С. 51–59; *Сазанов А.В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. – 1992. – №2. – С. 100–112; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 171; *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса. – С. 101, 102–103, 121.

[240] В восточносредиземноморских амфорах типа «Газа», вероятно, транспортировали не только вино, но и кунжутное масло (Blakely J.A. Ceramics and Commerce: Amphorae from Caesarea Maritima // Bulletin of the American Schools of Oriental Research in Jerusalem. – 1988. – Vol. 271. – P. 38).

римский тип С, «триполитанский А», «североафриканские» сосуды (Hayes 95, 105 и др.), особенно многочисленная «фокейская сигиллата» западномалоазийского производства, другая импортная столовая посуда[241]. Комплексы такой керамики датируются концом VI — началом VII в., первой четвертью VII в. (заполнение колодца в I квартале с монетой 582-602 гг.; так называемое помещение с пифосами в портовом квартале 2 с монетой 602-610 г.) и серединой — третьей четвертью VII в. (комплекс в районе 17 куртины с монетой 641-668 гг.)[242]. Следует особо подчеркнуть, что, согласно классификации Дж. Хейса, средиземноморская краснолаковая столовая керамика типа «позднеримский С» (формы 10, 99, 104) и «позднеримский D» поступала, скорее всего, через Константинополь в Херсон, где встречается в комплексах вплоть до третьей четверти — конца VII в.[243] «Фокейская силиллата» присутствует в большинстве херсонесских комплексов второй половины VII в. и ее исчезновение после этого времени объясняется не разрывом торговых связей, а, как и в других регионах, прекращением производства этой посуды[244]. Выходит, состав экспорта не претерпел существенных изменений, и можно определенно сказать, что город не вышел из состава средиземноморского рынка. Херсониты располагали средствами, достаточными для того, чтобы покупать импортную столовую посуду, импортное вино и масло в амфорах, произведенных в крупнейших центрах Малой Азии, Сирии, Палестины, Северной Африки, более того, предпочитали эту продукцию местной. Видимо, те «суровые репрессии во время правления Фоки против монофелитов и евреев», то есть торгового населения сирийских городов, на которые указывают исследователи как на причину сокращения торговли, равно как и военные неурядицы в Малой Азии и Сирии[245], не были столь значительны для того, чтобы вызвать переориентацию торгово-экономических контактов или их существенное сокращение. К тому же после блестящих побед василевса Ираклия в 622-629 гг. порядок был восстановлен почти во всех провинциях, в том числе и в Сирии, которая оставалась одной из наиболее про-

[241] *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – С. 26, рис. 6, 1, 4–9; 7, 1–3; *Романчук А.И., Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона // Средневековый Херсон: история, стратиграфия, находки. – Вып. 1. – Свердловск, 1991. – С. 32–35; *Сазанов А. В.* Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. н. э. из Херсонеса // КСИА. – 1992. – Вып.208.– С. 40–46; *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. – 1994. – Вып. 4. – С. 406–433; *Голофаст А.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 77–83; *Голофаст А.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 135–216.

[242] *Сазанов А.В.* Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 62–63; *Sazanov A.* Les enembles clos de Chersonese de la fin du VIetroisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique // Colloquia pontica. – 2000. – Vol. 5. – P. 123–149; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 169–176, табл. 7. 2 (комплексы 1 А, 1 Б 1, 1 Б 2 в портовом районе).

[243] *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. – London, 1972. – P. 371; *Romancuk A.I.* Cherson im Mittelalter // BS. – 1992. – T. 53. – Fasc. 2. – S. 207.

[244] *Голофаст А.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой»... – С. 176–177.

[245] См.: *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. – С. 46; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 183.

Рис. 95. Константин IV (668–685). Солид, золото (по В. Тредголду)

цветавших частей Империи, а купцы ее приморских портов участвовали в оживленной международной торговле и после арабского завоевания[246].

Не следует преувеличивать трагичность последствий войн византийцев с Омейадами, а также славянской колонизации части территории Балкан (см. рис. 58)[247]. До 679/680 г. Романия сохраняла контроль даже над дунайской границей[248]. На Балканах славяне в целом признавали власть империи и уже в VII–VIII вв. подвергались быстрой ассимиляции[249]. Победив арабов, Константин IV в 680 г. заключил с ними 30-летний мир, причем даже на условии уплаты в пользу Романии ежегодной дани, «и великая тишина утвердилась и на Востоке, и на Западе» (kai egeneto amerimnia megale e te te anatole kai dysei) (рис. 95)[250]. Акты Шестого и Пято-Шестого соборов 681 и 692 гг. указывают на «достаточно бойкую», по выражению М.Я. Сюзюмова, городскую жизнь и называют свыше 40 зачастую весьма обширных провинций как на востоке, в азиатской части Романии, так и на западе, на Балканах, охватывавших огромную даже по нынешним меркам территорию примерно в 500 тыс. кв. км[251]. Ядро державы, включавшее земли двух крупнейших полуостровов и острова Эгеиды, оказалось сохранено, а именно оно являлось жизненным центром государства и источником его военной мощи, поставлявшим лучших стратиотов и навтов. Греческую Малую Азию — главную опору ромейской монархии — долгое время отличала особенно крепкая связь с Империей, и к тому же до XI в. она не подвергалась серьезным этническим изменениям, если не считать переселений армян. При всей экономической значимости Сирия, Египет или Месопотамия не были столь важны, и потеря их не обернулась непоправимой государственной катастрофой[252]. О возврате же такой далекой периферии, как Северная Африка и южная

[246] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX вв.: этюды рынка. – С. 330–331.

[247] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* Указ. соч. – С. 323–337.

[248] *Chrysos E.* Die Nordgrenze des byzantinischen Reiches im 6. bis 8. Jh. // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jh. – München; Berlin, 1987. – S. 27–40; *Velkov V.* Der Donaulimes in Bulgarien und das Vordringen der Slawen // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jh. – München; Berlin, 1987. – S. 141–169.

[249] *Karayannopulos G.* Les Slaves en Macedoine. Le pretendue interrupuption des communications entre Constantinople et Thessalonique du 7 au 9 siecle // Bakirtzis Ch. A propos de la basilique paleochretienne de Kipia. – Athenes, 1989. – P. 9–38.

[250] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae,1883. – Vol.1:Textum graecum continens. – P. 356. 8; ср.: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Accedit Ignatii Diaconi Vita Nicephori. – Leipzig,1880. – P. 32–33.

[251] *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. – Leipzig, 1899. – S. 64–65; *Гоголев А.А.* Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2002. – С. 17.

[252] Maull O. Der Einfluss geographischer Faktoren auf die Geschichte des byzantinischen Reiches // Südost – Forschungen. – München, 1962. – Bd. 21. – S. 6–18; *Haldon J. F.* Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture. – Cambridge, 1990. – P. 390 f.

часть Пиренейского полуострова, василевсы даже не думали, поскольку страна довольно быстро научилась обходиться и без них.

Особых потрясений в связи с этими событиями тем более не пережила Таврика. Не случайно процентное распределение видов амфор по периодам свидетельствует, что ранневизантийский Херсон имел почти в полтора раза больше торговых партнеров, чем в IX в., и в пять раз больше, чем в XI в.[253]

Торгово-экономические связи с федератами. Если с середины — второй половины VII в. количество находок, известных в Средиземноморско-Черноморском регионе, для города сокращается, то зато начинают преобладать главным образом натуральные по своему характеру связи с сельской периферией в Юго-Западном Крыму[254]. Представляется, что они прочно осуществлялись через город с Мангупом, который, по мнению большинства исследователей, может быть отождествлен с Дори (Доросом или Дарасом)[255]. Очевидно, именно это место, расположенное в 25 км от Херсона, упоминается в эпиграфических и нарративных источниках VI–VIII вв. как центр «хоры» (области, страны) Дори[256]. Предпринимаемые едва ли не с XVIII в. попытки некоторых историков совместить его с инкерманской крепостью Каламита или «пещерным» городом на плато Эски-Кермен не выглядят достаточно убедительными и обоснованными, строясь на слишком большом числе допущений[257].

Все более увеличивавшееся население Мангупа уже со второй половины III — IV в. получало привозные амфоры, посуду, украшения, пряжки, что свидетельствует о включении этого поселения с окрестностями в сферу торгового обмена и экономического влияния Восточноримской империи[258]. Напластования ранневизантийского времени, до VIII в., выяв-

[253] Ср.: *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии... – С. 175–176, прим. 29.

[254] *Романчук А.И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докл. VII Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 12.

[255] *Тиханова М.А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953. – №34. – С. 325–333; *Пиоро И.С.* Крымская Готия. – К., 1990. – С. 65–66; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 694; *Герцен А.Г.* Крепость Дорос: Византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 118; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 119; Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи). – С. 43. А.К. Амброз безосновательно полагал, что Дорос сначала находился в крепости Эски-Кермен, но затем был все же перенесен в Мангуп, «более удобный для феодального города» (*Амброз А.К.* Юго-Западный Крым: Могильники V–VII // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 65).

[256] Сомнений в этом не было еще в середине XVI в., когда посол германского императора Фердинанда Брусбек не только записал 68 слов из языка крымских готов, но и определенно указал, что столица их некогда находилась на Мангупе (см.: Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. – М., 1983. – С. 236–241).

[257] См.: *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Готский сборник: ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 134–138; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 57; *Sidorenko V.A.* Procopius of Caesarea conserning the Dory Region and the Long Walls of Byzantine Cherson // Acts, 18th International Byzantine Congress, Collected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991. – Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. – Sheperdstown, 1996. – P. 94–95; *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 116–117; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып.4. – С. 587.

[258] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи ... – С. 86; *Герцен А.Г.* Исследование Мангупской крепости // АО 1981 года. – М., 1983. – С. 251–252; *Сидоренко В.А.* Исследование склепов

лены на мысе Тешкли-бурун, а также рядом с ним и в центральной части плато[259]. Кроме того, находки этого времени присутствуют в качестве переотложенного материала в вышележащих слоях Мангупа, что объясняется уничтожением большей части руин и культурных напластований в XIV–XV вв., когда здесь находилась столица княжества Феодоро[260]. Византийско-коринфские капители, архитектурные детали из проконесского мрамора, фрагменты храмового декора явно ромейского происхождения, очевидно, тоже попадали сюда из византийских пределов, как и аналогичные находки на Эски-Кермене, Чуфут-Кале и у подножия плато, а также в долине р. Бельбек, у подножия горы Пампук-Кая, в Партените, Тиритаке, в портовой части Боспора[261]. Во второй половине VI — VII в. из столицы Византии на Мангуп поступали предписания, послания высших чиновников главного финансового управления Империи, таких как логофет, партикий Дорофей, — факт, сам по себе указывающий на «доходно-росходную» суть этих связей центральных и местных властей[262]. Уже В.Г. Васильевский подчеркивал, что все окраинные причерноморские города Византии выполняли роль центров посреднической торговли с варварами[263] и Херсон в этом отношении не был исключением.

Вхождение Мангупа-Дороса (Дори) в состав единой церковной епархии «Херсона Доранта» — Херсона Дорантского или Дорийского (Chersonos tes Dorantos)[264] свидетельствует о тесных связях, существовавших в это время между ромейским Херсоном и областью, заселенной «энспондами» Империи, которые включали в свой состав потомков северокавказских

горы Мангуп // АО 1982 года. – М., 1984. – С. 329–330; *Бармина Н.И.* Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Тарики: ДиС. ... канд. ист. наук / Институт археологии АН УССР. – М., 1983. – С. 50, 74–75, 88–89, 137; *Герцен А.Г* Дорос–Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 97–98.

[259] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997. – С. 69–70.

[260] *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 132.

[261] *Репников Н.И.* Партенитская базилика // ИАК. – 1909. – Вып. 32. – С. 137, рис. 46–48, 50; *Бармина Н.И.* Историческое место ... – С. 54–55, 108–109; *Якобсон А.А.* Из истории раннесредневековой архитектуры в Крыму. II: Мангупская базилика // СА. – 1940. – Т. 6. – С. 214–215, 218–219, рис. 8; *Тиханова М.А.* Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. МИА. – 1953. – №34. – С. 337–338; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 123, прим. 1; С. 195; *Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н.* Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928–29 гг.) // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1929. – Т. 30 (60). – С. 175–177, рис. 4–5; *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 60–61, рис. 14; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 121; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 24; *Герцен А.Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. – Симферополь, 1995. – С. 86; *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – 1940. – Т.6. – С. 198–199.

[262] *Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92; *Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 61–65, рис. 1.

[263] *Васильевский В. Г., Заливалова А. Н.* Византийский город в трудах В. Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 155–156.

[264] *Mansi J.D.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... – Graz, 1960. – Col. 992; *Ohme H.* Das Concillium Quinisextum und seine Bischogsliste (Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692) / Arbeiten zum Kirchengeschichte. – Berlin; New York, 1990. – S. 151.

ираноязычных алан и германцев — готов, очевидно главенствовавших в военном отношении[265]. Город Херсонес называли Дора (to Dorou) уже за пять столетий до этого, в надписи II в. в честь Гермеса, очевидно, подразумевая при этом полис, находившийся под защитой сакрального эпонима дорийцев — Дора[266]. Прошедшие с тех пор века, вероятно, заставили забыть первоначальный, исконный смысл названия, но сохранили в памяти местного населения его привычное звучание. Из названия самой епархии, епископ которой, Георгий, поставил свою подпись под актами Вселенского Пято-Шестого собора 692 г., следует, что церковные приходы всей «страны Дори» подчинялись епископу, находившемуся в Херсоне, и сама область воспринималась как нераздельное с ним целое[267]. Причем, эти связи

[265] *Пиоро И. С.* Крымская Готия. – С. 63–64; *Герцен А. Г* Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья (IV–IX вв.): Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 10–11. А.Г. Герцен верно отметил по этому поводу, что консолидация здешнего этнического конгломерата шла «...не только в военно-политическом отношении, но и в культурном, приводя к формированию весьма сходных элементов и комплексов материальной и духовной культуры, терявших свою этническую специфику», в результате чего со временем родился собирательный этноним «готоаланы» (они же херсаки), употреблявшийся для обозначения жителей Юго-Западной Таврики (подр. см.: *Герцен А.Г.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000. – С. 15–16, 18).

[266] IosPE, I2, №436; *Латышев В.В.* Новый гимн в честь Гермеса // *Латышев В.В.* ПОНТІКА. – СПб., 1909. – С. 311–313.

[267] *Брун Ф.* Черноморские готы и следы долгого пребывания их в Южной России // Записки имп. Академии наук. – 1874. – Т. 24. – Кн. I. – С. 24; Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 381; *Сидоренко В.А.* Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 65–69; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы ... – С. 693–694; ср.: *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Ч. 2. // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 189–190; *Vasiliev A.* The Goth in the Crimea. – Cambridge, Mass., 1936. – P. 78–79. Последний полагал, что в названии епархии епископа Георгия между Херсоном и Дорантом должен был стоять союз kai, и, значит, речь шла о двух разных церковных округах одной епархии. Однако в подписи под актами синода явно стоит tes, как и во всех случаях, когда следовало уточняющее указание на местонахождение главного церковного центра на территории конкретной, единой епархии или области (ср.: *Ohme H.* Das Concillium Quinisextum und seine Bischogsliste – Berlin; New York, 1990). Нет весомых оснований считать, что и позже, в VIII в., Готфия вышла из-под церковной юрисдикции епископа Херсона, если не считать единственного смутного упоминания агиографического источника постиконоборческого периода о «епископе Готфии» (Gotthias Episkopos) и его присутствии на иконоборческом соборе 754 г., причем на фоне полного молчания нотиций до IX в. о такой самостоятельной епархии (см.: Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т.13. – С. 26, sec.1; *Герцен А.Г, Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 119–122; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – С. 106–115; *Герцен А.Г, Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9 . – С. 624–630). Вероятно, именно это обстоятельство – долгое вхождение Херсона и Готфии в одно епископство – и связанная с ним соответствующая церковная документация послужили тем загадочным весомым аргументом в ожесточенном споре высших церковных иерархов Таврики, разразившемся в последней четверти XIV в., когда митрополит Херсонский сумел убедить патриарха Макария (1376–1379, 1390–1391) и был в конечном итоге поддержан василевсом Иоанном VII Палеологом в том, что место Кинсанус и еще шесть расположенных около него значительных южнобережных приходов (хоры Фуна, Алания, Алустон, Лампадопартенита, Сикита, Хрихари) издревле принадлежали к епархии Херсона (см.: Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Collecta ediderunt F. Miklosich, I. Müller. – Vindobonae, 1862. – Vol. 2. – №355, 370, 419; *Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. – Красноярск, 1986. – С. 174–176; *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 25–32). На тесную связь с Херсоном окрестных кастра и полисм указывает также расправа, устроенная в 710 или 711 г. по приказу Юстиниана II как над херсонскими протевонами, так и над простатевон-

оставались определяющими в жизни населения Дороса по меньшей мере до конца VIII в.[268], несмотря на то, что на моливдовуле епископа Херсона Захарии, относящемся к первой половине этого столетия, указание на Дорант не фигурировало[269]. Отсутствие в нотициях VII–VIII вв. (№1–2, по Ж. Дарруже) каких-либо упоминаний об иной, кроме Херсона и Боспора, епархии на полуострове свидетельствует о церковном подчинении хоры Дори херсонскому епископу по крайней мере до начала IX в.[270]

Массовый археологический материал VI–VII вв. показывает, что обитатели Мангупа, Эски-Кермена, Чуфут-Кале, Баклы, Алустона почти все необходимое (амфоры с вином и маслом, металлические, стеклянные, гончарные изделия) получали в виде импорта из Херсона и, судя по многочисленным находкам византийских бронзовых монет, были знакомы не только с меновой, натуральной, но и денежной торговлей, какая велась в пределах имперского рынка[271]. Это алано-готское население скорее вписалось в существовавшие здесь экономические отношения, нежели изменило их. Собственное ремесленное производство федератов носило весьма скромный, подсобный, домашний характер и было неразвито, в отличие от занятий отгонно-пастбищным скотоводством и земледелием. Значит, они являлись потребителями привозной продукции, но и, в свою очередь, могли продавать что-то городу, скорее всего, какую-то часть выращенных в Юго-Западной Таврике сельскохозяйственных продуктов, продуктов животноводства, сырья и зерна, которого особенно не хватало городу, ограниченному сократившейся ко второй половине V в. аграрной базой на Гераклейском полуострове[272].

Уже давно замечено, что инвентарь погребений Эски-Керменского могильника, принадлежавшего окрестным жителям, состоит из вещей

тами, управлявшими в соседних с ним областях – фемах или архонтиях (позже – климата). Для жаждавшего мести василевса они все были его личные, кровные враги, нелояльные подданные, действовавшие заодно (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 156, 164).

[268] *Герцен А.Г.* О крепостном строительстве на Мангупе // Архив НЗХТ. – Д. №2385. – Л. 26; *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 135.

[269] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. – С. 161, №10; *Смычков К.Д.* Печати церковных иерархов из Херсона // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 127.

[270] *Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatuum) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 132–133.

[271] *Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 55–67; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 183; *Сазанов А.В.* К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 38–49; *Герцен А.Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 86; *Герцен А.Г.* Мангуп: Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 12, 13; *Мыц В.Л.* Алустон в VI–VII вв. // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – Рис. 2; *Герцен А.Г.* Дорос–Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 18.

[272] Ср.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический в античную эпоху. – К., 1993. – С. 35–36; *Сорочан С.Б.* Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. – Харьков, 1994. – С. 69–70; *Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 115–116.

византийского происхождения, особенно украшений, пряжек[273]. Показателями прочной втянутости оседлого местного населения в сферу экономического влияния контрагентов византийского круга могут также служить находки фибул, фигурных пряжек, серебряного колта с изображением Георгия Победоносца и других вещей из склепов VI–VIII вв. большого могильника, открытого на левом берегу р. Кача около С. Баштановка[274]. Концом VI — первой половиной VII в., серединой VII в., второй половиной VII в. датируются фибулы «Аквилея» и другие типы застежек, пряжек (типа «Сиракузы», «Бал-Гота»), во множестве присутствующие в инвентаре погребений из могильников у С. Скалистое, Узень-Баш, Суук-Су, Лучистое[275]. Не мудрено, что Н.Л. Эрнст, раскопавший в 1927 г. склепы некрополя Узень-Баш в Байдарской долине, одной из самых обширных и плодородных в «готской земле», определил их как византийские[276]. Об успехах ромеизации, а значит, прочности контактов ко второй половине VII в. свидетельствуют значительные изменения в костюме местных гото-аланов: традиционная германская одежда зачастую вытесняется костюмом с византийскими украшениями и пряжками (см. рис. 52–57)[277]. На важность таких контактов косвенно указывают находки амулетов-медальонов с изображением св. Мина, особенно популярного именно потому, что он не только обладал даром исцеления, но и являлся покровителем путников и торговцев, путешествовавших по местным дорогам и центрам хоры Дори[278].

Вообще, судя по большому количеству могильников, плотность населения Юго-Западной Таврики была весьма высокой, а это, в свою очередь, указывает на относительно благоприятные экономические и политические условия здешней жизни[279]. В демографическом подъеме, наметившемся уже к концу VII в., свою роль сыграли не только пришельцы, протоболгары, но и миграция из Романии, которая была вызвана победой православия на VI Вселенском соборе 680–681 гг., что подтолкнуло к переселению наиболее стойких сторонников монофиситства и монофелитства. Видимо, отсюда проистекал со второй половины VII в. рост числа плитовых могил на южнобережных кладбищах, связанный с распространением христианского обряда погребения. Лично посетивший Херсон Феодор, автор краткого мартирия о пострадавших за сопротивление монофелитству братьях-монахах Евпрепии и Феодоре, составленного после 667 г., упоминает город середины VII в. и окру-

[273] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 17.
[274] *Пиоро И.С.* Крымская Готия. – К., 1990. – С. 135.
[275] См.: *Айбабин А.И.* Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 119, рис. II, V; *Aibabin A., Khairedinova E.* Un nouvel ensemble de fibules digitees provenant de la necropole de Loutchistoe // Colloquia pontica. – 2000. – Vol. 5. – P. 65–87.
[276] *Айбабин А.И.* Об этнической атрибуции... – С. 118.
[277] *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 229.
[278] *Айбабин А.И.* Медальоны с изображением святых из раннесредневековых могильников области Дори // Символ в философии и религии: VI Крымская Междунар. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 3; ср.: *Каковкин А.Я.* Паломнический центр Абу Мина и его памятники: (По материалам коптской коллекции Эрмитажа) // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества. – СПб., 2001. – С. 18–28.
[279] См.: *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. – С. 66; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 92, рис. 33.

жавшие его «крепости племен» (kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon, castris gentium), находившиеся под контролем византийских властей (в противном случае сюда не отправляли бы ссыльных из Херсона), но ни слова не говорит о «тяжелом экономическом положении и запустении города», как утверждал Д.Л. Талис[280]. По тем же причинам нет оснований говорить о том, что «к последней трети VII в. византийские владения в Крыму сократились до пределов собственно города Херсона»[281].

Реальность и вымысел в письмах папы Мартина. Данные археологических источников, в том числе материалы крымских могильников, никак не увязываются с утверждением о том, что северное направление торгово-экономической политики Империи ромеев находилось с VII в. в небрежении, а Херсон, отрезанный тюрками и другими кочевыми пришельцами от смежного земледельческого района, оказался «в плачевном положении», заброшен, лишен регулярной связи с Малой Азией и «попал в тиски нищеты и голода», якобы согласно письмам жившего там с весны до осени 655 г. (15 мая — 16 сентября) ссыльного папы Мартина I[282]. Комментируя перевод этих писем, давно привлекающих внимание исследователей, О. Р. Бородин сделал вывод, что сложившееся в это время напряженное положение с продовольствием в городе объясняется ослаблением торговых связей между южным берегом Понта и Херсоном с 30-х гг. VII в. в связи с нашествиями арабов во внутренние области Малой Азии[283]. Видимо, это же мнение разделяет В. Зайбт, когда пишет о критическом положении, в котором оказалась Империя в результате «гнета арабов»[284]. Но есть ли веские основания рассматривать упомянутые письма только под таким, «кризисным», углом зрения?

---

[280] Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypnomesticum // PG. – 1853. – T.129. – Col. 684 D; Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton oaion Maximon kai ton syn auto // Епифанович С. Л. Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – С. 14. 13; ср.: *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона... – С. 63.

[281] Ср.: *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности. – Харьков, 2004. – С. 55.

[282] *Шестаков С. П.* Папа Мартин I в Херсонесе // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославле, 1905. – М., 1908. – С. 136–144; *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 153, прим. 3; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500 –1453. – London, 1971. – P. 171; *Юрочкин В.Ю., Джанов А.В.* Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 53. А.И. Романчук одна из первых стала последовательно и справедливо возражать против безоговорочного признания этих двух писем за доказательство абсолютного упадка, аграризации экономики города, призывая исследователей учитывать как субъективные, так и объективные факторы, повлиявшие на содержание источника (см.: *Романчук А.И.* К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. – 1972. – Вып. 8. – С. 44; *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в.– Свердловск,1976. – С. 5; Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter: städttische Funktionen und ihre Wiederspiegelung in den Quellen // BS. – 1992. – T. 53. – Fasc. 2. – S. 203). О хронологии пребывания Мартина I в областях Херсона см.: *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 191, комм. 16 к письму XVII. Всего папа провел в ссылке в Крыму 124 дня, а не полгода (ср.: *Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 421).

[283] *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I... – С. 184, комм. 10; С. 188, комм. 5.

[284] *Seibt W.* Probleme der staatsrechllichen stellung Chersons im 7. und 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 307.

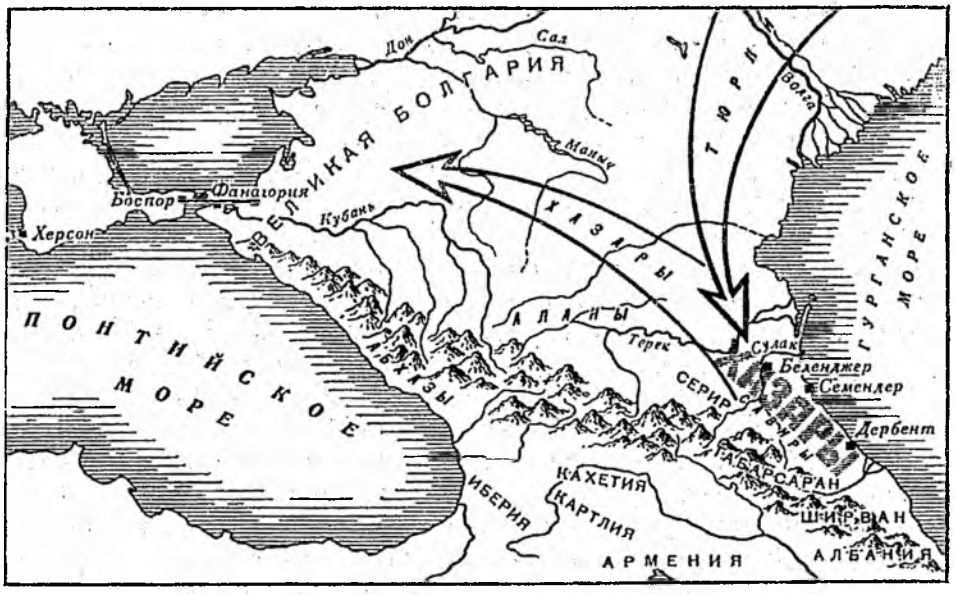

Рис. 96. Хазария в VII в. (по С. А. Плетневой)

В определенной мере такого рода предположение строится на абсолютизации негативного действия военного фактора, что уже само по себе неправомерно, поскольку последний проявлялся в раннее Средневековье главным образом в форме рейдовой войны и не мог вызвать повсеместно длительных кардинальных изменений[285]. К тому же ранние походы при Омаре I (634–644) и Османе (644–656) нанесли урон лишь Киликии, Каппадокии и некоторым другим восточным пограничным районам Малой Азии, но не затронули земель к северу и западу от гор Тавра, то есть глубин полуострова, а южночерноморского побережья, с которым тесно контактировал Херсон, нападения мусульман, похоже, вообще не достигали, если не считать кратковременного захвата Трапезунда в 654 г. полководцем Моавией[286]. Начавшаяся вскоре гражданская война вынудила арабов оставить почти все захваченные Моавией территории, кроме сохранения протектората над Арменией[287]. Причем описанная Мартином I ситуация относится к тому времени, когда вследствие войн и внутренней борьбы политическая роль тюрок уже сошла на нет, их каганат пришел в окончательный упадок к середине VII в., а новые пришельцы — хазары,

[285] *Сорочан С. Б.* О роли военного фактора в судьбе византийского города в «темные века» // Античность и средневековье Европы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.Л. Маяк, А.З. Нюркаевой; Перм. ун-т. – Пермь, 1996. – С. 186–198.

[286] *Weil G.* Gechichte der Chalifen. – Mannheim, Stuttgart, 1846. – Bd. 1. – S. 54–260; *Большаков О.Г.* Византия и Халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 361. Только через 17 лет после смерти Мартина арабы сумеют овладеть портом-крепостью Кизик на берегу Мраморного моря, а затем в течение 674–678 гг. каждую весну, лето и осень безуспешно пытались штурмовать Константинополь, чтобы прорваться через Босфор в Европу, пока не были разгромлены византийцами с помощью «жидкого огня».

[287] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 312–314.

как уже было сказано, стали закрепляться в Таврике лишь с 80–90-х гг. VII столетия[288]. В 651 г. конфедеративная держава тюрков подчинилась тайскому Китаю, прикаспийские хазары освободились от Западно-Тюркского каганата, а Хазарский каганат получил независимость и стал набирать силу за счет присоединения протоболгар и других соседних народов, причем на престоле оказался хаган из пришлого тюркского рода Ашина (рис. 96)[289]. Уже в 654 г. арабы совершили первый набег на северокавказские владения хагана, после чего тюрко-хазарское противостояние халифату на многие десятилетия сосредоточилось в Закавказье[290]. Во всяком случае, при халифе Османе в 644–656 гг., судя по источникам, хазары вели войну с мусульманами в районе г. Беленджер, весьма далеко от Таврики[291]. Следовательно, сваливать кризис, если он вообще имел место, на «тюрко-хазарское завоевание», якобы происшедшее в Крыму накануне появления здесь папы Мартина, тоже не приходится[292].

Хазарский каганат, уже в 20-х гг. VII столетия выделившийся в почти самостоятельную единицу Западно-Тюркского каганата, а с 50-х гг. VII в. ставший важнейшим фактором политической стабильности на юге Восточной Европы, постепенно превращался в этнически пестрое, неоднородное государственное образование, в состав которого входили земли в междуречье Волги, Дона и Донца от Приазовья и Каспийского моря до долин рек Кубани и Терека в Предкавказье[293]. В период расцвета каганата собственно хазарские зимники располагались, в целом, вдоль восточной границы каганата, в северо-западном Прикаспии и в районе дельты Волги[294].

---

[288] См.: *Могильников В.А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 29; *Гаврилов А. В.* Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 111–113; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 185–186; *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым. – С. 102–103.

[289] См.: *Кляшторный С.Г.* Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. – М., 1965. – С. 278–282; *Приходнюк О.М.* Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. – Харьков, 2000. – Т. 1. – С. 125.

[290] *Науменко В.Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 55–56, 70.

[291] *Артамонов М.И.* История хазар. – М.; Л., 1962. – С. 177, 181. За помощь в этих войнах с арабами византийцы в 637–638, 642–646 гг. и, видимо, позже, вплоть до конца VII в., расплачивались с союзниками-хазарами подарками в виде легковесных солидов, не имевших хождения в самой Империи, поскольку вывоз золотых денег за ее пределы по закону был под запретом (см.: *Семенов А.И.* Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – 1991. – Вып. 32. – С. 121–126; *Соколова И.В.* Монеты перещепинского клада // ВВ. – 1993. – Т. 54. – С. 150–152; *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. – К., 1999. – №2. – С. 114; *Науменко В.Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах... – С. 67–68).

[292] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – 1958. – №85. – С. 469; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 37; *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 195–196; *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteeth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). – Washington, D.C., 2002. – Vol. 2. – P. 653.

[293] *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 386–393; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура // МИА. – 1967. – №142; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979. – С. 171–189; *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – М., 1983; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 85–89, 100–112; *Круглов Е.В.* К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы науч. конф. – Пенза, 1992. – С. 32–37.

[294] Подроб. см.: *Михеев В.К., Тортика А.А.* Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X вв.) //

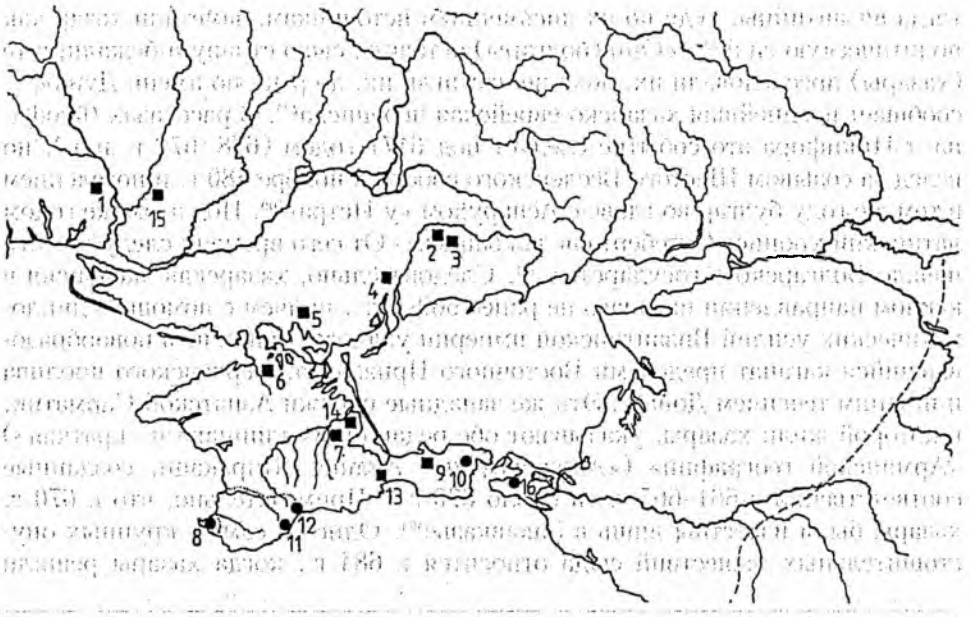

Рис. 97. Места обитания булгар в степях Северного Причерноморья и Крыму во второй половине VI – третьей четверти VII в. (по А.И. Айбабину)

Хазарский кочевой этнос сформировался вследствие продолжительного симбиоза местного населения Восточного Предкавказья с тюркскими и финно-угорскими племенами, которые в свое время выплеснули в прикаспийские и донские степи могучий вал гуннского нашествия. Несмотря на временные неудачи и поражения, Хазарская держава за сравнительно недолгий исторический срок превратилась в мощную и влиятельную политическую силу в регионе, которая все более расширяла свою экспансию в соседние земли. Перед этим, в 630-е гг., вследствие ослабления власти хаганов Западно-Тюркской державы, создалось возглавленное представителями племенного клана Дуло государственное объединение Великая Болгария, но его влияние распространялось на степи Приазовья и, может быть, дальше, до низовьев Днепра, но не на Западный Крым[295]. Окончательный разгром китайцами Западно-Тюркского каганата в 656–659 гг. вызвал приток нового тюркютского населения, и лишь после этого хазары — преемники каганата расширили ареал своего проживания[296]. В третьей четверти VII в. Византия не вмешивалась во враждебные отношения болгар и хазар и поддерживала с последними политический нейтралитет[297]. В результате в это время Хазария окончательно подчинила своего предшественника в приазовских и причерноморских степях — Булгарский каганат (Великую Болгарию) (рис. 97), после чего началось проникновение в Степной и Восточный Крым. Лишь

Вісник Міжнародного Соломонового університету. – К., 2000. – №3. – Юдаїка. – С. 154–164.

[295] *Науменко В.Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах образования... – С. 61–62.

[296] *Golden P.B.* An Introduction of the History of the Turkic Peoples. – Weisbaden, 1992. – P. 136.

[297] *Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 84.

тогда византийцы, судя по их письменным источникам, заметили хазар как политическую силу[298]. «Они (болгары) оставили свою страну и бежали, а те (хазары) преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна», – сообщает позднейшая хазарско-еврейская переписка[299]. В рассказах Феофана и Никифора это событие следует под 6171 годом (678/679 г. н.э.), но вслед за созывом Шестого Вселенского собора в ноябре 680 г. и поселением в том же году булгар во главе с Аспарухом «у Истра»[300]. Под этим же годом латинский хронист Сигеберт сделал запись: «От сего времени следует вести начало Болгарского государства»[301]. Следовательно, хазарская экспансия в южном направлении началась не ранее 660-х гг., причем с помощью дипломатических усилий Византийской империи удалось ограничить новообразовавшийся каганат пределами Восточного Приазовья, Керченского пролива и нижним течением Дона[302]. Эти же западные рубежи Азиатской Сарматии, в которой жили хазары, указывают обе редакции («длинная» и «краткая») «Армянской географии» («Ашхарануйц») Анания Ширакаци, созданные соответственно в 661–665 гг. и около 670 г.[303] Примечательно, что к 670 г. хазары были известны лишь в Закавказье[304]. Одно из самых крупных опустошительных нашествий сюда относится к 684 г., когда хазары решили

[298] Никифор и Феофан описывают появление хазар по общему источнику, составленному не позднее 720 г., причем у Феофана повествование полнее и ближе к оригиналу первоисточника (см.: *Nicephoros Patriarch of Constantinople.* Short History / Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 15–16).

[299] *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка X в. – Л., 1932. – С. 32.

[300] Никифор пишет о том, что, после того как «этот народ [булгары] разделился и рассеялся», то есть после разгрома Великой Болгарии, хазары «подвергли нападениям все селения до (перед, над, выше) земель Понта Евксинского и достигли моря (ta toiauta panta katedramon choria tes uper Pontou ton Euxeinon ges kai thalattes eperase)», причем случилось это к правлению Константина IV (668–685) (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – С. 154). Так же это событие выглядит и у Феофана: «...из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и овладел всей противолежащей землей (землей по ту сторону) вплоть до Понтийского моря» (to megaethnos ton chazaron ... edespose pases tes peratikes ges mechri tes Pontikes thalasses) (*Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 37). Берзилию – страну прабулгар большинство исследователей располагают в Северо-Западном Прикаспии (см.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 117, комм. 280). К. Цукерман отождествляет ее с районом Самарской Луки на Средней Волге (*Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 325–329). Поскольку речь идет о движении хазар с запада, будь это Прикаспий или Поволжье, в «противолежащие земли», на восток, можно думать, что вскоре после 679–680 гг. граница их распространения, а затем и «господства» достигла северо-восточных и восточных берегов Черного моря, то есть земель «над Понтом Евксинским» – земель, расположенных севернее Черного моря, лесостепи и лесов, насе-ленных антским союзом племен, но не собственно территории Крыма (*Приходнюк О.М.* Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 129–130; *Сазанов А.В.* Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 220–221). О датировке переселения Аспаруха и создания славяно-болгарской державы см.: *Ангелов Д.* История на Византия 395–867. – София, 1973. – Ч. 1. – С. 260–261; История на България. Първа Българска държава. – София, 1984. – Т. 2. – С. 98–100; Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History. – P. 196; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 328.

[301] *Литаврин Г.Г.* К проблеме становления Болгарского государства // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 212.

[302] Подр. см.: *Науменко В.Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата. – С. 52–70.

[303] *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. – 1883. – Ч.226. – Март. – С. 27–31.

[304] Подр. см.: *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты. – С. 325–331.

наказать самовольство хагана савир Алп-Илитвера, женившегося на дочери албанского владетеля и принявшего христианство[305]. И раньше, и позже их больше интересовали закавказские страны, Армения, Грузия, Албания, где от имени халифа правили наместники, которых они истребили, а сами страны разорили, воспользовавшись междоусобицами, вспыхнувшими у арабов вследствие переноса столицы из Мекки в Дамаск[306].

Уже к концу первой четверти VIII в. большинство хазар вновь вернулись из Северного Причерноморья в Поволжье, куда переместился центр Хазарского каганата и где в устье Волги расположилась столица Хазарии, город Атиль (Итиль). Прежняя ставка хагана, по крайней мере до арабского нашествия, находилась в городе Самандре (Семендре, Семендере), видимо, в приморском Дагестане, недалеко от Дербента.

Таким образом, становится понятно, почему на территории каганата жили тюрки, аланы, булгары, славяне. Долгое общение между ними привело к образованию к середине — концу VIII в. единой в основных чертах «государственной культуры», которую историки и археологи условно назвали салтово-маяцкой, по имени наиболее характерных памятников с территории современной Украины. Впрочем, сами хазары не были ни создателями, ни носителями этой археологической культуры. Специалисты выделяют ее несколько локальных территориальных вариантов[307]. Один из них охватывает Предкавказье, Тамань и Восточный Крым, что указывает на тесное соседство херсонитов, а также крымских греков, алан и готов с носителями салтово-маяцкой культуры, обитавшими в Таврике, хотя до середины VIII в. о последних можно говорить как о «салтовцах» весьма условно.

Хазария была многоэтничной державой, но постепенно в ее политической структуре и хозяйстве наметилась специфическая родоплеменная «специализация». Правящая, господствующая верхушка уже с VII в. принадлежала, видимо, к древнему центральноазиатскому тюркютскому роду Ашина («Волка»). Население Хазарии делилось на кочевников-скотоводов и оседлых, причем последние занимались земледелием, садоводством, рыболовством, на высоком уровне владели разнообразными ремеслами, в частности кузнечным, гончарным, кожевенным, ювелирным. Кроме самих этнических хазар типичными кочевниками оставались, собственно, лишь отдельные степные федераты — ненадежные союзники кочевой империи, какими, например, стали в IX–X вв. венгры (они же мадьяры, угры) и печенеги.

---

[305] *Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1986. – С. 34.

[306] См.: История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К. Патканян. – СПб., 1862. – С. 10; Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. Н. Эмина. – М., 1864. – С. 72.

[307] Подр. см.: *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 235–239; *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 62–75; *Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1986. – С. 39–46; *Флеров В.С.* О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 103–109; *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985. – С. 97–99; *Винников А.З., Плетнева С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата: Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – С. 18–27.

Несмотря на наличие центральной власти и правящей хазарской династии, каганат представлял собой, скорее всего, федерацию племен. Военной силой первоначально было кочевое, сначала родоплеменное, легковооруженное ополчение из рядовых хазар. Оно формировалось по этническому признаку, причем набиралось из зависимого населения принудительно. Другую часть войска составляла знать — тарханы. Они не только воевали сами, но наиболее опытные из них управляли отдельными отрядами. К IX в., в силу обеднения рядовых воинов, ведущая роль перешла к феодальному конному, тяжеловооруженному ополчению. Оно состояло из личных дружин управлявшего войском бека (пеха), шада — военного заместителя хагана, отрядов богатых тарханов и тарханов, которые выступали только с несколькими легковооруженными воинами-слугами. В случае необходимости осуществлялась мобилизация рядового населения и подчиненных народов. Но главную роль ко второй половине столетия стали играть постоянные профессиональные воины, особенно своеобразная гвардия — Арсийа (al'arsiya) из приглашенных беком хазар на службу отборных наемников, хорошо вооруженных кавалеристов сармато-аланского или восточноиранского происхождения, переселившихся из местностей, соседних с Хорезмом[308]. Вообще отряды наемников формировались преимущественно из мусульман-дайлемитов, тюрок, варягов и отчасти христиан — славяно-русов. Наряду с военной и пограничной службой на западной и северной границах они обеспечивали регулярный сбор дани с подчинявшихся хазарам народов и охрану торговли. Что касается внешней торговли с Европой и Азией, к IX в. ее сосредоточили в своих руках еврейские купцы, которые весьма ревностно, предприимчиво утверждали свою монополию во всем государстве. К слову, уже в VIII столетии, при владетеле Булане, была осуществлена религиозная реформа, изгнаны из страны «гадатели и идолопоклонники», очевидно, жрецы тюркского культа Тенгри, камы-шаманы, которые занимались гаданием путем камлания и жертвоприношений, и была проведена первоначальная иудаизация, введена ее элементарная форма, следствием чего стало принятие новой религии хазарской правящей верхушкой и народом[309]. Позже, при Обадии, вероятно на рубеже VIII–IX столетий, была предпринята настойчивая попытка сделать традиционную раввинистическую форму иудаизма религией по крайней мере знати и торговой верхушки Хазарии[310]. Объединяющей же религией, которая

[308] См.: *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 66, 72–73; *Бубенок О.Б.* Аланиаси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хозар // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 18–28; *Бубенок О.Б., Радивилов Д.А.* Народ аларсийа в Хазарии (из истории хазаро-хорезмийских связей) // Хазарский альманах. – М., 2003. – Т. 2. – С. 5–18.

[309] Ответное письмо хазарского царя Иосифа: Краткая редакция // Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С. 75–76; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. – С. 40, 43, 202, 203 (к С. 43).

[310] *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 279–280; *Найман А.Я.* Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 94–97. Представление о позднем обращении хазар в иудаизм во времена Константина Философа, не ранее 861 г. (*Zuckerman C.* On the Date of the Khazar's Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. – 1995. – T. 53. – P. 237–270), основано на гипотетическом толковании данных Паннонского жития Кирилла и встречает возражения исследователей (ср.: *Chekin L. C.*

определяла духовную жизнь в каганате, верования и обрядность, изначально и очень долго оставалось язычество с поклонением огню, земле, воде, луне, священным деревьям[311].

Рис. 98. Хазарский всадник (реконструкция М. Горелика)

Хазары относились к тюркской языковой семье. Прирожденные всадники, меткие лучники, широкоскулые, длинноволосые, ненасытные, они были воинственным, сильным народом, который раннесредневековые авторы нередко отождествляли с «хищными волками» — гуннами (рис. 98)[312]. Если бы не было Хазарии, которая противостояла на Кавказе мощным армиям мусульман, история Восточной Европы, возможно, сложилась бы иначе.

Тем не менее процесс нарастания тюрко-хазарского влияния в областях византийского пограничья, очевидно, долгое время сопровождался сохранением мирных взаимоотношений. Возможно, правитель Западно-Тюркского каганата, который представлен в источниках как гуннский вождь, в 619 г. побывал в Константинополе, а его свита крестилась[313]. Ведь в 626–628 гг. тюрки пошли на добровольный союз с василевсом Ираклием (610–641) в его решающей схватке с сасанидским Ираном, ставшей победной для ромеев, приняли участие в персидской кампании в Закавказье и в дальнейшем стойко и последовательно сохраняли отношения, строившиеся на взаимной заинтересованности[314]. Около 628 г. благодарный Ираклий едва

Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog: A Study of the Nineth Century Reference to Judaism Among the Khazars // Russiae Mediaevalis. – 1998. – T. 9. F. 1. – P. 13–34).

[311] *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 217; *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. – К., 1999. – С. 36–37. В сочинении VII в., приписываемом армянскому историку Мовсэсу Каланкатуаци, подробно описано, как вели себя «гунны» – хазары во время похорон, как они в знак траура наносили себе раны на лица, руки, ноги, били в барабаны над умершим, сражались у его могилы, устраивали конные состязания (см.: *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш. Б. Смбатяна. – Ереван, 1984. – С. 124).

[312] История агван Мойсея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. с арм. К.П. Патканова. – СПб., 1861. – С. 105, 125; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 113.

[313] *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М., 1993. – С. 202, 439.

[314] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Текст, пер., коммент. – М., 1980. – С. 35, 59, 104, комм. 236; С. 151–152, 159–160; *Pernice A.* L' Imperatore Eraclio. Saggio di storia byzantina. – Firenze, 1905. – P. 152–155; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 142–154; *Новосельцев А. П.* Хазария в системе международных отношений VII–IX вв. // Вопросы истории. – 1987. – №2. – С. 20 и след.; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990; *Артамонов М.И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. – 1990. – №3. – С. 276; *Гумилев А.Н.* Указ. соч. – С. 196. Впрочем, считать этих тюрок именно хазарами нет достаточных оснований. К примеру, К. Цукерман видит в подобных утверждениях «старый фантом хазарологии». Приводимые им аргументы, зиждущиеся на основе критического разбора текста «Исто-

было не совершил невиданный шаг — обручил свою дочь от первого брака с «турком» (to Tourko) — каганом западных тюрок, «которых называют хазарами», и уже отправил ее из Константинополя в путь, когда пришло трагическое известие, что суженый Евдокии погиб в сражении[315]. Только эта роковая случайность расстроила, казалось бы, неминуемую свадьбу, которая могла бы ввести чужеземного владыку в ромейскую венценосную семью и тем самым — неслыханное дело — поднять его до уровня василевса. В ходе арабо-византийских войн 636-646 гг. тюрки в 643 г. вступили в войну с арабами на стороне византийцев, получая от них заверения в дружбе, очевидно, подкрепляемые солидами и дорогими подарками, знаковая семантика которых свидетельствовала о желании военного союза[316]. Еще раз следует подчеркнуть, что в начале 650-х гг. тюрки и хазары ожесточенно бились с мусульманами на берегах Евфрата и в глубине Прикавказья, вдали от Таврики[317]. В 654-655 гг. они вместе с аланами и абхазами входили в состав неудачно действовавшей против войск Хабиба Ибн Ма'сламы византийской армии стратига фемы Армениаков, но вскоре к северу от Дербента разбили проникший сюда 4-тысячный отряд мусульман Салмана Ибн Раби'а ал-Бахили[318]. Поэтому говорить о неком «временном захвате Крыма хазарами» в 653 г. или о «тюрко-хазарском завоевании» перед 655 г. можно лишь как об историографическом недоразумении[319]. До появления хазар здесь должно было пройти еще около четверти столетия, да и для более позднего времени нет данных, которые подтверждали бы точку зрения о некой «первой волне» массового хазарского проникновения на полуостров[320]. Присутствие Хазарского каганата на крымских землях выражалось более в политическом влиянии и сборе своей части доходов с них, чем в оккупации.

Если уж искать те силы, которые могли отяготить жизнь Херсона и его округи в это время, то хазары были связаны с ними косвенно, как виновники разгрома приазовской «Великой Болгарии» Куврата около середины VII в. и последующего развала антского объединения на более мелкие славянские образования[321]. Именно с этими событиями оказалось связано перемещение кочевых и полукочевых и частично оседлых племенных образований (части степных кутригуров, оногуров — бывших утигуров, степного ираноязычного населения, булгар, племен антского союза, приднепровских элементов), влияние которых археологически засвидетель-

рии авган» Мовсеса Дасхуракци (Каганкатваци), заслуживают внимания как рабочая гипотеза (см.: *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты. – С. 314–324).

[315] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 153, 161.

[316] *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. – К., 1999. – №2. – С. 114; *Комар О.В.* Ранні хозари у Північному Причорномор'ї // Археологія. – 2000. – №1. – С. 136.

[317] Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 387.

[318] *Шагинян А.К.* Закавказье в составе Арабского халифата. – СПб., 1998. – С. 28–32.

[319] Ср.: *Ковалевская В.* Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях) // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 54; *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region. – P. 653.

[320] *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 88–90.

[321] См.: *Приходнюк О.М.* Восточные славяне и антский мир в период становления Хазарского каганата. – С. 129–130.

ствовано в Таврике во второй половине VII – первой четверти VIII в.[322] Со временем они пополнили ряды крымских федератов – «энспондов» Византии, скотоводов и земледельцев, но произошло это не вдруг и могло сопровождаться трениями с местным населением, в том числе и с херсонитами.

Тем не менее, даже если напряженность в отношениях с пришельцами в первое время была, каких-либо препятствий для плавания между южным и северным побережьем Черного моря, этого mare nostrum для византийцев, не существовало, что косвенно подтверждается письмами самого же папы Мартина I[323]. Последний сам противоречит себе, когда, с одной стороны, заявляет, что «голод и нужда в этой земле [Херсонской] таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию», и вместе с тем уже в следующей строке своего письма просит прислать ему «содержание» («хлеб и вино или оливковое масло и всякое иное прочее») «из этой страны» (Италии) или из «области Понта», то есть городов понтийского побережья Малой Азии, будучи уверенным, что все заказанное им вполне возможно доставить в место, ставшее ему тюрьмой. Он же рассчитывает купить хлеб, «другие продукты какого-либо рода», готов платить за это золотом (от тремисса вплоть до солида за 3–4 модия зерна), что было бы несовместимо с крахом денежного обращения и натурализацией хозяйства[324].

К слову, нет никакой уверенности, что папа отбывал наказание именно в самом Херсоне: Феофан не случайно трижды говорит о его высылке в «климата (области) [провинции] Херсона» (eis ta tes Chersonos klimata), «климата востока» (en tois klimasi tes anatoles), «в [провинцию] Херсон и климата» (en Chersoni kai tois lkimasin), очевидно, потому, что ссыльный, как и другие его товарищи по несчастью (братья Евпрепий и Феодор), противники насаждаемого сверху монофелитства, мог быть помещен в какую-либо соседнюю с городом «крепость племен», где условия жизни и отношения людей были, разумеется, еще более суровыми[325]. Видимо, поэ-

[322] *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожітності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Вип. 8. – С. 287–295; *Бубенок О.Б.* Болгары и их соседи в степях Подонья и Северного Приазовья во времена экспансии хазар // Палеобалканистика и старобългаристика. Втори есенни международни четения «Професор Иван Гълъбов». – В. Търново, 2000. – С. 282.

[323] См.: *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I ... – С. 178, письмо XVI.

[324] S. Martini papae epistolae // PL. – 1851. – T. 87. – Col. 202 (XVI), 203 (XVII); *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I... – С. 178 (письмо XVI), 179, (письмо XVII).

[325] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 36, 60. В схолиях к мартирию сосланных в Херсон братьев Феодора и Евпрепия (составлен около 680 г.) и в несколько более поздней компиляции конца VII в., получившей название «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина...», о подобном говорится следующее: ...flagellaque mortalia a praefecto suscipientibus, et Chersonem in ex-silium missis, et illic vi saepius ab invicem separatis, et in castris gentium ibidem adjacentium deputatis: junior quidem frater, qui ut vere in cunctis pheronimus, Euprepes nominatus est, completo in hujuscemodi Dei amico agone, anno nono, ad Dominum abiit mense Octobrio, die vicesima sexta indictione XIV (Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853. – T. 129. – Col. 684 D); ...epinotia te thanasma para tou eparchou labontes kai exoristhentes en Chersoni kakeise bia pollakis choristhentes ap' allelon kai en kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon aphierothentes, – o men neoteros adelphos, egoun o ontos pheronumos en pasin Euprepios onomastheis, plerosas en to toiouto philotheo agoni etos enaton pros Kyrion eporeuthe meni Oktobrio kz, indiktionos id (Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // *Епифанович С. Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – С. 14. 11–16,

тому в X в. составитель одного из списков «Хронографии» (cod. Paris. gr. 1710) неуверенно приписал от себя пояснение относительно места смерти Мартина: «в восточных климатах или же там в Херсоне умерший» (tes anatoles etoi en Chersoni ekeise teleutesas)[326]. Если бы не вскользь брошенное упоминание о разлучении братьев, отправленных в разные кастра, можно было бы думать, что ссыльные находились лишь в самом Херсоне. Видимо, не случайно папа писал о своем окружении как о «варварах», «племенах», которые обитают в этой области (siquidem hi qui in hac regione habitant omnes gentiles), и тех, других, «живущих здесь», кто принял такие же «племенные нравы» (характер, обычаи) (gentiles mores accerunt)[327]. Следует учесть, что для ромеев даже христианизированный варвар, при всей его лояльности к Империи, мог оставаться развратником, «людоедом» с животной внешностью и мерзкими обычаями[328]. В этом случае — случае контакта именно с таким окружением — папе приходилось сравнивать облик своего узилища даже не с провинциальным «уездным» городом, на фоне которого «столичная» Равенна вспоминалась еще более великолепной, а с чем-то гораздо более худшим, что тоже не могло не отразиться на субъективном восприятии ссыльного[329].

В письме, отправленном тремя месяцами позже первого, Мартин признается, что из разных областей (сторон) Романии и, в частности, греческих «Понтийских земель» (Ponticas partes) «изредка заходят сюда» «суденышки», на которых все же привозят зерно и другие «продукты какого-либо рода», увозя обратными рейсами такой доходный и в античности, и в Средние века товар, как местная соль[330]. Нет сомнений, что до второй половины VII в. Херсон не может рассматриваться как составной источник хлебного рынка Константинополя, в систему которого он, вероятно, входил как поставщик излишков продукции соляного и рыболовного промыслов[331].

Представление о гибели Мартина в Таврике от крайней нужды, дороговизны на продукты иногда преувеличивается самими исследователями, которым видится едва ли не «голодная смерть» ссыльного[332]. Оно явно утрировано и принадлежит не к свидетельствам источников, а к их комментариям специалистами, которые не учли законы такой разновидности эпистолярного и житийного жанра. Из писем видно, что даже в трудный

sec.4). Речь идет об октябре 655 г.

[326] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 36.

[327] S. Martini papae epistola XVI, XVII // PL. – 1851. – T.87. – Col. 203, epist. XVII.

[328] Подр. см.: *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина? – М., 2003.

[329] Ср.: *Романчук А.И.* Образ города – одна из причин субъективизма Папы Мартина // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 85–86.

[330] *Бородин О.Р.* Указ. соч. – С. 179, письмо XVII.

[331] Ср.: *Сорочан С.Б.* Херсонес в системе константинопольской торговли IV – первой половины VII вв. – С. 106–107; *Сорочан С.Б.* Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. – Харьков, 1994. – С. 69–70.

[332] Ср.: *Srutwa I.* The Exile and Death of Pope Martin I on Crimea // Acta Universitatis Wratislavensis. – 1993. – Atiquitas XXVIII. – P. 203–209; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – М., 2001. – С. 160; *Яшаева Т.Ю.* Херсонес как центр малого паломничества // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 156.

для Юго-Западной Таврики 655 год, отличавшийся высокими ценами, изгнанник получал продовольственные и, видимо, денежные передачи со стороны (из Италии, Константинополя, «области Понта»), и причиной его смерти была старость и болезни, мучившие его еще до ареста 17 июня 653 г., а также во время почти пятнадцатимесячного, томительного пути в Константинополь и изматывающего судебного процесса[333]. Кроме того, относительно высокие цены на хлеб, по поводу которых сетовал папа, не могли сохраняться долгое время, годами, и, вероятно, являлись следствием особых событий, вызванных неурожаем или какими-либо иными кратковременными внешними или внутренними потрясениями местного масштаба. Во всяком случае, Жан Дурлиа, специально исследовавший вопрос о снабжении античных и византийских городов, заметил, что близкие цены на хлеб, по словам Прокопия Кесарийского, были во время осады Рима[334].

В комментарии к этому месту письма XVII О.Р. Бородин отмечает, что сообщаемая Мартином цена хлеба исключительно высока[335]. При этом он указывает, что императором Западной Римской империи Валентинианом III (425–455) была установлена единая государственная цена на хлеб: 40 модиев за солид. В 604 г. в Риме за номисму давали 30 модиев зерна[336]. В остготском Риме на солид покупали 10 модиев[337]. Случалось, 12–18 модиев пшеницы стоили номисму[338]. Поэтому складывается мнение, что в Херсоне цена даже «дешевого» хлеба нового урожая превышала обычные цены в Империи. Это очевидно, но насколько велико было превышение?

Действительно, обычный хлебец, величиной около фунта (не меньше 322,3 г) или 400–450 г, можно было купить за медный фолл или даже за его треть. Однако это считалось крайне дешевым, а следовательно, редким. Надо учесть, что, как правило, цена была более высока, а в особых ситуациях, в условиях голода, она увеличивалась в 5–10, а то и 20 раз. В IX в. обычной ценой, пожалуй, следовало бы считать 8 модиев за номисму[339], что всего лишь в два раза меньше той цены, что платил за хлеб Мартин I после того, как в августе в Херсон стали чаще приходить суда. Для сравнения можно также привести данные из более близкого ко времени папы оксиринхского папируса, относящегося, вероятно, к концу VI или VII в. Из документа следует, что египетский Оксиринх и соседний с ним Кинополь платили в качестве налога 350 тыс. артаб зерна, в переводе на деньги — 35 тыс. номисм[340]; следовательно, артаба (около 25 кг) оценивалась в 10 номисм, а модий (из расчета 7,5 кг) — примерно в три номисмы. Херсонесские 4 модия за номисму могут показаться на этом фоне не такими уж невиданными и исключительно высокими,

[333] См.: *Бородин О.Р.* Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» римского папы Мартина I // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 54–56; 1992. – Т. 53. – С. 80–88; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – М., 2001. – С. 148–160.

[334] *Durliat J.* De la ville antique a la ville byzantine. Le probleme des subsistances. – Rome, 1990. – P. 229, 502.

[335] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма... – С. 189, коммент. 9.

[336] Le Liber Pontificalis/ Texte, introd. et comment. par L. Duchesne. – Paris, 1955. – T. 2. – P. 315.

[337] *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 277.

[338] *Каждан А.П.* Два дня из жизни Константинополя. – СПб., 2002. – С. 113.

[339] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 371–373.

[340] The Oxyrhynchus Papyri. – London, 1924. – P. 16. – §1909, st. 1–5.

какими их изображают исследователи. Наконец, нет никакой гарантии, что папа, следуя требованию письма-плача, не преувеличил свои траты, дабы подчеркнуть бедственное положение и оправдать настойчивые, постоянные просьбы о «субсидии» (expensae). Это предположение хорошо увязывается с инвективой папы против всех бросивших, забывших его, которой он разразился сразу же вслед за указанием на непомерную дороговизну[341].

Стоит также обратить внимание на то, что золотом в Византии было принято брать налоги и таможенные сборы, а не производить расчеты на рынке, который привык пользоваться медными монетами. Папа же расплачивался тремиссами, солидами, что говорит о вынужденности таких операций, на которые его раз за разом могли обрекать мошенники-продавцы, готовые без зазрения совести обирать беспомощного ссыльного.

Но скорее всего определенная нехватка хлеба, его дороговизна в округе Херсона объясняются не проделками торговцев, не военной угрозой со стороны неких варваров или арабов, занятых в 655 г. захватом далекого Родоса, и тем более хазар, и даже не столько действием негативного природного фактора, сколько тем, что последний оказался усугублен весьма слабой собственной аграрной базой города и хронической, с первых веков н.э., нуждой в привозном зерне[342]. Некоторые усадьбы сельской хоры на Гераклейском полуострове в VII в. были заброшены[343]. Видимо, шла переориентация на скотоводство, выпас скота, более удобные в изменившихся условиях[344]. Отсюда и без того небольшое производство зерна сократилось. По понятным причинам особенно остро эта проблема давала о себе знать весной и летом, когда подходили к концу запасы старого урожая и никто не хотел делиться их остатками с политическим преступником, каким официально являлся Мартин. Достаточно вспомнить о встрече корабля, на котором папу доставили в Константинополь 17 сентября 654 г., когда сбежавшаяся в порт толпа весь день поносила обессиленного арестанта, пока его не убрали с глаз издевавшихся и перенесли в тюрьму Прандеария[345]. Едва ли что-то лучшее, чем равнодушие, ожидало его среди верноподданных василевса на земле Таврики.

Суровый характер херсонитов — потомков дорийцев, характерное для них немногословие не могли не произвести на Мартина, экспансивного, общительного италика, удручающее впечатление. Недаром он писал в сво-

[341] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма... – С. 179, письмо XVII.

[342] Подр. см.: *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи... – С. 11–12, 60; *Сорочан С. Б.* Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта. – С. 66–72. Как уже указывалось, эта потребность должна была стать еще более острой после изменений, затронувших систему земледельческих хозяйств Гераклейского полуострова со второй половины V в. Херсониты продолжали заниматься здесь сельским хозяйством и после этого, но уже не так интенсивно, как прежде (*Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв. ... – С. 124–125).

[343] *Яшаева Т.Ю.* Средневековые поселения ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 79.

[344] *Сорочан С.Б.* Мифы и реалии... – С. 70.

[345] Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae... // *Mansi J.* Sacrorum concilliorum niva et amplissima collectio... – Florentia, 1764. – T. 10. – Col. 855; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 151.

ем последнем, предсмертном послании, что не встретил здесь «совершенно никакой человечности» и христианского сострадания, впрочем, как и со стороны многих своих далеких близких и друзей, которые оказались к нему черствы и безжалостны[346]. Местное население, отчасти близкое к монофиситским взглядам (рис. 99), не приняло папу-изгоя как героя и мученика[347]. То же можно сказать о его окружении монофелитски настроенными христианами из числа членов широкой херсонской общины, придерживавшейся официального, узаконенного Константинополем проимперского курса. Уже одно использование ими в Евхаристии заквашенного, с солью, печеного хлеба, а не опресноков, должно было вызывать у папы, как и у всех латинян, возмущение. Отсюда проистекали обвинения в «язычестве», точнее, «варварстве» (gentiles mores), которые были присущи богословской, полемической и исторической литературе VII–IX вв. и нередко всплывали во время христологических и тринитарных споров, дискуссий на теологические темы. К примеру, Феофан и Никифор тоже называли василевсов — иконоборцев Льва III и Константина V язычниками, которые якобы совершали кровавые жертвоприношения и обращались к демонам, что было, разумеется, невероятным[348]. Столь же невероятно представлять язычниками основную массу херсонитов и «полуязыческим» город, наполненный десятками христианских храмов, кафоликонов, евктирионов, молелен, мартириев[349]. При всей своей субъективности, порожденной главным образом обидой на местное население, не помогавшее ему и придерживавшееся во всем проконстантинопольских позиций, папа не мог не осознавать, что эти церкви посещают люди, может быть, и с варварскими нравами, но крещеные. К тому же он сам отделял их от варваров, подчеркивая в своем сентябрьском письме, что даже последние способны на сострадание, которое не обнаруживают «живущие здесь»[350].

Не исключено, что «местные правители» — представители местной византийской власти — при содействии неких «местных жителей» из числа «воспринявших варварские нравы», то есть еретические с точки зрения папы новации Константинополя, могли искусственно организовать вокруг изгнанника видимость крайнего голода, дабы еще больше отяготить положение ссыльного и тем самым выслужиться перед Константом II, показавшим себя крутым и скорым на расправу[351]. Ведь подобное уже проделывали во время годичного пребывания папы на о. Наксос, когда стражники не принимали продукты и вещи, приносимые изгнаннику сочувствующими, многозначительно предупреждая: «Если что-нибудь передадите ему, то будете врагами империи»[352]. Характерно, что о таком же жестоком об-

[346] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма... – Письмо XVII, С. 179.
[347] Ср.: *Зубарь В.* Херсонес – Херсон: від Іфігенії до Христа // Хроніка. 2000. Вип.33: Крим – крізь тисячоліття. – К., 2000. – С. 228.
[348] *Успенский К.К.* Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его «Хронография» // ВВ. – 1951. – Т. 4. – С. 216–219.
[349] Ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 29, 131; Крим: дорога тисячоліть. – С. 157.
[350] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма... – Письмо XVII, С. 179.
[351] Указание на это содержится в прижизненном житии – мартирии папы, со ссылкой на не дошедшее до нас письмо Мартина I. См.: Commemoratio... – Col. 860.
[352] Commemoratio... – Col. 854.

Рис. 99. Фрагмент глиняного штампа для оттиска просфор с изображением креста и ранневизантийской надписью по кругу. Из раскопок 1905 г. около калитки в 18 куртине (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

ращении, «окружении уединением» сообщал автор мартирия о братьях Феодоре и Евпрепии, «которых мучительная судьба бросила в ссылку в Херсон»[353]. Страдания и голод были обязательным элементом наказания со стороны императора. Недаром подобным образом преследовался и другой «подельник» папы — Максим Исповедник, тоже арестованный в Риме и высланный искалеченным, «без одежды и еды» во Фракию, а потом на Кавказ[354]. Кроме того, надо учесть, что ссыльный папа в определенной мере лукавил, понимая значение свершенного им, и, стоя перед порогом смерти, примерял венец мученичества, который ему сулили судьба и Господь.

С другой стороны, сложившееся положение позволяет предполагать, что население Юго-Западной Таврики в середине VII в. еще не могло в достаточных количествах поставлять хлеб в Херсон, и отсутствие сношений херсонитов с ближайшими местностями Таврики здесь ни при чем. Примечательно, что именно на конец VI — третью четверть VII в. в Северном Причерноморье пришелся крайне засушливый период ксеротермальной фазы (период II–5, по Ю.Л. Раунеру), что должно было отразиться на состоянии местной продовольственной базы, ставшей испытывать повышенные затруднения в условиях суббореального климата с сухим жарким летом и суровой длинной зимой[355]. Зато нет ни малейших оснований говорить о том, что соседние «крепости племен (народов)» были захвачены некими врагами, тем более хазарами[356]. А. Бортоли и М. Казанский противоречат себе, когда, с одной стороны, признают кризис, якобы вызванный некими неуловимыми политическими событиями, но вместе с тем полагают, что данные папы Мартина о трудной экономической ситуации не заслуживают доверия, ибо такое положение не могло быть длительным и не увязывается с наличием следов собственного херсонского ремесленного производства, достаточно обильными находками импортной средиземноморской краснолаковой керамики, амфор, которые датируются второй половиной VII в., в том числе встречаются в закрытых комплексах с монетами 641–668 гг.[357] Поэтому письма ссыльного, даже без учета значительной степени их эмоциональности, субъективности[358], без учета зако-

[353] Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes... – C. 14. 11–16, sec. 4.
[354] *Карташев В.В.* Вселенские соборы. – М., 1994. – С. 425–426.
[355] См.: *Раунер Ю.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. – Серия географическая. – 1981. – №6. – С. 5–22, табл. 1, рис. 5; *Комар А.В.* Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 197.
[356] Ср.: *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 31.
[357] *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region. – P. 653.
[358] Одним из первых на это обратил внимание В.Г. Васильевский – см.: Житие Иоанна Готского

нов жанра просительного послания, безусловно, свидетельствуют лишь об одном: в 655 г. город не имел значительных поступлений продовольствия из Юго-Западного Крыма, в том числе из «области готов» – Дори, в немалой степени зависел от поставок хлеба из района Босфора, Малой Азии и на протяжении судоходного сезона поддерживал с этой целью периодические двусторонние морские контакты со своими внешними ромейскими контрагентами[359].

Создание экономической независимости Херсона. Ситуация с подвозом продовольствия стала меняться к лучшему, вероятно, уже к последней трети VII столетия. Следует учесть, что с 677 г. миновал засушливый период, началась череда влажных лет[360]. Чуть позже под натиском хазар часть населения мигрировала с территории Великой Булгарии в Крым, проникла на незаселенные земли в степном, центральном и восточном районах полуострова, где, испытывая недостаток в пастбищах, вынуждена была перейти к оседлому пастушеско-земледельческому хозяйству[361]. Палеоэкономические модели, построенные И. А. Барановым, позволяют говорить об экономическом подъеме, который был обусловлен в это время ростом торговли хлебом, поступавшим на византийские рынки с провинциально-византийских сельских поселений Юго-Западной и Южной Таврики. Во второй половине VII – первой половине VIII в. они могли давать около 6 тыс. тонн избыточного хлеба. Причем с фиксируемым археологически увеличением числа земледельческих поселений количество товарного зерна со второй половины VIII в. должно было составлять не менее 12 тыс. тонн[362]. Это даже превышает показатели известной «хлебной базы» – античного Боспора, который, по словам греческих и римских историков, в свое время ежегодно давал царю Понта Митридату Евпатору по 180 тыс. медимнов хлеба, то есть около 9,5 тыс. тонн зерна (Strabo. VII. 4. 6; Memn. XIX; LIV; App. Mithr. 69; 108).

Теперь наряду с Хазарией основными его потребителями были византийские города и крупные поселения Крымского полуострова, отнюдь не аграризировавшиеся центры, прежде всего Херсон, Сугдея и южнобережные эмпории, такие как Партениты и Курсаиты. Через их порты большая часть зерна уходила в столицу и прочие города лежавшей за морем Романии. Необходимость снабжения продовольствием Константинополя в 673–680 гг., когда он оказался в течение семи лет блокированным арабским флотом со стороны Мраморного моря[363], могла стимулировать поставки

// Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 388; ср. *Романчук А.И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantinobulgarica. – 1981. – Т. 7. – С. 321; *Романчук А.И., Седикова Л.В.* «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 31; *Романчук А.И.* Образ города – одна из причин субъективизма... – С. 36.

[359] *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин I ... – С. 178, письмо XVI.

[360] *Комар А.В.* Кутригуры и утигуры... – С. 199.

[361] *Домбровский О.И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 536; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 184, рис. 78; С. 190.

[362] *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 75; *Баранов И. А.* Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. ... д-ра. ист. наук. – К., 1994. – С. 17–18.

[363] В течение всех семи лет арабы с весны до осени, то есть в самую пору полевых работ, вели особенно активные военные действия против этого крупнейшего города ромеев, а зимовать уходили каждый раз в Кизик, – см. Theophanis Chronographia / Rec. De Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. I. – P. 353 f.;

хлеба не только из Фракии и Малой Азии через приморские крепости-эмпории Черного моря, но и из Таврики. Примечательно, что эта блокада не нанесла урона не менее чем 200-тысячному населению столичного мегаполиса и даже не вызвала голода, обычного в таких случаях[364].

Стратегическое и экономическое значение Крыма должно было еще больше возрасти для Империи со второй половины — последней четверти VII в., когда ее северобалканские провинции оказались под угрозой болгарских нападений, а малоазийские — арабских рейдов. Обитатели сельских поселений Таврики в это время сбывали в Херсон зерно, кожу и изделия из нее, а также ставшие модными некоторые виды бронзовых или медных украшений — еще недавно неведомую продукцию местного ремесла, тогда как через крымские византийские центры к здешнему населению поступали византийские амфоры с вином, маслом и другими продуктами, столовая и тарная гончарная посуда, пифосы[365].

В Херсоне, впрочем, как и на Боспоре, в VII в. продолжали преобладать фибулы, пряжки и украшения из Византии и Подунавья, а вещи, привозившиеся из этих районов, в свою очередь, вывозились к населению Юго-Западного и Южного, отчасти степного Крыма[366]. Здесь среди инвентаря погребений часто присутствуют византийские украшения, позолоченные кресты, фибулы, поясные наборы, бронзовые, железные, золотые, серебряные пряжки VII в. самых разных типов (так называемые «Суцидава», «Бал-Гота», «Сиракузы», «Солона-Истрия», «Болонья», лировидные, с крестовидным щитком, орлиноголовые и пр.)[367]. Следовательно, в период оседания в Таврике кочевников после распада Великой Болгарии торгово-экономические контакты с ними были уже налажены. Наличие же позднеримских и херсонских бронзовых монет преимущественно в захоронениях второй половины VII в. указывает на активизацию вывоза из Юго-Западного Крыма какой-то продукции, скорее всего, продуктовой и сырьевой, именно в это время[368]. Неукрепленные аграрные местечки, размещавшиеся вокруг Херсона, на Гераклейском полуострове, в Килен-балке, у Загайтанской скалы в Инкермане продолжали существовать в VI–VII вв. и были связаны дорогами с городом[369]. Очевидно,

Сказания о Царьграде по древним рукописям / Изд. под ред. В. Яковлева. – СПб., 1868. – С. 23–24.

[364] *Canard M.* Les expeditions des arabes contre Constantinople // Journal Asiatique. N.S. – 1925–1926. – Vol. 207. – p. 40 ff.

[365] *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 103, 104.

[366] *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. I. – С. 69–71; *Айбабин А.И.* О хронологии некрополя Боспора VI–VII вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 5–8.

[367] *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма ... – С. 18–26, 36–50, 52–59; *Баранов И. А.* Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 9; *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550–650 гг.) // СА. – 1961. – №2. – С. 178, 179, 181, 183, 184; *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. – 1971. – №2. – С. 96–123; *Амброз А. К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су //Древности славян и Руси. – М., 1988. – 9; *Степанова Е. В.* О конференции памяти А. В. Банк // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 258; *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен //МАИТЭ. – 1991. – Вып. 2. – С. 45; *Родникова В. Е.* К вопросу о хронологии могильника Суук-Су // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тезисы докладов 1–3 марта 1995 г. Харьков, 1995. – С. 108.

[368] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 164.

[369] *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region. – P. 652.

кошельки здешних византийских федератов не оскудели и их владельцы попрежнему рассчитывали на материальную помощь Романии, имперский рынок и на поступление византийских товаров.

При таком положении Византия не могла рассматривать крымские земли только как политический и военно-стратегический плацдарм, но, очевидно, должна была существовать обоюдная заинтересованность сторон в хозяйственных и экономических связях. Однако, если прежде Империя могла использовать зависимость Херсона от поставок продовольствия из столицы и Южного Причерноморья, то теперь экономическая ситуация изменилась. В этом отношении примечательно, что василевс Юстиниан II в конце своего второго правления (705-711 гг.) не счел логичным и, видимо, возможным прибегнуть к тем мерам экономической блокады по отношению к херсонитам, на которые гораздо позже как на средство обуздания непокорных подданных станет указывать Константин Багрянородный[370]. Понятно, что такие действия, не подкрепленные военными санкциями, оказались бы неэффективными в условиях улучшившегося и ставшего стабильным снабжения города сельским населением Таврики.

Обращает на себя внимание совпадение зоны преимущественно византийского влияния с границами Херсоно-Дорантской и учрежденных позже Сугдейской и Готфской епархий, поскольку основная территория экономических контактов ограничивалась отрогами Второй (Внутренней) Крымской горной гряды, а на севере проходила по реке Альме, между нынешними селами Почтовое и Скалистое[371]. Миссионерская политика христианизации местного и пришлого населения Таврики содействовала упрочению связей этого региона с здешними византийскими центрами. Иллюстрацией этого может служить, например, находка в Херсоне печати Готфского епископа с нечеткой крестовидной монограммой призыва Божьей помощи[372]. Таким образом, миссионерская деятельность способствовала налаживанию такой обстановки, в которой экономическое взаимодействие обеих сторон проходило наиболее благоприятно. Крест, а также деньги и товары успешно делали свое дело, крепили позиции Романии в стратегически важном пограничном анклаве и сглаживали «двуликость» местных этносов и культур.

Характерно, что влияние носителей «салтовской» культуры слабело в хазарскую эпоху в зависимости от степени близости к Херсону и уже совершенно не ощущалось на южном побережье между мысами Айя и

---

[370] Если бы Херсон, как прежде, зависел от поставок продовольствия из Романии, тогда логичным было бы организовать его блокаду с открытием моря весной или в начале лета, когда были исчерпаны прошлогодние запасы, а не начинать военные действия против города осенью, как поступил Юстиниан II, – см.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – М., 1980. – С. 40–41, 63–65, 156–157, 164–165; ср.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 274, гл. 53. 512–535.

[371] *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 2: Православные и униатские епархии, их пределы // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 59–65, карта; *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 147.

[372] Отчет о раскопках за 1894 г. // Архив НЗХТ. – Д. №4. – Л. 9 (раскопки в портовом районе); Печать Готского епископа в коллекциях ГИМ // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. – С. 32–34; *Соколова И. В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 196.

Троицы[373]. Местное византинизированное население практически растворило в себе в ходе ассимиляции осевших здесь тюрок, булгар, в свою очередь смешавшихся с крещеными «аланоготами»[374]. Поэтому особенно удачным представляется предположение, впервые высказанное Э.И. Соломоник, о том, что обитателей именно этой области Таврики именовал «народом (племенем) херсаков» (de ethnos oi Chersakes) монах столичного Каллистратова монастыря, иконопочитатель Епифаний, автор жития св. Андрея, повторивший около 815–820-х гг. легендарный путь апостола в Крыму[375].

Здесь, в зоне византийского влияния, возникли в это время либо продолжали существовать такие кастра, фруры, как укрепленные, сторожевые городища и поселения городского типа Каламита (в Инкермане), Эски-Кермен, Мангуп, Кыз-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Сюйрень, Бакла (см. рис. 27)[376]. Степень вероятности отнесения их обитателей исключительно к носителям салтово-маяцкой культуры, сформировавшейся к тому же не ранее второй половины VIII в., весьма мала. Да это и не главное, ибо далеко не все провинции Империи, даже ядровые, могли блеснуть чистотой и однородностью своего этнического состава. Примечательнее другое — связь некоторых городищ и поселений Юго-Западного Крыма (Мангуп, Чуфут-Кале, Гурзуф, долина р. Бельбек) с неоднократно перестраиваемыми христианскими храмами, церквами, типично византийскими по устройству и оформлению интерьера.

Нет оснований считать, что Империя лишилась политического, идеологического и экономического влияния в тех «крепостях племен» (in castris gentium), которые находились в соседних с Херсоном областях Таврики, поскольку византийская центральная администрация по-прежнему продолжала практику отправления врагов Империи — политических ссыль-

[373] *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 87.

[374] *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии АН УССР. – К., 1977; *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 140; *Майко В. В.* К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тезисы докл. – Харьков, 1995. – С. 105–106.

[375] Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. I. – С. 276. 27–76; *Виноградов А.* К становлению легенды об Андрее Первозванном – апостоле Понта // Византия и Крым: Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 24–26; *Иванов С.* Апостол Андрей в Мирмекии // Византия и Крым: Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 47–48; *Виноградов А. Ю.* Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. – М., 1999. – С. 356, 358.

[376] *Герцен А. Г., Махнева О. А.* Пещерные города Крыма. – Симферополь, 1989. – С. 51; *Баранов И. А.* Археологические разведки на территории Сюйреньского укрепления в Крыму // АИУ 1968. – К., 1971. – Вып. 3. – С. 88–92; *Веймарн Е. В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 76–77; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – Вып. 168. – С. 103–110; *Белый А., В., Назаров В. В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен: Постройка №1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 133; *Белый А. В.* Оборонительные сооружения городища Кыз-Кермен // Фортификация в древности и средневековье. – СПб., 1995. – С. 68–69; *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 191; *Могаричев Ю. М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 73, 100; *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 86–87.

ных не только в сам Херсон, но и в другие укрепления Юго-Западного Крыма[377]. Уже М.И. Ростовцев справедливо заметил по этому поводу, что такая практика, несомненно, предполагает существование в подобных местах вооруженных сил и властей, подчиненных Империи[378].

В 695 г. василевс Юстиниан II, неудачно правивший предыдущие десять лет, оказался свергнут своим полководцем Леонтием, воспользовавшимся всеобщим недовольством. Бывшему императору подрезали язык и вырвали ноздри (за что он получил прозвище Ринотмет—«Безносый») и сослали в Херсон, где он прожил не один год. Когда он узнал об очередном перевороте, о свержении успевшего сделаться ненавистным Леонтия (695–698) Тиверием Апсимаром (698–705), архонтом важной южномалоазийской морской фемы Кивирриотов, то объявил херсонитам, что вновь собирается вернуть себе трон. Тамошние жители и их власти, испугавшись столь крамольных «антиправительственных» речей, по зрелом размышлении решили выдать Юстиниана василевсу Тиверию либо убить опасного смутьяна. Проведав об этом через своих доверенных людей, он спасся бегством из Херсона в горный Крым, во фруру (to phrourion) — сторожевую крепость Дорос (Дарас) «земли Готфики», о чем упомянуто у Никифора и Феофана[379]. Побег объясняется стремлением экс-императора, боявшегося за свою жизнь, не только обезопасить себя от покушения со стороны местных византийских властей и верноподданных начавшего править тогда Тиверия III Апсимара, но прежде всего желанием связаться оттуда с хаганом хазар, поскольку в самом Херсоне такой возможности не было[380]. Но это вовсе не значит, что архонтии — административные районы «хоры Дори» и самой «Готфики», простиравшейся в прилегающей к Херсону части Юго-Западной Таврики и по южному берегу Крыма, приблизительно от м. Айя до современных сел Рыбачьего (бывшее Туак) или до Приветного (бывшее Ускют), были полностью независимы от Византии в конце VII — начале VIII в., как полагают некоторые исследователи[381]. Самостоятельность этих укреплений была, видимо, весьма относительной. Конечно, они играли роль политических центров, от случая к случаю могли служить убежищем как для населявших их немногих постоянных жителей, так и для гораздо более многочисленного

[377] *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 188, прим. 1; *Якобсон А. А.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 39, прим. 3; *Герцен А. Г., Магаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей: Кырк – Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 36–37.

[378] *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 14.

[379] Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Accedit Ignatii Diaconi Vita Nicephori. – Leipzig, 1880. – P. 40. 22–24; Theophanis Chronographia. – p. 372. 30. Фруорой ее называет Никифор; Феофан пишет более кратко, без уточнений: eis to Daras.

[380] Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 39, 62, 155, 163. Ставка хагана тогда находилась, вероятно, в степях Поднепровья. В район прикаспийского Дербента она переместится ко времени хазаро-арабской войны 722–737 гг. (см.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 122–125).

[381] *Пиоро И. С.* Крымская Готия. – К., 1990. – С. 82 (впрочем, сам автор был вынужден заметить, что участие жителей городов-крепостей и поселений горной Таврики в политических событиях начала VIII в. в Херсоне и Константинополе «свидетельствует о традиционной связи правителей этих крепостей с Херсоном и во времена хазарского протектората» – С. 83); *Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым: Тезисы междунар. науч. конф. – Симферополь, 1997. – С. 5–9; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 195, 196, 226–227; *Магаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 103, 108.

окрестного сельского населения. Но в то же время они являлись ключевыми пунктами связей, в том числе и экономических, между византийским Херсоном и местными «начальствующими» — архонтами, как на греческий манер называет их Никифор в своем «Бревиарии»[382]. «Простатевонты» или архонты, управлявшие этими городами и областями в «готфской земле», позже недаром понесли одинаковую смертную кару с теми семью херсонскими протевонами, с которыми вместе пытались организовать сопротивление карательной военной экспедиции Юстиниана II в крымские архонтии осенью 710 или 711 г.[383] По сообщению Феофана, «херсониты и жители других кастра» действовали вполне единодушно, отрекаясь от Юстиниана II и провозглашая василевсом нового претендента на трон — знатного армянина Вардана, сосланного «туда», то есть в византийские владения Юго-Западной Таврики[384]. Нелишне заметить, что отречение имело смысл только в том случае, если бы его совершали подданные византийского государя, а не какого-либо иного, к примеру того же хагана хазар.

Итак, перед нами вырисовывается облик достаточно развитого, делового провинциального ромейского города, который со всей своей округой был прочно втянут в столь же разносторонние и в немалой степени опять-таки деловые отношения с Империей ромеев, неотъемлемой частью которой он оставался во второй половине VI — VII в. Причем можно говорить о важном новом феномене — появлении у него к концу этого периода определенной экономической независимости и возможности в случае острой необходимости полагаться исключительно на свои внутренние ресурсы. Во всяком случае, такая независимость стала расти во второй половине VII — VIII столетии, вероятно, в силу оседания в Таврике вытесненного хазарами нового пришлого протоболгарского населения, быстро прошедшего стадию седентеризации. Оно не просто мирно сотрудничало с Херсоном, но положило начало коренному улучшению ситуации со снабжением продовольствием, тем самым решив проблему, являвшуюся насущной с первых столетий н.э.

---

[382] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 155, 163.

[383] Там же. – С. 156, 164.

[384] *Чичуров И.С.* Указ.соч. – С. 41, 64. Причина, которая привела Вардана в Херсон, крылась в том, что некий монах-затворник предсказал ему императорскую власть. Слух об этом вылился в донос, обернувшийся тем, что по приказу правившего тогда Тиверия Апсимара незадачливого претендента на царскую диадему высекли, остригли голову и бороду и в оковах сослали в Кефалинию – морскую военно-административную область на островах около юго-западного побережья Греции с центром в Корфу. Когда Юстиниан вернул престол в 705 г., он поначалу возвратил из ссылки и тюрем многих из тех, кто был подвергнут опале предыдущими правителями, его врагами. Однако маниакальная подозрительность василевса привела к тому, что начались новые репрессии. В числе заподозренных оказался и Вардан, осенью 710 или 711 г. доставленный в ссылку на сей раз в Херсон, возможно, на достаточно почетных условиях. Византийский хронист упомянул, что он прибыл в город с военной экспедицией, войском или флотом, отправленным Юстинианом, чтобы наказать Херсон (kai syn to stolo eis Xersona on – *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41), но следует учесть, что слово o stolos имеет также значение «свита», «сопровождение». Когда вскоре херсониты подняли мятеж против продолжавшего грозить им страшными карами Юстиниана, не простившего былых обид, они провозгласили Вардана василевсом, принявшим тронное имя Филиппик. Подр. см.: Феофан «Хронография», Никифор «Краткая история» в Антологии письменных источников; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 217–219.

Глава 4

ВИЗАНТИЯ И ХАЗАРЫ В ТАВРИКЕ: ГОСПОДСТВО ИЛИ КОНДОМИНИУМ?

Смысл событий конца VII – начала VIII в. в Крыму неоднократно трактовался и трактуется отечественными и зарубежными исследователями как начало распространения на большую часть Таврики власти Хазарского каганата, обернувшегося долгим абсолютным хазарским верховенством, владычеством, господством, завоеванием, которое сокрушило экономическое и политическое влияние Византийской империи, якобы «тормозившей нормальное развитие местной среды» на полуострове[1]. Иногда в ход пускаются менее определенные термины: «покровительство», «контроль», «сюзеренитет», «протекторат» или даже «колония», подразумевающие

[1] Ср.: *Кёне Б.* Херсонес (Севастополь) // ЖМНП. – 1855. – №11–12 (отд. отт.). – С. 49–50; *Юргевич В.Н.* Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 6–8, 10, 12; *Франко І.* Сьвятий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1903. – Т. 56. – Кн. 6. – С. 156; 1904. – Т. 59. – Кн. 3. – С. 190; *Бобринский А.* Херсонес Таврический. – СПб., 1905. – С. 95–97; *Кулаковский Ю.А.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. – 1898. – №2. – С. 180; *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1906. – С. 63–67; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 12, 30–38; *Кулаковский Ю.А.* История Византии. – СПб., 1996. – Т. 3. – С. 270–274; 280–284; *Vasiliev A.A.* The Gotth in the Crimea. – Cambridge, Mass., 1936. – P. 84–85; *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. – Princeton; New Jersey, 1954. – P. 171–174; *Якобсон А.А.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 152; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – 1958. – №85. – С. 468–469; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1969. – №63. – С. 36–40; *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 193–202, 252–258; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 27–28; *Golden P.B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Iuquity into the Origins of the Khazars. – Budapest, 1980. – Vol. 1. – P. 60; *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. – К., 1966. – С. 13; *Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1976. – С. 23; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 144; *Беляев С. А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви ... – М., 1994. – Кн. 1. – С. 60; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 675; *Герцен А.Г.* Мангуп: Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 9.

если не полную принадлежность хазарам, то во всяком случае одностороннее подчинение, институт «дистанционного данничества», вассальный статус и «вольного города» Херсона, и Готфии, и всей прочей Таврики если не с конца VII в., то уж точно с 40-х или 80-х гг. VIII столетия[2].

ЕЩЕ РАЗ О ТУДУНЕ ХЕРСОНА И СТАТУСЕ БОСПОРА И ФАНАГОРИИ В НАЧАЛЕ VIII В.

Новейшие работы остаются верны этой точке зрения и безоговорочно, на уровне учебной истины включают «оккупированный хазарами Крым» в состав западных земель Хазарского каганата, объявляют его «Крымской Хазарией»[3]. Даже в коллективной академической монографии, посвященной средневековому Крыму, Северо-Восточному Причерноморью и Закавказью, которая задается целью подведения итогов многолетних исследований в этом регионе, главу о Крыме VIII–IX вв. венчает непререкаемый подзаголовок — «Хазарское господство»[4]. Он вполне соответствует

[2] *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // ЖМНП. – 1876. – №1. – С. 118–121, 144–148; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 8; *Бобринский А.* Херсонес Таврический. – С. 102; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 390; *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 186–196; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – P. 81–87; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 174, 195, 257, 305; *Баранов И.А.* Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИА АН УССР. – К., 1977. – С. 20–23; *Баранов И.А.* Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тезисы докл. науч. конф. – Севастополь, 1988. – С. 9–11; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 146–148; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 111–112; *Alekseenko N.A.* Un tourmarque de Gothie sur un sceau inedit de Cherson // Revue des etudes byzantines. – 1996. – T. 54. – P. 273; *Піоро І.С.* Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. – 2000. – №4. – С. 23; *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 304; *Герцен А.Г.* Мангуп. – С. 28; *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 22.

[3] *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Институт археологии НАН Украины – К., 1994; *Филиппенко В.Ф.* Каламита–Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 53; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 171–224, 226–227; *Приходнюк О.М.* [Рец.] // Археологія. – 2000. – №4. – С. 141 (*Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – 350 С.); *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 112–115; *Михеев В.К., Тортика А.А.* Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X в.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. – К., 2000. – №3. – Юдаїка. – С. 154–155, 157; *Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII – первой половины X вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. – Севастополь, 2001. – С. 39–40, 41; *Сухобребов В.В.* Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики: Сб. материалов по церковной археологии. – К., 2002. – С. 78; *Бармина Н.И.* Контуры перемен: мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 25; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие. – Воронеж, 2003. – С. 88–94; Археологія України: Курс лекцій / За ред. Л.Л. Залізняка. – К., 2005. – С. 424–425; *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX вв. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 38–56.

[4] Археология / Под ред. Б.А. Рыбакова; – Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. – С. 53.

заключительному непререкаемому выводу о том, что Хазарский каганат вытеснил Византию из Таврики; Боспор, Сугдея, Мангуп и десятки других более мелких пунктов стали принадлежать хазарам и до X в. здесь установилось безраздельное хазарское владычество[5]. Подразумеваемый при этом захват наиболее крупных торговых портовых городов Тамани и Таврики отдельные исследователи считают важной причиной завоевательной политики хазар[6].

Рис. 100. Юстиниан II. Солид. 685–695 гг.

Так, С. А. Плетнева в качестве «постановки проблемы» без колебаний объявляет крымские города VII–IX вв. «городами в Хазарии», выросшими под влиянием чужой культуры, и особенно показательную роль в этом плане отводит Херсону, якобы «неоднократно входившему во владение Хазарии», но... до сих пор не обнаруживающему «никаких следов пребывания хазар»[7]. Это перекликается с мнением А. В. Гадло о том, что карательные акции, направленные Юстинианом II в 710–711 гг. против «Херсона, Боспора и других архонств», создали прецедент для полной оккупации хазарами Крымского полуострова, когда даже в Херсоне появился хазарский чиновник «тудун» (рис. 100)[8]. При этом как-то забывается, что тудун, если это был действительно иноземный наместник, присутствовал в городе, в котором явно не было хазарских войск, едва ли не в одиночку, причем находился там до первой большой карательной военно-морской операции Юстиниана и больше не появлялся там после того, как в октябре или ноябре 711 г. был отправлен из Херсона к хагану. Он попросту умер в пути[9]. «Защищать» же Таврику хазары могли бы только от самих себя и никак не от Византии, с которой у них были мирные, союзные отношения и которая давно утвердилась в здешних землях.

Ю. М. Могаричев долгое время тоже разделял мнение о хазарском господстве в Крыму до 860 г. и пытался объяснить слабое отражение присутствия хазар в источниках по истории и археологии раннесредневекового Крыма тем, что хазары все это время... не исповедовали иудаизм (sic!)[10]. Дескать, они были здесь, но в то же время как бы и не были.

[5] Там же. – С. 483.

[6] См.: *Плетнева С. А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 115.

[7] *Плетнева С. А.* Города... – С. 111–112, 123; *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 91

[8] *Гадло А. В.* Тмутороканские этюды. I // Вестник Ленинградского гос. ун-та. – 1989. – Вып. 1. – С. 25, 30; *Гадло А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 99

[9] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 40–41; 64, 156–157, 165.

[10] *Могаричев Ю. М.* К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 10. – С. 268–281. Все это недалеко от устаревшего, отвергнутого мнения о том, что иудаизм затронул исключительно «верхушку социальной пирамиды», «правящий класс» и «мало укоренился

Все это недалеко от заявления Г.Ф. Дебец о находках черепов с очень незначительными монголоидными признаками, которые якобы указывают на «хазарский гарнизон Херсонеса». Как выяснилось, этот казус не может соответствовать действительности, поскольку самые ранние могилы с такими останками датируются не ранее конца X — начала XI в., а скорее, еще позже[11].

Иногда обращается внимание на штучные находки вещей салтовского круга (керамика, поясные детали) второй половины VIII — первой трети IX в., особенно малочисленные в Херсоне, приводятся уникальные свидетельства греческой эпиграфики относительно освящения местных христианских храмов при хазарах и, возможно, священниками, носившими тюркские имена, но этому предшествует замечание о том, что хазары использовали принцип не прямого управления зависимыми народами и областями, их «наместники либо замыкали на себе вертикаль уже существующих местных администраций, либо служили передаточным звеном между главой местной администрации и своим правителем, но области и народы, находившиеся под юрисдикцией тудуна, всегда сохраняли самоуправление и даже местные обычаи налогообложения»[12]. Логичная посылка, вполне подходящая для указанной в качестве примера Албании, но мощное присутствие Византии на Крымском полуострове в «хазарское время», следы функционирования ее властных структур, в том числе финансовых, прослеживаемых на основании сфрагистических источников, входят в противоречие с этим объяснением.

А. И. Айбабин, вслед за М. И. Артамоновым, полагал, что хазары установили свой протекторат над Крымом, в том числе над хорой Дори (Готфией) и Херсоном, «архонта архонтии Дорос каган назначил правителем Готии и поручил ему сбор дани для кагана», то есть совместил институт данничества с сохранением прежней византийской администрации, которая, стало быть, стала исправно служить чужеземному государю[13]. По его мнению, он даже овладел Херсоном[14]. «После инцидента с Юстинианом II, —

у хазар» (ср.: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 104).

[11] *Дебец Г.Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1949. – Т. 12. – С. 343; ср.: *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 115. *Назарова Т.А.* Брахикранный компонент в составе населения средневекового Херсонеса // Древнее Причерноморье: Сб. статей, посвященных 85-летию со дня рождения проф. П.О. Карышковского. – Одесса, 2006. – С. 153.

[12] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 38–54.

[13] *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 196, 226; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 60; ср.: *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 103, 116 (по мнению автора, Готская и Фульская византийские епархии существовали «на подвластной хазарам территории», тогда как собственно византийские владения совпадали лишь с Херсонской епархией, – С. 116)

[14] *Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым: Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 6 (основанием для такого ответственного вывода является все тот же злополучный Тудун, «бывший там от лица хагана», который оказался захвачен в городе вместе с представителями херсонской администрации во время первой карательной экспедиции патрикиев Мавра Бесса и Стефана Асмикта, отправленной Юстинианом II в 711 г. «против херсонитов,

пишет исследователь, — Византия смирилась с потерей почти всех своих владений в Крыму и поддерживала дружественные отношения с Хазарией» (sic!)[15]. Хазары «подчинили», более того — «образовали Готию во второй четверти VIII в.», что одновременно не помешало Константинопольскому патриарху якобы учредить на ее территории «одноименную епархию»[16]. Сходную двусмысленную позицию пытается занять К. Цукерман, когда говорит о том, что хазары, будучи единственной военной силой в регионе, не изгнали византийскую администрацию из Херсона, который то находился в руках у хазарского «губернатора-тудуна», то мирно возвращался под власть Византии[17].

Подобные представления перерастают среди историков в своего рода фетиши, легенды, где реальность подчас путается с вымыслом. Именно так звучит указание Н.Н. Болгова на женитьбу Юстиниана II на сестре хагана... в Херсоне, причем в 704–705 гг., то есть уже после побега экс-императора в Хазарию[18]. Недалеко от этого курьеза недавнее заявление С. А. Плетневой: «Благодаря письменным источникам мы знаем, что в его [Херсона] истории был период (IX в.), когда там правил ставленник хазарского кагана»[19]. Очевидно, подразумевается тот «архонт», который был в Херсоне «от лица хагана» в 710 или 711 г., а не в IX в., и носил то ли

босфориан и остальных климата»). Ту же точку зрения разделяют А.Ю. Виноградов и А.В. Комар: «...город просто признал власть кагана, что великолепно подтвердила карательная акция Юстиниана II» (*Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 40).

[15] *Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата. – С. 6.

[16] *Ajbabin A. I.* Gli Alani i Goti e gli Unni // Dal mille al mille. Tezori e popoli dal Mar Nero – Milan, 1995. – P. 156–170; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 227. На самом деле даже дата создания Готской епархии и митрополии остается в области научных дискуссий. Если верить автору Жития Иоанна Готского, составленного в период между 815 и 843 гг., епископ Готии (возможно, он же – архиепископ Херсона или Херсона Дорантского) уже существовал в правление василевса Константина V (741–775), причем до церковного синода 754 г., осудившего иконопочитание. – Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 396; ср.: *Арсений, архим.* Готская епархия в Крыму // ЖМНП. – 1873. – Ч. 115. – Январь. – С. 59–86; *Кулаковский Ю.А.* Из истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке. Где находились Фуллы? // ЖМНП. – 1898. – Ч. 315. – Февраль. – С. 173–202; *Бертье-Делагард А.А.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 40–66, 128, 131; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. II // ИГАИМК. – Л., 1927. – Т. 5. – С. 210–216; *Vasiliev A.* The Goths... – P.80; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 256–263, 327; *Пятышева Н.В.* Печать готского епископа в коллекциях Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. – С. 32–36; *Якобсон А.А.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 40, 41; *Xuxley G.* On the Vita of John of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1978. – Vol. 19. – N 2. – P. 161–169; *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 119–122; *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 1–113 (последние два автора относят время образования Готской епархии к концу VIII – началу IX в., но тоже связывают это с захватом большей части Крымской Готии хазарами). По мнению Ж. Дагрона, огромные размеры Готской епархии, согласно нотиции де Боора или списку №3 по Даррузе, отражали лишь проект распространения Византийской церковной иерархии в Таврике и были эфемерной реальностью (*Dagron G.* Crimee ambigue // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 293, 300).

[17] *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 332–333.

[18] *Болгов Н.Н.* Боспор Византийский: очерки истории // *Болгов Н.Н.* Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991–2001. – Белгород, 2002. – С. 73.

[19] *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 166. В своих ранних работах автор относила появление тудуна в Херсоне к 710 г., когда херсониты «отдались под покровительство кагана», а присланный правитель стал «...следить за местным управлением и за поступлением налогов в казну кагана» (*Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1986. – С. 22–23).

имя Тудун (Тондун), то ли, скорее, титул, известный в восточнотюркской иерархии как «тудун»[20]. Поиск однозначного ответа осложняется тем, что в имеющихся рукописях сочинений Феофана и Никифора встречаются оба разночтения. И. А. Баранов, отмечая точность в деталях Ватиканского списка рукописи «Краткой истории» Никифора[21], полагал возможным видеть в Тондуне тюрка с таким именем, который, как нередко бывало в практике того времени, находился в Херсоне на византийской службе в должности архонта[22]. Само по себе такое предположение выглядит не лишенным вероятности, даже если опустить сомнительный аргумент автора, что «в качестве термина слово "тудун" не имеет аналогов в титулатуре ни одного из народов Евразии»[23]. Например, армянские и китайские источники, писавшие «о чинах и званиях» у ранних тюрков, указывают обладателей этого титула среди тех, кто «подобен управляющему областью» (кит. ту-тунь < T'UO-D'UEN < TUDUN), или среди «знаменитых мужей» из верхушки восточнотюркского общества[24], а в позднеаварском каганате (680–805 гг.) он встречался у привилегированных, благородных лиц, правителей в значении дука[25]. Обычно так называли провинциальных наместников в составе администрации государственных образований тюрок, «в системе управления Тюркским каганатом завоеванными областями с иноэтничным населением»[26]. Судя по показаниям китайской хроники «Старая история династии Тан» (X в.), одной из важнейших функций «тудуна» был контроль за точным исполнением фискальных обязательств

[20] Обычно так именовались провинциальные наместники тюркских хаганов (*Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. – Л., 1936. – С. 63; *Авенариус А.* Авры и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности. – М., 1981. – С. 35), поэтому конкретизация Феофана в отношении этого лица как ek prosopou хагана может также служить греческим эквивалентом титула тудун (*Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч.2 // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 197). Примечательно, что тот же эпитет («от лица» хагана) хронист применил, когда под 704 / 705 г. упоминал того «архонта из единоплеменников хагана», который был приставлен в Фанагории к Юстиниану II Ринотмету наблюдать за ним (ср.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 39,62–63, 155, 163; *Kazdan A.A.* Ek prosopou // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 683).

[21] Следовало бы также добавить и Лондонского (cod. Londin. Brit. Mus. Addit. 19390 (s. IX), f. 24r–55r), не использованного в издании К. де Боора 1880 г. (ср.: The London Manuscript of Nikephoros «Breviarium» / Ed. with an introd. by L. Orosz // Magyar Görög Tanulmanyok. – 1948. – T. 28). Впрочем, будучи точен в деталях, Никифор менее, чем Феофан, был склонен вникать в суть отношений ромеев и хазар в Таврике и поэтому опустил некоторые важные подробности, более упрощенно, полярно показав конфликт только как столкновение ромейских местных и центральных властей. К примеру, историк не посчитал важным пояснить, кем на самом деле был архонт Тондун, почему хазары убили херсонского протополита Зоила и византийского турмарха с 300 стратиотами, либо он, в отличие от Феофана, пользовался источником, где такие пояснения отсутствовали.

[22] *Баранов И. А.* Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тезисы докладов. – Севастополь, 1988. – С. 10; *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 148–149.

[23] *Баранов И. А.* Хазары и Херсонес в VIII в. – С. 10.

[24] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. с арм. К. Патканова. – СПб., 1861. – С. 128, 337; *Чичуров И. С.* Указ. соч. – С. 101; Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; М., 1998. – Вып. 2. – С. 154, 157.

[25] *Bona J.* Az avarok // Magyarszag tortenete. – Budapest, 1984. – T. 1. – P. 310–346; *Дайм Ф.* История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 280.

[26] *Науменко В.Е.* К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 70.

правителей подчиненных народов[27]. С этой точки зрения такие наместники, управители действительно были распорядителями, ревизорами высшего ранга в рамках обстоятельств, помощниками правителей, в том числе в зависимых областях[28].

Но даже если в Херсоне был не византийский, а именно хазарский «архонт», его присутствие не может служить решающим аргументом в пользу господства или хотя бы «протектората» каганата, поскольку этот ek prosopou (полномочный представитель) хагана явно оказался здесь временно, скорее всего, в связи с событиями, порожденными враждой Юстиниана II, злоумыслившего кровавую месть, разгром и резню херсонитов, которым не мог забыть унижений своей ссылки. «Архонт от хазар», являвшийся посланником хагана, выполнял в данном случае свойственные ему функции наблюдателя, контролера, посредника или «местоблюстителя» в зависимой от каганата области, как сказали бы ромеи: топотирита (oi topoteretai para Tourkois)[29]. В новеллах Юстиниана I так называли полномочных представителей императора, контролировавших провинциальные городские округа[30]. Со временем они станут эволюционировать в военную сторону, в офицерский состав армии[31].

В.А. Науменко безосновательно помещает время пребывания тудуна в Херсоне то между 706–707 и 711–712 гг., то между 705 и 711 гг.[32] Те же пределы — «705–712 гг.» и тоже без объяснений указывают А.Ю. Виноградов и А.В Комар[33]. Ю.М. Могаричев относит его появление ко времени «после 705 г.» и связывает с той компенсацией в виде «многих денег и даров», которую сулил Тиверий Апсимар хагану за выдачу Юстиниана Ринотмета. Среди этих «даров» он предполагает и разрешение хазарам на контроль над Херсоном и сбор дани с византийского города[34]. При видимом несогласии с действительно сомнительным тезисом о хазарском господстве, по сути все это недалеко от заявления о том, что в конце VII — начале VIII в. в степных и предгорных районах Центрального Крыма происходило «становление Хазарского каганата»[35]. Однако забывается хотя

[27] *Науменко В.Е.* Указ. соч. – С. 70.

[28] Подр. см.: *Галенко О.* Тудун // Східний світ. – К., 2000. – №1–2. – С. 183–204.

[29] Etymologicon Magnum / Ed. Th. Gaisford. – Oxonii, 1848. – P. 763. 24; *Kazdan A.A.* Topoteretes // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 2095–2096. У ромеев аналогичные функции наблюдателя имел апокрисиарий – посланник, посредник (см.: *Koev T.* Die Institution der apokrisiarioi // Etudes balkaniques. – Sofia, 1978. – №4. – P. 57–61); ср.: *Науменко В.Е.* Указ. соч. – С. 71.

[30] *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. 284–602. – Baltimore, 1992. – Vol. 2. – P. 759, 1312.

[31] Ср.: *Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 54–59, 110–119, 148–151, 170–175, 178–179, 182–183, 209, 232–233.

[32] *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 349; *Науменко В.Е.* К вопросу о хазарском «тудуне»... – С. 70, 71, 72; *Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 434.

[33] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна и хазары в юго-западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 40.

[34] *Могаричев Ю.М.* К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. // Хазары. Jews and Slavs. Vol. 16. – Иерусалим; Москва, 2005. – С. 248; *Могаричев Ю.М., А.В. Сазанов.* К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII в. // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005. – С. 358–359.

[35] *Бармина Н.И.* Византийская периферия: феномен «свое–иное» (на примере Мангупской базилики) // Византия и Запад: (950-летие схизмы христианской Церкви, 800-летие захвата Константино-

Рис. 101. Тиверий Апсимар. Солид. 698–705 гг.

бы то, что хаган не выполнил обещания, и, значит, уже поэтому никакого вознаграждения от василевса не мог получить и не получил. Кроме того, ни один из известных источников не сообщает о том, что ромеи, а значит, и херсониты когда-либо платили дань хагану хазар. Между обоими государствами не было даннических отношений. Поэтому есть основания вернуться к вопросу о смысле событий этого времени, дабы внести в их понимание необходимые поправки и уточнения, которые, надо надеяться, помогут избежать очередных спорных заблуждений в поисках истины.

Итак, присутствие тудуна в Херсоне фиксируется византийскими хронистами только временем, близким расправе Юстиниана II, вновь вернувшегося к власти в 705 г., над херсонитами, босфорианами и жителями остальных климата в 710–711 гг. Поэтому, если говорить о гипотетически возможных пределах пребывания такого тудуна в городе, terminus post quaem non для них кладет бегство Юстиниана из Херсона к хагану, происшедшее вскоре после прихода к власти Тиверия Апсимара в 698 г. (рис. 101), но никак не в 704 г.[36], a terminus ante quaem non – осень 711 г., когда тудун вместе с херсонскими первенствующими был арестован и отослан в Константинополь. Каждый из годов указанного промежутка мог быть тем, когда представитель хагана оказался в городе, но, вероятнее всего, необходимость в нем возникла только тогда, когда Юстиниан потребовал разобраться с ненавистным ему городом «двойного подчинения» и стал собирать карательный флот, то есть не раньше 710 г. Такого рода намерения не могли не встревожить хазарскую сторону, увидевшую в этом угрозу потери своей доли доходов, регулярно поступавших с подконтрольной крымской территории, и, вполне логично, она отреагировала посылкой собственного «местоблюстителя», более наблюдателя, нежели распорядителя, наместника. Даже если случившееся действительно было ответом Юстиниана на признание городом власти хагана в лице его представителя[37], это не меняет главного: кратковременного сотрудничества в Херсоне представителей византийских властей в лице протополита-архонта, протевонов и тудуна, сменившегося неудачной попыткой василевса вернуть status quo в лице возвращенного тудуна и прежнего архонта Зоила. Это возвращение и попытка ромейской стороны оправдаться перед хаганом совершенно необъяснимы, если стать на традиционную точку зрения признания одностороннего подчинения византийских владений в Крыму хазарам. Да и зачем было хагану делать некий «взнос» в виде отдачи ромеям

поля крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов, Москва, 26–27 мая 2004 г. – М., 2004. – С. 17.

[36] Ср.: Великое переселение / В.Я. Петрухин, С. Г. Смирнов, Р.С. Багаутдинов и др. – М., 2005. – С. 33.

[37] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 40.

Херсона, чтобы поддержать нового василевса, Вардана Филиппика, если бы город действительно был под властью хазар?

Во всяком случае совершенно ясно, что тудуна не было в городе двенадцать лет назад, около 698 г., поскольку в этом случае Юстиниану не надо было бы бежать из Херсона, чтобы, достигнув фруры — передовой, сторожевой военной крепости Дороса (eis to phrourion to legomenon Doros), уже оттуда, с северной окраины «готфской земли» (te Gotthike keimenon chora) и епархии Херсона Доранта, простиравшейся по всей юго-западной части Крымского полуострова, искать связи с известным из «Краткой исторической хроники» Ивузиром Глиаваном, хаганом Хазарии, просить о представлении правителю, который узнал об этом не тотчас, а спустя какое-то время[38]. Позднейшие византийские авторы конца X — начала XI в. (Лев Диакон, Симеон Логофет) тоже отмечали, что экс-император бежал из Херсона «к Меотиде» (Азовскому морю), «в Хазарию», за пределы Таврики[39].

К слову, сам маршрут бегства, ведший в юго-западную часть Внутренней, или Второй, гряды Крымских гор, был выбран отнюдь не по причине нахождения этих территорий «вне пределов византийской власти»[40], но, очевидно, вследствие иного, гораздо более тривиального, однако немаловажного для беглеца обстоятельства. Как показывают исследования Н.Г. Новиченковой, по горному хребту гряды проходила удобная система нагорных дорог, по которой можно было легко и сравнительно быстро, за один день пути, добраться до Мангупа — главного центра здешней «страны Дори», который, судя по специфическому названию (phrourion), являлся прежде всего укреплением военного характера, играл главным образом военную роль, отличную от городка-полисмы[41]. Очевидно, именно

[38] Из 37-й новеллы анонимной византийской хроники (Parastaseis syntomoi chronikai) с дискуссионной датой от VIII до IX в. следует, что этот хаган побывал в Константинополе, и имя его в греческом произношении звучало как Ивузир Глиаван (Ibouzeros Gliabanos) или Глиаван Хазар (Gliabanos Chazari), в чем можно подозревать искаженное тюркское Ивузин Ялбар или Юлбарс (Scriptores originum Constantinopolitanarum / Rec. Th.Preger. Fasc.1: Hesychii illustrii origines Constantinopolitanae. Anonymi ennarationes breves chronographicae. Anonymi narratio de aedificatione templi S. Sophiae; Fasc. 2–3: Ps. Codini origines continens. Adiecta est forma urbis Constantinopolis [Lipsiae,1901–1907]. – Lepzig, 1989. – P. 40. 4–8; *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. – Princeton, 1954. – P. 173, n.12; *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. – Bd. 2. – S. IX, 136; *Бешевлиев В.* К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 г. // ВВ. – 1959. – Т. 16. – С. 9–10; *Цанкова-Петкова Г.* О территории Болгарского государства в VII–IX вв. // ВВ. – 1960. – Т. 17. – С. 130; *Golden P.* Khazar Studies. – P. 182–183; *Каждан А.П.* в сотрудничестве с *Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 396–401). Очевидно, воспоминания, а может быть, и какие-то документы об этой единой епархии Херсона Доранта явились тем основанием на притязания на южнобережные хораи-поселения, которые всплыли в споре митрополитов Херсонского, Сугдейского и Готского в последней трети XIV в., – споре, разрешенном Константинопольским патриархом Макарием в пользу Херсонского предстоятеля. Показательно, что клирики одного из таких хорай – Кинсануса клялись, что они всегда входили в церковные пределы Херсона (*Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 351–354, 398).

[39] Лев Диакон. История. – М., 1988. – С. 56 (VI. 9); Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 192.

[40] Ср.: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 30; *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 59, 65.

[41] *Новиченкова Н.Г.* О древнем пути в Горном Крыму // Пилигримы Крыма. – Осень'99: IV Крымская междунар. науч.-практ. конф.: Материалы: В 2 т. – Симферополь, 2000. – С. 38–44. По прямой от Мангупа до Радиогорки напротив Херсона 23 км. В ясную погоду она просматривается на западе с вершины плато. В целом, продолжительность маршрута от Херсона до Магупа–Дороса укладывалась

Дорос был тем центром, простатевонт которого отвечал за поддержание связи с хаганом хазар. Это обстоятельство вкупе с удобством дороги должно было стать решающим в выборе Юстиниана между прочими кастра и фрурами здешнего региона. Если бы беглец просто стремился забраться как можно дальше к границам горного Крыма, его путь наверняка должен был привести к укреплению на плато Чуфут-Кале, лежащему в 20 км к северо-востоку от расположенных по соседству Мангупа и Эски-Кермена (между ними всего 5 км). Еще дальше находилась Бакла с ее кастроном и поселениями. Искать же контактов с хазарами, оставаясь в самом городе, Юстиниан в сложившейся для него ситуации не мог или, вернее, не успел, ибо жизнь оказалась под смертельной угрозой и все могли решить считанные минуты. Ближе к окраине византийской зоны влияния, куда еще не поспели слухи о верноподданнических «кознях» (epiboule)[42] херсонитов, точнее их властей, в отношении не в меру болтливого опасного ссыльного, у него была надежда опередить события, и как оказалось, расчет не подвел, отчаянная попытка удалась. Беглец, очевидно, предвидел, что требование отправить к хагану настоятельную просьбу принять его не встретит противодействие «старшего» — простатевонта Дороса по причине особой озабоченности последнего сохранением мирных отношений с хазарами. Во всяком случае, в текстах Феофана и Никифора нет и намека на то, что крепость Дорос уже принадлежала хазарам, там находился хазарский наместник и тем более сам хаган, к которому якобы обратился Юстиниан[43]. Ясно лишь, что последний оттуда искал свидания с хаганом, ставка которого в это время находилась отнюдь не близко[44].

В дальнейшем значительные военные силы хазар не менее двух раз подходили к Херсону, приглашенные самими горожанами, ...и уходили. О том, что это были значительные военные силы, в первый раз свидетельствует сдача им византийского отряда из 300 стратиотов-фракисийцев, а в следующий раз капитуляция карательного флота ромеев[45]. Нет сомнений, что при желании они могли бы легко завладеть городом, ибо даже оснащенный всем необходимым византийский экспедиционный корпус под командованием патрикия Мавра Весса оказался не в состоянии им противостоять. Следовательно, должно было быть некое обстоятельство, помимо заинтересованности в дружественных отношениях с Византией, которое удерживало хазар от решительных действий, которые позволили бы им

в византийское понятие «день пути» (odon emeras), что составляло около 37 км. О лексическом значении термина «фрурион» см.: *Kazhdan A.* Byzantine Town and Trade as Seen by Niketas Choniates // BS. – 1995. – T. 56. – F. 1. – P. 213; *Миланова А.* Типология на укрепените селища в България под византийска власт (според лексиката на византийските автори) // CIVITAS DIVINO-HUMANA В чест на професор Георги Бакалов. – София, 2004. – С. 247–248.

[42] И.С. Чичуров выбрал для перевода этого слова несколько иное значение – «заговор» (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения ...– С. 40, 63). Никифор, в отличие от Феофана, использовал термин – diabole, в смысле «донос, клевета, ложное обвинение, злословие» (*Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 156, 164).

[43] Ср.: *Юргевич В.Н.* Две печати... – С. 6; *Кулаковский Ю.* История Византии. – К., 1915. – Т. 3. – С. 286; *Герцен А.Г.* Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 30.

[44] *Айбабин А.И.* Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 9.

[45] См.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 40–41, 64, 156–157, 165.

заменить византийские власти хазарскими, окончательно утвердить своего наместника-тудуна, стать безраздельными хозяевами и города, и края.

Встречающиеся неясности и кажущиеся противоречия в повествованиях Никифора и Феофана о событиях конца VII — начала VIII в. находят объяснения, если считать возможным видеть в них отражение своеобразного кондоминиума или совместного владения, установлением которого на территории Крымского полуострова могли завершиться трудности и разногласия между Хазарией и Константинополем в начале первого правления Юстиниана II, в 686 и 687 гг., по поводу Херсона и Таврики[46].

[46] Намеки на возможность подобного статуса проскальзывают уже у А.Л. Бертье-Делагарда, который отметил, что в 710 г. правителями Херсона были «хазарский тудун или протополит Зоил, быть может оба вместе, один от хазар, другой от Византии» (*Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т. 16. – С. 81). Но пионером этой вполне определенно высказанной мысли, как мне кажется, был американский медиевист Арчибальд Льюис (*Lewis A.R.* Naval Power and Trade in the Mediterranean A.D. 500–1100. – Princeton; N.J., 1951. – P. 91). Разные исследователи, не сговариваясь, каждый самостоятельно приближались к осознанию такого объяснения. Из отечественных историков ближе всех к нему в свое время подошли А.Л. Якобсон и А.В. Гадло. По мнению первого из них, в VIII–IX вв. Юго-Западный Крым не зависел напрямую ни от Византии, ни от Хазарии и именно это обстоятельство привело к бурному экономическому расцвету Таврики (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 190 сл.). Другой уточнял, что «по существу в нагорье [Таврики] возникло в VIII в. буферное политическое объединение, от которого формально не отказывалась Византия и которое в то же время считала своим Хазария», – см.: *Гадло А.В.* [Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 275 (Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168). Однако он не развил эту идею, очевидно, потому, что, как и А.Л. Якобсон, считал Юго-Западную Таврику оторвавшейся от иконоборческой Византии, оказавшейся во власти «реакционного монашества», «феодалов» и стремящейся к независимости, сепаратизму. Противореча себе, А.В. Гадло указывал, что причина несомненного экономического подъема края крылась в односторонней «зависимости именно от Хазарии». Своеобразную поправку к этому можно видеть в следующих словах О.И. Домбровского: «Вторжение хазаро-болгарских полчищ в Крым почти не затронуло Херсонеса, так как в его существовании как перевалочного пункта морской торговли были заинтересованы не только византийские, но и хазарские власти» (*Домбровский О.И.* Средневековый Херсонес // Археология УССР: В 3 т. – К., 1986. – Т. 3. – С. 536). Здесь же он впервые упомянул о «длительном византийско-хазарском двоевластии» и его роли в поднятии значения Херсона. И. А. Баранов констатировал это вполне уверенно, отметив, что «...на Боспоре еще в начале VIII в. было двоевластие» в лице хазарского военачальника и византийского архонта, исполнявших одновременно указания хагана (*Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 54–55, 148). Вскользь о том же почти одновременно обмолвилась Е.А. Паршина, которая видела в «двоевластии» причину экономического подъема Партенита в конце VIII в.(*Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 93). Прменительно к Боспору наличие кондоминиума констатировал А.В. Сазанов (*Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 40). Схожую мысль в отношении Херсона недавно высказал, но тоже не развил Ж.-К. Шене (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 315). Можно догадываться, что ее разделяет К. Цукерман, не решающийся однако, прямо об этом заявить (*Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 332–333, прим. 80). Она же витает в строках статьи В. Зайбта, когда он пишет о необходимости и полезности для Херсона как «вольного города» (als «freie Stadt») сохранять хорошие отношения и с Византией, и с хазарами и, может быть, платить «своего рода дань (Tribut) обоим» (*Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 304–305). По сути дела, это весьма близко к заявлению Дана Шапира о совместном «византино-хазарском протекторате» над Крымом и Херсоном (*Dan Shapira.* Bulgar-Khazar Rivalry: Njnts on Etnical Historio-Psychology (Judaco-Turkica VII) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – P. 217). Я впервые попытался обосновать верность концепции кондомината применительно к Таврике VIII – первой трети IX в. в научных докладах, прочитанных на заседаниях ученого совета Национального заповедника «Херсонес Таврический» и других конференциях во второй половине 1990-х гг., в своей докторской диссертации, а также в обобщающей монографии по истории Херсонеса (*Сорочан С. Б.* Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Тезисы докл. – Самара, 1995. – С. 79–81; *Сорочан С. Б.* Об обстоятельствах и времени преобразования фемы Климаты в фему Хер-

Такой компромиссный политический режим предусматривал взаимные обязательства сторон по эксплуатации общей территории, ее демилитаризацию, запрещение иметь этой зоне постоянные военные контингенты, уплату налогов с дохода местным населением поровну представителям всех сотрудничающих сторон, сохранение властей всех сторон, общее использование портов, отказ от применения вооруженной силы в случае взаимных претензий. Разумеется, современникам был ведом не современный термин, обозначающий подобный статус, а его суть. Будучи достаточно распространенным явлением, он с успехом практиковался в некоторых пограничных областях Византийской империи[47].

В качестве наиболее наглядного примера может быть назван Кипр, где, по данным лангобардского историка Павла Диакона (725 / 730–799 гг.),

сон // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Тезисы докл. II Междунар. археолог. конф. – Самара, 1997. – С. 58–60; *Сорочан С. Б.* Торгівля у Візантії IV–IX віків. Структура і організація механізмів обміну: Автореф. дис. ... д-ра. іст. наук / Харківський державний університет. – Харків, 1998. – С. 15; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 41–43, прим. 120; *Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 209–263). Ныне появились попытки развить и уточнить эту плодотворную рабочую гипотезу (см.: *Науменко В.Е.* Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров (античность–средневековье): Материалы I Боспорских чтений. – Керчь, 2000 – С. 96 –105; *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений. – С. 336–361; *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-Бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 129–130; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 544–568; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII–начале IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 570–571; *Науменко В.Е.* К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе в начале VIII в. – С. 69–73; *Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсонесе... – С. 427–440; *Науменко В.Е.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дис. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2004 (рукопись); ср.: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 75–81; *Сорочан С. Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543).

[47] Согласно данным Прокопия, такой режим существовал в некой стране Хорзане, лежавшей на переплетении границ византийских и иранских владений, на протяжении трех дней пути (около 100 км) из Кифаридзона по направлению к Феодосиуполю и II Армении: «...живущие там, были ли они подданными римлян или персов, не имели никакого страха друг к другу и не вызывали взаимных подозрений в злокозненных намерениях, но роднились между собою, заключая взаимные браки, сходились, торгуя предметами первой необходимости» (*Прокопий Кесарийский.* О постройках. III. 3. 9–10 // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 244–245). Кондоминатное владение можно подозревать на о. Иоатава, который в ранневизантийское время эксплуатировался арабами, евреями, ромеями и химьяритами (*Малх Филадельфиец.* Византийская история в семи книгах, отр.1 // Византийские историки Дексипп, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос, Феофан Византиец. – СПб., 1860. – С. 228; Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol.1. – P. 141; *Пигулевская Н.В.* Политика Византии на Эритрейском морс // История и филология стран Ближнего Востока (ПС. – Вып. 11 (74). – Л., 1964. – С. 87–89). В Неаполитанском дукате, владевшем землями в плодородной Либурии, тоже было достигнуто любопытное соглашение, по которому некоторое число земель и землевладельцев оставались в общем владении лангобардов и византийцев, которые делили доходы пополам (*Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 39–40). В Ивирии и Армении кондоминиум вытекал из непростых отношений византийцев с арабами, а в Албании – с хазарами и арабами (см.: *Ahrweiler H.* La frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congres internasional des etudes byzantines. – Bucarest, 1974. – P. 216; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979. – С. 154; *Шагинян А.К.* Закавказье в составе Арабского халифата. – СПб., 1998. – С. 3 4; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Византия и Армения в X–XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 380–391; *Арутюнова-Фиданян В.А.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Доклады Института Российской истории РАН 1995–1996 гг. – М., 1997. – С. 42–61; *Науменко В.Е.* Хазарский «тудун» в Херсонесе... – С. 435).

Феофана, Никифора, Константинопольского патриарха Николая Мистика (901–907 гг.), Константина Багрянородного и некоторых других источников, с 688 г. до середины X столетия продолжалось и византийское, и мусульманское присутствие[48]. Ал-Масуди в своем сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» отмечал по этому поводу, что жители Кипра признавали «...договор, который был заключен еще в начале ислама относительно того, что они не должны были помогать грекам против мусульман, ни мусульманам против греков, и что харадж острова [должен быть платим] наполовину мусульманами, наполовину греками»[49]. Византийские власти представляли: сборщик налогов — дийкит, эк просопу — полномочный представитель императора с контролирующими и ревизионными функциями, эпарх-надзиратель за торговлей, ремеслами, благоустройством и архонт, а арабские — эмир (адмирал) и хаким (судья)[50]. В данном случае положение эмира было очень близко положению хазарского тудуна.

Известно также, что правитель Кавказской Албании, Вараз-Трдат, около 684 г. стал платить подати одновременно византийцам («грекам»), арабам («таджикам») и хазарам[51]. В византийско-арабское соглашение 688/689 г. вошла клаузула о равном, общем распределении податей (kai ina echosikoina kata to ison tous phorous) с Кипра, Армении и Ивирии между Юстинианом II и халифом Абд ал-Маликом (685–705), причем магистрианом — дипломатом Павлом, посланным для утверждения соглашения, «это было прочно (навсегда) записано при свидетелях» (kai gegonen engraphos asphaleia meta martyron)[52].

Следует подчеркнуть, что такого рода отношения не соответствовали содержанию клаузул известных «договоров мира и любви» Византии с соседними государствами или народами. В византийско-персидских соглашениях второй половины VI в., договоре торговцев североиталийского города Коммакьо с лангобардами в 715 г., договоре 716 г., заключенном василевсом Феодосием III и патриархом Германом с «владыкой»

[48] Pauli Diaconi historia genus Langobardicarum // PL. – T. 95. – Col. 1045; Theophanis Chronographia... – P. 424; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 64. 10–20; Nicolai (Mystici) archiepiscopi Constantinopolitani // PG. – 1864. – T. 111. – Col. 33; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 47, С. 212, 245, комм. 1; *Dülger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. *Reiche A.* Abt.I. Teil 1:Regesten von 565–1025 – München; Berlin,1924. – N 257 (Кипрский статут); *Hill G.* The History of Cyprus. – Cambridge, 1940. – Vol.1. – P. 284–287; *Jenkins K.J.* Cyprus between Byzantium and Islam // *Jenkins K.J.H.* Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries. – London, 1970. – P. 1006–1014; *Kyrris C. P.* The Nature of the Arab-Byzantine Relatios in Cyprus from the Middle of the 7th to the Middle of the 10th Century A.D. // Graece-Arabica. – 1984. – Vol.3. – P. 149–175; *Kyrris C. P.* History of Cyprus. – Nicosia, 1985. – P. 160–211; *Kyrris C.P.* Cyprus and the Black Sea in the Early Middle Ages an Outline // Bulgaria Pontica Medii Aevi. – Sofia, 1992. – P. 9–17.

[49] *Васильев А. А.* Византия и арабы. Ч. I: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Ч. 2: Приложения. – СПб., 1902. – С. 32.

[50] *Jenkins K.J.* Cyprus between Byzantium and Islam. – P. 1009; Oikonomides N. Les listes... – P. 57; *Kyrris C. P.* The Nature of the Arab-Byzantine Relatios... – P. 171.

[51] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа. – Л., 1979. – С. 154 (со ссылкой на «Историю авган» Мовсеса Дасхуранци).

[52] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 22. 13–16, С. 82–83; ср.: История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 42; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 549.

болгар Кермесием (Кормисошем), в византийско-лангобардском Pactum Sicardi 836 г., византийско-русских соглашениях 907, 911, 944-945 гг. всегда четко оговаривались условия, распространявшиеся конкретно на «римские» владения и особо на иноземцев и на иноземные территории, а также на «римлян», оказавшихся в этих землях[53]. В случае же с Таврикой обращает на себя внимание несомненное одновременное присутствие здесь представителей обоих государств, Романии и Хазарского каганата.

На территории Крымского полуострова прототип системы совместного владения обнаруживается уже в V — первой четверти VI в. на Боспоре, когда в условиях гуннского присутствия местные боспорские власти, греческая и аланская знать — «друзья цезарей и римлян», не порывая связей с Византийской империей, смогли наладить мирное, достаточно стабильное сосуществование с пришельцами и превратили Боспор, по словам Иоанна Малалы, в центр обмена (торговли) между ромеями и гуннами[54]. Очевидно, этим объясняется кажущаяся противоречивость заявлений Прокопия о том, что вплоть до правления василевса Юстина (518-527) «жители Боспора издревле жили независимо», хотя «...с давних времен этот город... находился под властью гуннов»[55]. Таким образом, нельзя согласиться с заявлением, что лишь с конца VII в. византийская дипломатия встала на поиск «новых форм сотрудничества как с "завоевателями", так и с населением лимитрофных областей»[56]. Такой статус был не в новинку и раньше, но теперь он стал еще более востребованным.

Кондоминатные отношения приобрели вполне законченный вид к рубежу VII-VIII вв., когда хазары установили контроль в Степном, Восточном и отчасти в Юго-Западном Крыму[57]. Оформление этих отношений, скорее всего, пришлось на годы успешной кампании византийцев на Кавказе, когда после хазарского нападения ромейскими войсками во главе со стратигом Леонтием в 686 г. были покорены Армения, Ивирия, Кавказская Албания, Букания и Мидия (Азербайджан), а еще через два

---

[53] Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор... / Пер. с греч. Сп. Дестунисом, прим. Г. Дестуниса. – СПб., 1860. – С. 329-454, фр. 11; *Hartmann L.M.* Comacchio und der Po-Handel // *Hartmann L.M.* Zur Wirtschatsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Analekten. – Gotha, 1904. – S.123-124; Theophanis Chronographia... – P. 497. 16-26; *Lopez R.S., Raymond I.W.* Medieval Trade in the Mediterranean World. Illustrative Documents translated with introductions and notes. – New York, 1955. – P. 33-35, N 7; Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. – М., 1952. – С. 1-35.

[54] Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 431; *Иоанн Малала.* Хронография. Книга XVIII // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. – СПб., 1998. – С. 470; *Иоанн Малала.* Хронография / Пер. Л.А. Самуткиной // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги III–IV/ Пер.с греч., коммент. И.В. Кривушина. – СПб., 2001. – С. 339

[55] Ср.: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. I. XII. 8 // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. ст., коммент. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 36; *Прокопий Кесарийский.* О постройках. III. VII. 12 // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 249). См.: *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. – 1998. – №1. – С. 234-246; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 77-80, 94; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 28-30, 32-34.

[56] Ср.: *Науменко В.Е.* К вопросу о хазарском «тудуне» в Херсонесе... – С. 71-72.

[57] *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Ч. 2. – С. 191-195; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 111.

года василевс лично посетил Армению[58]. Именно в эти годы были заложены основы будущего прочного союза с хазарами и должен был встать вопрос о дальнейшей судьбе крымских владений Романии, оказавшихся на острие хазарских интересов. Отсутствие прямых письменных данных о таком соглашении не может рассматриваться как решающий контраргумент. К примеру, содержание договора, существовавшего между Империей и таврическими готами-«энспондами», союзниками, как именовал их Прокопий Кесарийский, тоже осталось неизвестным, хотя его наличие вытекает уже из самого термина «энспонды», которым византийский историк обозначил готов в VI в.[59]

Есть основания полагать, что система византийско-хазарского «двоевластия» действовала здесь уже в начале первого правления молодого Юстиниана II (685–695). Позже, вскоре после прихода к власти Тиверия Апсимара в 698 г., сбежавший из Херсона экс-император испытал ее на себе, когда с согласия хагана, женившего его на своей «кровной сестре», обосновался на жительство в древнем греческом городе Фанагории на Таманском полуострове и должен был иметь дело с представителями властей обеих сторон. В духе выполнения условий кондоминатного статуса должен был действовать и сам хаган, для которого здешние земли не были собственно хазарскими, то есть включенными в Хазарию. Недаром Феофан отсекал Фанагорию от собственно Хазарии, когда писал, что Юстиниан в 704 г. отправил свою жену Феодору из этого города «в Хазарию» (en Chazaria)[60]. Вот почему один из здешних «начальствующих», Папацу, назван хронистом не архонтом Фанагории, а так же, как тудун в Херсоне, «от лица» (o ek prosopou) хагана, то есть представителем хагана, а не неким особым «наместником-администратором», как полагают А.Ю. Виноградов и А.В. Комар[61]. Очевидно, в этом можно видеть ромейскую интерпретацию хазарского титула[62]. А второй, Валгиц, подчеркнуто не названный «единоплеменником» хагана, прямо именуется архонтом Босфора (ton archonta Bosphorou), то есть главой ромейского города, хотя им обоим хаган с согласия и даже по просьбе законного василевса Тиверия III приказывал «...убить Юстиниана, как только им дадут знать»[63].

Видимо, поэтому Георгий Кедрин — компилятор конца XI — начала XII в., пересказывая Феофана, как и большинство современных исследователей, не обратил внимания на указанные оговорки и посчитал, что хаган приказал убить Юстиниана «своим» (tois autou) людям[64]. На самом деле дей-

[58] Феофан сообщает об этих событиях под 6178 годом от сотворения мира по александрийской эре (1 сентября 685 – 31 августа 686 г.) (Theophanis Chronographia... – P. 363).

[59] См.: *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева, вступ. ст. З.В. Удальцовой. – М., 1950. – IV. 5. 13. 14; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. – Lipsiae, 1963. – P. 505

[60] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 39, 63. На этом основании Фанагорию нельзя считать «апанажем» – уделом каганата, выделенным хаганом Юстиниану II (ср.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 43).

[61] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 41.

[62] *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 197.

[63] *Чичуров И. С.* Указ. соч. – С. 39, 62–63.

[64] Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae Compendium historiarum / Ope ab Im. Bekkero. – Bonnae, 1838. – Vol.1. – P. 779. 7.

ствия хагана недвусмысленно показывают, что оба города — Боспор и Фанагория — не находились в односторонней хазарской власти. Хаган попытался лишь формально выполнить договоренность с царствовавшим на тот момент Тиверием Апсимаром, а фактически устроил побег своего зятя. Отсюда странная, необъяснимая пассивность хазарского отряда, присланного в Фанагорию «стеречь» Юстиниана и, возможно, действительно (а не на словах) оберегавшего его от вполне вероятного покушения с ромейской стороны; явно намеренная утечка сведений через слугу хагана; предоставленная «жертве» возможность самостоятельного «вызова на беседу» Папаца и Валгица; та легкость, с которой «обреченный» сам превратился в убийцу незадачливых архонтов, оказавшихся разменными пешками в большой политической игре; наличие всего необходимого для побега, вплоть до снаряженного неподалеку легкого, но быстроходного, универсального по характеру, «военно-торгового» судна — алиаса или алиады и даже «любезная» отправка Феодоры в Хазарию, надо полагать, к ее брату, не исключено, посвященному в дальнейшие планы экс-василевса[65]. В сложившейся ситуации для хагана главное было соблюсти видимость выполнения договора и, выпустив царственного родственника на волю, ждать дальнейшего развития событий, которые могли бы принести хазарской стороне новые политические дивиденты. Поэтому отнюдь не только «вследствие удивительной энергии» Юстиниану, якобы разочаровавшему жадного до денег хагана-предателя в своей политической жизнеспособности, удалось уйти «от агентов варварского князя, подкупленного греческим золотом», как полагают многие историки[66]. Но что действительно остается неясным, так это причина, заставившая Тиверия Апсимара лишь на седьмом году своего правления вспомнить о существовании Юстиниана Ринотмета и потребовать его голову. Кто и почему напомнил достаточно удачно правившему василевсу о, казалось бы, тихом житье экс-императора в отдаленном городе? Возможно, ответ на этот вопрос и раскрыл бы загадку закрученной на кондоминатном соглашении политической интриги, в итоге обернувшейся гибелью для самого Тиверия III.

Никифор также называет Папаца, жившего при Юстиниане в Фанагории, «архонтом из единоплеменников» (to archonti ton omoethnon) хагана хазар, но опускает это важное уточнение, сообщая об «архонте Боспора» (to archonti to tou Bosporou tou Skythikou)[67]. Рассказывая далее о том, как Юстиниан задушил веревочной петлей обоих архонтов, Никифор вновь подчеркнуто называет первого «местным хазарином» (ton oikeion ekeinon toy Chazaron), а второго — архонтом Боспора (ton Bosporou archonta), подразумевая тем самым, что он не был подданным хагана. Получается, что хаган обращался одновременно к представителям как хазарской, так

[65] См.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 62–63, 163.

[66] Ср.: *Гельцер Г.* Очерк политической истории Византии // Очерки истории Византии / Под ред. В.К. Бенешевича. – СПб., 1912. – Вып. 1. – С. 59; История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 45; *Ангелов Д.* История на Византия (395–867). – София, 1973. – Ч. 1. – С. 268; *Дашков С.Б.* Императоры Византии. – М., 1997. – С. 119; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 46–47; *Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских странах // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т.1. – С. 88.

[67] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 155, 163.

и византийской власти, выполняя обещание, данное василевсу ромеев. Просьба Тиверия Апсимара могла быть воплощена в действие только после подтверждения хагана, равно и наоборот, хаган не мог действовать в кондоминатной зоне без одобрения василевса ромеев. «Убедить» представителей местных властей в одностороннем порядке не представлялось возможным именно в силу наличия статуса двойного подчинения.

Наряду с В.Е. Науменко, представление о существовании совместного византийского и хазарского управления в особой контактной византино-хазарской зоне разделяет также А.В. Сазанов, однако он тоже относит его только к территории Боспора[68]. Как бы то ни было, именно следствием особого положения Боспора объяснимо использование авторами византийских источников по отношению к его правителю двойного титула: греческого — архонт и тюркского — «валгица», этимология и содержание которых, вероятно, были схожи и означали «начальник, правитель, вождь»[69]. Но сомнительно говорить о совпадении слов «валгиц» и «бул-ш-ци», основываясь на позднем хазарском источнике о начальнике с титулом (должностью?) «бул-ш-ци» из Самкерца (Таматархи) X в., применительно к началу VIII в.[70]

Таким образом, предположение, что Папац был наместником хагана, а «хазарин» Валгиц вел сбор податей, то есть оба они подчинялись только хагану, выглядит шатким[71]. Гораздо вероятнее, что на тот момент оба представителя хазарской и местной, а значит, формально византийской власти, хазарин и грек, действительно осуществляли свои полномочия из Фанагории, и поэтому Юстиниану не надо было отправлять посыльного в 60-километровый путь за архонтом «подвластного каганату» Боспора и дожидаться его приезда после того, как он устранил Папаца. Если исходить из данных «Армянской географии» Анания Ширакаци, Феофана и Никифора, западные рубежи Хазарского каганата достигали в это время Танаиса (Дона) и Керченского пролива[72], но территория как европейского, так и азиатского Боспора при этом входила в зону совместного кон-

[68] *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. – С. 354; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 40.

[69] Подр. см.: *Науменко В.Е.* Указ. соч. – С. 347–348, 350.

[70] *Golden P.B.* Khazar Studies... – P. 165–169; *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. – Ithaca; London, 1982. – P. 116–117.

[71] *Сазанов С. А.* Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII в. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 222.

[72] *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. – 1883. – Март. – С. 27–31; *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 36–37, 60–61, 154, 162. Недавно А. Г. Чередниченко было высказано смелое, но не увязываемое со всеми данными источников предположение, что Танаис у Феофана соответствует Северскому Донцу, Куфис – Кубани, а Ател / Атель / Итиль – Дону, и тогда столицей Хазарии по всем параметрам (этногеографическим, хозяйственным, экологическим) можно считать комплекс из белокаменной и кирпичной Цимлянских крепостей (Право- и Левобережного городища) (*Чередниченко А.Г.* К проблеме интерпретации сообщений Феофана Исповедника и патриарха Никифора о хазарах и протоболгарах: гуннские этногенеалогические предания в трудах иерархов Православной Церкви // Иосафовские чтения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Иосафовские чтения», посвященной 300-летию со дня рождения Святителя Иосифа и 10-летию возрождения Белгородско-Старооскольской епархии. – Белгород, 2006. – С. 464–471; *Чередниченко А.Г.* К проблеме локализации Итиля // Иресиона. Античный мир и его наследие. – Белгород, 2006. – Вып. 3. – С. 116–120).

троля и эксплуатации двух держав[73]. Примечательно, что здесь, в демилитаризованной зоне, отсутствовали военные силы как византийцев, так и хазар, и поэтому Тиверий Апсимар не мог произвести в Фанагории арест Юстиниана II, а когда хагану потребовались люди для того, чтобы стеречь в городе экс-императора, он выслал отряд[74].

Оригинальное предположение Ю.М. Могаричева, разделяемое А.В. Сазановым, о том, что Папац вообще не имел отношения к управлению Фанагорией, лишь жил при Юстиниане, будучи доверенным лицом хагана, а Валгиц был чиновником или наместником, который от имени хагана контролировал Керченский пролив и собирал подати с Боспора, находясь в Фанагории, тоже входит в противоречие с источниками[75]. Этот «ключ» не подходит к объяснению событий, описанных византийскими хронистами, по двум веским причинам. Признать, что архонт Боспора Скифского не имел прямого отношения к городу Боспору, мешают указания Феофана и Никифора о том, что термин «босфориане» (Bosphorianon), «Босфор» (Bosphoro) вполне определенно понимались как имеющие отношение именно к крымскому Боспору[76], и, значит, Босфор Валгица — это все же центр, находящийся на землях Боспора Киммерийского, на европейской стороне Керченского пролива, а не собственно Керченский пролив — по словам Феофана, текущее подобно реке море, — со ставкой хазарского «чиновника проливов» в Фанагории[77]. Наличие в последней людей хагана, его архонта из хазар, при явном невхождении Фанагории в Хазарию, с чем согласен и сам Ю.М. Могаричев, невозможно объяснить иначе, как наличием статуса двойного подчинения, когда, действительно, ни Боспор, ни Фанагорию нельзя было однозначно назвать ни хазарскими, ни византийскими владениями. С чем можно согласиться, так это с тем, что хазары ограничивались в Таврике (и, добавим, на Таманском полуострове) «материальными интересами», хотя я бы поостерегся определять последние как «дань», поскольку о таковой источники молчат[78]. Территориальные и политические претензии они не могли здесь предъявлять именно по причине двойного подчинения здешних земель и наличия пока еще сравнительно небольшого пришлого из Хазарии тюрко-протоболгарского населения.

В свете гипотезы о кондоминатном статусе владения становится вполне объяснимым, почему Юстиниан II во время своего бегства в 704 г. на пути к устью Дуная решился сделать единственную остановку на крымском

[73] *Сорочан С. Б.* К вопросу о юго-западных пространственных пределах Хазарского каганата в VII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2006. – С. 174–178. В этой связи ср.: Археологія України: Курс лекцій / За ред. Л.Л. Залізняка. – К., 2005. – С. 424 («Близько середини VII ст. частина. Східного Криму, в тому числі й Боспор, підпадає під владу Хазарського каганату»).

[74] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 39, 62, 155, 163.

[75] См.: *Могаричев Ю.М.* К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. – С. 245–250; *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В.* К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII – начале VIII в. – С. 357–358.

[76] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 40, 63, 156, 164.

[77] Ср.: *Амелькин А.О.* Керченский пролив в древности и средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье: XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2006. – С. 5.

[78] Ср.: *Могаричев Ю.М.* К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. – С. 249; *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В.* К вопросу о хазарах на Боспоре... – С. 359; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 237.

побережье, да и то тайную[79]. Тем более понятно сбивающее с толку, смущающее исследователей одновременное присутствие в Херсоне во время событий 710–711 гг. и местного протополита со знатными мужами города, протевонами, и царского дорифора, спафария Ильи (Илии), архонта Херсона, и тудуна, которого тоже называли архонтом Херсона, но который, как и архонт в Фанагории, «был там от лица хагана» (ton archonta Chersonos os ek prosopou tou Chaganou onta)[80].

Очевидно, без обоюдного согласия сторон, предусматриваемого статусом кондоминиума, самостоятельная акция Тиверия Апсимара в отношении Юстиниана в 704 г. была бы совершенно невозможна. Местные ромейские власти ему действительно было бы нетрудно «уговорить» — для них экс-император являлся лицом вне закона, беглым ссыльным, а вот для того, чтобы воздействовать на хазарские власти, следовало обращаться к хагану и просить его отдать соответствующий приказ своим людям. Ситуация совместного владения обязывала обе стороны действовать именно так или, по крайней мере, создавать политическую видимость таких обоюдно согласных действий. Позднее в похожем положении по отношению к новому претенденту на трон, армянину Вардану, оказался сам Юстиниан II, который пытался мирно уладить дела с хазарами в Таврике, очевидно, весной — летом 711 г., несмотря на сводившую его с ума жажду мести своим тамошним врагам-ромеям, покушавшимся на его жизнь. Узнав о решении архонтов и жителей местных кастра, полисм — подчиненных и федератов Империи, не ограничиться присутствием хазарского наблюдателя-посредника, а через послов «просить людей (войско — laon) для своей охраны» у хагана Хазарии[81], он был вынужден прибегнуть к переговорам.

Несколько быстроходных парусно-весельных судов — дромонов с логофетом геникона, патрикием Георгием Сирийцем, эпархом столицы Иоанном и турмархом западномалоазийского Фракисия Христофором[82] в сопровождении 300 воинов-фракисийцев[83] должны были вернуть в Херсон

[79] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 39, 63, 155, 163–164.

[80] Там же. – С. 40, 64, 156, 164.

[81] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 156, 165. Дан Шапира заблуждается, когда пишет, что к этому времени против императора выступили хазары и мятежный флот, отчего ситуация стала угрожающей (*Dan Shapira.* Bulgar–Khazar Rivalry... – P. 217). Царского флота в Херсоне не было, ибо после первой карательной экспедиции его вывели отсюда. Юстиниана II могли тревожить лишь интриги архонта Ильи и Вардана, подстрекавших остальных протевонов и «старшин» кастра просить военной защиты хагана, что было чревато мятежом, развалом статуса кондоминиума и потерей Таврики. Поэтому он посчитал достаточным пока не отправлять в город значительные силы и ограничиться своеобразной рокировкой политических фигур – вернуть в прежних правах тудуна и Зоила взамен потенциальных мятежных главарей, с которыми можно было бы «разобраться» в Константинополе. Следовательно, посылая высоких царских чиновников со сравнительно небольшим военным эскортом, вполне достаточным на демилитаризованной территории, василевс не допускал возможности того, что уже раз проученные херсониты решатся на поддержку тех опальных лиц, на кого пал его гнев.

[82] Обращает на себя внимание, что Фракисий как военно-административная единица включал Смирну, Пергам, Эфес, Сарды (*Lilie R.-J.* «Thrakien» und «Thrakesion». Zur byzantinischen Provinzgranisation am Ende des 7. Jahrhunderts // JÖB. – 1977. – Bd. 26. – S. 22–25), то есть как раз те районы западного побережья Малой Азии, экономические контакты с которыми прямо или чаще косвенно прослеживаются в археологических материалах Херсонеса-Херсона. Едва ли выбор Юстиниана II был случаен.

[83] Сравнение текстов Феофана и Никифора, пользовавшихся общим источником, но сохранивших разные детали, позволяет предположить, что фракисийцы были тяжеловооруженными воинами-

ранее вывезенных хазарского представителя (тудуна) и «первого гражданина города» Зоила, восстановив, следовательно, властный кондоминатный status quo[84]. В обмен на это посланники василевса надеялись, очевидно, через посредничество главы херсонского управления Зоила и тудуна получить, заручившись согласием хагана, мятежника — «изгнанника» Вардана, находившегося в то время «с флотом (свитой?) в Херсоне» (to stolo eis Chersona on), а также отозвать в столицу другого бунтовщика — недавно назначенного архонтом Херсона Илью, как уже сказано, носившего титул царского меченосца-спафария[85]. Причем тудун и протополит, что очень важно подчеркнуть, оба восстановленные василевсом в их прежнем положении в городе, «через послов» — апокрисиариев, то есть отнюдь не лично, «должны были оправдаться перед хаганом»[86]. Это обстоятельство явно указывает на то, что город не находился в одностороннем подчинении хагана ни до первой ромейской экспедиции, ни после нее. Византийские власти вынуждены были сотрудничать с хазарскими, и наоборот.

Турмарх был лицом, следующим непосредственно за стратигом, он получал от него приказы и передавал их[87]. Он мог быть во Фракисии не один. Эта военно-административная область на побережье Эгейского моря одна из первых пополнила число фем, ставшее расти с правления Юстиниана II. Во всяком случае, в трактате «О церемониях» Константин Багрянородный указывал на трех турмархов этой стратигиды[88]. Они и позже, в IX–X вв., назначались василевсом, и их наличие было явным признаком фемного строя[89]. Юстиниан II действительно активно стремился к укреплению

гоплитами. Когда в «Хронографии» упоминается о сборе Юстинианом войск для отражения приближающегося флота с Варданом-Филиппиком, речь вновь идет о «части фракисийцев» (kai meros Thrakesion). Автор «Бревиария» перечисляет тот же состав ромейских сил, только вместо фракисийцев пишет о «другом тяжеловооруженном войске» (kai stratou opliten eteron) (ср.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 65, 157, 165).

[84] Совершенно правильно понял это место источника П.И. Кеппен, отметивший, что посланные прибыли из столицы в Херсон «для того, чтобы там восстановить прежний порядок и извинить его (Юстиниана II) перед каганом» (*Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 89).

[85] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 64, 156, 164; ср.: *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: Краткие исторические очерки. – К., 1906. – С. 65 (автор необоснованно полагал, что тудун был отправлен обратно из Константинополя в Херсон, «к хазарам» (sic!), причем Юстиниан II якобы, поручил просить тудуна, чтобы тот «заставил херсонесцев выдать Илию и Вардана»: типичный и, к сожалению, не единственный пример путаницы, допущенной при интерпретации источника). Из текстов Никифора и Феофана можно заключить, что ссыльный армянин Вардан был «призван» (ta anakletheis) в Константинополь по распоряжению Юстиниана II с Кефалонии (Кефалинии) – одного из группы Ионийских островов, находящегося против входа в Патрский залив. Остров этот, ставший первоначально местом ссылки Вардана, имел свою епископскую кафедру, города, из которых главным по численности являлся Аргостион, а вторым – Ликгури (Полный православный богословский энциклопедический словарь. – М., 1992. – Т. 2. – Стб. 1265). Скорее всего, Вардан был доставлен из Константинополя первым карательным флотом, посланным Юстинианом в Херсон, и «оставлен там изгнанником» (exoriston ekeise katalipein). Феофан пишет, что столичные высокопоставленные посланники должны были привести василевсу спафария Илью и Вардана, но Никифор упоминает о таком приказе только в отношении Ильи.

[86] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 64.

[87] См.: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро // Екатеринбург, 2001. – С. 142.

[88] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iasc. Reiskii. – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 666. 16–20.

[89] Leonis imperatoris Tactica sive de re militari liber (Ta en polemois taktika) // PG. – 1863. – T. 107. – Col. 708 D.

фемного строя, замене муниципальных властей присылаемыми из центра стратигами[90]. Однако сведения о намерении василевса восстановить прежний статус города не позволяют видеть в посылке высочайшей имперской делегации попытку провести в Таврике фемные преобразования, то есть уже тогда перейти к новой системе военно-административного устройства и тем самым разорвать отношения кондоминиума.

Видимо, Феофан, следовавший за неизвестным своим источником, имел в виду, что официальные представители и хазарской, и византийской стороны должны были оправдаться в причинах, повлекших нарушение как раз такого соглашения. Больше оправдываться им было не в чем. Византийская сторона разобралась с ними, теперь дело было за хаганом. В этом особенно наглядно просматривается двойственность положения представителей обоих государств по эксплуатации кондоминиума, что, в свою очередь, рождает предположение об их утверждении совместно хаганом и василевсом[91].

Обоим «начальствующим», хазарскому тудуну и херсониту Зоилу, предстояло через своих посланников замять инцидент, связанный с вооруженным нападением на кондоминатное владение, пленением их самих во время первой карательной экспедиции патрикиев Мавра Весса и Стефана Асмикта («Свирепого»), отправкой в Константинополь по приказу Юстиниана, и обелить намерения василевса, к тому времени наделавшего немало ошибок и окончательно запутавшегося в политических хитросплетениях. Но несговорчивость, нежелание держать отчет, более того, неожиданная воинственность херсонитов, очевидно подстрекаемых их новым архонтом Ильей, расстроила планы императора[92]. Во время завязавшихся в городе переговоров логофет геникона и эпарх были зарублены, после чего злополучный турмарх Христофор с тудуном, протополитом и 300 стратиотами сами были отосланы к хагану[93], теперь, видимо, уже не для того, чтобы «оправдываться», а для обсуждения нового варианта неожиданно сложившегося положения. Во всяком случае, текст источника позволяет думать, что эти действия были инспирированы местными византийскими властями, тем же архонтом Херсона Ильей, а не хазарами, которые, вопреки ошибочному утверждению В. Тредголда, не принимали участия в убийстве посланников василевса в городе[94].

[90] См.: *Сюзюмов М.Я.* Византийский город: середина VII – середина IX в. // *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002. – С. 128; *Head C.* Justinian II of Byzantium. – Madison, 1972.

[91] Именно так обстояло дело с татарским тудуном в Каффе, где его избирали татарский хан совместно с генуэзским консулом (ср.: *Колли Л.П.* Исторические документы о падении Каффы // ИТУАК. – 1911. – №45. – С. 4).

[92] Примечательно, что Анастасий-библиотекарь при переводе в 870 г. «Хронографии» на латинский язык так и передал значение греческого слова pereloge как «отдавать отчет» (rationem reddere): Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1885. – Vol. 2. – P. 242. 18; ср. *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 64.

[93] По мнению А.Г. Герцена, хазарский отряд отправился в ставку хагана, «вероятно, находившуюся в это время где-то на Боспоре» (*Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 62). Однако в начале VIII в. она располагалась за пределами Крыма, в степях Поднепровья (*Айбабин А.И.* Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары: Второй международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 9).

[94] Ср.: *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 342. Ключ

Даже сам состав уничтоженной имперской делегации наводит на размышление о том, что ею должны были решаться не только политические, но и какие-то особенно болезненные для херсонитов экономические вопросы, в том числе и финансовые, налоговые. Опять-таки надо подчеркнуть, что их конечным адресатом являлся василевс, и, значит, государственная принадлежность Херсона была двойственной: Константинополь хотел получить свое наряду с хазарами[95]. Следует учитывать, что эпарх принимал участие в судебных расследованиях, рассматривал повторные жалобы и апелляции тяжущихся[96]. Другое лицо — логофета геникона — Никифор называет «счетчиком государственных податей» или просто «государственным счетчиком» (ton demosion phoron logisten, ton demosion logisten)[97]. Действительно, уже во времена Римской империи логофеты, известные как рационалы и прокураторы, вели городские процессы от имени фиска[98]. Они издавна контролировали доходы с императорских владений, обладали важными функциями общегосударственного финансового контроля и порой столь усердно действовали в провинции, что рождали антиромейские настроения[99]. Эта четко организованная, узкоспециализированная структура, подчиненная непосредственно императору, уже к концу VII в. стала самым многочисленным по количеству должностей ведомством в группе имперских секретов. Определенные функции казначея префекта претория теперь перешли к логофету. Он стал главой налогового управления, свя-

к объяснению, казалось бы, нежданной, прежде неведомой решительности херсонитов можно видеть в сравнительно близком присутствии немалых военных сил хазар, которые, будучи приглашенными через послов архонтами Юго-Западной Таврики (ton choron touton archontes), не вмешиваясь, следили за происходившим в Херсоне. Ведь расправившись с имперской делегацией, мятежники тотчас выдали «подступившим» – дословно «сидевшим при [городе]» (tois ekeise prosedreuousi) – хазарам их тудуна, а также Зоила и турмарха с его тремя сотнями хорошо вооруженных воинов, которые не оказали бы сопротивления только ввиду явного превосходства противника (см.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 64, 156, 165). Избавляясь от тудуна и отправляя протополита, ставленника Юстиниана II, в неожиданное, рискованное путешествие, честолюбивый Илья вполне мог строить свои собственные корыстные политические планы. Во всяком случае, внезапная смерть тудуна вскоре после отъезда наводит на размышления, и если искать на нее ответ с тривиальной уголовной позиции «кому это выгодно», взор остановится на авантюристе-спафарии, для которого изменение настороженной позиции хазар и примирение херсонитов с Юстинианом II автоматически означало смертный приговор. В этой игре, где с точки зрения царедворца ставкой была больше чем жизнь, в том числе жизнь собственных детей, – возможный взлет к подножию трона, если не сам трон, – в ход шли любые изворотливость и средства, включая веревочные петли и яд. По мнению А.И. Айбабина, Юстиниан II решил вернуть в Херсон тудуна и протополита Зоила, а архонта Илью отозвать в Константинополь «для улучшения отношений с каганом». Однако ниже он отмечает, что «херсонцы не позволили возглавлявшему при хазарах местное самоуправление Зоилу вернуться в город» (*Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 196). Выходит, херсониты действовали как враги самим себе, ибо противодействовали улучшению отношений с хазарами, что совершенно невероятно в той ситуации.

[95] Ср.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 39.

[96] Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. – Bonnae, 1831. – P. 494; Продолжатель Феофана / Изд. Я.Н. Любарский. – М., 1992. – С. 194 (X, 1)

[97] Никифора патриарха Константинопольского Краткая история времени после царствования Маврикия / Пер. Е.Э. Липшиц // ВВ. – 1950. – Т. 3. – С. 365, 371.

[98] Theodosiani libri XVI constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer. – Berolini, 1905. – Vol. 1. – X. 18.1.

[99] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. – М., 1950. – III. 21.14; *Прокопий Кесарийский.* Тайная история // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 377 (XVIII. 15); Brehier L. Le monde byzantin. – Paris, 1949. – Vol. 2: Les instititions del'Empire byzantin. – P. 255; *Haldon J.* Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 79.

занного с раскладкой, сбором и подсчетом земельного и прочих налогов, податей, доходов, государственных платежей на территории Византии, а чиновники его ведомства (главный хартуларий, хартуларий арклона, «внешние хартуларии геникона» – exo chartoularioi tou genikou, эпопты, комиты вод, икистики, коммеркиарии, кураторий, комит ламии, диикиты, коментианы) занимались составлением документов, их регистрацией, записью в различные кадастры, реестры, имперские кодексы, контролировали кассы или бюро в провинциях, принимали их расчеты, следили за налогами по водоснабжению, доставляли средства от налогообложения из провинции в центральное казначейство, занимались обложением императорских владений, обложением рынков, регулированием закупок и перераспределением монопольных товаров, таких как шелк. Наличие подобных проблем с Херсоном, прочими крымскими архонтиями и хазарскими властями, возможно, тоже имевшими определенные права на доходы Таврики, тем более вероятно, что именно во второй период правления Юстиниана Ринотмета была проведена генеральная реформа имперской финансовой системы, сыгравшая, по мнению профессора Констанса Хэда, стабилизирующую роль[100].

Внезапная смерть тудуна в дороге, уже после отправки из города, и принесение язычниками-хазарами ромейского отряда, турмарха Христофора и Зоила в качестве жертвенной тризны умершему знатному соотечественнику сорвали и этот замысел организовать переговоры[101]. К слову, случившееся опровергает сугубо филологические, ошибочные построения Х.-Ф. Байера, пытавшегося доказать, что «имя Зоила все же хазарского происхождения» и его носитель был связан с некой «хазарской знатью Крыма»[102]. Ясно, что совершать ритуальное убийство своего единоплеменника, тем более знатного, хазары не стали бы.

Как пишет Феофан, для херсонитов и жителей остальных кастра, областей-климата (фем или архонств, по Никифору) теперь осталась лишь одна возможность – свергнуть ненавистного, злопамятного Юстиниана Безносого и провозгласить новым василевсом Вардана-Филиппика (рис. 102)[103]. Император лишился возможности мирного разрешения конфликта

[100] *Head C.* Justinian II of Byzantium. – Madison, 1972 (см. там же библиографию вопроса).

[101] А.Л. Бертье-Делагард полагал, что протополит Зоил был убит в Херсоне во время мятежа против Юстиниана II, ибо был ставленником этого императора, но на самом деле Феофан оставляет судьбу Зоила в неясности, не упоминая его среди принесенных в жертву хазарами, тогда как Никифор более определенно пишет об убийстве стратиотов, Тондуна и Зоила (ous paralabontes oi Chazaroi kata ten odon ekteinon – «взяв, хазары убили их по дороге») (ср.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 156, 165; Бертье-Делагард А.Л. Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т. 16. – С. 81). Совершение хазарами языческих ритуальных человеческих жертвоприношений вместе с почитанием небесных и хтонических божеств оставалось характерным и для последующего времени, вплоть до X в., что уживалось с исповеданием иудаизма, мусульманства и христианства (*Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 144 сл.; *Флеров В.С.* Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. – Волгоград, 1993; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 30).

[102] См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 336–337 (к с. 46).

[103] *Чичуров И. С.* Указ. соч. – С. 64, 165. Название «архонства, архонтии» абсолютно эквивалентно термину «климата», вошедшему в употребление применительно к областям Таврики, Готфии, Херсона и Боспора с начала IX в. Это легко обнаружить при сличении текста сочинений Феофана (810–815 гг.) и Никифора (770-е гг.) о заговоре против Юстиниана II «херсонитов, босфориан и остальных климатов» (ton loipon klimaton) и последующем приказе императора покарать всех «в Херсоне, Босфоре и

Рис. 102. Филиппик-Вардан. Гексаграм, серебро. 711–713

в рамках условий кондоминиума и осенью 711 г. ответил на действия мятежников посылкой «второго флота» с уже испытанным ранее патрикием Мавром Вессом, который с помощью осадных машин должен был разрушить стены Херсона и окончательно перебить его жителей[104]. В этой ситуации вторая сторона теперь не могла не вмешаться в происходящее на кондоминатной территории: «Но тут появились хазары, и наступило перемирие (Chazaron de katalabontos, egeneto anoche tou polemou)», — многозначительно роняет автор «Хронографии»[105].

Само собой разумеется, у хагана не было оснований поддерживать Юстиниана II, так

других архонствах» (ton allon archonton) (*Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 40, 63, 156, 164).

[104] По поводу места, где Мавр Весс приказал штурмовать город, используя «таран (krion – "баран"), манганики и всякие елеполы» (осадные, преимущественно метательные боевые машины и сборные деревянные штурмовые башни на катках, на верхних этажах которых стояли камнеметы, а внизу находился таран; ср.: *Lemerle P.* Les plus anciens re-cueils des Miracles de Saint Demetrius et la penetration des Slaves dans les Balkans. T.1: Le texte. – Paris, 1979. – P. 255), у исследователей сложилось два мнения. Скупые и невнятные свидетельства-ориентиры Феофана выводят на две башни – Сиагр (Syagros – «Кабан», «Вепрь») и Кентинарисий (Kentenaresios – «Сотникова»), которые пытались разбить осаждавшие (*Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 65). Их локализуют на северо-восточной оконечности портового участка обороны города и связывают с приморскими башнями XXII и XXIII (*Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Сб. 7. – С. 116; *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. – Свердловск, 1987. – С. 62–63) либо помещают около юго-восточной приморской куртины и башен, в цитадели, на участке между необычной по форме, «тупорылой» башней XVII 1 (Сиагр?), устроенной в VI в. на приморской оконечности куртины 20, и башней Зенона (XVII) или открытой в 1998 г. новой башней XLI, пристроенной по центру к внутренней стороне 21 приморской куртины (*Бертье-Делагард А.А.* О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып. 21. – С. 163–166; *Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 524–526). Примечательно, что после удлинения куртины 20 в восточную сторону в IX–X вв. башню XVII 1 заменили новой прямоугольной фланговой башней, но сохранили ее необычную форму, лишь поменяв ориентацию выступающей полукруглой части с юга на восток (см.: *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: Проблемы датировки // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 128, рис. 1). Отождествлять Сиагр и Кентинарисий с так называемыми морскими воротами Херсона, защищаемыми башнями XXVI и XXVII на свайных конструкциях, невозможно, поскольку они были оборудованы не ранее XI в., когда оборонительные стены в портовом районе в соответствии с очертаниями берега были перенесены ближе к Карантинной бухте (ср.: *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 41, 52; *Антонова И.А.* Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. – Свердловск, 1971. – Вып. 7. – С. 107; *Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным изучения оборонительных стен) // Византия и сопредельный мир (АДСВ. – Вып. 25). – Свердловск, 1990. – С. 22; *Антонова И.А.* Юго-восточный участок... – С. 117). Скорее всего, византийские войска предприняли штурм именно на участке 20 или 21 куртины, несмотря на то что это была самая сильная часть херсонских укреплений. Разумеется, среди приморских башен и стен, прикрывавших портовый район, были такие, взломав которые, нападавшие сразу бы прорвались в восточные жилые кварталы. Однако надо принять во внимание, что именно в «цитадели» были собраны главные военные силы оборонявшихся, главы городской администрации, инициаторы мятежа против Юстиниана II, которых обязательно надо было покарать. Поэтому захват городских кварталов не решал основную задачу: до тех пор, пока держался гарнизон «цитадели», Херсон не мог считаться покоренным. С другой стороны, падение «цитадели» лишало бы херсонитов главной и, по сути, последней надежды, поскольку делало дальнейшую борьбу бесперспективной.

[105] *Чичуров И. С.* Указ. соч. – С. 41, 65. И. С. Чичуров переводит katalabonton как «пришли», хотя спектр значений этого слова может быть более широким: «случились, появились, напали».

как он изменил свою политическую ориентацию на союз с болгарами и, самое главное, уже второй раз нарушил статус крымского кондоминиума вооруженным вторжением в здешние города и крепости. Этими действиями он развязал руки хазарской стороне и освободил ее от условий соблюдения ранее достигнутого соглашения. Впрочем, даже в самый апогей политического кризиса действия хагана оставались весьма сдержанными. Посланные им воины не пошли дальше демонстрации силы. Непонятно, откуда взялось представление о том, что хазарский, несомненно конный, отряд участвовал в защите городских стен[106]. Херсон действительно имел мало сил для обороны, но это вполне объяснимо его демилитаризацией — естественным условием кондомината, когда главными должны были стать не военные, а дипломатические усилия[107]. Хронист лишь имел в виду, что подход к городу военных сил хагана, очевидно, заставил патрикия Мавра отказаться от продолжения осады и, как и предполагалось, вступить в «трехсторонние» переговоры.

К какому времени относятся все указанные выше события? Феофан поместил их под 6203 г. от сотворения мира по александрийской эре, то есть 711/712 г. Из его рассказа следует, что в октябре «первый» флот ромеев-карателей уже отплыл обратно из Таврики. Возможно, первая экспедиция действительно была непродолжительной и пришлась на начало осени 711 г., как полагает И.С. Чичуров[108]. Но если принять эту точку зрения комментатора Феофана, тогда все последующие события, включавшие мятеж в Херсоне, прибытие в город для переговоров новой имперской делегации, подход и уход военных сил хазар, провозглашение василевсом Вардана-Филиппика, посылка Юстинианом «второго» карательного флота, осада города, очередные переговоры с ханом, вплоть до свержения Юстиниана, убитого в его лагере под Халкидоном 7 декабря 711 г., свершились в рекордно короткое время, в течение двух месяцев (октябрь — ноябрь). Между тем они могли быть и более длительными, в том случае если считать их начавшимися не осенью 711 г., а в 710 г., точнее, летом или в августе — сентябре этого года[109]. Именно тогда в Херсон, Боспор и осталь-

[106] Ср.: *Романчук А. И.* Ранневизантийский Херсон // Византия и средневековый Крым. – Барнаул, 1992. – С. 209. Никифор сообщает о внезапном нападении войска хазар на осаждавших город (Iaou de Chazaron exapinaios epipesontos), но оно явно было совершено извне, со стороны. По сути дела это было не вооруженное нападение, а то самое появление хазар (Chazaron de katalabonton), о котором писал Феофан как о впечатляющей демонстрации силы, заставившей Мавра Весса и херсонитов пойти на заключение перемирия (ср.: *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 65, 157, 165).

[107] Ж.-К. Шене совершенно прав в этом выводе, хотя и ошибается в отношении 300 стратиотов, якобы оборонявших город во время последней осады Мавра Весса (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт ... – С. 314–315). На самом деле город не располагал и этим: упомянутые стратиоты к тому времени уже погибли от рук хазар, принесенные в жертву после смерти тудуна. Тем же кондоминатным статусом, не позволявшим рассчитывать на собственные вооруженные силы, объяснима странная на первый взгляд пассивность херсонитов и окрестных жителей во время прибытия первой карательной экспедиции во главе с патрикиями Мавром и Стефаном: по Феофану, «ромеи...захватили кастра, так как никто им не воспротивился» (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения...– С. 40, 64).

[108] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 128, комм. 322.

[109] Ср.: Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 44. 14; *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып. 21. – С. 163; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – М., 1908. – С. 33; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М., Л., 1964. – С. 29; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 31; *Treadgold W.* A History of the Byzantine state and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 342; *Байер Х.-Ф.* История крым-

ные кастра крымских архонтий вторглись войска во главе с патрикиями Стефаном-Асмиктом и Мавром-Вессом, а вместе с ними были доставлены архонт Херсона спафарий Илья и будущий узурпатор, изгнанник Вардан. Приезд мирной имперской делегации с небольшим числом дромонов, последовавший после гибели почти всего возвращавшегося флота во время октябрьской морской бури, мог состояться через несколько зимних месяцев весной, во второй половине марта – апреле 711 г., только когда открылся очередной навигационный сезон, а последующие разнообразные события (вторая карательная экспедиция во главе с патрикием Мавром Вессом, провозглашение Вардана императором Филиппиком) заняли лето и осень, так что флот с узурпатором на борту рискнул направиться из Херсона к столице Империи в конце ноября, в самый канун официального закрытия моря, дабы не дать Юстиниану II шанс вновь собраться с силами. Последний вариант развития событий представляется во всех отношениях более реалистичным, учитывая, что на одно лишь обычное плавание между Константинополем и Херсоном уходило около 10–15 дней плюс обратный путь, и в таком случае на происходившее в самом городе и его округе оставалось бы совсем мало времени.

Примечательно, что начало событий, связанных с восстанием равеннцев против Юстиниана II, если следовать порядку изложения в римской «Книге понтификов», тоже относится к 710 г. (весной – небольшая экспедиция в Равенну сицилийского стратига, патрикия Феодора, с целью ареста наиболее враждебных к императору представителей равеннской знати, которые вскоре были казнены в Константинополе за исключением равеннского архиепископа Феликса, сосланного на берега Понта; летом, то есть в период подготовки и посылки первого карательного флота в Таврику, – восстание в Равеннском экзархате; октябрь – приезд в Италию нового экзарха Иоанна Ризокопа и его гибель на подступах к Равенне)[110]. Послать в Италию войска против мятежников василевс не только не успел, но и не мог, так как после открытия навигационного сезона 711 г. его внимание было поглощено бурными событиями, разыгравшимися в Херсоне, стремлением покарать изменившего ему херсонского архонта, спафария Илью, отправкой оказавшейся безрезультатной экспедиции Мавра Весса, планами борьбы с узурпатором Варданом-Филиппиком. В этом видится еще один аргумент против гипотезы А. Гийу, относившего равеннское восстание к 711 г.[111] Херсонское же длилось гораздо дольше, и его события захватили время с лета 710 г. до конца ноября 711 г.

В любом случае совершенно прав в своем заключении относительно происходившего в Таврике издатель и вдумчивый комментатор Феофана И.С. Чичуров, отмечавший, что все описанные события, как бы они ни датировались, указывают не на конфликт Херсона с Империей, а на враждебность херсонитов к одному из ее императоров[112]. Можно добавить, что

ских готов... – С. 44.

[110] См.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – М., 2001. – С. 161–165.

[111] *Guillou A.* Regionalisme et independance dans l'Empire Byzantine au VIIe siecle. L'exemple et de la Pentapole d'Italie. – Roma, 1972. – P. 215–218.

[112] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 130, комм. 344.

«инсургенты» не ставили цель отстоять «самоуправление», «внутреннюю автономию», которой они не имели, и тем более расшатать существующую систему, «отложиться» от Империи[113]. Это не было антивизантийское народное выступление, и его руководители были не только из числа местных. Подобные примеры обнаруживаются в истории и других ромейских городов, и мы еще к ним обратимся. Наконец, это не была война между Хазарией и Византией.

Между прочим, примечательно, что и Вардан не сильно доверял херсонитам, которые, очевидно, могли выдать его представителям «законного» императора так же, как в свое время они собирались это сделать в отношении самого Юстиниана II. Не потому ли, когда обстановка вокруг Херсона накалилась и легко могла выйти из-под контроля местных имперских властей, претендент на престол, при всей бесшабашности его лихого характера, решил на всякий случай укрыться во владениях хагана. Только когда херсониты прислали послов с просьбой вернуть им Вардана, уже провозглашенного василевсом армией, местными ромейскими властями и горожанами, хаган пошел на это, связав ромеев клятвами в безопасности Вардана. А поскольку весомее клятвы всегда было золото, он потребовал солидный залог в размере номисмы «с каждого мужа»[114], то есть с горожанина и тех из ромейских воинов, что перешли на сторону узурпатора. Если исходить из численности мужского населения города вместе с воинами, перешедшими на сторону горожан, в 1500–2000 человек (каждый третий-четвертый), то и тогда даже самая минимальная сумма получается внушительной. Последнее, кроме прочего, свидетельствует о зажиточности херсонитов, которые, что называется, с ходу могли выложить не менее 10 килограммов золота, а может быть, и больше, невзирая на разорительные последствия предыдущих карательных экспедиций Юстиниана II. Примечательно, что хазары выступают в указанных выше событиях, по сути дела, как наемное войско — появляются по приглашению, через послов, херсонитов и обитателей прочих кастра, полсмата и после выполнения услуги требуют оплаты, замаскированной под залог[115]. Но при всем том претензии на политическое господство не приходят им в голову. Видимо, статус кондоминиума на крымских землях вполне устраивал хагана, не стремившегося портить отношения с могущественным союзником, особенно полезным в войне с арабами.

Поэтому события в Херсоне, Боспоре и крымских архонтиях никак нельзя рассматривать как попытку Юстиниана II «силой возвратить Дори», над которым хазары установили господство, то есть как войну каганата и Империи за Крым[116]. Ни Феофан, ни Никифор прямо не отождествляли

[113] Ср.: *Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1986. – С. 23; *Науменко В.Е.* К вопросу о хазарском тудуне... – С. 72. По этому поводу достаточно указать, что глава городской администрации Херсона – протополит, архонт, протевон – утверждался императором (*Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII– начале IX в. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 570), но повод к мятежу не был связан с данным обстоятельством, очевидно не столь волновавшим херсонитов.

[114] В ватиканском списке рукописи «Бревиария» указана еще большая цифра – по 100 золотых (ср.: *Чичуров И.С.* Указ соч. – С. 41, 157).

[115] *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. – С. 347.

[116] Ср.: *Плетнева С. А.* Хазары. – С. 23; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство. – С. 59.

Таврику с Хазарией: херсониты и представители властей других крымских городков-крепостей — кастра и полисмата посылали за помощью «к хагану в Хазарию» (pros ton Chaganon eis Chazarian), то есть за пределы своих владений, за пределы «готфской земли», где они, по всей видимости, не находили поддержки хазар[117]. Примечательно: хазары, призванные через послов на помощь городу, появились не сразу, что говорит в пользу отсутствия их постоянных воинских контингентов в здешних землях, какие они обычно имели в покоренных чужеземных областях[118]. При принятии предположения о кондоминатном статусе Таврики это становится особенно понятным.

Кроме того, нельзя переоценивать значимость факта посылки за хазарским войском, ведь тот же Юстиниан Ринотмет в 705 г. использовал болгарского хана Тервела в военно-политической борьбе за возвращение константинопольского престола[119], но из этого не следует, что на Византию распространялась власть Болгарского царства. Как до, так и после событий октября — ноября 711 г. отношения Византии и Хазарии носили преимущественно мирный и дружественный характер. Хазарам не могли возвратить Херсон в виде некоего «взноса» в поддержку Вардана-Филиппика, поскольку город не принадлежал им, в нем были и остались ромейские власти. Тем не менее, по справедливому мнению М.И. Артамонова, помощь, оказанная хазарами в возведении на престол нового императора, не осталась им забыта[120]. Хаганат и далее сохранял прочный, долговременный союз с Византией, а также заключил выгодный для обеих сторон договор о совместной борьбе против общего врага — арабов и о разделе сфер влияния в Закавказье.

Применительно собственно к Херсону византийско-хазарский кондоминиум оказался кратковременным: после 711 г. специального чиновника, представлявшего интересы хазар, в городе более не было. Однако в целом статус Крымского полуострова не изменился, поскольку не изменились отношения василевсов к каганату. Как в свое время верно, хотя и мимоходом, заметил А.Л. Якобсон, «политический союз Византии и хазарского кагана, подтвержденный в 732 г. браком сына императора Льва III с дочерью хазарского кагана (в крещении Ириной), исключал владычество хазар в Таврике»[121]. К сожалению, эта ключевая прогрессивная идея осталась не замечена исследователями. В значительной степени женитьба наследника престола Романии на хазарской принцессе явилась следствием

[117] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 41, 64; ср. С. 156, 165.

[118] Ср.: *Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 62.

[119] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1. – P. 374 (помощь была куплена ценой предоставления Тервелу высшего после императорского титула кесаря и уступки области Загоры). Привести булгар просил и другой низложенный император – Анастасий II (Артемий), пытавшийся в 718 г. использовать место своей ссылки – Фессалонику – как «штаб-квартиру» для организации мятежа против Льва III (Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 126).

[120] *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 199–200.

[121] См.: Theophanis Chronographia... – P. 409. 30–410. 3 (событие относится к 6224 г. александрийской эры, то есть 731 / 732 г. н.э.; хаган назван династом скифов – chaganou tou ton Skython dynastou, но подчеркнуто «нечестие» хазар); *Якобсон А.Л.* [Рец.] // ВВ. – 1977. – Т. 38. – С. 205 (Феодальная Таврика. – К., 1974. – 216 С.).

арабско-хазарских войн 728–733 гг., в результате которых хазары потерпели несколько поражений, и поэтому византийцы пошли на экстраординарное укрепление военного союза со своим «нечестивым», но главным партнером по борьбе с халифатом. Новое поражение хазар в 737 г. в результате похода арабов на Кавказ и в Прикаспий даже привело к принятию хаганом хазар мусульманства и к установлению на некоторое время зависимости каганата от арабов. Нельзя не согласиться, что при таком положении реальное значение хазар на территории Крымского полуострова по крайней мере до середины VIII в. было небольшим и они не могли одновременно удерживать в повиновении весь регион или даже только «Восточный Крым и степи западной части»[122]. В подобной ситуации Таврике гораздо проще было оставаться зоной двойного владения обоих государств.

Верно представляя схему двухэтапной организации византийской обороны в Юго-Западном Крыму в VI–VII вв., В.Л. Мыц полагает, что эта система перестала функционировать, когда византийцы вывели свои гарнизоны из крепостей в VIII в. в связи с «...укреплением власти хазар в Крыму и стабилизацией военно-политической обстановки в регионе»[123]. В.А. Сидоренко тоже согласен с тем, что после начала VIII в. система союзников, энспондов – федератов Империи оказалась здесь упразднена[124]. С этим, как и с объяснением главной причины происшедших изменений, можно согласиться лишь отчасти.

Нет сомнений, что кастра (kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon, castris gentium, упоминаемые в мартирии братьев Евпрепия и Феодора, относящемся к событиям середины VII в.[125]) продолжали существовать и позже, равно как и окружавшие их окрестные поселения, численность которых ко второй половине VIII в. даже возросла вместе с ростом народонаселения, существенными демографическими изменениями, подобными взрыву[126]. Говорить об их разрушении хазарами нет оснований[127]. Простатевонты этих поселений, городков, крепостей играли активную роль в политических событиях 710–711 гг., приведших к узурпации трона

[122] *Якобсон А.Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 136; *Плетнева С. А.* Хазары. – С. 23.

[123] *Мыц В.А.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 70.

[124] *Сидоренко В.А.* Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII в.): Автореф. ... дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1994.

[125] Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton syn auto (по cod. Vaticanus gr. 1671, X в.) // *Епифанович С. Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима исповедника. – К., 1917. – С. 14, sec.3; Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Hypnomesticon de Gestis S. Maximi, etc. Sholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853. – T.129. – Col. 684 D.

[126] См.: *Якобсон А.А.* Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 192–193; *Якобсон А.А.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 136; *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 244–245; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1991. – С. 148; *Сорочан С. Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 117–118; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 348.

[127] Ср.: *Филиппенко В.Ф.* Каламита-Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 21, 53.

Варданом-Филиппиком[128]. Другое дело, в зоне кондомината не было особой нужды в милитаризации жизни, поэтому свертывание военных контингентов, фортификационного строительства, ощущаемое в это время, имело причиной отнюдь не хазарское господство или военные погромы. Как убежища эти крепости теперь надолго оказались не нужны, что породило у исследователей превратное представление о «замирании жизни». Не с упадком и обезлюдеванием, а со сравнительно мирной обстановкой, порожденной отношениями «совладения», можно связать археологически засвидетельствованный факт разборки, скорее всего в VIII в., оборонительных стен на Тепе-Кермене[129]. То же произошло на Эски-Кермене на южном участке, около главных ворот городища, и на участке, защищавшем так называемый осадный источник, после чего городище продолжало существовать в режиме открытого поселения, как и Тепе-Кермен, потеряв прежнюю роль военного центра, опорной базы федератов[130]. Причем это обстоятельство не помешало обновлению или капитальной перестройке почти в то же самое время большой трехапсидной базилики городища и началу вырубки «пещерных» церквей[131]. Только вполне благополучный «кастрон», административно-церковный и торговый центр округи, не знавший врагов и погромов, мог решиться на такие шаги.

Этим же объясняется отсутствие укреплений у некоторых местных полисмата, явно игравших роль районных административно-территориальных центров архонтий, позже — климата во главе с собственными простатевонтами или игемонами. В этом плане особый интерес представляют раскопки средневекового поселения Приморское, которое занимало около 20 га в юго-западной и центральной части Ласпинской котловины (рис. 103)[132]. Расположенное в благодатном месте, самом теплом и мягком уголке Крыма со средней годовой t 13,3°, оно имело удобную связь с Херсоном морем через соседний Символон (Балаклаву), а посуху — через Байдар-

[128] До 20 архонтов, управлявших этими городами и областями, понесли одинаковое наказание с херсонскими протевонами и «вынуждены были задумать» вместе с прочими жителями кастра против Юстиниана II, обратившись за военной помощью к хагану хазар (см.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения...– С. 41, 64, 156, 164–165).

[129] *Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е.* Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004.– С. 29.

[130] Ср.: *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 117; *Харитонов С.* Ескі-Кермен. Загадкова археологічна пам'ятка середньовічного Криму // Хроніка 2000. – К., 2000. – Вип. 33. – С. 250, 253–254.

[131] См.: *Зубарь В.М.* Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 293–294; *Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 99–113. «Пещерные» сооружения высечены на месте «постелей» крепостной стены, которая была разобрана как и протехисма перед южными воротами. Один из трех маршей дороги, ведшей к воротам, был срублен, а затем восстановлен вымосткой. Вообще, весь южный оборонительный узел был со временем, не ранее IX в., заменен двумя «пещерными» храмами у подъемной дороги и церковно-погребальным комплексом так называемого Судилища. Новая оборонительная стена была восстановлена, но позже, из некрупных тесаных камней вторичного использования, положенных насухо (*Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. – С. 131). Едва ли все эти постепенно накапливавшиеся изменения можно объяснить некими военными катастрофами, репрессиями хазар после подавления восстания Иоанна Готского в 787 г. или последствиями похода князя Бравлина.

[132] См.: *Паршина Е.А., Савеля О.Я.* Отчет о разведках в урочище Ласпи: Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3068. – Л. 74–76.

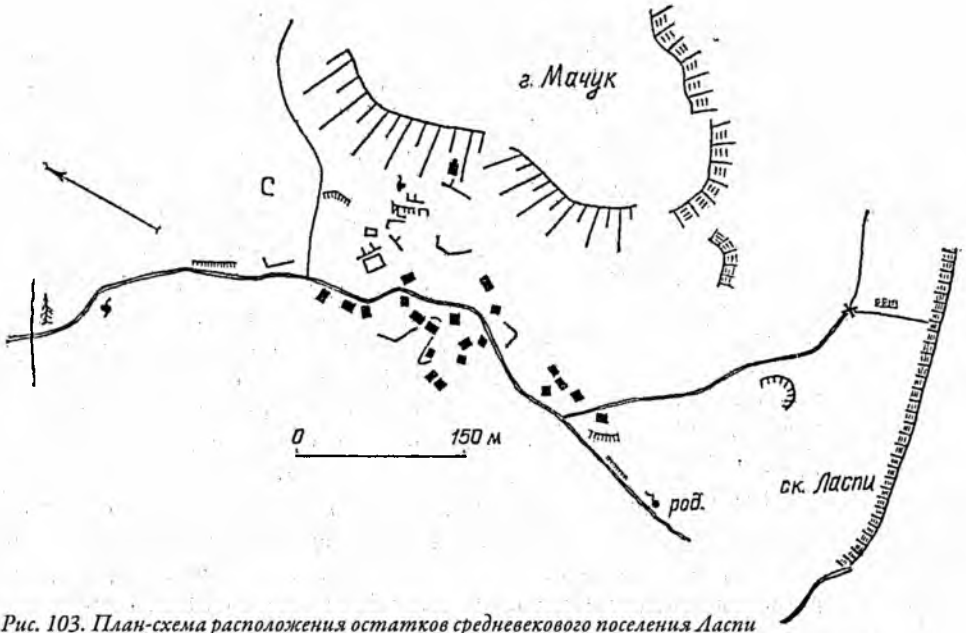

Рис. 103. План-схема расположения остатков средневекового поселения Ласпи (по О.И. Домбровскому)

скую долину[133]. Наряду с однокамерными и двухкамерными хижинами, находившимися на краях террас, здешняя полисма, раскинувшаяся на большом каменистом холме и на склонах двух глубоких оврагов, располагала несколькими крупными многокамерными постройками, сложенными из крупного рваного камня, оштукатуренными и расписанными. Полы их были вымощены плинфой, а стены выложены в технике opus mixtum, хорошо известной в общественных сооружениях ранневизантийского Херсона. Почти в центре протогорода находился большой, крытый черепицей двухэтажный дом из нескольких помещений, располагавшихся террасами (развал камней здания занимает площадь около 200 м^2). Стены его были оштукатурены и расписаны синей и черной красками. Наряду с керамидами, плинфой, четырех- и треугольными плитками, овальными керамическими и мраморными плитками от интерьера этого здания дворцового облика найдены фрагменты капители с изображением на углах звериных голов, карниз со стилизованным аканфом. Особое и многозначительное место среди находок занимает вислая свинцовая печать VIII — начала IX в. с надписью «Нотарию Димитрию» на одной стороне и «Богородица помоги — ‹тетраграмма› — твоему рабу». О времени существования урбанизированного поселения позволяет также судить многочисленный керамический материал VIII–XV вв.

Долгий мирный выгодный альянс с хазарами позволил Византии получить доступ к торговым путям в Китай, минуя контролируемую арабами территорию Ирана, что неминуемо отразилось на активизации северочер-

[133] *Добрынин Б.Ф.* Ландшафты горного Крыма // Крым. – М.; Л., 1928. – №1 (5). – Вып. 1. – С. 32.

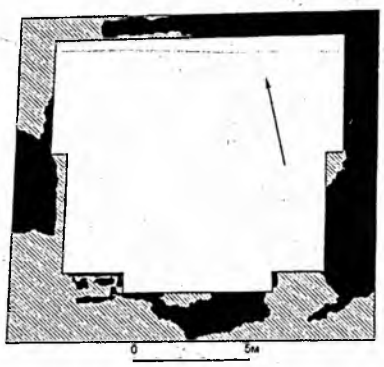

Рис. 104. Реконструкция плана портового бургового укрепления в Сугдее VI–VII вв. (по А.В. Джанову)

номорской торговли и посреднической роли византийских центров в Таврике. Сенсационными являются в этом плане результаты исследований находок компактного скопления более полутысячи византийских свинцовых печатей и заготовок к ним, которые были обнаружены начиная с 1977 г. в море, на глубине до двух метров, в центральной части бухты Лимена-Кале и при срытии берегового обнажения пляжа, на месте, где в портовой слободе раннесредневековой Сугдеи с VI–VII (а не с конца VII — начала VIII в., как иногда ошибочно указывают[134]) до XI в., причем без перерыва, находилось аналогичное херсонскому здание византийской таможни, апофики — торгового склада и, вероятно, помещение с общегородским архивом, в котором хранилась местная документация, церковные грамоты, моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и налоговой службы[135]. Самыми ранними из этого архива к настоящему времени являются моливдовулы сфрагистического типа, распространенного в VI — первой половине VII в., с именами апоипата Адриана и апоэпарха Андрея[136]. Следовательно, с этого времени, не позже второй половины VI в., когда в Таврике под контролем ромеев развернулось интенсивное строительство укреплений, Сугдея тоже оказалась в зоне пристальных интересов византийской администрации, и в ее портовом районе, с южной стороны Крепостной горы, было воздвигнуто приморское укрепление бургового типа (риС. 104), тогда как с севера, со стороны суши, оборону несла сплошная линия крепостных стен[137]. По этой же причине невозможно относить дату основания города ко второй половине или последней четверти VII в. — она должна быть более ранней[138]. Печать апоипата Кириана, главного

[134] *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 239.

[135] *Sandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. – Washington, 1993. – Vol. 3. – P. 85–98; *Sandrovskaja V.* Die neuen Funde au byzantinischen Bleisigeln auf der Krim // SBS. – Washington, 1995. – Vol. 4. – P. 153–161; *Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее в VII–X вв. // Византия и средневековый Крым: АДСВ. – Симферополь, 1995. – Вып. 27. – С. 120–122; *Степанова Е.В.* К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым: Проблемы городской культуры: Тезисы докл. VIII Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1995. – С. 13–14; *Баранов И.А.* Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи // Byzantinorussica. – М., 1994. – №1. – С. 51–52; *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. – Симферополь,1997. – Т.1. – №1. – С. 83–84; *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS – Washington, 1999. – Vol. 6. – P. 47–58; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 87–108; *Кузьминов А.В.* Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 446.

[136] *Stepanova E.* New Seals from Sudak. – P. 50, N 4; p. 51, N 8; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей... – С. 98, табл. I, 3.

[137] *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 61–70, рис. 4–7.

[138] Ср.: *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългар-

логофета апофики Константинополя конца VII в. указывает на торговые связи со столицей Империи[139]. К этому времени это был уже далеко известный город, удостоенный упоминания вслед за Готфией (Getho Githorum) и перед Фанагорией (Fanagorum) в создававшейся тогда «Космографии» анонима из Равенны[140]. Моливдовулы коммеркиариев апофик VII — первой трети VIII в. и императорских коммеркий последующего времени свидетельствуют о прямых, регулярных торговых связях, существовавших у города с территорией северного побережья Малой Азии (провинциями Онориады, Пафлагонии, Понта, Опсикия), а также с Полемонием[141]. К IX в. относятся три из девяти обнаруженных печатей логофетов геникона. Город постоянно решал какие-то торговые, финансовые вопросы с ромейской центральной администрацией и был обременен налоговыми проблемами. Поэтому мнение о создании сугдейской таможни ...хазарами (sic!) в начале VIII в. входит в противоречие с имеющимися византийскими сфрагистическими источниками и совершенно не обосновано[142]. Совместная эксплуатация этого действительно важнейшего порта региона предусматривала обоюдное согласие сторон на любое нововведение фискального характера, что, очевидно, и было достигнуто. Оба архива — херсонский и сугдейский — почти одновременны, и эта синхронность наводит на размышления о том, что причиной их появления стали процессы, связанные с ромейской, а не хазарской историей Таврики. Едва ли в основании Сугдеи принимали участие сугды — адыгские переселенцы из низовий Кубани, откуда они были вытеснены хазарами в конце VII — начале VIII в.[143] Сфрагистические и археологические материалы не оставляют сомнений, что возникновение города произошло гораздо раньше последней четверти VII в., по меньшей мере в VI в., и «Космография» Равеннского анонима, датируемая последней третью VII — началом VIII в., отразила под названием Sugdabon отнюдь не новейшее на тот момент свидетельство о его существовании[144].

ската история и култура. – София, 1991. – Т. 2. – С. 145; *Баранов И.А., Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України. – К., 1994. – С. 99; *Баранов И.А., Майко И.А.* Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългорските племена от Средното Поднепровне и Таврика // Българите в Северното Причерноморие – В.Търново, 1995. – Т. 4. – С. 73; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 194; *Баранов И.А., Майко В.В.* Тюркское святилище Сугдеи // РА. – 2001. – №3. – С. 98; *Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII–первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – С. 83; *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 47–74 (автор ссылается при этом на «большинство исследователей», упоминая конкретно И.А. Баранова, и приводит лапидарные и нумизматические материалы, которые могут быть увязаны с существованием на месте Сугдеи во II–III вв. морского сторожевого пункта Боспорского царства, а затем укрепленного поселения, переразвившегося в ранневизантийский город-кастрон).

[139] *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей... – С. 99.

[140] Труды В.Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – Пг., 1915. – С. CLXIII; *Vasiliev A.A.* The Goths... – P. 42.

[141] *Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее... – С. 121–122.

[142] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 205; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство. – С. 57, 59.

[143] *Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 47; *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт... – С. 145, 147, 149; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... – С. 100; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 194.

[144] Ср.: Крым в VIII–IX веках. – С. 57.

Рис. 105. Ранневизантийская трехслойная двухрядная орфостатная сложная кладка панциря оборонительной стены Сугдеи на участке куртины XV. Вид с юга (по А.В. Джанову)

Наличие кордонной кладки на известковом растворе в его оборонительных сооружениях со стороны суши (риС. 105) и с моря (отдельная башня размером 15,6 х 15 м, бургового типа, с арочными воротами в сторону берега в портовом районе) указывает на самый ранний этап оборонительного строительства этого мощного ранневизантийского приморского укрепления, назначением которого было охранять порт, обслуживавший византийские корабли, совершавшие плавание между Херсоном и Боспором, то есть играть ту же роль на рубежной территории Юго-Восточного и Восточного Крыма, что фруры Алустон и в Горзувитах на участке Южного Крыма[145].

В течение второй половины VI — VII в. здесь вели дела не только апоэпарх, то есть отставной эпарх Андрей, ипат Стратигий (?), некий безымянный ипат, табулларий Иоанн, хартуларий Петр – византийские чиновники, связанные с оформлением и регистрацией различных документов, актов, но и имевшие личные печати некие Феодосий, Адриан или Андрей, очевидно, местные функционеры[146]. Во всяком случае, отсутствие указаний титулов и должностей показывает, что печати были не официальные, а частные[147]. Подобные находки VI–VII вв. известны и в византийском Херсоне, хотя они еще не введены в научный оборот[148]. Но особо следует отметить, что каждая пятая из прочтенных первыми 50 печатей судакского общегородского архива принадлежала архонтам Херсона в сане императорских спафариев или императорских спафарокандидатов и имела на лицевой стороне крестообразную монограмму с характерной тетрограммой to so doulo. Е.В. Степанова датирует IX в. все экземпляры этой самой многочисленной группы сугдейских моливдовулов, числом не менее 11, однако надо учесть, что после середины столетия печати херсонских архонтов исчезают, будучи заменены печатями стратов[149]. Обилие моливдулов херсонских архонтов

[145] *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. – К., 1967. – С. 190; *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 139–142, риС. 1–4; *Вус О.* Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукові зошити історичного факультету. – 2003. – Вип. 5–6. – С. 38; *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. – С. 53–54, 59–70, риС. 4–8.

[146] *Степанова Е.В.* Судакский архив... – С. 99–100; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей // Археология Крыма. – 1997. – Т. 2. – С. 172, №3; Stepanova E. New Seals From Sudak // SBS. – 1999. – Vol. 6. – P. 50–52, N 4, 5, 7–10; ср.: Византийская книга Эпарха. – М., 1962. – I. 1–26; С. 107–127; *Oikonomides N.* Les listes... – P. 310, 321; Guilland R. L'eparque de la ville // BS. – 1980. – T. 41. – P. 25.

[147] Ср.: *Шандровская В.С.* К толкованию легенды одной свинцовой печати // Историческая роль Константинополя: (В память о 550-летии падения византийской столицы): Тезисы докладов XVI Всероссийской науч. сессии византинистов, Москва 29–30 мая 2003 г. – М., 2003. – С. 120.

[148] Приношу благодарность за эти сведения К.Д. Смычкова, в коллекции которого хранится несколько аналогичных моливдовулов.

[149] *Степанова Е.В.* Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 24; *Степанова Е.В.* Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 231; *Степанова Е.В.* Судакский архив пе-

при отсутствии печатей василевсов и печатей известных византийских семей указывает, вероятно, не только на активизацию политических и экономических связей архонтата с Сугдеей, но и на подконтрольный, зависимый статус последней от властей Херсона, куда шли указы из Константинополя и где моливдовулы византийских императоров действительно хорошо известны в сфрагистических материалах[150].

Только наличием режима кондоминиума можно объяснить, почему, согласно старославянской (по рукописи XVI в. из библиотеки Московской духовной академии) и армянской (не позднее 843 г.) версий Жития Стефана Сурожского (Сугдейского), здесь, возможно, разместился хазарский тумен во главе с начальником-тарханом (если понимать под ним легендарного Георгия — Юрия Тархана) при одновременном сохранении византийских светских и церковных властей, причем случилось это не ранее конца 40-х гг. VIII в., учитывая международную политическую ситуацию, ожесточенные столкновения 730-х гг. с арабами, отвлекавшие все силы хазар, а также последовательность повествования агиографа[151]. Не исключено, что это событие было ближе к середине VIII в., ибо именно в это время сюда начался приток алано-булгарского населения с земель Хазарского каганата, более интенсивно, чем прежде, ставшего осваивать области Кубани, Северского Донца, Дона и Восточного Крыма, где они, очевидно, с обоюдного согласия ромейских и хазарских властей, селились на пустующих землях, в неукрепленных поселениях, и принимали христианство[152]. Именно этим хазарам или тюрко-булгарам исследователи приписывают оборудование «каменного капища», ритуального языческого святилища «башенного типа» с очагами и алтарем на круглой ритуальной площадке, покрытой слоем глиняной обмазки, известкового раствора и обнесенной четырехугольной каменной оградой[153]. Оно было устроено на участке куртины XV, но, примечательно, за пределами оборонительных стен города. Да и было ли это «тюркское капище», функционировавшее «без видимых перерывов» «со второй половины VIII в. и до середины X в.»?

чатей... – С. 101–102; ср.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 313.

[150] *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей... – С. 106.

[151] Ср.: *Иванов С. А.* Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 42–43; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. диС. ... д-ра ист. наук. – К., 1994. – С. 14; *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация ... – С. 83–87.

[152] Ср.: *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. – С. 238–239.

[153] *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С. 147–150; *Баранов И.А., Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики. – С. 96–103; *Баранов И.А., Майко В.В.* Пастирско-пенковската култура... – С. 71–72, 85, рис. 1, 1; *Майко В.В.* Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы»: VII Донская археологическая конференция: Тезисы докл. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 130–131; *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – С. 289–290; *Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII – первой половины X в. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. – Севастополь, 2001. – С. 41–42; *Баранов И.А., Майко В.В.* Тюркское святилище Сугдеи. – С. 98–110; *Пономарев Л.Ю.* Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. – Симферополь; Керчь, 2004. – С. 456.

Следы его недостаточно выразительны, а происходящую из комплекса известняковую фигуру с отбитым лицом или бронзовую подвеску в виде лошади едва ли можно безоговорочно считать идолом или амулетом[154]. Еще более неожиданно присутствие в языческом святилище изображения креста, прочерченного на одном из фрагметов лепного сосуда[155]. Следы зольника могли иметь связь с хозяйственной, производственной деятельностью, а не с культом огня или иудейским святилищем[156]. Обращают также на себя внимание находки среди развала нескольких фрагментов каменных профилированных массивных карнизов, многочисленных крупных плит, блоков, в том числе с изображением прочерченного циркулем креста в круге, большой каменной плиты с шестью углублениями в ряд, которая, вероятно, служила крышкой массивного саркофага и использовалась для установки свечников, канделябров или лампадофоров на штырях. Здесь же, в кладке построенной позже жилой усадьбы, в 1988 г. оказался обнаружен песчаниковый блок (46x17,5x17) с небрежно вырезанной греческой ктиторской или надгробной надписью в четыре строки «О спасении (или "о молитве", "о памяти") и /отпущении грехов / Христофора (или Христодула) Аминь» и следами известкового раствора на тыльной стороне, указывающими, что надпись была вмонтирована в стену. Палеографические особенности, прежде всего начертание альфы со средней ломаной гастой, позволяют относить ее ко времени до середины IX в. Все это указывает скорее на остатки довольно крупного византийского храма или мартирия постюстиниановского времени, развал которого сполз по оврагу вниз, нежели на языческое святилище поклонников бога-героя Тенгри, к тому же разрушенного, судя по фрагментам амфор с рифлением в виде набегающей волны, до второй половины VII в., когда здесь могли появиться хазары[157].

Как верно заметила Е.В. Степанова, учитывая присутствие воинских контингентов и властей хазар, можно было бы ожидать, что в архиве Сугдеи будут отсутствовать печати VIII–IX вв.: «Более того, если предположить, что византийская таможня с архивом в это время перестанет существовать, то уничтоженной оказалась бы и самая ранняя часть архива, то есть печати VII–VIII вв.»[158]. Но ничего этого нет. Более того, количество моливдовулов в это время увеличивается (до 25,2% против 15% от VII–VIII вв.), что заставляет весьма скромно оценивать роль и степень влияния хазар в городе, хотя и не отрицать их вовсе. Так, Ю.М. Могаричев считает гипотетически возможным говорить о подчиненности Сугдеи хазарам во второй половине VIII в., но в то же время более вероятной он видит ее византийской и только византийской, как и весь Крымский

[154] *Баранов И.А., Майко В.В.* Пастирско-пенковската култура... – С. 86, рис. 2,1; 9

[155] *Баранов И.А., Майко В.В.* Указ. соч. – С. 86, рис. 2, 7. На участке куртины XV обнаружена прямоугольная архитектурная деталь из сланца, на которой процарапана «звезда Давида» и тамгообразный знак, но находка относится к слоям X–XI вв. и, видимо, не имеет связи с предшествующим сооружением (*Фарбей О.М.* Іудаїзм на тлі релігійної ситуації у Південно-Східній Таврицi VIII–X ст. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – С. 377).

[156] Ср.: *Фарбей О.М.* Іудаїзм... – С. 376–377.

[157] Подр. см.: *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. – С. 55–59, рис. 1–3; *Виноградов А.Ю., Джанов А.В.* Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – К., 2004. – С. 408–410, №4.

[158] *Баранов И.А., Майко В.В.* Пастирско-пенковската култура... – С. 101.

полуостров, на который хазары, по его мнению, совершенно не претендовали до 80-х гг. VIII в., хотя дань получали[159]. Противоречивость такого предположения бросается в глаза и требует объяснений, которых автор не предоставляет. К тому же присутствие хазар в Сугдее и пришлого салтовского населения, в массе своей еще не христианизированного, в окрестностях города во второй половине VIII в. исследователь не отвергает[160].

Вряд ли гипотетический тумен насчитывал 10 тыс. воинов, как иногда указывают, поскольку вся армия Хазар-Тархана во время войны с арабами в 738 г., когда решалась судьба государства, насчитывала 40 тыС. человек[161]. Но даже менее значительный военный отряд, если он вообще имел место, численностью в 1–2 тыс. человек, на какие обычно разбивалась кочевая армия, косвенно указывает на зажиточность Сугдеи и ее округи, способных обеспечить столь крупный военный лагерь. Такой город был в состоянии «творити позор или конем уристание» для своих жителей и съезжавшегося окрестного люда, как об этом рассказывает позднее пространное старославянское Житие Стефана Сурожского, хотя В.Г. Васильевский, в целом доверявший источнику, видел в данном пассаже «слишком роскошный анахронизм», сотворенный буйным воображением далекого агиографа[162].

Согласно другому, синаксарному, греческому житию (по рукописи из Халкинского монастыря), написанному уроженцем города, знатоком местных преданий, в «славном городе Сугдее» в правление патриарха Германа (715–730) уже был собственный предстоятель, то есть существовала отдельная Сугдейская епархия. После кончины ее главы сугдейские власти обратились в Константинополь за новым иереем, отчего сюда из столицы прибыл на «царском корабле» константинопольский монах Стефан, законно получивший от патриарха Константинопольского здешний архиерейский престол (ton archieratikon thronon)[163]. Армянский синаксарный вариант Жития, прототип которого явно относится еще к иконоборческому времени, подтверждает эти сведения и уточняет, что назначение Стефана «епископом митрополии Сугдеи» состоялось при патриархе Германе и императоре Феодосии (715–717)[164]. Более того, в VIII в. Сугдея могла

[159] *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма... – С. 238–239.
[160] Там же. – С. 239, 243, 244.
[161] *Тортика А.А.* Экологическая возможная численность кочевого населения Великой Болгарии (Старой Болгарии, Болгарии Кубрата) – вторая-третья четверть VII в. н.э. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 250–251.
[162] Труды В.Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – Пг., 1915. – С. CCXXXXVII, 86. 25–26; гл. 16. У нас нет оснований утверждать, что поздний славянский компилятор располагал достоверным источником, но и нет оснований отрицать это (ср.: *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Археологія. – 2003. – №1. – С. 79).
[163] Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 73–74, гл. 2; С. 84, гл. 13; Ю.М. Могаричев дает неверный перевод: «архиепископский престол» и, невзирая на сведения источника, отодвигает возникновение Сугдейской епархии ко времени около 750 г. (*Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2003. – Вып. 13. – С. 262, 264–265); ср.: *Бертье-Делагард А.Л.* Иссследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. – С. 42–43, 50; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 40; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 253; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии ... – С. 100; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 206.
[164] Le synaxaire armenien de Ter Israel // Patrologiae Orientalis. – Paris, 1930. – Vol. 21. – P. 867.

на время стать вместо кавказского Никопсиса (кастрона на одноименной реке, вероятно, Нечепсухо к северу от Туапсе) центром автокефальной, подчиненной Константинопольскому патриархату Зихийской епархии, которая обычно включала Херсонскую, Боспорскую и Никопсийскую кафедры. Во всяком случае, нотиция де Боора (№3, по Дарруже), созданная в своей основе, скорее всего, к концу VIII в. и дополненная к третьей четверти IX в., в список архиепископий включает в Зихию именно Сугдею, тогда как Никопсис переместился в состав епархии Авасгии (Абхазии)[165].

Следовательно, в условиях системы византийско-хазарского «двоевластия» наблюдалось постепенное, методичное упрочение как торгово-экономических связей, так и позиций ромейской Церкви в Таврике, которые пока не встречали противодействия со стороны хазар, очевидно, долгое время, как и ромеи, удовлетворявшихся статусом кондоминиума и не помышлявших о превращении здешних земель в «Крымскую Хазарию». О том же свидетельствует образование отдельной Готфской епархии, случившееся, в свете последних уточнений, очевидно, никак не ранее второй половины — конца VIII в. и тоже рассчитанное на более интенсивное обращение пришлого населения[166]. Можно добавить, что, рассказывая о происхождении Иоанна Исповедника, в будущем хорепископа Готфии, его агиограф называл местом рождения святого «эмпорий называемый Парфениты», расположенный в VIII в. на «заморской земле Тавроскифов», но уточнял, что эта область-страна (ten chora) подчинялась «готфской власти» (ton Gotthon telouses), а не хазарам[167]. Причем автор древнегрузинской обработки Жития Св. Андрея, написанного Епифанием, тоже именовал Херсон «городом Готфов», очевидно, полагаясь на более ранние данные[168]. Византийские историки конца VIII — начала IX в. не относили центры Таврики к Хазарии[169].

Итак, нет оснований считать, что Сугдея была основана хазарами в конце VII в. и, «несомненно, входила в область хазарских владений», только в состав Хазарского каганата[170]. Во-первых, к этому времени здесь уже существовал достаточно развитый ранневизантийский торгово-ремесленный центр — эмпорий, на что указывают византийские моливдовулы типов второй половины VI — первой половины VII в., прочие археологические

[165] Ср.: *Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. – Paris, 1981. – Notitiae 1, N 64, p. 31, note 3; p. 206; Notitiae 2, N 68, p. 218; Notitiae 3, N 84, p. 232; Notitiae 4, N 69, p. 266

[166] *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 121; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу об образовании Готской епархии в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 116–118; *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 110–115.

[167] Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 401.

[168] Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 271–272, 282.

[169] *Сазанов А.В.* Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII в. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 220–222.

[170] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 194; *Могаричев Ю.М.* К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 10. – С. 269, 270; *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 333; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 100.

находки конца V — первой половины VII в. (в окрестностях — еще более раннего времени, II–V вв.)[171], а во-вторых, хазарское общество было столь далеко от стадии урбанизации, что говорить об основании хазарами городов по меньшей мере странно. Предания самих сугдейцев тоже не связывали возникновение их города (to kas[t]ron tes sougddaias) с хазарами и относили его к 5720 году от сотворения мира (212 г. н.э.), если следовать тексту приписок 1296, 1345 и 1411 гг. на полях Сугдейского синаксаря[172]. Ни в греческой, ни в армянской, ни в старославянской редакции, пространной или краткой, синаксарной версии Жития св. Стефана Сурожского не сказано о том, что проповедь новоназначенного епископа велась среди «язычников-хазар».

Вместе с тем в Сугдее и ее пригороде жили не только греки и не только христиане, число которых постепенно росло и особенно интенсивно с 50-х гг. VIII в., когда началась более активная, чем прежде, колонизация крымских земель из Хазарии[173]. Отсюда понятно, почему прибывшему в город грекоязычному епископу Стефану пришлось общаться с некоторыми из обращавшихся к нему через переводчиков, знавших два языка[174]. Видимо, именно так он мог «укреплять в вере верных и крестить неверных по всей этой языческой стране», которая, впрочем, судя по находке храмов VIII–IX вв. в районе Судака, была не столь уж языческой[175]. На это же указывают обломок рельефной иконы из прочного нуммулитового известняка, вероятно, с посвятительной надписью на нижнем бортике рельефа: «Приношение Симона монаха (или «грешного Симона»)», надпись «Господи, помоги Захарии, пресвитеру...», выполненная на штукатурке монастыря на склоне горы Перчем, надгробная или посвятительная надпись VIII в. «О блаженной памяти и упокоении имярек» и другие подобные находки[176]. Кроме того, послушать епископа и поговорить, посоветоваться с ним приходил, согласно старославянской версии Жития, некий любимый преподобным «князь Юрий (Георгий) тархан», который «по закону Божию правяще власть свою»[177]. Этим почетным титулом тюрки величали представителей своей знати, людей, близких к хагану и так же привыкли называть хазарских аристократов иные народы[178]. Бывало, им награждали

[171] *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. – С. 45–74.

[172] *Архимандрит Антонин.* Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдеи (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 61–63.

[173] См.: *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма... – С. 238, 239.

[174] Труды В.Г. Васильевского. Т.3. – С. 85, гл. 15.

[175] Le synaxaire armenien de Ter Israel. – P. 867; Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 86–87 (старославянская редакция Жития сообщает о поставлении Стефаном множества пресвитеров, диаконов, клириков и главный итог: «за 5 лът крести весь град и окрестные села его»); ср.: *Мордвинцев В.М., Кисиль И.А.* Двухапсидные храмы Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 187–191, рис. 4; *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // АДСВ: Античные традиции и средние века. – Свердловск, 1980. – С. 137–140.

[176] *Виноградов А.Ю., Джанов А.В.* Греческие надписи Сугдеи. – С. 408–410, №4; С. 412, №6; С. 413–414, №7; С. 414–416, №8; С. 417–418, №10; С. 418–420, №11.

[177] Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 95, гл. 30.

[178] *Moravcsik G.* Byzantiniturcica. – Berlin, 1958. – Bd. 2. – S. 299–300; Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars. – Princeton; New Jersey, 1954. – P. 72; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 153, 189, 219, 244–246; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль... – С. 117–119; Гольден П.Б. Государство и государственность у хазар: Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: Структура управления и власти. – М., 1993. – С. 219; *Зуев Ю.А.* Древнетюркская социальная

местных правителей из числа тех, что зависели от Хазарского каганата, хотя А.Ю. Виноградов и А.В. Комар считатают такое мнение ошибочным[179]. Но если сугдейский владелец титула «тархан» и был знатный тюрок, то крещенный, причем не обязательно Стефаном, ибо в таком случае составитель Жития не преминул бы упомянуть это лестное для его героя обстоятельство[180]. Он осуществлял в Сугдее функции представительские, но, судя по многочисленным моливдовулам, явно делил их с византийскими властями.

Армянский синаксарный вариант Жития, восходящий к греческому оригиналу иконоборческой эпохи и переработанный не ранее конца IX в., относит происходящее к правлению «Константина Коприна (Копронима), который правил с верой во Христа и с благочестием», и уточняет, что хазарский «царь Вирхор», не обязательно сам хаган, а, возможно, еще один его знатный наместник-тудун ek prosopou, правитель более высокого ранга, чем сугдейский, «в это время... жил в Керчи», то есть Боспоре, который, учитывая свидетельства о наличии здесь византийского присутствия и церковных властей, являл собой, следовательно, такой же кондоминатный центр, что и Сугдея[181]. Он вызвал к себе «правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан», но тот опасался идти, заявляя епископу Стефану: «Святой отче, царь зовет меня, и моя душа трепещет — зачем он меня призывает», но святой успокоил его, объяснив, что «этот вызов — к добру», что его зовут, чтобы женить, однако соединение его с этой женщиной «произойдет через три года и тогда же Георгий построит церковь во имя Святой Троицы»[182]. Следовательно, названный правитель несомненно христианин и, скорее всего, не хазарин, хотя и тюрок, который с неохотой, под принуждением подчиняется хазарским властям, идет на брак по указке из соображений политической надобности, чтобы не ухудшить создавшееся положение вещей, но послушен воле Церкви, обладавшей в окраинных византийских владениях политической силой, не намного уступавшей светской власти. Он повинуется наместнику или самому хагану, от которого, возможно, в свое время получил почетный, «дворянский» титул тархан, ставший его фамилией. Но принимает ответственные решения, делает все этот сугдейский правитель с оглядкой на византийского епископа, причем не простого, а пользующегося личным покровительством семейства правившего василевса. Он кается в своих

терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. – М.; Алматы, 1998. – Вып. 2. – С. 156.

[179] *Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар. – С. 219; *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 40–41.

[180] Ср.: *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 28.

[181] См.: *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 75–81. Топоним «Керчь» действительно указывает на более позднюю переработку армянского варианта Жития, однако это не дает оснований думать, что эпизод с Георгием Тарханом был привнесен в него не из греческого, а из старославянского агиографического источника, и произошло это «не ранее середины XIII–XIV вв.», поскольку в источниках Керчь фигурировала по меньшей мере уже с 80-х гг. IX в. (*Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма... – С. 240; ср.: *Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. – Харьков, 1997. – С. 167; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 75–76).

[182] Le synaxaire armenien de Ter Ierael. – P. 872–873 .

прегрешениях и готов замаливать их сооружением храма. Все это вместе взятое свидетельствует в пользу отсутствия серьезных столкновений между местными византийскими и хазарскими властями, действовавшими в режиме соглашения о взаимном равноправном владении и заинтересованными в его поддержании. Только с этой точки зрения будет правильно говорить о Сугдее как о «византийском и хазарском городе»[183].

Константинопольское правительство желало быть уверенным в лояльности подданных своих заморских крымских владений и пристально следило за всем происходившим там. По словам греческого, возможно, сугдейского, агиографа, в разгар иконоборчества, вероятно, во второй половине 30-х гг. VIII в., после пяти лет служения на кафедре (если следовать старославянской версии источника), не внушавший поначалу доверия епископ Сугдеи был отозван в столицу, куда его доставили на корабле специально посланные для этого императорские «воины-щитоносцы и исполнители судебных приговоров» (synaspistas ... kai sympraktoras)[184]. Армянская синаксарная редакция уточняет, что это случилось незадолго до смерти Льва III Исавра в 740 г., когда Стефан, прибывший в столицу, якобы вступил в спор с василевсом и в результате этого конфликта попал в тюрьму, откуда был выпущен при сыне Льва, Константине V, благодаря заступничеству жены последнего, Ирины, по словам Феофана, «отличавшейся благочестием»[185]. В 749 г. он даже крестил сына Константина, видимо Льва Хазара, будущего императора, что свидетельствует о полном прекращении опалы, если таковая была, и с почетом, одаренный василевсом, на корабле царского флота отплыл обратно в Сугдею, где застал появившегося к тому времени в городе Георгия Тархана и сугдейцев, как и ромеи, переживших к тому времени некие «трудные времена», возможно связанные не только с размещением военных сил хазар и ростом налогов в казну хагана и василевса, но и с последствиями пика пандемии чумы 746–747 гг. – последней мощной вспышки, латентно длившейся «Юстиниановой смерти»[186]. Таким образом, «много испытав и вынесши», Стефан со временем был вновь возвращен на прежнее место в прежнем сане, оче-

[183] Ср.: *Айбабина Е.А., Бочаров С. Г.* Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.: Збірка наук. прац. – К., 2003. – Вип.5. – С. 11.

[184] Труды В.Г. Васильевского. Т.3. – С. 75, гл. 3.

[185] Le synaxaire armenien... – P. 871; *Иванов С. А.* Житие Стефана Сурожского... – С. 42; Theophanis Chronographia. – P. 410. 1–3; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. – Frankfurt am Main, 1994. – S. 10. Жена Константина, Ирина, принцесса хазарских кровей, умрет через три года, в 751 г. О дате ее смерти см.: *Байер Х-Ф.* История крымских готов... – С. 344, прим. 916. В старославянской версии Жития она названа «дочерью керченского царя», то есть имеется в виду не хаган хазар, а его наместник, но данное ей имя – Феодора не отвечает действительности.

[186] Le synaxaire armenien... – P. 871–872; *Иванов С. А.* Указ. соч. – С. 43. О высылке Стефана в Сугдею без подробностей, противоречащих версии о его опале, сообщает и константинопольский синаксарный вариант Жития (Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propilaeum ad Acta Sanctorum Novembris. – Bruxelles, 1902. – Col. 263). О пандемии чумы и связанных с ней потерях, запустении см.: Theophanis Chronographia... – P. 422–423; *Mango C.* Le developpement urbain de Constantinople IVe–VIIe siecles. – Paris, 1985. – P. 57 s.; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 341; *Матанов Хр.* Чумни пандемии и история. «Юстиниановата чума» и «Черната смърт»: два повратни периода в историята на средновековните Балкани // Civitas Divino-Humana в чест на професор Георги бакалов. – София, 2004. – С. 342.

видно сумев хорошо зарекомендовать себя в глазах ромейских властей[187]. Уже сам этот факт заставляет заподозрить в Стефане не столь стойкого и ревностного почитателя икон, каким его, вслед за тенденциозно настроенными агиографами, несколько изменявшими первоначальный сюжет иконоборческого Жития, иногда хотят представить исследователи, муссирующие свидетельство о мнимой «ссылке» и репрессиях[188]. Очевидно, епископ имел устойчивые связи с официальным Константинополем, пользовался расположением царской семьи, его деятельность вполне вписывалась в императорский курс, а Сугдея была не бóльшим «оплотом православия», чем Херсон, власти которого, духовные и светские, тоже не хотели идти наперекор воле столицы Империи и множить ряды мучеников-иконодулов. Последующая канонизация епископа могла объясняться не его подвигами во славу икоиопочитания, а принципиально важными успехами в качестве «делателя мира» между ромеями и хазарами, успехами на ниве христианизации местного гетерогенного населения и в деле укрепления позиций кафедры, которая была создана, если верить указаниям агиографов, в доиконоборческий период, но основательно окрепла именно при служении Стефана ее предстоятелем. Во всяком случае, имеющиеся агиографические источники не сообщают о том, что «...возникновение Сугдейской епископии следует датировать между 750 г. (рождение Ириной старшего сына, будущего Льва Хазарина, которого якобы крестил Стефан, находясь еще в Константинополе) и 752 г. (смерть императрицы)»[189]. Не доверять же греческому синаксарному и армянскому вариантам источников, четко указывающих, что Стефан сменил в Сугдее прежнего умершего предстоятеля, у нас нет оснований.

Официальный Константинопольский синаксарь, или Минология времени Василия II (976–1025), добавляет к этому интересные детали, рассказывая о расправе в середине 60-х гг. VIII в. над наиболее стойкими амнимоневтами, сподвижниками знаменитого мученика Стефана Нового. Один из них, стратиот, был отправлен василевсом Константином Копронимом в Херсон. В этом оплоте иконоборцев, верных императорскому курсу, его едва не убили, и, чтобы спастись от расправы, он был вынужден бежать в соседнюю Хазарию, после чего якобы был поставлен там епископом[190].

[187] Труды В.Г. Васильевского. Т.3. – С. 76, гл. 4.

[188] См.: *Sevcenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm / Ed. A. Bryer, J. Herrin. – Birmingham, 1977. – P. 114; *Беляев С. А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви. – М., 1994. – Кн.1. – С. 61; *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 326, 330; *Сухоребров В.В.* Крымский полуостров в иконоборческую эпоху. – С. 76–77. Вывод о том,что Стефан Сурожский не был идейным борцом с иконоборчеством, впервые был высказан мной и Ю.М. Могаричевым независимо друг от друга (ср.: *Могаричев Ю.М.* К вопросу о начальной истории Сугдейской епархии // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты: V Междунар. Крым. конф. по религиоведению: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 30; *Сорочан С. Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? – С. 518–519). Ныне его аргументация развивается дальше (см.: *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография... – С. 262–264; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма... – С. 240–243).

[189] *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории... – С. 244.

[190] Рассказ об этом был впервые включен в составленное в 807–810 гг. константинопольским диаконом Стефаном Житие Стефана Нового, убитого в ноябре 765 г. (Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris... // PG. – 1864. – T. 100. – Col.1181;

Некий же Стефан, тезка Стефана Сугдейского, которому агиографы по понятным соображениям приписывают исповедание ортодоксального православия, невзирая на это отягощающее на тот момент обстоятельство, был освобожден из тюремного заточения и отправлен в Сугдею, где принес «много выгоды, пользы» (pollous ophelesas), надо понимать, не только в деле поставления священников, крещения, укрепления верных в вере, но и в посредничестве с хазарскими властями[191]. Нет сомнений, что в этой перекличке источников, появившихся после победы иконопочитания, выступает надуманная тенденция, вопреки фактам, представить сугдейских предстоятелей страдальцами за веру и столпами православной ортодоксии, какими они едва ли были, но тем не менее они имеют зерном реальные эпизоды и реальных людей, действовавших в Сугдее в эпоху иконоборчества.

Согласно синаксарному армянскому варианту Жития, Стефан пробыл епископом 35 лет и умер в 70-летнем возрасте, 15 декабря[192]. Это могло произойти, исходя из разных сведений Жития, в период между 750 и 765 гг.[193] Выходит, Миногогия Василия II сообщает об отправке в Сугдею с середине 60-х гг. не того же Стефана Сугдейского, а под четырьмя заседаниями и определением Символа Веры в актах VII Вселенского собора 787 г. в Никее, вернувшего иконопочитание, стояли подписи преемника, тоже Стефана, «недостойного епископа города Сугдейского» (Stephanos anaxios episkopos poleos Sougdaon или episkopos Sougdaias), так сказать, Стефана II (или даже Стефана III), но не самого причисленного к лику святых Стефана Исповедника (Сурожского), как принято считать[194]. При

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 187; *Герцен А.Г, Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 104). Он же с некоторыми вариациями был повторен в греческой синаксарной редакции, где тоже говорилось о ссылке в Херсон какого-то отшельника из Состениона, у которого был отрезан нос, а угроза смерти заставила бежать в Хазарию и стать там епископом (Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae... – Col. 363. 20–264. 10; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V. – S.62). А.Л. Бертье-Делагард предлагал понимать в данном случае под Хазарией политический термин, означавший Боспор или земли на южном берегу Крыма, на которые распространялось влияние хазар (*Бертье-Делагард А.А.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 46). Однако нельзя исключить возможность осуществления миссионерской деятельности собственно в Хазарии, за пределами Таврики, где, вопреки византийским правилам, мог действовать предстоятель без постоянной кафедры, не признанный официальным Константинополем. К примеру, на курганном кладбище под городищем Беленджер (на р. Сулак в Дагестане) обнаружены две небольшие церкви, выстроенные как раз в VIII в. и свидетельствующие о том, что кто-то проводил христианизацию хазар, прежде всего знати (*Плетнева С. А.* Хазары. – М., 1986. – С. 27).

[191] Труды В.Г. Васильевского. Т.3. – С. CCIX; *Auzepy M.F.* Gothie et Crimee de 750 a 830... – P. 326.

[192] Le synaxaire armenien... – P. 874.

[193] Точкой отсчета может служить либо время правления Феодосия (715–717), либо время патриаршества Германа (715–730), который рукоположил Стефана в епископы. И тот, и другой указаны в старославянской и в армянской редакциях Жития, тогда как греческий синаксарный вариант сообщает, что при них Стефан прибыл из своего родного каппадокийского села Моривас в Константинополь, где вступил в монастырь. Ср.: Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 72–98; *Иванов С. А.* Житие Стефана Сурожского... – С. 43. Наиболее близкие к указанным основные хронологические вехи биографии Стефана Сугдейского в свое время предложил Фридрих Вестберг на основе критики греческого и славянского текстов Жития (О жизни св. Стефана Сурожского // ВВ. – 1908. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 228–233).

[194] *Darrouzes J.* Listes episcopales du concile de Nicee (787) // REB. – 1975. – T. 33. – P. 62–63; Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т. 4. – С. 390, 480, 586, 693; ср.: *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма... – С. 63–64, 123–124; Труды В.Г. Васильевского. Т.3. – С. CLXIII, CCVIII, CCXVI;

распространенности имени Стефан в этом нет ничего необычного. Достаточно вспомнить ранневизантийское надгробие из Херсонеса с упоминанием трех упокоившихся пресвитеров, два из которых носили имя Стефан[195].

Видимо, влияние морской торговли оказалось весьма благоприятным для процветания города и формирования его в течение VII–IX вв. как укрепленного провинциально-византийского торгового порта и промыслово-ремесленного центра. Недоразумением является утверждение об отсутствии городской застройки в некой «хазарской» части города, в чем видится «номадский след»[196]. На самом деле Сугдея обнесена оборонительной стеной толщиной 2,00–2,20 м, сложенной уже не в ранней кордонной технике (логом и тычком), а из хорошо обработанных прямоугольных блоков на известняковом растворе, с четким соблюдением рядов и фундаментом из крупных глыб песчаника, опущенных на глубину от 0,5 до 0,65 м[197]. Все это время шло ее развитие, которое завершилось в целом к X в., когда на северном склоне Крепостной горы разрослись террасированные кварталы с упорядоченной планировкой, а рядом с портом, на широких, до 18 метров, террасах по склонам балки между горами Полвани-Оба и Дженевез-Кая сложилась ремесленная слобода, охватившая почти 4,5 га[198]. Здесь обнаружены эргастирии, датируемые второй половиной VII — первой половиной VIII в., а остатки их производства — на дне бухты Лимена-Кале и у подножия Крепостной горы. К ним относятся отходы бронзового, медного, серебряного литья, обломки самих литейных форм, заготовки и пробные отливки пряжек, разнообразных нательных крестов, поясные бляхи, ювелирный лом и заготовки ювелирных украшений, золотая бижутерия для расшива одежды, проволочные серьги, а также византийские амфоры, посуда, в том числе стеклянная, отчасти, видимо, местного происхождения, на что указывает весьма примечательная находка в 1993 г. глиняного сосуда с застывшей стеклянной массой[199]. Обращают на себя внимание также находки вдоль всего берега бухты Лимена-Кале свинцовых крестов и моделей корабельных якорей, которые

Rochow I. Kaiser Konstantin V. – S.62; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 206; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 562, прим. 24. Об этом епископе Стефане как одном из последующих после св. Стефана Сугдейского см.: *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee... – P. 326; Могаричев Ю.М. Крымская агиография... – С. 266; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма... – С. 245. Если принять во внимание указание старославянской редакции Жития, что «предстоятеля славного города Сугдеи», которого сменил Стефан Сурожский, тоже звали Стефан, тогда мы имеем случай последовательной сменяемости на одном престоле в течение ста лет трех епископов с одинаковым именем.

[195] Византийский Херсон: Каталог выставки. – М., 1991. – С. 28, №13 .

[196] Ср.: *Моця А.П.* Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 277.

[197] *Баранов И.А.* Сугдея VII–XIII вв. – С. 20–21; *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Раскопки на территории Судакской крепости в 2001 г. – С. 11.

[198] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 244; *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. – С. 61.

[199] *Баранов И.А.* Сугдея в VII–XIII вв.: К проблеме формирования средневекового города // Труды Пятого международного конгресса славянской археологии. – М., 1987. – Т.1. – Вып. 2а. – С. 23–24; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 20; *Баранов И.А.* Торгово-ремесленные кварталы византийской Сугдеи. – С. 49–50, рис. 1–3; *Баранов И.А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 41.

изготовлялись ремесленниками в качестве амулетов, оберегавших грузы и суда (риС. 106–107)[200]. Освященные в церкви, они охотно приобретались моряками в качестве официально узаконенных филактериев, которые, вероятно, бросали в море на удачу. В местах, где концентрировались товары, они могли служить и в качестве пломб для опечатки грузов, но, учитывая отсутствие таких массовых свинцовых крестов и якорей в Херсоне и Боспоре, видимо, это была сугдейская традиция. Среди находок оказались и непременные аксессуары торгового оборудования: значительное количество византийских маркированных гирь, остатки весов-зигий, монеты, даже золотые, чеканенные в Константинополе в правление Льва III, Константина V, которые запрещалось вывозить за пределы Империи, торговые свинцовые печати из сасанидского Ирана и Закавказья[201]. Последние указывают на развитие в это время посреднической торговли с Востоком, в которой Сугдея, видимо, играла не последнюю роль. Моливдовулы коммеркиариев подчеркивают ее особое значение в монопольной торговле государства шелковыми изделиями и в трафике других товаров. Разумеется, что через сугдейский порт направлялись не только грузы из Византии, но и что-то шло в обратном направлении, возможно, чужеземные предметы роскоши, пряности, специи, продовольствие, поставки собранного у крымских подданных василевса.

Обращает также на себя внимание то, что количество византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судаке, в два раза превосходит все извест-

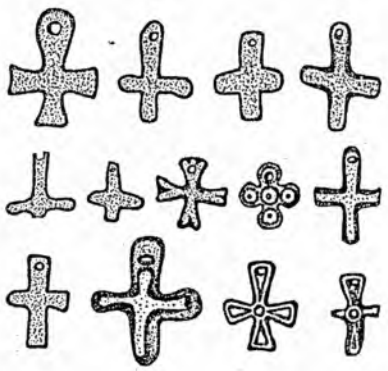

Рис. 106. Свинцовые филактерии в виде крестов из бухты Сугдеи (по А.В. Кузьминову)

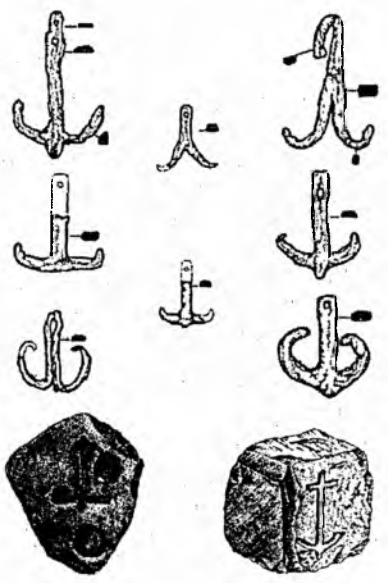

Рис. 107. Свинцовые филактерии в виде якорей из бухты Сугдеи и форма для их отливки (по Г.И. Шаповалову)

[200] *Кузьминов А.В.* Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале. – С. 442–446. Уже само наличие крестов не позволяет видеть в этих предметах некие языческие талисманы, которые приносили в святилище на берегу бухты «в качестве одного из пожертвований морским богам» (см.: *Шаповалов Г.И.* О находках культовых моделей якорей в Крыму // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 276–279, рис. 1, 1–8).

[201] *Баранов И.А.* Торгово-ремесленные кварталы ... – С. 52; *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 431–435, табл.II.

Рис. 108. Печать Феофана халкопрата второй половины VIII в. из Сугдеи (по В.С. Шандровской)

ные находки подобных монет в Крыму[202]. Они довольно сильно обрезаны по краям, но не настолько, чтобы испортить изображение василевсов на основном поле монеты, ограниченном ободком, что выдает руку подданных Империи, которые таким образом, видимо, пытались компенсировать нехватку разменных денег в обращении и, судя по весу, низводили обрезанные солиды до соответствующих по весу и диаметру частям солида — семиссу (от 1,75 до 3 г), особенно ходовому тремиссу (от 1,31 до 1,54 г) и четверти солида (от 1 до 1,07 г), номиналу, которого не было в Византии, но который мог быть вызван к жизни потребностями местных крымских рынков[203]. О том, что такие монеты находились среди грекоязычного населения, свидетельствуют граффити в виде букв или лигатур из букв греческого алфавита, которые, как и знаки в виде черточек, параллельных линий, углов, дуги, вероятно, имели цифровое значение и наносились в процессе взвешивания денежных сумм, при их подсчете[204].

Нельзя не заметить, что все редакции Жития, в том числе пространная старославянская, изображают Сугдею как город с греческим, христианским обликом, в котором кипит деловая жизнь. Епископ Стефан излагал свои поучения, проповеди «не только в церкви, но и в домах и на торжищах», причем приходившие слушать его «ремесленники оставляли свои дела, а строители городские свои строения»[205]. В данном случае этот житийный штамп не противоречит археологическому материалу. Известно, что усиленное византийское строительство продолжало вестись в VIII в. даже на окраинах Судакской долины, то есть в пределах Сугдейской епархии[206]. Здесь же, на берегу бухты Нового Света, на склонах г. Перчем и в поС. Лесное, действовали мастерские с большими двухъярусными гончарными горнами для обжига амфорной тары VIII–X вв., бронзолитейные эргастирии, на что указывают находки криц, известняковой литейной формы для изготовления колтов, остатки литейной печи, шлак[207].

Видимо, именно активным развитием обработки цветных металлов на основе привозной сырьевой базы объясняются поставки в Сугдею меди, свинца, имевшие место в это время. Кроме находок слитков на дне гавани города на это же указывает редкий для византийской сфрагистики моливдовул второй половины VIII в. или рубежа VIII–IX вв. с оттиском имени Феофана халкопрата — торговца медными изделиями (риС. 108)[208].

---

[202] *Гурулева В.В.* Золотые монеты... – С. 435.
[203] Там же. – С. 439–441.
[204] *Гурулева В.В.* Граффити на золотых византийских монетах VIII в. из коллекции Эрмитажа // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.: Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. – С. 45–46.
[205] Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. 85–86, гл. 15–16.
[206] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 47, 55.
[207] *Баранов И.А.* Торгово-ремесленные кварталы ... – С. 52, рис. 3,4.
[208] *Шандровская В.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // Византия и Крым. Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 93; Sandrovskaja V. Das Siegel eines ΧΑ/\ ΚΟΠΡΑΤΗC aus Sudak // SBS. – Washington, 1994. – Vol. 6. – P. 43–46; *Шандровская В.С.* О не-

Следует согласиться с В.С. Шандровской, что печать могла быть прикреплена к деловому документу, сопровождавшему доставку груза меди или изделий из нее либо сообщавшему об отсылке товара. Учитывая присутствие в общегородском архиве моливдовулов коммеркиариев таможенно-административного округа Онориды, Пафлагонии и побережья Понта, а также существование у сугдейцев контрагентов в самой столице Империи[209], такого рода грузы шли морем, а их источником служили северомалоазийские и армянские медные рудники. Отчасти потребителями их продукции могли быть и хазары. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что, исходя из принятой практики соглашений VIII в., печать (sphragidon) наряду с соответствующей грамотой-удостоверением (sigillon) византийские власти предоставляли торговцу, предпринимателю, который вел дела как на территории Империи, так и одновременно на территории другой страны-участницы договора[210]. Отсутствие печати могло повлечь конфискацию товара в государственную казну, без нее была невозможна торговая поездка за границу, что, видимо, подтверждает обязательность наличия аналогичного sphragidon kai sigillon у Феофана халкопрата.

Наконец, одна из приписок на полях Сугдейского синаксаря упоминает об обновлении (ta egkainia) кафедральной церкви города — св. Софии, «храма святого Бога Слова Премудрости в городе Сугдее в 6301 (793 г.)» (agias ou logu sophias polei Sougdaia)[211]. По мнению А.И. Айбабина, этому легендарному храму соответствует самая большая из известных в Крыму трехапсидных базилик VIII в., открытая в 1978 г. в окрестностях Сугдеи. Расстояние между плечами ее центральной апсиды составляло 12 м, а стены, сложенные из крупных, грубо тесанных плит сланца, были уложены на «постели»[212]. К сожалению, раскопки на этом месте не были продолжены, и говорить о принадлежности строительных остатков кафедральному храму города следует с большой осторожностью, учитывая его нахождение далеко за пределами оборонительных стен и необычную кладку (если это действительно кладка). Но в любом случае, похоже, что, вопреки мнению И.А. Баранова, пик злополучных «темных веков» был для сугдейцев и жителей округи, состоявших отчасти из крещеных, оседлых булгар, салтовцев, как и для херсонитов, все же не самым плохим временем[213]. Если

скольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 252–254, рис. 1, 6; *Шандровская В.С.* Печати византийских торговцев VIII–IX вв. // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 396–397.

[209] *Sandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegeln in Sudak. – P. 86, 88; *Sandrovskaja V.* Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim. – P. 153–155; *Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее VII–IX вв. – С. 120–122.

[210] Theophanis Chronographia. – P. 479; *Miller D.A.* Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1024 AD // BS. – 1971. – T. 32. – F.1. – P. 66–67; *Oikonomides N.* Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // Studia Slavico-Byzantina et Medievalia Europensia. – 1988. – Vol. 1. – P. 29–31; *Соболева Н.А.* Русские печати. – М., 1991. – С. 85

[211] Архимандрит Антонин отметил, что «летоисчисление этой любопытной заметки не подлежит сомнению. Оно записано дважды. В первый раз перо писца прорезало пергамен, что и заставило его повторить написанное. В прилагаемом facsimile можно видеть и то и другое письмо» (*Архимандрит Антонин.* Заметки XII–XV века... – С. 615, №135). Ср.: Труды В.Г. Васильевского. Т. 3. – С. CLXIV; *Брун Ф.* Материалы для истории Сугдеи // Брун Ф. Черноморье. – Одесса, 1880. – Ч. 2. – С. 127.

[212] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 243.

[213] Экономический упадок Сугдеи со второй половины VIII в., постулируемый И.А. Барановым, не

они и контактировали с хазарами в политической плоскости, это было эпизодично, непоследовательно, как и хазарское военное, административное присутствие, о котором, к слову, молчат летописные источники, хронографы, повествующие о походе князя Бравлина, повоевавшего в конце VIII или первой половине IX в. земли «от Корсуня до Корчева»[214].

Таким образом, ни остатки материальной и духовной культуры города, греческие, провинциально-византийские в своей массе, ни наличие следов властного вмешательства византийской администрации, ни роль крупнейшего христианского религиозного центра на крымской земле не позволяют согласиться с заявлением о том, что в 30-40-е гг. VIII в. Сугдея якобы была захвачена болгарами и превратилась в «столицу Крымской Хазарии», каковой — праболгарской — оставалась до 40-х гг. X в., когда была разгромлена хазарскими войсками под предводительством Песаха в отместку за поддержку городом союзных Византии войск русов во главе с Хелгу (Халгу)[215]. Если это и была своеобразная «столица», то лишь юга Таврики, на которую ромейские власти с конца VII в. до 30-х гг. IX в. смотрели вместе с хазарам как на кондоминатную территорию, а затем целиком забрали под контроль Империи.

Спорным выглядит и вопрос о полном включении другого значительного раннесредневекового центра — Боспора в политико-экономическую систему Хазарского каганата. Обычно Боспор увязывают с областью степных предгорий Центрального Крыма, с северопричерноморской степью и Приазовьем, что уже само по себе как бы автоматически изолирует его от южных связей[216]. Давнее и достаточно авторитетное мнение утверждает, что после того, как город «освободился» от власти «римских правителей», он «больше не оправился», «сошел со сцены», а в итоге оказался «во власти хазар», занят ими, более того, стал «основным опорным пунктом хазар на полуострове», «центром хазарских владений в Крыму», управлялся наместником хагана, тудуном, имел «свой хазарский гарнизон и даже колонию хазарского населения»[217]. Ныне принято считать,

вяжется с его же собственными наблюдениями, и, скорее надуман, дабы «захват города хазарами» выглядел убедительнее (см.: *Баранов И.А.* Торгово-ремесленные кварталы ... – С. 52).

[214] Труды В.Г. Васильевского. Т.3: Русско-византийские исследования. Житие св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – Пг., 1915. – С. CXLII–CXLIII, 95, гл. 53; *Горский В.* О походе русских на Сурож // ЗООИД. – 1844. – Т.1. – С. 191–196.

[215] *Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища... – С. 83–84. Забегая вперед, стоит заметить, что поход Песаха не имеет надежных датировок, а если Сугдею все же отнести к числу трех городов, разгромленных хазарским военачальником, тогда, следуя указанию Кембриджского анонима, она должна была принадлежать «Роману», то есть византийскому императору, и, значит, рассматривалась как ромейский, а не праболгарский город.

[216] *Гадло А.В.* [Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 269 (*Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168); *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии (АДСВ. – Вып. 17). – Свердловск,1980. – С. 130.

[217] *Кулаковский Ю.А.* К вопросу об имени города Керчи // Charisteria: Сборник в честь проф. Ф.Е.Корша. – М.,1896. – С. 192–193; *Васильев А.А.* Готы в Крыму. Ч.2 // ИГАИМК. – 1927. – Т.5. – С. 195, 232; *Dunlop P.* The History of the Jewish Khazars. – Princeton; New Jersey, 1954. – P. 174; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 198–200; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. – М.;Л.,1964. – С. 6, 55; *Плетнева С. А.* Хазары. 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 55; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 148, 152–153; *Болгов Н.Н.* Боспор византийский: очерки истории // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1998. – С. 118–120; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 185–188, 222; *Мо-*

что византийская крепость Боспор (Воспор, Восфор) была разгромлена к концу VII в., в 679-680 гг., после чего на противоположных берегах Керченского пролива, а точнее, на Керченском и Таманском полуостровах, были возведены «хазарские укрепления» Керц (Боспор или Тиритака) и Самкерц-Самкарш (Гермонасса—Таматарха)[218]. Если следовать этой точке зрения, получается, что хазары вторглись в Восточный Крым раньше, чем в Закавказье, где они разгромили армянские, грузинские и албанские войска в августе 685 г.[219] А.В. Сазанов датировал приход хазар на территорию Крымского полуострова концом VII — началом VIII в., но и он полагал, как само собой разумеющееся, что этими событиями «...завершается история ранневизантийского Боспора»[220]. По мнению А.И.Айбабина, совпадающему с давней версией Ю.А.Кулаковского, в городе находилась резиденция хазарского наместника — тудуна, а хазарский гарнизон оставался по меньшей мере до 60-х гг. IX в.[221] К. Цукерман тоже считает этот «главный центр хазарской власти» единственным важным городом Крыма, где «археологически отмечаются массовые следы хазарского присутствия» (sic!)[222]. На самом деле существующие на сегодняшний день материалы не подтверждают концепции о захвате хазарами Боспора в 679-680 гг. и принадлежности города Хазарии в VIII-IX вв. Материальная культура города этого времени носит ярко выраженный провинциально-византийский характер (риС. 109). По меньшей мере странно относить к «остаткам жизнедеятельности хазар» в центрах Восточного Крыма и на Тамани амфоры с рифлением, красноглиняные

гаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 103; *Могаричев Ю.М.* К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 10. – С. 270; *Тортика А.А.* Боспор Киммерийский в хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 362; Археологія України: Курс лекцій. – С. 424.

[218] *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). – СПб., 1870. – С. 131; *Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. – 1991.– №2. – С. 25; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 99; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII – X вв.): Автореф. дис. . ..д-ра ист. наук / Институт археологии НАН Украины, – К.,1994. – С. 14; *Иваненко П.И., Ивакина О.А.* Керчь: история имени (этимологический очерк). – Керчь,1996. – С. 7–8; *Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия: Сборник в честь 70-летия проф. В.И.Кадеева. – Харьков,1997. – С. 166; *Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 168–169. Подразумевается также, что Самкерц (он же античная Гермонасса и средневековая Таматарха) являлся таможенным пунктом.

[219] *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 332.

[220] *Сазанов А.В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. – 1991. – №2. – С. 25.

[221] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма:Автореф. дис. ...д-ра ист. наук / Институт истории материальной культуры РАН. – СПб., 1998. – С. 22–25; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 187–190.

[222] *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 675. На самом деле эти «массовые следы» сводятся к сомнительной постройке в портовом районе, которую некоторые исследователи искусственно возвели в статус «хазарской крепости», и к одной «усадьбе» (так называемому помещению 12 в Кооперативном переулке), сооруженной на месте погибшей в пожаре (последний столь же искусственно притягивается к хазарскому завоеванию Боспора в конце VII в., хотя шкала для средневековых слоев Керчи показывает, что пожар завершал период конца VI в. – 650 / 670 гг. и мог случиться еще до появления хазар в Крыму (см.: *Сазанов А.В.* Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 82–83, табл. 21).

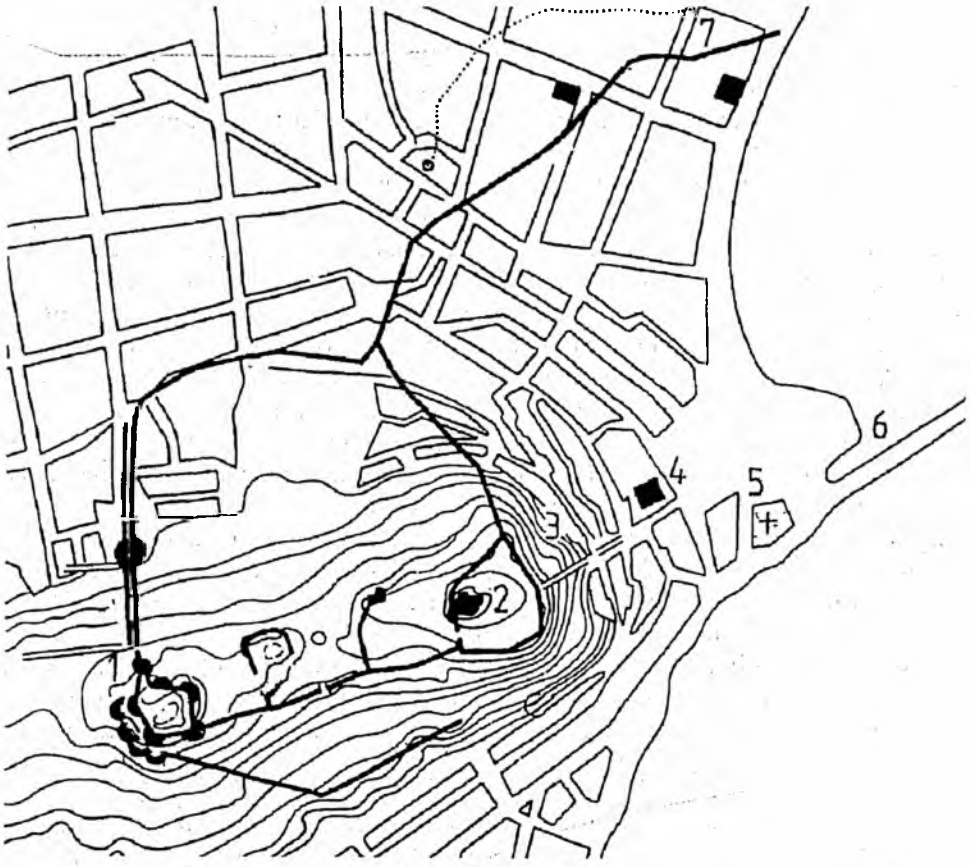

Рис. 109. План Пантикапея-Боспора: 1 – Второе кресло горы Митридат; 2 – центральное плато горы Митридат; 3 – некрополь на склоне горы; 4–5 – центр города в римский и византийский периоды, церковь Иоанна Предтечи; 7 – оборонительная стена античного и римского времени

кувшины с плоскими ручками и плоским дном, кухонные гончарные горшки, даже тонкостенные стеклянные чаши и рюмкообразные сосуды, какие ромеи использовали и в качестве сосудов для питья, причастия, и в качестве светильников-лампад[223]. «Массовые следы» хазар в Боспоре сводятся к сомнительным постройкам в портовом районе, которые некоторые исследователи надуманно возвели в статус «хазарской цитадели», и к одной «усадьбе» с очагом (так называемому помещению 12 в Кооперативном переулке), сооруженной на месте погибшей в пожаре (последний столь же искусственно притягивается к хазарскому завоеванию в конце VII в., хотя шкала для средневековых слоев Керчи показывает, что пожар завершал период конца VI в.– 650/670 гг. и мог случиться еще до появления хазар в Крыму)[224]. Ревизия А.В. Сазановым анализа

[223] Ср.: Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство. – С. 54, 55.
[224] См.: *Сазанов А.В.* Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, куль-

комплекса постройки, предложенного А.И. Айбабиным, показывает, что помещение 12 возникло в 60–70-х гг. VII в., после гибели предшествующих построек, недолго просуществовало в течение последней трети VII в., после чего было покинуто к началу VIII в., не оставив никаких признаков «хазарского слоя»[225]. Здесь обнаружены полуфоллис Ираклия и Ираклия Константина (612–638) и фоллис Юстиниана II (686–687), но нет уверенности, что эти монеты не относятся к слою более позднего времени.

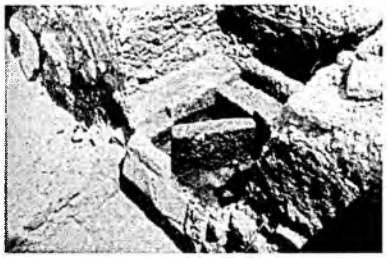

Рис. 110. Колодец рядом с предполагаемой купелью баптистерия в боспорском здании VI в. с мраморным полом (по Т.И. Макаровой)

Разрушение хазарами обнаруженного в портовом районе так называемого базиликального комплекса с мраморными полами и, вероятно, купелью не подтверждается археологическими материалами: общественное здание погибло в результате, скорее всего, тюркского разгрома Боспора 586 г. или немного позже (рис. 110)[226]. Слой же «хазарского времени» (VIII — первой половины IX в.) на данном участке (помещение 8) вообще не зафиксирован.

Представление о полной принадлежности, политическом подчинении Боспора Хазарскому государству или даже о протекторате Хазарии над ним в VII–IX вв. — гипотеза, которая не в состоянии разрешить имеющиеся противоречия и дать удовлетворительные ответы на целый ряд возникающих вопросов. Несовершенство этой версии заставляет исследователей искать и находить иные объяснения, от которых нельзя отмахнуться как от досужих «кабинетных умствований»[227]. На мой взгляд, с не меньшим правом в Восфоре эпохи «темных веков» можно видеть все тот же вариант кондоминатного византийско-хазарского владения. Именно отсюда открывался наиболее удобный выход к началу знаменитого Хазарского пути на Восток, и понятно, что проблема контроля над этим регионом, стремление сохранить здесь влияние, наладить собственные перевалочные торговые, таможенные пункты, источники поступления денежных сборов не могла не занимать византийские власти, для которых обладание именно при-

туры. – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 82–83, табл. 21.

[225] *Сазанов А.В.* Боспор и Хазария в конце VII – начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 218–219; *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 488–501.

[226] См.: *Сазанов А.В., Могаричев Ю. М.* Боспор и Хазарский каганат... – С. 472–483.

[227] Ср.: *Сорочан С.Б.* Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Тезисы докл. Междунар. науч. археол. конф. – Самара, 1995. – С. 79–81; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 41–46, прим. 120; *Сорочан С. Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 220–225; *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 76–81; *Науменко В.Е.* Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Боспор Киммерийский: На перекрестке греческого и варварского миров (античность–средневековье): Материалы I Боспорских чтений. – Керчь, 2000. – С. 96–105; *Науменко В.Е.* Боспор в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический заповедник. – Симферополь, 2001. – С. 336–361; *Сазанов А.В.* Боспори Хазария... – С. 218–222.

морскими центрами было особенно важно не только с политической точки зрения[228]. Рассмотрим некоторые факты.

Долгое время было принято считать, что прекратившийся выпуск монет на Боспоре в раннее Средневековье так и не возобновился[229]. Однако крайняя редкость в Херсоне некоторых монетных типов (серии из монет двух номиналов с именем императора Маврикия Тиверия в легенде, со знаками стоимости D (4) и H (8); монеты с именами василевса Ираклия и его сына, Ираклия Константина, с двухфигурной композицией на аверсе и фигурой с посохом, завершающейся хризмой, рядом со знаком стоимости H (8) на реверсе; монеты с надчеканкой в виде монограммы из начальных букв имени Ираклия) при их преобладании на Боспоре заставляет внимательнее отнестись к предположению об их чеканке в оффицине Боспора в конце VI в. — 30-х гг. VII в., в период его нахождения в составе крымского дуката во главе с дуксом Херсона[230]. В этой же связи следует обратить внимание на полуфоллисы (или фоллисы — судя по весу) Константа II и его сына — соправителя Константина IV (654–659) и бронзовые монеты конца VII — начала VIII в. с греческой литерой В, читаемой либо как «Воспор», либо как «Вардан», либо как обозначение номинала или года индикта[231]. К настоящему времени известно не менее девяти монет Константа II с буквами К (20 нумий — полуфоллис или начальная литера имен Константа и Константина) и В на реверсе, причем большинство из них происходит из Керчи и ее окрестностей и лишь две — из Херсонеса[232]. По мнению Вальтера Хана, поддержанному В.В. Гурулевой, все они были чеканены одной парой штемпелей и выпущены, скорее всего, в Херсоне[233]. Однако не может не настораживать разность, и порой значительная, весового стандарта, а также чеканка экземпляра, хранящегося в ГМИИ им. А.С. Пушкина, иным штемпелем лицевой стороны, «что указывает на более многочислен-

[228] Такой контроль позволял Византии сохранять за собой и внутренние регионы (см.: Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 12–13).

[229] *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 10.

[230] *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 366.

[231] *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсонеса. – С. 27–29, 33; *Salamon M.* Mennictwo byzantynskie. – Krakow,1987. – S.163–164.

[232] *Гилевич А.М.* Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 215, №1 (единственная, надежно привязываемая к Херсону монета весом 5,05 г, найденная в засыпи при раскопках квартала XX в 1985 г.); *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные монеты из коллекции Д.П. Вашкова // ВВ. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 180–186 (монета из коллекции Д.П. Вашкова весом 7,64 г., по словам найденная в Херсонесе на берегу моря; монета весом 6,52 г, найдена в 1994 г. в Керчи); Сидоренко В. Монетная чеканка Боспора 642–654 гг. // Византия и Крым: Междунар.науч. конф., Севастополь, 6–11 июня 1997 г. – Симферополь, 1997. – С. 74–75; *Сидоренко В.А.* Монетная чеканка византийского Боспора. – С. 374–376. Место находки еще пяти монет неизвестно (из коллекции И.И. Толстого, вес 7,75 г; монета из отчета Американского нумизматического общества 1980 г., вес 5,45 г; из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, вес 7,37 г; два экземпляра весом 6,72 и 9,23 г, изданные В. Ханом; см.: *Hahn W.* The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times // The Numismatic Circular. – 1978. – Vol. 86. – N11. – P. 521–522; *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные монеты... – С. 184).

[233] *Hahn W.* Moneta Imperii Byzantini. – Wien, 1981. – Teil 3. – S.147–148; *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные византийские монеты из коллекции Д.П. Вашкова в Эрмитаже // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. – М., 1991.– Т.1 (А–К). – С. 414–415; *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные монеты из коллекции Д.П. Вашкова. – С. 183–186.

ный выпуск таких монет, чем можно было полагать ранее»[234]. Следует согласиться с А.М. Гилевич, что сам факт находки таких монет в Херсоне не может служить надежным доказательством их местного выпуска, тем более некоторые экземпляры (например, из собрания И.И.Толстого) несут следы перечеканки, видимо, с фоллисов Ираклия, и встречаются в Восточном Крыму[235]. Редкость их относительна, ибо херсонские фоллисы Ираклия столь же считаны, хотя деятельность монетного двора в Херсоне в это время не оспаривается. Наконец, еще одна монета Тиверия Апсимара (698–705), на сей раз константинопольского выпуска, но надчеканенная той же литерой В, найдена в Керчи, а две известны в византийском Херсоне[236]. Предложение И.В. Соколовой видеть в литере В начало имени Вардана-Филиппика, провозглашенного императором в Херсоне в 711 г.[237], не увязывается с тронным именем василевса: его монеты, появись они на местном монетном дворе, должны были бы нести либо надчеканенную, либо литую букву Ф. Правда, В. Хан считал, что особенности иконографии и метрологии монет с *каппой* и *бетой* на реверсе указывают на херсонский выпуск 658/659 г. и расшифровывал В как второй год индикта[238]. Однако и эти соображения не несут окончательного, надежного решения, поскольку тот же «индикт» надчеканивался на более поздних монетах Тиверия Апсимара. Среди разных точек зрения наиболее правдоподобной и устраняющей все разногласия является мнение, в свое время уже высказанное И.И.Толстым, К.В. Голенко и Филиппом Грирсоном, о возможной периодической деятельности боспорского монетного двора в середине VII — начале VIII в. и, следовательно, о включении «Воспора» в политико-экономическую сферу Империи ромеев[239].

Практика перечеканки и надчеканки прежних эмиссий была хорошо известна со времени правления Ираклия (610–641) и позволяла вновь пускать в ход более ранние монеты независимо от места и времени их выпуска[240]. Следовательно, на Боспоре она оказалась осуществлена, хотя весьма недолго, эпизодически и в очень небольшом количестве, вероятно, около середины VII в. и близко ко времени правления Тиверия Апсимара. Во всяком случае, временная, но отнюдь не уникальная деятельность боспорской оффицины не может быть огульно отвергнута только на основа-

[234] *Гурулева В.В.* Редкие и неизданные монеты... – С. 184.
[235] *Гилевич А.М.* Новые материалы к нумизматике... – С. 216; ср.: *Гурулева В.В.* Указ. соч. – С. 185–186.
[236] *Golenko K.* Gegenstempel auf Chersoner Münzen des Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge für Numismatik. – Hamburg, 1964–1965. – Heft18/19. – S. 5–12 (особенно S. 9); *Голенко К.В.* Монеты из раскопок Государственного Исторического музея в Херсонесе (1958–1969 гг.) // СА. – 1972. – №4. – С. 212, 214, №60; *Грандмезон Н.Н.* Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ.– 1986. – Т. 46. – С. 211, №6. Следует заметить, что обвинения К.В. Голенко в смешении начертания надчеканки R – монограммы имени Ираклия с буквой В несправедливы: исследователь лишь заметил присутствие и того и другого на различных монетах, которые считались, по мнению нумизматов, принадлежащими правлению Ираклия (*Golenko K.* Op. cit. – S.6, 8; ср.: *Гурулева В.В.* Указ. соч. – С. 183).
[237] *Соколова И.В.* Монеты и печати ... – С. 29.
[238] *Hahn W.* Moneta Imperii Byzantini. – S. 147–148.
[239] *Толстой И.И.* Византийские монеты: Вып. 1–9.– СПб., 1912–1914. – Вып. 7. – С. 775–776, табл. 56, №282; *Golenko K.* Op. cit. – S.9; Catalogue of the Byzantine Coins in the Oaks Collection and in the Whittemore Collection / Ed. by Ph. Grierson. – Washington, 1968. – Vol. 2. – Pt. 1. – P. 38–39.
[240] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 104–107.

нии субъективного представления о Боспоре как о «захолустном городке области», где в обращении находились лишь византийские, херсонские монеты, а собственный их выпуск был бы чрезвычайно маловероятным[241]. При этом вовсе не обязательно пускаться в другую крайность и заявлять, что якобы уже при Ираклии монетная регалия в Таврике перешла от Херсона к Боспору, а чеканка на Боспоре при Константе II монет византийского облика знаменовала утрату Херсоном в середине VII в. прежних прерогатив, связанную с изменением политики Византии и приобретением Боспром нового, независимого статуса[242]. Ведь Херсон тоже осуществлял небольшие и столь же редкие эмиссии и поэтому, если и можно говорить об изменении ромейской политики, то лишь в плане расширения и некоторого оживления практики монетной чеканки в Крыму предхазарского времени. Продолжение ее в городе, оказавшемся целиком во власти хазарского правителя, совершенно не реально. Чтобы не согласиться с этим, надо признать, что «добрые» хазарские власти разрешали здешним ромейским подданным жить так, как они жили раньше, без каких-либо изменений, со своими прежними властями, за исключением необходимости отдавать хагану, как и василевсу, их долю дохода. Однако последнее было бы возможно только при кондоминатном статусе подчиненных территорий.

Уже упоминавшийся выше «архонт Восфора» Валгиц (Balgitzin, tou archonta Bosphorou), о котором Феофан и Никифор писали в связи с событиями 704–705 гг., возможно, мог быть тюрком по происхождению, что не мешало бы ему отправлять службу «двойного подчинения» — императору ромеев и хагану хазар, действовавших с конца VII в. в Крыму в духе соглашения о кондоминиуме[243]. Поэтому-то наместник архонтии Боспора был для ромеев «архонтом» — византийским «начальником», а для хазар — «валгицем», «комендантом города», «правителем», «держателем печати», если интерпретировать его имя как тюркский термин[244].

Примечательно, что, собрав в 710 г. большой флот, Юстиниан II отдал приказ командующим, патрикиям Мавру Вессу и Стефану Асмикту, по-

---

[241] *Соколова И.В.* Монеты и печати ... – С. 29.

[242] Ср.: *Сидоренко В.А.* Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматике) // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Тезисы докл. междунар. науч. конф. – СПб., 1998. – С. 113–114; *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора. – С. 376.

[243] Не исключено, что имя Balgitzin было образовано от тюркского Bulgi, Balgichi – «правитель», которое в древнееврейском также означало «начальник отряда» (ср.: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. – T. 2. – S. 86; *Golb N, Pritsak O.* Khazarian hebrew documents of the Tenth Century. – Ithaca; London, 1982. – P. 116–117, 137–138), но, на мой взгляд, это слабое основание для того, чтобы видеть в лексеме едва ли не единственное и вместе с тем решающее указание на существование в Боспоре ставки хазарского balitzi, надзиравшего за Керченским проливом. См. рассуждения на эту тему: *Minorsky V.* Balitzi – «Lord of the Fisches» // Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes. – 1960. – Bd. 56. – S.130–137; Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым: Междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 5–9; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 187–188 (там же наиболее полная литература вопроса).

[244] *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений. – С. 347–349; ср.: *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932. – С. 118–119; *Golden P. B.* Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khayars. – Budapest, 1980. – Vol. 1. – P. 165–169. Впрочем, не лишне отметить, что далеко не ясный термин «бул-ш-ци» мог быть и не связан с именем архонта Валгица и даже с самим тюркским термином «вал-гиц» (см.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 144).

карать в числе прочих враждебно настроенных к нему архонтий Таврики «Восфор», который, стало быть, как и Херсон, продолжал считаться остававшимся под контролем Империи[245]. Фанагорийцы, среди которых он прожил в два раза больше лет, чем в Херсоне, с этой точки зрения его не интересовали, видимо, потому, что в свое время не действовали против него в союзе с местным архонтом «от лица хагана». Именно стремление наказать подданных-изменников, а не желание силой отобрать у хазар Дори, нанести удар хагану было причиной византийской военной экспедиции, на что совершенно недвусмысленно указывают письменные источники. Шесть лет назад архонт Боспора (Восфора), ромей, а не «местный хазарин», должен был убить Юстиниана, поэтому последнему было за что мстить предателям-боспорцам, как и херсонитам. Но об изгнании или покорении хазар василевс даже не помышлял. Это давняя досужая выдумка исследователей[246]. Речь определенно шла о наказании неверных «восфориан», но не хазар, которые, владей они безраздельно городом, не допустили бы такого самоуправства со стороны чужого государя, тогда как последний, в свою очередь, не стал бы замышлять подобного в отношении владений своего союзника — шурина[247]. Тамошние жители-икиторы должны были быть наказаны Юстинианом II еще и за то, что, вопреки соглашению о кондоминиуме, вмешались в политическую борьбу и тем еще более отяготили свою вину даже в глазах хагана, занявшего по отношению к ним стороннюю позицию. Ю.А. Кулаковский отрицал реальность такой военной экспедиции, однако обнаружение в ходе раскопок монет конца VII в. и близкого к ним слоя разрушения некоторых боспорских зданий, жилых домов, производственных комплексов, хозяйственных построек может свидетельствовать именно об этой карательной акции, отчетливо зафиксированной письменными источниками[248], а не о погроме Тиритаки, Илурата и самой столицы региона, якобы захваченной хазарами в последней четверти VII в.[249] Ви-

[245] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 40, 63, 156, 164.

[246] Ср.: *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т.16. – С. 80; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство. – С. 59.

[247] К тому же надо учесть, что во время второго правления Юстиниана отношения с хазарами, несмотря на предыдущие эксцессы, оставались в целом дружественными. Под 706 / 707 г. Феофан и Никифор отметили, что хаган вернул василевсу его жену-хазарку и младенца-сына (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения ... – С. 40, 63, 156, 164). Следовательно, даже с точки зрения чрезвычайно злопамятного, мстительного Юстиниана, готовившееся на него в Фанагории покушение отвечало неким «нормам», в действии которых нельзя было однозначно винить хазарскую сторону.

[248] Следы разгрома подтверждают и результаты раскопок цитадели Баклы, в котором тоже можно видеть кастрон или полисму, центр одной из местных архонтий, пострадавший от карателей в 710–711 г. (см.: *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 114–119, 196).

[249] Слой пожара шел поверху слоя, в котором, как кажется, оказался фоллис Константа II, выпущенный в 654–659 гг. После этого на данном месте был сооружен дом, рядом с которым в подстилающем слое сутлинка оказался фоллис Юстиниана II, чеканенный в 686–687 гг. А.И. Айбабин отмечает, что пожар случился после 659 г., но ведь и дом мог быть построен после 687 г., а значит, есть вероятность, что и то и другое событие могли быть разделены совсем незначительным промежутком времени и случиться около 710–711 гг. (см.: *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис. ...д-ра. ист. наук / Институт истории материальной культуры РАН. – СПб., 1998. – С. 21; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 185–187, рис. 79; *Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 168–169). К. Цукерман, путаясь, называет фоллис 654–659 гг. «фолием Юстиниана II» и, ссылаясь на А.И. Айбабина, тоже полагает, что именно эта находка «...дает terminus post quaem для пожара, который отмечает захват хазарами Босфора» (*Цукерман К.* Хазары и Византия... – С. 331–332).

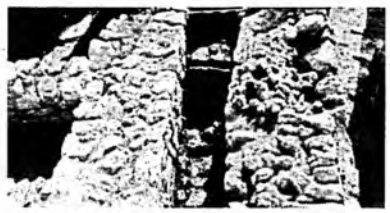

Рис. 111. Стены «хазарской крепости» в Боспоре. Вид с запада (по Т.И. Макаровой)

зантийские медные монеты долго не выходили из обращения и поэтому строить на их основании хронологию случившегося было бы неразумно. Прочие же археологические материалы, фрагменты керамики второй половины – конца VII в. очень трудно отделить от материалов самого начала VIII в., бытовавших практически одновременно.

Примерно в это же время, в начале периода, который А.В. Сазанов относит по разработанной им хронологии к последней трети VII – середине IX в., над остатками разрушенных и снивелированных кварталов в портовой части Боспора, куда уже в позднеантичную эпоху переместилась основная жизнь города, были возведены новые, но небольшие жилые дома и какое-то обширное сооружение с двумя параллельными, очень близко расположенными напротив стенами толщиной около метра и меньше и несколькими другими, перпендикулярными им (контрфорсами?)[250]. Его связывают с хазарской «белокаменной крепостью, возведенной на руинах Юстинианова строительства», с «цитаделью», построенной «на остатках строительства Боспора», куда хаган поместил «органы управления городом» и хазарский гарнизон[251], хотя постройка, сооруженная в промежутке после конца VI в. до середины IX в., перекрывает архитектурный комплекс из обтесанных квадров и не имеет ничего общего с известными памятниками хазарской фортификации (риС. 111)[252]. Сопутствующий массовый провинциально-византийский материал, амфоры, кувшины, краснолаковые блюда явно превалируют над кухонной сероглиняной и лощеной посудой «салтовского облика». Кладка из подтесанных камней на грязевом растворе с рваным бутом между двумя панцирями, конечно, достаточно проста, но отнюдь не исключает возможность работы над ней греческих каменщиков, которые, как показывают строительные остатки средневекового Херсона, Сугдеи, Партенита, Илурата, Тиритаки и других крымских мест, давно знали этот прием возведения стен, необоснованно считающийся, наряду со столь же давно известной кладкой «в елочку» (opus spicatum), одной из важных отличительных особенностей салтово-маяцких построек Крыма, Приазовья и Предкавказья. Вызывает удивление и полное отсутствие каких-либо находок обломков оружия, остатков воинской амуниции или конного снаряжения, естественных на месте «хазарской цитадели» с ка-

[250] *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА АН СССР. – 1965. – №104. – С. 75–76; *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. – 1982. – №4 – С. 99; *Макарова Т.И.* Боспор–Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 129–130; *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 356–358, рис. 9; ср.: *Сазанов А.В.* Хронология слоев средневековой Керчи. – С. 82–83, табл. 21.

[251] Ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 188–189; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство. – С. 53, 55; *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – С. 153; *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым. – С. 102–103.

[252] *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат... – С. 484–488.

зармами[253]. Поэтому с куда бóльшим основанием можно предполагать, что перед нами следы укрепления, которое местные икиторы-восфориане торопились соорудить в портовом районе в 710/711 г. против приближавшегося первого карательного флота Юстиниана Ринотмета[254]. Рядом, в 65 метрах, около керченской церкви Иоанна Предтечи, на уровне залегания «крепости», прослеживается угол еще одной постройки с вымосткой из плитняка, тоже сложенной из подтесанных камней с забутовкой на глине, местами в технике opus spicatum, однако пока нет ни малейших оснований видеть во всем этом синагогу, разрушенную при сооружении христианского храма[255].

Округа Боспора пополнялась пришельцами, очевидно булгарами, потом «салтовцами»[256]. Во второй половине VIII в. две трети из примерно 250 новых поселений появились в Крыму именно на Керченском полуострове, преимущественно на пустующих, свободных землях, что не заставляло мигрантов сталкиваться с уже живущими здесь. Ю.М. Могаричев полагает, что такое расселение переселенцев, по сути дела, колонизация, с территории Хазарии происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, но с согласия и под контролем византийских властей[257]. Косвенно это наблюдение подтверждается районированием процесса, при котором юго-западные земли полуострова были практически полностью исключены из разрешенного местожительства «салтовцев». К немногим исключениям здесь может быть отнесено селение Савгатухате — Saugatouchate (с тюркского «Дарованное»), в котором скорее всего в последней трети VIII в. возвели и освятили христианский храм, отметив в традиционной формуле строительной надписи на греческом, что это произошло в «правление хагана и тудуна», причем последний, очевидно, имел отношение к правлению областью с названным селением[258].

---

[253] Ср.: *Плетнева С. А.* Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996. – С. 22–27, рис. 6. Судя по отсутствию находок в слое пожара кувшинов с плоскими ручками на высоком поддоне, обычно весьма многочисленных, сооружение погибло до середины IX в., а не во второй половине столетия, следовательно, связывать это событие с печенежским вторжением в конце IX в., как делает Т.И. Макарова, нельзя (*Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи... – С. 390–391; ср.: *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат... – С. 488). Столь же необоснованно приписывать разрушение венграм, якобы совершившим его в третьей четверти IX в. (*Aibabine A.* La Crimee de l'Antiquite tardive et du haut Moyen Age (milieu du IIIe –IXe s.) // Archeologie de la Mer Noire. La Crimee a l'epoque des grandes invasions, IVe–VIIIe s. – Caen, 1997. – P. 57).

[254] *Сазанов А.В.* Боспор и Хазария... – С. 220.

[255] Ср.: Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство. – С. 54–55.

[256] *Зинько В.Н., Пономарев А.Ю.* Гончарная керамика VIII–IX вв. с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. – Керчь, 1999. – С. 204–206.

[257] *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2003. – Вып. 13. – С. 265; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 238.

[258] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 42–52, рис. 1. Я бы остерегся столь категорично связывать этот храм с базиликой в бельбекском С. Поворотное, как предлагают авторы, поскольку такого рода храмы, базилики известны и в других местах Юго-Западного Крыма, где их число действительно стало расти со второй половины VIII в. (см.: *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. – Ч. 2. – С. 1007–1010, рис. 390–393; там же библиография).

Тем не менее даже в таком окружении новых поселенцев сам город Боспор, как и его почти «зеркальное отражение» — Херсон, сохранил в это время исконное, преимущественно греческое население с примесью иудеев, потомков гуннов, алан, готов[259] и продолжал развиваться не только как митрополия — столица епископства и крепость. Изучение хронологии его слоев позволяет выделить строительный период конца VII — первой половины — середины IX в., причем внутри него прослеживается более дробная хронологическая шкала[260]. Следующий период пришелся на середину — вторую половину IX в. Не замирала и хозяйственная жизнь: горожане продолжали эксплуатировать некоторые позднеантичные рыбозасолочные цистерны вплоть до конца IX — начала X в.[261]

Также ясно, что Боспор не испытал в «темные века» принципиальных изменений ни в этническом, ни в конфессиональном плане. Он сохранял функции крупного религиозного центра православия. Среди подписей, стоящих под 18 деянием Шестого собора 681 г. об утверждении Символа Веры, значится некто Давид, отметивший себя как «смиренный диакон святейшей церкви в Боспоре и занимающий место почтеннейшего моего епископа Андрея»[262]. Число имен этих высших иерархов увеличивает недавно обнаруженный в Херсоне моливдовул Петра Пистика, епископа Воспора (PETR PISTIKOY EPISKOPOU BOSPOR), который на основании стилистических особенностей относится к памятникам VI–VII вв.[263] По значимости и многолюдству своей архиепископской кафедры город, видимо, почти не уступал Херсону, поскольку в ранней, Псевдо-Епифаниевой нотиции епископатов (Ecthesis), составленной к 80-м гг. VII в., занимал 25 место сразу после Херсона[264], а в Нотиции де Боора (Notitiae Isaurorum) (конец VIII в. — 860-е гг.) переместился на 29 место, но продолжал сле-

[259] С этим соглашается и А.И. Айбабин, очевидно не задумывающийся над тем, как такое могло случиться в «хазарском» городе (см.: *Айбабин А.И.* Могильники VIII–начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. –С. 130; Айбабин А.И. Этническая история... – С. 189).Так мы в очередной раз сталкиваемся с эффектом крымских «хазар-невидимок», безликих и едва ли не призрачных при всем их пресловутом «господстве».

[260] См.: *Сазанов А.В.* Хронология слоев средневековой Керчи. – С. 50–88, табл. 21.

[261] Макарова Т.И. Боспор–Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 140–141.

[262] Деяния Вселенских соборов, изданные в рус пер. при Казанской Духовной академии. – Казань, 1882. – Т. 6. – С. 239; Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т.4. – С. 230.

[263] Издавший печать Н.А. Алексеенко полагает, что она может иметь отношение к документу, отправленному в Херсон в связи со строительными работами в Боспоре, которые к 590 г. провел здесь стратилат и дукс Херсона Евпатерий, однако это слишком искусственное построение, принудительно притянутое лишь к одному из, несомненно, многочисленных контактов, которые имели между собой светские и церковные власти двух наиболее значительных центров раннесредневекового Крыма (см.: *Алексеенко Н.А.* Печати церковных иерархов из Херсона // Nomos. – Krakow, 1999 / 2000. – Т. 28 / 29. – С. 99, рис. 3; *Алексеенко Н.А.* Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона: Сб. науч. тр. – Севастополь; Краков, 2001. – С. 132).

[264] *Parthey G.* Hieroclis Synecdemus et Notitiae graeca episcopatuum. – Berolini, 1866. – P. 150–161; *Gelzer H.* Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum // Abhandlungen der philos.-philol. Classe der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaft. – München,1901.– Bd.21. – S. 534–545; *Darrouzes J.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes.– Paris,1981. – P. 9, 215, 205.

довать после Херсона и перед автокефальной Сугдеей, остававшихся соответственно на 28 и 30 местах[265].

Все это время, со второй половины VI в. и особенно в VII–VIII вв., на северном склоне горы Митридат продолжало расти христианское кладбище с плитовыми могилами, а вдоль подножия и у порта, на приморском участке, простирались городские кварталы[266]. В середине — второй половине VIII в. в городе по-прежнему действовал некий ранневизантийский храм, судя по надписи-эпитафии от 3 июня, 10 индикта, «лета от Адама 6265» (757 г.) с именем Кириака, сына Георгия (Kyr(i)akos uios Georgiou), на одной из мраморных колонн, после перестроек сохранившейся в керченской церкви Иоанна Предтечи[267]. Примечательно, что в основании парусов и в пазухах сводов над крестовидным объемом этого храма во время реставрационных работ были обнаружены амфоры конически вытянутого типа, которые можно отнести к началу — первой половине X в. и, следовательно, мы имеем дело с постройкой в это время церкви, которой предшествовала более ранняя, видимо возведенная в «хазарский» период[268]. От нее на глубину трех рядов квадров под алтарной апсидой церкви Иоанна Предтечи сохранился полукруг большего диаметра, который мог быть остатками апсиды того самого христианского храма с колонной, датированной поминальной надписью 757 г.[269] С этой точки зрения жизнь «центра хазарской администрации в южном Приазовье» выглядела несколько странно, даже с учетом имевшей место определенной веротерпимости хазар[270].

Монах-иконопочитатель Епифаний, совершавший около первой трети IX в. паломничество по местам апостольской деятельности св. Андрея,

[265] *De Boor C.* Nachträge zu den Notitiae episcopatuum. I // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – 1891. – Bd. 12. – S. 519–534; *De Boor C.* Nachträge zu den Notitiae episcopatuum. III // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – 1894. – Bd.14. Heft 3. – S. 573–599; *Darrouzes J.* Op.cit. – P. 31–33, 229–23, 241–242, 245. Отсутствие упоминания епископа Боспора у Стефана Сугдейского едва ли может служить указанием на исчезновение этой епископии в VIII в. и тем более на перевод ее в Сугдею, поскольку глава Боспорской епархии назван в Житии Иоанна Готского присутствующим на соборе 787 г. в Никее.

[266] *Айбабин А.И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму. – С. 128, 130; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 189; *Пономарев Л.Ю.* К топографии раннесредневекового Боспора (VI–XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 202–205.

[267] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 93–95; *Брунов Н.* Памятники ранневизантийской архитектуры в Керчи // ВВ. – 1928. – Т.25. – С. 87–105; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения восточного Крыма // Боспорские города. 2: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. – МИА. – 1958. – №85. – С. 494–497. Считается, что новая церковь Иоанна Предтечи была сооружена на этом месте не ранее конца IX в. (см.: *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 350–356, 389–391).

[268] *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. – 1982. – №4. – С. 91–106; *Булгаков В.В.* Византийские конически вытянутые амфоры X века // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 5–6, 11, рисС. 1; ср.: *Никитенко М.М.* К проблеме датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. – К.; Судак, 2002. – С. 198–200 (исследователь, опираясь на амфорный материал из архитектурных конструкций церкви Иоанна Предтечи, относит существование предшествующего ей храма к VII – началу VIII в.).

[269] *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. – С. 388, рис. 20.

[270] Ср.: *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии (АДСВ.– Вып. 17). – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 139; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дис. ... – С. 23.

называл его не крепостью, а «Воспором полисом на противоположной стороне Понта» (Bosporon polin peran toy Pontoy), то есть оценивал по самым высоким показателям как полноценный ромейский город[271]. Славянский перевод Жития ап. Андрея вкупе с греческим текстом и его обработкой Симеоном Метафрастом сообщают, что монахи, прибывшие в Боспор, встречались со знавшим десять языков епископом Колимвадием (Колюпадием) и Георгием — его ипопсифием («наместником» в старославянском переводе), то есть кандидатом в епископы, намеченным, но еще не рукоположенным, рассказавшим им местные святые предания, — посетили действующий «очень большой» (pany megalou) храм Св. Апостолов, где им показали ящик или гроб (larnaka) с надписью «Симона апостола», «закопанный в основании наоса» и «содержащий мощи», получили в дар частицы мощей, а также видели искусно сделанные «восковые», энкаустические «первообразы» (archetypa) Христа и многих святых[272]. Все это со словами, что боспорцы «никогда... не принимали какой бы то ни было ереси», указывает на заметное возрождение в городе конца VIII — первой четверти IX в. ортодоксально-православных традиций, на отход от «христомахии», что было бы возможно в правление василиссы Ирины, восстановившей иконы, и Никифора I Геника, терпимо относившегося к их почитателям и старавшегося не будить иконоборческие страсти[273]. После Никейского Вселенского собора 787 г., состоявшегося благодаря усердию василиссы Ирины и патриарха Тарасия, «...все церкви восприняли вновь и везде свое благолепие и были украшены блеском честных икон; и по изгнании тех, которые их преступно преследовали, в сих (церквах) были поставлены иереи и вожди, преданные православию»[274]. Патриархи Тарасий (784–806) и Никифор Исповедник (806–815) даже приняли в епископат былых приверженцев официального иконоборчества, стояли за сотрудничество и компромисс иконоборцев и иконопочитателей и немало сделали

[271] Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г.Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. Вып. 1. – С. 275. 41–42; *Виноградов А.* К становлению легенды об Андрее Первозванном – апостоле Понта // Византия и Крым: Междунар. науч. конф., Севастополь, 6–11 июня 1997 г. – Симферополь, 1997. – С. 25 (24–26); *Иванов С.* Апостол Андрей в Мирмекии // Византия и Крым: Международ. науч. конф., Севастополь, 6–11 июня 1997 г. – Симферополь,1997. – С. 47–48; *Виноградов А.Ю.* Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. – М., 1999. – С. 358.

[272] Хождение апостола Андрея ... – С. 270, 275–276; Епифания, монаха и пресвитера, о жизни, деяниях и кончине святого и всехвального первозванного апостола Андрея // Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1: Жития / Изд. А.Ю. Виноградова. – М., 2005. – С. 312 (33). Нет сомнений, что к 815 г. в церквах и храмах вновь было немало икон и иных священных предметов. Иоанн Диакон подчеркивал, что после иконоборческого собора Льва V «дерзость в отношении к святым изображениям была дозволена каждому желающему; одни сокрушали священные и чтимые драгоценности; другие, разрывая на мелкие куски дорогие священные одежды, бросали их на пол; иные, разрубая топорами изображения на досках, свирепо сжигали их на улицах; некоторые вместо прежних благовоний обмазывали их навозом, салом и зловонными веществами» (Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константинограда и Нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святой Великой церкви Св. Софии // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 61, гл. 79).

[273] *Niavis P.E.* The Reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I, A.D. 802–811. – Athens,1987.

[274] Слово Феофана, пресвитера и игумена, об изгнании святого Никифора и о перенесении его мощей // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 79, гл. 13.

для восстановления почитания икон[275]. Примечательно, что на императорских печатях Никифора I и его сына Ставракия появляются ранее не встречавшиеся крестообразные инвокативные формулы (theotoke boethei) или изображение креста на двух ступенях, и так же оформляли свои печати Михаил I (811–813), Лев V и его сын Константин до 815 г.[276] В соборном послании папе Льву III патриарх Никифор воссылал усиленные молитвы в адрес Михаила I Сильнорукого (811–813) — «благочестивого, державнейшего императора нашего, истинное чадо Церкви, сияющего богоугодными нравами и добродетельной жизнью»[277]. Поэтому Игнатий Диакон не очень преувеличивал, когда писал, что Никифор нашел Церковь в спокойном состоянии и «при полной тишине поплыл по морю Церкви, не опасаясь для нее еретического волнения»[278]. На территории Греции и побережье Малой Азии иконопочитание процветало, монастыри оказались не затронуты даже эдиктами Льва V Армянина[279]. После его смерти, при Михаиле II Заике (820–829) власти придерживались примирительной позиции, умеренной, осторожной политики, вождям иконопочитания было разрешено вернуться в Константинополь, представителям обеих церковных группировок было даровано равноправие, прекращены гонения, даже негласно допускалась установка в храмах икон, при условии, что не будет нарушаться общественное спокойствие[280]. Псевдо-Симеон сообщает, что Михаил даже бранил Льва «как ниспровергателя святых икон»[281]. Но на просьбу патриарха Никифора возродить их почитание, ответил, что пришел не для введения новшеств или уничтожения установленного: «Пусть каждый поступает по своей воле и желанию и да не познает горя и не вкусит страдания» (apathes ponon kai ageustos lypes diatelon)[282]. По отношению к решению церковных вопросов Михаил Травл изначально сформулировал следующее многозначительное кредо: «Кто ранее занимался исследованием церковных догматов, те и дадут перед Богом ответ, хорошо или плохо они узаконили. Мы же в каком положении нашли Церковь, в таком и заблагорассудили оставить ее. Посему мы определяем, чтобы никто не дерзал принимать слово ни против икон, ни за них, но да не будет и слуху — как будто их никогда не бывало — о соборах Тарасия, Константина и Льва и да будет соблюдено почтение по отношению к иконам»[283].

[275] См.: *Мейендорф И.* Византийское богословие. – М., 2001. – С. 91, 103; *Angold M.* Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. – New York, 2001. – P. 86–88, 91.

[276] *Степанова Е.В.* Императорские печати иконоборческого периода: Некоторые наблюдения // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 92.

[277] Никифора, св. отца нашего, патриарха Константинопольского, послание ко Льву III, папе римскому // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 100.

[278] Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием... – С. 19–20, гл. 26.

[279] *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.). – СПб., 1998. – С. 383.

[280] *Герцберг Г.Ф.* История Византии / Пер., прим. П.В. Безобразова. – М., 1897. – С. 116.

[281] См.: *Афиногенов Д.Е.* Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы) // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. – СПб., 2003.– С. 214.

[282] Theophanes continuatus / Rec. I. Bekker. – Bonnae, 1838. – P. 47. 16–48. 8; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. – СПб., 1992. – С. 24 –25 (II. 8).

[283] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи VI–IX вв. – М., 1996. – С. 740; ср.: *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. – СПб., 2001.– С. 41.

Тем не менее источники говорят, что он боялся связываться с иконопочитателями, не хотел восстанавливать Православие ввиду необходимости полного низложения иконоборческого клира и сохранил традиционный для иконоборцев тип императорских моливдовулов: крест во все поле и круговая надпись «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» на лицевой стороне[284]. Сам Епифаний рассказывал, как во время своего «обхода стран и городов вплоть до Воспора», оказавшись в североамалоазийских центрах: Никомидии, Дафнусии, Гераклее Понтийской, Амастриде, Дарипии, Карусе, Синопе, он видел и прикасался к мощам многих великомучеников и мучеников (Пантелеймона, Анфима, Индиса, Феодора, Зотика, Аникиты, Фотия, Иакинфа, Христины, Ипатия, Фоки и др.), их святым реликвиям, свободно посетил мартирии и мемории, которые ему показывали местные жители: «много мощей нашли, а куда не успели, о том тщательно расспрашивали встречных и радостно внимали»[285]. Таким образом, это было массовое явление, и Боспор не был одинок в своем следовании такого рода умеренному, примирительному курсу, впрочем, никоим образом не удовлетворявшему ортодоксальных иконопочитателей. Поэтому Епифаний, именно такой ортодокс, ярый противник «христоборцев» любого рода, во время ограниченной веротерпимости мог упрекать людей в недостаточной преданности тому, что он сам исповедовал, так что его путешествие не обязательно связывать только с периодом пятилетних гонений на монахов при Льве Армянине и на этом основании заявлять, что существование тогда «иконопочитательской кафедры на византийской территории было абсолютно невозможно, зато вполне логично для греческого города, подчиненного хазарам»[286]. Приведенное выше указывает, что такая логика была допустима и для ромейских центров, подвластных василевсам.

Похоже, что местные органы власти в Боспоре действительно оказались сохранены и их подчинение хазарам было условным, исключительно в рамках кондоминатного соглашения[287]. Соседство крымских «наместников», игемонов (egemones), как они названы в одной из версий Жития Феодора Студита и в Житии патриарха Никифора, или (по смыслу) архонтов, топотиритов — «местоблюстителей» с епископами или архиепископами было вполне заурядным явлением в византийских провинциальных городах, к каковым, очевидно, не переставал относиться и Боспор-Босфор. Именно объединение вокруг христианской Церкви изначально способствовало ориентации Боспора на Империю[288]. К тому же сами высокие церковные власти занимали определенные места в ромейской иерархии чинов и должностей среди патрикиев и протоспафариев[289]. Уже в ранней Византии епи-

[284] *Афиногенов Д.Е.* Что погубило императора Льва Армянина? – С. 213–214; *Степанова Е.В.* Указ. соч. – С. 93.
[285] Греческие предания... – С. 160, 286–289 (§9).
[286] См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 345; *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт туду-на... – С. 47.
[287] Ср.: *Болгов Н.Н.* Боспор Византийский: очерки истории // Болгов Н.Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени... – С. 74.
[288] *Русяева А.С. , Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 1998. – С. 106.
[289] *Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах // ИРАИК.– 1898.– Т. 3. – С. 118; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985.

скоп рассматривался как вариант государственного городского магистрата. Будучи главным человеком в городе начиная с VII в., он жил в тесном взаимопонимании с гражданской властью и был частью администрации, обладал законодательной властью, контролировал судебный аппарат, давал разрешения на церковное строительство[290]. Более того, как показывает ромейская практика, епископ имел обыкновение пребывать не столько в своем городе, сколько в Константинополе, где было удобнее принимать участие в управлении Церковью и получать милости от василевса[291]. Так или иначе через церковную юрисдикцию осуществлялось политическое господство Империи. Ромеи считали крещеных как бы подданными императора, и к ним предъявлялись те же требования, что к последним[292]. Нет оснований говорить о том, что здешний епископ превратился в правителя, через которого хазары в одностороннем порядке, самовластно реализовывали управление Боспором.

Истовое же исповедание православной веры якобы чистокровным знатным хазарином, представителем верховной власти Хазарского каганата, тудуном здешней области — а в нем подчас историки видят Георгия, буквально воспринимая славянский перевод термина «ипопсифий» как наместник, — противоречит логике и здравому смыслу[293]. Простой народ долгое время исповедовал тюркскую религию, культ Тенгри, признавал хазарских жрецов-камов (шаманов), а знать и ее окружение, привилегированные группировки уже в VIII или начале IX в. охотно принимали сначала монотеистический протоиудаизм, в дальнейшем традиционную раввинистическую еврейскую религию. А.Л. Бертье-Делагард верно заметил по этому поводу, что хазарская знать, при всей ее веротерпимости, едва ли могла благосклонно помогать развитию христианства, подобно тому как это делал «Георгий наместник»[294]. Заметим: если бы он действительно был хазарским представителем власти, а не «сменщиком» епископа Колимвадия на кафедре. Долгое время сообщений о христианстве среди хазар не было, чего не скажешь о распространении иудаизма, сделавшем заметные успехи, видимо, как раз около 800 г., на рубеже VIII–IX вв.[295]

[290] *Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 192–193, 248.
[291] Там же. – С. 190.
[292] *Иванов С. А.* Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – №3. – С. 62.
[293] Ср.: *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 113 сл.; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.). – С. 29–31; *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – С. 215, 216, 227.
[294] *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 1: Поселения южного побережья; 2: Православные и униатские епархии, их пределы; 3: Справки о Фуллах // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 45.
[295] См.: Encyclopaedia Britannica. – Chicago; Toronto; London, 1960. – Vol. 13. – P. 363; *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы... – С. 40, 43, 202; *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Иерусалим; М., 2001. Такой авторитетный мусульманский историк, как ал-Масуди, в своем капитальном сочинении «Китаб мурудж аз-захаб» («Золотые копи и россыпи самоцветов»), написанном около 943–947 гг., совершенно определенно указывал: «Хазарский же царь принял иудейство во время халифата [Харун-ар-Рашида (786–809)], после того как прибыли к нему (хазарскому царю) многие Евреи из всех мусульманских краев и из страны Рум (Византии). Случилось же это потому, что царь Рума – в настоящее время, в 332 году (943 / 944 г.), царем там Арманус (Роман I) – принудил всех живущих в его государстве Евреев принять христианскую веру и преследовал их..., вследствие чего многие Евреи бежали из земли Рум в землю хазар». То же самое передают поздней-

Наконец, даже вассалы Хазарии сохраняли внутреннюю политическую организацию, на что обратил внимание В.Е. Науменко, отметивший отсутствие свидетельств источников о назначении постоянных наместников хазарского хагана для управления такими областями[296].

Игемоны — правители Готфии и некоего климата Таврики, судя по данным житий Феодора Студита и патриарха Никифора, оставались в правление Константина VI и патриаршество Никифора, то есть в конце VIII и начале IX в., крещеными, тоже исповедовали православие, прислушивались к наставлениям византийских церковных иерархов и содержали местные храмы. Когда епископы и пресвитеры Херсона и Боспора, а также «первенствующие» монахи — видимо, отдельные архимандриты, игумены, великосхимники — отказались принимать дары церквам, которые приносили эти отнюдь не хазарские правители, осквернившие себя, по примеру правившего василевса Константина, попытками вступить в повторные «прелюбодейные» браки, игемоны стали изгонять таких строптивых иереев «из своих церквей и обителей»[297].

Показательно и другое: Епифаний, несмотря на его интерес к этнографическим сведениям, даже не упоминает о хазарах и тем более их владычестве в Крыму, повествуя о своих посещениях Воспора и «народа херсаков». Намек на хазарское присутствие в Восточном Крыму, вероятно, наиболее стойкое, содержит лишь старославянский вариант Жития Стефана Сурожского, автор которого называл жену Константина V «дочерью керченского царя», очевидно подразумевая вхождение Боспора в зону контроля итильского правительства[298]. Впрочем, в этом можно подозревать и реминисценцию более позднего времени, отражавшую положение, ненадолго сложившееся в Таврике в X в. после военного похода

шие восточные историки Ибн-ал-Асир и Шемседдин Димешки (Сведения еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве собрал, пер. и объяснил А.Я. Гаркави. – СПб., 1874. – С. 144–145; *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы... – С. 121, прим. 22; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 150). Со временем, к X в., христиане действительно стали составлять немалую часть хазарского населения, однако верхушка хазарского общества так и не признала христианство, которое не устраивало по политическим соображениям (см.: *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazar. – Princeton, 1954. – P.89 sq.; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 258, 281; *Dieter L.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren – Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. – Münster, 1982. – S.318–325; *Найман А.Я.* Евреи в хазарском каганате // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 94–97; *Коновалова И.Г.* Христианство в Хазарии // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 58–61). Поэтому, решая вопрос о том, кому служил «Георгий наместник» – ромеям или хазарам, надо обязательно учесть краткую и вместе с тем емкую характеристику персидского писателя и географа середины X в. Абу-Исхака ал-Истахри ал-Фарси в его «Книге климатов»: «Самый малочисленный класс [хазар] – иудеи, а самый большой – мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его – иудеи» (Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр.: О Кавказе, Армении и Азербайджане / Текст, пер. Н.А. Караулова. – Тифлис, 1901. – С. 43). Даже если иудаизм был принят хазарским обществом позже начала IX в., представители правящей знати скорее были бы верны культу Тенгри, нежели Христу.

[296] *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений. – С. 344.

[297] См.: Жизнь и подвиги преподобного отца нашего и исповедника Феодора, игумена обители Студийской, описанные Михаилом Монахом (Версия II) // Творения св. отца нашего преп. Феодора Студита, переведенные с греческого языка. – СПб., 1867. – Ч. 1. – С. 25, гл. 16.

[298] Труды В.Г. Васильевского. Т.3. – С. CCXXXI, 93. 16–17, гл. 28. Иначе как фантастическими нельзя назвать хитроумные объяснения этой «дочери керченского царя», предложенные Фридрихом Вестбергом. В ней он видит Ирину, жену Константина Копронима, которая якобы могла быть «не дочерью великого кагана хазар,... а дочь его вассала, керченского кагана, христианина Феодора» (*Вестберг Ф.* О жизни св. Стефана Сурожского. – С. 231).

хазарского полководца Песаха, а не оккупацию хазарами восточной части Крыма в VII – первой половине IX в.[299]

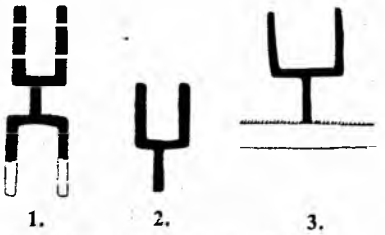

Рис. 112. Условные тамгообразные метки на раннесредневековой херсонской черепице (по А.А. Якобсону)

Следует добавить, что никакими однозначными следами длительного присутствия властных структур хазар и тем более господства каганата на территории Крымского полуострова мы не располагаем: Херсон, Сугдея, южнобережные эмпории, Боспор сохраняли свой греческий, даже не булгарский облик, облик городских портовых центров Романии с разнообразными функциями, с постоянным присутствием византийских властей, и современники никогда не называли их «Хазарией». Отчетливо выраженных, сплошных хазарских культурных слоев в них повсеместно не обнаружено[300]. Культура этих городов в условиях широких связей, как заметил уже М.А. Фронджуло, была идентична[301]. Даже на плато Мангупа, где наиболее вероятно локализуется кастрон Дорос, в котором, судя по сведениям нарративных источников, около 787 г. хаган поместил «стражников таксатов» (phylakas taxatous), находки форм салтово-маяцкой керамики очень редки и, если не считать нескольких тамгообразных знаков на оборонительных стенах, в том числе на бесфундаментных, поставленных в хазарское время, других косвенных следов хазар здесь нет[302]. Такие же знаки можно найти на раннесредневековых черепицах из Херсона, что убедительно указывает на их местный характер, возможно, давнее влияние сармато-аланской среды (риС. 112). Безосновательно считать хазарскими некие невнятно упомянутые погребения «скорченников», обнаруженные во время раскопок Н.И. Барминой за апсидой мангупской крестовидной крещальни VI–VIII вв. и видеть «нехристианское происхождение» в гробнице 16, в северном нефе большой базилики, поскольку ее ориентировка, невзирая на незначительное отклонение, в целом укладывается в принятое у христиан, а изголовье, как и

[299] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 54–68, 152; ср.: *Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin in Crimee aux IXe – Xe s. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 321.

[300] *Баранов И.А.* Указ. соч. – С. 58. С. А. Плетнева туманно намекает на некие два десятка поселений вдоль побережья Юго-Западной Таврики «со слоем хазарского времени», но тут же соглашается с их явным византийским обликом и отсутствием явных следов пребывания хазар (*Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. – С. 165; *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. – Воронеж, 2003. – С. 90, 93). Это же обстоятельство заставляет с недоверием относиться к предпринимаемым в последнее время попыткам В.В. Майко выдать Сугдею или крупное христианское, явно византинизированное поселение на холме Тепсень за праболгарские центры VIII–X вв. (ср.: *Баранов И., Майко В.* Праболгарский горизонт Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – С. 83 сл.; *Майко В.* Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – С. 101 сл.; *Майко В.В.* О локализации Фулл и Фуллъской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133 сл.).

[301] *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 150.

[302] *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т.13. – С. 29, sec. 5; ср.: *Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 62; *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 91.

полагалось, имело расширение в западной части[303]. Кости задней части лошади, уложенные здесь в овальном углублении в скале, в данном случае не годятся в качестве этнического или вероисповедального индикатора, учитывая нестойкость в вере самого раннесредневекового населения Готфии и долгое, до XI–XIII вв., сохранение в Крыму нехристианских местных традиций[304]. Не имеет логики и утверждение о том, что хазары во время своего вторжения якобы разрушили ранневизантийский христианский комплекс Дороса, однонефный храм и крестовидную крещальню, но не препятствовали ремонтно-строительным работам в этой же крещальне, более того, выкладывали мозаичный пол с использованием плинф с «хазарскими метками», возвели еще один однонефный и одноапсидный храм по соседству и вообще... участвовали «в создании на "старом" месте нового христианского ансамбля» эпохи «темных веков» (sic!)[305]. **Присутствие некоторых священников-тюрков в Херсоне и освящение новых христианских храмов на отдельных сельских поселениях Юго-Западной Таврики с упоминанием имен правивших хаганов и тудунов, прослеживаемое по греческой строительной эпиграфике VIII–IX вв., вполне уместно в зоне кондоминиума, в церквах которой наряду с владыкой Хазарии поминали василевса Романии — адресатов главного — налогов**[306].

Находки куфических монет (динаров, дирхемов, фелсов и их подражаний) в Крыму крайне немногочисленны (клад 1824 г.— 81 дирхем конца IX в. и еще один дирхем и несколько фельсов X в. из Херсонеса; два дирхема конца VIII в., подражание аббасидскому динару 168 г. х. и два фельса второй половины VIII в. на холме Тепсень; Баклинский клад 1999 г. из 36 серебряных куфических монет за период от 83 до 202 г. х.), чтобы говорить о монетном обращении Хазарского каганата на землях Таврики[307]. Зато ромейские солиды текли в Хазарию, в том числе в виде налога с подданных крымских земель василевса, по крайней мере до 60-х гг. VIII в., когда начались трения в отношениях Империи с каганатом[308]. В источниках не содержится упоминаний о постоянном хазарском кочевом населении, хазарских стадах и перекочевках на Крымском полуострове[309]. Отчетливые следы колонизации оседлых салтовцев начинают прослеживаться лишь к концу VIII в. Мы также не располагаем на территории Таврики погребениями второй половины VII — IX в., которые можно было бы определенно связать с пришедшими из Хазарии воинами[310]. К примеру, здесь нет подкурганных захоронений, окруженных квадратными ровиками, известных в степях Подонья и Поволжья, которые могут быть

[303] *Бармина Н.И.* Контуры перемен: мангупский памятник... – С. 25.
[304] *Фронджуло М.А.* Указ. соч. – С. 150; *Зубарь В.М.* Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 294.
[305] *Бармина Н.И.* Указ. соч. – С. 26.
[306] Ср.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 41–54, риС. 1–2.
[307] См.: *Сидоренко В.А.* Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 434–448.
[308] См.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 46.
[309] *Михеев В.К., Тортика А.А.* Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII – середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. – К., 2000. – №3. – Юдаїка. – С. 157.
[310] *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – С. 118.

отнесены к этническим хазарам, причем с высоким, «рыцарским» статусом[311]. Хазары не были мифом, они играли видную роль в политической жизни полуострова, но их тяжело зафиксировать даже не как особый этнос, а хотя бы как наиболее социально значимую часть населения[312]. Археологически они едва ли не фантом, что применительно к Таврике находит убедительное объяснение именно в ее кондоминатном статусе, а не в «сути тюркских государственных институтов и принципов управления зависимыми территориями», где те же принципы обнаруживаются куда более явственно[313].

Знаменательно, что, подводя итоги своего исследования хазарской археологии, С. А. Плетнева была вынуждена признать: «...пребывание хазар или, вернее, следы хазарского владычества в Крыму по археологическим данным прослеживаются слабо, а на многих памятниках совсем незаметны. Не удалось, как мне кажется, обнаружить "хазарское присутствие" и по материалам погребальных комплексов. Этническую принадлежность впускных погребений кочевников с конем и разнообразным сопровождающим покойника инвентарем, относящихся к VII — началу VIII вв., определить весьма затруднительно и, видимо, пока преждевременно»[314].

Используя выражение Дж. Хэлдона, можно сказать, что византийцы в своих отношениях с хазарами явно стремились проливать чернила, а не кровь[315], и поэтому старались, заручившись соответствующими договоренностями, блюсти гораздо более выгодную, нежели конфронтация, мирную, договорную политику. В свою очередь, хазары были вынуждены мириться с тем властным византийским влиянием в Таврике, которое и делало жизнеспособным состояние здешнего кондоминиума. В то же время наличие сравнительно близкого хазарского военного присутствия не позволяло перевести сложившуюся ситуацию в плоскость протектората или господства только одной из сторон. Поэтому здесь находилась не «Крымская Хазария» и не традиционное «пограничье», постоянно менявшее свои очертания с конца VIII до середины X в.[316], а «совладение» двух государств в конце VII — 30-х гг. IX в. Даже если эти отношения не были облечены в письменную, четко оговоренную правовую форму, они объективно существовали по духу, по сути и, самое главное, современники ощущали их и долгое время, вплоть до образования византийской фемы в Крыму, вели себя адекватно им.

---

[311] Ср.: *Иванов А.А.* Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2000. – С. 20, 22.

[312] См.: *Круглов Е.В.* Хазары – история только начинается // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 61–66.

[313] Ср.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 38.

[314] *Плетнева С. А.* Указ. соч. – С. 169.

[315] *Haldon J.* «Blood and Ink»: Some Observations on Byzantine Attitudes Towards Warfare and Diplomacy // Byzantine Diplomacy / Ed. by S. Shepard, S.Franklin. – Verona, 1992. – P. 281–294.

[316] Ср.: *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 58–66; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере визатийско-хазарских отношений... – С. 548–549.

Глава 5

ОБ OPUS SPICATUM И НАСЕЛЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Исследователи достаточно уверенно выделяют так называемый южный или крымский вариант салтово-маяцкой культуры[1], который еще недавно называли термином «северопричерноморская культура»[2]. В качестве его существенной отличительной особенности — особенности строительства именно хазар, тюрок, праболгар, салтовцев в Крыму и на Тамани — обязательно выдвигают тип строительной кладки, якобы исключительно «хазарских слоев» (второй половины VII — первой половины X в.), при котором камни располагали друг под другом, ребром, под острым углом, отчего она напоминала по виду «елочку», «колосок» или «рыбью кость», а в качестве связующего «раствора» служила земля, суглинок или глина[3]. «Прием этот, — пишет С. А. Плетнева, — во всем Причерноморье характерен для начала хазарской эпохи», появился в Крыму «одновременно с вторжением хазар» и «начиная с VIII в. широко распространился по всему европейскому юго-востоку»[4]. О причине появления такой техники кладки,

[1] *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. – 1967. – №142. – С. 8; *Плетнева С.А.* Хазары. – М., 1976. – С. 43, 45, 76; *Баранов И.А.* Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии АН УССР. – К., 1977; *Рудаков В.Е.* Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища // АДСВ: Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 105–111 и т. д.

[2] *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // Археология и история средневекового Крыма. – К., 1958. – С. 144; *Якобсон А.А.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 30.

[3] *Плетнева С.А.* Хазары. – С. 45; *Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. – М., 1992. – Вып. 1. – С. 174; *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 153, 157, 159, 165; *Майко В.В.* О месторасположении православной Фулльской епархии // Проблемы истории и археологии Украины: Метериалы междунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 104; *Моця А.П.* Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 273.

[4] *Плетнева С.А.* Хазары. 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 46, 55; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских

характерной якобы для хазарского строительства, обычно умалчивают. В лучшем случае в ней, как и в «бесфундаментности» построек, видят антисейсмичный прием или невразумительно связывают ее распространение на крымских памятниках с неким «отсутствием навыков перевязывать углы», который, дескать, выработался у местного населения позже, во второй половине IX в.[5] Между тем подобная технология фигурирует как opus spicatum среди прочих, вполне античных по облику, нерядовых, иррегулярных систем кладок из рваного камня, реже — блоков[6], встречается не только в «хазарских слоях», а гораздо раньше и позже. Поэтому закономерно встает принципиально важный, в том числе в плане методики, вопрос, насколько правомерно видеть в ней некий культурный, и даже более того, этнический «маркер», во всех случаях безошибочно указывающий на присутствие и деятельность в Крыму и на тесно связанном с ним Таманском полуострове тюркютов — праболгар, хазар или салтовцев[7]. Решение этой практически не разработанной задачи позволило бы лучше представить ситуацию с населением раннесредневековой Таврики и степень влияния на него местных и привнесенных элементов.

Считается, что прием кладки «в елку» был неведом на территории Крымского полуострова до тех пор, пока его не принесли с собой хазары из приморского Дагестана, исконных земель каганата[8]. С помощью такой «характерной кавказской кладки» возводили якобы особый тип жилищ — наземные постройки на каменных цоколях или полностью с каменными стенами, которые были распространены «исключительно в Приазовье», что, впрочем, не мешало им являться «одним из основных отличительных признаков приазовского и крымского вариантов» салтово-маяцкой культуры[9]. В частности, к последней относят слои VIII–IX вв. в ряде

степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие. – Воронеж, 2003. – С. 31, 88.

[5] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 246; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 47–48; *Фрумкина М.* К вопросу о сейсмозащите древних сооружений // РА. – 1992. – №3. – С. 60–66; *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – С. 143; *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитности Степового Причономор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Вип. 8. – С. 289.

[6] Ср.: Murus. Teichos // Daremberg M. Ch., Saglio Edm., Pottier Edm. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. – Paris, 1904. – Т. 3 (L–M). – P. 2048 (подобная кладка наблюдается уже в древнегреческой Трое); *Вачева К.* За терминологията на строителните техники през античноста // Археология. – София, 1979. – Год. 21. – Кн. 1. – С. 7; *Крыжицкий С. Д.* О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // Античная археология / КСИА АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 5–41.

[7] Ср.: *Айбабин А.И.* Новые данные о начале хазарского господства в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Междунар. конф. памяти М.И. Артамонова: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 115; *Айбабин А.И.* Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 5; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 189.

[8] *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. – С. 63; *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – М., 1983. – С. 150, рис. 58; *Плетнева С.А.* Отношение восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. – 1991. – № 3. – С. 104; *Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996. – С. 32; *Айбабин А.И.* Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары: Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 9; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 58.

[9] *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. – С. 51–70; Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. – М., 1981. – С. 68–69, рис. 43, 15, 17; *Комар А.В.* Кутригуры и утигуры в Северном

приморских, давно основанных греками городов Таманского полуострова, прежде всего Фанагории — «столицы» древнего Острова и расположенной неподалеку от нее Гермонассы (кастрона Таматархи) (рис. 113. 116, 117).

Портовая Гермонасса, находившаяся примерно в 60 км от Боспора, действительно изменила свое название, но сохранила значение крупного перевалочного пункта, античный план и улицы, мощенные слоями керамики, и не объяснимо, почему это обстоятельство надо связывать с появлением хазар, некими хазарскими традициями во второй половине VII в.[10] Жители города, сохранявшего континуитет со своим античным прошлым, пользовались ранневизантийскими краснолаковыми мисками со штампами в виде крестов и животных, связанных с христианской символикой, имели соответствующие культовые сооружения, отстроенные в конце V — VI в., судя по находке в окрестностях феодосианской мраморной капители и части известнякового рельефа с изображением ангела, держащего плат[11]. Насыщенность культурного слоя многочисленными пересекающимися друг с другом кладками — остатками зданий говорит о том, что город был густо заселен, его жители обновляли, надстраивали старые дома и по византийской традиции мостили примерно каждые 20 лет улицы битой керамикой[12]. Стены здешних двухкамерных домов-пятистенок размером в среднем около 18–20 м^2 сооружались на каменных цоколях, которые поддерживали стены из самана, или были полностью каменные. В последнем случае углы построек, в соответствии с греческой, ромейской традицией, обычно были перевязаны и выложены из хорошо обработанных блоков. Рваный же и тесаный камень строители укладывали нередко в системе opus spicatum, которая особенно распространилась на Тамани с VIII в.[13] «В елочку» складывали внешний и внутренний панцири кладки, а забутовка состояла из мелких камней и щебня, залитых жидкой глиной. Толщина двухслойных кладок нигде не превышала метра. Одна камера-комната отапливалась открытым очагом, расположенным в центре (или реже в углу) дома, другая (передняя) была холодная. Почти каждый дом имел, по давней греческой традиции, отгороженный массивными стенами дворик, являвшийся своеобразным хозяйственным помещением без крыши. Кое-где сохранились обнаруженные при раскопках характерные для домостроения византийских городов дверные проемы с каменными порогами,

Причерноморье // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 173.

[10] Ср.: *Плетнева С.А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 111. Сведение о расстоянии содержится в труде ал-Идриси «Развлечение истомленного в странствиях по областям» (1154): «От города Матраха до города ар-Русийа (Корчева) 27 миль» (*Бейлис В.М.* Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. – М., 1984. – С. 211–212).

[11] *Коровина А.К.* Гермонасса в раннесредневековый период // Таманская старина. – СПб. 2001. – Вып. 1. – С. 21–32; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 158; *Чхаидзе В.Н.* Гермонасса–Томы–Таматарха: позднеантичный и раннесредневековый город на Боспоре // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2005. – С. 149–150.

[12] *Плетнева С.А.* Хазары. – С. 54.

[13] См.: *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. – С. 51–70; Степи Евразии ... – С. 67–68. В.Н. Чхеидзе ошибочно указывает на VII в. (*Чхеидзе В.Н.* Указ. соч. – С. 151).

Рис. 113. Поселения и могильники VIII–IX вв. на территории Крымского и Таманского полуострова: a – города, крепости, селища и гончарные центры, b – плитовые могильники, c – грунтовые могильники;
1 – Херсон, 2 – Балаклава (Символон), 3 – Загайтанская Скала,
4 – Черная Речка, 5 – Гончарное, 6 – Узень-Баш, 7 – Родниковое,
8 – Сахарная Головка, 9 – Чилтер (Мармара), 10 – Шулдан,
11 – Бобровка, 12 – Передовое, 13 – Терновка, 14 – Эски-Кермен,
15 – Мангуп, 16 – Большое Садовое, 17 – Чилтер-Коба, 18 – Сюйрен,
19 – Пампук-Кая, 20 – Аромат, 21 – Малое Садовое, 22 – Поворотное,
23 – Горный Ключ, 24 – Баштановка, 25 – Кыз-Кермен, 26 – Фыцки,
27 – Чуфут-Кале, 28 – Бакла, 29 – Скалистое, 30 – Трудолюбовка,
31 – Почтовое, 32 – Фонтаны, 33 – Аозовое, 34 – Петровские скалы,
35 – Кекенеиз, 36 – Симеиз, 37 – Кореиз, 38 – Мисхор, 39 – Ореанда,
40 – Ливадия, 41 – Ялта; 42 – Бал-Гота, 43 – Горзувиты,
44 – Гурзуфская котловина, 45 – Басман, 46 – Артек, 47 – Гугуш,
48 – Суук-Су, 49 – Партенит, 50 – Малый Маяк, 51 – Семидворье,
52 – Алустон, 53 – Лучистое, 54 – Малореченск, 55 – Рыбачье,
56 – Канакская балка, 57 – Приветное, 58 – Приветное 1,
59 – Чабан-Куле, 60 – Морское, 61 – Ай-Фока, 62 – Сугдея,
63 – Курортное, 64 – Тау-Кипчак, 65 – Ароматное, 66 – Цветочное,
67 – Меловое, 68 – Ак-Кая, 69 – Кордон-Оба, 70 – Щебетовка,
71 – Тихая бухта, 72 – Тепсень, 73 – Дальние Камыши, 74 – мыс Чауда,
75 – гора Опук, 76 – Пташкино, 77 – Китей, 78 – Заветное,
79 – Героевское, 80 – Илурат, 81 – Тиритака, 82 – Боспор,
83 – Мирмекий, 84 – Зенонов Херсонес, 85 – Алексеевка,
86 – Чистополье, 87 – Репьевка, 88 – Слюсарево, 89 – Зеленый Яр,
90 – Песочное, 91 – Азовское, 92 – Мысовое, 93 – Семеновка,
94 – Семь Колодезей, 95 – Калиновка, 96 – Бранное Поле,
97 – Королево, 98 – Кирово, 99 – Луговое, 100 – Ерофеево,
101 – Фронтовое, 102 – Птичкино, 103 – Кировское, 104 – Лебяжьи острова, 105 – Калос-Лимен, 106 – Ойрат, 107 – Тарпанчи,
108 – Лазурное, 109 – Беляус, 110 – Чайка, 111 – Саки, 112 – Песочное,
113 – Северная Сторона, 114 – Патрей, 115 – Кепы, 116 – Фанагория,
117 – Гермонасса – Таматарха (по А. И. Айбабину)

обрамленные хорошо подогнанными, поставленными на ребро плитами; в порогах – углубления для штырей, на которых вращались двери. Дворы нередко имели вымостки, глинобитные печи, врытые в землю пифосы, иногда обмазанные изнутри известковым раствором, большие хозяйственные круглые ямы-погреба с сужающимся на конус плоским дном. Особый интерес представляют жернова типичных византийских ручных мельниц, фрагменты гончарной кружальной керамики, амфор, поздней краснолаковой посуды, изделия из железа, каменный киот, украшенный резным орнаментом, византийская черепица с клеймами, костяная ручка с резным изображением лошади и птиц, обломки стеклянных лампад, ранней белоглиняной поливной керамики[14]. Даже местная лощеная посуда, при всей ее схожести с хазарской, имеет свое лицо. К примеру, приземистую широкодонную миску отличала ложбинка на венчике, вероятно, для крышки, что не характерно для салтово-маяцких мисок. Другая имела вертикально заостренный венчик с резким переходом в округло-коническое тулово[15]. Не говоря уже о том, что поддон в салтово-маяцкой гончарной традиции совершенно не известен, все это отражает местное, но не хазарское своеобразие. Говорить же о том, что здесь «до середины VIII в. меняется весь керамический комплекс», вообще не приходится[16].

Фанагория даже не изменила своего давнего названия (Phanagorias лишь стала Phanagouris, Phanagourias, Phanoria)[17]. Она располагалась на двух плоских террасах, нижняя из которых (около 15–17 га) та, где находился общественный, а значит, и рыночный центр города, ныне затопленный морем. К слову, город стал хиреть к концу IX в. и оказался покинут к началу X в., скорее всего, вследствие неблагоприятной геофизической обстановки, сложившейся вокруг него, обмеления порта, нарушения водного баланса, а не в силу внешнеполитических причин, военных столкновений, разгрома печенегами[18]. Почти посередине с юга на север, видимо, проходила дорога из верхнего города к морю[19]. Раскопки ГИМ в 1939 г. на северо-западной части городища открыли слой VI–VII вв. с вымостками из каменных плит и черепков, обломки поздних жанровых терракотовых статуэток (фигура воина в панцире и плаще, обнаженная гротескная мужская фигура)[20]. В застройке, вероятно, встречались вполне добротные, мо-

[14] *Башкиров А.С.* Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. – 1957. – Вып. 22 (32). – С. 317–371; *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье // Вестник Ленингр. гос. ун-та. – 1968. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 59; *Блаватский В.* Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. – 1941. – №1. – С. 220; *Долгоруков В.С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА АН СССР. – 1975. – №143. – С. 56, 57, рис. 3; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 158, 175–178.

[15] См.: *Флеров В.С.* Лощеные миски, блюда, чаши и кубышки хазарского каганата // БИ. – Симферополь, 2001. – Вып. 1. – С. 162, рис. 2,11; С. 166, рис. 8,47.

[16] Ср.: *Чхеидзе В.Н.* Указ. соч. – С. 151.

[17] См.: *Георгиев П.* Фанагурис–Томитуракан и «Велика България» // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 83–84.

[18] *Атавин А.Г.* Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. – М., 1987. – С. 32, 34; *Плетнева С.А.* Города в Хазарском каганате. – С. 111; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 97.

[19] См.: *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002. – С. 111.

[20] *Пятышева Н.А.* Отчет о раскопках ГИМ в Фанагории в 1939 г. // Труды Гос. Исторического музея. –

нументальные здания из числа тех, что были возведены здесь, по мнению И.Т. Кругликовой, в конце IV – V в. в традициях античной архитектуры, с колоннами, вымостками, колодцами[21]. Часть из них могла пережить лихолетья и в обновленном виде существовать в VI–VII вв.

В городе издавна, задолго до хазарской эпохи, жило немало евреев, о чем свидетельствуют находки земляной катакомбы иудейского первосвященника (близ сопки Фанагорийская Блевако), древнееврейские надгробные надписи позднеантичного некрополя, существовали прозелиты иудаизма, в том числе из числа варваров, сарматского населения (надгробие Балкоса), но были и христиане, на что особенно выразительно указывает находка на западном кладбище Фанагории — крышка позднеантичного гроба, сбитая брусками и с накладными деревянными пластинками в форме стилизованной рыбы[22]. Значительным оставался элемент исповедующих иудаизм и позже, на что указывают находки — свыше полусотни надгробий с семисвечниками, 26 из которых имели тамгообразные знаки на оборотной стороне, а четыре — надписи на древнееврейском языке[23]. Видимо, поэтому для Ибн Хордадбеха это был «город евреев»[24]. К этому стоит добавить, что, судя по подписи Иоанна, епископа Фанагорийского (Ioannes Episkopos Phanagoreias), под прошением Константинопольского собора 519 г. к патриарху, Фанагория оставалась епископской резиденцией, одной из четырех, и по меньшей мере до второй половины VII в. входила в состав церковной епархии Зихии, простиравшейся вдоль всего берега Азовского моря и Керченского пролива[25]. Под названием Fanagorum она, вслед за Сугдеей (Sugdabon), фигурировала в составленной между 660-ми гг. и началом VIII в. «Космографии» анонима из Равенны[26], и, значит, о ней знали даже в далекой Италии. Надо думать, определенного здесь на жительство византийского экс-императора Юстиниана Ринотмета в начале VIII в. окружал знакомый, разве что более скромный, без «аристократических жилищ-резиденций», но преимущественно греческий быт, немногим отличный от того, что он застал в Херсонесе. По словам Феофана, записанным в его «Хронографии» под 679 / 680 г., «...у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов (parakeintai ethne pleista)» (выделено мной, — *С. С.*), а не хазары, которые, как следует из

М., 1960. – Вып. 37. – С. 112–115.

[21] *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. – М., 1966. – С. 221.

[22] *Люценко Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в надписях Фанагорийского городища. – СПб., 1880. – С. 5; *Даньшин Д.И.* Фанагорийская община иудеев // ВДИ. – 1993. – №1. – С. 66–68; *Шавырина Т.Г.* Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // Древности Боспора. – 2000. – Вып. 3. – С. 360; *Чхеидзе В.Н.* Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология евразийских степей: Сб. статей к юбилею проф. С. А. Плетневой: (Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Вып. 3.). – М.; Йошкар-Ола, 2006. – С. 60–63.

[23] *Люценко А.Е.* Древние еврейские надгробия, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. – СПб., 1880. – С. 573–580.

[24] *Кулаковский Ю.А.* [Рец.] // ЖМНП. – 1898. – Апрель. – С. 495 (Shürer. Die Juden in Bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der daselsst. – Berlin, 1897).

[25] *Макарий* (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 1. – М., 1994. – С.128–129.

[26] *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Massachusetts), 1936. – P. 42.

дальнейшего рассказа византийского историка, со временем стали получать с этих народов, как и с приазовских булгар, дань[27].

Следует заметить, что город отстроился после второй четверти — середины VI в. Прокопий писал в «Войне с готами», появившейся в 551 г., что Кепы и Фанагурис «...издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания»[28]. Эти слова многократно повторялись современными исследователями. Однако раскопки показывают, что в конце VII — VIII в. в боспорских Патрее, Кепах (см.: рис. 113. 114, 115) вновь велось строительство, они не были покинуты жителями, а пополнились пришлыми элементами, судя по захоронениям, булгарами[29]. В данном случае грунтовые могилы демонстрировали типичные черты языческого ритуала: неупорядоченную ориентировку, позы погребенных, наличие разнообразного погребального инвентаря, включая серолощеные сосуды и ойнохои крымского производства, остатки жертвенной пищи, византийскую монету, находившуюся в положении «обола Харона»[30]. Даже жилища в здешних поселениях стояли «по кругу», видимо отражая не забытую осевшими «варварами» традицию планировки кочевнического семейного «гнезда»[31]. Вообще, крымское Приазовье дает более яркие, выразительные случаи проявления поздних языческих верований, вплоть до ритуального расчленения детей и собак, хотя и здесь они уникальны и встречались лишь в сельской глубинке, вдали от выживших бывших греческих центров[32].

Возвращаясь к Фанагории, следует заметить, что в античную эпоху город занимал около 50 га, то есть был в два раза меньше Пантикапея, но значительно превосходил по площади прочие боспорские центры[33]. Любопытно, что в раннее Средневековье он тоже не только возродился, но его граница значительно передвинулась на восток, причем территория, ранее находившаяся вне городской черты, оказалась застроенной[34]. Простираясь вдоль берега на километр полосой шириной 170–200 м, город по площади вдвое превосходил соседнюю Гермонассу-Таматарху, явно процветал, оставаясь крупным торгово-ремесленным центром[35]. Застройка его произ-

[27] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 36, 37, 60, 61, комм. 261, 284.

[28] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. – М., 1950. – С. 388, VIII. 5. 23. 28–29.

[29] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 39; *Сокольский Н.И.* Раскопки в Кепах в 1962 г. // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып. 103. – С. 108; *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 148.

[30] *Крушкол Ю.С.* Раскопки древнего Патрея в 1949 г. // ВДИ. – 1950. – №2. – С. 232; *Сударев Н.И.* Погребения в районе поселения Гаркуша-I (Патрей) // Боспорский сборник. – 1994. – Вып. 4. – С. 114–115; *Сорокина Н.П.* Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. – М., 1969. – С. 124 –130.

[31] *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 98.

[32] См.: *Винокуров Н.И.* Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2002. – Ч. 1. – С. 191–194.

[33] *Петрова Э.Б.* Античная Феодосия: История и культура. – Симферополь, 2000. – С. 125.

[34] *Блаватский В.* Раскопки в Фанагории ... – С. 221.

[35] *Плетнева С.А.* Хазары. – С. 55; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 96; подр. см.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья... – С. 157, 179–183.

водилась с максимальным использованием старых зданий и кварталов и едва ли отражала «лагерный тип "города", свойственный номадам»[36].

Фанагорийские однокамерные–двухкамерные дома довольно больших размеров (6х4,6 х 5,8х5 м), цоколи которых были сложены отчасти «в елку», из камня, взятого из более ранних построек, даже в IX в. сохраняли провинциальный облик, как и мощеные черепками улицы, вдоль которых они стояли. Раскопанный отрезок такой улицы с примыкающими переулками показал, что она была стандартной ширины около 3 м[37]. Стены домов с огороженными дворами были из сырца или глинобитными, но на углах, у входов выложены из крупных обработанных блоков, по давней, опять-таки не хазарской традиции.

При Юстиниане II в городе не было византийских войск, но было немало «единоплеменников» (ton idion omophilon) экс-императора, то есть греков, ромеев, которые, как и херсониты, могли строить козни или даже составить заговор против бывшего василевса. Во всяком случае, это обстоятельство хаган посчитал убедительным объяснением для необходимости присылки охраны, которой здесь, в соответствии с правилами демилитаризации кондоминатного владения, до этого момента не было и которая отныне должна была стеречь «друга», даже более того, родственника хагана и вместе с тем врага Империи. Едва ли эти стражники были многочисленны и докучали своим вниманием. Удивительно, задушенного Юстинианом «здешнего, местного» (oikeios) архонта Папаца, бывшего в городе «от лица» хагана, никто не искал. Его исчезновение по меньшей мере на день не встревожило «людей охраны» (andras eis phylaken) и уж тем более не привлекло внимание фанагорийцев. Экс-император, как и его посланники, не встречал препятствий при передвижении в пределах кондоминатной территории, с азиатского на европейский Боспор и обратно. Убийца явно не торопился. За это время он успел вызвать и дождаться архонта Боспора, Валгица, чтобы расправиться и с ним, а после организовал отъезд жены Феодоры из города и сам покинул его[38]. Случившееся можно объяснить как заинтересованностью хагана именно в таком исходе событий, так и слабостью власти, редкостью хазар в городе, куда Юстиниан попросился на жительство, видимо, отнюдь не случайно. Так, им не могло не быть учтено на будущее, что Фанагория являлась узловым центром всей системы дорожных связей Таманского полуострова, в пяти направлениях расходившихся от города[39].

Примечательно, для того чтобы выбраться с Острова, Юстиниан бежал в приморское местечко или селение (parathalassion chorion) Томи (Tomen или Tomin), в котором некоторые исследователи считают возможным видеть находившуюся в 21 км к юго-западу от Фанагории Гермонассу-Таматарху (Tomitorakan) VII–VIII вв., место с тучными пастбищами и обильной подпочвенной водой, что соответствовало тюркскому tomi,

[36] Ср.: *Георгиев П.* Фанагурис ... – С. 86.
[37] *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска–Преслав. – София, 1981. – №2. – С. 16–17, рис. 6.
[38] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 39, 62–63, 155, 163.
[39] *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеографии... – С. 113–114; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 164.

tomar[40]. В собственно Таматархе — средневековом названии Гермонассы — видят также производное от тюркского наименования «тумен-тархан» (tumen-tarkhan)[41]. Впрочем, в указании Феофана с не меньшим основанием можно предполагать банальную ошибку переписчика, пропустившего первую букву в слове stomen — «устье», и в этом случае беглец направился к неподалеку расположенному рукаву реки Кубань, который впадал в Шимарданскую бухту южнее Фанагории, имевшей тем самым свой прямой выход в Азовское море[42]. Скорее всего, именно там он нашел местную греческую галиаду (алиаду) — легкое, полурыбацкое-полувоенное, достаточно быстроходное судно, уже снаряженное к отплытию, которое и доставило его «вместе с некоторыми другими мужами», «своими товарищами» (ton etairon), в Символон (Балаклаву), около Херсона. Если это так, тогда приходится признать, что в этих местах, как и в Символоне, не было представителей ни хазарских, ни византийских властей. Находки же — печати византийских «министров финансов» — логофетов геникона первой половины — конца IX — начала X в. в «Матрахе» (Таматархе) — говорят о ее включении в зону самого пристального внимания византийских властей, несмотря на сохранявшееся влияние со стороны хазар, которые знали этот город как Самкерц (С-м-к-р-ц, С-м-к-рай) и, вероятно, держали там во второй четверти X в. военный гарнизон[43]. Следует также подчеркнуть, что Фанагория и Гермонасса (будущая Таматарха), невзирая на наличие сооружений с использованием техники кладки «в елку», были включены в круг боспорской культуры, сохранили регулярную планировку, многослойное мощение улиц керамической крошкой, континуитет с античной градостроительной системой, тогда как в известных городищах Хазарии уличная планировка совершенно отсутствовала, а разбросанные «усадьбы» имели стены столбовой конструкции, разумеется, даже без намеков на opus spicatum, либо целиком сырцовые и юртообразные жилища, так и не появившиеся в таманских городах[44].

Строительство усадеб с домами-пятистенками и огороженными дворами, где размещались хозяйственные постройки и открытые очаги, наблюдается и в Боспоре (см. рис. 113. 82), в приморской части города, который с 80-х гг. VII в. якобы стал центром хазарских владений в Крыму

[40] Nicephoros patriarh of Constantinople Short History / Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 42. 25–29, p. 103; *Gregoire H.* Le nom de la ville Tmutarakan // Nouvelle Clio. – 1952. – T. 4. – P. 288–292; *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси... – С. 61; *Георгиев П.* Фанагурис–Томитуракан... – С. 85–86; *Чхеидзе В.Н.* Гермонасса – Томы – Таматарха... – С. 151.

[41] *Чхеидзе В.Н.* Указ. соч. – С. 151.

[42] См.: *Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеографии... – С. 110.

[43] Пользуюсь случаем поблагодарить за эту сфрагистическую информацию К.Д. Смычкова. О городе SMKRYY, SMKRYW, SMKRS см. «текст Шехтера» и пространную редакцию письма хазарского царя Иосифа к Хасдаю ибн Шапруту (*Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 141, 142, 147, 164; *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С. 102, прим. 19).

[44] Ср.: *Плетнева С.А.* Города в хазарском каганате. – С. 120–121; *Флеров В.С.* Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюд к теме фортификации) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 160, 162. В этой связи показательно, что юртообразные и полуземляночные постройки совершенно отсутствовали в городах раннесредневековой Таврики, а если и встречались, то изредка лишь в сельских местностях Восточного, Центрального и Северо-Западного Крыма.

и «основным опорным пунктом хазар на полуострове»[45]. Не вдаваясь в дискуссию, следует заметить по этому поводу, что веских оснований для принятия столь ответственного вывода нет и его следует рассматривать не более как мнение[46]. Раскопки 1990–1992 гг. на участке в Кооперативном переулке в Керчи тем более нельзя отнести к числу убедительных аргументов, поскольку, наряду с техникой кладки «в елку», среди типично местного материала византийского облика не местными являются лишь пара фрагментов венчиков сероглиняных банковидных горшков с ногтевидными вдавлениями, которые находят аналогии среди керамики пеньковской археологической культуры, возможно, привнесенной на полуостров антами в ходе контактов с кутригурами и оногурами[47]. А.И. Айбабин называет подобный тип жилища «новым», но на поверку оказывается, что отсутствие фундаментов, каменные цоколи, иногда без перевязки стен, сами глинобитные стены домов заимствованы из раннесредневековой местной византийской строительной традиции, равно как и использование в быту обычных открытых очагов («тарелкообразных и костровидных»)[48]. Видеть во всем этом продукт жизнедеятельности «оседающих на землю кочевников», «смешение различных строительных и бытовых традиций в хазарских жилищах» на фоне остального отчетливо выраженного византийского быта было бы большой натяжкой[49].

Нет ничего специфически хазарского в стенах и общей планировке сооружений, воздвигнутых местами в технике opus spicatum в портовом районе в период конца VI — IX вв., которые пытаются интерпретировать как остатки «хазарской цитадели», крепости, где сосредоточивались органы управления городом, находился хазарский гарнизон и синагога, якобы разрушенная при сооружении храма Иоанна Крестителя[50]. Дом, открытый в Кооперативном переулке, датируется, по уточненным данным, от второй четверти VI в. до последней трети VII в.[51] Слой пожара, в котором он погиб, локален и не содержит хазарских материалов. Вполне вероятно, что бедствие случилось до появления здесь хазар. К тому же единичные боспорские постройки конца VII в. с использованием техники кладки opus

[45] *Айбабин А.* Крым под властью хазарского каганата // Византия и Крым: Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 6; *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – С. 103; *Могаричев Ю.М.* К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 10. – С. 270.

[46] См.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 76–81; *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 346–355; *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543.

[47] *Юрочкин В.Ю.* Постройка раннехазарского горизонта города Боспора // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Секция охраны памятников археологии. – Симферополь, 1994. – С. 27–29; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 185–187, рис. 79.

[48] *Айбабин А.И.* Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье. – С. 9.

[49] Ср.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 54.

[50] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 53–55; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 88–89; см. возражения: *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12.– С. 484–488, 501; *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике... – С. 522–523.

[51] *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат... – С. 488–501.

spicatum, как и некоторые аналогичные, существовавшие в других местах Крыма в это время, даже условно нельзя относить к салтово-маяцкой культуре — «государственной культуре» Хазарского каганата хотя бы потому, что самый ранний период этой культуры датируется от середины или, скорее, конца VIII в. до середины IX столетия[52]. Следовательно, перед нами продукт иного исторического феномена, требующий иного определения.

В связи с этим следует заметить, что кладка «в елку» зафиксирована в слое III на горе Митридат (раскопки 1945 и 1947 гг. восточнее Второго Кресла) (см. рис. 109. 1), причем постройки относятся к позднеантичному времени, до V–VI вв., явно выходящих за возможные реальные рубежи появления здесь хазар[53]. Такие же постройки с кладкой opus spicatum были обнаружены на верхнем Митридатовском раскопе, в черте акрополя и тоже в позднеантичном слое (слой IX, стена 89)[54]. Подобные случаи наблюдаются и в других местах Крыма, о чем будет сказано дальше.

Каменные здания-пятистенки с печами или очагами из плитняка в углу комнаты являются типичными для провинциально-византийских поселений Таврики[55]. Часть раскопанных раннесредневековых домов в боспорской Тиритаке тоже имеют закругленные угловые части и цоколи с кладкой opus spicatum, на которой стояли стены из сырцового кирпича, но, наряду с образцами салтовской лощеной керамики в слое, сопутствовавшем времени существования построек, встречается типичный «греческий» инвентарь, а занятия жителей рыболовством, рыбозасолочным промыслом, земледелием и животноводством опять-таки не знали существенных перемен[56]. Судя по захоронениям в безынвентарных плитовых могилах, подобных тем, что появились на Боспоре со второй половины VI в., иногда с вырезанным на камне крестом у изголовья, жители раннесредневековой Тиритаки исповедовали христианство, и достаточно давно[57]. Во всяком случае, граффити с посвящением св. великомученику Феодору на сосуде типа фляги и фрагменты краснолаковых мисок со штампованными

[52] *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. – С. 135–143; Степи Евразии ... – С. 64; *Флеров В.С.* О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 103–109; *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. – М., 1987. – Вып. 2. – С. 143, 166; *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992. – С. 160–162; *Винникова А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998. – С. 18–27. С этой точки зрения фразы об «этническом составе салтово-маяцкой культуры Крыма второй половины VII– первой половины VIII вв.» лишены смысла (ср.: *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. – С. 287).

[53] *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. – 1957. – №56. – С. 91.

[54] *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. – 1962. – №103. – С. 28–31.

[55] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

[56] *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. – 1952. – №25. – С. 130–131. Город не погиб в результате нашествия тюрок в 576 г. (*Николаева Э.Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА АН СССР. – 1981. – Вып. 168. – С. 88–92; ср.: *Сазанов А.В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. – 1989. – №4. – С. 58). По поводу округленных углов, якобы намекающих на юртообразные жилища кочевников, стоит заметить, что жилые каркасно-турлучные постройки с подобными углами действительно имели распространение на поселениях Северного Кавказа, но прослеживаются в слоях уже II–III вв. (*Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – С. 147–149).

[57] *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 89.

крестами относятся к рубежу V–VI вв. и к VI–VII вв.[58] На это же указывают остатки крытой черепицей трехапсидной базилики первой половины VI в. (длина до алтарной части — 10,5 м, ширина — 9 м по внутреннему обмеру), с застекленными окнами, полами из проконесского мрамора, византийско-коринфскими капителями и другими, конической кубовидной формы, с крестами[59]. В стене близ южного входа находилось четырехугольное углубление, облицованное мрамором, которое, вероятно, служило нишей для купели[60]. В 0,8 м к юго-востоку от порога тиритакского храма был бассейн, может быть, фиал, тоже облицованный мраморными плитами[61]. Впрочем, наличие всего этого не мешало некоторым обитателям городка весьма поверхностно относиться к Слову Божьему и быть плохими христианами, на что намекает выразительная находка в одном из домов VI в. недалеко от рыбозасолочных цистерн антропоморфной гальки с подчеркнутым животом, которая как амулет может быть отнесена к ранневизантийскому времени, IV–VII вв.[62] Прежние боги и идолы, особенно связанные с культом плодородия и очага, с большим сопротивлением сдавали свои позиции наступавшей новой религии. Это видно из того, что гораздо позже в плитовом некрополе, выросшем на окраине Тиритаки, некто совершил святотатственный для христиан ритуальный языческий акт — захоронил в глубокой яме вместе с девятью человеческими два собачьих черепа, добавив к ним фалангу пальца с не снятым с нее бронзовым кольцом и жернов[63].

После слоя пожара второй половины — конца VI в. в Тиритаке выделяется период VII в., которому сопутствует соответствующая поздняя краснолаковая керамика, амфоры; базилика, похоже, не функционировала в VIII в., но к ее стене сделали пристройку, а новая усадьба, просуществовавшая до второй половины IX в. или первой половины X в., в свою очередь, была возведена над остатками винодельни, время прекращения существования которой остается открытым[64]. Связывать все это с хазарами неправомерно, поскольку даже салтовцы появились на поселениях

[58] *Емец И.А.* Посвящение св. Феодору из Тиритаки // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 83–84; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 30.

[59] *Зинько Е.А.* Раннехристианский Боспор (III –VI вв.): Дис. ... канд. ист. наук / Институт востоковедения НАНУ. – Симферополь, 2003 (рукопись). – С. 120–124.

[60] *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. – 1940. – Т. 6. – С. 192.

[61] *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. – С. 68–71, рис. 80–81.

[62] *Иващенко Ю.Ф.* К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время // Проблемы исследования античных городов: Тезисы докладов. – М., 1989. – С. 1–52; ср.: *Сазанов А.В.* К исторической интерпретации комплексов Тиритаки VI–VII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 178–179.

[63] *Марти Ю.Ю.* Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. – 1941. – №4. – С. 32, могила №3; ср.: *Пономарев А.Ю.* К истории археологического изучения салтово-маяцкого поселения на городище Тиритака // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. – Керчь, 2006. – С. 241 (автор подчеркивает отличие этой ямы от салтовских грунтовых погребений, но рассматривает как «ритуальное захоронение, возможно связанное с аграрным культом»).

[64] Подр. см.: *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. – С. 49–55, 126–131, рис. 160–164; *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // КСИИМК. – 1958. – №85. – С. 172–173, рис. 27–28; Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 144–145; *Сазанов А.В.* К исторической интерпретации... – С. 179–182; *Пономарев П.Ю.* К истории археологического изучения... – С. 242–243.

Восточного Крыма, в том числе и на месте Тиритаки, не раньше второй половины – конца VIII в.[65] Однокамерные, с печами-каменками, прямоугольные в плане каменные постройки, верхние части стен которых были глинобитными, а также небольшие полуземлянки с открытым очагом и лежанками сохранили типичные материалы провинциально ромейского быта Таврики IX–X вв.: вкопанные по горло «причерноморские» амфоры с мелким зональным и крупным бороздчатым рифлением, днища, обломки желобчатых пифосов, фляг, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, ойнохоевидных сосудов «баклинского» типа и херсонесского производства, характерных стекляпных рюмок, серолощеных сосудов и кухонных горшков[66].

Примечательно также, что в здешних домах VIII–IX вв., как и в постройках поселений около поС. Героевское (см. 113. 79), расположившихся на бывшей хоре Нимфея, и во многих других местах Восточного и Юго-Восточного Крыма печи клали по местной античной традиции, из каменных плит, а очаги выходят из употребления, причем одновременно из производства и использования исчезли глиняные котлы с внутренними ушками, свойственные тюркам-кочевникам[67].

Прочие плитовые могильники Керченского полуострова (Михайловский, Эльтигеновский, Зенонова Херсонеса на мысе Зюк) (см. рис. 113. 84) тоже демонстрируют погребения в виде каменных ящиков, иногда с арковидными неглубокими нишами, высеченными в торцовой каменной плите, к которой покойника клали головой[68]. Для принявших крещение они имели значение портала, символической двери в иной, лучший мир. Следует заметить, что подобные конструкции обнаруживают христианские погребения некрополей Тепсеня (детское погребение 39) и Сугдеи (детская мог. 52), в которых нет ничего от хазарской культуры, но зато сильно ромейское влияние, континуитет с традициями предшествующего местного населения (рис. 114)[69].

«В елку» сложены некоторые группы камней цоколя одного из раскопанных домов раннесредневекового Мирмекия (см. рис. 113. 83), находившегося в четырех километрах от Боспора, что свидетельствует о знакомстве строителей с подобной техникой кладки, однако прочий инвентарь, каменная круглая ступа, характерный облик кружальной кера-

[65] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города. Ч.2. – МИА. – 1958. – №85. – С. 469–470.

[66] *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В.* Археологические исследования хоры Нимфейского полиса и боспорского города Тиритака в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. – С. 130; *Пономарев Л.Ю.* К истории археологического изучения... – С. 242–244.

[67] *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – С. 154–155; *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. – Симферополь, 2001. – Вып. 1. – С. 152.

[68] *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. – М., 1992. – С. 167 (речь идет о плитовой могиле, вероятно, второй половины VII в., если не раньше, которую с большим трудом можно соотнести с «горизонтом хазарского времени» на этом памятнике); *Пономарев Л.Ю.* О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII–IX вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. – Керчь, 2001. – С. 116.

[69] *Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII – первой половины X вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. – Севастополь, 2001. – С. 40.

мики, амфор VIII–IX вв., обломки венца от пифоса, жернова ничем не отличаются от тиритакских[70]. Слабая же мощность раннесредневекового культурного слоя вполне объяснима его «благополучностью» — свидетельство жизни, не знавшей пожаров и разрушений. Особняком смотрится при этом находка в верхних слоях следов ямы с остатками человеческого черепа и жернова, в чем с большой натяжкой можно подозревать проявление ритуального языческого захоронения[71]. Если это поселение, как и поселение на месте Тиритаки, называть «салтово-маяцким», то только возводя в абсолют находки фрагментов лощеной и кухонной керамики «салтовского облика» и подчиняя им весь прочий материальный вполне провинциально-ромейский контекст.

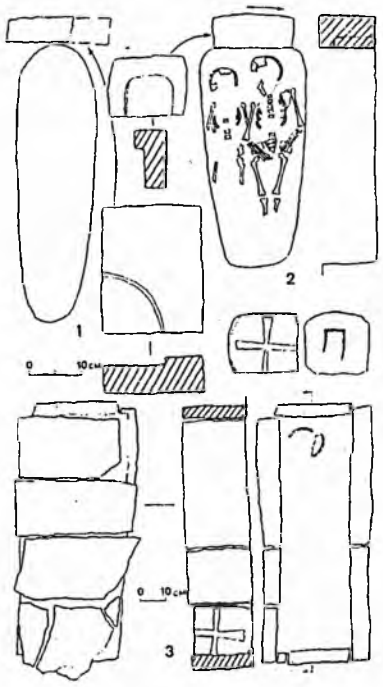

Рис. 114. Христианские могилы VIII–IX вв. в Крыму: 1, 2 – грунтовые могилы с каменной арковидной нишей в изголовье (Тепсень, Судак VI) (по В.В. Майко)

Присутствие кочевников нелегко уловить и в соседнем Илурате (см. рис. 113. 80), где жизнь в VII в. тоже продолжалась, судя по находкам поздней краснолаковой керамики в слое во дворе дома 2 (участок III), функционированию некоторых рыбозасолочных цистерн и винодельни[72]. Между тем, по мнению В.Ф. Гайдукевича, здесь обнаружены даже каменные основания юрт и загоны для скота булгарского стойбища VIII в.[73] Однако исследование постройки, цоколь которой сложен «колоском» на глиняном растворе, показывает, что в углу большого помещения была поставлена печь из обтесанных каменных плит. Углубленные «круги» диаметром 6–7 м и одно такое же сооружение подпрямоугольной формы (4х5 м), без перекрытий, сложенные из бутовых и подтесанных камней, с несколькими ступенями, ведшими с западной стороны, были завалены камнями, в том числе обожженными огнем, среди которых было довольно много костей домашних и диких животных, птиц, рыб, а также зола, пепел, скопления угольков. Судя по керамическому материалу, фрагментам боспорских, южнопонтийских амфор, красноглиняной и краснолаковой посуды, эти ограждения функционировали преимущественно во II–III вв. н.э. и, бу-

[70] *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 177–178, рис. 81. С салтовской керамикой может быть связана лишь часть кувшина, обнаруженного в раннесредневековой мусорной яме, плечи и тулово которого украшены полосами из мелких вдавленных линий, а нижняя часть горла орнаментирована волнистой полосой.

[71] *Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. – Л., 1987. – С. 165.

[72] Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 30, 31.

[73] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорский город Илурат // СА. – 1950. – Т. 13. – С. 188; *Гайдукевич В.Ф.* Илурат // МИА. – 1958. – №85. – С. 134–138.

дучи расположенными на территории некрополя, являлись культовыми погребально-поминальными комплексами, своеобразными святилищами, предназначенными для поминальных тризн, а не остатками юрт кочевников или загонов для скота[74]. Из семи обнаруженных к настоящему времени три таких комплекса несут следы вторичного использования, перепланировок более позднего времени, в том числе устройства впускного погребения V в. и выгородок, сделанных в технике opus spicatum[75], что указывает на континуитет в использовании таких сооружений, а значит, и на преемственность связанных с ними представлений, бытовавших среди местного населения со времен античности. Но самое примечательное — в здешних боспорских кладках первых веков н.э. уже можно видеть зарождение кладки opus spicatum, получившей позже столь широкое распространение[76]. В таком случае появление подобной строительной техники в позднеантичных сооружениях собственно Пантикапея-Боспора оказывается вполне закономерным и ее, как и в Илурате ранневизантийского времени, не обязательно видеть продуктом лишь салтовцев. Эти же наблюдения противоречат утверждению о том, что «первые однокамерные каменные дома, сложенные в данной технике, появляются у тюрок юго-восточной Таврики не ранее середины VIII в.»[77].

Следует принять во внимание, что кладка opus spicatum, эпизодически прослеживаемая на Боспоре до хазарского периода, сохранилась здесь и позже, в строительных горизонтах конца IX — XII в., после того как хазары оставили Крымский полуостров[78]. Следовательно, это была кладка, усвоенная не пришельцами, а именно местным населением. В квартале, состоявшем из пяти домов и двух пересекавшихся под прямым углом улиц, построенном, очевидно, в конце IX в. по типично византийской планировочной схеме, якобы над «хазарскими слоями», боспорские усадьбы по-прежнему были сложены по известной ранее системе смешанной кладки из бута на глине, с отдельными участками, образующими «елочку»[79]. Более ничего «тюркского» в них нет. Даже сторонники доминирования протоболгарского влияния признают, что такие элементы построек, как

[74] Подр. см.: *Ханутина З.В., Хршановский В.А.* Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 316–321, рис. 1–8; ср.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 90 (автор пишет об этих «каменных кругах» по-прежнему как об основаниях юрт и о загонах для скота).

[75] *Кубланов М.М.* Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. – 1979. – №159. – С. 96–97; *Хршановский В.А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях: Сб. науч. тр. – Л., 1988. – С. 20–27; *Ханутина З.В., Хршановский В.А.* Указ. соч. – С. 318.

[76] *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К., 1993. – С. 212.

[77] *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 289.

[78] Анализ письменных источников (письма патриарха Фотия Антонию, архиепископу Боспора, и сообщения Ибн Русте) позволяет заключить, что к началу 870-х гг. город не контролировался хазарскими властями и, несомненно, принадлежал Византии (см.: *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. – 1998. – Вып.6. – С. 676; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 222).

[79] *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып. 104. – С. 71–72; *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 359–361; ср.: *Сазанов А.В.* Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 1998. – Вып. 5. – С. 82–83, табл. 21.

каменные цоколи и глинобитные стены, были «заимствованы из боспоро-византийской домостроительной традиции»[80].

Кладка opus spicatum была известна в раннесредневековом Восточном Крыму и на его южном побережье, причем ее использовали и в жилом, и в производственном, и в храмовом строительстве. Так, кусками плиточного известняка, сложенного «в елку», строители облицевали стены неглубокой землянки VIII–IX вв. на большом открытом поселении у д. Пташкино на Керченском полуострове (см. рис. 113. 76)[81]. С уровня материка начиналась двухрядовая кладка, тоже выложенная «...по типу кладки "в елку" и заставляющая подозревать присутствие салтовцев»[82]. Однако и ранний период поселения, вероятно, имевшего позднеантичную основу, представлен неглубокими полуземлянками, одна из которых датируется по фрагментам амфоры с перехватом не позже середины VII в., то есть временем до появления «народа хазар» у берегов Черного моря[83]. Такие же жилые сооружения сельского и городского типа в виде полуземлянок известны около С. Морское и в Сугдее (см. рис. 113. 60, 62), но и здесь они имеют аналогии не только в праболгарских, возможно, хазарских материалах, а и в материалах пеньковских поселений Южного Поднепровья второй половины VII в.[84] Причем рядом с крымскими редкими памятниками такого рода обнаруживаются как зерновые ямы, открытые очаги, так и вкопанные в землю, привычные ромеям пифосы[85]. В связи с этим следует учесть, что подобный простейший тип жилых сооружений в виде полуземлянки подпрямоугольной или овальной формы с глинобитной каркасной конструкцией стен был и у народов, ведших оседлый образ жизни.

Во второй строительный период, приходящийся на вторую половину VIII – IX в., на месте поселения у д. Пташкино возводится трехапсидный базиликальный сводчатый храм: нижний ряд его кладки шириной 1,12 м был уложен прямо на материк, но состоял из двух лицевых рядов рваного и в меньшей степени тесаного известняка с забутовкой посередине на грязевом «растворе» — прием, обычный не для «хазарских архитекторов», а для всех каменщиков как первых веков, так и эпохи Средневековья[86]. Мощение пола плитами из известняка тоже не назовешь особенным. Так

[80] *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 189. А.Л. Якобсон счел нужным подчеркнуть, что отсутствие каменного цоколя являлось спецификой жилых построек Подонья и отличало их от жилого дома того времени в Таврике (см.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 119–120).

[81] *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. – С. 131.

[82] Там же. – С. 132.

[83] *Гадло А.В.* К истории... – С. 135: ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 28, №78. Обычно углубление помещений в землю относят к черте, характеризующей салтовцев. Тем не менее следует учесть, что заглубленные постройки, облицованные по периметру бутовым камнем на глиняном растворе (в один камень толщиной), известны и в раннесредневековом Херсоне (см. раскопки пом. 8–9 в южном углу квартала I), где какие-либо следы влияния салтовцев ничтожны (*Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1975 году // Архив НЗХТ. – Д. №1763. – Л.12, рис. 32).

[84] *Майко В.В.* Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы»: VII Донская археологическая конференция: Тезисы докл. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 130.

[85] См.: *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 288.

[86] Ср.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 92 Ср.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 92.

могли делать и греки, и пришлые мастера, попадавшие под влияние ромейской культуры.

К слову, говорить о недостроенности, заброшенности строительства этого христианского храма только потому, что раскопки показали отсутствие кровельной черепицы, было бы неправомерно. Его стропила могли быть покрыты камышом, ветками или соломой, присыпанными землей. В сельской местности это был испытанный прием, имевший привлекательность своей дешивизной. Бороздчатые амфоры причерноморского типа из завала на месте постройки датируются не только концом VIII – началом IX в., но и IX в. Поэтому относить разрушение или прекращение строительства храма к рубежу VIII–IX вв. на их основании тоже преждевременно[87]. Тем более, что среди амфорного материала оказались обломки высокогорлого кувшина того типа, какой не выпускался ранее второй половины IX в.[88] Что касается кости ноги лошади, найденной тут же, при раскопках северного нефа, ее едва ли можно уверенно относить к следам особого языческого ритуала, каким местное население якобы хотело выразить свой пиетет к святому для христиан месту[89].

Ярко выраженную печать такого же ромеизированного облика несет крупное, площадью более 15 га, поселение VIII–IX вв. на южном склоне горы Опук (см. рис. 113. 75). Остатки большой базилики, колодцы, следы дорог, подпорных стен, кольцевых загонов и кошар для мелкого рогатого скота, усадьбы из двух жилых помещений (10,5х6,5 и 6,3х6,1 м), примыкающие к ним хозяйственные постройки, заглубленные в котлован двухпанцирные с забутовкой стены, выложенные на уровне цоколя кладкой opus spicatum, углы из блоков известняка со следами инструментальной обработки, каменные очаги и глинобитные печи, каменные вымостки кое-где, обломки пифосов, разнотипных амфор VIII – первой половины X в., высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, ойнохой «баклинского типа» заставляют с недоверием относиться к заключению о принадлежности обнаруженного к «обычным памятникам хазарской культуры Керченского полуострова», ибо эта «хазарская культура» ничем не отличается от сельской, провинциально-ромейской[90]. Даже находки некоторого количества фрагментов сероглиняной кухонной керамики и сосудов с лощением не в силах развеять сомнения о принадлежности этого характерного и вместе с тем типичного для хазаро-византийской кондоминатной Таврики археологического комплекса к «последнему этапу развития салтово-маяцкой культуры».

Порой такого рода привязки носят искусственный характер. Так, на восточной окраине с. Заветное в Восточном Крыму (см. рис. 113. 78)

[87] *Гадло А.В.* К истории... – С. 142, рис. 7.

[88] На его горле была процарапана надпись на греческом (*Гадло А.В.* К истории... – С. 140). С. А. Плетнева без каких-либо объяснений относит строительство храма к концу X в. и полагает, что это была последняя крупная хазарская постройка, которую хазарские архитекторы попытались возвести «на своих прежних, но уже почти утерянных землях, вновь ставших византийскими» (*Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 92).

[89] *Гадло А.В.* К истории... – С. 137, 143.

[90] См.: *Голенко В.К., Джанов А.В.* Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 76–78.

находится небольшая крепость площадью около 530 кв. м (30х22 м), воздвигнутая на мысу и защищенная со всех сторон двухпанцирной, трехслойной стеной толщиной 1,10–1,40 м, из бутовых и подтесанных известняковых камней на глинистом растворе, а также рвом шириной до 2 м. К кастрону примыкало крупное поселение с обособленно расположенными постройками, прослеживаемыми в виде скопления камней и гончарной керамики. Вероятно, оно существовало не только в эпоху раннего Средневековья, но и в конце XIII – XIV в. На соседнем мысу находился типичный для местного населения, в том числе христиан, плитовый могильник из числа тех, что стали особенно распространяться со второй половины VII в. Тем не менее обнаруженный на поселении обычный, долго функционировавший очаг в виде ямы (диаметр – 0,42 м, глубина – 0,10–0,12 м), расположенной на овальной, с невысокой оградой площадке (3,4х2,6 м), слегка углубленной в суглинок на 0,10–0,15 м, предлагается рассматривать в связи с вопросом о языческих верованиях и обрядах народов Хазарского каганата, а именно как ритуальное капище, в котором разжигали не иначе как «священный огонь»[91]. Между тем в засыпи очага и вокруг него оказался тот же массовый бытовой материал, что и на поселении: фрагменты причерноморских амфор с мелкозональным рифлением, коричневоглиняных амфор с «перехватом» на тулове, ойнохой «баклинского» типа, несколько венчиков и стенок горшков салтовского облика[92]. Находки двух кремневых отщепов и лощил из песчаника едва ли можно безоговорочно относить к «амулетам», а обломки посуды и раздробленные кости домашних животных – это обычный бытовой кухонный мусор, как и зола, которая засыпала площадку[93]. Не всякий зольник является указателем языческого святилища. Зато типично византийским культурным признаком могут служить обломки нескольких рюмкообразных стеклянных сосудов, какие обычно служили или в качестве светильников-лампад, или для традиционной формы индивидуального причащения[94]. Примечательно также отсутствие лепной посуды, лепных поделок, не считая единственного плоского глиняного кружка с беспорядочными вдавлинами, в которых при всем желании невозможно углядеть «солярную символику», связанную с «ритуальной имитацией хлеба», с «земледельческими культами или общетюркским культом Тенгри-хана»[95]. Прочие единичные глиняные кружки с изображениями креста или креста в круге из раскопок поселений Керченского полуострова (Героевка-3, Эльтиген Юго-Западное, Тиритака), даже если это действительно были не простейшие христианские амулеты, благочестивые филактерии IX–X вв., а «изделия с небесными символами», «домовые обереги», крайне

[91] См.: *Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление и святилище у С. Заветное // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 264–282; *Пономарев Л.Ю.* Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 456.

[92] *Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление... – С. 267–271, рис. 3, 6, 7–9.

[93] *Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление... – С. 270; ср.: *Щапова Ю.Л.* Стеклянные потиры: археологический аспект истории священных сосудов // ВВ. – 2005. – Т. 64 (89). – С. 198–210.

[94] Там же. – С. 272, рис. 8. 12.

[95] *Пономарев Л.Ю.* Салтовское укрепление... – С. 272, рис. 8. 8; ср.: *Пономарев Л.Ю.* Биритуальный комплекс... – С. 457.

редки, чтобы говорить о доминировании здесь именно тюрко-болгар с их языческими верованиями и обычаями[96].

Вообще, кладка жилых и хозяйственных сооружений, даже из наиболее ярко выраженных «салтово-маяцких» поселений Восточного Крыма второй половины VIII — первой половины X в., обычно смешанная — постелистая иррегулярная двухлицевая с забутовкой и «елочкой», а хозяйственный и бытовой инвентарь включает не только сравнительно немногочисленную керамику салтово-маяцкого типа, лепную посуду, но и пифосы, амфоры, ойнохоевидные кувшины, кухонные горшки с клеймами на дне, прочую массовую кружальную посуду, даже светильники византийского облика, в том числе с граффити в виде букв греческого алфавита и различных знаков и в виде креста, что указывает на быт не столько собственно салтовского, сколько христианизированного разноэтничного гетерогенного населения вполне «ромейского облика»[97]. Поэтому было бы странным пытаться связывать с «раннетюркскими праболгарскими древностями» керамические комплексы, представленные хорошо известными типами амфор VII–VIII вв., столовой провинциально-византийской посудой, крупными ойнохоями, гончарными кухонными горшками, в том числе близкими типам кухонной посуды византийского Херсона, и лишь отдельными фрагментами редких лепных горшков[98]. Показательно, что прочерченный крест встречается даже на некоторых фрагментах лепных кухонных округлобоких горшков, считающихся типично кочевническими типами керамики, как это видно на примере находки из Сугдеи, которая никак не увязывается с комплексом «тюрко-булгарского святилища» или «хазарского капища»-зольника второй половины VIII — середины X в. на участке куртины XV, откуда происходит обломок[99].

Стены дома с огороженным двором, построенного не ранее IX в. на плоском холме Тепсень (по-татарски — «блюдо»), недалеко от западной окраины поселка Коктебель (Планерское) (см. рис. 113. 72), после разрушения одной из базилик Тепсеньского городища действительно были сложены с использованием приема opus spicatum[100]. Однако в остальном усадьба имела типично провинциальный византийский облик: черепичную крышу, застекленные окна, соответствующий бытовой инвентарь. В других таких же вполне благоустроенных домах зафиксированы печи из плит

[96] *Пономарев А.Ю.* Глиняные «лепешки» с солярно-небесной символикой с салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в философии и религии: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 37; *Зинько В.Н., Пономарев А.Ю., Зинько А.В.* Археологические исследования хоры Нимфеского полиса... – С. 130.

[97] См.: *Зинько В.* Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым: Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 40–41; *Зинько В., Пономарев А.* Керамика салтово-маяцкого типа с раннесредневековых памятников в окрестностях Нимфея // Византия и Крым: Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 42–43; *Зинько В.Н., Пономарев Д.Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское. – С. 151– 156, рис. 5.

[98] См.: *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 291–294.

[99] *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 293; *Майко В.В.* Керамічний комплекс однієї групи праболгарських пам'яток Таврики другої половини VII ст. н.е. // Українська керамикологія. Книга 1.– Опішне, 2001. – С. 25, рис. 9,8.

[100] *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. – С. 96–99.

известняка и прочие признаки ромеизированного быта[101]. Даже однокамерные каменные постройки, сложенные в технике opus spicatum насухо из мелкого плитняка, как и аналогичные постройки устойчиво стационарных поселений Тиритаки, Героевки, Кордон-Обы, считающиеся предшественниками домов-пятистенок из двух комнат, имеют сравнительно крупные размеры (8,1х5,1 м), правильную форму с выложенными камнем дверными откосами, застекленные окна, все те же печи-каменки византийского типа, а основания их стен, хотя и без фундаментов, впущены в грунт на глубину 0,2–0,3 м, как это было принято в византийском строительстве[102]. Приводимый В.В. Майко анализ керамики (пифосов, амфор, столовой и кухонной посуды, в том числе с клеймами в виде креста) указывает на ее отчетливо выраженный провинциально-византийский облик и не позволяет считать Тепсеньское городище праболгарским, а его население исключительно тюркским, носителями «крымского праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры»[103]. Автор сам признает, что «сероглиняная лощеная салтовская керамика чрезвычайно редка на полуострове»[104]. Действительно, едва ли не изначально, уже с VII в., здесь полностью доминировала кухонная керамика, изготовленная на ручном гончарном круге, и византийская привозная керамика, амфоры, кувшины, столовая посуда[105]. Объяснять это византинизацией керамического производства «крымских салтовцев» нелепо, поскольку тогда надо признать, что все прочее, предшествовавшее появлению салтовцев, местное городское и сельское население (потомки скифо-сарматов, греки, аланы, готы) в одночасье было устранено от гончарного дела, а новоявленные монополисты мгновенно усвоили новую технологию и традиции производства.

По-видимому, не укрепленное поселение на плоской возвышенности Тепсеня, круто спадавшего с южной стороны к морю, занимало площадь не менее 10 га, имело густую, упорядоченную застройку, несколько храмов, включая базилику, и было одним из самых крупных в Юго-Западном Крыму[106]. Старожилы, по словам А.Л. Якобсона, отмечали следы его правильной планировки, что, как известно, характерно для греко-римского

[101] См.: *Фронджуло М.А.* Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу С. Планерске // Археологія. – 1961. – Т. 12. – С. 168–182; *Фронджуло М.А.* Раскопки средневекового поселения на окраине С. Планерского, 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 99–132; *Майко В.В.* Археологические исследования на плато Тепсень в 2001 г. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. – К., 2002. – С. 179–180.

[102] *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования... – С. 98; ср.: *Гадло А.В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива // КСИА АН СССР. – 1968. – Вып. 113. – С. 82; *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 51.

[103] *Майко В.* Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // БСП. – В. Търново, 2000. – Т. 7. – С. 101–123; ср.: *Майко В.В.* О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133–134, 142; *Майко В.В.* Археологические исследования на плато Тепсень в 2001 г. – С. 180; *Майко В.* Храмовый комплекс городища на плато Тепсень VIII – первой половины X вв. (вопросы хронологии и периодизации) // Софійські читання. – К., 2003. – С. 136.

[104] *Майко В.* Керамический комплекС. .. – С. 106.

[105] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

[106] *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. – С. 88–146; *Фронджуло М.А.* Раскопки средневекового поселения на окраине С. Планерское... – С. 99–132.

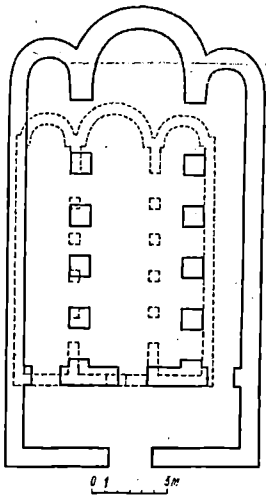

Рис. 115. Тепсеньская базилика VIII–IX вв. Схематический план (по В.П. Бабенчикову)

и ранневизантийского строительства и исключено для хазарского[107]. На берегу и под водой сохранились остатки древнего мола из диаритовых квадров на известковом растворе, защищавшего гавань[108]. Несомненно, это поселение, если не протогородполисматон, «столица» одного из местных южнобережных административных районов — климата, являлось весьма значительным византийским церковным центром VIII — первой половины X в., а его открытость и незащищенность оборонительными стенами можно объяснить тем, что расцвет городища пришелся на мирное, сравнительно спокойное время византийско-хазарского кондоминиума, действовавшего здесь до второй трети IX в. Даже если предполагаемая некоторыми исследователями увязка Тепсеня с Фулами и «фульским народом», упомянутыми в схолии к нотиции де Боора, в житиях Иоанна Готского и Константина Философа, проблематична и не может быть принята как окончательная, это не отвергает главного — ярко выраженной христианской культовой функции городища[109]. Изучение даже 2% его территории позволило выявить остатки большой базилики VIII–IX вв. и пяти других храмов, которые с перестройками существовали здесь, видимо, до 40-х гг. X в. Первоначальная базилика была трехапсидная (исследователи называют разные размеры: 37,6х12,4 м или 17,5х15,5 м) и уложена на деревянные клети из плах (рис. 115). Следующий большой храм на ее месте тоже был поставлен на мощные каменные фундаменты из плит дикого камня. Их клали, как положено было в классическом ромейском строительстве, в канавы, прокопанные и снивелированные в материке по одному уровню. Своды храма поддерживали два ряда каменных квадратных столпов — по четыре в ряду, стоявшие на больших каменных квадрах. Между столпами были каменные арки, а потолки в нефах были коробовые либо крестово-сводчатые, что опять-таки совпадает с приемами византийской архитектуры этого периода. Еще один столп в центре нартекса поддерживал, очевидно, хоры, под которыми размещались баптистерий и усыпальницы кимитирия. Пол был вымощен каменными плитами, швы которых тщательно промазали известью. Храм имел более поздние пристройки-пастофории с северной и южной стороны боковых апсид. Нартекс его достигал 5 м, центральный наос —

[107] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 27, №66.

[108] *Зеленко С. М.* Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис. ... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004. – С. 65–66.

[109] Ср.: *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 212–218. Подробнее об этом см: *Сорочан С.Б.* «Зачарованный клад»: Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 71–79. Непонятно, на каком основании В.В. Майко полагает, что городище Тепсень возникло лишь в середине VIII в. «...на месте крупного ранневизантийского монастыря предшествующего времени (середина VII – первая половина VIII в.)» (*Майко В.В.* О локализации Фулл... – С. 143).

14 м, а алтарная часть с клиросами (вима) – около 12 м. С базиликой связана большая часть погребений при храме и захоронения в грунтовых могилах-ямах. Причем в них обнаружены солиды 740–750-х гг. Так что эта постройка, несомненно, существовала во второй половине VIII – IX в., вплоть до начала X в., когда она оказалась разрушена, вероятно, землетрясением. Только после этого на ее месте был отстроен новый небольшой однонефный храм из сырца, который имел оштукатуренную внутри и снаружи апсиду, выложенную без фундамента техникой opus spicatum. Это единственная черта, отличающая его от прочих христианских культовых памятников, сложенных из массивных квадров известняка с забутовкой из мелкого сланца или только из сланцевых камней. Впрочем, даже в этом случае алтарь остался вымощен известняковыми плитами с заливкой швов известью, а на внутренней штукатурке, судя по следам краски, была нанесена фресковая роспись[110]. Но при всем том никаких особых, «локальных своеобразных черт» в тепсеньской базилике нет, за исключением камня с «рюмкообразным знаком» – двузубцем, традиционной, давно известной в Крыму сарматской, тюркской или иранской сакральной тамгой – в фундаменте южной стены здания (ср. рис. 112. 2, 3)[111]. Разумеется, этого мало, чтобы говорить о том, что в постройке церкви участвовали хазары[112].

Плитовые и простые грунтовые ямные могилы, обнаруженные на кладбище рядом с тепсеньскими храмами, в окрестностях плато Тепсень, как и в других местах Крыма и Таманского полуострова, разумеется, были связаны с процессом христианизации местного населения[113]. Не ясно, почему

[110] Подр. см.: *Барсамов Н.С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929–1931 гг. – Феодосия, 1932; *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма. – С. 199 и след.; *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования ... – С. 100–114; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. – С. 482–483; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 40; *Майко В.В.* О локализации Фулл... – С. 137–142; Майко В. Храмовый комплекс. .. – С. 137–140; ср.: *Зубарь В.М.* Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // Х сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 293.

[111] Ср.: *Майко В.* Храмовый комплекс... – С. 139, 141; *Майко В.В.* К вопросу о рунических и тамгообразных знаках... – С. 226–236.

[112] Ср.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 92.

[113] Показательно, что тип плитовой могилы, генетически связанной с такой же погребальной конструкцией, давно распространенной от Скандинавии до Средиземноморья, в том числе и у населения Таврики античного времени, в данном случае является упрощенным вариантом каменных склепов, почти не известен в Приазовье и совсем не известен в Подонье, то есть в области салтово-маяцкой культуры, которая обязана своим происхождением выходцам с Северного Кавказа (см.: *Корпусова В.М.* Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сутдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 132–134; *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.1 // МИА. – 1958. – №62. – С. 145–146; *Піоро І.С.* [Рец.: Магомедов Б.В. Черняховская культура: Проблема этноса. – Lublin: Wzdwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2001.–290 С.] // Археологія. – 2003. – №1. – С. 146, прим. 4, там же литература вопроса; *Чхаидзе В.Н.* Средневековые погребения в каменных ящиках... – С. 53–86). По этой же причине сомнительным представляется распределение этносов в зависимости от конструкции могил (плитовые – германцы, грунтовые – праболгары, склепы – греки и аланы) (ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 104; *Майко В.В.* К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 63). Даже если в таких тепсеньских плитовых могилах хоронили салтовцев, это были подвергшиеся ромейской интеграции христиане, поэтому настораживает излишне категоричное мнение о расположении их вперемежку с языческими погребениями (см.: *Майко В.В.* О месторасположении православной Фулльской епархии. – С. 104; *Майко В.В.* Плитовые христианские некрополи тюрко-болгарского памятника на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму // Восток–Запад: межконфессиональный диалог:

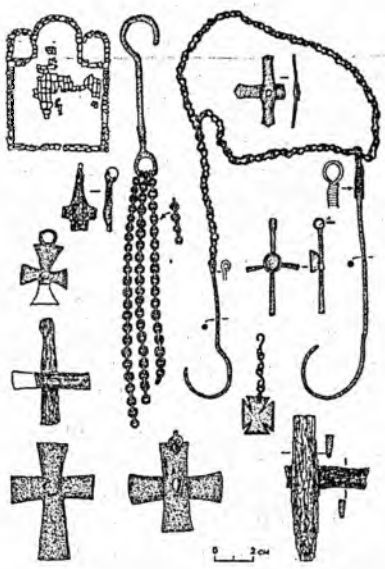

Рис. 116. Предметы христианского культа из погребений некрополя Кордон-Оба VIII–IX вв. и из домов и храмов Тепсеня (в левом углу – план тепсеньского храма №4) (по В.В. Майко)

здешние грунтовые погребения середины IX – первой половины X в., выполненные в деревянных гробах и преимущественно безынвентарные, надо считать праболгарскими, а соседствующие с ними плитовые могилы христианскими? Ведь крещеных хоронили и в тех и в других, в одинаковом положении, на спине, с ориентировкой на запад при некотором отклонении на север или юг. Их этническое своеобразие, антропологические признаки отступали перед этим главным, что приобщало к миру ромеев, к миру великой православной культуры. О «биритуальности погребального обряда» в этом случае говорить не приходится[114]. К слову, аналогичная картина прослеживается в тепсеньском некрополе середины VIII – второй половины IX в.[115] Обнаруженные здесь стелообразные, с высеченными или вырезанными изображениями крестов, а также крестовидные каменные надгробия подобны встречающимся в некрополях Херсона, Боспора, Сугдеи, Суук-Су, Лучистого, Скалистого, Гончарного, Сахарной Головки, то есть принадлежат ромеизированному населению, разделявшему византийские ментальные ценности[116].

На то же указывают результаты раскопок тепсеньского жилого комплекса в 1949 г., где были обнаружены три бронзовых нательных крестика, склепанные из бронзовых пластинок (вторая половина VIII – IX в.) (рис. 116), а также находка в доме-пятистенке поливного белоглиняного блюда с изображением рыбы, которое могло служить в качестве дискоса[117]. Симптоматична и находка на Тепсене раннего епископского «ленного» перстня, который, вероятно, передавался из столетия в столетие[118]. В культурном слое вместе с двумя дирхемами середины IX в. при раскопках христианского храма, исследовавшегося в 1998 г., был обнаружен обломок формы для отливки христианских медальонов-амулетов с изображением креста в круге, так называемых «самоварчиков»-ладанок, и крупных ключей, а на дне пифоса из постройки второй половины IX — первой половины

Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 21).

[114] Ср.: *Майко В.В.* К вопросу о локализации некрополей... – С. 60–63.

[115] *Майко В.В.* Плитовые христианские некрополи... – С. 21.

[116] *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования... – С. 88–146, рис. 14, 15; ср.: *Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. – К., 1993. – С. 195–196; *Виноградов А.Ю., Джанов А.В.* Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 413– 414, №7.

[117] *Майко В.В.* О локализации Фулл... – С. 139.

[118] *Майко В.В.* Ранньохристиянська знахідка на салтово-маяцькому поселенні Тепсень у Південно-Східному Криму // Археологія. – 2002. – №1. – С. 137–138.

X в. оказалась сердоликовая восьмигранная вставка в перстень с характерным раннехристианским изображением креста и двух рыб по бокам[119]. О ромейском быте говорят сероглиняные, вытянутой формы светильники, которые, вероятно, изготовлялись на городище, что опять-таки совершенно не свойственно салтовским, праболгарским памятникам. Даже кухонные горшки Тепсеня нередко отмечены снизу клеймом в форме креста в круге. Единственным очевидно языческим было погребение воина-всадника первой половины VIII в., помещенное рядом с христианскими могилами[120]. И это при том, что ни в степи, ни в лесостепи Хазарии не обнаружено ни одного памятника, который можно было бы связать с христианским культом. Археологические исследования показывают, что там повсюду долгое время царили языческие обряды и языческое мировоззрение[121]. Колоритную картину языческих нравов и обычаев «гуннов»-хазар, напоминающих древнескифские, подтверждают письменные источники[122].

Такая же двойственность сквозит и в облике небольших одноапсидных, однонефных христианских храмов сельской Таврики, выполненных на глине, без раствора, отчасти в технике opus spicatum, якобы характерной именно для булгар, салтово-маяцкого населения полуострова[123]. Но те же исследователи признают, что эти храмы представляли тип византийского культового сооружения[124]. В ряде случаев они были воздвигнуты на фундаментах предшествующих византийских базилик, то есть сохраняли культурный, ментальный континуитет[125]. К тому же отнюдь не каждый такой памятник обязательно сопровождался кладкой «елочкой» и отсутствием перевязки углов. Отсутствие погребений внутри храмов, якобы не характерное для византийских церквей того времени (что, как и утверждение об использовании в ромейской кладке исключительно раствора, является грубой натяжкой), с лихвой компенсировалось наличием по соседству христианских кладбищ. Зато повсеместно присутствуют находки стеклянных лампад[126], которые были необходимой принадлежностью христианского культа и которые недаром рассматриваются византинистами в качестве своеобразного индикатора распространения ромейской культуры[127].

[119] *Майко В.В.* О локализации Фулл... – С. 142; *Майко В.В.* Археологические исследования на плато Тепсень в 2001 г. – С. 180.

[120] *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – С. 162–164.

[121] *Плетнева С.А.* Очерки ... – С. 215.

[122] Мовсэс Калакантуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. Ш.Б. Смбатяна. – Ереван, 1984. – С. 124; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 145.

[123] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – 133–139; *Баранов И.А.* Таврика в составе хазарского каганата: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 29 (автор связывает с тюрками пять «салтовских церквей»: в Героевском, Пташкине, в Поворотном, на Тепсене и Кордон-Обе); *Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму в світі археологічних джерел // Археологія. – 1995. – №4. – С. 74; *Айбабин А.И.* Крым под властью хазарского каганата. – С. 7.

[124] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 139. Впрочем, называть их «базиликами с пропильными крышами и циркульными апсидами» некорректно, ибо базиликальная форма не предполагает однонефность (ср.: *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 29).

[125] *Романчук А.И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. – Свердловск, 1976. – Вып. 13. – С. 9–23, рис. 4; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 133–139, рис. 52, 53.

[126] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 205 .

[127] *Сорочан С.Б.* Рання Візантія: світло для живих і мертвих // Схід–Захід: Історико-культурологічний

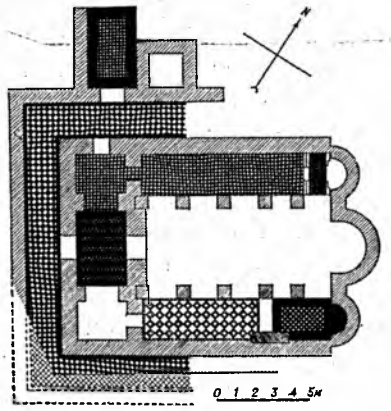

Рис. 117. Мозаика пола Партенитской базилики (по И.А. Баранову)

Невозможно сомневаться в греческом облике эмпория Парфениты (emporiou le-gomenou Partheniton), важного полифункционального, торгового и церковного центра сельской округи южнобережной Таврики (см. рис. 113. 49). Размещаясь у подножия Аю-Даг — «Святой горы», он был окружен многочисленными средневековыми поселениями с христианскими храмами, монастырями, отдельно стоящими культовыми строениями[128]. Эмпорий имел большую (17х12 м), украшенную узорчатой вымосткой пола, неоднократно ремонтируемую и основательно перестраиваемую трехнефную сводчатую базилику, которая с трех сторон была окружнена портиками (рис. 117), монастырь Св. апостолов Петра и Павла, располагал византийской духовной и, очевидно, светской администрацией, на что указывают текст Жития Иоанна Готского и находка моливдовула епископа Готфии второй половины VIII — первой половины IX в., судя по сфрагистическому типу[129]. Результаты раскопок свидетельствуют, что ремонтные работы и перестройки в здешних жилых усадьбах VIII–IX вв. велись в технике кладки opus spicatum, но вперемежку с другими строительными приемами[130]. Если это делали булгары, их невозможно вычленить из общей массы обитателей богатейшего приморского поселения-торжища, вероятно, игравшего роль локального, регионального панигира — ярмарки для окрестных южнобережных сел[131].

Примечательно, что порт и портовый посад соседней с Парфенитами Сугдеи, по мнению М.А. Фронджуло, ведшего здесь полевые исследования, был укреплен уже в VI–VII вв., причем строители использовали кордонную

збірник. – Харків, 1999. – Вип. 2. – С. 65–67.

[128] *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К., 2002. – С. 63.

[129] См.: *Колонтович Н.* О раскопках Д.И. Струкова в Партените // Таврические епархиальные ведомости. – 1871. – №23. – С. 88–147; *Репников Н.И.* Партенитская базилика // ИАК. – 1909. – Вып.32. – С. 91–140; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 197; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 24, №53; *Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 64–100; *Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия ГоС. Эрмитажа. – СПб., 1999. – С. 21–24; *Адаксина С. Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. – СПб., 2001. – С. 19–26; *Адаксина С. Б.* Аю-Даг – Крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. – СПб., 2004. – С. 6–7; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 398, 420–422, гл. 6; Отчет о раскопках за 1894 г. (юго-западный и юго-восточный угол городища) // Архив НЗХТ. – Д. №4. – А. 9; *Пятышева Н.В.* Печать готского епископа в коллекциях Государственного Исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. – С. 32–34; *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 209, №33; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 196).

[130] *Паршина С. А.* Торжище в Партенитах. – С. 69–70.

[131] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков... – С. 324–325.

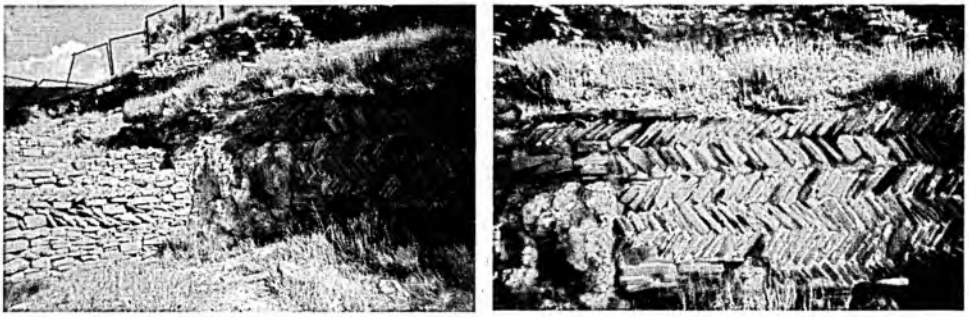

Рис. 118. Кладка opus spicatum в портовом районе Сугдеи. Раскопки М.А. Фронджуло

кладку стен на извести, принятую у ромеев, в сочетании с классической opus spicatum на растворе с примесью цемянки (рис. 118)[132]. Самая ранняя портовая часть города площадью около 4,5 га располагалась на террасах шириной около 18 м и высотой от 0,5 до 3,0 м между южными склонами гор Дженевез-Кая и Полвани-Оба. С севера, со стороны суши и подступов к Крепостной горе, она была защищена сплошной линией оборонительных стен, которые, судя по участку внутреннего панциря куртины XV, могли быть выложены в технике кордонной кладки (логом и тычком), хорошо знакомой позднеримским строителям, а единственный пологий подход с юга к важной в стратегическом отношении горе Крепостной был укреплен мощной башней. Здесь, со стороны берега моря, находившегося в 50 м, на высоте 12 м от нынешнего уреза воды оборону несла почти квадратная, отдельно построенная башня бургового типа (15,60x14,99 м, или 50x48 византийских футов), которая имела арковидные ворота в сторону берега и несколько этажей, судя по толщине стен (от 1 м до 2,17), а также наличию выступов-оснований для каменных лестниц. Она была снабжена водоотводной траншеей с дном из глины, обмазанной известковым раствором, вымощена двумя слоями плит песчаника на извести и таким же хорошим известковым раствором были скреплены ее стены, выложенные в технике кордонной кладки с сочетанием блоков, поставленных на ребро и поперек стены. Но самое примечательное, что у этого типичного позднеримского-ранневизантийского оборонительного сооружения, над которым работали явно не тюрки или хазары, кладка внутреннего панциря самой широкой, не менее 2 м, северной стены и внутренний панцирь восточной полутораметровой стены выполнены из серого плиточного песчаника в классической технике opus spicatum (рис. 119). На восточной стене сохранились ее четыре ряда, а на северной – семь, причем над ними расположен ряд плиток толщиной от 0,05 до 0,15 м, уложенных плашмя на цемянковом растворе меньшей толщины, как в соответствующих кладках opus mixtum VI в.[133] К IX в. ранневизантийский бург был разрушен и его руины в вос-

[132] Подр. см.: *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 139–142, 150, рис. 1–4.

[133] *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 59–70, рис. 4–8; *Вус О.* Приморські фортеці Візантійської імперії у Південному Криму // Львівський нац. ун-т ім. І. Франка. Наукові зошити історичного факультету. – 2003. – Вип. 5–6. – С. 38. Об аналогичных башнях на позднеримских границах см.: *Конноли П.* Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. –

Рис. 119. Приморский бург в Сугдее VI–VII вв. Наружная облицовка северной стены и кладка opus spicatum внутри (по М.А. Фронджуло)

точной части перекрыл жилой дом с одним помещением, у которого стены тоже были сложены «в елку», и хозяйственная кладовая. В X в. этот дом разделили на два помещения, а в западной часть приморского урепления выстроили еще один двухкамерный дом-усадьбу[134].

Тот же прием opus spicatum был использован при возведении жилой постройки, датируемой концом VII – первой половиной VIII в, однако даже сторонник ее праболгарского «авторства» вынужден был заметить, что это был городской тип жилого сооружения и что его оставило население, изначально находившееся в тесных контактах с Византийской империей[135]. Очевидно, эти неверно интерпретированные материалы послужили Е.В. Степановой для ошибочного заявления, что «...на территории порта, непосредственно на полах византийских разрушенных построек, были возведены хазарские жилища»[136]. На самом деле ничего сугубо хазарского в них нет, как нет и признаков некой «гнездовой» планировки, типичной для хазарских городов[137].

В портовом районе Сугдеи обнаружены остатки еще одного, прямоугольного в плане дома, который существовал приблизительно во второй половине VIII – X в. Восточная его стена была тоже сложена в технике кладки opus spicatum. Но в составе домашней утвари присутствовали сероглиняные гончарные горшки, какие делали в слободе Сугдеи, широко распространенные ойнохои баклинского типа, белоглиняная поливная столовая посуда, амфоры (одна из них с граффито в виде трезубца), высокогорлые кувшины, пряслица, тигелек для выплавки цветных металлов, ножи, астрагалы, то есть обычный набор зажиточного хозяина, можно добавить, живущего в грекоговорящем городе вполне ромейского облика и, судя по многочисленным моливдовулам, связанного с ромейской администрацией, официальными лицами Константинополя, южночерноморских провинций, Херсона и, вероятно, самой Сугдеи (если к таковым отнести личные печати с ромейскими именами, но без указания санов и должностей)[138]. На

М., 2001. – С. 301.

[134] *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке. – С. 141.

[135] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 151; Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – Т. 2. – С. 149–158; *Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Раскопки в средневековой Сугдее // Археологические исследования в Крыму: 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 39, рис. 28; *Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // БСП. – В. Търново, 2000. – Т.7. – С. 84; *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 289.

[136] *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 100–101.

[137] Ср.: Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей... – С. 90.

[138] Ср.: *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи

фоне перечисленного не просто удивляют — ошеломляют выводы о том, что дом был связан... с салтово-маяцкой культурой, а весь район был «плотно освоен хазарами»[139]. Собственно, те же данные приводятся для «праболгарского» жилья (одно-двухкамерных домов, иногда с мощенными плитами двориками), существовавшего в городе во второй половине X — начале XI в., случалось, возведенного на стенах предыдущих построек и тоже сложенного техникой кладки «в елку», но уже в качестве доказательства смены культуры с салтово-маяцкой на тюркскую и присутствие тюрок как основного населения[140]. И это невзирая на то, что историческая топография Сугдеи практически не изменилась, а домам, расположенным на террасах, улицами, сопутствовал характерный провинциально-византийский облик подавляющей массы керамики: тары, посуды, прочий инвентарь, бытовые предметы из железа, кости, цветных металлов, среди которых считаны находки, которые можно, да и то с большой натяжкой, связать с некрещеными сугдейцами (пара лепных горшков обычной баночной формы, похожие на позднепеньковскую керамику Поднепровья, такой же светильник-плошка открытого типа, вполне бытовой по характеру зольник — небольшое скопление напластований отработанных угля, золы, печины, обломков гончарной византийской керамики, амфор с зональным рифлением, столовой, кухонной посуды с внешней стороны куртины XV, фрагменты двух терракотовых моделей храма, якобы принадлежавшие огнепоклонникам, свастика на замковом камне, звезда Давида, процарапанная на сланцевой плитке рядом с двумя перечерченными линиями).

Необоснованным выглядит также заявление о захвате Сугдеи болгарами в 30-е гг. VIII в. и сохранении города как праболгарского до 40-х гг. X в., хотя в горизонте Сугдеи этого времени явно превалируют типичные провинциально-византийские массовые материалы, а около берега моря, в порту — византийские свинцовые моливдовулы как VI–VII, так и VIII–IX вв.[141] Хазарский отряд, если он здесь был во главе с тудуном — «правителем по имени Георгий, по фамилии Тархан», учитывая сложное положение, в котором оказались хазары в результате поражений от арабов в 728–733 гг. и 737 г., мог появиться в городе не ранее 40-х гг. VIII в., когда спала угроза со стороны халифата[142]. Влияние при этом византий-

// Археология Крыма. – Симферополь, 1997. – Т. 1. №1. – С. 83–86; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей... – С. 97–108; *Булгакова В.И.* Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдея, Сурож, Солжайя в истории и культуре Руси-Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 37; *Степанова Е.В.* Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солжайя в истории и культуре Руси-Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 231–233; *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике... – С. 516–520; *Сорочан С.Б.* Сугдея в «темные века» // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 333–347; *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 384–388.

[139] См.: *Баранов И.А., Майко В.В.* Раскопки в портовом районе Судакской крепости // Археологические исследования в Крыму: 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 43–47; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 90.

[140] См.: *Майко В.В.* Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 201–244.

[141] Ср.: *Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. – С. 83 след.

[142] Если следовать армянской версии Жития Стефана Сурожского, его герой не мог вернуться в Сугдею ранее 749 г. после продолжительного, примерно с 740 г., пребывания в Константинополе и, значит, только тогда, во второй срок его епископства, мог встретиться в городе с упоминаемым агиографами

ской имперской администрации, прослеживаемое по печатям, объяснимо только признанием кондоминатного статуса Таврики и самой Сугдеи, а никак не ее ролью «столицы Крымской Хазарии». Как уже было сказано, на эту роль столь же безосновательно тянуть Боспор.

Деятельность праболгар пытаются видеть в еще одном, необычно крупном сугдейском доме-пятистенке (11,95х7,10 м), стены которого сложены «...в типичной для крымских салтовцев технике кладки "в елку"[143]. Как правило, такие дома, распространенные в южнобережных провинциально-византийских поселениях, имеют меньшие размеры: 5,5х10 м, 5,5х13 м и 5,8х10,5 м. Принято считать, что в первой половине IX в. они вытеснили однокамерные постройки[144]. Нижний горизонт большого дома, фундамент которого, очевидно, сложен на известковом растворе, датируется концом VII – VIII в. на основе находки типовой бронзовой византийской пряжки с щитком в виде креста. Вместе с тем керамический комплекс раскопанного помещения относится к середине X – началу XI в. и содержит значительное количество археологически целых форм не только лощеной керамики, но главным образом тонкостенной, различные амфоры, в том числе импортную, возможно, константинопольскую, с грушевидным туловом, коллекцию византийской поливной белоглиняной посуды, высокогорлые кувшины, кухонную сероглиняную посуду, настолько универсальную, что ее с большой натяжкой можно считать непременно салтово-маяцкой[145]. Вообще, число таких комплексов невелико и к настоящему времени сводится лишь к семи хозяйственным и жилым постройкам, в большинстве своем сооруженным в портовой части города на пустующих территориях (вскрытая площадь составляет здесь около 650 м^2, то есть не более 5% от общей площади городища)[146]. Таким образом, говорить о тотальном разрушении византийских строений и повсеместном расселении салтовцев не приходится даже для приморской части Сугдеи VII–IX вв.[147] Нельзя этого сказать и об округе города, его посаде, где встречаются фрагменты стен, в том числе с кладкой «в елку», но в сочетании с подами печей и хозяйственными ямами с обломками амфор причерноморского типа, красноглиняной столовой посуды византийского облика, на фоне которой к салтовской можно отнести лишь немногочисленные сероглиняные кухонные рифленые горшки VIII–IX вв.[148]

Георгием Тарханом, которого здесь не было прежде (Le synaxarie armenien de Ter Israel // Patrologiae Orientalis. – Paris, 1930 – Vol. 21. – P. 867–872; *Иванов С.А.* Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары: Второй международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 42–43). Поэтому не исключено, что слова, с которыми Стефан обратился по прибытии к своей заброшенной пастве («Смотрите, братья, сколько событий случилось у вас и у нас в эти трудные времена, но Бог в своем всемогуществе посрамил Его противников и укрепил вас в любви и стремлении к Нему»), как раз свидетельствуют о стабилизации обстановки после появления хазарского военного присутствия в городе и установления в дополнение к византийским властям контроля еще и со стороны каганата, как того требовали условия режима кондоминиума.

[143] *Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Раскопки средневековой Сугдеи. – С. 41.

[144] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

[145] *Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Указ. соч. – С. 40, рис. 28. 3.

[146] См.: *Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища... – С. 83–90.

[147] Ср.: *Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи. – С. 149.

[148] *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке. – С. 145.

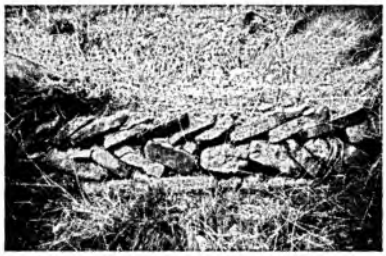

Рис. 120. Внутренняя стена пристройки к католическому храму Св. Девы Марии. Судакская крепость, XIV в.

В той же технике opus spicatum были сложены стены металлургической мастерской с горном, сооруженной в первой половине X в. у западного откоса ворот города, на участке куртины XV[149]. Она сохранилась плохо, но нет оснований относить ее к салтовским памятникам. Горизонтальные ряды кладки, перемежающиеся с рядами диагональной кладки opus spicatum, сложенной на глине, то и дело встречаются позже, в жилых постройках Сугдеи XI–XIII вв.[150] Например, их можно обнаружить в том же портовом районе, когда город являлся крупнейшим военно-административным центром Юго-Восточной Таврики в составе Империи ромеев, обладал мощными крепостными и портовыми сооружениями, имел над собой власть стратига (около 60% обнаруженных здесь византийских печатей, в том числе и протоспафария Георгия, стратига Сугдеи, относятся к X–XI вв.)[151]. Наконец, в этой же технике выполнена стена восточной пристройки к католическому костелу Девы Марии, сооруженному уже при генуэзцах около центральной городской площади Солдайи (рис. 120). Разумеется, они не имеют никакого отношения к салтово-маяцкой застройке и хазарам.

У С. Морского была обнаружена железоделательная мастерская с круглым в плане и полусферическим сверху горном со стенками из обожженной глины, диаметром 0,9 м и высотой 0,5 м, на основании из крупных камней песчаника, которая действовала приблизительно на рубеже VII–VIII вв.[152] Со временем она была обнесена каменными стенами, частично сложенными из крупной гальки в технике opus spicatum. Но примечательно, что инвентарь мастерской, даже если допустить ее принадлежность выходцу из числа булгар, не включал чего-либо инородного, принципиально отличного от того, что могло оказаться у любого провинциально-византийского мастера: свинцовый тигель для литья, пряслица из амфорных стенок, ножи, фрагменты конской упряжи, астрагалы, сланцевое прясло, грузила и терочники из гальки, обломок сабли, а также, что особенно важно, железное навершие в виде кованого креста с горизонтальным крючком для крепления к деревянному посоху и фрагменты стеклянных рюмкообразных сосудов, которые использовали в качестве потиров во время индивидуального причастия, широко распространенного до конца

[149] *Баранов И.А., Майко В.В.* Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // БСП. – В. Търново, 1996. – Т.5. – С. 85, рис. 1; Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. – С. 159.

[150] *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке. – С. 143.

[151] *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей... – С. 104–105. Если в Сугдее и поселилась группа печенегов, она расселилась в крепости как отряд федератов (см.: *Джанов А.В., Майко В.В.* Византия и кочевники в Юго-Восточной Таврике XI–XII вв. // X сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 160 сл.).

[152] *Майко В.В.* Комплексът прабългарски паметници от VII–X вв. край С. Морское в юго-източен Крим // БСП. – В. Тырново, 1996. – Т.5. – С. 127–148; *Майко В.В.* Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. – С. 130; *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 289, 294.

VIII в.[153], или в качестве лампад – ладикин, и которые, как уже сказано, могут служить своеобразным индикатором византийской культуры. Субъективность выводов исследователя на счет этого эргастирия проверяется объективностью подачи им материала, который заставляет его признать, что «набор изделий... типичен для раннесредневековых памятников полуострова и не является ни датирующим материалом, ни источником для этнической атрибуции»[154]. Поэтому едва ли мы имеем дело со следами именно «тюрко-болгарского поселения VIII–X вв.»[155].

Изредка кладка «в елку» использовалась в конструкции типично христианских средневековых погребальных сооружений, к числу которых относятся четыре каменных склепа с коробовым сводом на участке куртины XIV Судакской крепости, два аналогичных склепа на могильнике Судак-II в западной части посада Сугдеи и вырубленная в сланце могила 59 могильника Кордон-Оба (с западной стороны горного массива Кара-Даг), где явно были похоронены христиане, на что указывает трупоположение в гробах, на спине, с вытянутыми ногами и кистями рук, сложенными на тазе, совершенно отсутствующий или крайне немногочисленный, как и полагалось у христиан, погребальный «личностный» инвентарь из бронзовых перстней, серег, пряжек, пуговиц (одна перламутровая), стеклянных браслетов, бус, который никак не тянет на салтовский[156]. В сугдейских кладбищенских сооружениях элементы кладки opus spicatum были использованы при сооружении из бута и плоских плит песчаника либо стенок дромоса, иногда со ступенями, либо боковых стен самих погребальных камер. Но в остальном это не катакомбы, а типичные провинциально-византийские склепы, в одном случае относящиеся к XI–XII вв., с двумя боковыми нишами-локулами, и хотя они сложены на глине из бута и песчаника, коробовый свод их укреплен за счет кладки из обработанных блоков на известковом растворе. После совершения первых одиночных захоронений, в том числе в гробу, сюда стали помещать тела других умерших, так что склепы в скором времени превратились в многоярусные погребения (в них насчитывается соответственно свыше 20 и свыше 80 черепов). То же наблюдается в соседствовавших плитовых захоронениях IX–XI вв., где покойники располагались в один, два или даже в три яруса (Судак-

[153] Подр. см.: Taft R.L. Byzantine Communion Spoons: A Review of the Evidence // DOP. – 1996. – №50. – P. 209–238; *Щапова Ю.Л.* Стеклянные потиры... – С. 209–210.

[154] *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 294.

[155] Ср.: *Майко В.В.* К вопросу о рунических и тамгообразных знаках тюрко-болгар Таврики VIII–X вв. // Хазарский альманах. – К.; Харьков, 2006. – Вып. 4. – С. 231.

[156] *Фронджуло М.А.* Раскопки в Судаке. – С. 147, 149; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 154–156; *Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 149–150, рис. 1–2; *Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII – первой половины X вв. – С. 39–40, 41; *Майко В.В.* Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Проблемы религии стран черноморско-средиземноморского региона: Сб. науч. тр. – Севастополь; Краков, 2001. – С. 167; *Майко В.В.* Плитовые некрополи средневековой Сугдеи VIII–XV вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 196 (над одним из склепов IX–X вв. первого периода некрополя Судак-II был возведен не-большой храм из бута и плит на глине, пристройка к которому была сложена в технике opus spicatum, и, значит, комплекс играл роль мартирия или «крытого кладбища», кимитирия).

II и на горе Ай-Георгий)[157]. Прочерченное на одной из плит обкладки многоярусной плитовой могилы (некрополь Судак-IV) слово на плохом иврите (если это вообще надпись на иврите, а не на армянском языке) может служить лишь указанием на наличие в Сугдее еврейского населения, что издавна было обычно для городских центров Таврики и Таманского полуострова, имевших общины иудеев[158]. К тому же примечательно, что такого рода находки встречаются, как правило, во вторичном использовании[159].

Рис. 121. Элементы христианского погребального обряда в склепах на участке куртин XIV–XV в Сугдее. 1 – граффити по сырой штукатурке в склепе №4; 2 – нательный железный кованый крест из склепа №4; 3 – железный крест из склепа №1 (по В.В. Майко)

Судя по немногочисленному, как и полагалось у христиан, погребальному инвентарю вполне провинциально-византийского облика (бронзовые перстни со вставками из синего стекла, обычные гладкие височные кольца, серьги с подвеской в виде шарика, подвески пуговичной формы, стеклянные, витые или гладкие, с росписью браслеты, разнообразные бусы, крупная перламутровая пуговица, железная круглая пряжка, фрагмент ножа, две золотые пуговицы, серебряная серьга, нательные бронзовый и крупный железный кресты), склепы на участке куртины XIV функционировали в VIII–IX вв, длительное время, более 200 лет[160]. Они имели прямоугольные, оштукатуренные внутри камеры, в которые вели дромосы со ступенями. Часть погребенных одиночно или коллективно покоилась в ящиках из каменных плит, а рядом со склепами находился участок обычного христианского грунтового некрополя, иногда с погребениями в два яруса, которые тоже нельзя отнести к числу типично салтовских[161]. Особенно примечателен склеп №3, в потолке которого имелся железный крюк для подвешивания лампадофора или свечника, а на восточной стене краской по штукатурке был аккуратно прорисован процветший крест с христограммой и той же краской, но более небрежно выполнена греческая надпись: «Аминь. Упокой, Господи, имярека» (рис. 121)[162]. К наиболее раннему погребению относился костяк мужчины 30–40 лет, ориентированный, как положено у христиан, головой на запад, с крупным железным нательным крестом. На черепе его имелось прижизненное повреждение, нанесенное чем-то острым.

[157] *Майко В.В.* Плитовые некрополи средневековой Сугдеи VIII–XV вв. – С. 196–197, 207.
[158] *Майко В.В.* Плитовые некрополи... – С. 199; Фарбей О.І. Іудаїзм на тлі релігійної ситуації у Південно-Східній Тавриці VIII–X ст. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 377.
[159] Ср.: *Чхаидзе В.Н.* Указ. соч. – Ср.: 60–61.
[160] *Майко В.В.* Некоторые аспекты... – С. 149–150.
[161] *Майко В.В.* Плитовые некрополи средневековой Сугдеи... – С. 211.
[162] *Виноградов А.Ю., Джанов А.В.* Греческие надписи Сугдеи. – С. 414–416, №8.

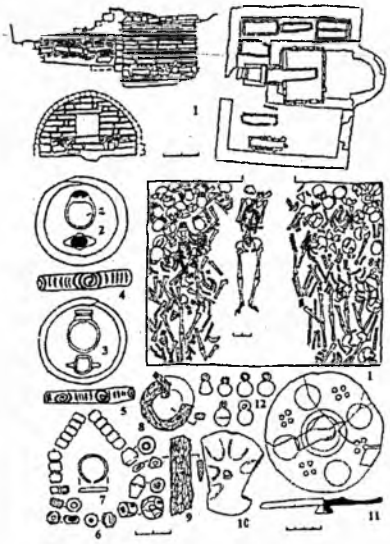

Рис. 122. План и погребальный инвентарь склепа VIII–IX вв. под поминальным мартирием на территории могильника Судак-II

Ориентация захороненных в склепах была разной, но это не языческая черта: в погребальной камере было трудно, практически невозможно выдержать одинаковую ориентацию погребенных, что демонстрируют и склепы византийского Херсона. Всего этого недостаточно, чтобы однозначно считать эти усыпальницы принадлежащими «тюркской родовой знати» и тем более местом захоронения легендарного Георгия Тархана, который, если верить агиографии, был в городе около середины VIII в., во времена предстоятельства Стефана Сурожского[163]. Храм над этим склепом-криптой вместе с соседним склепом в пределах пристройки к храму явно носил поминальный характер и являлся типичным ромейским мартирием (рис. 122). Использование элементов кладки opus spicatum при его сооружении нисколько не противоречит такому заключению.

Рюмкообразный знак, видимо, сарматский или тюркский «двузубец», зафиксирован на каменной обкладке плитовой могилы №46 некрополя Судак-II, плитовой многоярусной могилы некрополя Судак-VI вместе с прочерченным изображением семисвечника (миноры) и детского погребения №8 того же кладбища, причем в послед-

[163] Ср.: *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 28. В.В. Майко менее категоричен, но тоже безосновательно полагает, что под поминальным храмом в крипте-костнице находилось «погребение знатного тюрка, принявшего христианство», а сами склепы были сооружены «для знатного праболгарского населения Сугдеи салтово-маяцкого периода, активно принимавшего христианство» (*Майко В.В.* Некоторые аспекты... – С. 150). Куда более ошеломляюще звучит заявление о «...совмещении христианских и иудейских черт в погребении тюрка праболгарина», якобы совершенном в склепе второй половины IX – X в. на северо-восточном участке посада Сугдеи (возле гостиницы «Горизонт»), поскольку речь идет об очередном обычном каменном склепе византийского типа, прямоугольной формы (3,2 х 2,1 м), сложенном из блоков ракушечника на извести. Единственными «салтовскими» находками здесь явились «бронзовая печатка» и несколько «пуговиц-подвесок», которые невозможно считать этническим маркером даже салтовца, не то что некоего «конфессионального кентавра», полухристианина-полуиудея тюркского происхождения. Судя по обломкам черепов и многочисленным разрозненным костякам, склеп, расположенный в 300 метрах от стен Сугдеи, тоже использовался для многоярусных погребений, и вывод этот не может быть поколеблен наличием по центру склепа некоего первоначального костяка, ориентированного на восток–запад и положенного на песчаную подсыпку (см.: *Майко В.В.* Указ. соч. – С. 150–151, рис. 3). К слову, эти одиночные центральные погребения, лежавшие в относительном анатомическом порядке, могли быть не первыми, самыми ранними, как полагает исследователь, а, напротив, самыми последними, для чего предыдущие костяки сдвигали в сторону, освобождая место. Так было принято делать не в костницах, куда переносили из других церквей части костяков, а в обычных многоярусных усыпальницах-кимитириях, к числу которых, несомненно, относятся и сугдейские (ср.: *Сазанов А.В.* Погребения в христианских храмах Херсонеса XI–XIV вв. // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 43–45). Примечательно, что погребение из могильника Судак-IX (около гостиницы «Горизонт») В.В. Майко считает могилой христианского миссионера только потому, что оно содержало «крупный железный крест» (*Майко В.В.* Плитовые некрополи средневековой Сугдеи VIII–XVвв. – С. 203). Почему же не считать таковым аналогичное в указанном выше мартирии у куртины XIV?

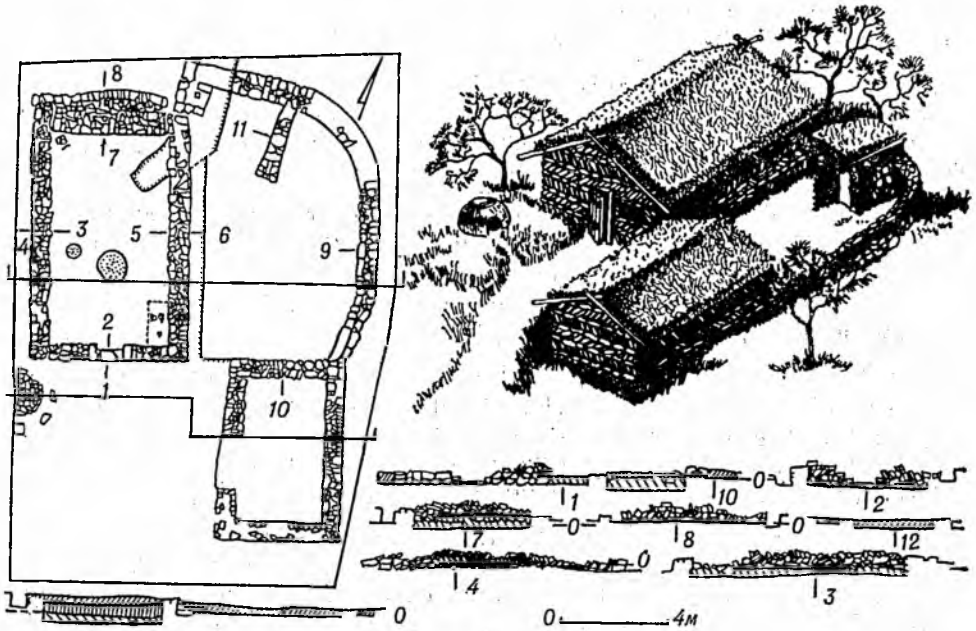

Рис. 123. План и реконструкция усадьбы поселения второй половины VIII – X в. на холме Кордон-Оба (по И.А. Баранову)

нем случае ему сопутствовала уже не минора, а изображение креста[164]. Следовательно, для похороненных таким образом их этническое происхождение, антропологические признаки были теперь второстепенными, а ромейское влияние, проявлявшееся в массовой христианизации, стало первичным, основополагающим. К тому же невозможно понять, на чем зиждится заявление о том, что, в отличие от кладбища Судак-VI (северная окраина поС. Уютное), на некрополе Судак-II (северо-западная окраина посада Сугдеи) «...фиксируются уже исключительно христианские праболгарские могилы и склепы», – более того, что это вообще кладбища салтово-маяцкой культуры[165]. Плитовые, грунтовые и комбинированные могилы, склепы VIII–IX вв. содержат здесь одноярусные, двухъярусные и более погребения, костяки иногда сдвинуты, а непотревоженные демонстрируют положение рук вдоль тела, на поясе или тазе, а также, как стало принято у ромеев, скрещенные на плечах или груди[166].

[164] *Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму... – С. 79, рис. 2, 4; *Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии... – С. 41, рис. 2, 3; *Фарбей О.І.* Іудаїзм... – С. 378. С. А. Плетнева предполагает принадлежность могилы с семисвечником «хазарину-иудею», каких, как и иудеев-евреев, «было в ту эпоху много в торговых морских городах Крыма», хотя могила была коллективная, носила черты обряда христианского, да и сама плита с минорой могла попасть в ее обкладку со стороны, быть вторично использованной (*Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 90).

[165] Ср.: *Баранов И., Майко В.* Городской некрополь салтово-маяцкой культуры на посаде средневековой Сугдеи // Български годишник. Болгарський щорічник. Болгарский ежегодник. – Київ, 2004. – Вип. 5. – С. 72–92; *Майко В.В.* К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища. – С. 64.

[166] *Майко В.В.* Плитовые некрополи средневековой Сугдеи... – С. 200–201; ср.: *Сорочан С.Б.* Гробничное дело в византийском Херсоне (VI–X вв.) // БИ. – Симферополь; Керчь, 2005. –

Даже обычные грунтовые могилы ошибочно видятся исключительно «салтовскими» или «праболгарскими» только потому, что они грунтовые, хотя в этих могилах лежали погребенные с нательными крестами, да и сами ямные захоронения практически ничем не отличались от таковых херсонских, т.е. ромейских, как это видно на примере могильника Кордон-Оба (см. рис. 116)[167]. Примечательно, что там же, на Кордон-Оба, обнаружены остатки христианского храма, сложенного после перестройки, как и дома, опущенные в неглубокие котлованы, с использованием приема opus spicatum (рис. 123). Сначала церковь была упрощенной, однонефной, без нартекса и притвора, а позднее к ее торцовой стене с дверным проемом был пристроен притвор, важный для соблюдения правил богослужения[168]. Некрополь и поселение Кордон-Оба, в свою очередь, соседствуют с городищем на холме Тепсень — важным церковным центром. В.В. Майко признает, что это были «сильно византинизированные» города и поселения полуострова, но в то же время объявляет их исключительно праболгарскими или салтово-маяцкими[169]. При этом любое грунтовое погребение на окрестных кладбищах IX — первой половины X в. исследователь автоматически причисляет к праболгарским, а плитовое — к христианским, хотя и те и другие были синхронны, лежали вперемежку, в них наблюдается «практически полное отсутствие погребального инвентаря» и принятая у христиан ориентация на юго-запад[170].

Между тем исследование погребальных обрядов многочисленных плитовых могил Восточного Крыма второй половины VIII — первой половины X в. (у Тиритаки, Эльтигена, С. Михаловка, Новониколаевка, на территории Нимфея, у С. Осовины, у поС. Героевское, Белинское, Пташкино) показывает, что они имеют особенности: каменные обкладки, арковидные ниши-аркосолии в изголовье, отсутствие в могилах туш и частей животных, птицы, салтовской посуды (при наличии единичных «модных» украшений салтовского облика: перстней, рифленых бубенчиков, серег с дисками-пронизками, с подвесками), что не говорит о каком-то этническом своеобразии или религиозном синкретизме некой «Крымской Хазарии», но о мощном влиянии на погребальный обряд местных, прежде всего христианских, а значит, ромейских культурно-исторических реалий[171]. Погребения с лепной округлобокой и подправленной на гончарном круге керамикой, а также трупосожжения, встречающиеся в Подонье, на терри-

Вып. 9. – С. 197.

[167] *Майко В.В.* Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба: (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 78; ср.: *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 128, рис. 48, 9, 13;.

[168] *Баранов И.А.* Указ. соч. – С. 135; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 92.

[169] *Майко В.В.* Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба // Проблемы религии... – С. 164–169; *Майко В.В.* К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища. – С. 63.

[170] *Майко В.В.* К вопросу о локализации некрополей... – С. 60–63, рис. 1–2.

[171] *Пономарев Л.Ю.* О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII–IX вв. – С. 116–118; *Пономарев А.Ю.* Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ, – Симферополь, 2002. – Вып. 2. – С. 145–158; *Пономарев Л.Ю.* Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. – С. 445–456; ср.: *Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма... – С. 40.

тории Таврики не известны[172]. Еще раз следует подчеркнуть, что практически все здешние захоронения, даже если считать их принадлежащими тюрко-болгарам, были совершены по христианскому обряду и нередко (до 8–10%) имели плиты с изображением креста в изголовье, возле ног или в перекрытии над головой погребенного[173]. Никакого «ритуального разрушения» покойников в них не наблюдается: в двойных, тройных, многоярусных захоронениях, привычных для ромейских кимитириев, сдвиг более ранних костяков в могиле был вполне естественен, а костей ног, таза в качестве обряда обезвреживания им никто не ломал[174]. Наличие редкого рюмкообразного изображения скорее всего стилизованной сармато-аланской или тюркской тамги на плитах некоторых могил IX–X вв. могло указывать на этнородовой признак умершего, как это видно на приведенном выше примере погребения №8 могильника Судак-VI, но и тамга подчеркнуто осенялась соседством врезного креста[175].

Очевидно, булгары предпочитали селиться на пустующих землях. Поэтому иная картина наблюдается в некоторых районах Центрального и Северо-Западного Крыма. Пока только во впускных подбойных могилах в кургане около городища Кара-Тобе и в Сары-Булате, кургане близ С. Портового, а также в погребении VII–VIII вв. на окраине С. Кропоткина Раздольненского района удалось зафиксировать кости лошади, овцы, остатки тризны, то есть отчетливо выраженные признаки единичных языческих погребений воинов-кочевников. Отдельные предметы и керамический материал салтово-маяцкого круга встречаются на Сакской пересыпи, городище Кара-Тоба, Чайка, у поселка Мирный, на Южно-Донузлавском, Западно-Донузлавском и Аблемитском городищах, у С. Хмелево, на Беляусе, городище Кульчук, у сел Оленевка, Кузнецкое, Вдадимировка, Стерегущее, Кропоткино и на Лебяжьих островах, но тут же или неподалеку, на соседних поселениях, могильниках были сделаны находки предметов материальной культуры провинциально-византийского круга (амфоры, посуда, пряжки, известняковое надгробие с греческим крестом), могилы с типичной для христиан ориентировкой погребенных на запад (Заозерное, Сакский район), херсонские и византийские монеты VIII–X вв., а также обнаружены следы навигационной системы (сооружение из камня маяк около С. Окуневка-Тарпанчи) (рис. 124)[176]. Здесь, в районе Сакского и Саасык-Сивашского озер, видимо, велась добыча соли, которую вывозили в соседний Херсон. Остатки построек VIII — первой половины X в. со сте-

[172] *Майко В.В.* К вопросу о неоднородности... – С. 291.

[173] *Корпусова В.М.* Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма. – С. 132–134.

[174] Ср.: *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 93; *Бармина Н.И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // АДСВ. – Симферополь, 1995. – Вып. 27. – С. 82–83; *Пономарев А.Ю.* Биритуальный салтово-маяцкий могильник... – С. 458–460.

[175] *Баранов В.И.* К вопросу о тамгообразных знаках салтово-маяцкой культуры (по материалам могильника Судак-VI) // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 25–28, рис. 1.

[176] См.: *Кутайсов С. В.* Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 157–158; *Кутайсов С. В.* Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма // Х сб. – 2003. – Вып. 12. – С. 274–286.

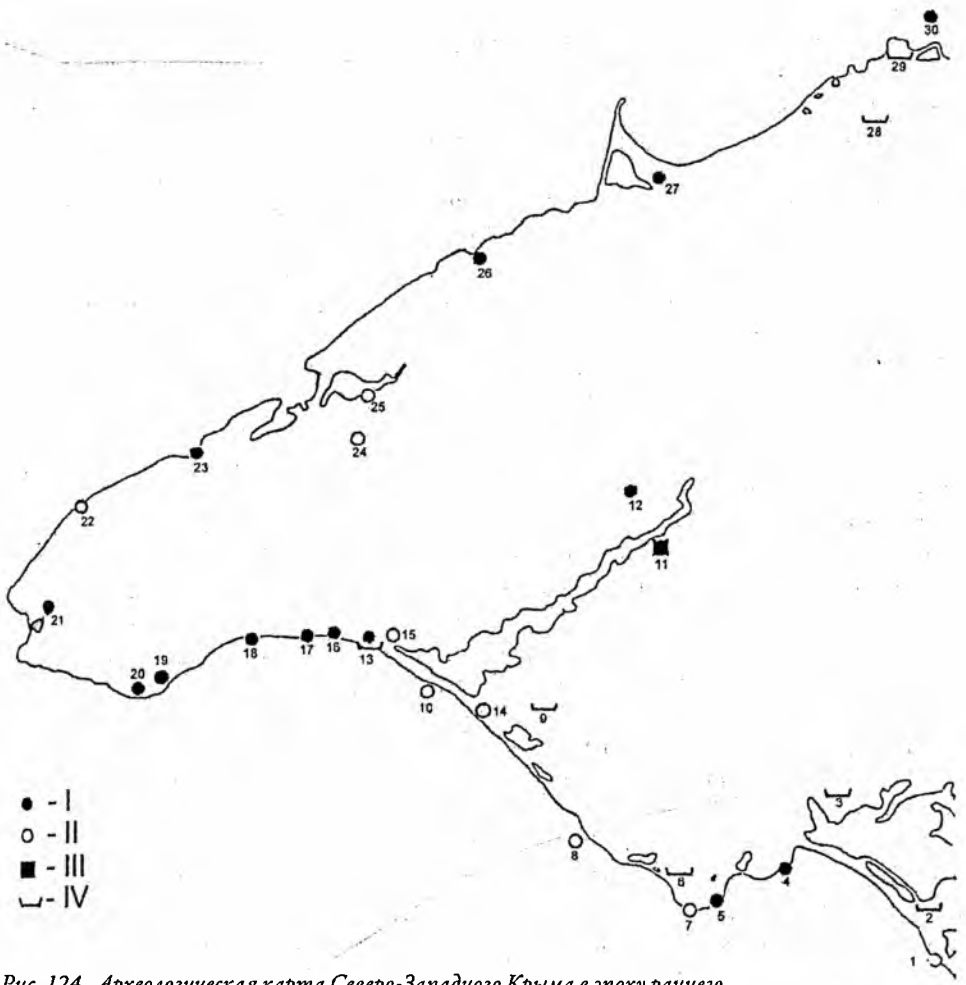

Рис. 124. Археологическая карта Северо-Западного Крыма в эпоху раннего Средневековья. I – поселения; II – местонахождения; III – городища; IV – могильники. 1 – Сакская пересыпь, 2 – Кара-Тоба, 3 – Мамай, 4 – Керкинитида; 5 – Чайка, 6 – Заозерное, 7 – Евпаторийский маяк, 8 – Аирчи, 9 – Мирный, 10 – Донузлав, 11 – Аблемитское г-ще, 12 – Хмелево, 13 – Беляус, 14 – Южно-Донузлавское г-ще, 15 – Западно-Донузлавское г-ще, 16 – Кульчук, 17 – Лазурное, 18 – Тарпанчи, 19 – Морское, 20 – Ойрат, 21 – Оленевка, 22 – Большой Кастель, 23 – Калос-Лимен, 24 – Кузнецкое, 25 – Зайцево, 26 – Владимировка, 27 – Стерегущее, 28 – Кропоткино, 29 – Сары-Булат, 30 – Лебяжьи о-ва (по С. В. Кутайсову)

нами, сложенными в технике opus spicatum, хорошо сохранились на бывшем античном и скифском городище Калос-Лимен (двух-, трехкамерные вытянутые в плане постройки с дерновыми крышами и полуподвальное помещение), а также в центре городища «Чайка», расположенного в 7 км к западу от Евпатории[177]. Последнее особенно примечательно, поскольку

[177] *Яценко И.В.* Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория Чайка в Евпатории // АО 1973 г. – М., 1974. – С. 368; *Кутайсов С. В.* Указ. соч. – С. 156.

эта кладка часто фигурировала здесь уже в стенах скифских жилых и хозяйственных построек I в. до н.э. — I в. н.э. (Северный квартал и Запад II)[178]. Булгарские же стойбища-аилы VIII в., такие как полностью исследованное в урочище Тау-Кипчак в верховьях р. Зуя, в районе Симферополя, заметно отличались от византинизированных поселений (рис. 125). Тау-Кипчак возникло в процессе оседания пришлого прабулгарского либо пеньковского населения Южного Поднепровья и состояло из группы прочно расставленных прямоугольных полуземлянок столбовой конструкции или со стенами из мелкого бута «в елку» (рис. 126)[179]. Крыши их были из обмазанных глиной камыша или соломы на деревянных лагах, а отопительным устройством служили как каменные или глинобитные печи вполне ромейского облика, так и открытые очаги. Среди материалов Тау-Кипчака присутствуют как амфоры, так и керамика салтово-маяцкого типа второй половины VIII–IX в. Им предшествуют немногочисленные находки амфор последней четверти VII — первой половины VIII в. из хозяйственных ям у некоторых землянок и, значит, можно говорить о существовании поселения уже с этого времени[180]. Похожие, но бестолбовые землянки, причем не с глинобитной печью в углу, а только со слегка углубленным очагом посередине помещения, обнаружены в Евпатории[181]. Но датировать их исключительно рубежом VII–VIII вв.

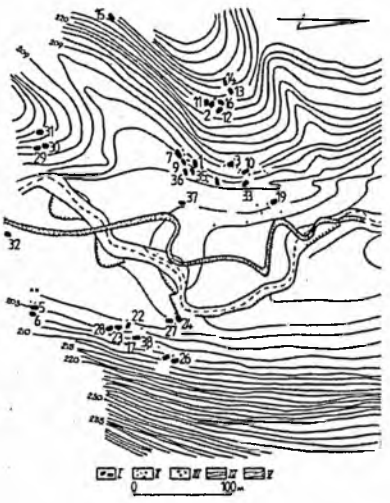

Рис. 125. План поселения в урочище Тау-Кипчак: 1–37 – номера наземных жилищ, полуземлянок и хозяйственных ям; I – наземные жилища и полуземлянки; II – хозяйственные ямы; III – грунтовые могилы; IV – русло р. Зуя в VIII–IX вв.; V – современное русло р. Зуя (по И.А. Баранову)

[178] *Попова Е.А.* О Северо-Причерноморском домостроительстве I в. до н.э. –I в. н.э. // Историческая археология. – М., 1998. – С. 187.

[179] *Баранов И.А.* Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму // АО 1970 г. – М., 1971. – С. 283–284; *Баранов І.А.* Розкопки салтово-маяцького поселення на р. Зуі в Криму // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – К., 1972. – Вип. 4. – С. 248–250; *Баранов И.А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиса -Преслав. – София, 1981. – Т. 2. – С. 59–64, рис. 2, 3; *Якобсон А.А.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 133; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 190–194, рис. 80; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – К., 1990. – С. 305–306; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 31.

[180] *Баранов В.И.* Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К., Судак, 2004. – С. 23–25, рис. 1.

[181] Аналогии им встречаются в Восточном Крыму, например у приморского С. Героевского (Эльтиген), у С. Пташкино и на склоне холма Кордон-Оба (см.: *Гадло А.В.* Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива. – С. 80 и след.; *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. – С. 134–135; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 41, 47). Примечательно, что почти одновременно с землянками, но, видимо, ближе к IX в. на этих поселениях стали сооружать уже дома-усадьбы иного облика: с огороженным двором, отдельно стоящими хозяйственными постройками, каменными печами, эпизодически применяя кладку opus spicatum, причем стены построек были сложены как с использованием саманных кирпичей на каменном основании, так и, по ромейской традиции, целиком из камня (*Гадло А.В.* Этнокультурная

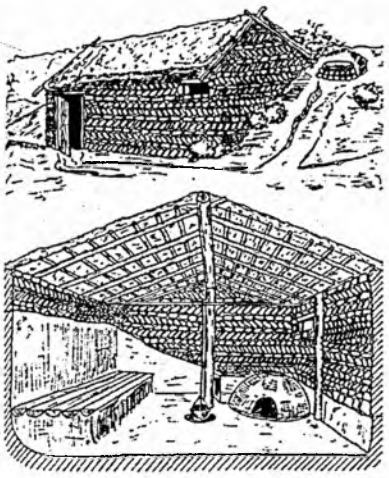

Рис. 126. Полуземлянка со стенами, сложенными в технике opus spicatum на поселении Тау-Кипчак (реконструкция И.А. Баранова)

и связывать с «первой волной» хазарского проникновения на полуостров следует с большой осторожностью[182].

В Юго-Западном Крыму таких «эталонных» сооружений вообще нет. Брахимегацефальность погребенных в плитовых могильниках тоже не увязывается с болгарской принадлежностью брахицефалов, выбранной антропологами в качестве признака салтово-маяцкой культуры[183]. Отсутствуют здесь и признаки кочевнического хозяйства и быта. Даже там, где в составе инвентаря, наряду с амфорами, гончарной, стеклянной столовой и литургической посудой, рюмкообразными сосудами-потирами или лампами, обломками железных крестов, присутствуют немногочисленные, но типичные для салтовской керамики горшки с волнистым или линейно-волнистым орнаментом, сельские дома строились по типу небольших провинциально-ромейских усадеб с огороженным двором, с домами из двух-трех помещений со стропильным, жердевым перекрытием и соломенной или земляной, дерновой крышей, хозяйственными постройками, вкопанными в землю большими пифосами для хранения зерна, иногда с навесами, поддерживаемыми известняковыми колонками (рис. 127). Именно такие сооружения преобладают на поселениях в долинах рек Бельбек и Качи, Байдарской долине, недалеко от Чуфут-Кале на плато Кыз-Кермен[184], в балке Горный Ключ[185], на плато Пампук-Кая, близ С. Гончарного[186], у Загайтанской скалы в Инкермане и некоторых других

характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. – Л., 1971. – С. 74; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 50–51). Относить их исключительно к продукции булгарского этноса нет оснований. Отдельные и немногочисленные вещи салтовского круга скорее дань моде и следствие культурных контактов разных, хотя и «параллельных» миров, проходивших сплав в рамках византийско-хазарского кондоминиума.

[182] См.: *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // X сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 175, прим. 8; *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Крым и Хазарский каганат в первой половине–середине VIII в. // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 88–89.

[183] *Беневоленская Ю.Д.* Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма // МИА. – 1970. – Вып. 168. – С. 196–223.

[184] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 103–110; *Белый А.В., Назаров В.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь,1992. – С. 132–142; *Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен: Постройка №2 // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 49–63; *Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен: Комплекс построек №3, 4, 7 // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 189–229.

[185] *Романчук А.И., Омелькова Л.А.* Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ: Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С. 94–103.

[186] *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения ... – С. 111–117. На погребальных остраконах VIII–IX вв. из могильника у С. Гончарного обращает на себя внимание наличие изображения так называемого просфорного креста – креста в круге со священной формулой «Иисус Христос Ника» (ICXC NIKA), который употреблялся в особых случаях, связанных с таинством Евхаристии, изображением «хлеба живого» и с внешней атрибутикой христианской погребальной практики (*Уваров А.С.*

местах[187]. Кладка opus spicatum тут применялась весьма эпизодически, главным образом при возведении каменных цоколей. Однако прочие строительные элементы (отсутствие иногда фундаментов, перевязки стен в углах, использование разномерного бута без связующего раствора, глинобитно-жердевых турлучных конструкций), равно как открытые очаги и глинобитные полы в помещениях с большой натяжкой, можно связать только с булгарами. А.Л. Якобсон, рассматривая в целом тип жилого дома сельской Юго-Западной Таврики и его параллели, справедливо заметил, что многие черты такого дома представляли непосредственное наследие античности, нередко наблюдались в первые века н.э., и даже турлучная строительная техника была глубоко традиционна: она бытовала в Крымском нагорье многие века и дожила почти до наших дней[188]. Главное: быт обитателей этих усадеб, очевидно, участвовавших в возведении расположенных по соседству типично провинциально-византийских трехнефных базиликальных христианских храмов (рис. 128)[189], состав домашней утвари, рабочих инструментов, ха-

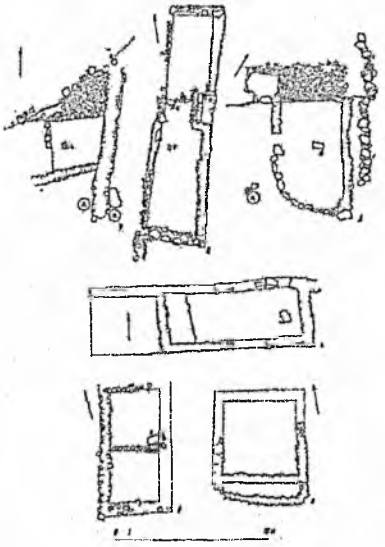

Рис. 127. Планы жилых домов VIII–IX вв. в юго-западном нагорье Крыма (поселения у С. Бобровки и С. Поляны, городище Кыз-Кермен) (по А.А. Якобсону)

Христианская символика. Ч.1: Символика древнехристианского периода. – М., 1908. – С. 217; *Корпусова В.М.* Об одной особенности христианского погребального обряда... – С. 135), что указывает на особенно глубокое воздействие ромейской культуры на гетерогенных обитателей здешних усадеб.

[187] *Веймарн Є.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – Т. 13. – С. 63–67; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения ... – С. 59–103; *Романчук А.И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 81.

[188] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения ... – С. 118–119, 185. До него это же заметил М.А. Фронджуло (Раскопки средневекового поселения на окраине С. Планерское, 1957–1959 гг. – С. 119–120).

[189] А.Л. Якобсон отмечал упрощенность их конструкции и укороченность пропорций, а также «отчужденность ... от зодчества соседнего Херсона, где базилика как форма общественного здания в VIII в. уже отмерла» (см.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения ... – С. 121–132). Последнее не соответствует действительности, ибо базиликальные храмы Херсона продолжали активно эксплуатироваться в течение «темных веков», наглядно демонстрируя свое устройство окрестным жителям, паломникам. Кроме того, культовые здания подобной планировки сооружали в городе после X в., причем даже в центре, в VII квартале, а также на месте базилики 1935 г., «базилики в базилике» (№15) и «базилики на холме» (№14) (*Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 223–225, 227, 228; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. – К., 2003. – С. 151–157, 163–172). Стоит также заметить, что общие пропорции и основные элементы у херсонских и прочих крымских храмов совпадали, даже такие, как наличие галереи с южной стороны. Херсонские базилики функционировали в VIII–IX вв. и, следовательно, служили образцом для сельских подражаний. Последний опыт базиликального строительства в городе относится к концу XI–XII столетию, когда такого рода сооружения выполняли роль приходских храмов, где служили только утреню и вечерню, праздничные литургии, крестили, исповедовали, венчали и погребали прихожан (*Сазанов А.В.* Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. – М., 1999. – Вып. 4. – С. 276–290, рис. 1). Выходит, даже появление крестово-купольной архитектуры не заставило херсони-

Рис. 128. План укрепления и базилики VIII–IX вв. на плато Пампук-Кая (по А.Л. Якобсону)

рактер основных занятий не выдают носителей исключительно тюркского или иного пришлого этноса. Если его примесь и была здесь, она сравнительно быстро и почти целиком растворилась в местной ромеизированной среде аланских и готских общин. Объясняется это мощным и длительным экономическим, политическим, идеологическим, культурным влиянием Византии, тесные контакты с которой в Таврике способствовали аккумуляции ромейских черт у местного гетерогенного населения, что, в свою очередь, вело его к интеграции совершенно нового порядка.

На сравнительно крупных городищах, таких как Бакла, влияние булгар ощущалось еще слабее. Прием кладки в технике opus spicatum появился здесь в VI–VII вв., вместе с городищем, и сохранялся вплоть до XIII в. Однако стены строились вперевязь, а первый ряд – фундамент заглублялся на 5–10 см ниже уровня пола, что, как уже отмечалось, было несвойственно салтовцам, равно как и выкладывание углов помещений крупными камнями или блоками[190]. Вообще, следы салтово-маяцкой культуры весьма незначительны и сводятся к нескольким горшкам[191]. Столь же мало «деревенской» лепной, лощеной посуды: горшков, мисок, причем она скорее позднескифского облика и по количеству не идет ни в какое сравнение с кружальной. Это и не удивительно, если вспомнить, что Бакла являлась в VIII–IX вв. крупным гончарным центром, продукция которого, особенно ойнохоевидные кувшины, даже шла на вывоз за пределы Крымского полуострова. Знаки-метки, в том числе на пифосах и на черепице, калиптерах, напоминают салтовские («тамга», трезубец, свастика, крест), но и они единичны и перекликаются с метками, известными на херсонской керамической продукции[192]. Прочий бытовой, хозяйственный, производственный инвентарь, в том числе из помещений со стенами, сложенными с использованием кладки opus spicatum, ничем не отличается от типично ромейского[193]. Показательно, что кровля баклинских и иных домов была как черепичная (рис. 129), так и из веток кустарника, обмазанных глиной, в чем видится, разумеется, не этнический момент, а сугубо

тов целиком отказаться от распространенного вида общественного сооружения, ставшего привычным за многие века. Видимо, в VIII–IX вв., когда строилось большинство сельских храмов Таврики, крестово-купольный тип храма еще только утверждался в Херсоне и на Боспоре и для его возведения требовались особенно опытные мастера, способные работать со сводом, каких деревня дать не могла.

[190] *Рудаков В.Е.* Исследование Баклинского городища в 1971–1972 гг. // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Вып. 11. – С. 25–28; *Рудаков В.Е.* Элементы... – С. 107–108.

[191] *Рудаков В.Е.* Элементы ... – С. 109, рис. 2.

[192] *Рудаков В.Е.* Элементы... – С. 109, рис. 1; 3; ср.: *Майко В.В.* К вопросу о рунических и тамгообразных знаках... – С. 226–230.

[193] См.: *Рудаков В.Е.* Отчет о разведках экспедиции Уральского госуниверситета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. №1914. – Л. 13–19.

имущественный, указывающий на степень состоятельности владельцев усадеб и разность характера построек.

В 500 м к западу от городища под скальной часовней размещался, возможно, монастырский комплекс, в состав которого, наряду с «кельями», хозяйственными сооружениями, высеченными в скале, входил храм на холме и участок более позднего плитового христианского могильника конца IX – XII в.[194] Храм был сложен не ранее VIII–IX вв. из небольших плоских камней подпрямоугольной и подтреугольной формы на глиноземе с толщиной двухлицевой кладки 0,9 м. К его апсиде примыкала какая-то небольшая пристройка, для возведения которой применили opus spicatum[195]. Такое сочетание не позволяет говорить о том, что ее мастерили инородцы и тем более иноверцы.

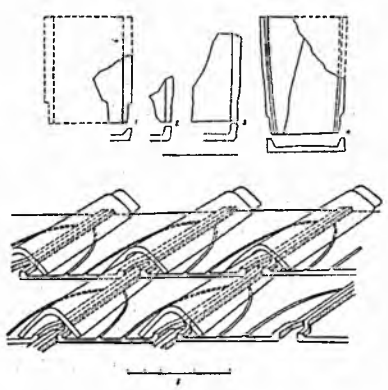

Рис. 129. Раннесредневековые черепицы из раскопок у С. Поляны, С. Передовое и на Пампук-Кая; схема укладки керамид и калиптеров на кровле (по А.А. Якобсону)

С. А. Плетнева отмечает, что вдоль побережья Юго-Западного Крыма известно около двадцати поселений со слоем «хазарского времени», но она вынуждена согласиться с тем, что следы пребывания собственно хазар археологически прослеживаются слабо и фактически это были византийские поселения, «...на какое-то время, вероятно, захваченные хазарскими войсками»[196]. Признание же кондоминатности крымских владений империи ромеев и каганата избавляет от необходимости делать и такое допущение. Безусловно, не только глобальные геополитические изменения на пространствах от Кавказа до Дуная, но и благоприятное положение как в сфере экономической, так и политической жизни края объясняют передвижение сюда в VIII столетии праболгар, салтовцев и греческую, малоазийскую иммиграцию из заморских пределов Романии. Византия и Хазария совместно эксплуатировали ресурсы и возможности Таврики, не покушаясь на ее особый статус, в какой-то степени охраняя покой, в котором зрело варево здешнего этнического котла, включавшего ромеев, христиан и «толпы язычников» (multitudine paganorum), «пришельцев из разных варварских народов» (diversis barbaricis gentibus advenae)[197]. По

[194] *Ачкинази И.В., Петровский В.А.* Работы Баклинской экспедиции // Археологические исследования в Крыму: 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 31; *Петровский В.А., Труфанов А.А.* Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 136–144.

[195] Ю.М. Могаричев не видит оснований считать здешний комплекс монастырским и относит его возникновение ко времени не ранее конца X в. (см.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997), однако это не противоречит факту сооружения пристройки к храму строителями-христианами, которые были знакомы с приемом кладки opus spicatum.

[196] *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – С. 165; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 90, 93.

[197] Эти известные слова из письма Анастасия библиотекаря – ключ к пониманию истинного положения ромеев, греков в Таврике, которые не составляли здесь большинство, но степень влияния которых

образному выражению М.А. Артамонова, хазары «...создали плотину, запиравшую проход из Азии в Европу и прекратили вторжение в последнюю новых кочевых орд»[198]. Добрососедские союзные отношения с Византийской империей довершили картину благополучия Таврики, которая оставалась незамутненной по крайней мере до третьей четверти VIII в.

Немногочисленные, единичные погребения VIII–IX вв. свидетельствуют о том, что в Херсоне тоже были тюрки и носители салтово-маяцкой культуры[199]. Недаром здесь, на окраине Ромейской империи, в относительно сопредельных с Хазарией землях (Chazarorum terrae vicina), звучала хазарская речь, которую, очевидно, знали и понимали наравне с греческим и семитскими языками[200]. О вхождении некоторой части салтовцев в состав населения города также могут свидетельствовать изготовленные в Херсоне кувшины с орнаментом в виде кругов и елочек, хотя для IX столетия пока можно говорить лишь об одной находке лепного сосуда салтово-маяцкого круга[201].

Не изобиловали салтовцами и окрестности города. Так, opus spicatum встречается на поселении, кардинально перестроенном не ранее второй половины IX в. около Камышовой бухты, у дороги, связывавшей запад Гераклейского полуострова с Херсоном[202]. Место это было обжитое. Прежде на нем существовала античная усадьба с наделом №32 и жизнь не прерывалась в VI–VIII вв. Opus spicatum следует в некоторых стенах новых построек (пом. 9, 10) вперемежку с обычной кладкой, а материал поселения типично греческий, ничем не отличающийся от херсонского. Некоторые его черты указывают на общинный образ жизни. Маленькое здание, вероятно однонефный храм, воздвигнутый одновременно с очередной перестройкой поселка, говорит о том, что здешние обитатели были крещеными.

Opus spicatum можно встретить даже в кладке некоторых жилых и общественных сооружений средневекового Херсона. К примеру, в южном углу квартала С в такой технике местами выполнена кладка стен помещений, сложенных из полуобработанного известнякового камня на

была несоразмерна численности (ср.: Epistola Anastasii apostolicae sedis babliothecarii ad Gaudericum episcopum // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – P. 141–142, § 2–3).

[198] *Артамонов М.А.* История хазар. – М., 1962. – С. 239.

[199] *Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // X сб. – 1948. – Вып. 4. – С. 40, рис. 7, 8; *Айбабин А.И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. – 1977. – №1. – С. 235; *Баранов И.* Грунтовые могильники второй половины VII–X вв. в Крыму // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1989. – С. 160.

[200] *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. – Л., 1930. – Т. 2. – С. 12; Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. – М., 1980. – С. 77–78, гл. 8; Epistola Anastasii... – P. 141, §3.

[201] *Седикова Л.В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИА РАН. – М., 1997. – С. 20.

[202] *Яшаева Т.Ю., Созник В.В.* Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского гос. историко-археологического заповедника. Ч. 3. 1983 // Архив НЗХТ. – Д. №2319. – Л. 27, 41–48; *Яшаева Т.Ю.* Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1994. – С. 79–80; *Яшаева Т.Я.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 349–356.

известково-грязевом связующем растворе[203]. Таким же образом были возведены из бутового камня коробовый свод и боковые стены небольшой, квадратной в плане одноапсидной гробничной капеллы (примерно 5х3,5 м), пристроенной к середине южной стены Восточной базилики – предполагаемому херсонскому храму Апостола Петра[204]. А.Л. Якобсон без достаточных оснований отнес молельню к XII–XIII вв., ссылаясь только на характер кладки и облицовку штучными плитами, но вопрос остается открытым, тем более что к настоящему времени от постройки не осталось и следа. Судя по старым планам базилики №36, названная церквушка или поминальная капелла была пристроена к внешней стороне большого храма, следовательно, это было сделано до того, как он был не ранее X–XI вв. переделан в меньший храм, занявший пространство центрального нефа[205]. В случае более поздней постройки капеллы ее было бы целесообразно разместить на части внутреннего пространства южного нефа бывшей большой базилики, как это было сделано, к примеру, в Северной базилике (№22), а не строить, по сути дела, поодаль от прежнего перестроенного храма, да еще заботиться об облицовке плитами. В Северной базилике, отождествляемой мной с известным из агиографии IX в. херсонским храмом Св. Прокопия, opus spicatum действительно можно было наблюдать в стенах молельни, устроенной в восточной оконечности южной галереи большого храма, очевидно, во второй, после конца VI – VII в., строительный период, но перед третьим, относимым ко второй половине XI – началу XII в.[206] Около юго-восточного угла ранней «базилики в базилике» (№15), существовавшей с VI до X–XI вв., пока она не была переделана в меньший храм, тоже находился храмик-усыпальница, стены и апсида которого были сложены из бута, иногда «в елку», особенно свод, возведенный над нижним помещением[207]. Opus spicatum встречается в кладке еще одной гробничной сводчатой часовни, находившейся перед базиликой №15, «на восток от апсиды»[208]. «В елку» был сложен один ряд (второй сверху) в апсиде церкви, выстроенной на месте раннесредневековой базилики 1932 г.[209] Раскопки некоторых других городских квартальных храмиков-усыпальниц тоже свидетельствуют о том, что эта техника кладки продолжала использоваться в поздневизантийском Херсоне (рис. 130)[210]. В ней обновили северный участок

[203] *Золотарев М.И., Ушаков С. В.* Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // X сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 32.

[204] *Айналов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1. – С. 46; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 166–167; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 577–584.

[205] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 168, рис. 72.

[206] *Айналов Д.В.* Развалины храмов. – С. 29; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 168, рис. 75; *Рыжов С. Г.* Доследования «Северной базилики» в Херсонесе // АО 1981 г. – М., 1983. – С. 314–315; *Романчук А.И.* Очерки... – С. 225.

[207] Интересно, что этот гробничный евктирион, как и примыкающий базиликальный храм №15, очевидно, после перестройки в X–XI вв. вместил в себя другую, более раннюю, меньшую постройку, тоже евктирион, так что новая полукруглая апсида включила в себя другую, меньшую (*Айналов Д.В.* Развалины храмов. – С. 90; подр. см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 634–637; *Романчук А.И.* Очерки... – С. 224–225, 241 (там же библиография).

[208] *Айналов Д.В.* Развалины храмов. – С. 81.

[209] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках Херсонеса в 1932 г. // Архив НЗХТ. – Д. №324. – Л.6, рис. 127, 130.

[210] *Белов Г.Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. – 1941. – №4. – С. 240–241, рис. 41, 66.

Рис. 130. Элементы кладки opus spicatum в здании XI–XIII вв. в квартале XXVIII Херсона

ограды (перивола) крестовидного «храма с ковчегом» (св. Сергия и Вакха)[211]. Ее можно было видеть в средневековых домах, раскопанных Н.В. Пятышевой в 1960 г. на месте огромного архитектурного комплекса и городского водохранилища. Эта кладка, хотя и не в классическом варианте, как показывают раскопки последних лет, проводимые совместно НЗХТ и Техасским университетом, присутствует в некоторых стенах усадеб XII–XIII вв. к северу от названного участка, рядом с главной продольной улицей Херсона. Она же была характерна для многих более мелких и бедных жилых построек, которые лепились к оборонительной стене города в портовом квартале 1 и были открыты во время раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. По этому поводу А.Л. Бертье-Делагард отметил, что opus spicatum был «способ... весьма древний и удержался в Херсонесе до самых последних времен»[212]. Приписывать его северокавказским переселенцам, появившимся в Крыму в середине X в., неверно, учитывая генетическую связь приема уже со скифской «елочкой» и образцы такой кладки позднеантичного-ранневизантийского времени[213]. Показательно, что даже там, где в керамике выявляются салтово-маяцкие элементы, как, например, на поселении на западном склоне высоты Безымянной (рудничный комплекс «Гасфорт»), в округе Херсона, остатки построек несут следы двухлицевой кладки из бута на глине, но совсем не обязательно обнаруживают применение opus spicatum[214].

Нельзя считать исключительно «тюркским», «праболгарским» или «хазарским» то, что было создано автохтонами, греками, ромеями, потомками скифо-сармат и частично пришлыми аланами, готами, тюркютами, салтовцами, прочими чужеземцами, для которых земля Таврики стала родной. Тем более что понятие «хазарский этнос и культура» весьма аморфно и по сути дела не существовало[215]. Отнюдь не кочевнический хозяйственный, быто-

[211] О.И. Домбровский заметил при этом, что подобная техника, «...по мнению многих, характеризует работу каменщиков XII–XIII столетия» (*Домбровский О.И.* Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе за 1957 год // Архив НЗХТ. – №3241. – А. 11). О храме №19 подр. см.: *Сорочан С.Б.* О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харьківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – №594. – Історія. – Вип.35. – С. 58 –72.

[212] См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Древности южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. – №12. – С. 21 (со ссылкой на: Choisy. L'art de batir chez les byzantins. – Paris, 1882. – P. 8); ср.: *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – №46. – С. 227–228.

[213] Ср.: *Майко В.В.* Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII–X ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАН України. – К., 1998. – С. 11.

[214] См.: *Савеля О.Я.* Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1980 и 1981 гг. // Архив НЗХТ. – Д. №2252. – Л. 6–20.

[215] *Федоров Г.С.* Некоторые вопросы осмысления хазарского этноса и хазарской культуры в Дагестане // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») / Тезисы докл. – М., 1966. – С. 149–151; *Круглов Е.В.* К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Материалы науч. конф. – Пенза, 1992. –

вой уклад, основные занятия этих крымских «тюрко-болгар» в VIII–IX вв. ничем не отличались от византийских: полеводство, виноградарство и виноделие, скотоводство с преобладанием разведения коров, свиней, овец, переработка зерна на ручных мельницах, использование инструментов, серпов, тяжелых мотыг, подобных ромейским, для обработки почвы, наличие прядения, ткачества, кузниц, обработки цветных металлов, производство лепной и гончарной кухонной керамики параллельно с созданием крупных керамических мастерских с печами для обжига амфор, кувшинов, ойнохой, фляг (рис. 131–132)[216]. Среди них попадались грамотеи, знавшие греческий язык, умевшие писать, читавшие византийские книги (рис. 133). И строительные сооружения их имели свой неповторимый, местный облик, лишь отдаленно напоминали те, о которых писал Мукаддеси, вспоминая быт хазар: «Жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом»[217]. Как неоднократно отмечалось специалистами, обитатели сельской Таврики предпочитали жить в усадьбах с жилым помещением и каменной печью, с отдельными хозяйственными пристройками и огороженным стенами двором вполне «ромейского» облика[218]. Не было здесь и юртообразных конструкций. Постоянные усилия и миссионерская деятельность местного духовенства вкупе с привлекательностью византийского образа жизни содействовали обращению местного и пришлого населения на территории Крыма, которое рано или поздно принимало крещение, но долго хранило устоявшиеся пережитки языческой культуры и ментальности[219]. Видимо, в этом кроется объяснение пораз-

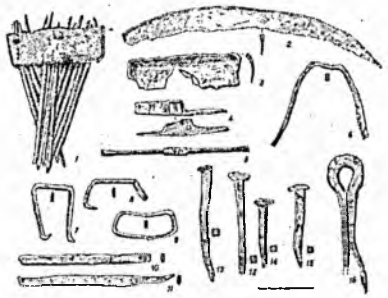

Рис. 131. Железный гребень для чесания шерсти, часть серпа, обломки дверных замков, скобы, кованые гвозди, дверная петля из раскопок раннесредневекового поселения у С. Передовое в Байдарской долине (по А.Л. Якобсону)

Рис. 132. Железные кованые гвозди, кольцо, светильня на штыре, пластина с отверстиями на концах, нож, крест, глиняное пряслице с насечками из раскопок поселения VIII–IX вв. у С. Бобровка (по А.Л. Якобсону)

С. 32–37; *Круглов Е.В.* Хазары – история только начинается // Хазары: Второй междунар. коллоквиум.: Тезисы. – М., 2002. – С. 61–66.

[216] Ср.: *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 246–247; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 204–205; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 58, 63.

[217] *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – 1908. – Вып. 38. – С. 5. Ср.: Ибн Хаукаль: «Жилища их (хазар) были хижины, а постройки плелись из дерева и замазывались сверху» (*Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. – СПб., 1870. – С. 220).

[218] *Гадло А.В.* Этнокультурная характеристика перехода кочевников к оседлости... – С. 74; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 50–51.

[219] *Сорочан С.Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII– IX вв. // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 334.

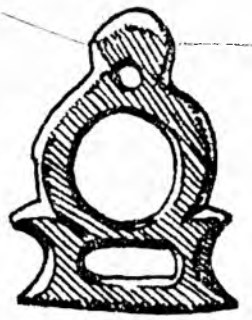

Рис. 133. Бронзовая застежка от византийской книги из могильника базилики VIII–IX вв. близ С. Гончарное (по А.Л. Якобсону)

ительного феномена веротерпимости, столетия обнаруживаемого гетерогенным населением Крыма, долго жившим в условиях хазарско-византийского кондоминиума и поэтому вынужденным толерантно воспринимать соседство язычников и христиан. Тем не менее отсутствие трупосожжений, смена погребального обряда к IX в., исчезновение катакомбных могильников и постепенный, со второй половины VI в., а позднее массовый переход к плитовым или накрытым плитами могилам на сельских, монастырских и церковных кладбищах могут свидетельствовать об окончательной победе христианства, а значит, ромейского образа жизни и культуры на полуострове, что опять-таки не случайно совпало со временем развала кондоминиума. В свое время А.В. Гадло справедливо заметил по этому поводу: «Распространять... степную культуру на юго-западное нагорье [Таврики] мы не вправе — данных для этого нет. Отдельные элементы степной культуры..., разумеется, проникали в нагорье. Туда попадали формы салтовской керамики (гончарные рифленые горшки, лощеные сосуды)...; туда проникали приемы строительства (кладка "в елку"), заимствованные на развитых поселениях степного района; там могли появляться и группы степняков, так как шедший на границах степи и предгорья процесс оседания мог загнать в горную область отдельные роды и семьи. Но в целом культура Юго-Западной Таврики была особой, автохтонной, восходящей к культуре предшествующего времени»[220]. Уже поэтому ее континуитетные заимствования, в том числе и в строительном деле, нельзя назвать «чисто внешними»[221].

Отличительной особенностью крымского праболгарского варианта салтово-маяцкой культуры признается наличие в ней византийских элементов[222]. Однако нетрудно заметить, что на деле сама «культура» тонет, растворяется в этих несомненно господствующих «элементах» — растворяется подчас до состояния второстепенной, незначительной примеси. Ее нельзя назвать ни греческой, ни готской, ни аланской, ни праболгарской[223]. Все это в принципе, по сути, однокультурные памятники с явным преобладанием ромеизации, но без конкретного этнического содержания. Новейшие исследования по истории этногенетических процессов позднеантичного и раннесредневекового Крыма не вступают в противоречие с этим давним выводом, который не нуждается в ревизии и подкрепляет высказанную выше точку зрения[224].

---

[220] *Гадло А.В.* [Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 275 (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168).

[221] Ср.: *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 247.

[222] *Баранов И., Майко В.* Праболгарские горизонты Судакского городища... – С. 87.

[223] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения ... – С. 194.

[224] Многовековой ассимиляционный и одновременно трансформационный процесс «этноконфессиональной интеграции», вылившийся в формирование относительно единой, межэтнично консолидированной средневековой народности в Юго-Западном и Южном Крыму – народности, перерабо-

Итак, встречающиеся случаи использования техники кладки opus spicatum не могут служить культурообразующим признаком, однозначно указывающим на присутствие только тюрко-болгарского, салтово-маяцкого, хазарского населения и особенности его строительства. Этот прием в Причерноморье знали и эпизодически использовали едва ли не со скифских времен разные народы. Другое дело, что с VIII в. он получил новый импульс к своему распространению, став особенно популярным у нового, пришлого населения, появившегося на Таманском полуострове и в Крыму и довольно быстро натурализовавшегося здесь. Но результаты раскопок, стратиграфических наблюдений убедительно показывают, что работали в этой технике как тюркские, булгарские элементы, так и ромейские, византинизированные обитатели региона, потомки крымских греков, тавров, скифо-сармат и алано-готов. Нет opus spicatum ни в лесостепях Оскола, Северского Донца, ни в междуречье Волги и Дона – коренных хазарских землях. Объяснение этого феномена, по-моему, заключается в том, что мы имеем дело со строительной «модой» продолжительного времени и конкретного региона, а не одной особой культуры и уж тем более одного из конкретных этносов.

тавшей в себе скифо-сарматский, греческий, германский и тюркский компоненты, завершился в X в., причем их объединяющим моментом, кроме влияния единого ландшафта, общей территории и общей исторической судьбы, явились грецизация, христианская религия и ромейская культура. Антропологические данные позволяют выявить не менее трех исходных морфологических типов, участвовавших в этом процессе формирования народности, и многочисленные следы метисации (см.: *Айбабин А.И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 130; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 229; *Иванов А.В.* Образование ранних городских поселений и этнические процессы в Юго-Западной и Южной Таврике X–XIII вв. // Проблеми історії та археології України. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-річчю незалежності України (16–18 травня 2001 р.). – Харків, 2001. – С. 96–97; *Ушаков С. В.* Етнічна ситуація в Південно-Західному Криму на межі античності та середньовіччя (III – середина VI ст. н.е.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ. – К., 2001. – С. 12; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье... – С. 80). Впрочем, как верно отметил А.Г. Герцен, появление данной однокультурной, весьма аморфной народности крымских христиан не было замечено и оценено византийцами: «До конца своей державы они продолжали видеть в составе этой народности именно исходные компоненты, то есть готов, алан, или же пользоваться для ее обозначения явно архаичными этнонимами: "киммерийцы", "тавры", "скифы", избегая называть население Таврики греками, причиной чего, вероятно, было пограничное положение этой территории, населенной медленно христианизировавшимися осколками варварских этносов, образовавших сплав, вобравший в себя как элементы античной эллинской, так и принявшей покров новой средневековой христианской греко-византийской культуры» (*Герцен А.Г.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. – Симферополь, 2000. – С. 19–20; ср.: *Араджиони М.А.* Крымские греки // От киммерийцев до крымчаков: Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. – Симферополь, 2004. – С. 138–141).

Глава 6

ДРУГОЙ ХЕРСОН: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В VIII В.

Раскопки самого значительного из византийских центров Таврики до сих пор не открыли керамических комплексов, относящихся к VIII в., то есть к самому пику так называемых темных веков. Лишь засыпь двух херсонских рыбозасолочных цистерн может быть определенно отнесена к концу VII — началу VIII столетия (VIII квартал, помещение 9 и засыпь подвала в помещении 6–7 а), а засыпь колодца в портовом квартале 1 датируется концом VIII — началом IX в.[1] На этом основании некоторые археологи делали и продолжают отстаивать заключение о «деградации», глубоком упадке, кризисе, процессе дезурбанизации Херсона в это время, усматривая это «увядание» в прекращении, как и в других ромейских городах, строительства, практическом исчезновении ранневизантийской пригородной сельской хоры, резком сокращении промыслов, ремесел, судостроения, торговых связей[2]. Одним словом, город «обезлюдел, обнищал и словно вымер». Это заключение — больше эмоциональное, нежели объективное, — переносится на общий, якобы во всех отношениях упадочнический, замерший и бесперспективный фон городской жизни раннесредневековой Византии, отчего даже Константинополь около 700 г. представляется нам, нынешним, не более чем «занятным рудиментом прошлого»[3]. Подобные взгляды, как известно, привились среди широких

[1] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 20, табл. II; С. 39; Романчук А.И., *Сазанов А.В., Седикова А.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург, 1995. – С. 47.

[2] *Якобсон А.Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 131; *Сазанов А.В.* Хронология керамических комплексов Херсонеса конца VI–VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1994. – С. 63–64; *Сазанов А.В.* Города и поселения ... – С. 40.

[3] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – 2-е изд. – М., 1994. – С. 95.

кругов историков и особенно активно насаждались в последней трети XX в.[4] И тем не менее, чем далее, тем больше они входят в противоречие с данными источников, методикой их интерпретации, результатами полевых исследований, на которые еще раз стоит обратить внимание и которые позволяют представить положение «столицы важнейшей архонтии Таврики» несколько иным, более благополучным.

Следы нормальной жизнедеятельности вообще трудно уловить в культурном слое городища, который фиксирует прежде всего разрушения. Недаром наиболее мощные слои образовались в середине VI — середине VII в., когда в городе шло наиболее интенсивное общественное строительство. Разумеется, перепланировки города уничтожали остатки более ранних времен, расчищавшиеся порой до скального основания[5]. Между тем сам факт преемственности в планировке кварталов и непрерывности городской застройки в разных районах Херсона не подлежит сомнению[6]. К примеру, анализ средневековой керамики, полученной из раскопок восточного сектора на месте античного театра, показывает ее непрерывность и, следовательно, наличие в VIII в.[7] Раннесредневековый слой, как и античные слои, незначительно сохранился и на северном берегу, в XXVIII квартале, недалеко от пересечения XIII поперечной улицы с продольной, но находки монет Феодосия I, Льва I, Юстиниана I, Тиверия Маврикия говорят о том, что перестройки происходили здесь в конце VI — начале VII в. Наиболее поздней, относящейся уже ко времени функционирования нового дома, оказалась монета Константина IV Погоната 670–680 гг., найденная под помещением I[8]. Уцелевшие подвалы, остатки стен и слои, насыщенные множеством вещей, кухонных остатков, указывают на интенсивную жизнь в этом квартале, который, как и ряд других, оказался разрушен ко второй четверти XI в., судя по наиболее поздним монетам Василия II, найденным в слое строительного мусора. Монументальные постройки, храмы, евктирионы, баптистерии, оратории и мартирии, выстроенные в ранневизантийский период, тоже стояли веками, подвергаясь периодическим ремонтам и переделкам. Столь же регулярно ремонтировались, достраивались оборонительные сооружения, которые неминуемо пришли бы

[4] См.: *Сорочан С.Б* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е, изд. испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 16–17 (там же библиография вопроса).

[5] Ср.: *Золотарев М.И., Ушаков С. В.* Один средневековый жилой квартал Северо-Восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // X сб. – 1997. – Вып. 8. – С. 33.

[6] См.: *Романчук А.И.* К вопросу о положении Херсонеса в «темные века» // АДСВ. – Свердловск, 1972. – Сб. 8. – С. 42–45; *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб. 10. – С. 246–250; *Романчук А.И.* Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1975. – Сб. 11. – С. 3–13; *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. – Свердловск, 1987. – С. 52–68; *Романчук А.И., Седикова Л.В.* «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 30–46; *Сорочан С.* О строительной деятельности в раннесредневековом Херсонесе / Херсоне как критерии развития византийского провинциального города // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. // Матеріали наукової конф. – Чернівці, 2000. – С. 83–89.

[7] Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1411 / 1. – Л. 76–81.

[8] *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г. // Архив НЗХТ. – Д. №1283. – Л. 5–12.

в негодность, развалились без должного ухода уже через несколько десятков лет[9].

Именно длительное отсутствие слоев разрушений и вообще заметных следов повреждений, переделок или построек раннесредневековых храмов и оборонительных сооружений города после конца VI — начала VII в. позволяет полагать, что если он и испытал в 740 г. и около 900 г. землетрясения, известные по византийским источникам и возможные с точки зрения статистики сейсмических катастроф, их интенсивность на территории Крымского полуострова была незначительной, чего не скажешь о мощном землетрясении 480 г., повредившем крепостную ограду, в частности, фланговую башню Зенона (№XVII) и разрушившем некоторые постройки на северном берегу, а также, видимо, о еще более сильной сейсмической катастрофе, которая вполне могла разразиться в третьей четверти VI в. и стать одной из причин, повлекших возведение большинства новых базиликальных храмов-кафоликонов и последующие перестройки внутри жилых кварталов, претерпевших наибольшие разрушения[10].

Что касается керамических комплексов Херсона, то и для VII, и для IX столетия они тоже исчисляются единицами[11]. Единичны они и для V–VI вв., хотя нет сомнений, что город жил тогда полнокровной жизнью[12].

О достаточно активной ремесленной деятельности свидетельствует гончарная продукция VIII — начала IX в., а также отходы керамического и металлургического производства, найденные в засыпи ранневизантийского городского водохранилища вместимостью около 1500 куб. м, которое перестало функционировать в первой половине IX в., скорее всего, не из-за упадка города, а из-за экологических изменений, какого-то серьезного природного нарушения водного баланса, заставившего иссякнуть в округе источники наполнения[13]. В частности, обращают на себя

[9] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 41.

[10] Применительно к «темным векам» самым значительным стало землетрясение 740 г., эпицентр которого находился, вероятно, около западной оконечности Пропонтиды. Оно вызвало сильное разрушение домов и даже части оборонительных стен Константинополя, опустошение Вифинии, причем особенно пострадали Никомидия, а также города Фракии (см.: *Tradgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 356; *Фирсов Л.В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса. – Новосибирск, 1976. – С. 161). Очевидно, следующее столь же мощное землетрясение с магнитудой не менее 6–7 баллов, которое на сей раз поразило Херсон, произошло около второй четверти XI в., что, как и в конце VI в., тоже наглядно отразилось в последующей перепланировке отдельных кварталов, активизации строительства на их территории новых жилых усадеб и в перестройке ряда сильно поврежденных базилик в малые храмы-усыпальницы (см.: *Романчук А.И.* «Слои разрушения X в.» в Херсонесе: К вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // ВВ. – 1989. – Т. 50. – С. 182–188; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 300–301, 322–324, 621–627, 636–637).

[11] Ср.: *Сазанов А.В.* Хронология керамических комплексов ... – С. 62–63; Sazanov A. Les enembles clos de Chersonese de la fin du VIe troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique // Colloquia pontica. – 2000. – Vol. 5. – P. 123–149; *Седикова А.В.* Керамическое производство в Херсонесе в IX веке // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1994. – С. 64.

[12] *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – С. 20, табл. II (4–V в.; 3–VI в.).

[13] *Romancuk A.I.* Cherson im Mittelalter // BS. – 1992. – T. 53. – F. 2. – S. 207–208; *Романчук А.И.* Хроника раскопок в Херсонесе. 1989–1990 гг. // ВВ. – 1992. – Т. 53. – С. 206; *Седикова А.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году // Архив НЗХТ. – Д. №2965. – Л. 7, рис. 16; *Романчук А.И., Седикова А.В.* «Темные века» и Херсон ... – С. 40–42, рис. 5, 1–6; 6,6; 7, 1, 3–6, 9–11; *Седикова А.В.* Раскопки водохранилища в Херсонесе // Археологические исследования

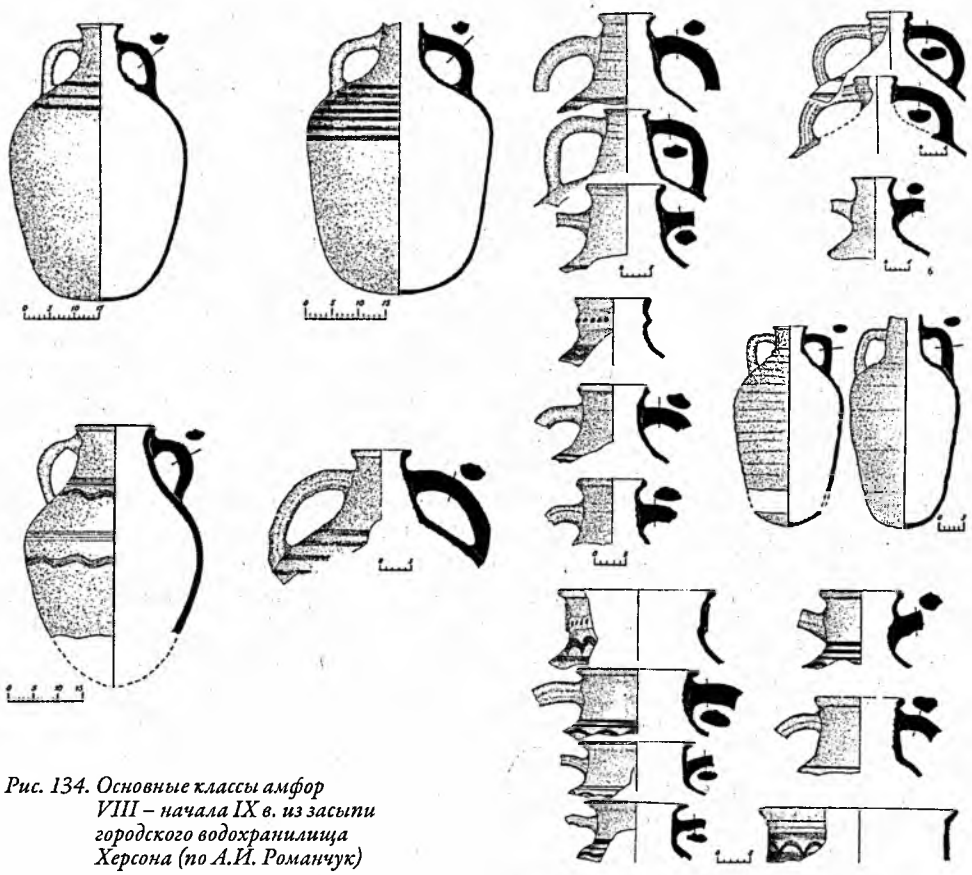

Рис. 134. Основные классы амфор VIII – начала IX в. из засыпи городского водохранилища Херсона (по А.И. Романчук)

внимание 10 классов амфор, характерных для этого комплекса (классы 26–35) (рис. 134)[14]. Еще более крупная тара представлена пифосами биконической, шаровидной и яйцевидной формы тулова, которые иногда встречаются в целом виде при раскопках квартальных помещений и в ближней округе города[15].

Трудно, зачастую невозможно отделить керамику VIII столетия от конца предыдущего и начала последующего веков, равно как и вычленить херсонесскую продукцию среди местных изделий Южной, Юго-

в Крыму: 1993 год. – Симферополь, 1994. – С. 239–240; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель... – С. 674. Судя по находкам фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, появившихся не ранее середины IX в., в это время были засыпаны колодец глубиной 6,2 м в квартале III, открытый в 1986 г., и еще один колодец, исследовавшийся в 1975–1976 гг., в квартале I: «... не исключено,... что в это время грунтовые воды отошли на большую глубину, чем это было раньше, и надобность в высохших колодцах отпала и их пришлось засыпать» (*Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе III квартал за 1986 год // Архив НЗХТ. – Д. №2683. – Л. 14–18, рис. 4). Отражением аналогичных процессов, затронувших не только сам город, но и его округу, могла стать засыпка водохранилища.

[14] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 180–181, рис. 77–80.

[15] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979. – С. 19, 36, рис. 5, 7; *Золотарев М.И., Ушаков С. В.* Один средневековый жилой квартал... – С. 33.

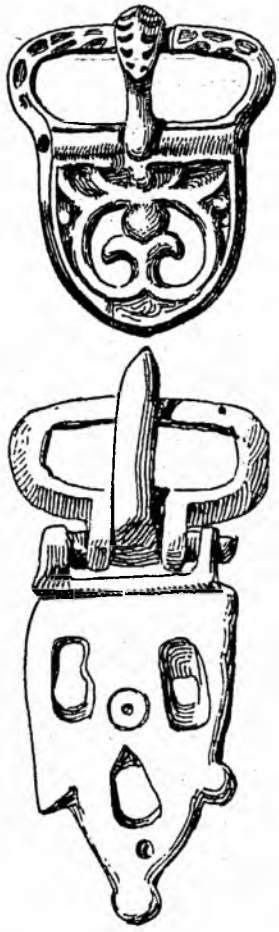

Рис. 135. Бронзовые пряжки из склепа №2789/1908 г. и №2814/1908 г. (по Н.И. Репникову)

Восточной и Юго-Западной Таврики. Однако, несомненно, и те и другие отражают усилившуюся в это время стандартизацию, особенно амфор[16], что говорит о возрастании их массового выпуска, рассчитанного на широкую продажу.

Металлообрабатывающие мастерские Херсона выпускали бронзовые поясные пряжки с прямоугольной рамкой или со щитком, в овальном вырезе которого выступает стилизованный трилистник, варианты пряжек типа «Коринф» с треугольным ажурным щитком, заканчивающимся кружком, крестовидные пряжки и другие детали поясных наборов, которые, наряду с некоторыми украшениями, крестиками, поступали на территорию «земли готов», хору Дороса (рис. 135; см. рис. 63. 8, 9)[17]. Следы этого непрекращающегося производства то и дело встречаются при раскопках города и его загородного раннесредневекового некрополя. Например, в 1901 г. на территории храмового комплекса Западной базилики, расцвет которого пришелся на VII–IX вв., были найдены различные церковные принадлежности: «бронзовый крест грубой работы на заклепке; верхняя часть тройной толстой цепи в виде бронзовой звезды, шесть лучей которой изогнуты на концах; кусок толстой бронзовой цепи; кусок тонкой бронзовой цепочки; 2 бронзовые пуговицы в виде бубенчика», типичные для раннего Средневековья[18]. К VIII в. Н.П. Кондаков относил обнаруженные в Херсоне медные кресты-энколпионы с изображением на одной стороне распятого Христа, одетого в коловий — безрукавную рубашку до ступней, а на другой — Богородицы и евангелистов в кругах

[16] *Якобсон А.А.* Керамика и керамическое производство... – С. 29; *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг.: Тезисы докладов. – Севастополь, 1988. – С. 91.

[17] *Репников Н.И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // X сб. – 1927. – Вып. 2. – С. 181, рис. 44 (в склепе №2814 с материалом VII–VIII вв.); Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 274, 275, рис. 140, 2–3; С. 276, рис. 139, 3–7, 17, 18, 21, 22; *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне // СА. – 1982. – №3. – С. 196, рис. 1,6; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 43–46, рис. 41–42, 6–8, 15, 22; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 197, табл. XXXII, 10–12, 14–16, 24, 27; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 65, табл. 37: 22, 32, 37, 38, 45; 36: 36, 40, 42.

[18] *Косцюшко-Валюжинич К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. – 1902. – Вып. 4. – С. 70–71.

Рис. 136. Бронзовый держатель лампады. Раскопки 1990 г. (по Л.В. Седиковой)

Рис. 137. Часть глиняной формы для отливки колец. Раскопки 1993 г. (по Л.В. Седиковой)

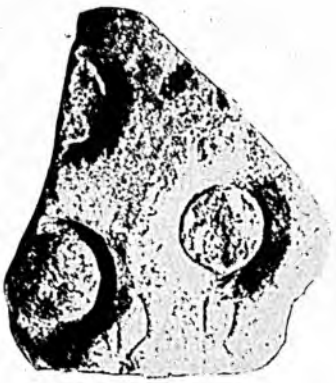

Рис. 138. Часть каменной матрицы для отливки колец. Раскопки 1990 г. (по Л.В. Седиковой)

на концах перекрестий[19]. Находки таких реликвариев, традиционно относимых к сирийско-палестинскому, а точнее, ближневосточному производству, не единичны и во всяком случае едва ли могут быть позже IX–X вв., когда стало распространяться изображение обнаженного Христа в набедренной повязке[20]. Связывать их наличие в Херсоне только с миссионерской деятельностью Херсонской церкви — значит искусственно сужать сферу использования подобных портативных складней-мощехранительниц, объединявших в себе три главные христианские святыни: крест, икону, реликвию[21]. Формочка из сланца для отливки аналогичных крестов, найденная в ходе раскопок обширного средневекового общественного «здания Г» недалеко от Южных ворот города, свидетельствует в пользу соответствующей работы местных мастеров, а не только о привозных образцах (см. рис. 72 а)[22]. В засыпи боль-

[19] Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 23; ср.: *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 259 (исследователь уточнил их датировку с VI в.).

[20] Ср.: *Залесская В.Н.* К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т.н. «сирийских крестов» // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси 1965 г. – Тбилиси, 1965. – С. 91–93; *Пуцко В.Г.* Два фрагмента крестов-энколпионов из Крыма // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. – С. 34; *Куницький В.А.* Близькосхідні енколпіони на території Південної Русі // Археологія. – 1990. – №1. – С. 108–113.

[21] *Куницький В.А.* Близькосхідні енколпіони... – С. 113; ср.: *Яшаева Т.Ю.* Сакральные функции энколпионов: реликварий–крест–икона // Символ в философии и религии: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2004. – С. 52–53.

[22] Отчет за 1903 год // Архив НЗХТ. – Д. №12. – Л. 12–13; ср.: *Пуцко В.Г.* Два фрагмента крестов-энколпионов... – С. 34. Глядя на кресты, за короткий срок обнаруженные при раскопках только в этом районе, возникает сомнение в справедливости вывода А. Мусина о том, что «для христианской культуры Херсонеса ношение нательных крестов было нехарактерно» (*Мусин А.* Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 153; ср.: *Косцюшко-Валюжинич К.К.*

шого водохранилища довольно часто встречались разнообразные изделия из металла: многочисленные пластинки, бесформенные куски железа, бронзовые крючки для рыбной ловли и для плетения сетей, наперстки, колокольчики, пряжки конца VII – VIII в. с крестовидным щитком, трехчастный держатель лампад с крючками для их подвешивания (рис. 136)[23]. Еще более показательны находки отходов металлургического производства (шлака, железных криц, бронзовых слитков, бракованных византийских пряжек), глиняных форм для отливки, в частности, колец (рис. 137), матрицы из мраморовидного известняка для изготовления круглых свинцовых грузил (рис. 138), литейной формы из известняка для производства прямоугольных поясных пряжек, известных лишь во второй половине VII – VIII в. (рис. 139)[24]. Есть основания полагать, что в это время на месте здания римского времени почти в центре «цитадели» мог расположиться литейный эргастирий[25]. К слову, обилие поясных пряжек (рис. 140) косвенно указывает на развитое кожевенное производство и, значит, наличие как привозной, так и местной продукции лоротомов-ременщиков, на наличие кожевенников, дубильщиков-вирсодепсов, а также шорников, изготовителей сбруи, обувщиков-зангариев, скитотомов, без услуг которых херсонеситы не обходились, как и прочие ромеи. Мир эргастирия во всем его разнообразии привычно входил в их быт[26] и тем самым делал особенно привлекательным этот город в глазах обитателей его сельской периферии.

Явно не было заброшено неприхотливое косторезное производство, к которому херсониты всегда имели склонность. На это указывают находки в засыпи водохранилища заготовок из кости и рога, разнообразных поделок (костяных деталей упряжи, трубочек с насечками, шахматной фигурки)[27].

Необходимость совершать близкие и более дальние наземные перевозки, хотя бы в пределах поселений Юго-Западиого и горного Крыма, транспор-

Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. – 1907. – Вып. 25. – С. 154). Против этого свидетельствуют также находки бронзовых и каменных форм VI–VII вв. для отливки таких крестов (Отчет за 1898 год // Архив НЗХТ. – Д. №7. – А. 7–8; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 328, рис. 180, 1–2; *Яшаева Т.Ю.* Форма для отливки наперсных крестов из раскопок Херсонеса // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты: V Междунар. Крым. конф. по религиовед: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 50–51). Скорее, было нехарактерно класть их вместе с погребенными в могилы, на что указывает малое количество нательных крестиков из раскопок некрополя и поздних квартальных церквей-усыпальниц. Надевание креста еще не стало обязательным и при проведении частной службы крещения.

[23] *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году. – Л. 7, рис. 17, 2, 6, 10, 11; *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году // Архив НЗХТ. – Д. №3159. – Л. 7.

[24] *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году. – Л. 7, рис. 19,1; *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году // Архив НЗХТ. – Д. №3107. – Л. 6, рис. 19,2; *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году. – Л. 6, рис. 17,5; *Айбабин А.И.* О производстве поясных наборов... – С. 194, рис. 5, 1–2; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 168, 197, рис. 73, 6–9.

[25] *Антонова И.А.* Отчет о раскопках в цитадели в 1996 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3359 / 1–2. – А. 7.

[26] Ср.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 115–190.

[27] *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1990 году. – Л. 8, рис. 24, 2, 3; *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году. – Л. 6, рис. 21, 1, 2; *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1993 году. – Л. 7, рис. 4.

тировать небольшие грузы не могла быть удовлетворена без наличия, а значит, и изготовления четырех- или двухколесных деревянных повозок. Но об устройстве их и тягловой силе практически ничего не известно, что вообще характерно для истории материальной цивилизации раннего Средневековья[28]. Можно лишь предположить, что такие повозки, коль они должны были быть в распоряжении херсонитов, влекли главным образом волы, быки, реже лошади, оглобель, подков не было, хотя система упряжи в виде нагрудного ремня (подпруги) и жесткого хомута существовала. Колеса были одинакового размера, не поворачивались на стержне, не имели поворотной оси, а отсутствие смазки заставляло их немилосердно скрипеть.

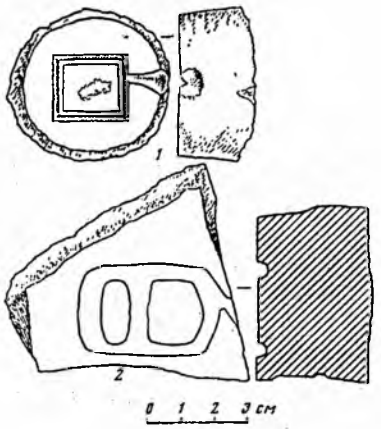

Рис. 139. Литейные формы из известняка для отливки пряжек второй половины VII – VIII в.

Для херсонитов, как и прежде, должны были быть преобладающими не сельские, а ремесленные занятия, промыслы (добыча соли, рыбы, производство рыбных соусов). Археологические материалы свидетельствуют, что ряд рыбозасолочных комплексов (№34, 35, 47, 48, 60–62, 91, 93, 96, то есть около 10% от общего известного количества) мог использоваться в VIII в.[29] При среднем объеме цистерны в 25–30 куб. м и весе одного куб. м рыбы 7,5–8 ц в них можно было бы получить около 1875–2400 ц рыбы, так что даже при однократном ежегодном использовании цистерн на каждого человека из 6–7 тыс. населения города, включая детей и младенцев, приходилось бы не менее 2,5–3,7 ц готового продукта, явно избыточного только для собственного употребления. Между тем это количество следует увеличить по меньшей мере вдвое, поскольку лов анчоуса — основной промысловой рыбы — производился дважды в год, в конце марта — апреле и конце ноября — декабре[30]. Засыпка же немногих, сооруженных после IV в. цистерн для засолки рыбы, произведенная в это время, объясняется не упадком соответствующей отрасли производства, а необходимостью перепланировок территории под новое строительство, как это видно на примере одноапсидного храма, возведенного на месте давно заброшенного проскения античного театра, и пяти засыпанных цистерн (№36–41), которые, как и часть снесенных небольших домишек, находились к юго-востоку от новостройки[31]. Учитывая, что во время путины, длившейся примерно месяц, добыча одной лодки с 3–4 рыбаками составляла в сред-

[28] *Лейтон А.К.* Технические характеристики транспортных средств раннего средневековья. – М., 1970. – С. 2–5.
[29] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 92–94, 97–101.
[30] *Кадеев В.И.* История и археология Причерноморья: Статьи разных лет. – Харьков, 2000. – С. 74–75, 84.
[31] *Домбровский О.И., Паршина Е.А.* О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. – 1960. – Вып. 1. – С. 37.

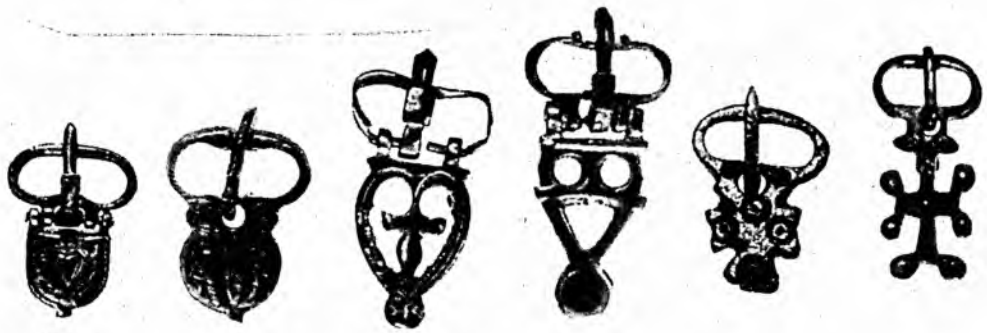

Рис. 140. Бронзовые пряжки VII–VIII вв. из Херсона

нем около 250 ц[32], в Херсоне должно было быть в наличии не менее 8–10 рыболовецких судов и 30–40 рыбаков, а учитывая необходимость лова иных, помимо анчоуса, видов рыбы (кефали, камбалы, белуги, салтанки, скумбрии, ставриды, дельфина) и моллюсков (устриц, мидий), это число может быть увеличено примерно на треть. В этом случае оно представляется не таким уж малым, как кажется на первый взгляд, ибо составляло примерно половину от того количества рыбаков, каким располагали вместе взятые Севастополь и Балаклава гораздо позже — в конце XIX в.[33] Обработка морепродуктов, переработка их для технических потребностей, в частности для получения клея, жира, а также засолка многих сотен центнеров рыбы тоже требовали нескольких десятков рабочих рук. Разумеется, засольщики-специалисты (прасолы), владельцы рыбозасолочных комплексов, цистерн не были в состоянии самостоятельно или только с помощью домочадцев обеспечить весь фронт работ и вынуждены были хотя бы во время сезонов массового лова на месяц-другой привлекать наемных рабочих-мисфиев, каких ромеи обычно использовали на условии выплаты поденной платы, составлявшей в среднем приблизительно 8–9 оболов (медных фоллисов)[34]. Следует подчеркнуть, что все это имело смысл только при наличии сравнительно развитого рынка, зажиточных предпринимателей и простого товарного производства.

Учитывая значительный удельный вес земледелия и животноводства у булгар, алан, оседавших в Таврике в конце VII — первой половине VIII в., а затем у «салтовцев», Херсон должен был получать от них продукты, сырье (зерно, убойный скот, шкуры, невыделанные кожи, овечья шерсть), которые без каких-либо затруднений поступали в город извне, главным образом с сельской периферии Юго-Западного Крыма, и которые оставались для города основой транзитной, посреднической торговли и в последующие столетия, о чем сообщал Константин Багрянородный[35]. От-

[32] *Кадеев В.И.* История и археология... – С. 90.
[33] Ср.: *Кадеев В.И.* Указ. соч. – С. 90, прим. 158.
[34] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 389–393.
[35] *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – К., 1994. – С. 18, 19; *Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, 1996. – С. 116–117, 120; *Ро-*

сутствие следов масштабного пригородного хозяйства с широкой системой земельных угодий, сельских усадеб, проастиев, косвенно указывает именно на этот вариант развития, типичный для города-эмпория[36]. Абсолютно беспочвенными представляются утверждения о том, что большие военные отряды хазар в конце VII и VIII в. окружили Херсон и «на долгое время отрезали его от горных и степных районов, от сырьевых и продовольственных баз»[37]. Это в корне противоречит общей политической обстановке в Таврике и сути хазарско-византийских отношений того времени[38].

Для пропитания одного человека требовалось в год не менее 16 модиев хлеба (около 200 кг зерна)[39]. Значит, только для внутренних потребностей 6–7-тысячного населения города надо было получать около 1200–1400 т зерна, не считая фуражных запасов. Херсониты могли перекупать часть урожая (хлебных излишков) у местного населения. Натурой получала часть доходов от своих патримониев и херсонская церковь. Какая-то доля шла на нужды стола епископа, содержание нескольких сот клириков, раздачи бедным, но остальное сбывалось на рынке. Сами горожане и представители духовенства, недостаточно обеспеченные сельскохозяйственной продукцией собственного производства, должны были жить за счет рынка. Примечательно, что местные производители сельскохозяйственной продукции сохранили именно пшеницу в качестве главной хлебной культуры, очевидно, в расчете на покупательный спрос и не заменили ее менее прихотливой рожью.

С высказанным выше наблюдением вполне увязываются вырубленные в крепостях Внутренней и Главной гряды Крымских гор комплексы скальных ям-хранилищ, имевших колоколообразную или пифосообразную форму, вместимостью от 0,3 до 4,8 тонн, подобные обнаруженным вдоль восточного и западного края плато Эски-Кермен (см. рис. 40), на котором находилось одно из таких городищ — перевалочных пунктов (polis-maton или kastron), укрепленных уже к концу VI в.[40] Обычно хранилища располагались гнездами, по нескольку десятков единиц. Любопытное предположение в отношении этих ям, закрывавшихся каменными крышками, было высказано Ю.М. Могаричевым, полагающим, что устроенные таким образом крупные склады раннесредневекового периода были предназначены для хранения зерна или даже гораздо более выгодной для транспортировки муки, которые крестьяне свозили из долин под защиту крепостных стен, в свое время воздвигнутых с помощью византийских

манчук А.И. Очерки... – С. 108.

[36] *Романчук А.И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Севастополь, 25 августа – 4 сентября 1994 г. – Екатеринбург; Севастополь 1994. – С. 12.

[37] Крим: дорога тисячоліть / Упорядн. В.А. Сидоренко. – Сімферополь, 2001. – С. 159.

[38] См.: *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып.12. – С. 509–543.

[39] *Хвостова К.В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. – М., 1980. – С. 123.

[40] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. – С. 199; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 119–120, 143, 148, рис. 58, 1; *Герцен А.Г.* Мангуп: Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 12; *Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А.* «Пещерные города» Крыма. – Симферополь, 2004. – С. 131, 135, 139.

икодомов, после чего собранный груз переправляли в «столицу» византийской архонтии – портовый Херсон[41]. Аналогичные и столь же многочисленные ямы-хранилища, высеченные в скале, упоминали П.И. Кеппен и Е.Л. Марков при описании древностей горы Баклы[42]. Прослежены они и на западном отроге горного массива Ак-Кая, на укрепленном крупном городище у С. Вишенное, которое, впрочем, нуждается в дополнительном исследовании[43].

По тем же причинам главный город окраинной провинции вполне подходил на роль местного ярмарочного центра, замыкавшего на себя поступление излишков сельскохозяйственной продукции с поселений обширной области Таврики и не только не испытывавшего в VIII в. недостатка в этих продуктах, но отчасти их реэкспортировавшего[44]. Из житийных и эпиграфических материалов известно, что в раннесредневековом Херсоне к числу особо почитаемых святых мест относились церковь Св. Прокопия, одного из палестинских мучеников, пострадавших в Кесарее при императоре Диоклетиане в 303 и 304 гг.; храм Апостола Петра и большая базилика апостолов Петра и Павла; загородный храм Св. муч. Созонта – пастуха овец, дерзнувшего поднять руку на языческого идола и замученного в 304 г.; другой загородный храм – Влахернский, поставленный во имя Богородицы-заступницы, целительницы и связанный с культом почитания реликвий Девы Марии, перенесенных из Палестины в Константинополь; храм св. муч. Фоки Синопского – покровителя нищеприимцев, путешественников и моряков; «дом» или церковь Св. муч. Леонтия, скорее всего, одного из киликийских братьев-бессребреников, как и прославленные Косма и Дамиан занимавшихся врачебным искусством и пострадавших за веру в 286–305 гг.[45] Любой день их памяти, отмечаемый соответственно 8 июля, 12 июля, 20 сентября, 2 июля (Положение Ризы Богородицы во Влахернах), 28 августа (Успение Пресвятой Богородицы) и 1 октября (Покров Пресвятой Богородицы), 5 октября, 30 октября, мог стать и днем местного панигира. Должно быть, особенно устраивало приходившееся на середину лета время праздника апостолов

[41] *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 66–67; *Могаричев Ю.М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. – Симферополь, 2000. – Ч. 1. – С. 139–140.

[42] А.И. Маркевич также писал, что члены ТУАК «поражены были массой высеченных в скале углублений или цистерн», которые, учитывая наличие обильных источников воды на Бакле, служили для ссыпки зерна, а не для воды (*Маркевич А.* Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК. – 1889. – №8. – С. 110–112). Ср.: *Кеппен П.И.* Крымский сборник: О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 321–322; Марков Е.Л. Очерки Крыма. 2-е изд. – М., 1884. – С. 521–522.

[43] *Мыц В.Л.* О локализации Фулл и Фуллъской епархии // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 119.

[44] *Сорочан С.Б.* Корреляция торговых и политических интересов Византии в Крымской Готии VII–IX вв. // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Междунар. науч. археол. конф. 14–17 ноября 1995 г. – Самара, 1995. – С. 80; *Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике... – С. 116–118.

[45] *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. – Екатеринбург, 1995. – С. 45–46; Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 325; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель... – С. 482, 546–547, 578–579, 598–599, 644–650, 660–665.

Рис. 141. Карта расположения гончарных центров VIII–IX вв. (по Е.А. Паршиной, И.Б. Тесленко, С.М. Зеленко)

Петра и Павла – главных патронов парафии, которым был посвящен самый большой соборный храм-кафоликон, а также дни Успения и Покрова Богородицы, св. Фоки и св. Леонтия, совпадавших с завершением поры основных сельскохозяйственных работ, уборки урожая, добычи соли и приближением прекращения дальних морских поездок в связи с окончанием навигационного сезона.

В Византии, как и в любом другом средневековом обществе, рост сельскохозяйственных ресурсов был напрямую связан с ростом числа рабочих рук[46]. Поэтому увеличение сельскохозяйственного производства, экономический подъем в Таврике в VIII в., особенно заметный с середины столетия, были прямым следствием относительного затишья, весьма благоприятной обстановки и увеличения здесь количества поселений, устраиваемых как византинизированным местным населением, так и новыми пришельцами[47]. Только не приобретение краем независимости или потеря здесь ромейских позиций, и уж тем более не упадок и аграризация Херсона были тому причиной, а состояние кондомината, долгое время способствовавшее поддержанию состояния устойчивого равновесия разных сил на терри-

[46] *Teall J.L.* The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330–1025 // DOP. –1959.– №13.– P. 133.

[47] Эти поселения не имели упорядоченной планировки, но были значительными по площади и количеству построек, иногда обнесены оградой толщиной до 3 м. К примеру, южнобережные поселения Хаспио в Ласпи, Артекское, селище на Аю-Даге, Кастель и Ураги занимали площадь 25 га, на которой размещалось от 30 до 100 каменных домов, однокамерных или домов-пятистенок, сложенных из бута и покрытых черепицей-керамидами. В центре поселения нередко находилась однонефная или трехнефная церковь. См.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168. – С. 192–193; *Домбровский О.И.* Крепость в Горзувитах. – Симферополь, 1972. – С. 62–63; *Якобсон А.Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики. – С. 131, 136; *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма // Археология Украинской ССР. – К., 1986. – Т. 3. – С. 241, 244–245; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1991. – С. 148–149; *Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 93–94.

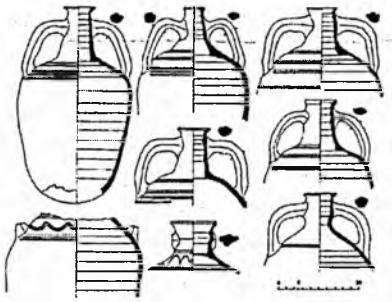

Рис. 142. Амфоры из гончарного центра VIII в. в ущелье Саут, около Ялты (по Е.А. Паршиной, И.Б. Тесленко, С. М. Зеленко)

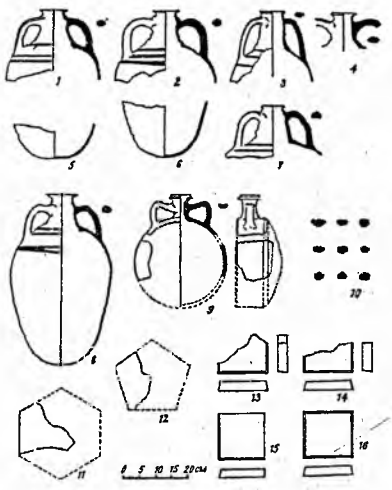

Рис. 143. Продукция ливадийских гончарных печей VIII в.: 1–8 – амфоры, 9 – фляги, 10 – сечение ручек, 11–16 – плинфа (по Е.А. Паршиной)

тории Крымского полуострова[48]. Отсутствие необходимости защиты от внешних врагов с лихвой компенсировали убытки от статуса двойного подчинения, а значит, и эксплуатации. Рост численности населения объясним как внешними факторами[49], миграцией, в том числе из Малой Азии и с территории Хазарского каганата — Северного Кавказа, Подонья, так и внутренними демографическими процессами, когда в условиях относительной политической и экономической стабильности произошел своеобразный демографический взрыв, подобный тем, что уже случались в Крыму в иные эпохи[50]. Некрополи фиксируют увеличение населения Эски-Кермена, Чуфут-Кале, поселений, окружавших Мангуп и Баклу, а также южнобережных селений[51]. Примерно две с половиной сотни новых поселений возникают со второй половины VIII в. в Центральной, Северо-Западной, Юго-Восточной и особенно в Восточной Таврике (приблизительно 85% от общего числа), где процесс расселения пришельцев, численностью не менее 12–15 тыс. человек, шел бесконфликтно, на пустующих землях, видимо, с согласия византийских властей, которые продолжали считать данные территории своими[52]. Не случайно новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений, не нужных в это мирное время.

Среди более трех десятков гончарных центров, обнаруженных к настоящему времени вдоль побережья полуострова от Коктебеля до Херсона и в горной Юго-Западной Таврике, не менее трети стали функционировать именно в это время (гончарные мастерские в районе Алушты, в урочище Суат около

[48] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике... – С. 509–543.

[49] Активизация переселения алан и булгар в Таврику из Предкавказья могла быть вызвана последствиями разорительной арабо-хазарской войны 722–737 гг. (*Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. – М., 1982. – С. 168–169).

[50] Ср.: *Рогов Е.Я.* Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. – 1996. – №1. – С. 80–84.

[51] *Талис Д.А.* Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. – 1961. – Т. 18. – С. 63; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 197.

[52] *Айбабин А.И.* Указ. соч. – С. 200–201; *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2003. – Вып. 13. – С. 265; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Х сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 163–168.

Ялты, на территории санатория «Кипарисный», в Ливадии, у поС. Трудолюбовка, на берегу р. Бодрак, в 6 км от Баклы, в Чабан-Куле, в 27 км западнее Судака и недалеко от впадения р. Канаки в море, в 10 км западнее Чабан-Куле) (рис. 141), а технологическая традиция распространения здесь сложенных из сырца и камня двухъярусных прямоугольных или квадратных горнов с восходящим движением газов и жаропроводящими каналами в топочном блоке, вероятно, пришла с южного или юго-западного побережья византийского Понта[53]. Стандартность их продукции, в основном амфорной, указывает скорее на городской, чем на деревенский характер ремесла (рис. 142–144), то есть на то, что здесь временно работали городские ремесленники-сезонники, пытавшиеся не упустить выгодную конъюнктуру рынка и для этого старавшиеся разместиться как можно ближе к потребителям их товара — местным виноделам и производителям сельскохозяйственной продукции[54]. К тому же морем было особенно удобно развозить готовые гончарные изделия, которые, судя по всему, делали большими партиями, в огромном количестве. Подобного не наблюдалось на территории Крыма **ни до VIII в., ни после середины X в.**

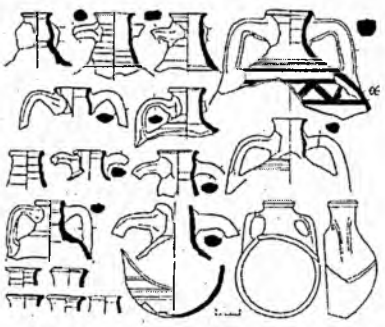

Рис. 144. Амфоры и фляги из гончарного центра VIII в. в урочище Чабан-Куле (по Е.А. Паршиной, И.Б. Тесленко, С. М. Зеленко)

Можно ожидать, что эти процессы не обошли и собственно Херсон, численность населения которого в сложившейся обстановке пережила тенденцию не в сторону сокращения до 3 тыс. человек, а, скорее напротив, достигала не менее 5–6 тыС. [55] Знать не могла достигать 10% от общего числа населения города, а именно столько составляла бы численность домочадцев знатных семейств от 3000 жителей, если исходить из указаний Феофана и Никифора о 48 протевонах, которых застали в Херсоне карательные войска Юстиниана II в 710 г.[56] Нет сомнений, что вывезенные в Константинополь, они в массе своей уцелели и были возвращены в Херсон уже в 712 г., сразу после прихода к власти Вардана-Филиппика.

Неблагоприятные последствия воздействия экологического фактора в середине VIII в., по-видимому, оказались для города сведены к минимуму. Следов разрушений, запустения, какие наложили отпечаток в это

[53] См.: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 44–47; *Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С. М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 72–77, рис. 1; *Тесленко И.Б., Лысенко А.Б.* Археологические разведки на Южном берегу Крыма в 2002 г. // Археологічні видкриття в Україні 2001–2002 рр.: Збірка наук. прац. – К., 2003. – С. 270–272.

[54] *Якобсон А.Л.* Крым... – С. 45; Романчук А.И. Очерки... – С. 106, 108, 113.

[55] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты. – Л., 1991. – С. 7; ср.: *Якобсон А.Л.* О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 161; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 10.

[56] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 41, 64, 156, 164.

время даже на лик столицы Империи, здесь не прослеживается[57]. Горожане благополучно пользовались солидным архитектурным наследством, доставшимся от второй половины VI — первой половины VII в., и даже кое-что достраивали, обновляли, возводили новые храмы, среди которых с уверенностью могут быть названы появившиеся к концу столетия крестово-купольный храм №29 на большой агоре и Западный загородный крестообразный храм Св. Созонта[58]. Кстати, возрастание плотности внутриквартальной застройки по сравнению с первыми веками н.э., замеченное не только для Херсона, но и для других, достаточно хорошо археологически исследованных византийских провинциальных городов (Коринф, Афины, Фивы, Эфес, Пергам, Сарды)[59], вернее всего объяснить только одним — недостатком места и, значит, возрастанием плотности населения отдельных жилых кварталов, где земля под застройку принимала все большую ценность.

Так или иначе, события конца VII — начала VIII в. указывают на сближение Византии и хазар через посредничество Херсона, производившего впечатление достаточно зажиточного, состоятельного города[60]. Империя нуждалась в этом сближении, важном для сдерживания мусульманской угрозы. Но поскольку речь шла о сближении Романии и каганата благодаря политике Херсона, почему хазары должны были чинить великое множество препятствий торговле города?[61] Его экономика развивалась достаточно стабильно, отчего, как заметил В.В. Кропоткин, она не сопровождалась зарытием кладов — «индикаторов неблагополучия»[62]. Необоснованное и насквозь противоречивое представление хронистов конца VIII — начала IX в. о полном разорении Херсона во время первой карательной экспедиции Юстиниана II в 710 г. приняли и даже утрировали позднейшие византийские историки, такие как митрополит Навпакта Константин Манассия (ум. ок. 1187 г.), который писал, что участь города была хуже Вифлеема, где были убиты лишь младенцы, а не мужчины и женщины[63]. На самом деле нет никаких оснований приводить свидетельства Никифора и Феофана в пользу тяжелого экономического положения, кризиса и запустения города в VIII в., как это иногда делается исследователями, в лучшем случае делающими оговорку лишь о том, что дело не дошло до «полного замирания»[64]. Показательно также, что со второй половины — конца VII в. социальные верхи тюркюто-хазарского общества получали

[57] Ср.: Theophanis cronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1. – P. 422–423; *Mango C.* Le developpement urbain de Constantinople, IVe – VIIe siecles. – Paris, 1985. – P. 57 suiv.

[58] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес–Херсон–Корсунь. – К., 2003. – С. 98–99, 190–191.

[59] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 151–152.

[60] Достаточно вспомнить, с какой легкостью и быстротой (parachrema – «тотчас, мгновенно») осенью 711 г. была собрана здесь для хагана солидная сумма залога золотом за Вардана-Филиппика (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 41, 65, 157, 165).

[61] Ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый ХерсонеС. – С. 37.

[62] *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ. – Вып. Е 4–4. – М., 1962. – С. 18.

[63] Constantini Manassis Breviarum historiae metricum / Rec. Im. Bekkerus. – Bonnar, 1837. – P. 80–81.

[64] Ср.: *Бобринский А.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 99; *Талис Д.Л.* Вопросы периодизации истории Херсона... – С. 63; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 197.

все выпуски византийского золота начиная с солидов Константа II (после 651 г.) до ранних монет Константина V (741–751 гг.) и изменения в этом, видимо, отражающие некие изменения в Хазарии, произошли не раньше 60-х гг. VIII столетия[65].

Итак, имеющиеся материалы позволяют говорить, что Византия через Херсон и другие свои опорные пункты на территории соседних с ним областей-климата поддерживала достаточно оживленные экономические связи с местным населением региона. Крымско-византийские расписные ойнохои так называемого баклинского типа широко распространялись по территории, занятой во второй половине VIII — начале IX в. носителями салтово-маяцкой культуры, где они встречаются в погребениях Кеп, Тамани, у станицы Крымской, Нетайловского могильника на Северском Донце, Верхнего Салтова, Подонья (Червоная Гусаровка) и др. Причем отмечается тенденция к замене традиционно-салтовской лощеной керамики кувшинами, кружками крымско-византийского производства[66]. О том, что последние производились в VIII — начале IX в. и в Херсоне, свидетельствуют находки бракованных изделий этого вида в комплексе засыпи городского водохранилища[67].

Именно вещи византийского круга, бронзовые и железные пряжки типа «Коринф» и других распространенных вариантов, браслеты, фибулы, перстни с христианской символикой, греческими монограммами или имитациями монограмм, прочие украшения, стеклянная и гончарная посуда доминируют в инвентаре некоторых, преимущественно южнокрымских, могильников в VIII столетии[68]. Следы связей местных поселений проявляются в виде дороги с подрубами в скале, соединявшей поселения в урочище Алсу-2 (17 км к югу от Севастополя), Чоргунский Исар и поселение Гасфорт на высоте Безымянной[69]. Находки византийских амфор, столовой

[65] *Семенов С. А.* Византийские монеты Келагейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – Л., 1991. – Вып. 31. – С. 126–127; *Семенов А.И.* «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22–26 апреля 1996 г.: Тезисы докл. –М., 1996. – С. 30–31; *Безуглов С. И., Науменко С. А.* Новые находки византийских и иранских импортов в степях Подонья // Донская археология. – 1999. – №1. – С. 35–36, 37, 40–41.

[66] *Баранов И.А.* Грунтовые могильники второй половины VII – X вв. в Крыму // Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1989. – С. 166; Аксенов В.И. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 14.

[67] См.: *Пятышева Н.В.* Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного Исторического музея. – М., 1969. – С. 151–152.

[68] *Айбабин А. И.* Погребения конца VII–первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. – М., 1982, – 165–192; Айбабин А. И. Раскопки раннесредневековых могильников в горном Крыму // АО 1982 г. – М., 1984. – С. 239–240; *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 41–50, 59; *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46; *Айбабин А. И.* Могильники VIII–начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 122–128, 130; *Айбабина Е. А.* Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 118–121; ср.: *Герцен А. Г.* Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Междунар. науч. конф.: Тезисы докладов. – Симферополь, 1994. – С. 10–11; *Герцен А. Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 85–86.

[69] *Падалка Ю.В.* Отчет об археологических разведках в урочище Алсу-2 Балаклавского района г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2323. – Л. 2–6, рис. 8.

керамики, пряжек и прочей мелкой торевтики дают также раскопки поселений и погребений этого времени в Центральной и Юго-Западной Таврике[70]. Туда же поступали тканные изделия. К примеру, в плитовом могильнике VIII–IX вв. Баклинского городища на голове погребенной женщины сохранились остатки плотной коричневой ткани, обшитой тесьмой с золотной нитью, которая не могла принадлежать к изделиям домашнего производства. Фрагменты ткани красного цвета были и на тазобедренных костях[71]. Очевидно, связи Херсона с населением Юго-Западного Крыма стали преобладающими, о чем свидетельствует стандартизированная керамическая тара херсонских гончарных эргастириев, поступавшая на туземные поселения.[72] Следовательно, вывод, о том, что в городе сохранились ремесла, ориентированные на торговлю с аграрной периферией, верен, хотя надо подчеркнуть, что изделия херсонитов находили сбыт преимущественно в ближайшей округе (дальняя имела собственные гончарные центры, выпускавшие массовую продукцию)[73]. Понятно, что при таком положении истинный византийский гончарный импорт — «импорт дальней доставки» — был невелик, ибо местный спрос в таре и посуде удовлетворялся своими силами.

Население Таврики уже стояло почти на одной ступени развития вместе с Херсоном. Вместе с тем, его продуцентная роль, как, впрочем, и других раннесредневековых городов, вообще не могла быть велика. И дело не в упадке и кризисе города, якобы начавшемся в VII в., а в соответствии скромным потребностям новой эпохи с иными материальными потребностями и ментальными ориентирами. Именно в силу этих объективных обстоятельств не возникли условия для интенсификации обмена между херсонитами и сельской округой: массовые товары, производившиеся теми и другими, были за редким исключением одинаковыми. Более того, сельская округа как монополист сельскохозяйственных продуктов играла даже лидирующую роль в этом обмене, поскольку херсониты были жизненно заинтересованы в получении от нее зерна, вина, мяса, шкур и пр. Различия в материальной культуре Херсона и сельских поселений Юго-Западной Таврики в VIII в., конечно, существовали, но они объясняются не отсутствием связей между ними, а социально-экономическими и духовными причинами, какие всегда отличают село от города и, несмотря ни на

[70] *Баранов И. А.* Таврика в составе Хазарского каганата. – С. 10; *Омелькова Л. А.* Раннесредневековый могильник в Бельбекской долине // Византия и средневековый мир : АДСВ. – Симферополь, 1990. – С. 73–94.

[71] *Рудаков В.Е.* Отчет о разведках экспедиции Уральского университета в междуречье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. №1914. – Л. 12, рис. 34.

[72] *Romancuk A. I.* Cherson im Mittelalter // BS. – 1992. – T. 53. – Fasc. 2. – S. 208; *Романчук А. И.* Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Тезисы докладов VII Научных Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 1994. – С. 12.

[73] *Романчук А.И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantino-bulgarica. – 1981. – Т. 7. – С. 324, рис. 5, 1–4; *Романчук А.И.* Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докл. Душетской конференции. – Тбилиси, 1984. – С. 65; *Романчук А.И., Седикова А.В.* «Темные века» и Херсон ... – С. 44; *Ломизе Е.М., Ченцова В.Г.* XIII Всесоюзная сессия византинистов (Ростов, 22–25 ноября 1990 г.) // ВВ. – 1992. – Т. 53. – С. 215.

что, делают его положение приоритетным[74]. Последний все же продолжал выполнять по отношению к варварской периферии функции центра торгового обмена, причем, судя по редкости находок монет даже в ближней округе, этот обмен был неэквивалентным, неравноценным и зиждился преимущественно не на основе договора купли-продажи (emptio-venditio), а на основе договора мены (permutatio)[75]. Следовательно, и тут Херсон ничем не отличался от прочих пограничных городов Империи, к которым

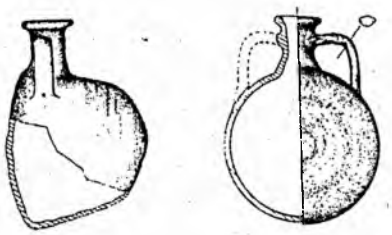

Рис. 145. Глиняная фляга из усадьбы поселения VIII–IX вв. на высоте Безымянной. Раскопки 1985 г. (по О.Я. Савеле, Ю.В. Падалке)

народности, находившиеся под ромейским влиянием, тянулись прежде всего как к источнику получения того, что не было известно в варварских землях или появлялось там с известным запаздыванием[76]. Примечательно, что даже амфоры и другая керамическая тара все же поступали на крымские поселения, связанные с городом как с центром торговли всего региона, несмотря на то что на этой территории существовали собственные гончарные центры, тоже производившие товарную продукцию[77]. К примеру, сравнение керамики из поселений нижнего и среднего течения р. Бельбек показывает, что в VIII — первой половине IX в. они были ориентированы на получение гончарной тары из Херсона и его ближайших окрестностей, тогда как верховья р. Бельбек снабжались продукцией, вероятно, из гончарных печей IX–X вв., расположенных в 12–15 км от крепости Сюйрен (Сюрень), в районе современного С. Голубинка[78].

При этом наблюдалась явная активизация производства подобных многочисленных гончарных мастерских в сельской местности, выпускавших тару, столовую, кухонную бытовую посуду, а также строительную керамику для церквей (керамиды, калиптеры, плинфу, облицовочные

[74] Ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 147; *Романчук А.И.* Херсонес VI–первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 40, прим. 8.

[75] Ср.: *Любавина Н.А.* Купля-продажа в римской правовой традиции и современном частном праве // Forum Romanum: Доклады III Междунар. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль–Москва, 25–30 июня 2003 г. – М., 2003. – С. 237.

[76] *Романчук А.И.* Ранневизантийский Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 210–211.

[77] Особенно крупные гончарные центры по производству фляг, черепицы, северопричерноморских амфор 1 типа возникли во второй половине–конце VIII в. на южном побережье (Ялта, Ливадия, Мисхор) и в горном Крыму (Трудолюбовка) (см.: *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 29 и след.; *Баранов И.А.* Ранняя средневековая печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии (АДСВ. – Вып. 16). – Свердловск, 1979, С. 112–116; *Бабенчиков В.П.* Раннесредневековая гончарная печь в Мисхоре // Записки Одесского археологического общества. – Одесса, 1980. – №1 (34). – С. 275–280, рис. 4, 5, 8; *Золотарев М.И.* Херсонесский гончарный комплекс VIII–IX вв. // Византия и ее провинции (АДСВ. – Вып. 19). – Свердловск, 1982. – С. 147). Вероятно, оттуда они попадали на поселения в ближайших окрестностях Херсона, пример чему могут дать раскопки поселения Гасфорт (высота Безымянная) (*Савеля О.Я., Падалка Ю.В.* Отчет о раскопках на поселении «Гасфорт» в 1985 году // Архив НЗХТ. – Д. №2608. – Л. 4, рис. 6).

[78] *Романчук А.И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 81, 82; *Глазунов В.В., Пелевина О.Л.* Опыт датирования гончарной печи по магнитной аномалии DT // Методы естественных наук в археологии. – М., 1989. – С. 81–94.

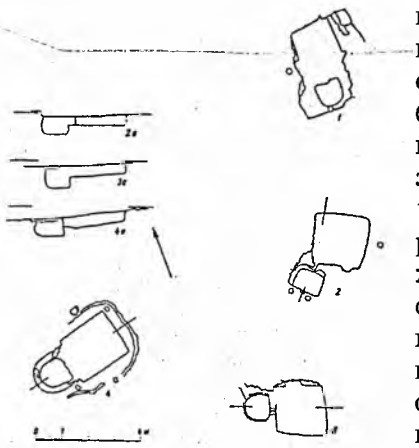

Рис. 146. Тарапаны VIII–IX вв. на плато Кыз-Кермен. Планы и разрезы (по А.Л. Якобсону)

плитки), но прежде всего рассчитанных на удовлетворение растущих запросов крымского товарного виноделия в бочках-пифосах и особенно амфорах, кувшинах и отчасти во флягах, предназначенных для вьючной перевозки (рис. 145)[79]. При всей курьезности концовки рассказа агиографа о споре двух местных жителей, которые даже при посредничестве своего духовного пастыря, преподобного Иоанна Готского, не могли поделить вино, хранившееся в пифосе (peri oinou ontos en pitho, oinon ento pitho), данный пассаж косвенно свидетельствует о широком распространении к концу VIII в. винодельческого промысла в здешних землях[80]. Примечательно, что в 1930 г. в ходе случайных раскопок большого винного склада на северной стороне Севастополя на обнаруженных здесь пифосах оказались граффити VII–VIII вв. — имена «Плиада жена Килика» (Pliada gune tou kylek[iou]), Пифар, Рама (Ramoou), расположенные в три строки, а также Тасий, Криний, Килита, Фасос (?) с изображением мухи, крестообразная монограмма имени Анастасий (INAT)[81]. Не исключено, что подобные прочерченные на видном месте знаки в виде монограмм, полностью написанных имен или одной и двух букв были не только метками заказчиков пифосов, но и заменяли в какой-то степени уорант для тех, кто помещал такие сосуды в винное хранилище[82]. Здесь же были найдены остатки фильтра, более совершенного, чем плетеные, «корзиночные», в виде толстого мата из шерсти, который служил для процеживания вина[83]. Мат гораздо лучше старинных фильтров пропускал виноградный сок, задерживая на своей поверхности виноградные зерна, кусочки виноградной лозы, песок, тончайший ил. Следовательно, можно говорить о следующем после античного, более высоком этапе развития этого промысла на крымской земле и существовании организации складского дела.

До второй половины VIII в. сюда попадало главным образом импортное вино, поступавшее по традиционным черноморским маршрутам, из-

[79] См.: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. – С. 44–49; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 29–39; *Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. – С. 74, рис. 10, 15, 26, 28.

[80] *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 32–33, гл.9; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 399–400, 426.

[81] *Шангин М.А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – №3. – С. 83–84, №12; *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 36, прим. 16.

[82] *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 302; ср.: *Якобсон А.Л.* Указ. соч. – С. 36–38, рис. 18.

[83] *Стржелецкий С.Ф.* Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // Х сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 141, 158–159.

вестным с античных времен. Но затем ситуация меняется. Поражает обилие появившихся в этот период и несколько позже каменных корытообразных, довольно больших тарапанов-давилен, углубленных на 0,3–0,4 м, рядом с которыми сооружавшие их виноделы-христиане иногда высекали в скале кресты и размещали гнездами ямы для установки вместительных округлодонных сосудов. Весьма производительными винодавильнями обзаводились, похоже, даже монастыри[84]. Только на территории Качи-Кальона насчитывается свыше 120 таких давилен, способных одновременно переработать более 2500 ц винограда[85]. Винодельческие комплексы VIII–IX вв. открыты на северных склонах Главной гряды, в долине реки Биюк-Карасу (городище у С. Вишенное), в среднем течении р. Качи, в усадьбах городища Кыз-Кермен, в 3 км южнее Чуфут-Кале, в Чилтер-Кобе, Чилтер-Мармаре, у подножия Сюйренской крепости, на Эски-Кермене и в других местах[86]. Они с трудом поддаются учету и редко сопровождаются описанием. К примеру, группа из четырех тарапанов, соединенных канавками-стоками с прямоугольными или округлыми резервуарами для сока (0,64х0,85, 0,75х0,95, 1,0х1,0 м, глубиной 0,4–0,6 м), находилась при дороге на восточном краю плато Кыз-Кермен, несколько в стороне от усадеб (рис. 146)[87]. Возможно, эти давильни предназначались для общего пользования. Они имели прямоугольную форму (1,75–2,35х1,95–2,35), были, как положено, ограждены плетнем или каменной оградой и накрыты навесами из деревянных стояков. Ни размеры, ни конструкция таких традиционных тарапанов, ни обилие выпускаемой местными мастерскими тарной гончарной керамики не дают оснований для заключения о том, что «...производство вина было здесь очень ограниченным, лишь для домашних нужд и отнюдь не товарным»[88].

---

[84] *Петровский В.А., Труфанов А.А.* Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы (по материалам раскопок 1993–1994 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 136–144. Предположение о включении винодельческого комплекса с тарапаном в состав комплекса монастыря VIII–IX вв. на городище Бакла встретило возражение Ю.М. Могаричева, который предложил иную схему развития скальных сооружений на этом участке. Он считает винодельческий комплекс предшествующим склепам, которые были позже вырублены рядом с ним. Наземный храм, по его мнению, не имел отношения к монастырю и появился не ранее X–XI вв. (*Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997. – С. 93–94). Если это и так, существование здесь винодельни в предшествующее время бесспорно. Остатки тарапанов, высеченных в скале, зафиксировали в 1889 г. члены ТУАК во время своей экспедиции на вершину Баклы. А.И. Маркевич описывал их как «продолговатые, четырехугольные углубления» (*Маркевич А.* Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш // ИТУАК. – 1898. – №8. – С. 112).

[85] *Веймарн Е. В.* Чореф М. «Корабль» на Каче. – Симферополь, 1976. – С. 36–37.

[86] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. – 1932. – Т.12. – С. 110–111; *Веймарн Е.В.* О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. – 1960. – Вып. 10. – С. 113–116; *Талис Д.А.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 104; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. – С. 152–154; *Даниленко В.Н.* Монастырь Чилтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 82; *Мыц В.Л.* О локализации Фулл... – С. 119; *Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С.* Девичья крепость. – Симферополь, 1999. – С. 18.

[87] *Якобсон А.Л.* Указ. соч. – С. 152–153, рис. 100–103; *Белый Л.В., Душевский В.П., Мажуко А.С.* Указ. соч. – С. 30–31.

[88] Ср.: *Якобсон А.Л.* Указ. соч. – С. 154.

Рис. 147. Пифосы из хранилища в окрестностях Баклинского городища. Раскопки 1977 г. (по В.Е. Рудакову)

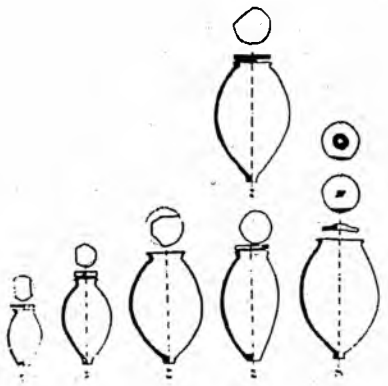

Рис. 148. Пифосы и крышки от них из хранилища в окрестностях Баклы (по В.Е. Рудакову)

На Мангупе найдено к настоящему времени более 20 таких комплексов, в том числе девять вырубленных в скале крупных винодавилен и резервуаров для сбора сусла, преимущественно вдоль обрыва, в восточной части плато, где концентрируются жилые усадьбы, а в 2001 г. на мысе Тешкли-Бурун обнаружено вырубное основание для станин винтового пресса[89]. С виноделием А.Г. Герцен полагает возможным связать и находки многочисленных костяных спиц для плетения[90]. В культурном слое преобладает тарная керамика, производившаяся в гончарных комплексах в соседних долинах, откуда доставляли и виноград, что указывает на значительные перемены в хозяйственной жизни, а именно возрастание к концу VIII в. и в последующие десятилетия роли экспорта вина, ставшего одним из главных товаров здешних обитателей[91].

О винодельческом производстве в районе Баклинского городища свидетельствуют находки скоплений пифосов, которые относятся ко времени не ранее VII–VIII вв. Подобное помещение с пятью пифосами было обнаружено в 1977 г. во время раскопок Уральской экспедиции (рис. 147–148). При этом В.Е. Рудаков отметил, что, по словам окрестных жителей, «на этом поле при полевых работах неоднократно обнаруживались подобные "пифосные гнезда", однако ни посмотреть этих находок (ибо пифосы уничтожались при полевых работах либо разбивались при неумелом обращении), ни уточнить места находок из-за давности времени не удалось»[92]. Это находит подтверждение в со-

[89] *Герцен А.Г.* Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 119; *Герцен А.Г.* Мангуп: Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 29–30; *Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 63; *Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 104; *Герцен А.Г.* Хазары // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 104.

[90] *Герцен А.Г.* Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 32.

[91] Сырье для виноделия действительно свозили снизу, из долин, но непонятно, на чем строится посылка А.Г. Герцена о том, что это осуществлялось при административном контроле со стороны царского домена Хазарии и лишь с конца VIII в. и позже (*Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: хазары в Доросе. – С. 63; *Герцен А.Г.* Хазары... – С. 32–33; *Герцен А.Г.* Дорос–Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2002. – С. 18). Ни письменные, ни вещественные источники не дают такой определенности.

[92] *Рудаков В.Е.* Отчет о разведках экспедиции Уральского государственного университета в между-

общении А.И. Маркевича о том, что в XIX в. при распашке земли под Баклой то и дело натыкались на скопления пифосов, зарытых рядом в землю. Крестьяне употребляли находки в своем хозяйстве для ссыпки зерна и соглашались продать их для музея ТУАК[93].

Огромное количество фрагментов пифосов зафиксировано на поселении VIII–IX вв. у С. Оборонное, Балаклавского района г. Севастополя[94]. Более 50 пифосов оказалось на поселении Шабурла, существовавшем в это же время в Ласпинской котловине. Лишь в одном из них были обнаружены остатки соленой рыбы, остальные были пусты и, по мнению авторов отчета о раскопках, служили для «хранения воды»[95]. Однако с не меньшим основанием можно представить их применение в качестве тары для вина, поскольку проблем со снабжением водой данный район не знал. К примеру, на соседнее раннесредневековое поселение Хаспио вода поступала по водопроводу из керамических труб от обильных каптажей у обрывов горы Су-Уч-Кан[96].

Целые пифосы, порой достигающие двух и более метров высоты, объемом до 1500 литров, а особенно разрозненные фрагменты таких сосудов VIII–IX вв., как и амфоры, повсеместно встречаются в Юго-Западном и Юго-Восточном Крыму. Среди них можно выделить не менее трех типов сосудов (с желобчатым туловом и с обручами-валиками, шаровидные с высоким горлом в виде стоячего воротничка, яйцевидные), которые ремесленники, очевидно, делали на заказ[97].

Примечательно, что амфоры, известные по раскопкам поселений Таврики, встречаются в синхронных им комплексах портового и южного районов Херсона VIII–IX вв.[98] То же можно сказать о пифосах с шаровидным и вытянутым яйцевидным туловом[99]. Петрографические анализы керамики из приморских гончарных центров в районе Сугдеи (Чабан-Куле и Канакская балка) показывают, что изготовлявшиеся здесь амфоры служили тарой для вина, попадавшего не только в Херсон и прочие центры Таврики, но и распространявшегося за пределы полуострова, по Приазовью, Подонью, доходившего вплоть до Салтова[100]. Это же об-

речье Альмы и Бодрака в 1977 году // Архив НЗХТ. – Д. №1914. – Л. 1 – 10, 25.

[93] Несмотря на большую вместимость, от 5 до 25 ведер, и наличие крышек, автор необоснованно называл такие пифосообразные сосуды амфорами (см.: *Маркевич А.* Экскурсия на гору Бакла и в дер. Мангуш // ИТУАК. – 1889. – №8. – С. 108, 110, 113).

[94] *Савеля О.Я.* Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции Херсонесского госзаповедника в зонах новостроек г. Севастополя в 1982 г. // Архив НЗХТ. – Д. №2324. – Л. 22–23.

[95] *Паршина Е.А., Савеля О.Я.* Отчет о разведках в урочище Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 году // Архив НЗХТ. – Д. №3068. – Л. 73.

[96] *Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.* Археологические разведки 1993 г. поселения Хаспио в долине Ласпи / Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1993 г. // Архив НЗХТ. – Д. №3187. – Л. 31.

[97] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 33–38, рис. 15–17.

[98] *Романчук А.И.* Очерки... – С. 204.

[99] *Якобсон А.Л.* Указ. соч. – С. 36. Исследователь, признавая наличие шаровидных и яйцевидных пифосов, отмечал отсутствие пифосов с обручами-валиками в Херсоне VIII–IX вв., где, по его мнению, «ремесленное производство... захирело» (С. 35, рис. 15), однако находки фрагментов таких пифосов в слоях портового района 2 заставляют пересмотреть и это утверждение.

[100] *Якобсон А.А.* Крым в средние века. – М., 1973. – С. 47.

стоятельство свидетельствует в пользу того, что большинство известных скальных винодавилен датируется второй половиной VIII – IX в., периодом наиболее активного использования амфор местных гончарных центров, и, следовательно, именно к этому времени относится пик развития товарного виноградарства и виноделия. Только два из не менее 10 одновременно действовавших в то время гончарных центров (в Канакской Балке и Чабан-Куле – 5 и 10 печей соответственно) были в состоянии произвести за сезон около 18 тыС. амфор при объеме каждой 25–30 л, способных, таким образом, вместить 450–540 тыс л. вина[101]. Продукции половины этих мощных эргастириев с избытком хватило бы, чтобы покрывать ежегодную потребность в таре, а значит, и в ее содержимом – вине для всего населения такого города, как Херсон, причем, как уже сказано, оно расходилось по всему Северному Причерноморью, особенно Крымскому полуострову, и поступало за его пределы, в Фанагорию, Таматарху, коренные салтово-маяцкие поселения[102]. Разумеется, подобное положение, сопряженное с долговременной кропотливой работой по разведению винограда, могло сложиться лишь в условиях безопасности торговли, стабильного, относительно спокойного существования, при наличии слоя соответствующих промысловиков, местных предпринимателей и при широком, устойчивом, рассчитанном на перспективу спросе на предлагаемую ими продукцию на местном и внешнем рынке. Это вполне соответствует политически стабильному, устойчивому периоду кондоминатного византино-хазарского владения на крымской земле, развивавшегося в VIII в. в условиях спокойствия в северопричерноморском регионе, в степных районах Северного Кавказа и Подонья, и поэтому нет оснований сдвигать точку отсчета такого периода лишь к концу этого столетия или переносить его во вторую половину IX – начало X в.[103]

Поскольку обмен шел на натуральной основе и к тому же был неэквивалентным, внутрирегиональная торговля не требовала большой монетной массы, что вполне соответствует сравнительной малочисленности нумизматических находок, столь характерной для эпохи «темных веков». Отдельные находки золотых монет, например солида Ираклия (610–641) в могиле в базилике на плато Пампук-Кая или тремиссиев Вардана-Филиппика (711–713) и Константина V (741–775) в Скалистинском могильнике, не меняют этого вывода, хотя нет сомнений, что в свое время золото было получено в Херсоне, ближайшем византийском центре[104]. Впрочем, эта ситуация была недалека от той, что существовала в Юго-Западном Крыму и в первые века н.э., и в поздневизантийский период[105]. Медная монета

[101] *Романчук А.И.* Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург, 2004. – С. 31–32.

[102] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство... – С. 31, 32, рис. 12, 1–2; 13, 1–4 (второй вариант амфор с бороздчатым туловом).

[103] Ср.: *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII–середине IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 546; *Герцен А.Г.* Хазары. – С. 104–105; *Герцен А.Г.* Дорос-Феодоро (Мангуп)... – С. 104.

[104] *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 148, рис. 97; *Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. – К., 1993. – С. 167.

[105] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в.н.э. – Харьков, 1989. – С. 87; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения... –

небольшого достоинства, главным образом пентануммий, лежала в основе мелких торговых, в основном внутригородских денежных операций и поэтому очень редко нужна была для осуществления экономических и культурных связей между городом и деревней. С другой стороны, это же обстоятельство, а не только слабая ориентация торговли и ремесел Херсона на варварское окружение[106], отчасти объясняет пассивность работы оффицины Херсона и других византийских городов, удовлетворявшихся в основном старыми римскими монетами IV–VII вв. и теми новыми выпусками, что эпизодически поставлял в обращение столичный монетный двор[107]. К примеру, литые монеты, повторяющие типы чеканных полуфоллисов Маврикия, могли появиться не ранее VIII в., так как в предыдущем столетии этой техники изготовления монет в Херсоне еще не использовали[108]. В обращении, необходимом для обеспечения нормального товарообмена в регионе, находилась масса старых номиналов, иногда контрмаркированных, и такое своеобразное положение сохранялось по меньшей мере до правления Василия I (867–886)[109].

В то же время распространение в городе бронзовых гирь, эксагиев дисковидной, октогональной формы, подобных известным по всей территории Византийской империи в раннее Средневековье, говорит о том, что денежное обращение и обслуживавшие его менялы, трапезиты, каталлакты не сдали своих позиций. Среди беспаспортных находок К.К. Косцюшко-Валюжинича имеется такая гирька диаметром 30 мм и высотой 5,7 мм, с невысоким круговым бортиком на внешней и внутренней стороне. Коррозия уничтожила обозначение норматива, но вес гирьки 22,98 г, учитывая утраты, близок 6 номисмам, или 1 унции (ГС – 27,30 г). Еще одна маленькая бронзовая гирька в виде диска, размерами 22 мм и высотой 6,8 мм, была обнаружена в 1937 г. раскопками на северном берегу, в помещении 17, в слое с разнообразным материалом раннесредневекового времени[110]. Верхнюю и нижнюю часть лицевой стороны разновеса украшали две волнистые линии, нанесенные точками, между которыми были помещены выполненные точками буквы ND, обозначающие весовой норматив — 4 номисмы. Вес гирьки — 17,37 г — почти полностью совпадает с этим нормативом, теоретический вес которого равнялся 18,20 г. Видимо, этот норматив был обозначен также четырьмя большими точками, разнесенными по углам квадрата между буквами ND. Еще меньший норматив означали буквы IB (12 нуммиев), вырезанные на гирьке в виде плоского

С. 148.

[106] Ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 148; *Romanchuk A.I.* Agreement and Diskrepancy between Written and Archeological Sources // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. – Shepherdstown, 1996. – P. 268.

[107] *Гилевич А.М.* Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // Х сб. – 1959. – Вып. 5. – С. 193.

[108] *Орешников А.В.* Херсоно-византийские монеты (дополнение) // Нумизматический сборник. – 1911. – Т. 1. – С. 108, №2, табл. 13,2; *Белова А.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. – 1941. – Т. 7. – С. 328, №5, табл. 7; *Анохин В.А.* Обзор монетного дела средневекового Херсона // Нумизматика и сфрагистика. – 1968. – Вып. 3. – С. 103.

[109] *Алексеенко Н.А.* Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя // Х сб. – 2003. – Вып.12. – С. 346.

[110] НЗХТ, инв. №91 / 35880; Опись коллекций за 1937 г. с №35857–35904. Раскопки в Херсонесе // Архив НЗХТ. – Д. №662 – II. – А. 21; *Белов Г.Д., Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. – 1953. – №34. – С. 87, рис. 38, 55; 53.

Рис. 149. Бронзовая гиря из засыпи водохранилища. Раскопки 1992 г. (по Л.В. Седиковой)

кружка диаметром 12 мм. Она была найдена при раскопках галерееобразного сооружения с южной стороны Уваровской базилики, в котором предположительно можно видеть остатки епископального птохиона раннесредневекового времени[111]. Аналогичная бронзовая гирька встречалась при раскопках в юго-восточном углу большой агоры[112]. Вариантом дисковидных гирь является бронзовая гиря в виде плоского восьмиугольника, на котором внутри врезных окружностей выгравирован крест и, как указано в отчете о раскопках, буквы «FE» (рис. 149)[113].

Очевидно, для изготовления разновесов служила обнаруженная на территории храмового комплекса Западной базилики («дома св. Леонтия») мраморная прямоугольная формочка толщиной 2 см, с помощью которой можно было отливать одновременно по три плоских кружка в 12, 14 и 15 мм диаметром, то есть маленьких разновесов — номисм и их частей[114]. Такая же формочка, только в виде прямоугольной сланцевой плитки, была найдена при раскопках в районе главной улицы и общественного «здания Г», судя по житиям св. епископов Херсонских, в «регионе так называемой малой агоры»[115]. Она тоже служила для изготовления круглых разновесов диаметром 15–18 мм и толщиной 3 мм. Внутри формочки, посередине кружков, были вырезаны почти сгладившиеся буквы HN (8 нуммиев?) и греческий крест. Следовательно, городские трапезиты и аргиропраты, выступавшие менялами и ростовщиками, пополняли запасы необходимых им эксагиев за счет их местного производства, надзор за которым, надо полагать, находился в руках местных провинциальных властей во главе с византийским архонтом или протополитом. Контроль же со стороны столичной администрации в этом деле, видимо, ослаб.

Тем не менее Херсон, как и прежде, оставался в границах обширной «номисма-зоны», а его денежное обращение продолжало покоиться на основе знаменитого «доллара Средневековья» — византийского золотого солида и его производных — семисса и тремисса, размениваемых на мел-

---

[111] *Косцюшко-Валюжинич К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С. 87; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес ... – С. 129–130.

[112] *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Раскопки Херсониса в 1896 г. // Археологические известия и заметки издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1897. – Т. 5. – С. 174.

[113] *Седикова Л.В.* Отчет о раскопках водохранилища в Херсонесе в 1992 году. – Л. 6, рис. 20,1. К сожалению, в отчете не указаны размеры и вес находки. Аналогичная по форме гиря из собрания Эрмитажа (d–2,3 см, h – 0,7 см, 31,84 г.) соответствует 1 унции, однако буквенные обозначения на гире из раскопок засыпи водохранилища несут скорее указание на 5 унций (Γ°Є), что является большой редкостью (ср.: *Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. – Симферополь, 1962. – Т. 2. – С. 108, №132, табл. 47, 90; *Гурулева В.В.* Византийские весовые знаки бывшего музея Русского Археологического института в Константинополе // НЭ. – 1999. – Т. 16. – Табл. I, 8; *Antonov D.* Ancient Finds From the Vicinity of Butan, Vratsa District (1st–6th C.) // Stephanos Archaeologicos in Honorem Prophesiorie Ludmil Getov. – Sofia, 2005. – P. 23, fig. 9, 3, cat. №18, вес 63, 19 г).

[114] *Косцюшко-Валюжинич К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. – С. 69.

[115] Отчет за 1903 год. – Л. 26; см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес... – С. 215–216, 228–229.

кие медные номиналы. Разумеется, постоянная необходимость взвешивать монеты при всякой денежной операции снижала быстроту и удобство платежей, однако состояние денежного дела не позволяло избежать этого. Не престижная, но нужная для общества профессия трапезита, каталлакта нашла свое место и в Херсоне, а поиски выгоды ее представителями должны были выводить к иным побочным занятиям, связанным с деньгами. Их деятельность была профессионально ориентирована, но, как и следовало ожидать, далека от узкой специализации. Нет сомнений, что херсонские менялы, подобно прочим византийским коллегам, сочетали свое ремесло с деятельностью ростовщиков-симадариев, кредиторов, скупщиков и продавцов драгоценностей, а также привлекались к «имперской службе» (basilikes douleias), выполнению общественных обязанностей финансового характера (подсчеты, выдачи сумм), несли контрольно-инспекторские функции, связанные с обеспечением нормального функционирования имперского монетного обращения[116].

Несмотря на религиозные разногласия первого периода иконоборства, активизировавшуюся в 80-х гг. VIII в. политическую борьбу, даже отдельные вооруженные столкновения, общее экономическое положение в Южной и Восточной Таврике оставалось все еще вполне благоприятным. Без определенного контроля Херсона, а значит, и Византии над «землями готов» невозможно было сохранение торговли с их обитателями — той самой торговли, наличие которой признается здесь исследователями, но лишь «под властью Хазарского каганата»[117]. Между тем население Эс-ки-Кермена, Тепе-Кермена, Баклы и других городищ продолжало сохранять торговые связи с Херсоном, а через него с Империей[118], и, значит, византийское влияние имело не только духовную, но и материальную основу для того, чтобы успешно конкурировать с хазарским. Именно к этому времени относится особенный рост населения и восстановление целого ряда поселений на античной основе, в том числе в районе Феодосии, координаты которой под именем Таурсана называет при описании черноморского побережья арабский географ ал-Хваризми в первой половине IX в.[119] Любопытно, что возрождение не затронуло саму Феодосию. Епифаний заявлял, что место, где находился этот прежде «...многолюдный и образованный» город, «...ныне не имеет даже следа человеческого» (semeron oude ichnos anthropou en aute echei)[120]. То же подчеркивает грузинский текст жития: «Ныне он в развалинах и безлюден»[121]. Лишь в апокрифи-

[116] *Сорочан С.Б.* Ранневизантийский сектор услуг: менялы (IV–IX вв.) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2000. – №485. – Історія. – Вип. 32. – С. 39–48.

[117] *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 197.

[118] *Романчук А. И.* Типы поселений Юго-Западного Крыма в средние века и характер их взаимоотношений: Херсонес и сельская периферия // Тезисы докладов Душетской конференции. – Тбилиси, 1984. – С. 65.

[119] См.: *Якобсон А.Л.* Гончарные центры VIII–IX вв. в Таврике // КСИА АН СССР. – 1977. – №150. – С. 48; *Якобсон А.А.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // Боспорские города (МИА. – №85). – М.; Л., 1958. – Т. 2. – С. 470; *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 34; *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. – М., 1988. – С. 80.

[120] Хождение ап. Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 276. 70–73.

[121] Грузинское «Житие св. ап. Андрея Первозванного» // Христианское чтение. – 1869. – №8. – С. 165.

ческих «Деяниях ап. Андрея», по кодексу XI–XII вв., после слов «следа человеческого» добавлено: «кроме немногих, по проповеди Апостола уверовавших», то есть крещеных[122]. Эту картину пока подтверждают результаты археологических раскопок[123].

Примечательно, что уже Периплы V в. (Псевдо-Арриана, §30, и Анонимный, §77) называли Феодосию или Ардабду — «Семибожную», как она звалась «на аланском или таврском наречии», — опустевшим городом эллинов[124]. Следовательно, «дезурбанизация и упадок», якобы присущие VII–VIII вв., здесь ни при чем: в данном случае мы имеем дело с позднеантичным наследством. Впрочем, об обезлюдении здешнего места следует говорить с определенной долей условности. В.Гейд упоминал о следах раннесредневекового поселения на побережье Феодосийской бухты[125]. А.Г. Еманов, ссылаясь на некие архитектурные детали и греческое надгробие, указывает на проживание полиэтничного грекоговорящего христианского населения в районе акрополя в IX в.[126] Очевидно, имеется в виду мраморная колонна высотой 1,67 м (2 аршина 5 1/2 вершков) и диаметром 0,45 м (10 вершков), найденная в развалинах большой мечети в Феодосии, надпись на которой сообщает о погребении рабы Божьей Елены монахини, скончавшейся в среду 11 мая и раба Божьего Тамгана, умершего в пятницу 13 мая лета 6327 (819 г. н.э.), хотя есть мнение, что эта колонна вторичного использования была перевезена из Анатолии и поставлена в мечети[127].

На благосостояние византинизированных поселений и городов-крепостей Таврики косвенно указывает богатый клад византийских золотых солидов, который происходит с небольшого хазарско-салтово-маяцкого поселения, находящегося около Славянска на Верхней Кубани (в двух километрах восточнее Анастасиевки). Клад включал около 270 золотых монет Льва III, Константина V, Льва IV и Константина VI и, очевидно, был составлен в 90-х гг. VIII столетия, как предполагают, из добычи, которую хазары захватили после расправы в Крымской Готфии над прозелитами епископа Иоанна Исповедника[128]. Более половины солидов имели граффити в

[122] Praxeis kai periodoi tou agiou kai paneuphemou Apostolou Andreu egkomio sympeplegmenai // AB. – 1894. – T. 13. – Fasc. 3–4. – P. 334, § 30.

[123] Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма... – С. 38.

[124] Псевдо-Арриан. Безымянный автор. Объезд Эвксинского Понта / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. – 1948. – №4. – С. 663; *Петровский С. В.* Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Отдел II. Историческая ценность апокрифических сказаний. Главы III и IV. Отдел III. Краткие известия и позднейшие распространенные сказания об Апостольской миссии в пределах северо-восточного Черноморья; Главы V и VI. Заключение и дополнение // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 170.

[125] См.: *Хвольсон Д.А.* Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и др. – СПб., 1884. – С. 204.

[126] *Emanov A.* The Polyethnic Strukture of the Protopolis of Kaffa (5th–10th Centuries) // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent Universitz, Ankara, Turkey – 2–9 September 2001. – P. 40.

[127] *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 70–72; *Ципарис А.М.* К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья (вторая половина XIII века) // УЗ Туркменского гоС. ун-та. – 1964. – Вып. 27. – С. 36.

[128] *Semenov A. I.* New Evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) Hoard of 8th Century A. D. Byzantine and Arab Gold Coins // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia (Archaeological Studies, №16). – Sankt Petersburg, 1994. – P. 83–85.

основном из греческих букв, религиозных символов, рисунков архитектурного характера, а часть обрезана по краям, как это было принято делать в Византии и византийских центрах Крыма (Херсоне, Сугдее, Тепсене, Тамани), видимо, для компенсации нехватки разменной монеты[129].

Потребности контрагентов тамошних земель и метрополии ромеев обслуживал, очевидно, слой профессиональных предпринимателей, известных ромеям как «коммерческие люди из Готфов». Именно так они именовались в материалах Вселенского собора 787 г. среди прочих купцов «из всех внутренних стран запада», торговавших в Константинополе в правление Льва III Исавра[130]. Столь устойчивое сохранение памяти о них свидетельствует, что это была вполне устойчивая категория частных торговцев, ведшая дела в Таврике и на главном, столичном рынке Империи. Вполне правдоподобным выглядит достаточно обоснованное мнение А.А. Васильева о том, что в продолжительный период мирных отношений с хазарами значительная часть восточного импорта поступала в Романию через византийские центры в Крыму, прежде всего Херсон и Сугдею[131]. Поскольку арабы закрыли пути, что вели через Кавказ и Восточное Причерноморье к восточным рынкам, роль черноморской торговли и северопричерноморских сухопутных путей в VIII в. стала расти, а вместе с ней росло пристальное внимание имперского правительства к крымским центрам.

Предметом византийского экспорта в города Таврики, как и прежде, могла быть медь в слитках, с которой работали кузнецы и медники, в том числе местных сельских поселений, и спрос на которую должен был быть велик[132]. Какую-то часть импорта составляли типичные византийские бронзовые поясные пряжки VIII в., а значит, и кожаные ремни к ним, которые, разумеется, не все делали только на месте, в эргастириях самого города[133]. Среди привезенного случались редкие, изысканные для Херсона продукты, такие как плоды смоковницы, фиги (syko), на что указывает надпись по краю красноглиняной мисочки, обнаруженной в засыпи водохранилища на южном участке городища[134].

Обращает на себя внимание то, что на поселениях VIII в. в приморской полосе Южного берега Крыма преобладает провинциально-византийский археологический материал[135]. Массовая стандартизованная византийская столовая керамика, производившаяся в гончарных мастерских Херсона и других византийских центров Таврики, в силу своих высоких качеств

[129] *Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 439–440.

[130] Деяния Вселенских соборов, изданные в русском пер. при Казанской духовной академии. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 37.

[131] *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 89–97.

[132] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 82–83; *Sandrovskaja V.* Das Siegel eines ХА/\КОПРАТНС aus Sudak // SBS. – 1999. – Vol. 6. – P. 43–46.

[133] См.: *Репников Н.И.* Дневник раскопок... – С. 176, рис. 34, склеп №2789; ср.: Айбабин А.И. Хронология могильников... – С. 43, рис. 42, 22.

[134] *Седикова Л.В., Сидоренко В.А.* Надписи на средневековой керамике из раскопок водохранилища Херсонеса // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 107, №2.

[135] *Домбровский О.И., Столбунов О.И., Баранов И.А.* Аю-Даг – «святая» гора. – Симферополь, 1975. – С. 90–93.

и, очевидно, дешевизны усиленно конкурировала с гончарной продукцией салтовских поселений, практически вытеснив ее с местных рынков. Собственно, она никогда на этих рынках и не появлялась[136]. По подсчетам И.А. Баранова, не менее 95% посуды на поселениях в Крыму было византийской, то есть привозной[137]. В этом обилии продукция, которую можно относить к салтовской, практически тонет. Для сравнения следует заметить, что похожее положение сложилось на скифо-сарматских поселениях Юго-Западного Крыма в конце I — начале III века н.э., в период расцвета посреднической торговли Херсонеса с ними[138]. Приходится повторить в очередной раз, что все это в корне противоречит встречающимся в историографии утверждениям как об оторванности Византии от хоры Дори и Таврики, утрате ею здесь какого-либо влияния и тем более контроля[139], так и о заметном изменении в ориентации торговли Херсона этого времени, якобы превратившегося в почти замкнутый региональный экономический центр[140].

Торговые связи херсонитов с метрополией ослабели не настолько, чтобы их значение перестало ощущаться для населения города. Он, как и прежде, не замкнулся в рамках регионального центра торговли. Потребление им продукции преимущественно в амфорах местного, крымского производства не противоречит этому выводу, поскольку местное вино и раньше не было предметом дальнего вывоза, что не мешало Херсонесу сохранять значение посреднического, транзитного центра дальней торговли[141]. В VIII в. через него тоже шел обмен ромейских товаров из ядровых районов Империи на сырье, продовольствие, другой импорт, следы которого теперь не сыскать. Проходя Херсон, он поглощался в Романии. Во всяком случае центр экономической жизни не покидал портовый район города[142]. Едва ли здесь строили военные корабли, но, несомненно, рыбацкие и транспортные суда, которые в эту «эпоху одномачтовых судов» отличались малыми габаритами и на которых перевозили небольшие грузы. Море связывало херсонитов с Подунавьем, малоазийскими провинциями, со столицей Империи. Поражает, сколь быстро и регулярно получал Юстиниан II осенью 711 г. сведения обо всем происходившем в городе, а византийские кораб-

[136] *Баранов И.А.* Памятники раннесредневекового Крыма. – С. 246–247.

[137] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – С. 98.

[138] *Кадеев В.И., Сорочан С.Б.* Экономические связи античных городов ... – С. 80–89; *Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Тезисы докл. Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. – М., 1996. – С. 45–50.

[139] Ср.: *Якобсон А.А.* Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. – 1954. – Т. 21. – С. 154–155, 157; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 197.

[140] Ср.: *Романчук А.И., Седикова А.В.* «Темные века» и Херсон... – С. 44; *Романчук А.И.* Очерки... – С. 182, 204.

[141] Ср.: *Romanchuk A.* Trade cooperation in Taurian Chersonese as an exemple of the Mediterranean-Black Sea Region // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts. Bilkent Universitz, Ankara, Turkey – 2–9 September 2001. – P. 40; *Сорочан С.Б.* Об экспортных возможностях херсонесского виноделия // Херсонес в античном мире: Историко-археологический аспект: Тезисы докл. – Севастополь, 1997. – С. 112–113.

[142] *Бибиков М.В.* Городское пространство и экономическая организация северопонтийских портов. X–XV вв. // Античный и средневековый город: Тезисы докл. VII Науч. Сюзюмовских чтений. – Севастополь; Екатеринбург, 1995. – С. 15.

ли, отправляемые из Константинополя по приказам василевса, столь же быстро достигали его порта[143]. Следует учесть, что, несмотря на «демократизацию» морской тороговли, государство сохраняло особый контроль над навклирами, поскольку они исполняли извозную и почтовую повинность, обеспечивали контакты с властями, доставляли налоговые поступления, помогали поддерживать связи с патримониями фиска на херсонесской земле[144]. Не случайно в представлении папы Григория II (715–730), запечатленном в его письме к Льву III Исавру (717–741), Херсон посещали как обитатели Севера (oi oiketores tou Borra), так и приезжавшие с юго-запада, со стороны проливов и Боспора (Bosporos), как издавна называли Боспор Фракийский[145]. В данном случае пути паломников к местным святыням отражали основные направления торгово-экономических контактов. И если в грузопотоке уменьшилось количество привозной керамики — привычного для археологов индикатора связей, то объем перевозок так называемых тяжелых товаров (зерно, металлы, шкуры, воск) не поддается учету, хотя ясно, что сложившиеся условия явно располагали к их увеличению. Вполне возможно, что в обмен на вывозимое из Таврики херсониты, а через них обитатели крупных городищ «земли готов», к примеру Мангупа и Баклы, получали в VIII — первой половине IX в. не только ранние светлоглиняные поливные столовые «сервизы» (миски, бдюда, горшковидные сосуды с крышками) византийской работы (рис. 150)[146], но и тка-

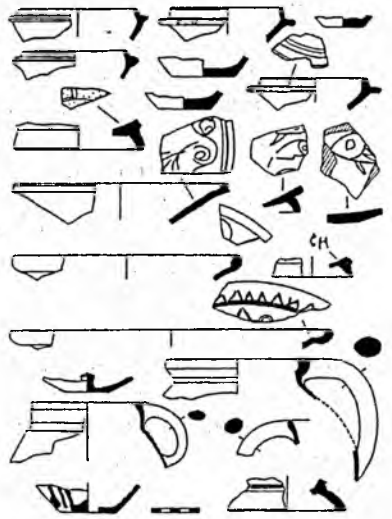

Рис. 150. Византийская поливная посуда из раскопок водохранилища (по Л.В. Седиковой)

[143] См.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 40–41, 63–65, 156–157,164–165.

[144] Редактирование Морского закона в это время указывает на усиление государственного контроля за данной сферой частных взаимоотношений и права, что отражало общеимперскую тенденцию (Морской закон: Вступ. ст. пер., коммент. М.Я. Сюзюмова // АДСВ. – Свердловск, 1969. – Вip. 6. – С. 3–54; ср.: *Харитонов Є.О.* Історія приватного права Європи: Східна традиція. – Одеса, 2000. – С. 107).

[145] *Mansi J. D.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... – Paris, 1905. – T.12. – Col. 971 (repr: Graz, 1960); PL. – T. 89. – Col. 520.

[146] Ранние образцы византийской светлоглиняной и белоглиняной посуды поступали в город, возможно, уже во второй половине – конце VIII в. (*Седикова Л.В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – С. 15; *Седикова Л.В.* К вопросу о времени появления византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 648–649, тип II; ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 197). Между тем А.Л. Якобсон полагал, что искусство поливной керамики появилось в Константинополе «не ранее второй половины IX в.» (*Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – С. 68). Однако надо заметить, что за последнее время представления о времени начала производства и использования такой посуды значительно «помолодели». Самые ранние поливные белоглиняные сосуды с врезным (гравированным) орнаментом (группа Glazed White Ware I) Дж. Хейс, основываясь на материалах из раскопок в константинопольском квартале Сарахан, относил к VII в., а более поздние – с растительным, геометрическим орнаментом, изображением рыб – к VIII – первой половине IX в. (*Hayes J.* Excavations at Sarachane in

ни, одежду, платье, спрос на которые был всегда стабилен, а рынок сбыта обширен...Иначе непонятно, что могло интересовать в Херсоне царского архонта (tou archonti), очевидно, влаттия, печать которого с изображением Льва III и Константина V датируется 739–751 гг.[147]

Нередко архонты влаттия являлись эргастириархами (ergasteriarchai) — управителями имперских мастерских по производству дорогих, парадных тканей и одежд[148]. Определять их потребителей было прерогативой государства[149]. По другим аналогичным сфрагистическим находкам известно, что эти служащие иногда назначались на должность контролеров торговли — главных коммеркиариев (geniko komerkiario), надсмотрщиков за казенными складами-магазинами (апофиками), отбыв которую, они, вероятно, возвращались к выполнению своих прежних обязанностей[150]. Влаттии (blattia), в том числе и те, которыми распоряжался архонт, имевший дела в Херсоне, скорее всего, имели вид кусков материи: Книга Эпарха всегда упоминала их отдельно от плащей, иматиев, другой готовой одежды и прочих ее аксессуаров[151]. Интересно, что торговцы льняными тканями имели дело с влаттиями — материей шириной «... в шесть ладоней и меньше»

Istanbul. Vol. 2: The Pottery. – Princeton, 1992. – P. 15–18; *Francois V.* De la ceramique en contexte a Istanbul // Journal of Roman Archaeology. – 1994. – Vol. 7. – P. 512–519). Таким образом, поливная керамика археологически зафиксирована в Константинополе без каких-либо лакун в слоях так называемой раннеисаврийской стадии с монетами от Фоки (602–610) до Константина IV (668–685), позднеисаврийской – с монетами Юстиниана II (685–695, 705–711), Константина V (741–775), Льва IV (775–780); раннемакедонской – с монетами Никифора I (802–811), Льва V (813–820), Феофила (829–842), Василия I (867–886). Мало того, новейшие результаты раскопок в Югославии позволили установить существование византийской поливной керамики в период между V и VIII вв. (*Spieser J.-M.* La ceramique byzantine medievale // Hommes et rechesses dans l'Empire byzantin. T.2: VIIIe –XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. – Paris, 1991. – P. 250). Причем пока необъяснимо, почему ранние образцы такой керамики встречаются во внутренних районах и буквально единичны в находках вдоль далматинского побережья и в местных портовых центрах. Шейла Макнелли, занимавшаяся раскопками Сплита, пытается найти ответ в бедности и «уединенности» (remote) города, но внутренние районы тоже не назовешь более богатыми или «посещаемыми» (*McNally S.* Split in the Byzantine Empire: The Archaeological Evidence // Acts XVIII International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers: Main and Communications. – Shepherdstown, 1996. – Vol. 2. – P. 256). Все это заставляет начать пересмотр традиционных представлений о времени появления ромейской поливной посуды в Херсоне и его окрестных крупных сельских центрах (см.: *Смокотина А.В.* Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 172–181).

[147] *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. – Барнаул, 1992. – С. 194; *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 202, 206, №11 (в шестистрочной (?) надписи видно лишь несколько букв, имеющих отношение к обозначению должности архонта, но нет оснований говорить о том, что он являлся еще и главным коммеркиарием, как полагает издатель печати).

[148] Н.П. Лихачев связывал деятельность эргастириархов-архонтов влаттия с таможенным досмотром, опечатыванием грузов тканей, одежд, подлежащих вывозу, короче, видел в них «... прикровенные печати коммеркиариев» – *Лихачев Н.П.* Датированные византийские печати // ИРАИМК. – Л., 1924. – Т. 3. – С. 187–189, группа IV, 1–4.

[149] *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. – М., 1991. – С. 219; Oikonomides N. Silk Trade and Produktion in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. – 1986. – N 40. – P. 50–51.

[150] *Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов // ИРАИК. – 1903. – Т. 8. – С. 207–208, №9; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. – С. 207–209, тип IX, 4; см.: *Dunn A.* The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios and the West // BMGS. – Birmingham, 1993. – Vol.17. – P.3–24; *Бардола К.Ю.* К анализу сфрагистических источников о функциях коммеркиариев в Византии VI–IX вв. // Вісник Харківського державного університету. – 1998. – №413. – Історія. – Вип. 30. – С. 73.

[151] Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. – М., 1962. – IV. 3; VIII. 1; IX. 6.

(blattia exalia e elattona), и их, наравне с льняными прандиями и хареriями, разрешалось продавать иноземцам (ethnesi)[152]. Это же прослеживается в торговле херсонитов, которые расплачивались с «варварами» аналогичным товаром[153].

Рис. 151. Железный буллотирий, приспособление для оттиска моливдулов (по М. Мэнго)

Н.П. Лихачев вслед за В. Хейдом подразумевал под влаттиями лишь пурпурную шелковую ткань и, надо сказать, исследователи обычно используют этот термин прежде всего в таком значении[154]. Он действительно происходил от слова blatta — «пурпур», то есть имел отношение к тканям, выкрашенным пурпурной краской. Однако Книга Эпарха вкладывала в это понятие более широкий смысл, охватывавший не только ткань, но и готовые тканные изделия, не требовавшие кроя, — занавеси, плащи, мантии, цельные скарамангии, причем как из пурпурного шелка, так и из высокосортных льняных тканей, вероятно, разных расцветок (зеленых, желтоватых, персиковых, в багряную полоску, многоцветных)[155]. Собственно пурпурово-шелковая ткань и изделия из нее именовались другим термином — oxeon, oxea, который в необходимых, уточняющих случаях добавлялся в качестве дефиниции к слову «влаттий» (apo blattion oxeos)[156].

Вот эти-то ткани и одежды, шедшие через Иерон — крупнейший перевалочный пункт, таможенный и ярмарочный центр на входе в Черное море, судя по моливдовулу опечатывателя таможенных грузов-буллота середины VIII в., проходили херсонесский порт, чтобы, обернувшись другими товарами, преимущественно продуктовыми и сырьевыми, с прибылью «вернуться» в город, а через него в Романию (рис. 151)[157]. Так как в здешней торговле Херсона с его периферией в Юго-Западном и Южном Крыму отсутствовал устойчивый эквивалент — деньги, и она, по давней традиции, велась главным образом путем обмена, последний не мог быть равноценным и, следовательно, лишь одна сторона — херсониты — извлекала максимум выгод из такой тороговли. При этом главными оказывались не слабо продуцентные сельскохозяйственная база и ресурсы самого города,

[152] Там же. – IX. 6.

[153] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 40, гл.6. 8.

[154] Лихачев Н.П. Датированные византийские печати // ИРАИМК. – Л., 1924. – Т. 3. – С. 208; *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока. – М., 1991. – С. 232; ср.: *Sophocles E.A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B.C. 146 to A.D. 1100). – New York,1893. – Vol. 1. – P. 310; *Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов ... – С. 208, №9; Иерусалимская А.А. Ткани собора св. Софии (в поэме Павла Силенциария) // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. – Л., 1988. – С. 8–19.

[155] Византийская книга Эпарха. – VIII. 1; IX. 6.

[156] Византийская книга Эпарха. – IV. 1; 3; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I.Bekkero suppletus et emandatus. – Bonnae, 1838– T. 1. – P. 688 (речь идет об одежде с узорами); *Kontava-Delivoria B.* Les oxea et les sceaux et les etoffes pourpres des soie apres le 9e siecle // BZ. – 1989. – Bd. 82. – P. 177.

[157] *Алексеенко Н.А.* Моливдовулы адресантов Херсона VII–XI вв. (новые находки) // Древности. 1996. – Харьков, 1997. – С. 126, №3. О буллотах (буллотирах) см.: *Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines des IXe et Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 321; *Kazdan A.A.* Boullotes // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol.1. – P.317.

а ресурсы населения Готфии, вовлеченного в сферу неэквивалентного обмена в силу стабилизации отношений в условиях византийско-хазарского кондоминиума. Видимо, именно в этом направлении стоит искать отгадку сравнительно благополучного материального положения горожан, позволяющую по-другому взглянуть на Херсон пика «темных веков». В целом, в его облике не проглядывало бескровное лицо нищеты — неизменной спутницы кризиса и упадка. Этот город привык трудиться сам и влиять на потребности своих многочисленных контрагентов, диапазон которых колебался от столичных рынков и эргастириев до скромных поселенных усадеб Таврики.

Глава 7
РОЖДЕНИЕ ФЕМЫ

Возможность полагаться на федератов, которыми со второй половины VII в. стали не только аланы, германцы (готы), балты, но и оногуры, булгары, была лишь одной из причин, позволявших Византии долго оттягивать проведение в Таврике военно-административной реформы[1]. Другие причины остаются недостаточно ясными, и выяснение их, как правило, уводило исследователей на поиски противников, которые ослабели или, напротив, могли начать серьезно грозить Романии с севера. Изменения же, наметившиеся в то время в военно-административном устройстве Империи, и нарушение баланса сил внутри самого крымского анклава должным образом не оценивались. Объяснение случившегося сводилось главным образом к боязни потери здешних архонтатов и, прежде всего, Херсона, в результате внешней агрессии, персонифицируемой преимущественно в лице усиливавшихся русов (в последнее время их пытаются заменить исключительно венгерской угрозой), а также вследствие ослабления влияния хазар в Таврике и сильных сепаратистских настроений внутри города, продолжавшего якобы активно бороться за муниципальные, полисные свободы и самоуправление. По поводу последней причины необходим отдельный и, добавлю, кардинальный разговор, долженствующий наконец расставить точки над «i». Что касается внешней угрозы, то она тоже нуждается в объяснении и конкретизации, но делать это следует на фоне широкого полотна общерегиональных политических событий евразийского контекста первой половины IX в. и обязательно с учетом как внешней, так и внутренней ситуации предшествующего времени. Во всяком случае, связывать образование фемы в

[1] Ср.: *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990.– С. 147; *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII–X вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 32.

Крыму лишь с постройкой хазарами крепости в устье Дона значит подменять причину следствием и пытаться выдать последнее за причину[2].

Ожесточенные, не на жизнь, а на смерть, столкновения с арабами, а затем с болгарами, решившимися во главе со своим «архигосом» Крумом на своеобразный «блицкриг» летом 812 г., внутренние смуты гражданской войны 821–823 гг. поневоле отодвигали на второй план заботы Империи в отношении проблем крымских территорий. Но дело было не только в сложности ситуации в Византии, которая привыкла вести упорную борьбу и подчас на многих фронтах. Мало того, в горниле этой борьбы как раз и закалялась крепость военно-административного строя государства, убедительно доказавшего свою жизнеспособность. Главное, к имперским, впрочем, как и к хазарским, преобразованиям на территории Крыма не располагало установившееся с конца VII столетия состояние кондомината[3]. Именно оно обеспечило политическую стабилизацию и привело к экономическому расцвету края, росту населения, возрождению целого ряда поселений на античной основе, что отмечают многие исследователи. На мой взгляд, только нарушение особых условий «двоевластия» способно было вызвать кардинальные изменения на всем полуострове, потребовать кардинальной перестройки старых отношений. Вопрос состоит в том, когда все это произошло и в чем выразилось?

Причины неустойчивости византийско-хазарского кондоминиума в Таврике. И.А. Баранов полагал, что отношения с болгаро-оногурскими родами, бежавшими сюда из Волжской Булгарии, были мирными и сохранялись таковыми до 730-х гг., когда хазары, активизировав свои действия, якобы аннексировали восточную часть Таврики и Готфию с ее главными крепостями, причем новые переселенцы осели уже внутри византийской территории, в непосредственной близости от Херсона, лишь «номинально» входившего в состав Византии[4]. Столь тесное соседство поселений салтово-маяцкой культуры, расположившихся в прилегающих к городу долинах, сделало его положение «незавидным»[5]. Это, по мнению И. А. Баранова, последовало за иудаистской реформой хазарского владетеля Булана, что привело к появлению хазаро-иудейских общин в главных политических и религиозных центрах Таврики[6].

Но такой разрыв мирных отношений и, как следствие, крах кондоминиума едва ли произошел столь стремительно. Еще в 732 г. был заключен брак сына василевса Льва III Исавра, Константина, с дочерью хазарского хагана Чичак (в крещении — Ириной). Союз продолжал жить и после

---

[2] Ср.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 47.

[3] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 218–225; *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543.

[4] *Баранов И.А.* Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. : Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 10–11; *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 32–36.

[5] *Баранов И.А.* Хазары и Херсонес в VIII в. – С. 11.

[6] *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 33; ср.: *Гумилев А. Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М., 1989. – С. 121–123.

737 г., когда хазаро-булгаро-аланские силы потерпели поражение от арабских войск полководца Мервана (будущего последнего омейадского халифа Маруама) и им было явно не до подчинения и удержания Таврики. Напротив, ромейские войска, возможно, направлялись на Северо-Западный Кавказ, к алано-абхазской границе, в помощь местным силам, о чем свидетельствует находка наградной именной шелковой ленты протоспафария со славянизированной формой имени Иванос (Ibanos), происходящая из сборов на могильнике VIII–IX вв. в Мощевой балке, в верховьях р. Большая Лаба[7]. Недаром здесь, на южной границе каганата, в Алании, с использованием византийских военно-строительных приемов были возведены Хумаринская и Курджиновская крепости, укрепления на Первомайском и Ильичевском городищах. Даже если эти свидетельства сближения каганата с Византией относятся к более позднему времени, к 30–50-м гг. IX в., и были вызваны усилением арабской угрозы в Закавказье, поражением войск абхазов, обращением цанаров за помощью к ромеям, хазарам и «владыке славян», они не противоречат сути наших наблюдений[8]. Если религиозная рознь с арабами в течение двух с лишним столетий не разрушила систему совместного владения Кипром, почему неокрепший хазарский иудаизм раввинистского толка, имевший поначалу прозелитов только среди евреев и части хазарской верхушки, знати, должен был оказаться более враждебным и радикальным, чем мусульманство? К тому же заметный поворот верхов Хазарии в сторону новой религии никак не мог последовать раньше самого конца VIII в., вероятно, когда ее принял хазарский двор, после чего в начале IX столетия в каганате вспыхнула внутренняя смута, приведшая к ослаблению государства[9].

Нет оснований видеть враждебный мир в земледельческих и скотоводческих поселениях Юго-Западной Таврики. Расчеты И. А. Баранова, учи-

[7] *Иерусалимская А.А.* Византийский военачальник на Северном Кавказе? Шелковая лента из Мощевой Балки // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.): Тезисы докл. – М., 1996. – С. 80–81.

[8] Ср.: *Малахов С. Н.* Протоспафарий Нван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад: (250-летие схизмы христианской Церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. – М., 2004. – С. 120–122.

[9] В. Мошин относил обращение верхушки хазар в иудаизм к 737–763 гг., но современные исследования, при всех расхождениях, в целом отодвигают это событие к более позднему времени (см.: *Мошин В.* Eparchia Gotthias в Хазарии в VIII в. // Труды IV Съезда Русских Академических организаций за границей. – Белград, 1929. – С. 149–156; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 102–104; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 40–141, 150–151; *Гадло А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 100; *Найман А.Я.* Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 94–97; ср.: *Vernadsky G.* Byzantium and Southern Russia. I. The Eparchy of Gothia // Byzantion. – 1940–1941. – T. 15. – P. 67–76; *Zuckerman C.* On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study on the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // REB. – 1995. – T. 53. – P. 237–270; *Chekin L.C.* Christian of Stayelot and the Conversion of Gog and Magog. A Study of the Nineth Century Reference to Judaism Among the Khazars // Russia Mediaevalis. – 1998. – T. 9. – F. 1. – P. 13–34; *Shepard J.* The Khazars' Formal Adoption of Judaism and Byzantium's Northern Policy // Oxford Slavonic Papers. – 1998. – Vol. 31. – P. 11–34). Как бы то ни было, в погребениях именно начала IX в. на Северо-Западном Кавказе появляются стеклянные лампады с буквами древнееврейского алфавита, что может убедительно свидетельствовать в пользу официального принятия иудейской религии в каганате (*Малахов С. Н.* Протоспафарий Нван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. – С. 120).

Рис. 152. Лев III Исавр (717–741). Миниатюра из Моденской рукописи хроники Иоанна Зонары (по В. Тредголду)

тывающие экономический потенциал этих численно растущих поселений, показывают, что рынки местных византийских центров могли получать не менее 300 т мяса во второй половине VII – VIII в. и около 900 т во второй половине VIII – IX в. Причем византинизированное население Юго-Западной Таврики с традиционно пастбищно-отгонным скотоводством поставляло такой продукции не меньше[10]. От 6 до 12 тыс. т избыточного зерна давало и занятие землепашеством, что по меньшей мере в три раза превосходило размер потребностей херсонитов в зерне. Контакты же салтовцев, в том числе и хозяйственные, с византинизированным населением Южной Таврики, напротив, особенно усилились во второй половине VIII в.[11], что было бы невозможно в условиях постоянных разбоев и военных действий.

Не срабатывает и аргумент о том, что Византия, ослабленная религиозными распрями иконоборчества и внешними врагами, не только не оказала серьезного противодействия захвату хазарами всей Таврики с середины VIII в., но якобы сама спровоцировала его, чтобы подавить центробежные тенденции представителей местной, враждебной правительству иконопочитательской Церкви[12]. Силы Империи к этому времени, напротив, не были истощены, ее доходы, армия, несмотря на потери, были значительны, и она вполне могла бы вмешаться в борьбу за Таврику, защитить христианское население, если бы в этом действительно была необходимость. Свидетельством тому активная, результативная борьба с арабами при василевсе Льве III (717–741) (рис. 152) и особенно успешные походы его сына, талантливого полководца Константина V (741–775) (рис. 153) на юг Малой Азии, в Исаврию, отвоевание крупного города – крепости Мелитины в Армении, а также части Сирии, крупномасштабные военные действия против болгар, славян, скамаров в Македонии, переход в подданство Византии ряда армянских владетелей – нахараров, грандиозные переселенческие мероприятия, охватившие Сирию, Армению, Фракию, малоазийские фемы – Анатолик и Фракисий[13]. После сокрушительных поражений болгар у Маркелл (756 г.)

[10] *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 19.

[11] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 52; *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 46; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 238–239.

[12] *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 31.

[13] Подр. см.: *Schenk K.* Kaiser Leon III. Ein Beitrag zur Geschichte des Bilderstreit (Inaugural Dissertation). – Halle, 1880; Lombard A. Etudes d'histoire Byzantine. Constantin V Empereur des Romains (740–775) /

Рис. 153. Константин V (741–775). Солид, золото

и Анхиалла (763 г.) казалось, что давние и самые грозные соперники ромеев на Балканах вот-вот будут поставлены на колени, а их государство перестанет существовать. В 770 г. были наголову разбиты проникшие в Малую Азию арабы. Внутренние смуты в халифате закончились свержением Омейадов, принесших столько зла ромеям, и переносом столицы восточноарабского мира из Дамаска подальше от Византии, в Багдад. К концу 70-х гг. VIII столетия почти на всех границах Империи велись наступательные войны, дававшие большую добычу, а византийский флот доминировал не только на Черном море, но и в Восточном Средиземноморье[14]. Не менее удачно проводилась политика укрепления центральной власти. Романия явно была на подъеме после спада второй половины VII — первой четверти VIII в., и его не остановил даже тяжелый демографический урон от чудовищной пандемии чумы, обрушившейся в 746–747 гг. на все Средиземноморье[15].

Активная, последовательная иконопочитательская, резко враждебная официальному Константинополю ориентация большинства церковных иерархов Таврики и их паствы, похоже, такой же миф современной историографии, как и решительный сепаратизм ее «самоуправляемых» властей: ссылка идейных и политических врагов императоров-иконокластов в Херсон и округу при Константине V (741–775) и его сыне Льве IV (775–780), к слову, полухазарине, родившемся от брака с дочерью хагана все еще дружественных хазар, не позволяет рассматривать этот регион как центр антиправительственной оппозиции[16]. «Обетованные края» беженцев

Avec une preface de Ch. Diehl. – Paris, 1902; *Broaks E.W.* The Struggle with the Saracens (717–861) // Cambridge Medieval History. – Cambridge, 1923. – Vol. 3. – P. 119–139; *Vasiliev A.* Byzance et les Arabes. T.1: La dynastie d'Amorium (820-867) / Ed. franc. preparee par M. Canard, H. Gregoire. – Bruxelles, 1935. – P.23 sq.; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V (741–775). Materialien zu seinem Leben und Nachleben. – Frankfurt am Main, 1994; *Назаров С. В.* Северный Кавказ во внешней политике Византии в VIII–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1999.

[14] *Lewis A.R.* Naval Power and Trade in the Mediterranean A.D. 500–1100. – Princeton; N.J., 1951. – P.92–131; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P.355–370, 380–386, 402–413.

[15] *Russel J.G.* The Ancient and Medieval Population // Transactions of the American Philosophical Society held at Philadelphia for Promoting Usephul Knowledge. N.S. Vol. 48. Part 3. – Philadelphia, 1958. – P. 40–42; *Congourdeau M.-H.* La societe byzantine face aux grandes pandemies // Maladie et societe a Byzance / Ed. E. Patlagean. – Spoleto, 1993. – P.21–41; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 341–349.

[16] *Могаричев Ю. М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 93, 95; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1992. – С. 180–190; *Auzepy M.-Fr.* La Vie d'Etienne le Jeune par Etienne la Diacre. – Aldershot, 1997. – P. 125, 219; *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 326, 330. Следует добавить, что Житие, написанное в 816 г. или 807–809 гг. (*Sevcenco I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. – Birmingham, 1977. – P.115; *Auzepy M.-Fr.* La Vie d'Etienne... – P.5–9), как показала М.-Ф. Оузепи, весьма приблизительно отразило ситуацию более раннего времени (*Auzepy M.-F.* La Vie d'Etienne le Jeune et le premier iconoclasme. – Paris, 1994. – P.32). Поэтому неясно, какими соображениями руководствовалась А.И. Романчук, когда писала, что только в начале IX в. Таврика стала местом ссылки иконопочитателей (*Романчук А.И.* Очерки истории и археологии

— иконопочитателей, на которые незадолго до иконоборческого собора 754 г. в Иерии как на убежище монахов якобы указывал один из пламенных вождей иконопочитателей, Стефан Новый, были, скорее всего, в Центральной и Южной Италии, отдельных областях южномалоазийского и отчасти сирийского побережья, на Кипре, Кавказе и по направлению к Готфии Низменной (буквально — Впалой или Полой) (kai ta pros ten Gothion Koilen apantonta), может быть, в Скифской епархии с митрополией в Томах, близкой к болгарским пределам Подунавья, а на территории Крымского полуострова если и встречались, то узколокально и, разумеется, не в крупных центрах, подверженных сильному ромейскому государственному влиянию[17]. Причем появились они около середины VIII в. в связи с ослаблением церковно-административного контроля над Крымской Готфией, что видно в попытке местных жителей самим выдвинуть собственного предстоятеля вскоре после иконоборческого собора 754 г. Но укрепление их произошло не ранее третьей четверти VIII в. в связи с иконопочитательской пропагандой в Юго-Западной и Южной Таврике епископа Иоанна, побывавшего перед тем в святых местах в Палестине и рукоположенного около 760 г. католикосом Грузии в кафедральном храме ортодоксального Мцхета без официального утверждения Константинопольским патриархом[18]. Возражения на эту тему, приведенные

византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 78).

[17] Stephanus Constantinopolitanus Diaconus in vitam et martyrium beatissimi et sancti martyris Stephani Junioris... // PG. – 1864. – T. 100. – Col. 1117 D; *Auzepy M.-F.* La vie d'Etienne le Jeune par Etienne le Diacre. – Aldershot, 1997. – P.125. 17–25; подр. см.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 84–95; *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей: Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1992. – С. 45–49; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 102–106; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф. Байера // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 625. Первым на это очевидное обстоятельство обратил внимание А.Л. Бертье-Делагард, отметивший, что «указанную Стефаном Новым Готию почитают Таврической, но назвать низменной горную страну Тавриды едва ли было удобно, да и по общему смыслу такое объяснение мне не кажется подходящим» (*Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 1: Поселения южного побережья; 2: Православные и униатские епархии, их пределы; 3: Справки о Фуллах // ИТУАК. – 1920. – №57. – С. 46, прим. 3). Равнина, о которой говорил иеромонах Матфей при описании Мангупа, это не низменность, а плато, на котором находился «город приятнейший, весьма вознесенный, вокруг имеющий горы» (*Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 289, 291). Поэтому нет оснований видеть в Инкермане в верховьях Северной бухты «вход в Готию», поскольку совершенно очевидно, что это был вход, ведший в гористую местность, а не в «полость» (ср.: *Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 458–459). Истинная «Низменная Готия» во всех отношениях подходила для убежища иконопочитателей, здесь было где скрыться. «Пещерные» монашеские обители на периферии Империи существовали между концом VII – серединой IX в., причем скальные монастыри появились в Малой Скифии даже в условиях языческой Болгарии (*Атанасов Г.* Ранновизантийски скални църкви и монастири в Южна Добруджа // Археология. – 1993. – Кн.3. – С. 40).

[18] Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 407–408. По мнению М.-Ф. Оузепи, избрание Иоанна в Грузии произошло в 758 г. (*Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee... – P. 328, 329). Х.-Ф. Байер относит это событие ко времени около 759 г. (*Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 49). К слову, пассаж Жития о том, что православные в Готии не принимали участия «... в новшествах беззаконного собрания», то есть иконоборческого собора 754 г. в Иерии, под постановлениями которого поставил свою подпись предшествующий пастырь то ли Готии, то

Х.-Ф. Байером, невразумительны и противоречивы. Они строятся на том, что «в VIII в. Херсон был расположен на западной окраине епархии Зихии, Никопсис — на восточной», и отсюда упоминание «Готской полости» (так автор переводит Gotthios Koile) надо несомненно понимать как... скалы, отроги гор района Инкермана, «вход в Готию» и одновременно «намек на епископию Готии», каковая якобы уже существовала в 754 г.[19] Последнее было бы так, если следовать букве, а не смыслу Жития Иоанна Готского и общей оценке церковно-политической ситуации в Таврике, где верхи держали сторону правительства[20]. Мы не имеем фактических материалов о том, что здесь было очень много ярых иконопочитателей, бегущих от преследований. Впрочем, нет достаточных оснований утверждать мысль о сильных иконоборческих настроениях среди населения полуострова. Наличие нескольких именитых ссыльных и двух-трех деятелей церковной иерархии, которые придерживались того или иного курса, еще не может служить весомым аргументом в пользу того, что вся паства единодушно поддерживала своих руководителей. К тому же, как верно в этом случае заметил Х.-Ф. Байер, нехристиан (а их было немало на просторах Крымского полуострова) этот вопрос вообще не интересовал[21].

Иногда с малоазийской иконопочитательской иммиграцией в Таврику связывают так называемые плитовые могилы, а в качестве доказательства отмечается, что в Судакской долине, где на 21 некрополе исследовано около 300 подобных могил, не выявлено ни одной, датируемой ранее начала иконоборческого движения[22]. Однако на самом деле этот тип погребений был известен и раньше, по крайней мере со второй половины VI — VII в., и рос постепенно, став доминирующим с первой половины VIII столетия. Он не является этномаркирующим признаком, но указывает на христианский обряд захоронений, общий и в Крыму, и на Северном Кавказе, и, значит, скорее всего, был связан с местной христианской культурной средой, весьма пестрой по своему этническому облику[23]. Поэтому видеть в плитовых погребениях Таврики лишь

ли, скорее, Херсона и Готии (прежнего Chersonos tes Dorantos), может быть не более чем поздней интерпретацией агиографа Иоанна Исповедника, стремившегося в соответствии со своей «идейной задачей» тем самым подчеркнуть правоверность окружения главного героя. На самом деле случилось одно: в Парфенитах объявилось новое духовное лицо, поначалу даже не епископ, тем более рукоположенный, иконодульские симпатии которого остались без внимания центральных и местных властей и некоторое время воспринимались без эксцессов.

[19] См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 336–340 (к с. 49); С. 340–342 (к с. 51); *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 458–459.

[20] Ср.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 110; *Сорочан С.Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 328–336.

[21] *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 467.

[22] *Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел // Археологія. – 1995. – №3. – С. 78.

[23] В плитовых могилах хоронили в Херсоне, но особенно выразительно этот тип погребения доминирует со второй половины VII – первой половины VIII в. на горно-, южно- и восточнокрымских сельских, монастырских и церковных кладбищах в Гончарном, на Бакле, в Родниковом, Суук-Су, на Бал-Готе, в урочище Гугуш, Малом Маяке, Семидворье, Кореизе, в окрестностях Сугдеи, на Кордон – Обе, в Партените, на Тепсене, в Тиритаке, Боспоре (см.: *Гадло А.В.* [Рец.] // ВВ. – 1973. – Т. 37. – С. 274 (*Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – 1970. – №168); *Айбабин А.И.* Могильник VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С.

своеобразный побочный эффект религиозно-политической борьбы в Романии нет оснований. Увеличение же притока переселенцев из Малой Азии с конца VII — VIII в., явственно отмечаемое и в антропологическом материале, росте брахикранного типа населения[24], могло иметь одной из главных причин арабскую угрозу, куда сильнее иконоборства гнавшую за море, в чужие, но относительно спокойные края, процветавшие при режиме кондомината. Вместе с пришлым тюркским, праболгарским, позже салтово-маяцким населением, отчасти крещеным, эти переселенцы и их потомки и вызвали явление увеличения числа плитовых погребений, а также каменных склепов с коробовым перекрытием византийского типа, приходящееся именно на это и несколько более позднее время[25].

В пользу иконопочитания в Крыму нельзя приводить и указание на отсутствие здесь изображений святых, датируемых между 730–787 гг. и 815–842 гг., поскольку это обстоятельство как раз свидетельствует об обратном — иконоборческих веяниях, ведших к отказу от изображений человеческих лиц в святых местах[26].

Вопрос о «пещерных» монастырях как центрах иконопочитательской иммиграции из охваченной правительственными гонениями Малой Азии тоже остается открытым. Исследования А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, построенные на основе комплексного анализа самых разнообразных источников, не позволили прийти к однозначному выводу о том, что крымские «пещерные» монастыри возникли именно в иконоборческую эпоху[27]. Действительно, нет определенных данных, позволяющих относить основную массу крымских монастырей и церквей к эпохе иконоборческих гонений, хотя нет и веских оснований говорить об их возникновении не ранее середины — конца X в.[28] В этом случае получается, что со второй половины VI — VII в., когда на ряде плато возникли первые

127–130; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 199; *Зубарь В.М.* Об основных тенденциях процесса христианизации населения Юго-Западного Крыма // X сб. – 1999. – Вып. 10. – С. 293; *Айбабин А.И.* Археологические свидетельства распространения христианства в раннесредневековом Юго-Западном Крыму // Культура и искусство христиан-негреков: Тезисы докл. междунар. конф. – СПб., 2001. – С. 3–4). Он остается господствующим и в дальнейшем, несмотря на усиление с конца VIII в. политической экспансии Хазар в отношении Крыма. К сожалению, в распоряжении исследователей нет свода археологических памятников, связанных с христианизацией полуострова. В противном случае картина выглядела бы гораздо полнее.

[24] *Назарова Т.А.* Брахикранный компонент в составе населения средневекового Херсонеса // Древнее Причерноморье: Сб. статей, посвященных 85-летию со дня рождения проф. П.О. Карышковского. – Одесса, 2006. – С. 153–155.

[25] См.: *Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму ... – С. 75–81; *Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху раннего средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 148–154.

[26] Ср.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 341.

[27] *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о возникновении пещерных монастырей Крыма // Проблемы археологии Северного Причерноморья. – Херсон, 1991; *Могаричев Ю. М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма. – С. 5–132; *Могаричев Ю.М.* К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей. – С. 45–59; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О времени и причинах возникновения пещерных монастырей Таврики // Крымский музей. – Симферополь, 1995; *Могаричев Ю.М.* Основные этапы развития скальной архитектуры Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 128; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – Симферополь, 1997; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики ... – С. 100–102.

[28] *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви... – С. 97–102.

«пещерные» сооружения оборонительного и культового характера (наблюдательные пункты у дорог, караульные, отдельные храмы и баптистерии), до второй половины X в. в Юго-Западном Крыму не было вырублено ни одной церкви или иного скального сооружения, что представляется невероятным[29]. Между тем стабильная политическая ситуация, в результате которой могли появиться постоянно живущие на одном месте монахи, относится как раз к мирному кондоминатному периоду истории Таврики в VIII — начале IX в. и увеличению здесь населения, что, впрочем, не отвергает основной вывод о создании большей части крымских «пещерных» монастырей в XIII–XV вв.

Попытки не соглашаться с этим, настаивать на широком иконодульском переселении в Крым в VIII в. по-прежнему предпринимаются, но оговорки о том, что такие мигранты были представлены небольшими группами из нескольких монахов, основывавших монастыри[30], никак не согласуются с картиной общего высокого демографического и экономического подъема края. Наконец, почему надо думать, что это были только «сторонники почитателей икон»[31]? Преследование монофиситства и монофелитства после соборов 681 и 692 гг. тоже внесло свою лепту в состав гонимых. Сравнительно спокойный, хозяйственно процветавший регион, разумеется, привлекал самый разный люд разного толка. А.Л. Якобсон, столь непривлекательный для Х.-Ф. Байера как историк, справедливо задавался риторическим вопросом о том, способна ли была произвести те резкие экономические и эколого-демографические перемены, которые наблюдались в жизни края, какая бы то ни было монашеская иммиграция[32]. Ответ очевиден.

Крымские же монахи, как и большинство монахов Византии, похоже, избрали покорный путь сотрудничества с правительством и отнюдь не рвались на борьбу с властями. Такой же верноподданной и поэтому аморфной по сути религиозной ориентации в этих краях продолжали придерживаться в первой трети IX в., о чем свидетельствует сочинение монаха-ортодокса Епифания, который во время сбора материалов для своего сочинения «О житии, деяниях и кончине святого и всехвального первозванного апостола Андрея» посетил ряд приморских центров Малой Азии, Восточного Причерноморья и Крымского полуострова, стараясь «избегать (ускользать) сообщества (общин) икономахов» (kai pheugontes ten koinonian ton eikonomachon)[33]. Где только мог, он собирал сведения

[29] *Могаричев Ю.М.* Указ. соч. – С. 5; ср.: *Гайдуков Н.Е.* К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты: V Междунар. Крым. конф. по религиовед.: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003. – С. 17–18.

[30] См.: *Даниленко В.Н.* Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 128.

[31] Ср.: *Филиппенко В.Ф.* К истории Инкерманского пещерного монастыря // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 111; *Баранов И.А., Тур В.Г.* Средневековый монастырь на г. Перчем // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 50.

[32] *Якобсон А.Л.* [Рец.] // ВВ. – 1977. – Т.38. – С. 203 (Феодальная Таврика: Материалы по истории и археологии Крыма. – К., 1974. – 216 С.); ср.: *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 461.

[33] Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou kai ton praxeon kai telous tou agiou kaipaneuphemou kai protokle-tou ton apostolon Andreou // PG. – 1864. – T. 120. – Col. 221 B. О маршруте Епифания

о мартириях, мемориях, почитании мощей, святых реликвий, иконах, но подчеркивал антииконоборческую тенденцию, которой было еще далеко до полной победы[34]. К примеру, Епифаний оставил следующую злую характеристику обитателей вифинской Никеи: «А местные жители — лжецы, насмешники, гордецы, бездельники, суетливы и обманщики (вплоть до сего дня)»[35]. Добравшись же из Боспора до Херсона, он тоже вынужден был констатировать склонность местных жителей к официальному курсу, в том числе иконокласму, христомахии, следующим образом: «Запутывающий в свои сети (легко окружающий) народ (племя) херсаки и до нынешнего дня туги (не крепки) на веру (клятвенное обещание, ручательство, договор), лгуны и всеми волнениями ветра кружимые» (euperistaton de ethnos oi Chersakes kai ischuroi mechri tes semeron pros pistin, pseustai kai panti anemo peripheromenoi)[36]. Поскольку термин ethnos ромеи, как правило, использовали по отношению к инородцам, иноплеменникам, можно думать, что агиограф имел в виду под «херсаками» не одно лишь нестойкое в вере (с точки зрения ревностного ригориста-иконодула) и покорное всем конфессиональным колебаниям население города, но и обитателей его ближней и дальней округи. Недаром апокрифические «Деяния ап. Андрея» (по рукописи XI–XII вв.) конкретизировали слова Епифания следующим образом: «Население его (Херсона. — *С. С.*) разнообразно по происхождению и по роду жизни, но вообще легко увлекается всяким ветром учения, легковерно и легкомысленно поныне, лживо во всем, слабо в вере и чуждо какого бы то ни было подчинения»[37].

Почти в то же самое время, в 810–811, 815–816, 821–826 гг., другой прославленный оплот недовольных церковной правительственной политикой — преподобный Феодор Студит (759–826) в своих письмах, в том числе в Херсон, к ссыльным епископам, сетовал о «совершенных здесь против Христа страшных дерзостях», о пострадавших за веру, наказанных, изгнанных, брошенных в тюрьмы, а в ответном письме архимандриту Готфии, возможно, игумену важного южнобережного монастыря Св. апостолов в Парфените упрекал тамошних архиереев и монахов именно за отход от истинной веры и обмирщение, подчиненность светским властям, суду, какое нес с собой дух иконоборства, и, по сути дела, указывал на вызванное им состояние здешней монашеской схизмы[38]. В

подр. см.: *Dräseke J.* Der Münch und Presbyter Epiphanios // BZ. – 1895. – Bd. 4. – S. 346–362.

[34] Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou... – Col. 220 A–B; 221 C; 224 A; 244 B; Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1: Жития / Изд. А.Ю. Виноградовым. – СПб., 2005. – С. 286–289, §9.

[35] Греческие предания... – С. 166. 15–16; 298, §18.

[36] Epiphaniou monachou kai presbyterou peri tou biou... – Col. 244 A–C; Хождение ап. Андрея в страну мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 276. 72–76; *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения городищ Юго-Западного Крыма. – С. 93; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Иконоборческая Таврика. – С. 188; *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830... – P. 325–326.

[37] Praxeis kai periodoi tou agiou kai panenphemou Apostolou Andreu egkomio sympeplegmenai // AB. – 1894. – T. 13. – Fasc. 3–4. – P. 334, §31. Пер. см.: *Петровский С. В.* Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 150.

[38] См.: Творения преп. Феодора Студита в русском переводе. – СПб., 1908 – Ч. 2. – С. 454–455, 553–554; *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830... – P. 326.

пересказе Жития апостола Андрея, сделанном, вероятно, знаменитым византийским агиографом Симеоном Метафрастом в 70-х гг. X в., тоже отмечалось, что «...жители [Херсона]... в истинной вере не крепки (ouk eupage), а восприимчивы к обычным ересям»[39]. Судя по всему, «религиозное невежество», а также скрытое и явное язычество, «эллинство» большей части обитателей Таврики было столь велико, что императорская власть без особого опасения могла себе позволить избрать данный регион в качестве постоянного места ссылки для своих врагов политических и идеологических. Образно говоря, Крымская земля была настолько не удобрена истинами христианства, что давала чахлые всходы даже для ересей, а значит, и для внутриполитической борьбы на религиозной почве[40]. Не похоже, чтобы официальный Константинополь хоть когда-нибудь беспокоился серьезно на этот счет.

Еще раз следует подчеркнуть, что нет неоспоримых доказательств только иконопочитательской или только иконоборческой политики, которой якобы придерживалось население почти всего полуострова или той или иной его части. Это не более чем мнение некоторых исследователей. Анализ источников способен привести лишь к выводу о том, что местные, в массе своей сельские жители действительно были в большинстве своем «разнообразны по происхождению и по роду жизни», имели глубоко устоявшиеся пережитки языческой культуры и ментальности и были «не крепки в вере», тем более в последовательном отстаивании православной ортодоксии, как не были крепки на это прочие ромеи и правившие тогда Византией василевсы[41]. Победа христианства в значительной мере была достигнута в ядровых землях Империи после VI в., который дал значительный прогресс в этом направлении, но и тогда оставались мощные «плевела эллинства», особенно в сельских, гористых, сравнительно изолированных местностях, а языческие боги все еще пользовались почитанием и в IX в.[42] Христианская религия, активно внедрявшаяся в общество и вербовавшая в свои ряды все возраставшее число сторонников, долгое время не могла добиться главного — полного подчинения варварских народов отдаленной периферии, лежавшей на пределах ромейской ойкумены. Ведь с принятием христианства речь шла не только о замене культа языческих богов культом христианского Бога. Поскольку религия так или иначе санкционировала своим авторитетом многие нормы поведения, нормы повседневной жизни, то смена культа влекла за собой и смену обычаев, не имевших к нему прямого отношения. При этом речь шла не только о перестройке порядков внутри страны, «хоры» в соответствии с догмами новой религии. На практике это являлось полным подчинением «новоиспеченных» христианских стран и регионов тому миру или

[39] Хождение ап. Андрея... – С. 269–270.
[40] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 328–334.
[41] *Зубарь В.М.* Об основных тенденциях процесса христианизации... – С. 291–297; *Сорочан С.Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 126–127.
[42] Paganism in the Later Roman Empire and in Byzantium / Ed. by M. Salamon. – Cracow, 1991. – P. 124, 126, 131.

«содружеству наций», частью которого они становились. Но это была власть не только над политической жизнью, а и над духовной культурой. Вот этого Византия в VIII в. еще не сумела достичь повсеместно. Если политический и экономический тандем во многом зависит от интересов и обоюдной выгоды стран, народов, то власть над духом, вера, мораль — настолько консервативные и глубокие определения, что иногда проходят столетия, прежде чем новые начала укоренятся в них.

Вместе с тем, причины нарушения византийско-хазарского кондоминиума в Таврике могли быть если не прямо, то косвенно связаны с изменением религиозно-политического курса после смерти василевса — полухазарина Льва IV в 80-е гг. VIII столетия, при стойкой последовательнице ортодоксального православия, вдовствующей императрице афинянке Ирине, а следовательно, с усилением критики иудаизма, что не могло не вызвать расхождения с верхушкой хазарского общества, склонной к иудаизму, в то время как наступившее некоторое ослабление мусульманской угрозы со стороны багдадских Аббасидов и взаимный отказ от борьбы за передел сфер влияния в Закавказье лишили Хазарский каганат необходимости придерживаться прежней стойкой ориентации на союз с Византией[43]. Политические интересы Хазарии стали все больше сдвигаться на запад, в северокавказские степи (рис. 154). Последние обстоятельства наверняка сыграли определенную роль в начавшемся охлаждении хазаро-византийских отношений[44]. Вполне нормальные до 757–760 гг., они были прерваны после договора хагана с арабами, сопровождавшегося династическим браком, хотя и кратковременным[45]. Даже возобновление войны с Халифатом в 764–765 гг. не восстановило хазарско-византийские отношения, поскольку вытесненные из Восточного Закавказья хазары потеряли прежний интерес к союзу с василевсом ромеев. В 70-е гг. VIII в. арабы окончательно утверждаются в Армении, Картли, Албании, Ширване, Дербенте, обновляют и строят на закавказских территориях крепости, размещая в них гарнизоны[46]. К тому же новый узел конфликта завязывался в последней четверти VIII в. на Кавказе, где при поддержке каганата добилось независимости от потерявшей влияние Византии дружественное хазарам абхазское эриставство (царство) Леона II (758–798) — внука хагана, которое стало стремиться присоединить к себе лежавшие на севере земли, значительную часть Грузии в виде Эгриси, а кроме того, могло угрожать важному для византийцев

[43] Ср.: *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 120–121; *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 340–342. Уже *С. Богуш-Сестренцевич* заметил, что, вероятно, преследование арабами евреев в Иерусалиме и переселение части их в 774 г. на берега Черного моря могли вызвать здесь нагнетание напряженности вследствие распространения иудаизма (История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. – СПб., 1806. – Т. 2. – С. 107).

[44] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 151; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 320.

[45] *Артамонов М.И.* История хазар. – А., 1962. – С. 241–242; *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 46.

[46] *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.. – Л., 1979. – С. 162; *Шагинян А.К.* Закавказье в составе Арабского халифата. – СПб., 1998. – С. 52–58.

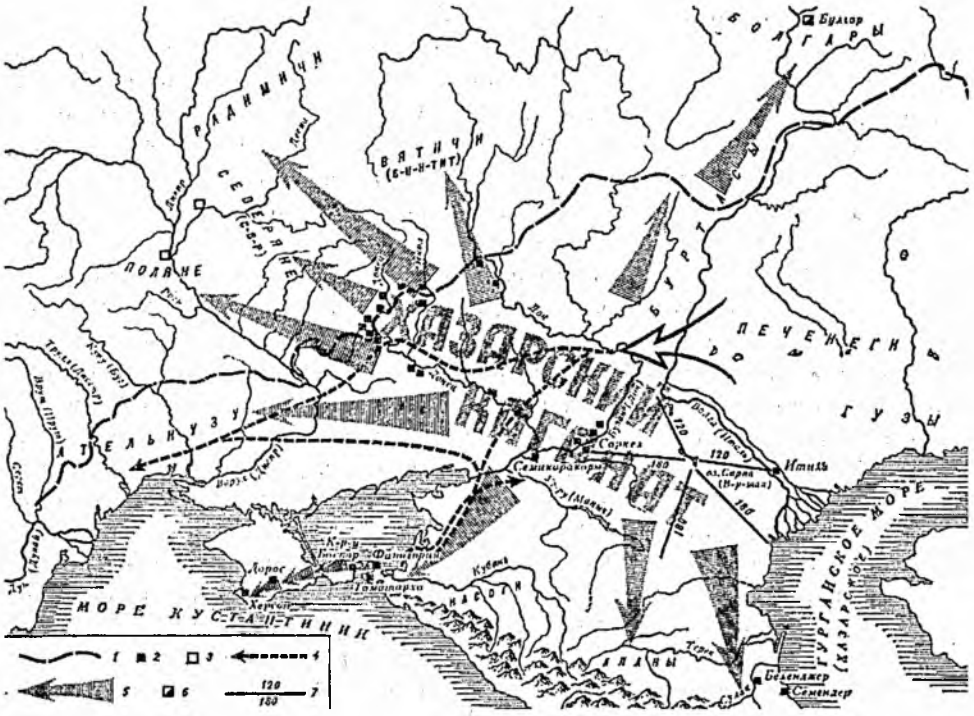

Рис. 154. Хазария в VIII–IX вв.: 1 – граница леса и лесостепи; 2 – хазарские крепости; 3 – русские городища IX–X вв.; 4 – путь печенегов по южно-русским степям в конце IX в.; 5 – направления экспансии Хазарского каганата; 6 – столица Волжской Болгарии; 7 – расстояние от летней стоянки хагана на р. В-р-шан до границ домена (по С. А. Плетневой)

восточночерноморскому укрепленному центру Никопсис на одноименной реке и территории автокефальной Зихийской епархии с входившими в ее состав кафедрами Херсона, Боспора и Сугдеи[47]. Сюда же стоит добавить начало функционирования Волжского торгового пути, склонявшее каганат к налаживанию нормальных связей с арабским миром через страны

[47] См.: *Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. – Paris, 1981. – P. 23, 31, 232 (notitia №3 конца VIII – конца IX в.: 82. Eparchia Zekchias o Chersonos 83. Eparchia tes autes o Bosporou 84. Eparchia tes autes o Sougdaon); Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. – Тбилиси, 1988. – С. 56–57, 127–128; *Артамонов М. И.* История хазар. – С. 258–261; Очерки истории Грузии. – Тбилиси, 1973. – Т. 2. – С. 417; *Гадло А. В.* Этническая история... – С. 195–199; *Герцен А. Г.* К вопросу о территории Херсонской фемы // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988: Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 21–22; *Гунба М.* Абхазия в первом тысячелетии н.э. – Сухуми, 1989. – С. 213–218; *McGovern M.* Sarkel – a Reflection of Byzantine Power or Weakness ? // BS. – 1989. – T. 50. – Fasc. 2. – P. 177; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 151; ср.: *Гадло А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... – С. 93–106. Очевидно, Никопсис – центр Зихийской епархии, епископа которого, судя по Нотиции де Боора, на какое-то время в конце VIII – IX в. замещал епископ Сугдеи, находился между современной Гагрой и Адлером (*Воронов Ю.Н.* К локализации Никопсии // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докл. – Махачкала, 1988. – С. 72–73). Византийские источники локализуют этот kastron на одноименной реке (tou Nikopseos potamou), вероятно р. Нечепсухо к северу от Туапсе (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 42. 87–98, С. 174–175).

Закавказья, Ближнего Востока и тем самым ослаблявшее прежнюю заинтересованность хазар в поддержке добрососедских, взаимовыгодных отношений с Византией[48]. Не мудрено, что в этой ситуации центральные хазарские власти с 760-х гг., а после смерти грозного Константина V особенно, все чаще стали посещать мысли о собственном одностороннем утверждении на территории Таврики в нарушение давно сложившегося кондоминатного статуса. Составитель Жития Иоанна Готского роняет фразу о том, что хаган «послал» (apopsteilas) туда тех, кто действовал от его лица, и, надо полагать, местные власти «передали» (parelabe) хагану кастрон Дорос незадолго до 787 г.[49] Тревожная тенденция к полному захвату Готфии хазарами вполне обозначилась, хотя сам захват еще не свершился. Он лишь назрел как потенциальная угроза. Но, что касается в целом государственной политики Ирины, она не была столь антихазарской, чтобы окончательно, к прямой невыгоде Романии, сломать систему «двоевластия» в Таврике в пользу Хазарии.

«Дело» епископа Ианна Готского. В свое время А.Л. Якобсон отмечал, что знаменитое «восстание», случившееся во второй половине 780-х гг. в Юго-Западной Таврике, во главе с Иоанном Исповедником, вряд ли было вызвано каганатом[50]. Столь же трудно видеть в качестве причины случившегося «ослабление Византии внутренними распрями», чем якобы воспользовались хазары[51]. Инициатива была явно на стороне проромейски ориентированного предстоятеля местной церкви, главная, особая заслуга которого, с точки зрения агиографа, состояла именно в том, что он пытался организовать решительное противостояние хазарам, давление которых, очевидно, стало серьезно беспокоить к этому времени власти Крымской Готфии[52]. В свое время М.И. Артамонов предположил, что это была реакция христианской Готфии на реформы хагана Обадии, а

[48] *Науменко В.Е.* Место Боспора...– С. 342–343.

[49] Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 416–417, гл.5.

[50] *Якобсон А. А.* Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – С. 31, 157–158, прим. 34.

[51] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 62.

[52] Как я уже указывал выше, по целому ряду причин невозможно настаивать на полном господстве или хотя бы протекторате хазар в Крыму в VIII в., равно как и на почти полной самостоятельности Готии (ср.: *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 30–42; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 193–202, 252–258; *Беляев С. А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви ... – М., 1994. – Кн. 1. – С. 60; *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым: Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 65; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 171–214, 226–227). Видеть в Иоанне Готском «первого, кто пытался выделить отдельную Готскую епархию», можеть быть, и можно, однако составитель Жития не указал это внятно среди заслуг своего героя, объясняющих его канонизацию, видимо, по причине того, что легитимность избрания Иоанна как епископа была сомнительна, зато служение делу Романии – непреложно (ср.: *Могаричев Ю.М.* Иоанн Готский и образование Готской епархии // Восток–Запад: межконфессиональный диалог: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 24–25). Сам факт антихазарского выступления, при любых его трактовках, доказывает, что к концу столетия напряженность в отношениях населения Юго-Западной Таврики с хазарами стала нарастать. Причем настолько, что ее попытались использовать как козырь в политической игре, конечной целью которой могло быть создание независимого от церковной власти Херсона автокефального епископства с православной ориентировкой, вполне устраивавшей на тот момент официальный Константинополь (см.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 112–113).

И.А. Баранов видел в случившемся следствие столкновения еще и экономических, военно-стратегических интересов Византии и Хазарии[53]. Нельзя говорить и об «антивизантийских, антиправительственных тенденциях его участников и главарей»[54], ибо религиозные лозунги борьбы были явно православными, хотя и иконопочитательскими и, значит, учитывая политический момент, провизантийскими. Не исключено, их главный лидер мог иметь моливдовул византийского образца, на котором представлял себя как епископ Готфии[55].

Рис. 155. Августа Ирина (797–802) и ее сын Константин VI (780–797). Аверс и реверс солида (по В. Тредголду)

Однако еще меньше оснований утверждать, что выступление во главе с Иоанном Готским специально инспирировали константинопольские власти, чтобы подкупом, золотом вызвать антихазарское восстание в Готфии и ее переход под протекторат Византии[56], либо спровоцировали некие иконоборческие столичные круги, чтобы заранее, до созыва Вселенского собора по вопросу икон, вывести из политической игры отважного иконопочитателя, рвавшегося в бой[57]. Крутая, властолюбивая, энергичная Ирина, по сути дела, правившая с 780 до 790 г. вместо подраставшего сына Льва Хазара, пылкого, но непоследовательного Константина VI (780–797) (рис. 155), была вольна практически вмешаться в это восстание, иконодульское по своей сути, следовательно, импонировавшее настроениям регентши, уже несколько лет занятой назначением на епископские кафедры противников иконоборства. Поэтому лозунги восстания Иоанна нельзя однозначно расценивать как «антиправительственные»[58], хотя формально на тот момент они действительно не соответствовали старому, еще окончательно не отвергнутому государственному курсу икономахии. Значит, кроме этого двойственного обстоятельства и фактора времени, быстротечности случившегося, для ромейских властей должны были быть еще и другие существенные причины, чтобы «не успеть» воспользоваться инициативой Иоанна Исповедника и последующими крымскими событиями, точная датировка, причины и характер которых остаются в области дискуссий. Поэтому следует задаться целью еще раз проанализировать их с тем, чтобы продвинуться в решении этого непростого вопроса, уже давно рождающего противоречивые выводы исследователей, поскольку

[53] *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 327; *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. – К., 1974. – С. 151.

[54] *Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. – К., 1966. – С. 14; *Герцен А.Г.* Хазары // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. – С. 103.

[55] Всего известно две такие печати (из ГИМ и Одесского музея) (*Юргевич В.* Свинцовые печати, принадлежащие музею Общества // ЗООИД. – 1889. – Т. 14. – С. 45; *Пятышева Н.В.* Печать Готского епископа из коллекции ГИМ // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. – С. 32–34), но точная датировка и атрибуция их затруднены.

[56] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 50.

[57] См.: *Фарбей А.М.* Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 360–365.

[58] Ср.: *Герцен А.Г.* Дорос–Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 103.

они опираются на субъективные, не всегда внимательные толкования единственного письменного источника — Жития Иоанна Готского, созданного во второй период иконоборства.

Вероятно, главная из причин пассивности византийской стороны — нежелание идти на окончательный разрыв с хазарами и, как следствие, немедленный развал отношений кондоминиума, ставших и без того ненадежными. В столице Империи по-прежнему боялись мусульман. Для этого вновь появились веские основания. В 782 г. арабы, грозя новым опустошительным рейдом, вынудили византийцев пойти на уплату ежегодной дани размером в 70 тыс. солидов, а в 785 г. халиф Харун ар-Рашид начал реорганизацию старых пограничных оборонительных рубежей (ас-сугур), проходивших от южномалоазийской Киликии к армянскому Эрзеруму (ромейскому Феодосиуполю) и известных как «Омейадский Север»[59]. Ирину не могли не устрашить нападения арабов на Анатолию, во время которых армия вторжения превышала 95 тыс. человек[60]. Скорее всего, у имперского правительства оставалась надежда на союзные хазарские действия против мусульман хотя бы в Закавказье, которые снизили бы возросшую активность рейдов халифа в Юго-Восточной Малой Азии. Другим существенным сдерживающим фактором могли стать сведения о сохранении иконоборческой ориентации в Таврике и не сочувствии или по крайней мере равнодушии большей части местного населения по отношению к хорепископу Иоанну Исповеднику.

О том, что он не мог быть официально утвержденным из столицы здешним епископом, свидетельствует его избрание в Мцхете и принадлежность, таким образом, к клиру Грузии. Самое большее, на что Иоанн мог претендовать, это числиться «сельским епископом» (хорепископом), без постоянного прихода, то есть быть периодевтом, представителем окружного епископа, скорее всего, Херсонской епархии. Такие лица зафиксированы в актах соборов и в сочинениях церковных писателей ранне- и средневизантийского периода[61]. Им разрешалось временно служить на территории чужих приходов, но рукополагать только низших клириков, даже не диаконов. В известной строительной надписи 1427 г., оставленной митрополитом Готфии, киром Дамианом, на закладной плите в полу южнобережного партенитского храма Св. апостолов Петра и Павла, Иоанн уж совсем неверно назван «архиепископом города Феодоро [Мангупа] и всей Готфии»[62]. Впрочем, учитывая находку моливдовула Иоанна, ар-

[59] История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 62; *Bonner M.* The Naming of the Frontiere: 'Awasim, Thughur and the Arab Geographers // Bulletin of School of Oriental and African Studies. – 1994. – Vol. 57. – №1. – P. 17-24.

[60] *Weil G.* Geschichte der Chalifen. Nach handschriftlischen, grosstentheils noch unbenützten Quellen. – Mannheim; Stuttgart, 1848. – Bd. 2. – S. 99–117, 155–157; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – P. 418, 423.

[61] Деяния Вселенских соборов: В 4 т. – СПб., 1996. – Т. 3: IV собор. – С. 151; Т. 4: VI собор. VII собор. – С. 614; *Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви. – СПб., 1997. – С. 155; *Поснов М.Э.* История христианской Церкви (до разделения Церквей 1954 г.). – Брюссель, 1964. – С. 303, 304; *Соколов И.* Избрание архиереев в Византии IX–XV вв. // ВВ. – 1917. – Т. 22. – Вып. 3–4. – С. 230, 237; *Джонс А.Х.* Гибель античного мира. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 361; *Мейендорф И.* История Церкви и восточнохристианская мистика. – М., 2000. – С. 45; *Тальберг Н.* История христианской Церкви. – М.; Нью-Йорк, 1991. – С. 84, 229.

[62] *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб.,

хиепископа Готфии, с изображением Богоматери, который датируется его издателем XI–XII вв., это мог быть совсем иной человек, как и тот, кому принадлежал еще один моливдовул с упоминанием Иоанна, епископа Готфии, и неясной крестообразной монограммой о Божьей помощи (to so doulo?), позволяющей отнести находку, сделанную в Херсонесе, к сфрагистическому типу второй половины VIII — первой половины IX в.[63]

Само «восстание», внешне носившее, как принято в Средневековье, одновременно политическую и ярко выраженную религиозно-идеологическую окраску, началось в «эмпории Парфениты», предполагаемой резиденции хорепископа, где его стараниями во второй четверти VIII в. был основан монастырь и сооружен храм (рис. 156). Дата выступления остается открытой и ясно лишь то, что оно приурочивалось к открытию VII Вселенского собора, на котором предполагалось восстановление столь долго попираемого иконопочитания[64]. По мнению Д. Хаксли, оно произошло в 785 г., еще до созыва в Константинополе первого, неудавшегося собора 786 г., который оказался разогнан многочисленными иконоборчески настроенными епископами, призвавшими на помощь войска, верные памяти всегда заботившегося о солдатах Константина V[65]. Этой же версии, с не-

1896. – С. 77–79, №70. Судя по более раннему источнику, не искаженному последующими легендами, Иоанн был не более чем хорепископ в Крымской Готфии, да к тому же поставленный не василевсом и рукоположенный патриархом, а предложенный некими «православными Готфии» (tes Gotthias orthodoxoi), то есть избранный не по церковным канонам и рукоположенный в Грузии, не Константинопольским патриархом (см.: Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – Гл. 2, С. 396, 406–407). Его епархия, если и существовала с середины VI в., как думает С. А. Беляев, принимая во внимание активную деятельность византийцев при Юстиниане I в Крыму, едва ли была самостоятельной, а скорее подчинялась епископу Херсона, который, как известно, в конце VII в. именовался епископом «Херсона Доранта» (Дори) (ср.: *Беляев С. А.* История христианства... – С. 59). Вместе с тем, отсутствие подписи епископа Готфии под актами собора 787 г. не может служить аргументом в пользу того, что такой кафедры в это время еще не было (ср.: *Науменко В.Е.* Представитель Готии на VII Вселенском соборе 787 г. в Никее // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 61–67). После бегства Иоанна Исповедника в Амастриду место предстоятеля, естественно, было какое-то время не занято. Следует заметить, что под решениями VII иконопочитательского собора, на котором присутствовали епископы Херсона и Сугдеи (Деяния Вселенских соборов. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 598–604), нет подписи и епископа Боспора, хотя, судя по актам собора 680–681 гг., находке моливдовула боспорского епископа Петра Пистика, другим сфрагистическим, агиографическим источникам, в VII–IX вв. здесь, несомненно, действовал центр епископии (подр. см.: *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике... – С. 524–525). Кроме того, детальный разбор подписей монаха Кирилла, подписавшегося от имени епископа готов (епископа Готфии) под протоколами семи заседаний Никейского собора 787 г., привел французскую исследовательницу М.-Ф. Оузепи к оригинальной гипотезе о существовании в Крымской Готфии, наряду с Иоанном Исповедником, другого, официального, законного епископа Никиты, назначенного в свое время иконоборцами, то есть наличие уникального варианта двуепископства (*Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee... – P. 327–330; эту точку зрения разделяет Х.-Ф. Байер: История крымских готов... – С. 50–53; см. ее обоснованную критику: *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода // ПИФК. – 2003. – Вып. 13. – С. 268–269). Но в любом случае церковной митрополией Готфия стала, как и другие крымские архиепископства, не ранее последней четверти XIII в. (*Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 20–32), когда забылось даже прежнее название Мангупа – Дори и он превратился в центр деспотии Феодоро.

[63] *Пятышева Н.В.* Печать Готского епископа в коллекции ГИМ // Археографический ежегодник за 1962 г. – М., 1963. – С. 32–36; *Соколова И.В.* Византийские печати VI–первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 209, №33.

[64] *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского. – С. 159–161.

[65] *Huhley D.* On the Vita of St. Jone of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1978. – Vol. 19. – №2. – P. 166–168.

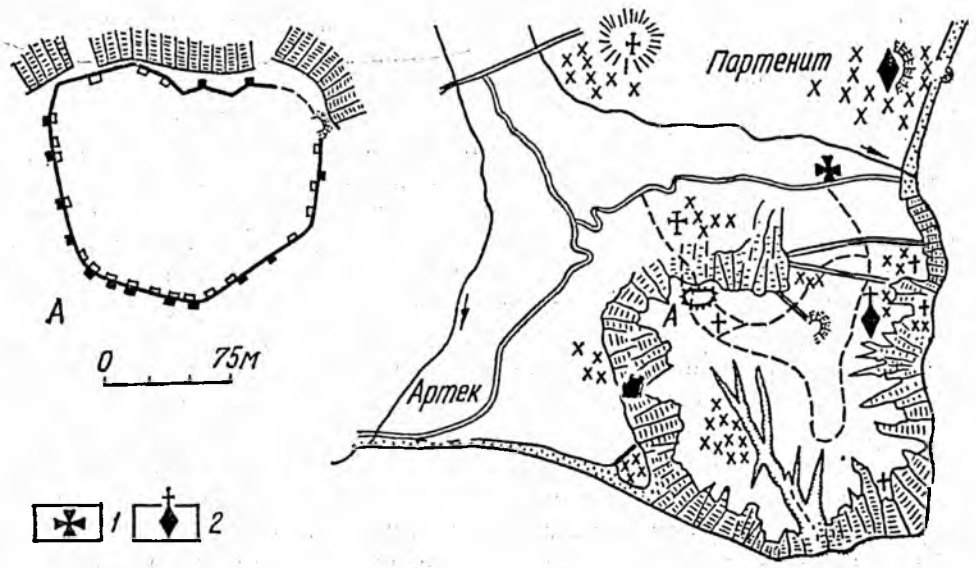

Рис. 156. Средневековый монастырский комплекс на г. Аю-Даг:
А – верхнее укрепление; 1 – Парфенитская базилика;
2 – основной комплекс построек монастыря (по О.И. Домбровскому)

значительными поправками, с некоторых пор стали придерживаться А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев, помещающие восстание между 784 и 786 гг.[66] Более осторожно, в промежуток между летом 784 г. и собором 787 г., помещает интересующие нас события в Готфии К. Цукерман[67].

Предшествующее выступлению время пребывания Иоанна в Константинополе, скорее всего, действительно, пришлось на конец патриаршества Павла, который, как сказано в Житии, «приближался к кончине»[68]. Следовательно, Иоанн покинул столицу до 31 августа 784 г., когда Павел без ведома императрицы Ирины оставил престол и удалился в монастырь Флора[69].

[66] *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 113–115; *Могаричев Ю.М.* Крымская агиография... – С. 269; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины–второй половины VIII в. // X сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 170. До этого они разделяли диаметрально противоположную точку зрения и полагали, что «... уже после VII Вселенского собора Иоанн поддержал господина Готии в его борьбе с хазарским засильем», см.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу об образовании Готской епархии в Крыму // Скифы Хазары Славяне Древняя Русь: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 117; ср.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии в Таврике. – С. 120 («Несомненно, что восстание произошло ... после VII Вселенского собора, временно восстановившего иконопочитание»). В новейших работах сохраняется обтекаемое указание на то, что это произошло «на исходе VIII в.», «около 787 г.», или предлагается более широкая дата – «приблизительно вторая половина 80-х гг. VIII в.» (см.: *Науменко В.Е.* Место Боспора...– С. 342; *Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: хазары в Дороссе // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 62; *Герцен А.Г.* Хазары в Дороссе-Мангупе // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 32; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII–середине IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 545).

[67] *Zuckerman C.* Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatuum // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par K. Zuckerman. – Paris, 2006. – P. 216–217.

[68] Житие Иоанна Готского. – Гл. 3, С. 397, 411.

[69] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae,1883. – Vol. 1:Textum graecum continens: – P. 457. 13–15.

Рис. 157. Миниатюра из Минология Василия II, изображающая заседание собора 787 г. в Никее. Слева от креста – патриарх Тарасий, справа – Константин VI и епископы. Перед ними – осужденный иконоборец (по В. Тредголду)

Столь же очевидно, что он не участвовал ни в работе собора, пытавшегося собраться в константинопольской церкви Св. апостолов летом 786 г., ни в работе собора, наконец открывшегося 24 сентября 787 г. в Никее благодаря крутым мерам, предпринятым Ириной, и энергичности нового патриарха Тарасия (рис. 157)[70]. Однако почему надо считать, что выступление Иоанна в Таврике произошло в 785 г. или «не позднее 786 г.»? В Житии оно описано в главе, следующей сразу за рассказом о соборах в Константинополе и Никее, где прямо сказано, что преподобный епископ Иоанн был выдан «властям хазарским» «после этого» (o de osios outos episkopos Ioannes meta tauta... tois archousi ton Chazaron exedothe)[71]. Следовательно, следуя правилам источниковедческой критики, мы должны разрешить наши сомнения в пользу источника, а не в пользу самомнения критиков. Нельзя исходить из предпосылки ошибочности этого места текста, неопределенности временных указаний, поскольку составитель Жития не скомпрометировал себя противоречиями либо грубыми фактическими ошибками. С другой стороны, последующее бегство злополучного «хазарофоба» Иоанна не в столицу Романии, а в южночерноморскую провинциальную Амастриду, известную своими иконопочитательскими настроениями, может свидетельствовать о том, что оно произошло до 24 сентября 787 г., когда вопрос об икономахах и иконодулах еще не был окончательно решен на правительственном уровне, либо беглец из фульского заключения оказался здесь еще позже, после открытия навигации весной 788 г., поскольку переправа в зимнее время была бы почти невероятна, и уже в силу этого ее необычность не могла не быть особо отмечена агиографом среди «чудес» преподобного.

Скорее всего, выступление сторонников Иоанна состоялось в Готфии незадолго до открытия последнего, «победного» собора в Никее, вероятно летом 787 г., когда, памятуя бурные константинопольские события прошлого года, было далеко не ясно, кто одержит верх — все еще сильные своим влиянием иконоборцы или так и не получившие официального статуса почитатели икон. Политическая ситуация предполагала постоянное лавирование между различными группировками,

[70] В Житии содержится указание, что репрессиям было подвергнуто шесть тысяч бунтовщиков – схолариев с их женами и детьми, а вместе с ними и некоторые из проиконоборчески настроенных епископов (Житие Иоанна Готского. – Гл. 4, С. 397, 415).

[71] Житие Иоанна Готского. – Гл. 5., С. 397, 416; *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. – 1883. – Т.13. – С. 28, гл.5. Предыдущая глава завершается словами о том, что «с наступлением удобного времени [24 сентября 787 г.] прежние епископы (то есть участники предыдущего, сорванного собора в церкви Св. апостолов. – *С. С.)*..., опять сошлись в Никее, изложили определение православия». Подр. об этом см.: Theopanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883. – Vol. 1. – P. 461.16–483.5.

что отразили императорские моливдовулы, очень чуткие, в отличие от монет, к изменениям в государственной политике и идеологии. Даже после 787 г. ни единая печать Ирины, правившей до 802 г., не украсилась религиозными символами, крестом или священным изображением, как можно было бы ожидать[72]. Они оставались подчеркнуто светскими. Поэтому нет нужды пояснять, насколько сложной была ситуация в годы и месяцы, предшествующие VII Вселенскому собору, да и в ближайшее время после него.

Зная об иконодульской симпатии константинопольского правительства и о добрых отношениях с ним преподобного Иоанна, «кир Готфии и его архонты» (to kyro Gotthias kai tois archousi autou), как они названы в Житии[73], оказались в двусмысленном, сложном положении. Экспансионистские намерения хагана были вполне прозрачны и не могли не тревожить. Но откровенная поддержка Иоанна Исповедника, настроенного сепаратистски по отношению не к Империи, а к хаганату, грозила привести к нарушению сложившейся кондоминатной расстановки сил на территории Крыма, что вызвало бы негативную реакцию хазар, все еще формально связанных обязательствами с Константинополем. С другой стороны, слишком демонстративный отказ от «соглашения» (to systathenai) с преподобным и «его народом» (tou idiou laou), то есть приверженцами ортодоксального православия, «учениками» (ton matheton) Иоанна, вероятно, из числа монахов, диаконов монастыря Св. апостолов, мог в недалеком будущем привести к опале из столицы Империи. Очевидно, по этим же причинам «отмалчивались» херсониты и сугдейцы и их епископы Сисиний и Стефан, не желавшие раньше времени поддерживать какие-либо иконопочитательские выступления, все еще считавшиеся сомнительными, антигосударственными[74]. Как и преподобный, они знали о появлении хазар в Доросе и о готовившемся новом созыве Вселенского собора, но по понятным причинам не желали торопить события, казалось, замершие в состоянии неустойчивого равновесия. Только у Иоанна хватило решимости поколебать чашу этих весов, но, как показали последующие, почти молниеносно развернувшиеся события, он просчитался в оценке реальной ситуации как в отношении надежд на поддержку официального Константинополя, так и в отношении Юго-Западного Крыма с его местными властями, привыкшими «сидеть на двух стульях» и лишь озабоченными тем, чтобы такое положение, выгодами которого они пользовались уже почти столетие, не изменилось.

Н.А. Алексеенко предлагает видеть в этих кирах Готфии «своеобразных правителей — наместников пограничных областей, имевших особый

[72] *Степанова Е.В.* Императорские печати иконоборческого периода. Некоторые наблюдения // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 91–92.

[73] *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 28-29, гл. 5; Житие Иоанна Готского. – Гл. 5, С. 416. А.Ю. Виноградов исправляет текст на «трех архонтов» (tris archousi), но объяснений своему предложению не дает (*Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 48, 50).

[74] Сисиний, епископ Херсона, и Стефан, епископ Сугдеи, единственные из крымских высших церковных иерархах, какие совершенно определенно фигурируют в списках VII Вселенского собора в Никее (Деяния Вселенских соборов. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 65, 369, 385, 598–604; *Darrouzes J.A.A.* Listes episcopales du concile de Nicee (787) // REB. – 1975. – T. 33. – P. 62–63).

статус управления»[75]. Ясно, что это не тудуны. О них как об «архонтах тех фем», в смысле областей (ton choron touton archontes tes phemes), писал Никифор, называвший районы Готфии византийскими архонтатами (ton archontion), а не менее двух десятков их глав — простатевонтами — старейшинами городков (ton prostateuontas polismaton)[76]. Очевидно, поэтому А.Г. Герцен посчитал возможным определить «господина Готии» как византийского наместника — топарха[77]. Последним термином ромеи нередко наделяли правителей территорий, некогда входивших в состав Империи, или союзных Византии приграничных провителей — иноземцев, правда, в более позднее время, в IX–XI вв.[78] Показательно, что похожее наименование — «кир», в значении «архонт», было использовано Никифором применительно к наместнику византийской Александрии, позже служило у византийцев для обозначения правителей Ани, тогда как полунезависимая армяно-византийская «контактная зона» на крайнем востоке Малой Азии именовалась в целом «хорой» и, в свою очередь, делилась на более мелкие военно-административные округа, небольшие области, города-крепости с округой, тоже называвшиеся хорами[79]. Очевидно, каждая из областей, местностей-«топов», «фем», «архонтий» или так называемых климата (греческое слово среднего рода), имела неукрепленный городок-полисму либо крепость-кастрон, подобный Доросу, с резиденцией местного кира или архонта-простатевонта[80]. В целом, они представляли типичную «синтезную контактную зону» со всеми вытекающими отсюда моментами: общей с Византией территорией, взаимодействием этносов, культурным взаимодействием, этноконфессиональными, социально-административными компонентами, которые формировались в течение длительного времени, исчисляемого столетиями[81]. Более того,

[75] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 160–161. Это мнение разделяет В.Е. Науменко: «независимые, но союзные империи политические образования, расположенные близ ее границ» (*Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 548). В этой связи стоит обратить внимание на то, что в конце VIII – начале IX в. термин kyrios, kyrion, kyrin, Никифор и Феофан использовали в своих сочинениях, когда упоминали союзника Юстиниана II – «господина» или «государя», «владыку» Тервеля, правителя булгар, удостоенного высочайшего византийского сана кесаря (см.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 39, 63, 155, 164). Следовательно, аналогичный термин византийцы могли применять по отношению к правителям федератов Империи.

[76] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 156.

[77] *Герцен А.Г.* Хазары. – С. 103.

[78] *Nystazoppoulou M.* Note sur l'Anonyme de Hase improprement appele Toparque de Gothie // BCH. – 1962. – T. 86. – P. 321–323; *Cheynet J.-C.* Toparque et topoteretes a la fin du XI siecle // REB – 1984. – T. 42. – 215–224.

[79] Никифора патриарха Константинопольского Краткая история со времен после правления Маврикия // ВВ. – 1950. – Т. 3. – С. 359–360; *Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. – М., 1988. – С. 85–86; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. – М., 1994. – С. 53; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Византия и Армения в X–XI вв.: зона контакта // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 390.

[80] Такое представление сложилось уже у А.А. Васильева (*Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge, Mass., 1936. – P. 61; ср.: *Zuckerman C.* Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson // BMGS. – 1997. – Vol. 21. – P. 219; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 696–698).

[81] Ср.: *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – С. 58–70.

есть основания думать, что это были бывшие племенные центры (castris gentium ibidem adjacentium или kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon из мартирия братьев Евпрепия и Феодора конца VII в.[82]), поскольку даже в 1253 г. францисканский монах Вильельм (Гильом) Рубруквис, проезжавший мимо этих краев на пути к ставке великого монгольского хана, отмечал в своем донесении французскому королю Людовику IX, что почти каждый из сорока замков-кастра, расположенных между Херсоном и Салдаей (Судаком), «имел особый язык», среди которых многочисленностью своих носителей выделялся «тевтонский» (teutonicum)[83]. Не исключено, что это был язык не только готов, как обычно полагают, но и близкий к нему по звучанию еврейский, который на слух как немецкий воспринял переводчик посланника, понимавший говоривших. Но как бы то ни было, в период раннего Средневековья главы этих центров являлись представителями здешних «аланоготов», ромейских союзников и их властей, имели общие, жизненно важные интересы с имперскими властями Херсона[84], внимательно следили за происходившим в столице Романии и в то же время не должны были игнорировать интересы хазарской стороны в Крыму до тех пор, пока эти интересы не переходили границ законных требований. Причем в ситуации сохранявшегося статуса кондоминатного владения правителей (rex) или игемонов (ton eparchion egemones) Готфии, как называл православных глав областей-климата (klimasi) Таврики диакон Игнатий (ок. 775 — ок. 848) в Житии патриарха Никифора (ум. 828), сочинении, созданном после возобновления иконопочитания, и авторы еще более поздних версий Жития Феодора Студита, не назначал ни хаган, ни василевс[85]. Скорее всего, это были,

[82] Istorua syntomos ta kata ton makarion Martinon gegonota papan Romes kai ton osion Maximon kai ton sun auto // *Епифанович С. Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – S.14. 13–14, sec.3; Anastasii bibliothecarii Scholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853 – T. 129. – Col. 684 D.

[83] *Иоанн де Плано Карпини.* История моголов; *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. – С. 68.

[84] На это обстоятельство особенно недвусмысленно указывает находка под Тешкли-Буруном летом 2000 г. моливдовула 630–640-х гг. с именем Дорофея, протевона (?) в сане спафария (*Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы междунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92). Уже само ее присутствие рядом с Мангупом, достаточно уверенно отождествляемым с Доросом, весьма симптоматично и подтверждает верность приведенных выше заключений.

[85] Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Rec. C. de Boor. – Lipsiae,1880. – P. 160. 20–30; Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви св. Софии // Творения св. отца нашего, архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 21, гл. 28; Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) // PG. – Turnhout, 1976. – T. 99. – Col. 137; Michailus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG. – Turnhout, 1976.– T. 99. – Col. 252; ср.: *Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым: Междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 7; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 211. Примечательно, греческий термин и вместе с тем латинизм rex (рекс, рикс) ромеи использовали применительно к вождям, предводителям (exochotatoi) чужеземных народов, иноплеменников самого высокого ранга, имевших, в отличие от игемонов, высшую власть (ср.: Феофан Исповедник // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 256, 274–275, 296, комм. 87; Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. – М., 1985. – С. 78–79). Подобный пример владетелей и одновременно функционеров византийской администрации являли «князья» некото-

как и архонт-кир, эквивалентные друг другу титулы, что подтверждают ромейские источники[86].

Похоже, Иоанн, который все еще оставался непризнанным официальным Константинополем церковным иерархом Готфии, ослепленный религиозным рвением, поспешил с выступлением, у которого было две основные причины и одновременно связанные с ними цели: предупредить становившееся все более вероятным в перспективе установление власти хазар и тем самым, выслужившись перед императрицей и патриархом, создать условия для организации официально признанного византийскими властями самостоятельного епископства. Нельзя сказать, что выступление оказалось вовсе безрезультатным, оно скорректировало и на некоторое, пусть непродолжительное, время смягчило силовой политический курс каганата в отношении Таврики. Но его инициатор явно не получил широкой, всеобщей поддержки, имел малочисленных приверженцев, да и тех ненадежных, и, как гласит Житие, был вскоре предан (или, точнее, «передан») каким-то селением, местечком, будучи преследуемым, ищущим убежища (upo enos choriou paradothenta prosephygon), и в итоге оказался «властям хазарским выдан» (tois archousi ton chazaron exedothe), очевидно, хагану в лице его тудуна или тудунов, причем своим «народом» (o laos), то есть паствой, явно небольшой, которая в источнике противопоставлена «всему народу» (kai pantito lao)[87]. Одно это обстоятельство в корне противоречит утверждению о том, что «независимая Готия оказалась центром иконопочитателей», многочисленных и ретивых[88]. Уже после случившегося находились люди из числа местных жителей, которые укоряли преподобного «...как виновного в том, что крепость (to kastron) Готфии (очевидно, ДороС. — *С. С.)* была сдана (передана, выдана) (tou paradothenai) хагану и что

рых восточных малоазийских и армянских земель, сопредельных с Византией (*Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). – С. 21–22). Видимо, они продолжали так именоваться и после создания византийской фемы на земле Таврики, когда им пришлось подчиняться власти стратига. Любой из них мог предоставить свой кастрон в распоряжение стратига, где он мог обосноваться в случае необходимости ухода из Херсона (см.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 53. 528–529; С. 274–275.

[86] См.: *Cheynet J.-C.* Toparque et Topoteretes... – P. 218.

[87] Житие Иоанна Готского. – С. 416–417, гл. 5.; ср.: *Vasiliev A.* The Goths... – P. 89–96. Paradothenta от paradotos – «могущий быть переданным», а prosephygon: pros – приставка со знач. «направление» и pheygo – «бежать, ускользать, убегать», prosphengo – «искать убежища, быть преследуемым», тогда как exedothe от ekdidomi – «выдавать, передавать, отдавать» (A Patristic Greek Lexicon / Ed. by G.W.H. Lampe. – Oxford, 1961. – P. 426). М.-Ф. Оузепи тоже полагает, что в тексте источника следует читать о выдаче Иоанна хазарам «своим народом», то есть той паствой, которая еще недавно была согласна с его взглядами и действиями (также ср.: *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 99; о таком прочтении как об ошибочной трактовке см.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 49). Но если даже Иоанн был выдан «со своей паствой», не участвовали ли в этой выдаче мафиты–ученики преподобного из числа монахов обители Св. апостолов в Партените? Тогда становится понятно, почему позже хаган освободит их из тюрьмы, где они оказались после бегства преподобного в Амастриду, и вынесет свой вердикт в отношении их действий как правильных.

[88] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 48–49. Возражая своим рецензентам, исследователь подчеркивает существование иконопочитания в Крыму, но вынужден признать, что «иконоборчество преобладало в Готии», правителей которой он упрямо считает совершенно не подчиняющимся Византийской империи (см.: *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 467–470)..

при этом невинно некоторые умерли»[89]. Видимо, если бы епископ своими проповедями-призывами не накалял обстановку, не спровоцировал мятеж и, как следствие, хазарское выступление, всего этого можно было избежать и решить назревавший конфликт мирным путем, прежде всего в ходе двухсторонних византийско-хазарских переговоров, через обмен посланниками и положенными в таких случаях дарами.

В одном из синаксарей, составленных в X–XI вв. на основе пространной редакции Жития Иоанна Готского, содержится очень важное для понимания происходившего уточнение, перекликающееся с указанием гл. 5 на prosephygon — преследование, о том, что после подавления выступления его главный организатор и виновник, «прогоняемый собственным народом» (dioktheis para tou oikeiou laou), бежал в Романию, на противоположный берег (antiperasai) Черного моря, в портовый, ярмарочный город Амастриду (Амастру) — место, давно и тесно связанное с Таврикой[90]. Здесь он и умрет, по словам агиографа, через четыре года, то есть осенью 791 или весной 792 г., после чего, как ни странно, его тело будет без промедлений перевезено через море и даже захоронено в Парфенитской монастырской церкви Св. апостолов Петра и Павла, бывшем «гнезде мятежа»[91]. Новый хаган тоже окажется удивительно уступчивым, если учесть, что Иоанн до самой смерти продолжал называть его покойного отца, видимо лично участвовавшего в подавлении выступления, «своим гонителем перед Судьей и Богом» (aperchomai dikasasthai meta tou dioktou mou emprosthen tou tou Kritou kai Theou)[92], а похороны этого непрощенного врага хагана совершились на земле, уже целиком подвластной каганату.

Примечательна также весьма сдержанная позиция хазарской стороны после провала «восстания», которая пощадила «кира Готии» и, очевидно, его архонтов, наказав только «17... неповинных» (dekaepta de doulous o chaganos ekourasen anaitious) — безымянных рядовых мятежников, видимо, из числа наиболее активных, которые, не исключено, были лишь острижены[93]. Но даже если они были убиты по приказу хагана, незначи-

[89] Житие Иоанна Готского. – С. 399, 425.

[90] Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acta Sanctorum Novembris. – Bruxelles, 1902. – Col. 773. 8–9.

[91] Житие Иоанна Готского. – С. 398, 421–422. О дате смерти Иоанна ср.: *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830... – P. 324, note 2.

[92] *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 29, гл.5; Житие Иоанна Готского. – Гл.5, С. 398, 417. А.Ю. Виноградов, в отличие от предыдущих переводчиков, предлагает трактовать глагол ekourasen в значении «остриг, обрил», а не «казнил» – «а 17 невинных человек хаган забрил в рабы», что еще больше смягчает масштаб карательных репрессий (*Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 49, 50). В упомянутом хагане, если следовать сведениям арабского историка и энциклопедиста ал-Масуди, можно подозревать отца того самого хагана Обадии, который во времена халифа Харун-ар-Рашида (786–809) решится на введение иудаизма в Хазарии (*Плетнева С. А.* Хазары. 2-е изд., доп. – М., 1986. – С. 62–63; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 150).

[93] Конъектура А.Ю. Виноградова («а 17 невинных человек хаган забрил в рабы»); в остальных вариантах перевода у А. Никитского и В. Васильевского – «17 рабов ни в чем не повинных казнил» (*Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 49, 50; ср.: Житие Иоанна Готского // Сорочан С.Б. Византийский Херсон. – Ч. 2. – С. 1358, 1360, гл. 5). Дословный перевод этого места дает разночтения: «а также 17 рабов хаган остриг (убил) невинных». Дело в том, что kourao может означать и «срезать», и «убивать» (A Patristic Greek Lexikon / Ed. G.W.H. Lampe. – Oxford, 1961. – P. 732). П. Шантре тоже указывает для koura значения, связанные с действиями по рубке, резке,

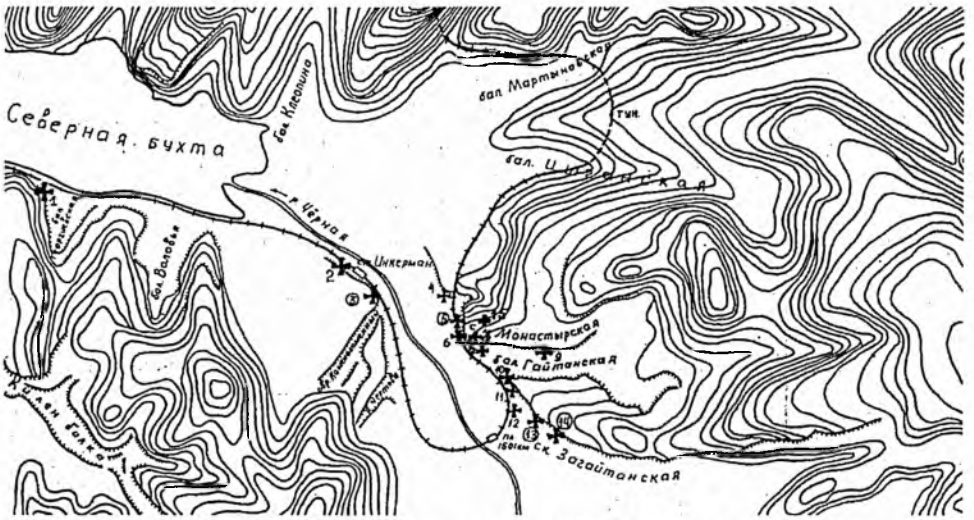

Рис. 158. План-схема расположения «пещерных» комплексов в Инкермане (по Т.А. Бобровскому, Е.Е. Чуевой)

тельное число покаранных в корне противоречит обычному в таких случаях поведению хазар, которые не церемонились бы с побежденными, если бы их что-то не сдерживало[94]. Мало того, сам Иоанн, по словам агиографа, «... получил возможность бежать» (o de osios paraphylachtheis edynethe diadras) из тюрьмы Фул (phylake ton Phoulon), еще одного крымского приморского кастрона, вероятно, в Инкермане, недалеко от основного места событий, куда его доставили после выдачи хазарам (рис. 158–159)[95]. Именно размещение этой тюрьмы на кондоминатной

острижению (*Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des morts. – Paris, 1970. – T. 2. – P. 537). Поэтому можно прочитать эту фразу и как «хаган зарезал 17 неповинных рабов», причем понимать «дулус» в значении людей, рабов Божьих, а не рабов как таковых. О том, что из-за выступления Иоанна Готского «невинно некоторые умерли (несправедливо убиты)» (kai ton adikos apothanonton), агиограф упоминал и в другом месте (Житие Иоанна Готского // *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. – Ч. 2. – С. 1368, гл. 9). В любом случае неясно, на каком основании наказанных можно считать именно «крестьянами» (см.: Айбабин А.И. Этническая история ... – С. 209).

[94] Ср.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 50.

[95] Vita Sti Ioanni // Acta Sanctorum. Junii V. – Antverpiae, 1709 (Bruxelles, 1969). – Col. 194 D; Житие Иоанна Готского. – С. 398, 399, 417. Следует заметить, что в раннесредневековых памятниках название этого загадочного места всегда писалось с одной буквой «лямбда». Двойное «л» появилось гораздо позже. Так, в нотициях XII в. Фуллы в качестве автокефального архиепископства впервые упоминаются как о Phoullon, а в нотиции №14 от XIII в. и в приписках того же времени на полях греческого Синаксаря из Сугдеи упоминаются архиепископы Сугдеи и Фулл (sougd kai phoull) или Сугдо-Фулл (o sougdophoullon, sougdo phoull), но даже и тогда это делалось непоследовательно, с исключениями (ai phoulloi или phouloi, sougdaias phoul) (*Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatuum... – №12, 130, p. 352 от XII в.; №146 115, p.377 от 1142 / 1143 гг.; №15, 163, p. 385 от XIII в.; *Архимандрит Антонин.* Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдеи (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. – 1863. – Т. 5. – С. 598, №18–19, 1274 г.; С. 640, №99). Лишь с XIV в. это название стали употреблять последовательно с двумя «л» (*Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatuum... – №16, 119, p. 389, ai Phoulloi; №18, 136, p. 408, o Phoullon; №20, 46, p. 417). Локализация Фулл как поселения или хотя бы как округа (а это было и то и другое) до сих пор остается открытой. Уже А.Л. Бертье-Делагард метко назвал этот «городок» с населявшим его «фульским народом» «зачарованным кладом, который не дается в руки» (*Бертье-Делагард А.А.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. – С. 67). Почти двухсотлетние поиски породили целую литературу по этому поводу и около двух десятков вероятных вариантов локализа-

ции: исследователи привязывают Фулы то к Чуфут-Кале (И. Тунманн, П.И. Кеппен, А.Л. Бертье-Делагард, А.А. Васильев, А.А. Якобсон,), то к расположенному в 3 км от него городищу Кыз-Кермен (Е.В. Веймарн, А.В. Белый), то к Мангупу, то к Бакле (В.Е. Рудаков), то к Эски-Кермену – «центру исторической области Алании» (В.А. Сидоренко, В.И. Новиченков, Н.Г. Новиченкова), то к Инкерману (Т. Дышкант, С. Б. Сорочан), то к «остаткам стен на извести» в южнобережном урочище Рускофилкале (Рускофиль Кале, Рускофуле) на Никитском мысу (П.И. Кеппен, Н.Н. Мурзакевич, В.Г. Васильевский), то к Кастрополю (П.И. Кеппен), то к холму Фуил между Ай-Тодором и Алупкой (П.С. Паллас), то к Фунам (Н.Н. Мурзакевич), то к Старому Крыму (Карасу-базару) (Ю.А. Кулаковский, В. Бушков) или к «большому татарскому селению Отуз» вблизи Сугдеи (А. Никитский), то к востоку от Сугдеи, к приморскому открытому городищу площадью около 10 га на холме Тепсень около поселка Коктебель на южном побережье Восточного Крыма (Р.А. Орбели, В.В. Кропоткин, М.И. Артамонов, И.А. Баранов, Б.Н. Флоря, А.И. Айбабин, В.Е. Науменко, Х.-Ф. Байер, А.Г. Герцен, В.В. Майко) (См.: *Тунманн И.* Крымское ханство / Пер. Н.Л. Эрнста, С. Л. Белявской. – Симферополь, 1936. – С. 35–36; Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. Пер. с нем. (первая половина) // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 163; *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 132–133, 178–179, 206; *А. Никитский.* Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 32, прим. 17; *Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 198–199; *Кулаковский Ю.А.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. Где находились Фуллы? // ЖМНП. – 1898. – Ч. 315. – Отд. 2. – Февраль. – С. 194–202; Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 425; *Маркевич А. К* биографии П.И. Кеппена // ИТУАК. – 1914. – №51. – С. 239; *Бертье-Делагард А.А.* Исследование некоторых недоуменных вопросов... – С. 72–87, 124, 127; *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 74, 98; *Орбели Р.А.* Исследования и изыскания. – М.; Л., 1947. – С. 63–65; *Кропоткин В.В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 200–201; *Якобсон А.Л.* К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // СА. – 1959. – Т. 29–30. – С. 110–113; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 256–257, прим.; *Веймарн Е.В.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма. Ч. 1: О Чуфут-Кале и Фуллах // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 74–77; Сказания о начале славянской письменности / Всуп. ст., пер., коммент. Б.Н. Флори. – М., 1981. – С. 122, гл.12, прим. 3; *Рудаков В.Е.* Христианские памятники Баклы: Храмовый комплекс X–XIII вв. Античная и средневековая идеология (АДСВ). – Свердловск, 1984. – С. 35–57; Blockley R.C. The History of Menander the Guardsman. – Liverpool, 1985. – P. 275; Бушков В. О Фулльском народе и его священном дубе в жизни Константина Философа и локализации города Фуллы и Фуллъской епархии // Украина в прошлом. – К.; Львов, 1994. – Вып. 5. – С. 9–31; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 585; *Белый А.В.* Вопрос о локализации Фулл в связи с неясным свидетельством Менандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. – Симферополь, (1995) 1996. – С. 88–94; *Белый А.В., Душевский В.П., Мажуко А.С.* Девичья крепость. – Симферополь, 1999. – С. 3; Дышкант Т. Где искать город Фуллы и фуллъский народ // День. – 2000. – 28 октября (№197); *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 63–65; *Майко В.В.* О локализации Фулл и Фуллъской епархии в раннесредневековой Таврике // Право-славные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133–145; *Майко В.В.* Средневековое городище на холме Тепсень в Юго-Восточном Крыму. – К., 2004. – С. 12–24; *Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г.* Об исторической топографии «готской земли» в Крыму // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. – Севастополь, 2003. – С. 39; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 352; *Герцен А.Г.* Хазары. – С. 103–104; *Сорочан С.Б.* «Зачарованный клад»: Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 71–79). Дискуссии по этому поводу периодически вспыхивают и замирают, чтобы возобновиться с новой силой вновь. Пожалуй, чаще всего разгадку исторической головоломки увязывали с регионом южного берега Крыма, очевидно учитывая, что от Фул Иоанн Готский должен был пытаться бежать к морю, туда, где можно было найти корабль для переправы на побережье Малой Азии (см.: *Бертье-Делагард А.А.* Исследование некоторых недоуменных вопросов... – С. 66–67). Видимо, рядом с Доросом, где разыгрались основные события, он был перед этим схвачен. В верховьях балки Каралез (Сторожевой), южнее Мангупа, известны следы небольшого селения с остатками трехнефной базилики VII–IX вв. Его жители и могли стать теми, кто выдал преподобного, когда он находился в клисуре этой балки. Сравнительная близость поселения к Фулам, располагавшим тюрьмой, объясняет, почему пленник оказался именно в фульской филаке. Однако для того чтобы кратчайшим, а значит, и скорейшим путем попасть от окрестностей Мангупа к морю, следует двигаться на юго-запад, по хорошо известному пути в сторону Херсона – тому самому пути, которым в свое время воспользовался для бегства из Херсона Юстиниан II. Именно так удобнее всего было добраться до ближайшего, лежащего всего в 20 км от крупного портового центра, рядом с которым можно было рассчитывать найти снаряженное, готовое к отплытию судно. По этому поводу А.Л. Бертье-Делагард выдвинул следующее логичное соображение: «Беглецу не трудно скрываться в глухих горных трущобах Тавриды, но иное дело, добравшись до моря, найти готовое к отправлению

судно; это и теперь не легко, а тогда, без сомнения, вызывало долгие поиски и ожидания не только самого судна, но и покладистого судовщика, которых нигде и ни в какое время не хвалили за увоз преступников. И в этом смысле скорее всего и легче было найти желаемое в большом городе Херсоне, имевшем много сношений с заморьем... Найдя судно, приходилось выжидать самого главного – благоприятной погоды. Переправа в заморье дело не хитрое, но парусным судам приходилось ожидать, даже в хорошее время года, иногда целые недели попутного ветра, а в таком случае беглецу всего легче быть нагнанным или выданным враждебной частью населения, как то и случилось с Иоанном» (*Бертье-Делагард А.Л.* Исследование... – С. 71). Уже одно это вполне объективное обстоятельство нельзя считать ошибочным и не принимать во внимание. Оно заставляет усомниться в верности поисков Фул в неких «трущобах» горно-лесной части среднего Крыма, на склонах гор, в степной Таврике или за 250 км от места основных событий, на обширном, площадью примерно 16 га, открытом, хотя и приморском христианском поселении VII – первой половины X в. на холме Тепсень, около Коктебеля. Разумеется, у хазар была конница, но невозможно представить, что могло заставить их везти Иоанна столь далеко от основного места событий. Это не «относительная», а весьма основательная удаленность, тем более в крымских масштабах (ср.: *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень... – С. 16). Боязнь херсонитов, которые могли бы силой освободить заключенного, едва ли весомый аргумент, что признает Х.-Ф. Байер, весьма аморфно видящий Фулы в «одном из гуннских поселений между Херсоном и Боспором» (*Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 460–461). Если это далекий Тепсень, то ему принадлежали остатки крупной трехапсидной базилики длиной 37,6 м и шириной 12,4 м (по данным В.В. Майко, 17,5 х 15,5 м), которая претерпела в течение второй половины VIII – начала X в. не менее двух перестроек, и еще пяти христианских храмов (при том что исследовано не более 2% общей площади городища) (*Майко В.* Храмовый комплекс городища на плато Тепсень VIII – первой половины X в. // Софійські читання. – К., 2003. – С. 137–140; *Майко В.В.* Средневековое городище... – С. 250–274). Церковный центр находился в 29 км к северо-востоку от Сугдеи, что весьма удобно для объяснения его вхождения в дальнейшем в состав единой Сугдо-Фуллъской архиепископии. Однако это поселение не удовлетворяет условиям еще одного, очень важного ориентира для Фул. В конце, в небольшой схолии к Нотиции де Боора (Notitiae Isaurorum, по Дарруже – №3), датируемой в пределах последней четверти VIII – конца IX в. и скомпилированной из разновременных записей, при упоминании 37 епархии – Готфии (LZ eparchia Gotthias) в качестве такового были указаны некие Хотцирон или Хотзирон (o Chotziron) и «Харасия, что значит (которая называется) Черная Вода» (kai tou Charasiou, eno legetai to Mabron Neron), причем Фулы были названы вместе с «Черной Водой» (через союз kai), а Хотзирон «соседним, близким» (syneggus) к ним (*Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatuum... – №3, 777–779, p.245; *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование... – С. 75). В самой нотиции Готская епархия значится на 35 месте, и сразу после ее главного центра – митрополии Дороса тоже следует Хотзирон, как уже сказано, расположенный близ Фул и Черной Воды (LH eparchia Gotthias, a Doros metropolis, b o Chotziron) (*Darrouzes J.A.A.* Op. cit. – №3, 611–618, p. 241–242). Между тем никакой реки поблизости от Тепсеня нет. Ближайшая к нему р. Еланчик совершенно ничтожна, ее трудно принять за основательный ориентир, а другая, р. Индол находится более чем в 30 км западнее. Еще дальше расположена р. Карасу, что в переводе с тюркского и татарского означает «Черная вода». Поэтому в указанной в нотиции де Боора «Черной реке» некоторые исследователи видят «греческую кальку татарского слова Карасу» (ср.: *Беляев С.А.* История христианства... – С. 61), что дает весьма призрачное основание искать Фулы, область и одноименное поселение, рядом с этой крымской рекой. Впервые такое отождествление сделал Ю.А. Кулаковский, указавший на находившийся здесь город Карасу-базар. Х.-Ф. Байер тоже отождествляет Харасиу с Карасу, по крайней мере по названию, и, вопреки свидетельству нотиции, заявляет, что «из сообщения о близости страны хотзир к Фуллам и к Карасу не следует видеть близость Фулл и Карасу друг к другу»: «сочинитель записи называет не две близкие друг к другу местности, но наоборот, самые отдаленные пункты Крымской Хазарии, чтобы дать представление о протяженности этой страны» (*Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 65; ср.: *Байер Х.-Ф.* Идеология, показанная на примере отрицания значительной роли готов в Крыму, отрицания их иконопочитания во время иконоборчества и перенесения их епископии на Нижний Дунай // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 459). Таким образом, слово syneggus в его единственном, понятном значении, категорически исключающем любую иную трактовку источника, он во внимание не принимает и, более того, считает плод этого «долгого размышления» немаловажной заслугой, поскольку она устраняет надуманные самим исследователем противоречия. В.Л. Мыц, исходя из того же единственного, взятого в отрыве от других «речного» ориентира, попытался увязать Фулы со скифским городищем у С. Вишенное, располагавшемся на правом берегу р. Биюк-Карасу в 6 км к северо-востоку от г. Белогорска (ранее Карасу-базара) (*Мыц В.Л.* О локализации Фулл и Фуллъской епархии // 175 лет Керченскому музею древностей. – К., 2001. – С. 80–83; *Мыц В.Л.* О локализации Фулл и Фуллъской епархии // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 116–120). Однако надо учесть, что смысловое совпадение гидронима из нотиции де Боора с гораздо более поздним татарским названием не может стать решающим аргументом в многолетнем споре. Карасу-базар сравнительно молодой горо-

док, история которого связана с деятельностью татар в Крыму в XVI в., а византинизированное поселение у С. Вишенное, хотя и занимало немалую площадь около 6 га и, похоже, имело укрепления, дает пока невыразительные, нуждающиеся в интерпретации и уточнении, не очень многочисленные материалы VIII–X вв. К тому же (и это главное) оно находится на западном отроге горного массива Ак-Кая, весьма далеко от моря и еще дальше от Мангупа. Нам же необходимо искать приморский центр недалеко от Херсона, стоявший непосредственно на реке. Только такое место подходит для всех отмеченных источниками условий.

По этой причине в числе «главных подозреваемых» неизбежно оказывается Инкерман, находящийся на одной из значительных рек Крыма – Черной речке (Казыклы / Кизыклы-Узень, Биюк / Буюк-Узень – татарская «Большая река») при впадении ее в Севастопольскую бухту. На первых русских картах река именовалась Акерманка, Инкерманка, в 1820-е гг. ее называли Чоргун, по имени лежащей на ней большой деревни, откуда, вероятно, и произошло ее современное название – Черная (*Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 245; *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование... – С. 170–179). Она течет в русле с глинистыми берегами, извиваясь по широкой Инкерманской долине, западные и южные стороны которой пред-ставляют отвесные обрывы, достигающие 60–70 м высоты. Четыре брода через реку, которая еще в конце XVIII в. достигала в низовьях ширины 600–800 сажень (1200–1600 м), после обильных снегов или дождей становились непроходимыми, что предполагает необходимость моста для переправы с берега на берег (Путешествие по Крыму академика Палласа... – С. 88–89, 113). В сочинении русского священника Иакова, посетившего эти места в 1634 г., говорится, что от Инкермана до моря было 3 версты (около 6 км), вдвое больше, чем теперь (*Оболенский М.* Сказание священника Иакова // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 687). Суда останавливались и разгружались на левом берегу Севастопольской бухты, в 2–3 км от устья реки и, следовательно, в 5–6 км от Инкермана (*Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 194, 200, 261). Даже в 1666 г. район здешней бухты, способной вместить, по словам современников, «тысячу кораблей», изобиловал косулями, ланями, дикими баранами, водяными птицами: гусями, утками, лебедями, цаплями, бакланами (*Эвлия Челеби.* Книга путешествия / Пер. с османского и коммент. Е.В. Бахревского. – Симферополь, 1999. – С. 29). Рядом с устьем реки сходились две главные дороги, ведшие из степных и предгорных районов Крыма в недалеко расположенный Херсон. Здесь сравнительно легко можно было бы найти судно, но здесь столь же трудно было бы надолго укрыться от тех, кто пожелал выдать Иоанна. Напротив крепости, построенной на оконечности плато Монастырской скалы в VI–VII вв. и переставшей за ненадобностью функционировать в раннее Средневековье, находилась переправа и одно из самых оживленных и, видимо, густонаселенных мест, не с одним поселением, а, возможно, и монастырем (*Филиппенко В.Ф.* Каламита–Инкерман: крепость и монастырь. – Севастополь, 1997. – С. 51; *Антонова И.А., Филиппенко В.Ф.* Монастыри Крыма: история и легенды // Боги Тавриды: История религий народов Крыма. – Севастополь, 1997. – С. 111–113). Особого внимания заслуживает средневековое поселение площадью 5 га у подножия Загайтанской скалы, которое существовало с ранневизантийского времени, о чем свидетельствует керамика и монеты Анастасия (491–511) и Юстина (565–578), до XIII–XIV вв., пережив особый подъем в VIII–X вв., а еще одно такое же поселение находилось на плато скалы (*Веймарн Є.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1963. – Т. 13. – С. 63–74; *Савеля О.Я.* Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черной в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье: Тезисы междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 59; *Суханова И.Ю.* Отчет о раскопках поселения Ак-Керман (п. Инкерман, Балаклавский район г. Севастополя) // Архив НЗХТ. – Д. №2975. – Л. 6–7; *Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh Through the Fifteeth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). – Washington, D.C., 2002. – Vol. 2. – P. 654). Наверху скалы находилось укрепление со стенами, одной башней и территорией около 0,5 га, куда вела вырубленная лестница, уничтоженная, скорее всего, при строительстве железной дороги в 80-х гг. XIX в. Два комплекса «пещерных» монастырских помещений находятся на южных и западных склонах Монастырской и Загайтанской высот, а третий – на левом берегу р. Черной, в Каменоломной (Советницкой) балке (Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 26–30; *Филиппенко В.Ф.* Указ. соч. – С. 35). Нет сомнений, что они связаны с монашеской деятельностью, хотя все здешние обители едва ли носили киновиальный характер, а монахи могли пользоваться каким-либо сторонним кафоликоном, в остальное время предаваясь частным молитвословиям (*Бобровский Т.А., Чуева Е.Е.* К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в юго-западном Крыму // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 12–24). Особенно выделяется своей простотой, отсутствием декора «пещерный» архитектурный комплекс Загайтанской скалы. Храмы здесь в основном однонефные, апсидами в них служат алтарные ниши. Следы перестроек и вместе с тем разрушенность, худшая сохранность сооружений, особенно восточ-

ной части, по сравнению с комплексом Монастырской скалы, могут указывать на то, что это древнейший «пещерный» комплекс в Инкерманской долине, который мог возникнуть раньше конца X в. (*Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – С. 17–22, 29, 30). Во всяком случае, результаты раскопок показывают, что в VIII–IX вв. жители поселения на склоне Загайтанской скалы использовали для жилья как наземные постройки, так и высеченные в камне «пещеры» с овальными, скругленными углами, что тоже может служить указанием на их раннее рукотворное происхождение. Некоторые из них переоборудовали из залов для скота под жилье (*Суханова И.Ю.* Отчет о раскопках... – А. 3–5). Число их в Инкерманской долине, особенно на правом берегу реки Черной, со временем росло, превращаясь в большой культурно-исторический средневековый ансамбль из конгломерата разнохарактерных монастырских поселений по образу некоторых монастырей Каппадокии, Болгарии, Закавказья (*Бобровский Т.А., Чуева Е.Е.* Пещерные комплексы Инкерманской долины (Юго-Западный Крым) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. – К.; Судак, 2004. – С. 30; *Бобровский Т.А., Чуева Е.Е.* К вопросу о характере пещерных комплексов... – С. 22). Если учесть, что местные греки словом phoulia, pholia называли издавна гнездо, логово или пещеру, примеры чему находятся в топонимике Южного берега и других крымских мест, тогда Инкерман с его пещерными сооружениями тоже вполне подходил под этот эпитет (см. подборку знатока этого вопроса: *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 85–86). Примечатель-но, что последний топоним связан с турецким in – нора, берлога (*Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Крым: Географические названия: Краткий словарь. – Симферополь, 1998. – С. 150). Другой вариант этимологии слова «фулы» уводит в область готского языка. Его прилагательное fuls означает «гнилой, тухлый» (*Гухман М.М.* Готский язык. – М., 1958. – С. 261), опять-таки вполне подходящий для обозначения заболоченной, густо поросшей камышом низины в устье Черной реки около Монастырской и Загайтанской скал. Недаром на итальянских картах-портоланах она известна с начала XIV в. под греческим названием Каламита, что обычно переводится как «Камышовая» (*Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А.* «Пещерные города» Крыма. – Симферополь, 2004. – С. 198). Кроме того, надо учесть, что отсюда по Каменоломному оврагу (Советницкой балке), через плато Сапун-горы, огибая верховья Делагардовой, Лабораторной и Килевой балок, шла дорога, которой можно было достичь Херсона (*Веймарн Е.В.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. – 1958. – №1. – С. 75). Если это так, тогда понятно, что Константину Философу, отправившемуся к христианскому «народу фульскому» осенью 861 г., после возвращения от хагана хазар, не было нужды рисковать забираться на дальнюю окраину, южный или восточный берег Крыма, и все случившееся с легендарным фульским дубом было связано с относительно недалекими, близкими окрестностями Херсона (8–10 км от города, пара часов ходьбы или того меньше по морю) (см.: Житие Константина Философа (текст, комментарии) // Сказание о начале славянской письменности. – М., 1981. – Гл.12, С. 85–86). Такого же мнения придерживались В.А. Бильбасов, С. П. Шестаков (*Бильбасов В.А.* Кирилл и Мефодий. – СПб., 1871. – С. 175; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – М., 1908. – С. 38) и А.Л. Бертье-Делагард. Последний весьма разумно заметил, что «после длинного, утомительного пути из Хазарии, едва ли Константин мог решиться предпринять новый далекий путь, тем более, что ему приходилось спешить в Константинополь, с донесением» (*Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 73). Этот маршрут больше соот-ветствует представлению об условиях существования херсонитов в конце 50-х – начале 60-х гг. IX в., которые, по словам современников, «... казалось, были не города жителями, сколько тюрьмы обитателями (carceris habitatores), так что не отваживались выходить, остерегаясь» (см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. – С. 261). Не намного дальше от Херсона отправилась 30 января (3 февраля) 861 г. «благочестивая экспедиция» во главе с архиепископом Георгием, для того чтобы обрести мощи св. Климента Римского на островке в Казачьей бухте. Судя по содержанию источников об отыскании мощей св. Климента, все выходы Константина Философа за пределы города, когда он собирал сведения у местных жителей и вел предварительную разведку искомой гробницы, тоже проходили в окрестностях Херсона. Вокруг подстерегали конные отряды хазар или грабителей-венгров, которые с жутким волчьим завыванием нападали на одинокие группы путников из числа тех, что отваживались покидать ближайшие окрестности города. Исходя из этого, не был ли Фулами тот оставшийся не поименованным «христианский город» из Жития Константина, в успешных переговорах о снятии осады хазар с которого участвовал императорский посланец? Первое знакомство с ним могло породить желание позже еще раз вернуться туда для укрепления благочестия здешних христиан, грешивших заблуждениями язычества. Еще раз надо подчеркнуть, что «народ фулский» к моменту появления Константина был давно христианским, его не надо было крестить. Он общался с Константином на греческом языке. Даже если это было не греческое население, оно воспринималось современниками именно как народ, то есть люди, живущие давно на данной территории, ведущие совместное хозяйство, разделяющие некие общие культурные ценности, идеологию. Нет доказательств, которые дали бы возможность видеть в них исключительно тюркоязычных носителей крымского варианта салтовской культуры, язычников и на основании такого шаткого критерия искать «фульский народ» в

Юго-Восточном Крыму (*Майко В.В.* Средневековое городище... – С. 12–13). К тому же Инкерман и его окрестности тоже едва ли отличались этнической упорядоченно-стью, здесь могли жить агломераты и греков, и готов, и аланов, и булгар, а не только «греческий этнос, испове-дующий христианство», как полагает В.В. Майко (*Майко В.В.* Средневековое городище... – С. 16). В официальных нотициях Фулы как епархия, а точнее, как автокефальная архиепископия появилась впервые в самом начале X в., на 48 месте, сразу вслед за Готфией и Сугдеей. Херсон и Боспор стояли соответственно на 21 и 39 месте (*Бертье-Делагард А.А.* Указ. соч. – С. 128, спиС. А; Darrouzes J. Op. cit. – №7, 99, p. 274). Позднейшее, происшедшее не ранее середины XII в. соединение Фульской епархии с Сугдейской и последующее возведение их в ранг митрополии (*Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма... – С. 131; *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 51; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 66–67) не противоречат высказанному предположению о локализации Фул в районе Инкермана, тем более что другой основной «подозреваемый» – городище на холме Тепсень у С. Планерского надолго, до XIV–XV вв., прекратило свое существование, и случилось это не позже 40-х гг. X в. (*Майко В.* Храмовый комплекс... – С. 140). Керамический материал XI–XIII вв., характерный для поселения (керамиды, амфоры, кувшины, пифосы, столовая посуда), обнаружен во время подводных исследований 1997–1998 гг. на шельфе Коктебельской бухты, в основном на глубине 4–5 м, но это еще не основание для того, чтобы приписывать его именно Тепсеньскому городищу, а не соседним с ним сельским поселениям и монастырям (ср.: *Зеленко С. М.* Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис. ... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004. – С. 67–69). Ссылка на консервативность церковных структур в данном случае беспочвенна (ср.: *Байер Х.-Ф.* История крым-ских готов... – С. 67). Как уже сказано, ей не соответствуют данные археологии. Обращает на себя внимание то, что в 80-х гг. XIV в. Херсонский архиепископ посягал на южнобережные приходы – хораи, находившиеся к тому времени в ведении Готфского и Сугдейского митрополитов. Предстоятель Херсона «говорил и уверял, что с незапамятных времен ему принадлежит право на приход тот (Элисс)», а клирики другого хораи – Кинсануса – тоже клялись, что они всегда относились к Херсону. Едва ли это были голословные утверждения. За ними чувствуется опора на давнюю традицию, несмотря на то что к тому времени не было уже «никого кто бы знал». Во всяком случае в итоге рассмотрения тяжбы Константинопольский патриарх Макарий, поначалу выражавший недоверие, был вынужден при-казать считать «...места те и прежде и теперь подлежащими Херсонской церкви, по бывшему здесь от многих свидетельству» (см.: *Архимандрит Антонин.* Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 458–469, №CCCLV, 1382 г.; CCCLXVII, 1384 г.; CCCLXVIII, 1385 г.; CCCLXX, 1386 г.; CCCCXIX, 1390 г.; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. – С. 352–354, 398). Значит, некие основания к такому решению были и узкая полоса побережья от Каламиты–Инкермана до Сугдеи периодически перекраивалась церковными иерархами после того, как Фульская епархия вычленилась из Херсонской. Последний раз Фулы упоминаются в соединении с Сугдеей в 1400 г. В XVI в. они возродилось под названием Кафо-Фуллъская епархия. В 1666 г. уже как митрополия бывшая епархия была присоединена к древней Амасии, на противоположном берегу Черного моря, а в 1678 г. – к Готии, под названием Готско-Кафская (*Бертье-Делагард А.А.* Указ. соч. – С. 56, 57–58). Выходит, древнее название Фулы (Фуллы) исчезло из церковного обращения не ранее конца XVII в., и, значит, до этого времени его по давней традиции увязывали с какой-то конкретной, продолжавшей существовать после X в. местностью, память о которой постепенно исчезла, гораздо позднее, как и представление о ее расположении. В этом забвении нет ничего удивительного. К примеру, по данным Мартина Броневского, к последней трети XVI в. было забыто название крупного города и крепости, находившихся на Эски-Кермене, причем настолько прочно, что не только местные турки и татары, но и «сами греки не знали его имени» (*Броневский М.* Описание Татариии // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 344). Стерлись из памяти названия и прочих «пещерных городов»: только для Феодоро и Каламиты известны их дотатарские названия, но и они не являлись первоначальными (*Герцен А.Г., Махнева-Чернец О.А.* Указ. соч. – С. 36). Здешняя паства к XVIII в. почти совершенно утратила навык употребления греческого языка, так что даже немногочисленные грамотные священники писали греческими буквами, но на турецком языке (*Серафимов С.* Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // ЗООИД. – 1867. – Т. 6. – С. 592). Как верно заметил А.Л. Бертье-Делагард, после выселения греков-христиан из Крыма в 1778 г. едва ли было кому сохранять предания о давно опустевших местах (*Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 214). Думается, что уже в XIV–XV вв. древние Фулы оказались существенно потеснены новыми топонимами – Каламита (греч. «Камышовая») и Инкерман (татар. «Пещерная крепость»). Как бы то ни было, исследование всего комплекса имеющихся письменных источников позволяет наметить контуры четырех ориентиров, которые могут помочь в определении местонахождения легендарного места: его самое близкое соседство со значительной, заметной рекой Юго-Западной Таврики; близость к морю, порту и, наконец, небольшая удаленность как от Херсона, так и от Дороса (Мангупа). Если исходить из этих параметров, мы едва ли найдем более подходящий вариант, нежели

территории объясняет ее выбор и хазарами, и византийцами из Херсона, которые не были заинтересованы в вызволении преступника, пытавшегося силой решить конфликт с хаганом, да еще к тому же отринуть официально не отмененный на тот момент курс на иконоборство. Позже отпущены были невредимыми арестованные после бегства Иоанна мафиты, его немногочисленные ученики-монахи из Парфенитской обители, «...так как хаган сказал: "никакой ошибки не имеют" (outoi ptaisma ouk echousin)»[96]. Получается, хазарские власти отказались от дальнейших репрессий, от своих былых политических планов в отношении Готфии и продолжали действовать с оглядкой на Византию, содействуя ее Церкви и в общем и целом все еще соблюдая условия совладения. Едва ли вели бы себя так подлинные и абсолютные хозяева Таврики, имевшие сферу влияния не только в восточной части полуострова, но якобы проживавшие возле своего «опорного пункта» — Фул и после подавления восстания Ионна Готского «с конца VIII и на протяжении IX в.» десятилетиями владевшие «глубинными районами Крымского полуострова» с политическим центром в Доросе–Мангупе[97].

Рис. 159. Схема фасадов пещерных сооружений Загайтанской скалы. По материалам Инкерманской экспедиции ГАИМК 1937 г.

Сам «сговор», «союз» (to systathenai) властей Готфии с не в меру ретивым епископом зрел как превентивная, упреждающая мера, направленная против тревожившего, назревавшего, возможного, но еще не осуществленного хазарского вмешательства, дабы хазары, как отметил агиограф, «не подчинили страну их» (me katakyrieysai tes choras auton)[98]. Даже Фулы нельзя однозначно считать нехристианскими и ха-

район Инкермана и устья Черной речки около Севастопольской бухты. Жизнь здесь не прерывалась с эпохи поздней античности до XVIII в., что вполне соответствует позднейшим упоминаниям Фул в церковной истории Крыма. Впрочем, поставить окончательную точку в затянувшихся поисках «зачарованного клада», пожалуй, могла бы только счастливая находка in situ соответствующего ясно читаемого эпиграфического памятника, что при нынешних темпах археологических исследований в районе Инкермана едва ли можно ожидать в скором времени, особенно если учесть, что большая часть балки Гайтани (Первомайской) с остатками средневекового поселения и «пещер-ными» сооружениями погребена под мощными отходами добываемого в карьере камня.

[96] Житие Иоанна Готского. – С. 399, 423 (в пер. В.Г. Васильевского: «Они не имеют вины»). У А. Никитского: «эти вины за собой не имеют» (Житие преп. отца нашего Иоанна... – С. 31, гл. 7).

[97] Ср.: *Могаричев Ю.М.* К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2001. – Вып. 10. – С. 272; *Науменко В.Е.* Место Боспора... – С. 342; *Герцен А.Г.* Хазары в Доросе–Мангупе. – С. 29; *Герцен А.Г.* Дорос –Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Кумуляция и трансляция византийской культуры»: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 18.

[98] Житие Иоанна Готского. – С. 416. М.-Ф. Оузепи тоже подчеркивает, что мотив у Иоанна и «господина Готии» был един: не допустить на их земле доминирование хазар, которое, следовательно, еще не состоялось, но назревало (*Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830... – P. 328). С этим согласны и А.Ю. Виноградов и А.В. Комар, отметившие важный нюанс в переводе источника: «чтобы не под-

зарскими, а главу их властей, «господина», неким «хазарским князем», «зависимым местным правителем» или «наместником кагана» только на том основании, что выданный для последующей передачи хазарам Иоанн был на какое-то время помещен в тамошнюю тюрьму — филаку: кир (kyrios) Фул, будучи, как и кир Готфии, очевидно, не язычником или иудаистом, а христианином, просил заключенного, лицо духовное, особой святости, исцелить своего тяжело больного малого ребеночка (to paidion) и для этого совершить над ним соответствующие православные церковные таинства (touto sphragisas kai baptisas), то есть «принести в жертву и крестить», видимо не дожидаясь положенных для этого дней на Богоявление 6 января или Великой субботы перед Пасхой, весной, в апреле[99]. Для совершения этих обрядов (крещения, миропомазания, последующей литургии Василия Великого с проскомидией и Евхаристией) нужны были соответствующие сакральные атрибуты (елей, святое миро, кадильница, освященные хлеб, вино), которые, выходит, в «языческих» Фулах наличествовали. Следует помнить, что, согласно Евхологиям VIII–X вв., крещению обязательно предшествовал чин 40-го дня, когда через молитвы происходило воцерковление новорожденного, то есть он становился «некрещеным христианином», происходило его обязательное первое оглашение и он получал «имя во оглашенных», и, значит, младенец кира Фул все это уже прошел, а сам кир «научился вере и образу веры». Надо также учесть, что в византийской трактовке христианство рассматривалось как «государственная религия», принятие которой считалось признаком лояльности к государству. Крещеный, даже если это был христианизированный «варвар», сам напрашивался быть вассалом Империи и автоматически брал на себя обязанности блюсти интересы императора, признавать Византию и ее политический приоритет, помогать ей, не участовать во враждебных военных действиях, ибо понятия «христиан» и «ромей» были в некотором роде синонимами в представлении современников[100].

чинилась их страна упомянутым хазарам» (*Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – .С. 48).

[99] *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна... – С. 32–33, гл. 9; Житие Иоанна Готского. – С. 424; ср.: *Арранц М.* Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. – Париж, 1988. – Т.19. – С. 74–77; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 207, 210, 215, 226 (упоминая кира Фул, автор каждый раз без каких-либо оснований называет его не иначе как «хазарский наместник» или «наместник кагана»); *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 546. Следует подчеркнуть, что в тексте источника не содержится даже намека на языческие или иудаистские убеждения этого «господина»-правителя. Весьма оригинально эту проблему попытался решить Х.-Ф. Байер: «Так как в Фуллах в 787 г. или немногим позже был брошен в тюрьму по приказу хазарского кагана Иоанн Готский, а после этого учреждена епископия хотзиров (хазар), ставшая архиепископией до 907 г., то можно считать доказанным, что Фуллы были хазарскими» (*Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 94–95). Такой классический схоластический силлогизм способен вызвать лишь удивление, ибо основывается на недоказанных положениях, в числе которых фигурирует и мифическое «епископство Хотзирон», непонятно каким образом связанное с Хазарией. Столь же надуманны представления о Фулах как о «центре хазарской администрации в Степной Таврике», да и местонахождение этой области надо искать гораздо ближе к морю, учитывая маршрут бегства Иоанна из филаки одноименного кастрона или полисмы (ср.: *Ромашов С.А.* Крым в хазарскую эпоху // Хазары: Второй Международный коллоквиум. Тезисы. – М., 2002. – С. 88–89).

[100] *Острогорський Г.* Історія Візантії. -- Львів, 2002. – С. 44–45, 81; *Шевченко І.* Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1991. – Т.222: Праці історико-філософської секції. – С. 19; *Даркевич В.П.* Византия и Восток // СА. – 1991. – №3. – С. 71; *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина? – М., 2003.

Христианским было и само местное население Фульской области, несмотря на приверженность к фетишистским пережиткам языческого толка, с которыми, судя по Житию Константина Философа, и 75 лет спустя будет бороться этот миссионер и дипломат, посланник василевса Михаила III и Константинопольского патриарха Фотия. Оправдываясь в грехе, заключавшемся в вере, очевидно, в существование духов дождя, «народ фульский» и его старейшина объясняли пришедшему к ним иерею (Константин был в сане диакона), что обычай поклоняться и приносить жертвы, очевидно кровавые, Александру (alezandroi — дословно «защитнику мужей») — огромному старому дубу, сросшемуся с черешней, был перенят от предков, издавна здесь живших, и что без этого они будут обречены на засуху[101]. Видеть в них «однозначно... язычников», праболгар, тюркоязычных носителей салтовской культуры, хазар и уж тем более иудеев только на том основании, что они сохраняли элементы обряда поклонения деревьям, будет весьма большой натяжкой, ибо на-

[101] Житие Константина Философа (текст, комментарии) // Сказание о начале славянской письменности. – М., 1981. – Гл. 12. С. 85–86, 122–123, комм. 4. В такую же глубокую древность уходили некоторые элементы ритуального народного обряда (использование челюстей мелкого рогатого скота, отполированных кабаньих клыков, петушиных шпор), связанные происхождением с культом Великой богини плодородия и своеобразной местной культурной средой горного и южнобережного Крыма, которые демонстрируют многолетние раскопки святилища у перевала Гурзуфское Седло, несмотря на то, что в средневековье здесь функционировали уже не языческие, а разновременные христианские культовые сооружения, храмы, числом не менее трех (см.: *Новиченкова Н.Г.* Святилище античного времени у перевала «Гурзуфское Седло» на Главной гряде Крымских гор (устройство и атрибутика обрядности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. – М., 1998. – С. 2, 11, 18, 21, 23; *Новиченкова Н.Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. – Ялта, 2002. – С. 36, 147–173). Языческим, народным был обычай класть куски черепицы – элемент домашнего очага под голову, на верхнюю часть груди, на подбородок или на нижние части головы погребенных в плитовых могилах VIII–IX вв. И это несмотря на то, что такие могилы устраивали в пределах христианских храмов, например на месте трехнефной базилики около С. Гончарного, и некоторые из погребений сопровождали надгробиями в виде кирпичных стел с двускатным выступом и вырезанным на тимпане георгиевским крестом в круге (*Якобсон А.Л.* Отчет о раскопках средневекового сельского поселения близ села Гончарное. 1968 г. // Архив НЗХТ. – Д. 841. – Л. 12, 14, 17–22, рис. 11). Яркий пример такого амбивалентного отношения местного сельского населения к религиозным вопросам демонстрирует находка в глубине топочного канала одной из гончарных печей по производству тары крупного керамического центра в Чобан-Куле, действовавшего в VIII в. Здесь были зачищены кости петуха и позвонки барана – остатки ритуального обряда жертвоприношения, совершенного при постройке печи, хотя работавшие в этом приморском эргастирии гончары испытывали значительное ромейское влияние и, скорее всего, были крещены (см.: *Якобсон А.Л.* Средневековые гончарные печи в районе Судака // КСИИМК. – 1955. – Вып. 60. – С. 105). Подобные магические приемы защиты постройки, вошедшие в ритуал благодаря народной традиции, иногда использовали даже при освящении христанских храмов, хотя такие благочестивые жертвоприношения не возводились в ряд литургических последований (Подр. см.: *Барабанов Н.Д.* Благочестивые заклания. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 89–113). Если такого рода церемонии не посвящались идолам, Новый Завет принципиально не отвергал их. Кроме того, следует учесть, что даже в районе Чернореченской долины, по соседству с таким крупным церковным центром, как Херсон, христианские погребения стали появляться не ранее VI–VII вв., судя по захоронениям в верхнем слое могильника у высоты Сахарная головка (*Филиппенко В.Ф* Инкерман–Каламита... – С. 52, 71). Не мудрено, что «фульский народ» и в VIII–IX вв. не был тверд в вере, сохранял народные формы культа, как, впрочем, и большая часть населения остальной Таврики, о которой можно было бы сказать словами из позднейшего послания епископа Феодора: «Пасет... их скорее смерть безверия. Устами они исповедуют, едва смею сказать, во спасение, ибо не веруют сначала сердцем в правду» (*Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание». – С. 26, §24; подр. ср.: *Сорочан С.Б.* О положении Церкви в Крыму в VIII–IX вв. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 121–128).

личие подобных фетишей весьма ненадежный этнический маркер[102]. Как хорошо известно, деревья почитались индоевропейцами и другими народами и этот обычай держался даже у тех, кто принял христианство[103]. По этому поводу Фалько Дайм образно заметил: «То, что нам сегодня трудно представить, является реальностью раннего Средневековья: человек мог одновременно принадлежать разным культам, так же как в современном мире можно иметь (теоретически) две или больше партийных книжки... Ему (средневековому человеку. — *С. С.)* ближе была каждодневная борьба за выживание»[104]. С не меньшей вероятностью все это было присуще крымским грекам, аланам, булгарам и готам, населявшим окрестности Херсона. Нельзя не признать, что, «...живя близ побережья и почитая Александра, люди из Фул представляются уже довольно эллинизированными», и поэтому византийский роман об Александре мог бы дать нам более конкретное представление об образе жизни этих «хазар»[105]. Учитывая консерватизм греческой диаспоры, бравшейся разорвать веками устоявшийся цикл ритуалов, в случае с жертвоприношениями фульскому дубу вполне можно усмотреть связь местного сельского населения с культом Зевса, поскольку дуб считался его деревом, а сам владыка Олимпа являлся повелителем атмосферных явлений — собирателем туч, громовержцем, подателем дождя[106].

Как бы то ни было, текст источника недвусмысленно указывает, что почитание священного дерева, вероятно, появившегося в результате древнего ритуального брака дуба с черешней, не мешало обитателям Фул оставаться христианами, и поэтому Константину не надо было обращать местных жителей в христианство, ибо они уже были не язычниками, а крещеными. Именно так, с пространными ссылками на соответствующие Книги пророков Исайи (66: 18–19) и Иеремии (16: 16–18), отнесся к ним проповедник в своих увещеваниях и уговорах уничтожить, срубить, выкорчевать и сжечь греховное, идольское дерево. Он в итоге привел решающий аргумент: «Вот Евангелие Нового Завета Божьего, в котором ***были вы крещены***» (выделено мной. — *С. С.)*[107]. Примечательно, что именно так осознавали происшедшее современники. Климент Охрид-

[102] Ср.: *Майко В.В.* О локализации Фулл... – С. 133–134; Евреи в Крыму. Краткий очерк истории иудейских общин Крыма / Сост. Ю.М. Могаричев, И.И. Вдовиченко. – Симферополь, 1999. – С. 12; *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 459–460.

[103] Подр. см.: *Топоров В.Н.* По окраинам Греческого мира: К образу мирового дерева // ГЕННАДІОС: К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. – М., 1999. – С. 183–213; *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М., 1980. – С. 129–158.

[104] *Дайм Ф.* История и археология авар // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 319.

[105] Тем не менее, «долгие размышления», сопровождавшиеся перебором всех возможных претендентов на «фульский народ», привели Х.-Ф. Байера к наиболее шаткому из них – к хазарам (см.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 94–95).

[106] См.: *Барабанов Н.Д.* Благочестивые заклания. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 196–107.

[107] Житие Константина Философа. – С. 86; ср.: Моравско-паннонские Жития Константина и Мефодия. 1. Житие Константина Философа по рукописи XV в. бывш. Московской Духовной Академии) // Труды Словянской комиссии. Т. 1: *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности – А., 1930. – С. 25, гл.12 («се еваггелие новаго завета божиа, в нем же ся есте крестили»); Житие Константина Философа (по рукописи 1469 г.) // Труды Словянской комиссии. Т. 1: *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л., 1930. – С. 59, гл.12 («се евангелие новаго завета божиа, в нем се есте и крестили»).

ский, ученик Солунских братьев, в Похвальном слове Кириллу писал в конце IX в.: «А в фульском народе истребил он (Константин) безбожное заблуждение»[108]. Следовательно, и тут речь шла не о крещении, а о наставлении на путь истинный, разрушении того, что Климент называл «ложью». Совершенно очевидно, что нехристи не могли «целовать Евангелие» в знак раскаяния, как это делал старейшина, очевидно, один из числа местных «начальников» (tois archousi), простатевонт, игемон или, как он назван в тексте Жития Иоанна Исповедника, кир «народа фульского» (o kyrios ton auton Phoulon), и за ним все остальные. Между тем ошибочное представление о том, что Константин «искоренил язычество в Крыму», якобы впервые убедил местных варваров принять христианство и тут же их крестил, пустило столь глубокие корни, что остается не замеченным даже маститыми, опытными исследователями, и то и дело всплывает в рассуждениях как непреложный факт[109].

[108] Климент Охридский (IX в.). Слово похвальное Кириллу / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XIV веков. – М., 1990. – С. 317. Автор подчеркнул факт разорения, искоренения «безбожной лести» именно среди крещеной паствы: «Стадо Х(ристов)о пребезначальным свътом облистая освъти і научия правовърію» (см.: Февраля 14 преставление и похвала святому отцу Константину нареченнаго Кирила, учителя Словенску языку и Болгарску, философа. Створено Климентом // ЗООИД. – 1881. – Т. 12. – С. 57, по рукописи первой половины XVII в. из Московского Румянцевского музея).

[109] Ср:. *Ahrweiler H.* Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siecle // Byzance: les payset les terriociers. Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des etudes Byzantines. – Athenes; Paris, 1971. – T. 5. – P. 58–62; *Плетнева С. А.* Хазары. – С. 69; *Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7; *Могаричев Ю.М.* К вопросу о «хазарском наследстве»... – С. 272; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 90; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 554; *Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII–IX вв. (по данным Notitiae episcopatuum) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 140; Крым в VIII–IX веках: Хазарское господство // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 63–64. К Цукерман видит в этом предмет «будущей дискуссии» (Zuckerman C. Byzantium's Pontic Policy in the Notitiae episcopatuum // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par K. Zuckerman. – Paris, 2006. – P.226), хотя, на мой взгляд, данные источников слишком очевидны, чтобы о них спорить. Крайне редко сомнения, видимо, посещали отдельных, наиболее внимательных исследователей, но они гнали их прочь, старались переубедить себя. К примеру, А.Л. Бертье-Делагард пытался скрыть их за следующими рассуждениями: «...едва ли было удобно и возможно Константину только из-за дурного обычая идти проповедовать в христианскую страну, где по этому самому должны были быть свои пастыри, подчиненные какой-либо епархии; да и стоило об уничтожении простого обычая упоминать, как о подвиге особо важном; наконец, и фульский обычай – поклонение дубу, сросшемуся с черешней и носившему названия Александра, не таков, чтобы мог свободно и долго удерживаться в христианской стране, между христианским же населением». Однако, как бы логично ни звучали эти аргументы, они входят в противоречие с текстом источника. Да и убедительность их невелика. С. А. Плетнева упоминает аналогичный случай у западных тюрков, савиров (саваров), среди которых проповедовал епископ Исраил, тоже приказавший срубить дуб, которому поклонялось уже обращенное население (*Плетнева С. А.* Указ. соч. – С. 69). О том, как долго держались языческие пережитки в сельской глубинке, говорить не приходится. Это непреложный факт даже для внутренних, ядровых районов Византии. Как я уже подчеркивал, в первой половине XIII в., более чем через 250 лет после проповеднических усилий Константина Философа, в окрестностях Херсона, на территории Херсонского епископства продолжали жить аланы – «христиане только по имени», все так же нуждавшиеся в духовном поучении («не было пасущего их, хотя благовестие было для многих»), что попытался осуществить епископ Феодор, прибывший из Никеи и из-за этого вступивший в трения с архиепископом Херсона, который увидел в этом нарушение своих прав чужаком (*Кулаковский Ю.А.* Епископа Феодора «Аланское послание». – С. 17–18, §6–7). Поэтому, если Константин, будучи в дружеских отношениях с престарелым Херсонским архиепископом Георгием, отправился к «фульскому народу» с ведома и благословения слабого телом, больного архиерея, в этом не было ничего предосудительного (в гл. 4 «Слова на перенесение мощей преславного Климента» сказано, что Георгия во время путешествия на остров 30 января несли на «съдалищи подвижныи»). В связи с

Один из этих предков «заблудших», кир Фул, вполне вероятно идентичный старейшине «фульского народа» из Жития Константина, тоже мог быть православным греком или по крайней мере крещеным аланом, булгарином или готом на византийской службе, которого заботило, будет ли крещен его тяжело заболевший сын. Между тем еще раз следует напомнить, что христианство было синонимом византинизма, а само слово «христианин» означало «ромей». Поэтому заключение под стражу в фульскую филаку провинившегося перед хаганом не мешает видеть в данном случае проявление все тех же кондоминатных отношений, механизм которых, запущенный сто лет назад, продолжал действовать. Не этим ли и влиятельной близостью византийского Херсона, связанного с сердцем Империи, отчасти объяснима та странная легкость, с которой старый, по нашим и тем более по византийским меркам, Иоанн (ему было уже за 60 лет) совершил побег из тюрьмы, точнее, попросту покинул ее. Местный архонт, отвечавший за узника, не мог не знать, что за этим кроется попустительство, а фактически молчаливое одобрение и хагана, и Ирины, не пожелавших раздувать громкое политическое «дело». Видимо, и ту и другую сторону вполне устраивал такой почти «бескровный» вариант разрешения некстати разразившегося конфликта, отчетливо показавший, что время для серьезных изменений в Таврике в чью-либо одностороннюю пользу еще не настало.

В сложившейся ситуации регентша была бы довольна ограничиться учреждением Готской епископии (но никак не митрополии[110]), подчиненной Константинополю[111], и сохранением кондоминиума на крымской зем-

этим интересно, как епископ Феодор оправдывал перед херсонским предстоятелем свое пастырское служение на его территории и в чем укорял гонителя: «Мы не предстояли во всенародном учении, не похитили рукоположения, чтобы он (глава Херсонской Церкви) имел право думать, что его права нарушены. Но на вопросы неких быть может и алан мы давали лишь ответы в углу (то есть частным образом). Но пусть бы нам дано было всенародно возвестить слово веры, тогда бы мы не стали ставить препоны возвещавшему, мы бы дали ему возможность видеть учение об Умершем и Воскресшем» (*Кулаковский Ю.А.* Указ. соч. – С. 18, §7). Следовательно, даже в массовой проповеди среди прихожан чужой епархии епископ Феодор не видел серьезного нарушения и вполне справедливо подозревал своих обидчиков в политических кознях. Поэтому нет оснований подозревать в выдумке составителя пространного Жития Константина / Кирилла и видеть в эпизоде с «фульским народом» только агиографический штамп, необходимый для прославления героя. Наведение порядка в пограничной епархии, в то время как хазары то и дело возбуждали гонения против христиан в каганате, не воспринимается как малозначительный эпизод, не достойный упоминания.

[110] Еще раз следует подчеркнуть, что таковой она станет, как и прочие крымские архиепископства, очевидно, не ранее последней четверти XIII в., судя по упоминанию об этом событии в экфесисе епархий времен Андроника Палеолога (1282–1328) (см.: *Кеппен П.* О древностях южного берега Крыма... – С. 67–68, прим. 96; *Богданова Н.М.* Церковь Херсона в X–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М., 1991. – С. 20–32).

[111] В Списке де Боора (Notitiae Isaurorum), составленном, скорее всего, между 787 г. и 870 г., она названа под общим заголовком «Порядок предстоятельства священнейших патриархов, митрополитов и автокефальных (епископов)» (Taxis prokathedrias ton osiotaton patriarchon, metropoliton kai autokephalon) и под подзаголовком «Митрополичьи» (oi ypo metropolitas) как «35 епархия Готфия (LH eparchia Gotthias), а в схолии в конце того же перечня – «37 епархия Готфия» (LZ eparchia Gotthias) (*Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatuum... – №3, 42. P. 231; №3, 611–618; p. 241–242, №3, 777–779, p. 245). Неправдоподобным выглядит даже не то, что эта новая церковная единица (митрополия, судя по подзаголовку, или автокефальная епископия, судя по тексту) была создана к концу IX в., не говоря уже о конце VIII в., а то, что она могла охватывать столь обширные хазарские территории и иметь там «епископства». По мнению А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, «после подавления выступления хазарам удалось установить полный контроль над значительной частью византийских владений в Таврике», то есть, выходит, тех самых владений, которые эти же авторы считали едва ли

ле. Обстановка здесь действительно стабилизировалась и на некоторое время оставалась спокойной, что отразилось в хозяйстве и материальной культуре гетерогенных обитателей местных поселений[112].

«Учреждение» же хаганом стражников-таксатов (themenos en auto phylakas taxatous) в кастроне Дорос, в чем некоторые исследователи видят едва ли не главный повод к антихазарскому «восстанию» под предводительством Иоанна Исповедника, могло быть спровоцировано самими заговорщиками, когда мятеж еще только назревал после передачи крепости посланникам хагана[113].

не «самостоятельными политическими единицами». И якобы именно поэтому для христианского на-селения «...на подвластной хазарам территории» были созданы восемь (или даже девять, считая собственно Готскую) новых епископских кафедр (см. *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 112–113, 115; *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980. – С. 139). В том,что среди населения Хазарии были христиане, сомнений нет, но вот в то, что «Готская митрополия охватывала огромные территории, в состав которых входили, в частности, земли Хазарии в Крыму, Приазовье, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье», поверить невозможно (ср.: *Коновалова И.* Христианство в Хазарии // Хазары: Второй междунар. коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 60). Получается, что хазарские власти, в массе своей преимущественно иудаисты, мусульмане или даже язычники, вопреки собственным политическим интересам были озабочены проведением христианизации в своих собственных владениях на территории Крыма и в обширных областях за его пределами (sic!). Подобное утверждение само по себе абсурдно. Кроме того, оно входит в противоречие с содержанием Жития Константина, где ни слова не говорится о епископствах в Хазарии. Несомненно, что с их предстоятелями не избежал бы встречи посланец василевса и Константинопольского патриарха во время своей миссии к хагану во второй половине 861 г. Между тем его контакты ограничились архиереем Херсона, архиепископом Георгием, и даже не коснулись церковных иерархов Готфии и Фул, вероятно, по той простой причине, что последние если и существовали, то находились под властью главы Херсонской архиепископии. Ни одна прочая нотиция епископатов, даже если она упоминает Хазарию, не называет ее епископов или епископа. Поэтому заслуживающей внимания представляется высказанная впервые в 1929 г. В. Мошиным точка зрения о том, что в «епархиях» Готской «митрополии» Списка де Боора следует видеть не официальный документ, а задуманные наброски церковной организации Хазарии. Основой для ее структурирования послужили сведения, полученные Константином Философом во время пребывания в Хазарии, где ему могли рассказать о географии христианских общин в каганате, и именно эта информация легла в основу последних данных нотиции в виде своеобразного миссионерского «проекта будущей христианской организации» на этих землях, так и оставшегося в полной мере нереализованным в силу ряда внешних и внутренних политических причин (см.: Мошин В. Eparchia Gotthias в Хазарии в VIII в. – С. 149–156; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 97–104; *Иванов С. А.* Византийская религиозная миссия X–XI вв. – С. 67; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 57; *Науменко В.Е.* Церковно-политические контакты Византийской империи и Хазарского каганата в середине IX в. // Хазары: Второй Междунар. коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 74–76; *Науменко В.Е.* Notitia K. де Боора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 129–138; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 551–554). Еще более категоричны на этот счет вполне достоверные данные писем патриарха Николая I Мистика (№68, 106), написанных, скорее всего, вскоре после марта 919 г. и до начала 920 г. В них он обращался с просьбой к архиепископу Херсона и, очевидно, к новоназначенному стратигу города содействовать делу христианизации Хазарии и удовлетворить просьбу посланцев из Хазарии о постановлении им епископа, которого следовало рукоположить в Константинополе (см.: *Nicolas I, Patriarch of Constantinople.* Letters / Ed., transl. by R. Jenkins, L. Westerink. – Washington, 1973. – P. 314–315, №68; p. 388–391, №106; p. 553; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Указ. соч. – С. 311). Следовательно, христианские общи-ны в Хазарии в начале X в. были, а вот своего епископа, способного рукополагать пресвитеров, не было, и значит, упомянутые в Нотиции де Боора церковные центры, входившие в состав епископства Готфии, нельзя принимать за реальные византийские епископства VIII–IX вв. на территории хазар.

[112] *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 211–212.

[113] Ср.: *Герцен А.Г.* Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 118; *Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: Хазары в Доросе. – С. 62.

Таксатами (oi taxatoi), токсотами (oi toxotoi) или таксеотами (oi taxeotai) византийцы обычно называли наемных воинов-профессионалов особых сменных отрядов тагмного (регулярного, постоянного, центрального) войска, которые несли как пограничную, так и гарнизонную службу, составляли ядро войск в фемах, тогда как фемные ополченцы-стратиоты распускались по домам[114]. В отличие от кавалерии и тяжеловооруженной пехоты, они представляли собой воинов легкой пехоты, вооруженных луками[115]. Примечательно, что в составленном в ранневизантийской среде Nomoi ton Omeriton — собрании юридических норм для южноаравийских христиан-химьяритов, таксеоты представлены как городские служащие или чиновники, которые должны были выполнять обязанности стражников, полицейских[116]. Не была ли эта, очевидно, немногочисленная хазарская пешая «стража» приглашена сюда самим киром Готфии и его архонтами? Ведь ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона в 711 г., когда хазары тоже подошли к городу по просьбе местных ромейских властей города и простатевонтов его области, чтобы помочь разрешить разразившийся политический кризис, переросший в военный конфликт. На малочисленность этих воинов указывает сам факт изгнания «филакас таксатус» из резиденции кира Готфии приверженцами Иоанна Исповедника, которых, похоже, тоже не могло быть много, ибо Иоанн пользовался отнюдь не всеобщей поддержкой в Юго-Западной Таврике. Наказанные позже, «под горячую руку», по приказу хагана 17 человек как раз могли быть из числа тех, кто дерзнул поднять руку на хазарских представителей порядка и кто создал ситуацию, угрожавшую жизни и безопасности местных властей Готфии. К тому же из текста Жития остается неизвестным, были ли возвращены эти таксаты, судя по термину, наемные стражники, простые пехотинцы-лучники, на прежнее место после того, как «люди» или «войско» (tou laou) епископа «выгнали» (exedioxen) их из Дороса и «заняли» (ekratesen) клисуры — «тесные места», то есть окрестные ключевые позиции в горной местности, где каких-либо вооруженных стражников, видимо, вообще не было — стража была помещена хаганом только в главной крепости Готфии, при резиденции ее кира[117].

Под клисурами, занятыми приверженцами Иоанна Исповедника, можно понимать, вероятно, не контроль над всеми теснинами, ущельями, проходами, перевалами горного Крыма, как иногда считают (едва ли у восставших достало бы сил для столь масштабного овладения), а давно существовавшие оборонительные стены в балке Каралез (Сторожевая) перед Доросом и на нем самом, следы которых зафиксированы архео-

[114] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 369, комм. 7; *Gregoriou Ioannidou M.* Parakme kai ptose tou thematikou themou. – Thessalonike, 1985. – S. 165.

[115] Византийский военный трактат «De castrametatione» / Пер. В.В. Кучмы // ВВ. – 2002. – Т. 61 (86). – Гл. 1, С. 285, комм. 17; гл. 19, С. 301, гл. 20, С. 304.

[116] См.: *Пигулевская Н.В.* Законы химьяритов // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. – СПб., 2000. – С. 44.

[117] Житие Иоанна Готского. – С. 416-417, гл. 5. А.Ю. Виноградов и А.В. Комар трактуют текст источника таким образом, что хазары оставили гарнизон именно в клисурах, которые покинули из-за «...слухов о поднятом Иоанном возмущении готов против хазар» (*Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 49).

логически (см. рис. 32, 1)[118]. К примеру, 150-метровая двухпанцирная стена у подножия Мангупа имела толщину 2,3–2,4 м, была сложена из известняковых блоков с забутовкой на известковом растворе и увенчана зубьями. По центру ее располагались ворота, а на флангах, в тех местах, где она примыкала к скале, были вырублены смотровые площадки и небольшие «пещерные» сооружения. Иеромонах Матфей в конце XIV в. в своем рассказе о Феодоро-Мангупе вполне определенно дважды употребил термин «клисура» применительно к укреплениям, которые заполняли бреши в скальном массиве, созданном на Мангупском плато самой природой, что совпадает с выводами А.Г. Герцена относительно здешней фортификации: «Система состояла из отдельных, дискретно расположенных звеньев, основной задачей которых было, дополняя естественные обводы плато, создать непрерывный оборонительный контур, общая протяженность которого составляла около 7 км»[119]. Вот эти ключевые узлы обороны и оказались на короткое время под контролем сторонников Иоанна, как бы ни квалифицировать их выступление — как «восстание» или как «волнения»[120].

Примечательно, что в тексте Жития нет даже намека на некое «вторжение» хазар на территорию горного Крыма после изгнания их «таксатов», очевидно, даже не всадников, а немногих пехотинцев-стражников. В этом и не было нужды, поскольку конфликт разрешили сами обитатели Готфии («народ», некое селение), выдав Иоанна «властителям хазарским». В той ситуации крупномасштабный карательный рейд конной армии, разгром и оккупация Юго-Западной и Восточной Таврики только разожгли бы и без того накалившиеся страсти и не укрепили бы, а сломали остатки «общественного мнения», еще державшегося в пользу кондомината, а значит, и в пользу хагана. Если исходить из данных византийской эпистолографии и агиографии, уже не раз служивших предметом исследования, выяснится, что применительно к 795 г. правитель Готфии стоял в одном ряду с правителями Лангобардии и Боспора и об их службе хагану речь не шла[121].

Поэтому нет оснований для утверждения, что хазарский гарнизон на 10–15 лет разместился в Дросе «после неудачной попытки правящих кругов Готии избавиться от зависимости от каганата», а сама Готфия вместе со «значительной частью византийских владений в Таврике» «подпала под власть хазар», под их «полный контроль»[122]. Некоторые исследователи даже пуска-

[118] *Пиоро И.С.* Крымская Готия. – К., 1990. – С. 89; *Піоро І.С.* Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. – 2000. – №3. – С. 23; *Сидоренко В.А.* «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 114–115; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 546; ср.: Византийский военный трактат... – Гл. 15, С. 299, комм. 73; гл. 19–20, С. 301–304.

[119] Рассказ о городе Феодоро. Стихи Матфея, недостойного и ничтожного жреца // *Герцен А.Г.* Описание Мангупа–Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – Приложение 1. С. 580. 13–25; *Герцен А.Г.* Рассказ о городе Феодоро: Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 261–262.

[120] Ср.: *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 50.

[121] См.: *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма... – С. 173.

[122] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 209, 227; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 71; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 545; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма... – С. 170.

ются в голословные утверждения о введении здесь системы прямого правления тудуна, которая якобы будет оставаться до 841 г., и о содержании все это время населением хазарских военных сил[123]. А.Г. Герцен, крупнейший знаток Мангупа, похоже, пытается примирить непримиримое, когда пишет, что уже во второй половине 80-х гг. VIII в. византийская крепость на плато была «...захвачена хазарами, владевшими ею около полустолетия», вплоть до учреждения фемы на крымской земле, однако сам же признает, что все это время («до конца VIII — первой половины IX в.») кастрон Дорос имел ранневизантийский облик, а его население в основном оставалось тем же, сохраняя культурную ориентацию на византийский Херсон[124]. Более того, это «удержание» Мангупа, его «хазарский период» иногда продлевают на весь IX в., до второй половины IX — начала X в.[125] Нет сомнений, если бы владычество хазар было здесь столь долгим, оно неминуемо оставило бы свои следы в культурном слое. Между тем раскопки показали исключительную редкость находок на плато предметов, относящихся к салтово-маяцкой культуре[126]. А.Г. Герцен отмечает отсутствие сколько-нибудь значительного количества таких артефактов во всех крупных крепостях Юго-Западной Таврики[127]. Не считая ремонта отдельных участков главной линии обороны крепости, следов присутствия хазар здесь нет. Резкого изменения в этническом составе населения городища в конце VIII — начале IX в. материалы могильника, продолжавшего функционировать в раннесредневековое время, не дают[128]. Отдельные элементы «хазарской» погребальной обрядности в захоронениях при большой мангупской базилике — не более как пережитки язычества местного христианизированного салтово-маяцкого населения IX–X вв. (следы погребальной трапезы, тризны, кости животных около гробницы)[129]. К слову, такого рода жертвоприношения, иногда совершаемые перед церковью, на пороге церкви или даже в самой церкви, с благословением жертвенного животного священником путем совершения молитв, каждения и окропления святой водой, очень долго сохранялись в приходской народной традиции и дожили даже до современности, уцелев

---

[123] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 51.

[124] *Герцен А.Г.* Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 746; *Герцен А.Г.* Хазары. – С. 104, 107; ср.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики – С. 70.

[125] Евреи в Крыму. – С. 16, 17; *Герцен А.Г.* Хазары в Доросе–Мангупе. – С. 29; *Герцен А.Г.* Дорос–Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу. – С. 18, 19.

[126] Невзирая на предлагаемую протяженность «хазарского периода» в три четверти столетия или больше, А.Г. Герцен в противоречие к этому пишет о «кратковременном захвате крепости хазарами», не отразившемся на материальной культуре населения (ср.: *Герцен А.Г.* Крепость Дорос ... – С. 119; *Герцен А.Г* Хазары в Доросе–Мангупе. – С. 29, 32). В.Е. Науменко ограничивает хазарский контроль «над горной частью Крымского полуострова» после восстания Иоанна Исповедника «несколькими десятилетиями», тоже отмечая, что гарнизон в Доросе был размещен на «короткое время» (*Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 545).

[127] *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым: Междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 34; *Герцен А.Г.* Между Боспором и Херсоном: Хазары в Доросе. – С. 62; ср.: *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 58.

[128] *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Керамика IX–XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 128.

[129] *Бармина Н.И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 81–83.

в обычаях греческой диаспоры[130]. Тем более нет никаких оснований говорить о некой «ежегодной сменяемости» в Доросе «хазарского гарнизона» на манер «достаточно редкой для хазар практики управления пограничными областями», отмечаемой источниками лишь в отношении Дербента и принадлежавшей хагану «царской» крепости Саркел первой половины X в.[131]

Остается неясной и судьба расположенной в пяти километрах к западу от Дороса одной из главных крепостей Готфии на Эски-Кермене, которую хазары, возможно, именовали Кут (татарское Куттелей)[132]. Е.В. Веймарн отмечал на этом городище следы сильного пожара, датировку которого он произвольно увязывал с концом VIII в.[133] И.А. Баранов, опираясь на опубликованный востоковедом Д.А. Хвольсоном пересказ переписки на полях Пятикнижия из собрания караимского коллекционера Авраама Фирковича, утверждал, что крепость была уничтожена хазарами в 804–805 г., после того как они отняли ее у готов, якобы угнетавших местных иудеев[134]. Однако подлинность этой переписки, где речь идет о Мангупе, как показали исследования, проведенные по инициативе хранителя коллекции Фирковича, вызывает серьезные сомнения[135]. Невозможно говорить о разрушении городища и его оборонительных сооружений в ходе подавления вооруженного выступления сторонников Иоанна Готского, поскольку вырубленные у южных ворот Эски-Кермена пещерные церкви с усыпальницами в районе подъемной дороги и въезда в городище были сооружены, судя по корреляции датировок обнаруженных здесь в могилах вещей и истории развития некрополя, не ранее конца IX столетия и не могли служить помехой для защитников крепости, будучи расположенными внизу скального массива[136]. Как показывают раскопки Парфенита, главный очаг восстания отнюдь не имел вид «руин», о которых упоминает А.И. Айбабин[137]. Те усадьбы, что сгорели, были быстро отремонтированы, возобнов-

[130] Подр. см..: *Барабанов Н.Д.* Благочестивые заклания: Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 94–96.

[131] Ср.: *Науменко В.Е.* Место Боспора... – С. 345. К тому же в отношении Саркела Константин Багрянородный отмечал, что в нем держали 300 «таксеотов», очевидно, из числа воинов регулярного царского войска, то есть наемных ларсиев (арсиев), тюрок-мусульман, которые сменялись «по времени поочередно» (kata chronon enallassomenoi), а вовсе не «ежегодно», как обычно переводят этот пассаж (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 22–23, С. 170–171).

[132] *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология ЮгоЗападногоКрыма. – Симферополь, 1993. – С. 61–62; *Герцен А.Г.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. – Симферополь, 2000. – С. 19; *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 462–465. Впрочем, с не меньшим основанием можно считать, что хазарский топоним Кут, упомянутый в письме хагана Иосифа около середины X в., имел отношение к Чуфут-Кале или к любому другому хазарскому опорному пункту в Юго-Западном Крыму на отрезке между Алубихой (Алупкой) и Манкутом (Мангупом). Определенно ясно лишь, что это был конкретный пункт Готфии, а не название, тождественное всей Готфии, на чем ошибочно настаивает Х.-Ф. Байер.

[133] *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции) // История и археология древнего Крыма. – М., 1958. – С. 53; *Веймарн Е. В.* «Пещерные города» Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 165.

[134] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 151–152; ср.: *Хвольсон Д.А.* Еврейские древности в Крыму // Труды I Археологического съезда: В 2 т. – М., 1871. – Т. 2. – С. 853–859; *Хвольсон Д.А.* Сборник еврейских надписей из Крыма. – СПб., 1884. – С. 276.

[135] *Лебедев В.В.* К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А. С. Фирковича // ПС. – 1987. – Вып. 29. – С. 57–61.

[136] *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен //МАИЭТ. – 1991. – Вып. 2. – С. 46–47; *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – С. 40–44.

[137] *Паршина Е.А.* Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. – К., 1991. – С. 93; ср.: *Айбабин А.И.*

Рис. 160. Моливдовул из Парфенита, принадлежавший ипату. Д. 17 мм. VIII в. (по Б.А. Панченко)

Рис. 161. Моливдовул из Парфенита, принадлежавший стратигу Фракии. Д. 20 мм. IX в. (по Б.А. Панченко)

лены. В целом, жизнь эмпория не испытала экономического спада, а сохранение его политической ориентация на Византию прослеживается в находках ромейских моливдовулов некоего Ипата (это могло быть имя, а не титул) и даже стратига Фракии, важнейшей фемы, прикрывавшей столицу Империи, причем наличие на одном из них крестообразной инвокативной монограммы, которая может расшифровываться и как «Господи, помоги», и как «Богородица, помоги», в дополнение формулы «рабу своему» (to so doulo), а также характер крупного продолговатого шрифта указывают скорее на VIII — первую половину IX в., но никак не на время Константина Багрянородного, как полагал издатель печатей Б.А. Панченко (рис. 160-161)[138].

Особенности византийско-хазарских отношений в Таврике в первой трети IX в. Превентивное по характеру антихазарское выступление Иоанна Готского, так и не ставшее громким уголовно-политическим «делом», тем не менее оказалось весьма симптоматичным. Несмотря на то что источники не сообщают о прямых военных действиях между каганатом, его союзниками и Романией, общее нарастание хазаро-византийского напряжения на юге Восточной Европы, в том числе в Таврике, невозможно не заметить с конца VIII — начала IX в.[139] Этому состоянию своеобразной «холодной войны», скрытой конфронтации, лишь иногда выливавшейся в рейды, грабежи, захваты опорных пунктов, вооруженные стычки небольшого масштаба, можно попытаться найти как косвенные, так и прямые доказательства. Это тем более важно для уяснения истинного состояния и характера византино-хазарских отношений в период, непосредственно предшествовавший времени создания стратигиды на Крымском полуострове.

Входившая, как Херсон и Боспор, в состав Зихийской епархии Сугдея (eparchia tes autes o Sougdaon), Готфская епархия (eparchia Gotthias) и ее митрополия Дорос, Дору (Doros metropolis, o Dorou), а также упоминаемые в списке предстоятельств константинопольских патриархов, митрополитов и автокефальных епископов Notitiae Isaurorum (Darrouzes

Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7. А.И. Айбабин противоречит себе, когда отмечает, что извлеченные из слоя «северопричерноморские амфоры 1–3 типов второй половины VIII –IX вв., гончарные фляги и византийские монеты Михаила I (811–813 г.), Василия I с соправителем Константином (869–879 г.) демонстрируют гибель усадеб в более позднее время» (*Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 210).

[138] *Панченко Б.* Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 161–162, №2–3, рис. 2–3; ср.: *Романчук А.И., Шандровская В.С.* Введение в византийскую археологию и сфрагистику. – Екатеринбург, 1995. – С. 79–80, рис. 26. Выражаю благодарность Е.В. Степановой за консультацию по поводу уточнения содержания и датировки этих печатей.

[139] Ср.: *Noonan T.* Byzantium and the Khazars: a Special Relationship? // Byzantine Diplomacy. – London, 1992. – P. 109–132.

N 3) и схолии к нему Фулы (o Phoulon), Хотзирон (o Chotziron), Астиль (o Astel), Хуалис (o Chouales), Оногурон (o Onogouron), Петег (o Peteg), Унон (o Ounon), Таматарха (o Tamatarcha) не названы в другой, правда, тоже неофициальной нотиции, составленной во время патриаршества Никифора (806–815 гг.)[140]. Возможно, это тоже свидетельствует о том

[140] *Parthey G.* Hieroclis Synecdemus et Notitiae graeca episcopatuum. – Berolini, 1866. – N IX.; ср.: *Darrouzes J. A. A.* Notitiae episcopatuum... – N3, 42, p. 231–232; N3, 611–618, 777–779, p. 241–242, 245; *Науменко В.Е.* Церковная география Таврики... – С. 9–20. Очевидно, собственно к территории Крыма конца VIII–IX в. относились «епархия Готфия», а также Херсон, Воспор, Сугдея и, возможно, Фулы и Хотзирон. О последних двух упоминается в конечной небольшой схолии к списку митрополий Нотиции де Боора: « – 37 епархия Готфия, а) Хотзирон близ (поблизости, вблизи) Фул (syneggus Phoulon) и Харасия (tou Charasiou), что считают (называют) Черная Вода (eno legetai to Mavron Neron)» (*Darrouzes J.A.A.* Op. cit. – N 3, 777–779, p. 245). Достаточные ли это основания, чтобы вслед за А.А. Васильевым и другими считать Хотзирон именно и только епископией, а под хотзирами–обитателями Хотзирона видеть хазар? (см.: *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – P.98; *Ahrweiler H.* Les relations entre les byzantins et les russes... – P. 44–71; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 153; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе. – С. 585–586; *Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму... – С. 75; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 208; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 57; *Науменко В.Е.* Notitia K. де Бора как источник... – С. 130–131) Во всяком случае, ничто не мешает понимать под этим названием вполне конкретное место, может быть центр округа, области, какое-то крупное поселение, полисму или кастрон в Таврике, причем не обязательно в восточной ее части, как полагали А. В. Гадло и А.И. Айбабин, ибо ближними ориентирами названы точно не локализованные Фулы и некая Маврон Нерон, не исключено, Черная речка (ср.: *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... – С. 101). Впрочем, Ю.А. Кулаковский отождествлял Маврон Нерон – «Черную Воду» с именем Харасий (Charasiou), в котором считал возможным видеть татарский Карасу, то есть южный приток р. Салгира, на котором стоит Карасу-базар (*Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды: Краткие исторические очерки. – К., 1906. – С. 69). Г. Моравчик поначалу предполагал под словом Хотзирон некий тюркский народ, но затем стал видеть в нем кальку с этнонима акациры, всречающегося уже в V в. (*Moravcsik Gy.* Byzantiniturcica. – Berlin, 1958. – Bd. 2. – S. 346–347; *Moravcsik G.* Byzantinische Mission im Kreise der Tuerkvoelker an der Nordkueste des Schwarzer Meers // Proceedings of the XIII International Congress of Byzantine Studies. – London, 1967. – P. 22). Астиль, следующий в схолии после Хотзирона, как будто связывают в этой приписке с одноименной рекой Хазарии – Волгой (Итилем), но, дабы не возникло недоразумение, подчеркивают их отличие (o Astel, eno legetai o Astel o potamos tes Chazarias, estin de kastron – «б) Астиль, что считают (называют) Астиль река Хазарии, а это кастрон»). Ю.А. Кулаковский тоже видел в этом названии не гидроним, а самую позднюю столицу хазар – Астиль–Итиль. Более того, по мнению О.О. Прицака, речь шла «о двух половинах хазарской столицы: западной Астиль / Атиль и восточной Хуалис /Хвались/ Казаран» (*Голб Н., Прицак О.* Еврейско-хазарские документы X века. – М.; Иерусалим, 1997. – С. 185). Поэтому есть основания помещать названные после этого другие топонимы и одновременно церковные центры (o Onogouron, o Reteg, o Ounon – Оногурон, Ретег, Унон) вплоть до Таматархи на Таманском полуострове, якобы входившие в IX в. в епархию Готфия, вне пределов собственно «страны готов» (ср.: *Науменко В.Е.* Nititia К де Бора... – С. 131–132). Впрочем, основания для этого шаткие, поскольку подобные «этнические» названия мест, обнаруживающие связь с булгарами–оногурами, гуннами, тюрками, могли встречаться и в Юго-Западном Крыму, примером чему служит упоминаемый в церковных документах последней четверти XIV в. южнобережный choros, именовавшийся Аланией (ten Alanian) (Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Collecta ediderunt F. Miklosich, I. Müller. – Vindobonae, 1862. – Vol. 2. – N 355, 370, 419). Этнонимы фигурируют и в названии епархий, на что, к примеру, указывают первая редакция Минология Василия (вторая четверть XI в.) и Кларомонтанский синаксарь, где под 10 ноября значится память «св. Ефрема, исповедника и епископа Гуннии» (Сергий. Полный месяцеслов Востока. – М., 1997. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 350). Вопрос лишь, совпадает ли она с тем «Уноном», что назван в Нотиции де Боора и можно ли рассматривать ее в качестве следов «35-ой (37-ой) епархии – Готфии»? Иоанн Скилица упомянул о «епископии Туркии», какая существовала у венгров во второй половине X в. (Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. I Thurn. – Berolini; Novi Eboraci, 1973. – P. 239. 69–70). К тому же надо учесть особенность византийской этнонимии, где «этнические термины не являются этниконами в узком и строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик» (*Бибиков М.В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. – 1986. – Вып. 30. – С. 101). Но совсем невероятно, чтобы названия епархий были связаны не с конкретными центрами, городами или крепостями, а с гидронимами. Во всяком случае, в византийских источниках нет надежных прецедентов такого рода. Поэтому нет осно-

независимом положении, в каком они оказались в условиях активизации вмешательства хазар и роста их враждебности[141].

Но говорить об оккупации каганатом восточной части Крымского полуострова в первой половине IX в. и тем более перед этим можно лишь в виде гипотезы, не имеющей весомых подтверждений[142]. Здесь известно около двух сотен поселений, однако возникли они, скорее всего, по согласованию с византийской администрацией, во второй половине VIII в., на свободных землях, в бесконфликтное время, на что недвусмысленно указывает отсутствие у них оборонительных стен[143]. Что касается Юго-Западной Таврики, Дорос, или Дору — главная резиденция, митрополия Готфии[144], похоже, все же оказалась временно захвачена и даже переименована в хазарский Ман-к-т, Манкут (согласно языковедческим исследованиям Х.-Ф. Байера, по-древнетюркски — «моя крепость», то есть крепость хагана), только произошло это не в конце 80-х гг. VIII в., в связи с подавлением мятежа Иоанна Готского, а, вероятно, к 20-30-м гг. IX в., когда хазары уже перестраивали его крепостные укрепления и, заселив Мангуп, по мнению Д.А. Хвольсона, иудеями из таманской Гермонассы—Таматархи, а по мнению А.И. Айбабина — гарнизоном из булгар, соверша-

ваний видеть в Хуалисе –Хвалисе Каспийское море, а в Ретеге – р. Терек, как бы остроумно ни выглядели эти догадки (см.: *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. – P. 97–104; *Иванов С. А.* Византийская религиозная миссия X–XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – №3. – С. 67). Не могли они быть и «типичными миссийными епархиями без постоянной резиденции» (*Кабанец Е.П.* Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X вв. // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2004. – С. 91, 94 –95), поскольку Византийская церковь не знала такой практики.

[141] *Артамонов М. И.* История хазар. – С. 325. Оригинальную, но ничем не подкрепляемую, более того, входящую в противоречие с другими источниками версию предложил В.В. Сухоребров, по мнению которого Готскую епархию не включили в нотиции первой половины IX в. потому, что официально она как бы «не существовала» для Константинополя, поскольку находилась на иконопочитательских позициях и ее иерархи не признавались патриархом и василевсом (*Сухоребров В.В.* Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 80, прим. 2). Как уже указывалось на примере реакции местных жителей относительно выступления Иоанна Исповедника, оппозиционные настроения в Готфии по отношению к официальному Константинополю не стоит преувеличивать и, значит, едва ли на местных христиан смотрели бы как на изгоев ромейской Церкви, недостойных общения. Тон писем Феодора Студита в Юго-Западную Таврику тоже не позволяет считать ее обитателей, в том числе монашествующих, стойкими, образцовыми иконодулами (Theodori Studitae epistulae // PG. – 1862. – T. 99. – Col.1344–1345, 1520–1523; К епископам, сосланным ради Христа в Херсон (XCII) // Творения св. отца нашего и исповедника преп. Феодора Студита в рус. пер. – СПб., 1908. – Т. 2: Письма к разным лицам. – С. 454–455 (письмо XCII), 553–555 (письмо CLXIV)).

[142] См.: Oikonomodes N. Le «systeme» administratif byzantin en Crimee aux IXe - Xe s. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 321; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений... – С. 544.

[143] Подр. см.: *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. – С. 163–168.

[144] Важно иметь в виду, что слово metropolis могло означать и церковный центр, и «главный город», «столицу» провинции в политико-административном смысле. Именно так в Чудесах св. Димитрия упоминается «богохранимая митрополия фессалоникийцев» (e theophylaktos ton Thessalonikeon metropolis), которая превосходила все прочие центры Фракии, а также город Сирмий – «митрополия» провинции Паннония (Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.). – М., 1995. – С. 102. 13–24, §117; С. 168. 9–10, §284; С. 186, комм. 20). Принятие этой поправки снимает надуманную необходимость возводить епархию Готфия в ранг некой огромной церковной митрополии, ибо таковой она впервые упоминается только в XIII в., а для второй половины VIII в. проблематична даже как автокефальная епархия (*Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 110–112; *Могаричев Ю.М.* Иоанн Готский и образование Готской епархии. – С. 24–25).

ли набеги на византийские поселения в Таврике[145]. Именно после VIII в. возникает Большой Мангуп, занявший всю основную площадь плато, а первоначальное укрепление — кастрон площадью около 4,5 га на крайнем восточном мысе Тешкли-Бурун — становится его цитаделью[146]. Особо следует заметить, что ремонт, перестройка ряда узлов оборонительной системы, например укрепленной линии А. XIV, «клисуры», пересекавшей устье Лагерной балки, которая была сдвинута ниже по склону и установлена прямо на поверхности земли, производился с использованием строительных приемов, типичных для фортификации Северного Кавказа и Подонья, связанной с салтово-маяцкой культурой[147]. С тыльной стороны новоотстроенной куртины открыто женское погребение с типичными салтовскими серьгами, которое, возможно, было совершено в период строительства стены и имело ритуальный характер[148]. Наконец, на квадрах оборонительных стен вырезаны тамгообразные знаки, имеющие аналогии от Болгарии и до Северного Кавказа, в том числе в Херсоне.

В Эски-Кермене и Чуфут-Кале следов работ, подобных мангупским, пока не выявлено[149]. Оборонительная стена, не исключено, воздвигнутая салтовцами, перекрывала доступ на плато Кыз-Кермен, к городищу, расположенному в нескольких километрах от Чуфут-Кале, однако эта стена была сложена практически одновременно с основанием в VIII в. поселения, несущего в облике своих жилых усадеб заметное ромейское влияние[150]. Теоретически хазарские «государственные крепости» могли

[145] Следы пожара археологически прослеживаются в средней части плато, у Лагерной балки, недалеко от большой мангупской базилики, но они с трудом поддаются датировке по причине невыразительности слоев. Определенно можно лишь сказать, что они относятся к концу раннего Средневековья (подр. см.: *Хвольсон Д. А.* Еврейские древности в Крыму. – С. 858; *Хвольсон Д.А.* Сборник еврейских надписей... – С. 276; *Айбабин А.* Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7; *Герцен А.Г.* Система оборонительных сооружений Мангупа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – С. 20; *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 135, 137; *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 58; *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 141; *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 64; *Герцен А.Г.* К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 27). – Симферополь, 1995. – С. 87; *Герцен А.Г.* Мангуп. Город в крымском поднебесье. – Симферополь, 2001. – С. 13, 28–29). Х.Ф. Байер предполагает участие в этой перестройке некоторых укреплений Дороса также и готов, которые, по его мнению, оставались друзьями хазар «...в течение многих веков после подавления готского восстания в конце VIII в.» (sic!) (*Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 106–107; ср.: *Байер Х.-Ф.* Идеология... – С. 465–466).

[146] *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф М.Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика: Материалы по истории и археологии Крыма. – К., 1974. – С. 137–139.

[147] *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым: Междунар. конф. – Симферополь, 1997. – С. 34; *Герцен А.Г.* Мангуп. – С. 29.

[148] *Герцен А.Г* Между Боспором и Херсоном: Хазары в Доросе. – С. 63; *Герцен А.Г* Хазары в Доросе–Мангупе. – С. 33

[149] Показательно, что на некрополе Эски-Кермена зафиксировано лишь одно несомненно салтовское погребение (*Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 25, мог. №243; *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен. – С. 46). Похоже, это городище, как и крепость на Чуфут-Кале, никогда не было хазарским.

[150] *Якобсон А.А.* Раннесредневековые сельские поселения... – С. 103–110; *Белый А.В., Назаров В.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь,1992. – С. 132–142; *Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка №2 // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. –

возникнуть в Кыз-Ауле, Кордон-Обе, Баксане, Хмелевском, Беляусском городищах, на городище «Чайка» в 7 км к западу от Евпатории, в «цитадели» Аблемитского городища, то есть на самых дальних, северных подступах к Херсону (см. рис. 113. 69; рис. 124. 5, 11–13)[151]. Но с некоторой долей уверенности говорить о наличии фортификационного укрепления можно лишь в отношении Аблемитского городища, расположенного на мысу на южном берегу озера Донузлав, да и то памятник остается практически не исследованным[152].

Если исходить из указаний о пределах хазарских владений, изложенных в письме хазарского царя Иосифа в Кордову в самом начале второй половины X в., за византийцами на территории Крыма всегда, и, значит, в это трудное время распада кондоминиума, оставалась довольно обширная территория вокруг Херсона («на берегу моря Кустантинии к западу»), которая на севере простиралась до долины Альмы (Алма-Баклинское городище?), на западе, во Внутренней горной гряде — до Эски-Кермена, почти пограничного с Мангупом, захваченным на некоторое, непродолжительное время хазарами; на юго-востоке — до линии прибрежных поселений, лежавших к востоку от Алупки (хазарской Алубики)[153]. Кастра и поселения внутри этой территории, в том числе в крупнейших долинах — Инкерманской, Бельбекской, Качинской, Байдарской, Каралезской, Шульской, оставались населены преимущественно теми, кто считался христианскими подданными императора ромеев, и хотя хазары то и дело предпринимали грабительские рейды в эти земли, захватить их не удалось. Впрочем, в 20–30-е гг. IX в., когда ситуация в Таврике обострилась, ни одна из сторон не могла знать, как обернутся дальнейшие события, и каждая вынашивала свои планы.

По мнению Хр. М. Лопарева, одного из лучших отечественных знатоков византийской агиографии, Житие стойкого иконодула, борца с ересью, Иоанна Психаита, некоторое время пребывавшего в Херсоне, намекает на враждебное окружение, в котором оказался город и его окрестности в самом начале правления Михаила II Заики (820–829)[154].

С. 49–63; *Белый А.В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек №3, 4, 7 // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 189–229; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. – С. 168–169.

[151] *Баранов И.А.* Таврика в эпоху... – С. 58–59, 65; *Баранов И.А.* Таврика в составе... – С. 14; *Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7; *Павленков В.И.* Крепости Донузлава // Пилигримы Крыма. – Симферополь, 2000. – Т. 2. – С. 47–48; *Кутайсов С. В.* Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 156.

[152] *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах... – С. 164–165.

[153] См.: *Гаркави А.* Сообщения о хазарах: А. Хазарские письма // Еврейская библиотека: Историко-литературный сборник / Изд. А.Е. Ландау. – СПб., 1879. – Т. 7. – С. 160.

[154] *Лопарев Хр.М.* Византийския Жития святых VIII–IX веков // ВВ. – (1911) 1913. – Т. 18. – С. 11–13; *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. Ч. 1. – Пг., 1914. – С. 235–236. На это же обстоятельство и со ссылкой на тот же источник указывала Элен Арвейлер (*Ahrweiler H.* Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siecle. – P. 66). Очевидно, не зная о наблюдении Хр.М. Лопарева, К. Цукерман отнес его к числу «появившихся недавно недоразумений», ибо, по его мнению, в тексте Жития нет абсолютно никаких сведений об угрозе Херсону и даже упоминаний хазар (*Zuckerman C.* Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson. – P.221; *Цукерман К.* Вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320). С последним можно отчасти согласиться, хотя удерживать в Херсоне желавших покинуть его во время начала правления Михаила II могла лишь угроза со сто-

Рис. 162. Лев V Армянин (813–820). Миниатюра из Моденской рукописи хроники Иоанна Зонары (по В. Тредголду)

Этому по времени предшествовало убийство «кровожадного зверя» Льва V Армянина (813–820) (рис. 162), совершившего ряд крупных внутриполитических ошибок и настроившего против себя даже многих соратников[155]. Сам Иоанн спасал от его жестокостей и преследования братию своего монастыря, снабжая их вдоволь провиантом на дорогу и отправляя в некие «любезные Богу» края, в которых нет оснований подозревать Таврику[156]. Гимнографы IX в. не сомневались в факте ссылки этого ярого иконопочитателя, который все же «победил дерзость львов»[157]. Смерть постигла василевса-иконоборца на Рождество, в ночь на 25 декабря 820 г. Узнав о том, что нечестивого гонителя больше нет, получив в числе прочих пострадавших «освобождение от наказания», амнистию (adeias) от нового василевса, «и свое дело устроив хорошо (в Константинополе), святой уезжает в город Херсон, расположенный рядом с Боспором, и прибыв в этот город ради отдохновения от обременительной толпы (eis anapsyxin ton ochlounton), он придерживался опять подвижнических трудов», исполнял каноны, исцелял, совершал чудеса, что вызвало приток к нему паломников со стороны[158]. Странно, но их приход (syndrome) святой воспринимал как наказание, вред и тяготился похвалами, которые, по его мнению, уменьшали его добродетель. Через некоторое время Иоанн пригласил некоего Парфения, одного из своих учеников, чтобы посоветоваться о совместном отъезде. Учитывая, что переезд в Романию должен был осуществиться морем, вести разговор о нем имело смысл не позже лета — осени 821 г., когда действовала навигация. Однако Парфений ответил, что осуществить это невозможно в виду некой толпы или массы, «множества народа» (ypo tou plethous), надо понимать, врагов, что трудно выбраться из Херсона и вернуться в него, совершить обратный путь (palindromein), и тогда Иоанн предложил вместе пуститься в опасное предприятие[159].

роны хазар, нападение на город и его окрестности, а не толпа фанатично настроенных поклонников святого. Венгры если и появятся здесь, то не ранее, чем через 10–15 лет.

[155] Подр. см.: *Афиногенов Д.Е.* Что погубило императора Льва Армянина? (История и мифы) // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. – СПб., 2003. – С. 194–222.

[156] La Vie grecque de S.Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P.C. Van den Ven // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. – Louvain, 1902. – T. 3. – P. 114. 10–14, §7; ср.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 338.

[157] *Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 356.

[158] La Vie grecque de S.Jean le Psichaite... – P. 118. 13–18, §8.

[159] La Vie grecque de S.Jean le Psichaite... – P. 120, §9. Р.Х. Лопарев, приведя цитату из Жития, отметил, что «в другом списке чтение значительно отличное» и что составитель пользовался разными вари-

Впрочем, это враждебное окружение еще не вылилось в изоляцию, подобную той, сравнимой временами с тюрьмой, которая будет нарастать к середине столетия. Агиограф отмечал приход сюда накануне тех народов, что находились «параллельно Воспору, вне святого» (syrreonton ton parakeimenon ethnon te Bosporo thurathen te tou agiou kathezomenon), и в конечном итоге удавшийся отъезд Иоанна с Парфением, которые оставили опечаленных херсонитов и прочих паломников, пообещав им вернуться[160]. Епифаний Монах тоже не сообщал о каких-либо трудностях военного характера, угрожавших Боспору или Херсону во время его путешествия по Таврике, вероятно, близкое к 820 г.[161] Это говорит о том, что ситуация то и дело менялась от худшего к лучшему и была неустойчивой. Однако предполагать, что составитель Жития Иоанна Психаита, писавший после 843 г., перенес сведения начала 860-х гг. о плотном вражеском окружении Херсона на 20-е гг. IX в., когда этого якобы не было, будет большой натяжкой[162]. Такое самомнение строится на гиперабсолютизации агиографической традиции и слишком большом количестве допущений.

Мы тем более не вправе отказывать в доверии житийному источнику, поскольку не исключено, что именно к этой поре усиливавшегося напряжения и нараставших конфликтов, мелких стычек, выливавшихся в непосредственную угрозу городу со стороны неких «толп» или «племен (народов)», периодически блокировавших его, относится надмогильная надпись из «пещерного» храма с небольшим баптистерием, расположенного примерно посередине южного, почти 70-метрового обрыва Монастырской скалы в Инкермане, в 50 шагах к востоку от угла скалы, на вершине которой находилась ранневизантийская крепость (рис. 163)[163]. Это юж-

---

антами предания, пытаясь их объединить. Отсюда искусственная затушеванность насильственности в поездке святого (см.: *Лопарев Хр.М.* Византийския Жития святых... – С. 12–13). Тем не менее Х.-Ф. Байер все же полагает, что речь шла не о ссылке, изгнании Иоанна в Херсон, а о его добровольном туда приезде, хотя вслед за этим по не совсем понятным причинам все же последовало бегство. Но «толпа», мешавшая возвращению святого и его ученика в Византию, подана исследователем как те племена, приближенные к Боспору, что стекались к Иоанну, а сам отъезд неправильно понят как состоявшийся не из Херсона, а из Боспора (см.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 351–352).

[160] La Vie grecque de S.Jean le Psichaite... – P. 118–120, §8–9; Лопарев Х. Византийские Жития... – С. 12–13. Отбытие Иоанна с его учеником в Константинополь могло произойти не раньше весны 821 г., после выхода указа Михаила II об амнистии потерпевшим при Льве Армянине, «свинье в грязи нечестия», но, с другой стороны, едва ли это случилось позже лета того же года, когда восстание анатолийского турмарха федератов Фомы Славянина, начавшееся с осени 820 г., набрало силу и охватило больше 80 тыс. человек в азиатских и европейских владениях Византии. При этом Вукелларий, Пафлагония, Кивирриоты стали на сторону мятежника, тогда как Михаила Травла поддержали евро-пейская часть Империи и Оптиматы, Опсикий, Фракисий, Арменияк, Халдия, а уже в декабре 821 г. даже Константинополь оказался блокирован и с суши, и с моря (Продолжатель Феофана: Жизнеописания византийских царей / Изд. Я. Н. Любарский. – СПб., 1992. – С. 26–35, кн. II. 10–19; *Norwich J.* Byzanz. Auf dem Höhepunkt der Macht 800–1071. – Düsseldorf; München, 1994. – S.50; *Treadgold W. A* History of the Byzantine State... – P.434–435; *Афиногенов Д.Е.* Что погубило императора Льва Армянина? – С. 209–210, 212). Вероятно, именно поэтому Хр.М. Лопарев считал, что беглецы могли покинуть Херсон лишь осенью 823 г., после окончательного подавления мятежа в середине октября и нормализации ситуации в столице (см.: *Лопарев Хр.* М. Византийские Жития... – С. 13), но это слишком долгий, а потому нереальный срок для «отдыха» Иоанна в Крыму, если учесть, что он начался весной – летом 821 г.

[161] Ср.: Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т.2. – Вып. 1. – С. 268–269.

[162] Ср.: *Могаричев Ю.М.* К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2002. – №4 (152). – С. 48–53.

[163] Высота расположения храма от подошвы скалы указывается исследователями по-разному: около

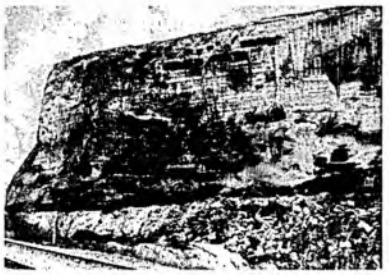

Рис. 163. Южный обрыв Монастырской скалы в Инкермане с девятью ярусами пещерных сооружений. Вид на «храм с крещальней» из балки Гайтани

ный, закрытый и наиболее теплый край обрыва, который обращен к Гайтанской (Первомайской) балке. Храм, часть которого обрушилась, состоит собственно из церкви с одной апсидой и тремя небольшими нишами под конхой, невысокой алтарной преградой и двухступенчатым синтроном, а также крохотной крещальни и примыкающей к ней усыпальницы, в полу которой вырублена гробница с деревянным перекрытием (судя по остаткам гнезд над могилой) (рис. 164). А.Л. Бертье-Делагард полагал, что сооружение было высечено в виде креста, перекрытого уплощенным куполом, и имело связь с 22 помещениями, образовавшими со временем монастырь. Он же считал эту церковь «...одной из древнейших пещерных, но все же, судя по грубости профилевок подкупольных карнизов, гораздо более поздней, чем время распространения купольных церковных покрытий в подражание константинопольскому Софийскому храму»[164]. В конечном итоге исследователь датировал ее весьма условно, относя к ранним «татарским временам», «...когда еще существовало княжество Феодоро», с чем согласен такой авторитетный знаток крымской скальной архитектуры, как Ю.М. Могаричев, и некоторые другие исследователи[165]. Между тем, стоит обратить внимание на отсутствие в храме специального, отдельного помещения жертвенника-професиса, что указывает на время ранее VIII в.[166] Темплон у него в виде выгородки, скорее всего невысокой, как это было характерно для церквей доиконоборческого периода.

Разногласия вызывают не только архитектурная, литургическая конструкция храма и время его строительства, которое может быть гораздо раньше XIII–XIV вв., но и датировка плохо сохранившейся шестистрочной надписи, высеченной в стене усыпальницы над нишей, обведенной рамкой. Она гласит: «Упокоились рабы Божии Аврамий сын (?) Афка комит месяца пер-

35 футов (А.Л. Бертье-Делагард), 6–7 сажень (В.В. Латышев), 25–30 м (Ю.М. Могаричев), 30–40 м (В.Ф. Филиппенко), что, очевидно, объясняется его труднодоступностью (подр. см.: *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 232–234; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – С. 40–42, №33; *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма (по сообщениям А.Л. Бертье-Делагарда) // ЗООИД. – 1897. – С. 151 (по словам Бертье-Делагарда, он добирался к храму «с опасностью жизни, при помощи лестниц и веревок»); *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. – С. 11–13; *Филиппенко В.Ф.* Инкерман–Каламита: крепость и монастырь. – С. 21–22).

[164] *Бертье-Делагард А.Л.* Указ. соч. – С. 233–234.

[165] Ср.: *Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям... – С. 150–151, к №33; *Mogarichev Yu.* M. Rock Architecture of Mountainous Crimea: Main Periods of Development // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – P. 263, fig. 12.

[166] Обряд и символика проскомидии – приготовления жертвенных даров связаны с первой третью VIII в., непосредственно со временем перед или сразу после начала иконоборчества (*Шульц Г.Й.* Візантійська літургія: свідчення віри та значення символів. – Львів, 2002. – С. 137, 143: ср.: *Гайдуков Н.Е.* К вопросу о датировке пещерного храма с баптистерием пещерного города Тепе-Кермен // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Междунар. Крым. конф. по религиовед. – Севастополь, 2003. – С. 17–18).

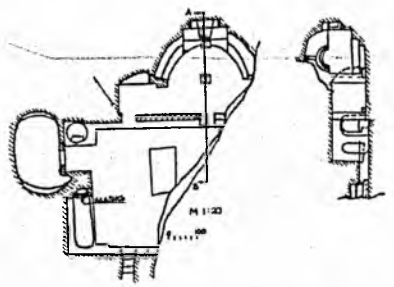

Рис. 164. План и разрез «храма с крещальней» (по В.Ф. Филиппенко)

вого (?) 19(?), дня..., и Косма Афка комит месяца марта 6329 (?)» (Echoimeth(e)san oi douloi tg Th(eo)u Abrames n(ios?) Athk[a] romes meni pr(o)t(o?) i[th?], em(era?)... kai Ko[sm]as Athka k[o]mes m[e]ni [Martio?], ztkth?)[167]. Чтение komes в двух местах, по мнению В.В. Латышева, не подлежало сомнению, и уже одно это заставляло относить надпись «к византийским временам». Относительно комитов в княжестве Феодоро данных нет. Издатель надписи отметил, что трем из четырех последних ее знаков «легко можно было бы придать цифровое значение (tkth = 329), а первый знак может обозначать 6000 и тогда получится 6329 год от сотворения мира = 821 г. по Р.Хр.»[168]. В таком случае смерть комитов Авраамия и Космы, сначала одного и через несколько месяцев другого, последовала как раз перед тем, когда Иоанн Психаит и Парфений будут безуспешно пытаться выбраться из Херсона, которому грозили некие враждебные «массы». Район Инкермана и его раннесредневековый кастрон, возможно, идентичный Фулам, известным по источникам VIII–IX вв., находились на последних рубежах, прикрывавших город, и сложить там голову в случае горячих стычек было немудрено[169].

Согласно Тактикону 842–843 г., комиты значились и среди высших, и среди средних, и среди низших сановных рангов. Одни из них следовали после «генеральских» званий протоспафариев, логофетов, преторов, доместиков, протостраторов, протоасикритов (o komes ton teicheon, o komes tou stablou), другие после воевод-спафариев, аподоместиков, клисурархов, турмархов, топотиритов, протонотариев (oi spatharioi kometes tes kortes ton thematon, oi spatharioi kometes tes kortes ton ploimaton), третьи замыкали ряды чиновной пирамиды после асикритов, хартулариев, нотариев, кураторов, зигостатов, ксенодохов, гирокомов, кандидатов, скрибов, вестиариев, силенциариев, апротов и прочих (oi kometes ton scholon kai kometes kortes ton thematon, o komes tes kortes ton ploimaton, o komes tou arithmou, o komes ton ikanaton, oi kometes tou ploimou)[170]. Маловероятно, чтобы Аврамий и Косма были комитами сравнительно высокого ранга, из числа тех, что получали жалованье по три литры

[167] А.Ю. Виноградов отказывается от чтения «Афка» и полагает возможным относить надпись к истории княжества Феодоро, датируя храм не ранее XV в. на основании наличия в нем боковых пастофориев, что вызывает сомнение.

[168] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей... – С. 42. Эту дату принимает В.Ф. Филиппенко, много лет занимавшийся памятниками Инкермана (*Филиппенко В.Ф.* Инкерман–Каламита... – С. 21–22). По архитектурным аналогиям и сходству имен похороненных (Афка) с именем из приписки на полях Судакского синаксаря («Андроник Апка, сын протопопа Ми...») Ю.М. Могаричев датирует время сооружения храма XIII–XIV вв., но аналогии эти, как и у Бертье-Делагарда, весьма условны, а созвучие греческих имен (Athka–Apka), на которое обратил внимание уже В.В. Латышев, тоже ни о чем не говорит (см.: *Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви... – С. 11–13; Архимандрит Антонин. Заметки XII–XV века... – С. 597, №7).

[169] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* «Зачарованный клад». – С. 71–79.

[170] См.: *Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines de IXe et Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 41–63.

(216 номисм) золота в год[171]. Скорее, это были пехотные или морские командиры из разряда самых последних офицерских чинов, после которых следовали уже только саны трибунов, аподрунгариев, протомондаторов и кенсоров. Некий «царский комит» (kometi bas[iliko]) упоминается в надписи на части мраморного карниза длиной 1,01 м, найденного в 1891 г. при земляных работах на месте, где находилась большая агора средневекового Херсона, следовательно, комиты встречались в городе среди прочих представителей имперских властей[172]. Вероятно, их присылали сюда, в «столицу» архонтата, с временными поручениями тогда, когда этого требовала ситуация, когда нужны были вмешательство или помощь со стороны. Такие лица относились к числу византийских официалов[173]. Судя по актовому материалу из послевизантийской Италии второй половины VIII–IX вв., это были офицеры, представители военной служилой знати. Из так называемого Баварского кодекса следует, что по месту своей службы они выступали арендаторами земель, главным образом церковных[174]. Следует также учесть, что комиты не обязательно были начальниками военных отрядов — арифмов, ванд или тагм. Среди них встречались коменданты крепостей, что вполне подходит для комитов, один за одним погибших у Инкерманского кастрона или в нем самом и потому там же похороненных в одном из монастырей, предположительно киновийном[175].

Как бы то ни было, становится очевидным, что система прежнего взаимного, добрососедского, сравнительно мирного византийско-хазарского владения, формально просуществовавшая на крымской земле почти полтора столетия, по сути дела, больше не действовала. Давние призывы Иоанна Исповедника, попытавшегося почти на пол столетия опередить развитие событий в Таврике, все же оказались пророческими. Лишь флер прежних политических обязательств и приоритетов отделял ромеев от открытой конфронтации с каганатом и его союзниками.

Обстоятельства, время и территория создания стратигии климата. Симптомом и одновременно следствием кардинальных изменений в Таврике явились здешние военно-административные преобразования, на которые решился зрелый, опытный, энергичный император Феофил (829–842), чтобы «...всецело повелевать кастроном Херсоном вместе с его местностями (kai tous en aute topous) и не упустить из рук» (рис. 165)[176]. Понятно, что последняя фраза имела отношение к архонта-

[171] Ср.: *Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 175.

[172] Сохранившаяся часть надписи читается вполне ясно, но уловить ее смысл не удается. В.В. Латышев поместил ее среди надгробных памятников, однако она слишком длинна и к тому же ее начало и концовка на других частях карниза выполнены все в ту же одну строку (*Латышев В.В.* Сборник греческих надписей... – С. 35, №28).

[173] *Kazdan A.* Comes // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 484–485.

[174] Codex traditionum ecclesiae Ravennatis nunc Monachii asservatus / Ed. J. Bernhardt. – Munich, 1810. – №69, 105, 153.

[175] *Бобровский Т.А., Чуева Е.Е.* К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в юго-западном Крыму // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 20–21, 22, 23, №6–7; ср.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 75.

[176] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей.– Гл. 42. 41–44, С. 172–173; Theophanes continuatus e rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 123–124.

Рис. 165. Феофил (829–842). Солид, золото

ту, области Херсон и ее местностям — климата, то есть относилась к тому, чем Романия владела не номинально, а вполне реально, и с чем не собиралась расставаться. Вообще все византийские фемы организовывались прежде всего там, где позиции Империи были более прочными, а организация обороны особенно настоятельной. Уже одно это обстоятельство красноречиво говорит о ситуации, сложившейся к тому времени на Крымском полуострове, которую нельзя свести к одному лишь «ослаблению влияния хазар», якобы оказавшихся «не в состоянии претендовать на сюзеренитет над Готией»[177]. Стратиг и его воинский контингент должны были обеспечить восстановление и упрочение на территории военно-административной фемы имперского правопорядка, налоговых поступлений, функционирование местных органов власти, организовать оборону и, если требовалось, провести набор ополченцев — стратиотов из местного населения путем внесения их имен в стратиотские каталоги.

Удивительное сходство с происходившим в Херсоне и его округе обнаруживает более поздняя попытка императора Василия I Македонянина (867–886) покончить с кондоминиумом на Кипре в пользу Империи тоже путем возведения острова в разряд фемы. Однако эти действия оказались неудачными и, по словам Константина Багрянородного, посланный туда стратиг Алексей, родом армянин, начальствовал там лишь семь лет, после чего все вернулось в прежнее положение[178].

Вероятно, крымское мероприятие оказалось более жизнеспособным, будучи включено в часть более обширного общего плана, завершившегося военной реформой 840 г., поскольку, наряду с грядущими местными территориально-административными нововведениями, около 837–839 гг. архонтат Диррахия был возведен в ранг фемы, турмы, турмархаты Селевкия и Каппадокия в Анатолике и турма Харсиана в Армениаке стали новыми административными единицами, известными как клисуры, а из Вукеллариев и Армениака были выделены самостоятельные фемы Пафлагония и Халдия (еще одна бывшая турма Армеников), Амасия, Дазимона и Колония стали самостоятельными «частями» Армениака со своими военными гарнизонами, причем один из важнейших центров новосозданной фемы Пафлагонии — Амастрида оказалась повышена до ранга автокефальной архиепископии (рис. 166). Все это, очевидно, объясняется особенно пристальным вниманием византийского правительства к крепко связанным между собой северным и южным районам Понта Эвксинского (рис. 167)[179]. В целом, после реформ Феофила византийская армия стала

[177] Ср.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320; *Могаричев Ю.М.* К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. – С. 50.

[178] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»/ Пер. Г. Ласкина. – М., 1899. – С. 43; см.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 315.

[179] *Parthey G.* Hieroclis Synecdemus et Notitiae graeca episcopatuum. – Berolini, 1866. – №II, 54; №VI, 84; *Липшиц Е. Э.* К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв. // ВВ. – 1953. – Т. 6. – С. 117; *Ostrogorsky G.*

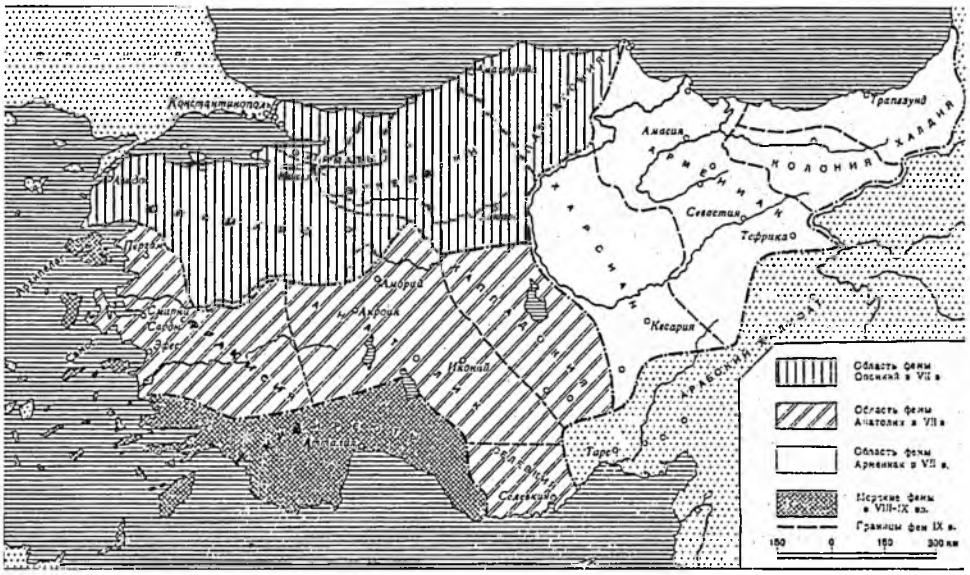

Рис. 166. Малоазийские фемы VII–IX вв.

более мощным, гибким и надежным инструментом, чем была прежде, а военные мятежи фактически прекратились. Крымская фема тоже заняла запланированное ей место в сложившейся системе.

Из рассказа Продолжателя Феофана и Константина Багрянородного следует, что между Херсоном и южночерноморской Пафлагонией с ее крупнейшими портовыми городами Амастридой (Амастрой) и Синопой осуществлялась стабильная морская связь[180]. Именно здесь пролегало самое краткое расстояние в 263 км (142 морские мили) между пафлагонским мысом Карамбий (совр. Керемпе) и южной оконечностью Крыма, так что переправа через Черное море, постоянно контролируемая импер-

Geschichte des Byzantinischen Staate. – München, 1975. – S. 169–171; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State... – P. 443; ср.: *Martin-Hisard B.* La domination byzantine sur le litteral oriental du Pont Euxin (milieu du VIIe – VIIIe siecles) // Byzantino-bulgarica. – 1981. – T. 7. – 141, 156; *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Археологія. – 2003. – №1. – С. 80 (о набеге народа Рос на Пропонтиду и Амастру, возможно, в начале 830-х гг., согласно свидетельству Жития Георгия Амастридского, и о прибытии в Византию послов от русов с мирной миссией около 837–838 гг.). Отражением этого внимания является происходящий из Херсонеса моливдовул стратига северомалоазийской фемы Армениаков с резиденцией в Евхаите, который хранится в частной коллекции К.Д. Смычкова (размеры: диаметр – 20 мм, толщина – 5 мм). На его лицевой стороне – крестообразная монограмма обращения к Богоматери (тип V по В. Лорану), а в углах тетраграмма – [t]o so [dou]l[o] – «Богоматерь, помоги твоему рабу...». К сожалению, печать не сохранила имя владельца из-за смещения оттиска вверх. Надпись на обороте, размер литер, их расположение дают основания говорить о легенде в четыре строки и о том, что владелец моливдовула был в сане императорского спафария (b[asiliko] sp[athario] [kai] stra[tego] ton Arm[eniakon]). На основании эпиграфических особенностей шрифта, формы знака сокращения, отдельных эпиграфических признаков в начертании литер, вида кружка печать может быть датирована второй четвертью IX в., но не ранее 30-х гг., то есть как раз тем временем, когда на южном побережье Понта и в Таврике назрели и стали постепенно осуществляться комплексные территориальные военно-административные преобразования. Хочу поблагодарить К.Д. Смычкова за возможность познакомиться с некоторыми материалами его коллекции.

[180] Theophanes Continuatus. – P. 122–123; Продожатель Феофана. – С. 58 (III, 28); *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 30–33, С. 170–171.

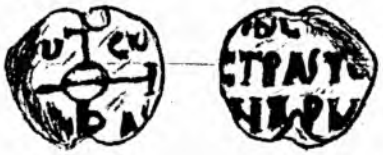

Рис. 167. Моливдовул царского спафария, стратига фемы Армениак. 30–40-е гг. IX в., Херсон. Коллекция К.Д. Смычкова

скими властями и флотом, не являлась большим препятствием[181]. И именно поэтому василевс послал спафарокандидата Петрону Каматира («Трудолюбивого») в Херсон не только с военными («длинными») судами — парусно-весельными хеландиями царского флота (meta chelandion basilikon ploimon) (рис. 168), но и вместе с хеландиями катепана — предводителя местного войска и флота Пафлагонии, который следил за поддержанием порядка на Черном море и базировался в Амастриде, на тот момент, очевидно, еще остававшейся под стратигом фемы Арменików[182]. Кроме того, катепан являлся командиром таксатов Пафлагонии из числа воинов-профессионалов здешней военно-административной единицы, в скором времени превращенной в самостоятельную фему. Приняв участие в экспедиции, в дальнейшем они на какое-то короткое время могли составить ядро войск новосозданной фемы в Таврике. Следует учесть, что развал хазарско-византийского кондоминиума на крымской земле неминуемо вызвал необходимость милитаризации общественной жизни, от которой херсониты и жители окружающих кастра, полисм успели за предыдущее столетие основательно отвыкнуть. Отсутствие собственных воинских контингентов вызвало необходимость положиться на иноземцев, на что намекают находки в Херсоне очень близких по времени к описываемым событиям печатей царского спафария, стратига соседней с Пафлагонией фемы Армениак (830–840-е гг.), и Епифания, патрикия, царского протоспафария и стратига Сицилии (около середины IX в.)[183]. Это же обстоятельство могло бы объяснить внезапное появление здесь до образования крымской фемы медных монет Льва V и Константина сицилийского выпуска (813–820 гг.), причем еще до того, как с 827 г. начался последовательный захват мусульманами территории острова, осложнивший положение[184]. Наличие таких присланных издалека воинских контингентов было вполне реальным делом и имело у византийцев давнюю практику. Достаточно вспомнить, как

[181] Ср.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона. – С. 310.

[182] *Шене Ж.-К.* Указ. соч. – С. 315. Ранг катепана был выше ранга турмарха и вообще у стратигов и катепанов, как следует из источников Константина Багрянородного, были разные задачи (Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii. – Bonnae, 1829. – Vol. 1. – P. 657. 2–4). К примеру, в феме Кивирриотов в правление Льва VI был стратиг как руководитель, эк просопу василевса, и был катепан «столицы» военно-административной области – Атталии, притязания которого на руководство стратиг отверг на основании того, что в феме не может быть двух стратигов (thema duo strategous echein ou dynatai) (Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis... – P. 50. 169–183; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 228–231, гл. 50. 182–187). Следовательно, катепан Пафлагонии должен был быть подотчетен стратигу Арменияков до тех пор, пока Пафлагония не была выделена в отдельную фему и обзавелась своим стратигом.

[183] См.: *Смычков К.Д.* Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докл. науч. конф. – Харьков, 1999. – С. 75; *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 211, №46.

[184] Ср.: *Степанова Е.В.* Связи Сицилии и Херсонеса по данным сфрагистических и нумизматических памятников // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 96, 97.

в Боспоре в начале правления Юстиниана I, по свидетельству Иоанна Малалы, были размещены «...многочисленные ромейские или италийские войска, известные как испанцы»[185]. Едва ли сицилийский контингент мог быть значительным, но выделить одну-две ванды из 2000 фемного корпуса стратиотов, размещенного в Калаврии и Сицилии, и ненадолго доставить их через Константинополь к Херсону представляется возможным.

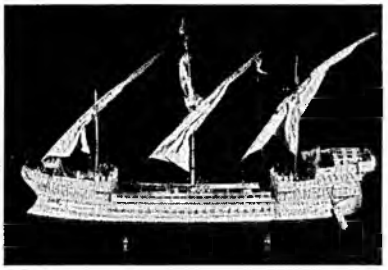

Рис. 168. Дромон (хеландий). Реконструкция (The Greeks and the Sea. – Athens, 2002)

При всем том остается неясным, отправился ли катепан в плавание вместе с Петроной Каматиром. Из текста Продолжателя Феофана следует, что Феофил послал спафарокандидата, отвечавшего за экспедицию, с «царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии»[186]. Однако Константин Багрянородный пишет лишь о посылке «хеландий из царских судов и хеландий катепана Пафлагонии»[187], то есть об обеспечении предприятия кораблями императорского флота, сосредоточенного в Константинополе, и военными судами Пафлагонии, собранными в Амастриде. Последний вариант представляется более достоверным, а неточность Продолжателя Феофана легко объяснима ошибкой переписчика или редактора, не обративших внимание на то, что в первоисточнике слово «хеландии» было названо дважды не случайно, с разным смыслом.

Контекст источников не оставляет сомнений в том, что на Петрону было возложено поручение, выполнение которого отвечало на тот момент интересам и хагана, и византийцев, испытывавших очередной и, как выяснится в дальнейшем, недолгий момент взаимного сближения. Уже в первой четверти IX в. каганат был вынужден создавать ряд укреплений вдоль Дона (Семикаракорское, Крымские, Золотовское, Правобережное Цимлянское, Камышевское и другие городища) для защиты от некой все возрастающей внешней угрозы западным границам Хазарии, которую видят в россах, венграх (мадьярах) или печенегах. Все три вероятных противника выдвинуты историками достаточно давно. Пожалуй, древнее всех версия византийских хронистов конца XI в. Иоанна Скилицы — Георгия Кедрина, касающаяся печенегов (ton Patzinakon ephodou)[188]. Ныне возрождена и активно утверждается зарубежными и отечественными исследователями «венгерская» гипотеза[189]. Кое-кто пы-

[185] См.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 94–95.
[186] Theophanes continuatus / Rec. I. Bekker. – P. 122.
[187] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 30–32, С. 170–171.
[188] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. – P. 73; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. – Bonnae, 1839. – Vol. 2. – P. 3; 129. 22–130. 3.
[189] *Golden P.B.* Khazar Studies... – P. 69; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982. – С. 234–234; *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище: Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции. – М., 1984. – С. 22; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320–321; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 г. // МАИЭТ. – 1997. – Т. 6. – С. 663–679; *Науменко В.Е.* Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в. в связи с учреждением и становлением византийской фемы

тается совместить все версии, видя в левом береге Дона предполагаемую границу хазар и венгров, а затем хазар и печенегов, к которым добавляет «будущих губителей Хазарии» — русов, доминировавших в степях Дона и плававших к его устью[190].

Действительно, венгры, двигаясь с северо-востока, уже в 30-е гг. IX в. создают союз из семи племен в Верхнем Подонье и действуют как союзники болгар против ромеев в Нижнем Подунавье[191]. К. Цукерман считает, что в это время они достигли причерноморских земель, более того, овладели Перекопом и затруднили хазарам связи с Крымским полуостровом[192]. Какое-то продолжительное время формально они оставались союзниками, но тем не менее общая ситуация, похоже, довольно скоро стала накаляться. Епископ Пруденций записал в Сен-Бертинские анналы, что 18 мая 839 г. посланники некоего «народа рос» (qui seid est gentem suam Rhos vocari dicebant), включавшие свеонов и явившиеся ко двору императора Феофила «ради дружбы» с их «хаганом» (chaganus), не могли вернуться к себе на родину, поскольку путь, которым они прибыли в Империю ромеев, оказался под угрозой, был перерезан «варварскими и дикими (свирепыми) племенами безмерной жестокости», отчего чужеземные послы были вынуждены присоединиться к византийской миссии и двинуться на север в обход, через владения франкского императора Людовика Благочестивого, где и оказались задержаны в Ингельхейме на Рейне по подозрению в шпионаже в пользу противников франков — свеонов[193]. Случайно или нет, но почти в то же самое время,

в Таврике // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докл. науч. конф. – Харьков, 1997. – С. 59–60; *Айбабин А.А.* Этническая история... – С. 220; *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 549–550. Число врагов этим не исчерпывается. В последнее время появилась еще одна историческая версия, позволяющая видеть в постройке крепость, защищавшую каганат от кавар, хазар-повстанцев, которые после поражения в развязанной гражданской войне сосредоточились на территориях, подвластных каганату до войны, к северо-западу от Саркела (*Горелик М.В.* Три племени кавар и савирский всадник // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 27). Однако бунт кавар относят обычно не ранее чем к середине IX в. или даже позже, ко времени около 860–870 гг., когда Саркел уже существовал (*Golden P.V.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inqury into the Origins of the Khazars. – Budapest, 1980. – Vol. 1. – P. 133–141; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 39, С. 162–163, 394, комм. 1; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии... – С. 671–672; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 132). Во всяком случае, в 881 г. венгры и кавары участвовали совместно в нападении на Вену. Более ранних письменных данных нет, а атрибутируемые каварам погребения (могильник в Челерево, Югославия), среди которых есть совершенные как по языческому, так и по иудейскому раввинистическому обряду, тоже относятся ко времени не ранее конца IX в. (*Эрдели И.* Кабары (кавары) в карпатском бассейне // СА. – 1983. – №4. – С. 174–181). События эти трудно датировать и привязка их к обстоятельствам строительства именно данной крепости на Дону произвольна.

[190] *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 302–306; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. – М., 1998. – С. 187–188; *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище. – М., 1984. – С. 22; *Байер Х.-Ф.* Указ. соч. – С. 101, 102, 110.

[191] См.: *Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. – СПб., 1881. – С. 200–202, 226–227, 244; *Wozniak F.E.* Byzantine Policy on the Black Sea or Russian Steppe in the Late 830's // Byzantine Studies. – 1975. – Vol. 2. – P. 59–60; *Балагурі Е.А., Алешкевич Я.А.* Політичні контакти між угорцями та слав'янами Східної і Центральної Європи в IX–X століттях // Матеріали і дослідження з археології Прикарпатья і Волині. – Львів, 2002. – Вип. 8. – С. 148; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии... – С. 664; *Прохненко И.А.* Пути передвижения венгров на территорию новой отчизны // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2006. – С. 167.

[192] *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 320.

[193] Annales Bertiniani a. 741–882 // MGH. T. 1. Scriptores. T. 1. – Hannoverae, 1826. – P. 434 (a. 839); Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Reiche A. Abt.I. Teil 1: Regesten von

очевидно, в конце 30-х гг. IX в., когда «дикие племена» блокировали пути через Северное Причерноморье и, возможно, действительно заняли все пространство от Нижнего Дона до Салтова, в Константинополь прибыло посольство от обоих высших властителей Хазарии — хагана и его заместителя, пеха (бека, шада), с настоятельной просьбой, едва ли не требованием (aitesei, aitesamenon), к василевсу «создать» («основать» — ktisthenai) для хазар «кастрон», причем Феофил, «этой просьбе повинуясь» (te touton aitesei peistheis), согласился без промедления отдать соответствующие распоряжения[194]. Необычные акценты для византийских источников, авторы которых всегда были проникнуты великодержавной надменностью, тем более если учесть, что в данном случае редактором выступал сам василевс ромеев. Возведение крепости Саркел (хазарского Ш-р-кил — «Белый дом»), начатое с помощью византийцев на важной переправе через реку Танаис и замкнувшее цепь крепостей, призванных контролировать в Подонье юго-западную границу громадных домениальных владений хагана, вполне согласуется с этой обстановкой некой общей для хазар и ромеев выгоды, в которой не обязательно видеть только противостояние угрозе, якобы постоянно наступавшей из понтийских степей в донские к западным границам Хазарии[195]. Ведь с военной точки зрения небольшая кирпичная крепость (193,5х133,5 м), расположенная

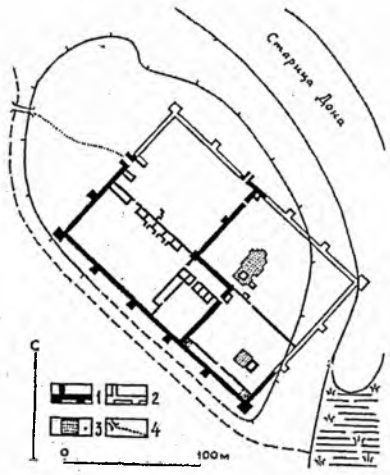

Рис. 169. Крепость Саркел:
1 – остатки кирпичных стен; 2 – нераскопанные части стен; 3 – площадки, вымощенные плинфой; 4 – предполагаемое местонахождение моста через ров и дороги к Главным воротам
(по С. А. Плетневой)

565–1025. – München; Berlin, 1924. – №438. К. Цукерман считает этих росов посланниками из «Русского каганата», якобы существовавшего в районе Ладоги с 830-х до 870-х гг. (см.: *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства. – С. 77; см. возражения: *Толочко П.П.* Русь изначальная // Археологія. – 2003. – №1. – С. 100–103).

[194] Theophanes continuatus. – P. 122; Продолжатель Феофана. – С. 56 (III. 28); *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 24–30, С. 170–171 (удивительно, но Константин в гораздо меньшей степени, нежели Продолжатель Феофана, отредактировал пассаж о посольстве в обычном духе «ромейского высокомерия» и не употребил слово «молили» в отношении хазарских посланников). О датировке хазарского посольства см.: *Treadgold W.* The Byzantine Revival 780–842. – Standford, 1988. – P. 313. В общем контексте арабо-византийских столкновений 830-х гг. это событие наиболее убедительно соотносится с летом 839 г.: согласно Продолжателю Феофана, оно произошло после той арабо-византийской кампании, когда обе стороны «опасались друг друга и, ничего не совершив, вернулись в свою землю». Поскольку летом 837 г. разыгрались ожесточенные сражения в Сирии, а к концу лета 838 г. войска халифа овладели Аморием, эти походы никак не могут подойти под разряд тех, когда «ничего не было совершено».

[195] Ср.: *Берлин И.* Историческая судьба еврейского народа на территории Русского государства. – Пб., 1919. – С. 90; *Петрухин В.* Хазары, венгры и Русь у Константина Багрянородного: Тезисы к новому комментарию // Хазары: Второй Международный коллоквиум: Тезисы. – М., 2002. – С. 78–81; *Науменко В.А.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дис. ... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2004. – С. 133.

на искусственном острове, могла контролировать лишь окрестности, и противник, если только он не плыл по реке, мог при желании обойти ее (рис. 169). К тому же надо учесть, что мадьяры во второй половине IX в. уже грабили земли восточных славян, уводили на продажу пленных и постепенно двигались на запад через земли Северного Причерноморья и Карпатского региона, мимо Киева и по Дунайскому коридору до тех пор, пока к концу столетия окончательно не осели в Паннонии[196]. Поэтому строить Саркел на Дону — крайний пункт западных границ домена хазарского хагана, имея в виду опасность только со стороны все более удалявшихся венгров, не имело смысла[197]. Это же обстоятельство не увязывается с предположением, что столь поздно построенная крепость составляла вместе с соседним белокаменным Цимлянским городищем-крепостью столицу Хазарии — Итиль, Атил византийских источников, а сам Саркел перемещать на место Маяцкого городища на Верхнем Дону[198].

Определенную угрозу в этом регионе мог нести экскусиократор Алании, который, как позже отмечал Константин Багрянородный, «не живет в мире с хазарами, ...нападает на проходящих без охраны при переходе до Саркела, до климата и до Херсона»[199]. Подчиненные ему аланы-ясы действительно могли находиться вблизи Саркела на Нижнем Дону, что подтверждается данными письменных и археологических источников[200]. Но в любом случае крепость не была в состоянии существенно повлиять на военную обстановку. Ясно лишь, что в грамотном с точки зрения фортификации основании Саркела на тот момент все же больше были заинтересованы хазары, чье общество, по мнению М. Мак-Говерна, стояло лишь в начале пути урбанизации[201]. Кроме того, строительство крепости было вполне определенно привязано к заранее конкретно выбранному ханом месту, чем и оказался, в свою очередь, обусловлен последующий выбор строительного материала для нее — кирпичей, а не камня, которого поблизости, как выяснилось, не было[202]. В связи с этим среди причин сооружения Саркела, как верно заметил В.С. Флеров, надо учитывать не только внешних врагов каганата, но и его внутренние проблемы, тем

[196] *Прохненко И.А.* Пути передвижения венгров... – С. 166–176.

[197] В пространной редакции хазарского царя Иосифа Ш-р-кил был указан именно как крайний пункт Хазарии с западной стороны (*Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. – Л., 1932. – С. 102, прим.18).

[198] *Чередниченко А.Г.* К проблеме интерпретации сообщений Феофана Исповедника и патриарха Никифора о хазарах и протоболгарах: гуннские этногенеалогические предания в трудах иерархов Православной Церкви // Иосафовские чтения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конференции «Иосафовские чтения», посвященной 300-летию со дня рождения Святителя Иосифа и 10-летию возрождения Белгородско-Старооскольской епархии. – Белгород, 2006. – С. 464–471; *Чередниченко А.Г.* К проблеме локализации Итиля // Иресиона: Античный мир и его наследие. – Белгород, 2006. – Вып. 3. – С. 116–120.

[199] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 11. 1–8, С. 52–53.

[200] *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. – К., 1899. – С. 53–54; *Lewicki T.* Zrodla arabskie do dziejow slowiansze zyzhy. – Wroclaw; Krakow, 1956. – T. 1. – S. 38; *Бубенок О.Б.* Алани яси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хазар // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 25.

[201] *McGovern M.* Sarkel – A Reflection of Byzantine Power or Veakness? // BS. – 1989. – T. 50. – Fasc. 2. – P. 178–180.

[202] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 35–37, С. 172–173.

более что излучина нижнего Дона — это не пограничье, а глубокая, внутренняя территория Хазарии, где внешняя опасность не могла бы стоять на первом плане[203].

Наряду с военно-административными изменениями в Таврике, в происходившем видится озабоченность каганата, устрашенного невиданным походом арабского полководца Мервана в 837 г., и усиление к тому времени Романии[204]. Это в гораздо большей степени, чем все остальное, должно было подтолкнуть хагана к проявлению инициативы в реставрации особенно пошатнувшегося за предыдущие десятилетия союза Византии и Хазарии, что вылилось в настоятельное требование «союзника» построить престижную «царскую крепость». Мирные предложения Феофила к халифу ал-Мамуну, отправленные в 832 г. и сулившие прежде прочего торговые выгоды, были отвергнуты арабами, потребовавшими за это непомерную уступку — принятие ромеями ислама, после чего византийско-арабские отношения обострились опять-таки как раз перед строительством Саркела[205]. Между тем создание последнего и «избрание» стратига для Херсона в немалой степени могли быть связаны с политико-экономическими интересами византийцев, стремившихся закрепиться на северных торговых путях в обход владений арабов. Ведь именно от Дона начиналось контролируемое хазарами ответвление Великого шелкового пути, которое проходило далее севернее Каспия[206]. Торговый караванный маршрут вел, в частности, и через верховья Большой Лабы, будучи ответвлением указанного пути, в функционировании которого были заинтересованы Византия, Хазария и аланские племена. Видимо, не случайно в могильнике Мощевая Балка именно в этом важном регионе Западной Алании, на южных границах каганата, оказался протоспафарий Иванос с некой миссией, вполне возможно весьма похожей на миссию Петроны Каматира[207]. Но особо следует учесть, что доходы Хазарии и благополучие ее экономики в немалой степени определялись теперь контролем над важнейшими участками водных магистралей в низовьях Дона и Волги[208]. Важно заметить, что Ибн Хордадбех, отразивший в своем итинерарии ситуацию, сложившуюся к третьей четверти IX в., вполне определенно указывал: «Если они (купцы ар-Рус) отправляются по Танаису — реке славян (сакалиба), то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель так же [как и владетель ар-Рума на Румийском море] взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джур-

[203] *Флеров В.С.* Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюд к теме фортификации) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 153, 154, 158.

[204] *Герцен А. Г.* К вопросу о территории Херсонской фемы. – С. 22–23.

[205] Табари // *Васильев А.А.* Византия и арабы. Ч. 2. Приложения. – СПб., 1900. – С. 25–26; *Васильев А.А.* Византия и арабы. Ч. 1. Политические отношения Византии и арабов во время Аморийской династии. – СПб., 1900. – С. 99–101, 113 след.

[206] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 114–115.

[207] *Малахов С. Н.* Протоспафарий Нван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. – С. 120–122.

[208] См.: *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – С. 128; *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. – Баку, 1986. – С. 109; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М.; 1959. – С. 85; *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // История СССР. – 1986. – №4. – С. 68–83.

джан (Каспийскому)...»[209] Выше он уточнил, что Хамлидж «...на конце реки, текущей из страны славян и впадающей в море Джурджан»[210]. Ему вторил Ибн ал-Факих ал-Хамадани, тоже писавший о славянах (сакалиба), которые следуют по морю «до Самкуша еврейского» (Самкерца — Таматархи), а далее «...переходят из моря славянского (Черного моря) в ту реку, которую называют Славянская река (Танаис), с тем, чтобы пройти в Халидж ал-хазар, и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому (Каспийскому)»[211].

Но оказание ромеями содействия в грамотной закладке крепости в не меньшей степени можно расценивать и как тактическую уступку хазарам, стремление разрядить напряжение, нараставшее в Таврике после фактического развала кондоминиума. Угроза Херсону, благополучию его, а значит, и Империи, заставляла византийцев осторожно обходиться со своим могущественным партнером по крымским владениям. В этом случае становится понятно, почему в просьбе хазар прозвучали столь требовательные нотки, перед которыми склонился отнюдь не робкий Феофил, и почему при всем том в акции оказались заинтересованы и херсониты, давшие большинство ремесленников — технитов, опытных строителей, кирпичников — плинфоделов, асбестопоев — изготовителей извести, собравшие в замену военным хеландиям транспортные парусные (так называемые круглые — strongyla ploia) и гребные, «утомительные» грузовые суда (kamatera karabia), особенно пригодные для речного плавания, против течения[212]. Скорее всего, из города были взяты те мраморные

[209] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. – С. 124; *Калинина Т.М.* Торговые пути... – С. 71.

[210] *Ибн Хордадбех.* Книга... – С. 109; *Калинина Т.М.* Употребление этникона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – 2002. – С. 42.

[211] *Гаркави А.Я.* Сказания... – С. 251; *Калинина Т.М.* Торговые пути... – С. 75; *Калинина Т.М.* Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1999. – С. 95; *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. – М., 200. – С. 292.

[212] Theophanes continuatus. – P. 123. 6; Продолжатель Феофана. – С. 56 (III, 28); *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 170, 172, гл.42. 32-38. Сравнение текстов указанных письменных источников позволяет предположить, что в экспедиции Петроны оказались задействованы по меньшей мере три типа судов. Переезд через море в Херсон был совершен на «длинных» и, очевидно, быстроходных хеландиях из числа судов императорского флота и фемного флота Пафлагонии. Название такого корабля, происходящее от греч. «угорь» (egchelus, chelus), подчеркивает продолговатость, удлиненность его формы. Э. Арвейлер полагает, что первоначально это были небольшие парусные корабли частных промысловиков и лишь с VIII в. их стали использовать как военные суда (*Ahrweiler H.* Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siecles. – Paris, 1966. – P. 412–413). На них транспортировали войска, а также лошадей (*Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 100). Трудно обозначить принципиальное их отличие от других быстроходных военных кораблей – дромонов (от dromos – «бег»), способных двигаться как под парусом, так и на веслах, хотя исследователи иногда выражают сомнения по поводу убедительности предположения о том, что хеландии не отличались от дромонов (ср.: *Oikonomides N.* Fiscale et exemption fiscale a Bzyance (IXe – Xe s.). – Athenes, 1996. – P. 112, n. 156). Последние засвидетельствованы в письменных источниках с V в., вошли в состав военного флота в эпоху Юстиниана I, а эскадры их размещались в портах на Босфоре (Анапла и Евтропий), в приморских центрах на юге Малой Азии (Атталия, Селевкия), кое-где в Греции, примером чему могут служить небольшой порт Анфедон и турма (позже фема) Кефалиния (*Ahrweiler H.* Op. cit. – P. 410–413; *Antoniadis-Bibicou H.* Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «theme des Caravisiens». – Paris, 1966. – P.257–258; *Schläder H., Blackmann D.J., Schafen J.* Der Hafen von Athedon // Archäologischer Anzeiger. – Berlin, 1968. – Bd. 1. – S. 21–98). Такие корабли имели длину от 30 до 50 м, ширину 6–7 м, обладали двумя-тремя мачтами, «латинским» треугольным парусом и сотней гребцов, которые могли быть посажены

на гребных скамьях (банках) вдоль бортов в два параллельных ряда и снабжены либо общими длинными веслами, либо у каждого гребца было свое весло определенной длины, в зависимости от места посадки, ближе или дальше от носа (*Шевеленко А.Я.* Первые корабли средневековой Европы // ВИ. – 1981. – №9. – С. 183; *Зеленко С. М.* Торговельне судноплавство середньовічної Таврики (VI–XII ст.): Дис. ... канд. іст. наук / Київський нац. ун-т. – К., 2004 (рукопись). – С. 98). Они обладали повышенной устойчивостью, ибо у днища были примерно на метр шире, чем на уровне края бортов. Киль дромона заканчивался подводным тараном, а корпус защищали металлической броней. Способный брать 200 человек экипажа, дромон имел поднятые палубы в носовой и кормовой части для размещения стрелков. На вооружении его имелись тяжелые катапульты и бронзовые огнеметы – сифоны «жидкого огня». Вместе с тем, по мнению Л. Гавликовой, dromon и chelandion сочетали военный и бытовой, транспортный характер и, очевидно, поэтому являлись самым распространенным парусно-гребным судном византийского флота (*Havlikova L.* Slavic Ships in 5th – 12th Centuries Byzantine Historiography // BS. – 1991. – T. 52. – P. 102). Но для плавания каботажного и тем более по реке они подходили слабо. Извечная, зафиксированная уже античными авторами мелководность Меотиды, особенно на подходе к Дону, от о. Казантип, не давала возможность использовать здесь для плавания крупные суда с глубокой осадкой (*Болгов Н.Н.* Проблемы истории, историографии, палеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, 2002. – С. 83). Это и заставило организовать сбор в Херсоне судов иного типа, экипажи которых были привычны к плаванию вдоль берегов Крыма, по Азовскому морю и, главное, по Дону. Надо думать, большая часть их принадлежала херсонитам и городу, а часть, как обычно, северомалоазийцам из числа тех, что оказались в Херсоне и ближайших к нему крымских гаванях по делам, связанным с перевозками продовольственных и иных товаров и грузов (ср.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 53. 513–525, С. 274–275). Застигнутые на месте, они, на свою беду, были мобилизованы для транспортировки царских людей и грузов в качестве издавна известной ангарии – морской повинности. Фрахт в интересах государственной казны (navis continebat fiscum occupasse), предусматривавшийся Кодексом Юстиниана, сохранялся в морской практике последующего времени (Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Justinianus. – IV. 33. 4). К примеру, составители так называемой Перуджийской суммы уточняли, что в византийской Италии фрахту со стороны фиска подлежали суда, несущие извозную повинность (angaria tentus est) и плававшие в Африку (Summa Perusiana / Ed. F. Pattetta // Bulletino dell'Istituto di Diritto Romano. – Roma, 1900. – A.12. – S.v. (C.J. IV. 33. 4). Кроме того, государство обязывало навклиров заниматься перевозкой по казенным нуждам в качестве мандатариев. К слову, этот вариант извозной повинности был весьма невыгоден и тяжел, особенно для мелких навклиров, собственников небольших суденышек, капитанами которых были они сами. Группу таких бедолаг, «безумных от горя» обитателей крошечного безлесного и безводного острова Андроте, местонахождение которого неизвестно, весьма картинно описал в первой половине IX в. митрополит Никеи Игнатий в одном из своих писем к логофету геникона Демохару как несчастных, жалких, заросших, грязных оборвышей с избитыми спинами и обритыми головами, явившихся к дверям жилища архиерея просить заступничества, поскольку, перевозя государственную пшеницу, собранную в виде натуральных налогов, они, мучимые голодом, взяли себе небольшое количество зерна, то есть совершили уголовно наказуемое пре-ступление (*Kazhdan A.* Ignatios the Deacons Letters on the Byzantine Economy // BS. – 1992. – T. 53. – F. 2. – P. 201). Вероятно, большинство кораблей, которых Петрона застал, попав в Херсон, относились к так называемым strongyla ploia («круглым судам»), известным со времен античности (*Casson L.* Ships and Seamanship in the Ancient World. – Princeton, 1971. – P. 169–170). Уже само их название подразумевает корзинообразную форму. В отличие от военных, продолговатых кораблей с заостренным носом, эти имели закругленную переднюю часть, широкий, устойчивый корпус, двигались при помощи парусов и отличались медленностью хода (*Ahrweiler H.* Op. cit. – P. 412). Свое название «круглые» они получили, скорее всего, по форме поперечного сечения по миделю (на середине длины корабля). Обычно их идентифицируют с грузовым морским транспортом самого широкого применения и самого разного размера, от маленьких до сравнительно больших, водоизмещением в одну-две сотни регистровых тонн. Подобными судами пользовались и арабы в средиземноморской торговле VIII–IX вв. (см.: *Kreutz B. M.* Ships, Shipping and the Implications of Change in the Early Mediterranean // Viator. – 1976. – Vol. 7. – P. 79–109). Именно такое судно чаще всего подразумевали ромеи под словом ploion. Весла использовались для маневров и отбуксировки торговых кораблей, но состав их экипажа не предусматривал гребцов (ср.: *Аанитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. – М., 1982. – С. 43). Едва ли strongyla ploia были приспособлены для плавания по реке против течения. Поэтому и понадобились суда еще одного типа – гребные kamatera karabia, о которых упомянул Константин Багрянородный в гл. 42 своего трактата. Источник Продолжателя Феофана сообщает об оставлении у берега Херсона всех «длинных судов» с глубокой осадкой и пересадке на «круглые», а затем переезде к Танаису. Константин Багрянородный опустил этот промежуточный пассаж и сразу сообщил об очередной пересадке людей на «изнурительные (утомительные) корабли» и отправке их к месту строительства на реке Танаис, то есть плавании вверх по самой реке.

архитектурные детали, которые были обнаружены при раскопках Саркела: везти их из столицы при наличии больших запасов такого рода материалов в Херсоне было бы нецелесообразно[213].

Многочисленная керамическая тара, прослеживаемая в ареале действия Доно-Донецкого торгового пути, ясно указывет на тот «стратегический» товар, который служил главным, всеобщим и неравноценным, наиболее привлекательным эквивалентом для обмена с варварами[214]. Виноделие, расцвет которого в Таврике наблюдался с конца VIII в., определяло режим использования водного пути, соединявшего крымские центры с алано-болгарами Северо-Западной Хазарии. Поэтому участие в экспедиции Петроны Каматира стало для крымских подданных василевса не просто очередным подневольным мероприятием, чужеродным измышлением центральной имперской власти, а реальным шансом на улучшение положения, в том числе экономического, своего города и сопредельных мест, то и дело оказывавшихся в хазарском, а с конца 830-х гг. еще и в венгерском враждебном окружении. Такое состояние перемежающегося мира и войны не было в новинку, прекрасные иллюстрации чему являет пример длительных византийско-болгарских отношений в Нижнем Подунавье[215]. Наконец, едва ли не самое существенное, крепость, глубокомысленно озаглавленная ромеями не просто leukon oikema — «Белый дом», но aspron ospition — «Белый приют»[216], должна была стать и, как показала история, действительно стала важным звеном в развитии посреднической, транзитной торговли, в которой принимали участие и византийцы, и население Хазарии. Ее расположение непосредственно на водном пути, в отличие от других крепостей, охранявших прежде всего сухопутные дороги вдоль Дона, могло иметь глубокий смысл, выходивший за рамки военно-стратегических замыслов и питаемый нуждами наблюдения за передвижениями по важнейшей судоходной артерии — Танаису. Со

В греческом словаре Э. А. Софоклеса термин kamateron karabia переведен как 2рабочий транспорт» (working, laboring, indasstions transports), а в английском переводе «Об управлении империей» – «грузовые корабли» (ships of burden). Однако, если исходить из буквального понимания прилагательного kamateros, речь идет о транспортных гребных судах бытового назначения, вероятно, малой осадки, специально рассчитанных на тяжелое плавание против течения, в том числе речную перевозку людей и грузов (см.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 315). Такое судно требовало совершенно иной команды, нежели «круглое», многочисленных гребцов (по меньшей мере несколько десятков) и, значит, больше средств. Недаром в ранней Византии подобные суда-катерги (от греч. katergos – «место тяжелой работы») обслуживались рабами-моряками, труд которых действительно был особенно тяжел (История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 329; *Kahane H., Kahane R. Tietze A.* The Lingua Franca in the Lewant–Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin. – Urbana, Univ. of Illinois Press, 1958. – P. 523). Выходит, Херсон располагал таким классом транспортных плавсредств, потребности в котором, очевидно, были порождены давней торговлей по Азовскому морю и Дону с внутренними областями Хазарии.

[213] *Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1958. – №62. – С. 22–23, рис. 12; *Раппопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // МИА. – 1959. – №75. – С. 36–38, рис. 38–41; *Артамонов М.И.* История хазар. – С. 302.

[214] *Тортика А.А.* Доно-Донецкий путь, лесостепное Придонечье и византийская Таврика в VIII–X вв.: характер и направление торговых связей // VII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. – Керчь, 2006. – С. 282–286.

[215] См.: *Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // Болгарский ежегодник. – Харьков; София, 1996. – Т.2. – С. 62–71.

[216] Theophanes continuatus. – P. 123; ср.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 23–24, С. 170–171.

времен раскопок М.И. Артамонова повелось считать, что Саркел, построенный на искусственном острове у левого берега Нижнего Дона, контролировал лишь переправу через реку, но не сам водный путь, и что при этом крепость была ориентирована на запад[217]. На этом основании К. Цукерман замечает, что росы передвигались по рекам, а не ходили степью, и поэтому угрожать оттуда, с запада, хазарам могли только венгры[218]. Однако как можно владеть переправой и не обращать внимания на саму реку? Ведь если о судоходстве хазар ничего не известно (по словам ал-Масуди, «хазарский царь не имел судов и его люди не умели обращаться с ними»), то о судоходстве их контрагентов — ромеев, в том числе херсонитов, а также о судоходстве купцов — иудеев (ар-Разани) и «речных кочевников» варягов, росов, совершавших плавания к устью Дона и дальше, подобного не скажешь[219]. Наконец, почему ориентация ворот крепости на северо-запад (а не на запад) должна говорить о том, что она обращена против врага, угрожавшего только с этой стороны? Островная крепость, отсеченная рвом-каналом от берега и поэтому находившаяся как бы в искусственном заливе, явно контролировала левобережную дорогу вдоль Дона и переправу через Дон, то есть путь, ведший с северо-востока, а также движение по самой реке, отчего была обращена одной стороной к старице Дона, а другой — к степи. Следы контактов с Херсоном, в том числе находки херсоно-византийских монет времени Василия I в крепости, можно рассматривать как проявления действия этого речного пути. Поэтому одной из основных целей постройки Саркела стало стремление каганата продублировать и усилить морской таможенный пункт в портовом Самкерце (Таматархе — «Самкуше евреев») за счет нового центра контроля над речным путем по Дону и Волго-Донской переволоке[220]. В таком случае это место сбора десятины владетелем хазар совпадает с хорошо известным из арабо-персидской литературы городом Хамлиджем (Халиджем хазар)[221]. Обе хазарские таможенные заставы станут к началу X в. камнем преткновения для русов в их стремлении свободно перемещаться из Черного моря через Керченский пролив и Дон в бассейн Волги и Каспия, вызовут описанные ал-Масуди и Кембриджским анонимом попытки овладеть ими и обострят отношения, которые выльются в итоге в сокрушительный поход князя Святослава[222].

---

[217] Артамонов М.И. История хазар. – С. 299–301.

[218] *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии ... – С. 666.

[219] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. – М., 1963. – С. 200; ср.: *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы IX в. – С. 68–82; *Коновалова И.Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1996. – С. 112; *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – С. 243, 246–250; *Флеров В.С.* Крепости Хазарии... – С. 167; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 102; *Тортика А.А.* Боспор Киммерийский в хазарское время по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2004. – С. 372.

[220] *Тортика А.А.* Боспор Киммерийский... – С. 372.

[221] Учитывая положение Саркела на искусственном острове, ал-Факих, вероятно, не случайно написал вместо «Хамлидж» – «Халидж», что переводится как «канал», «пролив» или «залив» (*Калинина Т.М.* Употребление этникона ал-хазар... – С. 42–43). Описание расположения на «конце реки» и указание на город не позволяют видеть в данном топониме Азовское море, как предположила Т.М. Калинина.

[222] *Минорский В.Ф.* История... – Приложение III, С. 198–199; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. – С. 141;

Соображения Ф. И. Успенского по поводу того, что ромеи строили Саркел для себя, а не для хазар, оригинальны, а их доказательство признано остроумным[223]. Однако материалы раскопок самой крепости на мысу коренного берега Дона, которыми в конце XIX в. не располагал автор гипотезы, вместе с данными письменных источников недвусмысленно свидетельствуют о принадлежности Левобережного Цимлянского городища хазарам, изначальном, длительном присутствии в нем тюркского, а не византийского гарнизона[224]. Вместе с тем, Ф.И. Успенский оказался не прав лишь отчасти, ибо в определенной степени это было строительство для ромеев, всегда заботившихся прежде всего о собственных интересах. По мнению С. А. Плетневой, сама внутренняя планировка Саркела указывает на то, что «Белый приют» мог быть не только военным укреплением, но административным, торгово-таможенным постом, своеобразным «караван-сараем» с системой двух постоялых дворов, обслуживавших купцов Шелкового пути[225]. Сразу же после сооружения крепости в ее цитадели был размещен хазарский отряд, вероятно, из наемных кочевников, позже из мусульманских наемников — ларсиев, а на остальной части обосновалось местное, салтовское население. Этому же населению, участвовавшему в строительстве в качестве рабочих, принадлежали наиболее ранние погребения в ямах и подбоях, некоторые — в скорченном положении[226]. Саркел оставался «царской» крепостью, а

Коновалова И.Г. Указ. соч. – С. 111–120.

[223] *Успенский Ф.И.* Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX–X вв. // Киевская старина. – 1889. – Т. 25. – С. 257–259, 288–292; Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» ... – С. 223–226; *Знойко Н.О.* О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. – 1907. – Апрель. – С. 261; ср.: *Васильевский В.Г.* О построении крепости Саркел // ЖМНП. – 1889. – Октябрь. – С. 273–289 (продолжение полемики между Ф.И. Успенским и В.Г. Васильевским см.: ЖМНП. – 1889. – Декабрь. – С. 550–557); *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. – К., 2002. – С. 153.

[224] Труды Волго-Донской археологической экспедиции // МИА. – 1958. – №62. – Т. 1; МИА. – 1959. – №75. – Т. 2; МИА. – 1963. – №109. – Т. 3; *Артамонова О.А., Плетнева С.А.* Стратиграфические исследования Саркела – Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. – 1997. – Вып. 6. – С. 539–624.

[225] *Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый путь» // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 49–52; *Плетнева С.А.* Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – С. 118; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие. – Воронеж, 2003. – С. 68–69.

[226] Исследование параметров стандартизованных каменных блоков Правобережной Цимлянской крепости, воздвигнутой, возможно, тоже не без влияния византийских фортификаторов в конце VIII – начале IX в., и плинф первого строительного периода Саркела обнаруживает применение строителями все же местной метрологической системы, что указывает на использование местной рабочей силы, вполне вероятно аланов-ясов, тогда как влияние византийских мастеров ограничилось, по-видимому, разбивкой плана будущей постройки на местности, определением строительных модулей, рецептурой изготавливаемого строительного раствора и кирпича (см.: *Плетнева С.А.* Хазары. – С. 53; *Свистун Г.Е.* О влиянии византийского зодчества на фортификацию в Хазарском каганате // Археологія та етнологія Східної Європи: материали і дослідження. – Одеса, 2002. – Т. 3. – С. 172–173; *Бубенок О.Б.* Алани-яси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хазар // Хазарский альманах. – Харьков, 2002. – Т. 1. – С. 25–26; *Флеров В.С.* Крепости Хазарии... – С. 159; *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей... – С. 68). Примечательно, что кирпич и известь в позднейших достройках на территории крепости стали хуже качеством, а, случалось, заменяли глиной. Однако вывод о том, что кирпич этот не соответствовал по размерам византийскому, не совсем верен: он вполне совпадал с параметрами как раз херсонской плинфы (0,25 х 0,25; 0,27 х 0,27 м), встречающейся в ранневизантийских памятниках городища (здание «апофики» в портовом квартале 2, базилика №28 на агоре). Вообще отклонения до 5–10 % в пределах византийского фута, составлявшего метрическую основу такой ромейской плинфы, считались нормой (ср.: *Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium. –

возможно, и таможней, вокруг которой так и не вырос посад, до конца IX — начала X в., когда городище превратилось в значительный торгово-ремесленный центр или, как выразилась С. А. Плетнева, «переразвилось» из укрепленного поселения в небольшой торгово-ремесленный городок[227]. Вместе с тем, по мнению В.С. Флерова, эта самая совершенная крепость каганата, для построения которой были приглашены иноземные специалисты, могла быть и не «караван-сараем»: для этого она была мала (2,08 га), слабо заселена, а холодные кирпичные помещения гораздо вероятнее служили не гостиничными помещениями или караульнями, а складами для хранения запасов гарнизона из трех сотен воинов того самого опорного пункта, который изначально намеревались основать хаган и пех Хазарии. Зато ничто не мешает видеть в крепости одну из новых ставок хагана, которую с помощью византийцев он строил для себя[228]. Тогда ромейское название «Белый приют» обретает новый символический смысл, связанный не только с торговым гостиным двором. Действительно, от этого крайнего западного центра граница протяженного домена хагана общей площадью не менее 650 тыс. кв. км направлялась, согласно свидетельству письма царя Иосифа, к северу, и, значит, во время ежегодных регулярных кочевок по четко выверенному маршруту, начинавшихся с Нисана (апреля), хаган со своей свитой, частью воинов, слуг возвращался к своей зимней резиденции на Волге к концу месяца Кислев (октябрь—ноябрь) именно через данное и поэтому конкретно указанное «заказчиком» место — Саркел, который в этом случае играл роль промежуточной летней резиденции[229]. Подкочевка сюда имела смысл и ввиду возможности пополнить средства казны за счет собранного таможней. С учетом всего вышесказанного, крепость была полифункциональной и, следовательно, особенно важной[230].

По сути дела, уникальность миссии императорского спафарокандидата, связанная с помощью в возведении крепости для чужеземного государя, который в одночасье мог стать потенциальным противником, логически объяснима только в том случае, если видеть в ней своеобразную компенсацию каганату за определенные уступки и, как станет понятно в дальнейшем, несбывшиеся надежды на продолжение стабильного союзного военного и торгового сотрудничества. Состоявшаяся ревизия Петроны Каматира показала, что стремление сохранить изжившую себя систему совместного владения на территории Крыма не только беспочвенно, но и опасно ввиду все более воз-

Princeton, N.J., 1999. – P. 128–129).

[227] См.: *Плетнева С. А.* Хазары. – С. 52–54; *Плетнева С. А.* Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996. – С. 153–157.

[228] *Флеров В.С.* Крепости Хазарии... – С. 155–156.

[229] *Гаркави А.* Сообщения о хазарах. А. Хазарские письма: (По рукописям Имп. Публичной библиотеки). – С. 160–161; ср.: *Плетнева С. А.* Города в Хазарском каганате. – С. 117.

[230] *Флеров В.С.* Указ. соч. – С. 167. С. А. Плетнева, ссылаясь на свод сведений письменных источников об Итиле, пишет, что «царский» характер Саркела, его важность и принадлежность лично хагану подчеркивало уже то обстоятельство, что он был сооружен из обожженного кирпича, а лишь хаган имел право строить для себя здания из такого кирпича, тогда как остальным это было категорически запрещено (*Плетнева С. А.* Города... – С. 116; Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей... – С. 68). Действительно, прочие, даже каменные крепости Хазарии имели сооружения из сырца, в лучшем случае с включением обожженных кирпичей, а население обитало в юртообразных или столбовых жилищах.

раставшей вероятности перехода «Херсона вместе с его местностями», то есть крымскими глубинными областями — климата, в руки хазар или других, не менее грозных врагов. В сложившейся ситуации нужно было окончательно рвать с отношениями кондомината, зашедшими в тупик, и идти по пути организации в Таврике новой военной стратигии. Поэтому, скорее всего, именно заинтересованность ромеев в политических и торговых выгодах на фоне относительного, пока еще слабо осознаваемого современниками ослабления позиции давних союзников — хазар при одновременном усилении потенциально враждебного прессинга со стороны «диких племен», тех же хазар в Северном Причерноморье с 20-х гг. IX в., а не только (и не столько) боязнь укрепления здесь позиций русов[231] стали главными в целом комплексе причин, вылившихся в политические, территориально-административные и, как следствие, экономические изменения в самой Таврике и за ее пределами.

Долгое время возведение Херсона в разряд фем исследователи относили к 833–837 гг., исходя из сообщения Продолжателя Феофана, что прибытие хазарского посольства ко двору василевса с настойчивым требованием о постройке крепости произошло «в следующем году» (to d'epionti etei) после рукоположения (cheirotoneitai) епископа Константинополя Яннеса, то есть Иоанна VII Грамматика[232]. Полагали, что возведение на престол нового патриарха состоялось в 832 г., что, как выяснилось, не соответствует действительности. Расплывчатым было и предложение видеть это в 834–837 гг.[233] Однако и после введенных историками поправок[234] точно

[231] Ср.: *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 226–227; *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. – М.; Тверь, 1996. – С. 310; *Dunlop D.M.* The History... – P. 187; *Якобсон А.Л.* Византия и история раннесредневековой Таврики. – С. 154, 159; *Талис Д.Л.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв. // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 105; *Талис Д.Л.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. – 1961. – Т. 19. – С. 255; *Feher G.* Zur Geschichte der Steppenvölker von Sudrussland im 9–10 Jh. // Studia Slavica Academia Scientiarum Hungarica. – Budapest, 1955. – T. 5. – S. 257–326; История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 227–228; *Sheppard J.* The Russian Steppe-Frontier and Black Sea Zone // The Byzantine Black Sea. – Athenes, 1979. – P. 218–237; Angelov D. Wichtigste Momente in der politischen Geschichte des Schwarzmeergebictes vom 4. bis zur Mitte des 15. Jhr. // Byzantine-bulgarica. – 1981. – T. 7. – S. 29; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство... – С. 132, 206–208; *Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 55–56. Довод К. Цукермана о том, что это не могла быть русская угроза ввиду то-го, что «ни хазары, ни империя не воспринимали росов как врагов», верен по существу, но не совсем соответствует источнику, на который ссылается исследователь: Бертинские анналы действительно сообщают под 839 г. о посольстве росов в Константинополь, но этот «народ рос» (gentem suam Rhos) был скорее скандинавами: недаром Людовик Благочестивый усмотрел в них разведчиков-свеонов, то есть варягов, которые нападали на северные границы Франкской империи и сильно разоряли эти земли (по этой причине «росов» и задержали в Ингельхейме до выяснения истинных целей их прибытия). Следовательно, называть их «русскими послами» нет достаточных оснований (ср.: *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии ... – С. 665).

[232] Ср.: Theophanes continuatus. – P. 122. 16; Продолжатель Феофана. – С. 55–56 (III, 26, 28); *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. Reiche A. Abt.I. Teil 1:Regesten von 565–1025. – München; Berlin, 1924. – №431. Между прочим, Херсон имел контакты с этим иконоборчески ориентированным представителем высшей церковной власти Византии, умершим в 843 г., и, следовательно, они приходятся как раз на время организации фемы в Таврике. На это указывает находка моливдовула патриарха (*Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым: АДСВ. – Барнаул, 1992. – С. 195).

[233] *Успенский Ф.И.* Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь–Дромиты у Симеона Магистра // ЖМНП. – 1890. – Январь. – С. 10.

[234] См.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 312 и след.; *Науменко В.* Византийская фема в Таврике в IX–X вв. (по данным письменных и археологических источников) // Византия и

установить хронологию хода дальнейших событий едва ли возможно, ибо мы сталкиваемся с целым рядом неизвестных по продолжительности моментов. Начнем с того, что Иоанн Грамматик мог стать патриархом и 21 апреля 837 г., и 21 апреля 838 г.: наиболее убедительные версии, предложенные соответственно авторитетным французским источниковедом Вальтером Грюмелем и американским византинистом Варреном Тредголдом, допускают оба варианта и по степени обоснованности трудно отдать какой-либо из них предпочтение[235]. Если исходить от этого патриаршества, тогда строительство Саркела и образование вслед за этим стратигии на крымской земле не могло случиться раньше лета 837 г., причем эта дата представляется нереальной не только по причине крайней, почти невероятной быстроты происшедшего. Дело в том, что хазарское посольство к василевсу Феофилу не пришлось ни на 837 г., ни на 838 г., ибо Продолжатель Феофана отметил, что в том году, когда в Константинополе принимали послов, «...и агаряне и Феофил выступали друг против друга, но каждый опасался противника и, ничего не совершив, вернулся в свою землю»[236]. Между тем во время победоносной кампании 837 г. против войск халифа Мутасима византийцы взяли Запетру (Созопетру), Самосату и ряд других восточномалоазийских городов, тогда как летом 838 г. менее удачно сражались у Дорилея и в августе потеряли город Аморий[237]. Поэтому ближайшему году после вступления на патриарший трон Иоанна Грамматика, согласно этой ситуации, скорее всего соответствовал 839 г. По предположению В. Тредголда, поддержанному Ф. Винкельманом, архонт Херсона был заменен стратигом Климата уже в этом году или в начале 840 г., однако с этим трудно согласиться[238].

Если переговоры с хаганом успели пройти в конце лета — осенью 839 г., то спафарокандидат Петрона должен был успеть за пару месяцев, остававшихся до конца навигационного сезона, попасть с царскими хеландиями в Пафлагонию и, забрав людей тамошнего катепана, приплыть в Херсон, организовать пересадку на транспортные суда малой осадки и

Крым: Междунар. конф.: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 67–68; *Науменко В.Е.* Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в. ... – С. 59; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 690 и след. (там же библиография вопроса).

[235] *Grumel V.* Chronologie des patriarches iconoclastes du IX siecle // Echos d'Orient. – 1935. – T. 19. – P. 164–165; *Treadgold W.* The Chronological Accurency of the Chronicle of Symeon the Logothetae for Years 843–845 // DOP. – 1979. – №33. – P. 172, 178–179; *Treadgold W.T.* The Byzantine Revival. 780–842. – Stanford, 1988. – P. 297. Ключевым моментом в поиске более правильного решения, видимо, нужно считать то, что во время правления Феофила воскресенье 21 апреля, когда был рукоположен Иоанн Грамматик, приходилось только на 832 г. и 838 г., однако предшественник Иоанна, Антоний I Кассимат умер в 836 / 837 г. и, значит, 832-й год должен быть отвергнут.

[236] Theophanes continuatus. – P. 122; Продолжатель Феофана. – С. 56 (III, 28).

[237] *Васильев А.А.* Византия и арабы. Ч. 1: Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Ч. 2: Приложения. – СПб.,1900. – С. 113 и след.; *Treadgold W.* The Byzantine Revival 780–842. – P. 312–313; *Bosworth C.E.* Al-Mu'tasim bi-Llah // Encyclopedie de l'Islam. – 1993. – T. 7. – P. 777–778; *Norwich J.J.* Byzanz. Auf dem Höhepunkt der Macht 800–1071. – Düsseldorf; München, 1994. – S. 66–69; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State... – P. 440–441.

[238] *Treadgold W.R.* Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth – Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1980. – Vol. 2. – P. 278; *Treadgold W.* The Byzantine Revival. – P. 314–315; *Treadgold W.* A History... – P. 443; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang – und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S. 113–114. Ср.: *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 314.

отправиться по Меотиде и Танаису к заранее намеченному месту строительства «Белого приюта»[239]. Известно, что 60 дней занимал путь посуху от устья Дуная к Саркелу[240], но какой, большей или меньшей, могла быть продолжительность плавания?

Водный путь от столицы до Пафлагонии занял бы сравнительно немного времени, как и путешествие привычным кратким (прямым) путем через Черное море в Херсон. На все это ушло бы от силы около двух недель[241]. Гораздо дольше были бы организационные хлопоты, рассылка уведомлений, предписаний, сборы перед отправкой и задержки на маршруте в местах временных стоянок, а также сам полуморской-полуречной путь сначала на парусных грузовых, а затем на гребных судах до места строительства Саркела.

С учетом данных крупномасштабных карт и лоций, а также сведений античных периплов, от Константинополя до Иерона на выходе из Босфора в Черное море около 150 км, отсюда до вифинской Гераклеи (Ираклии) – 230 км, от Ираклии до мыса Карамбис – 167 км и от Карамбиса до Синопы около 130 км[242]. На этом участке можно было воспользоваться течением, что проходило от Анатолийского побережья на расстоянии 3–9 км и увеличивало скорость плавания до 2 км/час. За сутки перехода это составляло дополнительно 40–45 км. Это был первый этап пути экспедиции Петроны в Пафлагонию, откуда открывался краткий путь через Черное море от пафлагонского мыса Карамбис до крымского мыса Криу Метопон (Бараний Лоб), известного как ориентир уже античным мореплавателям. При этом мореплаватели попадали в восточную часть большого круговорота водных масс со скоростью течения до 1 км/час, что за сутки перехода давало экономии 22 км. Следует учесть, что византийские корабли и условия мореплавания немногим отличались от античных. Средняя (крейсерская) скорость, с которой обычно курсировали древнегреческие торговые суда, составляла 4 узла, то есть 7,408 км/час (один узел равняется морской миле – 1853 м в час)[243]. При попутном ветре и течении она достигала 9,62 км/ч., то есть 5,2 узла, но при боковом ветре или непогоде ход значительно замедлялся[244]. Античные военные корабли, двигавшиеся, как и византийские хеландии, на парусах и веслах, могли развивать скорость до 7–8 узлов, то есть 12,9–14,4 км/ч[245]. Быстроходный дромон – «бегун» (plotorsios dromon) с его сотней весел двигался со скоростью до 9,2 км/ч[246]. Примечательно, что поздне-

[239] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 30–34, С. 170–173.
[240] Там же. – Гл. 42. 55–56, С. 172–173.
[241] Путь от Константинополя до Херсонеса обычно занимал 10–11 дней (*Болгов Н.Н.* Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Болгов Н.Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991 - 2001. – Белгород, 2002. – С. 23).
[242] См.: *Агбунов М.В.* Загадки Понта Эвксинского. – М., 1985. – С. 53, 57.
[243] *Michalowski K.* Technika grecka. – Warszawa, 1939. – S.89.
[244] *Боголюбов Н.* История корабля. – М., 1879. – Т. 1. – С. 72; *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – М., 1917. – С. 164; *Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т.* Пенители Понта: (Пиратство в Черном море). – Симферополь, 1992. – С. 24.
[245] *Labarec B.* How the Greeks Sailed into the Black Sea // American Journal of Archaeology. – Baltimore, 1957. – Vil. 61. – №1. – P. 31; *Casson L.* The Ancient Mariners. – New York, 1959. – P. 94.
[246] Ioannis Damasceni opera // PG. – T. 94 B. – Col. 357 C ; *Снисаренко А.* Рыцари удачи. – СПб., 1991. –

византийские практические задачники не называли ни для для парусных кораблей, ни для галер скорость меньше 6 миль[247]. За сутки, по расчетам А.Н. Щеглова, парусное судно при попутном ветре и при благоприятном течении могло пройти 177–267 км[248]. Это немногим отличается от данных Геродота (IV. 86), согласно которым корабль обычно проходил около 1300 стадий, то есть примерно 230 км (греко-римский стадий=176,6 м)[249]. Даже при более медленном каботажном плавании от устья Дуная к южному берегу Крыма (м. Бараний Лоб) судно было в состоянии пройти примерно 985 км за шесть суток, преодолевая, следовательно, около 164 км (плюс-минус 5–10 км) в сутки[250]. Данные, собранные Л. Кассоном, подтверждают, что скорость парусных кораблей при попутном ветре составляла около 4–6 узлов и снижалась до 2,8–3,7 узлов, если происходила не в открытом море, а у изрезанной береговой линии, среди островов, тогда как плавание против ветра обычно совершалось при скорости 2–2,5 узла, бывало 1,5 узла и редко достигало 2,6–3,3 узла[251]. Даже если остановиться на скорости в 2 узла (3,7 км/ч), с которой могла медленно двигаться экспедиция Петроны из столицы к Пафлагонии, получится, что первый отрезок она была в состоянии преодолеть приблизительно за 40 часов плавания (два дня и две ночевки)[252], второй — за 62 часа (три дня, две ночевки), третий — за 45 часов (два дня, две ночевки) и четвертый — за 35 часов (два дня, одна ночевка). В общей сложности потребовалось бы максимум 9–10 дней, чтобы достичь Пафлагонии. В целом, это совпадает с данными ал-Идриси (1154 г.), который уточнял, что расстояние между Константинополем и Трапезундом равнялось «девяти с половиной дням плавания» вдоль побережья[253]. О том, насколько долго не менялись условия навигации, свидетельствуют слова епископа Кутаисского Максима, который в 1769 г. сообщал, что в Восточное Причерноморье «приходят корабли из Константинополя за восемь, а из Крыма за пять дней»[254]. Следующий этап маршрута Петроны и хеландий из Пафлагонии пришелся на краткий путь с юга на север через Черное море (263 км или 142 морские мили[255]). В спокойную погоду, с использованием благоприятных течений и ветров между Крымским и Анатолийским побережьем, его можно было преодолеть примерно за 24–30 часов и в итоге

С. 44.

[247] *Vogel K.* Ein byzantinisches Rechenbuch des frühen 14. Jahrhunderts. – Graz; Wien; Köln, 1968. – №25. 1; *Hunger H., Vogel K.* Ein byzantinisches Rechenbuch des 15. Jahrhunderts. – Wien, 1963. – №47. 1; 78. 1; 79. 1; 80. 1–2.

[248] *Щеглов А.Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. 3. К Полибию, IV, 4, 1 // ВДИ. – 1970. - №2. – С. 126–133.

[249] Ср.: *Агбунов М. В.* Указ. соч. – С. 36.

[250] Там же. – С. 45.

[251] *Casson L.* Ships and Seamship... – P. 282–289, Tabl. 1–5.

[252] Это совпадает с расчетами С. М. Зеленко, который отводит на данный участок плавания 42–46 часов (*Зеленко С. М.* Торговельне судноплавство середньовічної Таврики... – С. 88).

[253] *Edrisi.* Geographie de l'Edrisi / Trad. de l'arabe par P.A. Jaubert. – Paris, 1840. – T. 2. – P. 394; *Бейлис В.Л.* Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1988. – С. 71.

[254] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии / Под ред. А.А. Цагарели. – СПб., 1891. – Т. 1. – С. 29.

[255] Лоция Черного моря. – Л., 1968. – С. 30.

уже через пару суток быть в Херсоне[256]. С. Ф. Стржелецкий приводит по этому поводу следующее наблюдение: «...днем ветер дует с моря, то есть от центра в разные стороны, а ночью с обоих побережий в море, на этом участке представляется великолепная возможность в один прием использовать оба ветра, благодаря небольшому расстоянию между берегами. Парусное судно, выйдя с любого побережья вечером, с попутным береговым ветром к утру может покрыть половину расстояния между этими берегами и с утра с попутным, но морским ветром, к вечеру прибыть на другую сторону моря»[257]. Впрочем, обычно на это уходило больше времени, поэтому источники иногда исчисляют время перехода через Черное море двумя с половиной — тремя сутками, да еще указывают на это как на своеобразный рекорд[258]. Следовательно, крейсерская скорость судов при этом едва превышала 3 км/ч (1,6 узла). Остановка в Херсоне, отбор здесь части необходимых рабочих, стороителей, гончаров-плинфоделов, равно как и сбор и подготовка необходимых для дальнейшего плавания «круглых», парусных, а также гребных судов должны были занять особенно много времени (вероятно, не меньше недели). Лишь после этого начался его завершающий этап — каботажное плавание от Херсона вдоль берегов Крыма к Боспору (около 350 км) и почти столько же оттуда через Азовское море к Дону и вверх по течению до места строительства[259]. Это около 200 часов плавания со средней скоростью примерно 3 узла. При этом путь до Керченского пролива, проделанный на strongyla ploia, потребовал, вероятно, не более двух остановок, тогда как плавание по нижнему Дону было особенно утомительным и должно было сопровождаться гораздо более частыми привалами для восстановления сил гребцов kamatera karabia.

В лучшем случае при всем старании спафарокандидат успел бы выполнить первую часть своего поручения к ноябрю 839 г. Тогда ему пришлось бы разворачивать стройку поздней осенью — зимой и вести ее в суровых условиях, под пронизывающими степными ветрами, дождем и снегом, ожидая следующего лета, а возможно и осени, то есть конца очередного навигационного сезона 840 г. Отчет Феофилу и принятие ответственного решения об «избрании» стратига для Херсона едва ли поспели бы к ноябрю — декабрю, хотя полностью исключить такую возможность нельзя. С ее учетом мы можем иметь два варианта времени официального создания новой фемы: поздняя осень 840 г. или весна — лето 841 г. (но никак не 839

[256] *Золотарев М.И.* Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1977. – Тбилиси, 1979. – С. 96; *Веникеев Е.В., Артеменко Л.Т.* Пенители Понта. – С. 28.

[257] *Стржелецкий С. Ф.* Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа: (Середина III тыс. – V в. до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. – Севастополь, 1951 (рукопись) // Архив НЗХТ. – Д. №1343. – С. 23–24; ср. аналогичные данные: *Бертье-Делагард А.Л.* Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности АН. – 1909. – Т. 14. – Кн. 1. – С. 57.

[258] Житие Иоанна Готского. – С. 398; *Веникеев Е.В., Артеменко.* Л. Т. Указ. соч. – С. 28.

[259] Ср.: *Гайдукевич В.Ф.* О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып. 116. – С. 13; *Агбунов М.В.* Указ. соч. – С. 53; *Зубарев В.Г.* Европейское побережье Меотиды (Азовского моря) по Клавдию Птолемею // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 68.

г.). Если же отплытие царских хеландий было отложено до весны 840 г. как наиболее удобное и, следовательно, наиболее вероятное время, тогда лето и осень этого года ушли бы на организацию начала строительства Саркела и возвращение Петроны состоялось бы не раньше сентября – октября 840 г. Раздумья по поводу принятия решения о феме, любая заминка могли вызвать сдвиг даты, но и тогда она не пришлась бы на время позже весны – лета 841 г. В данном случае речь идет именно о формальном моменте создания фемы, а не о сооружении Саркела за несколько месяцев, ибо после планировки крепости на местности, разбивки строительной площадки последующее строительство велось не один год и уже без активного участия византийцев[260].

Разумеется, предлагаемые источником соединительные фразы типа «на следующий год» (to d'epionti etei) весьма относительные указатели. Поэтому приведенные выше умозрительные конструкции верны только в том случае, если ассоциативный метод изложения Продолжателя Феофана и Симеона Логофета понят правильно, поскольку, следуя в целом внутренней хронологической канве изложения, византийские составители и редакторы источников не отличались последовательностью, то и дело нарушали ее, отступая, забегая вперед и вновь возвращаясь назад[261]. Изложенные события могли быть и не связаны с временем патриаршества Иоанна Грамматика, могли произойти раньше, вскоре после 834 г., поскольку укладываются в рассказ Продолжателя Феофана о византийских военных кампаниях против арабов в 833–837 гг.[262]

Итак, существует несколько равно возможных, вполне осуществимых вариантов создания новой стратигии на территории Крыма: около 835 г., либо осень – зима 840 г., или весна – лето 841 г. Как бы то ни было, это произошло до зимы 841 г., когда очередной навигационный сезон закрылся, а уже 20 января 842 г. Феофил скончался от тяжелой желудочной болезни. Вряд ли при существующем состоянии источников время организации фемы удастся определить точнее и любые попытки это сделать будут лишь плодить слабодоказуемые версии.

Ко всему прочему, результат административных мер, шедших из Большого дворца, остается не совсем ясным. Петрона Каматир, безусловно, был организатором военно-административных преобразований на крымской территории, но стал ли именно он главой созданной фемы, как утверждают византийские нарративные источники? Ведь до сих пор не известно ни одной печати с именем этого стратига Херсона и климата. Кроме того, как подметил И.А. Баранов, «все рассуждения об организации фемы Петроной... основаны исключительно на априорности понятий: стратиг – командующий фемой»[263], а источники ненадежны по

[260] *Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа. – С. 27.
[261] См.: *Любарский Я.Н.* Сочинение Продолжателя Феофана: Хроника, история, жизнеописание // Продолжатель Феофана. – М., 1992. – С. 243; *Signes Codoner J.* El periodo del segundo iconoclasmo en Theophanes Continuatus. – Amsterdam, 1995. – P. 535–548. С этой точки зрения прибытие хазарских послов могло состояться не через год, а уже через пару месяцев после избрания Иоанна патриархом.
[262] *Никифоров М.А.* К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 2009. Вып. 15. С. 550–560.
[263] *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона. – С. 140.

причине более чем столетней удаленности их авторов от описываемых событий. Действительно, впервые термин «фема Херсона» фиксирует трактат Константина Багрянородного «О фемах»[264], но он отсутствует в других письменных, сфрагистических источниках, где речь идет лишь о стратигах Херсона. Все это так, однако необходимо учесть, что и Продолжатель Феофана, и Константин Багрянородный пользовались в середине X в. каким-то одним, более ранним общим компендиумом, каким, вероятно, пользовался и автор еще одного сочинения — «Книги царств», приписываемой современнику Константина VII, чиновнику Иосифу Генесию[265]. Поэтому обвинения их в единодушной хронологической путанице, перенесении событий конца IX — начала X в. в эпоху Феофила выглядят слишком натянутыми[266]. Совпадение имени и титула организатора новой стратигиды в Таврике с «императорским посланцем» Петроной, одним из организаторов обороны Фессалоники от пиратского рейда мусульман во главе со знаменитым корсаром Львом Триполийским в 904 г., тоже ни о чем не говорит, поскольку чин протоспафария весьма часто встречался у военных высших рангов, а само имя Петрона не отличалось уникальностью[267]. Действительно, ни один из письменных источников не говорит о создании «фемы Херсон» в правление Феофила, а лишь о присылке стратига в звании протоспафария, выбранного из возможных кандидатов самим императором. Однако в понимании византийцев этого было достаточно, чтобы подразумевать под объектом, в приказном порядке вверенном управлению стратига, фему или стратигат — город со стратигом. Причем для их обозначения служили такие нарицательные названия, как «земля», «страна», «место» (ge, chora, topos)[268]. Аналогичные термины ромеи применяли и в отношении крымских владений стратига.

Другое предположение И.А. Баранова о том, что фема Климата не имела отношения к Таврике, поскольку, согласно данным Анонима Газе (X в.), такое название могло принадлежать какому-то конкретному византийскому городу в Северном Причерноморье или на Дунае, тоже остается лишь гипотезой, даже без учета поддельности источника, серьезно отступившей от «принципа Оккама»[269]. Феофан четко различал

[264] *Constantini Porphyrogennetos.* De provinciis regni byzantini. Liber secundus: Europa / Ed. Th. Tafel. – Tubingen, 1847. – P. 9.

[265] *Продолжатель Феофана.* – С. 223–248.

[266] *Баранов И.А.* Административное устройство ... – С. 139.

[267] В.Е. Науменко, критически рассматривая реанимированное И.А. Барановым предположение Ф.И. Успенского об идентичности личностей Петроны Каматира и стратига Петроны 904 г., верно заметил, что строительная деятельность последнего и его якобы основательные фортификационные знания, сближающие обоих Петрон, преувеличены исследователями, ибо сводились в случае с Фессалоникой к хитроумному сооружению подводного заграждения из старых могильных надгробий, что свидетельствует лишь о смекалке и находчивости «второго» Петроны (*Иоанн Камениата.* Взятие Фессалоники // Две византийские хроники X века. – М., 1959. – С. 169–170, §17; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 692). К тому же последний носил другую фамилию – Трифиллий, на что обратил внимание уже С. П. Шестаков (Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. – С. 43, прим. 3).

[268] *Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire bzyantin aux IXe – XIe siecles // BCH. – 1960. – №84. – P. 79.

[269] *Баранов И.А.* Административное устройство ... – С. 142. См. возражения К. Цукермана по этому поводу (*Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 316).

в своей «Хронографии» «херсонитов и босфориан и остальные климата» (ton loipon klimaton)[270]. Тем не менее хронист обычно не разделял именно Херсон и климата, воспринимая их как единое целое или как нечто тесно связанное с Херсоном, который выступал в этой связке как лидер. Это обстоятельство проницательно отметил уже В.Н. Юргевич: «Если византийцы говорили "pros...ten Chersona kai ta loipa klimata", то есть близ Херсона и прочих климатов, то они помещали и Херсон в Климатах»[271]. Описывая гонение Константом II папы Мартина и другого столь же пламенного ортодокса православия, Максима Исповедника, местом ссылки папы Феофан назвал «Херсон и климата» (en Chersoni kai tois klimasin), добавив, что Мартин был отправлен в «Херсонские климата» (tes Chersonos klimata) и умер там, в «климата востока», а по другому списку рукописи — в «климата востока или Херсоне» (klimasi tes anatoles etoi en Chersoni)[272].

Рассказывая под 776 г. о наказании василевсом Львом Хазарином заговорщиков, задумавших его свергнуть, византийский летописец вновь назвал место их ссылки «Херсон и климата» (eis Chersoni kai ta klimata или tois klimasin)[273]. А в представлении Константина Багрянородного, почерпнутом из более ранних источников, весь Крым делился на две «земли» (ge): «землю Херсона и климата, и землю Боспора»[274]. Фактические данные свидетельствуют о том, что первая часть занимала территорию юго-западного, часть южного и центрального в меридиональном направлении Крыма[275]. Это перекликается с совершенно определенным указанием Константина Багрянородного, что климата расположены по отношению к Херсону и Боспору за «болотами» (de limnai), то есть Сивашем, и заросшим «каналом» (Перекопом), через который вели пути в Таврику[276]. Кроме того, в своих памятных записках к сыну Роману император столь же ясно пояснял, что конкретно «кастра климата» (ta kastra ton klimaton) были расположены «от Херсона до пределов Боспора» (apo de Chersonos mechri Bosporou)[277], и в дальнейшем дважды повторил это слово в слово в том же сочетании (ten Chersonos gen kai ton klimaton kai tes Bosporou gen; te Chersonai kai Bosporon kai

[270] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... – С. 40.
[271] *Юргевич В.Н.* Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1894 году // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 15.
[272] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 36.
[273] Там же. – С. 46.
[274] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 72–86, С. 174.
[275] *Талис Д. А.* «Корсунская страна»: Доклад на сессии, посвященной 125-летию раскопок в Херсонесе. // Архив НЗХТ. – Д. №644. – А. 61. Можно согласиться с К. Цукерманом, что «Херсон, Боспор и климаты являются тремя отдельными географическими единицами» (*Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсон. – С. 319). Однако другой его вывод: «... территориальное определение фемы Климатов ограничивалось Крымской Готией, не включая ни Херсон, ни Боспор» – вступает в противоречие с вышеназванными источниками: в представлении ромеев Херсон, будучи самостоятельной территориальной единицей, все же как бы сливался с климата, в том числе и Готфией, в одну «землю». С точки зрения А.И. Айбабина, в фему Климата входили «...соседние с городом горные крепости, из которых ушли хазары. Другие районы полуострова остались под их контролем» (*Айбабин А.И.* Крым под властью Хазарского каганата. – С. 7).
[276] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 70–72, 83–86, С. 174–175.
[277] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42, 72.

ta klimata)[278]. Поскольку в этом промежутке между землями Херсона и Боспора находилась Готфия с Доросом, Фулами и прочими крепостями, фрурами, становится понятно, почему Игнатий Диакон, составлявший после 828 г. Житие патриарха Никифора, назвал правителя Готфии, христианина, подлежащего наставлениям патриарха, «игемоном народа» одного из «Таврических климата» (ethnous egemonian... kath' en ton Taurikon klimaton... ogar tote ten tou ethnous egemonian epanegemenos)[279].

Вообще, византийцы обычно дополняли этот термин, под которым уже с VI–VII вв. понимали «местности», сельские и городские административные округа, особенно далекие, конкретизирующими дефинициями[280], но с начала IX в. стали все чаще использовать только применительно к областям Таврики, Готфии, Херсона и Боспора[281]. Обширная выборка из источников на эту тему в свое время была сделана добросовестными, тщательными историками А.О. Куником и В.Г. Васильев-

[278] *Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 42. 81–82, 85–86. Эти пределы наиболее обоснованны в качестве ориентиров для географии крымских климата (ср.: *Nesbitt J, Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1991. – Vol. 1. – P. 182).

[279] Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani. – P. 160. 20–30; Житие св. отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви св. Софии. – С. 21, гл. 8; *Байер Х.Ф.* История крымских готов... – С. 72.

[280] Подр. см.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 70 (со ссылками на Иоанна Лида и Пасхальную хронику). Пример такого уточнения являет фрагментированный эпиграфический памятник – эдикт Анастасия I (491–518), в котором упоминаются «коммеркиарии земли Месопотамии и климата Палестины» (apo kommerkiariou ge ton en Mesopotamia kai apo tou klimata ton Palaistine) (см.: *Littmann E., Magic D., Stuart D.R.* Greek and Latin Inscriptions in Syria, publications of Princeton University Archaological Expeditions to Syria in 1904–1905, Division III. – Leyden, 1910. – P. 24–42, N 20; p. 250–251, N 526). Георгий Кипрский в своем трактате «Описание Римского мира» применял термин климата (klima) к округам в Исаврии, Палестины, Ливанской Финикии (Культура Византии. Вторая пол. VII–XII в. – М., 1989. – С. 350, 454).

[281] См.: *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – Т. 5. – С. 217; *Лопарев Хр. М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – 1910. – Т. 17. – С. 166, 167; *Соколова И.В.* Клад херсонесских монет середины IX в. // ТГЭ. – 1971. – Т. 12. Нумизматика. №4. – С. 22; *Alekseenko M.A.* Un tourmarque de Gothie sur un sceau inedit de Cherson // REB. – 1996. – T. 54. – P. 273. В последний раз Херсон в сочетании с выражением «тамошние климата Готфии» (tes Chersonos kai ton ekeise klimaton Gotthias) упоминается в источниках применительно к событиям около 1225 г., в «Синопсисе чудес св. Евгения», покровителя Трапезунда, составленном скевофилаксом – «хранителем священных сумм» Иоанном Лазаропулом в период 1340–1363 гг., по-видимому, до того, как он стал трапезундским митрополитом по имени Иосиф (Пападопуло-Керамевс А. Сборник источников по истории Трапезундской империи, I // Записки историко-филол. ф-та имп. СПб. ун-та. – 1897. – Т. 44. – С. 117–118). Подробный анализ возможности и смысла употребления термина «климаты» по отношению к Таврике почти одновременно и независимо друг от друга проделали К. Цукерман и В.Е. Науменко. Результаты их исследований позволяют достаточно уверенно заключить, что этот термин использовали в IX–X вв. для обозначения региона, где лежали Херсон и Крымская Готфия: в широком смысле под ним пони-мали области, местности, земли (chora) Таврики, входившие в состав Византийской империи или находившиеся под ее влиянием, ограниченные территориально крепостями: Херсоном с запада и Боспором с востока, а в совсем узком значении – административные единицы, округа, «дистрикты», «архонтии» Готфии, обладающие каждый своим архонтом (откуда название archontiai) и крепостью (kastron) или городком (polismaton), на которые делилась эта территория (впервые эта мысль была высказана: Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – P. 61; ср.: *Zuckerman C.* Shot Notes. Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson. – P. 219; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона. – С. 317–320; *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии... – С. 675; *Науменко В.Е.* Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в IX в. ... – С. 59; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 692–698).

ским и нет нужды ее еще раз повторять[282]. Фигурировавшее в ней слово, несомненно, относилось к конкретно очерчиваемой географической номенклатуре — крымским климата, которая в названии фемы из нарицательного превратилась в имя собственное. В самом деле, подавляющее большинство фем носило подобные «географические имена»: Крит, Эллада, Пелопоннес, Халдия, Пафлагония, Фракия, Македония и прочие, а под названием своих главных городских центров они фигурировали весьма редко. В Тактиконе, составленном в 842–843 гг., в качестве таковых названы только балканские Фессалоника и Диррахий[283]. Какие бы варианты прочтений ни вызывала плохо сохранившаяся печать неизвестного византийского чиновника первой половины IX в. со следами надписи TONKL [...] YCHERS, один из этих вариантов имеет равные с прочими основания быть связанным с названием новой фемы климата Херсона[284]. Следует также отметить, что перед нами указание именно на топоним, а не на должность какого-то херсонского чиновника: на византийских моливдовулах перед указанием должности ставился не артикль, а подразумевался пропускаемый союз kai, вместо которого на херсонской булле ясно виден ton. Находка параллельного экземпля-

[282] *Куник А.О.* О записке Готского топарха // Записки Имп. Академии наук. – 1874. – Т. 24. – Кн. 1. – С. 74–81; Записка греческого топарха // Труды В. Г. Васильевского. – СПб., 1909. – Т.2. – Вып. 1. – С. 194–200.

[283] *Успенский Ф. И.* Византийская табель о рангах // ИРАИК. – 1898. – Т. 3. – С. 115.

[284] *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 211–214; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 74, 76, 149–150, №14; ср.: *Баранов И.А.* Административное устройство ... – С. 142; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы ... – С. 319–320. Указание ton klimaton могло значиться на еще одном плохо сохранившемся моливдовуле второй–третьей четверти IX в. (*Сокалова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т.52. – С. 213, №53).Обломок другой печати IX в. из собрания Думбартон Оукс с упоминанием «пяти климатов» (ton pente klimat[on]), как считают его издатели, тоже может иметь отношение к стратигиде, созданной по повелению Феофила в Таврике *(Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 1991. – Vol. 1. – P. 182, N 81). В.Е. Науменко видит в этих пяти «округах» связь с пятью названными в нотиции 901–907 гг. церковно-административными единицами Таврики – архиепископиями Херсона, Боспора, Готфии, Сугдеи, Фул (*Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 550). Однако остается необъяснимым то очевидное обстоятельство, что в Тактиконе Успенского (842–843 гг.) глава новосозданной фемы назван strategos ton klimaton , а не ton pente klimaton (*Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах. – С. 115). Нарративные источники, как уже указывалось, тоже упоминают «Херсон и климата». Печать принадлежала явно ромейскому чиновнику, следовательно, должна была нести обозначение конкретного места его службы, а не абстрактный широтный или часовой пояс – «климат» (ср.: Культура Византии: Вторая половина VII–XII вв. – М., 1989. – С. 340–341; *Бородин О.Р.* Возникновение современной хронологии. – М., 2000. – С. 84). Как и в приведенных выше случаях, речь скорее всего шла об областях, административных единицах, и, значит, обладатель печати выполнял служебные обязанности на территории пяти неких областей, которые не имели другого названия, кроме «климата». Едва ли их было всего пять: в этом случае резчику печати заказали бы изобразить слово климата без каких-либо уточнений, во множественном числе. Видимо, существовали другие должностные лица, распоряжавшиеся на территории большего и меньшего, чем пять, числа климатов. В этой связи в очередной раз вспоминается указание Никифора под 711 /712 г. на существование в Таврике не менее двух десятков простатевонтов – глав кастра, полисм или архонтий (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения ... – С. 156). Не их ли владения стали называться в IX столетии климатами? Тогда управлявший от лица василевса несколькими такими пунктами вполне мог бы называться архонтом некоего числа климатов. Косвенно это подтверждается тем, что в перечислении объектов карательной миссии 710 г. (en Chersoni kai Bosphoro kai tous ton allon archontion) хронист придерживался того же порядка, что Константин Багрянородный в указании на районирование Крыма (te Chersonai kai Bosporon kai ta klimata).

ра печати той же матрицы в Сугдее помогает развеять сомнения: она имела инвокативную крестообразную монограмму с тетрограммой to so doulo и принадлежала некоему спафарокандидату и, вероятно, стратигу «климата Херсона» (spa[tharokon]dida[to kai stratego t]on k[limaton tes Ch]ers[onos])[285].

По аналогии с более поздними данными, почерпнутыми из еврейско-хазарской переписки примерно середины X в., пределы фемы могли ограничиваться на западе Херсоном, на юго-востоке окрестностями Алупки — Семеиза, а на северо-востоке доходить до Мангупа и юго-западной части Второй (Внутренней) гряды Крымских гор[286]. Не исключено, что в процессе организации фемы Климата в 840–842 гг. и несколько позже византийская администрация находилась на наиболее близкой к Херсону крепости на плато Эски-Кермен, поскольку именно там восстанавливается некоторая часть фортификационных сооружений, в частности на западном склоне, ближе к южному оборонительному углу, где Н.И. Репниковым были обнаружены основания сложенных наспех и насухо кладок из тесаных камней, взятых из построек[287]. Даже если они не имеют отношение к событиям середины IX в., их строительство не выходит за пределы конца этого столетия, когда реконструкции подверглась главная базилика, а у главных ворот в нижней части основного массива скалы и на площадках подъемной дороги были вырублены «пещерные» церкви[288]. Вместе с многочисленными захоронениями этого времени на территории некрополя они говорят о наличии здесь значительного населения. Вероятно, тогда же, во второй половине IX в., после продолжительного перерыва, ромейскими властями были вновь востребованы оборонительные сооружения ранневизантийской Сюйренской крепости в долине р. Бельбек, на высоком мысу Куле-Бурун у с. Малое Садовое[289]. Чуть раньше середины IX в. велось также строительство второй оборонительной линии цитадели на Бакле. Здесь была возведена новая облицовочная кладка ранней оборонительной стены из хорошо отесанных каменных блоков на известковом растворе, и в той же технике сооружены панцири второй куртины, а в месте стыка обеих куртин появилась новая прямоугольная башня[290].

---

[285] Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. – Washington, 1999. – Vol. 6. – P. 54, N 16; *Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический: У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 27–28; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 104.

[286] Ср.: *Герцен А.Г.* К вопросу о территории Херсонской фемы. – С. 23; *Герцен А.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 60–64.

[287] *Репников Н.И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928 - 29 гг. // ИГАИМК. – Л., 1932. – Т. 12. – Вып. 1–8. – С. 131; *Герцен А.Г., Махнева О.А.* Пещерные города Крыма. – Симферополь, 1989. – С. 56.

[288] *Айбабин А.И.* Византийская крепость на горе Эски-Кермен в Крыму // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 178.

[289] Показательно, что в культурном слое Сюйреня керамические материалы достаточно отчетливо прослеживаются именно с VIII–IX вв. (*Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 109–110).

[290] *Талис Д.Л.* Оборонительные сооружения... – С. 99–104; Крым в VIII–IX веках. Хазарское господство. – С. 63–64.

Судя по отсутствию характерных и обычно многочисленых высокогорлых кувшинов с плоскими ручками в засыпи цистерн, перекрытых куртинами, стройка была завершена до середины IX в.[291] Несколько позже, к концу столетия, в 600 м от подножия Баклы возводят однонефный храм с притвором и крестовидный храм[292]. Археологические материалы не позволяют связать такие же работы на Мангупе с этим временем, хотя и не исключают их возможность[293]. Но и без этого последний по-прежнему обнаруживает тяготение к византийскому Херсону и участие в торговом обмене с ним[294]. По мнению Н.И. Барминой, многие годы занимавшейся раскопками большой базилики в центре Мангупского плато, предполагаемый новый кафедральный трехнефный храм митрополии епископии Готфии был кардинально перестроен из предшествующих культовых построек, однонефного храма, не ранее IX в., ближе к концу столетия, а по соседству с ним была устроена крещальня с небольшой купелью глубиной 0,52 м, выполненной из единого каменного блока[295]. Анализ политической ситуации подсказывает, что эти события скорее всего могли произойти в 840-е гг. или немного позже, что совпадает с развертыванием общественного строительства в Херсоне. Тогда же на юго-восточном склоне Дороса—Мангупа соорудили крестообразный храм размером примерно 9x11 м, с тремя входами, открытый археологами в 1983 г. Он подвергался переделкам, пристройке двух небольших часовен и притвора к западному входу. Несмотря на то что городище в это время пустеет, сокращается обитаемая территория и численность населения, как показывает исследование укреплений, осуществлялся ремонт ряда мест оборонительных стен, а, значит, крепость сохраняла назначение религиозного центра паройкии, если не епископии, и вновь стала убежищем для находившихся рядом с ней ромеизированных обитателей сельских поселений[296]. Как и прежде, здесь не существовало местного ремесленного производства, но сохранялась ориентация на Херсон, откуда стала поступать, например, ранняя белоглиняная поливная посуда[297]. Тогда же, судя по находкам высоко-

[291] *Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 62; *Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX–XI вв. – С. 42–53.

[292] *Рудаков В.Е.* Христианские памятники Баклы. – С. 40–46.

[293] *ГерценА.Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике. – С. 61; *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 218.

[294] *Герцен А. Г.* О крепостном строительстве на Мангупе: Тезисы докладов XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма // Архив НЗХТ. – Д. №2385. – Л. 27; *Бармина Н.И.* Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики: Дис. ... канд. ист. наук / Институт археологии АН СССР. – М., 1983. – С. 79, 95–96, 143; *Мыц В.Л.* Загородный храм и некрополь Мангупа // АДСВ: Античная и средневековая идеология. – Свердловск, 1984. – С. 57–66.

[295] *Бармина Н. И.* Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса–Мангупа–Феодоро // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М. Я. Сюзюмова. – Екатеринбург, 1993. – С. 3–4; *Бармина Н.И.* Вопросы и ответы: опыт источниковедческого анализа // Кумуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. – Екатеринбург, 2003. – С. 10–13; *Бармина Н.И.* Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия - Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 262–263.

[296] *Герцен А. Г.* Крепостной ансамбль Мангупа. – С. 134.

[297] Там же. – С. 134.

горлых кувшинов в отложениях нижнего культурно-строительного горизонта укреплений, были предприняты фортификационные работы на узловых, центральных участках стен крепости Чуфут-Кале, которые тоже могли быть инспирированы византийскими фемными властями[298]. Такого рода усилия прослеживаются и в более отдаленных от Херсона областях — климата, к примеру в Сугдее, где во второй половине IX в. возводятся мощные оборонительные стены на Крепостной горе[299]. Имперские амбиции Византии в Таврике на какое-то, пусть непродолжительное, время наконец оказались удовлетворены. Организация стратигата на территории Крымского полуострова, порожденная не одной причиной, а целым комплексом долго вызревавших разнообразных причин, наконец состоялась.

Таким образом, обстоятельства появления в Таврике византийской фемы Климата с центром в Херсоне следует связывать с разнообразными политическими и экономическими изменениями, происходившими как на территории Крыма, так и в Византии и Хазарии в течение VIII — первой половины IX в. Новым представляется изучение этих событий, исходя из признания возможности существования в Таврике византийско-хазарского кондоминиума. Мирные, союзные отношения византийских императоров с каганатом способствовали стабилизации жизни этого анклава в VIII в.

Ситуация стала меняться к худшему с последней четверти этого столетия, особенно после смерти Льва IV Хазара, когда хаган усилил давление на Таврику. Одним из явных признаков ухудшения явилось выступление пастыря Крымской Готфии Иоанна. Я не связываю случившееся с захватом Восточного и Юго-Западного Крыма хазарами, а делаю попытку доказать превентивный, предупредительный характер этого хазарофобского движения. Стремление властей Готфии лишь сводилось к желанию сохранить сложившийся в предыдущие десятилетия status quo, то есть положение кондоминиума, хотя у самого Иоанна Исповедника могла быть также цель, получив признание из Константинополя, добиться легализации своего положения епископа, рукоположенного без участия патриарха, и создания автокефальной епархии, независимой от Херсона. Детальный анализ письменных источников позволяет установить, что восстание произошло летом 787 г., перед самым открытием церковного собора в Никее. Однако сторонники Иоанна, его мафиты-ученики из числа местных монахов, диаконов, оказались в меньшинстве и не получили ожидаемую широкую поддержку местного населения. Последующие события и довольно мягкая реакция хагана в отношении происшедшего показывают, что хазары не чувствовали себя полноправными, единоличными хозяевами в Таврике,

[298] *Белый А. В.* К вопросу о датировке «средней» оборонительной стены в Чуфут-Кале // ВВ. – 1990. – Т. 51. – С. 205–210; *Белый А.В., Карлов С. В.* Архитектурные особенности и строительная периодизация оборонной стены Пенджер-Исар на Чуфут-Кале // Могилянські читання 2002. – К., 2003. – С. 72.

[299] *Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 50–53.

которая все еще не принадлежала им. Называть эти земли Крымской Хазарией преждевременно.

Тем не менее нарастание византийско-хазарского напряжения становится более отчетливым к концу VIII – началу IX в., что увязывается с изменением общеполитической ситуации в отношении Багдадского халифата, религиозными расхождениями в связи с новым этапом распространения иудаизма в Хазарии и ослаблением влияния Византии на Кавказе. На территории Крыма это выливается в конфронтацию соперничающих внешнеполитических сил, в своеобразную «холодную войну», подчас доходящую до открытых военных столкновений. Один из таких напряженных моментов можно подозревать около 821 г., судя по некоторым косвенным данным Жития Иоанна Психаита и надписи из храма у Инкерманской крепости с упоминанием двух погибших комитов. Вероятно, к близкому времени относится кратковременный захват хазарами Дороса–Мангупа и перестройка некоторых его укрепленных линий. В этой ситуации, отягощенной появлением венгров, византийские власти были вынуждены пойти на разрыв отношений кондоминиума, поскольку они исчерпали себя и зашли в тупик. Окончательно это показала миссия спафарокандидата Петроны Каматира, которая была связана с выполнением требования хагана помочь ему основать новую крепость на нижнем Дону.

Строительство Саркела, который византийцы символично назвали «Белый приют», было порождено целым комплексом взаимосвязанных проблем. Видеть в них только внешний фактор, стремление хазарских властей защититься от некой вражеской опасности, не приходится. Одна из наиболее совершенных крепостей Хазарии была полифункциональной, могла служить административным, торгово-таможенным, опорным пунктом и даже летней ставкой хагана во время его регулярных ежегодных кочевок по периметру огромных домениальных владений. Ее неординарная роль несомненна. Херсониты были заинтересованы в участии в строительстве «Белого приюта» для хагана, выделили специалистов, «круглые», с низкой осадкой, транспортные и гребные суда для перевозки, поскольку это мероприятие могло разрядить напряженность в Таврике и обещать в дальнейшем выгоды торгово-экономического порядка. Впрочем, как показали последующие события, надежды не оправдались.

С началом строительства Саркела совпадает по времени организация фемы в Таврике, что могло произойти в течение 835–841 гг. В это время были завершены территориально-административные преобразования в византийских владениях на южном берегу Черного моря, проходившие в 837–839 гг., проведена военная реформа 840 г., после чего в Херсон самим василевсом был «избран» стратиг. Новая фема вначале охватила территорию прилегающих к городу и более отдаленных «мест» (областей – климата) в Юго-Западной, Южной и отчасти Юго-Восточной Таврике, по меньшей мере вплоть до Сугдеи, то есть была сравнительно протяженной. Следы византийского фортификационного и общественного строительства прослеживаются в это время по линии Баклы, Чуфут-

Кале, Сюйрена, Магупа, Эски-Кермена. Смена политической ситуации прослеживается и в материальной культуре населения Крыма, когда в 40-е гг. IX в. здесь резко обрывается эволюция салтовских поясов, что указывает на изоляцию местного населения от влияния стилей и моды каганата[300]. Следовательно, после продолжительного перерыва Византия на некоторое время вновь почувствовала себя единовластной хозяйкой на своих крайних северных границах и с помощью здешних подданных в очередной раз продемонстрировала виртуозное искусство поиска выхода из сложной политической ситуации.

[300] *Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Институт тудуна... – С. 47.

Глава 8

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАТУС ХЕРСОНА И «ПРИЗРАКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ»

Перефразируя широко известное выражение, можно сказать, что вот уже почти два века по историографии византийского Херсонеса/Херсона бродит призрак – призрак «республиканского», «самоуправляемого», «автономного» города. Уже С. Сестренцевич-Богуш как о чем-то само собой разумеющемся писал о «свободном избрании граждан» и «республиканском правлении» средневекового Херсона, поддерживаемом благодаря союзу Империи и хазар (sic!), а В. Григоровичу виделся долгий «антагонизм с Византией», приведший к потере городом «автономии» не ранее правления императора Феофила (829–842)[1]. Примеры встреч с такими утверждениями отнюдь не случайны, к тому же зачастую исходят от весьма авторитетных исследователей. Так, М.И. Артамонов указывал на то, что в начале VIII в., в период внутренних неурядиц в Византии, в которых Херсону довелось сыграть важную роль, этот город, балансируя между Византией и Хазарией, приобрел фактическую независимость и пользовался местным самоуправлением[2]. По мнению М.Ю. Сюзюмова, это продолжалось до того времени, пока во главе города, «почти номинально подчинявшегося византийской власти», был поставлен стратиг[3]. Подобную характерную местную тенденцию, доходившую порой до стремления полностью порвать с центром, подчеркивал Г.Г. Литаврин, а

[1] См.: История царства Херсонеса Таврийского сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. – СПб., 1806. – Т. 1. – С. 328–331; *Григорович В.* Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. – 1864. – Ч. 13. – С. 2.

[2] *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 302.

[3] *Сюзюмов М.Я.* Византийский город: середина VII – середина IX в. // *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002. – С. 127, 128.

Арнольд Тойнби видел даже большее — едва ли не «независимый город-государство»[4]. Важное стратегическое значение Херсона как форпоста Империи ромеев в Таврике, как бдительного осведомителя о положении на Севере, по мнению некоторых византинистов, вынуждало Византию крепко держаться за него, а значит вопреки политической логике идти на некоторые уступки — на признание принципа греческой полисной автономии, традиции которой здесь якобы были всегда сильны[5].

«Любопытно, что Херсон сохранил античные институты, словно изменения периода VII–IX вв., приведшие к образованию средневековой империи, не затронули эту оставшуюся в стороне провинцию», — констатирует Ж.-К. Шене, заранее как бы предваряя этим выводом свое исследование об архонтах Херсона, в которых он тем не менее видит представителей центральной власти[6]. Соглашаясь с определением статуса Херсона VIII — начала IX в. как византийского архонтата, Н.И. Храпунов тоже исходит из того, что «эта административная система была основана на своеобразном компромиссе между имперской администрацией и муниципальными органами власти», а должности экдиков, патеров города и протевонов, обладателей имперских санов и печатей, едва ли не уникальный случай «анахронизмов в администрации», унаследовавшей черты позднеантичного муниципального самоуправления[7]. Как и М.Я. Сюзюмов, он не сомневается в том, что ее развитие в течение исследуемого периода «определялось взаимодействием двух элементов — византийского государства и городского самоуправления»[8]. Не мудрено, что «проблемы автономии Херсона» стали одним из предметов обсуждения на XVI Всероссийской научной сессии византинистов[9].

В. Зайбт и А.И. Айбабин пишут о «городском сенате» (sic!) из протевонов во главе с протополитом, который управлял городом вместе с тудуном, присланным хаганом хазар[10]. Жильбер Дагрон, отмечая двой-

---

[4] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С. 125; *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and his World. – London, 1973. – P.270.

[5] *Удальцова З.В.* Дипломатия // Культура Византии: Вторая половина VII – XII вв. – М., 1989. – С. 243; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. – М., 1998. – С. 42.

[6] Ср.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 310, 314–316.

[7] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона в VIII – начале IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 568, 573; *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона // Древности. – Харьков, 2004. – С. 58–59.

[8] *Храпунов Н.И.* Указ. соч. – С. 577; ср.: *Сюзюмов М.Я.* Византийский город... – С. 125–129.

[9] *Войтенко А.А., Крюков А.М., Курышева М.А., Чичуров И.С.* XVI Всероссийкая научная сессия византинистов // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 287.

[10] *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 195–196. По мнению В Зайбта, к этому «самоуправлению» из протевонов относился и хазарин-тудун (Тудун, Тондон), которого херсониты якобы «назначили на должность архонта в Херсоне», в чем он видит ловкий ход, неожиданный для Константинополя (*Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 304). При этом в который раз забывается совершенно недвусмысленное указание Феофана о том, что Тудун был не просто архонт (так византийцы называли и иноземных владетелей из числа «варваров»), но находился в Херсоне «от лица хагана» (ton archonta Chersonos os ek prosopou tou Chaganoy) (*Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 40, 64. Также см.: *Якобсон А.А.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959 – №63. – С. 37–38; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С. 113).

ственность восприятия Таврики византийцами и некую половинчатость ее принадлежности Византии, полагал, что в Херсоне начала VIII в. мирно сосуществовали сразу три власти, олицетворявшие самые разные интересы: собственная городская власть в лице протополита и «первенствующих», имперская власть в лице византийского сановного архонта и хазарская власть, представленная тудуном[11]. Мало того, даже будучи стратигом фемы Херсон, её глава был «вынужден сосуществовать с сохранившими прежнюю силу структурами городской власти», хотя исследователь признает, что этому нет примера в других фемах[12]. Поэтому, с точки зрения этого авторитетного французского византиниста, «стратиг Херсона являлся не полновластным генерал-губернатором византийской провинции фемы, как другие офицеры его ранга, а скорее послом императора в стране-сателите»[13]. Случай опять-таки беспрецедентный, как и представление о Херсоне как о некой «колонии» Империи, где раздельно действовали власть стратига и власть местной аристократии[14].

Даже тогда, когда Н.М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью василевсов, был включен в административную структуру Романии, а в состав его управления входили имперские чиновники, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии, среди которых одной из основных являлось сохранение «...отдельных элементов городской автономии и самоуправления, имевших давнюю историческую традицию: наиболее стабильным из этих элементов был непрекращавшийся в X–XII/XIII вв. чеан собственной монеты»[15]. При этом забывается, что, к примеру, византийская Равенна с 552/553 по 741 г. беспрерывно чеканила монету, а Сицилия-Калаврия, будучи фемой, тоже выпускала деньги на местных оффицинах, но никому не приходит в голову видеть в этом «элемент самоуправления»[16]. Тем не менее и А.И. Романчук разделяет вышеназванные взгляды, категорично заявляя: «Для ранневизантийского периода следует отметить наличие самоуправления в Херсоне (печати архонтов), которое не было полностью уничтожено введением фемы»[17]. По

[11] *Dagron G.* Crimee ambigue (IVe –Xe siecles) // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 291. При этом почему-то не учитывается, что истинный характер власти протевонов мог быть весьма далек от подлинного самоуправления, а тудун, недолго действовавший здесь «от лица» хагана, был не более как наблюдатель, которого нет оснований считать даже временным правителем города.

[12] На то же самое, то есть на сохранение при стратиге «местной народной власти» в лице протевона и старшин, как на «чрезвычайные привилегии» указывал в свое время А.Л. Бертье-Делагард, который, однако, считал их невероятными (*Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времен Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. – 1893. – Т.16. – С. 76–77). Видимо, такая невероятность не осознается либо по неясным причинам перестала смущать современных исследователей, которые видят в херсонском архонте VIII – IX вв. чиновника на византийской службе и одновременно ... главу местного самоуправления и ополчения (*Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 24).

[13] См.: *Dagron G.* Op.cit. – P.291.

[14] *Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin en Crimee aux IXe – Xe s. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P.323.

[15] *Богданова Н.М.* Херсон в X – XV вв. Проблемы истории византийского города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. – М., 1987. – С. 17–18; ср.: *Богданова Н.М.* Херсон в X – XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 91–92.

[16] Ср.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 71.

[17] *Романчук А.И.* Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Хсб. –

ее мнению, херсонесской знати, сохранившей многовековые традиции полисной организации, было, попросту говоря, свойственно постоянное стремление к автономии, объяснимое наличием неких неведомых сильных экономических позиций этой знати[18].

Представления об особенном, полисном, автономном самоуправлении византийского Херсона, наподобие «торгово-аристократических республик» средневекового Запада[19], в специальной литературе выглядят как расхожий штамп, с некоторых пор не подлежащий обсуждению. Вопрос как будто решен и закрыт. Даже сомнения, посещающие в последнее время некоторых исследователей, не в силах преодолеть авторитет сложившегося клише, и поэтому, рассматривая противоречащие ему материалы, специалисты в итоге не отказываются от устоявшегося opiniones communus, навязываемого историографической традицией, и пытаются примирить непримиримое. Именно так выглядят появившиеся недавно работы, которые вводят в обращение ценнейший сфрагистический материал, открывающий новые стороны организации административного управления раннесредневекового Херсона и его отношений к имперской бюрократии. Казалось бы, эти источники не оставляют сомнений в имперском облике администрации византийского города и в том, что бюрократизация его управления была доведена до логического завершения, однако делаемые на их основании выводы вплетаются во все тот же знакомый рефрен о якобы традиционном стремлении Херсона к сепаратизму и самостоятельности. Более того, заявляется, что «элементы античного самоуправления не исчезают и к периоду расцвета фемного строя, а продолжают существовать на всем протяжении IX и X вв.»[20]. По мнению Н.А. Алексеенко, они «номинально» сохранялись вплоть до XI в. в виде «института кураторов города», к которым он причисляет «отца города» (pater tes poleos), экдика и протевонов как традиционных муниципальных чиновников. В своих последних работах, как и в предыдущих, посвященных разбору печатей, он приходит к заключе-

1996. – Вып. 7. – С. 138; *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 8. В своей последней монографии она пишет: «Образование фемы не означало полного преодоления самостоятельности городской верхушки, полного контроля над херсонитами, стремления этого пограничного центра проводить политику, идущую вразрез с центральным правительством» (*Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 58, 206; ср.: *Богданова Н.М.* К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. – М., 1985. – Ч. 1. – С. 42–63).

[18] *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии... – С. 201.

[19] Ср.: *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX – XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Вып. 10. – С. 207–209; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – С. 118; Крим: дорога тисячоліть / Упорядн. В.А. Сидоренко. – Сімферополь, 2001. – С. 163.

[20] См.: *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 155–170; *Алексеенко Н.А.* К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 29. – С. 221–227; *Alexeenko N.* The proteuontes of Cherson in the 10th century // VI Международен симпозиум по византийска сфрагистика: Резюмета. – Велики Преслав, 1998. – С. 15–16; *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. – Харьков, 1999. – С. 151, 154; *Алексеенко Н.А.* Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики: (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX–XI вв.) // АДСВ. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 31. – С. 104; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 455–500.

нию, что находки моливдовулов этих чиновников, несмотря на то что они имели имперские чины, то есть фактически являлись государственными служащими, свидетельствуют о «неком компромиссном варианте городского управления», о «продолжении существования в Херсоне традиций городского самоуправления, восходящих еще к античной эпохе, на всем протяжении существования здесь фемы». Очевидно, улавливая противоречие в своих словах, Н.А. Алексеенко пытается рассматривать «чиновников городских властей Херсона фемного периода и как муниципальных, и как имперских служащих», в чем он видит «особенность положения Херсона, когда город номинально как бы управлялся Городским советом, а фактически руководство городом осуществляла имперская администрация и члены муниципалитета, состоявшие на службе у государства»[21]. По его мнению, этот «городской совет» ведал «основными вопросами жизнеобеспечения» и в то же время находился в прямой зависимости от архонта, в руках которого «была сосредоточена вся полнота власти на вверенной ему территории», причем так продолжалось даже некоторое время после создания фемы Климата, то есть при стратиге, который, следовательно, делил верховную власть, руководство с подчиненным ему сановным архонтом, что абсурдно[22]. Не принимается во внимание очевидное: члены «городского совета», якобы существовавшего и в фемном Херсоне, будучи на государственной гражданской службе, без какой-либо номинальности были бы уже не кем иным, как все теми же имперскими чиновниками. На этом фоне гораздо убедительнее выглядит давний, хотя и нерешительный, а потому оставленный без внимания вывод А.Л. Якобсона о том, что местное самоуправление в Херсоне было уничтожено по крайней мере с организацией фемы, а значение должности протевона в ее полисном понимании свелось к нулю, поскольку протевон стал государственным служащим[23].

Совсем уж странно, что причину сохранения в городе «традиций полисного самоуправления, права самостоятельной монетной чеканки» видят в неком предвзятом отношении Византии к Таврике, и прежде всего к Херсону, в «подозрении властей»[24].

На чем строятся подобные заключения? Почему администрация и жители византийского Херсона видятся какими-то особенными, едва ли не уникальными, так и не разорвавшими своей пуповины с античным прошлым независимого, автономного полиса, а сам город представляется этаким вечным «островком вольнолюбия»?

---

[21] См.: *Алексеенко Н.А.* Херсонская родовая знать X – XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 262–263, 265; *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. – Вып. 32. – С. 160.

[22] *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 486, 487.

[23] *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М.; Л., 1964. – С. 56. До этого исследователь тоже писал об институте херсонских протевонов как лиц., «...фактически самостоятельно правивших городом в IX в.» (*Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.) // МИА. – 1950. – №17. – С. 19).

[24] *Герцен А.Г.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. – Симферополь, 2000. – С. 18. Показательно, что автор тут же признает слишком большую зависимость Херсона «от состояния международной морской торговли, до начала XIII в. полностью контролировавшейся Византией, для того, чтобы предпринимать какие-либо решительные сепаратистские действия» – пример создания очередного гибридного представления об этаком «свободно-подневольном городе».

Известно, что, согласно римскому праву, все проживавшие в «римском ареале», если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, то есть были его подчиненными, подданными – ypekooi, – прежде всего, были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру Империи[25]. Уже Прокопий Кесарийский недвусмысленно заявлял, что Херсон являлся городом «ромейской земли» (Romaion ge) «на последних пределах (eschatiai) ромейской державы», что он «с давних пор подчинен ромеям»[26]. Это вполне совпадает с утверждением А. Гийу о том, что «любое объединение населения в империи было подчинено императорской администрации, сборщикам налогов, судьям или армии»[27].

Вопрос о времени окончательного, если можно так выразиться, юридического вхождения Херсона в состав Римской империи и Византии остается дискуссионным. Строго говоря, отсутствие упоминания города и его военного гарнизона в Notitii dignitatum еще не основание для того, чтобы утверждать, что до рубежа IV–V вв. взаимоотношения Херсона с центральной администрацией строились, как и прежде, исключительно на союзной основе, иначе говоря, помощи-симмахии (symmachias), о которой упоминал Константин Багрянородный при описании событий правления императоров Диоклетиана и Константина Великого[28]. Это допущение, но не более, поскольку нотиция знала пробелы. Пропуски имеет и «Синекдим» (Спутник путешественника), составленный Иероклом около 535 г. и обработанный в дальнейшем Георгием Кипрским (около 600 г.), который вылился в официальный трактат об административном делении Византии[29]. В нем указаны 64 провинции-эпархии, 935 городов, но перечислены 912. Для сравнения: источники VII – первой половины IX в. упоминают около 35 населенных пунктов балканских провинций Византии и свыше 50 малоазийских, которые отсутствуют в «Спутнике путешественника»[30]. К слову, среди приведенных городов в «Описании Римского мира» Георгия

[25] Corpus juris civilis. – Berolini, 1908. – Vol. 1: Digesta. – I.5.17; Corpus juris civilis. – Berolini, 1904. – Vol. 3: Novellae. – 78; Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E.Heimbach, G.E.Heimbach.– Lipsiae, 1846. –Vol. 4. – XLVI.1.14; Basilicorum libri LX. Ser. B (Scholia) / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda. – Groningen, 1963. – Vol. 7. – P. 2732 – 2733; *Goria F.* Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalita: Da Roma alla Terza Roma (Studi II). – Napoli, 1984. – P. 301–302. О значении термина «ипики» см.: *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI – XII вв. – М., 1960. – С. 256–263; *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congres international des etudes byzantines. – Belgrad, 1964. – Vol. 1. – P. 56–58.

[26] Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J.Haury, G.Wirth. – Lipsiae, 1962. – Vol. 1: De bellis libri I – IV. – I. 12. 7; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J.Haury, G.Wirth. – Lipsiae, 1963.– Vol. 2: De bellis libri V – VIII. – VIII. 5. 27; Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J.Haury, G.Wirth.– Lipsiae,1964.– Vol. 4: Peri Ktismaton libri VI sive de aedificiis. – III. 7. 10; ср.: *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // ВВ. – 1982. – Т. 43. – С. 64–69.

[27] *Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005. – С. 225–226.

[28] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 53. 22. 78. 112. 127–128, С. 246–247, 250–251, 252–253; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона ... – С. 118–119.

[29] *Hönigmann E.* Le Synecdemos d'Hierocles et l'opuscule geographique de Georges de Chypre. Texte, introd., comment. et cartes par E. Hönigmann. Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae. Forma Imperii Byzantini. Fasc.1. – Bruxelles, 1939.

[30] *Гоголев Д.А.* Города и крепости Византии в VII – первой половине IX в.: эволюция и функции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2002. – С. 24, 26.

Кипрского не назван и Боспор, хотя Прокопий вполне определенно отметил его присоединение к Империи при Юстине и Юстиниане I[31]. Поэтому определять юридическое включение Херсона в состав Империи временем работы Иерокла над Синекдимом в качестве terminus post quem non было бы столь же ненадежно[32]. Зато стоит обратить более пристальное внимание на то, что с правления Феодосия I резко увеличивается приток в город римских монет[33], а вскоре в самом Херсоне началась чеканка монеты имперского типа, с изображениями правивших императоров. Долгое время считалось, что это произошло в правление Зинона (476–491) в виде выпуска крупной медной монеты с легендой CON-CORDIAR на реверсе, которая не имеет признаков специфических городских монет. Вполне вероятно, им предшествовали многочисленные монеты Льва I (457–474), имевшие характерные для местного чекана слоистый гурт и содержавшие высокий процент олова или свинца в составе металла, но помеченные как монеты константинопольского монетного двора (CON)[34]. Однако не исключено, что такая весьма симптоматичная с финансово-правовой точки зрения попытка была предпринята еще раньше, предположительно в 438–440 гг., когда в Херсоне недолго, может быть, год-другой, осуществлялась эмиссия медных монет с типом реверса «две фигуры/крест»[35]. В этом случае приостановка чекана и остановка работы мастерской могла быть вызвана не столько техническими трудностями подзабытого местными мастерами дела или не очень удачным качеством монет, сколько отсутствием закрепления за городом его четкого и ясного имперского положения, все еще лишь формально оторванного от уходящего корнями во II в. н.э. статуса «свободного» — civitas liberae, eleuteros poleos. Судя по монетным находкам, этот отрыв окончательно произошел с правления Юстиниана I, когда в Херсоне начался регулярный выпуск монет с изображением воина или с монограммой, содержавшей название города — Chersonos либо polis Chersonos, но, как и в предыдущих случаях, тоже с обязательным изображением императора — верховного автократора[36]. Видеть в этом «...функционирование в Херсоне, так же как и в других городах империи, полисной админи-

[31] *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/ Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 36 (I. 12. 8); *Прокопий Кесарийский.* О постройках: Пер. С. П. Кондратьева // ВДИ. – 1939. – №4. – С. 249 (III. 7. 12); Храпунов Н.И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 253–254.

[32] Ср.: *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона ... – С. 58, 62.

[33] См.: *Серов В.В.* О ранневизантийских монетах в фондах музеев Эрмитаж и «Херсонес Таврический» // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 40.

[34] См.: *Белова Л.Н.* Неизданные монеты Херсонеса // СА. – 1941. – Т. 7. – С. 326–329; *Белова Л.Н.* Монеты из раскопок XIX – XXII и XXV кварталов Херсонеса // Труды Гос. Эрмитажа. – Л., 1981. – №21. Нумизматика. – С. 6; *Коршенко А.Н.* Римские монетные чеканки Херсонеса // VIII Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.): Тезисы докл. и сообщ. – М., 2000. – С. 34–36; *Гурулева В.В.* Л.Н. Белова: Севастополь – Свердловск – Ленинград. Этапы научной деятельности // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 438.

[35] *Коршенко А.Н.* Херсонский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 222–246.

[36] См.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 98–102, табл. XXII, 310–321.

страции», разумеется, не приходится[37]. Еще раньше, в 451 г., согласно 28 канону Халкидонского синода, Херсонская епархия была подчинена Константинопольскому патриарху, то есть утратила свою автокефальность[38]. С редкостным постоянством она будет обнаруживаться в официальных и неофициальных нотициях в составе Зихийской епархии, охватывавшей часть северокавказского побережья и Крымского полуострова[39]. Вполне возможно, что четкая грань, отделяющая «свободный» полис Херсонес от имперского города Херсона, так никогда и не будет найдена, ибо процесс превращения одного в другой начался давно, с появления на земле Скифии и Таврики римских вексилляций и гарнизонов. Остававшееся грекоязычным население города было давно романизировано включением в сферу интересов и влияния Рима, вместе с округой в Юго-Западном Крыму находилось в политической и социально-экономической зависимости от Империи, под контролем римских войск, испытывало влияние провинциально-римской культуры, верхушка его гражданской общины имела римское гражданство. Здесь жили уроженцы римских провинций и даже римские имена составляли не меньше 20–25% от общего количества[40]. Со II в. римские граждане из других городов получали возможность занимать должности в «самоуправляемом» херсонесском магистрате[41]. Примечательно, что для выпусков херсонесской монетной чеканки 212–222 гг. уже были характерны бюсты римских императоров[42]. Эволюция структуры государственной власти и управления городом шла в первые века н.э. явно в сторону элитаризации, что выражалось в исчезновении после II в. н.э. номофилаков — «законников» и эпимилетов — «государственных порученцев» в Народном собрании — экклесии, превращении выборной должности проэдров — председателей Совета полиса в почетное звание, которое предоставлялось главным образом представителям именитой знати города, а также в ограничении Советом полномочий экклесии, сокращении коллегии архонтов до трех членов с последующим превращением первого архонта, возглавлявшего гражданскую и военную власть, в единственного «венценосца и первенствующего» (stephanephorountos kai proteuontos), как это отмечено херсонесскими патриографами для конца III — начала IV в. н.э.[43] Во всяком случае, политика императора Галлиена (253–268) в отношении Херсонеса уже ничем не отличалась от его политики в отношении других под-

[37] Ср.: Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 48.

[38] Деяния Вселенских соборов. – СПб., 1996. – Т. 3. – С. 142–143.

[39] Подр. см.: *Науменко В.Е.* К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII – IX вв. (По данным Nititiae episcopatuum) // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 130–144.

[40] См.: *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. – Харьков, 1981. – С. 25–36, 63, 82–84, 87–107; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 19; *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 41–148.

[41] *Дьячков С. В.* Римские граждане в Северном Причерноморье // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. – С. 68–76.

[42] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 84–86, №286–290.

[43] *Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 53. 2, 24–25, 167–168, 186, 234–235, 470, С. 246–247, 254–259, 270.

властных греческих городов, что прекрасно демонстрирует повсеместное прекращение местной чеканки[44]. К этому времени вся Империя представляла собой действительно «странное смешение союза самоуправляющихся городов и стоящей над этим союзом почти абсолютной монархии»[45]. Поэтому следует различать субъективный и объективный аспекты при оценке положения «самоуправляемого» Херсонеса-Херсона III–V вв. De jure он оставался «свободным» по меньшей мере до правления Константина Великого (306–337), в очередной раз подтвердившего этот его формальный статус элевтерии «в стране римлян» (en te Romaion), способный лишь тешить самолюбие провинциалов[46]. Но de facto это был имперский город, послушный римским законам, который с благодарностью принимал «заботу» императоров — своих непосредственных владык (yper ton despoton emon), их высших чиновников — префектов претория Востока, имперских офицеров — трибунов, комитов и с последней четверти IV в. не забывал отмечать это в памятных, посвятительных надписях, начинавшихся с перечисления имен августов, правителей Империи[47]. Не мудрено, что к середине VI в. современники, даже историки, при всем желании не могли вспомнить ничего, кроме глубокой, как бы исконной, давности вхождения Херсона в состав ромейских земель. Приведенные выше факты имперской чеканки в городе при Феодосии II (408–450), Валентиниане III (425–455), Льве I (457–474) и Зиноне (476–491) говорят о многом и главное о приобретении полисом нового статуса уже после разделения Империи на Западную и Восточную, задолго до правления Юстиниана I (527–565). Поэтому, с моей точки зрения, искать некий единовременный «юридический акт об аннексии города Византией» — дело безнадежное.

В любом случае выходит, что по меньшей мере с эпохи Юстиниана I муниципальные власти в лице «протополитов», архонтов, «отцов города», «известных и первенствующих» (emphaneis kai proteuontas), на упоминание которых в источниках обычно указывают исследователи[48], вполне соответствовали облику обычных провинциальных муниципаль-

[44] Подр. см.: *Гилевич А.М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 33, 40; *Анохин В.А.* Монетное дело... – С. 87–88, 91–92.

[45] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи / Пер. с нем. Н.П. Стребловой. – СПб., 2000. – Т. 1. – С. 137.

[46] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 53. С. 140–145, 252–253.

[47] См., напр., надписи 370–375 гг., 392–393 гг., две надписи с посвящением императорам Гонорию и Аркадию, надпись 488 г.: IosPE, I2, №449, 450, 655; *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 11. – С. 5–12, 16–17; *Шангин М.А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – №3 (4). – №11; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 28–32, №3–5 *Латышев В.В.* Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 57–59; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – №7).

[48] *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских: Исследование и тексты // Записки имп. АН. – Серия VIII по истор. – фил. отд. – Т. 8. – №3. – СПб., 1906. – С. 2, 13–18; Гл. 5, С. 59.10 (Жития содержат одно из самых первых, если исходить из времени составоения источника в третьей четверти VI в., упоминаний херсонского первенствующего – ton tes poleos proton); *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. – М., 1980. – С. 40; Theophanes Continuatus e rec. I.Bekkeri. – Bonnae, 1838. – P. 123; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, пер., коммент. – М., 1989. – Гл. 42. 45–46, с. 172.

Рис. 170. Статуя магистрата, архонта Палматуса из Афродисия, в Карии (Западная Малая Азия). Начало VI в. (по П. Сэррису)

ных бюрократов-чиновников, подотчетных имперскому центральному управлению, тем более что такого рода служилое «начальство» воспроизводилось и пополнялось главным образом из рядов этих самых «первенствующих» — влиятельной местной аристократии, нобилитета, городской знати, состоятельных собственников[49]. Автор первой части «Чудес св. Димитрия», архиепископ Иоанн Фессалоникийский, называл подобных лиц «правившими в городе» (ton kratounton tes poleos), «властями города» (tois archousi tes poleos) и пояснял, что верховную юрисдикцию над городом имел ипарх (эпарх), или, иначе, префект Иллирика, но в самом городе были те, «кто обладал богатством, умом и рабами, гордился военным опытом, был первым в скриниях (канцеляриях, административных службах) ипархов Иллирика (...en tois skriniois ton yparchon tou Illyrikon protoi etugchanon)»[50]. Именно они ездили в Константинополь «с еще большим числом друзей и со всей свитой», чтобы жаловаться на префекта. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода «дворянство мантии»[51]. Он же отмечал логику взаимного характера связей византийского института верховной власти и аппарата управления, который персонифицировался в лице василевса[52]. М.Я Сюзюмов определял этот бюрократический аппарат как «орудие эксплуататорских групп населения в целом», а К.В. Хвостова — как «властвующую элиту»[53].

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспосабливали к своим нуждам органы общинного городского самоуправления, постепенно все более олигархизировавшиеся, замыкавшиеся и превращавшиеся в бюрократическую элиту. Поэтому формально «муниципальное самоуправление» сохранялось действительно долго (рис. 170). Например, при Диоклетиане Никомидия сделалась столицей Востока Империи, центром ее администрации, но даже для V в. известен эпиграфический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомидии и ее грамматевс-секретарь[54]. В правление Феодосия II правительство еще предпринимало

[49] Ср.: *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). – Барнаул, 1991. – С. 284.

[50] Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII – IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 104, 62, §120; С. 108. 24–30, §129; С. 110. 21, §136.

[51] История Византии: В 3 т. – М., 1967. – Т. 2. – С. 171.

[52] См.: *Хрущева Э. Н.* Концепция византийского государства в русской византинистике последней четверти XIX – XX в.: Автореф. дисс. ... канд ист. наук / Уральский гос. университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – С. 22.

[53] *Сюзюмов М.Я.* Борьба за развитие феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. – М., 1961. – С. 51; *Хвостова К.В.* Социальный смысл наименований некоторых византийских социально-экономических институтов. К вопросу о роли богословия в формировании социально-экономических институтов Византии // ВВ. – 2000. – Т. 59 (84). – С. 30.

[54] *Погодин П.Д., Вульф О.Ф.* Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. – 1897. – Т. 2. –

меры для поддержания в городах института курии[55]. Вообще, остатки полисного строя, былых «органов самостоятельного управления» до конца, пока можно было, использовались ранневизантийским правительством в качестве одной из опор государственной власти, но организующее государственное начало, «императорское попечение» становилось в городах все сильнее[56]. Сообщая о распоряжениях василевса, автор второго собрания Чудес св. Димитрия Фессалоникского, составленного в конце VII в., видимо, не случайно говорит, что они были адресованы не кому-то конкретно из властей, а городу («он повелел городу...»)[57]. Кроме того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие политов. В новых условиях, присылке правителей со стороны в провинциальных городах иногда были даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольно будут более беспристрастны и справедливы, не скованные личными или групповыми симпатиями и антипатиями, ибо не знают местных жителей. Именно о такой услуге просил епископ Синесий у Троила, советника префекта претория Анфимия, имея в виду города Киренаики[58]. Дело в том, что централизованные формы управления городом и их бюрократизация глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла василевса Льва VI, декларировавшая на словах отмену права курий «на занятие некоторых начальственных должностей и самостоятельного управления городом», имела скорее абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, плохо сочетаемое с нормами и реалиями городской политической жизни даже V–VI вв., не говоря уже о VII–IX вв., когда, по словам законодателя, «дела приняли иной вид и один только император обо всем заботится и всем управляет» (рис. 171)[59]. Недаром сословие горожан здесь так и не сложилось, как и коммунальное движение, столь ярко проявившее себя в судьбах средневековой цивилизации Запада. Изучение имперского аппарата управления

Рис. 171. Лев VI Мудрый (886–912). Солид с изображением Богоматери на реверсе (по В. Тредголду)

С. 85.

[55] История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 186; ср.: *Серов В.В.* Понятие курий в системе ранней Византии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. – Омск, 2000. – С. 104–106.

[56] *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. – Л., 1982. – С. 75; *Kazdan A.A.* Municipial Administration // The Oxford Dic-tionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 1420–1421; Foss C. Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. by C. Mango. – Oxford, 2002. – P. 71–72.

[57] Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII – IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 148. 58–62, §237.

[58] Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia / Ed. et interpreteter D.Petavio // PG.– 1863.- T. 66. – Ep.73, col. 1437.

[59] Сборник документов по социально-экономической истории Византии. – М., 1951. – С. 143–144, №3–4; *Лебедева Г.Е.* К проблеме городского самоуправления в Византии VIII – IX вв. // Средневековый город. – Саратов, 1981. – Вып. 6. – С. 111–113.

Византией приводит к выводу, что если в позднеантичный период государственный механизм еще соблюдал определенный баланс сочетания элементов централизации и полисного самоуправления, то к 640–650-м годам произошло окончательное изменение в положении городов, в финансовой и военной администрации. Старая администрация была сломана, на смену ей пришла новая государственная администрация, остатки полисного самоуправления почти полностью исчезли и уже к середине IX в. вполне сложилась комплексная, иерархизированная структура централизованного аппарата управления в системе публичной государственности с фемной системой территориального деления государства[60]. Таким образом, раннесредневековыми ромейскими городами управлял замкнутый круг лиц, занимавших привилегированное положение в обществе, который, спекулируя на специфике и особенностях интересов и целей разных социальных слоев, удерживал за собой господствующее положение. С любой точки зрения этот круг лиц обрел все основные социально-классовые признаки бюрократии, а не полисной демократии, какие бы жалкие следы последней не прослеживались до X–XI вв. в некоторых городах Италии, Далмации или Малой Азии[61].

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем архонтов, протевонов, протополитов и «отцов города» едва ли не главное свидетельство сохранения местного, оппозиционного Византии самоуправления, автономии, особого статуса полисной организации «свободного города» в VI–VII и последующие века, даже после отправки сюда стратига василевсом Феофилом[62]. По последним уточненным данным, это произошло не ранее 840 г. и не позже января 842 г.[63] Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был «возвращен» Византии лишь в IX в., а в горном Крыму, Готфии ромейская власть «вновь установилась» и того позже — в XI–XII вв.[64] «Не вызывает сомнений то, — пишет Н.А. Алексеенко, — что

[60] *Хрущева Э. Н.* Концепция византийского государства в русской византинистике... – С. 23; *Haldon J.* Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 116–117.

[61] Ср.: *Богатырев П.И.* Гносеологические и социальные корни бюрократизма в системе управления // Методологи-ческие основы управления социальными процессами в условиях совершенствования социализма. – Калинин, 1988. – С. 53; *Гойков В.* О социальной сущности бюрократии // Вопросы экономики. – 1989. – №12. – С. 99–101; *Ивановский В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Вопросы экономики. – 1989. – №12. – С. 122–123; *Мешков П.Я.* Бюрократизм и бюрократия в системе социально-политических отношений // Социально-политические науки. – 1992. – №1. – С. 34–41.

[62] *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. – 1959. – №63. – С. 37–38, 53; *Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Дороссе // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 588; *Романчук А.И.* Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Х. сб. – 1996. – Вып. 7. – С. 138; *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 206; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. – С. 159, 163–165; *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... – С. 151; Крым в VI – VII веках (под властью Византийской империи). – С. 65.

[63] *Treadgold W.R.* Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth – Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. – 1980. – Vol. 21. – P. 278, note 32; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. – Симферополь, 1998. – Вып. 6. – С. 689–700; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 312–323.

[64] Ср.: *Hannick Chr.* Annexions et reconquetes byzantines. Peut-on parler d'un uniatisme byzantin? //

появление этой должности (протевона. – *С. С.*) в Херсоне X в. – дань традиции античного самоуправления»[65].

На самом деле термин «первенствующие» (proteuontes, protoi, proteuontes protoi tes poleos, proteion, protisteuontes, proychontes) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения лидеров института властей и знати Херсона[66]. К тому же понятия «чиновничество» и «аристократия», «знать» для византийцев этого времени были почти синонимами[67]. В частности, в конце VI – VII в. проты были в Фессалонике. Так, их упоминает автор второго собрания Чудес св. Димитрия (ton ta prota pheronton tes kath' emas poleos – «первые нашего города», oi exochoi ton proton – «самые видные из первенствующих»)[68]. С. А. Иванов, комментировавший одно из таких мест, полагает, что это были «не представители администрации, а знать города, то есть богатые люди»[69]. Однако, как следует из текста источника, именно они осуществляли административные функции местных властей, повеления василевса, который направил послание ипарху, обладавшему всей полнотой власти на вверенной ему территории, а тот, в свою очередь, показал его протам, которые тотчас выполнили предписание, «как повелевало божественное послание»[70]. Примечательно, что ходатайствовать об отмене императорского решения ездили уже не эти проты, а, если можно так сказать, общественные посланцы от горожан – «апокрисиарии», «некоторые из здешних опытных людей» (ton entautha kat' epilogen empeiron

---

Irenikon. – 1993. – №66. – P. 451–474; *Могаричев Ю.М.* Основные этапы развития скальной архитектуры Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 129. Более того, в свое время А.Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице «протов или протевонов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.», продолжало существовать, «хотя и с меньшим значением», в X в. и лишь в следующем столетии «в основном» прекратило существование (см.: *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. – 1950. – №17. – С. 19–20). Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю неизменно считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василевса ромеев, и, видимо, не обращать внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противоестественное для права и менталитета Романии словосочетание – «самоуправляемый имперский город».

[65] *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 161.

[66] Ср.: *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – М., 1917. – С. 77, 78; *Истрин В.М.* Книгы временъныя и образныя Георгия Мниха. Т.1: Текст. – Пг., 1920. – С. 201,8; 464,6; *Сюзюмов М.Я.* О социальной сущности законодательства «Василик» // ВВ. – 1953. – Т. 6. – С. 76; *Claude D.* Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. – München, 1969. – S. 114, 118–119; *Каждан А.П.* Город и деревня в Византии в XI – XII вв. // Actes du XII Congres international d'etudes byzantines. – Beograd, 1963. – T. 1. – С. 37–38; *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. – Л., 1971. – С. 201, 204; *Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 a 451. – Paris, 1974. – P.191; Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С. 124–125; *Панов В.* Городское самоуправление в Охриде в правление Алексея I Комнина // Actes du XV Congres international d'etudes byzantines. – Athenes, 1980. – T. 4. – P. 268–274; *Angold M.* Archons and Dynasts: Local Aristocracies and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries. – Oxford, 1984. – P. 236.

[67] *Antonopoulou I.* The «Aristocracy» in Byzantium: Evidence from the Tactica of Leo VI the Wise // Byzantiaka. – 1993. – T. 13. – P. 151–160.

[68] Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 132. 49, §193; С. 144. 11, §231.

[69] Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 195, коммент. 103.

[70] Там же. – С. 144. 10–13, §231.

andron)[71]. Горожане стояли особняком и в то же время рядом с этими «управлявшими городом» (tes dioikeseos tes poleos), «правителями города» (ton kratounton), которых составитель «Чудес св. Димитрия» всегда упоминал без конкретизации и во множественном числе, подобно херсонским «известным и первенствующим»[72].

В VIII – начале IX в. протевоны были даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами-протами и низшими платными служащими-ипиретами (protoi tes komes, yperetai)[73]. Пользуясь превосходной сводкой, составленной А.П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, «первенствующих» можно найти в V–VII вв. в ромейских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патерики), Спарте («Лавсаик» Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй пол. VIII – начале IX в. – в Амастре (Житие Георгия Амастридского); во второй пол. IX в. – на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой пол. X в. – в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. – в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)[74]. В IX–X вв. «первенствующий» – «приор» (градоначальник с титулами архонта или стратига) нередко пожизненно выполнял функции византийского имперского наместника в Далмации и Диррахии, находясь соответственно в Задаре и Драче, а позднее эта должность известна в Сплите, Трогире и Которе[75]. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой половины XI в. включительно, в том числе в сочетании с весьма высокими имперскими

[71] Там же. – С. 146. 20, §232.

[72] Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 150. 25–26, §244; С. 154. 101, §252; С. 154. 15, §254; С. 164. 23, §278; С. 166. 51, §281; С. 174. 8, §293. В частности, анализ рассказа о незаконной распродаже запасов хлеба «чужим судам» (ton xenon ploion) из фессалоникских общественных амбаров (demosiois oreiois sitou) накануне начала осады города драгувитами и другими славянскими племенами между летом 676 и летом 677 г. показывает, что эти «управлявшие», или «правители», отвечали за снабжение города продовольствием, но не имели права самовольно им распоряжаться, продавать зерно в тайне от василевса, отдававшего приказания городским властям (см.: Чудеса св. Димитрия Солунского. – С. 150. 22–31, §244; С. 166. 48–55, §281; *Malingoudis Ph.* Die Hungersnot in Thessalonike (ca. 676–678) // JÖB. – 1990. – Bd. 40. – S. 145–154). На мой взгляд, наиболее убедительной причиной такого ограничения полномочий местной муниципальной администрации является не «готовность городских властей действовать независимо от Константинополя» и «развивать институты самоуправления», а, напротив, признание подчиненности «правивших» константинопольскому правительству, от лица которого они действовали в Фессалонике (ср.: *Браунинг Р.* Византийская Фессалоника: уникальный город? // ГЕННАДИОС: К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина. – М., 1999. – С. 27–28, 30). Недаром в одном из мест текста автор второго собрания Чудес определил их, опять-таки во множественном числе, как «имевшие власть ипарха» – autika oi ten yparchon (Чудеса св. Димитрия... – С. 172. 62–63, §290).

[73] *Васильев А.А.* Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. – 1900. – Т. 5. – С. 64, 74, 75.

[74] *Рудаков А.П.* Очерки... – С. 78–79.

[75] *Ферлуга Ј.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења // ЗРВИ. – Београд, 1953. – Кн.36 / 2. – С. 90–91; *Ферлуга Я.* Архонтат Далмации // ВВ. – 1957. – Т. 12. – С. 46–52; *Ферлуга Ј.* Драч и Драчка област пред крај X и почетком XI века // ЗРВИ. – Београд, 1964. – Кн. 8. – С. 127–130; *Ferluga J.* L'archontat de Dalmatie // Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries. – Amsterdam, 1976. – P. 133–136; *Ferluga J.* L'administration byzantine en Dalmatie // Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs From the VIIth to the XIIth Centuries. – Amsterdam, 1976. – P. 142–145; Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. – М., 1985. – С. 255, 265–267, 270.

санами уровня протоспафария, патрикия, хрисотриклинита, стратилата, что указывает не на сохранение следов городской автономии, а как раз на обратное — на проведение бюрократизации управления городом[76]. Связь термина со стратой служилых лиц Империи весьма прозрачна и легко улавливается.

Впрочем, слово «протевон» иногда могло быть родовым именем, как видно по печатям стратига Иоанна Протевона, отправлявшего эту должность и в феме Херсон, и в феме Пелопоннес (и там и там в «генеральском» чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала херсонесскую печать второй половиной X — началом XI в., а Н. и В. Зайбт — рубежом X–XI вв.[77] Но не исключено, что она, как и другой аналогичный моливдовул с изображением процветшего креста, относится к более раннему времени, а именно к первой четверти X в., так как имя стратига Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа славян, произошедшего скорее всего в начале «царского» правления «кира» Ромáна I Лакапина (921—944) в феме Пелопоннес[78]. Вот только последовательность карьеры протоспафария не ясна. Н.А. Алексеенко полагает, что за «неудачу в Пелопоннесе» он был переведен василевсом подальше в глушь, «из центральной области империи в далекую провинцию Херсон»[79]. Но с точки зрения окраинности и трудности службы эти два места могли потягаться друг с другом, тогда как родовое имя Протевон вполне подходило бы уроженцу знатного семейства «первенствующих» Херсона, хотя последнее еще надо доказать[80].

Эдиктом Юстина II, изданным в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избираемы были епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего избранных, а по сути дела, рекомендованных, должны были обязательно представлять

[76] Ср.: *Сюзюмов М.Я.* Византийский город... – С. 127, 129 (по мнению автора, именно наличие печатей у протевонов свидетельствует о том, что «бюрократизация управления городом не могла быть в условиях того времени проведена полностью»); *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 165–169, №14–15 (исследователь, не желая отказываться от укоренившихся привычных представлений о крепких традициях античного самоуправления в раннесредневековом Херсоне, пытается примирить непримиримое – считать протевонов до X в. муниципальными чиновниками городского самоуправления, а затем объявить их же представителями центральной власти в органах внутригородского местного управления).

[77] *Соколова И.В.* Монеты и печати ... – С. 160–161 №45, 45 а; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып.27). – Симферополь, 1995. – С. 95.

[78] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 50. 23–42; 51. 199–204; С. 436–437, коммент. 19–20; *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX – XI вв. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 710–711, №9, ср. С. 723–724, №27.

[79] *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона ... – С. 710.

[80] Ср. *Шандровская В.С.* Что известно о Протевонах // Византийские очерки: Тр. рос. ученых к XIX Междунар. конгр. византинистов. – М., 1996. – С. 217–225; *Шандровская В.С.* Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – С. 302–303, рис. 2, 4. Этот императорский протоспафарий Иоанн Протевон мог оказаться тем самым анонимным корреспондентом Николая I Мистика, с которым патриарх виделся в Константинополе перед отправкой неизвестного в Херсон, вероятно, на новое место службы стратигом, и состоял в переписке в марте-апреле 919 г. (см.: *Григорович В.* Исторические намеки о значении Херсона и его церкви в VIII, IX и X столетиях // Прибавление к Херсонским Епархиальным Ведомостям. – 1864. – Ч.13. – С. 1002, 1005–1007). Только его молодость и желание выслужиться на новом месте, где он сменил, вероятно, патрикия Иоанна Вогу, объясняют, почему новоиспеченный стратиг пустился в тяжелое морское плавание к Херсону, едва открылся навигационный сезон, и лишь чудом избежал опасностей, которые могли стоить ему жизни (см. комментарии к письму Николая Мистика неизвестному в прилагаемой Антологии письменных источников).

императору на окончательное утверждение[81]. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась в VI–VII вв. из куриалов, представителей родовитой полисной аристократии, и частично совмещалась с чиновниками провинциального военно-административного аппарата[82]. Им, как никому другому из государственных лиц, были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от «городского первенствующего» (proteuon tes poleos) зависело распределение общественных повинностей и назначение горожан для их выполнения, причем жалобы горожан императору красноречиво указывали на вымогательства со стороны протевона[83]. По сути дела, эти лица ничем не отличались от служащих по своим функциям, а «самоуправление по имперскому поручению» в условиях прогрессирующего падения значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «правивших» из числа знати, «нобилей», а в VIII–IX вв. выродилось в институт «властвующих», «начальников» — всевозможных «архонтов» разных рангов[84]. Ганс-Георг Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением[85]. По данным, собранным О.Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI–VIII вв. она была представлена прослойкой средних и крупных земельных собственников или долгосрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту[86]. Особенно наглядно это видно на примере Равенны, где члены городского управления, состоявшие на службе у государства, избирались из числа местной знати, но утверждались центральной властью[87]. Со слов Феофана можно понять, что в некоторых городах Фракии были «знатные стратиоты города» (tes poleos episemoi stratiotai), стоявшие во главе местных гарнизонов, право на которые даровалось императором[88]. Согласно Житию Георгия Амастридского, к

[81] Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt // Ius graeco–romanum / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae,1857. – Vol. 3. – Col. I, nov. 5, p. 10–13; *Тяжелов А.* Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. – М., 1876. – С. 29.

[82] См.: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 430; *Курбатов Г.Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. – Л., 1971. – С. 204; *Курбатов Г.Л.* История Византии (от античности к феодализму). – М., 1984. – С. 110; *Серов В.В.* Понятие курий в системе ранней Византии // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. – Омск, 2000. – С. 104–106.

[83] Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. – Lipsiae, 1833. – Vol. 1. – X. 2. 31.

[84] *Bratianu G.* Privileges et franchises municipales dans l'empire Byzantin. – Paris, 1936. – P. 43 sq.; *Ферлуга Ј.* Ниже војно-административне јединице тематског уређења // Зборник радова Византолошког института. – 1953. – Кн. 2. – С. 90–92; *Курбатов Г.А.* К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. – 1994. – Т. 55. – С. 71–72; *Кучина И.А.* О термине «архонты» в Византии IV–XV вв. // История Византии и византийская археология. – Екатеринбург, 1998. – С. 20–22.

[85] *Beck H.-G.* Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlischen Stadt // BZ. – 1965. – Bd. 58. – Hf. 1. – S. 18.

[86] *Бородин О.Р.* Византийская Италия ... – С. 46–49, 51–53, 59–60, 69–70, 209, табл. 1–2.

[87] *Dichl Ch.* Etudes sur l'administration Byzantine dans l'eksarchat de Ravenne. – Paris, 1888. – T. 2. – P. 93 sq.

[88] К слову, это ни в коей мере не говорит об их самоуправлении, стремлении отделиться от Византии: даже вступив в вооруженный конфликт с присланным для ведения военных действий против аваров царским стратигом Петром, они «славили василевса Маврикия» (Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae,1883. – Vol. 1:Textum graecum continens. – P. 274).

«избранным города» (tes poleos ekkriton), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (oson te toy ieratikoy katalogoy kai oson en telei)[89]. Старославянская версия Жития Стефана Сугдейского (Сурожского), отразившего события VIII в., упоминала в числе первых людей «мужей старейшин гродных»[90]. Очевидно, это были те, кого Константин Багрянородный в «Жизнеописании Василия» называл людьми, «к управлению причастными и делами занимающимися»[91]. По закону, знатным считался не просто богатый представитель высшего социального слоя Империи, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом[92]. Едва ли прав А.П. Каждан, полагавший, что эта ромейская бюрократия не осознавала себя как целое: именно в Византии чиновная служба открывала шанс к обогащению и упрочению положения в обществе даже для незначительных управленцев, вместе с правящими верхами превративших центральный и местный государственный аппарат в механизм, действовавший в их интересах[93]. Все эти архонты, «отцы города», «первые политы», протевоны, киры, игемоны, топархи, топотириты, кичливо, свысока смотревшие на остальных, были частью единого, постоянно пополняемого социума, тем бюрократическим, по замечанию Шарля Диля, «могущественным остовом», что поддерживал Империю и делал ее однородным и крепким организмом[94].

Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее правовое и ментальное обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только «от лица», «по поручению» (ek prosopou) василевса и, следовательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя[95]. Ромейский же город, будучи выразителем единого государственно-этнического самосознания, обязательно являлся центром и выразителем идей бюрократического государственного управления[96]. В этом кроется специфика и одно из важнейших проявлений относительной стабильности, традиционности, континуитета византийской цивилизации.

Крах античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего Средневековья органы городского управления,

[89] Труды В.Г. Васильевского. – Т. 3: Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. – Пг., 1915. – С. 26. 5–6.
[90] Там же. – С. 84, гл.14.
[91] Theophanes Continuatus ... – P. 239; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. – СПб., 1992. – С.103 (V. 18).
[92] *Брентано Л.* Народное хозяйство Византии. – Л., 1924. – С. 49; *Бородин О.Р.* Указ. соч. – С. 70, табл. 2.
[93] *Каждан А.П.* О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. – 1966. – №6. – С. 63; ср.: *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Amterstruktur im 8. und 9 Jahrhundert. – Berlin, 1985. – S.29–65; *Литаврин Г.Г.* Одиннадцатое столетие – «золотой век» византийской бюрократии // Власть и политическая культура в средневековой Европе. – М., 1992. – С. 122–134.
[94] *Диль Ш.* История Византийской империи. – М., 1948. – С. 86; *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. – М., 1947. – С. 91–92.
[95] См.: *Oikonomides N.* Les Listes... – P. 342; *Удальцова З.В., Бибиков М.В., Чичуров И.С.* Византинистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 6.
[96] *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация // ВИ. – 1995. – №9. – С. 36.

как и в некоторых других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, в том числе солидных торговцев, судовладельцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийскими центрами, и, возможно, ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых крупных промысловиков, получавших доходы от местного соляного и рыбозасолочного промыслов[97]. Основа для этого нового правящего слоя, слоя элиты, сменившего прежнее полисное местное самоуправление, сформировалась уже к III в. н.э.[98] Как и повсюду, муниципальные должности превращались в пожизненные и наследственные. Херсонские протевоны, видимо, являлись верхушкой муниципального совета, имели в нем своих предшественников в первые века н.э., но уже в VI в. они играли в слушании дел чисто техническую роль, заключавшуюся главным образом в выполнении регистрационно-нотариальных функций, свидетельствовании правомочности заключаемых сделок и непосредственном участии в заседаниях совета[99]. Другими словами, это были делопроизводители, к которым обращались все слои населения: торговцы, ремесленники, земельные собственники, военные, лица духовного звания, независимо от этнического происхождения. Городские финансы были поставлены под многоуровневый контроль в правление Анастасия (491–518): функции курий по сбору налогов были переданы виндикам, и уменьшилось число тех, кто участвовал в процессе аккумуляции поступающих налогов[100]. Впрочем, протевоны, возможно, принимали некоторое участие в сборе налогов, тем более что имперское законодательство наложило на них, как верхушку куриалов, фискальную повинность. На это же намекает наличие в ранневизантийском Херсоне такой муниципальной должности, как «отец города» (pater tes poleos, иначе curator или defensor civitatis), к исполнителю которой в IV–VI вв. перешли функции надзора за общественной нравственностью, что не мыслилось без контроля за сбором налогов[101]. Однако прямых данных об этом нет, как нет и сведений об участии совета города, протевонов в ремонте городских стен, водоснабжении, канализации, в решении других проблем городского жизнеобеспечения, хотя это тоже предусматривало законодательство. Аргументы ab silentio свидетельствуют в пользу того, что такая деятельность протевонов едва ли была активной. Ведь сфера деятельности совета города, его «самоуправления» сужалась все более, и

[97] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V–VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. – 1998. – Вып. 9. – С. 123, 124–126.

[98] *Владимиров А.О.* Інституті синедрів в Ольвії та проедрів у Херсонесі Таврійському в римський период // Археоргія. – 2000. – №3. – С. 15–16.

[99] Ср.: *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 576. В городах византийской Италии им соответствовали принципалы, которые являлись постоянными, иногда на протяжении всей своей жизни, участниками заседаний совета, превращавшегося в «узкую замкнутую профессиональную корпорацию, занятую главным образом нотариально-регистрационной работой» (см.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 247–248, 251).

[100] *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). – Барнаул, 2000. – С. 145.

[101] IosPE, I2, №450; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. – М., 1983. – С. 28–30, №3 (надпись 383–395 гг.); ср.: Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – I.55.4; XII.21.8.

это была общая тенденция, затронувшая всю Империю, самые отдаленные ее анклавы[102]. С этой точки зрения действительно можно говорить о смерти полиса с конца VI в., об исчезновении старых муниципальных институтов. Городская община зависела все более от радевшего за ее нужды епископа, сотрудничавшего с имперским правительством, и от нескольких, сравнительно немногочисленных местных вельмож, состоявших на византийской службе. Большинство городских функций теперь было сконцентрировано в ведомствах и канцеляриях столицы, которая стала доминировать более, чем когда-либо, и определять характер византийской культуры и общества[103].

В «Книге понтификов» Агнелла (середина IX в.) италийские «первенствующие» (proceres omnes) представлены равносильно нобилям, то есть местной знати, чье высокое положение в обществе определялось богатством, высоким материальным положением и отчасти тем, что среди них встречались византийские официалы, высшие категории служащих, входившие в этот слой городского населения[104]. Это могли быть и зажиточные землевладельцы, владельцы недвижимости и верхушка торгово-ремесленного населения, особенно те, чья деятельность приравнивалась к государственной службе (аргиропраты, навклиры)[105]. Обычно протевоны выполняли поручения византийской администрации, выдвигали кандидатов, как правило, трех, на пост епископа города, избирали и контролировали муниципальных должностных лиц, может быть, выдвигали кандидатов на имперские должности архонта (протополита) или кира города[106]. Именно как представителей местных потомственных, «истинных (подлинных) семейств» воспринимали Иоанн Скилица и Георгий Кедрин тех 42 протевонов, что были отправлены в 710 г. к василевсу Юстиниану II (tous men protevontes Chersonos mb ontas phamilikos pros ton basilea exapesteilan)[107]. Всего их, судя по данным Никифора, было 48 (с учетом семи протевонов, казненных на месте, изжаренных на вертелах)[108]. Таким образом, в Херсоне к началу VIII в. жило около 50 семей первенствующих, то есть вместе с их домочадцами приблизительно 300 человек. Они составляли максимум 5% от всего населения города, который, сле-

[102] Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 246.
[103] *Angold M.* Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. – New York, 2001. – P. 41–42.
[104] Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger // Scriptores rerum langobardicarum et italica-rum. – Hannoverae, 1878. – P. 366.
[105] *Бородин О.Р.* Указ. соч. – С. 294–297.
[106] *Claude D.* Die byzantinische Stadt... – S. 114, 116; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 576.
[107] Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. – Bonnae, 1838. – Vol. 1. – P. 782. Примечательно, что в это количество попали не только протополит Зоил, но и «архонт Херсона», Тудун, или Тондун, который, следовательно, тоже был отнесен византийскими историками к местным (ср.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 64, 164). Это заставляет в очередной раз вспомнить версию о двойном подчинении этого «местоблюстителя», который мог быть назначен в город от лица хагана и утвержден василевсом ромеев (см.: *Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 509–543).
[108] Феофан называет 68 протевонов, но включает в это число 20 мужей, которые, по словам Никифора, «управляли другими городами» (ср.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 41, 64, 156, 164).

довательно, насчитывал примерно 5700 жителей, что близко к цифрам, получаемым иным путем[109].

Сочетание богатства, родовитости, влияния и власти, которую они несли сами и от имени правившего на тот момент государя, было отличительной чертой этого незначительного в количественном отношении слоя горожан, независимо от того, какие конкретно должности большего или меньшего ранга, значения занимали его представители. С этой точки зрения «первенствующим» считался и протополит, и «отец города», и кир, и архонт — глава военно-административного округа, архонтии, и епископ, и пресвитер, хотя положение их, статус и круг обязанностей были неодинаковыми. Отсутствие права на византийские титулы и печати у всех муниципальных служащих, кроме архонта и кира, в период существования архонтата указывает на то, что они не считались собственно «штатными» имперскими чиновниками[110]. Поэтому можно согласиться с Н.И. Храпуновым, что херсонская административная иерархия в период до образования фемы имела чиновников двух уровней: с печатями, утвержденными императором, и без таковых[111]. Они были представителями и василевса, и городской общины. В последнем случае это свидетельствует о сохранении некоторой автономии на уровне местных органов власти низшего порядка[112]. В любом случае их отличительной чертой было не только богатство или родовитость, но влияние в обществе, участие в той или иной степени в управлении, отношение к властным структурам. Просто богатый горожанин или зажиточный крестьянин не обязательно попадал в разряд протевонов, как полагают некоторые исследователи[113]. Относительная же немногочисленность этой страты являлась отражением характерной для социального процесса в городах ранней Византии немногочисленности и недифференцированности слоя городской знати[114].

На то, что в период существования стратигиды в Херсоне такие «первенствующие», бесспорно, были чиновной знатью, имперскими функционерами, по рангу соотносимыми с фемными главами, недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария в должности epi ton oikeiakon — чиновника, имевшего отношение к надзору за имуществами фиска, имениями, императорскими доменами в провинции, управлению ими, и одновременно протевона Михаила, какую к X в. могло иметь только официальное должностное лицо из состава столичных служащих, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и античного полисного самоуправления[115]. По мнению А.Л. Якобсона, его деятель-

[109] Подр. см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV – IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 347–348.
[110] Ср.: *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 577, 578.
[111] Там же. – С. 578.
[112] *Науменко В.Е.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект: Дис. ... канд. ист. наук / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2004 (рукопись). – С. 239.
[113] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 575.
[114] См.: Лебедева Г.Е. К вопросу о динамике социальной структуры ранневизантийского города // Научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова. – Екатеринбург, 1993. – С. 53–55.
[115] *Толстой И.И.* О византийских печатях херсонской фемы // Записки Русского археологического общества. – 1887. – Т.2. – С. 39–40, №13; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. –

ность могла быть связана с окрестными климата и начальством над сельскими старостами этих областей — протами, простатевонтами[116]. Как и в метрополии, протевоны существовали здесь до конца X — первой половины XI в.: приблизительно этим временем Н. и В. Зайбт и Н.А. Алексеенко датируют моливдовулы «первенствующих» Херсона — царского протоспафария, хрисотриклинита Иоанна, а также патрикия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)[117]. Ясно лишь, что их функции не совпадали с функциями стратига, на власть которого они не покушались. Тем более безосновательно видеть во всем этом «некоторые элементы городских свобод», традиции античного самоуправления[118].

Даже так называемые отцы города (pateres tes poleos), известные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах, в качестве муниципальных чиновников по меньшей мере с последней четверти IV века, причем с титулом vir perfectissim[119], вновь фигурировали в период существования фемы и обзаводились главным атрибутом чиновника — печатью, как некий Сергий, моливдовул которого относится к первой половине X в.[120] Это действительно, была «реально существовавшая должность», возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных, судебных и финансовых функций, должность явно управленческая, если вспомнить все немногое, что известно о ней из слов Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Кон-стантина Багрянородного, но отнюдь не самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. На примере истории Равенны видно, что уже к концу VI в. этот магистрат быстро превращался из муниципального в государственного чиновника высокого ранга, утверждаемого центральным правительством, что шло параллельно падению роли Совета в жизни города[121]. Видимо, такую же эволюцию он «проделывал» и в иных местах,

---

Л., 1983.– С. 159, №43; *Степанова Е.В.* О конференции памяти А.В. Банк // ВВ. – 1988. – Т. 49. – С. 258; *Соколова И.В.* О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. 23. – С. 94–102; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington, 1991. – Vol. 1. – P. 186, N 82. 10; ср.: *Oikonomides N.* Fiscalite et exemption fiscale a Byzance (IXe–Xe s.). – Athenes, 1996. – P. 276, Append. II; *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона... – С. 158, 159, 161; ср.: *Kazdan A.A.* Oikeiakos // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1515.

[116] *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес. – С. 20.

[117] *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... – С. 94; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 165–167, №14–15; *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона... – С. 155–158; ср.: *Nessbit J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Musum of Art. – Washington, 1991. – Vol.1. – N 82. 10; *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – Washington, 1995. – Vol. 4. – S. 142, N 3.

[118] Ср.: *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 167–168; *Алексеенко Н.А.* Протевоны Херсона... – С. 160–162.

[119] IosPE, I2, N 449; *Ростовцев М.И.* Новые латинские падписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 5–12, №2; *Соломоник Э.И.* Латинские надписи... – С. 28–30, №3. Подр. см.: *Храпунов Н.И.* О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники pateres tes poleos // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 162 сл.; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 578; *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона. – С. 56.

[120] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 164, №13.

[121] *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne. – Paris, 1888. – P. 93–106; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 248–249.

Рис. 172. Печати представителей византийских властей Херсона: кира (1, 2), епископа (3), куратора (4), экдика (5, 6) (по Н.А. Алексеенко)

так что поставить знак равенства между ним и не муниципальным, а уже государственным служащим мешает только отсутствие печати, которая вместе с соответствующим имперским саном появится у него после превращения Херсона в фемный город. Наличие же pater tes poleos в фемной структуре можно объяснить попытками сохранить угасавший «городской совет» как чиновный орган и переложить на него часть нотариально-регистрационной и налоговой работы, дабы разгрузить стратига. В этом случае патер города мог отвечать за необходимую для Херсона организацию, юридически фиксирующую различные публично-правовые акты, приглядывающую за внутренним порядком и исправным платежом налогов. Примечательно также, что в IX–X вв. титул pater tes poleos был неразрывно связан у ромеев с должностью эпарха, очевидно благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием[122]. Без утверждения со стороны центрального правительства, императора такая должность была немыслима в условиях раннесредневекового византийского общества[123], как и должность еще одного имперского чиновника — экдика города, тоже унаследованная, по крайней мере по названию, от ранневизантийской поры[124].

Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н.А. Алексеенко относит к концу IX — началу X в., мог распоряжаться в фемном Херсоне

[122] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io.Iac.Reiskii. – Bonnae: Weber,1829. – Vol. 1. – P. 264; *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. – L'Eparque. I. L'eparque de la ville O Eparchos tes poleos // BS. – 1980. – T. 41. – F. 1. – P. 19.

[123] *Lecrivain Ch.* Remarques sur le formules du curator et de defensor civitatis dans Cassiodore // Melanges d'archeologie et d'histoire. – Paris; Rome, 1884. – T. 6. – Fasc. 3–4. – P. 133–138.

[124] *Rouillard G.* L'administration civile de l'Egypte byzantine. – Paris, 1928. – P. 7–8, 63–65, 154, 159, 163; *Jones A.H.M.* The Greek City From Alexander to Justinian. – Oxford, 1940. – P. 151, 208–209; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. – Baltimor, 1992. – Vol. 1–2. – P. 144–145, 279–280, 726–727; *Dölger F.* Paraspora. – München, 1961. – S.120–121; *Claude D.* Die byzantinische Stadt... – P. 114–118; *Demandt A.* Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. – München, 1989. – S. 335, 404.

только как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии Дикоре, когда отправлявшие ее получали высокие титулы «светлейших», «сиятельных» лампротатов (клариссимов) и имели прежде всего полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или «защитника» дефенсора города (pater tes poleos) (рис. 172. 5, 6)[125]. Так, в середине VI в. экдик с титулом лампротат был известен как дефенсор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как «славный комит и красноречивый экдик»[126]. Концовка «аминь» после указания должности на херсонесской печати с изображением шестиконечного креста на обратной стороне подтверждает утвердившееся с правления Юстиниана I правило выдвигать в экдики преимущественно священников как наиболее подходящих для обязанностей ходатаев перед властями и для ведения судебных дел[127]. Фемный экдик, разумеется, не помнил о древнем праве избираться коллегией городской знати, уже не мог председательствовать в Совете полиса и в прежнем смысле защищать херсонитов от злоупотреблений имперской администрации, но, скорее всего, сохранил судебные полномочия по мелким делам, полицейскую власть и функции по сбору некоторых налогов[128].

Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что фемные печати протевонов, «отцов города» и экдиков принадлежали государственным чиновникам отнюдь не античной эпохи, и тем не менее за ними ему продолжает грезиться возрождение «позднеримских институтов внутригородского самоуправления». По его мнению, несмотря на то, что ekdekos и pater tes poleos Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации[129]. Между тем правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти должностные лица были государственными служащими сети провинциальной гражданской администрации, подчиненной имперскому стратигу, они одновременно представляли власти раннесредневекового византийского города, лишь внешне сохраняя континуитет с былой полисной администрацией[130]. В конечном

[125] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей представителей городского управления... – С. 162–163, №12; ср. Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Justinianus. – XII.37.19; *Feissel D.* Nouvelles donnes sur l'institution du pater tes poleos // *Dagron G., Feissel D.* Inscriptions de Cilicie. – Paris, 1987. – P. 219–220. Титул lamprotates сохранял свой официальный характер и место в официальной иерархии по меньшей мере до конца VI в. и применялся при титуловании к argyoprates, archon, egemon, legatos, pater tes poleos, ypatikos, а в византийском Египте – к президу и некоторым пагархам (*Гийан Р.* Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // ВВ. – 1964. – Т. 24. – С. 46–48; *Rouillard G.* L'administration de l'Egypte byzantine. – Paris, 1928. – P. 48, 54).

[126] *Koch P.* Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. – Jena, 1903. – S.19, 33.

[127] Екдики // Полный православный энциклопедический словарь. – М., 1992. – Т. 1. – Стлб. 852.

[128] Ср.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. – Харьков, 2004. – С. 535.

[129] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 162–163; *Алексеенко Н.А.* Defensor civitatis (ekdikos) и его роль в управленческом аппарате Херсона // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 100. Ж.-К. Шене без аргументации тоже причисляет экдика, как и pater poleos, и протевонов, к «античным институтам» (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 310).

[130] Ср.: *Успенский Ф.И.* Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. – София, 1900. – Т. 6. –

итоге реорганизация структуры управления в Херсоне после создания фемы привела к тому, что традиционно существовавшие здесь местные муниципалы — «отцы города» оказались наделены полномочиями государственных чиновников, а позже, к концу X в., в связи с исчезновением коммеркиариев, олицетворявших гражданскую власть в феме, к херсонским экдикам или протевонам могли перейти их функции[131]. Поэтому едва ли могли уцелеть «определенные черты внутреннего муниципального управления городским хозяйством при полном контроле со стороны имперских властей»[132].

Не меняет этого принципиально важного вывода и обнаружение печатей еще одного чиновника, кира Херсона. Это была именно имперская, «штатная» должность, существовавшая в городе по меньшей мере с VIII в., хотя аналогичный титул — kyrios (или domnus), «господин», фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как illustres, magnifici, gloriosi, и отсутствовал в тактиконах IX–X вв.[133] Именно так назывался кир Исаак, моливдовул которого с характерной крестообразной инвокативной монограммой, относящийся к VIII — первой половине IX в., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул ипата и, судя по следам грубой ткани на одной из сторон буллы, занимался опечатыванием неких грузов, отправляемых из Херсона[134]. Еще две недавно найденные печати с такой же крестообразной монограммой, принадлежавшие царскому ипату Льву (см. рис. 172. 1, 2), как и две печати ипата Зоила, Н.А. Алексеенко, учитывая их стилистическую близость, общие иконографические и палеографические особенности, относит к концу VIII — первым десятилетиям IX в.[135], ко времени, когда, судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике, «в земле Тавроскифов, в стране Готфов» (tòn Tauroskython ges, tes upo ton choran ton Gotthon telouses), действовали также «кир Готфии и его архонты» (to kyro Gotthias kai tois archousi autou), к которым примыкал, очевидно, и «кир Фул» (o kyrios ton auton Thoulon)[136]. Впрочем, датировка печатей этого сфрагистического типа неустойчива и может укладываться в несколько больший предел, по крайней мере второй половины VIII — первой половины IX в. Поэтому безосновательно заявлять, что крымские киры появились в результате изменения административного

С. 155; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 535–536.

[131] Алексеенко Н.А. Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв. // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 98.

[132] *Алексеенко Н.А.* Defensor civitatis (ekdikos)... – С. 101.

[133] *Koch P.* Op. cit. – S.82–83.

[134] *Вишнякова А.Ф.* Свинцовые печати византийского Херсона // ВДИ. – 1939. – №1. – С. 123, №1; *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX - XI вв. по данныи сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. – Сб.10. – С. 208; *Соколова И.В.* Монеты и печати ... – С. 114, 146, №4.

[135] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 160–161, №8–9; *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье в начале IX в. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 21; *Алексеенко Н.А.* Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в.: Печати киров // БИ. – 2005. – Вып. 9. – С. 212–214, рис. 1,4.

[136] Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 401, 404, гл.1; С. 416–417, гл. 5; С. 424–425, гл. 9.

устройства в 80-х гг. VIII в. и исчезли, «...когда к 30-м гг. IX в. хазарская угроза спала»[137].

Такие официальные должностные лица были порождены не протекторатом хазар на территории Готфии, как можно понять Н.А. Алексеенко, а специфическими отношениями кондоминатного статуса Таврики, представляли интересы Византии и учитывали интересы хазар[138]. Н.А. Храпунов тоже относит их к чиновникам, которые могли существовать во всех приграничных районах Империи и отвечать за взаимоотношения с варварами, в данном случае с хазарами[139]. Эти обтекаемые определения, видимо, гораздо ближе к истине, нежели заявление Ж.-К. Шене, который без каких-либо оснований считает возможным подразумевать под киром Херсона «представителя, которого направлял в город хазарский каган»[140]. Будь оно так, у этого «представителя кагана» с византийской печатью и с типичным во всех случаях греческим именем была бы довольно странная, ничем не объяснимая функция — пересчитывать тюки с чужими грузами, прибывавшими и уходившими в чужую страну. Разве что за эти «труды» византийцы и почтили его, как и остальных, имперским саном ипата.

В.Е Науменко преуменьшает значение наличия у местного правителя византийского сана и моливдовула и сводит их появление к «традиционному дипломатическому приему Византии в приобщении варварских народов и независимых политических образований на границах империи к византийскому содружеству наций»[141]. Однако в отношении византийского архонтата Херсона, давно и прочно привязанного к Романии, это едва ли было необходимо: скорее, такой прием подходил бы для политики в отношении киров Готфии, но они как раз оставлены без титулов и печатей. Скорее всего, киры Херсона получили свое название не «от привычного титула соседствовавших с ними варварских владык», а, наоборот, эти правители «в силу все той же традиции» заимствовали его из ромейской практики[142].

Еще более голословно считать херсонских киров руководителями «городского самоуправления», которые были упразднены после (читай: вследствие) учреждения фемы[143]. В этом случае они дублировали бы полномочия имперского архонта, имевшего всю полноту власти на вверенной ему территории архонтата, по сути дела, замещали его[144]. По той же причине киры не могли быть некими византийскими наместни-

[137] *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье... – С. 21; *Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Х сб. – 2004. – Вып. 13. – С. 169–170.

[138] *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 160–161; *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье... – С. 21–23; *Алексеенко Н.А.* Имперская администрация на хазарско-византийском пограничье в Таврике: Печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы: V Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – С. 14.

[139] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 574.

[140] *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 311.

[141] *Науменко В.Е.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... – С. 130.

[142] Ср.: *Алексеенко Н.А.* Имперская администрация... – С. 14.

[143] *Айбабин А.И.* Этническая история ... – С. 215, 216.

[144] Ср.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 475, 487.

ками в области Херсона. Самое большее, в них можно видеть преемников херсонских господ, «первенствующих» — протополитов, первых горожан, но опять-таки как представителей местной знати и имперской администрации, действующих под присмотром византийского архонта, может быть, как заместители последнего, прежде всего по вопросам контроля за прохождением товаров и сбора налогов, податей. Подробнее об их функциях при современном состоянии источников нам вряд ли удастся узнать. Об исчезновении этих киров в начале IX в. вследствие обострения хазарско-византийских отношений можно было говорить предположительно, а в свете новых сфрагистических материалов эту точку зрения следует пересмотреть, чиновник с таким названием, санами царского спафария и epi ton oikeiakon продолжал действовать в фемном Херсоне в последней трети IX в.[145] В тактиконах 842–843 гг. и 899 г. они отсутствуют, но ведь в них отсутствуют и протевоны, «отцы города», что не помешало им появиться в сфрагистическом материале Херсона фемного периода[146].

Все эти лица были православные правители (rex[147]), игемоны (ton eparchion egemones[148]), в ситуации кондоминатного византийско-хазарского владения в Крыму радевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары «подчинили страну их» (me katakyrieusai tes choras auton), то есть «страну Готфов»[149]. Беспочвенно видеть в указании на обычный хороним проявление административной власти готов, которая якобы противопоставлялась власти Византии и Хазарии и выливалась в существование «маленькой самостоятельной христианской державы» в Готфии, а значит, и в Боспоре[150]. Херсониты тоже имели свою администрацию, что не мешало им находиться под контролем Империи. К тому же в действиях этих местных киров и архонтов то и дело проглядывает ориентировка на указания Константинополя, стремление сохранять личину верноподданных василевса ромеев. Во всяком случае, именно так обстояло дело тогда, когда 24-летний Константин VI отправил в монастырь свою законную жену Марию, навязанную ему матерью, и вопреки воле патриарха обручился со своей любовницей (причем, возможно, даже дальней родственницей), кувикуларией Феодотой, одной из дворцовых служительниц при опочивальне императрицы Ирины, а вскоре венчал бывшую придворную на царство. В обеих версиях Жития Феодора Студита, составленных в

[145] *Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* О статусе и времени бытования киров византийского Херсона // Вісник Харьківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2006. №728. – Історія. – Вип. 38. С. 133–144; *Сорочан С.Б., Смычков К.Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. – М.; Магнитогорск, 2006. – Вып. 16 / 1. – С. 207–216, 359, 361.

[146] Ср.: *Алексеенко Н.А.* Имперская администрация... – С. 14.

[147] Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasteriii Studii (version II) // PG. – Tunhout, 1976. – T. 99. – Col. 252.

[148] Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (version I) // PG. – Tunhout, 1976. – T. 99. – Col. 137.

[149] Житие Иоанна Готского. – С. 416. Подр. см.: *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 232–240.

[150] См.: *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 47, 143.

последней трети IX в. и в X в., скорее всего со слов игуменов — преемников Феодора Студита, содержится любопытная и весьма значимая подробность: около 795 г. правители (egemones или rex) Лонгивардии, Готфии и игемон или топарх Боспора (Vita A — outos o Bosporou, outos o Gotthos, outos oi loipoi ton eparchion egemones; Vita B — outo gar Longibardias rex outos o tes Gothias outos o tes Bosporou toparches) последовали за беззаконным «прелюбодеем» Константином VI, то есть по его нечестивому примеру взяли себе новых жен, отчего от общения с ними отказались якобы все епископы (oi episkopoi), пресвитеры (oi presbyteroi) и «благочестивые первые из монахов» (te kai osoi protoi ton monachon) в окружающих местностях (kai tous perix topous) — климата Херсона (en tois klimasi tes kata Chersona) и «боспорские соседи» (kai Bosporon paroikias)[151]. Об этом зле, совершенном «отдаленными властителями и начальниками» (tois porro kratousin kai archousin) «в Лонгивардии и Готфии и ее климата» (en te Longibardia kai Gotthia kai tois klimasin autes), долго помнили, о чем Феодор вспоминал сам в письме от 808 г. к саккудийским братьям[152].

Как уже было отмечено, «игемоном инородцев (народа, племени)» (tou ethnous egemonian) называл правителя «одной из климата Таврики» (kath'en ton Taurikon klimaton) Игнатий Диакон — младший современник агиографа Иоанна Готского[153]. По его словам, этот игемон «старался развестись со своей женой, чтобы на место ее привести какую-то распутницу», однако патриарх Никифор, пришедший к власти в 806 г., действуя «пером и чернилом», «задался целью очистить его от предосудительного греха, представил письменными наставлениями и угрозами согрешение перед его лицом так, что он, если не захочет воздержаться от него (согрешения), этим по справедливости будет подвергнут». Следовательно, и в этом случае речь шла о православном правителе, вполне управляемом, по крайней мере послушном воле высшего должностного лица Византийской церкви, которое могло его подвергать соответствующему наказанию. Следует учесть, что византийская элита порой сознательно давала

[151] Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii (vers. II) // PG. – Turnhout, 1976. – T. 99. – Col. 252; ср.: Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum (vers. I) // PG. – Turnhout, 1976. – T. 99. – Col. 137; *Латышев В.* Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи №467 // ВВ. – 1915 (1914). – Т. 21. – Вып. 3–4. – С. 268, sec. 18; с. 269, sec. 29; *Vasiliev A.* The Goths in Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 105, note 3; *Sevcenco I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclazm. – Birmingham, 1977. – P. 116; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 68–69. По мнению А.И. Айбабина, термин «топарх» отсутствовал в официальной византийской чиновной иерархии в IX – X вв. и был вставлен в текст жития позднейшим переписчиком не ранее XI в. (см. *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 188, 210). Однако эта поправка, даже будучи принята, не меняет суть моих рассуждений.

[152] Theodori Stiditae Epistola / Ed. G. Fatouras. – Berlin; New York, 1992. – Vol. 1. – Ep. 31, 92–97; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 69–70.

[153] Ignatii Diaconi Vita Nicephori patriarchae Constantinopolitani // Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1880. – P. 160. 20–30; Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви святой Софии // Творения святого отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 21, гл. 28; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 72.

местным этническим формированиям возможность политического роста, чтобы осуществлять управление через них и их глав[154].

Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров или игемонов — «господ», «государей», «владык» — глав местных «архонтий» — остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать наместников, чиновников приграничных областей Византии[155], то собственно городские киры не формально, но по существу вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате как дофемного, так и фемного периода и на имперской сановной лестнице. Нет оснований видеть в этой должности некую «особую форму правления», возникшую в Херсоне лишь на рубеже VIII–IX вв. в силу «сложной политической ситуации» и необходимости учитывать как интересы города, так и Византии и хазар, поскольку состояние кондоминатного сосуществования сложилось в Таврике гораздо раньше и, следовательно, условия для деятельности такого должностного лица были не новыми[156]. Был ли он главой местных властей или существовал одновременно с другим главой, византийским чиновником-архонтом либо с первым протевоном — протополитом Херсона, тоже остается неясным, хотя отпечаток упаковочной ткани на моливдовуле Исаака может служить указанием на то, что контроль за прохождением товаров, грузов через город, а значит, сбор налогов, пошлин, доходов могли быть выведены из ведения главы архонтата и сосредоточены в руках кира, поскольку до образования фемы в городе не было собственных коммеркиариев, контролировавших торговлю, внешний обмен и имевших функции налоговых инспекторов, тогда как для отчетности перед логофессией геникона требовались местные функционеры. Название именно этих провинциальных имперских чиновников, существовавших отнюдь не эпизодично и, судя по редкому имени Зоил, рекрутируемых из местной среды, могло быть перенесено на глав Готфии, Фул и закрепиться за ними по традиции. Видимо, не случайно государей Феодоро греки тоже продолжали называть «архонт» (archon) или «кир» (kyr)[157]. Вместе с тем предоставление васи-

[154] Ср.: *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. – Cambridge, 2000. – P. 38–45, 80–114.

[155] Существование неких провинциальных областей, архонтатов в Крыму не обязательно должно было означать полного административного или правового уравнения их населения с остальным населением Империи, однако нельзя отрицать значимость этого политического средства для интеграции «туземцев» в состав Византии, как видно на примере славянских архонтатов, чьи главы занимали соответствующее место в византийской иерархии, утверждались в должности императором и постепенно переходили в подчинение стратига фемы или вообще заменялись византийским чиновником (*Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников Византийской империи в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 73–74). Уже до образования полуавтономных архонтатов их население могло пройти ряд промежуточных форм зависимости от Романии, которая началась с превращения алано-готов в имперских энспондов, затем вылилась в требование военной помощи для дуката, в сбор дани – пакта или налогов, в выполнение различных работ, особенно по строительству укреплений и храмов, в необходимость поставки сельскохозяйственной продукции в Херсон. Эти повинности, обязательства, в свою очередь, начинали действовать как экономический механизм интеграции местного варварского населения в византийскую систему, тогда как постепенное и длительное культурное, идеологическое воздействие христианства, его распространение среди сельского населения Таврики вели к овладению им элементами ромейской культуры, особенно греческим языком и письменностью.

[156] Ср.: *Алексеенко Н.А.* Херсон на византийско-хазарском пограничье... – С. 21–23.

[157] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 144.

левсом соответствующего сана кирам Херсона, тем более фемного периода, наиболее убедительно указывает на то, что это не были независимые, самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях[158]. Вообще, надо учесть, что свобода в тех условиях была бы слишком тяжкой ношей, лишала бы покровительства и с этой точки зрения оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае в былом, «демократическом», полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховной власти Византии, а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную, автономию не просто в виде вынужденного компромисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром[159].

Херсон не имел условий для политической самостоятельности, для антиимперских центробежных тенденций, ибо общественные отношения средневекового общества в VII–VIII вв. в нем только зарождались, а общая политическая ситуация, особенно поддержание системы византийско-хазарского кондоминиума в Таврике, тоже не располагала к сепаратизму или автономии. Следует принять во внимание также политическое и экономическое значение привилегий и льгот, которыми Империя привлекала на свою сторону местные господствующие слои. Лишиться их означало потерять полученные преимущества и саны. Даже тяга к державному престижу ромеев должна была толкать херсонитов к распространению «чувства единой родины» на саму «светоносную Империю»[160]. Наконец, наличие административного центра византийской власти на полуострове не давало возможности местным лидерам из числа архонтов, простатевонтов, киров мелких округов, если таковые лидеры имелись, стать полностью независимыми от Романии.

Призрачность, формальность этой «свободы» (eleuteria), предоставления которой херсониты в последний раз просили у императора Константина I наряду с освобождением от налогов (ateleia)[161], подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей с того времени жизнь города. Бдительное око имперских властей то и дело обращалось к Херсонесу даже до того, как он окончательно вошел в состав Империи, а императоры не забывали его в своих указах, эдиктах.

[158] Отнесение А.И. Романчук упоминания в источниках ромейского чина ипата к доказательству существования самоуправления в Херсоне нельзя воспринимать иначе, как курьез или следствие описки (см.: *Романчук А.И.* Очерки по истории и археологии византийского Херсона. – С. 206).

[159] См.: *Заливалова Л.Н.* Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 156.

[160] Ср.: *Шевченко І.* Релігійни місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. – Львів, 1991. – Т. 222: Праці історико-філософської секції. – С. 19.

[161] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 53. 110–119, 137–145, С. 252–253.

В связи с этим стоит еще раз обратить внимание на рассказ составителя Житий святых епископов Херсонских о присылке в город из Константинополя епископа Капитона, долженствовавшего покончить с местной «идоломанией» и окончательно обратить херсонеситов в христианство. Вместе с ним прибыли не только 500 стратиотов (pentakosiois stratiotais), посланных по распоряжению императора, но, что особенно примечательно, некий Феона, который назван «обладающим властью (начальствованием)» (kai Theona to ten epistasian echonti)[162]. В таком случае «надзор (внимание, забота)» (epistasia) этого аморфно обозначенного агиографом имперского должностного лица, появившегося в Херсонесе рука об руку с главой духовной власти, скорее всего, в период между 385 и 395 гг.[163], не мог не коснуться городского самоуправления, его главы — «венценосца и первенствующего» (stephanophores kai proteuon), архонта, «отца города» и прочих членов совета, протевонов, оказавшихся у него в подчинении, так что херсониты из «союзников», «помощников» Империи (symmachias) с этого времени наконец действительно оказались «подлинными подчиненными василевса ромеев» (autous yrekoous tes Romaion basileias)[164]. Таким образом, официальное утверждение христианства в Херсонесе и формальное включение города в состав Империи могли произойти одновременно в конце IV в.

Как бы ни был интерпретирован плохо сохранившийся фрагмент одного из декретов времен правления императора Гонория (395–423), очевидно, что последний он, а возможно, правившие одновременно с ним Аркадий и Феодосий II (408–450) предписывали нечто херсонитам, не спрашивая разрешения у «самоуправляемого» города[165]. 24 сентября 419 г. датируется совместный рескрипт правителей Западной и Восточной Римской империи Гонория и Феодосия II об освобождении от «неминуемого наказания и тюрьмы (imminenti poena et carcere)» тех, кто «передавал (tradiderunt) варварам долженствующие быть завершенными корабли до того, как выяснится обстановка» (так же предлагалось относиться к подобным уголовным преступлениям и в будущем), причем весьма примечательно, что постановление, возбужденное благодаря прошению (petitium) «почтеннейшего мужа Асклепиада, епископа Херсонеситской общины (viri reverentissimi Asclepiadis Chersonesitanae civitatis)», было адресовано префекту префектуры Востока Монаксию, который, следовательно, контролировал деятельность херсонесского городского управ-

[162] *Лавров П.* Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 157, sec. 14.

[163] См.: *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. – 1994. – Вып. 4. – С. 548–549.

[164] Ср.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 53. С. 2–233, С. 246–259.

[165] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1918. – Вып. 65. – С. 16, рис. 2,1; *Шангин Н.А.* Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. – 1938. – №3. – С. 81–83, №3; *Сидоренко В.А.* К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет с подражаниями «лучистого типа» // Материалы к этнической истории Крыма. – К., 1987. – С. 138–139; *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – Вып. 1. – С. 67; *Храпунов Н.И.* К дискуссии о греческой надписи из Херсонеса с именем императора Гонория // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины: Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 268–271.

ления[166]. Впрочем, рескрипт не обязательно мог иметь отношение к Херсонесу Таврическому. С не меньшим основанием Асклепиад мог быть епископом города Херсонеса Фракийского, ибо во Фракии после захвата Рима Аларихом в 410 г., как и в Таврике в правление Феодосия I (379–395), тоже было разрешено селиться готам, и, следовательно, неизвестные передали корабли этим варварам или, скорее, гуннам, не знавшим морского дела[167]. Диоцез Фракия входил в префектуру Востока, и поэтому закономерна адресация рескрипта префекту претория Востока. Но даже если дело обстояло таким образом, сам по себе документ примечателен и отражает общую направленность имперской политики того времени по отношению к провинциальным городам, которой наверняка не избег Херсонес с его продолжительной ориентировкой на подконтрольность государственным властям, размещавшимся на территории Западного Понта[168]. Следует заметить, что императорской властью было давно возложено на город отправление корабельной повинности, связанной с поставками судового снаряжения (ta ploima), причем отменена она была, да и то, видимо, ненадолго, опять-таки императорским решением только в последней четверти VI в.[169]

В период правления Зинона — Юстиниана I гражданские дела в городе находились по-прежнему в ведении префектуры Востока, а контроль за вооруженными силами и военная помощь городу могли осуществляться военным магистром Фракии, что не исключало деятельности здесь имперских офицеров — трибунов, комитов, присылаемых в Херсонес с конкретными имперскими поручениями[170]. Будучи проводниками госу-

[166] Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P.M. Meyer. – Berolini, 1905. – Vol. 1. P. 2. – 9.40.24 (monaxio praefecto praetorio. his, qui conficiendi naves in-cognitam ante peritiam barbaris tradiderunt propter petitionem viri reverentissimi asclepiadis chersonesitanae civitatis episcopi imminenti poena et carcere liberatis capitale tam ipsis quam etiam ceteris supplicium proponi decernimus si quid simile fuerit in posterum perpetratum. dat. VIII kal. octob. constantinopoli monaxio et plinta conss.); ср.: Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – 9.47.25 (упоминание об Асклепиаде опущено); Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии. Ч. 1: период 364–491 гг. / Пер., коммент., примеч. В.В. Серова. – Барнаул, 2004. – С. 285. См.: *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 83; ср.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 146; *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. // Археологія. – 2000. – №1. – С. 59; *Храпунов Н.И.* О средневековом названии города Херсона (по данным церковных источников) // Восток–Запад: межконфессиональный диалог: Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002. – С. 43.

[167] Ср.: *Сидоренко В.А.* К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V в. с подражаниями «лучистого типа» // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. – К., 1987. – С. 138–139; *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов. Этно-политические и социальные аспекты. – М., 1999. – С. 299; *Нефедкин А.К.* Морское дело у готов в середине III – середине VI вв. // Иреснона. Античный мир и его наследие. – Белгород, 2002. – Вып. 2. – С. 48–56.

[168] *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 41–99, 126–147; *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. – 1994. – №4. – С. 58–86; *Смышляев А.Л.* Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурния Аполлонида // ВДИ. – 1996. – №3. – С. 141–147.

[169] Corpus juris civilis. – Berolini, 1904. – Vol. 3: Novellae / Rec. R. Schoell. Opus Schoelli morte interseptum absolvit G. Kroll. – Nov. 163, cap. 2 (следует обратить внимание, что новелла распространяла податные льготы лишь на ближайшие четыре года).

[170] *Зубарь В.М.* Херсонес таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 146–147; *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона в конце V – VI вв. – С. 118–121; ср.: *Якобсон А.Л.* Раннесредневеко-

дарственной политики, они курировали город, по сути дела, считавшийся имперским задолго до правления Юстиниана I. Нарративные источники свидетельствуют, что уже с конца III — начала IV в. слово «комит» (komes) могло выступать в значении «наместник»[171]. Комиту, в свою очередь, подчинялся, вероятно, викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом (prakteion), занятым сбором разнообразных податей, налогов с горожан и жителей округи, вероятно, рыночных, таможенных и корабельных пошлин, часть которых, как и прежде, шла на содержание имперского военного гарнизона, псевдополевых пограничных войск местного формирования и на оборонительное строительство[172]. Таким образом, наблюдается четкая бюрократическая вертикаль власти, соответствующая позднейшим византийским стратигу, протонотарию, хартуларию и диойкиту или коммеркиарию. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредоточивался надзор за военной и гражданской властью, так как кроме командования войсками он еще так или иначе контролировал городские финансы, распоряжался ими. Похоже, задолго до введения в Империи фемной системы управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников, то есть соблюдалась преемственность в развитии. Следует подчеркнуть, что подобный континуитет в сфере административного управления, предусматривавший сохранение за имперскими сановниками некоторых унаследованных от античности должностей местного госаппарата (архонт, «отец города», экдик, протевон, кир), наряду с введением официальных имперских должностей (дука, стратиг, комит tes kortis, турмарх, протонотарий, коммеркиарий, нотарий epi ton oikeakon, хрисотриклинит, стратилат), прослеживается на протяжении всего раннесредневекового периода вплоть до конца X — первой половины XI в.

В конце правления Юстиниана I и позже, при Юстине II и Маврикии Тиверии, в городе все так же сохранялось присутствие имперских

вый Херсонес. – С. 22; *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 138; *Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона наприкінці IV–VI ст. // Археологія. – 2000. – №1. – С. 60.

[171] Ср.: *Войтенко А.А.* Социальный контекст монашеского движения в «Житии преп. Антония Египетского» свт. Афанасия Александрийского // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 27.

[172] Н.И. Храпунов верно обратил внимание, что этот викарий как чиновник должен иметь определенное место в византийском аппарате. По понятным причинам, это не мог быть гражданский викарий – правитель диоцеза – слишком большая величина для Херсона. Военный викарий тоже должен был находиться при военном магистре и его постоянное пребывание в окраинном городе столь же маловероятно. Возможность деятельности в отдельных местах других викариев меньшего ранга исследователь тоже отметает, предлагая выражение известной херсонесской надписи 488 г. – bikaratos ton ballistarion – понимать в дословном значении – «управление баллистариев», которое мог возглавлять «кто-либо, например, трибун – офицер» (*Храпунов М.І.* Адміністрація Херсона ... – С. 59–62). Таким образом, Н.И. Храпунов все же признает за военным первоначально отвергаемую возможность выполнения гражданской функции, связанной с контролем за финансовыми вопросами, сбором податей. Впрочем, если это был не викарий военного магистра Фракии (см.: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* О положении Херсона ... – С. 120) и не местный, специально назначенный в Херсон викарий, так сказать, викарий викария, то и не трибун, поскольку во второй половине V в. они не зафиксированы, а в византийских источниках эпохи «темных веков» трибуны стали фигурировать в качестве старшего офицерского чина в пехоте, подчиненного доместику чисел (ton noumeron) и соответствовавшего комиту тагмы.

офицеров, государственных чиновников[173]. Только вместо трибуна или комита в Херсон около середины VI в., точнее не позже 70-х гг. VI в., связанных с усилением тюркской опасности, с аналогичными функциями присылается дука (doukos Chersonos)[174], которого следует рассматривать в качестве верховного представителя власти Империи на Крымском полуострове, наместника провинции, а подконтрольную ему территорию считать пограничным дукатом на манер дукатов на территории соседних Малой Скифии и Нижней Мезии в Западном Причерноморье. Этот чиновник мог даже купить свою должность. Во всяком случае известно, что в середине VI — начале VII в. диплом правителя провинции в Нижнем Подунавье приобретали, уплатив в столичное ведомство управления царскими покоями или в канцелярию императора, префекта претория сумму, колебавшуюся в пределах 63–76 солидов, то есть сравнительно небольшую, приблизительно равнявшуюся годовому доходу семейного владения византийского крестьянина[175]. Изменения в административной системе управления в сторону ее военизации, сосредоточения власти в руках военного командира могли быть вызваны нарастанием опасности со стороны Великого Тюркского каганата, когда потребности обороны резко выступили на первый план и вызвали необходимость назначения в пограничную епархию-провинцию дуки (дукса) — единого руководителя всей здешней иерархии византийского управления, в отличие от прежней, недостаточно сбалансированной и поэтому малоэффективной, трудно управляемой системы из префектов претория, военных магистров, имперских офицеров-порученцев и местных «первенствующих».

С.А. Беляев пытался разграничить императорских чиновников и местную городскую администрацию, «городское самоуправление» ранневизантийского времени, полагая, что «чиновники ведали сбором денег, подлежащих отправке в казну, а городские власти — на нужды города»[176]. Однако это упрощенное, искусственное построение не соответствует реальной административной практике, ибо на деле подобного «двоевластия» в условиях второй половины VI в., а тем более VII в. уже быть не могло. Прежде всего, дука командовал воинским контингентом, регулярными вооруженными силами, которыми, очевидно, было замене-

[173] *Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. – 1906. – Вып. 18. – С. 121–123, №37; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. – Т. 47. – №4; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896.– С. 107, №99; *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. – С. 67–68.

[174] О возможном появлении дуки в Херсоне не ранее 549 г., судя по изменению типа местной монетной чеканки, см.: *Сидоренко В.А.* Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 362–363. Это увязывается с предположением, что создание единого дуката в Таврике произошло «...в последние годы правления Юстина II для противодействия пришедшим с востока тюркютам» (*Сорочан С.Б.* Око и Щит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 325–333; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы. V Боспорские чтения. – Керчь, 2004. – С. 382).

[175] *Кулаковский Ю.* История Византии. – К., 1912. – Т. 2. – С. 268; ср.: *Антониадис-Бибику Э., Гийу А.* Византийская и поствизантийская сельская община // ВВ. – 1988. – Т.49. – С. 27.

[176] *Беляев С. А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV – VI в. // ПС. – 1987. – Вып.29 (92). – С. 80.

но прежнее подразделение баллистариев, являлся комендантом города и правителем края, совмещавшим военную власть с гражданской, осуществлявшим высшую административную и судебную власть, а кроме того, стратилатство, которое выступает в ранневизантийских источниках одновременно и как титул, и как должность, обязывало его участвовать в решении дел местного гражданского, в том числе финансового, управления[177]. Он наверняка наблюдал за монетной чеканкой, которая была поручена, скорее всего, местным ремесленникам, и уже поэтому никакого волеизъявления «полисной свободы» в монограммах, легендах выпускавшихся в городе монет быть не могло[178]. С таким же успехом его можно было бы искать в пропагандистской легенде «FELIX CARTHAGO» на североафриканских монетах Юстина II (565–578)[179]. Примечательно, что в херсонесской надписи времени правления этого императора вместе с дукой упоминается еще некий чиновник с титулом «светлейший», название должности которого не сохранилось (комит, архонт?), но который, вероятно, был служащим в администрации дуки, по крайней мере ему подчинялся, поскольку был указан сразу вслед за дукой[180]. С появлением этих имперских должностных лиц местные «правители», архонты и протевоны, все еще уживавшиеся с ними, несомненно, лишились своих прежних законодательных и внешнеполитических полномочий, а прочие стали осуществляться под контролем дук. Самостоятельная деловая активность их снижалась[181].

Примечательно, что тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему, было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемые энспонды, или симмахи — союзники, федераты Империи, ополченцы, среди которых главенствовали аланы, германцы-готы и балты[182]. Экономический контроль за ними, их зависимость от платежей за военную службу, зависимость от поставок импортной продукции из Херсона, включение в сферу византийских товарно-денежных отношений говорит и об определенном политическом контроле

---

[177] Подр. см.: *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Указ. соч. – С. 123–124; *Сорочан С.Б.* Око и шит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2004. – Вып. 5. – С. 325–331; ср.: *Войтенко А.А.* Социальный контекст монашеского движения в «Житии преп. Антиния Египетского» свт. Афанасия Александрийского // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 28–29, примеч. 29, 31.

[178] *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Указ. соч. – С. 122.

[179] *Solomon M.* Mennictwo byzantynskie. – Krakow, 1987. – S.119.

[180] Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России: (Находки 1905 г.). – С. 122, №37; *Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма. – №4.

[181] Подобная ситуация прослеживается в византийской Армении, где рядом с властью комитов и дуксов все же оставалась ограниченная власть местных нахараров (см.: *Адонц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана. – Ереван, 1971. – С. 45, 116–119).

[182] *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма... – С. 68; *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 191; *Герцен А.Г.* Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.): Тезисы докладов междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 10–11; *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международ. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 33; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 111–120; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. ... дис. докт. ист. наук / МГУ. – М., 1999. – С. 34–35, 37.

Империи в зоне этих областей-архонтий, их поселений, полисм и кастра[183].

Очевидно, для удобства сношения с этими федератами и их «старшими» — простатевонтами, назначенными начальствовать над несколькими десятками районных центров, в городе были особые имперские служащие — толмачи, переводчики (ermeneutai), скорее всего, нанятые из числа грамотных, образованных местных жителей, хорошо знавших греческий и языки «варваров»[184]. Два экземпляра моливдовула такого ерминевта, Стефана, датируются второй половиной VI — первой половиной VII в.[185], как раз укладываясь в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых больших стен, а затем отдельных кастра, фрур в Инкермане, на Эски-Кермене, Мангупе, Бакле и в других местах «хоры Дори» или «архонтий» — зависимых от Империи административных областей Таврики, оказавшихся во власти верховного имперского чиновника-дуки. Позже, с правления Льва III Исавра (717–741), ерминевтов (ton basilikon ermeneuton), диерминевтов как имперских чиновников можно обнаружить включенными в ведомство логофета дрома, которое занималось внешними связями, отправкой своих и приемом чужих посольских миссий, сбором разведывательной информации, следило за состоянием дорог, организовывало обмен или выкуп пленных[186]. Следовательно, эти лица не имели отношения к «местному самоуправлению».

На время наиболее напряженных отношений с тюрками в 70–80-е гг. VI в. приходятся моливдовулы императоров Тиверия Константина и Маврикия Тиверия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизировалась и имперские чиновники, Церковь, городская община активно взялись здесь за организацию общественного строительства, в том числе, можно думать, самых крупных христианских храмов[187]. Впрочем, все это едва ли существенно изменило уже сложившийся к середине VI в. имперский статус города, поэтому верховную власть дуки над ним и, видимо, некоторыми другими центрами, архонтиями Таврики нельзя рассматривать в качестве некоего новшества, свидетельствующего о наконец-то состоявшемся правовом включении здешних земель в состав Империи. С точки зрения византийцев это была провинция уже давно, едва ли не с часов

[183] *Герцен А.Г.* Мангуп – крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV – IX вв.): Тезисы докл. междунар. конф. – Симферополь, 1994. – С. 10.

[184] Ср.: *Шандровская В.С.* Византийские печати переводчиков // Albo dies notanda lapillo; коллеги и ученики Г.Е. Лебедевой / Под ред. В.Я. Якубского. СПб.: Алетейя, 2005. С. 109–115; *Miller D.A.* Imperial Constantinople. New York: J. Willey and sons, 1969. 226 p.

[185] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 206, №14, 15; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. – Вып. 26). – Барнаул, 1996. – С. 193–194, рис. 4.

[186] *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. – London, 1911. – P. 92, 140. 93; *Oikonomides N.* Les preseance byzantines de IXe – Xe siecles. – Paris, 1972. – P. 117, 312; Bartlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome // Cato Journal. – Washington, 1994. – Vol. 4. – №2. – P. 15.

[187] См.: *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора... – С. 145–146, 148–150, №6–7; *Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья... – С. 35–37.

Диоклетиана, живущая по имперским законам, повинующаяся повелениям императоров, их наместников и населенная «подлинными подчиненными василевса ромеев» (autous ypekoous tes Romaion basileias)[188]. Искать формальный момент такого включения херсонитов в число граждан Империи — дело безнадежное, поскольку оно представляло собой не единовременный акт, а стадию длившегося столетиями, постепенного вживания в этот статус с одновременным, как и в других ромейских городах, размыванием, забвением полисной, «приличествующей свободы» (o te dexias eleutherias), не осуществимой на деле уже в условиях IV–V вв., не говоря о более позднем периоде.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложнившуюся гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 гг., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, самих императоров, о чем свидетельствуют находки: два моливдовула Фоки и печать Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (около 616–625 гг.)[189]. Невозможно согласиться с тем, что ко второй половине VII в. он из центра византийской эпархии, более того, дуката, превратился лишь во «внешний торговый пункт в системе византийской клиентуры»[190]. Если крестообразная монограмма на двух моливдовулах второй половины VI — первой половины VII в. из полисматона Парфениты и, вероятно, из Херсона (частное собрание К.Д. Смычкова) верно раскрыта как «Константина дуки», это еще один аргумент в пользу сохранения ромейского присутствия и ромейской власти на полуострове[191]. Сфера влияния дуката продолжала включать города, округа-архонтии, кастра, полисмы и прочие поселения Таврики от Херсона до Боспора, соседями которых стали бежавшие от хазар булгары-оногуры, как и аланы с готами, получившие статус федератов Империи и сохранявшие с ней дружественные отношения[192]. Ссыльные монахи-антимонофелиты Феодор и Евпрепий находились в этих кастра в середине VII в. именно потому, что они оставались под византийским контролем, а не «во власти готов или непосредственно хазар» (последних здесь в это время еще не было и не могло быть).

Дукат был формально ликвидирован и заменен архонтатом не «в течение VII в.»[193], а не ранее последней четверти — конца этого столетия, поскольку соседство Крымского полуострова с могущественной Хазарией, установившееся к этому времени, вызвало необходимость оформления на

[188] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 53. 47–48, С. 248–249; гл. 53. 118–119, С. 252–253.

[189] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 204, №3; *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон... – С. 145–146, №8–9.

[190] Ср.: *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8. – С. 168.

[191] См.: *Панченко Б.А.* Шесть моливдовулов из Парфенита // ИАК. – 1918. – Вып. 6. – С. 163, рис. 5. Расшифровка монограммы любезно предложена мне Е.В. Степаненко, а сведения о еще одном аналогичном моливдовуле представлены К.Д. Смычковым.

[192] *Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII – X вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. / ИА НАНУ. – К., 1994. – С. 32; *Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002. – С. 148.

[193] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 569.

здешних землях нового статуса — византийско-хазарского кондомината, предусматривавшего взаимное мирное сотрудничество. Это обстоятельство не могло не заставить византийцев отказаться от режима дуката, с его обязательным военным присутствием в пограничном анклаве, и перейти к более гибкому режиму архонтата, с его иллюзией псевдоавтономии, в котором городу было суждено оставаться вплоть до конца 30-х — начала 40-х гг. IX в., когда он был возведен в ранг государственной военно-административной единицы-фемы в связи с развалом все того же кондоминиума[194]. Расправа, учиненная Юстинианом II над двумя десятками окрестных простатевонтов (ton eteron prostateuontas polismaton) в 710 г., свидетельствует в пользу того, что, несмотря на установление с конца VII в. особых византийско-хазарских отношений в Крыму, обширная внегородская зона оставалась в подчинении властей Херсона — центра военно-административного округа, в то время уже архонтата, в свою очередь включавшего ряд более мелких округов, и даже в момент сурового испытания это единение не было поколеблено: карательные акции не заставили широкие слои населения местных, региональных «архонтий», «полисм» видеть в византийцах завоевателей и врагов[195].

И в дальнейшем если не сами василевсы, то их ближайшие приближенные то и дело решали какие-то проблемы, связанные с городом. В частности, на это указывают найденные печати второй трети VIII в., принадлежавшие некоему Стефану: на одной из них он назван служителем при опочивальне императора — кувикуларием и epi tes basilikes trapezes (царским стольником), а на другой — кувикуларием и начальником императорской спальни, главным спальничим — паракимоменом (parakoimomenos)[196]. В появлении этих моливдовулов можно видеть усиление влияния и позиций Империи после сокрушительного разгрома арабов у Акроина (недалеко от Амория) в 740 г. и других славных побед, одержанных Львом III Исавром. Тогда же у городов, а значит, и у Херсона была отменена обязанность заботиться об оборонительных сооружениях, поддержание которых переходило теперь государству, что еще больше укрепило политику централизации и нанесло очередной удар по обветшалым традициям «полисного самоуправления»[197]. Попытки некоторых городов в Сицилии и Италии организовать заговоры и мятежи закончились казнями сепаратистов. Население Сицилии и Калаврии подверглось переписи и было обложено той же подушной податью, что и прочие ромеи. Не исключено, что административно-государственная политика «завинчивания гаек», отчетливо прослеживаемая уже с правления Юстининана II, отразилась в это время и на Херсоне. Следует учесть,

[194] Ср.: *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 376, map. 11; p. 443.

[195] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – С. 156, 164.

[196] Сведения об этих печатях и соображения об их датировке любезно сообщил мне К.Д. Смычков, который заметил, что они относятся к тому же периоду, что и печать стратига Сицилии Прокопия, найденная в Херсоне. О названных должностях см.: *Kazdan A.A.* Koubikoularios // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1154; *Kazdan A.A.* Parakoimomenos // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1584.

[197] История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 50, 51–52, 54.

что кувикуларии были исключительно из числа евнухов; они находились в услужении, выполняли самые разные поручения императора или августы, как личные, так и вполне официальные, например доставляли плату войскам. Главный же спальничий являлся особенно доверенным лицом василевса[198].

В Империи все платили налоги, сборы, подати и несли повинности. Традиционная византийская «теория налогообложения», берущая начало в римской, зиждилась на принципе справедливости, принципе определенности, принципе удобства плательщика и принципе минимальных общественных издержек процесса сбора налогов[199]. Пинцип взаимной ответственности государства и частного собственника выдерживался уже со времен Римской империи[200]. Византийские императоры тоже требовали выплаты налогов с собственности и считали обязанностью подданных уплату недоимок. В начале V в., согласно рескрипту Аркадия, Гонория и Феодосия II, были запрещены всякие ходатайства властей городов об освобождении от налогов, равно как и просьбы о введении любых дополнительных сборов на местные нужды[201]. Более того, борясь с финансовыми злоупотреблениями, Юстиниан I к середине VI в. покончил и с муниципальными бюджетами, переправив их средства в общие подати[202]. Следовательно, не могло быть и речи о «...каких-то местных налогах, которые собирали муниципальные чиновники» Херсона, поскольку Херсон являлся ромейским городом[203]. По ромейским же законам все должны были нести повинности имущественные, все способные к ним, включая сборщиков налогов, полномочия налогового аппарата распространялись на всю Империю, независимо от географического или социального положения плательщика податей[204]. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от налогового обложения не должны были быть свободны ни «Божественный дом» (ou Theios oikos), Церковь, ни птохионы, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов[205]. Выгодность положения Херсона обнаруживается как раз в налоговой сфере, поскольку он оказался цен-

[198] *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. – London, 1911. – P. 120–122; *Brehier L.* Les institutions de l'empire Byzantin. – Paris, 1949. – P. 128; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. – Berlin; Amsterdam, 1967. Vol. 1. – P.269.

[199] Подр. см.: *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора. – С. 23–42; ср.: *Серов В.В.* «Теория налогов» в Римской империи (I – первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. – Барнаул, 1995. – С. 74–75.

[200] *Серов В.В.* «Теория налогов»... – С. 72.

[201] Corpus juris civilis. – Berolini, 1895. – Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – IV.61.10; IV.61.12.

[202] См.: *Прокопий Кесарийский.* Тайная история. XXVI. 6 // *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. – М., 1993. – С. 402.

[203] Ср.: *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 577; *Храпунов Н.И.* Тенденции развития органов власти византийского Херсона // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы II Судакской междунар. науч. конф. К.; Судак, 2004. – Ч. 2. – С. 227.

[204] Corpus juris civilis. – Beroloni, 1895. – Vol. 2: Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. – V.41.1; V.62.8; V.62.10; *Бардола К.Ю.* Система оподаткування у Візантії в IV–IX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Харківський национальний университет ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2003. – С. 14.

[205] Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum ... – Col. I, nov. 5, p. 13.

тром византийской налоговой системы в Юго-Западной Таврике, в него стекались налоговые сборы, поступления со всего региона.

Учитывая характерную для Византийской империи гипертрофию государственного начала, на город и его округу тоже распространялась общеимперская налоговая система. Оснований для исключений не имелось. Уже в 488 г. херсонеситы платили налоги, шедшие на содержание имперского отряда баллистариев и на ремонт оборонительных стен[206]. При Юстине II до 575 г. с них взимали ploima — средства натурой на содержание флота[207]. Во второй половине VI — первой половине VII в. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий (arkarios), собиравший деньги в кассу, вероятно, ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедрот»[208]. Даже если верно предположение Н.И. Храпунова о том, что мы имеем в данном случае дело не со сборщиком податей, а с казначеем богадельни или приюта[209], это ничего не меняет, ибо в любом случае перед нами имперский финансовый чиновник, имевший в городе какие-то казенные полномочия и так или иначе связанный с государственной сакеллой, отвечавшей за учет и распределение финансовых средств. Рука всесильного логофета геникона — главы самого важного доходного ведомства Империи — дотягивалась и до дальних окрестностей Херсона, центров его областей — «архонтий», как можно понять на основе находки на Мангупе — моливдовула патрикия Дорофея, вероятно, около второй четверти VII в.[210] Надо полагать, такой чиновник, непосредственно подчиненный василевсу, далеко не случайно был включен в состав правительственной делегации, посланной Юстинианом II в город для переговоров весной 711 г.[211]

Регулировать перераспределение товаров, обеспечивать содержание войск снаряжением, продовольствием и собирать казенные сборы с города, а, возможно, и его окрестностей продолжали и позже, о чем свидетельствует ряд печатей коммеркиариев VII–VIII вв., сначала государственных агентов по закупке товаров, прежде всего монопольного шелка, у импортеров, позже — армейских снабженцев, сборщиков непрямых налогов (коммеркия), а также печати начальников их ведомства: главного логофета (geniko logothete), ипата Феодора, императорского спафария

[206] *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 7 – 15, N 7.

[207] Corpus juris civilis. – Berolini, 1904. – Vol. 3: Novellae / Rec. R.Schoell. Opus Schoellii morte interseptum absolvit G.Kroll. – N 163, cap. 2; *Vasiliev A. A.* The Goth in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts, 1936. – P.74.

[208] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. – С. 203, 206, N 13; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса. – С. 193; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 164; Херсонес Таврический в I в. до н.э. – VI в. н.э. – С. 536.

[209] *Храпунов Н.И.* Администрация euageis oikoi в Херсоне // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 358–359.

[210] *Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы медунар. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 91–92; Они же. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 33. – С. 61–65, рис. 1.

[211] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. – С. 41, 64, 156, 165.

(Феофана?) второй половины VIII в. и около полусотни следующих за ним, вплоть до середины – второй половины X в., главных логофетов в чине магистров, анфипатов патрикиев, императорских протоспафариев, патрикиев, примикириев, царских остиариев (евнухов-привратников), что подрывает мнение исследователей об освобождении Херсона и его порта от традиционных налоговых повинностей, государственных поставок и таможенных сборов[212]. Экономическая ситуация требовала стандартных юридических мер и ведения соответствующей документации. Отсутствие печатей собственно византийских коммеркиариев Херсона вплоть до 40-х гг. IX в., времени образования фемы, может говорить лишь о том, что Херсон долгое время не был самостоятельной апофикой или царским коммеркионом (после 730/731 г.), а входил в сферу деятельности иного административно-таможенного округа, может быть Понта или Пафлагонии. В условиях кондоминатного владения, которое обязывало к совместной эксплуатации территории, здесь, как и в других центрах полуострова, и не должна была появиться местная византийская таможня и свои коммеркиарии, которые контролировали бы транзит товаров непосредственно в херсонесском порту и получили функции собственно фемных налоговых инспекторов. Это стало возможно только по достижении ситуации развала кондоминиума и организации фемы Климата на крымской земле. Весьма симптоматично, что с исчезновением херсонских коммеркиариев во второй половине X в. в городе перестают появляться и сравнительно многочисленные до этого печати глав центрального налогового ведомства, с которыми постоянно по долгу службы контактировали соответствующие подчиненные им местные чиновники[213].

С появлением стратига к нему отчасти перешел контроль за внешней торговлей и за фискальными сборами, которые совершали в Херсоне. Н. Икономидес даже высказал предположение, что стратиг мог иногда выполнять обязанности коммеркиария, замещая его, что, впрочем, маловероятно, по крайней мере до конца X в., когда в результате усиления центральной власти в Херсоне был упразднен институт коммеркиариев: последние с VIII в. входили в налоговое ведомство логофета геникона

[212] *Алексеенко Н.А.* Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 174–205, №1–47; *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 203, 210–211, №41–43, 44, 45; *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса. – С. 193–194, рис. 3, 5; *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die Neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – 1995. – Vol. 4. – P. 148–149, №12; *Alexeenko N.A.* Unique find of the group of byzantine lead seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. – Copenhagen, 1996. – P. 8414; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 577. Об эволюции и функциях института коммеркиариев подроб. см.: *Oikonomides N.* Silk Trade and Produktion in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP – 1986. – №40. – P. 33–35; *Kazdan A.A., Oikonomides N.* Kommerkiarios // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 3. – P. 1141; *Haldon J.* Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 79–80: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 2001. – С. 296–300; *Бардола К.Ю.* Система оподаткування у Візантії в IV–IX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Харківський нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2003. – С. 12–13.

[213] *Алексеенко Н.А.* Печати главных логофетов... – С. 198; *Алексеенко Н.А.* Коммеркия и коммеркиарии Херсона в IX–X вв.. – С. 99.

и, как и диойкиты, эпопты, эксисоты — финансовые инспектора, налоговые сборщики, оценщики имущества, перед ним же отчитывались[214]. Они занимали среднее положение (6-е место из 12) среди чиновников этого важнейшего секрета государства и обычно имели третий или четвертый сановный ранг (для херсонских коммеркиариев — спафарий, кандидат, кувикуларий)[215]. Именно в руках этих фемных чиновников, назначаемых непосредственно Константинополем, сосредоточивалась самая доходная часть поступлений.

Судя по печатям, в столице фемы действовали и имевшие отношение к сфере государственных финансов протонотарии и нотарии, а также спафарий и протевон Михаил, отвечавший за некие имперские имущества (epi ton oikeiakon)[216]. Протонотарии, появившиеся как официалы с 820-х гг., относились к фемной фискальной системе и координировали ее усилия с военной сферой, подчиняясь, однако, не стратигу, а главному финансовому ведомству-сакелле[217]. Случалось, они совмещали свой пост с функциями монетария, отвечали за работу монетного двора, как это было на Сицилии в IX в. и могло быть в Херсоне после организации фемы[218]. Впрочем, протонотарии действовали и в логофесии дрома, отвечавшей за коммуникационную систему на территории Империи и сбор информации[219]. Видимо, поэтому моливдовулы этих агентов не всегда снабжались указанием на место службы[220].

Сравнительно недавно к этому ряду памятников, оставленных лицами ведущих ведомств имперской администрации, добавился моливдовул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария ton Manganon kai Chersonos, то есть принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих известного константинопольского секрета Мангана и одновременно контролировал какое-то царское имущество в Херсоне. Н.А. Алексеенко, опубликовавший печать, считает, что ее присутствие указывает на «определенные налоговые привилегии, наличие которых... освобождало Херсон от каких-либо других чиновников фискальной службы империи»[221]. Однако с не меньшим основанием можно допустить, что она свидетельствует об обратном — о финансовом контроле за городом со стороны столицы, сакеллы и логофессии геникона и о взимании определенных традиционных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось, кроме того, через логофетов, хартулариев, коммеркиариев, чья документация

[214] *Kazdan A.A.* Epoptes // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 725; Oikonomides N. Le «systeme» administratif byzantin... – P. 323.
[215] *Алексеенко Н.А.* Коммеркия... – С. 97–98.
[216] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. ... – С. 212–213, №52, 56; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – С. 159, №43.
[217] *Oikonomides N.* Le «systeme»... – P. 390; *Kazdan A.A.* Protonotarios // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 2. – P. 1746; *Haldon J.* Byzantium. – P. 80.
[218] Ср.: *Степанова Е.В.* Печати монетариев Сицилии IX в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 210.
[219] Подр. см.: *Guilland R.* Les logothetes. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin // REB. – 1971. – T. 29. – P. 31–70.
[220] *Oikonomides N.* Op. cit. – P. 311.
[221] *Алексеенко Н.А.* К вопросу о существовании службы нотариев... – С. 227.

зафиксирована сфрагистическими источниками Херсона VII–X вв. Здесь действовали и финансовые чиновники из заморья, о чем свидетельствует печать Никиты, императорского спафария и диойкита Амастриды конца IX — начала X в.[222] По мнению издателя печати, этот провинциальный финансовый чиновник контролировал область Пафлагонии и, вероятно, соседствующей с ней фемы Вукелляриев, откуда шли поставки продовольствия в Херсон, который мог иметь вполне определенное отношение к императорским владениям. О размерах собираемых налогов данных у нас нет. Можно лишь предположить, что эти налоги были не ниже обычных и что на землях Церкви и государства существовала льготная система обложения, отсутствовавшая на землях частных собственников.

В городе существовали государственные благотворительные учреждения, птохионы и ксенодохионы, которыми управляли соответствующие государственные чиновники, скорее всего, из числа клириков, и которые находились в подчинении столичного казначейства — сакеллы[223]. Один из таких приютов, посвященный св. Фоке Навту, располагался в первом или, скорее, во втором квартале портового района Херсона, другой — монастырский носокомион, или богадельня, входил в храмовый комплекс св. Леонтия Киликийского на северо-западной оконечности городища[224].

Наконец, мощным проводником византийского государственного влияния была Церковь Херсона, которая, в свою очередь, зависела от Империи, нуждалась в ее поддержке. Таким образом, интересы местных церквей в Юго-Западной Таврике были важным фактором, удерживавшим эти земли в орбите византийского влияния. Кроме того, надо учесть, что в VII–VIII вв. городской совет вместе с протевонами, их деловым опытом, архивом мог быть подчинен церковной власти в лице епископа Херсона, а последний поставил делопроизводство, без которого город не мог обойтись, под свой надзор[225]. Не исключено, что епископия осуществляла контроль за возведением, эксплуатацией и ремонтом таких общественных сооружений, как бани[226]. В противном случае трудно объяснить, почему не встречали возражений церковных властей столь близкие по местоположению постройки бань возле Северной базилики в квартале IX и около церкви-мартирия с подземной криптой в квартале III. Еще одна баня могла находиться недалеко от экзонартекса Уваровской базилики, судя по упоминаемым К.К. Косцюшко-Валюжиничем остаткам сооружения с пропущенными сквозь стены керамическими трубами, которое было разобрано при строительстве дома для академика Ф.И. Чагина. Под таким же надзором до первой половины IX в. действовала и ранневизантийская общественная больница-ятрина, место нахождения

[222] *Алексеенко Н.А.* Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики. – С. 99–100. №1.

[223] *Сорочан С.Б.* Византия IV – IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 229–230, 244–245; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – С. 643–665; *Храпунов Н.И.* Администрация euageis oikoi в Херсоне. – С. 357–361.

[224] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003. – С. 81–83, 179–181.

[225] Подобная тенденция обозначилась в ромейских городах уже в VI в., и ее не должен был избежать Херсон, ставший одним из самых значительных церковных центров Крымского полуострова (см.: *Hisschfeld B.* Die Gesta municipalia in römischen und frühgermanischen Zeit. Inaug. Diss. – Marburg, 1904).

[226] Ср.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 254.

которой можно предполагать в помещениях рядом с большим водохранилищем в юго-западной части городища[227]. Находки: керамическая форма для оттиска евлогия VI–VII вв., шесть глиняных штампов для евхаристических хлебцев, керамические курильницы, крышка от сосуда с крестами, бронзовые подвески от лампад — наряду с прочим убедительно указывают на связь больницы с церковью или часовней. Херсонская епископия, ставшая с IX в. архиепископией, надежно стояла на страже государственных интересов и не стала бы поддерживать сепаратистов, тем более полисные свободы. По-своему показательно, что даже в 710–711 гг., когда решалась судьба города, позиция местных церковных властей, его архиерея в отношении к перевороту не нашла отражения ни в одном из византийских источников.

У нас нет свидетельств о направлении в Таврику Империей в VII в. воинских контингентов. Византийские власти были вынуждены формировать войско, очевидно, на местной, территориальной основе, с привлечением симмахов, энспондов — союзников из варваров. Это отражает общую тенденцию, переживаемую вооруженными силами Империи[228]. Византийская армия превращалась в местное воинское формирование, и лишь высшие командиры получали императорское утверждение. Низшее и среднее звенья стали выборными. Чиновный аппарат в целом тоже воспроизводился и пополнялся на месте, что было характерно для гомогенной, грекоязычной Византии, постепенно отошедшей от традиций космополитизма.

Судя по упоминаниям херсонесскими патриографами «арифма», речь шла о полурегулярной армии и вместе с тем специфической социальной группе, войске-сословии, связанном с местом дислокации экономическими узами[229]. Они проживали в городе, а формирования федератов — в близлежащих поселениях, чьими опорными, административными, церковными, торговыми пунктами являлись кастра и полисмы. Кондоминатный статус повлек дальнейшее изменение этой системы и привел к окончательной иррегуляризации войска в Таврике. Уже в начале VIII в. это нерегулярное воинское формирование, по традиции возглавляемое протополитом, местным архонтом, если оно и существовало в условиях демилитаризации, было неспособно к постоянной гарнизонной службе и вообще действенной службе по охране городских стен, о чем недвусмысленно свидетельствуют события первой вооруженной конфронтации херсонитов с Юстинианом Ринотметом в 710 г. Сопротивления, по сути дела, не было («medenos autois antistantos», — отметил Феофан)[230]. Позже оборона велась назначенным из столицы архонтом города, спафарием Ильей (Илией), видимо, силой небольшой части тех имперских войск (тагм и стратиотского ополчения), которые были присланы из Византии с «первым флотом», снаряженным за счет средств жителей Константинополя[231]. Видимо, как и в архонтатах Диррахия, Кефалонии, Крита, Ки-

[227] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Корсунь. – К., 2003. – С. 206–214.
[228] *Бородин О.Р.* Указ. соч. – С. 77–85.
[229] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 254–255; гл. 53, С. 156–158.
[230] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 40, 64.
[231] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 63–65, 164–165.

пра, Фессалоники, регулярный гарнизон Херсона насчитывал в VIII в. не более 100 воинов[232]. Таким образом, до образования фемы, после смены дуката архонтатом, в условиях демилитаризации, свойственной византийско-хазарскому режиму кондоминиума, безопасность херсонитов и других обитателей здешних земель долгое время не требовалось обеспечивать, хватало небольшого ополчения городских собственников, и только когда отношения стали меняться в худшую сторону, в конце VIII – первой половине IX в., здесь стали чаще появляться византийские регулярные войска, на что указывают моливдовулы спафарокандидата и турмарха Константина и комискоротов – штабных комитов «палатки» (tes kortes), в частности императорского кандидата Исоя[233]. Последние являлись чем-то вроде интендантов при стратиге или императоре, ведали сторожевой службой во время походов и дежурили при императорской палатке[234].

Тогда же должна была повыситься военная роль архонта города, на наличие которого, в том числе как византийского титулярного чиновника, указывают находки-моливдулы, более частые, чем в предыдущее время[235].

Все вышеизложенное позволяет задаться следующим закономерным вопросом: на чем строится постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что после Маврикия «связи с центральной властью ослабевают», «на Крымский полуостров перестают обращать внимание» и уже при Ираклии или во всяком случае «не позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти»[236]? С этим звучащим как аксиома тезисом никак не согласуется смещение за провинности центральной властью одних государственных служащих и назначение, присылка в город других имперских титулярных чиновников, примером чему могут быть попавшие в опалу протополит Зоил, ряд протевонов и упомянутый выше спафарий Илья, дорифор «копьеносец» василевса, в 710–711 гг. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против «непопулярного» императора[237]. При этом И.А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй половины VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегическо-

---

[232] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 376, map 11.

[233] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 212, №49–51. Это обстоятельство особенно наглядно подчеркивает, что автономность такой византийской административной единицы, как архонтия, не следует преувеличивать, как иногда делается (ср.: *Ferluga J.* L'amministrazione bizantina in Dalmazia. – Venezia, 1978. – P. 87–164).

[234] *Успенский Ф.И.* Военное устройство... С. 65; *Bury J.B.* The Imperial Administrative System... – P. 43.

[235] См.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 476–483, прилож.1

[236] См.: *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени Императора Зенона, в связи с отрывками из истории Херсонеса. – С. 87; *Баранов И.А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона. – С. 138; *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 195–196; *Seibt W.* Probleme der sttaatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 303.

[237] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 64, 164.

Рис. 173. Печати византийских архонтов Херсона (по Н.А. Алексеенко)

го значения Херсона (sic!)[238]. И это при том, что с утратой северо-западного побережья Черного моря в результате создания Болгарии и угрозы восточному – вследствие арабской экспансии, сохранение позиций в важнейших центрах Таврики, оказавшихся на острие ха-

[238] *Баранов И.А.* Указ. соч. – С. 138.

зарских интересов, не могло не приобрести для государства ромеев особую актуальность. Херсон в таких условиях становится еще более важным, чем прежде, «оком и щитом» Империи, стратегическим звеном северной границы, утрата которой стала бы чувствительным ударом по безопасности и экономическим интересам Византии[239].

К тому же невозможно представить, что спафарий Илья был единственный в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Собственно, ничто не мешает видеть в протополите Зоиле именно архонта города, равно как и «ничто не говорит о том, что Зоил был первым исполнителем обязанности архонта»[240]. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел (рис. 173). В этом плане следует обратить внимание на печати Саввы, ипата, и Феодота, ипата и царского спафарокандидата (2 экз.), архонтов Херсона, тоже одни из сравнительно ранних (VIII в.), а также на моливдовулы Евстафия, царского спафария, еще одного Зоила, ипата, Константина, царского стратора и затем спафария, Григоры, царского спафария, – архонтов Херсона конца VIII в., рубежа VIII–IX вв. или первых десятилетий IX в.[241] Десяток херсонских архонтов IX в., чьи печати происходят из судакского сфрагистического архива, тоже носили титулы императорских спафариев или спафарокандидатов[242]. Долгая, многолетняя служба некоторых из них, потверждаемая сменой нескольких буллотириев и узким кругом имен таких лиц за 150 лет (не более 10—12 человек на почти 100 печатей)[243], указывает на то, что это были преимущественно выходцы из местной знати, которых не торопились менять и которые, видимо, удовлетворяли Константинополь, их утверждавший. Весомой властью в условиях византийско-хазарского кондоминиума в Таврике они не обладали и, самое главное, можно было не бояться их сепаратизма. По этой причине сменяемость чиновников была достаточно редкой, но назначать в городе правителей центральные ромейские власти никогда не забывали[244]. Уже судя по тому, что протополита Зоила вызвали в Константинополь после

[239] История Византии. – М., 1967. – Т. 1. – С. 367–378; *Науменко В.Е.* Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. – Симферополь, 2001. – Вып. 2. – С. 337–339.

[240] *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона. – С. 312.

[241] *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. – Vol. 1. – P. 1284, №2345; *Соколова И.В.* Печати архонтов Херсона // Зборник радова Византолошки институт. – Београд, 1978. – Кн. 17. – С. 82, 91, №1; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – С. 145, №18; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – P. 184, N 82. 3; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 156–157, №1–3; *Алексеенко Н.А., Смычков К.Д.* Несколько новых печатей византийского Херсона // X сб. – 2000. – Вып. 10. – С. 361–362, №1; *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. – S.305; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 475–481, прилож.1, №1–36.

[242] Число таких печатей составляет не менее 11 экземпляров (*Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий: Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001. – С. 24; *Степанова Е.В.* Новые находки из судакского архива печатей // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. – К.; Судак, 2002. – С. 231). Учитывая, что в Херсоне институт архонтов был ликвидирован в связи с образованием стратигиды, датировку этих до сих пор не опубликованных моливдовулов можно сузить до первой половины – середины столетия (ср.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 313).

[243] *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 475, 477–482.

[244] Ср.: *Бертье-Делагард А.А.* Надпись времени Императора Зенона... – С. 87.

введения в город войск Юстиниана II и затем вернули обратно «в прежнем [положении]» («в прежней власти»), этот глава городской администрации утверждался василевсом и, значит, ни о каком стремлении Юстиниана II «ликвидировать городское самоуправление» говорить не приходится[245]. Этого самоуправления к тому времени уже не существовало, как и некой императорской политики, направленной против муниципальных органов города. О постоянном контроле говорит обилие моливдовулов византийских сановников: ипата Стефана (VII в.), императорского нотария Феодота (VII в.?), «императорского магистирана» Анфима (конец VII — начало VIII в.), кандидата и спафария Георгия (вторая половина VII — первая половина VIII в.), патрикиев Мариана (VII в.), Артавазда (20-е гг. VIII в.), Теосовия (VIII в.), Плотина (VIII в.?)[246].

Учитывая сравнительно небольшое количество моливдовулов и известных к настоящему времени имен архонтов Херсона, особенно для VIII в.[247], можно допустить, что не все они были почтены саном и, соответственно, имели именные печати. Однако едва ли это обстоятельство мешало им и прочим протевонам представлять интересы местной, зависимой от воли императоров городской общины, сотрудничать с ней и вместе с тем являться функционерами византийской провинциальной администрации, стремиться сделать карьеру и блюсти интересы Империи.

Кроме того, о низком ранге обладателей таких печатей можно говорить с большой натяжкой. К примеру, сан или звание (taxis, lamprois axiomasi) ипата относилось к синклитикам, то есть не имело военного характера. Тем не менее это был достаточно высокий чин, соответствовавший прежнему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Он следовал сразу за «степенью» спафария, чиновника третьего класса, имевшего, однако, военный характер[248]. Во всяком случае, ранга ипата или спафария было вполне достаточно, чтобы получать очень высокие должности[249]. Например, ко второй половине VII — первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха-правителя Италии, то есть представлял василевса на территории всего Равеннского экзархата[250]. Ими чаще всего становились дуки и другие

[245] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 40–41, 64, 156, 164–165; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 570; ср.: *Сюзюмов М.Я.* Социально-политическая борьба и внешнее положение Империи в конце VII – начале VIII вв. // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 46.

[246] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т. 52. – С. 208, №27; С. 209, №35, 37, 38; С. 210, №39; С. 213, №56, 57; *Алексеенко Н.А.* Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 68–69.

[247] См.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 474–479, прилож. 1.

[248] *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. – L., 1911. – P. 25–27.

[249] В сводке, собранной Ф. Винкельманом на основе сфрагистического материала второй половины VII – X в., ипатов можно найти среди логофетов геникона, главных логофетов, комитов Авидоса, архонтов Кивирреотов, эпархов Константинополя и Фессалоники, архонтов Кивирреотов и Месемврии, и о понижении значения обладателей этого сана можно говорить только ко второй половине IX – X в. (см.: *Winkelmann F.* Byzantinische Rang. – und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. – B., 1985. – S. 49–51).

[250] *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire byzantine. – P., 1884. – P. 514; *Степанова Е.В.* Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. – СПб., 1994. – С. 59–60, 65, №7, табл. I,4; II, 2.

представители высшей военной аристократии[251]. Позже, около середины IX в., некий ипат Зоил был среди первых фемных стратигов Херсона[252]. Даже в XI в. стратиги со званиями ипатов были главами окраинных провинциальных округов, городов-крепостей, например на территории армянского Васпуракана[253].

На важную должность комита Опсикия, малоазийской области, чьи вооруженные силы играли роль личной императорской гвардии, во второй половине VIII — начале IX столетия тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патрикии, и спафарии[254]. В трактате «О фемах» Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены должности стратигов и фемы, комитами называли стратигов[255]. Следовательно, в понимании ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсикия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолика, Армениака и Фракисия) и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте несмотря на заявленный сан патрикия[256]. Спафарием был и тот стратиг фемы Армениак, печать которого, датируемая около середины IX в., оказалась в числе случайных находок из Херсонеса[257].

Так что отправление должности в ранге ипата или в еще более высоком сане царского стратора или спафария ни в коей мере не умаляет положения главных византийских чиновников в Херсоне, долгое время, вероятно, с конца VII в. до создания фемы в самом конце 30-х — начале 40-х гг. IX в., являвшемся одним из архонтатов Романии — зависимой от Империи административной единицы, переходной формы к феме или турме — подразделению фемы, автономность которой была весьма относительной[258]. Именно так — архонтией или архонством, как и Боспор, называл город Никифор в своем «Бревиарии»[259].

Несмотря на дискуссионность, спорность понятия «византийский провинциальный архонт», «архонт города, фемы», непреложным является то, что, появившись, вероятно, с конца VII в., со времени первого правления Юстиниана II (685–695), это были особые должностные лица,

[251] Там же. – С. 67–68.
[252] *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон. – С. 91–92.
[253] *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). – М., 1994. – С. 38. Следовательно, стратиги Херсона второй половины IX в., носившие титулы ипата или спафария, и тут не были последними, этакими «чиновниками второго уровня», как может показаться на первый взгляд (ср.: *Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи... – С. 26–27).
[254] *Алексеенко Н.А.* Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 78–79.
[255] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» / Пер. с греч. Г. Ласкина. – М., 1899. – С. 20–21.
[256] *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century... – P. 136–137.
[257] *Смычков К.Д.* Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины: Тезисы докл. науч. конф. – Харьков, 1999. – С. 75.
[258] Ср.: *Ferluga J.* L'amministrazione bizantina in Dalmazia. – Venezia, 1978. – P. 87–164; *Treadgold W.* The Byzantine Revival 780–842. – Standford, 1988. – P. 17; *Феофан Исповедник* // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 323, коммент. 433.
[259] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 156, 164.

единоличные главы провинциального или муниципального управления и одновременно чиновники на государственной службе, представители центральной власти из числа избранных состоятельных, влиятельных провинциальных собственников, землевладельцев средней руки, владельцев недвижимости, лидеров местной городской элиты, которые находились под имперской юрисдикцией, входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов, решали разнообразные вопросы местного управления, финансов, выполнения государственных повинностей, контролировали деятельность местных властей в интересах Империи[260]. Следовательно, для византийских земель термин archon означал не просто «начальник», но обязательно соответствующее лицо в административном аппарате, представителя центральной власти, невзирая на степень внутренней автономии того или иного архонтата. Следует подчеркнуть, что эта автономия никоим образом не исключала последний из сферы действия византийской налоговой системы, имперского законодательства и церковных административно-территориальных институтов[261]. Более того, Элен Арвейлер полагала, что архонт имел прямое отношение к контролю над здешними территориальными водами и даже возглавлял силы византийской военной эскадры[262]. Как уже указывалось применительно к позднеримскому-византийскому Херсону, «архонтом» изначально мог являться «протополит» («первый гражданин») — высший муниципальный чиновник города, известный с первых веков н.э. в форме «первый архонт», но это уже не был «глава местного самоуправления»[263]. Необходимо подчеркнуть также и то, что главы архонтатов были в единственном числе, не представляли коллективной магистратуры, как это было

[260] *Bury J.B.* A History of the Eastern Roman Empire From the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A.D. 802–867). – L., 1912. – P. 223, 330; *Bon A.* Le Peloponnese byzantin jusqu'en 1204. – P., 1951. – P. 99; *Кучма В.В.* Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. – Свердловск, 1965. – Вып. 3. – С. 154; *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. – P., 1966. – P. 71–72; *Oikonomides N.* Les listes... – P. 343, note 13; *Margetic L.* «Provincijalni archonti» Taktikona Uspenskog (s osobitim obzirom na archonta Dalmacije) // ЗРВИ. – Београд, 1991. – Кн. 29–30. – S. 45–59; Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – P. 200, s.v. «archon»; *Cheynet J.-Cl.* L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson // Международ. науч. конф. «Византия и Крым»: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – P. 95; *Oikonomides N.* L'archonte slave de l'Hellade au VIIIe siecle // ВВ. – 1998. – Т. 55 (80). – Ч. 2. – P. 111–119; *Кучина И.А.* О термине «архонты» в Византии IV–XV вв. // История Византии и византийская археология. – Екатеринбург, 1998. – С. 20–22; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 473–474, 487; ср.: *Ферлуга Ј.* Ниже војно-административне јединице тематског уреченьа. – С. 61–94; *Ферлуга Я.* Архонтат Далмации // ВВ. – 1957. – Т. 12. – С. 47–48; *Соколова И.В.* Печати архонтов Херсона // ЗРВИ. – Београд, 1978. – Т. 18; *Angold M.A.* Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy. – Oxford, 1984. – P. 236–253; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 312, 314–316; *Haldon J.* Byzantium. A History. – Stroud, Gloucestershire, 2000. – P. 122–123, 171. Подробный экскурс на тему «Провинциальный «архонт» в Византийской империи» помещен в диссертации В.Е. Науменко: (Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... – С. 233–246, Прилож. А).

[261] Ср.: *Иванова О.В.* О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. – СПб., 1999. – С. 72–78.

[262] *Glykatzi-Ahrweiler H.* L'administration militaire de la Crete byzantine // Byzantion. – 1964. – Т. 31. – P. 217–218; *Ahrweiler H.* Byzance et la mer. – P., 1966. – P. 48, 59, 61, 71.

[263] Ср.: *Науменко В.Е.* К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. – М.; Магнитогорск, 2002. – Вып. 12. – С. 547–548.

в античных полисах, да и сама их должность была государственным постом, а не магистратурой[264]. На это обстоятельство однозначно и безоговорочно указывают многочисленные памятники сфрагистики из Херсона и Сугдеи, приближающиеся к настоящему времени к сотне экземпляров, всегда представляющие данного чиновника в одиночку, поэтому возрождаемое ныне ошибочное представление о коллегиальности института византийских архонтов должно быть окончательно отвергнуто[265]. Нет никаких оснований предпринимать сложные безуспешные поиски точной аналогии византийскому архонтату с некой мифической коллегиальной формой управления только для того, чтобы обосновать идею континуитета в эволюции этого органа[266].

Архонты почти всегда располагались на одном иерархическом уровне и в VIII — первой половине IX в. в основном примыкали по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев (турмархам, хартулариям и др.), хотя поначалу, до конца VIII в., среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)[267]. Те же самые звания (царских страторов, ипатов, спафарокандидатов и главным образом спафариев) имели архонты Херсона[268], которые, таким образом, были «не лучше и не хуже» глав других архонтатов и тоже утверждались в должности василевсом. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей к последней трети IX столетия[269], и крушение «полисного самоуправления» Херсона, равно как и «преобразования в городском хозяйстве», здесь, конечно, ни при чем[270].

На исчезновение печатей архонтов Херсона обратил внимание Ж.-К. Шене, отметивший, что «трудно хотя бы одну из них с полной уверенностью отнести к периоду после 850 г.» и далее констатировал: «...можно с уверенностью говорить о том, что должность архонта не пережила учреждение должности стратига Климатов или стратига

---

[264] Во время событий 710–711 гг. протополита Зоила сменил спафарий Илья, поставленный Юстинианом II сановным архонтом Херсона, который продолжал выступать и далее в качестве единственного функционера такого рода (см.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – С. 40–41, 64, 156–157, 164–165).

[265] *Соколова И.В.* Монеты и печати... – С. 115; *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 571, 573; *Храпунов Н.И.* Тенденции развития органов власти византийского Херсона. – С. 228; *Храпунов Н.И.* О континуитете администрации византийского Херсона. – С. 55–56; ср.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 474–475.

[266] *Храпунов Н.И.* Администрация... – С. 573.

[267] Ср.: *Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. – 1903. – Т. 8. – Вып. 3. – С. 231–232, №79 / 80.

[268] *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. – Vol.1. Pt. 1–3. – N 1973, 2345, 3106, 3113; *Соколова И.В.* Монеты и печати... – С. 76, 169, 174, №1, 5–13; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang-und Ämterstruktur... – S. 113; *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 156–157, №1–7; *Степанова Е.В.* Связи Херсона и Сугдеи по данным сфрагистических архивов. – С. 24; Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона... – С. 486 (на 77 печатях архонтов Херсона три раза указаны спафарокандидаты, то есть сан второго класса, 68 раз – спафарии, сан третьего класса, 5 – страторы и 4 – ипаты, саны четвертого класса).

[269] *Bury J. B.* Op. cit. – P. 13–15, 136 f.

[270] Ср.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). – К., 1977. – С. 115; *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – 1973. – Вып. 10. – С. 208; *Соколова И.В.* Монеты и печати... – С. 112; *Алексеенко Н.А.* Указ. соч. – С. 163.

Херсона»[271]. Н.А. Алексеенко тоже подчеркнул изменение сфрагистического типа печатей около середины IX в., даже пришел к выводу о том, что датировка самых поздних моливдовулов архонтов не выходит за пределы 50-х гг. IX в., то есть практически совпадает со временем создания фемы, но ввел архонтат Херсона в структуру стратигии, предположив сохранение его существования еще «какое-то время», якобы до трансфомации фемы Климата в фему Херсон[272]. Между тем оснований для этого нет. Византийские источники недвусмысленно говорят об избрании стратига Херсона и его местностей (tes Chersonos kastron kai tous en aute topous) и о подчинении ему «протевона и всех» (ton tote proteuonta kai pantas), то есть «отцов города» (pateron tes poleos) и «властей», «архонтов» (archousi), очевидно, самого города и окрестных мест[273]. В лучшем случае архонт Херсона мог какое-то время, до сосредоточения фемы в рамках собственно Херсона в 50–0-е гг. IX в., сохраняться как чиновное лицо, то есть как архонт города, подчиненный стратигу.

Таким образом, магия слова «архонт», уводящая к древним временам херсонесской полисной общины, невольно заволакивает ясность исторического взгляда многих исследователей и наталкивает на неправомочное сопоставление совершенно разнородных понятий, лишь волею случая обретавшихся в разные эпохи под одним и тем же греческим термином.

Обычно считается, что основной задачей Петроны Каматира, после того как он стал к 840–841 гг. протоспафарием и, видимо, стратигом Херсона, явилось стремление удержать город и прилегающие к нему районы в повиновении, «ограничение власти протевонов и подчинение муниципалитета центральной власти»[274]. Однако такая вольная и в значительной степени субъективная интерпретация источников (42 главы «Об управлении империей» и очерка о Феофиле Продолжателя Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, тем более с учетом контекста, который указывает на то, что Петрона, по собственному опыту (empeira) хорошо узнавший положение дел в Подонье и Таврике, более не регулируемых совместными действиями византийских и хазарских властей, предостерегал императора «не доверять» (me katapisteuses) в этих нестабильных, ненадежных условиях тамошним чиновникам, протевону и «отцам города» (pateres tes poleos), то есть местным «правителям», «начальникам» (archousi), в том числе уже известному по печатям VIII — первой половины IX в. киру, архонтам окрестных полисм, кастра, и для того чтобы «законно» (kyrios) повелевать Херсоном и его местностями, советовал организовать «избрание своего стратига» (proballou strategon idion)[275]. Иными словами, упразднить прежний правовой статус Херсо-

[271] *Шене Ж.-К.* Поздний архонт... – С. 313.

[272] *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 484–487.

[273] Theophanus Continiatus / Rec. I. Bekker. – Bonnae, 1838. – P. 123; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – Гл. 42. 41–52, С. 172.

[274] Ср.: *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI – X века по Р.Х. // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 44; *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. – С. 87; *Баранов И.А.* Административное устройство... – С. 139–140; *Сазанов А.В.* К хронологии цитадели Баклинского городища IX – XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 55–56.

[275] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – Гл. 42. 41–53, С. 172; Theophanes Continuatus. – P. 123.Примечательно, что Иоанн Скилица в конце XI в. интерпретировал выражение

на как архонтата на кондоминатной территории и, создав новую «законную» стратигию, упрочить военно-административные позиции константинопольского правительства в пограничном анклаве, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возраставшего расхождения со все более слабевшими хазарами и появления воинственных венгров. Не «отрицательный отчет» Петроны о деятельности протевона, то есть архонта Херсона, не малое доверие к местной аристократии, не сомнения в «политической лояльности», верности херсонитов и не стремление удержать их в повиновении[276], а становившееся опасным изменение объективной политической ситуации в регионе, связанное с назревшим грядущим развалом отношений кондоминиума в Таврике, подвигло центральную власть на решительное военно-административное и территориальное преобразование.

Поскольку глагол proballo имеет значение «выставлять в качестве кандидатуры», «предлагать к избранию», а по сути дела, является лукавым эвфемизмом необсуждаемого приказа, можно думать, что до этого «всем управляли» (ta panta dioikon) в основном выдвигаемые на месте архонт Херсона (в редакции Константина Багрянородного он назывался proteuontos[277]) и прочие титулованные (кир) и нетитулованные чиновники из числа именитой городской знати, «отцы города» и соседних с ним мест — «архонты», «нотабли». Именно этим объясняется, почему эти начальники были названы в письменных источниках во множественном числе, хотя во главе Херсона как архонтата стоял единоличный архонт, он же «первенствующий». С этой точки зрения он имел отношение к протевонам[278]. Исследователи в качестве сравнения обратили внимание по этому поводу на далматинский Диррахий IX в., который тоже объединял область из трех десятков городов-крепостей во главе с имперским наместником, имевшим титул архонта и именовавшимся «первенствующим» (приором)[279]. Сходное административное устройство могло быть и в случае с Херсоном: первый протевон имел полномочия имперского архонта, а прочие протевоны (кир, «отцы города») — полномочия местной (но уже не самоуправляемой) администрации, своевременное и точное исполнение обязанностей которой через

«отцы города» по-своему, заменив его более понятными для его времени словами «тамошние динаты» (autochthonoi dynatoi), и именно так переписал их у него Георгий Кедрин (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. – Bonnae, 1838. – Vol. 1. – P. 528).

[276] Ср.: *Сазанов А.В.* К хронологии цитадели... – С. 55–56; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт... – С. 311, 316.

[277] Очевидно по аналогии со stephanophoros kai protevon, которое примерительно к концу III – первой половине IV вв. означало главу правительства Херсонеса, командира ополчения и эпонима (*Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 575). Ср. гл. 53, где архонт херсонитов неизменно обозначается термином «венценосец и протевон» (*Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 53. С. фи2, 24–25, 167–168, 186, 234–235, 470, С. 246–247, 254–259, 270). Н. Икономидес тоже придерживался мнения, что протевон города был идентичен архонту Херсона, а «муниципальный» штат эквивалентен «имперскому» (*Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin en Crime aux IXe – Xe s. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 320).

[278] Это противоречит утверждению, что «...источники всегда противопоставляют протевонов Херсона византийской администрации», то есть архонту и прочим титулярным чиновникам, обладателям печатей (ср.: *Храпунов Н.И.* Администрация... – С. 575, 576).

[279] *Ферлуга Я.* Архонтат Далмации // ВВ. – 1957. – Т. 12. – С. 48–49; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт... – С. 315; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 472.

архонта направлялось и контролировалось центральными византийскими ведомствами.

Высокий статус дуката, а затем архонтии был обусловлен альянсом с императорской властью, и уже поэтому херсонская правящая верхушка, ясно осознававшая призрачность своей квазиавтономии, должна была хранить верность Империи, но присылка верховного должностного лица со стороны, назначенного из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, была делом достаточно необычным, редким. Согласно повелению Феофила, «протевон и остальные» (ton proteuonta kai pantas) «так называемые отцы города» (ton eponomazomenon pateron tes poleos), то есть штат коллегии местных чиновников, действовавший до этого «от лица» василевса, должны были быть с той поры (ex oi kai mechri) ограничены (orisas) безоговорочным подчинением (ypeikein) «избранному» стратигу, выдвинутому самим императором[280].

От внимания исследователей ускользнуло то само по себе очевидное обстоятельство, что Феофил именно повелевал, приказывал главе тогдашних местных властей, отчасти сохранявших лишь внешнюю преемственность с античными полисными магистратурами, и остальным подданным подчиняться новому главе — стратигу, и, значит, они уже находились в подчинении до отдания этого приказа (orisas ton tote ptoteuonta kai pantas ypeikein auto). Им не надо было переходить под власть Империи, как полагают некоторые исследователи[281]. Речь шла о введении их в рамки очередного, нового, но вполне законного административного устройства. Поэтому решение василевса заменить архонтию стратигией нельзя рассматривать как некий юридический акт об аннексии земель Таврики Византией. Последняя и так имела права на эти земли, но в иной форме, обусловленной до поры до времени особыми отношениями с Хазарией. Ни о каких переговорах и заключении соответствующего договора с неким несуществующим «городским самоуправлением», «местной народной властью» речь не шла. Этот вопрос был давно решен и закрыт и никому не пришло бы в голову вновь его поднимать. Даже само предложение «избрать» стратига несло все то же значение необсуждаемого приказа.

Кстати, если Петрона Каматир действительно был стратигом Херсона из числа «чужаков», не следует ли ожидать обнаружения сфрагистических сведений о более поздних отправителях такой должности и из числа местной знати? К примеру, не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул ипата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане[282]. Во всяком случае, печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречавшимся среди херсонской знати VIII в. именем[283] разделяет небольшой промежуток времени

[280] Theophanes Continuatus... – Bonnae, 1838. – P. 123; Продолжатель Феофана. – С. 56 (III, 28); *Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 42. 52, С. 172

[281] Ср.: *Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin en Crimee... – P. 321.

[282] См.: *Алексеенко Н.А.* Новые находки печатей... – С. 156–157, №2, 3; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... – С. 91–92; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 479.

[283] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 40, 41, 130–131, 156; Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1885. – Vol. 2. – P. 241, 242.

(первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа именитых уроженцев города, который в начале своей чиновной карьеры на службе василевсу возглавлял архонтию Херсон, а позже был «избран» (proballou), как и Петрона, фемным стратигом, то есть повышен в должности, но не в сане. На то же обстоятельство недвусмысленно указывают три недавно обнаруженные печати Михаила Херсонита, патрикия и стратига Херсона, скорее всего, конца X в.[284] Ведь хорошо известные и столь головоломные для исследователей слова о правиле «...отсюда для Херсона избирать стратигов» (ton enteuthen eis Chersona proballesthai strategous)[285] могут пониматься двояко, а скорее, просто как указание на причину (ton enteythen — «поэтому»), по которой с той поры город стал стратигидой. Во всяком случае, тенденция назначать на этот пост местных «бюрократов», может быть, даже из числа бывших инородцев, явно прослеживается с последней четверти X в., когда среди стратигов начинают все чаще встречаться представители неизвестных на византийской иерархической лестнице специфических фамилий (Вога, Цула, Херсонит, Катасах, Кфарос)[286]. Местные нобили-протевоны, как прежде архонты, могли иногда исполнять обязанности стратига Херсона, не получая этой должности, а в лучшем случае лишь имперское звание, чин. К примеру, на лицевой стороне печатей такого знатного лица второй половины IX — середины X в. — некоего Цула (Тзула), род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения либо стоял крест с крестиком в нижнем пространстве, а на обороте значилось имя функционера с прибавкой «царский спафарий Херсона» (Tzoula basiliko spathario chersonos)[287].

В любом случае случившееся событие не носило экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, разумеется, не была «чрезвычайной»[288]. Стратиги посылались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должность одновременно с архонтами, но «прямое императорское правление» не было новостью для Херсона, который, подобно другим провинциальным центрам Византии, давно управлялся представителями имперской администрации, утверждаемой центральным правитель-

[284] *Алексеенко Н.А.* Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. конф. «Византия и Крым»: Тезисы докл. – Симферополь, 1997. – С. 11–12. *Алексеенко Н.А.* Херсонская родовая знать X – XI вв. в памятниках сфрагистики // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – С. 257–259, №2–4.

[285] Theophanes Continuatus. – P. 124; *Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 42. 53–54, С. 172.

[286] *Алексеенко Н.А.* Херсонская родовая знать... – С. 261.

[287] *Смычков К.Д.* Неизданная печать с именем Цула // ВВ. – 1987. – Т. 48. – С. 158–159, рис. 1 (печать из частной коллекции). Ж.-К. Шене такая формулировка, предложенная Г. Шлюмберже, издателем одной из двух имеющихся печатей, кажется подозрительной, и он склонен читать после спафария АРХ: – «архонт» (вместо характерного в таких случаях АРН), однако все это пока остается в области гипотезы (см.: *Шене Ж.-К.* Поздний архонт... – С. 313) и, самое главное, не согласуется с текстом моливдовула, изданного К.Д. Смычковым (похоже, Ж.-К. Шене не осведомлен об этой печати). Большинство стратигов Херсона имело в это время сан императорского спафарокандидата или императорского протоспафария (ср.: *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики... – С. 737–738, 741, диаграмма 1–2), поэтому предполагаемое назначение главой фемы или другим ее функционером спафария, притом даже не царского, могло быть только случайной, временной мерой.

[288] О подобном мнении см.: *Баранов И.А.* Указ. соч. – С. 140.

ством, независимо от того, были ли они приезжими византийскими чиновниками или принадлежали к архонтам, кирам, «отцам города» и прочим «первенствующим» из местной аристократии. Тем более нет оснований полагать, что здесь наблюдалось «смешение двух административных принципов», характерных для позднеримской, а не для византийской системы управления, или было некое разделение властей: архонта, стратига и местного управления, что якобы придавало Херсону «завуалированную атмосферу, атмосферу колонии»[289].

Рис. 174. Августа Феодора с юным Михаилом III и его старшей сестрой Феклой. Аверс и реверс солида (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича на северном берегу)

Когда новая фема все же была окончательно организационно оформлена к самому началу правления трехлетнего Михаила III (842–867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры (рис. 174), первое время ею могла быть только фема Климата. Примечательно, что именно 842/843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне[290]. К этому же времени относится создание Тактикона Успенского, где впервые фигурирует фема Климата. Ее стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патрикия (o patrikios kai strategos ton klimaton) на 23 месте из 79 в списке высших титулярных чиновников, патрикиев и протоспафариев и на последнем, 17 месте, в списке патрикиев и стратигов фем[291]. Архонты собственно Херсона (в оригинале рукописи — oi archonos), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со стратигом функции управления, но уже находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии[292]. К примеру, Крит также значился среди фем, занимая предпоследнее место перед Климата, однако ниже, на 58 месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также «архонт Крита» (o archon kretes)[293], а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе наравне с аподоместиками, эскувиторами и друнгариями, то есть провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата стратига[294]. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем[295]. Следовательно, нет сомнений, что архон-

[289] Ср.: *Храпунов Н.И.* Администрация... – С. 573; *Oikonomides N.* Le «systeme» administratifbyzantin... – P. 323.

[290] *Алексеенко Н.А.* Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора... – С. 146, 148, 152, №10.

[291] *Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах // ИРАИК. – 1898. – Т. 3. – С. 115; *Oikonomides N.* Les Listes de preseance byzantines des Ixe et Xe siecles. – P., 1972. – P. 48–49; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 321; *Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. – С. 691 и след.

[292] *Успенский Ф.И.* Византийская табель... – С. 124; *Oikonomides N.* Les Listes... – P. 56–57.

[293] *Успенский Ф.И.* Указ. соч. – С. 119. Эти данные подтверждают также моливдовулы архонта Крита VIII–IX в., причем в одном случае он совмещал свои обязанности с функцией парафилака – военного коменданта (*Oikonomides N.* Les listes... – P. 353; *Шене Ж.-К.* Поздний архонт... – С. 314).

[294] Там же. – С. 123.

[295] Там же. – С. 115, 124.

ты были при стратигах ряда фем[296]. К слову, если бы Херсон продолжал сохранять в это время свой статус архонтии, на чем настаивал И.А. Баранов и что считает возможным Н.А. Алексеенко[297], ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (o archon dalmatias, o archon kyprou)[298], еще долго действительно остававшихся архонтатами[299]. Такому архонту, в свою очередь, подчинялись прочие архонты-«начальники», скорее всего, как и в Херсоне, из числа местных протевонов. Не случайно в конце списка санов в ранге спафариев на 54 месте из 59 в Тактиконе 842–843 гг. еще раз были указаны «отставные архонты Далмации и прочих архонтий» (oi spatharioi kai aparchontes dalmatias kai loipon archontion)[300].

Состав херсонских военных и гражданских фемных властей — основных и тех, кто лишь выступал «от лица» стратига, — остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно провинциальное управление в виде оффикия любого стратига включало хотя бы одного таксиарха — командира 1000 пехотинцев, турмарха или мерарха — глав военного подразделения (турмы или меры-«части»), «главу палатки»-комискорта (komes tes kortes) — фактически начальника штаба стратига и интенданта; доместика, друнгария и комита военных отрядовванд, протокентарха или нескольких кентархов спафариев — командиров подразделений, комита tes etaireias, протоканкелларий-канцелляриста и протомандатора-«адъютанта», посыльного, тогда как гражданскую часть представляли судья, протонотарий, отвечавший за координацию действий военных и фискальных фемных механизмов, за снабжение фемной администрации всем необходимым и подчиненный центральному финансовому департаменту, сакелле (свои отчеты он отправлял прямо в Константинополь, ми-

[296] К этому выводу я пришел одновременно с Н. Икономидесом (*Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель... – С. 248; *Oikonomides N.* Le «systeme» administatif byzantin... – P. 321, n. 12).

[297] *Баранов И.А.* Административное устройство... – С. 139–140; *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 486, 487.

[298] После архонта Далмации и перед дуксом Калаврии в Тактиконе второй четверти IX в. значилось с артиклем множественного числа oi archonos (*Oikonomides N.* Les listes de preseance bzyantines des IXe et Xe siecles. – P., 1972. – P. 57, l. 13), что Н. Икономидес, вслед за Ф.И. Успенским (Византийская табель... – С. 124), убедительно интерпретировал как oi arch[ontes cher]sonos. Большинство исследователей не оспаривают такую конъектуру, хотя объясняют ее наличие в тексте по-разному. В частности, эту явную ошибку писца в виде пропуска нескольких букв Н.А. Алексеенко предлагает исправить введением в лакуну терминов Климата и Боспора. В его конъектуре фрагмент испорченного текста выглядел бы следующим образом: oi arch[ontes ton Klimaton kai Cher]sonos либо oi arch[ontes ton Klimaton kai Bosporos kai Cher]sonos. Учитывая, что Продолжатель Феофана и Константин Багрянородный единодушно упомянули о необходимости подчинения стратигу тех мест их архонтов (во множественном числе), но при этом бывшего главу Херсона как архонтата назвали в единственном числе (протевоном), эта реконструкция не лишена вероятности (см.: *Алексеенко Н.А.* Архонтия Херсона... – С. 471–473). В таком случае речь могла идти о нескольких правителях-архонтах некой территории, включающей Херсон и другие византийские укрепленные центры, округа, так называемые климата на полуострове. Вообще, надо учесть, что византийское понятие archon было многозначным и прикрывало собой самых разных «начальствующих», в том числе и таких, как херсонские pater tes poleos, кир, экдик, протевоны, других чиновников оффикия стратига. Вместе с тем, лакуна не была большой и едва ли вероятно вместить в нее еще и Боспор (ср.: *Oikonomides N.* Le «systeme» administatif... – P. 320, n.10).

[299] Нарративные и сфрагистические источники сообщают о существовании архонта Кипра и во второй половине IX в. (*Шене Ж.-К.* Поздний архонт... – С. 315).

[300] *Успенский Ф.И.* Указ. соч. – С. 126; *Oikonomides N.* Les Listes... – P. 56–59.

нуя стратига); хартуларий, выполнявший в феме финансовые функции, ведший каталог стратиотов и связанный с логофетом ton stratiotikon; инспектор-эпопт, ведший кадастровое описание приобретенных имперских земель и проверявший каталог воинов; диойкит, финансовый инспектор земельного налога, сборщик связанных с ним государственных податей, как и эпопт, подчиненный главному налоговому ведомству-геникону; счетчик (anagrapheis) и писцы-скрибы *секрета* (basilikoi notarioi kai notarioi)[301]. Известно, что комиты соответствовали архонтам[302] и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климата–Херсона. Однако уже Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX–X вв. – в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «... намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития... Стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, то есть иногда не состоят и в разряде oi basilikoi ("царевы мужи")»[303].

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту картину[304], но в основе своей она верна: фема была невелика или, лучше сказать, весьма скоро после ее организации стала невелика, сохраняла отчасти унаследованный от городского совета архонтата управленче-ский, должностной аппарат (примером чему могут быть «отец города» и экдик как ek prosopou стратига), и ее глава, повелевавший этим аппаратом, очевидно, не нуждался в постоянном полном штабном штате. Временами, как это было в июне 860 г., когда город находился в трудном положении из-за враждебного прессинга «толп язычников», «многих нападений варваров», здесь вообще могло наступить безвластие; во всяком случае, отсутствие на какой-то момент стратига – единственное логичное объяснение, почему херсониты не выполнили свою обычную обязанность, заранее не предупредили имперское правительство о морском походе «превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам» «народа рос» на Константинополь[305]. Херсонес в этом плане не был уникальным городом, поскольку номинально сохранявшиеся городские советы, курии формально сохраняли свои управленческие, начальственные полномочия и в других центрах Романии по меньшей мере до конца IX в., судя по 46-й новелле императора Льва VI, стремив-

[301] *Bury J.B.* Op.cit. – P.41–46, 139; *Oikonomides N.* Les Listes... – P. 313, 335–336, 341; *Oikonomides N.* Fiscalite et exemption fiscale... – P. 277, 279–280, 282; *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 316; *Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin... – P. 319; *Haldon J.* Byzantium. – P. 80.

[302] *Bury J.B.* Op. cit. – P. 42.

[303] *Степанова Е.В.* Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. – С. 142.

[304] *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса. – С. 203, 212, №49–51 (печати комита tes kortes и турмарха); *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса. – С. 193 и след.; *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... – С. 91–97; *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson. – S. 140–146; *Алексеенко Н.А.* К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. – С. 221 сл.

[305] Ср.: Photii epistulae. – Lipsiae, 1983. – Vol. 1. – P. 50, N 2, C. 293–296; *Сорочан С.Б.* «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. – Симферополь, 2003. – Вып. 3. – С. 73–74, 79–80, 81, 104–105.

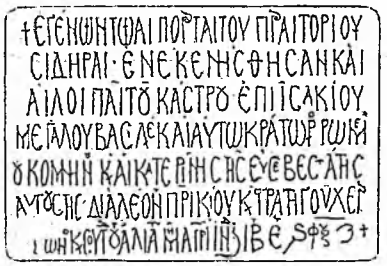

Рис. 175. Надпись стратига Льва Алиата (из раскопок 1895 г.)

шегося узаконить окончательную отмену полномочий их членов[306]. Сохранение должностей «отца города», экдика в первой половине X в., а протевона вплоть до конца X – первой половины XI в., примером чему могут служить печати хрисотриклинита Иоанна и патрикия, стратилата Калокира(?), указывает на то, что полное упразднение остаточных пережитков куриального управления, по крайней мере в названиях его носителей, не было изжито и после выхода новеллы Льва Мудрого. Кроме того, полифункциональность обязанностей стратига позволяла ему замещать некоторых чиновников и, таким образом, обходиться без них. Вообще, его действия были многохлопотны даже в рамках сравнительно небольшой военно-административной единицы. Он организовывал военные силы фемы, ее администрацию, вел списки-каталоги стратиотов, осуществлял казенные выплаты, отвечал за дозорную, предельно важную службу города, следил за строительством, обновлением и текущим ремонтом общественных построек, оборонительных сооружений, тесно сотрудничал с духовными властями, как столичными, так и с церковным главой Херсона, оставаясь в строгой подотчетности константинопольскому правительству и лично правившему на тот момент василевсу[307]. Не исключено, что отставные стратиги продолжали участвовать в управлении городом, переходя в разряд «отцов города» и императорских «эк просопу» (полномочных представителей с широкими функциями), о чем свидетельствуют моливдовулы Сергия (pater polios, коммеркиарий, стратиг, ek prosopou), позволяющие восстановить его cursus honorum на протяжении нескольких десятков лет в последней трети IX – начале X в.[308] Подобно этому архонты переходили в разряд апархонтов – отставных, бывших архонтов Херсона[309]. Относить такие должности к «внештатным», да к тому же заменяющим архонта или стратига, едва ли правомерно[310].

---

[306] *Лебедева Г.Е.* К проблеме городского самоуправления в Византии VIII–IX вв. – С. 111–113.

[307] См.: *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 87–91; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 307–314.

[308] См.: *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – С. 153, №24, 24а; *Алексеенко Н.А.* Таможня и коммеркиарии Херсона. Приложение; *Алексеенко Н.А.* Должность ЕК PROSOPOU Херсона в структуре византийской администрации Таврики // Сугдейский сборник. – К.; Судак, 2006. – Вып. 2. – С. 7–11, рис. 1 (всего известно пять печатей спафарокандидата Сергия и эк просопу Херсона, которые относятся к концу IX – началу X в., но не ясно, почему надо строить карьеру этого Сергия сначала как эк просопу, а уже потом как стратига, и при этом сводить полномочия эк просопу лишь к специально фискально-инспекторским).

[309] *Храпунов Н.И.* Администрация византийского Херсона... – С. 573.

[310] Ср.: *Науменко В.Е.* Таврика в контексте византийско-хазарских отношений... – С. 169. «Эк просопу», если верить Житию Антония Нового, являлись правителями фем, как это было в случае с Кивирреотами в правление Михаила II (820–829) (*Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 376), но могли иметь отношение к императорским имуществам в феме и к фискальной ответственности ее перед казной. В Тактиконах они шли за стратигами, что уже само по себе о многом говорит (*Oikonomides N.* Les Listes... – P. 41; 105. 25; 145. 28; 249. 29). Более чем через столетие Кекавмен знал их уже только как разряд «сборщиков

Для размещения сравнительно небольшого по численности штаба стратига вполне хватило выстроенного в конце IX в. монументального архитектурного ансамбля претория, располагавшегося на территории «цитадели» в юго-восточной части Херсона[311]. Составлявшие его помещения и двор занимали не меньше 268 м², причем на расстоянии 13 м от них, на противоположной стороне так называемой Южной площади, в ходе раскопок 2003–2004 гг. выявлены следы еще одного обширного здания той же поры, пока не раскопанного[312]. На то, что это был именно praitorion, недвусмысленно указывает содержание строительной надписи 1059 г. на мраморном карнизе длиной 0,9 м, шириной 0,6 м и толщиной 0,3 м, который был найден с наружной стороны береговой оборонительной стены, напротив башни XXI, недалеко от «цитадели» (рис. 175)[313]. В комментарии к памятнику В.В. Латышев заметил, что это слово «...весьма часто употреблялось византийцами и притом в разных значениях, одно из которых — "Aula seu Palatium Praetoris vel Rectoris Provinciae" по объяснению Дюканжа — вполне подходит к нашей надписи»[314]. Примечательно, что в столице Империи преторием называли помещение ведомства городского эпарха и тюрьму, которая находилась под надзором логофета претория. Видимо, не случайно в трактате «О фемах» Константин Багрянородный подчеркивал различие между «городом-преторием» и прочими городами. Херсон, как центр фемы, был именно таким городом, пользовавшимся особым положением.

Сооружение в X в. рядом с преторием отделанного мрамором небольшого базиликального храма, включенного в здешний комплекс зданий, явилось основанием для предположения о перемещении сюда в это время архиепископской резиденции, которая оказалась соседкой административных властей: «...епископ, живя в цитадели как в крепости, выезжал отсюда для служения в других храмах Херсонеса»[315]. Это могло бы иметь место в случае прекращения существования епископального центра на северо-восточном берегу города. Однако он продолжал действовать, а его кафедральный храм-кафоликон даже пережил перестройку, на что указывает заклад из 19 монет Романа I в яме под алтарем, обнаруженный во время раскопок 1853 г.[316] Примечательно, что Уваровская базилика,

податей» (Кекавмен. Советы и рассказы. – СПб., 2003. – С. 212–213; ср.: *Алексеенко Н.А.* Должность EK PROSOPOU... – С. 8).

[311] *Антонова И.А.* Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Хсб. – 1997. – Вып. 7.; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 537–539; ср.: *Храпунов Н.И.* Преторий в средневековом Херсоне // Археологія та етнологія Східної Європи: материали и дослидження. – Одеса, 2002. – Т. 3. – С. 148–149.

[312] *Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В.* Работы объединенной археологической экспедиции «Цитадель» в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002 – 2003 рр. – К., 2004. – С. 301.

[313] Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 88–89, рис. 225, 226; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. – СПб., 1896. – С. 15–19, №8.

[314] *Латышев В.В.* Указ. соч. – С. 19.

[315] См.: Александр Пелин, протоиер. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дис. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. – Сергиев Посад, 2001 (рукопись). – С. 164, 165, 168.

[316] *Уваров А.С.* Извлечение из всеподданейшего отчета об археологических находках в 1853 году. – СПб., 1855. – С. 163, 165.

даже после того как она сократилась до размеров центрального нефа, не стала местом многочисленных захоронений. Гробницы обнаружены только в кирпичных закладах интерколумния. Очевидно, на территории главного епископального комплекса хоронили преимущественно видных клириков, церковных иерархов, особо уважаемых ктиторов, массовые захоронения здесь не производили даже в последний период истории города. Все это говорит о том, что именно базилика №23 оставалась действующим кафедральным храмом до конца своего существования. Окончательное же разрушение епископального комплекса произошло не ранее XIII в.[317] Остается неизвестным, существовал ли синтрон с архиерейским креслом в храме «цитадели», но, скорее всего, это была гарнизонная церковь, церковь претория, не рассчитанная на регулярное епископское богослужение.

Не исключено, что с комплексом претория косвенно связан известный пассаж из Константина Багрянородного относительно государственных средств, выделяемых фемному Херсону. Две литры пакта (duo tou paktou), 144 номисмы «договорных денег», денег «по условию», которые, наряду с 10 литрами казенного золота (720 номисм), получал этот кастрон от Империи через своего стратига, могли быть как платой местным имперским федератам за выполнение ими союзнического долга[318], так и, еще более вероятно, учитывая сравнительно небольшие размеры суммы, платой за аренду некоторых херсонских оборонных или военно-административных объектов на территории городской общины, того же претория в «цитадели»[319], либо отголоском давнего, уходящего корнями в начало IV в. договора — традиции набирать некоторое число наемных постоянных военнослужащих (таксатов или таксеотов регулярного отряда тагмы) среди потомственных горожан и платить им из казны содержание[320]. Но, разумеется, этого не хватало бы на содержание достаточно многочисленной муниципальной и фемной администрации Херсона, если учесть обычные размеры чиновного жалованья, какие фигурируют в византийских источниках[321].

Н. Икономидес предлагал понимать под 2 литрами пакта 1/5 часть солемния в 10 литр, который выплачивался якобы херсонской знати за ее лояльность по отношению к Империи[322]. В таком случае властям херсонитов было даровано право на получение той части дохода, возможно, от сбора коммеркия, которая должна была бы поступать в казну.

[317] *Завадская И.А.* Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 304–311; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. – С. 599–600.

[318] Ср.: *Synelli K.* Die Entwicklung der Bedeutung des Terminus «pakton» im Rachmen der Entwicklung der «internationalen» Beziehungen von Byzanz vom 4. bis zum 10. Jahrhundert // Studien zur Geschichte der Römischen Spätantike. – Athen, 1989. – S. 234–250.

[319] *Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin... – P. 322.

[320] См.: *Константин Багрянородный.* История города Херсона // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 158; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 274–275, гл. 53. 526–528; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Указ. соч. – С. 307–308.

[321] Подр. о размерах этих доходов в сравнении с доходами других ромейских граждан см.: *Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 403–407.

[322] *Oikonomides N.* Op. cit. – P.322.

Однако источник однозначно говорит об этих деньгах как о «даруемых из казны» (tas didomenas apo tou demosiou)[323]. К тому же такого рода удержания, имей они место, являлись бы своего рода частноправовой рентой, которая противоречила бы тогдашней политике «икономии» – государственного управления. Как известно, чиновники с имперскими титулами, представители администрации и армии, получали жалованье и ругу – довольствие из государственной казны, которые позволяли иметь вполне приличный стабильный доход размером в среднем от нескольких десятков до нескольких сотен или более номисм.

Таким же относительно небольшим по количеству, как администрация херсонского стратига, и вдобавок не типично фемным по характеру был состав местных военных сил. Описывая в трактате «О фемах» устройство Анатолийской фемы, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомленного чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должность стратигов и имели «...начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев (dexiolaboys)»[324]. По численности это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века н. э.[325] Согласно военной реформе 840 г., фемы не должны были иметь подразделений меньше чем друнг, насчитывавший 1000 человек. В свою очередь, друнг подразделялся на пять ванд, по 200 человек в каждом отряде (50 конников и 150 пехотинцев)[326]. При этом служащие низшего, XI ранга – стратиоты, включая декархов – командиров «десяток», получали от 1 до 12 номисм в год; X ранг – кентархи ванд, канкелларии – начальники ведомственных секретов, «местоблюстители» – топотириты хор и пр. – по 18 номисм; IX ранг – вандофоры, мандаторы схол и пр. – по 36 номисм; VIII ранг – хартуларии флота, протонотарии фем, протокаравы – «старшие рулевые» и пр. – по 72 номисмы; VII ранг – асикриты, ксенодохи, гирокомы и пр. – по 144 номисмы; VI ранг – турмархи фем, архонты крупных областей и пр. – по 216 номисм, а самый «низкооплачиваемый» из фемных стратигов имел жалованье не меньше 864 номисм[327]. К концу IX в. среди стратигов даже «аутсайдеры» в лице глав морских фем Кивирриотов, Самоса и Эгеиды имели по 720 номисм[328].

Выходит, та сравнительно небольшая ежегодная сумма казенных денег (720 номисм), которую к середине X в. получал стратиг для Херсона из Константинополя, позволяла содержать не больше 140 воинов, то есть примерно от половины до трех четвертей обычной ванды[329]. Собственно,

[323] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 274, гл. 53. 527.
[324] Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». – С. 23.
[325] Ср.: *Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994. – С. 59–78, 139–140, 148.
[326] *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 443.
[327] См.: *Oikonomides N.* Les listes... – P.46–63; *Treadgold W.R.* The Byzantine State Finance in the Eight and Ninth Centuries. – New York, 1982. – P. 98–103, tabl.II; p. 111–114, tabl. VI.
[328] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis... – P. 696–697; *Ферлуга Ј.* Прилог датирању платног списка стратега из «De caeremoniis aulae byzantinae» // ЗРВИ. – 1956. – Кн. 4. – С. 63–71.
[329] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989. – С. 274, гл. 53. 526–527. Согласно военной реформе 840 г., оплата воина составляла не менее 5 номисм в год с последующей прибавкой по номисме ежегодно, но не более 12 номисм (*Treadgold W.* A History of the Byzantine State and

городу и не нужно было, как и прежде, иметь постоянный гарнизон, превышающий 100 человек. Другое дело, что к регулярным военным силам в случае нужды могли присоединяться местные ополченцы-стратиоты, милиция, в которую, по свидетельству херсонесских «патриографов», издавна зачислялись сыновья горожан (dia to kai eos tou nun ta touton tekna kata ton goneon tes strateias sumplerosin en to arithmo katatassontai)[330]. Если исходить из численности населения города в 6–7 тыс. человек, число таких «зачисленных» в войско не превышало 1000, то есть один человек от «двора». Показательно, что такая городская милиция очень долгое время, до IX в., существовала в Византии[331].

Военноподатная повинность поневоле должна была оказаться на первом месте для многих, кто входил в число жителей новообразованной фемы[332]. Местные собственники с имуществом определенного размера, способные к несению военной службы (strateia), имевшие в составе своей семьи мужчин, вполне могли попасть в воинские списки[333]. Вместе с тем маловероятно, чтобы они владели той земельной собственностью, которая обязывала их служить в войске и быть близкими по статусу к свободным зажиточным крестьянам-стратиотам. Херсон, вероятно, относился как раз к числу тех «не классических» фем, где военная организация базировалась не на стратиотском землевладении, а на системе земельной воинской собственности или аренды, которая не налагала на их хозяев или съемщиков безусловной обязанности несения военной службы[334]. Подобные примеры являли Равеннский экзархат с его exercitus из привилегированной группы средних и крупных собственников, постоянно проживавших в городах, или армия Карфагенского экзархата, состоявшая из регулярных частей, дислоцировавшихся в крепостях в качестве гарнизонов, и из отрядов имперских союзников-федератов[335]. Стратиотского ополчения не было в фемах Сицилии и Лонгивардии[336]. Подобные случаи обнаруживают некоторое внутреннее геополитическое, юридическое, военное и социокультурное сходство с ситуацией в окраинном административно-территориальном образовании, вызревшем в Юго-Западном Крыму к концу 30-х гг. IX в.

Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 443). Это совпадает с данными Ибн-Хордадбеха о том, что ромейским солдатам предписывалось выдавать по 12–18 золотых в год (*Ibn Khordadhbeh* (Ibn Khardadhbih). Le livre des routes et des royaumes / Ed., trad. M.J. de Goeje. – Leiden, 1889. – P. 85; *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран/ Пер. Н. Велихановой. – Баку, 1986. – Гл. 56 а, С. 102). Таким образом, на содержание одного воина приходилось в среднем около 9 номисм в год.

[330] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – С. 254, гл. 53. 156–158.

[331] *Сюзюмов М.Я.* Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002. – С. 127.

[332] Ср.: *Успенский Ф.И.* История Византии. – М., 1998. – С. 591.

[333] В середине X в. таковыми являлись обладавшие имуществом не менее чем на 4 литра, то есть на 288 солидов, если они служили в сухопутных военных силах, и 2 литра (144 номисмы) если это были моряки (*Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С. 248; *Oikonomides N.* Fiscalite et exemption fiscale... – P.118).

[334] Ср.: *Haldon J.* Military Service, Military Lands and the Status of Soldiers: Current Problems and Interpretations // DOP. – 1993. – №47. – P. 1–67.

[335] См.: *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI–VIII вв.: Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. – М., 1997.

[336] *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 96.

Следы существования местного фемного воинского формирования, возможно, прослеживаются в рассказе Генесия о некоем «отряде скифов из Таврики» (tous ek Taurikes kath'etaireian Skythas) и его решительных единодушных действиях в 856 г. в пользу Михаила III, отдавшего приказ ликвидировать фаворита матери, Феоктиста, дабы взять власть в свои руки[337]. В столице в X в. был корпус пехотинцев во главе с этериархом (o etaireiarches ton pezon), внесенным в Эскуриальский тактикон 971–975 гг.[338] Однако указание на «скифский» состав отряда позволяет выдвинуть иное объяснение. Х.Ф. Байер предположил в этих воинах крымских готов, которых издавна называли скифами[339]. С не меньшим основанием можно считать, что они были потомками имперских федератов, «энспондов» — грекоязычных алано-готов из числа стратиотов фемы Климата, которые были взяты на службу в Константинополь. Выходит, у молодого василевса были особенно веские основания благодарить своих крымских подданных, что нашло отражение в фиксируемом исследователями усилении деятельности херсонского монетного двора, выпуске нескольких типов медных литых монет именно при этом императоре[340].

Ничто не указывает на то, что Херсон содержал свой, фемный военный флот: письменные источники говорят лишь о гребных транспортных судах (kamatera karabia), а также грузо-пассажирских парусных судах (strongila ploia или Chersonitika karabia)[341]. Последние, «все, что могут быть найдены» (osa eurethosin), вместе с навтами, эпиватами и ввезенным грузом (meta tou gomou autom eiskomizesthai), следовало в случае необходимости арестовать в столице и на южночерноморском побережье, в портах Пафлагонии, Вукеллария, Армениака[342]. Но удобная гавань Карантинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для «царских кораблей», на что указывают находки печати топотирита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще одного императорского протоспафария и друнгария флота[343]. Косвенно на это же может намекать около десятка рисунков парусно-гребных кораблей, процарапанных на внутренних, оштукатуренных цемянкой стенках вместительной, крытой сводом раннесредневековой водосборной цистерны на агоре, которая исследовалась С. Г. Рыжовым и А.Б. Бернацки в 2002 г. Особено интересно одно из изображений судна с заостренным носом и тремя штандартами, два из которых в «шашечку», а последний, треххвостый, с прямым крестом. Подобные корабли соотносимы с ромейскими дромонами или хеландиями — крупными парусно-гребными судами военного и транспортного характера, самыми распространенными в византийском флоте. Они имели

[337] Iosephi Genesii regum libri quattuor / Rec. A. Lesmueller-Werner et I. Thurn. – Berlin, 1978. – IV. 10.
[338] *Oikonomides N.* Les listes... – P. 271.
[339] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 107–108.
[340] Подр. см.: *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 113–115.
[341] Theophanes Continuatus / Rec. I. Bekker. – Bonnae, 1838. – P. 123. 6; *Константин Багрянородный.* Об управлении... – С. 170, 172, гл. 42. 32–38; *Цукерман К.* К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 315.
[342] *Константин Багрянородный.* Об управлении... – С. 170, гл. 42. 33–34; С. 274, гл. 53. 514–520.
[343] *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde... – S. 147–148.

вместимость приблизительно 80 тонн, экипаж из пары сотен гребцов и около 80 воинов-стратиотов[344]. К такому классу кораблей принадлежали, например, «хеландии царского флота» (chelandion basilikon ploimon) и хеландии катепана Пафлагонии, около 840 г. посланные по распоряжению василевса Феофила в Херсон[345]. Сюда же могли заходить аналогичные суда фемного флота Сицилии, судя по находкам: сицилийским монетам первой половины IX в. и печати патрикия и царского протоспафария Епифания, стратига Сицилии в середине IX в.[346]

Кстати, обилие печатей стратигов (число опубликованных образцов доходит до 75) указывает на то, что, в отличие от прежних херсонских архонтов – правителей города, они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4–6 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах Империи, например Сицилии, в VIII–IX вв. Видимо, объяснять этот феномен частой сменяемости только тяжелой военной обстановкой, частой гибелью стратигов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправданно[347]. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее в этом можно видеть стремление правившего центра «перетасовывать чиновную колоду» из фемных глав, обладавших особенно широкой гражданской и военной властью на вверяемой им территории, дабы избежать эффекта привыкания, врастания в местную среду знати и, как следствие, роста провинциального сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует «крайне низкий» ранг званий, а значит, и статуса стратигов Херсона этого времени (протоспафарий Петрона Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Карп (?), императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарокандидат Иоанн, императорский спафарокандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Феофаний – титулы чиновников соответственно 11, 7, 8 и 9 рангов), тогда как с рубежа IX–X вв. преобладали моливдовулы стратигов преимущественно с саном спафарокандидатов или протоспафариев (9 и 11 ранги, второй и первый класс чинов)[348]. На таком уровне, как правило, находились протонотарии, турмархи, начальники

[344] *Сорочан С.Б.* К вопросу об уменьшении вместимости византийских грузовых кораблей в «темные века» // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 76, 79.

[345] Theophanes Continuatus / Rec/ I. Bekker. – Bonnae, 1838. – P. 122–123; *Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 42. 30–33, С. 170–171. Хеландии-памфилы брали на борт по 150 человек, хеландииусии – на 40 человек меньше (*Сорочан С.Б.* К вопросу об уменьшении вместимости... – С. 79).

[346] См.: *Соколова И.А.* Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. – 1991. – Т.52. – С. 211, №46.

[347] *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–X вв. // МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 701; ср.: *Степанова Е.В.* Печати Сицилии VIII–XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. – Екатеринбург, 1998. – С. 291.

[348] *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов... – С. 91–94; *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde... – S. 140–144; *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона... – С. 702–733, №1–34; *Степанова Е.В.* Херсон и судея по данным сфрагистических архивов. – С. 25–26; *Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 103; ср. *Bury J.B.* Op. cit. – P. 25–27.

штаба (komites tes kortes), архонты, то есть чиновники средней руки. Однако в IX столетии и другие, более крупные и важные фемы возглавляли стратиги с подобными «низкими» званиями[349]. В этом плане показательны приводимые Н. и В. Зайбт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же сане важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи — Анатолика[350]. Моливдовулы стратигов VIII–X вв. убедительно демонстрируют самые разные чины этих чиновников, имевших звания не обязательно патрикиев, но и протоспафариев, спафарокандидатов, спафариев, кандидатов, даже если они принадлежали стратигам крупных, важных фем (Анатолик, Армениак, Вукелларии, Македония, Эллада, Сицилия). Мало того, сан стратига не зависел ни от ранга фемы, ни от давности ее создания. К концу же IX в. особенно распространенным стало как раз звание не патрикия, а протоспафария, тогда как для второй половины VIII — первой половины IX в. таковым являлось звание спафария[351]. Так что «сановный индикатор» оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф.И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них зависел не только от старшинства чинов, то есть того, что ромеи обозначали термином taxis или lamprois axiomasi — «постановление», «порядок», «степень», «титул», «ранг», «сан», но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими санами[352].

Есть определенная условность тактиконов в самом показном именовании фемных стратигов только патрикиями. Видимо, это был лишь формально достижимый сан. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеем в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфипатом патрикия, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона ранее последней трети X в. именно с таким высоким званием[353]. Очевидно, поэтому И.А. Баранов полагал, что протоспафарий Петрона Каматир не мог быть по своему положению и дворцовому чину стратигом фемы[354]. Но, согласно Тактикону второй четверти IX в., подтвержденному данными сигиллографии этого времени, в стратигиды могли назначаться стратиги и в «генеральском» сане протоспафариев, занимавшие

[349] Ср.: *Соколова И.В.* Чин стратигов византийских фем в VIII – первой половине X вв. по данным сфрагистики // Българско средновековие: Българско-советски сборник в чест на 70-годишнината на проф. И. Дуйчев. – София, 1980. – С. 137–139.
[350] *Зайбт Н., Зайбт В.* Указ. соч. – С. 92, 95.
[351] См.: *Соколова И.В.* Чин стратигов... – С. 137–138.
[352] *Успенский Ф.И.* Византийская табель... – С. 131.
[353] *Bury J.B.* The Imperial Administrative System... – P. 146–148; *Успенский Ф.И.* Византийская табель... – С. 114; ср. *Алексеенко Н.А.* Стратиги Херсона ... – С. 739, прилож. 1, №60–61; *Алексеенко Н.А.* Херсонская родовая знать X–XI вв. ... – С. 257–261, №2–4.
[354] *Баранов И.А.* Административное устройство... – С. 141.

в этом случае 27 место среди 79 высших чинов[355]. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителям других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее второй трети IX в., среди прочих моливдовулов имперских должностных лиц: аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиариев.

Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратигии та «мощная полисная организация» с имперскими титулованными архонтами — «представителями самоуправления» (sic!), которая якобы наличествовала в городе в 30–60-х гг. IX в. и верность которой позже имперские власти покупали ежегодной выплатой 10 литр казенных денег[356]. Если это были представители местного городского самоуправления, тогда почему в Константинополе после создания фемы якобы решили упразднить должность кира Херсона[357], но не упразднили должность pater tes poleos, как следует из моливдовула первой половины X в., принадлежавшего Сергию?[358] Ведь никакого «двоевластия» военной и гражданской администрации здесь не могло быть, так как это нарушало единоначалие — основной, краеугольный принцип фемной организации.

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о государственном статусе раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческой буквой П на аверсе и реверсе, П на аверсе и Х на реверсе, ПХ на реверсе и МВ на аверсе, буквой В на аверсе и П или ПХ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель «крепкой традиции самоуправления», «духа свободолюбия» той муниципальной организации Херсона, а именно «полисной администрации», что была способна отстоять «полисные свободы» и даже «противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу»[359]. Однако не может не настораживать, что уже после создания фемы в Крыму во второй половине 30-х гг. IX в. на реверсе херсонских литых монет (DN/TH), выпуск которых был начат, вероятно, по приказу василевса Феофила, появилась надпись П/⟍ (polis chersonos); при Михаиле III (842–866) среди монет не менее двух видов (с буквой М и с буквой П на аверсе) встречались такие, которые имели на обороте крест разной формы или букву Х либо ПХ, а при Василии I (867–886) — монеты с буквой В и крестом на аверсе и буквой П с крестами или только с крестом на реверсе[360]. Значит, в правление Михаила III и Василия I монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без «древнего символа полисного самоуправления». На это же указывают монеты с аббревиа-

[355] *Успенский Ф.И.* Указ. соч. – С. 118.

[356] *Науменко В.Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 25, 26; *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen Funde ... – S. 140; *Oikonomides N.* Le «systeme» administratif byzantin en Crimee... – P. 322.

[357] Ср.: *Айбабин А.И.* Этническая история... – С. 216.

[358] Не схожесть ли функций одного и другого чиновника объясняет такой кажущийся феномен?

[359] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса... – С. 125–126; *Соколова И.В.* Монеты и печати... – С. 34–36, 112, табл. VI–VIII; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 124; ср. *Salamon M.* Mennictwo bizantynskie. – Krakow, 1987. – S. 213–214, rys. 161–164.

[360] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – С. 113–116.

турой К/\ или К/\М, с характерной буквой В, похожей на «замочную скважину», и крестом на ступенях и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (КВW) и крестом[361]. Без «полисного девиза» отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886–912) и его брата Александра (/\Е или /\А на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление беспутного Александра (912––913) на реверсе херсонских монет в очередной раз появились буквы ПХ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод[362]. Впрочем, это не помешало И.В. Соколовой, противореча себе, заключить: «Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869–879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов». О курьезе «поразительного совпадения» я уже говорил (оно относится ко всей Империи), а надпись «poleos Chersonou» встречается даже на печати стратига Херсона приблизительно последней трети X в.[363]

Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то «своеобразных компромиссов» официального Константинополя с сугубо местными, независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582–602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И.В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII — первой четверти VIII века[364]. Но их нет, за исключением надписи «Херсон» на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518–527), тогда как монограмма «Полеос Херсонос» появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527–565); легенда ХЕРСОNОС присутствует на медных фоллисах Маврикия (592–602); буквой Х был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610–641) (если только это был херсонский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонские фоллисы Ираклия и его сына-соправителя Ираклия Константина (610–641), литые полуфоллисы VII–VIII вв. с буквами В на аверсе и D

[361] *Гилевич А.М.* Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. – 1992. – Т. 52. – С. 217, №2; *Соколова И.В.* Указ. соч. – С. 79, табл. VII; *Salamon M.* Op. cit. – S. 213–214, rys. 165.

[362] *Соколова И.В.* Указ. соч. – С. 38–39, 43, 116, табл.VIII; *Salamon M.* Op. cit. – S. 214. В.А. Анохин полагает, что приписываемые Александру монеты след. типа: буква А на аверсе и крест на реверсе и буква А на аверсе и буквы ПХ на реверсе датируются временем Михаила III, поскольку относятся к единому типологическому ряду монет, выпускавшихся в Херсоне с конца правления Феофила до конца единоличного правления Василия I. В букве А ему видится указание на некоего безымянного архонта, а букву П он трактует не как сокращение греческого слова «Полис», а опять-таки как указание на некоего протевона, от имени которо якобы велся выпуск монет в фемном Херсоне, поскольку суверенитет города «вначале не был затронут» (*Анохин В.А.* Указ. соч. – С. 115, 117, 125–126). Однако следует согласиться с Н.Н. Грандмезоном, что такое толкование представляется совершенно невероятным: архонтам и протевонам никогда не давалось право выпускать монету от своего имени (*Грандмезон Н.Н.* Заметки о херсоно-византийских монетах // ВВ. – 1986. – Т. 47. – С. 211). Кроме названных, к этому же ряду могут быть отнесены местные монеты с буквами р–о (Роман) и х–р (Херсон), правда выпущенные, вероятно, в 921 г. от имени Константина VII, Елены, Романа и Христофора (*Анохин В.А.* Указ. соч. – С. 119).

[363] *Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов ... – С. 94; ср.: *Соколова И.В.* Монеты и печати...– С. 117.

[364] *Соколова И.В.* Указ. соч. – С. 30–33.

на реверсе[365]. Примечательно, что даже инициалы василевса были убраны с солида, выпущенного в Херсоне, вероятно, в правление Льва VI или Константина VII, дабы не нарушать запрет на сохранявшееся только за столицей право чеканки золотых монет. Вместо букв П или ПХ на реверсе солида был обозначен крест на трех ступеньках, как обычно на херсоно-византийских монетах[366].

Похоже, что такого рода «девизы» то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чаще сокращенных, приходится на VI–VII вв.[367], изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (CIK, KT, R, RM, ROM)[368]. На прочих монетах в VIII–X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и Х на херсонских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а, напротив, крепли как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П, разумеется, как начальный знак слова P(OLIS), а не обозначение мифического протевона, в тех случаях, когда она ставилась на херсонских монетах IX в. обособленно, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город Империи часто называли в Византии просто Полисом[369]. Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоятельной части своей «Хронографии», подразумевая Константинополь[370]. Так же поступал Константин Багрянородный[371]. Местные оффицины, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К

[365] *Salamon M.* Mennictwo bizantynskie. – S. 118–120, 150, 164, 174-175, rys. 64–67, 108, 109, 120. Видимо, не следует абсолютизировать некую особенность, почти уникальность монетного дела Херсона, которая якобы позволяет говорить о его «полунезависимости или лишь о полузависимости от империи» (*Dagron G.* Crimee ambigue ... – P. 292). Имеющиеся особенности проглядывают преимущественно в IV–VI вв., в период «перестройки» монетного дела. Ко времени конца правления Маврикия его уже пытались нивелировать под общеимперские нормы, стремясь уравнять вес самой ходовой херсонесской монеты – фоллиса с константинопольским (*Grierson Ph.* Catalog of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. – Washington, 1968. – Vol.2. – P.38, 381; *Соколова И.В.* Монеты и печати... – С. 24, 27), а при Ираклии город участвовал в общеимперской монетной реформе (*Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – К., 1977. – С. 104–109; *Алексеенко Н.А.* Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докл. – М., 1995. – С. 25–26).

[366] *Грандмезон Н.Н.* Заметки о херсоно-византийских монетах. – С. 209–210, №3.

[367] *Salamon M.* Op. cit. – S.80–172.

[368] Ibid. – S.169, 170, 189, 192.

[369] *Salamon M.* Op. cit. – S.108, 110.

[370] *Чичуров И.С.* Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1981 год. – М., 1983. – С. 56 и след.

[371] *Константин Багрянородный.* Об управлении... – С. 274, гл. 53. 514.

тому же само понятие «полис» совсем не обязательно имело в VIII–IX столетиях значение некоего древнего элевтериального символа. Так, в актах Вселенских церковных соборов названия епископских центров с обязательной припиской «полеос» (tes Koloneaton poleos, tes Nikopoliton philochristoy poleos и пр.), разумеется, вовсе не означали, что все эти многочисленные «города» и их администрации пользовались неограниченными муниципальными свободами[372]. Они были давно лишены муниципальной организации в ее античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не нуждались в нем, так как уже с VI–VII вв. (после упадка городских курий) функции городских советов заменила местная служилая администрация, подконтрольная центральным органам власти. Таким образом, этот признак городской жизни — городское управление — был в Херсоне, как и в Византии, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Ну а случаи бунтарского своеволия, антиимператорских выступлений? За сотни лет херсонесской истории их зафиксировано только два: трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителями Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, случившееся в 893 или, скорее, в 896 г. Первое из них вполне вписывается в картину тех государственных переворотов, которые потрясали Византию в 695–717 гг. и в которых мятежники-херсониты были не одиноки[373]. Противопоставлять херсонитов ромеям, как это делает А.Г. Герцен со ссылкой на сообщение Феофана о карательной экспедиции Юстиниана II против опального Херсона, едва ли верно, особенно в связи с некими надуманными сомнениями византийцев относительно принадлежности херсонитов к их миру[374]. Мятежных фессалоникийцев, равеннцев, элладиков или амастрийцев византийские раннесредневековые источники тоже не называли ромеями, а подчас сообщали о военных действиях, предпринятых центральной властью против неблагонадежных (см. ниже), но это не дает оснований вычленять их из состава ромейского мира и говорит о «весьма критическом» отношении к ним этого мира.

Второе, исключительно редкое событие упомянуто без указания года Продолжателем Феофана и другими византийскими хронистами наряду с печально памятной битвой с болгарами у Булгарофигона в Восточной Фракии и взятием арабами города Корона в Каппадокии[375]. Примеча-

[372] Ср.: *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. – Leipzig, 1899. – S. 70.
[373] Ср.: *Herrin J.* The context of Iconoclast Reform // Iconoclasm. – Birmingham, 1975. – P. 15.
[374] *Герцен А.Г.* Эпоха средневековья // Греки в истории Крыма. – Симферополь, 2000. – С. 18.
[375] Theophanes Continuatus. – P. 360. 14–18; Продолжатель Феофана. – С. 150 (VI. 10); ср.: Georgius Monachus continuatus (Georgii monachi Vitae imperatorum recentiorum) // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / E rec. Im. Bekkeri. – Bonnae, 1838. – P. 855. 17; Leonis Grammatici chronographia ex rec. Im. Bekkeri. – Bonnae, 1842. – P. 269; *Иоанн Камениата.* Взятие Фессалоники / Предисл. Р.А. Наследовой; пер. С. В. Поляковой, И.В. Феленковской, коммент. Р.А. Наследовой // Две византийские хроники X века. – М., 1959. – С. 221–222, коммент. 10; *Цанкова-Петкова Г.* Първата война между България и Византия при цар Симеон възстановяването на българската търговия с Цариград // Известия на Института за история. – 1968. – Т. 20. – С. 188; *Златарски В.Н.* История на Българската държава през средните векове: В 3 т. – София, 1972. –

тельно, что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Не понятно, на какую последовавшую вслед за этим реорганизацию намекает А. Пертузи, указывая на неоконченный Константином Багрянородным раздел о феме Херсон в трактате «О фемах»[376]. Может быть, мотив происшедшего был в какой-то степени «справедлив»? Во всяком случае, Симеон, сын Ионы, судя по имени, вполне мог быть и человеком из Херсона, которого поэтому не было необходимости навязывать «местной хазарской знати» (sic!)[377], а сам момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда «все фемы и тагмы переправились с Востока»[378]. Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному убийству стратига Сицилии. Им был царский протоспафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем Юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добыть деньги для выплаты дани арабам[379]. То есть в основе конфликта лежали финансовые, налоговые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство и размежевание между богатыми, средними и бедными горожанами. Однако эта борьба, как и в большинстве других, аналогичных случаев, была не более чем эмоционально-психологической реакцией на ситуацию, не поднимающейся до уровня потрясения основ общества[380]. Привычка же к самоуправлению населения Херсона, на которую указывали при анализе этого случая Ю.А. Кулаковский и некоторые другие исследователи, тут была ни при чем[381].

Выводы о сепаратистских тенденциях херсонитов, «извечном стремлении херсонских городских властей к самоопределению и независимости», основываются главным образом на предписаниях практического характера, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата «Об управлении империей» советовал применять в отношении кастрона херсонитов — «столицы» фемы в случае ее неповиновения центральной

Т. 1. – С. 30; *Ангелов Д.* История на Византия 867–1204. – София, 1974. – Ч. 2. – С. 62; *Kazdan A.A.* Boulgarophygon // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. – Vol. 1. – P. 317. Надо особо подчеркнуть, что это событие, по мнению В.Н. Златарского, изучавшего известие арабского историка Табари, произошло, вероятнее всего, в 896 г., совпав с завершением так называемой экономической войны царя Симеона с ромеями, а не в 891, 892 или 893 г., как нередко без объяснений указывают исследователи (ср.: *Сазанов А.В., Ченцова В.Г.* [Рец.] // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 446 (Причерноморье в средние века / Под. ред. С. П. Карпова. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 256 С.); *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – С. 58; Крым в X – первой половине XIII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С. А. Плетнева. – М., 2003. – С. 82).

[376] Constantino Porfirogenito. De thematibus / Introd., testo critico, comment. a cura di A. Pertusi. – Citta del Vaticano, 1952. – P. 183.

[377] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 353 (к С. 104).

[378] А.А. Бобринский, как и многие другие, неверно датировавший эти события 891 или 892 г., сочинил по этому поводу, что херсониты якобы послали Льву VI во время его войны с болгарами на помощь войска под начальством этого Симеона, но последний дурно управлял своим войском и война закончилась поражением его: «тогда херсонцы умертвили Симеона» *(Бобринский А.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 116).

[379] *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. – Berlin; Amsterdam, 1967. – Vol. 2. – P. 191.

[380] Ср.: *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация. – С. 35.

[381] *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. – К., 1906. – С. 74.

власти[382]. Однако даже в этом сюжете не содержится намека на то, что здешний глава фемы может встать во главе сопротивления: ему предписывалось уйти из Херсона «в другой кастрон» (en etero kastro), очевидно в Сугдею или крепость из числа соседних укрепленных городищ Юго-Западной Таврики, архонты которых оставались верны правящему василевсу, и отменить казенные выплаты, полагавшиеся херсонитам. Видеть же в нем стратига «только по названию», «безоружного представителя права, скорее юриста, чем правительственное лицо», будет большой натяжкой в свете всего того, что нам известно об активной, разносторонней деятельности херсонских стратигов из летописных, агиографических, эпистолярных, эпиграфических источников X–XI вв., как и считать, что предлагаемые меры имели характер дипломатического разрыва: ни одному василевсу не пришло бы в голову идти на это в отношении своих подданных, которые, как уже отмечалось, опасались царского гнева (ton ek tes basileias kindunon)[383].

Такого рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом ромейском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Провинциальные центры, чтя ромейские законы, указы императоров, не всегда были покорны византийской власти, которой порой не удавалась добиться от горожан послушания. К примеру, во время похода стратига Петра на славян в 596 г. епископ и жители Асима (Asemon, Asema), расположенного на территории Нижней Мезии, не подчинились его требованиям включить гарнизон города, в свое время дарованный асимцам Юстином II, в ромейский экспедиционный корпус, и после безрезультатных попыток добиться этого стратиг покинул город, «...провожаемый всяческими издевательствами со стороны горожан», не забывавших в то же время в своих восхвалениях прославлять правившего императора Маврикия, чьим военачальником был оскорбленный Петр[384].

Свидетельства «Чудес св. Димитрия» показывают, что накануне осады Фессалоники славянами в 676–677 гг. среди высшего социального слоя горожан, ее «опытных людей» (empeiron andron), имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Константинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена[385]. В целом, ситуация очень напоминала ту, что сложи-

[382] *Константин Багрянородный.* Об управлении... – Гл. 53. 512–529, С. 274; *Romancuk A.I.* Cherson im Mittelalter // BS. – 1992. – T. 53. – F. 2. – S. 204.

[383] *Rambaud A.* L'Empire grecs au Xe siecle: Constantin Porphyrogenete. – Paris, 1870. – P. 491; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса... – С. 77–78; *Талис Д.Л.* Политические отношения Корсуня с Русью // Архив НЗХТ. – Д. №612. – Л. 4–6; ср.: *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. – С. 87–94, 101–102.

[384] *Феофилакт Симокатта.* История. – М., 1996. – С. 182–183 (VII. 1–10); ср.: *Франчес Э.* Левобережье Дуная и Византия в VI в. // ВВ. – 1961. – Т. 20. – С. 18; *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (середина VII – середина IX в.) // ВВ. – 1967. – Т. 27. – С. 34.

[385] Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2: (VII–

лась вокруг Херсона осенью 711 г., только вместо хазар здесь присутствовали славяне. Вообще, в периоды, когда центральное правительство слабело, а связь со столицей затруднялась, фессалоникийцы неоднократно пытались действовать как независимый город-государство и дистанцироваться от столичного правительства, а их совет светских магнатов и церковных иерархов занимался городскими делами вплоть до перехода Фессалоники в руки турецкого султана, что не мешало современникам воспринимать ее как второй город Византийской империи[386].

Как известно, карательные действия Юстиниана II, а именно посылка им весной 710 г. военного флота к Равенне, тоже вызвали здесь стихийное возмущение равеннских горожан, впервые избравших своего военно-административного руководителя-dux'a. О.Р. Бородин видит в этом «широкое антиимперское народное движение», однако признает, что оно завершилось миром после гибели Юстиниана в силу предложенных государственной властью компромиссов[387].

В этом плане северомалоазийская военно-административная область Опсикий, пределы которой отделяло от столицы Мраморное море, был не менее мятежен с конца VII до конца VIII столетия, а соседние города Вифинии: Никея, Никомидия, Пренет — также не всегда были лояльны к правившим василевсам[388].

В марте 799 г. «элладики» (ton Elladikon), то есть, очевидно, фемная провинциальная знать, воины фемного войска, пытались организовать заговор с целью возведения на трон сосланных в 790 г. в Афины или Коринф сыновей Константина V, дядей юного Константина VI, но василисса Ирина расстроила эти планы, а все виновные были ослеплены[389]. На Пасху она, по словам Феофана, ехала в повозке, в которую, наряду с четверкой белых коней, были впряжены четыре патрикия, по-видимому участники заговора. Можно не сомневаться: не повези херсонеситам, Юстиниан II придумал бы для их «опытных людей», «первенствующих» наказание покруче.

Чем «самоуправляемый» Херсон отличался по сути от ромейского Асима, Фессалоники, Афин или, скажем, от Селевкии — крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на крайних пределах Империи, только не северных, а еще более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII — начале VIII в., еще до того, как Селевкия — метрополия Исаврии — была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирриоты,

IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. – М., 1995. – С. 144–151, §231–242; *Иванова О.В.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия» // Славянские древности. – К., 1980. – С. 91.

[386] *Браунинг Р.* Византийская Фессалоника: уникальный город? – С. 30–31.

[387] *Бородин О.Р.* Византийская Италия в VI – VIII вв.: Проблемы административной и социально-политической эволюции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Институт всеобщей истории РАН. – М., 1997. – С. 37.

[388] *Lounghis T.C.* A Deo consevrandum imperiale obsequium. Some notes concerning byzantine field troops during the Dark Ages // BS. – 1991. – T. 52. – P. 54–60.

[389] Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. – Lipsiae,1883. – Vol. 1:Textum graecum continens. – P.473. 32–474. 11; *Korres Th.* To kinema ton «Elladikon» // Byzantiaka. – Thessalonike, 1981. – T. 1. – S. 39–49.

она сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, а ее управление находилось в руках местных чиновников на византийской службе, о чем свидетельствуют, как и в Херсоне, найденные моливдовулы[390].

Оппозиционные настроения периодически возникали и в южнопонтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патрикии Феофобе, знатном персе, командире так называемого персидского отряда, талантливом военном сподвижнике василевса Феофила, ставшем его родственником, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвиненный в страшном преступлении — оскорблении величества, он «...пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами» нашел убежище в Амастриде, принявшей «открытого врага царя». В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония[391], оказался втянут в войну с императором и был осажден флотом, которым командовал друнгарий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841/842 г. решил сдаться императору и, «держа в своем сердце страх Божий, сказал, что негоже христианину радоваться пролитию крови благоверных людей», имея в виду амастрийцев и ромейских воинов[392]. Случай почти классический! Однако никому из историков не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд «оплота вольнолюбия», а ее правителей назвать «местной народной властью».

Обвинения в «сепаратизме» тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надежной «тюрьмы» для разных политических преступников, бунтовщиков, смутьянов, которых не стали бы ссылать в неблагонадежный, «полузависимый» от Империи центр, населенный людьми, на верность которых нельзя было положиться. Логично, что «от жителей города, который служил центральной власти как место ссылки, преследования и заключения, никто не мог ждать ярких отклонений от официальной линии»[393]. Начиная с IV столетия перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попадавших после полагавшегося по закону бичевания в город или его округу, соседние «крепости-городки» (кастра, полисмы)[394]. Разумеется, выбирая место изгнания, власти учитывали не

[390] *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. – Vol. 1. – Pts 2–3. – №727, 1074–1076, 1157, 1335–1337, 1419, 1433, 1684, 1773; *Zacos G.* Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W.Nesbitt. – Berne,1984. – Vol. 2. – N 144, 336, 338, 344; *Foss C.* The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The Englisch Historical Review. – 1975. – Vol. 90. – P. 729–730; *Edwards R.W.* The Fortifications of Armenian Cilicia. – Washington, 1987.

[391] Возможно, создание здесь фемы тоже было связано со стремлением «законно» (kyrios), как в Херсоне и «его местах» (en aute topous), укрепить позиции центральной власти (ср.: *Константин Багрянородный.* Об управлении... – С. 172, гл. 42. 41–42).

[392] *Theophanes Continuatus.* – P. 135–136; Продолжатель Феофана. – С. 61 (III. 38).

[393] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 345.

[394] *Ростовцев М.И.* Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. – 1907. – Вып. 23. – С. 14; *Romancuk A.I.* Cherson im Mittelalter. – S.210; ср.: Сидоркин А.И. Лишение и ограничение свободы как наказания в византийском праве // Forum Romanum: Доклады III междунар. конф. «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права». Ярославль–Москва, 25–30 июня 2003 г. – М., 2003. – С. 141.

только его заброшенность, но и степень благонадежности. К примеру, Фессалоника никак не подходит под разряд небольших, «окраинных городов, удаленных от ведущих культурных центров»[395]. Однако она тоже принимала ссыльных, как и Никея Вифинская, где, к примеру, в правление Константина V провел в изгнании остаток жизни царский нотарий Феодор, отец Никифора, будущего патриарха Константинопольского[396].

«Нельзя думать, — справедливо отмечал А.Л. Бертье-Делагард, — что подобные ссылки делались в город, пользующийся чуть ли не безусловной свободой и не имеющий правителя, поставленного тою властью, которая ссылала; это была бы не ссылка, а предоставление свободы, тогда как ссылка в Херсонес считалась весьма тяжелым наказанием вообще и, во всяком случае, достаточно прочным заключением для лишенных престола или претендентов на него»[397]. Возможно, здесь следует ко всему прочему учитывать и консервативную особенность культуры херсонитов — потомков суровых дорийцев, всегда плохо воспринимавших вольное или невольное вторжение в их среду чужаков, иноземцев и поддерживавших во всем сограждан, преданных отчим традициям и обычаям. Отправляя к ним изгнанника, власти заранее были уверены, что его неизменно встретит настороженное отношение.

Пытавшиеся найти здесь убежище враги константинопольского правительства очень скоро начинали понимать, что попали не туда, куда рассчитывали, что союзников, сочувствующих у них не будет и даже просто отсидеться в городе, перевести дух не удастся. Так, поднявший в 364/365 г. антихристианское по своей сути восстание Прокопий, родственник покойного императора Юлиана, после поражения, разумеется, не случайно бежал вместе с семьей именно в Херсонес, рассчитывая, видимо, получить поддержку в этом остающемся еще в целом языческим городе[398]. Но почти сразу незадачливый узурпатор понял, что обманулся в своих ожиданиях, «что жители его не заслуживают никакого доверия», то есть не думают изменять правившим императорам Валентиниану и Валенту. Поскольку Аммиан Марцеллин отметил, что Прокопий «терпел от голода в диких местах и был лишен человеческого общества», можно предположить, что беглецу пришлось скрыться из города, где ему, по словам Зосима, грозило «быть выданным лицам, прибывшим искать его». Показательно, что через два с половиной столетия точно так же настороженно по отношению к опасному изгнаннику Юстиниану Ринотмету будут вести себя далекие потомки этих херсонеситов. В ито-

[395] Ср.: *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX в. – Свердловск, 1976. – С. 8.

[396] Житие святого отца нашего Никифора, архиепископа Константина града и нового Рима, списанное Игнатием, диаконом и скевофилаксом святейшей Великой церкви св. Софии // Творения св. Отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001. – С. 6–7, гл. 5.

[397] *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времен Императора Зенона... – С. 78.

[398] См.: *Ammianus Marcellinus*/ With engl. transl. by J. Rofle. – Cambridge; Harward, 1950. – Vol. 2. – P. 598 (XXVI. 10. 8–10); *Zosime.* Histoire nouvelle / Texte etabili et traduit par F. Paschoud. – Paris, 1979. – T. 2. – Pt. 2. – P. 266 (IV. 5. 2); *Зосим.* Новая история // Scythica et Caucasica: Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с руС. пер. В. Латышев. – СПб., 1893. – Ч. 1. – С. 798; *Курбатов Г.Л.* К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. – М., 1961. – С. 72.

ге Прокопий поспешил покинуть берега Таврики на попутном корабле, прихватив домочадцев[399]. Более того, он направился прямиком в Константинополь. Очевидно, даже столица Империи, при всей ее опасности для мятежника, казалась ему сулящей больше перспектив и надежд, чем неудачно выбранный злополучный приют.

Уже на следующий год в Херсонес угодил в ссылку Фронимий, проходивший по делу о заговоре Прокопия[400]. Имперские власти могли быть спокойны — город достойно выдержал проверку на благонадежность.

Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элуру, известному поборнику преследуемого правительством монофиситства, удавалось вызвать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку в 460 г., устраивать в Ганграх «запрещенные сходки и беспорядки», отчего Лев I перевел его в 464 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый патриарх, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: в течение последующих 11 лет он рассылал отсюда письма своим сторонникам в Нижнюю Мезию, в Томи, города Сирии, Египта, отправлял сочинения, направленные против постановлений Халкедонского собора, получал ответы и денежную помощь, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди некоторой части херсонеситов своим религиозным взглядам, но такой горячей «антиправительственной» поддержки, как от гангрцев, похоже, не имел[401]. Местные церковные иерархи занимали проконстантинопольскую позицию, участвовали в соборах, утверждавших православие и осуждавших ереси, в том числе монофиситство, и вообще отличались благонадежностью. Недовольные церковной и политической зависимостью от Константинополя, подпавшие под влияние Тимофея Элура, из числа тех, что «стали следовать его вере», не могли быть многочисленными на тот момент, до либерализации отношения к монофиситам при Зиноне и Анастасии I, да и объективность этого свидетельства Захария Митиленского (Ритора) вызывает сомнения ввиду ярко выраженной монофиситской ориентации сирийского автора, для которого не исповедующие этого учения причислялись к «варварским и нецивилизованным людям»[402].

В небольшом мартирии, написанном, вероятно, Феодором Спудом в конце 668 или в начале 669 г., и в «Краткой истории о сделанном против блаженного Мартина...», компиляции конца VII в., выполненной в виде схолии к нескольким кратким мартириям наиболее прославленных,

[399] Предположение о том, что на тот момент в городе не было имперских войск, ничего не меняет: источники подчеркивают, что беглец был вынужден покинуть Херсонес (ср.: *Цукерман К.* Епископы и ганизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. – (1994) 1995. – Вып. 4. – С. 558).

[400] *Аммиан Марцеллин.* История / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского. – М., 2000. – С. 377.

[401] Об этом особенно подробно сообщает сирийская версия «Церковной истории» епископа Захария Митиленского, составленная в 569 г. (The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene / Transl. into English by F. J. Hamilton, E.W. Brooks. – London, 1899. – P. 79–80). Ср.: *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения... – С. 25; 48; Liberat. Breviarium // Acta Consiliorum Oecumenicorum / Ed.A. Shwartz. – Berlin, 1936. – T. 2. – Vol. 5. – P. 125; *Сиротенко В.Т.* Письменные источники по истории Херсонеса IV–VI вв. // Ученые записки Пермского гос. ун-та. – 1964. – №117. – С. 102.

[402] *Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // МАИЭТ. – 2003. – Вып. 10. – С. 418.

непримиримых антимонофелитов, говорится, что в 646 г. в Херсон были сосланы (Chersonem in exilium missis; kai exoristhentes en Chersoni) схваченные «еретиками» около Авидоса монахи-братья Евпрепий и Феодор (germanis et sanctis fratribus), сыновья видного финансового чиновника Плутина, служившего при василевсе Ираклии, которых то и дело разлучали (separatis) и до смерти одного из них, последовавшей на девятый год ссылки, в октябре 655 г., держали «в крепостях племен» (in castris gentium, en kastrois ton ekeise parakeimenon ethnon), находившихся по соседству с городом и, следовательно, остававшихся под властью Империи[403]. Примечательно, что другие ссыльные противники монофелитства в Авасгии (Абхазии) и Иверии тоже попадали под контроль ромейских властей в лице патрикия и стратига Иверии или патрикия и магистра Авасгии[404].

Говоря о херсонитах как о не имеющих «...совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в ... сострадании»[405], противник церковной политики василевса Константа II (641–668), ярый ортодокс, ссыльный папа Мартин (649–655) тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутьян Мартин был личным врагом крутого василевса, к тому же врагом на религиозно-политической почве, не принявшим монофелитства и активно участвовавшим в возмущении равеннского экзарха Олимпия в 649–653 гг.[406] Очевидно, его появление в городе и его климата (ta tes Chersonos klimata)[407] (подр. см.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — М., 2001. — С. 142–161) было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно. Вероятно, в Херсоне, как и среди населения Таврики, прослеживалось не только влияние монофиситов, подпитываемое торговыми и культурными связями с Сирией[408], но и безропотно было принято официально вве-

[403] Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // *Епифанович С.Л.* Материалы к изучению жизни и творений преп. Максима Исповедника. – К., 1917. – С. 14. 11–16, sec. 4; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PL. – 1853. – T.129. – Col. 684 D; *Devreesse R.* Le texte grec de l'Hypomnesticum de Theodore Spoude: le supplice, l'exil et la mort des victimes illustres du Monothelisme // AB. – 1935. – T. 53. – P. 49–80; *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. – Cambridge (Mass.), 1936. – P. 78. В свете того, что ныне известно о кастра Юго-Западной Таврики, воздвигнутых во второй половине VI – VII вв. стараниями византийской администрации и местных энспондов-союзников империи, нет никаких оснований видеть эти крепости находящимися исключительно «во власти готов или непосредственно хазар» (ср.: *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8.Jh. // Византия и Крым: Тезисы междунар. науч. конф. – Симферополь, 1997. – S. 100; *Seibt W.* Probleme der staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. u. 8. Jh. // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – S. 303). Говорить о господстве хазар в Крыму в 40–50-х гг. VII в. вообще нонсенс.

[404] См.: *Хрушкова А.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). – М., 2002. – С. 56–60.

[405] Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 179–180.

[406] Подр. см.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. – М., 2001. – С. 142–161.

[407] Theophanis Chronographia. – P. 351. 17–19.

[408] *Залесская В.Н.* Памятники средневековой греческой эпиграфики из Северного Причерноморья (новые поступления византийского отдела Эрмитажа) // ВВ. – 1988. – Т. 48. – С. 207; *Сидоренко В.А.* Таврика предхазарского времени (по материалам раннесредневековых могильников и нумизматики) //

денное в VII в. монофелитство, а также очередная еретическая новация Константинополя — широко известный указ Константа II от 648 г. (typos tes pisteos), приравнивавший друг к другу ортодоксов и монофелитов. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам и прочим окрестным жителям Мартином, для которого отклоняющиеся в сторону любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, «варварами», недостойными общения с ним. «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь», — писал из Херсона ссыльный своим сподвижникам[409]. Контакты с местными жителями таких ссыльных были затруднены именно по причине взаимного недоверия и непонимания. Поэтому вряд ли прав Ф. Дворник в том, что принудительно попадавшие в Таврику сторонники ортодоксального православия, противники монофелитства были полезны константинопольскому правительству: в силу своей малочисленности они могли увеличить греческий элемент весьма незначительно, а занятие христианизацией населения в духе православия было для таких ссыльных невозможно по причине неусыпного контроля со стороны местных византийских светских и церковных властей[410]. То, что несли покаранные василевсом преступники, должно было восприниматься этими властями только как враждебная пропаганда на подчиненной им территории дуката (архонтии) и епархии.

Позже херсониты, «заподозрив опасность для себя», «убоявшись опасности со стороны империи» (ton ek tes basileias kindunon) в случае, так сказать, «недоносительства», решили открыть недавно вступившему на престол императору Тиверию Апсимару (698–705) крамольные замыслы еще одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их традиционной ориентации на Византию, законопослушания и лояльности по отношению к официальному константинопольскому правительству[411]. Едва ли бы стал так ревностно, раболепно выслуживаться самоуправляемый, вольный город. По мнению Ж. Дагрона, Херсон был своеобразным местом ссылки, поскольку отправленный туда экс-император «открыто планирует свое возвращение на престол, собирает приверженцев и обладает достаточной свободой передвижения». По этому поводу стоит заметить, что, прожив в городе не один год, ссыльный не сумел обзавестись здесь большим числом сторонников (источники называют лишь несколько имен), не сыскал симпатии горожан, с ненавистью на него смотревших, а «свободным передвижением» стало бегство тайком в чужую землю. Если видеть в этом «двойственность» положения города, тогда придется признать, что он не был одинок среди прочих городов Романии. Я уже отмечал выше, как вызывающе вел себя в Ганграх другой враг Империи — ссыльный Тимофей Элур, чувствовав-

Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Тезисы докл. – СПб., 1998. – С. 113; *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – С. 194–195; *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству: Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). – К., 2000. – С. 88, 95.

[409] *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин ... – С. 179–180.

[410] *Dvornik F.* Les legendes de Constantin et de Methode, vues de Byzance. – Prague, 1933. – P. 159.

[411] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения ... – С. 39, 62, 155, 163.

ший поддержку здешних горожан. Очень похожими на поведение Юстиниана II, только более успешными поначалу, были действия сосланного в 715 г. в Фессалонику низложенного Анастасия Артемия II, которому в 718 г. удалось вовлечь в заговор по возвращению престола своих приверженцев из числа фессалоникийцев, и в их числе архиепископа Фессалоники[412]. На мой взгляд, прекрасный пример «двойственности», схожей с херсонской, и пример далеко не единственный.

Тем не менее, когда Юстиниан вернул власть, он, в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец[413]. Есть основания полагать, что именно в Херсон или его окрестности («на берега Понта») им был сослан предварительно ослепленный равеннский архиепископ Феликс (705–723), несмотря на свои проимперские симпатии, очевидно, запятнанный контактами с василевсом-узурпатором Леонтием[414]. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказались повинны он сам, его злопамятность, жажда личной мести, толкавшие на безумные поступки, а не некая патологическая неверность херсонитов, только и мечтавших об автономии. Скорее, здесь могли быть задействованы религиозные симпатии и антипатии местного населения. В частности, монофелитская оппозиция продолжала таять[415]. Этими настроениями мог воспользоваться в Херсоне Вардан, известный как стойкий монофелит. Он был близок к ученикам Макария Антиохийского, лишенного сана после VI Вселенского собора, на котором Макарий единственный осудил диафелитство[416]. Следовательно, город стал местом ссылки будущего василевса потому, что в очередной раз сменил религиозный курс на ортодоксальный, но изгнаннику удалось найти сторонников среди местного населения. Недаром после прихода к власти он созвал церковный собор с целью отменить положения VI Вселенского собора и предать его анафеме.

Под 776 г. в «Хронографии» Феофана упоминается, что «император, избив и остригши мятежников, сослал ...в Херсон и климата (eis Chersona kai ta klimata) ради стражи и преследования» младшего брата покойного Льва IV Хазара — кесаря Никифора и других его сообщников-заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот[417]. Точнее, это предприняла вдова василевса, Ирина, весной 776 г. раскрывшая заговор ико-

[412] Nicephoros Patriarch of Constantinople: Short History / Text, transl. and comment. by C. Mango. – Washington, 1990. – P. 126.

[413] *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 4 1, 64, 157, 165.

[414] Архиепископ Феликс был схвачен стратигом Сицилии патрикием Феодором во время карательной экспедиции в Равенну, вероятно, весной 710 г. (Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Hloder-Egger // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. – Hannoverae, 1878. – P. 367–369; De Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. par L. Duchesne. – Paris, 1955. – T. 1. – P. 389; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. – СПб., 1891. – Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – С. 8; *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 139–140, 162–165). После утверждения на троне Вардана Фи-липпика он был возвращен в Равенну в 712 г.

[415] *Карташов А.В.* Вселенские соборы. – М., 1994. – С. 449.

[416] *Поснов М.Э.* История христианской церкви (до разделения церквей – 1054 г.). – К., 1991. – С. 454; *Карташов А.В.* Указ. соч. – С. 436–437.

[417] Theophanis Chronographia. – P. 450.31–451.2; *Чичуров И.С.* Указ. соч. – С. 46, 68.

ноборческой группировки, которая объединилась вокруг братьев Льва Хазара ради попытки возвести на трон Никифора. Для того чтобы решиться на отправку преступников в Херсон, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник, способный на многое в силу своего высокого статуса, и его «подельники» не найдут сочувствия и поддержки у властей архонтата и будут лишены каких-либо возможностей для реванша. Очевидно, они тоже были разлучены друг с другом, будучи разбросаны по разным местам на территории климата. Долгое полное забвение, отсутствие свидетельств о переговорах сосланных с херсонитами, о каких-либо попытках самостоятельно продолжать плести интриги — лучшее тому доказательство. Лишь через четыре года, осенью 780 г., о них вспомнили, попытавшись использовать в столичном придворном заговоре логофета дрома Георгия, направленном на свержение восстановителей иконопочитания, императрицы Ирины и ее 10-летнего сына, Константина VI, после раскрытия которого потенциально опасных для трона ссыльных доставили из Херсона в Константинополь, рукоположили в священники, а Никифора, ослепив, сослали на этот раз в Грецию[418].

Никто в Херсоне, как в целом в Таврике, не попытался использовать введение иконоборчества как повод для бунта и отделения от государства, хотя подобное происходило в других районах Империи, например в Мантуе, Луке и Бледе[419]. Уже одно следование византийскому конфессиональному диктату, всем колебаниям курса Византии, за что иконодул Епифаний в первой трети IX в. укорял «лжецов», «некрепких на веру» и «кружимых всяким ветром», говорит не о неких особых, неприглядных этических, моральных нормах жизни местного населения, как может показаться на первый взгляд, а о стойкости проромейской ориентации «херсаков» и их следовании изгибам правительственной политики[420].

Неукротимые монахи столичного Студийского монастыря, не пожелавшие признать решений «антистудийского» поместного собора 809 г. и склониться перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, в числе которых в одном ряду упоминались Финия, Херсон, Сицилия, Фессалоника, где их содержали в самых тяжелых условиях[421]. Подчас игумены, которым, как полагалось по закону, был вверен надзор над заключенными, притесняли их не в меру ретиво, даже больше, чем того требовали правительственные предписания[422]. В частности, в 48-м письме Феодора Студита некоему «юному Афанасию» (810–811 гг.) перечисляется ряд лиц, принадлежавших к разным степеням церковной иерархии и подвергшихся гонению за сочувствие взглядам студитов.

[418] Через 17 лет славяне Греции под предводительством князя велесичей Аксамира еще раз попытаются провозгласить василевсом Никифора, но императрице Ирине с большим трудом удастся подавить мятеж (*Дашков С. Б.* Императоры Византии. – М., 1997. – С. 139, 140).

[419] Ср.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. – С. 174–175.

[420] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель... – С. 234.

[421] *Michailus Monachus.* Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. – 1864. – T. 99. – Col. 269 D,272 DC; Theodori Studitae epistulae // PG. – 1864. – T. 99. – Col. 1068 B, 1072 C – 1073 B, 1076 B, 1116 B; Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni // PG. – 1864. – T. 99. – Col. 840 D – 841 A; *Доброклонский А.П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки имп. Новороссийского ун-та. – Одесса, 1913 (1914). – Т. 113. – С. 649.

[422] Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni. – Col. 840 D; Theodori Studitae epistulae. – Col. 1052 A.

Здесь названы епископ Лев, по прозванию Валелад, устрашаемый, преследуемый в Херсоне (dediogmenos, persecutionem passus), игумен Антоний и двое других его сподвижников, смещенных, очевидно, там же; затем, после упоминания лиц, сосланных на Липарские острова, опять в Херсоне — Литоий с братией, сначала содержавшиеся под стражей в этом городе, а потом отправленные к василевсу и заключенные в константинопольскую тюрьму[423]. Разумеется, представители духовных властей Херсона не были редкостью среди прочих, кто пострадал и в других местах Византии за следование примеру студитов. Поэтому в неприятии политики Никифора I некоторой частью херсонского клира нельзя усмотреть ничего исключительного, присущего только «вольнолюбивому» Херсону. Посылая своих противников в изгнание, каждый император оставался убежден в благонадежности выбранных для этого городов и мест и в том, что их население покорно разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам духовенства.

Феодор Студит, обращаясь в другом своем письме, отправленном летом или осенью 821 г., к находившимся в Херсоне ссыльным епископам и монахам-«студитам», призывал их крепиться и быть наставниками, учителями, проповедниками местных жителей, «пребывавших во мраке и заблуждении жизни» и участвовавших в совершении здесь «страшных дерзостей» против Христа[424]. Очевидно, имелась в виду приверженность тому самому официальному правительственному курсу, насаждаемому из Константинополя, который, по словам Феодора Студита, проводили «ироды»-василевсы и, в частности, убитый в ночь на Рождество 820 г. Лев V Армянин — «великий дракон, Ассирийский ум». В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон, в целом чуждый врагам правивших василевсов, был транспортно связан с ядровыми землями Империи, без чего невозможны были беспрепятственный приезд в Константинополь «одного из гонимых братий», Агапита, «монаха достопочтеннейшего, или, лучше, блаженнейшего», а также переписка со ссыльными, которые должны были содержать себя за свой счет, посылка им «некоторого приношения» — видимо, столь необходимых в чужом городе денег и продуктов[425].

Верность Херсона правительственному иконоборческому курсу тем более любопытна на фоне явных иконопочитательских симпатий и настроений, какие обнаруживала тогда же соседняя Готфия. Иначе невозможно объяснить, почему между 821 и 826 гг. иерарх здешнего монашества, тот, кого Феодор Студит называл «архимандритом Готфии», состоял в переписке если и не с опальным, то все же известным вождем иконопочитателей, принимал от него наставления в истинной вере, упреки в

[423] Theodori Studitae epistulae. – Col. 1072 D; ср.: *Auzepy M.-F.* Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. – 2000. – Вып. 7. – P. 326. Цитата из этого источника, приводимая А.И. Романчук в переводе на немецкий язык, неполна (*Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000. – С. 78, примеч. 91).

[424] Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита... – С. 454–455 (письмо XCII от 821 г.).

[425] Творения... – С. 455.

обмирщении местного монашества, его отходе от требований иноческого устава и даже обращался к Феодору с просьбой быть посредником в раздоре с неким «боголюбимейшим отцом и киром Филаретом», архиереем епархии, возможно, Готфской, Херсонской или Сугдейской[426]. По мнению Х.-Ф. Байера, эпитет «боголюбимейший», который был использован Феодором в письме по отношению к этому архиерею, указывает на то, что упомянутый Филарет не мог быть иконоборцем[427]. Замечание не бесспорное, ибо нам не известно содержание этого письма и те упреки или наставления, которые, как и в письме архимандриту Готфии, в нем тоже могли быть.

Ортодоксы-студиты были не единственными опальными иконопочитателями. В самом начале правления Михаила II (820–829) Херсон по неясным причинам вынужден был покинуть вместе со своим учеником Парфением прибывший туда из Константинополя ради «отдыха» (eis anapsyxin) предварительно амнистированный (adeias) Иоанн Психаит, искусный проповедник, знаменитый подвижник православия; вероятно, при Феофиле (829–842) «за дерзновенное обличение ереси», то есть иконоборчества, здесь отбывал ссылку монах, преподобный Иосиф Гимнограф (810–883 или 886), причем он оставался в городе «во узах и озлоблении», вероятно, вплоть до смерти Феофила, после чего его вернула в столицу августа Феодора, воцарившаяся с сыном Михаилом[428]. Если это так, тогда изгнание Иосифа последовало, скорее всего, после 832 г., когда Феофил издал указ «о непоклонении иконам» и стал применять насилие к непокорным, переполнив застенки «почитателями икон, богомазами, монахами, епископами, пастырями и паствой»[429]. В частности, в

[426] См.: Theodori Studitae epistulae // PG. – 1862. – T. 99. – Lib.II, N 164, col. 1519–1520; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – P. 104–105, 135.

[427] *Байер Х.-Ф.* История крымских готов... – С. 346.

[428] La Vie grecque de S. Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813–820) / Ed. P. Van den Ven // Le Museon. Nouvelle Serie. – 1902. – T. 3. – P. 118–120; Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani // PG. – 1864. – T. 105. – Col. 939–974 (особенно sec. 4); *Пападопуло-Керамевс А.И.* Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия Патриарха. – СПб., 1901. – С. 1–14; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano par Hipp. Delehaye // Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. – Bruxelles, 1902. – Col. 583; *Бобринский А.* Херсонес Таврический: Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 110; *Лопарев Хр. М.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – (1911) 1913. – Т. 18. – С. 1–6, 12; *Лопарев Хр. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков. – Пг., 1914. – С. 227, 235; *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 351–352.

[429] *Theophanes continuatus* // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkeri. – Bonnae, 1838. – P. 99–100 (III. 10); *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарского. – СПб., 1992. – С. 46–47; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Im. Bekkero supletus et emandatus. – Bonnae, 1839. – T. 2. – P. 101; *Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С. 350. Следует заметить, что определение времени ссылки Иосифа Песнописца вызывает разногласия. Упоминание ереси как-будто говорит об иконоборческой поре. Однако из Жития следует, что, когда «началась христоборческая ересь», то есть в 832 г., Иосиф оказался в плену у критских арабов, к которым попал, следуя на корабле в Рим. И лишь по смерти Феофила, после многих лет отсутствия (meta chronous sychnous), он вернулся из плена в Константинополь, поселился в монастыре Иоанна Златоуста, где прожил пять лет. Примерно в 847–848 гг. Иосиф основал свой монастырь, а затем в Фессалии – храм во имя ап. Варфоломея. Только после этого он «среди соблазнов церкви испытал на себе тяжелую руку кесаря Варды», брата вдовствующей августы Феодоры и дяди Михаила III, и по повелению василевса был изгнан в город Херсон (lego de ta peri tou kaisaros Barda lalethenta te kai prachthenta, ina syntomos eipo, othen basileio cgeiri kai neumati makran yperopios ginetai, toutestin

838 г. он организовал ссылку части столичных монахов в провинцию[430]. Именно присылка в окраинный город с ведома властей самых ярых иконопочитателей из числа духовенства в корне противоречит предположению о якобы «оппозиционном направлении, которое господствовало в Херсонесе в связи с иконоборчеством»[431].

Ничего не изменил и отказ от него. В самом конце 850-х и начале 860-х гг. окрестности города (penes Cersonam), вероятно, все те же кастра и полисмата, служили местом приема ссыльных «игнатиан», непримиримых противников василевса Михаила III и Фотия, этого «светского чиновника», рукоположенного в патриархи 25 декабря 858 г.[432] Дело в том, что самосознание византийского социума, к которому относились и херсониты, очень долгое время было «государственническим» и конфессиональным, а не этническим, ибо отражало «самоидентификацию государства и города»[433].

Херсон был прекрасно, с учетом основных правил полиоркетики, укреплен, обладал сплошной, мощной крепостной оградой, а с напольной стороны двойной[434]. Его государственный статус постепенно эволюционировал в зависимости от изменения социальных и политических обстоятельств, но в любом случае местный административно-полицейский аппарат, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны по-

---

en Chersoni te polei, ina kai tou enteuthen tyche makarismou). Вернулся он из ссылки «через несколько лет» (meta tinas chronous) (ср.: Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae... – Col. 583; *Лопарев Хр.* Византийские Жития святых VIII–IX веков. – С. 4). Известно, что Варда, вошедший вместе с Феодорой в регентский совет при Михаиле в 842 г., действительно сделал немало для того, чтобы отстранить сестру от власти и сместить патриарха Игнатия (847–858), сына иконопочитательски настроенного василевса Михаила I (811–813). Если учесть, что интриги Варды против Игнатия и его сторонников начались не ранее 847 г., достигли апогея в 857–858 гг., завершившись выдвижением на патриарший трон протоасикрита Фотия, а кесарем Варда стал в 862 г. (*Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 451–452; *Angold M.* Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. – New York, 2001. – P. 124), тогда ссылка Иосифа пришлась примерно на 848–858 гг., если не позже, и он мог попасть в Херсон вместе с некоторыми прочими опальными «игнатианами», скорее, к самому концу 50-х гг. Однако едва ли новый патриарх Фотий (858–867), любивший Иосифа и считавший его выше других, надолго оставил бы ссыльного в забвении – до 867 г., как иногда полагают (ср.: *Каждан А.П.* Иосиф Песнописец и первое русское нападение на Константинополь // Славяне и их соседи. – 1997. – Вып. 6. – С. 53–60; *Бибиков М.В.* Byzantynorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. – М., 2004. – С. 317–318). Во всяком случае ко времени пребывания в Херсоне Константина Философа зимой 860–861 гг. его здесь уже не было, иначе такое соседство не преминули бы отметить агиографы. Во второе патриаршество благодарный Игнатий (867–877) назначил Иосифа Песнописца скевофилаком Великой церкви. Следовательно, не подтверждается предположение Е. Томадакис, что под «негодным царем», указанным Иоанном Диаконом гонителем Иосифа, следует понимать Василия I (867–886) (*Tomadakes Eu. I.* Ioseph o Gemnographos. Bios kai ergon. – Aphena, 1971).

[430] История Византии. – М., 1967. – Т.2. – С. 74.

[431] Ср.: *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р.Хр. – М., 1908. – С. 44.

[432] Epistolae Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii... – P. 141, §3 (речь идет о Митрофане, митрополите Смирн, сосланном сюда «вместе с другими»). Как уже было сказано, на середину IX в. могло прийтись и изгнание Иосифа Гимнографа.

[433] *Хвостова К.В.* Византийская цивилизация // Вопросы истории. – 1995. – №9. – С. 34; *Дагрон Ж.* Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX – XII вв.) / Пер. О.А. Власовой // Чужое: опыт преодоления: Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М., 1999. – С. 160.

[434] *Кучма В.В.* Оборонительные сооружения Херсонеса... – С. 150–163; *Антонова И.А.* Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988: Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 5–9.

тенциальных источников — политических ссыльных, государственных преступников. Отзвуки былого полисного самоуправления в раннесредневековых структурах этой муниципальной бюрократии, ставшей частью имперского аппарата, как и связь органов власти с городской общиной были не более сильны, чем в большинстве других ромейских городов, твердо державшихся за византийскую политическую систему и не посягавших на основы ромейской монархии. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за муниципальные вольности и не за отделение от Империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения Херсон являлся в VI–X вв. на удивление лояльным, послушным, даже консервативным ромейским провинциальным городом, а сами херсониты вполне образцовыми верноподданными ромеями, ипиками (ypekooi), покорно принимавшими утверждаемых из столицы правителей.

Научное издание

ВИЗАНТИЯ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

Сорочан Сергей Борисович

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА X ВВ.)
Очерки истории и культуры

Часть I

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Дизайн обложки
Е. А. Горева

Макет и верстка
И.А.Томазова

Подписано в печать 19.07.2013 формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. (Первый завод 500 экз.). Заказ № 4019.

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6